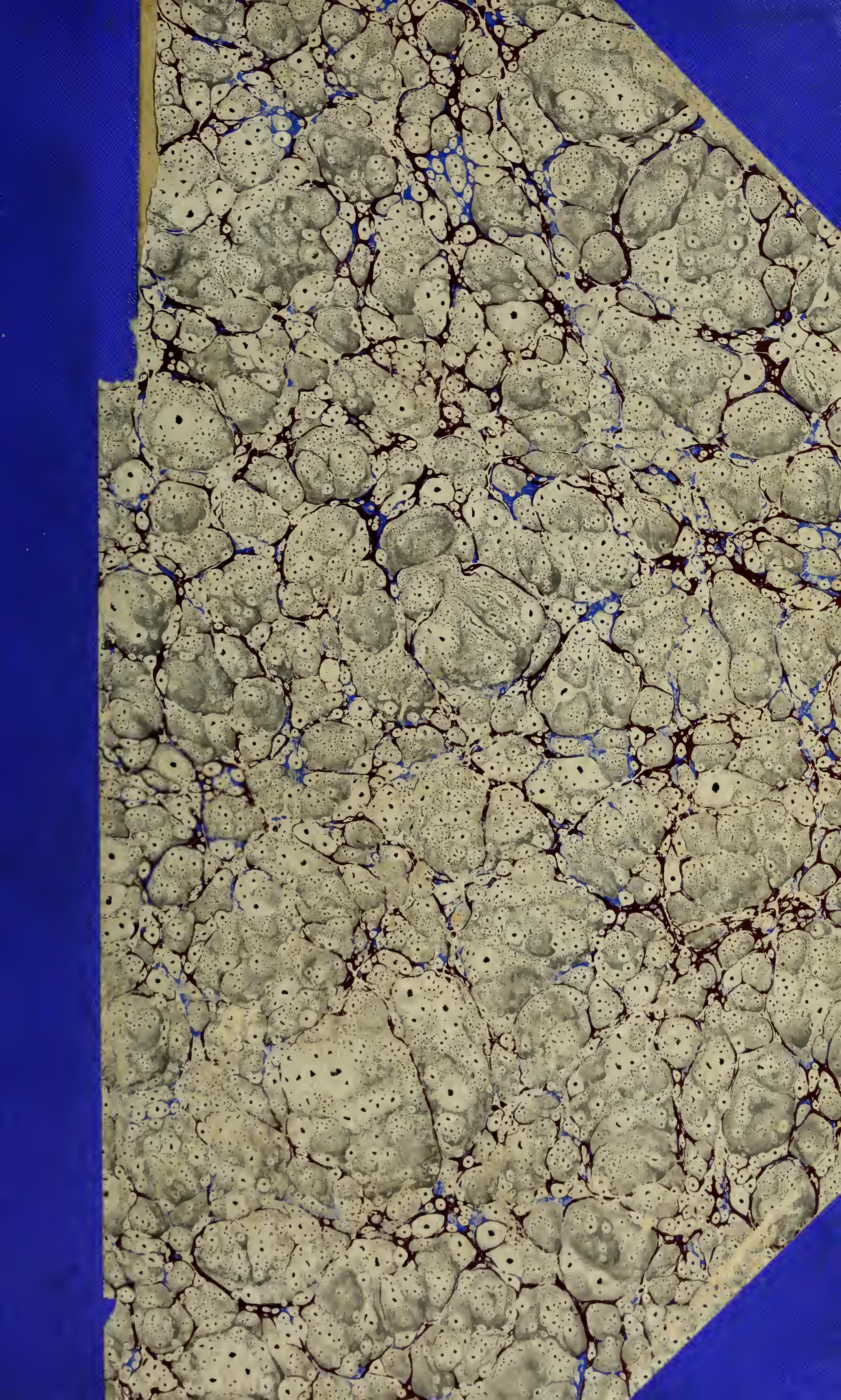


ОПЫТЪ
ВОЕННАГО ОБОЗРѢНІЯ
РУССКИХЪ ГРАНИЦЪ
ВЪ АЗІИ.

АРТИЛЛЕРІИ ПОЛКОВНИКА
М. ВЕНЮКОВА,
ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

Печатано по распоряженію Военно-Ученаго Комитета.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
Вас. Остр., 8 л., д. № 45.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго сочиненія — въ сжатомъ видѣ представить возможно большое число географическихъ, этнографическихъ и военно-статистическихъ данныхъ для правильнаго обсужденія военнаго положенія окраинъ Россіи въ Азіи. Какъ первый, въ своемъ родѣ, опытъ военнаго обозрѣнія столь обширныхъ пространствъ, оно естественно заключаетъ много важныхъ несовершенствъ, вполнѣ удовлетворительное исправленіе которыхъ, мнѣ кажется, возможно будетъ лишь послѣ долголѣтнихъ трудовъ многихъ спеціалистовъ, но совершенно недостижимо для одного лица.

Планъ сочиненія простъ: предметы, которые могутъ интересовать военнаго человѣка на каждомъ стратегически отдѣльномъ театрѣ войны, разсмотрѣны въ отдѣльныхъ географическо-статистическихъ очеркахъ, по участкамъ границы; вопросы же общаго интереса, военнаго и государственнаго, отнесены въ особыя записки, составляющія введеніе къ сочиненію или слѣдующія за нимъ приложенія.

Главное вниманіе обращено было на основныя топографическія и этнографическія данныя, безъ знанія которыхъ, очевидно, не могутъ правильно составляться самыя первоначальныя сужденія о военномъ положеніи нашихъ окраинъ въ Азіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что именно здѣсь-то можетъ встрѣтиться наиболѣе пробѣловъ и промаховъ. Географія Азіи такъ еще далека отъ совершенства, что не проходитъ года безъ новыхъ открытій, въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова, и не смотря на то многія мѣстности остаются настоящими *terrae incognitae*. Напомню только южную половину Туркменіи, Болорское нагорье, западную Монголію

и страну на востокъ отъ Усури, чтобы читатель могъ судить, на сколько возможно въ наше время полное и точное обозрѣніе всѣхъ русско-азіатскихъ окраинъ. Эта неполнота свѣдѣній о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ естественно вела за собою краткость ихъ описанія; а чтобы между различными частями сочиненія была соразмѣрность, пришлось сократить и многое изъ того, что уже извѣстно о другихъ мѣстностяхъ.

Картографическія приложенія, естественно, были нужны при такой книгѣ, въ которой почти каждая страница заставляетъ обращаться къ картѣ. Но дороговизна изданія ихъ и значительность времени, которое потребовалось бы для ихъ исполненія, заставили ограничиться только двумя, которыя оказались уже совершенно необходимыми. Если же читатель, взглянувъ на нихъ, скажетъ: почему есть чертежъ пограничныхъ китайскихъ земель и нѣтъ карты средне-азіатскихъ владѣній, имѣющихъ столь большой современный интересъ? то я отвѣчу, что составить *удовлетворительную* карту послѣднихъ въ настоящее время мнѣ казалось невозможнымъ; для текущихъ же потребностей у насъ уже есть весьма распространенная въ публикѣ карта Средней Азіи В.-Т. Депо, и то же можно сказать про обѣ части Сибири, Оренбургскій и Туркестанскій края.

Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что содержаніе книги, значительная часть которой была напечатана на страницахъ Военнаго Сборника 1872 года, а оттуда, вслѣдъ за тѣмъ, переведена, частями, на французскій и англійскій языки *), нынѣ приведено въ возможно современный видъ, именно исправлено и пополнено данными по 1 мая 1873 г., а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже позднѣйшими.

М. Венюковъ.

15 іюля 1873.

*) Напр. въ Journal of Royal Georg. Soc. of London статья о Сахалинѣ, въ Bulletin de la Soc. de Géogr. de Paris — о Хивѣ.

ОПЕЧАТКИ,

которыя нужно исправить прежде чтенія книги.

Стр.	Строка.		*Напечатано.*	*Должно быть.*
3	19	сверху	Чгунгарія	Чжунгарія
15	4	›	1855	1859
28	3	›	странѣ	сторонѣ
39	17	›	подобнаго	подробнаго
44	12	снизу	нераздѣльнымъ	нераздѣленнымъ
54	21	›	полѣ	волѣ
56	2	›	пересен-	переселен-
84	7	сверху	производительности	непроизводительности
94	13	снизу	ва	на
111	7	›	отстапваютъ	отстаиваются
144	3	сверху	послѣ	подъ
148	3	›	Шаньха	Шаньхай
150	10	снизу	заливаетъ	заваливаетъ
160	10	›	Аргунъ	Айгунъ
175	18	›	многовидности	многоводности
177	3	сверху	кражѣ	кряжѣ
207	17	›	настольную	настоятельную
220	14	›	лосицъ	лисицъ
231	13	›	Куку-наручу	Куку-наругу
—	23	›	Эргинъ-тарганъ	Эргикъ-таргакъ
254	15	›	прошлое	пришлое
269	3	›	денонъ	де-понъ
275	6 и 7	›	обѣ названныя карты составлены не Сосновскимъ.	
286	7	снизу	но	по
298	5	›	тугуринъ	тугурикъ
317	12	›	Турпака	Турага
319	1	сверху	владѣнія	владѣя
—	8	›	Чокмаза	Чокмака
—	12	›	доступленія	достиженія
—	20	›	понесутъ	нанесутъ
333	7	снизу	протекаетъ	притекаетъ
376	16	›	Кандушъ	Кандутъ
386	1	сверху	пространства	приставства
—	4	снизу	Ащ-булакъ	Ащи-булакъ
427	14	сверху	обираетъ	собираетъ
435	20	›	ими	имъ

Стр.	Строка.	*Напечатано.*	*Должно быть.*
437	4 сверху	«за крѣпостными стѣнами» не нужно.	
442	10 »	простраиства	приставства
—	15 »	лая	бая
462	12 »	кашъ	комъ

Въ приложеніяхъ.

16	2 снизу	47°30′	37°30′
26	8 »	Дороги	VII. Дороги
—	7 »	VI. Изъ Цурухайту	a. Изъ Цурухайту
28	6 сверху	VII. Изъ Цурухайту	b. Изъ Цурухайту
81	3 »	иногородцевъ	инородцевъ

Прочія погрѣшности читатель легко замѣтитъ и исправитъ самъ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКО-АЗІЯТСКИХЪ ГРАНИЦЪ.

Общій взглядъ на постепенное расширеніе русскихъ предѣловъ въ Азіи и на способы обороны ихъ.

Извѣстно, что начало завоеванія русскими сѣверной Азіи относится къ XVI столѣтію. Въ это время она представляла въ этнографическомъ и политическомъ отношеніи слѣдующее:

1) Вблизи Урала и по низовьямъ Иртыша и Оби жили самоѣды, остяки, вогуличи, татары и киргизы (казаки). Особенно многочисленны были вогуличи, занимавшіе широкую полосу земли между Уральскими горами и Иртышемъ, по верхнимъ частямъ рѣкъ Туры, Тавды, Сосвы, и татары, которые владѣли низовьями тѣхъ же рѣкъ, а равно и берегами Иртыша. Послѣдній народъ былъ полуосѣдлый, полукочевой; прочія же названныя племена состояли изъ бродячихъ звѣролововъ (на сѣверѣ) или кочевыхъ пастуховъ (на югѣ). У татаръ, во второй половинѣ XVI столѣтія, было основано потомкомъ Чингизъ-хана, Кучумомъ, особое царство, которое отчасти стремилось покорить сосѣднія финскія племена; эти же племена управлялись многочисленными наслѣдственными старшинами или князцами, не образуя никакого политическаго цѣлаго.

2) Татарское населеніе занимало также средній Иртышъ, Барабу, земли по Томи и ея притокамъ и переходило отчасти на Енисей, въ бассейнѣ котораго, даже по правому берегу рѣки, жили многія мелкія племена турецкой расы: койбалы, кизильцы, качинцы, сагайцы и проч. Политическаго единства эти татары не имѣли, а были подвластны разнымъ мелкимъ князьямъ и мурзамъ.

3) Къ сѣверу отъ нихъ, т. е. по Оби, Кети, Тазу и по лѣвымъ притокамъ нижняго Енисея, бродили, какъ и теперь, остяки.

4) Южная, степная половина нынѣшней западной Сибири была занята предками нынѣшнихъ киргизовъ; но среди ихъ, далеко на западъ отъ нынѣшнихъ границъ, распространялись калмыки, которыхъ кочевья встрѣчались даже на Ишимѣ и Тоболѣ.

5) Калмыки же, или такъ-называемые теленгуты, занимали бассейны верхнихъ Оби и Иртыша, не только по Зайсану, но и въ значительной части нынѣшнихъ Семипалатинской области и Томской губерніи, до самаго Барнаула.

6) Южная половина нынѣшней Енисейской губерніи занята была, во-первыхъ, киргизами, предками нынѣшнихъ кара-киргизовъ или бурутовъ (дикокаменныхъ), живущихъ въ Небесныхъ горахъ, а во-вторыхъ, мелкими турецкими и финскими племенами, которыя теперь почти выродились или же слились съ русскими. Отсюда къ югу, за Саянскимъ хребтомъ, лежали владѣнія Алтынъ-хана.

7) Юго-западныя части нынѣшнихъ Иркутской губерніи и Забайкальской области, отъ рѣки Кана до Онона и даже Аргуни, были заняты, какъ и нынѣ, бурятами, самымъ многочисленнымъ изъ сибирскихъ племенъ, нѣкогда входившимъ, отчасти, въ составъ чингизхановой монархіи, но въ XVI и XVII столѣтіяхъ уже раздробленномъ на роды, управлявшіеся тайшами. Буряты въ это время были по большей части шаманами, а не ламаитами. Тѣ изъ нихъ, которые жили на сѣверѣ отъ Байкала, имѣли уже отчасти понятіе объ осѣдлости, по крайней мѣрѣ владѣли иногда бревенчатыми юртами, сверхъ обыкновенныхъ войлочныхъ; забайкальскіе же были почти исключительно кочевыми.

8) Весь сѣверъ Енисейской губерніи, по Ангарѣ, Подкаменной Тунгузкѣ и далѣе до океана, а также Иркутская губернія по Ленѣ и Витиму, Забайкалье по Баргузину, Витиму, Нерчѣ, Шилкѣ и нижней Аргуни, верховья всѣхъ лѣвыхъ притоковъ Амура и правыхъ Лены, бассейны Вилюя, Оленека, Яны и западное прибрежье Охотскаго моря были заняты бродячими тунгузами, изъ которыхъ обитавшіе по Шилкѣ и Амуру имѣли нѣсколькихъ довольно могущественныхъ князьковъ, а всѣ прочіе были неподвластными никому звѣроловами. Одинъ изъ этихъ князьковъ, Гантимуръ, впослѣдствіи, при появленіи нашемъ въ Дауріи, сдѣлался ревностнымъ нашимъ приверженцемъ, и потомки его существуютъ въ Нерчинскомъ краѣ до настоящаго времени, тогда какъ большая часть туземной сибирской знати давно уже выродилась.

9) Среднее и нижнее теченіе Лены занято было якутами, ко-

торыхъ этнографическая область, можно сказать, расширялась, подъ русскимъ владычествомъ, насчетъ тунгузовъ.

10) Всѣ остальные народцы Восточной Сибири: юкагиры, чукчи, коряки, камчадалы, занимали тѣ самыя земли, гдѣ они встрѣчаются и теперь.

Нѣтъ возможности опредѣлить даже приблизительно цифру этого варварскаго населенія сѣверной Азіи передъ приходомъ въ нее русскихъ. Можно только сказать, что нѣкоторыя племена, напримѣръ татары въ Западной Сибири и на Енисеѣ, вогуличи въ Пріуральѣ, остяки, коряки, камчадалы были многочисленнѣе, чѣмъ теперь. Напротивъ того, число бурятовъ и якутовъ возрасло съ того времени. Впрочемъ, съ нѣкоторою увѣренностью можно сказать, что все населеніе нынѣшней Сибири не достигало и милліона душъ *).

Сосѣдями съ юга той земли, которая теперь называется русской Азіей, были:

1) На юго-западѣ, въ Туркестанѣ, туркмены, узбеки, таджики и киргизы.

2) Въ теперешней Чгунгаріи — калмыки, въ XVII и XVIII вѣкахъ составлявшіе довольно сильное государство, простиравшееся отъ Алтая до Тибета.

3) Въ бассейнѣ озера Убса — владѣнія Алтынъ-хана.

4) Въ сѣверной Монголіи — владѣнія разныхъ хановъ, почти тѣхъ же, что и теперь, т. е. Цеценъ-хана, Соинъ-ноина и проч.

5) Въ Маньчжуріи — охотничьи племена тунгузской расы, едва лишь въ одномъ мѣстѣ, по верховьямъ Сунгари, сгруппировавшіяся въ небольшое государство, а на остальномъ пространствѣ ведшіе независимую, бродячую жизнь.

Всѣ эти народы, даже тѣ изъ нихъ, которые сливались въ политическія группы, какъ сибирскіе татары, чжунгарскіе калмыки и маньчжуры, не знали употребленія огнестрѣльнаго оружія, или, какъ говорятъ о нихъ наши лѣтописи, имѣли только «лучной бой». Слѣдовательно, не могли они уже по одному этому держаться противъ пришельцевъ-завоевателей, владѣвшихъ ружьями и пушками.

*) Есть свидѣтельства, что въ юго-западныхъ частяхъ Алтая, незадолго до прихода русскихъ въ Сибирь, жили китайцы; но это, вѣроятно, были лишь немногіе торгаши и бѣглые. Въ Западную Сибирь, даже до Тобольска, приходили, уже въ первые годы ея завоеванія, бухарскіе купцы и частію тамъ селились. Къ ихъ-то потомкамъ принадлежатъ троицкіе и петропавловскіе татары.

Понимая всю важность такого превосходства, московское правительство въ первое время завоеваній запретило нашимъ промышленникамъ, всюду слѣдовавшимъ за казаками, торговать порохомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, и само снабжало русскихъ охотниковъ и ратныхъ людей тѣмъ и другимъ.

Такимъ образомъ военно-политическія условія для покоренія туземцевъ Сибири были очень выгодны для русскихъ, при Іоаннѣ Грозномъ составлявшихъ уже могущественную монархію и знакомыхъ, отчасти, даже съ европейскимъ военнымъ искуствомъ. Ходъ завоеванія облегчался притомъ системою естественныхъ водяныхъ путей, которая, начавшись на восточномъ склонѣ Урала, черезъ немногіе лишь волоки (счетомъ семь *), привела казаковъ на Амуръ и на восточные предѣлы нынѣшней Якутской области. Притомъ первые наши завоеватели часто совершали свои походы зимой, на лыжахъ, по снѣгу. Особенно этимъ способомъ проникали въ необъятныя пространства сѣвера тѣ казачьи партіи и отряды, которые приводили къ покорности бродячія племена въ западной и отчасти въ восточной Сибири. Что же касается до главныхъ путей, по рѣкамъ, то они были слѣдующіе:

1) На *сѣверѣ*, отъ устья Оби, куда проникали то изъ Тобольска, то изъ-за Урала, по Обской и Тазовской губамъ, по Тазу, Турухану, чрезъ Енисей, по Нижней Тунгузкѣ на Вилюй и оттуда на Лену, потомъ по этой рѣкѣ, по морю на Яну, Индигирку, Колыму и даже до Берингова пролива и береговъ Анадыри.

2) Въ *срединѣ*, по Турѣ, Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Ангарѣ, Илиму, Куту, Ленѣ, Алдану, Маѣ и притокамъ послѣдней до перевала къ Охотскому морю и потомъ къ берегамъ Уды, Тауя и Гижиги.

3) Отъ этого пути, во многихъ мѣстахъ, направленіе рѣкъ позволяло проникать глубоко на *югъ*, именно: по Иртышу до Зайсана и Чернаго Иртыша, по Оби и Томи въ Алтай, по Енисею, Кану, Тасѣевой, Окѣ, Иркуту, въ отклоны Саянскихъ горъ, по Витиму, Олекмѣ и Алдану — въ Забайкалье и на Амуръ.

Вообще говоря, по сѣверному пути движеніе шло быстрѣе, такъ что на одномъ и томъ же меридіанѣ казаки появлялись по этому пути прежде, чѣмъ по среднему и южнымъ, гдѣ болѣе густое на-

*) 1) Съ Таза на Туруханъ, 2) съ Кети на Енисей, 3) съ Нижней Тунгузки на Вилюй, 4) съ Илима на Кутъ, 5) съ Олекмы на Урку, 6) съ Угура на Бряяду, 7) съ Хилока на Ингоду.

селеніе и отчасти гористая мѣстность дѣлали больше препятствій, чѣмъ на сѣверѣ.

Что касается до среднеазіятскихъ степей, то въ нихъ стремленіе къ окраинамъ не вынуждалось никакою народною, экономически-естественною потребностію, а руководствовалось только военно-политическими соображеніями правительства, которое и дѣйствовало долгое время въ самыхъ разнообразныхъ, можно сказать, случайныхъ направленіяхъ, сообразно характеру мѣстности и ходу событій. Путь, наиболѣе опредѣлительно обозначившійся, есть тотъ, который ведетъ отъ западной подошвы Алтая мимо западныхъ предгорій Тарбагатая и Алатау къ западнымъ же развѣтвленіямъ Небесныхъ горъ. Но онъ установился не раньше половины нашего вѣка. Затѣмъ наступательныя движенія въ степи, на востокъ и югъ, совершались по Иртышу, по Ишиму и Тоболи, по Ори, съ низовій Урала и даже отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря.

Завоеваніе собственно Сибири шло очень быстро. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ со времени перехода чрезъ Уральскій хребетъ Ермака и его спутниковъ (1579), казаки достигли до береговъ Амура и Анадыри. И во многихъ случаяхъ прежде, чѣмъ стать властителями края, т. е. привести къ покорности мѣстное населеніе, они должны были вести упорныя съ нимъ войны. Особенно это можно сказать про вогуличей, остяковъ и калмыковъ въ Западной Сибири, про киргизовъ на Енисеѣ, про бурятъ по обѣ стороны Байкала, про якутовъ и камчадаловъ. Напротивъ, самоѣды, часть сибирскихъ татаръ и большинство тунгузскихъ племенъ были покорены безъ большаго труда и кровопролитія. На Амурѣ настойчивое противодѣйствіе было встрѣчено не столько отъ туземныхъ племенъ, сколько отъ китайцевъ и маньчжуровъ, которые въ половинѣ XVII столѣтія образовали одно государство и въ 1689 году вынудили насъ на цѣлыя 170 лѣтъ оставить берега великой рѣки. Въ среднеазіятскихъ степяхъ владычество наше водворилось по доброй волѣ самихъ киргизскихъ вождей; но дѣйствительная покорность народовъ была достигнута лишь долгими усиліями политики и оружія. Сюда, по безплодности страны, уже не шли массами переселенцы, и охрана завоеваннаго всецѣло ложилась на плечи правительства и потому всегда стоила значительныхъ хлопотъ и издержекъ.

Слѣдующій ниже хронологическій очеркъ постепеннаго распространенія нашего владычества въ сѣверной и средней Азіи показываетъ важнѣйшіе его моменты и самое очертаніе русскихъ гра-

ницъ въ разныя достопамятныя эпохи. Но относительно послѣднихъ нужно замѣтить, что точное обозначеніе ихъ на картѣ всегда будетъ затруднительно. Причина та, что, за исключеніемъ договоровъ 1689, 1728, 1860 и 1864 съ Китаемъ, мы, въ теченіе трехъ столѣтій, никакихъ трактатовъ о правильномъ разграниченіи не заключали. Самыя карты старыхъ временъ, напримѣръ Исаака Массы (1612), Гесселя Герарда (1614), Николая Пискатора, Николая Витсена (1687), Ремезова, Вейгеля и другихъ, не показываютъ истинныхъ границъ русской Азіи тѣхъ временъ, и потому не могутъ служить источниками для начертанія точныхъ картъ. Послѣднія приходится составлять сполна за-ново, руководствуясь Миллеромъ, Фишеромъ и другими писателями о прошлыхъ судьбахъ Азіятской Россіи. Только со второй четверти прошлаго столѣтія получаемъ мы картографическіе матеріялы достаточно опредѣленные, чтобы по нимъ наносить прежнія наши границы на современныхъ картахъ; но и тутъ многое приходится пополнять догадками. При составленіи настоящаго очерка, гдѣ было можно, употреблены въ дѣло старинныя карты изъ архива Главнаго Штаба.

Границы въ XVI и XII столѣтіяхъ, до Петра Великаго.

Первая экспедиція противъ самоѣдовъ и вогуличей на сѣверномъ Уралѣ, дошедшая до низовьевъ Оби, была совершена при царѣ Василіѣ Іоанновичѣ, въ 1499 — 1502 годахъ, т. е. почти одновременно съ открытіемъ морскаго пути въ Индію вокругъ Африки. Послѣ этого московскіе государи приняли титулъ Обдорскихъ и Кондійскихъ, хотя фактически не владѣли землями за Ураломъ. Затѣмъ, по донесенію Аники Строганова о богатствахъ пушными звѣрями приобской страны, Іоаннъ IV посылалъ людей московскихъ обложить данью остяковъ, вогуличей и частью татаръ на Оби. Эта цѣль, до нѣкоторой степени, была достигнута, и царь сибирскій, Едигеръ, обязался-было платить по 1,000 соболей ежегодно. Аникѣ Строгонову, за заслуги, была пожалована грамата на закамскія земли, и самъ государь сталъ именоваться Удорскимъ, Обдорскимъ и Кондійскимъ; но дѣйствительныя завоеванія земель въ Сибири еще не начинались. Напротивъ, въ 1573 году мы видимъ вторженіе сибирскаго царевича Мегмета-кула въ прикамскую Пермію, что и дало поводъ Строгоновымъ принять, въ 1578 году, на службу къ себѣ Ермака съ 7,000 казаковъ, до того времени разбойничавшихъ на Волгѣ, а теперь обязавшихся охранять рус-

скую землю отъ нашествій сибирскихъ инородцевъ и даже покорять ихъ. Первый переходъ за Уральскій хребетъ, на Тагиль, Ермакъ сдѣлалъ въ 1579 году; затѣмъ, сражаясь и облагая побѣжденныхъ ясакомъ, онъ завоевалъ къ 1584 году, т. е. ко времени смерти Іоанна Грознаго и своей собственной, нынѣшніе уѣзды Верхотурскій, Туринскій, Тюменскій, Тобольскій и часть Тарскаго. Крайними предѣлами его завоеваній были: на сѣверо-востокѣ — мѣсто сліянія Оби съ Иртышомъ и небольшая рѣка Назимъ; на юго-востокѣ — притокъ Иртыша, Шишъ; на югѣ — Тагиль и Тура.

Вновь завоеванныя земли охранялись городами Тобольскомъ, Тюменью и Верхотурьемъ, которые всѣ были обнесены деревянными оградами. Управленіе краемъ съ 1583 года было возложено на воеводъ и въ такомъ видѣ продолжалось до 1710 года, т. е. до введенія Петромъ I губернскаго управленія. Первымъ воеводою былъ князь Болховской. Съ нимъ и съ преемниками его нерѣдко приходили въ Сибирь московскіе ратные люди, стрѣльцы и другіе, а не одни казаки. Но настоящими завоевателями страны, какъ въ первое время, такъ и въ послѣдующее, были почти одни казаки, влекомые духомъ предпріимчивости и корыстолюбіемъ. Они, завоевывая край, отъ времени до времени ставили такъ-называемые *остроги*, т. е. небольшія деревянныя крѣпостцы, которыя и составляли первую охрану границъ, а потомъ обыкновенно разростались въ города.

Къ началу XVII столѣтія завоеватели дошли: на сѣверѣ до моря и до рѣки Таза, гдѣ былъ основанъ городъ Мангазея, въ срединѣ до устья Томи въ Обь, на югѣ до озера Чановъ. Граница въ это время не представляла никакой линіи укрѣпленій и постовъ, и въ слѣдующіе годы безпрестанно подвигалась къ востоку и югу, несмотря на смутное время въ Россіи, затруднявшее усиленіе завоевательныхъ партій. Рѣдкое населеніе Сибири въ это время слагалось, сверхъ покоренныхъ туземцевъ и ссыльныхъ поляковъ и литовцевъ, изъ небольшаго числа русскихъ — людей промышленныхъ, ратныхъ, духовныхъ и ямщиковъ, ибо еще въ 1600 году правительство озаботилось устройствомъ почты изъ Москвы въ зауральскія области.

Замиреніе западныхъ окраинъ государства договорами съ Польшей и Швеціей дало новый полетъ завоевательнымъ стремленіямъ на востокѣ. И если еще въ 1618 году, т. е. ко времени Столбовскаго и Деулинскаго договоровъ, казаки стояли твердою ногою на Енисеѣ и даже восточнѣе, на Пясидѣ, то къ концу тридцати-трехлѣтняго царствованія Михаила Ѳеодоровича ими покорена была почти вся Сибирь въ собственномъ смыслѣ, т. е. бассейны рѣкъ, те-

кущихъ на сѣверъ, и даже развѣданъ Амуръ. Тогда-то совершили свои славные подвиги Перфирьевъ, Бекетовъ, Буза, Корытовъ, Копыловъ, Поярковъ, Стадухинъ и другіе смѣлые вожди казачьихъ отрядовъ, которые, по справедливости, могутъ стоять рядомъ съ Охедой, Бальбоа и другими извѣстными всему міру испанскими завоевателями (conquistadores) XVI столѣтія, хотя забыты даже у насъ и въ самой Сибири. Въ это время основаны Кузнецкъ, Енисейскъ, Краснояръ, Илимскій и Братскій остроги, Верхоленскъ, Олекминскъ, Якутскъ и самый Нижнеколымскъ. Слава русскаго оружія въ Азіи была такъ велика, что даже одинъ изъ довольно сильныхъ владѣльцевъ въ ней, Алтынъ-ханъ, котораго государство лежало за хребтами Саянскимъ и Танну-ола, призналъ себя (1632) добровольно подданнымъ московскаго Бѣлаго Царя, хотя лишь номинально, ибо дани никогда не платилъ.

При двухъ первыхъ преемникахъ Михаила Ѳеодоровича дѣло завоеванія продолжалось безостановочно. Въ 1650-хъ годахъ, по почину олекминскаго промышленика Хабарова, былъ занятъ Амуръ, — этотъ перлъ русскихъ владѣній въ Азіи. И хотя, за отдаленностью отъ Россіи, трудно было его удерживать, особенно въ виду соперничества китайцевъ, которые не разъ осаждали наши остроги (Ачанскій, Кумарскій и проч.), хотя въ 1660 году намъ пришлось временно оставить его; но, утвердясь по верховьямъ рѣки, т. е. по берегамъ Шилки и Аргуни, мы могли, при первомъ удобномъ случаѣ, вернуться на покинутыя мѣста, что и сдѣлали. Въ 1682 году, т. е. при вступленіи на престолъ царей Іоанна и Петра, русская граница съ Маньчжуріею шла уже по Амуру, гдѣ главнымъ мѣстомъ сталъ Албазинъ; съ Монголіею же почти по той же самой чертѣ, какъ нынѣ. Затѣмъ, на Саянѣ и Алтаѣ оставались непокорными племена карагасовъ, киргизовъ, сойтовъ и калмыковъ, а въ иртышскихъ и приуральскихъ степяхъ граничили съ нами земли хищныхъ чжунгаровъ и киргизъ-кайсаковъ, къ сторонѣ которыхъ русскіе колонисты неохотно подавались впередъ и отъ которыхъ не мало терпѣли приграничныя поселенія. Затѣмъ на крайнемъ востокѣ ламуты, коряки и чукчи были обложены ясакомъ; не доставало только Камчатки, чтобы видѣть Русскую Азію почти тою же, какъ теперь, за исключеніемъ киргизскихъ степей.

При Петрѣ занята была наконецъ и Камчатка пришедшимъ туда, въ 1696 году, съ Анадыри Атласовымъ. Но взамѣнъ того мы лишились лучшаго изъ нашихъ азіятскихъ владѣній—Амура, который, по Нерчинскому договору 1689 года, заключенному Головин-

нымъ, подъ неблагопріятнымъ для насъ вліяніемъ іезуитовъ и значительнаго численнаго превосходства китайцевъ, отошелъ къ послѣднимъ и былъ даже заселенъ ими, къ нашему счастію, очень слабо. Этимъ и заключился XVII вѣкъ, послѣ котораго уже не было мѣста для разгула казачьихъ атамановъ-завоевателей; все дѣло расширенія и укрѣпленія границъ Россіи на азіятскомъ материкѣ всецѣло легло на правительство.

Границы въ XVII и XIX столѣтіяхъ, до нашего времени.

Во вторую половину царствованія Петра, т. е. въ началѣ XVIII вѣка, мы подвинулись въ западной Сибири, по Иртышу, до Бухтармы и даже до Зайсана и Верхняго Иртыша, куда въ 1715 году отправлялась экспедиція Бухгольца и Лихарева, съ цѣлью отыскать пути въ Яркентъ. Въ это время иртышская линія была продолжена до Усть-Каменогорска и основаны крѣпости Семипалатинская, Желѣзнинская и другія; вдоль границы съ Киргизскою и Чжунгарскою степью. Еще раньше, именно около 1709, мы окончательно стали прочною ногою въ южной части нынѣшней Енисейской губерніи и вообще на сѣверномъ отклонѣ Саяна, гдѣ до того встрѣчали постоянное сопротивленіе отъ карагасовъ, качинцевъ, киргизовъ, сойотовъ и другихъ мелкихъ финно-татарскихъ племенъ. Но попытка Петра Великаго сдѣлать шагъ къ утвержденію русскаго вліянія въ Средней Азіи, со стороны Каспійскаго моря, кончилась злополучно, истребленіемъ въ 1717 году всего высланнаго съ этою цѣлью отряда князя Бековича-Черкасскаго въ Хивѣ. Такимъ образомъ, къ 1725 году граница наша въ Азіи шла по рѣкамъ Уралу, Міасу, на Курганъ къ Омску, отсюда по Иртышу, потомъ по предгорьямъ Алтая южнѣе Бійска, сѣвернѣе Телецкаго озера и мимо вершинъ Абакана, на теперешнюю нашу пограничную черту съ Китаемъ, а отъ устья Горбицы въ Шилку по самой Горбицѣ и по Становому хребту до рѣки Уды. На берегахъ Тихаго океана намъ принадлежалъ весь материкъ отъ устья Уды до Берингова пролива и Курильскіе острова, за исключеніемъ Итурупа и Кунашира. Это были, въ нѣкоторомъ смыслѣ, естественные предѣлы для нашей территоріи въ сѣверной Азіи, ибо охватывали собою одни басейны рѣкъ, текущихъ въ сѣверныя моря, ни болѣе, ни менѣе. Исключеніе составлялъ одинъ Нерчинскій край; но и онъ, несмотря на оставленіе нами бассейна Амура, представлялъ такую часть государства, которая была плотно связана съ другими и притомъ еще могла служить въ бу-

дущемъ базою для наступательныхъ дѣйствій на Амуръ, котораго верховья лежатъ именно здѣсь. Въ степи Средней Азіи, безводныя или орошенныя не имѣющими выхода озерами съ ихъ незначительными притоками, мы тогда еще не дѣлали шагу, и даже торговая заграничная дѣятельность наша была направлена болѣе въ Китай, черезъ плодородную Манчжурію, чѣмъ въ Бухару, черезъ Каракумъ и Бетпакъ-дала.

При ближайшихъ премникахъ Петра I, Екатеринѣ I и Петрѣ II, состоялось первое официальное и подробное разграниченіе наше съ Китаемъ, на участкѣ между Шабинъ-дабагомъ и Аргунью, т. е. сѣверо-монгольскомъ. Оно сдѣлано было въ 1728—1729 годахъ и положило основаніе той правильной линіи карауловъ и маяковъ въ Забайкальѣ, которая существуетъ донынѣ. Вообще, въ первыя 10—15 лѣтъ послѣ смерти Петра, когда на военно-политическія дѣла у насъ имѣлъ такое сильное вліяніе Минихъ, приверженецъ системы кордоновъ, на всѣхъ нашихъ границахъ возникли длинные ряды укрѣпленій и военныхъ постовъ, и уже въ 1734 году мы видимъ стремленіе сомкнуть ихъ въ одну непрерывную линію. Именно тогда основана Уйская линія, долженствовавшая сомкнуть Уральскую (Яикскую или Оренбургскую) съ Иртышской (Сибирской), Бійская на Алтаѣ и проч. И такое устройство настойчиво продолжалось по всей окраинѣ территоріи, занятой нашими поселеніями, несмотря на то, что уже въ 1732 году государственная граница въ Средней Азіи ушла далеко на югъ, благодаря добровольному подданству киргизовъ Малой и Средней Орды. Оно, какъ извѣстно, оставило глубокіе политическіе слѣды до самаго послѣдняго времени и совершенно обособило степи, которыя во многихъ отношеніяхъ, напримѣръ таможенномъ и служебномъ, считались мѣстами *заграничными* до самыхъ 1860-хъ годовъ.

При преемницѣ Анны, которой присягнули въ 1732 г. киргизскіе ханы Абульхайръ и Шемяка, императрицѣ Елисаветѣ, русскія владѣнія въ Азіи нѣсколько расширились въ мѣстахъ, сосѣднихъ Иртышу: намъ достались тѣ части падшаго въ 1756 году чжунгарскаго царства, которыя прилежали къ Иртышу у впаденія Ульбы, Бухтармы и Нарына, до верховья Оби, т. е. Катуни и Біи. Около того же времени, именно въ 1750-хъ годахъ, въ видахъ выпрямленія кордона, устроилась извѣстная Горькая линія — первый рядъ насильственно-водворенныхъ станицъ въ степи, между Иртышемъ и Тоболью.

Въ европейское царствованіе Екатерины II мы не сдѣлали ни

шагу впередъ на материкѣ азіятскомъ. Мудрая императрица предпочитала заниматься гражданскими улучшеніями въ пріобрѣтенныхъ уже тутъ земляхъ, чѣмъ дѣлать завоеванія вновь *). Но никакъ нельзя сказать, чтобы и военно-политическое устройство нашихъ азіятскихъ окраинъ не занимало Екатерины. Напротивъ, въ ея-то царствованіе Россія пустила истинно прочные корни для своего политическаго могущества въ Азіи. Только цѣль эта достигалась почти безъ наступательныхъ дѣйствій нашихъ военныхъ отрядовъ и безъ основанія крѣпостей. Въ Средней Азіи, т. е. тамъ, гдѣ легко было примѣнить принципъ *divide et impera*, пользуясь племеннымъ антагонизмомъ башкировъ, киргизовъ и калмыковъ, губернаторы оренбургскій и сибирскій получили въ руководство правило: *ослаблять* одинъ изъ этихъ безпокойныхъ и намъ непріязненныхъ народовъ посредствомъ другихъ **), а въ восточной Сибири все вниманіе было обращено на расширеніе *мирныхъ* торговыхъ связей съ Китаемъ. Даже Японія входила въ кругъ соображеній Екатерины, которая въ 1792 году пробовала завести дружескія сношенія съ нею, чрезъ посылку корабля подъ командою Лаксмана, и имѣла успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что русскимъ дозволено было прибыть для переговоровъ въ Нагасаки, чѣмъ впрочемъ мы не воспользовались до 1805 года.

Въ слѣдовавшія за смертью Екатерины двадцать лѣтъ, т. е. до окончанія наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ, правительство наше было слишкомъ занято на Западѣ, чтобы помышлять о какомъ-либо наступательномъ движеніи на Востокѣ. Да и поводовъ къ такимъ движеніямъ не представлялось. Съ Китаемъ продолжались дружественныя отношенія, весьма выгодныя для насъ, потому что они сопровождались развитіемъ прибыльной торговли на Кяхтѣ. Степныя границы хотя были постоянно обезпокоиваемы хищниками;

---

*) Хотя въ инструкціи, напримѣръ, начальнику сибирской линіи предписывалось стремиться къ занятію и упроченію за нами долины Зайсана и даже Чернаго Иртыша, для чего разрѣшалось посылать туда, подъ благовидными предлогами, отряды. Въ 1792 году въ этихъ видахъ основана и Усть-Бухтарминская крѣпость.

**) Особенно строго этотъ принципъ былъ примѣненъ въ 1771 г. къ бѣжавшимъ въ Китай калмыкамъ. Впрочемъ, истинною цѣлью императрицы Екатерины всегда было умиротвореніе степей и соединенное съ нимъ благостояніе ихъ и приграничныхъ частей Россіи и Сибири, а указанный пріемъ составлялъ только средство, и притомъ крайнее, употреблявшееся лишь изрѣдка, съ непосредственнаго разрѣшенія государыни.

но какъ это были собственные подданные, то хотя противъ нихъ иногда высылились отряды, однако лишь съ цѣлью наказанія, а не новыхъ завоеваній. Въ такомъ положеніи были дѣла до 1820-хъ годовъ. Съ этой эпохи начинаетъ обозначаться стремленіе къ новымъ наступательнымъ движеніямъ, можно сказать, къ завоеваніямъ, хотя для перваго раза на собственной територіи, именно въ сибирской степи. По представленію генералъ-губернатора Сперанскаго рѣшено было фиктивное подданство тамошнихъ киргизовъ обратить въ дѣйствительное, и съ этою цѣлью въ центрахъ проектированныхъ имъ округовъ устроить укрѣпленія, при которыхъ бы помѣщались приказы. Въ такія укрѣпленія обыкновенно высылались съ линіи гарнизоны изъ казаковъ и даже регулярной пѣхоты. Но какъ содержаніе ихъ, по отдаленности отъ линіи, стоило дорого, то мало по малу сибирскія власти пришли къ мысли выселять въ степи казаковъ, которые суть и воины, и земледѣльцы вмѣстѣ. Такимъ образомъ въ степи постепенно образовалась новая, передовая линія, ставшая, въ свою очередь, предметомъ хищничества номадовъ. Нужно было опять высылать отряды, опять основывать укрѣпленія, (Актау, Улутау), и т. д. Тутъ начало системы, которая привела насъ за Балхашъ, къ Или, къ Алатау и наконецъ въ Небесныя горы и въ Туркестанъ, системы, выработанной не народомъ, не партіями завоевателей-колонистовъ, а администраціею, т. е. самимъ правительствомъ.

Система эта, какъ сказано, на первое время проводилась только въ западно-сибирской степи, которая со времени Сперанскаго получила особое административное устройство, вынуждавшее насъ имѣть опредѣленные и постоянные центры за Иртышемъ, въ 200 и 300 на югъ отъ него и отъ Горькой линіи. Въ Оренбургской же степи долгое время никакихъ передовыхъ линій и укрѣпленій не было *). Тамошніе генералъ-губернаторы больше полагались на умиротворящее вліяніе промышленныхъ интересовъ, которые возрастали между киргизами вслѣдствіе развитія караванной торговли въ степи, да на временные отряды, высылаемые при нуждѣ, и потому они не желали строить среди киргизовъ укрѣпленій, а тѣмъ больше станицъ. Но въ 1835 году, вдругъ, въ Оренбургской степи не только была устроена такъ-называемая «новая» линія, т. е. рядъ укрѣпленій между крѣпостями Орскою и Звѣриноголов-

---

*) За исключеніемъ впрочемъ небольшой илецкой линіи, выдвинутой въ 1810 г. съ спеціяльною цѣлью прикрыть мѣстныя соляныя копи.

скою, отрѣзавшій у киргизовъ Малой орды обширныя и наилучшія мѣста для кочевокъ, но и самое отрѣзанное пространство заселено казаками. Мѣра эта въ военномъ отношеніи достигла цѣли, т. е. прикрыла Верхнеуральскую и Уйскую линіи отъ хищниковъ, но совершенно раззорила многихъ киргизовъ, а еще болѣе выселенныхъ въ степь казаковъ, которые даже прибѣгали къ открытому сопротивленію переселявшимъ властямъ. Притомъ она развила такія волненія въ степи, что для обезпеченія вновь водворенныхъ станицъ генералъ Перовскій началъ было строить непрерывный валъ, въ родѣ китайской стѣны, долженствовавшій связать крѣпость Орскую съ укрѣпленіями Императорскимъ, Наслѣдника и проч. Кромѣ того, чтобы быть ближе къ отдаленнымъ кочевьямъ степныхъ хищниковъ и прикрыть отъ ихъ разбоевъ рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ, въ 1834 году основано было при заливѣ Кайдакъ укрѣпленіе Ново-Александровское. Но всѣ эти пограничныя военныя мѣры не достигали цѣли, и скоро въ степяхъ образовалось правильное возстаніе подъ предводительствомъ умнаго и предпріимчиваго Кенисары Касимова. Оно продолжалось до 1845 и 1846 годовъ, когда наконецъ Кенисара былъ убитъ дикокаменными киргизами, а въ степи генераломъ Обручевымъ основаны укрѣпленія на Иргизѣ и Тургаѣ (Оренбургское и Уральское). Въ 1847 году, по личной волѣ императора Николая *), явилось даже укрѣпленіе на Сыръ-Дарьѣ (Раимское), а еще раньше того, въ сибирской степи, основанъ Копалъ, за которымъ уже начинались кочевья Большой Орды. Орда эта, дотолѣ бывшая независимою или подвластною номинально то китайцамъ, то коканцамъ, въ 1846 году наконецъ приняла русское подданство, и такимъ образомъ къ 1847 году наша государственная граница, по крайней мѣрѣ теоретически, перешла за Или, къ хребту Алатау, къ рѣкамъ Чую и Сыръ-Дарьѣ.

Граница эта имѣла ту любопытную особенность, что вся средняя часть ея, по правой сторонѣ Чуя и Сыръ-Дарьи, есть безплодная степь, гдѣ нѣтъ возможности ни селить станицъ, ни возводить укрѣпленій, ни даже держать хотя бы самые легкіе подвижные военные отряды. Слѣдовательно, никакая *линія* не могла воз-

---

*) Генералъ Обручевъ, въ силу извѣстнаго правила наполеоновской стратегіи, что голодныя степи составляютъ наилучшее прикрытіе границъ, думалъ было остановиться по сю сторону Барсуковъ и Куракума; но государь нашелъ, что въ обще-политическихъ видахъ лучше основать укрѣпленіе по ту сторону названныхъ песковъ, именно на низовьяхъ Сыръ-Дарьи.

никнуть на полуденной окраинѣ нашихъ степей, и государственный рубежъ оставался фиктивнымъ. Чтобы образовать эту *линію*, нужно было перейти Чуй и стать по крайней мѣрѣ у подошвы Киргизнынъ-Алатау, Боролдая и Каратау, занявъ въ то же время Сыръ-Дарью до Акмечети или Джулека. Это и было сдѣлано мало по малу, сначала занятіемъ Сыра до Акмечети (1853) и водвореніемъ русскихъ поселеній за Или (1855), а потомъ взятіемъ Токмака, Пишпека (1860), Аулье-ата, Джулека, Азрета, Чемкента (1862 — 1864). Затѣмъ война съ коканцами, разгорѣвшаяся по поводу этихъ пріобрѣтеній, привела насъ даже къ завоеванію Ташкента, въ которомъ уже до штурма его въ 1865 году образовалась партія, желавшая освободиться отъ тираніи коканскихъ хана и беговъ и перейдти подъ власть европейски - устроеннаго правительства. Когда же многократныя пораженія коканцевъ и приближеніе нашихъ границъ къ бухарскимъ предѣламъ вызвали ревность бухарскихъ фанатиковъ, и эмиръ, какъ глава среднеазіатскаго ислама, выступилъ противу насъ въ поле, съ оружіемъ въ рукахъ, тогда, въ 1866—68 годахъ, онъ заплатилъ за свою смѣлость потерей Ходжента, Ура-тюбе и наконецъ исторически важнѣйшаго города въ Средней Азіи, Самарканда. Такъ вступили мы на почву Турана, который и должны будемъ пройти насквозь, до подножій Гиндукуша и горъ Хорасанскихъ... Ибо въ степяхъ арало-каспійскихъ нѣтъ другой естественной грани, на которой мы могли бы остановиться, не подвергая себя опасности постоянныхъ тревогъ извнѣ и внутри. Въ степяхъ, по самому свойству ихъ обитателей, приходится слѣдовать правилу: *ничего или все* *). Каждая, самая небольшая ихъ часть, оставленная независимою, будетъ язвою на государственномъ организмѣ, источникомъ волненій въ немъ, отъ котораго нѣтъ другаго способа избавиться, какъ поглотить его или же отступить передъ нимъ до самаго края той территоріи, которая способна содержать сплошное осѣдлое населеніе, въ нашемъ случаѣ до Урала и Иртыша.

---

*) Доказательства этого положенія развивались многими, между прочимъ генераломъ Катенинымъ, въ письмѣ къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ Толстому, въ 1856 г., хотя Катенинъ ѣхалъ въ Оренбургъ именно съ тѣмъ, чтобы пріостановить всякое наступательное движеніе съ нашей стороны на югъ. Напрасно и генералъ Безакъ въ 1861 году полагалъ не идти далѣе Ташкента; обстоятельства оказались сильнѣе его. Е. И. В. Намѣстникъ Кавказскій и начальникъ Штаба его, генералъ Свистуновъ, въ свою очередь не сомнѣваются, что кочевыхъ среднеазіатцевъ или не нужно совсѣмъ принимать въ подданство, или— неизбѣжно брать всѣхъ.

Во второй половинѣ XIX столѣтія, кромѣ завоеваній въ степи, къ сторонѣ Турана и въ немъ самомъ, мы сдѣлали еще важныя пріобрѣтенія на азіятскомъ материкѣ на счетъ Китая: въ 1854—1855 годахъ занято все теченіе Амура и Усури, закрѣпленное за нами трактатами 1858 и 1860 годовъ, а въ 1864—1869 годахъ присоединены еще нѣкоторые степные участки у Зайсана, впрочемъ, мало куда пригодные. Можно сказать, что послѣ 1864 года мы имѣли съ Китаемъ офиціяльную границу почти по всей линіи соприкосновенія двухъ имперій; но, къ сожалѣнію, истощенные многолѣтнею борьбою съ возмущеніемъ, охватившимъ западные предѣлы ихъ государства, китайцы стали отступать отъ только что условленнаго съ нами рубежа къ востоку и югу, и на насъ легла печальная необходимость расходовать наши силы, чтобы опять воротить китайское сосѣдство или же пріобрѣсти новую обузу въ видѣ обширныхъ степей Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана съ ихъ закоренѣлымъ въ варварствѣ населеніемъ. Нужно впрочемъ надѣяться, что далѣе занятаго по этой причинѣ, въ 1871 г., Кульджинскаго округа, мы не пойдемъ и что китайцы наконецъ станутъ снова прочной ногой въ остальныхъ частяхъ Чжунгаріи. Восточный же Туркестанъ уже преобразовался въ болѣе или менѣе правильное и пока дружелюбное намъ государство, съ властителемъ котораго въ 1872 году мы заключили даже договоръ о свободной торговлѣ.

Охраненіе границъ.

Таковы главнѣйшіе факты изъ исторіи измѣненія нашихъ границъ на азіятскомъ материкѣ, между Каспійскимъ моремъ и Великимъ океаномъ. Въ интересѣ собственно-военномъ къ нимъ могутъ быть присоединены еще слѣдующія подробности о способахъ охраненія этихъ границъ и о войскахъ, на которыхъ оно лежало.

Въ XVI и XVII вѣкахъ, какъ уже было сказано, наши завоеватели, для поддержанія русской власти въ занимаемыхъ ими краяхъ, ничего болѣе не дѣлали, какъ ставили мѣстами *остроги*, при которыхъ нерѣдко потомъ возникали города. Но подобно сказать, что стратегическія соображенія были совершенно чужды основателямъ этихъ остроговъ: они устроивали ихъ преимущественно лишь тамъ, гдѣ нужда заставляла зимовать или гдѣ они впервые выходили на большую рѣку. Иначе остроги были бы распредѣлены по поверхности Сибири гораздо удачнѣе, чѣмъ то случилось на самомъ дѣлѣ.

Можно сказать, что ни одинъ атаманъ-завоеватель, за исключеніемъ Ермака, основавшаго Тобольскъ у слiянія рѣкъ, связывающихъ Уралъ съ Алтаемъ, и не заботился, при заложеніи города или острога, сообразить его стратегическое положеніе въ странѣ. Такъ возникли, напримѣръ, Енисейскъ въ 60-ти верстахъ *ниже* сліянія Ангары съ Енисеемъ, Якутскъ въ 130 верста *выше* устьяхъ Алдана въ Лену, Иркутскъ въ 60 верстахъ отъ исхода Ангары изъ Байкала и проч. Однако бывали и исключенія, какъ Братскій острогъ, Олекминскъ, Нерчинскъ; но онѣ повидимому случайны. Даже про самое основаніе Тобольска на настоящемъ мѣстѣ можно сказать, что оно едва ли было обусловленно стратегическими соображеніями, а вызвано только тактическими, именно высотою и труднодоступностью горы, на которой построенъ былъ городъ.

Остроги и города имѣли приписанные къ себѣ раіоны или уѣзды; они, слѣдовательно, въ случаѣ войны были центрами операцій, изъ которыхъ военныя наши силы дѣйствовали по радіусамъ, не ожидая непосредственной помощи съ какой-нибудь опредѣленной стороны. Первая *линія*, т. е. правильный рядъ укрѣпленій, образовалась на Амурѣ, гдѣ къ тому привелъ самый способъ открытія и занятія края вдоль по рѣкѣ. Но эта линія существовала недолго, а затѣмъ до начала XVIII столѣтія воеводы наши не заботились объ основаніи какой-либо другой на всемъ протяженіи семи тысячъ верстъ между Уральскимъ хребтомъ и Охотскимъ моремъ. Только вдоль нижняго теченія Яика самъ собою возникъ правильный кордонъ отъ невозможности ставить станицы и крѣпостцы вдали отъ рѣки, въ степи.

Въ это время расходы государства на охрану границъ были весьма незначительны: они ограничивались выдачею оружія и пороха ратнымъ людямъ, что, конечно, обусловливалось крайнею малолюдностію сѣверной и средней Азіи и рѣзкимъ тактическимъ и моральнымъ превосходствомъ нашихъ завоевателей надъ дикими туземцами. Какіе-нибудь Тара или Якутскъ казались слишкомъ грозными твердынями для послѣднихъ, чтобы они не опасались каждую минуту громовъ, которые могутъ оттуда грянуть, и не сидѣли смирно. Нѣсколько неудачныхъ попытокъ осадъ, напримѣръ Верхоленска, Якутска и проч., еще болѣе убѣждали ихъ въ неодолимости русскихъ укрѣпленій. Изъ-за границы же ожидать непріятелей намъ было нечего, за исключеніемъ амурской страны, ибо сосѣдніе среднеазіятскіе номады, привыкнувъ дѣлать набѣги на югъ, къ сторонѣ Китая и Бухаріи, рѣдко когда пускались въ пустыни

сѣвера, холодныя, лѣсистыя и болотистыя, гдѣ большой поживы они ожидать не могли. Этимъ традиціоннымъ отвращеніемъ монголовъ и киргизовъ отъ лѣсистаго сѣвера мы обязаны тѣмъ, что они намъ нисколько не мѣшали во все время нашихъ завоеваній въ XVI и XVII вѣкахъ.

Но едва, занявъ край, мы основали въ немъ осѣдлыя поселенія, около которыхъ степнымъ хищникамъ было чѣмъ поживиться, какъ они начали свои набѣги, которые продолжали во все восемнадцатое и въ первую половину девятнадцатаго столѣтія. На монгольскомъ участкѣ границы хищничествамъ былъ положенъ извѣстный предѣлъ формальнымъ разграниченіемъ съ Китаемъ, послѣ котораго это государство стало заинтересованнымъ въ сохраненіи покоя по границѣ столько же, какъ и мы; но на чжунгаро-киргизскомъ смуты продолжаются и до настоящаго времени, а потому здѣсь рано возникъ военный кордонъ или такъ называемыя *линіи*.

Цѣль линіи — препятствовать вторженію хищниковъ на нашу территорію — въ строгомъ смыслѣ не достигалась никогда и не могла быть достигнута, ибо промежутки между населенными и укрѣпленными пунктами были на столько велики, что огромныя скопища могли проходить черезъ нихъ незамѣченными. Но польза отъ расположенія пограничныхъ селеній и фортовъ по линіямъ все же была: они облегчали поимку хищниковъ, возвращавшихся домой послѣ грабежа, устройство засадъ и т. п. Особенно это было справедливо въ тѣхъ случаяхъ, когда впереди линіи находилось какое-нибудь трудно-проходимое препятствіе, напримѣръ рѣки Уралъ, Иртышъ, Аргунь, или горы Алтай и Саянъ. Чтобы перейти эти естественныя преграды вблизи линіи, хищники долженствовали быть многочисленными или очень отважными. Эту приносимую линіями пользу понимали и сами туземцы, когда рѣшались искать позволенія жить внутри кордона, какъ было, напримѣръ, съ киргизами въ Сибири, переправившимися на правый берегъ Иртыша въ 1797 г., и въ Пріуральѣ, гдѣ въ 1801 г. султанъ Букей перевелъ свою орду на оставленныя калмыками астраханскія степи. Бывали даже примѣры, и неоднократные, чисто-временнаго пребыванія залинейныхъ инородцевъ внутри кордона для спасенія ихъ отъ безурядицъ, господствовавшихъ внѣ его.

Одно, впрочемъ, можно сказать въ упрекъ системѣ линій: она нерѣдко вынуждала селить людей тамъ, гдѣ природа не представляетъ никакихъ удобствъ для осѣдлости. Такія мѣры, какъ водвореніе Горькой линіи, въ Тобольской губерніи, или Новой, за Ураломъ,

были причиною многихъ страданій для переселенцевъ, имѣвшихъ несчастіе попасть туда. Вотъ почему правительство всегда должно было давать этимъ стражамъ границъ разныя льготы и, наконецъ, въ большей части случаевъ, освободить ихъ отъ всѣхъ податей и повинностей, замѣнивъ таковыя обязанностью нести полувоенную, полу-полицейскую линейную службу.

Здѣсь начало казачества.

Первыми, послѣ Ермака и его спутниковъ, казаками на русско-азіятской почвѣ были уральскіе (яикскіе). Они еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ *) обязались охранять Россію отъ кочевыхъ варваровъ Средней Азіи, и, дѣйствительно, были всегда грозою послѣднихъ. И хотя на первое время, когда казаки были малочисленны, хищники иногда вторгались на правый берегъ Урала, однако, вообще говоря, ни одна орда номадовъ не прошла чрезъ казачьи земли на почву Европейской Россіи, за исключеніемъ Букеевскихъ киргизовъ, принятыхъ самимъ правительствомъ. Уральцы въ прежнее время отличались крайнею предпріимчивостью и дѣлали набѣги даже въ Хиву; но не лишнимъ будетъ замѣтить, что они иногда сами причиняли безпокойства на ввѣренной ихъ охраненію украйнѣ. Такъ, ими принято было участіе въ пугачевскомъ бунтѣ, и еще раньше того они противились устройству на р. Уралѣ Гурьева-городка, предназначеннаго именно для надзора за ними.

Затѣмъ слѣдуетъ поставить разсѣянныхъ по всей южной окраинѣ Сибири потомковъ первыхъ завоевателей, спутниковъ если не Ермака, то послѣдующихъ предводителей московскихъ ратныхъ людей. Они, какъ увидимъ сейчасъ, были родоначальниками всѣхъ теперешнихъ сибирскихъ казаковъ, отъ береговъ Тобола до Усури и Камчатки.

Но въ порядкѣ офиціяльнаго утвержденія правъ, обязанностей и организаціи слѣдуетъ за казаками уральскими войско оренбургское, сформированное въ 1742 г. Западно-сибирскіе же линейные казаки получили правильное устройство не ранѣе 1809 г., когда, за выводомъ изъ Тобольской и Томской губерній регулярныхъ войскъ, не оставалось въ Сибири другихъ защитниковъ края, какъ немногочисленныя гарнизонныя команды и казаки, потомки завоевателей, съ примѣсью къ нимъ совершенно уже обрусѣвшихъ татаръ. Съ

*) Собственно говоря, яикскіе казаки несли службу въ войнахъ московскихъ государей еще при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ (1591); но лишь въ 1613 или 1614 гг. дана имъ жалованная грамата на землю и опредѣлены ихъ права и обязанности по отношенію къ государству.

1830-хъ годовъ правительство начало часть этого войска мало по малу переводить на передовыя станицы въ степь, и теперь есть даже совершенно самостоятельная степная отрасль этого казачества — Семирѣченское войско, котораго главная масса водворилась на своихъ настоящихъ земляхъ не далѣе какъ въ 1850-хъ годахъ.

Что касается до другой, сосѣдней съ Монголіей, окраины Сибири, то пограничное казачество получило здѣсь прочную организацію также лишь въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, хотя существовало съ самаго завоеванія Забайкалья и особенно со времени оставленія нами Амура, когда бояринъ Головинъ распорядился водворить тутъ казаковъ, вернувшихся съ великой рѣки, и стрѣльцовъ, которыхъ приводилъ съ собой изъ Москвы. Въ 1728 году посолъ графъ Рагузинскій усилилъ составъ забайкальскихъ пограничныхъ казаковъ цѣлымъ полкомъ, который составлялъ его прикрытіе во время переговоровъ на Кяхтѣ. Но особенно памятенъ для русской Дауріи 1851 годъ, когда совершилось переформированіе и значительное увеличеніе Забайкальскаго войска, обращеніемъ въ составъ его всѣхъ горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинскаго округа и части селенгинскихъ бурятъ. Затѣмъ, не далѣе какъ черезъ шесть лѣтъ (1857—1859) это вновь образованное войско, включавшее, впрочемъ, въ себѣ нѣсколько полковъ старыхъ казаковъ, выдѣлило изъ своего состава часть людей для образованія казачьихъ поселеній на Амурѣ, которыя съ 1859 года получили свою особую организацію. Всѣ эти войска существуютъ и въ наше время; но нельзя не замѣтить, что *онѣ не составляютъ основной силы для обороны границъ* русской Азіи, а являются только вспомогательнымъ средствомъ. *Основная же сила есть регулярное войско*, именно линейные баталіоны. При подробномъ обзорѣ участковъ границы будутъ изложены свѣдѣнія о численности всѣхъ этихъ военныхъ силъ, ихъ составѣ, расположеніи и о самой службѣ по охранѣ рубежей государства. Здѣсь достаточно замѣтить, что въ настоящее время историческая роль казаковъ, повидимому, вполнѣ окончилась, и во вновь присоединенныхъ окраинахъ, именно въ Туркестанѣ, нѣтъ даже рѣчи о водвореніи казаковъ, а на Амурѣ и Усури, быть можетъ, казаковъ придется обратить въ простыхъ поселянъ, каковы они и суть по своему происхожденію и характеру *).

*) Фактъ постепенной замѣны казачьихъ войскъ регулярными имѣетъ глубокое историческое значеніе. Изучая его въ подробности, не трудно было бы замѣтить, что онъ отражаетъ въ себѣ лишь общее на Руси явленіе постепеннаго перевѣса государственнаго начала надъ народнымъ, послѣдовательнаго поглощенія

О составѣ и участіи въ оборонѣ русскихъ границъ въ Азіи войскъ регулярныхъ всего удобнѣе будетъ упомянуть при разсмотрѣніи каждаго изъ участковъ, на которые естественно распадается огромная наша пограничная линія между Каспійскимъ моремъ и Тихимъ океаномъ. Это потому, что регулярныя войска, какъ сила чисто-подвижная, никогда не составляли одной *общеазіятской* арміи, съ особеннымъ управленіемъ, а дробились на мелкія части, подвѣдомственныя начальникамъ отдѣльныхъ линій или мѣстнымъ командирамъ и губернаторамъ. Да и собственно армейскіе полки, заведенные въ XVIII вѣкѣ, уже въ 1807 году оставили Сибирь *), а на мѣсто ихъ явились сначала войска гарнизонныя, потомъ линейные баталіоны, оренбургскіе, западно и восточно-сибирскіе и, наконецъ, туркестанскіе, существующіе понынѣ.

Относительно техническаго устройства пограничныхъ линій, о которыхъ упомянуто выше, здѣсь можно сказать, что образовавшія ихъ укрѣпленія съ самаго начала во многомъ отличались отъ прежнихъ казачьихъ остроговъ. Оно и естественно, такъ какъ основаніе линіямъ положено было въ XVIII вѣкѣ, а тогда мы уже были знакомы съ европейскою фортификаціею и деревяннымъ надолбамъ предпочитали земляные валы со рвомъ. Нѣкоторыя крѣпости, какъ Омскъ (1716), Оренбургъ (1734), прямо были устроены по системѣ Вобана, даже съ каменными одеждами. Но, впрочемъ, выраженіе «крѣпость», въ смыслѣ, придававшемся этому слову на линіяхъ въ XVIII вѣкѣ, вообще значило просто казачью станицу съ какою-нибудь оградою, въ родѣ тѣхъ, которыя возводились на Кавказѣ еще въ 1863 — 1864 годахъ. Значительные города внутри Сибири, напримѣръ Тюмень, Томскъ, Енисейскъ, Иркутскъ, уже въ теченіе

вольностей и правъ отдѣльныхъ элементовъ политическаго тѣла правительственнымъ центромъ этого тѣла. Съ утратою вольностей, ограничивалась, разумѣется, въ казачьемъ населеніи та отвага, та предпріимчивость, которыя влекли его въ XVII вѣкѣ къ занятію все новыхъ и новыхъ земель и къ охраненію ихъ *одними собственными средствами*, почти безъ помощи казны. А затѣмъ правительству пришлось мало-по-малу взять на себя сполна заботы къ заселенію, расширенію и охраненію окраинъ, употреблять на это общегосударственныя средства и ставить во главѣ всего пограничнаго дѣла учрежденія и людей, выросшихъ не на мѣстной почвѣ.... Но вопросъ: что выиграла отъ такой перемѣны въ характерѣ дѣятельныхъ силъ Россія — которая однако еще не достигла до своихъ естественныхъ и *неизбѣжныхъ* границъ въ Азіи — этотъ вопросъ было бы неумѣстно разсматривать здѣсь, въ обзорѣ русско-азіятскихъ окраинъ не политическомъ, а военномъ.

*) Таковы, напримѣръ, полки Тобольскій, Томскій, Иркутскій и проч.

перваго вѣка по своемъ основаніи перестали быть крѣпостями, такъ какъ отъ покоренныхъ нами сибирскихъ инородцевъ къ концу этого вѣка не было никакой опасности.

Вооруженіе линейныхъ крѣпостей, фортовъ и проч. вполнѣ соотвѣтствовало простотѣ и, можно сказать, патріархальности ихъ устройства. Старыя, мало пригодныя орудія, на незатѣйливыхъ станкахъ, фальконеты, пищали — вотъ чѣмъ обыкновенно были наполнены мѣстные склады и арсеналы оренбургскіе и сибирскіе. И еще въ 1850 годахъ, даже въ такой крѣпости, какъ Омскъ, резиденціи высшихъ военныхъ властей западной Сибири, можно было видѣть шуваловскія гаубицы, каронады и т. п., которыя приходилось продавать съ аукціона по вѣсу металла, ибо перелить ихъ мѣстными средствами въ болѣе совершенныя орудія было нельзя, а везти на Уралъ далеко. Это вообще замѣчательная черта въ исторіи нашего военно-поступательнаго движенія въ Азіи, что *ни одного артиллерійскаго арсенала нами не было основано къ востоку отъ Уральскихъ горъ* до самой половины XIX столѣтія, а *оружейной фабрики и пороховаго завода нѣтъ и досель* *). Легко понять, какъ такой недостатокъ мѣстныхъ военно-техническихъ учрежденій отражался на снабженіи сибирскихъ войскъ оружіемъ, зарядами и снарядами, и неудивительно, что еще въ 1854 — 1855 годахъ тяжелыя бомбовыя пушки были перевозимы, черезъ всю сѣверную Азію, къ берегамъ Амура, на обывательскихъ лошадяхъ.

Точно также и предметами комисаріятскаго довольствія войска русской Азіи искони снабжались изъ европейской Россіи. Основаніе казенной Тельминской суконной фабрики близъ Иркутска и войсковой суконной же фабрики, Сибирскаго казачьяго войска, въ Омскѣ до нѣкоторой степени отстранило этотъ недостатокъ, но не раньше, какъ въ XIX вѣкѣ. Всѣ прочіе предметы одежды и снаряженія солдатъ и казаковъ даже теперь, по большей части, привозятся изъ-за Урала, и исключеніе составляютъ, въ небольшомъ количествѣ, сапожный товаръ и холстъ, которые доставляются мѣстною промышленностію.

Въ одномъ русскія военныя силы въ Азіи не терпѣли никогда недостатка: это въ лошадяхъ. Обиліе пастбищъ близъ нашихъ селеній и значительное число скота у многихъ туземцевъ всегда обезпечивали легкое снабженіе нашихъ кавалеріи и артиллеріи лошадьми. Въ 1840 годахъ, когда мятежный султанъ Кенисара Ка-

*) Попытки устройства арсенала на Алтаѣ въ XVIII вѣкѣ кончилась неудачно.

симовъ волновалъ киргизскую степь, бывали случаи, что казаки отправлялись въ погоню за хищниками о-дву-конь. Даже пѣхота перевозилась и перевозится на лошадяхъ, особливо въ киргизскихъ степяхъ. Это обиліе лошадей существуетъ донынѣ, но замѣчательно, что въ три почти вѣка со времени завоеванія Сибири *мы не развели тамъ ни одной мѣстной хорошей породы*, которая бы спеціально была годна для военной службы. Исключеніе составляютъ, можетъ быть, только лошади г. Хилковскаго на Аргуни и нѣкоторыхъ богатыхъ казаковъ на линіяхъ западно-сибирской и оренбургской. Впрочемъ, для степей, гдѣ конница особенно нужна, наилучшая лошадиная раса есть туземная, воспитанная по-степному, на тебеневкахъ, т. е. пріученная къ безкормицамъ, безводью, холоду и длиннымъ переѣздамъ.

То же, что о лошадяхъ, можно сказать о фуражѣ. Въ добываніи его на всемъ протяженіи нашей границы никогда не было затрудненій, за исключеніемъ, конечно, степей зимою и въ рединѣ лѣта. Самое тяжелое испытаніе, которое намъ пришлось перенести отъ безкормицы скота, случилось въ зиму съ 1839 на 1840 годъ, въ Оренбургской степи, при походѣ на Хиву генерала Перовскаго, когда пало до 11,000 верблюдовъ и множество лошадей. Нѣчто подобное случилось съ красноводскимъ отрядомъ, при движеніи его на Хиву въ 1873 году; но затѣмъ рѣдко бывало, чтобы скотъ въ нашихъ войскахъ падалъ отъ недостатка корма. Мѣстные начальники всегда умѣли или обезпечивать себя фуражемъ заранѣе, или такъ расчитывать движеніе отрядовъ по временамъ года, что они не терпѣли недостатка въ подножномъ кормѣ. О продовольствіи людей исторія, къ сожалѣнію, сохранила много воспоминаній иного рода. Такъ, нерѣдко, въ теченіе XVII столѣтія, терпѣли голодъ казаки и другіе ратные люди, проживавшіе въ острогахъ, во время осады ихъ взбунтовавшимися туземцами, напримѣръ въ Верхоленскѣ, Якутскѣ и др. Такъ, на Амурѣ голодъ понудилъ казаковъ въ 1660 году бросить на время берега этой рѣки. На томъ же Амурѣ, два столѣтія позже, именно въ 1856 году, умерло не мало солдатъ въ пространствѣ между постами Кумарскимъ и Кутомандскимъ, гдѣ по нераспорядительности начальства продовольствія было заготовлено мало, а между тѣмъ команды засталъ ледоходъ, мѣшавшій подвигаться вдоль по рѣкѣ. Въ 1861 году голодъ посѣтилъ даже такой богатый отъ природы край, какъ долина Усури, гдѣ по неосмотрительности посѣвы были сдѣланы на мѣстахъ заливаемыхъ половодьемъ. Камчатка, Сахалинъ, низовья Амура, степи

за Иртышемъ и Ураломъ и доселѣ нуждаются въ хлѣбѣ, привозимомъ издалека, и потому не могутъ вмѣщать въ себѣ большаго числа войскъ. Можно вообще сказать, что продовольственная часть, при огромности разстояній, на которыя приходилось перевозить провіантъ, а также по безплодію нѣкоторыхъ окраинъ Азіятской Россіи или по малой ихъ населенности, всегда представляла немаловажныя затрудненія въ дѣлѣ охраны нашихъ границъ войсками.

Исторія охраненія здоровья войскъ медицинскими способами представляетъ еще болѣе печальныя страницы. Можно сказать, что до половины нашего вѣка и особенно до образованія военно-окружныхъ управленій, войска наши въ Азіятской Россіи, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ и часто малыми командами, едва знали врачебную помощь при заболѣваніи не только обыкновенными, но и повальными недугами. Бывали случаи, когда заразы или мѣстныя болѣзни истребляли почти цѣлыя команды. Особенно велика бывала смертность отъ недостатка медицинскаго надзора и пособій при водвореніи на новыхъ, дотолѣ незаселенныхъ мѣстахъ, напримѣръ на Амурѣ, гдѣ въ зиму 1856—1857 года на одномъ Усть-Зейскомъ посту изъ 120 человѣкъ умерло 29, или у залива Кайдакъ, на Каспійскомъ морѣ, гдѣ въ 1835—1836 годахъ смертность была около 26% въ годъ, и т. д. Леченіе заболѣвавшихъ всегда встрѣчало затрудненіе отъ недостатка медицинскихъ чиновъ, которые неохотно идутъ на службу въ отдаленный и глухой край, и до чего этотъ недостатокъ въ врачахъ можетъ простираться, видно изъ того, что наприм. въ 1871 г. при войскахъ Туркестанскаго края оставалась незанятою половина медицинскихъ вакансій. Устройство самыхъ постоянныхъ мѣстныхъ больницъ всегда оставляло желать многаго даже тамъ, гдѣ къ этому, по видимому, были всѣ средства. О врачебныхъ учрежденіяхъ въ пограничныхъ казачьихъ войскахъ и говорить нечего, потому что самое разселеніе казаковъ по линіямъ препятствуетъ въ нихъ медицинскому надзору и поданію помощи. Едва долгимъ опытомъ удалось привить у нѣкоторыхъ станичниковъ, напримѣръ на Иртышѣ, обычай обкуриванья лѣтомъ скота и людей, возвращающихся въ станицу съ поля, гдѣ нерѣдко свирѣпствуетъ сибирская язва.

Наконецъ объ исторіи умственнаго и нравственнаго развитія пограничныхъ войскъ, этого залога ихъ моральныхъ и боевыхъ качествъ, можно сказать, что до самой середины нашего вѣка вопросъ о немъ какъ бы не возникалъ ни въ высшихъ правитель-

ственныхъ, ни даже въ мѣстныхъ административныхъ сферахъ. Едва въ царствованіе императора Николая, именно въ сороковыхъ годахъ, основаны были кадетскіе корпуса въ Оренбургѣ и Омскѣ, доставившіе наконецъ нѣсколько сотъ сравнительно-образованныхъ офицеровъ. До того же времени большинство мѣстныхъ начальниковъ, особливо казачьихъ, едва знало грамату, а переводимые изъ Европейской Россіи обыкновенно отличались худою нравственностью или малоспособностью къ службѣ. Вотъ почему тактическое образованіе сибирскихъ войскъ всегда стояло ниже, чѣмъ въ европейской Россіи. А какъ при томъ они не имѣли и той боевой дѣятельности, которая образовала, напримѣръ, превосходную армію на Кавказѣ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и доселѣ есть много недостатковъ какъ въ линейныхъ баталіонахъ, такъ особенно въ казачьихъ войскахъ. Впрочемъ, есть одна сторона, которая у всѣхъ русско-азіятскихъ войскъ развита въ высокой степени: это способность переносить труды и лишенія; Наполеонъ справедливо считалъ ее первою добродѣтелью солдата. Присоединивъ къ ней нѣкоторый навыкъ къ службѣ на постахъ и въ мелкихъ отрядахъ, сознаніе своего достоинства по сравненію съ сосѣдними азіятцами и техническое превосходство оружія, можно, слѣдовательно, сказать, что войска наши на азіятскихъ окраинахъ всегда отвѣчали требованіямъ, которыя можно было обращать къ нимъ. И подвиги ихъ въ борьбѣ не только съ среднеазіятцами, но даже съ европейцами, какъ въ 1854—1855 годахъ въ Камчаткѣ и въ Кастри, свидѣтельствуютъ, что боевыя ихъ качества всегда были удовлетворительны.

Общій характеръ поступательнаго движенія.

Въ заключеніе взгляда на постепенное расширеніе и упроченіе русскихъ предѣловъ въ Азіи не излишне будетъ упомянуть, въ немногихъ словахъ, объ общемъ характерѣ поступательнаго движенія нашего на азіятскомъ материкѣ, о политическихъ цѣляхъ, которыя преслѣдовались при этомъ, и о системахъ дѣйствій, употреблявшихся въ пограничныхъ дѣлахъ. Первые завоеватели, спутники Ермака, какъ извѣстно, явились сюда искателями приключеній, думавшими посредствомъ военныхъ подвиговъ и подчиненія новыхъ странъ московской державѣ заслужить себѣ прощеніе въ прежнемъ разбойничествѣ. Къ этому, конечно, присоединялась жажда личной наживы, уже въ XVI вѣкѣ двинувшая за Уралъ массы промышленниковъ. Такой колоритъ завоеваніе Сибири сохранило и во все

XVII столѣтіе. Много московскихъ людей того времени бросало родину и шло въ сѣверную Азію, не справясь ни съ чѣмъ болѣе, какъ съ собственными воображеніемъ и корыстью. Но уже въ 1583 году, съ прибытіемъ перваго воеводы въ Сибирь, политика правительства овладѣла этимъ народнымъ движеніемъ и съ тѣхъ поръ неуклонно имъ управляла, *предоставляя впрочемъ*, до самаго начала петербургскаго періода русской исторіи, *починъ дѣла*, т. е. раскрытіе и занятіе новыхъ земель, *личной предпріимчивости завоевателей*. До какой степени это покровительство личной иниціативѣ нашихъ піонеровъ въ сѣверной Азіи было въ порядкѣ московской политики, видно, напримѣръ, изъ дозволенія, даннаго простому солепромышленнику, Хабарову, идти занимать Амуръ. Даже въ XVIII вѣкѣ, при Петрѣ I, столь великомъ централизаторѣ политической власти, частный починъ въ дѣлѣ расширенія русскихъ предѣловъ находилъ еще поддержку въ правительственныхъ сферахъ. Такъ, въ 1711 году, губернаторъ Сибири, Гагаринъ, писалъ якутскому воеводѣ Трауернихту: «сказывали мнѣ казаки и дворяне якутскіе, что ваша милость удержалися охотниковъ отпустить на новую землю, что̀ островъ противъ Колымы, затѣмъ, что безъ указа не смѣли; и ваша милость отнюдь того медлить не изволь». Это покровительственное отношеніе правительства къ начинаніямъ частныхъ лицъ чрезвычайно облегчало ходъ завоеванія столь обширной страны какъ Сибирь. Оно же, слѣдуетъ прибавить, привело и къ тому, что въ концѣ XVII столѣтія мы имѣли въ Азіятской Россіи совершенно естественную границу на югѣ, границу *лучше которой*, во многихъ отношеніяхъ, *у насъ потомъ не было никогда*. Казаки и промышленники остановились на Иртышѣ, на Алтайскихъ и Саянскихъ горахъ, на Аргуни и на Амурѣ; но ни киргизскія степи, ни Туркестанъ, ни Чжунгарія и Монголія ихъ, представителей жизни осѣдлой, совсѣмъ не плѣняли.

Со времени Петра, когда центральное правительство взяло сполна дѣло завоеваній въ свои руки, событія на нашихъ азіятскихъ границахъ приняли совсѣмъ иной видъ, чѣмъ при его дѣдѣ, отцѣ и старшемъ братѣ. Первый пограничный договоръ нашъ былъ намъ невыгоденъ; двѣ первыя экспедиціи внутрь степей кончились больше чѣмъ неудачно. Охотниковъ идти населять новую страну не стало. Бѣгали за Уралъ преступники, бѣгали гонимые раскольники, переселялись насильно ямщики, каторжники, люди признанные за негодныхъ помѣщиками или общинами, но добровольно желающихъ уже не появлялось. Въ самое короткое время сложилось въ народѣ

то понятіе о Сибири, которое потомъ на цѣлыя поколѣнія русскихъ людей по сю сторону Урала наводило безсознательный ужасъ. А благодаря этому-то понятію мы, черезъ 290 лѣтъ послѣ прихода, имѣемъ на азіятскомъ материкѣ меньше русскихъ, чѣмъ сколько есть англичанъ въ Австраліи, хотя послѣдніе начали заселять ее лишь въ XIX вѣкѣ, и хотя эта страна лежитъ не только не въ сосѣдствѣ съ Англіей, а даже почти въ антиподахъ ея. Административныя мѣры, въ родѣ приписки рѣдкаго русскаго населенія Сибири къ кабинетскимъ горнымъ заводамъ или непозволенія имѣть поземельную собственность, устраивать частные винокуренные заводы, учредить высшее учебное заведеніе и т. п., лишивъ русскую Азію всякой привлекательности для образованныхъ и зажиточныхъ людей, довершили приговоръ ея на долгій экономическій застой, а съ нимъ и на долговременное безлюдіе. Выгодно ли это было въ смыслѣ военномъ, т. е. для упроченія и охраны нашихъ границъ, объ этомъ, конечно, нѣтъ нужды говорить.

Въ 1732 году былъ сдѣланъ новый роковой шагъ. Непопулярное въ Россіи и, можно сказать, незнавшее ея интересовъ правительство временъ Бирона, изъ одного обольщенія внѣшнимъ и нежданнымъ успѣхомъ, приняло подданство такого же нелюбимаго своимъ народомъ хана Абульхаира. Отсюда возникла для насъ необходимость пройти насквозь всѣ пустыни Средней Азіи, чтобы раньше или позднѣе протянуть нашу границу вдоль Гиндукуша и горъ Хорасанскихъ. Здѣсь родилась та дорого стоющая Россіи система движеній впередъ по степямъ безплоднымъ, безводнымъ и населеннымъ такими подданными, что отъ нихъ нужно обороняться линіями крѣпостей, что цѣлыя 130 лѣтъ они считались людьми заграничными, и что ихъ чрезъ 140 лѣтъ послѣ присяги можно держать въ покорности только страхомъ оружія. Государственные акты и существующія историческія изслѣдованія не даютъ намъ возможности выразить въ цифрахъ жертвы деньгами и людьми, которыя должна была понести Россія для поддержки и упроченія пріобрѣтенія Бирона; но, конечно, это пріобрѣтеніе стоило намъ, и еще долго будетъ стоить, многихъ милліоновъ непроизводительныхъ издержекъ и огромной траты людей.

Покорность киргизовъ сопровождалась немедленно основаніемъ *линій*. Съ тѣхъ поръ политика наша долго стояла за эти линіи, какъ за рубежъ, чрезъ который переступать не слѣдуетъ.... кромѣ, конечно, случаевъ, когда того требовали безпокойства, причиняемыя собственными залинейными подданными.... Это было странное явле-

ніе *двойной* государственной границы — дѣйствительной и фиктивной — на пространствѣ отъ Каспійскаго моря до подножій Алтая. И, что еще страннѣе, такая двойственность поддерживалась иными мѣстными дѣятелями, которые не могли не знать близко всѣхъ крайнихъ ея неудобствъ. Неопредѣлительность же взглядовъ на степи центральной администраціи была такъ велика, что никакихъ попытокъ къ правильному устройству ихъ не было сдѣлано въ теченіе цѣлыхъ девяноста лѣтъ со времени пріобрѣтенія ихъ *). Ханы продолжали считаться главами двухъ ордъ, Малой и Средней, хотя въ дѣйствительности власть ихъ нерѣдко бывала совершенно ничтожна, и киргизы повиновались разнымъ султанамъ, біямъ и батырямъ, которые не стѣснялись производить всевозможные безпорядки и грабить не только наши караваны въ степи, но даже самую пограничную линію.

Въ 1820-хъ годахъ убѣжденія государственныхъ людей однако начали выясняться **). Тогда именно въ киргизскихъ степяхъ сдѣланы были первые шаги къ прочному покоренію номадовъ, а вмѣстѣ и къ исполненію исторической необходимости идти къ Гиндукушу.

---

*) Учрежденіе киргизскихъ судовъ въ Оренбургѣ и Петропавловскѣ, куда никто изъ ордынцевъ не являлся на разбирательство, конечно, не можетъ быть названо шагомъ къ правильной администраціи степей.

**) Этого, впрочемъ, нельзя сказать про тогдашняго представителя нашей иностранной политики, графа Нессельроде, какъ видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Въ 1824 г. китайцы выслали до Баянъ-аула 300 солдатъ, при амбанѣ, съ цѣлью возвести въ ханы подвластной намъ Средней Орды султана Габайдуллу, имъ преданнаго. Сибирскія власти, естественно, выслали съ своей стороны отрядъ, чтобы схватить Габайдуллу, въ чемъ и успѣли. Но графъ Нессельроде былъ недоволенъ и писалъ по этому поводу, что «прибытіе въ Орду китайскаго амбаня для возведенія на ханство Габайдуллы есть происшествіе довольно обыкновенное въ своемъ источникѣ и по своемъ послѣдствіямъ, что этотъ поступокъ китайцевъ должно считать дѣйствіемъ принятаго ими обыкновенія въ отношеніи къ киргизамъ, сосѣднимъ съ Илійскою областью; что вліяніе китайскаго правительства на подданныхъ намъ киргизовъ существуетъ издавна и никогда не производило какого-либо разстройства въ зависимости киргизскихъ ордъ отъ Россійской Державы, несмотря на то, что китайцы возводили султановъ на ханство въ Средней Ордѣ». Затѣмъ формально предписывалось слѣдующее: «Какъ россійское правительство высоко цѣнитъ союзъ Россіи съ Китаемъ и весьма далеко отъ того, чтобы возвышеніе киргизскаго султана принять поводомъ къ какимъ-либо недоразумѣніямъ, то слѣдуетъ считать настоящее происшествіе обыкновеннымъ случаемъ и устранить все, что могло бы препятствовать прибывшему изъ Кульджи амбаню въ достиженіи цѣли его экспедиціи».... А султану Габайдуллѣ велѣно «замѣтить съ кротостію несовмѣстность его настоящаго положенія съ обязанностью россійскаго вѣрноподданнаго».

Для этого, съ одной стороны, устроены были первыя укрѣпленія и приказы въ земляхъ Средней Орды, впереди линіи, а съ другой сдѣланы экспедиціи Муравьева и Берга къ странѣ средне-азіятскихъ ханствъ и основана передовая Илецкая линія около Оренбурга, въ землѣ Малой Орды. Къ концу того же десятилѣтія зародилась даже болѣе свѣтлая мысль — воротить Амуръ. Но эта мысль, принадлежавшая генералъ-губернаторамъ Восточной Сибири, благодаря политикѣ неподвижности въ нашихъ отношеніяхъ къ Китаю, развиваемой графомъ Нессельроде, оставлена была, на первый разъ, безъ послѣдствій, кромѣ небольшой секретной экспедиціи въ Албазинъ Ладыженскаго, въ 1834 году.

Двадцатилѣтній періодъ, съ 1834 по 1853 годъ, весь былъ посвященъ одному упроченію и расширенію нашихъ границъ въ Средней Азіи. И хотя при этомъ не было составлено ничего подобнаго тому изящному и глубоко-обдуманному плану, который въ 1856—1864 годахъ привелъ, съ неотразимой послѣдовательностью, къ обращенію Кавказа въ русскую землю, но правительство уже употребляло всѣ мѣры, чтобы дѣйствовать сознательно. Для этой цѣли отправлялись ежегодно за нашу *линію* экспедиціи развѣдочныя и даже иногда политическія. Но въ самомъ началѣ этой дѣятельности была сдѣлана важная ошибка: отрѣзаны у киргизовъ Малой Орды лучшія ихъ кочевки между Новой и Старой линіями и отданы казакамъ. Степь отвѣчала на захватъ волненіями, которыя при Кенисарѣ достигли своего апогея. Борьба же съ волненіями вынудила, съ одной стороны, частое употребленіе дорогаго паліативнаго средства — высылки въ степь временныхъ отрядовъ, — а съ другой, привела къ мѣрѣ еще болѣе дорогой, хотя и считавшейся радикальною — къ военнымъ походамъ въ средне-азіятскія ханства. Эти походы тогда были, очевидно, рановременны; но они были въ духѣ общей политики, возникшей тогда въ правительственныхъ средахъ подъ вліяніемъ соперничества съ Англіею. Неудача экспедиціи генерала Перовскаго къ сторонѣ Хивы заставила, однако, измѣнить стратегическіе пріемы наши по отношенію къ Средней Азіи, и отъ системы подвижныхъ отрядовъ, имѣвшей будто бы ту выгоду, что она лишала киргизовъ ихъ земель чрезъ водвореніе нашихъ селеній, мы перешли къ системѣ степныхъ укрѣпленій, успѣхъ которой уже былъ испытанъ въ Сибири. Представитель этого направленія, генералъ Обручевъ, имѣлъ, впрочемъ, на степной вопросъ свой особый взглядъ, во многомъ расходившійся съ тѣмъ, который былъ принятъ потомъ въ руководство. Именно, раз-

сматривая карту тогдашняго (1840-хъ годовъ) распространенія нашего въ Средней Азіи, Обручевъ находилъ, что мы уже пришли къ довольно естественному рубежу, то есть къ сѣверной окраинѣ голодной и песчаной степной полосы, которая отъ Каспійскаго моря, черезъ Усть-Уртъ, тянется на сѣверѣ отъ Аральскаго моря, Сыра и Чуя, а потомъ по берегу Балхаша и по ложбинѣ отъ него къ Ала-кулю. Поэтому онъ полагалъ остановиться въ распространеніи къ югу и испытать, не довольно-ли будетъ для охраненія нашихъ земель небольшаго числа укрѣпленій, поставленныхъ вдоль этой окраины, *сѣвернѣе* ея. Взглядъ Обручева основывался на томъ, что чрезъ голодныя пустыни хищники не могутъ къ намъ проникать большими партіями изъ-за границы, а собственныхъ подданныхъ мы всегда можемъ держать въ покоѣ, какъ скоро есть наблюдательные пункты на окраинѣ ихъ кочевокъ. Но судьба влекла насъ дальше, чѣмъ полагалъ Обручевъ, съ какою-то роковою неотразимостью. Въ 1846 году положено было, въ придачу къ двумъ уже возникшимъ степнымъ укрѣпленіямъ, Иргизскому и Тургайскому, основать третье не на верховьяхъ Эмбы, какъ полагало оренбургское начальство, а на нижнемъ теченіи Сыръ-Дарьи. Это былъ второй роковой шагъ со времени Бирона, шагъ, послѣ котораго не было уже поворота назадъ, хотя повидимому лица, производившія его, смотрѣли на дѣло иначе и думали ограничиться сѣверными берегами Аральскаго моря, Сыра и Чу. Одновременно съ этимъ «успѣхомъ» на оренбургской окраинѣ были сдѣланы пріобрѣтенія и въ западной Сибири: присягнула на подданство Большая Орда, которая со времени паденія Чжунгарскаго царства подчинялась то Китаю, то Кокану и не имѣла, по самому положенію своему за Балхашемъ и за двумя полосами песковъ, никакихъ почти сношеній съ Россіею.

Основаніе Раимскаго укрѣпленія, разумѣется, не успокоило оренбургской степи, и караваны какъ изъ Бухары, такъ даже изъ Хивы, проходившіе очень близко отъ Раима, продолжали терпѣть отъ хищниковъ. Притомъ отдаленность этого форта отъ дѣйствительныхъ нашихъ границъ дѣлала положеніе его самого довольно опаснымъ, тѣмъ болѣе, что на Сырѣ приходилось имѣть дѣло уже не съ одними номадами, а и съ осѣдлыми жителями средне-азіятскихъ ханствъ. Эти послѣднія съ справедливымъ опасеніемъ взирали на приближеніе грознаго сосѣда съ сѣвера, и потому употребляли всѣ мѣры понудить его возвратиться назадъ. Но это было уже невозможно, развѣ если бы мы разъ навсегда отреклись и отъ всякихъ владѣній въ Средней Азіи, и отъ пріобрѣтеннаго на нее нравствен-

наго вліянія, *которое поддерживать можно только непрерывными успѣхами*, безъ малѣйшихъ неудачъ или отступленій. За Раимомъ слѣдовала цѣлая сыръ-дарьинская линія, особенно послѣ того, какъ послѣдняя попытка Перовскаго приложить прежнюю систему отрядовъ кончилась несовсѣмъ удачно, отбитіемъ (въ 1852 году) полковника Бларамберга отъ Акмечети. Въ 1853 году Акмечеть была взята и основанъ фортъ Перовскій, съ двумя другими, лежащими ниже его по Сыру. Но эта линія, если такъ можно выразиться, висѣла на воздухѣ. Не только снабженіе ея всѣмъ нужнымъ было до крайности затруднительно *) по отдаленности отъ Урала, но самая охрана ея требовала большихъ заботъ и постояннаго напряженія всѣхъ нашихъ силъ въ степи, потому что коканцамъ и состоявшимъ подъ ихъ покровительствомъ каратаускимъ киргизамъ ничего не стоило обходить нашъ лѣвый флангъ и перерѣзывать сообщеніе съ укрѣпленіями на Иргизѣ и Тургаѣ, слѣдовательно съ Россіею вообще. Необходимость примкнуть лѣвый флангъ оренбургской передовой линіи къ правому флангу сибирской становилась очевидною; но удовлетворить ей было не легко, потому что между Акмечетью и Вѣрнымъ, основаннымъ въ 1855 году, лежитъ не менѣе 900 верстъ самыхъ безотрадныхъ степей. Вопросъ о соединеніи линій или о сомкнутіи границы въ началѣ 1860-хъ годовъ занималъ одинаково какъ центральное правительство, такъ и мѣстныхъ главныхъ начальниковъ въ западной Сибири и въ Оренбургѣ; но взвѣсить нужныя для рѣшенія его средства казалось затруднительнымъ, какъ по недостаточному знанію нами мѣстныхъ естественныхъ условій зачуйскаго края, такъ и по недовольно-ясному представленію о могуществѣ Кокана. Наконецъ смѣлые поиски небольшихъ отрядовъ на Чу, Иссыкъ-кулѣ, Нарынѣ и въ Каратау, паденіе Токмака, Пишпека, Джулека, Куртки освоили насъ съ мыслію, что занять линію по сѣверную сторону горъ Киргизнынъ-Алатау, Бородлая и Каратау не составитъ большаго труда. Но для занятія этой линіи мы должны были начать съ обоихъ ея концовъ наступательныя дѣйствія довольно большими отрядами, втянуться въ войну съ Коканомъ; эта же война привела насъ незамѣтно въ бассейнъ Арыса, т. е. на южную сторону Боролдайскихъ горъ, къ Туркестану, Чемкенту и наконецъ, въ 1865 году, къ Ташкенту.

Занятіе въ 1866 и 1868 годахъ Ходжента, Джизака и Самарканда составляло простое лишь продолженіе того поступательнаго

*) Напримѣръ, бревна для построекъ привозились на вьюкахъ изъ Оренбурга.

движенія нашего въ Туранѣ, о *неизбѣжности* котораго не разъ уже упомянуто. Съ 1869 года наше вниманіе невольно обратилось при томъ на Хиву. Это ничтожное ханство имѣетъ очень выгодное положеніе въ центрѣ Средней Азіи, какъ потому, что оно окружено кочевьями хищниковъ, которыхъ систематически направляетъ противъ сосѣдей, простирая свою дерзость даже до подстрекательствъ къ безпорядкамъ нашихъ подданныхъ и до сбора съ нихъ зякета, такъ и по труднодоступности своей територіи. Въ 1858 г. ханство это было посѣщено нашимъ посольствомъ и однимъ военнымъ суднομъ съ Аральскаго моря; но съ тѣхъ поръ оно какъ-бы впало въ забвеніе, несмотря на то, что напоминало намъ о себѣ частыми хищничествами на Усть-Уртѣ и даже къ сѣверу отъ Аральскаго моря. Только въ 1869 году поддержаніе хивинцами открытаго противу насъ бунта прикаспійскихъ киргизъ и безпорядки, возбужденные ими на орско-казалинскомъ трактѣ, заставили приступить къ прочнымъ, хотя и дорогимъ мѣрамъ противъ Хивы. Первою изъ нихъ было занятіе Красноводска, на восточномъ берегу Каспійскаго моря; затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ рекогносцировокъ мѣстности въ туркменскихъ и задарьинскихъ степяхъ. Наконецъ въ 1873 году состоялась большая экспедиція, направленная съ разныхъ странъ въ предѣлы самой Хивы.

Теперь на очереди стоятъ степи, обитаемыя туркменами. И хотя колегія иностранныхъ дѣлъ еще въ 1767 году справедливо нашла, что «народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ», а потому отклонила его искательство поступить въ число русскихъ подданныхъ; но сила исторической необходимости могущественнѣе самой твердой воли людей наиболѣе проницательныхъ. Туркменскія степи, безъ сомнѣнія, скоро войдутъ въ составъ русскаго государства, и такимъ образомъ мы сдѣлаемъ послѣдній шагъ къ невольному перенесенію нашихъ границъ къ горамъ Хорасана. Безъ этого условія нѣтъ возможности держать въ уѣздѣ самыхъ закоренѣлыхъ изъ всѣхъ степныхъ варваровъ Средней Азіи.

Та же участь ждетъ, безъ сомнѣнья, Коканъ, хотя до времени онъ намъ полезенъ въ томъ полузависимомъ состояніи, въ какое поставленъ съ 1868 и 1869 годовъ. Къ военному занятію Ферганы пока не представляется поводовъ, а между тѣмъ спокойствіе ея даетъ намъ возможность не увеличивать слишкомъ числа войскъ въ Туркестанѣ, гдѣ содержаніе ихъ такъ недешево. Въ случаѣ надобности, благодаря фиктивной самостоятельности Кокана, можно

еще будетъ приложить въ Средней Азіи къ дѣлу принципъ *divide et impera*, чтобы ослабить вновь возникшее государство кашгарское, котораго властитель есть бывшій подданный коканскаго хана, имъ нелюбимый. Всякое взаимное истребленіе средне-азіятцевъ есть для насъ положительная выгода, лишь бы ихъ столкновенія происходили не на нашихъ земляхъ и не вредили прямо нашей торговлѣ.

О самомъ кашгарскомъ владѣніи можно сказать, что пока оно въ кругъ нашихъ военно-политическихъ соображеній входитъ немного. Рѣдкія пограничныя сношенія касались только притѣсненій, дѣланныхъ Якубъ-Бекомъ нашимъ номинальнымъ подданнымъ въ Небесныхъ горахъ—черикамъ, затѣмъ болѣе важныхъ прижимокъ, оказанныхъ имъ въ самомъ Кашгарѣ нашимъ купцамъ. Но когда въ 1872 году туркестанскій генералъ-губернаторъ, уже прежде принимавшій сына Якубъ-Бека, отправилъ въ Джитышаръ посольство, подкрѣпивъ его въ тылу военнымъ отрядомъ, тогда кашгарскій аталыкъ-газы поспѣшилъ принять предложенныя ему условія о свободной торговлѣ, и Джитышаръ сдѣлался доступенъ русскимъ купцамъ. Взятіе нами въ 1871 году Кульджи само собою положило предѣлъ искательствамъ Якубъ-Бека въ пріилійскомъ краѣ; но за то, увѣрясь въ дружелюбномъ настроеніи нашемъ, этотъ коканскій авантюристъ не замедлилъ утвердиться въ Урумци, т. е. въ мѣстности, лежащей сѣвернѣе Тянь-шаня, съ прямою и ясно высказываемою цѣлью водворить на развалинахъ китайскаго могущества царство ислама. Въ то же время онъ ведетъ дѣятельныя сношенія съ англійской Индіей, снабжающей его оружіемъ и инструкторами для войскъ.

Этимъ можно окончить историческій взглядъ на политику нашу относительно Туркестана, т. е. степныхъ земель къ югу отъ западной Сибири и Оренбурга. Но степи лежатъ у насъ не только на югѣ отъ береговъ Урала и Иртыша, а и на востокѣ. Только здѣсь, уже съ половины прошлаго вѣка, мы коснулись владѣній большаго и намъ дружественнаго государства—Китая, хотя офиціяльной границы долго съ нимъ не имѣли. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы мы желали, то и въ этомъ направленіи поступательное наше движеніе могло бы быть столь же значительно, какъ въ Туранѣ. Одни переходы номадовъ изъ государства въ государство могли дать легкій поводъ къ прореканіямъ, къ давленію съ нашей стороны на китайцевъ, а потомъ къ самымъ завоеваніямъ. Столкновенія и бывали, даже весьма рѣшительныя, какъ, напримѣръ, истребленіе нашей фак-

торіи въ Чугучакѣ китайскою чернью въ 1855 году и даже открытое сраженіе между войсками двухъ государствъ въ 1862 году. Но добрая воля двухъ правительствъ всегда стремилась тутъ къ упроченію *мирныхъ* сношеній, а не къ завоеваніямъ. Первый договоръ, который касался этихъ мѣстностей, былъ договоръ кульджинскій 1851 года, относившіяся только до торговли и не упоминавшій ни однимъ словомъ о такъ-называемыхъ пограничныхъ дѣлахъ, т. е. объ установкѣ государственнаго рубежа, о его охраненіи, о выдачѣ перебѣжчиковъ и т. п. Плодомъ этого трактата былъ блестящій успѣхъ нашей торговли, которая въ три года возрасла до 1,200,000 рублей въ одномъ Чугучакѣ, и вѣроятно пошла бы далѣе, если бы чернь не сожгла въ 1855 году нашей чугучакской факторіи. Затѣмъ до самаго начала возстанія дунганей въ Или, т. е. до 1865 года, вся наша граница съ Китаемъ въ западно-сибирской степи была постоянно спокойна, за исключеніемъ рѣдкихъ и ничтожныхъ хищничествъ, производимыхъ мелкими шайками барантачей, и случайныхъ переходовъ въ наши предѣлы бѣглыхъ китайцевъ, искателей золота. Въ 1864 году условлена была даже оффиціальная граничная линія между двумя государствами; но за начавшимися у китайцевъ безпорядками она не могла быть тогда же обозначена на самой почвѣ, и только въ 1869 и 1870 годахъ комисары двухъ сторонъ успѣли поставить граничные столбы на пространствѣ отъ Шабина-дабага до перевала Хабаръ-асу въ Тарбагатайскомъ хребтѣ, чѣмъ наконецъ и положено прочное основаніе всѣмъ будущимъ мѣрамъ къ правильному охраненію этого рубежа.

Но если на джунгарской границѣ нашей съ Китаемъ мы всегда были въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ съ этой имперіей, то нельзя сказать, чтобы, заключая самый пограничный договоръ, не увлеклись нѣсколько завоевательнымъ духомъ, развившимся, должно замѣтить, у нашихъ западно-сибирскихъ начальствъ главнѣйше вслѣдствіе непрерывнаго движенія впередъ къ сторонѣ Туркестана. Такъ, при заключеніи трактата, нами выговорены были земли по правой сторонѣ рѣки Чарына и по лѣвой Чернаго Иртыша, вовсе для насъ ненужныя и никогда намъ непринадлежавшія. Агенты наши по разграниченію, конечно, полагали, что эти земли слѣдуютъ къ Россіи потому, что служатъ кочевками для ея подданныхъ; но это есть не вполнѣ ясное пониманіе дѣла. Кочевья киргизовъ и калмыковъ на Текесѣ, Кегенѣ и Черномъ Иртышѣ никогда не были разграничены какими-либо условными или даже естественными рубежами; ихъ предѣлы суть подвижныя и весьма неправильныя кри-

выя линіи, которыхъ положеніе годъ отъ году измѣнялось, смотря по состоянію травъ, уговорамъ между номадами и т. д. Они, слѣдовательно, никакъ не могли быть выбраны за *постоянные* рубежи между двухъ государствъ. Да никто и не спрашивалъ у кочевниковъ, гдѣ границы ихъ земель, отчего и вышло, напримѣръ, что на Черномъ Иртышѣ государственная граница разрѣзала кочевки нѣкоторыхъ родовъ, къ большому неудобству для нихъ и для насъ.

Любопытно то, что, находясь въ мирныхъ отношеніяхъ къ китайцамъ въ Чжунгаріи и ведя съ ними довольно дѣятельную торговлю, мы, съ 1851 по 1869, почти ничего не сдѣлали для изученія этой сосѣдней намъ провинціи Небесной Имперіи. Несмотря на то, что у насъ были тутъ два консульства, къ Кульджѣ и Чугучакѣ, никакихъ статистическихъ, этнографическихъ и даже просто географическихъ свѣдѣній оттуда не поступало. Такое явленіе можно считать исключительнымъ въ нашей азіятской политикѣ, и объяснить его можно лишь тѣмъ, что собственно мѣстныя, пограничныя наши власти долгое время не увлекались поступательнымъ движеніемъ въ этомъ направленіи, слѣдовательно и не имѣли къ развѣдкамъ поводовъ; консулы же не считали себя обязанными дѣлать что-либо для науки, а можетъ быть и не были для того достаточно развиты и свѣдущи. За исключеніемъ карты г. Захарова, при помощи омскихъ топографовъ скопированной съ китайскихъ оригиналовъ, ни одного дѣльнаго труда о китайской Чжунгаріи у насъ не появлялось съ самой поѣздки хорунжаго Путимцева въ Кульджу въ 1811 году и съ перевода Іакинфомъ китайскаго описанія этой области въ 1827 году. Впрочемъ, весьма возможно, что это было слѣдствіемъ политики невмѣшательства *), которая принята была съ самаго 1863 года, т. е. съ начала дунганскаго возмущенія въ Урумци, и отъ которой мы отказались не ранѣе, какъ въ 1871 году, когда многолѣтній опытъ убѣдилъ, что для сохраненія спокойствія у себя дома, въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣчинской, намъ необходимо задувать всякій революціонный пожаръ въ сосѣдней намъ китайской Чжунгаріи, такъ какъ *интересы обѣихъ владѣющихъ имперій, по отношенію къ варварскому населенію Средней Азіи, совершенно тождественны и состоятъ въ конечномъ обезсиленіи и умиротвореніи этихъ варваровъ*.

---

*) Это *невмѣшательство* простиралось до того, что въ 1870 г., въ инструкціи посланнику въ Пекинѣ, министерство иностранныхъ дѣлъ выразилось, что «отношенія наши къ дунганамъ ему *неизвѣстны:* они *скорѣе* враждебны».

Отъ западной Сибири переходя къ восточной, нельзя прежде всего не замѣтить, что тутъ, на протяженіи отъ Шабина-дабага до Усть-Стрѣлки, во все время съ 1728 года не было никакихъ перемѣнъ въ положеніи границы и даже возникало весьма немного пограничныхъ дѣлъ, не смотря на то, что по обѣ стороны государственнаго рубежа живутъ, по большей части, кочевыя и охотничьи племена. Конечно, и здѣсь, подъ вліяніемъ общенаступательныхъ стремленій, развившихся въ эпоху занятія Амура, не обошлось безъ попытокъ къ расширенію, но попытки остались безъ послѣдствій. Такъ, въ 1856 году одинъ нашъ золотопромышленникъ, узнавъ о розсыпяхъ золота вблизи озера Косогола, старался убѣдить мѣстныя власти въ Иркутскѣ, что присоединеніе къ Россіи всего водоема этого озера будетъ истиннымъ благомъ, и притомъ очень возможнымъ въ силу договора 20-го августа 1727 года. Въ 1857 году подобное же мнѣніе высказалъ одинъ офицеръ, посланный для ближайшаго ознакомленія съ краемъ. Но отъ проницательнаго взгляда графа Муравьева-Амурскаго не укрылось все ничтожество этихъ проектовъ, и они оставлены были безъ послѣдствій, несмотря на то, что въ 1858 году Россія могла сдѣлать съ Китаемъ все, что хотѣла. За то на крайнемъ юго-востокѣ Сибири, тотъ же государственный человѣкъ успѣлъ сдѣлать пріобрѣтеніе, котораго важность для всего русскаго народа станетъ расти все больше и больше съ годами, до отдаленной будущности. Разумѣемъ возвращеніе Амура, потеряннаго въ 1689 году. Дѣло это вообще принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ событій XIX столѣтія, какъ потому, что придвинуло наконецъ Россію, хотя съ одной стороны, къ *открытому* морю, такъ и потому, что велось съ замѣчательною предусмотрительностью и искуствомъ. Начатое скромными учеными экспедиціями *) 1840-хъ годовъ вдоль Становаго хребта и въ Татарскомъ проливѣ, оно быстро и рѣшительно приведено было къ развязкѣ въ 1854—1858 годахъ. Самая война наша съ западными державами послужила въ пользу смѣлаго начинанія. И едва вопросъ о присоединеніи амурской страны былъ 2-го января 1854 года, вопреки графу Нессельроде, утвердительно рѣшенъ императоромъ Николаемъ на бумагѣ, какъ уже весною того года плыла внизъ по Амуру многочисленная экспедиція, которой офиціяльная, заявленная китайцамъ и ими признанная цѣль была — снабженіе всѣмъ нужнымъ Камчатки, а цѣль дѣйствитель-

*) Миддендорфа, Ахте, Меглицкаго, Невельскаго.

ная — занятіе низовій Амура, гдѣ для насъ было важно немедленно утвердиться. Въ слѣдующій годъ, подъ тѣмъ же предлогомъ, экспедиція была повторена, и возникли первыя земледѣльческія селенія наши на нижнемъ теченіи рѣки, гдѣ съ 1851 года стоялъ военный постъ Николаевскій. Мало того: въ сознаніи стратегической важности для насъ Сахалина, еще въ 1853 году и на немъ былъ учрежденъ нашъ постъ, который однако, по случаю войны съ англо-французами, пришлось временно снять. Въ 1857 году заселено было наконецъ обширное протяженіе верхняго Амура, отъ Усть-Стрѣлки до Хингана, а 16-го мая слѣдующаго года подписанъ достопамятный айгунскій договоръ, который доставилъ намъ 11,000 квадратныхъ миль лучшихъ въ Сибири земель безъ потери капли крови, въ противоположность тому, что мы видѣли въ безплодныхъ степяхъ Средней Азіи. Въ 1860 году, наконецъ, была проведена и обозначена на мѣстахъ граница съ Китаемъ въ усурійскомъ краю, къ сожалѣнію не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ стратегическомъ, экономическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ, вслѣдствіе недовольно обстоятельнаго изслѣдованія страны за Ханкаемъ въ 1859 году и недостаточно-зрѣлаго обсужденія дѣла пограничными нашими комисарами, какъ то позднѣе случилось и на границѣ съ Чжунгаріею.

Съ 1860 года пограничныя наши отношенія къ Китаю, со стороны восточной Сибири, повидимому прочно установились и не допускали уже никакой возможности поступательнаго движенія нашего въ сосѣднія части Небесной имперіи. Окончивъ занятіе Амура, мы отказались отъ всякихъ, самомалѣйшихъ подстрекательствъ въ Халхѣ, гдѣ опытъ ихъ былъ сдѣланъ въ 1857 году, при заселеніи верхняго Амура, когда можно было ожидать войны съ Китаемъ. Нашей задачей стало поддерживать и развивать торговыя связи съ сосѣдними частями дайцинской монархіи и отнюдь не нарушать ея цѣлости *) и значенія въ Азіи. Но тутъ историческія судьбы самой этой имперіи стали въ противоположность этимъ видамъ, и не только торговля наша съ 1860 года постепенно упадала по всей русско-китайской границѣ, но и намъ пришлось прибѣгнуть къ переходу этой границы съ военными силами. Въ предѣлахъ Монголіи это ограничилось впрочемъ лишь временнымъ усиленіемъ консульскаго конвоя въ Ургѣ, которой дунганское воз-

*) Ничтожное дѣло о золотыхъ пріискахъ на р. Катапцѣ (Хатынь-су) не составляетъ исключенія.

станіе стало угрожать въ 1870 году; но въ Чжунгаріи дѣла пошли дальше, и наши отряды, направленные туда въ 1871 г. съ цѣлью подавить инсурекцію, заняли Кульджу.

На крайнемъ юго-востокѣ Сибири, къ сторонѣ Кореи, которая съ 1859 года стала намъ государствомъ сосѣднимъ, нѣтъ и не было поводовъ къ выходу, съ нашей стороны, изъ безусловнаго невмѣшательства въ дѣла этого полуострова, особенно послѣ того, какъ въ 1868 году корейское правительство формально объявило о нежеланіи своемъ имѣть съ нами какія-либо пограничныя связи. Существуютъ, конечно, мотивы для выхода изъ такого ненормальнаго для сосѣдей положенія; но они съ большимъ удобствомъ могли бы служить для начала сношеній корейцамъ, чѣмъ намъ, для которыхъ они невыгодны. Именно два вопроса могли бы быть подняты корейцами: о переходѣ въ наши предѣлы значительнаго числа ихъ соотечественниковъ эмигрантовъ, гдѣ они приняты въ наше подданство, и о бомбардированіи одной корейской деревни нашею канонерскою лодкою «Соболь», произведенномъ въ 1869 году. Но, чувствуя свою слабость по отношенію къ Россіи, корейское правительство молчитъ, а затѣмъ у насъ самихъ нѣтъ никакого повода вступать въ офиціяльныя и даже частныя сношенія съ нимъ.

Таковы общія историческія свѣдѣнія о ходѣ нашихъ политическихъ отношеній съ государствами, сосѣдними намъ на азіятскомъ материкѣ. При подробномъ изученіи участковъ, они будутъ дополнены всѣми тѣми частностями, которыя окажутся нужными для яснаго и правильнаго пониманія военно-политическаго состоянія всѣхъ нашихъ пограничныхъ и сосѣднихъ имъ заграничныхъ земель.

Раздѣленіе русско-азіятской границы на участки.

Обширное протяженіе государственной границы въ Азіи — болѣе 10,000 верстъ — при разнообразіи мѣстностей и народовъ, обитающихъ вдоль ея, уже одно не позволяетъ обозрѣвать ее въ цѣломъ составѣ. Политическія отношенія къ сосѣдямъ, въ свою очередь очень разнообразныя, еще менѣе допускаютъ возможность такого общаго, нераздѣльнаго обзора; а въ военномъ отношеніи совершенно очевидно, что никогда всѣ русско-азіятскія земли не станутъ *однимъ* театромъ войны, гдѣ бы *одинъ* главнокомандующій направлялъ войска къ *одной* опредѣленной цѣли. Поэтому, начиная нашъ обзоръ русско-азіятскихъ государственныхъ рубежей, мы прежде всего постараемся раздѣлить ихъ на такіе участки, чтобы каждый изъ нихъ представлялъ по-возможности цѣлое. И какъ задача наша, главнымъ образомъ, стратегическая, то очевидно, что основаніемъ дѣленія должно быть прежде всего стремленіе сгруппировать пограничныя земли въ болѣе или менѣе опредѣленные театры войны, у которыхъ, на всемъ протяженіи, физико-географическія, этнографическія, политическія и собственно-военныя условія были бы по возможности одинаковы. Задача эта значительно облегчается самою природою русско-азіятскихъ окраинъ, которыя какъ бы сами собою распадаются на слѣдующіе участки:

1) Островъ *Сахалинъ* есть, очевидно, отдѣльный театръ войны, и притомъ требуетъ не только военно-сухопутныхъ силъ, но и флота. Условія съ Японіею относительно владѣнія этимъ островомъ даютъ притомъ ему такую политическую особенность, которая болѣе не повторяется нигдѣ, въ цѣломъ свѣтѣ.

2) *Приморскій участокъ*, отъ устья Амура до устья Тумень-улы, есть единственная окраина русско-азіятскаго материка, которая прилежитъ къ морю, и притомъ къ морю не замкнутому, какъ Балтійское, Черное, Каспійское, а болѣе или менѣе открытому, т. е. находящемуся въ нелегко-прерываемой связи съ океаномъ. Въ одной этой мѣстности Россія можетъ положить основу прочному значенію своихъ морскихъ силъ, а слѣдовательно и міровому вліянію. Многія

исключительно-выгодныя условія, которыя представляетъ тутъ морской берегъ, обладающій пятнадцатью превосходными гаванями, тогда какъ сосѣдній Сахалинъ не имѣетъ ни одного порта, дѣлаютъ этотъ участокъ въ высшей степени отличнымъ отъ всѣхъ другихъ, тѣмъ больше, что и естественныя условія, и богатства края не повторяются ни на какой иной окраинѣ русской Азіи. Къ собственно приморской полосѣ земли тутъ можно присоединить и небольшой уголокъ Усурійскаго края, именно бассейнъ озера Ханкая, который уже нынѣ экономически тяготѣетъ больше къ Японскому морю, чѣмъ къ Усури и Амуру.

3) *Амурскій* край, со включеніемъ Усурійскаго, есть также совершенно обособленное цѣлое, гдѣ государственнымъ рубежемъ служитъ первокласная рѣка и большой ея притокъ Усури. Это есть база для всей будущей дѣятельности Россіи въ восточной Азіи, база, однакоже, мало устроенная, благодаря недавности завладѣнія ею.

4) Соотвѣтственно этому участку русскихъ владѣній, заслуживающему возможно-подобнаго изученія, стоитъ обратить исключительное вниманіе на *Маньчжурію*, которая одна изъ всѣхъ прилегающихъ къ Россіи земель можетъ стать базисомъ серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій противъ насъ. Эта страна по естественнымъ своимъ богатствамъ и значенію для Китая должна быть разсмотрѣна въ цѣломъ ея объемѣ, тогда какъ на всемъ остальномъ протяженіи русско-азіятской границы разсмотрѣнію могутъ подлежать лишь части сосѣднихъ земель, болѣе или менѣе удобныя для военныхъ дѣйствій, т. е. не совершенно пустынныя.

5) *Забайкальскій* или *Халкасскій* участокъ соотвѣтствуетъ восточной части Халкасской Монголіи, т. е. владѣніямъ Цеценъ-хана и Тушету-хана, а съ нашей заключаетъ большую часть Забайкальской области. Здѣсь пограничное пространство занято у насъ, большею частію, осѣдлымъ населеніемъ, а у китайцевъ номадами; при этомъ государственная граница, за малыми исключеніями, совершенно открыта.

6) Въ противность этому, на слѣдующемъ, къ западу, *Алтае-Саянскомъ* или *Урянхайскомъ* участкѣ, весь государственный рубежъ образованъ горами, которыя распространяются далеко и въ глубь сосѣднихъ земель, русскихъ и китайскихъ, и дѣлаютъ эти пограничныя мѣстности трудно-проходимыми. Съ нашей стороны къ пограничному пространству здѣсь могутъ быть причислены только нагорныя части Томской, Енисейской и Иркутской губерній, не далѣе къ сѣверу какъ до большаго сибирскаго тракта; съ китай-

ской же: земли Урянховъ, округи Улясутайскій, Кобдоскій и земли Соинъ-ноина и Джасакту-хана.

7) На всемъ протяженіи предъидущаго участка горы идутъ вдоль самой границы и не оставляютъ ни одного широкаго входа изъ нашихъ предѣловъ въ китайскіе. Напротивъ, на *Чжунгарскомъ* участкѣ границы горные хребты тянутся поперекъ границы и оставляютъ нѣсколько широкихъ воротъ для вторженія мѣстныхъ номадовъ изъ Китая къ намъ или отъ насъ въ Китай. Этотъ участокъ имѣетъ предѣлами на сѣверѣ Алтай, а на югѣ Тянь-шань.

8) Тянь-шаньская горная система составляетъ нашу окраину къ сторонѣ Восточнаго Туркестана. Какъ нынѣ эта послѣдняя страна составляетъ одно, довольно сильное владѣніе, находящееся притомъ въ связи съ англійскими владѣніями въ Индіи и враждебное сосѣдямъ своимъ на западѣ и на востокѣ, то описаніе его, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ топографическихъ и этнографическихъ подробностей о самомъ Тянь-шанѣ, можетъ составить отдѣльное цѣлое, подъ названіемъ обзора *Тянь-шанскаго* участка границы.

9) и 10) Съ переходомъ въ бассейнъ Аральскаго моря, мы встрѣчаемъ двѣ различныя полосы земли: нагорную, по верховьямъ Сыръ и Аму-Дарьи, и степную, по ихъ низовьямъ и около самаго Аральскаго моря. Первая, сверхъ нашихъ владѣній и Кокана, содержитъ въ себѣ множество мелкихъ ханствъ, которыя разбросаны по обоимъ склонамъ Болорскаго хребта, до самаго Афганистана; вторая есть степная, большею частью пустынная равнина, съ хивинскимъ оасисомъ въ центрѣ. Нагорную часть этого западнаго Туркестана мы назовемъ *Болорскимъ* участкомъ, а низменную *Аральскимъ* или *Хивинскимъ*.

11) Наконецъ, степи по восточному берегу Каспійскаго моря составляютъ участокъ *Туркменскій*, отличительными чертами котораго служитъ: невозможность начала какихъ-либо военныхъ предпріятій въ немъ безъ участія флота и крайняя затруднительность движеній внутрь страны, по ея безводности, безплодію и хищничеству кочевыхъ туземцевъ-туркменъ.

Соотвѣтственно такому раздѣленію пограничнаго пространства на участки мы и будемъ обозрѣвать его, обращая наше вниманіе на топографію, особенно на горы и на проходы въ нихъ, на пути сообщенія, на производительность странъ, на племенной составъ, господствующій бытъ и политическій характеръ населеній и, наконецъ, на военныя силы, собранныя въ различныхъ мѣстностяхъ. Но какъ при такомъ участковомъ разсмотрѣніи границы, по необ-

ходимости, придется пройти молчаніемъ многіе общегосударственные и въ частности военные вопросы, то главнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ будетъ посвящено нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній. Таковы именно будутъ: а) обзоръ состава и численности нашихъ военныхъ силъ въ Азіи, регулярныхъ и казачьихъ; b) взглядъ на мѣстныя средства Азіятской Россіи къ пополненію личнаго состава войскъ и, въ частности, на инородцевъ по отношенію къ военной повинности; с) взглядъ на мѣстные способы къ снабженію войскъ одеждой, продовольствіемъ и перевозочными средствами; d) обзоръ военно-техническихъ учрежденій, складовъ артиллерійскихъ и инженерныхъ; е) взглядъ на лечебныя и гигіеническія учрежденія въ нашихъ войскахъ. О всѣхъ послѣднихъ предметахъ, впрочемъ, будетъ сказано лишь столько, сколько нужно офицеру Генеральнаго Штаба, но не спеціалисту по каждому вѣдомству.

Мы примемъ за постоянное правило: въ концѣ каждаго отдѣла нашего обзора упоминать важнѣйшіе источники, на которыхъ основаны свѣдѣнія о разсмотрѣнныхъ предметахъ. Такое перечисленіе литературныхъ и другихъ источниковъ можетъ много облегчить тѣхъ, которые пожелаютъ расширить кругъ своихъ знаній и для этого обратиться къ оригинальнымъ, полнымъ, и притомъ добросовѣстнымъ, трудамъ. На первый разъ помѣщаемъ здѣсь списокъ книгъ и картъ, обнимающихъ всю Азіятскую Россію или, по крайней мѣрѣ, значительные отдѣлы ея, а также и сосѣдніе ей страны материка азіятскаго. Списокъ этотъ, разумѣется, очень неполонъ; но онъ даетъ возможность ознамиться съ самыми крупными явленіями литературы по части изученія нашихъ азіятскихъ окраинъ.

Миллера: «Исторія Сибирскаго Царства», классическое сочиненіе по исторіи завоеванія Сибири.

Фишера: «Сибирская Исторія».

Палласа: «Путешествіе по Россіи», классическая книга по естествознанію.

Георги: «Описаніе народовъ, въ Россіи живущихъ». Подобное же, и притомъ роскошное, изданіе *Паули:* «Description des peuples de Russie» 1862 г.

Гмелинъ: «Путешествіе» и «Сибирская флора» — классическая.

Словцова: «Описаніе Сибири».

Левшина: «Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ».

Ледебура: «Flora Rossica».

Риттера: «Erdkunde von Asien», русскій переводъ котораго обнимаетъ почти всѣ земли отъ Гиндукуша, Тянь-шаня и Алтая до

Японскаго моря. Знаменитая, весьма полная, но во многомъ уже устарѣвшая компиляція.

Гумбольдта: «Asie Centrale» — классическое твореніе.

Миддендорфа: «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири»; классическое сочиненіе по изученію сибирской природы.

Гагемейстера: «Статистическое описаніе Сибири» 1854 года; самое полное изъ общихъ статистическихъ сочиненій о Сибири, и, притомъ, офиціяльное.

Завалишина: «Описаніе Западной Сибири».

Труды сибирской экспедиціи И. Р. Географическаго Общества, богатые данными по математической географіи Сибири.

Географическій Словарь Россійской Имперіи.

Статистическій Временникъ Центральнаго Статистическаго Комитета.

Военно-Статистическій Сборникъ.

Списки населенныхъ мѣстъ губерній Тобольской, Томской и Енисейской.

Du Halde: «Description de la Chine — классическое сочиненіе.

Іакинфъ: «Статистическое описаніе Китайской Имперіи», 1842.

Davis: «China».

Williams: «The Middle Kingdom», 1863.

Вамбери: «Путешествіе въ Среднюю Азію», 1864.

Костенко: «Средняя Азія»; современный очеркъ ея.

Туркестанскій Ежегодникъ и Русскій Туркестанъ, 1872—73.

Изъ общихъ картъ Азіятской Россіи и сосѣднихъ ей странъ, какъ лучшую, придется назвать нѣмецкую:

Киперта: «Asien» 1863; затѣмъ англійскую:

Станфорда: «Map of Asia»; французскую:

Клапрота: «Carte de l'Asie Centrale»; русскія:

Шварца: «Карта бассейновъ Амура, Лены и Енисея», 1863; и карты, составленныя мѣстными управленіями Генеральнаго Штаба:

Восточной Сибири, 100 верстъ въ 1 дюймѣ.

Западной Сибири и Оренбургскаго края: спеціяльныя, 10 верстъ въ 1 дюймѣ и географическія 50 верстъ въ 1 дюймѣ.

Карту Туркестанскаго генералъ-губернаторства, изд. въ Ташкентѣ, 1873.

Захарова и *Нифантьева:* рукописную карту части Средней Азіи.

Уокера (Walker) литографированную англійскую карту нагорной Азіи.

Болѣе спеціяльные труды будутъ перечислены въ подлежащихъ мѣстахъ.

Первый участокъ: островъ Сахалинъ.

Уже въ 1787 году Лаперузъ, первый изъ ученыхъ путешественниковъ, обозрѣвавшихъ Сахалинъ, думалъ, что эта земля есть островъ, какъ то было представлено еще Кемпферомъ и д'Анвилемъ, на основаніи японскихъ извѣстій о Карафуто. Однако на англійскихъ картахъ долгое время, именно до самаго 1857 года, изображался онъ полуостровомъ, соединеннымъ съ берегами Амурскаго края узкимъ перешейкомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы знаемъ теперь мысы Муравьева и Лазарева. Причиною такого заблужденія была нерѣшительность Броутона, который, въ 1797 году, осматривая Татарскій проливъ и замѣтивъ уменьшеніе въ немъ глубины, а также сближеніе береговъ отъ залива Кастри къ сѣверу, допустилъ существованіе перешейка или песчаной косы тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ находится проливъ въ семь верстъ шириною. Осторожный Крузенштернъ хотя и не вполнѣ послѣдовалъ примѣру англійскаго мореплавателя, однако наполнилъ проливъ отмелью, такъ что окончательное признаніе Сахалина вполнѣ отдѣльнымъ отъ материка островомъ совершилось лишь въ 1849 — 1852 годахъ, т. е. со времени гидрографическихъ работъ капитана Невельскаго, хотя фигура острова была уже достаточно вѣрно извѣстна со временъ Лаперуза и особенно Крузенштерна, изъ которыхъ послѣдній опредѣлилъ и перевычислилъ на немъ не менѣе 27 астрономическихъ точекъ.

Новыя топографическія и отчасти гидрографическія работы по Сахалину принадлежатъ исключительно русскимъ и отчасти японцамъ. У послѣднихъ мы находимъ большую общую карту этого острова, въ масштабѣ 10½ верстъ въ дюймѣ, составляющую часть специяльной карты всего Японскаго архипелага, изданной тайкуновскимъ правительствомъ. Но японцы, очевидно, держались въ береговой полосѣ и не проникали внутрь страны, которая поэтому осталась пустою. Кромѣ того, очертанія, данныя ими, не всегда вѣрны. Русскіе послѣ Крузенштерна посѣтили Сахалинъ уже въ 1807 году, когда лейтенантъ Хвостовъ, съ уполномочія посланника Рязанова, даже принялъ его во владѣніе Россіи. Но этотъ первый шагъ нашъ

былъ неудаченъ, потому что не далѣе какъ черезъ шесть лѣтъ, во время плѣна Головнина, мы должны были признать поступокъ Хвостова «самовольствомъ», то есть офиціяльно отречься отъ правъ на Сахалинъ, гдѣ, между тѣмъ, уже съ 1780-хъ годовъ начали появляться японцы. Послѣ возвращенія Головнина изъ плѣна, Сахалинъ, можно сказать, сталъ *de jure* ничьимъ, хотя, по какому-то странному недоразумѣнію, европейскія географическія карты продолжали изображать его принадлежащимъ въ сѣверной половинѣ Китаю, а въ южной Японіи. Самое присутствіе на островѣ японцевъ не давало къ этому никакого повода, ибо никогда туземцы, аины и гиляки, не были приводимы въ японское подданство, а японскіе рыболовы жили только по берегамъ, да и то преимущественно лишь лѣтомъ, удаляясь на зиму въ Хакодате и на островъ Нипонъ. Китайцы и того менѣе могли считать хотя часть Сахалина своею: всѣ ихъ связи съ этимъ островомъ ограничивались рѣдкими поѣздками туда немногихъ торговцевъ съ Амура, для закупки мѣховъ. Вообще отношенія двухъ восточно-азіятскихъ державъ къ этому острову во многомъ походили на отношенія Россіи, Норвегіи или Голландіи къ Груманту (Шпицбергену).

Въ 1849 году капитанъ Невельскій и его сослуживцы, Бошнякъ, Рудановскій и другіе, сдѣлали первыя изслѣдованія амурскаго лимана, т. е. сѣверной части Татарскаго пролива, и осмотрѣли отчасти сосѣдніе берега Сахалина, гдѣ открыли заливъ Байкалъ. Но вниманіе этихъ изслѣдователей было обращено больше на сѣверо-восточный берегъ Амурскаго края, чѣмъ на островъ, замыкающій выходъ изъ великой рѣки. И хотя въ 1853 году были основаны нѣкоторые посты на Сахалинѣ, но по случаю Восточной войны они вскорѣ затѣмъ сняты.

Въ 1854 году, при веденіи переговоровъ съ японцами въ Нагасаки, Сахалинъ былъ признанъ «еще нераздѣльнымъ» между Японіей и Россіею, и такимъ остался онъ *de jure* донынѣ, въ силу статьи второй трактата 26-го января 1855 года и особой конвенціи 1867 года *).

---

*) Вотъ эти акты:

Ст. 2-я симодскаго трактата. «Отнынѣ границы между Россіей и Японіей будутъ проходить между островами Итурупомъ и Урупомъ. Весь островъ Итурупъ принадлежитъ Японіи, а весь островъ Урупъ и прочіе Курильскіе острова къ сѣверу составляютъ владѣніе Россіи. Что касается острова Крафто (Сахалина), то онъ остается нераздѣленнымъ между Россіей и Японіей, какъ было до сего времени».

Едва, однако, окончилась Восточная война, какъ русскіе возобновили устройство постовъ на Сахалинѣ и, между прочимъ, основались въ самой южной части, у залива Анивы. Японцы нисколько не противились этому, но, съ своей стороны, также основали нѣкоторые посты, какъ бы въ прикрытіе своихъ рыболовныхъ ватагъ или сараевъ и хижинъ, мѣстами разбросанныхъ по прибрежью, особливо въ заливѣ Анивѣ и на западномъ берегу. Позднѣе колонизація ихъ усилилась.

Уже въ 1853 году открыты были русскими каменноугольныя копи близъ Дуи или бухты Жонкьеръ. Вскорѣ тамъ былъ основанъ русскій постъ. Съ него-то, а также съ поста Муравьева въ Анивѣ, производились развѣдки по всей южной половинѣ острова, во время которыхъ, въ 1856 и 1857 годахъ, сдѣланы астрономическія опредѣленія Рашкова въ Дуи, Погоби и Анивѣ, связавшія ихъ съ Николаевскомъ.

Послѣ этого, въ теченіе тринадцати лѣтъ, отъ времени до времени русскими дѣланы изслѣдованія въ разныхъ частяхъ Сахалина. Именно: опредѣлены астрономически Старицкимъ шесть прибрежныхъ точекъ, сняты инструментально и глазомѣрно Шебунинымъ, Бѣлкинымъ, Павловичемъ и другими топографами оба южные полуострова,

---

Конвенція 18-го марта 1867 года:

1) «Русскіе и японцы, водворенные на Сахалинѣ, будутъ находиться въ отношеніяхъ мирныхъ и дружественныхъ. Всякое столкновеніе, какое могло бы возникнуть, будетъ разбираемо мѣстными властями, а если онѣ не въ состояніи будутъ его уладить, то дѣло будетъ передано сосѣднему губернатору, русскому или японскому».

2) «Въ соотвѣтствіе общему владѣнію островомъ, русскіе и японцы будутъ имѣть право разъѣзжать по всему пространству его и учреждать колоніи, возводить жилыя зданія, магазины и промышленныя учрежденія вездѣ, гдѣ еще ихъ нѣтъ».

3) «Туземцы острова сохраняютъ вполнѣ ихъ личную свободу и собственность. Они могутъ по доброй волѣ наниматься въ услуженіе къ русскимъ или японцамъ, и если которые-нибудь изъ нихъ войдутъ въ долги, то могутъ производить уплату или работою или какою другою услугою».

4) «Если позднѣе японское правительство приметъ первое русское предложеніе» (объ уступкѣ всего Сахалина Россіи съ вознагражденіемъ Японіи частью Курильскихъ острововъ), то ближайшій мѣстный губернаторъ получитъ нужныя полномочія для заключенія означеннаго договора».

5) «Всѣ вышеизложенныя условія войдутъ въ силу немедленно по полученіи ихъ мѣстными властями на Сахалинѣ и, во всякомъ случаѣ, онѣ сдѣлаются имъ извѣстными не позднѣе шести мѣсяцевъ отъ настоящаго дня. — Всѣ вопросы, непредвидѣнные въ частности настоящей конвенціи, будутъ улаживаемы и рѣшаемы мѣстными властями обѣихъ націй, способомъ указаннымъ выше».

которыми окруженъ заливъ Анива, восточное прибрежье на сѣверъ до залива Терпѣнія, западное отъ Крильона до Погоби, долина рѣки Пороная, нѣсколько поперечныхъ тропинокъ и проч.; сдѣланы Легеромъ, Добротворскимъ и другими метеорологическія наблюденія въ Кусунаѣ, Дуи, Анивѣ. Максимовичъ, Шренкъ, Шмидтъ, Гленъ, Брылкинъ, Лопатинъ, Добротворскій, Августиновичъ, во время своихъ путешествій, собрали много ботаническихъ, геологическихъ и этнографическихъ данныхъ, въ дополненіе къ тѣмъ, которыя уже были извѣстны изъ трудовъ Лаперуза, Крузенштерна, Давыдова и Головнина. Наконецъ, правительственныя комисіи, подъ предсѣдательствомъ: вице-адмирала Сколкова въ 1869 и кол. сов. Власова въ 1871 г. представили нѣсколько данныхъ объ экономическомъ положеніи острова Сахалина, чѣмъ и заключился рядъ изслѣдованій о немъ, конечно, еще неполныхъ, но уже достаточныхъ, чтобы составить понятіе весьма близкое къ истинѣ.

Математическая географія и гидрографія.

Главная серія астрономическихъ опредѣленій принадлежитъ Крузенштерну и Горнеру, которыми были опредѣлены и перечислены изъ прежнихъ данныхъ координаты 27 точекъ. И нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій, напримѣръ мыса Крильона, оказываются очень удовлетворительными; другія менѣе надежны уже потому, что дѣлаемы были съ корабля и хронометрами, которые уступаютъ нынѣшнимъ. Затѣмъ въ новое время Рашковымъ и Старицкимъ опредѣлено еще восемь точекъ, такъ что теперь положеніе острова хорошо извѣстно. Такимъ образомъ мы знаемъ, что островъ Сахалинъ лежитъ въ однѣхъ широтахъ съ мѣстами отъ Калуги до Перекопскаго перешейка и въ длину имѣетъ 892 версты. Наибольшая ширина его, нѣсколько южнѣе Сертуная, 136 верстъ, а наименьшая, у Кусуная, 25 верстъ. Поверхность составляетъ 1,065 крадратныхъ миль, т. е. равна площади Петербургской губерніи. Главныя расчлененія почвы въ горизонтальномъ направленіи находятся на югѣ и отчасти въ срединѣ острова, гдѣ вдаются въ него заливы Анива и Терпѣнія. Затѣмъ сѣверная, большая, половина представляетъ почти правильный четвероугольникъ, длиною около 500 верстъ, шириною до 95. Внѣ острова можно замѣтить каменистую банку Тюленей, островъ Монеронъ и скалу Опасность. Изъ нихъ первая и послѣдняя заслуживаютъ особеннаго вниманія мореходцевъ по

опасности ихъ для судовъ во время нерѣдкой на здѣшнихъ водахъ туманной погоды.

Относительно морскихъ водъ, омывающихъ Сахалинъ, важнѣе всего замѣтить, что ни Тихій океанъ, ни моря Японское и Охотское не образуютъ здѣсь *ни одной бухты, которая бы могла служить природною гаванью для судовъ.* Двѣ наибольшія изъ вдавшихся частей моря, именно заливы Терпѣнія и Анива, вовсе не закрыты отъ многихъ вѣтровъ и слишкомъ обширны, чтобы служить надежными рейдами, тѣмъ болѣе, что въ нихъ рѣдко гдѣ корабли могутъ подходить ближе къ берегу, какъ на милю, за мелководьемъ. Затѣмъ мелкія бухты: Кунгда, Байкалъ, Ныи, Віахту, Дуи, д'Эстенъ, Маука, Мордвинова, Лососья и Буссе, всѣ неудовлетворительны въ смыслѣ портовъ. Именно, сѣверныя, т. е. первыя шесть, замерзаютъ большую половину года или же открыты многимъ вѣтрамъ, а южныя либо тоже не довольно закрыты, либо имѣютъ не довольно приглубые берега. Лучшій для стоянки судовъ портъ, повидимому, есть Ныи, но онъ не изслѣдованъ и замерзаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Слѣдующая затѣмъ, по удобству, бухта Буссе соединена глубокою, до 50 футовъ, протокою съ озеромъ Тоубучи, могущимъ доставить безопасный пріютъ судамъ; но самое это озеро не довольно глубоко, а предъ устьемъ протоки, по фарватеру, на барѣ, самая большая глубина есть 12 футовъ въ приливъ. Однимъ словомъ, Сахалинъ, на сколько онъ извѣстенъ, не имѣетъ ни одной удовлетворительной гавани даже для лѣтней стоянки большихъ кораблей; зимою же къ невыгодамъ такого образованія береговъ присоединяются еще прибрежные льды или торосы, т. е. нагроможденія льдинъ, образующихся во время тихой погоды и мороза и выбрасываемыхъ на берегъ при волненіи. Иногда такіе торосы тянутся въ ширину на десятки саженъ и, слѣдовательно, дѣлаютъ почти невозможнымъ даже устройство искуственныхъ гаваней, которыхъ ограды подвергались бы быстрому разрушенію.

Проливъ между Сахалиномъ и берегами Амурскаго края заслуживаетъ особеннаго вниманія въ томъ смыслѣ, что свойствами его опредѣляется характеръ связи этого острова съ материкомъ Азіи. Во-первыхъ, проливъ этотъ на нѣсколько (3—4) мѣсяцевъ замерзаетъ, и, слѣдовательно, открывается возможность сухопутнаго сообщенія между его берегами, хотя бы даже море вообще не было въ нашей власти. Во-вторыхъ, извѣстно, что фарватеръ рѣки Амура, отъ устья ея, раздѣляется на три вѣтви. Одна на-

правляется къ сѣверо-востоку, т. е. къ сторонѣ Охотскаго моря, но, не доходя до него, упирается въ мель. Другая идетъ прямо къ Сахалину, но также не доходитъ даже до половины Татарскаго пролива. И только третья, тянущаяся на югъ, къ мысу Лазарева, приводитъ въ сѣверо-Японское Море. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, съ Сахалина на Амуръ можно попасть на корабляхъ только въ томъ случаѣ, если владѣть проливомъ Маміо-Ринзо, шириною въ семь верстъ. Изъ Охотскаго же моря и отъ сѣверо-западныхъ береговъ Сахалина пройдти прямо на Амуръ невозможно, а нужно спускаться до паралели 52°25′, т. е. приходить сначала на видъ мыса Лазарева и потомъ уже поворачивать къ сѣверо-сѣверо-западу. Такимъ образомъ, ежели на Сахалинѣ есть точка, которую можно назвать *ключемъ Амура,* то это однѣ ближайшія окрестности Погоби, но *отнюдь не весь островъ*, который столько же командуетъ Амуромъ, сколько Англія устьями Сены, Шельды и Рейна. За то проливъ Маміо-Ринзо имѣетъ двойную важность, ибо черезъ него можно проходить не только къ устью Амура, а и къ сѣверо-западному берегу самаго Сахалина. Именно, къ сѣверу отъ этого пролива идетъ прямой фарватеръ изъ Японскаго моря въ Охотское, нѣсколько южнѣе мыса Головачева касающійся сахалинскаго берега.

Топографія.

Во всю длину острова тянется, почти по меридіану 160°, рядъ высотъ, иногда достигающихъ до двухъ и болѣе тысячъ футовъ, но нигдѣ не носящихъ вѣчнаго снѣга, какъ бы того можно было ожидать по суровому климату мѣстности. Самые высокіе пики имѣютъ вершины голо-каменныя (гольцы), или же покрытыя мелкимъ кустарникомъ. Но большинство горъ одѣто отъ подошвъ до вершинъ густыми лѣсами, по большей части хвойными. Въ сѣверной половинѣ острова, до 50°, хребетъ, сначала образующій скалистые мысы, потомъ уходитъ внутрь страны и даетъ лишь отлогія покатости къ обоимъ морямъ, держась, впрочемъ, ближе къ проливу Татарскому, т. е. къ западу отъ математической оси острова. Здѣсь онъ носитъ названіе Ваказей. Къ югу отъ 51° до 49°, рѣзко различаются двѣ паралельныя цѣпи — западная и восточная, изъ которыхъ въ послѣдней находится гора Тіара, замѣтно выдающаяся изъ ряда прочихъ. Но западную цѣпь, какъ продолженіе Ваказея, идущее и далѣе на югъ, нужно считать главною, хотя она не

имѣетъ особенно выдающихся вершинъ. Скатъ ея къ Татарскому проливу крутъ, а внутрь острова отлогъ. За устьемъ рѣки Пороная, къ югу, эта цѣпь остается единственною на островѣ и идетъ, то повышаясь, то понижаясь, до самаго мыса Крильона, гдѣ круто падаетъ въ море въ видѣ скалистаго полуострова *). Наибольшее ея пониженіе встрѣчается въ широтѣ 48°, т. е. противъ поста Кусуная, гдѣ находится самая узкая часть острова. Высшія вершины южной половины Сахалинской цѣпи суть Ичара (до 4,000 ф.), Кошка и Бернизей. На югъ отъ 47° 20′ ш., восточнѣе главной цѣпи, встрѣчаются два другіе, ей паралельные кряжа, которые образуютъ полуостровъ, оканчивающійся мысомъ Анива, также скалистымъ, какъ и Крильонъ. Сѣдловина между первымъ кряжемъ и главною цѣпью занята долинами рѣкъ Сусуя, Такоя и Найбучи, а между первымъ и вторымъ кряжами — системой озеръ съ высокими берегами.

По неизслѣдованію многихъ частей Сахалина, мы не знаемъ точныхъ подробностей его топографіи и, между прочимъ, не можемъ перечислить всѣхъ проходовъ черезъ хребетъ, идущій вдоль всего острова. Хотя незначительная высота этого хребта не оставляетъ сомнѣнія, что онъ проходимъ для одиночныхъ людей почти повсемѣстно, тѣмъ не менѣе есть всѣми признанные проходы или сѣдловины между горами, по которымъ направляются путники съ западной стороны острова на восточную. Важнѣйшій изъ нихъ въ настоящее время тотъ, который ведетъ отъ поста Дуи въ долину рѣки Пороная, а потомъ Кусунайскій. По первому изъ этихъ проходовъ пролегаетъ тропа, которая тянется вдоль рѣки Пороная до залива Терпѣнія, а оттуда на югъ по восточному берегу Сахалина до поста Найбучи и далѣе на рѣку Сусуй, къ заливу Анивѣ. Кусунайскій проходъ есть весьма низкая сѣдловина, гдѣ легко устроить экипажное сообщеніе до поста Мануэ. Къ югу отъ него извѣстны проходъ Бѣлкина изъ бухты Мауки на рѣку Лютогу, текущую въ бухту Лососью; проходъ Бѣлкино-Лопатинскій — съ рѣки Кумуная на рѣку Найбучи, и нѣсколько другихъ въ самой южной оконечности острова. Въ сѣверной части Сахалина есть нѣсколько поперечныхъ тропинъ, которыя посѣщаются нашими торговцами изъ Николаевска, проникающими тутъ до бухты Ныи и до другихъ мѣстностей восточнаго берега; но эти тропинки еще не изслѣдованы.

---

*) Самая оконечность м. Крильона отдѣлена отъ полуострова сѣдловиною, почему издали кажется островомъ.

Главныя рѣки острова, Поронай и Тыми, берутъ начало почти въ широтѣ 50°40′, недалеко одна отъ другой, и текутъ первая на югъ, а вторая на сѣверъ, обѣ не болѣе какъ на 160 и 170 верстъ. Онѣ могутъ носить лодки; но болѣе извѣстная изъ нихъ, Поронай, имѣетъ при устьѣ мели, такъ что выходъ изъ нея затруднителенъ. Помощью особаго рукава рѣка эта въ связи съ озеромъ Тарайка, которое, въ свою очередь, связано протокою съ заливомъ Терпѣнія.

Вообще озера Сахалина отличаются тою особенностью, что имѣютъ связь съ моремъ помощью небольшихъ, хотя иногда глубокихъ, протоковъ. Ихъ поэтому можно бы было назвать въ нѣкоторыхъ случаяхъ лиманами, какъ напримѣръ въ Тарайкѣ, въ Тоубучи, въ Кунгдѣ. Но лиманы, по общепринятому смыслу слова, суть озера, лежащія на сосѣднихъ морю равнинахъ; сахалинскія же озера часто обставлены берегами гористыми. Вообще это суть водоемы весьма небольшаго размѣра, какъ видно ихъ слѣдующаго:

Заливъ Байкалъ 52 квадрат. верст.	Тарайка 65 квадр. верст.
Бабай или Кавай	Типасина
Муссинъ	Тоубучи 35 » ».
Райтзиска	Тунайчи 85 » »

Послѣднее есть самое обширное на всемъ островѣ и занимаетъ площадь, равную Петербургу. Мелкія озерца, принадлежащія къ настоящему типу лимановъ, особенно многочисленны въ сѣверо-западной части острова, противолежащей устью Амура.

Естественная производительность.

Шренкъ приводитъ нѣсколько примѣровъ жительства, въ прежнія времена, морскихъ животныхъ въ такихъ мѣстахъ, которыя нынѣ возвышаются на 8—10 футовъ надъ поверхностью моря, изъ чего можно бы заключить, что почва Сахалина съ вѣками поднимается дѣйствіемъ волканическихъ силъ. Но на всемъ островѣ нѣтъ волкановъ, хотя онъ и образуетъ продолженіе японской волканической гряды. Онъ заключаетъ въ себѣ богатыя залежи каменнаго угля, которые придаютъ ему значеніе не только въ будущемъ, но уже и въ настоящемъ. Залежи угля извѣстны теперь въ слѣдующихъ мѣстахъ: на крайнемъ сѣверѣ, верстахъ въ 15 отъ Кунгды; въ средней и южной частяхъ, по рѣчкамъ:

Тонгѣ.	51°15′ ш. .	У м. Воздвиженья. . .	49.52
Кджуснаю . . .	51.5	» поста Сертупая . . .	49.30
Мынгынаю . . .	51.5	» зал. Лисовскаго . . .	49.16
Чуркумнаю . . .	51.5	» мыса Утаку	48.1

У Дуи 50.55	У мыса Уссу 47.39
› бухты Казакевича 50.18	По рѣкѣ Наяси 46.28

все вдоль западнаго берега острова. Внутри его, т. е. вдали отъ моря, мы знаемъ угольныя залежи на рѣкѣ Кумунаѣ (47° 35′), а на восточномъ берегу вблизи рѣки Найбучи (47° 15′) и, какъ говорятъ, у залива Ныи. Нѣкоторыя изъ мѣсторожденій уже разрабатываются, какъ, напримѣръ, у Дуи и Сертуная, причемъ въ первой изъ этихъ мѣстностей добываніе облегчается тѣмъ, что пласты угля отъ береговаго обнаженія у моря идутъ наклонно вверхъ, а не внизъ, что уменьшаетъ притокъ грунтовыхъ водъ. Количество угля въ дуйской залежи простирается до 4,500,000 пудовъ, откуда видно, что для выработки пласта въ *одинъ годъ*, разумѣется при хорошемъ устройствѣ шахтъ и штоленъ, нужно какихъ-нибудь 200—300 человѣкъ; но, разумѣется, въ общей массѣ сахалинскаго угля достанетъ многимъ тысячамъ рабочихъ и на многіе годы. Какъ господствующія на Сахалинѣ формаціи суть мѣловая и третичная, то очевидно, что геологически тамошній уголь есть лигнитъ; но онъ, по анализамъ Макдональда, содержитъ въ себѣ отъ 60 до 70%, а по анализамъ горнаго департамента отъ 58 даже до 89% чистаго углерода, и поэтому принадлежитъ къ хорошимъ разрядамъ минеральнаго топлива. Дѣйствительно, въ портахъ Восточнаго Океана ему предпочитаютъ только англійскіе, ньюкестль и кардифъ, австралійскій же и японскій уголь продается гораздо дешевле, напримѣръ пять доларовъ за тонну, когда сахалинскій стоитъ 7 или 7½ доларовъ *).

Между другими естественными богатствами Сахалина первое мѣсто занимаютъ лѣса, звѣриныя и рыбныя ловли. Лѣса сахалинскіе суть, большею частію, хвойные, еловые, лиственичные, пихтовые, меньше сосновые, но есть и лиственные, отъ березы до дуба и вяза. Въ южной части острова эта лѣсная растительность располагается зонами, именно: отъ поверхности моря до 700 футовъ лиственныя деревья, отъ 700 до 1,000 ф. хвойныя, выше, до 1,200 ф., опять лиственныя (береза) и, наконецъ, еще выше кедръ. Самые пышные лѣса встрѣчаются на югозападной сторонѣ острова, гдѣ и вообще растительность лучше, заключая въ себѣ до 550 видовъ однихъ явнобрачныхъ. Впрочемъ, на сбытъ добываемаго изъ нихъ

---

*) Изъ другихъ минеральныхъ богатствъ Сахалина можно упомянуть янтарь на рѣкѣ Аи, и минеральныя воды близъ Мауки и Токомды. Металловъ пока не найдено.

дерева трудно расчитывать, потому что сосѣдняя Японія сама богата лѣсомъ, а въ Приморской области даже большая часть страны занята имъ. О лѣсопильныхъ, смолокуренныхъ, парафиновыхъ заводахъ, разумѣется, пока не можетъ быть и рѣчи. Что касается до звѣроловства, то оно по настоящее время составляетъ главный источникъ богатства туземцевъ, гиляковъ и аиновъ. Добываемые ими на охотѣ мѣха собольи, выдровые, лисьи, медвѣжьи и проч. скупаются дѣятельно нашими, японскими и американскими торговцами, частію непосредственно, частію чрезъ гиляковъ.

Что до рыбной ловли, то она, можно сказать, кормитъ туземныхъ жителей острова и, кромѣ того, доставляетъ большіе прибытки японцамъ, которые массами вывозятъ рыбу къ себѣ, преимущественно въ сушеномъ видѣ. У береговъ Сахалина еще водятся киты и тюлени; но первыхъ промышляютъ исключительно пріѣзжіе китобои, а не туземцы; тюленей же бьютъ и гиляки съ аинами. Въ прежнее время, тюленій промыселъ былъ очень изобиленъ на здѣшнихъ берегахъ, и одному промышленнику когда-то удалось добыть тысячи шкуръ на одной Тюленьей банкѣ; теперь на такую необыкновенную добычу надѣяться уже нельзя. Тюлени встрѣчаются преимущественно на восточномъ и на сѣверномъ берегахъ острова.

Органическая природа Сахалина не можетъ быть богата и разнообразна по самому климату острова. Въ самомъ дѣлѣ, сосѣдство Охотскаго моря и холодныхъ частей восточной Азіи накладываютъ слишкомъ суровый отпечатокъ на все. Еще въ половинѣ мая снѣгъ лежитъ по горамъ, даже въ южной части острова, которой широта одинакова съ широтою Новороссійскаго края. Термометрическія наблюденія на Кусунаѣ, надежнѣйшія изъ всѣхъ, доселѣ произведенныхъ на Сахалинѣ, показываютъ, что здѣсь, въ широтѣ 48°, встрѣчается средняя температура + 1,2 R. *), + 1,5 С., какую мы въ самой Финляндіи находимъ лишь подъ 64°13 (Кахна), а въ Норвегіи даже сѣвернѣе полярнаго круга. Самый жаркій мѣсяцъ, іюль, имѣетъ среднюю температуру не свыше + 13,°5; наиболѣе холодный, январь, — 8°R., при случайныхъ морозахъ до — 28° R., тогда какъ лѣтомъ термометръ не поднимается выше + 20°. Суровость климата увеличивается чрезвычайною его сыростью, туманами и обиліемъ дождей лѣтомъ и снѣга зимою. Въ Кусунаѣ, расположен-

*) По Добротворскому + 1,°79, но по Легеру лишь + 0,°5, что, въ среднемъ, и дастъ + 1,°2, — величину весьма вѣроятную по соображенію ср. темп. Николаевская (54°) — 2° и Хакодате (41°) = + 7°. Менѣе надежныя наблюденія сдѣланы въ Дуи и въ Муравьевскомъ портѣ.

номъ еще довольно выгодно — ибо онъ лежитъ на западномъ берегу острова, къ сторонѣ материка, откуда приходятъ сухіе вѣтры — бываетъ ненастныхъ дней 149 и пасмурныхъ 104, т. е. всего сѣрыхъ 253 въ году, а на восточномъ прибрежьѣ солнце появляется еще рѣже. Притомъ нерѣдко снѣгъ или дождь идутъ по нѣскольку дней сряду, отъ чего зимою наносятся огромные сугробы, а лѣтомъ образуется грязь, которая не успѣваетъ просыхать до слѣдующаго дождя. Очевидно, что климатъ Сахалина не отличается много отъ климата Архангельской губерніи, и въ этомъ случаѣ даже открытая на югъ котловина залива Анивы не дѣлаетъ исключенія, ибо въ нее холодные вѣтры съ Охотскаго моря свободно проникаютъ чрезъ сѣдловины между горами. Весна чрезвычайно продолжительна, такъ какъ для растаянія снѣговъ, отъ трехъ до пяти аршинъ глубиною, требуется много времени, вслѣдствіе чего и долины между горъ становятся годными для посѣвовъ лишь въ половинѣ мая. А потому нельзя сомнѣваться, что *населеніе Сахалина всегда будетъ нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ*, хотя бы въ случайные годы нѣкоторыя мѣстности острова, какъ въ 1870 году, давали урожай самъ-30 (на новяхъ). Это есть и на самомъ дѣлѣ даже теперь, когда населеніе не превосходитъ 15 — 16,000 душъ: русскіе получаютъ свой хлѣбъ изъ Россіи, вокругъ свѣта, а японцы и аины свой рисъ изъ Японіи. При этомъ намъ приходится иногда платить болѣе 5 р. сер. за пудъ муки, какъ то было напр. въ 1871 г., при покупкѣ ея съ корабля «Анна Грей» въ Муравьевскомъ постѣ. Но огородничество, т. е. посадка капусты, картофеля, огурцевъ, можетъ имѣть мѣсто, равно скотоводство, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ разведенія холмогорской и ей подобныхъ породъ, при условіи, впрочемъ, расчистки пастбищъ, ибо природныхъ луговъ мало, а въ лѣсахъ многочисленныя насѣкомыя лѣтомъ могутъ сильно изнурять скотъ.

Снѣга́ зимою, дожди и грязь лѣтомъ, въ соединеніи съ гористымъ мѣстоположеніемъ и обиліемъ лѣсовъ, всегда будутъ важнымъ затрудненіемъ для устройства на Сахалинѣ хорошихъ сухопутныхъ дорогъ.

Населеніе.

Населеніе Сахалина состоитъ изъ русскихъ, японцевъ, китайцевъ, гиляковъ, аиновъ, орокаповъ, и изъ нѣсколькихъ лицъ европейскаго и американскаго происхожденія, всего примѣрно 13—14,000 душъ.

1) *Русскіе*, въ числѣ около 3,000 человѣкъ, суть почти исключительно военные, принадлежащіе къ составу одного восточно-сибирскаго линейнаго баталіона, (№ 4), артиллерійской и мѣстной командъ, или же ссыльные, съ присоединеніемъ небольшаго числа крестьянъ и торговцевъ. Они живутъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

На постѣ Дуи	На постѣ Тарайка
» Сертунай	» » Мануэ
» Кусунай	и въ дер. Найбучи.
» Корсакова	Въ деревнѣ Такоѣ и
» Муравьева	У порта Ныи

Центрами мѣстнаго управленія служатъ посты: Дуи, гдѣ сосредоточены дѣла о ссыльныхъ и о каменномъ углѣ, и Муравьева, гдѣ расположенъ штабъ баталіона и имѣются офиціяльныя сношенія съ японцами. Главное управленіе островомъ принадлежитъ военному губернатору Приморской области, въ Владивостокѣ. Названныя выше русскія осѣдлости представляютъ слѣдующее:

Постъ *Дуи* есть мѣсто разработки казеннаго каменнаго угля, которая производится ссыльно-каторжными. Часть ихъ, освободившаяся уже отъ карательныхъ работъ, занимается огородничествомъ. Сами каторжные работаютъ обыкновенно почти на волѣ, въ силу того, что бѣжать имъ съ Сахалина некуда, да и работы, по роду своему, не допускаютъ слишкомъ бдительнаго надзора за каждымъ изъ работающихъ. Число жителей на постѣ достигаетъ до 550 человѣкъ. Но какъ помѣщенія ихъ очень дурны, пища скудна и развлеченій нѣтъ никакихъ, то смертность очень значительна. Небольшая мѣстная торговля почти вся находится въ рукахъ одного купца Попова.

Постъ *Сертунай* существуетъ для прикрытія частныхъ каменноугольныхъ копей, принадлежащихъ гг. Бауровымъ, Екимову, Кроули, Старицкому, Эллису и Эше. Гг. Эллисъ и Гельпикъ, американцы, начали-было добываніе угля при помощи китайскихъ рабочихъ, но потомъ обязались замѣнить ихъ русскими. По конецъ 1869 года они продали около 4,000 тоннъ, въ томъ числѣ до 3,000 доставшихся имъ готовыми отъ разработокъ прежнихъ лѣтъ на участкѣ Бауровыхъ. Позднѣйшихъ свѣдѣній о Сертунаѣ нѣтъ.

Постъ *Кусунай* имѣетъ до 25 дворовъ и населеніе изъ солдатъ, не безъ успѣха занимающихся огородничествомъ.

Постъ *Корсакова*, на рѣчкѣ Акатувари, при впаденіи ея въ бухту Лососью, и нѣсколько сѣвернѣе японскаго селенія и поста Кусунъ-Катанъ. Сюда предполагалось перевести штабъ-квартиру

линейнаго баталіона, командиръ которой завѣдуетъ всѣми другими постами въ южной половинѣ Сахалина.

Постъ *Муравьева*, при озерѣ Тоубучи, связанномъ протокою съ заливомъ Буссе, считается главнымъ изъ нашихъ южно-сахалинскихъ постовъ. Маловодье на барѣ причиною, что гавань поста рѣдко посѣщается торговыми судами, однако, основаніе морской торговли было уже положено, и, напримѣръ, въ 1869 году приходила спеціяльно въ Муравьевскій постъ шкуна изъ Санъ-Франциско, принадлежащая одному отставному штурманскому офицеру. Товары, доставленные этою шкуною, продавались дешевле привозимыхъ николаевскими купцами.

Деревня *Такой*, на рѣчкѣ того же имени, текущей въ рѣку Найбучи, лежитъ среди плодородной долины, гдѣ ячмень, овесъ, рожь и даже пшеница даютъ иногда хорошіе урожаи. Деревня въ 1871 году состояла изъ 20 дворовъ, жители которыхъ занимались болѣе огородничествомъ, чѣмъ хлѣбопашествомъ.

Постъ и деревня *Найбучи* такого же объема, какъ предъидущее селеніе, лежатъ близъ впаденія рѣки Найбучи въ Охотское море.

Постъ *Мануэ*, на одной высотѣ съ Кусунаемъ; отъ котораго отстоитъ на 26 верстъ, по довольно уже набитой дорогѣ.

Постъ *Тарайка*, у залива Терпѣнія и озера Тарайки: одни солдаты.

У порта *Ныи* нѣтъ, собственно, постоянной русской осѣдлости; но тамъ построены хижины или зимовья для пріѣзжихъ русскихъ купцовъ изъ Николаевска, скупающихъ тюленьи шкуры и другіе мѣха.

Неимѣніе въ Восточной Сибири большихъ казенныхъ горнозаводскихъ работъ привело къ мысли высылать на Сахалинъ нашихъ ссыльно-каторжныхъ, которыхъ здѣсь можно занимать разработкою каменнаго угля, годнаго для военнаго флота и въ продажу. Въ этихъ видахъ и положено было выселять на островъ ежегодно до 800 человѣкъ. Но такое число кажется несоотвѣтственнымъ настоящимъ каменноугольнымъ разработкамъ на Сахалинѣ, именно слишкомъ большимъ. Содержаніе ссыльныхъ, между тѣмъ, обходится дорого и повидимому, нѣтъ другаго выхода изъ дилемы, какъ сокращеніе рабочихъ сроковъ каторжнымъ съ предоставленіемъ имъ селиться на волѣ, но въ предѣлахъ Сахалина, и жить своими трудами. Только и въ этомъ случаѣ опытъ обнаруживаетъ важныя неудобства. Освобожденные каторжные, вмѣсто занятій промыслами, предпочитаютъ грабить аиновъ и даже японцевъ, на что послѣдніе

уже жаловались, говоря, что «русскіе хотятъ насъ выжить съ Сахалина, населяя его разбойниками». Нѣкоторое число ссыльныхъ не безъ пользы могло бы быть употреблено на фортификаціонныя работы по берегамъ пролива Маміо-Ринзо, а также на лѣсопильнѣ и смолокурнѣ для флота. Но возникшая въ недавнее время мысль отдавать каторжныхъ въ работу частнымъ лицамъ очевидно противозаконна, ибо это значило бы унижать и дѣлать ненавистнымъ самое правосудіе, во имя котораго государство караетъ преступника, значило бы судей и правителей обратить въ торговцевъ людьми, въ распространителей рабства. Объ исправленіи караемыхъ, разумѣется, послѣ этого не могло бы быть и рѣчи, ибо они увидѣли бы въ себѣ отнынѣ предметъ промысла, а не заботъ со стороны государства, и справедливо озлобились бы на покаравшій ихъ «законъ правды».

Сообщенія русскихъ постовъ на Сахалинѣ съ Приморскою областью производятся главнѣйше моремъ, а зимою промышленники ѣздятъ на собакахъ, переѣзжая Татарскій проливъ по льду, у мыса Лазарева и деревни Погоби. Сухопутная почта изъ залива Анивы въ Николаевскъ отправляется иногда пѣшкомъ, иногда на собакахъ вдоль восточнаго берега и долиною рѣки Пороная въ Дуи, а оттуда западнымъ берегомъ до Погоби и далѣе черезъ проливъ. По безопасности края, отправляютъ обыкновенно двухъ-трехъ солдатъ. Морское сообщеніе прибрежныхъ мѣстностей между собою открыто только шесть мѣсяцевъ, съ апрѣля по октябрь, и лишь въ заливѣ Анива навигація возможна 10—11 мѣсяцевъ, иногда круглый годъ, но съ большими опасностями для судовъ плавающихъ зимою.

Устройство хотя бы одной продольной и двухъ поперечныхъ проѣзжихъ дорогъ — именно отъ залива Анивы въ долину Пороная, отъ Пороная до Дуи и отъ Мануэ въ Кусунай — могло бы быть сдѣлано предметомъ занятій каторжныхъ и, во всякомъ случаѣ, очень желательно.

2) *Японцы* живутъ въ южной части Сахалина и не распространяются по западному его берегу далѣе Кусуная, а по восточному далѣе залива Терпѣнія. Главная масса ихъ селеній находится на западномъ берегу, у бухты Мауки, исходнымъ же пунктомъ для сообщеній съ Японіею служитъ станція Сирануси, у самаго почти мыса Крильона. Въ заливѣ Анива японское населеніе также довольно значительно, и главный пунктъ тутъ есть Кусунъ-Катанъ. Въ 1869 году японское правительство вздумало-было даже усилить эту колонизацію и выслало въ Аниву до 500 душъ; но прибытіе переселенцевъ позднею осенью и другія причины повели за собою неудачу

колонизированія. Главная цѣль, для которой японцы въ прежнее время водворялись на Сахалинѣ и еще болѣе пріѣзжали туда на лѣто, состояла въ рыбной ловлѣ и въ торговлѣ съ аинами; въ послѣдніе годы они преслѣдують и другую, не экономическую, а уже политическую цѣль: усиленіе японскаго вліянія на островѣ паралельно съ русскимъ. Для этого они слѣдятъ за ходомъ русской колонизаціи, и какъ только замѣчаютъ, что русскіе хотятъ водвориться въ какой-либо мѣстности, являются туда съ собственными колонистами. Отъ того около всѣхъ нашихъ постовъ южнѣе 48° ш. есть соотвѣтственные посты японскіе, напр. на Кусунаѣ (12 домовъ), у постовъ Корсакова, Муравьева. Японцы хотѣли даже основать, по нашему примѣру, селенія внутри острова, именно на Такоѣ; но удалось ли имъ это — свѣдѣній не имѣется.

Всѣ японцы на Сахалинѣ управляются мѣстными чиновниками, подчиненными мацмайскому губернатору. Доходы, получаемые ими отъ рыбной ловли, простираются до 2 милліоновъ ичибу, т. е. до 800,000 рублей.

3) *Китайцы*, рабочіе, нанятые американскими эксплуататорами сертунайскихъ каменноугольныхъ копей, были, въ числѣ около 100 человѣкъ, привезены въ 1868 году изъ Гонъ-Конга и высажены въ Сертунаѣ. Находятся ли они тамъ теперь — неизвѣстно, но администрація Приморской области старалась не допустить ихъ до водворенія. Во всякомъ случаѣ, это были люди безсемейные, не имѣвшіе и въ виду прочной осѣдлости на Сахалинѣ.

4) *Гиляки* населяютъ сѣверную половину острова, до $50^1/_4$° широты. Они звѣроловы и рыболовы, а отчасти и торгаши, ибо на лодкахъ своихъ пріѣзжаютъ въ южную половину Сахалина для покупки мѣховъ у аиновъ съ цѣлію перепродавать ихъ николаевскимъ купцамъ. Живутъ разсѣянно по рѣчкамъ, поодаль и близъ морскаго берега; главнымъ средоточіемъ ихъ населенія нужно считать окрестности залива Ныи. Гиляки на Сахалинѣ, какъ и на низовьяхъ Амура, безстрашные мореходы и могли бы нынѣ же быть пріучаемы къ службѣ на морскихъ судахъ, за плату. По религіи они шаманы; образованія никакого не имѣютъ: письменъ у нихъ нѣтъ; языкъ отличенъ и отъ тунгузскаго, котораго нарѣчія господствуютъ въ бассейнѣ Амура, и отъ курильскаго, которымъ говорятъ аины. Японское вліяніе на нихъ ничтожно и выражается лишь небольшими торговыми связями съ японцами на южномъ Сахалинѣ. Число гиляковъ неизвѣстно; но, вѣроятно, не превосходитъ 2 — 3000 душъ.

5) *Аины*, до 3,000 душъ *), населяютъ южную часть острова, отъ 50° широты. Это суть звѣроловы и рыболовы, находящіеся въ кабальной зависимости отъ японцевъ, у которыхъ постоянно въ долгу за забираемые предметы одежды, за утварь и рисъ. Статья 3-я конвенціи 1867 года дозволяетъ этому положенію увѣковѣчиться и даже повести къ обращенію аиновъ въ японскихъ рабовъ, ибо японцы могутъ за долги требовать обязательной работы. Впрочемъ, въ политическомъ отношеніи аины ни отъ кого не зависятъ и въ дѣлахъ своихъ вѣдаются собственными старшинами. Японцы ихъ притѣсняютъ; это вызываетъ жалобы, нерѣдко заявляемыя на нашихъ постахъ, и такимъ образомъ надъ бѣднымъ народомъ зарождается какъ бы двойная опека; но внѣ отношеній къ пришельцамъ изъ Японіи и Россіи, т. е. во всѣхъ дѣлахъ между собою, аины пока независимы.

Привычка къ рису, къ японской одеждѣ (до нѣкоторой степени), къ японской утвари и долгія сношенія съ японцами придаютъ аинамъ видъ народа нѣсколько болѣе цивилизованнаго, чѣмъ гиляки. Притомъ они добродушнѣе. Но въ существѣ эти различія невелики. Религія, нравы, повѣрья, обычаи — все свидѣтельствуетъ о патріархальномъ ихъ состояніи. Деревни аиновъ обыкновенно состоятъ изъ небольшаго числа домовъ: трехъ-четырехъ, какъ у амурскихъ гольдовъ. Дома постройкою напоминаютъ отчасти японскіе; при каждомъ домѣ есть кладовая для сушеной рыбы, на столбахъ, отъ мышей. Иногда богатый аинъ имѣетъ два-три дома, въ разныхъ деревняхъ, гдѣ живутъ его жены, которыхъ онъ по очереди посѣщаетъ. Между собою аины въ прежнія времена не разъ вели опустошительныя войны, отъ которыхъ иногда истреблялись цѣлыя деревни, напримѣръ Поротенусъ-Катанъ у озера Тоубучи. Кромѣ того, уменьшенію ихъ числа, вѣроятно, содѣйствовали болѣзни, занесенныя японцами, напримѣръ сифилисъ. По крайней мѣрѣ, въ заливѣ Анивѣ теперь извѣстны только три маленькія аинскія селенія вмѣсто прежнихъ восьми большихъ деревень; по долинѣ Найбучи видны развалины аинскихъ селеній, нынѣ пустыхъ, и проч.

6) Небольшое число *орокаповъ* (орочей, орокезовъ), племени родственнаго тунгузамъ, живетъ въ горахъ средней части Сахалина.

---

*) Эта цифра, быть можетъ, болѣе истинной, потому что на югъ отъ 48° широты, гдѣ дѣлаемы были примѣрныя ихъ счисленія, ихъ находится не болѣе 2,000. Рудановскій, въ 1850-хъ годахъ, полагалъ на всемъ Сахалинѣ только 2,418 аиновъ; Дьячковъ въ 1860-хъ только 2,050 душъ.

Они, главнымъ образомъ, звѣроловы; когда же охота на лѣсныхъ животныхъ бываетъ неудачна или несвоевременна, то занимаются и рыбною ловлею. Число ихъ неизвѣстно, но, вѣроятно, не болѣе 400.

Сводя эти данныя о сахалинскомъ населеніи, получимъ, что оно состоитъ изъ:

русскихъ. . . .	3,000
японцевъ. . . .	3,000
китайцевъ . . .	100
гиляковъ. . . .	3,000
аиновъ	3,000
орокаповъ . . .	400.
Итого. . . .	14,000,

что даетъ по 12 человѣкъ на одну квадратную милю, да, кажется, и эти цифры слишкомъ велики. Всѣ приведенныя цифры можно назвать только грубоприблизительными, почти гадательными.

Такъ какъ главное занятіе этого населенія, за исключеніемъ русскихъ, рыбный и звѣриный промыслы, то естественно, что и главные предметы вывознаго торга на Сахалинѣ суть мѣха и рыба. Послѣдняя вся идетъ въ Японію; что же до мѣховъ, то они скупаются какъ японцами, такъ и особенно русскими и отчасти американцами. Главными торговыми мѣстами можно считать Сирануси и русско-японскіе посты въ заливѣ Анивѣ. Торговля, большею частію, мѣновая, и вотъ, напримѣръ, какъ оцѣниваются при ней товары:

за 1½ дюжины иголокъ	получается отъ туземцевъ:
» 1½ » пуговицъ	40 выдръ.
» 12 арш. грубаго сукна	25 лисицъ.
» 9 » краснаго сукна	37 соболей.
» 3 фланелев. рубашки	
» 13 арш. бѣлой кисеи	
» 10 мотковъ нитокъ	
» 3 фунта бисеру	

Взявъ за норму среднія петербургскія цѣны всѣмъ поименованнымъ товарамъ, получимъ, что за 35 рублей, издержанныхъ въ Петербургѣ, можно привести туда мѣховъ на 600 — 700 рублей. Вся огромная разница между этими цифрами приходится на перевозку, на комисіонные расходы и барыши купцовъ.

Общее число вывозимыхъ съ Сахалина мѣховъ высшаго разряда г. Фуругельмъ полагаетъ въ 2,400 выдръ, 1,300 соболей и 6,000

лисицъ; число же шкуръ медвѣжьихъ, олельихъ, тюленьихъ и проч. остается неопредѣленнымъ.

Съ увеличеніемъ русскаго и японскаго населенія на Сахалинѣ, торговля, особенно рисомъ, мукою и европейскимъ заводскими произведеніями, должна значительно возрасти; сколько извѣстно, предпріимчивые американскіе купцы изъ Санъ-Франциско уже съумѣли понять могущія произойдти отъ того выгоды для нихъ. Торговля рыбою, особенно кетою (семгою) и сельдями, по засолѣ ихъ на европейскій манеръ, могла бы дать хорошіе барыши нашимъ купцамъ, при условіи, конечно, правильнаго мореходнаго общенія съ Шанхаемъ, куда съ Сахалина стоило бы привозить уголь для мѣстныхъ надобностей, а рыбу и мѣха для отправки въ Россію. Но откликнется ли на эту потребность Русское Общество пароходства и торговли или хоть Амурское пароходное Общество — объ этомъ пока сказать ничего нельзя.

Военный обзоръ.

Мы имѣемъ, въ настоящее время, на Сахалинѣ одинъ батальонъ пѣхоты (въ пять ротъ № 4 Вост. Сиб. Лин.), два горныхъ орудія, одну мѣстную команду (Дуйскую), которыя расположены слѣдующимъ образомъ: двѣ роты и взводъ артиллеріи на постѣ Муравьева, одна рота на постахъ Корсакова и Найбучи, одна въ бухтѣ Маукэ, одна на Кусунаѣ и Мануэ, постовая команда въ Дуи и Тарайкѣ. Но роты, въ свою очередь, разбиты на множество мелкихъ командъ, напримѣръ семь, девять и есть посты, гдѣ находится всего по два солдата, только для того, чтобы показывать японцамъ присутствіе русскихъ въ данной мѣстности.

Военныя силы Японіи на Сахалинѣ намъ неизвѣстны ни по составу, ни по количеству.

Что касается до стратегическаго положенія острова, то о немъ можно замѣтить слѣдующее:

1) Онъ лежитъ противъ устья Амура, но *не запираетъ входа въ него,* и не только потому, что проливъ Маміо-Ринзо не укрѣпленъ, но и потому, что въ сѣверной половинѣ Татарскаго пролива есть особый фарватеръ изъ Охотскаго моря, который, правда, проходитъ на виду мыса Лазарева, но все же внѣ выстрѣловъ съ него. Укрѣпленіе пролива Маміо-Ринзо и содержаніе въ немъ, на случай войны, нѣсколькихъ броненосныхъ судовъ (или же устройство подводныхъ

минъ на фарватерѣ), могутъ придать Сахалину, или, правильнѣе, части его около Погоби, значеніе ключа Амура, а вмѣстѣ и связать самый островъ неразрывно съ Приморскимъ краемъ.

2) *Сахалинъ не имѣетъ ни одного порта*, годнаго для безопасной стоянки. Особенно это справедливо относительно западнаго берега, т. е. того, около котораго должны держаться суда, рѣшающіяся запереть Татарскій проливъ.

3) *Сахалинъ*, по климату своему, *не можетъ доставлять продовольствія войскамъ* и ссыльнымъ, т. е. пришельцамъ на островъ, и даже водворенные тамъ землепашцы едва ли будутъ постоянно имѣть свой собственный хлѣбъ. Поэтому владѣніе Сахалиномъ будетъ обходиться тѣмъ дороже, чѣмъ больше введено будетъ въ него пришлаго населенія, кормящагося не своимъ хлѣбомъ. Но, впрочемъ, развитіе нѣкоторыхъ промысловъ, напримѣръ рыболовства, скотоводства, охоты, можетъ отчасти вознаградить этотъ недостатокъ, а развитіе каменноугольныхъ копей и продажа угля за границу покрыть часть издержекъ казны на содержаніе ссыльныхъ *).

4) *Сухопутная оборона* Сахалина, при вторженіи въ него непріятеля, особенно превосходнаго числомъ и, слѣдовательно, могущаго высадиться разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, при теперешнемъ состояніи нашихъ средствъ на Востокѣ, *невозможна* и, вѣроятно, останется такою надолго. Къ недостатку силъ въ этомъ случаѣ присоединяется еще растянутое положеніе острова, дозволяющее непріятелю высадкою, напримѣръ у Кусуная, отрѣзать совершенно южно-сахалинскіе наши посты отъ всякаго подкрѣпленія съ сѣвера.

5) Небогатый естественною производительностію и неимѣющій ни одного порта, *Сахалинъ не можетъ служить для насъ базою для наступательныхъ дѣйствій противъ внѣшняго непріятеля*, не только въ смыслѣ подготовленія на немъ дессанта, но и въ смыслѣ исходнаго пункта для крейсеровъ. Даже внутри острова, въ случаѣ появленія тамъ непріятеля, намъ, при теперешнихъ условіяхъ, то есть: 1) при бездорожьѣ, 2) при крайней разбросанности войскъ и

---

*) По 1869 годъ отъ продажи казеннаго дуйскаго угля составилось чистой выручки болѣе 18,000 рублей, названныхъ «угольнымъ капиталомъ». Есть ли этотъ капиталъ и въ какомъ количествѣ — неизвѣстно. Работы, необходимыя для правильной эксплуатаціи копи, дороги, а безъ нихъ ни на какую выручку надѣяться нельзя. Устройство складовъ угля въ южныхъ портахъ также необходимо для увеличенія сбыта его, но, въ свою очередь, не можетъ обойтись безъ издержекъ, къ которымъ приходится отнести даже покупку транспортнаго судна.

3) при ихъ неудовлетворительномъ тактическомъ образованіи, нельзя и думать о наступательной войнѣ.

Изъ всего этого видно, что владѣніе Сахалиномъ для насъ не представляетъ первостепенныхъ экономическихъ удобствъ и стратегическаго значенія. Но какъ, съ одной стороны, на этомъ островѣ находятся богатыя залежи каменнаго угля, особенно по западной сторонѣ, а съ другой, тотъ же западный берегъ ограничиваетъ Татарскій проливъ, владѣніе которымъ для насъ имѣетъ большую важность, то, казалось бы, мы должны нынѣ употребить всѣ усилія, чтобы поскорѣе выйдти изъ ложнаго положенія, созданнаго договорами 1855 и 1867 г. о совладѣніи съ Японіею, и если нельзя пріобрѣсти островъ въ исключительное владѣніе Россіи, то постараться, во что бы ни стало, *раздѣлить его съ японцами вдоль по хребту* отъ мыса Елизаветы до Томори, такъ чтобы западная половина земли, весь Татарскій проливъ и командующая Лаперузовымъ проливомъ мѣстность остались за нами.

Источники, послужившіе къ составленію обзора Сахалина.

1) *Lapérouse*: Voyage autour du monde.

2) *Крузенштернъ*: Путешествіе вокругъ свѣта.

3) *Головнинъ*: Плаваніе на «Діанѣ» и Записки о пребываніи въ плѣну у японцевъ.

4) *Зибольдъ*: Путешествіе въ Японію.

5) *Шмидтъ*: Отчеты физическаго Отд. Сибирской Экспедиціи И. Р. Г. Общ.

6) *Шренкъ*: Физическая географія Сѣверо-японскаго моря.

7) *Добротворскій*: Описаніе южной половины острова Сахалина.

8) *Буссе*: Островъ Сахалинъ, плохой памфлетъ.

9) *Августиновичъ*: Чтеніе о постѣ Дуи въ Изв. Р. Г. О. 1873.

10) *Изданія* Географическаго Общества; «Морской Сборникъ», газета «Амуръ».

11) *Alaska Herald* 1870: «Sahalien».

12) Документы комисіи генералъ-адъютанта Сколкова и вообще офиціяльныя бумаги Главнаго Штаба.

13) Рукописныя свѣдѣнія со словъ офицеровъ клипера «Всадникъ», собранныя мною въ 1870 г.

14) *Съемки*: Шебунина, Павловича, Бѣлкина и пр.

15) *Карты*: Крузенштерна, Шварца, Шебунина; англійская адмиралтейская; спеціальная японская; рукописная на клиперѣ «Всадникъ». (Нынѣ литографированная адмиралтействомъ).

Второй участокъ: Приморскій край.

Положеніе и предѣлы участка.

На обширномъ пространствѣ Россіи, вообще столь невыгодно расположенной на самомъ сѣверѣ стараго свѣта, вдали отъ міровыхъ путей и въ сосѣдствѣ съ средпеазіятскими степями, обреченными самою природою на бѣдность и ничтожество, нѣтъ другой мѣстности, которая можетъ имѣть столь великую историческую будущность, какъ восточная ея окраина, отъ устья Амура до устья Тумень-улы. Здѣсь русская земля владѣетъ тою открытою дверью въ океанъ, которой не достаетъ ей въ Европѣ. Отсюда неизбѣжно предстоитъ ей направлять свои силы на міровую борьбу съ врагами, грозящими захватить всемірную гегемонію. Отсюда только можетъ она поддерживать вліяніе и на ближайшихъ своихъ сосѣдей, Японію и собственный Китай, которые начали уже возрожденіе свое отъ вѣковаго застоя. Здѣсь лишь могутъ возникнуть порты для безпрепятственной морской торговли съ Америкой, Зондскими островами и Индіей, этими надолго неистощимыми источниками богатствъ для цѣлаго свѣта. Однимъ словомъ: какой бы участокъ русскихъ государственныхъ рубежей въ Азіи или даже въ Европѣ мы ни взяли, будь то берега Финскаго залива или Чернаго моря, Закавказье или бассейнъ Сыра,—ни одинъ изъ нихъ не представитъ столь разнородныхъ и, большею частью, благопріятныхъ условій для широкаго политическаго вліянія и блистательной экономической будущности, какъ край Приморскій. И ни въ одной части нашего обширнаго отечества територіяльныя потери не были бы такъ печальны, какъ здѣсь, для поясненія чего стоитъ только представить себѣ, что Англія имѣетъ на островѣ Аскольдѣ новый Гонъ-Конгъ, или Китай владѣетъ заливомъ Посьета. По этимъ причинамъ, описаніе приморской окраины должно быть обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ какого-либо другаго участка русско-азіятскихъ границъ.

Къ сожалѣнію, нигдѣ источники свѣдѣній такъ не скудны, какъ

именно здѣсь. Несмотря на то, что мы уже четырнадцать лѣтъ стоимъ прочною ногой въ Амурскомъ краѣ, у насъ есть мѣстности на цѣлыя сотни квадратныхъ миль, гдѣ еще не бывала нога русскаго человѣка. Несмотря на то, что наши суда ежегодно плаваютъ вдоль береговъ отъ устья Амура до залива Посьета, мы не владѣемъ даже общею морскою картою этихъ береговъ на цѣлыя 450 верстъ, отъ Императорской гавани до залива Опричникъ, и не знаемъ, что тамъ находится. На всемъ протяженіи морскаго прибрежья есть не болѣе шести русскихъ осѣдлостей, изъ которыхъ три суть простые посты. Такъ еще мало нами сдѣлано здѣсь, то есть такъ еще много остается намъ сдѣлать.

Математическая географія края, къ которому можно отнести всю береговую полосу до хребта Сихота-алинь, а также бассейнъ озера Ханкая, вполнѣ тяготѣющій къ морю, имѣетъ основаніемъ 37 астрономическихъ точекъ, изъ которыхъ 26 лежатъ на двухъ послѣднихъ къ югу градусахъ широты, сѣвернѣе же 44 находится лишь 11, да и изъ нихъ двѣ сомнительныя. Точно то же явленіе представляютъ и съемки, опирающіяся на эти опредѣленія, т. е. онѣ наиболѣе развиты на югѣ, отчасти на крайнемъ сѣверѣ и совершенно ничтожны въ срединѣ. Морскіе промѣры опять относятся къ тѣмъ же крайнимъ на сѣверѣ и югѣ берегамъ, а барометрическихъ наблюденій въ краѣ нѣтъ вовсе, такъ что рельефность его почвы можетъ быть опредѣлена только на глазъ. Лишь въ настоящемъ 1873 году началась опись морскаго берега между Императорскою гаванью и заливомъ Джигитъ.

Первая европейская карта этого прибрежья есть Данвилева, находящаяся въ его атласѣ Китайской имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что она основана, большею частію, на распросахъ, такъ какъ страна на востокъ отъ устья Суйфуна совершенно обезображена отнесеніемъ ея крайнихъ предѣловъ на нѣсколько градусовъ долготы къ востоку. Самыя названія рѣкъ, текущихъ въ море съ хребта *Сихота-алинь*, тоже невѣрны. Эту ошибку въ конфигураціи берега впервые исправилъ Лаперузъ; но, къ удивленію, знаменитый мореходъ, плававшій тутъ въ лучшее время года, не замѣтилъ многочисленныхъ бухтъ и заливовъ, встрѣчающихся восточнѣе меридіана устьевъ Тумень-улы. Исключеніе составили бухты Тернай, Сюфренъ и де-Кастри — всѣ лежащія уже сѣвернѣе 45 градуса. Англійскій капитанъ Броутонъ, плававшій нѣсколько лѣтъ позднѣе Лаперуза, естественно не прибавилъ ничего къ его описанію, такъ какъ, по постоянной своей привычкѣ, держался очень далеко отъ береговъ.

Съ его времени даже укоренилось ложное мнѣніе, будто Японское море заперто съ сѣвера, т. е. не имѣетъ связи съ Охотскимъ. Это мнѣніе до нѣкоторой степени подтверждено было Крузенштерномъ, который на мѣстѣ пролива *Маміо-Ринзо* начертилъ мель отъ материка къ Сахалину. Въ такомъ видѣ наши свѣдѣнія о сѣверозападномъ прибрежьѣ Японскаго моря оставались до половины текущаго столѣтія. Капитанъ Невельской и его спутники первые доказали положительно, что Амурскій лиманъ имѣетъ главный выходъ не на сѣверъ, въ Охотское, а на югъ, въ Японское море. Затѣмъ мало по малу началось изученіе береговъ этого послѣдняго другими мореплавателями. Такъ, въ 1851 году, французскій военный корветъ «Capricieuse» осмотрѣлъ заливъ Посьета; въ 1853 г. нашъ фрегатъ «Паллада», направляясь къ устьямъ Амура, положилъ на карту берегъ Кореи и южно-усурійскаго края отъ устья Тумень-улы до м. Гамова, а вслѣдъ затѣмъ составилъ опись залива Хаджи, т. е. Императорской гавани, которую англичане съ своей стороны назвали Барракутой, въ честь одного изъ своихъ судовъ, осмотрѣвшаго ее во время Восточной войны. Въ 1855 году англійское военное судно «Winchester» осмотрѣло берега южно-усурійскаго края отъ м. Гамова до острова Аскольда, т. е. заливъ Петра Великаго, и вскорѣ затѣмъ англичане же открыли заливъ Ольги, названный ими портомъ Сеймура. Въ 1857 году нашъ корветъ «Америка» вновь осмотрѣлъ тотъ же портъ и открылъ еще новый, св. Владиміра. Два года спустя, тотъ же корветъ «Америка» открылъ заливъ своего имени, а клиперъ «Стрѣлокъ»—своего, послѣ чего черезъ новые два года клиперомъ «Гайдамакомъ» осмотрѣны и описаны заливъ Востокъ и гавань Гайдамакъ. Наконецъ въ 1862—1863 годахъ партіею г. Бабкина сдѣлана съемка и опись всего берега отъ границъ Кореи до 45 широты, т. е. до залива Джигитъ. На этихъ данныхъ, а также на работахъ Клыкова, Бурачка, Романова, Старицкаго и другихъ, и основываются излагаемыя ниже свѣдѣнія о морѣ, омывающемъ описываемый край, морѣ, котораго физическая географія послужила предметомъ извѣстнаго сочиненія академика Шренка.

Сухопутныя съемки, какъ на сѣверѣ, въ странѣ прилежащей низовьямъ Амура, такъ и на югѣ, въ южно-усурійскомъ краѣ, принадлежатъ чинамъ корпуса топографовъ изъ Иркутска, а описательныя свѣдѣнія, главнымъ образомъ, Будищеву, Бурачку, Васильевой, Венюкову, Клыкову, Лопатину, Мааку, Петровичу, Романову и Пржевальскому.

Топографія и гидрографія.

Берегъ Японскаго моря отъ устья Тумень-улы до устья Амура, по большей части, высокъ, крутъ, иногда даже скалистъ и обрывистъ. Непосредственно отъ моря страна возвышается внутрь, и въ разстояніи 50—100 верстъ отъ него обыкновенно достигаетъ полутора или двухъ тысячъ футовъ, причемъ встрѣчаются горные массивы и бо̀льшей высоты, какъ, напримѣръ, *Крестовый голецъ* (Джай) на югѣ отъ Маріинска, имѣющій вѣроятно до 4,000 футовъ, ибо видѣнъ верстъ за сто. Вообще горный хребетъ *Сихота-алинь*, ограничивающій приморскую полосу съ запада и дающій начало многочисленнымъ притокамъ Сѣверо-японскаго моря, отличается тѣмъ, что онъ отлого спускается къ западу и круто къ востоку, причемъ еще на восточномъ его склонѣ, вѣроятно въ позднѣйшую геологическую эпоху, образовалось нѣсколько пиковъ, повидимому вулканическаго происхожденія. Чѣмъ далѣе къ югу отъ 48 широты, гдѣ, вѣроятно, хребетъ достигаетъ наибольшей высоты, тѣмъ гребень его становится ниже и площе, такъ что, наконецъ, между Суйфуномъ и Ханкаемъ онъ обращается въ плоскую, слегка лишь взволнованную и болотистую мѣстность. Нѣчто подобное замѣчается и на сѣверѣ, гдѣ, прежде еще прорыва рѣкою Амуромъ, въ хребтѣ образуются двѣ сѣдловины, на большей части ихъ протяженія занятыя долинами озеръ *Кизи* и *Када*.

Переходы черезъ хребетъ Сихота-алинь извѣстны во многихъ мѣстахъ, хотя далеко не всѣ изслѣдованы и даже осмотрѣны. Назовемъ здѣсь важнѣйшіе: 1) отъ Маріинска на Амурѣ къ заливу де-Кастри по озеру Кизи и потомъ сухопутно семь верстъ: путь неудобный по мелководію озера; 2) отъ Софійска до Кастри же долиною рѣки Комаровки, притока рѣки Ай, впадающей въ Кизи съ юга, и потомъ вдоль вѣки Сомона: здѣсь существуетъ посредственная колесная дорога, отдѣленная отъ Кизи хребтомъ; 3) отъ Софійска долинами Ай и Хуюла, съ котораго переваливаютъ на одинъ изъ притоковъ Тумджи, впадающей въ Татарскій проливъ сѣвернѣе Императорской гавани верстахъ въ пятидесяти: перевалъ нетрудный; 4) съ рѣки Хунгари, притока Амура, на ту же Тумджу; 5) съ рѣки Черная, притока Хора, впадающаго въ Усури, на рѣку Самальгу, текущую въ Японское море: перевалъ черезъ высокія горы, находящійся, по расспросамъ, въ четырехъ дняхъ пути отъ морскаго берега; 6) съ верховій Бикини, притока Усури, черезъ

высокія же горы, въ пяти дняхъ отъ моря; 7) съ верховій Нимани: тѣ же условія; 8) съ Фудзи на Лифуле: перевалъ чрезъ невысокій лѣсистый хребетъ, въ 45 верстахъ отъ моря; 9) съ одного изъ притоковъ Фудзи на рѣку Аввакумовку, впадающую въ заливъ Ольги; 10) съ рѣки Улахэ, праваго истока Усури, на Судухэ, притокъ Японскаго моря, черезъ такъ называемый Петровскій перевалъ; 11) съ рѣки Суанчи, лѣваго истока Усури, на Лалихазу, притокъ Сучана, впадающаго въ море и извѣстнаго по своей покрытой богатою растительностью долинѣ; 12) съ рѣки Эрлъ-догу, праваго притока Добиху, на самый Сучанъ: подобно предъидущему, невысокій перевалъ чрезъ хребетъ, покрытый лиственнымъ лѣсомъ; 13) съ Добиху на Тудогу, правый притокъ Сучана; 14) съ Лефу на Майхе, текущую въ Усурійскій заливъ; здѣсь водораздѣлъ подходитъ къ морю всего на двадцать верстъ; 15) съ Лефу же прямо на Суйфунъ, вдоль телеграфной просѣки, 16) съ Лефунцзы на Суйфунъ же, по долинѣ лѣваго притока послѣдняго, Тундагу. Здѣсь хребетъ почти исчезаетъ, т. е. перевалъ совершается черезъ слабую, едва замѣтную возвышенность. Да и вообще всѣ перевалы, отъ № 8 начиная, отличаются этимъ свойствомъ; но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ въ большей степени. По № 16-му устроена уже колесная дорога съ озера Ханкая въ бассейнъ Суйфуна.

Береговой хребетъ на западной сторонѣ залива Усурійскаго также имѣетъ большое число проходовъ, можно сказать въ вершинѣ каждой рѣчки. Изъ нихъ по одному, самому южному въ нашихъ владѣніяхъ, проходитъ колесная дорога отъ Новгородской гавани въ Хунь-чунь.

Къ сторонѣ моря только мѣстами прибрежныя горы спускаются постепенно, т. е. отлого; большею же частію прибой волнъ отмылъ подошвы скалъ и онѣ круто выставляютъ свои обнаженныя каменныя ребра. Лѣсъ, которымъ почти сплошь одѣтъ хребетъ внутри страны, нигдѣ почти не доходитъ до самаго моря, вдоль котораго, верстъ на 5—7 отъ берега, обыкновенно на горахъ, растетъ лишь кустарникъ или же рощи большихъ деревьевъ, но съ погнутыми и поломанными вершинами. Это явленіе объясняется сильными вѣтрами, обыкновенно дующими вдоль всего сѣверо-западнаго берега Японскаго моря. Затѣмъ конфигурація берега представляетъ слѣдующія подробности, важныя въ морскомъ отношеніи:

На сѣверѣ, подъ 53° широты, береговой хребетъ прорванъ *устьемъ Амура*. Устье это, въ противоположность тому, что пред-

ставляютъ всѣ другія большія рѣки цѣлаго свѣта, — одно, и потому оно даетъ превосходныя условія для плаванія самыхъ большихъ судовъ. Но входъ въ него затрудненъ баромъ въ самомъ Татарскомъ проливѣ или въ такъ называемомъ Амурскомъ лиманѣ. Именно, русло рѣки, на меридіанѣ мыса Пронге, раздѣляется на три, между которыми мели хотя и покрыты водою, но не допускаютъ прохода морскихъ судовъ изъ одного фарватера въ другой. Кромѣ того, два сѣверные фарватера, охотскій и сахалинскій, теряются въ лиманѣ, такъ что выходовъ въ этихъ направленіяхъ нѣтъ. Остается одинъ южный, который ведетъ къ мысу Лазарева; но и на этомъ фарватерѣ есть баръ, на которомъ имѣется всего 12—13 футовъ воды. Между фарватеромъ и берегомъ материка лиманъ, большею частію, мелокъ, и среди моря тутъ возвышаются острова *Хаземифъ*, приближеніе къ которымъ особливо опасно, ибо за господствующими туманами здѣсь легко наткнуться не только на отмель, но и на самые острова. У мысовъ Муравьева и Лазерева берегъ материка наиболѣе выдается къ востоку и приближается на 7 верстъ къ берегу Сахалина. Фарватеръ тутъ имѣетъ отъ 5 до 11 саженъ глубины и ширину отъ 2 до 3 верстъ.

Въ широтѣ 51° 28′ находится первая изъ многочисленныхъ бухтъ, образованныхъ Сѣверо-японскимъ моремъ у береговъ Приморской области: это *заливъ де-Кастри.* Ширина его у входа, между мысами Нахимова и Клостеръ-Кампомъ, не болѣе восьми, длина, въ направленіи къ западу, не свыше одиннадцати верстъ; поверхность же не превосходитъ 50 квадратныхъ верстъ, т. е. менѣе площади Петербурга. Двѣ маленькія бухточки составляютъ развѣтвленія залива на югѣ и сѣверѣ, обѣ мелкія. При входѣ въ самый заливъ находится также банка; но затѣмъ, войдя въ него, сѣвернѣе или южнѣе послѣдней, можно спокойно стоять на якорѣ, какъ за мысомъ Клостеръ-Кампомъ, такъ особенно за островомъ Обсерваторіи, одною изъ четырехъ скалъ, поднимающихся среди залива изъ воды. Мысъ или полуостровъ Клостеръ-Кампъ составляетъ также отдѣльную возвышенность, которая соединяется съ материкомъ лишь узкой песчаной косой и потому издали кажется островомъ.

Далѣе къ югу, подъ 49° широты, находится заливъ *Хаджи*, или гавань *Императорская*, замѣчательная по удобствамъ стоянки и напоминающая отчасти Севастопольскую бухту, только въ обратномъ видѣ, т. е. со входомъ съ востока, а не съ запада, и съ боковою бухтою съ сѣвера, а не съ юга. Императорская гавань,

при глубинѣ 5—19 саженъ и при ширинѣ до трехъ верстъ, представляетъ превосходную стоянку для кораблей, но только лѣтомъ; зимою же она замерзаетъ сплошь, и притомъ на цѣлые шесть мѣсяцевъ, т. е. шестью недѣлями больше, чѣмъ самый заливъ де-Кастри, лежащій на два градуса къ сѣверу.

Къ югу отъ Императорской гавани до залива Джигитъ берегъ не описанъ. Изъ путешествія Лаперуза мы знаемъ, что тутъ есть заливы *Сюфренъ* и *Тернай*, а изъ новыхъ англійскихъ картъ извѣстно, что въ широтѣ 46° находится довольно рѣзко выдающійся въ море мысъ *Disappointment*. Самыя бухты *Джигитъ*, *Пластунъ* и *Опричникъ* описаны очень поверхностно. Во всякомъ случаѣ, онѣ не могутъ быть причислены къ лучшимъ гаванямъ на описываемомъ берегу, частію по своему малому объему, частію по самому очертанію, не представляющему полнаго закрытія отъ всѣхъ вѣтровъ, частію, наконецъ, по отрѣзанному отъ усурійскаго бассейна положенію.

Лежащая затѣмъ далѣе къ югу гавань *св. Владиміра* не имѣетъ уже ни одного изъ этихъ неудобствъ, и если въ чемъ уступаетъ другимъ портамъ южно-усурійскаго края, такъ это въ томъ, что замерзаетъ на три мѣсяца. Очертаніе ея и морскія условія самыя счастливыя. Разстояніе между двумя входными мысами, Балюзека и Ватовскаго, не превосходитъ $2^1/_4$ верстъ, а между тѣмъ длина залива отъ сѣвера къ югу десять верстъ и ширина отъ запада къ востоку отъ двухъ до четырехъ верстъ. Такимъ образомъ, суда, войдя въ портъ, могутъ совершенно спокойно отъ всѣхъ вѣтровъ стоять и въ сѣверной, и въ южной части залива, почти невидимыя съ моря. Глубина береговъ столь значительна, что въ 1857 году транспортъ «Камчадалъ» клалъ сходню съ палубы прямо на берегъ. Нѣсколько мелкихъ ручьевъ, текущихъ въ заливъ, даютъ достаточное количество прѣсной воды. Наконецъ, сообщеніе залива съ Фудзи и, слѣдовательно, съ Усури не можетъ быть труднымъ, такъ какъ истоки первой рѣки находятся всего въ 55 верстахъ отсюда и водораздѣлъ невысокъ.

Тѣ же условія, и до нѣкоторой степени въ еще болѣе благопріятныхъ размѣрахъ, представляетъ заливъ *Ольги*. Входъ въ него съ юго-востока прикрытъ скалистымъ островкомъ Чихачева, а съ югозапада мысомъ Линдена, и затѣмъ заливъ представляетъ какъ бы озеро, у котораго сѣверо-восточная часть, *Тихая пристань*, еще отдѣлена въ особый бассейнъ, закрытый отъ всѣхъ вѣтровъ. Въ заливъ впадаетъ съ сѣверо-запада многоводная рѣчка Аввраку-

мовка, долина которой представляетъ превосходныя условія для колонизаціи и съ вершины которой есть нетрудный переналъ въ бассейнъ Фудзи. Вблизи залива Ольги уже возникли русскія поселенія. Другая, менѣе значительная, рѣчка течетъ съ сѣверо-востока въ Тихую пристань: по ней идетъ тропа въ заливъ Владиміра.

Бухты *Евстафія*, *Таухская*, *Валентина*, *Преображенія*, *Островная* и *Успенія* не представляютъ удобствъ для устройства хорошихъ гаваней, но могутъ служить для стоянки судовъ во время нѣкоторыхъ вѣтровъ.

Заливъ *Америка* есть первокласный рейдъ, какъ по своей обширности и глубинѣ (не менѣе 4$^1/_2$ саженъ), такъ и потому, что имѣетъ двѣ совершенно закрытыя глубокія бухты, *Врангеля* и *Находку*, способныя доставить вполнѣ безопасную стоянку всякаго рода судамъ. Заливъ Америка открытъ къ югу устьемъ до 10 верстъ шириною, и потому ледъ въ немъ не держится болѣе двухъ мѣсяцевъ; съ сѣвера же онъ примыкаетъ къ долинѣ рѣки Сучана, лучшей по плодородію во всемъ южно-усурійскомъ краѣ. Бухта Врангеля, на восточной сторонѣ залива, имѣетъ около 3-хъ верстъ въ длину и до 2-хъ верстъ въ ширину, при глубинѣ отъ 5 до 9 саженъ; бухта Находка, на западной сторонѣ, протягивается въ длину на 3$^1/_2$ версты и имѣетъ глубину отъ 4 до 4$^1/_2$ саженъ: и та, и другая обставлены высотами, облегчающими укрѣпленіе ихъ.

Заливъ *Востокъ*, съ бухтою *Гайдамакъ*, при нѣсколько меньшихъ размѣрахъ, представляетъ почти тѣ же удобства, какъ и заливъ Америка, именно приглубые высокіе берега и глубину на рейдѣ отъ 6 до 12 саженъ, а въ бухтѣ отъ 2 до 6 саженъ.

Проливъ *Стрѣлокъ*, съ бухтами *Абрекъ* и *Разбойникъ*, представляетъ, съ военной точки зрѣнія, еще болѣе удобствъ для первокласнаго порта, чѣмъ заливъ Америка, ибо, при совершенной недоступности внутренняго рейда, онъ имѣетъ два выхода въ море, слѣдовательно, для блокады требуетъ большаго числа судовъ, а самъ можетъ высылать крейсеровъ черезъ тотъ или другой выходъ совершенно внезапно. Восточный изъ этихъ выходовъ имѣетъ около шести верстъ ширины, западный не болѣе трехъ. Средина между обоими занята островомъ Чадао (Путятина), командующимъ всѣмъ портомъ и имѣющимъ на западномъ берегу бухточку шестисаженной глубины, чрезвычайно удобную для закрытаго приготовленія пароходовъ къ внезапному выходу въ море и, слѣдовательно, къ прорыву блокадной линіи. Бухта же Абрекъ, внутри рейда, есть превосходный естественный портъ для нагрузки, выгрузки и

отправленія судовъ (глубина отъ 4—12 саженъ, длина до 3 верстъ, входъ 400 саженъ). Словомъ, съ военной точки зрѣнія, ничего лучшаго нельзя желать, какъ проливъ Стрѣлокъ. Но въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ онъ представляетъ невыгоды, изъ которыхъ самая важная есть недостатокъ прѣсной воды и крутизна береговъ, препятствующая основанію построекъ безъ значительныхъ землекопныхъ работъ.

Въ обширномъ заливѣ *Усурійскомъ* двѣ бухты, *Кангауза* и *Цимухэ*, могутъ служить якорными стоянками для кораблей, такъ какъ имѣютъ глубины: первая отъ 9—11 саженъ, вторая отъ 3—9 саженъ. Но обѣ, особенно Цимухэ, слишкомъ открыты для основанія въ нихъ большихъ портовъ, тѣмъ болѣе, что въ близкомъ сосѣдствѣ отсюда лежитъ знаменитый портъ *Владивостокъ*, подъ именемъ котораго слѣдуетъ разумѣть не только собственно бухту *Золотой Рогъ*, надъ которой построенъ городъ Владивостокъ, но и сосѣдніе: проливъ *Босфоръ Восточный* и бухту *Новикъ*, на островѣ Русскомъ. Этотъ портъ, будь онъ въ широтахъ болѣе южныхъ, т. е. не замерзай на 2 — $2^1/_2$ мѣсяца, иногда и болѣе, конечно вполнѣ оправдывалъ бы свое названіе, ибо лучшихъ условій въ морскомъ и военномъ отношеніи трудно найти. Портъ находится у оконечности полуострова Муравьевъ-Амурскій, между имъ и островомъ Русскимъ. Бухта Золотой Рогъ врѣзывается въ материкъ дугою до пяти верстъ длины и одной версты ширины, при глубинѣ отъ $4^1/_2$ до 11 саженъ. Она совершенно закрыта отъ всѣхъ вѣтровъ, и на сѣверномъ-то ея берегу расположенъ городъ Владивостокъ. Проливъ Босфоръ имѣетъ длины девять верстъ, ширину перемѣнную, но у западной оконечности достигающую едва 400 саженъ, такъ что въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ европейскій Босфоръ и японскій Симоносаки. Какъ у сѣвернаго, такъ и у южнаго берега его находится по нѣскольку бухтъ: *Діомидъ*, *Уллисъ*, *Патроклъ*, *Аяксъ*, *Парисъ*, которыя очень удобны для судовъ, нежелающихъ входить въ Золотой Рогъ или ждущихъ удобнаго момента для перехода въ открытое море. Восточный выходъ изъ Босфора достигаетъ ширины трехъ верстъ; но и онъ еще прикрытъ, до нѣкоторой степени, отъ юговосточныхъ вѣтровъ островкомъ Скрыплева. Всѣ берега пролива и Золотаго Рога приглубы; наибольшая глубина въ первомъ, впрочемъ, не превосходитъ 25 саженъ, такъ что, и въ этомъ отношеніи, бросающіе якорь не могутъ желать ничего лучшаго. Единственными неудобствами Владивостока являются: замерзаніе на болѣе долгое время, чѣмъ, напримѣръ, залива Амери-

ки, малое количество прѣсной воды и, самое главное, положеніе у оконечности полуострова, по которому легко прервать сообщенія порта съ внутренностью Усурійскаго края.

Бухта *Новикъ* на островѣ Русскомъ, отдѣленная отъ Босфора Восточнаго лишь узкою цѣпью холмовъ, какъ бы создана природою, чтобы служить обширнымъ рабочимъ портомъ для Владивостока, имѣя въ длину около восьми верстъ, въ ширину одну версту и въ глубину отъ 5—7 саженъ. Другія бухты того же острова—*Бабкина*, *Рында*, *Воевода* могутъ служить для укрывательства мелкихъ рыбачьихъ судовъ отъ бурь. Впрочемъ, бури никогда не могутъ быть особенно жестоки въ Амурскомъ заливѣ, потому что онъ отдѣленъ отъ открытаго моря цѣлою грядою острововъ, изъ которыхъ *Русскій* есть самый сѣверный и большой. Изъ острововъ этихъ, состоящихъ вообще изъ скалъ, назовемъ: *Попова*, *Шкота*, *Рейнеке*, *Верховскаго*, *Козлова*, *Два Брата*, *Пахтусова*, *Рикорда*, *Карамзина*, *Козакова*, *Моисњева*, *Кротова*, *Желтухина*, *Циволько*, *Антипенка*, *Сибирякова*, *Редклифа*, *Деливрона*, *Гильдебранда*, *Дурново* и *Римскаго-Корсакова* — всего двадцать два, не считая многихъ мелкихъ. Между ними море повсемѣстно глубоко, и доселѣ въ немъ не найдено скалъ подводныхъ.

При устьѣ рѣки Суйфуна *Амурскій* заливъ мелокъ, а потому здѣсь не можетъ быть порта. Но уже на паралели бухты *Песчаной* въ этомъ заливѣ могутъ стоять самые большіе военные корабли не болѣе какъ за милю отъ берега, что значительно облегчаетъ нагрузку ихъ углемъ, который копается, невдалекѣ, на сѣверѣ отъ названной бухты.

Заливъ *Славянскій* есть одно изъ лучшихъ развѣтвленій Амурскаго, состоящее изъ двухъ бухтъ, входъ въ которыя съ востока имѣетъ ширины не болѣе четырехъ верстъ и еще прикрытъ островомъ Герасимова. Глубина залива отъ 5 до 14 саженъ, и берега довольно высоки, чтобы поверхность воды оставалась почти спокойною при самыхъ сильныхъ вѣтрахъ. Такъ какъ въ заливъ этотъ впадаетъ довольно многоводная рѣчка Хуанхеза, вдоль которой есть хорошія мѣста для поселеній, то здѣсь можетъ со временемъ возникнуть довольно оживленный торговый портъ. По развитію его постоянно будетъ препятствовать сосѣдство Владивостока и особенно *залива Посьета*. Этотъ послѣдній есть наиболѣе знаменитая изъ всѣхъ гаваней южно-усурійскаго края и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, самая важная. Своею извѣстностью она главнѣйше одолжена положенію вблизи Кореи и Хунь-чуня, конфигураціи береговъ, об-

разующихъ двѣ совершенно закрытыя бухты, *Новгородскую и Экспедиціи*, и каменному углю, который нѣкоторое время разрабатывался въ одномъ изъ береговыхъ обнаженій. Передняя часть залива Посьета, ближайшая къ морю и открытая къ юго-востоку, есть рейдъ *Паллада*, длиною 10 верстъ, шириною около 5, при наибольшей глубинѣ 12 саженъ: это уже весьма удобная гавань. Но, дойдя до западнаго конца ея, мы вступаемъ, черезъ проливъ не болѣе 300 саженъ ширины, въ двѣ другія бухты, которыя представляютъ совершенныя озера, именно на востокѣ въ Новгородскую, а на западѣ Экспедиціи: за раздѣльный пунктъ между которыми можно считать небольшую скалу (кекуру) въ проливѣ. Первая изъ нихъ есть бассейнъ около девяти верстъ длиною, мало по малу расширяющійся къ востоку, но съ тѣмъ вмѣстѣ и мелѣющій, такъ что вмѣсто 12 саженъ при входѣ онъ имѣетъ здѣсь не болѣе двухъ саженъ. Вторая простирается въ длину болѣе десяти верстъ и въ ширину мѣстами почти на столько же; глубина же въ ней не превосходитъ пяти саженъ. Гавань Новгородская отдѣлена отъ рейда Паллады горою Краббе, а отъ открытаго моря узкою и низкою косою, песчаною и болотистою; съ сѣвера ее окружаютъ тоже горы. Бухта Экспедиціи имѣетъ болѣе отлогіе, даже плоскіе берега и, принимая въ себя пять бѣгущихъ съ горъ рѣчекъ, конечно будетъ болѣе и болѣе засоряться, тогда какъ въ Новгородскую гавань не впадаетъ ни одного ручья. Нѣтъ сомнѣнія, что, съ устройствомъ въ окрестностяхъ поселеній, бухта Экспедиція станетъ довольно оживленнымъ портомъ, особенно для рыбопромышленниковъ и ловцовъ морской капусты и трепанговъ; Новгородская же гавань имѣетъ всѣ условія первокласнаго военнаго порта, если только не принимать въ расчетъ, что она лежитъ на самомъ краю Россіи, въ 22 верстахъ отъ корейской границы и въ 23 отъ китайской, съ тыла.

Съ удаленіемъ отъ береговъ, Японское море быстро дѣлается весьма глубокимъ, и не представляетъ ни подводныхъ скалъ, ни отмелей, на всемъ протяженіи отъ пролива Маміо-Ринзо до береговъ Кореи и даже Японіи. Столь счастливыя условія для развитія мореплаванія, конечно, не повторяются болѣе нигдѣ у предѣловъ Россіи, и если бы не туманы, нерѣдко носящіеся вдоль всего Приморскаго края, то можно было бы сказать, что эти мѣстности столь же много обѣщаютъ въ будущемъ для морскаго движенія, какъ лучшія приморскія страны Европы, южной Азіи и Америки. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что физическія условія и моря, и самыхъ бере-

говъ, особенно метеорологія ихъ, а также и гидрографія, не довольно еще изучены, и хорошая лоція ожидается еще въ будущемъ *).

Берега Японскаго моря, несмотря на то, что оно почти совершенно отдѣлено отъ океана Японіею, имѣютъ приливы и отливы, особенно ощутительные въ заливахъ, съуживающихся къ вершинамъ. Обстоятельство это, конечно, имѣетъ немаловажное значеніе въ морскомъ отношеніи, ибо позволяетъ судамъ входить съ приливомъ въ такіе порты, которые во время отлива недоступны для нихъ, и, наоборотъ, допускаетъ по временамъ сажать корабли на мель для осмотра подводной части, не вводя ихъ въ докъ, какъ это приходится дѣлать, напримѣръ, въ Севастополѣ и въ Кронштадтѣ. Наивысшій приливъ доселѣ замѣченъ въ заливѣ де-Кастри, т. е. именно тамъ, гдѣ, съ одной стороны, съуживается само Японское море, а съ другой конфигурація бухты содѣйствуетъ ея наполненію приливной волной. Эта высота простирается до 6-ти футовъ, а въ сизигіи даже до 9-ти футовъ, причемъ, благодаря замкнутости моря, волна приходитъ въ портъ не ранѣе, какъ черезъ 10$^1/_2$ часовъ послѣ прохода луны черезъ меридіанъ. Въ другихъ портахъ замѣчено слѣдующее:

Названія.	Выс. прил.		Прикл. час.	
Николаевскъ	2	фута.	?	
М. Пронге	3	»	?	
Императорская гавань .	4	»	10 ч.	0 м.
Заливъ Тернай	5$^1/_2$	»	8 »	15 »
Заливъ Владиміра . . .	2	»	1 »	0 »
Заливъ Ольги	3	»	5 »	30 »
Бухта Экспедиціи . . .	2$^1/_2$	»	2 »	30 »
Устье Тумень-улы . . .	1$^1/_2$	»	?	

Какъ море, сосѣднее Приморскому краю, имѣетъ свои приливы, такъ и внутреннія его воды отличаются періодическими прибылями воды, хотя, конечно, не въ суточные промежутки. Явленіе это зависитъ отъ изобилія въ странѣ дождей. Обыкновенно въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ всѣ рѣчки наполняются отъ растополи и заливаютъ часть своихъ долинъ. Въ маѣ однако вода спадаетъ. Но съ началомъ іюня настаетъ періодъ дождей и къ половинѣ іюля рѣки снова переполняются и заливаютъ прибрежья на далекое разстояніе.

*) Существующая литографированная, Орѣхова, а также статья Клыкова, могутъ служить матеріалами, вмѣстѣ съ физическою географіею Шренка и работами Старицкаго.

Таковы особенно Суйфунъ, Сучанъ, Лефу, Добиху и вообще верхніе притоки Усури, текущіе по слабымъ покатостямъ, такъ что вода въ нихъ сбываетъ нескоро. Даже въ озерѣ *Ханкаѣ*, несмотря на его значительную поверхность, лѣтняя прибыль водъ достигаетъ до трехъ и болѣе футовъ, причемъ значительная часть сосѣднихъ низменностей сливается съ дномъ этого обширнаго водоема. Озеро Ханкай вообще неглубоко, не болѣе $3^1/_2$ саженъ по серединѣ, но оно бурно, и потому судоходство по немъ довольно трудно и требуетъ съ одной стороны судовъ килевыхъ, а съ другой, по возможности, неглубоко сидящихъ. Изъ притоковъ его нѣтъ, въ строгомъ смыслѣ, ни одного судоходнаго, ибо и самый большой, Лефу, годенъ для плаванія только на 15 верстъ отъ устья; но нѣкоторые изъ притоковъ допускаютъ сплавъ плотовъ во время разлива. Рѣка Суйфунъ имѣетъ довольно воды для внутренняго судоходства, но на барѣ, при устьяхъ, въ ней всего $1^1/_2$ фута, да и выше по теченію не мало мелей. Многія рѣки Приморскаго края потому не годятся даже для сплавовъ, что русло ихъ завалено карчами. Но если произвести очистку руслъ, напримѣръ у Добиху или у Сандугу, то мелкіе пароходы могли бы много облегчать сообщенія по краю вдоль рѣкъ, такъ какъ послѣднія, вообще говоря, многоводны. Рѣки Самальга, Тумджа и другіе притоки Татарскаго пролива совсѣмъ неизвѣстны въ смыслѣ ихъ годности для судоходства.

Климатъ и естественная производительность.

Приморскій край присоединенъ къ Россіи столь недавно, что продолжительныхъ метеорологическихъ наблюденій въ немъ не могло еще быть сдѣлано. Однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такія наблюденія производились, и если выводы изъ нихъ не вполнѣ надежды, то все-таки даютъ довольно приблизительное понятіе о климатѣ страны. Выводы эти суть слѣдующіе:

	Шир.	Ср. темп. года.		Лѣта.	Зимы.
Николаевскъ	53°	— 2,05	R.	+ 12,8	— 18,1
Императорская гавань. .	49°	— 1,4	—	+ 12,7	— 14,2
Заливъ Ольги	$43^3/_4$	+ 3,3	?	»	— 8,8
Заливъ Посьета	$42^3/_5$	+ 4,8		+ 16,5	— 7,6

И такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь между широтами 53° или 42° тѣ же среднія температуры года, какъ у береговъ Балтійскаго моря, между 68° и 56°: разница въ 15° широты показываетъ, какою

сравнительною суровостью отличается климатъ Приморскаго края, благодаря своему положенію на востокѣ Азіи, въ сосѣдствѣ Охотскаго моря. И если бы не сосѣдство моря Японскаго, котораго средняя годовая температура превышаетъ на цѣлые $2^1/_2$° R. температуру материка, то холодъ былъ бы еще болѣе ощутителенъ. Впрочемъ и это сосѣдство не спасаетъ страны отъ большихъ морозовъ зимою, ибо въ это время, именно вслѣдствіе огромной разности температуры воздуха надъ сушею и надъ моремъ, господствуютъ въ странѣ сѣверные вѣтры.

Въ видахъ колонизаціи края весьма важно знать время весеннихъ разливовъ и начала зимы. Тутъ, разумѣется, есть огромная разница между окрестностями Николаевска и залива Посьета. На нижнемъ Амурѣ ледъ проходитъ не ранѣе конца апрѣля и начала мая, а замерзаетъ рѣка въ концѣ октября и не позже 10-го ноября, снѣгъ же выпадаетъ въ первой половинѣ октября. Такимъ образомъ здѣсь для земледѣлія остается не болѣе пяти мѣсяцевъ, съ среднею температурою не выше + 9° R. (153 × 9 = 1377°), почему даже воздѣлыванье ржи (1450°) тутъ невыгодно и часто она взойдетъ и выколосится, но не созрѣетъ, тѣмъ болѣе, что осенніе туманы и инеи начинаются рано. Окрестности залива Петра Великаго представляютъ гораздо болѣе благопріятныя условія: здѣсь весна начинается въ мартѣ, апрѣль есть время удобное для посѣвовъ, и въ маѣ бываютъ уже жары въ 24° R. Но зима и тутъ наступаетъ очень рано, такъ что, напримѣръ, въ заливѣ Посьета морозы начинаются въ первыхъ числахъ октября, а въ половинѣ его обыкновенно падаетъ снѣгъ, который если и не лежитъ долго, то все же дѣлаетъ невозможными полевыя работы. И такъ, здѣсь для земледѣлія имѣется около $6^1/_2$ мѣсяцевъ, съ вѣроятною среднею температурою не менѣе + 9,5° R. (198 × 9,5 = 1935°), что показываетъ пригодность страны для посѣвовъ пшеницы, проса и всѣхъ тѣхъ полевыхъ и огородныхъ растеній, которыя сопровождаютъ эти два рода хлѣбовъ. Бассейнъ озера Ханкая, особенно западная его половина, по рѣкамъ Мо, Сіану и другимъ, имѣетъ лѣто еще болѣе теплое и, сравнительно, сухое: здѣсь туманы уже рѣдки.

Сверхъ температуры весьма рѣзко отзываются на органической природѣ Приморскаго края влажность воздуха и перемѣны вѣтровъ. Нигдѣ, на всемъ пространствѣ Россіи, нѣтъ края столь обильнаго дождями, снѣгомъ и туманами, какъ прибрежья Японскаго моря. Сѣрыхъ дней можно считать 230, т. е. около двухъ третей года. Особенно дождливы мѣсяцы іюнь и іюль, когда господствуютъ

южные и восточные вѣтры, которыхъ пропорція за это время года, напримѣръ въ заливѣ Посьета, бываетъ 4,2 : 1, принимая за единицу число вѣтровъ изъ сѣверной половины компаса. Зимою напротивъ, какъ уже было замѣчено, господствующіе токи воздуха суть полярные, которые, въ свою очередь, влекутъ за собою туманы на поверхности моря, бывающей въ это время гораздо теплѣе суши. Количество воды, выпадающей на почву въ видѣ дождя и снѣга, нигдѣ съ точностью не опредѣлено; но достаточно замѣтить, что зимою снѣгъ въ Николаевскѣ бываетъ до сажени, а въ Владивостокѣ около аршина вышины. Нѣсколько въ лучшихъ условіяхъ находятся тѣ части южно-усурійскаго края, которыя лежатъ въ бассейнѣ Ханкая; но и тутъ влажность климата очень значительна, почему лѣтомъ зелень всегда свѣжа. Около залива Ольги, вѣроятно вслѣдствіе закрытости его съ с.-з. и открытости на ю.-в., снѣгъ преимущественно выпадаетъ въ февралѣ и мартѣ, а въ другіе зимніе мѣсяцы быстро стаиваетъ или сносится вѣтрами.

Относительно послѣднихъ слѣдующія цифры весьма опредѣлительно показываютъ господство континентальныхъ воздушныхъ потоковъ зимою и морскихъ лѣтомъ:

	Зима.	Лѣто.
Заливъ Посьета, на 100. . . .	73 СЗ	43 ЮВ
» Ольги	75 ЗСЗ	?

Растительность Приморскаго края отличается преобладаніемъ лѣсовъ, хвойныхъ на сѣверѣ, мѣшанныхъ и лиственныхъ на югѣ. Такъ какъ лѣса составляютъ главное естественное богатство края, и притомъ имѣютъ особое значеніе для судостроенія, могущаго развиться въ этой отдаленной странѣ, то уже въ первые годы по присоединеніи ея къ Россіи правительствомъ были приняты мѣры къ изученію здѣшней лѣсной флоры, причемъ дознано слѣдующее:

На сѣверѣ, отъ Николаевска до Императорской гавани, преобладаютъ лиственница, пихта, кедръ, рѣже сосна, бѣлая береза, мелкій дубъ, кленъ, тисъ, верботалъ, осина, ольха, горный илемъ. Поросли въ здѣшнихъ болотистыхъ лѣсахъ состоятъ изъ мховъ, можжевельника, ерника, малины, рябины и частью черемхи.

Въ срединѣ, до параллели 44°, начинаютъ преобладать надъ хвойными лиственныя деревья, какъ названныя уже, такъ и липа, дубъ, ясень, орѣховое и пробковое деревья, красная береза, яблоня, груша. Но хребты еще всюду одѣты хвойнымъ лѣсомъ, пихтовымъ и кедровымъ. Между порослями заслуживаютъ вниманія жасминъ, шиповникъ, калина, смородина, барбарисъ и т. п.

Наконецъ, на югѣ хвойныя деревья составляютъ исключеніе и встрѣчаются почти только по хребтамъ, да отчасти на западной сторонѣ Ханкая, т. е. вдали отъ моря. Здѣсь царство вяза, орѣшника, граба, клена, липы, дуба и ясени, акаціи (маакіи), пирамидальной ивы, съ порослями изъ винограда, бересклета, лещины, барбариса и множествомъ чужеядныхъ орхидей и другихъ паразитовъ. Лѣса представляютъ иногда непроходимую чащу, заваленную притомъ стволами гніющихъ уже деревьевъ. Но необходимо замѣтить, что лиственные лѣса только въ очень немногихъ мѣстностяхъ подходятъ къ самому морю; въ большей же части случаевъ они, верстахъ въ 7 — 8 отъ берега, смѣняются низкими кустарниками, преимущественно дубовыми: это по причинѣ вѣтровъ.

Подробности о лѣсной флорѣ Приморскаго и Приханкайскаго края можно найти въ сочиненіяхъ Максимовича, Маака, Будищева, Пржевальскаго, Васильевой и другихъ; здѣсь же замѣтимъ, что въ южной половинѣ страны среди лѣсовъ нерѣдки и луговыя равнины, покрытыя повсюду превосходными сочными травами, которыя часто превышаютъ ростъ человѣка. Такія открытыя мѣста особенно встрѣчаются на югѣ и востокѣ отъ озера Ханкая, по долинѣ Суйфуна, и почти всѣхъ рѣкъ, впадающихъ какъ въ Усури, такъ и въ Японское море. Только въ узкихъ рѣчныхъ долинахъ, по лугамъ, обыкновенно еще разбросаны отдѣльныя деревья и группы ясеней, вязовъ, дубовъ и т. п. На западѣ отъ Ханкая и въ бассейнѣ Суйфуна есть еще открытыя мѣстности, обнаженныя отъ лѣса искуственно, именно черезъ вырубку деревьевъ китайцами, которые любили собирать съ гніющихъ стволовъ грибы. Этотъ варварскій обычай нынѣ преслѣдуется.

Въ бассейнѣ верхняго теченія Усури, и особенно въ отрогахъ хребта Сихота-алинь, обращенныхъ внутрь страны, доселѣ находится много жень-шеня, извѣстнаго у китайцевъ цѣлебнаго корня, тщательно ими разыскиваемаго въ дикомъ видѣ и разводимаго, сверхъ того, на плантаціяхъ. Затѣмъ къ числу растительныхъ же богатствъ Приморскаго края принадлежитъ еще одно произведеніе сосѣдняго моря, именно водоросли, именуемыя въ торговлѣ морскою капустою (sea weed). Лентообразныя растенія эти весьма изобильны по всему прибрежью отъ Императорской гавани до залива Посьета, особенно же въ сосѣдствѣ заливовъ Владиміра, Ольги, Преображенія и другихъ, до залива Петра Великаго. Здѣсь производится собираніе ихъ многочисленными лодками китайцевъ, которые выходятъ каждую весну изъ Хунь-чуня черезъ Посьетъ и продаютъ потомъ свой уловъ,

въ количествѣ до 360,000 пудовъ, на европейскіе корабли, изъ китайскихъ портовъ приходящіе въ Владивостокъ и другія гавани сосѣдняго берега. Этотъ промыселъ, вмѣстѣ съ ловлею трепанговъ (слизняковъ, до 800 пуд.), доставляетъ главные предметы для вывозной торговли Приморскаго края. Другою весьма важною статьею этой торговли служатъ мѣха, отпускаемые уже изъ Николаевска и Кастри, такъ какъ звѣроловство развито главнымъ образомъ на сѣверѣ, да и внутренніе сплавные пути мѣховой торговли направляются туда. Животныя, которыя доставляютъ эти мѣха, суть: медвѣди, бурый и черный, волки, лисицы, соболи, выдры, бѣлки, въ небольшомъ числѣ барсы, рыси, барсуки и горностаи. Для внутренняго употребленія мѣстнаго населенія, особенно русскаго, гольдскаго и гиляцкаго, бьется также не мало антилопъ, лосей и дикихъ козъ, изъ которыхъ послѣднія особенно многочисленны. Вообще фауна Приморскаго края довольно богата млекопитающими, хотя, разумѣется, главное ея богатство составляютъ птицы и особенно рыбы. Слѣдуя Пржевальскому, число видовъ птицъ достигаетъ до 224, что уступаетъ только Японіи и далеко оставляетъ за собою всѣ другія страны равной обширности. Наиболѣе многочисленны — водяныя и прибрежныя: утки, гуси, лебеди, бакланы, журавли, цапли, чайки, а затѣмъ хищныя: орланы, ястреба, и разнообразныя лѣсныя и луговыя: дрозды, сибирскіе соловьи, жаворонки, стрижи и ласточки, изъ которыхъ послѣднія нерѣдко живутъ въ домахъ китайцевъ. Значительная часть этого пернатаго населенія оставляетъ край каждую осень и возвращается въ него не раньше весны.

Рыбы чрезвычайно многочисленны, какъ въ рѣкахъ собственно береговой полосы Японскаго моря, такъ и въ притокахъ верхней Усури. Низовья Амура особенно изобильны большими хрящескелетными рыбами: осетрами, калугою, стерлядями, а также сибирскою семгой — кетой, которая иногда идетъ сплошными массами, мѣшающими грести веслами. Въ притокахъ Усури наиболѣе многочисленны сазаны, леньки, бѣлорыбица, сомы, налимы, таймени; но и всякая другая рыба, не исключая большихъ бѣлугъ, заходитъ далеко вверхъ по этой рѣкѣ, пользуясь двумя полноводіями, весеннимъ и лѣтнимъ. Ловля ея, поэтому, весьма прибыльна, и цѣлое населеніе гольдовъ и орочей живетъ почти ею одною, заготовляя на зиму рыбу вяленую и отчасти копченую, но не соленую. Русскіе также охотно занимаются этимъ промысломъ; но недостатокъ соли и хорошихъ засольщиковъ мѣшаетъ заготовленію ими рыбы въ прокъ и на продажу внѣ края. А между тѣмъ на ни-

зовьяхъ Амура нерѣдки случаи улова однимъ неводомъ нѣсколькихъ десятковъ осетровъ, и почти то же можно встрѣтить въ устьяхъ Суйфуна и другихъ многоводныхъ притоковъ Японскаго моря. Въ Ханкаѣ водится болѣе сорока породъ рыбъ, отъ пискаря и вьюна до сома и калуги, и жители прибрежныхъ русскихъ селеній нерѣдко въ одну тоню вытаскиваютъ 8 — 10 пудовъ этихъ разнообразныхъ представителей рыбнаго класса.

О черепахахъ по притокамъ Усури и о змѣяхъ въ южно-усурійскомъ краѣ, особенно по рѣкамъ, текущимъ въ море, стоитъ также упомянуть какъ о характеристической особенности мѣстной фауны. Что же касается до трепанговъ, то о ловлѣ ихъ китайцами сказано выше.

Минеральныя богатства Приморскаго края изслѣдованы мало. Прежде другихъ открытое богатство составляетъ каменный уголь въ заливѣ Посьета; но нынѣ небольшой его пластъ въ этой мѣстности уже выработанъ, а взамѣнъ найдены другіе, у сѣверо-западнаго угла залива Амурскаго. Весьма вѣроятно, что полезный этотъ минералъ встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ прибрежья Японскаго моря; но пока онъ не добывается и даже не разыскивается, потому что вблизи лежитъ Сахалинъ. Другое произведеніе минеральнаго царства, извѣстное въ Приморскомъ краѣ, есть золото. Китайскіе выходцы, манзы, еще до прихода въ край русскихъ разработывали его въ нѣсколькихъ мѣстахъ *), но, повидимому, не всегда съ успѣхомъ, почему этотъ промыселъ былъ ими брошенъ. Въ 1867 году вѣсть объ открытіи золотыхъ розсыпей на островѣ Аскольдѣ взволновала-было ихъ вновь, и массы золотоискателей бросились туда, но скоро были прогнаны нашими войсками. Около залива Ольги встрѣчаются сребро-свинцовыя руды.

Такова естественная производительность Приморскаго края, во многомъ еще, какъ сказано, неизслѣдованная. Стоитъ особенно замѣтить, что, за исключеніемъ болотъ и немногихъ скалистыхъ прибрежій моря, здѣсь нѣтъ земель неудобныхъ для культуры или, по крайней мѣрѣ, для осѣдлой жизни. Самыя заханкайскія, такъ называемыя, степи представляютъ пышный цвѣтникъ луговыхъ травъ, среди котораго густая зелень деревьевъ виднѣется непрестанно. Даже на крайнемъ сѣверѣ страны природа даетъ еще обильныя средства къ жизни въ видѣ продуктовъ рыбной и звѣриной ловли

*) Напримѣръ, по рѣчкамъ Когутуну и Тину, сѣвернѣе пролива Стрѣлокъ, на островѣ Путятина и проч.

и лѣсоводства. Въ довершеніе этихъ выгодъ, не встрѣчающихся на многихъ другихъ русско-азіятскихъ окраинахъ, развитіе производительности въ странѣ облегчается морскимъ путемъ вдоль ея и обиліемъ хорошихъ гаваней, какого нельзя найти въ цѣлой Россіи.

Способы сообщенія.

Кромѣ моря, по которому въ хорошую погоду изъ Николаевска пароходъ можетъ дойти въ трое сутокъ до залива Посьета, пути сообщенія состоятъ изъ системы рѣкъ и множества рѣчныхъ долинъ, по которымъ весьма легко проложить сухопутныя дороги. Изъ долинъ этихъ особенно замѣтимъ суйфунскую, сучанскую, тазушинскую, тумджинскую, фудзинскую, сандогуйскую, добихуйскую и, наконецъ, обширную равнину ханкайскую. О путяхъ черезъ хребетъ Сихота-алинь было сказано при описаніи самаго этого хребта. Здѣсь замѣтимъ, что по юго-восточнымъ отклонамъ его проходятъ еще слѣдующія продольныя дороги, уже нынѣ имѣющія свое значеніе:

1) Отъ залива Кастри на рѣку Тумджу и долиною ея до Императорской гавани — вьючный путь для сношеній послѣдней съ низовьями Амура, уже обозначенный одиннадцатью станціями и имѣющій въ длину 340 верстъ.

2) Торная тропинка изъ долины Тазуши или Лифулэ къ заливамъ Владиміра, Ольги и т. д. до устья Суйфуна. Тропинка эта то подходитъ къ самому морю, то нѣсколько удаляется отъ него, пересѣкая всѣ прибрежные кряжи. Она служитъ для сообщенія манзовъ и по свидѣтельству г-жи Васильевой проходитъ черезъ слѣдующія мѣстности:

Зал. Ольги.		Сучанъ.	35 вер.
Станція Пусунь	76 вер.	Пинъ-шау	30 ›
Тауху.	51 ›	Шуйчули-гуанъ'	41 ›
Джапигу	25 ›	Конгоуза.	30 ›
Сецху.	30 ›	Владивостокъ	76 ›
Сузыхэ	35 ›		
Янъ-Мазагу	35 ›	Итого . .	464 вер.

3) Такая же, и даже еще болѣе пробитая, тропа ведетъ по долинѣ Суйфуна и по западному берегу залива Амурскаго до залива Посьета. Нынѣ она, большею частью, обращена въ колесную дорогу, переваливающую на сѣверѣ за хребетъ Сихота-алинь, къ

берегамъ Ханкая. По этой дорогѣ отъ Новгородскаго-поста, у Посьета, до Турьяго-Рога, у Ханкая, 418 верстъ и 14 станцій, именно: Турій Рогъ.

Троицкая	28 в.	Раздольный постъ . . .	32 в.
Камень-Рыболовъ. . . .	35 ›	Рѣчной	40 ›
Мо.	20 ›	Песчаный	40 ›
Встрѣчный постъ. . . .	20 ›	Славянскій	60 ›
Утесный постъ	25 ›	Гладкій	45 ›
Дубининскій.	25 ›	Новгородскій	25 ›
Никольское	23 ›	Итого.	418 в.

Къ этимъ обозначившимся уже путямъ въ Приморскомъ краѣ нужно еще присоединить: дорогу по просѣкѣ отъ Кастри до Софійска; путь съ р. Сучана на Добиху и потомъ вдоль телеграфной линіи; путь по долинѣ Суйфуна, черезъ верховья Мурени въ Нингуту и, наконецъ, колесную дорогу отъ залива Посьета въ Хунь-чунь. Всѣ эти пути, какъ ни мало еще разработаны, служатъ уже для сообщеній береговой полосы Сѣверо-японскаго моря съ внутренностью Усурійскаго края и Маньчжуріи. Важнѣйшее же въ цѣлой странѣ средство сообщеній, связывающее ее съ остальнымъ міромъ, есть телеграфъ, идущій изъ Владивостока съ одной стороны въ Японію, по подводному кабелю, а съ другой къ берегамъ Усури и далѣе въ Сибирь и Европу, по воздушному проводу. Телеграфныхъ станцій въ предѣлахъ описываемаго края, т. е. на сѣверъ до устья Добиху въ Усури, двадцать двѣ.

Населеніе.

Пользующееся всѣми исчисленными выше естественными богатствами края теперешнее его населеніе весьма малочисленно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ прежнія времена, по крайней мѣрѣ, верхне-усурійскій и суйфунскій бассейны были густо населены, ибо остатки городовъ и крѣпостей сохранились донынѣ. По даннымъ гг. Людогоскаго и Пржевальскаго, относящимся къ 1869 г. и дополненнымъ, на сколько было можно, новѣйшими извѣстіями о современномъ населеніи Приморскаго края, можно сказать слѣдующее:

1) *Русскіе* суть самые недавніе пришельцы, основавшіеся на устьяхъ Амура едва въ 1851 году, а въ Южно-усурійскомъ краѣ лишь въ 1860 году. По восточную сторону хребта Сихота-алинь и

въ бассейнахъ верхней Усури и Ханкая они занимаютъ въ настоящее время слѣдующіе пункты:

1) Николаевскъ	3,000?	17) Постъ Славянскій . .	
2) Постъ Александровскій.		18) › Песчаный. . .	
		19) › Рѣчной	
3) Постъ Константиновскій.		20) › Угловой. . . .	
		21) › Раздольный. .	
4) Дер. Арзамаская. . .	34	22) Дер. Суйфунская. . .	24
5) › Пермская. . . .	34	23) Село Никольское. . .	289
6) › Фудинъ.	53	24) Постъ Дубининскій .	
7) › Новинки	136	25) › Утесный. . . .	
8) Постъ Ольгинскій . .	78	26) › Встрѣчный . .	
9) Село Тамбовское. . .	100?	27) › Мо.	
10) Дер. Александровка .	16	28) Дер. Астраханская. .	205
11) › Владиміровка .	27	29) Постъ Камень-Рыболовъ.	39
12) › Шкотова	41	30) Дер. Троицкая	120
13) Гор. Владивостокъ .	2,500?	31) › Воронежская или Турій-Рогъ. . . .	241
14) Постъ Новгородскій.			
15) Село Новокіевское. .	700?		
16) Постъ Гладкій. . . .		32) Село Благословенное	?

Кромѣ того русскіе живутъ въ корейскихъ деревняхъ: Тызенъ-хэ или Рязановкѣ (322 душъ), Янчи-хэ (68 душъ) и Сидеми (5 душъ). Всего въ тѣхъ двадцати одномъ пунктѣ, противъ которыхъ число душъ обозначено, живетъ русскихъ 8,200 человѣкъ. Тѣ же мѣстности, противъ которыхъ нѣтъ никакой цифры, суть военные посты, занятые только солдатами, число которыхъ измѣняется. Присоединивъ общій итогъ солдатъ и матросовъ, квартирующихъ въ краѣ, къ приведенной сейчасъ цифрѣ 8,200 душъ постояннаго русскаго населенія, мы получимъ, что всего въ Приморскомъ краѣ русскихъ до 11,000. Въ этомъ числѣ находятся нѣсколько латышей, финновъ, американцевъ и нѣмцевъ.

О составѣ этого населенія по роду занятій свѣдѣній нѣтъ; но вообще деревенское населеніе занято однимъ земледѣліемъ, а городское, въ Николаевскѣ и Владивостокѣ, кое-какими промыслами, преимущественно торговлей. Состояніе русскихъ селеній въ южно-усурійскомъ краѣ и на Ханкаѣ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ на Усури; напримѣръ, жители береговъ Ханкая и Суйфуна имѣютъ столь значительные избытки хлѣба, что уже продовольствуютъ расположенныя среди ихъ войска. Особенно зажиточны обитатели Турьяго-Рога и деревни Астраханской, совершенно освоившіеся съ

краемъ, изъ котораго, по собственнымъ ихъ словамъ, они не замедлятъ «сдѣлать Россію». Но о жителяхъ окрестностей залива Ольги свѣдѣнія менѣе утѣшительны. Именно г-жа Васильева говоритъ о нихъ: «Первый годъ своего пребыванія въ гавани Св. Ольги крестьяне получали казенный хлѣбъ; потомъ мало-по-малу стали обрабатывать свои поля, но трудъ ихъ плохо вознаграждался, отчасти вслѣдствіе производительности почвы, отчасти и по другимъ причинамъ. Бывали напр. годы, когда мыши истребляли посѣвы; большой вредъ причиняли также наводненія, и крестьянамъ приходилось перекупать солдатскія пайки, по 10 к. за фунтъ хлѣба. Но вслѣдствіе горькаго опыта и десятилѣтней разработки пашней, хлѣбъ наконецъ сталъ родиться удовлетворительно, такъ что въ 1870 и 71 годахъ у крестьянъ достало хлѣба отъ посѣва до посѣва. Съ развитіемъ культуры урожаи конечно должны еще увеличиться; но, къ сожалѣнію, о культурѣ крестьяне мало заботятся вслѣдствіе того, что считаютъ себя почему-то временными обитателями гавани Ольги. Огородныя растенія всѣ родятся хорошо, но крестьяне заботятся только о самомъ необходимомъ, т. е. о картофелѣ и капустѣ, не разводя ни луку, ни чесноку, ни хмѣлю, ни горчицы. Пища ихъ состоитъ изъ соленой рыбы, кеты, ржанаго хлѣба съ примѣсью картофеля, иногда изъ пшеничнаго хлѣба; питье изъ сушеной травы, бѣлоголовника, подъ названіемъ чай. Что же касается до молока, масла, яицъ, то все это сбывается ими въ постъ для того, чтобы на вырученныя деньги обзавестись необходимой одеждой. Скотоводство въ гавани Св. Ольги страдаетъ отъ частыхъ появленій хищныхъ звѣрей, особенно тигровъ, которыхъ въ послѣдніе годы развелось очень много, такъ что у крестьянъ истреблено одного рогатаго скота до 100 штукъ. Вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся внѣшнихъ обстоятельствъ или по другимъ причинамъ, крестьяне большею частью лѣнивы, не предпріимчивы и не развиты. Сегодня сытъ, а завтра — что Богъ дастъ, думаютъ они, и потому зажиточныхъ между ними очень мало; исключеніе до нѣкоторой степени составляютъ молоканы; вообще же всѣ крестьяне недовольны своею судьбой. А между тѣмъ сѣтовать казалось бы не на что; въ окружающей природѣ богатствъ много: умѣй только ими пользоваться. Пчеловодство напр. можно было бы развить въ большихъ размѣрахъ, но они мало о томъ заботятся; если имъ во время рубки лѣса попались улья, они собираютъ соты, а ульи раззоряютъ. Около поста росло много кедровыхъ орѣховъ; крестьяне не сбирали ихъ, а прямо срубали дерево,

привозили домой, обирали орѣхи, а дерево употребляли на топливо: такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, одно и то же дерево достигало двухъ назначеній: орѣхи — орѣхами, а топливо — топливомъ... На вопросъ, отъ чего они не занимаются пиленіемъ досокъ, приготовленіемъ колесъ или другимъ мастерствомъ и сбытомъ своихъ произведеній въ Владивостокъ, гдѣ такъ во всемъ нуждаются, крестьянинъ вамъ отвѣчаетъ: «Господь создалъ крестьянина обработывать хлѣбушко; такъ ужъ на томъ и кончу свой вѣкъ». Если же говорящее съ нимъ лицо — чиновникъ, то онъ пожалуй и согласится на словахъ: «такъ-то оно такъ», но больше вы отъ него ничего не добьетесь, и ясно, что у него на умѣ совсѣмъ другой отвѣтъ. — На ловлю сельдей, которыя можно сбывать на приходящія суда за хорошую цѣну, крестьяне также не пускаются, отговариваясь недоброкачественностью соли для засолки, хотя на мѣстѣ у нихъ просоленыя сельди сохраняются въ теченіи цѣлаго года. Торговля въ гавани Св. Ольги развита мало по причинѣ недостатка путей сообщенія. Товары привозные очень дороги, напримѣръ:

1 пудъ сахару стоитъ	15—25 р.
1 фунтъ табаку 2 сорта	3 »
1 аршинъ ситцу	50—60 к.
1 » серпянки	40—50 »
1 банка керосину	16 р.

О предметахъ роскоши нечего и думать; даже самаго необходимаго нельзя имѣть, какъ напр. коровьяго масла, за которое, если его и удастся достать у крестьянъ, нужно заплатить 1 р. 50 к. за фунтъ. Мясо, домашняя и дикая птица, яица и овощи впрочемъ не дороги, напр. мясо за пудъ по 3 р., огурцы сотня — также и пр. Всѣ же предметы привозные продаются по двойной и тройной цѣнѣ противъ Николаевска.

О другомъ пунктѣ Приморскаго края, въ настоящее время начинающемъ пріобрѣтать особое для него значеніе, о Владивостокѣ, также немного можно сказать утѣшительнаго. До послѣднихъ годовъ это было скопище кабаковъ; теперь началъ устраиваться портовый и адмистративный городъ, на широкую ногу, т. е. на большомъ пространствѣ. Но по длиннымъ и широкимъ улицамъ можно ѣздить только верхомъ, отъ множества корневищъ и неровностей почвы. Домовъ порядочныхъ нѣтъ: лучшій принадлежитъ станціи англо-датскаго телеграфа. Церковь чрезвычайно плоха, почти развалилась. Въ городѣ есть лѣсопильный заводъ, но строевые матеріалы дороги, не смотря даже на запрещеніе отпуска лѣсу

за границу. Частный заводъ, предполагавшійся къ постройкѣ въ окрестностяхъ, повидимому не осуществился. Работы по возведенію зданій большею частію совершаются солдатами и притомъ обязательно, какъ казенная служба.

Въ административномъ отношеніи, жители Приморскаго края принадлежатъ къ тремъ округамъ: на сѣверѣ къ Николаевскому; на юго-востокѣ, между заливомъ Опричникъ и гаванью Находка, а внутри страны до рѣкъ Сучанъ и Добиху — къ Аввакумовскому и, наконецъ, на юго-западѣ, по Ханкаю, Суйфуну и у залива Петра Великаго, до Кореи и Маньчжуріи — къ Суйфунскому. Офиціяльнымъ центромъ русскаго населенія до послѣдняго времени служилъ Николаевскъ; въ настоящее же время служитъ Владивостокъ; но главная масса его, какъ видимъ, разсѣяна по Суйфунскому округу. Большія селенія — Новокіевское, Никольское, Воронежское — имѣютъ всѣ залоги быстраго преуспѣянія, и то же, конечно, можно предсказать всѣмъ русскимъ колоніямъ въ двухъ южныхъ округахъ, если, разумѣется, условія колонизаціи, и особенно административная распорядительность по этому дѣлу, будутъ болѣе выгодны для переселенцевъ, чѣмъ напримѣръ то было при задуманной въ 1867 году колонизаціи удѣльнаго вѣдомства, которое издержало около полумиліона рублей и водворило только двѣ небольшія деревни на Сучанѣ. Нѣкоторые изъ удѣльныхъ колонистовъ, прибывшихъ въ край въ 1869 году, даже бѣжали оттуда собственно потому, что были обмануты въ ожиданіяхъ, возбужденныхъ среди нихъ администраціею колоній, нынѣ впрочемъ уже закрытою.

2) *Китайцы* суть также пришельцы въ краѣ, живущіе главнымъ образомъ въ Суйфунскомъ и отчасти въ Аввакумовскомъ округахъ. Они извѣстны у насъ подъ именемъ *манзовъ* (мань-цзы, выходцы, бѣглые) и состоятъ дѣйствительно изъ бѣглыхъ и отчасти изъ мелкихъ торговцевъ и искателей жень-шеня, прибывшихъ въ край еще во время китайскаго тамъ владычества. Люди эти не имѣютъ семей, живутъ либо въ одиночку, либо артелями, по земледѣльческимъ хуторамъ (фанзамъ) и, безъ сомнѣнія, исчезнутъ скоро изъ края, если дальнѣйшій приливъ ихъ изъ Маньчжуріи будетъ прекращенъ. Они долгое время не хотѣли подчиняться нашимъ властямъ, донынѣ имѣютъ самосудъ и вообще держатся почти независимо. Въ 1868 году часть ихъ произвела даже открытый бунтъ, который пришлось усмирять войсками. Кромѣ этого постояннаго китайскаго населенія, въ Приморскомъ краѣ, именно

въ южной береговой его полосѣ, ежегодно появляется много китайцевъ-промышленниковъ изъ Маньчжуріи, въ частности изъ Нингуты и Хунь-чуня, съ тѣмъ, чтобы по заливамъ и бухтамъ добывать морскую капусту, трепанговъ и отчасти рыбу. Люди эти на зиму оставляютъ свои лодки въ заливѣ Посьета или Славянскомъ, а съ началомъ весны приводятъ ихъ снова въ порядокъ и отправляются въ море. Нѣкоторые изъ нихъ остаются на зиму въ нашихъ владѣніяхъ, разсѣеваясь по фанзамъ своихъ осѣдлыхъ соплеменниковъ и проводя время въ праздности и въ азартныхъ играхъ.

Осѣдлые манзы суть, какъ сказано, земледѣльцы. Они сѣютъ просо, фасоль, кукурузу, пшеницу, ячмень, огурцы, дыни, капусту, лукъ, чеснокъ и т. д. Нѣкоторые занимаются разведеніемъ жень-шеня, на особыхъ плантаціяхъ, гдѣ почва подъ посадку этого корма воздѣлывается съ особенною тщательностью. Такія плантаціи находятся на Усури, Сандугу, Добиху, Сучанѣ и на нѣкоторыхъ другихъ рѣчкахъ морскаго прибрежья. Разводимый на нихъ жень-шень конечно цѣнится много дешевле дикаго, но все-таки находитъ многочисленныхъ покупателей, отвозящихъ его въ Маньчжурію и въ самый Китай.

Манзы съ 1869 года, въ видахъ административныхъ, обязаны имѣть билеты отъ нашихъ начальствъ, безъ чего должны быть изгоняемы; но трудность услѣдить за всѣми ими дѣлаетъ паспортную систему безполезною. Податьми они не обложены въ томъ вниманіи, что такое обложеніе означало бы признаніе ихъ полноправными подданными Россіи, а между тѣмъ мы можемъ желать только одного: по возможности скорѣе избавиться отъ нихъ. Число манзовъ опредѣляется различно, отъ двухъ до пяти тысячъ; но во всякомъ случаѣ, вопреки новѣйшаго свидѣтельства архимандрита Палладія, не болѣе послѣдней цифры.

3) *Корейцы* появились въ Приморскомъ краѣ уже по утвержденіи тамъ русской власти. Первоначально это были одни бѣдняки, гонимые изъ отечества голодомъ; но потомъ въ числѣ эмигрантовъ стали появляться и люди зажиточные. Они всѣ земледѣльцы, и притомъ отличные по своему знанію дѣла, трудолюбію и трезвости. Они, въ числѣ до 3,500 душъ *), водворены въ четырехъ деревняхъ: Тызенъ-хэ, Янчи-хэ, Сидоми и селеніи Благословенномъ, все

*) А быть можетъ и болѣе, потому что эмиграція ихъ продолжалась нѣкоторое время и послѣ 1869 г., къ которому относятся эти данныя. Нынѣ это переселеніе корейцовъ пріостановлено, чтобы дать время укрѣпиться собственно русской колонизаціи и не затрудняться продовольствіемъ корейскихъ выходцевъ.

въ Суйфунскомъ округѣ, хотя послѣднее селеніе лежитъ уже далеко отъ корейской границы, тогда какъ три первыя, устроенныя раньше, находятся близъ ея. Корейцы легко покоряются нашимъ законамъ, отличаются скромнымъ поведеніемъ, безъ труда переходятъ въ православіе и мало по малу выучиваются говорить по-русски. Правительство корейское непріязненно смотритъ на выселеніе своихъ подданныхъ къ намъ; но на первое время можно на это не обращать вниманія, такъ какъ для воздѣлыванія новаго края намъ прежде всего нужны рабочія руки; со временемъ же нужно будетъ положить конецъ этой эмиграціи, чтобы главная масса земель все-таки осталась за русскими поселенцами, а не за чужеземными. Впрочемъ, земель въ Усурійскомъ краѣ и на Амурѣ еще столько, что можно безъ опасности принять еще нѣсколько тысячъ корейцевъ; но селить ихъ слѣдуетъ уже не въ Приморскомъ краѣ, а на сѣверѣ отъ Ханкая, хотя это и будетъ стоить значительныхъ денежныхъ жертвъ на переводъ эмигрантовъ отъ береговъ Тумень-улы. Желательно, чтобы непремѣннымъ условіемъ перехода корейцовъ въ наше подданство было принятіе ими православной вѣры и водвореніе въ однихъ селеніяхъ съ русскими, ибо всѣ наши окраины и безъ того страждутъ избыткомъ населенія инородческаго и иновѣрческаго, которое потому и ассимилируется трудно, что живетъ отдѣльными деревнями, либо аулами, и держится ламаизма или ислама, не дѣлающихъ почти никакихъ уступокъ христіанской религіи.

4) *Гольды* — тунгузское племя, довольно многочисленное на Амурѣ и Усури, но въ описываемомъ краѣ встрѣчающееся только по Добиху и близъ озера Ханкая, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ семей. Они рыболовы и звѣроловы; живутъ семьями въ особыхъ домахъ на китайскій ладъ, выстроенныхъ иногда въ одиночку, иногда по два и по три на берегу рѣки. Племя миролюбивое, добродушное и способное къ усвоенію высшихъ формъ жизни, хотя доселѣ держится шаманства и не образуетъ даже общинъ, а составляетъ только семьи и, быть можетъ, роды.

5) *Орочи* или *тазы* — также вѣтвь тунгузской расы, занимающая береговую полосу Японскаго моря отъ устья Суйфуна до залива Опричникъ или вообще до 46° широты. Часть этихъ людей ведетъ жизнь осѣдлую, т. е. имѣетъ дома на китайскій манеръ и при нихъ небольшіе огороды, на подобіе нѣкоторыхъ гольдовъ, наравнѣ съ коими лѣто проводитъ въ рыбной ловлѣ, а зимой предается охотѣ. Орочи, живя въ сосѣдствѣ манзъ, отчасти перемѣшались съ ними,

въ томъ смыслѣ, что иногда женщины ихъ выходятъ за китайцевъ или даже просто отдаются послѣднимъ, отцами или мужьями, на содержаніе. Другая половина орочей ведетъ чисто-бродячую жизнь, перенося свои берестяные шалаши съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ надобности, указываемой рыбною или звѣриною ловлею. Это настоящіе дикари, почти ничего неимѣющіе, нерѣдко полунагіе, крайне неопрятные и мало развитые умственно. Общее число орочей, какъ осѣдлыхъ, такъ и бродячихъ, едва ли превосходитъ тысячу душъ.

6) *Гиляки*, обитатели низовій Амура и береговъ Татарскаго пролива, составляютъ народъ, признаваемый филологами и этнографами за отдѣльную вѣтвь желтаго племени, а не за подраздѣленіе тунгузской расы. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ ихъ не имѣетъ сходства съ тунгузскимъ, а физіологическое строеніе и обычаи обличаютъ расу болѣе крѣпкую и энергическую, чѣмъ сосѣдніе мангуны, самагры и пр. Они живутъ въ домахъ, но большую часть года отсутствуютъ изъ семьи, проводя время на охотѣ и особливо на рыбной ловлѣ. Благодаря послѣднему промыслу, они чрезвычайно смѣлы на водѣ и могли бы быть превосходными матросами. При смышлености, они скоро выучиваются по-русски, успѣли уже перенять кое-что отъ насъ и вообще сблизиться съ нами, хотя въ XVII вѣкѣ упорно отстаивали свою независимость и не разъ разбивали казаковъ. Гиляки шаманы, но принимаютъ и христіанство. Изъ обычаевъ ихъ замѣчательно обожаніе медвѣдей, которыхъ однако они ѣдятъ. Произведенія ихъ охоты, мѣха, составляютъ довольно важную отпускную статью Николаевскаго порта; что же до рыбы, то она потребляется на мѣстѣ, частію самими ловцами, частію русскими. Значительное количество рыбы идетъ на прокормъ собакъ, которыя служатъ для ѣзды зимою на нартахъ — единственный удобный экипажъ въ покрываемой глубокими снѣгами странѣ. Нѣкоторые гиляки, въ свободное отъ рыболовства и охоты время, занимаются, подобно якутамъ, столярными и рѣзными работами, женщины шитьемъ парокъ или кухлянокъ съ подборомъ мѣховъ по узорамъ, нерѣдко очень изящнымъ. Часть гиляковъ занимается торговлею, переѣзжая для этой цѣли на Сахалинъ; нѣкоторые служатъ у русскихъ, иногда даже на пароходахъ за лоцмановъ. Вообще, это племя много обѣщающее, хотя далеко не такъ мягкое и привѣтливое, какъ тунгузскіе народцы. Число гиляковъ неизвѣстно, но, вѣроятно, есть тысячи три или нѣсколько менѣе, не считая сахалинскихъ.

Такимъ образомъ, все теперешнее населеніе Приморскаго края состоитъ изъ:

Русскихъ.	11,000
Китайцевъ	3,000
Корейцевъ	3,500
Орочей и гольдовъ	1,000
Гиляковъ	3,000
Итого	21,500

Откуда видно, что все самостоятельное развитіе и значеніе края еще въ будущемъ, и притомъ вѣроятно болѣе или менѣе отдаленномъ, такъ какъ на преуспѣяніе у насъ колонизаціи въ такихъ размѣрахъ, какъ было, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ Соединенныхъ Штатахъ, конечно нельзя расчитывать.

Военный обзоръ.

Но если экономическое значеніе края есть дѣло будущаго, то въ политическомъ и въ военномъ онъ уже теперь имѣетъ первостепенную для насъ важность, обусловливаемую:

1) *Положеніемъ около Японскаго моря.* Такъ какъ море это составляетъ часть Великаго океана, и притомъ соединенную съ нимъ пятью проливами, которые запереть трудно, то, можно сказать, оно есть база для нашего флота, могущаго здѣсь, на большомъ океанѣ, развернуть свою дѣятельность противъ непріятеля въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ, чѣмъ въ европейскихъ моряхъ, Балтійскомъ и Черномъ. Многочисленныя и превосходныя гавани и богатство въ странѣ лѣса, а по близости каменнаго угля, могутъ чрезвычайно облегчить развитіе и дѣятельность нашихъ морскихъ силъ на здѣшнихъ водахъ, и, вѣроятно, пора такого развитія недалека. Особенную важность имѣютъ порты Посьета, Владивостокъ, Стрѣлокъ, Америка, Владимірскій, Кастри и Николаевскъ, которые поэтому должны быть, по возможности, прочно заняты нами и даже укрѣплены. Въ частности Владивостокъ, какъ средоточіе нашихъ морскихъ средствъ, требуетъ самаго неотложнаго вниманія. Сила нашего флота на здѣшнихъ водахъ очевидно должна быть значительна, такъ какъ даже сосѣдняя Японія имѣетъ уже нѣсколько детятковъ кораблей, и въ томъ числѣ броненосцевъ; европейцы же въ сосѣднихъ моряхъ держатъ большія эскадры, напримѣръ Англія 32—35 боевыхъ судовъ.

2) *Сосѣдствомъ Кореи и Маньчжуріи.* Корея донынѣ съ нами не имѣетъ никакихъ сношеній, хотя изъ нея къ намъ переселилось

уже до 3,500 эмигрантовъ. Но въ случаѣ, если эта страна будетъ открыта еврейцамъ — а это непремѣнно будетъ — мы, какъ сосѣди по Тумень-улѣ, можемъ, болѣе чѣмъ кто-либо, утвердить здѣсь свое вліяніе, если не экономическое, въ чемъ едва ли успѣемъ, то хоть политическое, *въ смыслѣ охраненія корейской самостоятельности отъ внѣшнихъ вліяній.* Такъ какъ территоріяльные вопросы насъ едва-ли когда будутъ раздѣлять съ Кореею, да и другихъ серьезныхъ и постоянныхъ причинъ къ столкновеніямъ не предвидится, то весьма важно для насъ приготовить сосѣдній Тумень-улѣ край для плодотворныхъ *мирныхъ сношеній* и, съ этою цѣлью, прежде всего, его населить. Но дабы и въ военномъ отношеніи тридцати-двухъ-верстная граница наша съ Кореею не была предметомъ ея невниманія или даже презрѣнія, то весьма полезно у залива Посьета основать большой укрѣпленный пунктъ. Такая крѣпость будетъ тѣмъ полезнѣе, что къ тому же порту выходитъ дорога и изъ сосѣдней Маньчжуріи, дорога, по которой китайцы могутъ рано или поздно начать серьезныя военныя дѣйствія по тѣмъ же побужденіямъ, по которымъ Петръ Великій стремился къ Азову и Петербургу, и, пожалуй, съ неменьшей энергіей.

Вообще, нельзя довольно сильно пожалѣть о невыгодности нашей сухопутной границы въ южной половинѣ Приморскаго края, гдѣ наши владѣнія между низовьями Тумень-улы и Суйфуна тянутся на сто верстъ полосою въ одинъ или два перехода ширины. А соотвѣтственно этому нельзя довольно часто напоминать о томъ, что *при каждомъ удобномъ случаѣ,* т. е. при всякихъ переговорахъ съ Китаемъ, *намъ нужно стараться перемѣнить здѣсь пограничную черту отнесеніемъ ея къ сѣверо-западу.* Впрочемъ это можно сказать и про все протяженіе государственнаго рубежа въ Суйфунскомъ округѣ. Уже на Сунгачѣ и Ханкаѣ, составляющихъ самый естественный водяной путь съ Усури въ южные порты, намъ грозитъ рано или поздно появленіе китайцевъ, которые не только сдѣлаютъ конкуренцію въ судоходствѣ и въ рыбныхъ промыслахъ, но и могутъ прервать наши сообщенія. Что же касается бассейна Суйфуна, то здѣсь китайцы, владѣя не только сосѣднею Нингутою, но и обоими склонами хребта, отдѣляющаго ее отъ рѣки Суйфуна, могутъ, въ случаѣ войны, произвести, съ выгодою для себя и почти безъ опасности, наступательное движеніе въ тылъ всѣмъ нашимъ приморскимъ поселеніямъ и самому Владивостоку. Не забудемъ, что Китай теперь не тотъ, что былъ въ 1859 году, а лѣтъ черезъ

десять или пятнадцать онъ будетъ имѣть массы хорошо вооруженныхъ и обученныхъ войскъ, вмѣстѣ съ значительнымъ флотомъ.

3) *Конфигураціею Татарскаго пролива.* Извѣстно, что этотъ проливъ у мыса Лазарева съуживается до семи верстъ, что здѣсь проходитъ единственный фарватеръ къ устью Амура и что, слѣдовательно, тутъ истинный ключъ какъ къ этой рѣкѣ, такъ и къ сосѣднему Сахалину. А потому, безъ сомнѣнія, мѣстность у мыса Лазарева должна быть укрѣплена, и притомъ въ связи съ лежащею на противномъ берегу пролива мѣстностью у Погоби. Укрѣпленія же, предполагавшіяся у мыса Чнырраха, въ устьяхъ Амура и позади бара въ 12 фут., по справедливости нужно считать стратегическою ошибкою, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онѣ стоили бы дорого, а значеніе могутъ имѣть развѣ лишь такое же, какъ воздвигнутыя въ 1854 г. береговыя батареи въ Петербургѣ, защищавшія его съ той стороны, откуда нападеніе было всего менѣе возможно.

Исходя изъ этихъ общихъ соображеній, мы можемъ теперь оцѣнить и состояніе нашихъ силъ въ Приморскомъ краѣ, которыя имѣютъ слѣдующіе размѣры:

А) *Военно-сухопутныя* три батальона, четыре постовыя и мѣстныя команды, одна конная сотня, 6 горныхъ орудій и одна крѣпостная артиллерійская рота, въ суммѣ около 3,700 чел. По крайней растянутости квартирнаго расположенія частей и по большому числу инженерныхъ и другихъ работъ, лежащихъ на солдатахъ, строевое образованіе ихъ притомъ далеко несовершенно. Сосредоточеніе въ случаѣ военныхъ дѣйствій затруднительно.

Интендантское довольствіе войска Приморскаго края получаютъ большею частію изъ Кронштадта, т. е. кругомъ свѣта, при чемъ напр. мука обходится до 14 р. с. пудъ; частію изъ Иркутска (коммиссаріятскія вещи), частію, наконецъ, отъ мѣстныхъ жителей, именно отъ крестьянъ на Ханкаѣ и на Суйфунѣ. Провіантскіе магазины находятся: въ Николаевскѣ, на Чныррахѣ, въ де-Кастри, въ Ольгѣ, на Ханкаѣ, въ д. Суйфунской, въ Владивостокѣ и въ Новокіевскомъ. Артиллерійскіе и инженерные запасы, очень незначительные, имѣются въ Николаевскѣ и въ Ново-Кіевскомъ.

Б) *Морскія силы и средства* по свѣдѣніямъ за мартъ 1872 года представлялись въ слѣдующемъ видѣ:

1) *Сибирская флотилія* подъ начальствомъ главнаго командира Сибирскихъ портовъ, который есть вмѣстѣ и военный губернаторъ Приморской области, по морской части впрочемъ не зависимый отъ командующаго войсками Восточной Сибири.

Суда.	Маш. сил.	Орудій.	Офицер.	Нижн. чин.
Клиперъ Абрекъ	300	7	11	150
Транспортъ Маньчжуръ . .	150	4	11	105
› Японецъ . . .	300	10	11	118
Шхуна Востокъ	40	6	7	40
› Алеутъ.	40	—	7	37
› Фарватеръ	—	—	3	13
› Ермакъ	60	4	7	46
› Тунгузъ	60	4	7	46
Лодка Моржъ	80	6	6	84
› Горностай.	80	6	6	84
› Соболь	80	6	6	84
› Нерпа	60	5	4	57
Пароходъ Америка	140	8	10	88
› Амуръ.	100	—	4	31
› Суйфунъ	20	—	1	7
Барказъ Надежда	16	—	—	4
› Пальво	10	—	—	4
› Китъ.	12	—	—	4
Баржа Горбуша	—	—	—	7
› Кета	—	—	—	7
Ботъ Куегда	—	—	1	9
› Суйфунъ.	—	—	1	9
Итого на 22 суд. .	1,548	66	101	1,038

Кромѣ того къ флотиліи причислены слѣдующія суда, принадлежащія спеціальнымъ вѣдомствамъ, но имѣющія экипажи изъ моряковъ, т. е. изъ состава того же Амурскаго экипажа, къ которому принадлежатъ и чины Сибирской флотиліи:

Инженернаго вѣдомства.

Пар. Букспръ. 45 с. 1 оф. 7 матр.
› Польза . 45 › 1 › 7 ›
› Успѣхъ . 45 › 1 › 7 ›

Телеграфнаго вѣдомства:

Пар. Телеграфъ. 35 с. 2 оф. 16 матр.
› Гонецъ. . ? › 1 › 7 ›
› Часовой . 15 › 1 › 7 ›
› Сторожъ . 15 › 1 › 7 ›
› Усури . . ? › 2 › 18 ›

Наконецъ слѣдующія суда, бывшія до 1871 г. въ составѣ Сибирской флотиліи, нынѣ переданы Товариществу Амурскаго Пароходства:

Пароходы:

Лена	40 силъ.	Сунгача	40 силъ.
Зея.	40 »	Усури	40 »
Ононъ.	30 »	Ген. Корсаковъ. .	70 »
Ингода	30 »	Константинъ . .	100 »
Чита	40 »		

Стоимость всѣхъ исчисленныхъ судовъ простирается свыше $2^1/_2$ мил. рублей. Они большею частію куплены готовые за границею; но барказъ Пальво сполна сдѣланъ въ Николаевскѣ, а лодки Сивучъ и Нерпа строятся тамъ; пароходы же Константинъ, Телеграфъ, Часовой, Гонецъ, Сторожъ, Усури въ Николаевскѣ собирались. Вообще тамошнее механическое заведеніе, нынѣ переносимое во Владивостокъ, въ состояніи исполнять всякаго рода пароходостроительныя работы, ибо имѣетъ паровой молотъ, мастерскія литейную, котельную и пр.; только въ матеріалахъ оно нуждается; именно, желѣзо, мѣдь, цѣнные канаты, веревки, парусина, краски и пр. доставляются обыкновенно изъ Кронштадта или, частію, изъ портовъ Британскаго канала. Дерево и смола — мѣстныя.

2) *Для доставки грузовъ* морское министерство, подобно военному, имѣетъ особаго подрядчика, въ лицѣ С.-Петербургскаго купца Паллизена, съ которымъ заключены два контракта: на перевозку провіанта (въ 1872 г. до 22,000 пуд.) и на перевозку адмиралтейскихъ грузовъ, т. е. якорей, канатовъ, желѣза, мѣди и пр. (въ 1872 г. до 31,000 пуд.). Стоимость доставки опредѣляется вѣсомъ отправляемыхъ грузовъ, считая 90 к. съ пуда до Владивостока и Николаевска, причемъ еще Морское вѣдомство уплачиваетъ 10% со стоимости грузовъ за ихъ страхованіе (въ 1872 г. стоимость грузовъ = 157,000 р. с.). Въ 1873 году истекъ срокъ контракту съ Паллизеномъ о провіантѣ, а потому для привлеченія новыхъ участниковъ въ дѣлѣ перевозки грузовъ въ Приморскую область было сдѣлано предложеніе Русскому Обществу Пароходства и Торговли; но дальнѣйшія подробности этого дѣла неизвѣстны.

3) *Эскадра Тихаго океана* состоитъ обыкновенно изъ 5 судовъ, въ 1,500 силъ, съ 50 орудіями, и подчиняется особому адмиралу, не состоящему въ вѣдѣніи сибирскихъ начальствъ. Назначеніе ея конечно въ наступательныхъ дѣйствіяхъ на случай войны, но при надобности она можетъ оказать содѣйствіе и оборонѣ Приморскаго края.

Приведенныя здѣсь данныя о нашихъ военно-сухопутныхъ и морскихъ силахъ показываютъ, что силы эти не вполнѣ соотвѣт-

ствуютъ положенію, которое Россія должна занимать на Тихомъ океанѣ вообще, и въ частности міровому значенію Приморскаго участка. Такая недостаточность объясняется главнѣйше финансовыми затрудненіями нашими послѣ Восточной войны и колебаніями мѣстныхъ начальствъ въ выборѣ и оцѣнкѣ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ. Успѣшная оборона края, при такихъ средствахъ, становится нѣсколько затруднительной, а что до наступленія, то оно возможно развѣ лишь къ сторонѣ Хунь-чуня.

Источники.

Lapérouse: Voyage autour du monde.

Шренкъ: «Физическая географія Сѣверо-японскаго моря» 1869.

Пржевальскій: «Путешествіе въ Усурійскій край» 1870.

Будищевъ и *Петровичъ*: «Описаніе лѣсовъ Усурійскаго края», въ Зап. Сиб. От. Р. Г. Общ.

Романовъ: Описанія окрестностей залива де-Кастри и залива Посьета.

Венюковъ: «Усури и пути отъ нея къ морю».

Lindau: «Voyage autour du Japon».

Adams: «Travels of a Naturaliste in Japan and Manchuria».

Клыковъ: «Обзоръ залива Петра Великаго», въ Морскомъ Сборникѣ 1871.

Бурачекъ: «Воспоминанія амурскаго моряка», въ томъ же журналѣ, вообще содержащемъ въ себѣ много данныхъ о Приморскомъ краѣ.

Людоговскій: «Статистическія свѣдѣнія о Приморской области», въ отчетѣ коммисіи генералъ-адъютанта Сколкова, 1870.

Лопатинъ и *Баснинъ*: Свѣдѣнія о минеральной производительности края.

Васильева: «Гавань Св. Ольги», въ Изв. Р. Г. Общ. 1872.

Палладій: Письма изъ Южно-усурійскаго края въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества.

Карты: *Шварца*, юго-восточной Сибири; *Генеральнаго Штаба Восточной Сибири*, Южно-усурійскаго края; морскія изданныя нашимъ адмиралтействомъ по описямъ *Бабкина* и другихъ, съ планами портовъ и устья Амура; *Клыкова*, карта залива Петра Великаго.

Третій участокъ: Амуръ и Усури.

Положеніе и предѣлы пограничнаго пространства.

Восточная часть средней Азіи, въ широтахъ между 42 и 54°, въ топографическомъ смыслѣ представляетъ четыреугольникъ, богатый равнинами, но обставленный отовсюду горами, именно: съ сѣвера Становымъ хребтомъ, съ запада Большимъ Хинганомъ, съ юга Чаньбошанемъ и съ востока Сихота-алинемъ. Горы эти, за исключеніемъ Чаньбошаньскихъ, невысоки; но онѣ оставляютъ одинъ свободный выходъ изъ четыреугольника къ сторонѣ моря, именно прорывъ Амура чрезъ прибрежный хребетъ близъ Николаевска; со всѣхъ же прочихъ сторонъ обнимаютъ внутреннее пространство, подобно закраинамъ какого-нибудь плоскаго сосуда, впрочемъ съ неровнымъ дномъ. Этотъ сосудъ и есть бассейнъ Амура, котораго южная часть принадлежитъ Китаю, а сѣверная Россіи.

Общее протяженіе водоема Амура, ниже прорыва этою рѣкою Большаго Хингана у Стрѣлки, составляетъ 24,500 кв. миль; изъ нихъ въ нашихъ предѣлахъ, т. е. на лѣвомъ берегу Амура и на правомъ Усури, находится 11,320 миль, причемъ пограничная черта съ Маньчжуріею по обѣимъ рѣкамъ, до устья Сунгачи на югѣ, составляетъ 2,315 верстъ. Бассейны же рѣкъ, образующихъ Амуръ, т. е. Шилки и Аргуни, по справедливости, не принадлежатъ къ описываемому пространству, такъ какъ и въ административномъ, и въ экономическомъ, и даже въ военномъ смыслѣ они тѣсно связаны съ Забайкальемъ и, слѣдовательно, входятъ въ составъ Халкасскаго участка.

Вслѣдствіе малой населенности и даже пустынности нашихъ владѣній на Амурѣ, отсутствія сухопутныхъ дорогъ внутри ихъ и отрѣзанности амурскаго бассейна отъ бассейновъ Лены и Охотскаго моря, можно было бы также, при обозрѣніи амурскаго участка, ограничиться узкою полосою вдоль рѣкъ Усури и Амура, которая одна можетъ имѣть значеніе театра войны. Но для того, чтобы эта по-

лоса не являлась оторванною отъ мѣстностей, которыхъ она составляетъ непосредственное продолженіе, мы разсмотримъ здѣсь всю сѣверную половину амурскаго водоема, а также и страну къ востоку отъ Усури до береговаго хребта.

Обширный край этотъ былъ, въ теченіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій, предметомъ самыхъ разносторонннхъ ученыхъ изслѣдованій, а потому при описаніи его можно скорѣе жаловаться на подавляющее изобиліе матеріяловъ, чѣмъ на ихъ недостатокъ. Но за всѣмъ тѣмъ необходимо присовокупить, что очень многіе отдѣлы физической географіи, этнографіи и статистики страны представляются въ видѣ далеко неудовлетворительномъ, и эту неудовлетворительность легче всего характеризовать словами, что не достаетъ всего, что требуетъ многолѣтнихъ наблюденій (напр. климатологія) и изслѣдованій (рудныя богатства) или трудовъ безпристрастныхъ и независимыхъ по своему положенію специалистовъ, которые, обнявъ однимъ взглядомъ напримѣръ всѣ экономическіе вопросы по Амурскому краю, дали бы на нихъ обстоятельные отвѣты.

Математическая географія края основывается, главнымъ образомъ, на трудахъ Шварца, Рашкова, Пещурова и Гамова и нѣкоторыхъ другихъ наблюдателей-астрономовъ. Какъ астрономическія работы, такъ и съемки сосредоточиваются преимущественно въ самыхъ долинахъ Амура и Усури, въ сторонѣ отъ которыхъ есть лишь нѣсколько маршрутовъ, опирающихся на рѣдкія астрономическія точки. Есть мѣстности, напримѣръ на востокъ отъ Усури и нижняго Амура, между Хунгари и Софійскомъ, гдѣ карта страны чертится либо по распросамъ, либо по атласу Данвиля. Долины многихъ большихъ рѣкъ, въ томъ числѣ Гырина, Хунгари, Дондона, Кура, Хоро, Нимана, еще не были ни разу осмотрѣны нашими съемщиками, и вообще вся точная топографія страны только въ будущемъ.

Число астрономическихъ опредѣленій, не считая іезуитскихъ, которыя уже не принимаются въ расчетъ нашими картографами, хотя по временамъ очень хорошо сходятся съ новѣйшими данными, простирается до 57.

Изъ съемокъ наиболѣе важны инструментальныя вдоль по Амуру и Усури, а затѣмъ глазомѣрныя по Зеѣ, Силинджѣ, Бурeѣ и Амгуни. На Амурѣ мѣстами сдѣланы даже промѣры *); но такой лоц-

*) Особенно подробно между Николаевскомъ и моремъ.

манской карты, какъ напримѣръ карта Янъ-цзе-кьяна, сдѣланная англичанами послѣ 1860 года, наша великая рѣка еще не имѣетъ. Въ замѣнъ того, нѣкоторыя мѣста суши, напримѣръ окрестности селеній, сосѣднихъ Благовѣщенску, сняты съ большою подробностью, такъ какъ нужно было обозначить границы крестьянскихъ земель. Большихъ межевыхъ работъ на Амурѣ, впрочемъ, не было, а всѣ съемки производились военными топографами, по обыкновеннымъ правиламъ для употребленія мензулы и буссоли.

Въ составъ изображаемаго, такимъ образомъ, амурскаго пограничнаго пространства входятъ: 1) область Амурская, ограниченная на сѣверѣ Становымъ хребтомъ, на юго-западѣ Амуромъ и на востокѣ условною чертою между устьями Усури и верховьями Уды,— сполна; 2) уѣзды или округи Софійскій и Николаевскій Приморской области, и 3) Усурійскій край, гдѣ вдоль рѣки Усури находятся земли мѣстнаго казачьяго баталіона, а страна къ востоку отъ нея называется иногда Усурійскимъ округомъ, все Приморской же области. Границы всѣхъ этихъ административныхъ единицъ между собою вообще не опредѣлены, и только вдоль рѣки Амура извѣстно съ точностью, гдѣ кончается одна область или округъ и начинаются другіе. Губернаторы областей живутъ: Амурской въ Благовѣщенскѣ, Приморской въ Владивостокѣ. Центръ управленія амурскими казаками въ Благовѣщенскѣ же, а усурійскими въ станицѣ Казакевичевой.

Топографія.

Знаменитый географъ Риттеръ вѣрилъ, что береговыми утесами у Японскаго моря среднеазіятское нагорье сразу падаетъ въ морскую бездну, и что такимъ образомъ бассейнъ Амура составляетъ лишь одну изъ частей этого нагорья или, по крайней мѣрѣ, террасу его. Семеновъ, въ русскомъ переводѣ риттеровой Азіи, развилъ эту мысль въ томъ смыслѣ, что амурскій водоемъ образуетъ не одну плоскую террасу, а цѣлый рядъ уступовъ, которыми нагорная Гоби ниспадаетъ къ Тихому океану и на восточныхъ краяхъ которыхъ тянутся меридіональные хребты: Большой Хинганъ, Доуссе-алинь и Сихота-алинь. Въ наше время нѣтъ возможности принимать эту теорію, потому что долина рѣки Амура и самое русло его нигдѣ не представляютъ рѣзкихъ уступовъ, которые обнаруживались бы хоть порогами и стремнинами, если не водопадами, какъ то видимъ на Рейнѣ, Нилѣ, Ніагарѣ и пр. Напротивъ, на

сколько можно довѣрять гипсометрическимъ опредѣленіямъ вдоль Амура и Усури, а также свѣдѣніямъ о свойствахъ теченія Сунгари и Нонни, весь бассейнъ амурскій имѣетъ одну слабую и очень постепенную покатость съ запада на востокъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что уровень Шилки у Нерчинска не превосходитъ 1,700 ф.

Уровень Амура у впаденія Зеи .	.		791	»
»	»	» Буреи .	621	»
»	»	» Сунгари.	545	»
»	озера Ханкая	. . . .	659	»
»	Усури при устьѣ Нимани.		614	»
»	»	» » Бикини.	544	»
»	»	» » Хоро .	508	»
»	Усури и Амура у Хабаровки.		456	»

Итакъ, на первыхъ 1,200 верстахъ Амуръ падаетъ не болѣе 991 фута, т. е. по 8 дюймовъ на версту; на остальныхъ 1,700 верстахъ это паденіе еще медленнѣе, именно по 4 дюйма на версту и притомъ весьма постепенно, такъ что никакихъ *внезапныхъ* скачковъ нѣтъ. Оттого и исключительная быстрота теченія его въ хинганскихъ «щекахъ», т. е. въ ущельѣ, доходящая до 10 верстъ въ часъ, объясняется только съуженіемъ русла, но не сильною наклонностью ложа рѣки. А затѣмъ, разсматривая страну въ цѣломъ ея протяженіи, мы можемъ сказать, что предъ нами тутъ одна большая плоскость, наклонная къ востоку и нѣсколько погнутая въ срединѣ, такъ что отдѣльныя ея части, кромѣ то, покаты: сѣверная отчасти къ югу, а южная къ сѣверу. Эти второстепенныя покатости мѣстами гораздо круче главной; но за то онѣ короче ея. Притомъ, слѣдя за теченіемъ сѣверныхъ притоковъ Амура, напримѣръ Зеи, не трудно убѣдиться, что ея долина падаетъ быстро только вблизи Становаго хребта, дающаго начало рѣкѣ; по низовьямъ же послѣдней страна становится почти совершенно горизонтальною.

Но на этой двояко-наклонной плоскости разсѣяны довольно многочисленные горные кряжи, которые сильно видоизмѣняютъ общій видъ почвы и придаютъ амурскому водоему видъ далеко отличный отъ того, что мы видимъ напримѣръ въ совершенно равнинномъ бассейнѣ Волги. Амурскій край становится, благодаря этимъ поднятіямъ почвы, страною нерѣдко весьма гористою. Горы здѣсь могутъ быть сгруппированы въ слѣдующія системы:

1) Система *Становаго* хребта, на сѣверѣ, отъ истоковъ Амазара до Охотскаго моря. Главный кряжъ этой системы служитъ водо-

раздѣломъ Амура и Уды отъ Алдана и Лены и идетъ почти вдоль паралели $55^1/_2{}^0$ сѣв., слегка лишь уклоняясь то къ югу, то къ сѣверу. Вѣчно-снѣжныхъ горъ въ немъ неизвѣстно; но высокіе гольцы, т. е. обнаженныя каменныя вершины, нерѣдки. Скаты его поросли густыми лѣсами, большею частью лиственничными, и отъ того отличаются большою влажностью почвы и множествомъ ключей, которые даютъ начало мощнымъ лѣвымъ притокамъ Амура и правымъ Лены. Становой хребетъ и прилегающая къ нему страна представляютъ такую пустынную и отдаленную отъ государственной границы мѣстность, что описывать ихъ въ подробности нѣтъ никакой нужды. Довольно сказать, что перевалы черезъ хребетъ изъ бассейна Амура въ водоемъ Лены встрѣчаются нерѣдко, но вездѣ весьма неудобны по причинѣ каменистой и болотистой почвы. Изъ нихъ два пріобрѣли историческую извѣстность, именно съ Нюкжи, притока Олекмы, на Урку, притокъ Амура, и съ Утама, принадлежащаго къ водной системѣ Алдана, на Брянту, текущую въ Зею. Но какъ эти, такъ и всѣ другіе проходы для сообщеній, по крайней мѣрѣ постоянныхъ и правильныхъ, между нашими поселеніями по Амуру и Ленѣ не служатъ, и по нимъ лишь изрѣдка перебираются съ южнаго склона хребта на сѣверный бродячіе якуты и тунгузы.

Нѣсколько большаго вниманія, чѣмъ самый Становой хребетъ, заслуживаетъ цѣпь кряжей, паралельныхъ ему, но лежащихъ южнѣе на 1—2°/₀ широты, гдѣ, вѣроятно, на долгое время, будетъ сѣверный предѣлъ для амурской колонизаціи. Начало это цѣпи можно считать у истоковъ Нивера и Ольдоя, а конецъ между Охотскимъ моремъ и низовьемъ Амура. Въ пространствѣ между устьями Гилюя и Ура она пересѣкаетъ Зею, и такимъ образомъ отдѣляетъ котловину ея верховій отъ обширной зее-силинджинской равнины, которая тянется до самаго Амура. Названіе хребта на правомъ берегу Зеи есть *Тукурангра*, но съ переходомъ на лѣвый оно измѣняется въ *Джукду*, подъ которымъ кряжъ и служитъ водораздѣломъ между Силинджою, Бурсею, Амгунью съ одной и Удой и Тугиромъ съ другой стороны. Близъ верховій Силинджи и Тугира пересѣкается онъ приходящимъ съ юга Мало-Хинганскимъ хребтомъ, и тутъ, повидимому, лежатъ высшія точки системы, такъ называемый *Ямъ-алинь*. Далѣе къ востоку хребетъ понижается, и хотя среди его еще есть довольно значительныя массивы, какъ напримѣръ хребты *Кивунъ* и *Мсочанъ*, но въ общемъ даже характеръ правильной горной цѣпи пропадаетъ, а вся страна представ-

ляетъ сильно взволнованную почву, которой окраины скалисты къ сторонѣ Охотскаго моря и падаютъ медленными покатостями къ р. Амгуни, озеру Орель и низовьямъ Амура.

2) *Большой Хинганскій хребетъ* пересѣкается Амуромъ между Стрѣлкою и Ольдоемъ, т. е. въ самомъ началѣ великой рѣки. Онъ, большею частію, круто падаетъ къ Аргуни и Амуру; изъ продольныхъ же и поперечныхъ долинъ его, имѣющихъ обыкновенно видъ узкихъ и глубокихъ падей (овраговъ), сбѣгаютъ къ обѣимъ этимъ рѣкамъ многочисленные ручьи и рѣчки, которыхъ вершины всѣ болѣе или менѣе сходятся около большаго гольца Джагичана и сѣверныхъ отроговъ его. Въ русскихъ предѣлахъ, т. е. на лѣвомъ берегу Амура, Большой Хинганъ распадается на нѣсколько паралельныхъ и короткихъ цѣпей, которыя переходятъ въ боковые отроги Становаго хребта. Между ними встрѣчаются кряжи значительной вышины, именно до 5000 футовъ, которые расположены, главнымъ образомъ, между рѣками Амазаромъ и Ольдоемъ.

3) *Малый Хинганскій хребетъ* есть довольно значительная цѣпь, также пересѣкающая Амуръ, но уже въ среднемъ его теченіи, между Буреею и Сунгари. Положеніе его оси не довольно еще опредѣлено; но вообще онъ тянется отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, составляя водораздѣлъ, въ Маньчжуріи между притоками Нонни и Сунгари, а въ Россіи между Буреею съ одной и Куромъ и Амгунью съ другой стороны. Сколько-нибудь изслѣдованныя его части суть ближайшія къ Амуру и потомъ къ верховьямъ Амгуни. Вообще снѣжныхъ горъ въ немъ неизвѣстно, а въ частяхъ, сосѣднихъ Амуру, едва ли есть вершины, превосходящія 3,500 футовъ; но въ цѣломъ онъ сохраняетъ ту ровность поднятія, которая характеризуетъ значительныя горныя цѣпи, не исключая, конечно, появленія зубчатыхъ кряжей и пиковъ. Весь Малый Хинганъ одѣтъ великолѣпными лѣсами, обыкновенно лиственными, но часто и хвойными. При прорывѣ его Амуромъ замѣтно, что сѣверный скатъ круче южнаго; впрочемъ, по неопредѣленности положенія главной оси, трудно сказать, гдѣ именно эти скаты образуютъ гребень, отъ котораго бы можно было считать ихъ начало. Въ самомъ ущельѣ, длиною до 120 верстъ, которымъ Амуръ течетъ среди Малаго Хингана, находится устье значительной рѣчки Уй, которой долина очевидно раздѣляетъ всю систему горъ въ предѣлахъ Маньчжуріи на двѣ паралельныя цѣпи. Но на русской сторонѣ Амура этого раздвоенія нѣтъ. Съ удаленіемъ отъ Амура къ сѣверо-востоку, Малый Хинганъ пускаетъ столько вѣтвей на западъ и на востокъ,

что схватить общія топографическія черты этихъ мѣстностей, весьма мало притомъ извѣстныхъ, пока невозможно.

Черезъ Малый Хинганъ пока не устроено, въ нашихъ предѣлахъ, ни одной дороги, не только колесной, но даже и вьючной. Отъ этого долина Амура рѣзко распадается здѣсь на двѣ части, ворхнюю и нижнюю, которыхъ сообщеніе можетъ быть всегда прервано тѣмъ, кто владѣетъ хинганскимъ ущельемъ.

4) Горы *Чаятынъ* наполняютъ часть пространства на востокъ отъ малаго Хингана, между этимъ хребтомъ и нижнимъ Амуромъ, распадаясь на многіе отроги, нигдѣ однако не достигающіе большой высоты. Впрочемъ, онѣ почти вовсе не изслѣдованы, и только спуски ихъ къ сторонѣ Амура и Амгуни нанесены на карту съ нѣкоторою точностью. Видъ этихъ спусковъ къ Амуру, ниже Гырина, гдѣ ими обставлена съ сѣверо-запада вся амурская долина, какъ непрерывнымъ валомъ, заставляетъ предполагать, что здѣсь скорѣе предъ нами край одного большаго плоскогорія, чѣмъ системы кряжей, образованныхъ отдѣльными послѣдовательными поднятіями. Отроги этого обширнаго, хотя невысокаго, массива или плоскогорія, размытаго рѣками, почти всюду доходятъ до Амура, Амгуни и низовій Гырина, стѣсняя долины всѣхъ этихъ рѣкъ. Но на западѣ, между Чаятыномъ и Малымъ Хинганомъ, лежитъ уже страна болѣе ровная и мѣстами даже столь плоская, что среди ея образовались обширныя озера Чукчагиръ, Эворонъ и нѣсколько меньшихъ. Этотъ типъ плоскости, почти совершенно горизонтальной, свойственъ, впрочемъ, всему краю по лѣвому берегу Амура, отъ самаго устья Кура до окрестностей Николаевска. И въ самой долинѣ рѣки озера весьма многочисленны, а иногда довольно обширны, какъ напримѣръ Оджанъ, Убалъ, Кизи, Када, Удылъ, Чанъ, Чилиха, Чля и Орель, которыхъ поверхность лежитъ почти на одной высотѣ съ уровнемъ рѣчныхъ водъ. Чаятынскія горы составляютъ по этой плоскости какъ бы обширную насыпь или плато въ родѣ Усть-Урта на арало-каспійской низменности, но не безплодной, а покрытой густымъ лѣсомъ и мѣстами увѣнчанной отдѣльными пиками.

Высоты на югъ и западъ отъ Гырина и на юго-востокъ отъ Малаго Хингана, ограничивающія съ сѣвера обширную равнину по Амуру, Кимнину и Куру, на нѣкоторыхъ картахъ изображаются какъ отроги одного большаго горнаго массива, *Ванды*, примыкающаго къ Малому Хингану. Но эта орографія кажется сомнительною: скорѣе здѣсь можно видѣть повтореніе того же явленія, что и въ

странѣ на сѣверъ отъ Гырина, т. е. на Чаятынѣ, именно, что эта мѣстность есть плоскогоріе, изрытое рѣками, которыя и текутъ въ весьма разнородныхъ направленіяхъ, чего бы не было, если бы надъ этой мѣстностью господствовала какая-нибудь рѣзко выдающаяся горная цѣпь. Вообще, и здѣсь топографическія изслѣдованія еще очень несовершенны.

5) Хребетъ *Сихота-алинь*, отдѣляющій бассейны нижняго Амура и Усури отъ Японскаго моря, описанъ уже, на сколько онъ извѣстнъ, при обозрѣніи Приморскаго участка. Но здѣсь стоитъ упомянуть о его западныхъ развѣтвленіяхъ или отрогахъ, которые наполняютъ широкое пространство до Амура и Усури. Начиная съ сѣвера, эта отроги суть: а) хребетъ *Вуйзи*, между верховьями Тумджи и Амуромъ ниже впаденія Хунгари, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ противолежащими отрогами Чаятына, стѣсняетъ амурскую долину до ширины всего нѣсколькихъ верстъ; б) хребты *Сарку*, *Ходжанъ* и *Геонъ*, южнѣе Хунгари, между сю и Дондономъ, также доходящіе своими отклонами до Амура; в) хребетъ *Хехцыръ*, упирающійся въ Усури и Амуръ при сліяніи ихъ, самый длинный изъ всѣхъ и достигающій высоты 3,000 футовъ. Онъ отдѣляетъ усурійскій водоемъ отъ правой половины нижнеамурскаго и, быть можетъ, образуетъ отдѣльную горную цѣпь, перпендикулярную къ Сихота-алиню и упирающуюся въ море на югѣ отъ Императорской гавани. г) Горы *Аомъ*, *Абдери*, *Сипку*, *Гуранъ* и *Фефи*, ограничивающія усурійскую долину съ востока, между Бикинью и Хоро, причемъ ближайшіе къ Бикини массивы суть самые высокіе. е) Сосѣднія имъ на югѣ горы *Сумуръ* и *Цифаку*, отдѣляющія долину Бикини отъ долины Нимани. Всѣ послѣднія горы, начиная отъ Аомскихъ, служатъ восточной окраиной усурійской долинѣ, въ то время какъ на западѣ ее ограничиваютъ отроги *Кентей-алиня*. Южнѣе Нимани первый отрогъ Сихота-алиня, проникающій до береговъ Усури, встрѣчается лишь у впаденія въ послѣднюю Кубурхи; но потомъ, чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ береговые увалы все чаще и чаще приближаются къ руслу Усури, пока, близъ устья рѣчки Вонго, горные отроги не замкнутъ его съ обѣихъ сторонъ.

Этотъ краткій и сухой орографическій очеркъ можно было бы оживить и осмыслить, если бы пополнить выводами геологіи относительно давно прошедшихъ временъ, когда, безъ сомнѣнія, почва Амурскаго края имѣла другой видъ, другое строеніе. Но, къ сожалѣнію, геологическія изслѣдованія въ этой странѣ почти-что не

начинались. Самое извѣстное по этой части сочиненіе, Шмидта, есть не болѣе, какъ слабый, почти гадательный очеркъ геологіи Амура, который даже возбуждаетъ немало недоумѣній, если сравнить его съ другими изслѣдованіями по тому же предмету: Пермыкина, Аносова, Маака и пр. Шмидтъ далъ, на своей геологической картѣ амурскаго водоема, такое широкое развитіе однѣмъ древнѣйшимъ, кристаллическимъ, породамъ, что формаціи осадочныя у него составляютъ почти исключеніе, и притомъ относятся только къ тремъ эпохамъ: юрской, мѣловой и третичной, какъ будто до начала первой изъ этихъ эпохъ Амурскій край стоялъ одинокой, каменистой пустыней, въ которой не было ни рѣкъ, ни озеръ, гдѣ могли бы образоваться осадки палеозойскіе и вторичные. О наслоеніи осадочныхъ формацій вблизи кристалическихъ горныхъ осей, опредѣляющей геологическій возрастъ хребтовъ, нѣтъ и рѣчи, какъ о предметѣ совсѣмъ неизслѣдованномъ. Поэтому, вмѣсто геогностическаго обзора описанныхъ выше горныхъ системъ, приходится обратиться снова къ топографіи, именно къ описанію равнинъ и долинъ, чтобы строеніе почвы столь важной для Россіи окраины было, по возможности, выяснено.

Три главныя низменности встрѣчаются на пространствѣ Амурскаго края: зее-буреинская, средне-амурская и ханкайская. Изъ нихъ послѣдняя доселѣ сохранила по серединѣ озеро, тогда какъ въ двухъ первыхъ озера исчезли и мѣсто ихъ заняли обширные прѣсноводные осадки, въ видѣ травянистыхъ и лѣсистыхъ равнинъ. Самая большая есть *зее-буреинская*, которая начинается у выхода рѣки Зеи изъ горъ, выше устья Ура, и тянется къ югу до Благовѣщенска и къ юго-востоку до станицы Пашковой, обнимая низовья Силинджи, Томи, Завитой, Буреи и проч., и распространяясь даже на маньчжурскій берегъ Амура. Приблизительно ея площадь можно опредѣлить въ 1,600 квадратныхъ миль, на которыхъ свободно можетъ быть поселено два милліона жителей, которые найдутъ все, что нужно для правильной и безбѣдной осѣдлой жизни. Другая, еще болѣе пышная, равнина есть средне-амурская, за Мало-Хинганскимъ хребтомъ, по низовьямъ Сунгари, Кимпина, Усури и Кура, почти до устья Дондона. Она менѣе предъидущей, потому что имѣетъ ширину лишь отъ 70 до 100 верстъ; но за то заключаетъ въ себѣ необозримыя пространства превосходныхъ луговъ и лѣсовъ. Если же среди ея и встрѣчаются небольшія озера и болота, то съ развитіемъ культуры почва, безъ сомнѣнія, осушится въ нужной степени, а болота дадутъ въ результатѣ залежи чернозема и торфа.

О *ханкайской* равнинѣ, собственно, говорено уже при описаніи приморскаго участка; здѣсь нелишнее повторить, что она въ культурномъ отношеніи еще выгоднѣе расположена, чѣмъ двѣ предъидущія, и не менѣе ихъ обширна: но по крайне низменному положенію своему, особенно на югѣ отъ Ханкая и по рѣкѣ Сунгачани, представитъ больше затрудненій къ обращенію ея въ цвѣтущій земледѣльческій и промышленный край.

Кромѣ трехъ названныхъ обширныхъ равнинъ, Амурскій край имѣетъ еще цѣлый рядъ низменныхъ площадей, въ видѣ озерныхъ и рѣчныхъ долинъ. Изъ первыхъ назовемъ: на крайнемъ сѣверовостокѣ водоемъ озеръ Чля и Орель, лѣсистый и болотистый, затѣмъ долины озеръ Мачба, Убапа, Чукчагира и Эворона — почти тѣхъ же свойствъ. Изъ рѣчныхъ долинъ заслуживаютъ вниманія амурская, верхнезейская, усурійская и амгунская.

Рѣка Амуръ, какъ извѣстно, образуется изъ Шилки и Аргуни, двухъ равномощныхъ, судоходныхъ потоковъ, которые сливаются у такъ-называемой Стрѣлки, противъ станицы Покровской. Здѣсь амурское русло имѣетъ въ ширину 220 саженъ, при глубинѣ болѣе трехъ саженъ и при значительной быстротѣ теченія. Но, несмотря на быстроту и на массу воды, которая стремится по рѣчному ложу весною и въ лѣтній разливъ, долина рѣки въ этомъ мѣстѣ очень узка. Къ правому берегу Аргуни и Амура даже вплоть прилегаютъ крутые обрывы Большаго Хингана, и на лѣвомъ остается узкая береговая полоса, едва въ полверсты шириною. Такой характеръ амурская долина сохраняетъ до самаго устья Нивера и даже почти до Албазина. Рѣка здѣсь постоянно въ одномъ руслѣ, и если встрѣчаются небольшіе острова, то они узкими полосами жмутся къ тому или другому берегу, но нигдѣ не дробятъ рѣки на протоки одинаковой ширины. Отъ того плаваніе здѣсь по Амуру очень удобно. За Албазиномъ видъ мѣстности измѣняется. Вмѣсто высокихъ и часто скалистыхъ горъ, къ рѣчному ложу подступаютъ лишь второстепенные горные отроги, и самая долина между ними становится шире, до нѣсколькихъ верстъ. Отъ того рѣка, при значительной быстринѣ, дѣлается извилистою и нерѣдко дробится на два и на три протока, какъ, напримѣръ, выше Албазина, близъ станицъ Бейтоновской, Ольгиной и другихъ. Тамъ, гдѣ она всею массою водъ ударяется въ одинъ изъ береговыхъ уваловъ, обыкновенно происходитъ размытіе береговыхъ скалъ и образованіе голыхъ утесовъ, изъ которыхъ особенно замѣчателенъ Цагаянъ, въ 12 верстахъ ниже Ермаковой станицы. Здѣсь известковая гора, вышиною

до 400 футовъ, такъ обмыта водою Амура, что представляетъ, по дугѣ въ $1^1/_2$ версты длиною, почти отвѣсный обрывъ, отъ котораго вода стремительно отражается, образуя водоворотъ, требующій внимательности при плаваніи на плоскодонныхъ судахъ. Нѣчто подобное встрѣчается верстахъ въ 25 ниже Кумары, гдѣ также береговая скала уперлась въ рѣчное русло и, стѣснивъ его, произвела быстрину, отъ которой суда должны удаляться къ противоположному (лѣвому) берегу. Наконецъ у станицъ Казакевичевой и Корсаковой къ берегамъ Амура подходятъ съ обѣихъ сторонъ крутыя и довольно высокія горы, повидимому принадлежащія къ системѣ Илъ-ури-алиня, и рѣка, извиваясь среди нихъ для отысканія выхода, образуетъ двойную кривизну улусомодонскую, за которою еще около 50 верстъ течетъ между скалистыми и высокими увалами въ одномъ руслѣ и почти по прямой линіи. За станицею Бибиковою увалы постепенно удаляются то отъ одного, то отъ другаго берега, и наконецъ у Благовѣщенска пропадаютъ совсѣмъ.

При прорывѣ черезъ Малый Хинганъ, Амуръ вовсе не имѣетъ долины, а течетъ по ущелью, такъ что на лѣвомъ берегу, т. е. въ нашихъ предѣлахъ, находится едва одна небольшая площадка, гдѣ построена деревня Раддевка; на маньчжурской сторонѣ такая же площадка лежитъ при устьѣ рѣки Уй, имѣющей впрочемъ свою долину, перпендикулярную къ Амуру и, слѣдовательно, продольную по отношенію къ мало-хинганской цѣпи.

Нижняя часть Амурской долины представляетъ сначала, по выходѣ рѣки изъ сплошной низменности, какъ бы отрывки этой послѣдней, отдѣляясь отъ нея перпендикулярными къ рѣкѣ кряжами и образуя котловины, въ родѣ Вѣнской. Эти котловины даже отчасти выполнены озерами (Оджалъ, Евво); рѣка же среди нихъ разбилась на многочисленные протоки съ весьма тихимъ теченіемъ, какъ бы въ доказательство, что и тутъ прежде были совершенно стоячіе, горизонтальные водоемы. Такъ течетъ Амуръ на 270 верстъ ниже Усури, пока отроги, съ одной стороны Сихота-алиня, а съ другой Чаятына, не обращаютъ вновь его долины въ такъ-называемую трубу, т. е. узкую полосу земли между крутыми увалами. Этотъ послѣдній видъ долина имѣетъ почти до Софійска, за которымъ она быстро расширяется, очевидно опять на мѣстѣ бывшаго озера, отъ котораго Кизи, Када и Удылъ, быть можетъ, составляютъ остатки. Рѣка образуетъ здѣсь обширный архипелагъ острововъ, котораго общая длина около 60 верстъ, а ширина 20 верстъ. Количество воды въ Амурѣ однако такъ велико, что, несмотря на такое

раздробленіе русла, всѣ главные его рукава судоходны. У деревни Кадо рукава эти сходятся снова въ одинъ мощный потокъ, который и стремится къ сѣверу, вдоль уваловъ праваго берега, образованныхъ хребтомъ Сихота-алинемъ. У деревни Тыръ увалы выступаютъ даже въ русло рѣки и заставляютъ ее на время повернуть къ западу; но слѣдующій вскорѣ затѣмъ притокъ Амгуни окончательно направляетъ тихія воды Амура на востокъ, къ морю, котораго онъ и достигаетъ у мысовъ Табахи и Пронге, промывъ сначала для себя ложе между горами сѣверной части хребта Сихота-алиня, на протяженіи около 60 верстъ. Ширина рѣки выше Николаевска 900 саженъ, при глубинѣ достаточной для самыхъ большихъ военныхъ судовъ. У мыса Чнырраха, въ 12 верстахъ ниже города, эта ширина уже болѣе 1,200 саженъ, а у мыса Пронге, гдѣ начинается море, шесть верстъ. Всѣ облегающія низовье Амура горы покрыты лѣсомъ, лиственичнымъ и отчасти березовымъ; но къ сторонѣ Охотскаго моря онѣ, напротивъ, или безлѣсны совсѣмъ, или покрыты мелкимъ хвойнымъ кустарникомъ, едва прикрывающимъ сырую, каменистую и мшистую почву.

Долина верхней *Зеи* и притока ея, Гилюя, представляетъ продолговатую отъ запада къ востоку котловину, изъ которой есть одинъ выходъ, на югъ, по узкой пади, имѣющей характеръ ущелья. Изрытая многочисленными рѣчками и лежащими промежду ихъ отрогами хребтовъ Становаго, Тукурангры и Джукду, она во многомъ напоминаетъ котловину верхняго Енисея на югѣ отъ Саянскихъ горъ, но съ тою разницею, что гораздо богаче ея лѣсами. По своему суровому климату, обусловленному положеніемъ подъ 55° широты, на вѣроятной высотѣ болѣе 1,200 футовъ надъ моремъ и вблизи самыхъ холодныхъ частей восточной Азіи, она едва ли когда станетъ густо населенною. Очень возможно впрочемъ, что здѣсь, не безъ выгоды для себя, водворятся поселенцы-охотники, которые мало-по-малу вытѣснятъ бродящихъ теперь въ ничтожномъ числѣ тунгузовъ и якутовъ.

Рѣка *Бурея*, сосѣдняя Зеѣ, почти не имѣетъ долины, потому что ложе ея, за исключеніемъ низовья, стѣснено по большей части горами. За то лежащая далѣе къ западу Амгунь орошаетъ нѣсколько широкихъ равнинъ, гдѣ есть уже постоянное, хотя небольшое населеніе самагровъ. Главныя изъ этихъ равнинъ лежатъ по среднему теченію рѣки, на высотѣ озера Чукчагира, — котораго стокъ, рѣка Ольджика, впадаетъ въ Амгунь, — а потомъ близъ устья самой Амгуни. Послѣдняя низменность, сливающаяся на сѣверѣ съ долиною озеръ

Чля и Орель, представляетъ обширную болотистую равнину, частію поросшую лѣсомъ, частію травянистую, но вообще мало удобную для заселенія, развѣ только рыболовами и охотниками, къ которымъ и принадлежатъ мѣстные самагры и нагидальцы.

Долина Усури, между устьями Сунгачи и Амуромъ, есть одна изъ лучшихъ частей русской Азіи. Несмотря на то, что горы праваго берега нерѣдко подходятъ къ самому руслу рѣки, вдоль ея, безъ большаго труда, можетъ быть проложена хорошая колесная дорога, чего, напримѣръ, нельзя достигнуть безъ значительныхъ издержекъ на верхнемъ Амурѣ или въ Хинганѣ. Главнѣйшіе береговые увалы, которые потребуютъ объѣздовъ или вырѣзки дороги въ косогорахъ, лежатъ у Цифаку, ниже Бикини, между Норомъ и Симомъ и, наконецъ, между станицею Невельскою и Хабаровкой. Вся остальная часть долины, вѣроятно, со временемъ заселится сплошь, разумѣется за исключеніемъ мѣстъ очень низкихъ, которыя по временамъ заливаются прибылью водъ Усури. Эта прибыль водъ, дважды въ году, въ апрѣлѣ и въ іюлѣ, бываетъ весьма значительна, напримѣръ 18 и 20 футовъ, а потому въ природѣ усурійской долины есть одна особенность, которая сближаетъ ее. съ нижнесунгарійскою низменностью: именно, всѣ плоскія мѣста покрыты травою и частью болотами или даже озерцами, какъ всѣ возвышенности лѣсами. Почва здѣсь представляетъ мѣстами черноземъ, а мѣстами илъ и песокъ. Къ усурійской долинѣ примыкаютъ съ востока выходящія на нее долины рѣкъ Ситуху, Кубархани, Нимани, Бикини, Хоро и Кія; но долины эти, какъ и мѣстность по правымъ притокамъ нижняго Амура, Дондону и Хунгари, мало извѣстны и представляютъ, по большей части, лѣсныя, луговыя и болотистыя пустыни.

Сводя изложенныя топографическія подробности объ Амурскомъ краѣ къ однимъ общимъ результатамъ, мы видимъ, что въ странѣ этой на 11,320 квадратныхъ миль общаго протяженія, есть не менѣе 4,000 квадратныхъ миль низменностей или равнинъ. Встрѣчающіяся горы нигдѣ не достигаютъ такой высоты, чтобы онѣ могли служить важнымъ препятствіемъ къ сообщенію между различными частями страны, хотя устройство колесныхъ путей потребуетъ немалыхъ трудовъ и издержекъ Притомъ многоводныя рѣки значительно облегчаютъ сношенія и дѣлаютъ ихъ дешевыми, въ противоположность тому, что мы видимъ, напримѣръ, въ оренбургскихъ и туркестанскихъ степяхъ, гдѣ приходится прибѣгать къ перевозкѣ всѣхъ тяжестей на верблюдахъ. Почва страны всюду про-

изводительна и не только не представляетъ нигдѣ голыхъ степей, песчаныхъ или каменистыхъ, но покрыта сочной растительностью, въ особенности лѣсами. Эти послѣдніе, безъ сомнѣнія, занимаютъ двѣ трети всего пространства Амурскаго края, и если гдѣ разрѣжены, то лишь въ сосѣдствѣ Айгуна и Благовѣщенска. Рѣки Амуръ, Зея, Бурея, Кимнинъ, Куръ, Гыринъ, Амгунь, Хунгари, Усури, Бикинъ, Нимань и множество другихъ не только образуютъ готовые естественные пути для колонизаціи, но представляютъ и обильный источникъ для рыболовства. Словомъ, естественныя свойства Амурской страны таковы, что ее можно было бы, въ числѣ русскихъ владѣній, поставить на первомъ мѣстѣ послѣ Кавказа; но тутъ является огромная разница въ климатическихъ условіяхъ и существенно измѣняетъ дѣло, къ невыгодѣ амурской окраины предъ кавказскою.

Климатъ и естественныя произведенія.

Первые путешественники по Амуру, плававшіе, въ 1854—1860 годахъ, почти исключительно лѣтомъ, когда естественно подъ широтами 47—53° бываетъ тепло, были весьма склонны хвалить амурскій климатъ и приравнивать его къ климату не только средней Россіи, но даже лучшихъ частей Малороссіи, именно губерній Подольской и Кіевской. Пышная древесная зелень, клены, вязы, дубы, пробковыя деревья, дикія яблони, жасмины и наконецъ виноградъ внушали видомъ своимъ убѣжденіе, что Амурскій край, по условіямъ теплоты и влажности, не уступаетъ даже сѣверному Кавказу. Но правильныя метеорологическія наблюденія, хотя и за короткій періодъ, скоро разсѣяли это заблужденіе, и теперь мы знаемъ, что въ самомъ средоточіи русскихъ владѣній на Амурѣ, въ Благовѣщенскѣ, подъ 50° широты, средняя годовая температура—0°,2 Р., то есть почти та же, что въ Торнео и въ Усть-Сысольскѣ, которыхъ однѣ имена показываютъ, что тутъ сравненія возможны только съ сѣверной, а не съ средней и южной Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, сопоставляя выводы изъ наблюденій, мы увидимъ, что средняя годовая температура равна:

подъ 53° ш.,	въ	Николаевскѣ .	— 2°,1 Р.,	въ	Пензѣ .	+ 2°,5 Р.
› 51 ›	›	Нерчин. зав. (1,970 фут.).	— 3 ,2 ›	›	Саратовѣ	+ 4 ,7 ›
› 50 ›	›	Благовѣщенскѣ	— 0 ,2 ›	›	Кіевѣ. .	+ 5 ,5 ›
› 42 ›	›	Посьстѣ . .	+ 4 ,2 ›	›	Кутаисѣ .	+ 11 ,0 ›

Разница повсюду отъ $4^1/_2$ до $6^1/_2$ градусовъ не въ пользу Амура: по сравненію же съ западною Европою она достигаетъ 8 и 10°. Столь неутѣшительный выводъ однако не такъ вреденъ въ культурномъ отношеніи, какъ можно было бы думать съ перваго взгляда, именно потому, что Амурскій край, несмотря на свою близость къ Японскому морю, пользуется климатомъ вполнѣ континентальнымъ; т. е. при очень холодной зимѣ имѣетъ лѣто весьма умѣренное и даже теплое. Такимъ образомъ, обыкновенныя хлѣбныя и другія растенія, воздѣлываемыя въ соотвѣтственныхъ поясахъ европейской Россіи, съ успѣхомъ созрѣваютъ и здѣсь, несмотря на то, что Амуръ рѣдко вскрывается, особливо въ верхнихъ своихъ частяхъ, ранѣе 20 и 25 апрѣля стараго стиля, а замерзаетъ во второй половинѣ октября *). Въ Благовѣщенскѣ мы имѣемъ лѣто, т. е. время отъ начала мая по конецъ сентября, столь же теплое, какъ въ Пензѣ. А какъ дождей здѣсь выпадаетъ больше, чѣмъ въ юго-восточной Россіи, то понятно, что и урожаи хлѣбовъ могутъ быть очень обильны, тѣмъ болѣе, что почва, въ большей части нетронутая плугомъ въ теченіе вѣковъ и тысячелѣтій, хранитъ запасъ растительнаго перегноя, котораго достанетъ многимъ поколѣніямъ воздѣлывателей амурской страны. Только мѣстности по низовьямъ рѣки, съ ихъ сырой и свѣжей погодой въ теченіе лѣта, не обѣщаютъ большой земледѣльческой будущности.

Холодныя зимы, во время которыхъ, напримѣръ въ Благовѣщенскѣ, январь имѣетъ среднюю температуру —20°,4 Р., а Николаевскъ—19° Р., сопровождаются вездѣ на Амурѣ глубокими снѣгами. Въ Николаевскѣ снѣга достигаютъ трехъ и даже четырехъ аршинъ: на верхнемъ Амурѣ меньше, но все же и тутъ сугробы бываютъ очень велики, особенно въ оврагахъ, у опушекъ лѣсовъ и проч. Эти скопленія снѣга растаиваютъ потомъ очень медленно и тѣмъ поддерживаютъ высокій уровень водъ въ Амурѣ, и въ притокахъ его до конца мая и даже до половины іюня. Особенно лѣвые, т. е. сѣверные данники великой рѣки, Зея, Бурея, Амгунь и др., начинающіеся въ довольно высокихъ горахъ, долго питаются этою весеннею прибылью водъ, и, напримѣръ у Благовѣщенска, Зея бываетъ въ полномъ разливѣ еще 5-го и 10-го іюня.

Лѣтомъ, въ наиболѣе теплое время, т. е. въ іюлѣ, вся амурская страна подвергается обильнымъ дождямъ, вслѣдствіе которыхъ рѣки

*) Рѣка Нева въ Петербургѣ вскрывается, среднимъ числомъ, 9-го апрѣля, замерзаетъ 8-го ноября.

имѣютъ вторичный разливъ, иногда, какъ на Усури, болѣе высокій, чѣмъ весною. Быстрота прибыли водъ въ это время бываетъ иногда изумительна, конечно, благодаря гористому положенію мѣстности по верховьямъ рѣкъ. Такъ, въ 1855 году, наши суда у Цагаяна въ одну ночь замѣтили прибыль воды въ Амурѣ на 17 футовъ. Это обиліе дождей среди лѣта, къ сожалѣнію, не было довольно оцѣнено нашими первыми поселенцами и подвергало ихъ неоднократнымъ неурожаямъ, особенно на Усури, въ низменной долинѣ которой посѣвы уничтожались разливами. Потому здѣсь не излишне замѣтить, что времена посѣвовъ, сѣнокоса и жатвы представляютъ на Амурѣ особенности, не встрѣчающіяся болѣе нигдѣ, не только въ Сибири, но и вообще въ Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ частей Кавказа и Туркестана. Именно, здѣсь необходимо сѣнокосъ кончать до Петрова дня; недостатокъ же сѣна пополнять осенью. Посѣвы должны быть соображены въ каждой мѣстности такъ, чтобы время жатвы не падало на дождливый періодъ. При соблюденіи этихъ условій, нѣтъ почти вѣроятности плохихъ урожаевъ, по крайней мѣрѣ на всемъ среднемъ Амурѣ и на Усури.

Для земледѣльцевъ, рыболововъ и судоплавателей важно имѣть въ виду еще одну особенность амурскаго климата. Хотя въ странѣ нѣтъ муссоновъ, тѣмъ не менѣе господствующіе вдоль Амура вѣтры суть *низовые весною* и *верховые осенью*. Одновременно съ ними, конечно, совершаются и другія перемѣны въ атмосферѣ, по отношенію къ теплотѣ и влажности, перемѣны, не довольно еще изслѣдованныя; но, во всякомъ случаѣ, онѣ немаловажны для земледѣлія и вообще для сельскаго хозяйства. Владѣльцы парусныхъ и гребныхъ судовъ, отчасти даже пароходовъ, должны были бы особенно заботиться объ изученіи этихъ періодическихъ вѣтровъ, такъ какъ они имѣютъ несомнѣнное вліяніе на судоходство. Нерѣдко плоскодонныя барки, плоты и мелкія лодки не могутъ отчаливать отъ пристани, пока противный вѣтеръ, особенно низовой, не прекратится, ибо разводимое имъ волненіе бываетъ очень велико. На среднемъ и нижнемъ Амурѣ, во время внезапно налетающихъ шкваловъ, даже пароходы нерѣдко отстаиваютъ на якорѣ, пока шквалъ пройдетъ. Опасность бываетъ особенно велика, если дурная погода начнется ночью, когда для плотовъ и барокъ почти нѣтъ спасенія. Опытные плаватели узнаютъ приближеніе такихъ бурь, даже безъ барометра, по особаго рода хмурости неба въ той или другой его части. Верховые вѣтры осенью сильно препятствуютъ подъему вверхъ по Амуру на парусахъ.

Климатъ амурской страны, умѣренно-холодный и влажный, вмѣстѣ съ конфигураціею почвы, обусловливаетъ и всю производительность послѣдней. Уже изъ разсматриванія карты не трудно предвидѣть: 1) что наиболѣе влажныя части страны суть ближайшія къ Японскому морю, гдѣ рѣки должны быть особенно многоводны, разливы ихъ велики и лѣто менѣе жарко, чѣмъ внутри страны; 2) что Амурская область, удаленная отъ моря, должна обладать болѣе континентальнымъ климатомъ, чѣмъ Приморская. Это такъ и есть, съ придачею того, что на характеръ растительности имѣютъ еще вліяніе положенія отдѣльныхъ мѣстностей надъ уровнемъ моря и защита ихъ хребтами отъ тѣхъ или другихъ вѣтровъ. Такимъ образомъ вообще нижній Амуръ и Усурійскій край богаче лѣсами, чѣмъ средне-амурскія низменности, и притомъ по Усури лиственныя породы преобладаютъ надъ хвойными. Напротивъ, на верхнемъ Амурѣ сначала идутъ однѣ хвойныя деревья, а лиственныя начинаютъ къ нимъ примѣшиваться только съ выходомъ рѣки изъ большаго Хингана, выше Албазина, и преобладаніе получаютъ не раньше, какъ послѣ прорыва отроговъ хребта Илъ-ури-алиня, у извилины улусомодонской. Равнины средне-амурскія и при-усурійскія нерѣдко вовсе лишены лѣсовъ, потому что разливы рѣкъ уносятъ или разрушаютъ сѣмена и ростки деревьевъ.

Огромное вліяніе лѣсовъ на колонизацію края и вообще на всю его экономическую будущность требуетъ особеннаго обстоятельнаго обзора какъ состава, такъ и протяженія ихъ. Къ сожалѣнію, въ послѣднемъ смыслѣ знанія наши совершенно ничтожны, такъ какъ Амурская и Приморская области имѣютъ съемки только вдоль большихъ рѣкъ, внутренность же края продолжаетъ быть почти неизвѣданной. Поэтому здѣсь остается перечислить главнѣйшія древесныя породы, встрѣчаемыя въ странѣ, особенно же тѣ, которыя годны на постройки или приносятъ плоды. Значительная часть этихъ деревьевъ вовсе не встрѣчается въ Сибири, т. е. между Ураломъ и Большимъ Хинганомъ, а потому тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія.

Изъ *хвойныхъ* породъ первое мѣсто занимаетъ лиственница, которая почти сплошь покрываетъ при-амурскія развѣтвленія Большаго Хингана, широкую полосу вдоль Становаго хребта и всѣ горы на низовьяхъ Амура. Во многихъ другихъ мѣстахъ Прімурья и Усурійскаго края это мощное дерево встрѣчается по горамъ, имѣющимъ влажную почву. Оно можетъ доставить богатый матеріялъ для мостовъ, свай, нижнихъ вѣнцовъ зданій, а также для кораблей,

потому что смолистая его древесина лучше всякой другой противится гніенію. Сплавъ по рѣкамъ и лежаніе въ водѣ нисколько не вредитъ лиственницѣ.

Сосна составляетъ достояніе верхняго Амура, отъ Стрѣлки до Малаго Хингана, въ которомъ еще изобильна по вершинамъ горныхъ кряжей. На среднемъ же Амурѣ, въ Усурійскомъ краѣ, и особенно ниже сліянія Усури и Амура, она очень рѣдка. Это покамѣсть употребительнѣйшій строевой матеріалъ въ нашихъ при-амурскихъ селеніяхъ, но уже отчасти истребленный вдоль самой рѣки.

Ель и пихта имѣютъ болѣе широкое распространеніе, чѣмъ сосна, и притомъ такъ, что одна порода ели (A. obovata) свойственна горнымъ хребтамъ, а другая (A. ajanensis) смѣняетъ ее въ средне-амурскихъ низменностяхъ, нигдѣ, впрочемъ, не образуя отдѣльныхъ лѣсовъ, а будучи перемѣшаны съ другими деревьями. Исключеніе изъ послѣдняго правила составляютъ развѣ нѣкоторыя мѣста по хребту Сихота-алиню, гдѣ пихтовыя и еловыя деревья иногда являютъ сплошные лѣсные острова, впрочемъ небольшаго объема.

Кедръ — самое великолѣпное по росту хвойное дерево Амурскаго края, нерѣдко высящееся на подобіе пальмъ надъ тропическими лѣсами, свойственно какъ Большому Хингану, Становому хребту и Малому Хингану, такъ и Сихота-алиню. Обиліе орѣховъ на немъ служитъ, какъ извѣстно, залогомъ обилія бѣлокъ, этого главнаго предмета сибирскаго звѣроловства, и въ этомъ случаѣ амурскій кедръ (P. mandshurica) превосходитъ забайкальскую породу, такъ какъ его шишки очень велики. На постройки онъ употребляется рѣдко.

Въ суммѣ пять названныхъ деревьевъ, а также родственныя имъ кедровый сланецъ, можжевельникъ, тисъ и проч., составляютъ по крайней мѣрѣ половину амурскихъ лѣсовъ, если не болѣе. Пользованіе ими, очевидно, могло бы быть очень выгодно, если бы устроить правильные лѣсопильные заводы, смолокурни и проч. Къ сожалѣнію, этого ничего нѣтъ, и множество превосходнѣйшихъ деревьевъ или сгниваетъ на корню, или сгараетъ при лѣсныхъ пожарахъ, которые нерѣдки при пускаемыхъ осенью и весной палахъ.

Изъ лиственныхъ породъ замѣтимъ: березу бѣлую и черную, дубъ, вязъ, ясень, орѣховое и пробковое деревья, липу, кленъ, яблони, груши, амурскую акацію, лещину, верботалъ, осину, осокорь, черемуху, шиповникъ, жимолость, сирень, бузину, смородину

и множество другихъ видовъ, свойственныхъ Европѣ и Кавказу, но иногда вовсе неизвѣстныхъ въ Азіятской Россіи. Деревья и кустарники распредѣляются по Амурскому краю слѣдующимъ образомъ:

Бѣлая береза есть достояніе сѣверной половины страны, особенно зейской и нижне-буреинской низменностей; на юго-востокѣ же отъ Малаго Хингана и по Усури она смѣняется черною или маньчжурскою березою, раскидистымъ деревомъ, съ прямымъ, но короткимъ стволомъ, нерѣдко притомъ дуплистымъ. Для мелкихъ подѣлокъ обѣ породы очень удобны, а бѣлая береза, сверхъ того, доставляетъ матеріялъ туземцамъ для ихъ оморочъ, т. е. легкихъ переносныхъ лодочекъ, также для шалашей или юртъ.

Дубъ, не встрѣчаемый во всей Сибири, появляется впервые на Амурѣ тотчасъ за выходомъ его изъ Большаго Хингана, но сначала лишь въ видѣ кустарника; большимъ же деревомъ становится на югѣ отъ Илъ-ури-алиня и особенно въ Маломъ Хинганѣ, по нижнему Амуру до Кизи и въ Усурійскомъ краѣ. Всюду онъ уступаетъ ростомъ европейскому дубу, и притомъ нерѣдко дуплистъ, а потому негоденъ, напримѣръ, на килевые брусья у кораблей, хотя весьма хорошъ на другія части судовъ и зданій, требующія особенной прочности. Онъ держится по низменностямъ, но особенно по слабымъ покатостямъ и невысокимъ уваламъ, свойственнымъ среднему теченію Амура и Усури.

Въ кораблестроительномъ дѣлѣ его съ успѣхомъ можетъ замѣнить во многихъ случаяхъ вязъ. Это крѣпкое дерево — котораго на Амурѣ есть три породы — нерѣдко достигаетъ 7—8 саженъ вышины, при толщинѣ до аршина въ діаметрѣ и при совершенной прямизнѣ ствола. Оно водится по всѣмъ лѣсамъ средне-амурской низменности и Усурійскаго края.

Ясень встрѣчается тамъ же и нерѣдко бываетъ колоссальныхъ размѣровъ, напримѣръ до полутора саженъ въ обхватѣ. Особенно изобиленъ онъ въ Усурійскомъ краѣ.

Орѣховое дерево (Juglans mandshurica) есть украшеніе лѣсовъ, особенно въ южной половинѣ Усурійскаго края, гдѣ оно достигаетъ 9—10 саженъ высоты, при толщинѣ до аршина и при необыкновенной прямоствольности. Оно даетъ въ здѣшнемъ, слишкомъ влажномъ, климатѣ мало плодовъ, но взамѣнъ того отличается крѣпкою древесиною и можетъ служить не только для мебели, но и для внутреннихъ работъ на большихъ корабляхъ, для устройства перегородокъ, даже капитальныхъ (лишь бы неналуж-

ныхъ) стѣнъ въ домахъ, и могло бы быть предметомъ вывоза за границу, если бы основать правильную его распилку и сушку. За исключеніемъ Кавказа, орѣховое дерево, какъ извѣстно, не встрѣчается болѣе нигдѣ во всей Россійской Имперіи.

Пробковое дерево (Phellodendron Amurense) неизвѣстно даже на Кавказскомъ перешейкѣ, а потому составляетъ исключительную особенность Амурскаго края и преимущественно средняго Амура и Усури. Это также высокое, прямоствольное дерево съ густою верхушкою, имѣющее нерѣдко до двухъ футовъ въ діаметрѣ и 7—8 саженъ вышины. Съ уменьшеніемъ запасовъ испанскаго пробковаго дуба и съ возрастаніемъ въ цѣломъ свѣтѣ потребности на пробки, оно также можетъ доставить выгодную статью международнаго торга.

Кленъ, нѣсколькихъ видовъ, разсѣянъ по всѣмъ лѣсамъ средняго Амура и Усури, и можетъ давать превосходный матеріалъ для издѣлій не только малаго, но и большаго размѣра, такъ какъ встрѣчаются деревья въ семь саженъ вышины при соотвѣтственной толщинѣ. Тоже и липа, которая притомъ имѣетъ очень широкую область распространенія, по всему Амуру отъ Албазина до Софійска, а также по Усури. Оба вида ея, находимые въ краѣ, принадлежатъ къ самымъ мощнымъ деревьямъ, вышиной отъ 8 до 9 саженъ и толщиной до трехъ футовъ. Вмѣстѣ съ кленомъ она можетъ доставлять превосходный матеріалъ для лучшихъ сортовъ деревянной посуды и другой утвари, нужной въ домашнемъ хозяйствѣ.

Перечислять и описывать прочія деревья амурскихъ лѣсовъ: мѣстную акацію (маакію) черемуху, разнообразныя ивы, яблони, грушу, лѣсной орѣшникъ, сирень и т. д. всего болѣе *ста* породъ было бы здѣсь неумѣстно; но нельзя не замѣтить, что въ числѣ этихъ древесныхъ породъ встрѣчается и виноградная лоза, которая особенно изобильна на Маломъ Хинганѣ и въ окрестностяхъ его. Въ виду того, что она и въ дикомъ состояніи приноситъ обильные плоды, и что склоны Хингана, Хехцыра и другихъ приусурійскихъ горъ, особенно южные, представляютъ всѣ условія для правильнаго воспитанія винограда, можно думать, что разведеніе его въ этихъ мѣстахъ сдѣлаетъ успѣхи, какъ только въ составѣ русскаго населенія Амура появятся люди, знакомые съ дѣломъ. Очень возможно, что Амурскій край будетъ имѣть и свое вино, хотя бы въ родѣ тѣхъ простыхъ сортовъ, которые производятъ Швейцарія и которые доставляютъ мѣстнымъ жителямъ здоровый напи-

токъ взамѣнъ хлѣбнаго спирта, этого опіума европейскихъ народовъ, каждый пріемъ котораго, по выраженію Либиха, есть выдача векселя на часть собственной жизни.

Многочисленныя травянистыя растенія Амурскаго края еще не на столько извѣстны, чтобы можно было сдѣлать окончательные выводы о характерѣ мѣстной флоры и о ея сходствахъ и отличіяхъ отъ растительности сосѣднихъ странъ. Но уже и то, что дознано, позволяетъ сказать, что, во-первыхъ, флора эта рѣзко отличается отъ сибирской; во-вторыхъ, имѣетъ много сходства съ сѣверо-японскою, сѣверо-китайскою и даже съ флорою сѣверныхъ приатлантическихъ штатовъ Америки *). Кромѣ того, особенностью ея является нахожденіе, среди массы растеній умѣренно-холоднаго пояса, многихъ такихъ, которые свойственны только теплымъ странамъ, какъ орхидей (14 видовъ), нелюмбій и пр. Высота и сочность амурскихъ и особенно усурійскихъ травъ, по справедливости, не имѣютъ ничего подобнаго въ европейской Россіи: луговыя травы въ ростъ человѣка составляютъ явленіе не только обыкновенное, но постоянное. Вслѣдствіе этого, сборъ мелкаго сѣна долженъ производиться задолго до созрѣванія растеній, чтобы не затруднять косьбы; осенью же становятся почти необходимыми либо второй сѣнокосъ, либо палъ, чтобы на слѣдующую весну имѣть почву покрытую свѣжей травой. Гніеніе травъ, нерѣдко смачиваемыхъ притомъ дождями, служитъ причиною образованія чернозема, который во многихъ мѣстахъ средняго Амура и Усури имѣетъ толщину до аршина и болѣе, и благодаря которому, въ сосѣдствѣ напримѣръ Малаго Хингана, урожаи хлѣбовъ бываютъ самъ 20 и больше. Замѣтимъ, что въ числѣ дикорастущихъ травянистыхъ растеній Амурскаго края есть не мало лекарственныхъ, между прочимъ знаменитый жень-шень, китайское универсальное средство, находимое по Усури до $47^1/_2{}^0$ широты. Культурную же травяную флору составляютъ: а) по верхнему Амуру до Кумары, рожь, ячмень, овесъ, греча, картофель, капуста, огурцы, морковь, рѣдька и т. п.; б) по среднему, до Гырина, и въ Усурійскомъ краѣ, кромѣ поименованныхъ сейчасъ, пшеница, просо, сорго, горохъ, бобы, конопля (особенно высокая), макъ, табакъ и, мѣстами, кукуруза и тыквы, но не арбузы и дыни, воздѣлываніе которыхъ

*) Изъ 846 видовъ амурской флоры, описанныхъ и принадлежащихъ только къ 117 семействамъ, Ригель насчитываетъ болѣе 150 находимыхъ въ сѣверной Америкѣ и около 240 растущихъ въ Китаѣ.

если и началось, то лишь въ сосѣдствѣ Ханкая. На нижнемъ Амурѣ, особенно сѣвернѣе Маріинска, культурная флора ограничивается почти только огородными овощами и въ небольшомъ количествѣ овсомъ, рожью и ячменемъ.

Разнообразныя растительныя богатства Амурскаго края, здѣсь вкратцѣ описанныя, дѣлаютъ его, конечно, самою дорогою частью русско-азіятскихъ владѣній, независимо даже отъ положенія близъ Японскаго моря и въ сосѣдствѣ съ Маньчжуріей. Не только степныя пространства въ Туркестанѣ, въ Оренбургскомъ краѣ и въ Западной Сибири, но самый Алтай и южныя части губерній Енисейской, Иркутской и Забайкалья, должны, безъ сомнѣнія, уступить первое мѣсто Амуру по производительности почвы и, слѣдовательно, по запасу тѣхъ средствъ, которыя для человѣка всегда будутъ основою благоденствія. Но, кромѣ пышной растительности, Амурскій край владѣетъ множествомъ другихъ естественныхъ богатствъ, по царствамъ минеральному и животному. Фауна его не менѣе многочисленна и разнообразна, какъ флора. При настоящемъ состояніи края, особеннаго вниманія, съ экономической точки зрѣнія, заслуживаютъ дикіе звѣри, которые даютъ дорогіе мѣха, а затѣмъ разнообразные сорты рыбъ. Общее число млекопитающихся, доселѣ найденныхъ въ странѣ, простирается до 50. Между ними вовсе нѣтъ четырерукихъ, двуутробныхъ, беззубыхъ и, разумѣется, китовидныхъ, но очень многочисленны грызуны, пережевающія и хищныя. Изъ первыхъ назовемъ здѣсь бѣлку, водящуюся всюду на верхнемъ и нижнемъ Амурѣ, по Становому хребту и Сихоталиню, гдѣ только есть кедровые лѣса. Она обыкновенно темносѣрой породы, и потому считается въ торговлѣ лучшею послѣ удской и олекминской, такъ что цѣна ей на мѣстѣ отъ 12 до 17 копѣекъ за шкурку. Весьма многочисленны также крысы и мыши, которыя заставляютъ туземцевъ строить амбары для храненія съѣстнаго на высокихъ столбахъ. Зайцы-бѣляки суть также представители грызуновъ, служащіе, впрочемъ, не столько охотою, сколько пищею для лисицъ и другихъ хищниковъ. Между хищными заслуживаютъ вниманія: медвѣди двухъ породъ, большой бурый и малый черный, или тибетскій — послѣдній исключительно въ Усурійскомъ краѣ; барсуки, россомахи, на верхнемъ Амурѣ; соболи повсемѣстно, но главнымъ образомъ по нижнему Амуру и въ сѣверной половинѣ Усурійскаго края, доставляющіе ежегодно отъ 22 до 25,000 шкуръ; лисицы, красная и черно-бурая, послѣдняя на нижнемъ Амурѣ; волки повсемѣстно; колонки и горностаи; рѣч-

ныя выдры, особенно по правымъ притокамъ нижняго Аму и Усури; рыси и, наконецъ, большія кошки, барсъ и тигръ. Послѣдніе здѣсь находятъ свой сѣверо-западный предѣлъ на азіятскомъ материкѣ и встрѣчаются, главнымъ образомъ, по Усури; на Амурѣ же только отъ Мало-Хинганскаго хребта до устья рѣки Гырина. Они питаются какъ дикими, такъ и домашними животными, и потому нерѣдко держатся вблизи человѣческихъ жилищъ, внушая справедливыя опасенія и принося серьезный вредъ. Къ болѣе мирнымъ обитателямъ амурскихъ лѣсовъ принадлежатъ: олень, лось, косуля и кабарга, представители жвачныхъ, въ которымъ принадлежатъ и домашнія коровы и овцы. Косули особенно многочисленны на среднемъ Амурѣ и Усури, гдѣ составляютъ предметъ охоты, а олени держатся главнымъ образомъ по верховьямъ Амура и у Становаго хребта. Въ Мало-Хинганскихъ горахъ и по окрестнымъ равнинамъ довольно многочисленны кабаны; домашнія же свиньи содержатся въ большомъ числѣ китайцами и отчасти русскими. Китайцы, кромѣ того, въ хозяйствѣ употребляютъ ословъ и муловъ, не ограничиваясь, подобно русскимъ, для перевозки тяжестей однѣми лошадьми Коневодство на Амурѣ, особенно же на Усури, вообще незначительно.

Обиліе птицъ, 211 породъ, весьма естественно въ краѣ, богатомъ лѣсами, болотами и озерами; но до настоящаго времени, въ культурномъ отношеніи, онѣ имѣютъ мало значенія за исключеніемъ конечно, домашнихъ и тѣхъ немногихъ породъ дикихъ, которыя служатъ предметомъ охоты, именно утокъ, гусей, рябчиковъ, тетеревовъ и отчасти фазановъ. У китайскаго населенія, близъ устья Зеи, особенно многочисленны домашніе гуси и утки; русскіе же, главнымъ образомъ, держатъ у себя куръ и тоже гусей. Лебеди— рѣдкость, и пухъ ихъ, какъ и вообще пухъ и перья мѣстныхъ птицъ, доселѣ не служитъ предметомъ торговли, хотя и могъ бы составлять выгодную ея статью. Взамѣнъ этого пренебреженія къ пернатому населенію своихъ луговъ и лѣсовъ, приамурскіе жители обращаютъ особенное вниманіе на рыбъ, которыхъ Амуръ и его притоки содержатъ нѣсколько десятковъ породъ. Нижній Амуръ особенно знаменитъ осетрами, бѣлугой, горбушей, кэтой и сазанами; на среднемъ, вмѣстѣ съ ними, ловятся стерляди, сомы и разныя мелкія породы. Но особымъ богатствомъ и разнообразіемъ рыбъ отличается усурійскій бассейнъ. «Усури, съ своими притоками и озерами, говоритъ Маакъ, представляетъ такое изобиліе рыбы, какое бываетъ только въ немногихъ водахъ. Не говоря уже о без-

численномъ множествѣ кэты, заходящей сюда ежегодно изъ океана, воды эти необыкновенно богаты и такой рыбой, которая живетъ въ нихъ круглый годъ. При плаваніи нашемъ по Усури, мы часто бывали очевидцами, какъ рабочіе, ходя въ бродъ чрезъ каналы, которыми рѣка соединяется съ сосѣдними озерами, налавливали въ нѣсколько минутъ 30—40 большихъ рыбъ *руками.* Но изумительнѣе всего было изобиліе рыбы при истокѣ Сунгачи изъ озера Ханкая, гдѣ, въ первой половинѣ августа, солдаты ловили ее, за неимѣніемъ сѣтей, просто мѣшками, и гдѣ она безпрестанными всплесками производила шумъ.» Рыба, дѣйствительно, составляетъ главную пищу амурскихъ туземцевъ, которые ловятъ ее то острогой, то желѣзными крючьями безъ приманки, то, въ рѣдкихъ случаяхъ, сѣтями. Русскіе ввели на Амурѣ верши и невода и, конечно, не могутъ жаловаться на недостатокъ улова, особенно по низовьямъ этой рѣки и по Усури. Гольды и другіе туземцы дѣлаютъ большіе запасы рыбы на зиму, и какъ соль у нихъ дорога, то они пойманную лѣтомъ рыбу пластаютъ и вялютъ на солнцѣ, а потомъ складываютъ въ амбары. Для собакъ тѣ же туземцы приготовляютъ множество юкколы, т. е. рыбы квашеной или также вяленой, но изъ мелкихъ породъ.

При обиліи рыбы, мѣстныя амфибіи, черепахи, не составляютъ предмета промысла для амурскихъ жителей, да и встрѣчаются онѣ только на среднемъ Амурѣ, отъ Сунгари до Усури, и потомъ по этой послѣдней рѣкѣ, гдѣ особенно многочисленны. Другія пресмыкающіяся, змѣи, лягушки и ящерицы, и того менѣе обращаютъ на себя вниманіе амурскаго населенія, особенно въ виду того, что изъ нихъ только гадюка, водящаяся на Усури, ядовита. Змѣи, впрочемъ, довольно многочисленны въ Мало-Хинганскомъ хребтѣ и потомъ вдоль Усури.

Насѣкомыя и другія низшія животныя доселѣ не имѣютъ никакого культурнаго значенія на Амурѣ, если исключить разведеніе пчелъ нѣкоторыми крестьянами вблизи Благовѣщенска и въ другихъ мѣстностяхъ. За то въ дикомъ состояніи нѣкоторыя изъ насѣкомыхъ, именно комары и слѣпни, являются истиннымъ бичомъ какъ самаго населенія, такъ и принадлежащихъ ему домашнихъ животныхъ. Всѣ приамурскіе земледѣльцы, отправляясь лѣтомъ изъ дому на сѣнокосъ, на рыбную ловлю или въ лѣсъ, вынуждены надѣвать сѣтки отъ слѣпней и мошки днемъ, отъ комаровъ вечеромъ. Эти насѣкомыя служатъ важною причиною изнуренія рабочаго скота въ пору, повидимому, самыхъ лучшихъ кормовъ, и

нерѣдки случаи, что они своими непрерывными ужаленіями причиняютъ смерть лошадямъ и другому скоту. Китайцы, взамѣнъ сѣтокъ, употребляютъ противъ нихъ куреніе трутомъ, который прикрѣпляютъ около лба на проволокѣ, охватывающей голову; но это средство очень несовершенно, потому что спасаетъ отъ комаровъ и мошки только лицо, а не шею и руки, обыкновенно искусываемыя у рабочаго народа до самаго конца августа.

Органическая природа амурскаго края была предметомъ весьма обширныхъ ученыхъ трудовъ Шренка, Максимовича, Маака, Радде, Герстфельда, Будищева, Петровича и другихъ. Она поэтому вообще извѣстна теперь съ достаточною подробностію. Но въ дѣлѣ изученія неорганической мы ушли еще весьма недалеко, и не только по отношенію къ геологіи, но даже просто по вопросамъ о петрографическихъ свойствахъ горныхъ породъ и о содержимыхъ ими рудныхъ богатствахъ. Выше уже было упомянуто о неудовлетворительности геологической карты Шмидта, которая даетъ только смутныя свѣдѣнія о распространеніи трехъ-четырехъ формацій и совершенно почти игнорируетъ химическій ихъ составъ. Петрографическія карты Маака и Пермыкина отчасти пополняютъ этотъ недостатокъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ собственно-амурской долинѣ; но онѣ слишкомъ поверхностны, чтобы по нимъ можно было сдѣлать какіе-либо выводы о геогностическомъ строеніи даже однихъ береговъ Амура. А потому все, что можно замѣтить въ настоящемъ случаѣ, это обширное распространеніе въ краѣ палеозойскихъ образованій и такъ называемыхъ плутоническихъ породъ, т. е. сланцевъ глинистаго, слюдянаго и хлористоваго, гранитовъ, порфировъ, сіенита и афанита. Но это широкое развитіе древнихъ формацій не исключаетъ и новѣйшихъ породъ, отъ базальтовъ и лавъ до наносовъ песка, ила и глины. Вотъ самыя общія свѣдѣнія о ихъ распространеніи собственно въ долинахъ Амура и Усури. Древнія кристаллическія и сланцеватыя породы встрѣчаются при прорывѣ Амуромъ Большаго Хингана, по обѣ стороны Амазара. Къ нимъ, на востокѣ, прилегаютъ обширныя наслоенія конгломератовъ и песчаниковъ, тянущихся до станицы Кузнецовой. Въ этихъ формаціяхъ, на сѣверѣ отъ Амура, найдены золотоносныя розсыпи. Затѣмъ сланцы развиты около извилины Улусомодонской, въ увалахъ праваго берега Амура, выше Благовѣщенска, въ Маломъ Хинганѣ, въ увалахъ праваго же берега между Сунгари и Усури, въ Хехцырѣ, въ горныхъ хребтахъ между Дондономъ и Хунгари и ниже, до Гырвна, откуда начинается песчаникъ и потомъ афанитъ. Во

всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, кромѣ послѣдней, они прорваны гранитами и порфирами, а потому заставляютъ предполагать нахожденіе металлическихъ рудъ. На Усури древнія формаціи развиты, главнымъ образомъ, въ средней части ея теченія, отъ Имани до Сима, гдѣ впрочемъ, вѣроятно, есть и новѣйшія почвы, среди которыхъ находятся великолѣпные обломки окаменѣлыхъ деревьевъ. Новыя огненныя породы, т. е. базальты и лавы, несомнѣнно встрѣчаются въ хребтѣ Сихота-алинѣ, а затѣмъ по Амуру въ Чаятынскихъ горахъ, у Сахача, ниже Хехцыра, у станицы Буссевой и, главное, выше и ниже Кумары, т. е. въ системѣ Илъ-ури-алиня, гдѣ волканическая дѣятельность, повидимому, прекратилась лишь очень недавно, такъ какъ еще въ XVIII вѣкѣ случилось огненное изверженіе вблизи Мергеня, что, впрочемъ, много южнѣе Кумары. Обширное распространеніе имѣютъ на Амурѣ и Усури наносы изъ песку, ила и глины, которые образуютъ почву низменностей зее-буреинской, среднеамурской, сунгачанской и всѣхъ другихъ, вѣроятно еще въ недавнія геологическія эпохи бывшихъ дномъ прѣсноводныхъ озеръ, въ родѣ канадскихъ или олонецкихъ.

Рудныя богатства Амурскаго края едва начинаютъ разслѣдоваться. Самыя замѣчательныя изъ изслѣдованій произведены съ цѣлью отысканія золота и увѣнчались уже успѣхомъ: на одномъ верхнемъ Амурѣ, по рѣкамъ Ниверу, Ольдою, Урами и Бургали, а также по Джалиндѣ, принадлежащей къ системѣ Ура, притока Зеи, открыто до двадцати-трехъ пріисковъ, и изъ нихъ на двухъ производятся разработки, доставившія въ 1869 г. 101 пудъ золота. Другое минеральное богатство амурской страны, едва ли не менѣе важное для него чѣмъ золото, составляетъ желѣзо, отысканное въ Маломъ Хинганѣ, по рѣкѣ Самарѣ, въ 10 верстахъ отъ впаденія ея въ Амуръ у станицы Пузиновой. Красный желѣзнякъ здѣсь содержитъ до 70% желѣза. Тотъ же металлъ, безъ сомнѣнія, находится во многихъ горахъ праваго берега Усури, гдѣ рѣчки приносятъ иногда органическіе остатки, проникнутые желѣзомъ. У горы Уотзялъ, выше Хунгари, на правомъ берегу Амура, желѣзо составляетъ примѣсь мышьяка, который, сколько извѣстно, доселѣ не разработывается нигдѣ въ Россійской Имперіи, а тутъ находится въ изобиліи. Наконецъ весьма важно знать, что на Амурѣ во многихъ мѣстахъ встрѣчается каменный уголь, даже въ открытыхъ береговыхъ увалахъ. Такъ выше Зеи, мы находимъ его въ Цагаянѣ и близъ деревни Игнатьевой. Затѣмъ выше и ниже Буреи онъ встрѣчается въ песчаникахъ по правому берегу Амура, гдѣ наши

поселенцы ломаютъ и жерновой камень. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, впрочемъ, уголь принадлежитъ къ третичнымъ и юрскимъ, т. е. къ лигнитамъ, и потому, по крайней мѣрѣ вблизи выхода на поверхность земли, можетъ доставить лишь посредственный матеріялъ для топлива. Горная смола показывается въ береговыхъ утесахъ Амура, ниже Кумары; алебастръ и мраморъ найдены по Зеѣ, въ 250 верстахъ отъ устья ея, а обыкновенный известнякъ встрѣчается вблизи Кумары и Улусмодона, въ Маломъ Хинганѣ и пр. Около села Вятскаго, на нижнемъ Амурѣ, найдена хорошая горшечная глина, давшая уже возможность основать гончарный заводъ.

Средства сообщенія.

Разнообразіе естественныхъ произведеній въ разныхъ частяхъ Амурскаго края, также его сосѣдство съ Маньчжуріею и Японскимъ моремъ, придаютъ особую цѣну природнымъ сообщеніямъ по судоходнымъ рѣкамъ страны. Эти пути, безъ сомнѣнія, долго еще сохранятъ свое преобладающее значеніе надъ дорогами, которыхъ устройство и не легко въ иныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Большомъ и Маломъ Хинганѣ по гористому положенію, а на нижнемъ Амурѣ по многочисленности болотъ. Потому и скажемъ прежде всего о рѣчныхъ путяхъ. Главная и чрезвычайно важная, въ экономическомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, водяная линія есть самый Амуръ, съ притокомъ Усури и потомъ Сунгачею. Общая длина этого пути достигаетъ 2,400 верстъ и можетъ быть раздѣлена, по свойству рѣкъ, въ судоходномъ отношеніи, на слѣдующіе участки:

1) Отъ Усть-Стрѣлки до Благовѣщенска, 816 верстъ, гдѣ плаваніе удобно только для судовъ съ тремя футами осадки и довольно сильной машиной, ибо на пространствѣ отъ Албазина до ст. Черняевой, особливо же у ст. Бейтоновской, есть мѣста, гдѣ рѣка разбивается на протоки широкіе, но имѣющіе въ малую воду не болѣе четырехъ футовъ глубины. Впрочемъ, выше Албазина, до Стрѣлки могли бы ходить и большія суда; но ихъ очевидно не стоитъ имѣть, потому что и рѣки Аргунь и Шилка, по которымъ идетъ путь далѣе къ западу, въ Забайкалье, не отличаются глубиною. Изобиліе лѣсовъ, по крайней мѣрѣ между Стрѣлкой и Улусумодономъ, обезпечиваетъ, на всемъ этомъ участкѣ, легкую

добычу пароходами топлива, которое и продается отъ 2 р. до 2 р. 50 к. за сажень дровъ.

2) Отъ Благовѣщенска до Хабаровки, 950 верстъ, на которыхъ Амуръ, за исключеніемъ 150 верстъ въ Маломъ Хинганѣ, течетъ по луговымъ степямъ, размывая мягкіе свои берега, и потому отъ времени до времени перемѣняя русло. Плаваніе здѣсь очень удобно для всѣхъ судовъ съ осадкою восьми футовъ и менѣе; теченіе рѣки тихое, и только въ Маломъ Хинганѣ достигаетъ семи узловъ въ часъ, при огромной глубинѣ рѣки, отъ 40—48 футовъ. Такъ какъ на этомъ тысячеверстномъ пространствѣ сосредоточена главная часть приамурскаго населенія русскаго и китайскаго, то, конечно, здѣсь и удобства для навигаціи, а также число пассажировъ и грузовъ, больше чѣмъ гдѣ либо на Амурѣ; но дрова обходятся дороже, а каменный уголь на пароходахъ не употребляется, да и жителями не разработывается. — Въ Благовѣщенскѣ пароходы, здѣсь плавающіе, обыкновенно останавливаются и передаютъ свои грузы на верховыя суда меньшаго размѣра, сами же возвращаются въ Хабаровку и далѣе въ Николаевскъ. Само собою разумѣется, что на этомъ послѣднемъ переѣздѣ, т. е. за Хабаровкою внизъ по Амуру, они не встрѣчаютъ никакихъ затрудненій для плаванія, ибо здѣсь фарватеръ рѣки годенъ и для морскихъ судовъ, какъ доказало еще въ 1855 году плаваніе шхуны «Востокъ».

3) По Усури и Сунгачѣ, 628 верстъ; судоплаваніе очень удобное, ибо большую часть лѣта рѣки эти полны водою; но, разумѣется, нужны знаніе рѣчнаго русла и поворотливые, т. е. недлинные пароходы, потому что извилистое теченіе, особливо на Сунгачѣ, дѣлаетъ плаваніе на длинныхъ весьма неудобнымъ. Осадка въ три фута есть нормальная для усурійскихъ судовъ; машины же могутъ быть слабыя, такъ какъ теченіе обоихъ рѣкъ тихое. Дрова для топлива въ большомъ изобиліи. Самая навигація продолжается здѣсь 20 и 30 днями долѣе, чѣмъ на верхнемъ и нижнемъ Амурѣ. Со временемъ, вѣроятно, на устьяхъ Нимани установится перегрузка съ большихъ пароходовъ на легкіе, которые могутъ ходить какъ на Сунгачу, такъ и вверхъ по самой Усури и притоку ея Добиху, верстъ на 200 выше станицы Графской.

Къ этому главному, во всѣхъ отношеніяхъ первостепенному, государственному водяному пути примыкаютъ побочные, которые можно перечислить въ слѣдующемъ порядкѣ:

Рѣка Зея судоходна по крайней мѣрѣ на 450 верстъ отъ устья, т. е. до впаденія въ нее Ура, а вѣроятно и выше, если только ущелье по обѣимъ сторонамъ устья Гилюя не содержитъ подводныхъ камней и большихъ стремнинъ. Притоки ея, Силинджа, Гилюй, Уръ, Тогда, Томь, также судоходны на многіе десятки верстъ отъ ихъ устій, особенно Силинджа, по которой довольно большія рѣчныя лодки могутъ подниматься вверхъ верстъ на 150 безъ затрудненій. На всѣхъ этихъ рѣкахъ, для удобства судоплаванія, нужно однако расчистить русла отъ карчей, которыя многочисленны. Тогда, безъ сомнѣнія, по системѣ Зеи откроется водяныхъ путей до 800 верстъ, кромѣ сплавныхъ рѣкъ, образующихъ верховье ея, напримѣръ Тока, Брянты и проч.

Бурея вполнѣ выгодна для судоходства только въ нижнихъ частяхъ, и не по недостатку воды, а по быстротѣ, извилистости теченія и по тѣснотѣ долины, которая никогда не будетъ вмѣщать въ себѣ столь густаго населенія, какъ нижне-зейская и амурская. Лѣвый притокъ Буреи, Тырма, можетъ составить хорошій путь для сплава лѣса изъ Мало-Хинганскихъ горъ, когда большія деревья станутъ рѣже встрѣчаться на самомъ Амурѣ. Общее протяженіе буреинскаго водянаго пути во всякомъ случаѣ едва-ли превзойдетъ 350 верстъ.

Рѣки Кимнинъ, Унъма, Куръ и Гыринъ, текущія въ Амуръ слѣва, судоходны каждая отъ 120 до 170 верстъ, т. е. въ суммѣ по 600 верстъ, конечно для судовъ небольшаго размѣра. При этомъ изъ Гырина можно проникать въ большое озеро Эверонъ или Самагрское, которое, въ свою очередь, лежитъ недалеко отъ озера Чукчагира, принадлежащаго къ водной системѣ Амгуни. Самая рѣка Амгунь судоходна по крайней мѣрѣ на 250 верстъ; но періодъ навигаціи по ней очень короткъ, именно до 145 дней.

Хунгари и Дондонъ, притоки Амура справа, имѣютъ вѣроятно по 120 верстъ судоходнаго русла каждый, но требуютъ очистки отъ карчей. По нимъ можетъ быть сплавляемъ великолѣпный строевой лѣсъ съ хребтовъ Сихота-алиня и Хехцыра.

Усурійскіе притоки, Хоро, Бикинъ и Иманъ, всѣ многоводны; но къ судоплаванію удобны только низовья Имана съ притокомъ Акули, вѣроятно верстъ на 100 каждая, да Бикинъ на 140—150 верстъ, пока быстрота теченія и множество наносного лѣса не положатъ предѣла движенію судовъ. Рѣка же Хоро совсѣмъ не годится для плаванія, ибо она чрезвычайно быстра даже при самомъ устьѣ, и по ней сами туземные рыболовы ходятъ лишь въ

небольшихъ челнокахъ, упираясь, при движеніи вверхъ, шестами, такъ какъ лѣсистые берега не позволяютъ идти бичевой; о веслахъ же нечего и думать. Рѣки Симъ, Абдери, Сипху, Кубурха, Ситуху, текущія въ Усури справа же, суть хорошіе сплавные пути, а Добиху, ея лѣвый притокъ, даже судоходенъ верстъ на 120 отъ устья. Въ суммѣ, усурійскій басейнъ, въ русскихъ предѣлахъ, содержитъ не менѣе 1,000 верстъ хорошаго водяного пути.

Итакъ, на 11,320 квадратныхъ миль протяженія Амурскаго края мы имѣемъ, по самому умѣренному расчету, до 6,560 верстъ рѣчныхъ сообщеній, принадлежащихъ притомъ къ одной системѣ, т. е. связывающихъ непрерывными линіями самые отдаленные пункты страны. Это такое условіе для развитія края, котораго мы тщетно стали бы искать на другихъ нашихъ азіятскихъ окраинахъ. Если же вспомнить, что и въ европейской Россіи нѣтъ большой рѣки, которая бы съ одной стороны вела въ *открытое* море, а съ другой притоками своими проникала въ глубь сосѣднихъ государствъ, какъ видимъ мы на Амурѣ, то, по справедливости, можно будетъ сказать, что Амуръ есть первая и важнѣйшая изъ всѣхъ русскихъ рѣкъ, едва-ли не имѣющая опередить своимъ значеніемъ самую Волгу.

Выгоды этого водянаго сообщенія по рѣкамъ амурской системы уже и теперь обозначались съ совершенною ясностью на ходѣ нашей колонизаціи далекаго края; но онѣ же, повидимому, заставили насъ какъ бы позабыть до-времени необходимость сухопутныхъ дорогъ въ томъ краѣ. Такимъ образомъ, на верхнемъ Амурѣ, между станицами Покровской и Бибиковой, на 641 версту, есть только вьючный путь, часто весьма неудобный. Также и въ Маломъ Хинганѣ, между Пашковой и Раддевкой и между Союзной и Екатерино-Никольской, есть только вьючныя тропы; отъ Союзной же до Раддевки вовсе нѣтъ сухопутной дороги, и сообщенія, производящіяся вдоль рѣки зимою и лѣтомъ, вовсе прекращаются въ ледоходъ. По луговымъ частямъ страны, т. е. на Амурѣ отъ Бибиковой до Пашковой (442 версты) и отъ Екатерино-Никольской до Спасской (342 версты), между призейскими деревнями и, наконецъ, по усурійской долинѣ наѣзжены сухопутныя дороги, которыя минуютъ извилины рѣкъ; но эти сухопутныя сообщенія можно назвать первобытными, такъ какъ по дорогамъ почти нѣтъ мостовъ и гатей, а между тѣмъ безъ нихъ и безъ водосточныхъ канавъ по сторонамъ нѣтъ возможности иногда переѣхать самое небольшое пространство, особливо въ дождливую пору. Безъ

сомнѣнія, мѣстныя власти въ странѣ не замедлятъ обратить вниманіе на этотъ предметъ, имѣющій первостепенную важность, и, быть можетъ, не засылая болѣе ссыльныхъ на Сахалинъ, гдѣ имъ нечего дѣлать и гдѣ содержаніе ихъ обходится дорого, рѣшатся употребить ихъ на устройство колесныхъ путей, особливо на верхнемъ Амурѣ и въ Маломъ Хинганѣ, гдѣ средствами самихъ жителей этого достигнуть немыслимо. Англійскія колоніи во всѣхъ частяхъ свѣта обязаны превосходными путями сообщеній именно этой системѣ, да и у насъ она была примѣнена, напримѣръ, при устройствѣ кругобайкальской дороги. Вспомнимъ еще разъ, что путь вдоль Амура отъ Стрѣлки есть единственный, соединяющій весь край съ остальною Россіей, и что о дорогахъ черезъ Становой хребетъ и Якутскую область нечего думать.

При самомъ почти занятіи Амура, именно въ 1859 году, возникалъ проектъ желѣзной дороги отъ Софійска къ де-Кастри; но это, разумѣется, было плодомъ увлеченія, а въ настоящее время можно сказать, что если рельсовый путь устроится на Амурѣ въ теченіе XIX столѣтія, то это будетъ дорога отъ одного изъ южныхъ портовъ къ Усури, а никакъ не изъ Софійска въ де-Кастри. Въ этомъ южномъ направленіи проходитъ и телеграфная линія, которая уже связываетъ Владивостокъ съ Хабаровкой, а черезъ нее съ одной стороны съ Николаевскомъ, съ другой съ Благовѣщенскомъ и съ остальною Россіей. Общее число верстъ, на которыхъ протянута телеграфная проволока въ Амурскомъ краѣ, достигаетъ 4,000, и для поддержанія ея въ исправности телеграфное вѣдомство, сверхъ станцій съ обыкновенною стражею, имѣетъ рѣчную флотилію изъ пяти пароходовъ, плавающихъ по Амуру и Усури. Важность Амурскаго телеграфа для международныхъ и внутреннихъ административныхъ надобностей объясняетъ употребленіе этого дорогаго средства, тѣмъ болѣе, что обыкновенные рѣчные пароходы на Амурѣ — Лена, Зея, Ононъ, Ингода, Чита, Сунгача, Усури, Константинъ и Корсаковъ — не совершаютъ рейсовъ, слѣдовательно отнюдь не могли бы служить для телеграфныхъ надобностей.

Съ передачею названныхъ сейчасъ пароходовъ въ вѣдѣніе Товарищества Амурскаго Пароходства, которое притомъ имѣетъ въ виду пополнить число ихъ и установить даже судоплаваніе въ Тихомъ Океанѣ, можно надѣяться, что главнѣйшія нужды края въ правильныхъ сообщеніяхъ будутъ удовлетворены, и затѣмъ администраціи, освобожденной отъ заботъ по пароходству, оста-

нется обратить все вниманіе на устройство сухопутныхъ дорогъ. Къ сожалѣнію, въ первые годы своей дѣятельности Товарищество не всегда оправдывало эти надежды.

Населеніе.

До половины XVII столѣтія Амурскій край представлялъ обширную лѣсную пустыню, въ которой изрѣдка можно было встрѣчать бродячихъ охотниковъ-тунгузовъ. Правильныхъ осѣдлостей не встрѣчалось, за исключеніемъ небольшихъ «городковъ», построенныхъ на верхнемъ Амурѣ дахурами, и отдѣльныхъ разбросанныхъ тамъ и сямъ хижинъ нижне-амурскихъ мангунъ, гольдовъ и другихъ рыболововъ. Русскіе первые завели довольно обширныя поселенія, которыхъ жители занимались не только охотою и торговлей съ туземцами, но и воздѣлываніемъ земли. Въ 1689 году эти поселенія были однако брошены, и Амуръ снова сталъ лѣсною пустынею, кромѣ небольшаго пространства близъ устья Зеи, гдѣ проницательный Кханъ-си приказалъ основать военно-земледѣльческія колоніи изъ маньчжуровъ и китайцевъ, чтобы имѣть возможность сопротивляться русскимъ въ случаѣ новаго появленія ихъ изъ Нерчинска по Амуру или изъ-за Становаго хребта по Зеѣ. Маньчжуро-китайская колонизація имѣла, впрочемъ, очень небольшіе размѣры: на лѣвомъ берегу Амура было водворено за цѣлыя полтораста лѣтъ едва 10,000 душъ, на пространствѣ съ небольшимъ 60 верстъ. Масса туземцевъ, въ свою очередь, едва-ли много возрасла съ того времени и она осталась полудикой по-прежнему. Верхній Амуръ былъ даже совсѣмъ почти пустъ, и когда въ 1854 году мы появились на этой рѣкѣ, то до самой Зеи встрѣтили лишь трехъ-четырехъ манегровъ и орочонъ; да и ниже, до выхода изъ Мало-Хинганскихъ горъ, не нашли ни одного жилья, кромѣ китайскихъ селеній, сосѣднихъ Айгуну.

При такомъ состояніи края, лишавшемъ всякой возможности вести русскую колонизацію его хоть отчасти при пособіи мѣстныхъ средствъ, весьма естественно, что первые шаги въ этомъ дѣлѣ представили огромныя затрудненія, несмотря даже на безпрепятственность занятія самой земли. Приходилось все, рѣшительно все, привозить изъ Забайкалья, Иркутска и даже изъ Европейской Россіи. Люди, домашній скотъ, земледѣльческія и другія орудія, продовольствіе на первое время, строительные матеріялы, одежда, посуда и мно-

жество другихъ мелочей доставлялись по Шилкѣ и Амуру на пароходахъ, баркахъ и плотахъ, иногда за 2,000—3,000 верстъ отъ мѣста нагрузки и при пособіи, въ видѣ рабочей силы, не болѣе двухъ батальоновъ солдатъ. На незнакомой рѣкѣ они нерѣдко попадали въ несудоходные рукава ея и тамъ долго оставались на мели; въ бурную погоду случалось, что волны Амура разбивали или затопляли суда и плоты; скотъ по временамъ падалъ отъ утомленія и безкормицы, и, въ довершеніе всего, времени для сплава и первоначальнаго водворенія у поселенцевъ не могло никогда быть больше полугода, ибо Шилка вскрывается въ самомъ концѣ апрѣля, а въ половинѣ октября на Амурѣ появляется ледъ. Объ исправленіи какой-нибудь ошибки, упущенія, сдѣланныхъ распорядителями переселенія или самими переселенцами, въ томъ же году нечего было и думать, а приходилось ждать навигаціи слѣдующаго лѣта. Непривычный климатъ, наконецъ, дѣлалъ то, что даже водворившіеся колонисты терпѣли отъ неурожаевъ и падежей скота, не имѣя почти надежды скоро пополнить утраченное, такъ какъ базисъ колонизаціи, Забайкальская область, сама мало населена и недовольно богата. Малѣйшее возвышеніе спроса на хлѣбъ и другіе предметы тамъ естественно поднимало на нихъ цѣны до огромныхъ размѣровъ, а нерѣдко и ни за какія деньги нельзя было достать того, что нужно переселенцу.

Энергическая дѣятельность графа Муравьева-Амурскаго въ теченіе шести лѣтъ, 1854—1860, преодолѣла эти препятствія, хотя, конечно, не безъ частныхъ неудачъ и даже не безъ нѣкоторыхъ общихъ неблагопріятныхъ для колонизаціи результатовъ. Слѣдующій видъ представляла колонизація черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ начала ея, т. е. въ 1869 году.

1) *Казаки*, на верхнемъ Амурѣ, до Благовѣщенска, заселяли 30 станицъ, на среднемъ Амурѣ, до Усури, 37 станицъ, по Усури и Сунгачани 28 станицъ, всего 95 поселеній съ 18,519 душами. Это—переселенцы, приведенные на Амуръ обязательно, по распоряженію начальства, и занявшіе первоначально не тѣ мѣстности, гдѣ пожелали бы сами, а тѣ, гдѣ того требовалъ общій планъ колонизаціи, имѣвшій въ виду, во-первыхъ, занять возможно длинную линію по Амуру, во-вторыхъ, заселить ее равномѣрно, предоставляя будущему произвести нужныя отступленія отъ слишкомъ регулярнаго, невсегда экономически-выгоднаго, способа водворенія пришельцевъ въ новомъ краю.

2) *Крестьяне* и другое гражданское населеніе, въ трехъ груп-

пахъ, отдѣльныхъ одна отъ другой: по Зеѣ и ея притокамъ, а частію и по самому Амуру, около Благовѣщенска и въ самомъ этомъ городѣ — 42 населенныхъ пункта съ 12,779 душами; на нижнемъ Амурѣ, отъ Хабаровки до Николаевска, 40 пунктовъ съ 10,472 душами; въ Южно-Усурійскомъ краѣ 17 селеній съ 2,619 душами; всего 100 селеній съ 25,870 душами, изъ которыхъ около 3,900, въ 38 селеніяхъ по нижнему Амуру, водворены по указанію властей, прочіе же какъ добровольно пришли, такъ добровольно и разселились.

Такимъ образомъ, русское населеніе въ Амурскомъ краѣ, несмотря на отдаленность его отъ средоточія Россіи, состоитъ уже изъ 44,000 душъ, къ которымъ можетъ быть присоединено нѣсколько тысячъ солдатъ, постоянно пребывающихъ въ странѣ какъ для охраны ея, такъ и для пособія мѣстнымъ жителямъ въ ихъ трудахъ по устройству осѣдлостей. Отчисляя изъ общаго итога 2,600 душъ крестьянъ Южно-Усурійскаго края, мы получимъ, что въ разсматриваемомъ здѣсь пограничномъ пространствѣ, т. е. собственно по Амуру и по Усури до Сунгачани, все же есть 41,400 русскихъ, или такая масса, которая въ два съ половиною раза превосходитъ всѣ туземныя народности, взятыя вмѣстѣ, и позволяетъ назвать Амурскій край вполнѣ русскимъ.

Объ экономической судьбѣ этого населенія, о его неудачномъ составѣ, о претерпѣнныхъ имъ въ первое время лишеніяхъ и о послѣдовавшемъ затѣмъ упадкѣ нѣкоторыхъ частей его нравственно и физически, не мало было говорено въ нашей литературѣ, причемъ неудачи и лишенія, вмѣстѣ съ значительными расходами правительства на амурское дѣло, приводили нѣкоторыхъ къ мысли вовсе оставить эту страну и возвратить водворенныхъ тамъ поселенцевъ въ Забайкальскую область. Слѣдующіе факты, собранные коммиссіей генералъ-адъютанта Сколкова, гг. Пржевальскимъ, Алябьевымъ и др., даютъ однако возможность имѣть болѣе правильное и спокойное воззрѣніе на предметъ.

Земледѣліе, этотъ основной промыселъ во всякой прочно-занятой странѣ, сдѣлало уже значительные успѣхи, по крайней мѣрѣ во всей Амурской области и, какъ мы видѣли прежде, въ Южно-Усурійскомъ краѣ. Въ 1868 году оно дало:

	Пуд.	Урож.	На душу.
Въ казачьихъ станицахъ по Амуру, отъ Стрѣлки до Хабаровки.	472,262	5,4	36 пуд.

	Пуд.	Урож.	На душу.
Въ крестьянскихъ селеніяхъ около Благовѣщенска	394,227	5,5	42 пуд.
Въ Благовѣщенскѣ	2,165	5,7	4 »
На нижнемъ Амурѣ	20,500	2,5	2,5 »
На Усури	28,858	?	5 »

Откуда видно, что недостатокъ хлѣба встрѣчается, главнымъ образомъ, на Усури и на нижнемъ Амурѣ, и недостатокъ этотъ весьма чувствителенъ, ибо на человѣка въ годъ нужно считать до 24 пудовъ *), а не 5 или 2½ пуда. Но какъ въ Амурской области хлѣба родится съ избыткомъ, именно у казаковъ по 12 пудовъ на душу сверхъ потребнаго, а у крестьянъ даже по 18 пудовъ, то нижне-амурское и усурійское населеніе безъ большаго труда можетъ добывать продовольствіе съ верховій Амура, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, въ 1869 году продано въ Амурской области для округовъ Усурійскаго, Софійскаго и Николаевскаго 120,000 пудовъ, что вполнѣ покрыло ихъ недочетъ; кромѣ того верхне-амурскими казаками и крестьянами было обезпечено продовольствіе Благовѣщенска, золотыхъ пріисковъ Бенардаки на Джалиндѣ (30,000 пудовъ) и инородцевъ, несѣющихъ хлѣба (10,000?), да продано до 40,000 пудовъ на винокурню купца Мокѣевскаго, близъ Благовѣщенска. Эти цифры не оставляютъ сомнѣнія, что въ хлѣбѣ Амурскій край не нуждается, если не по частямъ, то по крайней мѣрѣ въ цѣломъ объемѣ. Были даже случаи вывоза зерна изъ Благовѣщенска въ Забайкалье.

Другой основной промыселъ, *скотоводство*, находится въ менѣе удовлетворительномъ состояніи, главнымъ образомъ отъ падежей и отъ малаго числа головъ скота, привезеннаго на Амуръ при первоначальномъ его заселеніи, что обусловливалось преимущественно трудностью сплава. Однако и этотъ недостатокъ вполнѣ чувствителенъ только на Усури и на нижнемъ Амурѣ, гдѣ, дѣйствительно, на 15,000 душъ есть не болѣе 5,600 штукъ крупнаго скота, а мелкихъ домашнихъ животныхъ, т. е. свиней, козъ, овецъ, и совсѣмъ почти нѣтъ. Что же касается до всей Амурской области, то въ ней недостатка въ скотѣ, по крайней мѣрѣ рабочемъ, не чувствуется, какъ подтверждаютъ слѣдующія цифры:

Въ 1869 г. было лошадей 11,130 шт., по 3,2 на дворъ.
» » » » рог. скота 18,499 » » 5,6 » »

*) 20 пудовъ на продовольствіе и 4 пуда на посѣвъ.

Это количество выше соотвѣтственнаго средняго по европейской Россіи. Но овцы и свиньи и тутъ малочисленны, вѣроятно потому, что первыя, привозимыя изъ сухого по климату Забайкалья, дурно акклиматизируются на Амурѣ, а вторыя и въ самомъ Забайкальѣ немногочисленны. Кромѣ того, жители береговъ Амура для зимней одежды имѣютъ въ изобиліи мѣха дикихъ козъ и другихъ лѣсныхъ звѣрей, а потому въ овчинахъ особенно не нуждаются.

Къ этимъ двумъ, основнымъ въ быту нашего простонародья, промысламъ на Амурѣ присоединяется еще два, и весьма выгодныхъ: *охота* и *рыболовство*. Охотою занимаются преимущественно казаки на верхнемъ Амурѣ и въ Маломъ Хинганѣ; что касается до крестьянъ, то они, пришельцы изъ малолѣсныхъ губерній Россіи, къ этому промыслу мало привычны и склонны. Нижне-Амурскіе же крестьяне, главнымъ образомъ, время свое посвящаютъ на рыболовство и огородничество, дѣлая изъ охоты лишь подспорье въ хозяйствѣ.

Такимъ образомъ, есть, по крайней мѣрѣ, четыре отрасли добывающей промышленности, которыя доставляютъ русскимъ жителямъ Амурскаго края средства существованія. Но за то промышленность переработывающая тамъ почти ничтожна, а на Усури слабы и самые основные промыслы, скотоводство и земледѣліе, почему живущіе тамъ казаки отличаются бѣдностью, апатіею и многими пороками, естественными при подобномъ состояніи. Причинами такого явленія служатъ:

1) *Обязательное водвореніе* первыхъ переселенцевъ на мѣстахъ, которыя выбирались не ими самими и во многихъ случаяхъ оказались неудобными для осѣдлой земледѣльческой жизни. Такъ, на нижнемъ Амурѣ и на Усури первоначально, въ 1859—60 годахъ, нѣкоторыя селенія расположены были въ равнинахъ, заливаемыхъ полой водой, вслѣдствіе чего погибали посѣвы, скотъ и вообще имущество. Такъ и на верхнемъ Амурѣ нѣкоторыя станицы оказались построенными столь низко, что ихъ затопило въ 1872 году. Исправленіе этого ряда ошибокъ всегда стоило дорого казнѣ и еще болѣе колонистамъ, изъ которыхъ, напримѣръ, жившіе на нижнемъ Амурѣ, между Софійскомъ и Хабаровкою, должны были потомъ уходить на Ханкай и въ Ольгинскую гавань, т. е. за 1,200 верстъ отъ мѣстъ перваго водворенія и вверхъ по рѣкѣ Усури. А между тѣмъ, они, прежде прибытія на Амуръ, странствовали два года черезъ всю Сибирь и не менѣе года употребляли на устройство себѣ осѣдлостей, распашку земель и проч.

2) *Переселеніе штрафныхъ солдатъ*, произведенное въ 1859—60 годахъ, въ видахъ удаленія изъ европейской Россіи порочныхъ нижнихъ чиновъ и доставленія новому краю рабочихъ рукъ. Это безсемейное, развратное, тунеядное и давно отвыкшее отъ сельскихъ трудовъ населеніе прославлено на Амурѣ подъ именемъ «сынковъ» и составило огромную тягость какъ для правительства, которое вынуждено было его кормить въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ и для переселенцевъ семейныхъ, которымъ оно назначалось въ помощь. Лишь очень немногіе изъ этихъ людей приносятъ пользу новому краю знаніемъ кое-какихъ ремеслъ.

3) *Излишняя бережливость* въ средствахъ на колонизацію. На Кавказѣ, гдѣ почва и климатъ столь благодатны и гдѣ поселенцы приходили всего изъ-за 800—1,000 верстъ, правительство давало имъ, за Кубанью, на каждую семью около 160 рублей деньгами и провіантъ на три года. Кромѣ того, постройкѣ жилищъ, такъ или иначе, помогали 40—50,000 солдатъ, а во всемъ нужномъ для первоначальнаго устройства сельскаго быта не было недостатка по сосѣдству населенныхъ уже и богатыхъ Черноморіи и Ставропольской губерніи. На Амурѣ денегъ давали всего 25—30 рублей, провіантъ только на 14 мѣсяцевъ, рабочихъ рукъ было два баталіона, которые и сами должны были обстроиваться; запасовъ же для первоначальнаго обзаведенія, кромѣ небольшаго числа инструментовъ, не было никакихъ. О помощи, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, со стороны частныхъ лицъ, т. е. торговцевъ, нечего было и думать, ибо коммерческій классъ въ Сибири очень малочисленъ, небогатъ капиталами и почти сплошь преданъ золотому промыслу или торговлѣ мѣхами, не вдаваясь въ такія обширныя и требующія затратъ предпріятія, какъ заведеніе пароходовъ, открытіе складовъ, устройство многочисленныхъ агентствъ и т. п.

4) *Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и въ рабочемъ скотѣ.* Выше уже было упомянуто, что въ помощь переселенцамъ при водвореніи употреблялось не болѣе двухъ баталіоновъ солдатъ, которые притомъ въ первую половину лѣта, каждогодно, были отвлекаемы отъ возведенія крестьянскихъ построекъ сплавами, нерѣдко приходившими на мѣста не раньше половины іюля, а затѣмъ должны были еще заботиться о жилищахъ для самихъ себя. Отъ того произошло, что въ 1857 году одиннадцать первыхъ казачьихъ деревень на верхнемъ Амурѣ еще кое-какъ обстроились до начала зимы; но въ слѣдующіе годы это стало невозможнымъ, ибо число колонистовъ и разстоянія до мѣстъ ихъ водворенія возрасли, а помощь

солдатъ въ суммѣ осталась та же. Сами колонисты должны были немедленно по прибытіи на мѣста, въ іюлѣ и даже въ августѣ, косить сѣно въ запасъ на зиму, распахивать пашни и сѣять хлѣбъ, строить временные шалаши и т. д. Недостатокъ рабочаго скота, необходимость часть его употреблять въ пищу, падежи и т. п., еще болѣе увеличивали трудность устройства осѣдлостей, а плохое ихъ состояніе на первое же время породило болѣзни, общее истомленіе переселенцевъ и проч.

5) *Недостатокъ перевозочныхъ средствъ* дѣйствовалъ очень неблагопріятно на ходъ заселенія Амура. До 1858 года, можно сказать, этихъ средствъ даже вовсе не существовало, такъ какъ сплавы изъ Забайкалья производились исключительно внизъ по рѣкѣ, силою ея теченія, и притомъ въ большей части случаевъ на плотахъ, что и было причиною медленности движенія колонистовъ къ мѣстамъ назначенія. Первые пароходы появились въ 1857—58 годахъ, въ числѣ двухъ; но они никакого содѣйствія переселенію не оказывали, ограничиваясь перевозомъ чиновниковъ и немногихъ купцовъ съ товарами. Впослѣдствіи число паровыхъ судовъ на Амурѣ и Усури возрасло; но помощь колонизаціи отъ нихъ, по прежнему, была невелика, такъ какъ это были суда не коммерческія, а казенныя, камандиры которыхъ больше всего заботились объ избѣжаніи всякихъ случайностей съ судномъ или командой, а потому плавали медленно, грузы принимали весьма неохотно, а колонистовъ съ ихъ имуществомъ не принимали совсѣмъ. Явленіе это, по отзыву Алябьева, продолжалось и до послѣдняго времени, когда число пароходовъ возрасло до семи, не считая занятыхъ службою по вѣдомствамъ инженерному и телеграфному, и когда была установлена такса за перевозку людей и грузовъ. О какихъ-либо сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ, кромѣ домашняго скота самихъ переселенцевъ, не могло быть и рѣчи уже потому, что на Амурѣ нѣтъ сухопутныхъ дорогъ.

6) *Незнаніе климата* очень вредило земледѣлію, особливо на Усури, гдѣ, прибывшіе изъ Забайкалья, переселенцы думали, въ первые годы, располагать свои полевыя работы такимъ же образомъ, какъ въ прежнихъ мѣстахъ жительства, за что и платились утратой всего посѣяннаго.

7) *Обремененіе переселенцевъ*, и именно казаковъ, въ первое же время по прибытіи на мѣста, службою и разными натуральными повинностями, напримѣръ, возкой курьеровъ и почтъ за весьма незначительные прогоны, а войсковыхъ чиновниковъ даже безъ

прогоновъ. Эта извозная повинность особенно тяжело ложилась на селенія мелкія, гдѣ очередь къ ея отправленію для однихъ и тѣхъ же лицъ доходила весьма часто. Она одна изъ причинъ бѣдности казаковъ на Усури, ибо мѣстная администрація должна этимъ казакамъ до 200,000 р. именно за возку почты и др. подобные предметы.

9) Наконецъ нельзя не указать, какъ на условіе очень неблагопріятное для развитія экономическаго быта Амурскаго края, на *произволъ* нѣкоторыхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу мѣстной администраціи. Такъ, бывали случаи, что эти лица отбирали у купцовъ привезенный ими на продажу хлѣбъ или скотъ, обѣщая отдать въ слѣдующемъ году натурою, безъ процентовъ; случались отбираніе у людей торговыхъ ихъ лодокъ, подъ предлогомъ надобностей казны, отказъ отъ заказанныхъ торговцамъ товаровъ и т. п. нелегальныя дѣйствія, отбивавшія у капиталистовъ всякое желаніе появляться въ Амурскомъ краѣ *).

Въ виду всего этого нѣтъ причинъ удивляться слабому развитію благосостоянія поселенцевъ на Амурѣ, хотя эта страна лучшая часть азіятской Россіи. Приведенныя выше цифры хлѣбной производительности и скотоводства показываютъ притомъ, что тяжелое время для этой окраины начинаетъ уже проходить, и что жители, напримѣръ Амурской области, прочно утвердились въ своемъ новомъ отечествѣ. Особенныя надежды подаютъ крестьяне въ окрестностяхъ Благовѣщенска, большею частью сектаторы, т. е. народъ трезвый, трудолюбивый и доказавшій уже свою способность переносить русскую жизнь на самыя далекія окраины государства. Что же касается до казаковъ, то ихъ экономическаго преуспѣянія можно ожидать только тогда, когда они будутъ освобождены отъ своихъ служебныхъ обязанностей, которыхъ они въ сущности не несутъ, но которыя ставятъ ихъ подъ опеку, весьма невыгодную для всякой промышленности. Перечисленіе ихъ въ крестьяне увеличило бы и мѣстные государственные доходы, донынѣ почти ничтожные.

Все число русскихъ селеній на Амурѣ и Усури, какъ уже упомянуто, достигало въ 1869 году до 178; изъ нихъ важнѣйшими нужно считать, послѣ Николаевска и Владивостока, отнесенныхъ нами къ Приморскому участку, *Благовѣщенскъ* и *Хабаровку*. Пер-

*) Мы не говоримъ здѣсь о бывшей Амурской компаніи, которой неудачи много обусловливались и обыкновенными несчастіями.

вый — главный городъ Амурской области — лежитъ при сліяніи Амура съ Зеею на равнинѣ, противъ китайскаго селенія Амба-Сахалянъ, и имѣетъ 3,344 жителя, среди которыхъ есть нѣсколько купцовъ и значительное число сектаторовъ. Широкія улицы его довольно красивы, хотя и обстроены исключительно деревянными домами. Въ городѣ есть три церкви, также деревянныя, и живутъ губернаторъ и архіерей. Торговля его не велика; однако онъ служитъ мѣстомъ отправленія хлѣба въ Приморскую область. Для пограничной торговли въ немъ устроены лавки, въ которыя китайскіе купцы ежемѣсячно привозятъ разные мелочные товары и торгуютъ тутъ цѣлую недѣлю по наступленіи новолунія, отправляясь, впрочемъ, на ночь въ деревню Амба-Сахалянъ. Хабаровка есть центръ мѣховой промышленности и вообще торга съ туземцами нижняго Амура и Усури, и имѣетъ до 867 душъ постояннаго населенія, а лѣтомъ и болѣе. Въ ней устраивается механическое заведеніе Товарищества Амурскаго Пароходства. Послѣ этихъ двухъ мѣстностей изъ русскихъ селеній заслуживаютъ вниманія:

	Душъ.
На верхнемъ Амурѣ:	
Ст. Покровская, у Стрѣлки . . .	230
Албазинъ, противъ устья Албазихи	471
Ст. Черняева.	252
› Кумарская, противъ Кумары.	244
› Екатериновка, съ деревнею Марковой	574
› Игнатьева	290
› Верхне-Благовѣщенская . . .	338
На Зеѣ и въ сосѣдствѣ ея:	
Село Ивановское.	1,151
Дер. Самарская	498
Село Александровское, на Томи.	234
› Михайловское, на Завитой.	322
На среднемъ Амурѣ:	
Ст. Константиновская.	653
› Пояркова.	332
Ст. Иннокентьевская	273
› Раддевка	443
› Екатерино-Николаевская . . .	933
› Михайло-Семеновская.	366
› Степанова	333
На нижнемъ Амурѣ:	
Гор. Софійскъ	378
Село Большое Михайловское. . .	275
На Усури:	
Ст. Казакевича.	359
› Венюкова.	377
› Шереметева	403
› Лончакова	310
› Графская.	199
› Верхне-Никольская	230

Объ умственномъ и нравственномъ развитіи при-амурскаго населенія немного можно сказать утѣшительнаго. Грамотность и школы вообще мало распространены; практическія свѣдѣнія, относящіяся къ ремесламъ, промышленности фабричной, къ торговлѣ, также. Нравственный горизонтъ большинства тѣсенъ и ограниченъ скудными начатками христіанства, понимаемаго очень неясно. Наиболѣе бодрое, въ нравственномъ смыслѣ, населеніе представляютъ крестьяне-сектаторы въ окрестностяхъ Благовѣщенска; но

и ихъ понятія весьма узки. Усурійскіе казаки славятся особливою апатичностью, тунеядствомъ и даже развратомъ. У нихъ весьма нерѣдки случаи продажи женщинъ отцами, мужьями и другими близкими родственниками лицамъ стороннимъ, особливо проѣзжимъ чиновникамъ. Пьянство также развито на всемъ Амурѣ, особливо по Усури.

Инородческое населеніе Амурскаго края состоитъ изъ трехъ главныхъ племенъ: тунгузскаго, китайскаго и гиляцкаго. Къ первому принадлежатъ маньчжуры и дахуры около Айгуна, 30 селеній, оставшихся, въ силу договора 1858 года, на лѣвомъ берегу Амура, преданныхъ земледѣлію и ремесламъ; манегры и орочоны — бродячіе звѣроловы и рыболовы верхняго Амура; гольды, мангуны, самагры и нагидальцы — такіе же или полуосѣдлые обитатели средняго и нижняго Амура, Усури, Амгуни и проч. Китайцы сгрупировались, вмѣстѣ съ маньчжурами, около Айгуна, въ 14 селеніяхъ, а гиляки живутъ по нижнему Амуру и имѣютъ образъ жизни общій съ тунгузскими охотничьими племенами, отличаясь, впрочемъ, особою отвагою на водѣ, вообще большою энергією характера и знаніемъ нѣкоторыхъ ремеслъ, напримѣръ умѣньемъ обдѣлывать кость, подбирать по красивымъ узорамъ мѣха и т. п. Они же больше другихъ инородцевъ успѣли сблизиться съ русскими. Всѣ тунгузскіе инородцы и гиляки — шаманы, тогда какъ китайцы буддисты или, всего чаще, конфуціонисты, т. е. люди, неимѣющіе религіи, въ общепринятомъ смыслѣ. Весь составъ инородческаго населенія на Амурѣ опредѣляется слѣдующими цифрами:

Въ Амурской области, отъ самой рѣки до Становаго хребта, орочоны, манегры, гольды и частію якутскіе тунгузы . .	2,700
На нижнемъ Амурѣ, отъ Хабаровки до хребта Сихота-алинь и Удскаго края	8,700
На Усури и ея правыхъ притокахъ	1,200
Итого въ русскомъ подданствѣ . .	12,600
На среднемъ Амурѣ, противу Айгуна, китайскихъ подданныхъ	10,600

При теперешнемъ состояніи, все это, чрезвычайно разбросанное и большею частію невѣжественное, населеніе не представляетъ никакого препятствія къ русификаціи края; но присутствіе маньчжуровъ и китайцевъ на лѣвомъ берегу Амура, близъ Благовѣщенска, вѣроятно на долгое время будетъ задерживать ее въ этой мѣстности. Съ точки зрѣнія пользы, приносимой амурскими ино-

родцами государству, можно замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ, именно нижне-амурскіе и якутскіе, обложены ясакомъ изъ звѣриныхъ шкуръ, которыя обыкновенно продаются съ аукціона въ Николаевскѣ и Якутскѣ. Внутреннее же управленіе ими, т. е. полиція и судъ, находятся въ нашихъ рукахъ почти номинально, такъ какъ инородцы къ нашимъ чиновникамъ для разбора своихъ дѣлъ вовсе не обращаются.

Военный обзоръ.

При стратегической оцѣнкѣ положенія Амурскаго края прежде всего представляется уму то, что край этотъ соединяется съ Россіею *только однимъ путемъ*, водянымъ, по Амуру и Усури, т. е. по рѣкамъ, образующимъ южный его предѣлъ, а вмѣстѣ и государственную границу. Другими словами: комуникаціонная линія амурскаго театра войны съ остальною имперіею идетъ вдоль этого фронта. Русское населеніе живетъ также исключительно вдоль этой линіи и не имѣетъ путей отступленія къ сѣверу, такъ что отрѣзать его отъ сосѣдней Сибири очень легко.

Это обстоятельство, въ связи съ важностію амурской страны для всей политической будущности Россіи въ Азіи и на Восточномъ океанѣ, придаетъ особую цѣну возможно-скорому упроченію нашего преобладанія на Амурѣ, и прежде всего заселенію страны въ глубь отъ рѣчнаго прибрежья, такъ чтобы край въ самомъ себѣ нашелъ достаточно средствъ на случай войны съ сосѣдней Китайской имперіей. Основу такого упроченія нашего могущества составляютъ пока, главнымъ образомъ, селенія вокругъ Благовѣщенска, т. е. въ мѣстности, сосѣдней центру китайской колонизаціи, въ сѣверной Маньчжуріи; но эта основа, очевидно, весьма недостаточна.

Вторая особенность амурскаго пограничнаго пространства, и въ частности пограничной оборонительной линіи, состоитъ въ томъ, что, при длинѣ въ 2,300 верстъ, граница распадается на три участка, которые могутъ въ извѣстныхъ случаяхъ составить три совершенно самостоятельные театра войны. Это именно: верхній Амуръ, отъ Стрѣлки до Малаго Хингана, средній, отъ Малаго Хингана до Хабаровки, и усурійская долина, вдоль по рѣкѣ того же имени. Занявъ крѣпкую позицію гдѣ нибудь въ Маломъ Хинганѣ, китайцы могутъ также отрѣзать Усури и нижній Амуръ отъ

верхняго, а вмѣстѣ и отъ Забайкалья, какъ, занявъ одну только точку близъ Стрѣлки, отрѣзать цѣлый Амурскій край. Средне-амурская линія при этомъ можетъ быть атакована съ низовій Сунгари, а усурійская со стороны Нингуты и Ханкая. И хотя по нравственнымъ качествамъ китайцевъ, сравнительно съ европейцами, по ихъ вѣковымъ дружелюбнымъ отношеніямъ къ намъ и, наконецъ, по сравнительной слабости ихъ собственной колонизаціи въ Маньчжуріи, можно сказать, что трудно ожидать нападенія съ ихъ стороны, тѣмъ не менѣе простое благоразуміе требуетъ: a) содержать всегда на Амурѣ нѣсколько такихъ *винтовыхъ* судовъ, съ баржами для десанта, чтобы можно было безпрепятственно поддерживать сообщеніе вдоль рѣки даже во время военныхъ дѣйствій; b) придать каждому изъ трехъ, сейчасъ названныхъ, участковъ амуро-усурійской окраины характеръ самостоятельнаго театра войны чрезъ основаніе складовъ всякаго рода военныхъ запасовъ на каждомъ изъ нихъ. Впрочемъ, для средняго Амура и для Усури лучше имѣть одинъ общій складъ, въ Хабаровкѣ; но въ такомъ случаѣ она должна быть укрѣплена или, по крайней мѣрѣ, имѣть цитадель съ каменными постройками, которыхъ нельзя было бы сжечь.

Достигнуть тактическаго командованія надъ образующими государственную границу рѣками, Амуромъ и Усури, при протяженіи ихъ на 2,300 верстъ, нѣтъ, конечно, возможности не только повсемѣстно, но и въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Большомъ и Маломъ Хинганѣ, у Зеи, у Сунгари, противъ архипелага усть-усурійскаго, гдѣ всего опаснѣе могутъ быть удары китайцевъ. Но взамѣнъ того нужно около этихъ мѣстностей, по возможности сгрупировать населеніе и войска, дабы не дать Китаю возможности безъ большихъ усилій овладѣть хотя одною изъ нихъ. Особенно противъ устья рѣки Сунгари полезно имѣть укрѣпленіе, сомкнутое и съ артилеріею, достаточною препятствовать выходу китайскихъ судовъ въ Амуръ, т. е. большаго калибра.

Эти немногія указанія суть основныя для *обороны* края; смотря же на него, какъ на базу для *наступательныхъ* дѣйствій въ Маньчжурію, мы можемъ сказать:

1) Дѣйствовать изъ него по *одной* операціонной линіи невыгодно; ибо если бы, напримѣръ, мы избрали сухопутную дорогу черезъ Айгунъ къ Цицикару, то могли бы сами подвергнуться совершенно внезапно нападенію на среднемъ Амурѣ, съ рѣки Сунгари; на оборотъ, дѣйствуя только по послѣдней, т. е. отпра-

вивъ главныя силы на судахъ къ Сань-сину и далѣе, мы могли бы подвергнуться нападенію китайцевъ на устьѣ Зеи, т. е. въ мѣстности, которая даетъ намъ главныя средства существованія. Поэтому, въ случаѣ наступательной войны, намъ нужно вести ее по двумъ направленіямъ: отъ Благовѣщенска сухопутно и отъ Михайло-Семеновской по Сунгари водою, посредствомъ флотиліи.

2) Въ Усурійскомъ краѣ выгоднѣе всего сосредоточить силы на югѣ его и даже въ предѣлахъ Приморскаго участка, на озерѣ Ханкаѣ и на рѣкѣ Суйфунѣ, чтобы оттуда ударить на Нингуту, такъ-какъ съ низовій Усури нѣтъ дорогъ внутрь Маньчжуріи.

Военныя средства, какъ для оборонительной, такъ и для наступательной войны, пока могутъ быть незначительны; но предусмотрительность потребуетъ подготовить все, что нужно, чтобы, въ случаѣ нужды, быстро усилить ихъ. Особенно необходимо заведеніе двухъ-трехъ боевыхъ судовъ, неглубоко-сидящихъ, но прочныхъ, и основаніе артиллерійскихъ складовъ и мастерскихъ, предпочтительно въ Хабаровкѣ и Благовѣщенскѣ, изъ которыхъ первое селеніе уже отчасти и избрано для этого мѣстнымъ артиллерійскимъ начальствомъ. По отношенію къ продовольствію войскъ, необходимо имѣть въ виду, что, при увеличеніи ихъ состава, содержаніе ихъ сдѣлается весьма дорого, такъ-какъ земледѣліе еще не довольно развито въ странѣ и цѣны на разные сорты хлѣба, напримѣръ на среднемъ Амурѣ, представляютъ слѣдующее:

За пудъ.	1866.	1867.	1868.	1869.
Яровая рожь .	1 р.	1 р.	1 р. 35 к.	1 р. 35 к.
Пшеница. . .	1 » 15 к.	1 » 15 к.	1 » 35 »	1 » 35 »
Гречиха . . .	— » 65 »	— » 65 »	— » 67 »	— » 75 »
Ячмень . . .	— » 65 »	— » 65 »	— » 75 »	1 » — »
Овесъ . . .	— » 57 »	— » 57 »	— » 62 »	— » 67 »

Составъ и распредѣленіе войскъ, находящихся на Амурѣ и Усури, видѣнъ изъ квартирнаго росписанія. При этомъ нельзя не замѣтить, что, за исключеніемъ артиллеріи, большая часть этихъ войскъ несетъ болѣе рабочую, чѣмъ собственно военную службу, и потому, естественно, слабѣе въ дѣлѣ тактическаго образованія, чѣмъ войска европейской Россіи. Для нѣкоторыхъ солдатъ все это образованіе состоитъ изъ обученія фронту въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда они были еще въ резервныхъ ботальонахъ. О пѣшихъ казакахъ усурійскаго и амурскаго батальоновъ можно сказать, что они и такого образованія почти не имѣютъ. Конные, на верхнемъ Амурѣ, напротивъ, знаютъ строй, хотя конечно и не имѣютъ боевой опыт-

ности. Продовольствіе свое войска получаютъ изъ магазиновъ въ Благовѣщенскѣ, Хабаровкѣ, Софійскѣ и Николаевскѣ, а запасы аммуниціи и одежды — изъ Иркутска. Вслѣдствіе дальности перевозки и разбросанности людей мелкими командами, послѣдніе предметы не всегда достигаютъ до нихъ во-время. Единственныя военныя больницы на Амурѣ суть батальонные лазареты; въ Николаевскѣ впрочемъ есть больница морскаго вѣдомства.

Источники.

Обширная литература относительно Амурскаго края не можетъ быть здѣсь перечислена; а потому назовемъ только важнѣйшія сочиненія:

1) *Миддендорфа*: «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири».
2) *Маака*: «Путешествія» на Амуръ и на Усури.
3) *Шварца*: Труды Сибирской экспедиціи.
4) *Максимовича*: «Primitiae florae amurensis».
5) *Радде*: «Reise in Süd-Ost-Sibirien».
6) *Будищева и Петровича*: «Описаніе лѣсовъ Усурійскаго края».
7) *Шмидта*: Отчеты Физическаго Отдѣла Сибирской экспедиціи.
8) *Пржевальскаго*: «Путешествіе на Усури».
9) *Людоговскаго*: «Статистическія свѣдѣнія объ Амурскомъ краѣ, собранныя коммиссіею генералъ-адъютанта Сколкова.
10) *Палладія*: «Путешествіе по Маньчжуріи, Амуру и Усурійскому краю».

Кромѣ того, огромное число журнальныхъ статей въ «Зап. Геогр. Обоз.», въ «Морскомъ Сборникѣ» и «Военномъ Сборникѣ», «Mittheilungen» Петермана и проч.

Съемки: Большая двухверстная карта рѣки Амура по съемкамъ Ген. Шт. Восточ. Сибири. Съемки Усури: *Венюкова* и топографовъ Восточной Сибири.

Шварца: Карта бассейновъ Амура, Лены и пр., изд. Геогр. Общ. въ 1863 г. Литографированная карта при отчетѣ коммиссіи генералъ - адъютанта Сколкова, 1869 г.

Четвертый участокъ: Маньчжурія.

Предѣлы и пространство края.

Изъ трехъ губерній, составляющихъ Маньчжурію, къ Россіи прилежатъ только двѣ: Гириньская и Амурская; но какъ во многихъ отношеніяхъ Маньчжурія образуетъ одно цѣлое, то здѣсь она будетъ разсматриваться во всемъ ея объемѣ, т. е. со включеніемъ Ляодуна, или губерніи Шенъ-цзинской. Въ этомъ видѣ границами ея служатъ: на сѣверѣ Амуръ и Усурійскій ея протокъ; на востокѣ Усури, Сунгача и условная черта съ Россіею до Тумень-Улы; на югѣ эта рѣка, хребетъ Чань-бо-шань, условная граница съ Кореею, Желтое море и Ляодунскій его заливъ; на западѣ часть великой стѣны, Тычинковая граница, идущая отчасти по хребту, составляющему юго-восточную окраину Монгольскаго нагорья, условная черта между рѣками Херсу и Нонни, часть теченія этой рѣки и условная линія къ озеру Далайнору, откуда граница направляется по Аргуни, до ея устья. При такихъ предѣлахъ, крайними точками страны будутъ:

На сѣверѣ Амуръ, у Змѣиной горы	54°	5′	ш.
» югѣ Ляодунскій мысъ	38	40	»
» западѣ озеро Далайноръ . . .	135	206	ф.
» востокѣ ст. Казакевичева . . .	152	23	»

что показываетъ, что Маньчжурія лежитъ въ однѣхъ широтахъ съ Италіею, Франціею и южною Англіею.

Кромѣ земель, заключающихся въ указанныхъ границахъ, къ Маньчжуріи можетъ быть причисленъ и архипелагъ острововъ между станицами Нижне-Спасскою, Казакевичевой и Хабаровкою, на которомъ, впрочемъ, условлено не заводить ни нашихъ, ни маньчжурскихъ селеній, а ограничиваться только сѣнокошеніемъ. Да сверхъ того маньчжурскимъ начальствамъ, по силѣ айгунскаго договора 1858 года, подвѣдомственны китайскія селенія на лѣвомъ берегу Амура, на 70 верстъ ниже Благовѣщенска.

Маньчжурія есть, безъ сомнѣнія, лучшее изъ застѣнныхъ владѣній Китая, и въ то же время она лучше всѣхъ подобныхъ владѣній изслѣдована въ географическомъ и въ другихъ отношеніяхъ. Самое раннее и весьма точное описаніе ея составлено было въ XVII вѣкѣ іезуитами Регисомъ и другими, которые производили съемки во всей Китайской имперіи. Затѣмъ въ новѣйшія изданія китайской государственной географіи внесено множество подробностей о топографіи страны, о ея древностяхъ и проч. — подробностей, которыя сдѣлались извѣстными изъ переводовъ професора Васильева. Кромѣ того, съ китайской стороны, мы имѣемъ: официяльныя донесенія особо посыланныхъ мандариновъ о Чань-бо шанѣ и о волканической области Уюнъ-Холдонги, историческія свѣдѣнія о народахъ, обитавшихъ въ Ляодунѣ и въ бассейнѣ Амура, отца Іакинфа, записки китайца Ученя о Нингутѣ, Васильева. Но главная масса свѣдѣній о Маньчжуріи принадлежитъ европейцамъ, путешествовавшимъ по ней, какъ XVII вѣкѣ — Исбрандъ-Идесу и Ланге — такъ и въ наше время, именно въ послѣднія тридцать лѣтъ. Къ новѣйшимъ принадлежатъ французскіе миссіонеры Ферреоль, Вено, Делябрюньеръ, англійскій Уильямсонъ, русскій Палладій Каѳаровъ, гг. Кропоткинъ, Усольцевъ, Хилковскій, Малевичъ, Барабашъ и друг. Сверхъ этихъ источниковъ, при составленіи настоящаго описанія имѣлись въ виду: статья Іакинфа о Маньчжуріи, въ его «Стат. описаніи Китайской имперіи», статья професора Васильева въ «Запискахъ Русскаго Географическаго Общества», рукопись Сычевскаго о Хейлунцзянской провинціи, по китайскимъ источникамъ, статьи Горскаго въ «Трудахъ пекинской миссіи», статья Венюкова въ «Военномъ Сборникѣ» 1871, Клапротовы «Tableaux historiques de l'Asie, Mémoires rélatifs à l'Asie», трудъ Уильямса, донесенія англійскихъ консуловъ и отчеты китайскихъ таможенъ.

Математическая географія Маньчжуріи основана на двухъ разрядахъ данныхъ, отличающихся довольно рѣзко между собою. Это, во-первыхъ, геодезическія работы іезуитовъ XVII столѣтія: Буве, Жарту и Фриделли, а во-вторыхъ, наблюденія нашихъ современныхъ астрономовъ: Рашкова, Усольцева, Гамова въ Приамурьѣ и по Сунгари, и англійскихъ въ Ляодунѣ. Первымъ принадлежатъ 34 пункта и всѣ съемки, на которыхъ до 1854 года исключительно основывалась карта Маньчжуріи, а вторымъ 26 пунктовъ, на которые оперты всѣ русскія съемочныя работы въ Амурскомъ бассейнѣ. Показанія современныхъ геодезистовъ, разумѣется, во многомъ отличны отъ данныхъ католическихъ мисіонеровъ прошлаго вѣка;

но какъ рѣзкихъ, несогласимыхъ противорѣчій мало, то можно сказать, что изъ всѣхъ прилегающихъ въ Россіи частей Средней Азіи Маньчжурія наилучше извѣстна въ топографическомъ отношеніи, и карта ея на столько уже точна, что мы можемъ безъ большой ошибки опредѣлить по ней общую площадь страны въ 15,420 квадратныхъ миль. Изъ этого числа пять шестыхъ принадлежитъ къ водоему Амура, и только одна шестая приходится на бассейны Желтаго и Японскаго морей.

Въ административномъ отношеніи, Маньчжурія, какъ уже упомянуто, дѣлится на три губерніи: сѣверную, Амурскую (Сахалянъ-ула, Хейлунъ-цзянъ), среднюю, Гиринскую, и южную, Мукденьскую (Шенъ-цзинскую). Въ этнографическомъ и историческомъ смыслѣ, первую иногда называютъ Дауріею, вторую собственно Маньчжуріею, третью Ляодуномъ.

Длина пограничной черты Россіи съ Маньчжуріею достигаетъ 3,400 верстъ, изъ которыхъ 660 приходится на Аргунь, 1,696 на Амуръ, 628 на Усури и Сунгачу, остальное на условную черту.

Топографія.

Два главные горные кряжа опредѣляютъ своимъ положеніемъ топографическое устройство Маньчжуріи: *Большой Хинганъ* и *Чаньбошань.* Первый, проходя по западной окраинѣ страны, даетъ начало значительной части рѣкъ Сунгарійскаго и Ляоскаго бассейновъ, текущихъ на востокъ, по общей покатости маньчжурской почвы въ этомъ направленіи. Второй, составляя юго-восточную границу Маньчжуріи, даетъ начало многимъ рѣкамъ, текущимъ на сѣверъ и даже сѣверо-западъ. Обѣ системы образовавшихся такимъ образомъ текучихъ водъ сливаются въ сунгарійской низменности.

Но, кромѣ этихъ двухъ главныхъ горныхъ цѣпей, въ Маньчжуріи есть нѣсколько второстепенныхъ, которыя положеніемъ своимъ опредѣляютъ подробности ея рельефа. Это, именно, *Ляодунскій* хребетъ, на полуостровѣ того же имени, составляющій какъ бы юго-западное продолженіе Чань-бо-шаня; паралельный ему *Гириньскій* кряжъ, который прорывается рѣкою Сунгари близъ Гириня и въ пространствѣ между Сунгари и Хурхою носитъ названіе *Сяо-бошань*; *Кантайскій* хребетъ—сѣверо-восточное продолженіе Чань-бошаня, между Хурхою и Усури; *Мало-Хинганскій* хребетъ, сѣвернѣе

Сунгари, поперекъ Амура, и, наконецъ, *Иль-ури-аминъ*, между Нонни и Амуромъ, паралельно послѣднему. Эти кряжи съ ихъ отклонами наполняютъ болѣе двухъ третей Маньчжуріи, оставляя послѣ долинами и равнинами не болѣе 4,500 квадратныхъ миль. Слѣдующія подробности о строеніи и о физіономіи всѣхъ этихъ горъ извлечены изъ свидѣтельствъ очевидцевъ и частію изъ китайской государственной географіи.

1) Хребетъ *Большой-Хинганъ*, проходящій южною, большею, своею половиною по восточной Монголіи, принадлежитъ Маньчжуріи всею сѣверною своею частью, отъ истоковъ Калки и Чола, изъ которыхъ первая идетъ на западъ, а второй на востокъ. На протяженіи его отсюда къ сѣверу до Амура, то есть на 650 верстахъ, намъ извѣстно не менѣе трехъ проходовъ черезъ него, а вѣроятно ихъ есть и больше, ибо во всѣхъ извѣстныхъ своихъ частяхъ хребетъ нигдѣ не превосходитъ 5—6,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Извѣстные перевалы суть: а) съ рѣки Гана, притока Аргуни, на рѣку Камару, притокъ Амура, никѣмъ еще осмотрѣнъ не былъ, хотя извѣстенъ нашимъ приаргунскимъ казакамъ и тунгусамъ; б) съ рѣки Хайлара на рѣку Наминъ, притокъ Нонни, перевалъ осмотрѣнный въ новое время Кропоткинымъ и имъ подробно описанный; онъ можетъ быть пройденъ съ легкимъ колеснымъ обозомъ; с) съ одного изъ притоковъ Хайлара же на рѣку Ялъ, притокъ Нонни — проходъ, по которому устроена почтовая дорога изъ Цицикара въ городъ Хайларъ, и по которому перевалили еще въ началѣ XVIII столѣтія Исбрандъ-Идесъ и Ланге.

Весь Большой Хинганъ въ предѣлахъ Дауріи отличается крайне-широкимъ заложеніемъ своихъ покатостей, такъ что, несмотря на свою умѣренную высоту, онъ наполняетъ своими отрогами все пространство между Аргунью съ запада и Кумарою и Нонни съ востока, что иногда составляетъ 350—400 верстъ. И онъ далеко не вездѣ оканчивается какъ на западъ, такъ и на востокъ, слабыми покатостями, а, напротивъ, имѣетъ много крутыхъ скалистыхъ обрывовъ. Въ противоположность тому, главный его кряжъ есть плоское, болотистое надутіе почвы, черезъ которое перевалы мало затруднительны и частію даже не сразу замѣтны. Огромные лѣса одѣваютъ весь хребетъ, и не только восточную, маньчжурскую его сторону, но и западную, монгольскую. Въ долинахъ рѣкъ, впрочемъ, встрѣчаются и луговыя равнины, но не въ большомъ числѣ. Самый сѣверный конецъ кряжа, упирающійся въ Амуръ близъ Усть-Стрѣлки, отличается особою суровостью; отроги его стѣсняютъ до-

лину Аргуни, выше слiянiя ея съ Шилкою верстъ на 250, до степени ущелья. Изъ рѣкъ, стекающихъ съ хребта на западъ, заслуживаютъ упоминанiя: *Хайларъ* съ притокомъ *Ибеномъ*, *Ганъ* съ *Дербуломъ* и *Карамуломъ*, *Кенъ* съ *Холономъ*, *Маректа*, *Быстрая* и *Таловка* — всѣ притоки Аргуни, не судоходные, но многоводные во время дождей. На востокъ же текутъ: *Албазиха*, сплавная и частiю даже судоходная, *Панга*, *Кумара*, большой притокъ Амура, до 350 верстъ длиною, *Нонни* съ *Искеномъ*, *Добкуръ*, *Куюръ*, *Канъ*, *Наминъ*, *Ялъ* и *Чолъ*. Послѣднiе шесть суть притоки Нонни, которая поэтому отличается многоводностью. Низовья Намина, Яла и Чола текутъ уже по долинѣ, которая около Цицикара имѣетъ до 50 верстъ ширины.

2) *Илъ-ури-алинь* — кряжъ, дугообразно обнимающiй бассейнъ Нонни-улы съ сѣверо-востока и мѣстами доходящiй отрогами своими на сѣверъ до Амура. Это рядъ высотъ совершенно второстепенныхъ, перевалъ черезъ которыя, напримѣръ по дорогѣ изъ Мергеня въ Айгунъ, не представляетъ никакихъ трудностей. Большая часть хребта покрыта лѣсами и служитъ, вмѣстѣ съ Хинганомъ, главнымъ мѣстомъ для охоты дауровъ и орочонъ.

3) *Малый Хинганъ*, которому нѣкоторые географы предлагали дать названiе Доуссэ-алинь, тянется сѣвернѣе Сунгари, верстахъ во 100—150 отъ ея русла и пересѣкаетъ Амуръ, образуя изъ долины его почти сплошное ущелье на пространствѣ болѣе 130 верстъ. Вѣроятно, въ немъ есть вершины до 4,000 футовъ. Онъ также лѣсистъ, какъ и два предъидущiе хребта, но лѣса здѣсь уже болѣе лиственные, а не хвойные. Съ южнаго склона кряжа сбѣгаютъ рѣки *Хулунъ* и *Ичумъ* съ ихъ притоками, данники Сунгари, съ сѣвернаго *Зонъ* и *Корфинъ-бира*, притоки Амура. По одной изъ продольныхъ долинъ Малаго Хингана течетъ въ Амуръ же рѣка Уй.

Тамъ, гдѣ западное продолженiе Малаго Хингана подходитъ къ долинѣ Нонни, тамъ мы встрѣчаемъ любопытную волканическую область *Уюнъ-Холдонги*. Здѣсь исторически извѣстно огненное извержение не далѣе 1721—1722 г. Мѣстность эта, по природѣ своей напоминающая флегрейскiя поля близъ Неаполя, лежитъ въ 25 верстахъ отъ города Мергеня на юго-востокъ, близъ рѣки Пэмеръ. Во второй половинѣ лѣта 1721 г. здѣсь вдругъ поднялись пламя и дымъ и раздались удары, подобные грому, которые не прерывались ни днемъ, ни ночью и были слышны за 25—30 верстъ. Вылетали черные камни и сѣрныя породы, и такъ продолжалось цѣлый годъ,

вслѣдствіе чего образовалась гора. Сначала испаренія удушали людей верстъ за пятнадцать отъ мѣста изверженія, такъ что на это явленіе можно было смотрѣть только издали, съ горъ; потомъ мало по малу все утихло. Мѣстность Уюнъ-Холдонги лежитъ не ближе 1,000 верстъ отъ Японскаго моря и 1,200 верстъ отъ Байкала, т. е. въ значительномъ отдаленіи отъ большихъ водоемовъ, которыхъ сосѣдство замѣчается при всѣхъ дѣйствующихъ волканахъ. Но необходимо замѣтить, что сосѣдняя долина Нонни отличается обиліемъ мелкихъ озеръ, и самое изверженіе происходило въ урочищѣ, которое прежде вмѣщало озеро до 15 верстъ въ окружности.

4) *Кантай-алинь* почти неизвѣстенъ. Едва послѣднія его оконечности достигаютъ Амура, въ видѣ слабо-покатыхъ холмовъ, покрытыхъ дубовымъ лѣсомъ, и только въ двухъ мѣстахъ подмывы рѣки образовали изъ нихъ утесы. Далѣе къ югу распросныя свѣдѣнія и китайская географія показываютъ, что хребетъ этотъ лѣсистъ, но во многихъ мѣстахъ проходимъ безъ труда. Такіе перевалы мы знаемъ: а) между рѣками Вокенью, бассейна Сунгари, и Норомъ, притокомъ Усури; б) между Думанью и Киркинью; с) въ верховьяхъ Шибхулина; д) въ верховьяхъ Мурени; е) въ верховьяхъ Суйфуна. Два послѣдніе годны для ѣзды въ одноколкахъ. Но если хребетъ невысокъ, то въ ширину, отъ запада къ востоку, отклоны его простираются на значительное разстояніе, упираясь съ одной стороны въ Сунгари ниже Сань-сина, а съ другой въ Усури у Нора и выше, до самой Имани. Остающіяся между отрогами къ сторонѣ Усури долины представляютъ превосходнѣйшія условія для осѣдлой жизни, хотя донынѣ почти пустынны.

5) *Сяо-бо-шань* есть кряжъ, дающій начало правымъ притокамъ Сунгари и лѣвымъ Хурхи. Онъ наполняетъ своими вѣтвями почти все пространство между этими двумя рѣками, весьма отлого падая на сѣверъ и западъ, гдѣ постепенно переходитъ въ низменности. Занимая самый центръ Маньчжуріи, онъ составляетъ едвали и не лучшую ея часть, въ смыслѣ удобствъ для культуры. Вершины горъ, вообще невысокихъ, обыкновенно покрыты превосходными лѣсами, а долины образуютъ сочные луга съ небольшими рощами. Здѣсь, вслѣдствіе этого, водворилось за послѣднія 100—150 лѣтъ довольно многочисленное китайское населеніе, которое переходитъ на лѣвый берегъ Сунгари, къ южнымъ склонамъ и развѣтвленіямъ Малаго Хингана.

По покатостямъ Сяо-бо-шаня проложено немало экипажныхъ

дорогъ, изъ числа которыхъ здѣсь стоитъ упомянуть: а) изъ Гириня въ Нингуту, черезъ кряжъ, повидимому, не очень высокій, связывающій Сяо-бо-шань съ Чань-бо-шанемъ б) изъ Гириня въ Сань-синъ и с) изъ Бедуне туда же. Послѣдняя дорога уже идетъ почти совершенною равниною.

Составляетъ ли дѣйствительное продолженіе Сяо-бо-шаня къ юго-западу хребетъ, который тянется отъ Гириня къ Мукдену, трудно сказать. Въ всякомъ случаѣ, сближеніе оконечностей обоихъ очень замѣтно по быстрому съуженію Сунгарійской долины около Гириня и нѣсколько выше и ниже его. Этотъ Западно-Сунгарійскій хребетъ лѣсистъ, но невысокъ, такъ что дорога изъ Мукдени въ Гиринь все время идетъ по сѣверному его склону въ полвысоты, пересѣкая многочисленныя рѣки, бѣгущія къ сѣверу.

6) *Чань-бо-шань*, или Голминь-шаньянъ-алинь (Большія Бѣлыя горы), есть важнѣйшій горный массивъ Маньчжуріи, котораго дикая природа дѣлаетъ его во многихъ мѣстахъ трудно-доступнымъ. Высшія точки его, повидимому, лежатъ вблизи истоковъ Сунгари, Ялу-цзяна и Тумень-улы. Но здѣсь за истокъ для всѣхъ этихъ трехъ рѣкъ имѣющіяся свѣдѣнія заставляютъ принимать не какой-либо пикъ, а, напротивъ, нагорную площадь, среди которой есть озеро. Вообще, имѣются ли въ Чань-бо-шанѣ горы на столько высокія, чтобы онѣ носили вѣчный снѣгъ, доселѣ недознано съ точностію, хотя посланные китайскимъ императоромъ для поклоненія духу горъ чиновники и видѣли здѣсь, именно близь верховьевъ Сунгари, большую Бѣлую гору. Во всякомъ случаѣ, переходъ черезъ хребетъ трудно-доступенъ, ибо съ давняго уже времени онъ служитъ этнографическою границею между маньчжурами и корейцами. Одна изъ южныхъ его отраслей, Нару-Воцзи, между Ялу-цзяномъ и Тонгя-цзяномъ, въ китайской географіи описывается очень лѣсистою; да и вообще весь хребетъ покрытъ огромными вѣковыми лѣсами, которыхъ опушка къ сѣверу спускается почти до дороги изъ Нингуты въ Гиринь.

Переходы черезъ Чань-бо-шань извѣстны только у оконечностей его, именно на сѣверо-востокѣ по дорогѣ изъ Нингуты въ Хуньчунь, и на юго-западѣ у Индена и Фынъ-хуанъ-чена — послѣдній колесный. Крайніе къ юго-западу отроги хребта, на полуостровѣ Ляодунѣ, уже не представляютъ большихъ затрудненій къ устройству поперечныхъ дорогъ, которыя и существуютъ въ нѣсколькихъ направленіяхъ.

7) Что касается до горъ западной половины Ляодуна, т. е. до

прибрежнаго хребта Желтаго моря, то между различными массивами, его составляющими, наиболѣе высокіе суть: *Бао-гунъ-линъ*, между Шаньха-гуанемъ и Нинъ-юань-чжеу; *Гань-цао-линъ*, *Лянь-шань*, *Сунъ-шань* и *Шуянъ-янъ*, между Нинъ-юанемъ и рѣкою Далинъ-хэ, и, наконецъ, хребетъ *Гуанъ-нинъ-шань*, на востокѣ отъ послѣдней рѣки. Нѣкоторыя изъ этихъ горъ, вѣроятно, превосходятъ 4 и 5,000 футовъ надъ моремъ; но нельзя сказать, чтобы онѣ образовали сплошные утесы къ сторонѣ моря. Напротивъ, вопреки мнѣнію Риттера, онѣ мѣстами оставляютъ береговую долину, а къ востоку отъ Далинъ-хэ и совсѣмъ оставляютъ морское прибрежье.

Такова сущность извѣстныхъ намъ орографическихъ данныхъ о Маньчжуріи. Но какъ ни гориста эта страна, все же по отношенію къ культурѣ, а также и въ стратегическомъ смыслѣ, первое мѣсто въ ней принадлежитъ не этимъ горамъ, а обширнымъ равнинамъ, разстилающимся между ними. Такихъ равнинъ пять: *Ляодунская*, *Нонни-сунгарійская*, *Нижне сунгарійская*, *Нижне-усурійская* и *Сунгачанская*. Первая изъ нихъ, по обоимъ берегамъ рѣки Ляо-хэ, есть плодороднѣйшая и наиболѣе густо населенная часть Маньчжуріи, имѣющая древесную растительность, насажденную рукой человѣка, но уже почти не имѣющая естественныхъ рощъ. Ея пространство приблизительно равно 300 кв. миль. Вторая равнина, Нонни-сунгарійская, есть самая обширная изъ всѣхъ и начинается нѣсколько сѣвернѣе Мергени, откуда тянется на югъ, вдоль Нонни, постепенно расширяясь съ приближеніемъ къ Сунгари. Она почти совершенно горизонтальна, вслѣдствіе чего р. Нонни течетъ очень медленно и нерѣдко образуетъ широкіе плесы почти стоячей воды. Кромѣ того, по всей равнинѣ разбросано множество озеръ, не имѣющихъ стока и крайне затрудняющихъ продолженіе хорошихъ грунтовыхъ дорогъ, такъ какъ во время дождей перешейки между ними становятся чрезвычайно грязными. Таковы озера *Вэнъ-то-хунъ*, *Уланоръ*, *Амтату-омо*, *Чаганъ-омо*, *Хуюръ-омо* и множество другихъ, которыхъ вдоль одной почтовой дороги изъ Цицикара въ Гиринь можно насчитать нѣсколько десятковъ. Мягкая почва равнины служитъ причиною размыванія рѣками ихъ береговъ и образованія островковъ и мелей въ самыхъ руслахъ. Такъ, при сліяніи Сунгари и Нонни, есть цѣлый архипелагъ; при впаденіи рр. Чола и Яло въ Нонни — также. По лѣвой сторонѣ Сунгари такая низменность простирается по крайней мѣрѣ на 350 верстъ ниже сліянія ея съ Нонни, и притомъ она тянется далеко въ глубь страны, т. е. на сѣверъ. Что же касается до южнаго, праваго, берега, то здѣсь повсюду на

разстояніи 15—30 верстъ, иногда ближе, равнина начинаетъ переходить въ мѣстность слабоволнистую, частію луговую, частію лѣсистую и покатую къ сѣверу. Выше и ниже устья р. Хурхи, Сунгари орошаетъ уже не обширную равнину, а только полосу земли шириною въ нѣсколько верстъ, причемъ увалы нерѣдко подходятъ то слѣва, то справа къ самому руслу рѣки. Самая почва долины болѣе возвышенна надъ рѣчнымъ уровнемъ, и притомъ правый берегъ большею частію командуетъ лѣвымъ. Но верстъ 200 не доходя до слiянія Сунгари съ Амуромъ, долина опять переходитъ въ необозримую низменность, частію луговую, частію даже болотистую. Эта низменность распространяется и на лѣвый берегъ Амура; по правому же его берегу, уже въ 15 верстахъ ниже сунгурійскаго устья появляются увалы, какъ послѣдніе къ сѣверо-западу отроги Кантая. Такой характеръ страны сохраняется ею до отдѣленія изъ Амура Усурійскаго его протока, въ 65 верстахъ выше Хабаровки. Отсюда какъ по правому берегу Амура, такъ и по лѣвому Усури, до самаго устья Нора, разстилается одна сплошная низменность, богатая стоячими водами, въ видѣ озеръ и болотъ. Среднее теченіе Усури между Норомъ и Ниманью еще сопровождается по-временамъ восточными отклонами *Кантая*, которыя мѣстами, какъ, напримѣръ, у Нора и Думани, упираются въ самое русло рѣки; но выше Нимани равнина опять дѣлается сплошною и столь низкою, что разливы Мурени и Сунгачи нерѣдко обращаютъ ее въ обширное озеро или, по крайней мѣрѣ, въ рядъ озеръ. Самые берега озера *Ханкая* съ сѣвера и сѣверо-востока столь низки, что послѣ сильныхъ дождей и возвышенія воды на 2—3 фута, значительная часть ихъ становится дномъ Ханкая. Только у поста Турій-Рогъ появляются первые отроги Кантая къ востоку. Затѣмъ вдоль западнаго берега этого обширнаго водоема, въ русскихъ предѣлахъ, долины и холмы перемежаются другъ съ другомъ; въ Маньчжуріи же, по самой границѣ ея, идетъ лѣсистый Кантай, раздѣленный на два параллельные кряжа, изъ которыхъ западный, по лѣвому берегу верхней Мурени, есть главный.

Рѣка *Хурха*, правый притокъ Сунгари, повидимому орошаетъ не широкую низменность, а лишь узкую долину, сжимаемую то справа, то слѣва горами или увалами. По крайней мѣрѣ это должно заключить изъ китайской географіи, изъ іезуитскихъ картъ и свидѣтельства Уильямсона, что вдоль Хурхи, между Сань-синомъ и Нингутой, нѣтъ сухопутной дороги, которую проложить, вѣроятно,

нелегко, по причинѣ волнистой почвы *). Но въ верхнемъ теченіи своемъ Хурха проходитъ чрезъ довольно обширную котловину, длиною 15 и шириною 10 верстъ, гдѣ стокъ водъ съ сосѣднихъ хребтовъ образовалъ озеро *Биртынъ*. Городъ Нингута, о которомъ имѣются свидѣтельства нѣсколькихъ очевидцевъ и который лежитъ въ 60 верстахъ ниже озера, расположенъ въ небольшой береговой долинѣ Хурхи, отовсюду, особенно съ востока, окруженной горами.

Естественная производительность.

Положеніе Маньчжуріи въ однѣхъ широтахъ съ Франціею и Италіею, и притомъ въ той части азіятскаго материка, которая хорошо увлажается дождями, позволяетъ надѣяться видѣть почву ея покрытою пышною растительностью. И въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ такую. Но климатическія условія Маньчжуріи рѣзко отличаютъ ее не только отъ Италіи, а даже отъ Франціи. Собственно внутри страны мы, конечно, не имѣемъ метеорологическихъ наблюденій, однако выводы изъ такихъ наблюденій въ слѣдующихъ сосѣднихъ мѣстахъ:

Нерчинскомъ заводѣ . . .	51° 18′ ш.	3°2	Р. ф. тем.
Благовѣщенскѣ	50° 15′	— 0°2	
Заливѣ Посьета	42° 30′	+ 4°6	
Пекинѣ	36° 56′	+ 10°1	

не оставляютъ сомнѣнія, что Маньчжурія на цѣлые девять градусовъ холоднѣе соотвѣтственныхъ странъ въ Западной Европѣ и даже въ Европейской Россіи, гдѣ температура Благовѣщенска, а слѣдовательно Айгуна и Мергени, встрѣчается сѣвернѣе Петрозаводска. Къ общей суровости климата нужно прибавить его значительную сырость, которая дѣлаетъ очень прохладнымъ лѣто во всемъ Амурскомъ бассейнѣ и заливаетъ страну огромными снѣгами въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. На сѣверѣ Маньчжуріи, за параллелью 51°, зима продолжается ровно полгода, съ конца октября до конца апрѣля, и въ самомъ Ляодунѣ, подъ однѣми широтами съ средней и южной Италіей, снѣгъ держится полтора и два мѣсяца, хотя, взамѣнъ, лѣтомъ тутъ бываютъ большіе жары.

*) При печатаніи настоящаго сочиненія въ распоряженіи моемъ не было рукописи и съемкъ г. Барабаша, составляющихъ результатъ его путешествія по Хурхѣ въ 1872 г., хотя матеріалы эти и были уже въ Петербургѣ.

Соотвѣтственно такимъ климатическимъ условіямъ, а также топографіи страны и слабой населенности большей части ея, растительный покровъ есть преимущественно лѣсной по горамъ и луговой въ равнинахъ. Степей же въ средне-азіятскомъ смыслѣ нѣтъ вовсе, что рѣзко отличаетъ Маньчжурію отъ всѣхъ другихъ земель, прилежащихъ къ Азіятской Россіи. Лѣса особенно изобильны на сѣверо-западѣ, въ Дауріи, и на юго-востокѣ, по Чань-бо-шаню и Кантай-алиню. Въ первой мѣстности они, по большей части, хвойные, изъ сосны, лиственницы, ели и кедра; но уже на восточной сторонѣ Большаго Хингана, особенно въ бассейнѣ Нонни, къ хвойнымъ породамъ начинаютъ примѣшиваться лиственныя, именно дубъ, черная береза, липа, черемуха, кленъ и т. д. Въ Маломъ Хинганѣ эти лиственныя породы, съ присоединеніемъ къ нимъ вяза и многихъ другихъ деревьевъ, также виноградной лозы, жасмина, бересклета, лещины, шиповника и проч. въ видѣ порослей, начинаютъ рѣшительно преобладать, а отклоны Кантая почти исключительно одѣты лиственными лѣсами, среди которыхъ встрѣчается пробковое дерево. Часть дубовыхъ лѣсовъ въ восточной Маньчжуріи подвергалась истребленію отъ китайскихъ промышлениковъ, которые срубаютъ дубовыя деревья, чтобы, при гніеніи ихъ, добывать обильно-произростающіе на корѣ грибы. Но все-таки эти лѣса очень обширны и составляютъ богатый запасъ строеваго и подѣлочнаго матеріяла. Среди ихъ производится и отыскиваніе знаменитаго въ Китаѣ лекарственнаго корня жень-шеня.

Луговая растительность средней Маньчжуріи, т. е. Сунгарійскаго бассейна, отличается высотою и сочностью травъ, которыя нерѣдко достигаютъ человѣческаго роста. Но наравнѣ съ ними есть много растеній болотныхъ. Любопытно также обиліе лилій, красныхъ, желтыхъ и проч. Повсюду въ Маньчжуріи, начиная отъ паралели Айгуна, возможны два покоса, которые даже были бы полезны, ибо теперь трава, вырастающая во вторую половину лѣта, обыкновенно сожигается въ слѣдующую весну на корню, чтобы дать мѣсто свѣжему сѣну, что производитъ обширные лѣсные и полевые пожары.

Культурныя травяныя растенія въ Маньчжуріи суть: просо, главная пища народа, сахарное просо или гаолянъ, преимущественно на югѣ, кукуруза, пшеница, ячмень, овесъ; въ Ляодунѣ, мѣстами, хлопокъ и рисъ; повдюду картофель, бобы, макъ (для опіума), кунжутъ; изъ овощей капуста, лукъ, чеснокъ, огурцы. Слѣдующая табличка, составленная Уильямсономъ, дастъ понятіе

о времени развитія культурной и лѣсной растительности въ средней Маньчжуріи:

1-го (12-го) мая 1868 года окрестность *Бедунэ*:

Яровая пшеница имѣла росту 1 вершокъ.

Просо, конопля, кукуруза—засѣвались.

Картофель—засаживался.

Макъ, табакъ—приготовлялась почва.

Ива, береза и вязъ—развертывали почки.

18-го (30-го) мая въ окрестности *Ажехэ*:

Яровая пшеница имѣла росту 2 вершка, кукуруза 1 вершокъ.

Лукъ, чеснокъ и шпинатъ—продавались свѣжіе.

На всѣхъ деревьяхъ листья.

Конопля ростомъ $1^1/_4$ вершка.

26-го мая (8-го іюня), сѣвернѣе *Гириня*:

Деревья—во всей роскоши листвы.

Луговые цвѣты: геранiй, нетронь-меня, мята и проч.—въ полномъ развитіи.

Культурныя растенія воздѣлываются въ Маньчжуріи съ тѣмъ трудолюбіемъ, къ которому масса земледѣльцев—китайцы—привыкли на родинѣ. Они даютъ хорошіе урожаи, если только лѣто не бываетъ слишкомъ дождливо. Изъ плодовъ особенно извѣстны нингутинскія груши.

Сравнительно съ обиліемъ травъ, скотоводство въ Маньчжуріи имѣетъ недостаточное развитіе. Здѣшній рогатый скотъ образуетъ крѣпкую, но некрупную породу; лошади также; овецъ мало. За то свиньи въ изобиліи, равно какъ домашняя птица—утки, куры, гуси. Порядочное коннозаводство извѣстно только въ одной мѣстности, около Ичжеу, въ Ляодунѣ, гдѣ пасутся казенные табуны. Что же касается до дикихъ животныхъ, полезныхъ человѣку, то они довольно многочисленны во всѣхъ маньчжурскихъ лѣсахъ, особенно медвѣди, дикія козы, бѣлки, лисицы, соболи (въ Даурiи). Нерѣдки ирбизы и тигры. Охота на дикихъ звѣрей служитъ важнымъ промысломъ для мелкихъ тунгузскихъ племенъ—дауровъ, солоновъ, орочонъ, гольдовъ, и производится большею частію съ луками и стрѣлами, а не съ ружьемъ, чтобъ не пугать звѣря. Наравнѣ съ нею, и даже отчасти выше ея по приносимой пользѣ, стоитъ рыбная ловля, которою занимаются всѣ прибрежные жители Сунгари, Хурхи, Нонни, Усури и проч., особенно охотничьи племена, которыхъ время такимъ образомъ дѣлится на два сезона: рыболовный—лѣтомъ, звѣриный—зимою. Въ Сунгари, ниже Ги-

рина, водятся еще жемчужныя раковины, и ихъ добываніе составляетъ монополію императора. Жемчугъ, трава ула, подкладываемая въ обувь для согрѣванія ногъ, и корень жень-шень суть тѣ произведенія Маньчжуріи, которыя упрочили за ней особую славу между китайцами.

Минеральная производительность страны почти ничтожна, по той причинѣ, что рудные промыслы въ ней издавна были запрещены, подъ нелѣпымъ предлогомъ, будто не должно безпокоить священную почву родины императорскаго дома. Тѣмъ не менѣе въ послѣдніе годы сдѣлались извѣстными мѣсторожденіями каменнаго угля въ Ляодунѣ *), на верхней Сунгари и на среднемъ Амурѣ, именно верстахъ въ 50 выше Айгуна и невдалекѣ отъ устій Буреи. Ссыльные и бѣглые китайцы, бродя по отрогамъ Кантая, отыскали также золото, и жадно бросились на его разработку съ 1862 года. Кромѣ того, золото находится въ Кинъ-чжеу и по рѣкѣ Пайли-хэ, въ Ляодунѣ. Мѣсторожденія серебра извѣстны также въ Ляодунѣ около Лу-гуанъ-фына.

Промыслы и торговля.

Что касается до промышленности въ Маньчжуріи, то она, можно сказать, состоитъ пока исключительно изъ земледѣлія и нѣкоторыхъ необходимыхъ ремеслъ: плотничества, судостроенія, кузнечества, шитья обуви и одежды и т. п. Заводская же промышленость совершенно не развита. Все, что нужно для жителей въ ихъ домашнемъ быту, привозится изъ Китая, а въ послѣднее время и изъ Европы, чрезъ Нючуанскій портъ. Недостатокъ хорошихъ сухопутныхъ дорогъ естественно препятствуетъ равномѣрному распредѣленію привозимыхъ товаровъ, и потому въ сѣверной части страны они дороги. Впрочемъ, большія рѣки, Сунгари и Нонни, много облегчаютъ доставку произведеній Китая внутрь Маньчжуріи, но только въ мѣстности, прилежащія къ этимъ рѣкамъ. Центромъ мѣстной ремесленности служитъ Мукдень, а потомъ слѣдуютъ Гиринъ, Ажехэ и Нингута. Торговля также сосредоточена въ этихъ пунктахъ и кромѣ того въ Ню-чуанѣ, Куанъ-ченъ-цзе, Фынъ-хуанъ-ченѣ, Хун-чунѣ и Сань-синѣ. Мы не имѣемъ никакого понятія о

*) Именно, на самомъ полуостровѣ: у д. Пула-дунь, на островѣ Сянь-энь-тао, въ 45 верстахъ на югъ отъ Фу-чжеу, у бухты Да-мянь-ванъ, восточнѣе города Ляо-яна, у Мя-кя-фу и Пинъ-хи-ху.

ея размѣрахъ, за исключеніемъ порта Ню-чуань, котораго обороты были:

	По привозу.		По вывозу.	Всего.
Въ 1864 году	1,419,476	р. с.	3,420,796	4,840,272
› 1865 ›	3,372,352	—	4,334,628	7,706,980
› 1866 ›	4,648,814	—	3,839,860	8,488,674
› 1867 ›	6,101,286	—	4,787,174	10,888,460
› 1868 ›	9,831,678	—	3,183,238	13,014,914

Отсюда видно, что торговля этого порта быстро возрастаетъ, но почти исключительно въ смыслѣ привоза въ него чужеземныхъ продуктовъ, преимущественно европейскихъ, которыхъ въ 1868 году привезено на 5,100,000 рублей серебромъ. Впрочемъ, относительно говоря, китайская ввозная торговля въ Ню-чуанѣ сдѣлала еще болѣе быстрые успѣхи; но она совершалась большею частію при посредствѣ европейскихъ кораблей, которыхъ совмѣстничество убиваетъ туземное судоходство. Главными статьями привоза служатъ хлопчато-бумажныя ткани, опіумъ, сахаръ и металлическія издѣлія; между вывозимыми товарами господствующее мѣсто занимаютъ бобы, бобовое масло и бобовыя выжимки, изъ которыхъ первые идутъ въ сѣверные порты Китая, а выжимки въ южныя его провинціи, гдѣ ихъ употребляютъ на удобреніе сахарныхъ и хлопковыхъ плантацій. Изъ Ню-чуаня привозные товары распространяются до Мукдена и потомъ идутъ либо чрезъ Гиринь въ Нингуту, либо чрезъ Куанъ-ченъ-цзе въ города по Сунгари.

О торговомъ значеніи городовъ Фынъ-хуана, Хунь-чуни, Нингуты и проч. будетъ сказано ниже, при ихъ описаніи. Здѣсь замѣтимъ, что въ первыхъ двухъ сосредоточена торговля съ Кореею.

Для внутренней торговли, какъ упомянуто, оказываютъ много услугъ рѣчныя сообщенія. Нужныя при этомъ суда строятся, главнымъ образомъ, въ Гиринѣ и Цицикарѣ.

Торговля Маньчжуріи съ Россіею почти ничтожна. Ея главныя средоточія въ Благовѣщенскѣ, въ сосѣднихъ ему Айгунѣ и деревнѣ Амба-Сахалянъ, и потомъ въ заливѣ Посьета, гдѣ, впрочемъ, собственно нѣтъ торга съ русскими, а есть только отпускъ за границу наловленной китайцами у нашихъ береговъ морской капусты. Стоимость этого послѣдняго продукта въ 1868 году достигала до 185,000 рублей серебромъ. Мелкая торговля пограничныхъ жителей производится еще по берегамъ Аргуни и на среднемъ Амурѣ. Попытки же съ нашей стороны завести правильныя торговыя сношенія на Сунгари доселѣ не имѣли успѣха.

Пути Сообщенія.

Такъ какъ о рѣчныхъ путяхъ уже сказано, то здѣсь будутъ исчислены только сухопутные. По отношенію къ Россіи важны собственно только тѣ, которые проходятъ по губерніямъ Амурской и Гириньской; но мы приведемъ и нѣсколько дорогъ по Ляодуну и даже по восточной Монголіи, которыя связываютъ Маньчжурію съ правительственнымъ центромъ Китайской имперіи, Пекиномъ.

Такимъ образомъ получится слѣдующее:

А. Дороги отъ *восточныхъ* предѣловъ Маньчжуріи до Гириня:

1) Отъ залива Посьета чрезъ Хунь-чунь на Нингуту 562 версты пути гористаго, лѣсистаго, мало населеннаго и труднаго для экипажей.

2) *Изъ долины Суйфуна въ Нингуту.* По этой дорогѣ отъ Владивостока до Нингуты 15 дней ходу, вѣроятно около 300 верстъ. Въ русскихъ предѣлахъ (160 верстъ) дорога эта идетъ вдоль лѣваго берега Суйфуна, а въ маньчжурскихъ чрезъ верховья Мурени и по рѣкѣ Куйтулину. По ней разбросаны дома бѣглыхъ китайцевъ.

3) *Съ береговъ Усури по Мурени въ Нингуту* — вьючная дорога, годная по нуждѣ и для легкихъ повозокъ. По дорогѣ лѣса и частью горы, почти безъ населенія; 20 дней ходу (400 верстъ).

4) *Съ береговъ Усури вдоль Думани и Вокени въ Саньсинъ* — плохая вьючная тропинка, извивающаяся посреди лѣсистыхъ горъ, болѣе 360 верстъ.

5) *Съ береговъ Усури по Нору* и *Вокени*—такая же тропинка, около 400 верстъ.

Между городами *Сань-синомъ* и *Нингутою*, по словамъ Уильямсона, нѣтъ дороги; сообщенія производятся лѣтомъ на лодкахъ, а зимою по льду, вдоль рѣки Хурхи.

6) Отъ устій Сунгари по этой рѣкѣ до Сань-сина, а оттуда по почтовой дорогѣ до Гириня 737 верстъ.

Б. Дороги *по сѣверной* Маньчжуріи:

7) Отъ Благовѣщенска черезъ Цицикаръ до Гириня колесная и даже почтовая, 977 верстъ по странѣ населенной; болѣе чѣмъ на 750 верстахъ паралельно съ нею идетъ водяной путь по Нонни и Сунгари.

8) Побочная почтовая дорога изъ Цицикара въ Хулань-ченъ — 431 верста.

9) Дорога изъ Цурухайту, на Аргуни, въ Мергень, съ трудомъ проѣзжаемая на колесахъ—477 верстъ.

10) Изъ Цурухайту же въ Цицикаръ на Хулунь-боиръ — 539 верстъ плохой колесной дороги.

В. Дороги *къ Пекину.*

11) Отъ Гириня до Мукденя 404, а оттуда до Пекина 749, всего же 1, 153 версты почтоваго пути по странѣ населенной.

12) Кратчайшая дорога въ Пекинъ изъ Цицикара черезъ восточную Монголію—1,133 версты.

13) Кратчайшая дорога изъ Бедуне черезъ Монголію же до Пекина—970 верстъ.

14) Кромѣ того, внутри Маньчжуріи есть порядочная колесная дорога поперегъ страны, отъ Бедуне чрезъ Ажехэ въ Сань-синъ.

Населеніе.

Было время, когда весь бассейнъ Сунгари, т. е. главная часть Маньчжуріи, не имѣлъ другаго населенія, кромѣ разныхъ тунгузскихъ племенъ. Это время отстоитъ отъ насъ менѣе чѣмъ на два съ половиной столѣтія. Но съ тѣхъ поръ какъ маньчжурскіе государи, тунгузской расы, возсѣли на пекинскій престолъ и вывели въ Китай значительную часть своихъ соплеменниковъ, чтобы помощью ихъ поддерживать свое господство въ Срединномъ царствѣ, съ тѣхъ поръ приливъ въ маньчжурскія пустыни китайцевъ сдѣлался такъ великъ, что страна стала въ этнографическомъ смыслѣ какъ бы продолженіемъ Шань-дуна и Чжи-ли. Изъ 12 милліоновъ душъ, которыя, по Уильямсону и другимъ новѣйшимъ авторитетамъ, составляютъ населеніе Маньчжуріи, едва-ли найдется одинъ милліонъ туземцевъ; остальные 11 милліоновъ китайцы. Да и въ составѣ одного тунгузскаго милліона значительная часть утратила всѣ свои племенныя особенности, даже языкъ, и сдѣлалась по наружности трудно-отличимою отъ пришельцевъ изъ-за великой стѣны. Особенно Ляодунъ нужно считать совершенно китайской землею; въ остальныхъ же двухъ губерніяхъ китайцы составляютъ замѣтное большинство, и только въ суровой Дауріи они уступаютъ числомъ туземцамъ: солонамъ, дахурамъ, орочонамъ и баргу-бурятамъ. Слѣдующія подробности дадутъ болѣе обстоятельное понятіе какъ о племенномъ составѣ, такъ и о степени гражданскаго развитія маньчжурскаго населенія.

Китайцы, какъ сказано, образуютъ огромное большинство, именно до 11 милліоновъ. Изъ нихъ 8 или 9 милліоновъ живутъ въ Ляодунѣ, который такимъ образомъ является страною весьма густо-населенною (до 3,000 душъ на кв. м.). Трудолюбивое населеніе это, составленное большею частію изъ шань-дунцевъ, чжилійцевъ и ихъ потомковъ, сдѣлало Шенъ-цинскую провинцію совершеннымъ продолженіемъ своей родины и сохранило всѣ ея обычаи. Сверхъ неустанныхъ земледѣльческихъ работъ, оно дѣятельно занято ремеслами, торговлей и перевозкой товаровъ. Сорго, кукуруза, бобы, частію рисъ, хлопокъ и даже шелкъ, затѣмъ конопля и макъ старательно воздѣлываются въ Ляодунѣ. Въ такихъ городахъ, какъ Мукдень, Цзинъ-чжеу-фу, Фынъ-хуанъ-ченъ, кипитъ дѣятельная торговля. Повсюду есть училища для дѣтей, и китайская цивилизація здѣсь столь же развита, какъ и въ самомъ Срединномъ царствѣ. Китайскіе чиновники занимаютъ большую часть канцелярскихъ должностей, хотя, нужно замѣтить, въ Маньчжуріи, по закону, правительственная власть принадлежитъ исключительно маньчжурамъ. Также и земли, нанимаемыя китайскими хлѣбопашцами, нерѣдко принадлежатъ туземнымъ дворянамъ, которые впрочемъ сами вполнѣ окитаились.

Въ гириньскомъ и въ цицикарскомъ воеводствахъ китайцы больше изъ ссыльныхъ или изъ ихъ потомковъ. Такъ, напримѣръ, Цицикаръ имѣетъ въ составѣ своего населенія значительное число политическихъ ссыльныхъ или оштрафованныхъ чиновниковъ. Въ деревняхъ также нерѣдко можно видѣть ссыльно-переселенцевъ, которые водворены тутъ для обработыванія казенныхъ земель, съ обязанностью извѣстное количество хлѣба доставлять ежегодно въ казну. Замѣчательно, что эти ссыльные, нерѣдко поселенные среди маньчжуровъ или солоновъ, не сливаются съ ними и продолжаютъ говорить своимъ языкомъ, какъ то мы видимъ даже на Амурѣ, около Айгуна, гдѣ есть селенія маньчжурскія, даурскія и китайскія. Въ пустыняхъ сань-синскаго, нингутинскаго и хуньчуньскаго округовъ весьма многочисленны бѣглые безсемейные китайцы, такъ называемые *маньцзы*. Они частію занимаются земледѣліемъ, частію отправляются лѣтомъ на промыслы трепанговъ и морской капусты въ наши владѣнія, частію собираютъ и сѣютъ жень-шень и, наконецъ, отчасти ведутъ мелочную торговлю, содержатъ постоялые дворы, игорные дома и т. п.

Дунгане, т. е. окитаившіеся турки, весьма многочисленны въ Маньчжуріи, куда ихъ ссылало китайское правительство. Они

имѣютъ вполнѣ наружность китайцевъ, но отличаются мусульманскою вѣрою, энергическимъ характеромъ, трезвостью и національною сплоченностью, подобно евреямъ у насъ. Особенно многочисленны въ городахъ Гиринѣ, Бедунэ, Аже-хэ и Сансинѣ. Въ Аже-хэ они составляютъ болѣе четверти всего населенія, именно 1,800 семей. Всюду они имѣютъ свои мечети. Китайцевъ и маньчжуровъ ненавидятъ и весьма склонны къ возмущеніямъ противъ нихъ. Возмущенія и бывали уже не разъ, при чемъ обыкновенно первые удары китайской мести падали на муллъ и на мечети.

Маньчжуры — коренное населеніе верхне-сунгарійскаго и отчасти ляосскаго бассейновъ, нынѣ, какъ сказано, большею частію окитаившееся. Имъ принадлежитъ значительная часть земель въ шенъ-цзинской и гиринской губерніяхъ, на правахъ помѣщиковъ и военныхъ поселянъ, ибо всѣ маньчжуры — военные, подобно нашимъ казакамъ. Маньчжуры же одни могутъ занимать главныя правительственныя должности въ странѣ, хотя они нерѣдко управляются китайскими письмоводителями и секретарями. Въ сѣверныхъ провинціяхъ они сохранили свою національность, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ языка, усвоивъ впрочемъ одежду, жилище и обыкновенія китайскихъ пришельцевъ. Изъ нихъ состоятъ гарнизоны всѣхъ городовъ Маньчжуріи, и они же содержатъ пограничные посты.

Таковы осѣдлые и «цивилизованные» обитатели страны, занимающіе ея села и города. Теперь исчислимъ менѣе образованныхъ, полуосѣдлыхъ и бродячихъ. Между ними первое мѣсто принадлежитъ *дахурамъ*, обитателямъ бассейна Нонни и частію береговъ Амура. Это также земледѣльцы-воины, подобно маньчжурамъ; но они отличаются отъ послѣднихъ языкомъ (впрочемъ тоже тунгузскаго корня) и промыслами, между которыми немаловажное мѣсто занимаетъ охота на лѣсныхъ звѣрей. Число дахуровъ не велико, именно не болѣе 15,000 душъ обоего пола. Почти наравнѣ съ ними по числу стоятъ родственные имъ, по происхожденію и занятіямъ, *солоны*, обитатели праваго берега Нонни, тогда какъ дахуры держатся больше на лѣвомъ. Оба эти племени несутъ военную службу и считаются храбрѣйшими ратниками Небесной имперіи. Они состоятъ изъ людей крѣпкаго сложенія, выносливыхъ и очень искусныхъ въ стрѣльбѣ изъ луковъ и ружей. Управленіе ими принадлежитъ особымъ военачальникамъ изъ ихъ среды, живущимъ въ Бутхѣ, на Нонни.

Гольды, сунгарійскіе, амурскіе и усурійскіе, суть настоящіе

охотничій и рыболовный народъ. Въ старинныхъ китайскихъ описаніяхъ ихъ называли юй-пхи-да-цзы, т. е. рыбокожіе инородцы, потому что нѣкоторыя части ихъ одежды состояли изъ рыбьихъ кожъ. Теперь они уже почти не носятъ такихъ одеждъ, замѣнивъ ихъ китайскими и отчасти русскими тканями. Кромѣ того они ведутъ нынѣ уже не чисто-бродячую, а полуосѣдлую жизнь, имѣя дома на китайскій ладъ и только часто отлучаясь изъ нихъ для охоты и рыбной ловли. Племя это малочисленно, едва ли состоитъ болѣе чѣмъ изъ 6—7,000 душъ, но разбросано на огромномъ пространствѣ отъ малаго Хингана до озера Ханка и отъ Хурхи до устья Усури. Обыкновенно оно живетъ деревеньками въ два, три двора, при которыхъ изрѣдка есть огороды и высятся на столбахъ амбары для храненія мѣховъ и сушеной рыбы.

Манегры и *орочоны* суть обитатели верхняго Амура, совершенно бродячіе, т. е. не имѣющіе домовъ. Изъ нихъ первые держатъ для перевозки своего скарба лошадей, а послѣдніе оленей. Живутъ въ юртахъ изъ березовой коры или изъ звѣриныхъ шкуръ. Занимаются исключительно рыболовствомъ и охотою. Крайне бѣдны. Число ихъ едва ли превосходитъ нѣсколько сотъ, хотя въ 1858 году китайцы перевели къ себѣ и всѣхъ ихъ соплеменниковъ съ лѣваго берега Амура.

Баргу-буряты—небольшое племя монголо-тунгузское, на правой сторонѣ Аргуни, въ Хайларскомъ округѣ. Оно кочевое и числится въ военномъ вѣдомствѣ для несенія службы на пограничныхъ караулахъ.

Кромѣ того, на нѣкоторыхъ мѣстахъ официіальной маньчжурской территоріи встрѣчаются *монголы*, впрочемъ въ весьма небольшомъ числѣ. Такимъ образомъ, вообще, въ Маньчжуріи живутъ:

Китайцы и дунгане.	11,000,000
Маньчжуры	1,000,000
Дахуры и солоны	30,000
Гольды, манегры и пр. . . .	10,000
Итого . .	12,040,000

Въ политическомъ отношеніи важно, что въ населеніи этомъ поддерживается не только племенная и религіозная рознь, но даже отчасти вражда. Общимъ недругомъ стоятъ маньчжуры, конечно потому, что они образуютъ привилегированную военную и чиновничью касту, живущую насчетъ другихъ. Затѣмъ всѣ магометане, составляющіе меньшинство, большею частью зажиточное, не поль-

зуются расположеніемъ большинства, которое они эксплуатируютъ, да и правительства, которое плохо вѣритъ въ ихъ миробіе и преданность. Христіане пока малочисленны въ странѣ, но они также составляютъ нѣчто отдѣльное отъ послѣдователей другихъ религій. Маньчжуры, солоны, дахуры и баргу-буряты, имѣющіе отчасти аристократическій общественный строй, не любятъ демократовъ — китайцевъ, и, наконецъ, гольды, манегры и орочоны ненавидятъ какъ китайцевъ, такъ и маньчжуровъ, послѣднихъ за жестокость въ обращеніи, а первыхъ за наглое мошенничество въ торговыхъ дѣлахъ. Къ этой племенной, экономической и религіозной розни присоединяется еще рознь соціальная у анархическихъ манзъ, большею частію отверженцевъ легальнаго общества.

Все вышеизложенное населеніе, кромѣ орочонъ, манегровъ, баргу-бурятовъ и отчасти гольдовъ, живетъ въ постоянныхъ осѣдлостяхъ, которыя, начинаясь отдѣльными хуторами и фермами ссыльно-поселенцевъ и манзъ, доходятъ до размѣра большихъ городовъ. Послѣдніе служатъ, какъ и естественно, правительственными центрами, и здѣсь умѣстно будетъ ихъ перечислить, а нѣкоторые и описать.

А. Шень-цзинская губернія, въ ней:

а) Область Ляо-си или Цзинь-чжеу-фу; города: Цзинь-чжеу-фу, Нинъ-ю-ань-чжеу, И-чжеу и Гуань-нинъ-сянь.

б) Область Фынь-тхянь-фу или Мукденьская; города: Мукдень или Шенъ-цзинъ, Ляо-янъ-чжеу, Фу-чжеу, Хай-чжеу, Гай-пхинъ-сянъ, Кхай-юань-сянь, Нинъ-хай-сянь, Ю-янъ-ченъ, Фынъ-хуанъ-чэнъ, Ню-чуань, Синъ-цинъ, Те-линь.

Б. Гириньская губернія; въ ней города: Гиринь, Нингута, Хуньчунь, Сань-синъ, Аже-хэ, Лалинь, Бедунэ, Да-шенъ-ула (Бутха), Куанъ-ченъ-цзе.

В. Губернія Амурская (Хейлун-цзянъ или Сахалянъ-ула); въ ней города: Цицикаръ, Хайларъ, Мергень, Аргунъ (Сахалянъ-ула-хотонь) и Хулань-чэнъ.

Объ этихъ городахъ замѣтимъ слѣдующее:

Мукдень есть столица Маньчжуріи и вмѣстѣ вторая столица всей Китайской имперіи, потому что нынѣшній императорскій домъ родомъ изъ Маньчжуріи и очень дорожитъ своею отчизною. Это большой городъ съ населеніемъ въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ. Подобно Пекину, онъ имѣетъ всѣ высшія правительственныя мѣста, кромѣ ли-бу, т. е. министерства чиновъ. Обширные сады и дворцы, ученая академія, основанная въ 1680 году, и нѣсколько казенныхъ

складовъ и мастерскихъ оружія составляютъ его замѣчательности. Цѣлый кварталъ въ этомъ городѣ населенъ желто-поясными князьями, т. е. лицами, принадлежащими къ императорской фамиліи и имѣющими право носить желтый поясъ. Вообще, въ глазахъ дайцинской династіи, это священный городъ, и императоръ Цянь-Лунь написалъ въ честь его поэму. Въ окрестностяхъ его находятся кладбища основателей могущества маньчжурскаго дома, а въ самомъ городѣ прежде хранился запасный фондъ въ 20,000,000 рублей, на случай изгнанія маньчжуровъ изъ Пекина. Изъ правительственныхъ мѣстъ, здѣсь расположенныхъ, министерство финансовъ завѣдуетъ податьми, казенными фермами и плантаціями хлопчатой бумаги и индиго, таможнями и оброкомъ съ лѣса и тростника; военное — гарнизонами и почтовыми станціями; уголовное — дѣлами маньчжурскихъ и монгольскихъ солдатъ (но не китайцевъ). Палата строеній управляетъ постройками, черепичными, рогожными, угольными и другими заводами, приготовляетъ оружіе и проч. Министерство церемоній завѣдуетъ императорскими кладбищами и отправляетъ церемоніи, назначаемыя по придворному календарю.

Цзинь-чжеу-фу — главный городъ въ западной половинѣ Ляодуна, довольно населенный, но вообще второстепеннаго значенія, такъ что и большая дорога изъ Пекина въ Мукдень проходитъ мимо его, черезъ сосѣднее мѣстечко Шуанъ-янъ.

И-чжеу — неважный городокъ, въ окрестностяхъ котораго, впрочемъ, замѣчательны конскіе заводы императора; отсюда же ведется торговля съ юго-восточной Монголіей.

Ню-чуань (собственно Іинъ) — единственный открытый для иностранцевъ портъ Маньчжуріи, верстахъ въ 20 отъ устья Ляо и нѣсколько въ сторонѣ отъ этой рѣки. Значеніе это быстро растетъ.

Фынъ-хуанъ-чэнъ, близъ корейской границы, съ двумя ярмарками въ году, на которыхъ производится торговля съ корейцами, въ остальное время запрещенная.

Синъ-цинъ или Инденъ — горный городокъ, замѣчательный исторически: въ немъ получила начало маньчжурская царственная династія.

Куанъ-ченъ-цзе — новый городъ у Тычинковой границы съ юго-восточной Монголіей, тамъ, гдѣ эта граница пересѣкается рѣкою Итунью. Имѣетъ до 30,000 жителей и служитъ мѣстомъ отправленія въ Монголію и сѣверную Маньчжурію европейскихъ товаровъ изъ Ню-чуаня.

Гиринъ — главный городъ Гиринской губерніи, съ населеніемъ

отъ 60 до 100,000 душъ. Лежитъ на лѣвомъ берегу рѣки Сунгари въ узкой долинѣ, командуемой горами. Здѣсь центръ маньчжурскаго судостроенія и начало дѣятельнаго судоходства по Сунгари и ея притокамъ. Для постройки джонокъ существуетъ особое адмиралтейство. Въ городѣ не мало магометанъ, которые имѣютъ три мечети. Кромѣ квартиры цзянь-цзюня, т. е. воеводы, корпуснаго командира, а вмѣстѣ и губернатора, здѣсь есть большой гарнизонъ и команда матросовъ для военныхъ джонокъ; а верстахъ въ тридцати къ сѣверу, на правомъ берегу Сунгари, въ городѣ *Бутхъ* или Да-шенъ-улѣ, собираются военные малолѣтки со всей провинціи для обученія ратному дѣлу.

Бедунэ — городъ въ 20—30,000 жителей па правомъ берегу Сунгари, близъ развалинъ прежняго города того же имени. Имѣетъ много жителей мусульманъ и ведетъ дѣятельныя сношенія съ Монголіею.

Лалинъ — 20,000 жителей.

Аже-хэ — въ 45 верстахъ южнѣе рѣки Сунгари, на одномъ изъ ея притоковъ, въ центрѣ довольно густо-населенной страны. Жителей болѣе 30,000, дѣятельно занимающихся ремеслами и торговлею.

Санъ-синъ.— крайній къ сѣверо-востоку городъ по Сунгари и центръ торговли мѣхами, рыбой и грубыми тканями, а также хлѣбомъ и водкой, идущими въ обмѣнъ двухъ первыхъ продуктовъ, привозимыхъ гольдами или скупаемыхъ у нихъ китайскими промышленниками. Городъ имѣетъ не болѣе 10,000 жителей и состоитъ изъ одной длинной улицы и нѣсколькихъ ей поперечныхъ. Расположенъ на берегу Хурги, у впаденія ея въ Сунгари, на правыхъ берегахъ обѣихъ рѣкъ.

Нингута — значительный провинціяльный городъ, съ населеніемъ до 60,000 жителей. Лежитъ въ неширокой долинѣ Хурхи, омывающей его съ востока и юга. Онъ центръ торговли мелочной, но значительной. Въ исторіи Маньчжуріи Нингута играла немаловажную роль съ давняго времени, да и теперь стоитъ сторожевымъ ея пунктомъ со стороны Усурійскаго края.

Хунь-чунь — мѣсто для ярмарки съ корейцами и отчасти съ русскими, вблизи отъ границъ обоихъ сосѣднихъ государствъ. Здѣсь же приготовляются обыкновенно къ промысламъ за капустою и трепангами многочисленные китайскіе лодочники, которые на лѣто уходятъ къ намъ, на берега Южно-Усурійскаго края.

Цицикаръ — главный городъ Амурской губерніи, на восточной

сторонѣ Нонни-улы, противъ древняго Наунъ-хотоня, посѣщеннаго Исбрандъ-Идесомъ. Онъ построенъ въ 1681 году передъ отправленіемъ первой китайской экспедиціи противъ Албазина и нынѣ служитъ резиденціею цзянь-цзюня, командующаго всѣми военными силами на Аргуни, на Амурѣ до устья Сунгари и вообще въ Дауріи. По статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ еще Сычевскимъ (1840 г.) въ немъ считается:

домовъ	741
хлѣбныхъ магазиновъ . .	59
посудныхъ лавокъ . . .	9
гостинницъ	6
лавокъ съ товарами . .	100
торговцевъ китайцевъ . .	1,534 человѣкъ.

Позднѣйшіе путешественники не дали никакихъ другихъ цифръ, а только подтвердили, что городъ не великъ и ничтоженъ въ промышленномъ отношеніи. Въ составѣ его населенія есть много ссыльныхъ, особливо чиновниковъ. Во время Сычевскаго, въ цѣломъ Цицикарскомъ уѣздѣ было не болѣе 42,500 душъ; теперь колонизація много увеличила эту цифру.

Хуланъ-ченъ — ничтожный уѣздный городокъ на рѣкѣ Хуланъ, верстахъ въ четырехъ отъ впаденія ея въ Сунгури слѣва.

Мергенъ — опять созданіе императора Кханъ-си, въ 1688 году, т. е. предъ послѣднею экспедиціею въ Албазинъ. Въ немъ, по Сычевскому, всего 400 домовъ и 37 лавокъ съ товарами. Новые путешественники тоже не полагаютъ болѣе 500 домовъ. Городъ мертвый, ничтожный, въ округѣ котораго въ сороковыхъ годахъ считалось едва 23,250 душъ.

Бутха — мѣстечко на рѣкѣ Нонни, служащее мѣстопребываніемъ вождей даурскаго и солонскаго, имѣющихъ чины бригадировъ.

Айгунъ или Сахалянъ-ула-хотонъ или Хейлунъ-цзянъ-чэнъ, на правомъ берегу Амура, въ 34 верстахъ отъ Благовѣщенска, съ населеніемъ до 10,000 душъ и съ адмиралтействомъ для джонокъ, находящимся у сѣвернаго конца города, тогда какъ южный занятъ крѣпостцою съ деревянною оградой, какъ и во всѣхъ исчисленныхъ доселѣ городахъ Маньчжуріи, кромѣ Мукденя, имѣющаго каменную стѣну. Служитъ резиденціею амбаня, который сносится съ губернаторомъ въ Благовѣщенскѣ.

Хайларъ или Хулунь-бойръ — городокъ, состоящій изъ неболь-

шаго числа жилищъ чиновниковъ и китайскихъ купцовъ, но окруженный уже кочевымъ населеніемъ.

Кромѣ этихъ населенныхъ пунктовъ есть нѣсколько мѣстечекъ и селъ, заключающихъ въ себѣ по нѣскольку тысячъ жителей и служащихъ центрами мѣстныхъ промысловъ и торговли. Ихъ отличіе отъ городовъ состоитъ только въ томъ, что они не имѣютъ укрѣпленій. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ подобныя большія селенія становятся рѣже; селенія же по Сунгари, Амуру (кромѣ лежащихъ около Айгуна) и Усури отличаются своими малыми размѣрами, заключая нерѣдко пять, три и даже одинъ домъ. Въ среднесунгарійской низменности есть также много отдѣльныхъ земледѣльческихъ усадьбъ и постоялыхъ дворовъ. Всѣ постройки въ маньчжурскихъ городахъ и деревняхъ, обыкновенно деревянныя, не отличаются ни обширностью, ни удобствами, такъ что для расквартированія войскъ, въ случаѣ занятія городовъ, могутъ послужить правительственныя зданія въ укрѣпленіяхъ, да отчасти кумирни.

Военный обзоръ.

Страна въ 15,000 квадратныхъ миль, съ 12,000,000 населенія, могущаго у себя дома находить въ изобиліи всѣ средства содержанія; страна, которою, изъ всѣхъ застѣнныхъ своихъ владѣній, особенно дорожатъ повелители обширной Небесной имперіи, такая страна заслуживаетъ съ нашей стороны особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи. Можно сказать, что *изъ всѣхъ прилежащихъ къ Россіи азіятскихъ земель, она одна можетъ занять относительно насъ угрожающее, или, по крайней мѣрѣ, наступательное положеніе*, тѣмъ болѣе для насъ невыгодное, что сосѣднія наши владѣнія на Амурѣ, по крайне-слабой населенности и по большому отдаленію отъ центровъ нашего могущества, представляютъ мѣстность совершенно открытую для нападенія. Исторія показываетъ, сверхъ того, что китайцы здѣсь уже имѣли однажды перевѣсъ надъ нами. Поэтому прежде всего разсмотримъ составъ и распредѣленіе военныхъ силъ Китая въ этой странѣ.

Войска подчинены тремъ цзянь-цзюнямъ или корпуснымъ командирамъ, которые имѣютъ и гражданскую власть въ краѣ, слѣдовательно, распоряжаются всѣми его средствами. Ближайшее начальство принадлежитъ мѣстнымъ начальникамъ — фу-ду-тунамъ (мейренъ-чжанчинамъ), гусайдамъ и т. д., которые всѣ также суть на-

чальники мѣстной гражданской администраціи. Отсюда видно, что всѣ маньчжурскія войска нужно въ самомъ тѣсномъ смыслѣ считать *мѣстными*, тѣмъ болѣе, что они: а) составлены изъ маньчжуровъ мѣстныхъ жителей, и б) не имѣютъ перевозочныхъ средствъ для дальныхъ походовъ. Кромѣ того, относительно ихъ можно замѣтить, что, разумѣется, они дурно вооружены, обучены и вообще въ тактическомъ смыслѣ стоятъ ниже самыхъ плохихъ европейскихъ войскъ, но считаютъ себя храбрѣйшими въ цѣломъ Китаѣ. Большая часть войскъ — конница.

Распредѣленіе по поверхности страны выражается слѣдующею таблицею, изъ которой не трудно замѣтить, что пекинское правительство заботилось въ Ляодунѣ, гдѣ много колонистовъ-китайцевъ, занять возможно-большее число пунктовъ, а въ сѣверной Маньчжуріи утвердиться по *тремъ* важнѣйшимъ стратегическимъ *линіямъ:* къ сторонѣ верхняго Амура, по Сунгари и къ сторонѣ Хуньчуня, т. е. Японскаго моря.

Въ провинціи или воеводствѣ Шенъ-цзинъ, т. е. въ Ляодунѣ, расположены:

1) Въ *Мукденѣ:* квартира цзянь-цзюня, командующаго войсками провинціи, квартира футудуна, т. е. дивизіоннаго генерала, начальствующаго войсками въ городѣ, 207 офицеровъ, 1,188 человѣкъ пѣхоты, 5,280 человѣкъ конницы, всего же съ рабочими 7,050 человѣкъ.

2) Въ *И-чжеу:* бригадный генералъ, командующій сосѣдними постами на Тычинковой границѣ и завѣдывающій обширными конскими заводами (табунами) въ окрестности города; подъ его командою 1,011 человѣкъ.

3) Въ *Кай-ю-анѣ:* бригадный генералъ, завѣдывающій сосѣдними постами на Тычинковой границѣ; при немъ 1,128 человѣкъ.

4) Въ *Сюнъ-ю:* гайчжеускаго уѣзда: бригадный генералъ и при немъ 1,005 человѣкъ.

5) Въ *Нинъ-ханѣ:* при бригадномъ генералѣ конницы 863 человѣка матросовъ при джонкахъ 600 человѣкъ.

6) Въ *Цзинь-чжеу-фу*, при бригадирѣ, конницы 824 человѣка.

7) Въ *Фынъ-хуанъ-ченѣ*, при полковникѣ, которому подчиненъ и сосѣдній съ Кореею постъ, 667 человѣкъ.

8) Въ *Фу-чжеу*, при полковникѣ, 608 человѣкъ.

9) Въ *Синъ-цинѣ* (Инденѣ), при полковникѣ, завѣдывающемъ и сосѣднимъ постомъ на корейской границѣ, 763 человѣка.

10) Въ *Сю-янь-чень*, при полковникѣ, конница 570 человѣкъ.

11) Въ *Люй-шунь*, при маіорѣ, моряки 517 человѣкъ.

12) Въ *Ляо-янь-чжеу*, при полковникѣ, конницы 478 человѣкъ.

13) Въ *Гуань-нинъ-сянь*, при маіорѣ, конница 517 человѣкъ.

14) Въ *Гай-чжеу*, при маіорѣ, конница 424 человѣка.

15) Въ *Ню-чуань*, при маіорѣ, 390 человѣкъ. Кромѣ того есть губернаторъ порта.

16) Въ *Цзюй-лю-хэ*, при двухъ капитанахъ, 209 человѣкъ.

17, 18 и 19) Въ *Байци-бу*, *Сяо-хэ-шань* и *Лю-янь-и* по 209 человѣкъ, съ капитанами, 627 человѣкъ.

20) Въ *Сяо-линь-хэ*, при двухъ капитанахъ, 216 человѣкъ.

21) Въ *Нинь-юань-чжеу*, тоже, 216 человѣкъ.

22) Въ *Чжунъ-хоу-со*, тоже, 211 человѣкъ.

23) Въ *Телинь*, при четырехъ прапорщикахъ, 207 человѣкъ.

24) Въ *Ху шунь*, 133 человѣка. Итого въ Шенъ-цинѣ 11,789 человѣкъ.

Въ воеводствѣ Гиринь-ула:

1) *Гиринь*, квартира цзянъ-цзюня; въ городѣ и въ окрестностяхъ подъ начальствомъ фудутуна 4,014 человѣкъ.

Въ томъ числѣ 674 артиллеристовъ-техниковъ, т. е. оружейниковъ, пороходѣловъ, литейщиковъ и т. под.

2) *Да-шень-ула* или *Бутха*. При бригадирѣ, малолѣтковъ (до 19 лѣтъ), которые здѣсь только обучаются военному дѣлу, особливо верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ, 3,837 человѣкъ.

3) *Сань-синь* (Плань-хала), при бригадномъ генералѣ, 1,577 человѣкъ.

4) *Нингута*, то же, 1,569 человѣкъ.

5) *Бедунэ*, то же, 1,093 человѣка.

6) *Ла-линь*, при маіорѣ, 581 человѣкъ.

7) *Хунь-чунь*, при полковникѣ, 458 человѣкъ.

8) *Аже-хэ*, то же, 459 человѣкъ.

9) *Куань-чень-цзе*, при двухъ капитанахъ, 206 человѣкъ.

10) *Омохо-соло*, при капитанѣ, 122 человѣка.—Итого въ Гиринъ-ула 13,916 человѣкъ.

При войскахъ въ Гиринѣ имѣются казенныя джонки, вооруженныя.

Въ воеводствѣ Амурскомъ:

1) *Цицикаръ*. Квартира цзянь-цзюня. Въ городѣ конницы 2,621, матросовъ 268, мастеровыхъ 300, всего 3,189.

2) *Хайларъ*, при дивизіонномъ генералѣ, солоны, баргу-буряты

и монголы. Большая часть ихъ расположена по пограничнымъ съ Россіею карауламъ или же ведетъ кочевую жизнь, либо содержитъ станціи по дорогѣ въ Цицикаръ. Между офицерами много наслѣдственныхъ чиновъ.

3) *Бутха*—центръ управленія солонами и дахурами. Въ городѣ начальствуютъ три бригадира: маньчжурскій, солонскій и даурскій. У нихъ подъ начальствомъ всего 2,369 человѣкъ.

4) *Айгунъ*. При бригадномъ генералѣ, конницы, большая часть безъ лошадей, 1,557 человѣкъ, матросовъ, при 51 джонкѣ, 438 человѣкъ.

5) *Мергень*, при бригадномъ генералѣ, 1,022 человѣка, матросовъ, при шести джонкахъ, 44 человѣка.

6) *Хуланъ-чэнъ*, при полковникѣ, 507 человѣкъ. — Итого въ Сахалянъ-ула 11,834 человѣка.

Итакъ, въ общемъ итогѣ, Маньчжурія имѣетъ 37,539 офицеровъ, солдатъ, матросовъ и военно-рабочихъ. Если бы пекинское правительство нынѣ же принялось за преобразованіе этой арміи, какъ оно сдѣлало въ собственномъ Китаѣ, гдѣ войска имѣютъ уже нарѣзное оружіе, то, конечно, сила эта была бы болѣе чѣмъ достаточна, чтобъ поставить насъ, при первомъ столкновеніи на Амурѣ, въ крайне затруднительное положеніе. Особенно это можно сказать потому, что у насъ въ цѣломъ Амурскомъ краѣ нѣтъ ни одного укрѣпленнаго склада запасовъ.

Путями дѣйствій изъ Маньчжуріи къ сторонѣ нашихъ владѣній могутъ служить:

a) Мѣстность по Аргуни, отъ Абагайту до Аргунскаго, гдѣ мелкія конныя партіи кочевниковъ, вторгаясь въ наши владѣнія, вплавь черезъ рѣку Аргунь, могутъ дѣлать много безпокойствъ пограничнымъ жителямъ.

b) Дорога изъ Цицикара и Мергени черезъ Айгунъ и оттуда на лѣвый берегъ Амура, чрезъ маньчжурскія селенія къ нашимъ деревнямъ на притокахъ нижней Зеи, или же прямо черезъ Амуръ противъ Благовѣщенска, который можетъ быть раззоренъ артиллерійскимъ огнемъ изъ деревни Амба-Сахалинъ.

c) Водяной путь по Сунгари, изъ Сань-сина, противъ казачьихъ станицъ на среднемъ теченіи Амура.

d) Изъ Нингуты въ При-ханкайскій край могутъ быть, по примѣру 1868 года, высланы шайки разбойниковъ для истребленія нашихъ малолюдныхъ и разбросанныхъ селеній у Ханкая и на Суйфунѣ.

е) Оттуда же и изъ Хунь-чуня можно, наконецъ, нанести намъ важный по своимъ послѣдствіямъ ударъ завоеваніемъ приморской полосы между устьями Суйфуна и Тумень-улы, этой важнѣйшей въ стратегическомъ отношеніи части русско-азіятскихъ земель.

Что касается до оборонительныхъ дѣйствій маньчжуровъ при нападеніи съ нашей стороны, то очевидно, что подобное нападеніе можетъ послѣдовать также лишь по одному изъ исчисленныхъ пяти направленій, и при этомъ всѣ выгоды будутъ на сторонѣ маньчжуровъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Какую бы дорогу мы ни избрали, она представляетъ дефиле въ томъ смыслѣ, что по сторонамъ ея, на нѣсколько сотъ верстъ отъ нашей границы — пустыня. Уничтоживъ запасы по самой дорогѣ и попортивъ мосты, маньчжуры поставятъ насъ въ самое затруднительное положеніе, можно сказать, лишатъ возможности наступать.

2) Отступая внутрь страны, маньчжуры будутъ все болѣе и болѣе сближаться съ средоточеніемъ своего могущества, съ мѣстами запасовъ, съ центрами большаго населенія, тогда какъ мы будемъ все болѣе и болѣе удаляться отъ своихъ и безъ того ненадежныхъ базисовъ.

3) Малая война чрезвычайно удобна на всѣхъ сухопутныхъ дорогахъ отъ насъ въ Маньчжурію. Пользуясь закрытіями отъ горъ и лѣсовъ, маньчжуры могутъ наносить намъ огромный вредъ, не вступая съ нами въ рѣшительное сраженіе.

Вотъ почему можно сказать, что въ случаѣ наступательной войны съ нашей стороны мы ничего болѣе не можемъ сдѣлать, какъ занять Хайларъ, Айгунъ, Хунь-чунь и, быть можетъ, Санъ-синь; но идти далѣе въ глубь страны будетъ опасно. Разумѣется, если у насъ будетъ на Восточномъ океанѣ довольно сильная эскадра, то мы можемъ нанести большой вредъ Маньчжуріи блокадою ея портовъ у Желтаго моря, особенно Ню-чуаня. Только необходимо при этомъ имѣть въ виду, что нынѣ китайцы имѣютъ уже военный флотъ, хотя и немногочисленный, что входъ въ рѣку Ляо возможенъ только для мелкосидящихъ судовъ и что этотъ входъ можетъ быть защищенъ подводными минами.

Если бы, собравъ значительныя силы и утвердясь прочно на Амурѣ, мы пожелали отнять у маньчжуровъ часть ихъ территоріи, то само собою разумѣется, что наиболѣе легкое и полезное завоеваніе была бы полоса земли по лѣвымъ притокамъ Усури, до Кантая, гдѣ населеніе чрезвычайно рѣдко. Но занявъ этотъ край вой-

сками, пришлось бы его немедленно колонизовать, а на это расчитать почти невозможно при настоящемъ состояніи нашихъ владѣній на Амурѣ, и вообще въ Восточной Сибири.

Соображая все это, мы должны сказать, что въ видахъ чисто стратегическихъ, не говоря уже объ экономическихъ и другихъ, мы должны, по возможности, спѣшить упроченіемъ нашихъ владѣній въ Амурскомъ краѣ и особенно усилить въ нёмъ колонизацію, дабы въ случаѣ войны съ Китаемъ не подвергнуть драгоцѣннѣйшаго изъ нашихъ азіатскихъ владѣній участи имъ уже однажды испытанной въ XVII вѣкѣ. Маньчжурія не такой сосѣдъ, какъ другія среднеазіятскія земли: со стороны ея можно ожидать многихъ опасностей.

Источники.

1) Description de la Chine et de Tartarie Chinoise, par Du-Halde, tome IV; Description du pays de Mandchoux par *Règis*.

2) *Іакинфъ*: «Статистическое описаніе Китайской Имперіи» главы о Маньчжуріи и о военныхъ силахъ Китая.

3) *Риттеръ*: «Землевѣдѣніе Азіи», т. I, переводъ *Семенова*, гдѣ сведены всѣ источники по 1854 годъ.

4) *Сычевскій*: «Хейлунцзянская провинція»; рукопись.

5) *Васильевъ*: «Описаніе Маньчжуріи и записки Ученя о Нингутѣ», въ Запискахъ Географическаго Общества.

6) *Васильевъ*: «Описаніе рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ», Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества.

7) *Венюковъ*: «Обозрѣніе рѣки Усури», въ Путеш. по окр. Рус. Азіи.

8) *Малевичъ*: «Поѣздка въ Цицикаръ».

9) *Кропоткинъ*: «Поѣздка черезъ Мергень въ Айгунъ».

10) *Кропоткинъ*: «Плаваніе по Сунгари», съ картою.

11) *Усольцевъ*: «Плаваніе по Сунгари».

12) *Хилковскій*: «Поѣздки въ Хайларъ и по Сунгари», № 8—12 въ изданіяхъ Сибир. Отд. Рус. Геогр. Общ.

13) *Williams*: «The Middle Kingdom».

14) Reports on Trade» китайскихъ таможенъ за 1868 г.

15) *Williamson*: «Travels into Manchuria».

16) *Пржевальскій*: «Путешествіе въ Усурійскій край», съ картою.

17) Архимандритъ *Палладій*: «Путешествіе изъ Пекина въ Благовѣщенскъ», въ Запискахъ и мелкія статьи въ Изв. Рус. Геогр. Общ.

18) *Венюковъ*: Рукописныя свѣдѣнія о Маньчжуріи.

Карты: a) *Д'Анвилева*, у Дю-Гальда въ Descr. de la Chine; b) *Клапратова* l'Asie Centrale; c) *Бергаузова* въ Atlas von Asien № 2; d) *Уилліамса* при the Mid Kingd.; e) Управленія Генеральнаго Штаба Восточной Сибири: Маньчжурія и Восточная Монголія; f) *Шварца*, бассейны Амура, Лены и пр.; g) маршруты *Кропоткина;* h) маршрутъ *Пахвальныхъ;* i) карта *Уильямсона* при Travels into Manchuria; k) англійская *адмиралтейская* Желтаго моря; l) Управленія Генеральнаго Штаба Восточной Сибири: Южно-Усурійскій край.

Участокъ пятый: Забайкалье и Халка.

Положеніе границы и предѣлы пограничнаго пространства.

Къ Халкасскому участку можетъ быть отнесена вся южная граница Забайкальской области, отъ верховій Джиды до самой Аргуни, у Абагайту, гдѣ наши земли дѣйствительно прикасаются къ землямъ халкасскимъ монголовъ. Вся эта граница, длиною 1,384 версты, проходитъ въ широтахъ между 49 и 51° сѣверной широты и имѣетъ крайними точками маякъ № 14, на хребтѣ Кызыныкту-дабага, подъ 51°7′ широты, 119°46′ восточной долготы, и караулъ Абагайту, подъ 49°34′ широты, 135°31′ восточной долготы. Тремя важными естественными урочищами, долиною Селенги, Яблоновымъ хребтомъ и теченіемъ Онона, она раздѣляется на четыре второстепенные участка слѣдующей длины:

Отъ Кызыныкту-дабага до Селенги . . .	383	версты.
» Селенги до Яблоноваго хребта. . .	307	»
» Яблоноваго хребта до Верхне-ульхунскаго караула на Ононѣ	254	»
Отъ Онона до Аргуни	440	»

Вся граничная черта есть условная, хотя мѣстами и совпадаетъ съ нѣкоторыми естественными урочищами, особливо съ горными кряжами. Она установлена еще въ 1728 г. кяхтинскимъ договоромъ, въ которомъ статья третья буквально гласитъ слѣдующее:

«Отъ россійскаго караула, строенія, которыя при рѣчкѣ Кяхтѣ, и каменнаго маяка караула китайскаго, которые суть на сопкѣ Орогойту, между тѣхъ двухъ маяковъ земля лежащая раздѣлена равномѣрно пополамъ, а на срединѣ поставленъ маякъ въ знакъ разграниченія и тутъ учреждено мѣсто купечества обоихъ государствъ; оттуда посланы комисары въ обѣ стороны для разграниченія».

«И начиная отъ того вышерѣченнаго мѣста къ востоку по вершинѣ горъ Боргутскихъ до Киранскаго караула по Чикою, Ара-

Худара, Ара-Худайнъ-усу, противъ четырехъ карауловъ часть рѣки Чикоя постановлена за границу. Отъ Ара-Худайнъ-усу и отъ Убуръ-Худайнъ-усу до маякмунгальскихъ карауловъ мѣста Цаганъ-ола, всѣ пустыя мѣста завладѣваемыми отъ подданныхъ россійскихъ землями и маяками царства китайскаго подданныхъ мунгаловъ раздѣлены ровно пополамъ, какъ учинено на мѣстѣ, Кяхтѣ называемомъ, такимъ образомъ, что когда прилучились горы, сопки, рѣчки близъ маяковъ мунгальскихъ карауловъ, поставлены въ знакъ же границы; а въ ровныхъ мѣстахъ безъ горъ и рѣчекъ раздѣлено пополамъ и тутъ поставлены пограничные знаки. Обоихъ государствъ люди, которые отъ маяку караульнаго мѣста, рѣченнаго Цаганъ-ола, ѣздили до берега рѣки Аргуни, осмотря земли, которыя суть за маяками мунгальскими, единогласно за границу причли».

«Начиная отъ пограниченнаго маяка, который постановленъ границею между двумя мѣстами, Кяхтою и Орогойту, идучи къ западу по горамъ: Орогойту, Тыменъ. Кундуинъ, Бичукту-Хошигу, Булесуту, Олонту, Челотуйнъ, Хонгоръ, Обоянхоръ-ола, Богосунъ-ама, Гундзанъ-ола, Кутугайту-ола, Кукунъ-паругу, Бугуту-дабага (сирѣчь проѣздъ), Дошиту-дабага, Кысыныкту-дабага, Гурби-дабага и пр.... по вершинѣ сихъ горъ *) учинено раздѣленіе и за границу причтено. Между ими поперегъ какіе хребты и рѣки прилегли, хребты и рѣки пополамъ пересѣчены и равномѣрно раздѣлены такимъ образомъ, что сѣверная сторона россійскому государству да будетъ, а полуденная сторона китайскому государству. И которые посланные съ обѣихъ сторонъ люди **) раздѣленіе ясно написали и начертили и промежъ собою письмами и чертежами размѣнялись, и къ своимъ вельможамъ привезли. Между утвержденіемъ границъ обѣихъ имперій, которыя подлые люди воровски закочевали, завладѣвъ землями, и внутри юрты поставили, сысканы и въ собственныя кочевья переведены; также обоихъ государствъ люди, которые перебѣгали туда и сюда, сысканы и установлены жить на своихъ кочевьяхъ, и тако пограниченное мѣсто стало быть чисто».

Въ 1768 г. Кропотовъ, въ новомъ договорѣ, подтвердилъ, почти безъ измѣненій, подробности «инструментовъ» Колычева, Глазунова и Киреева, составляющіе приложеніе къ трактату 1728 г.

---

*) Стоитъ замѣтить, что по *вершинамъ* горъ, но не съ точностью по *водораздѣламъ*, какъ оно есть и въ дѣйствительности.

**) Съ нашей стороны то были Колычевъ, Глазуновъ и Киреевъ. Составленные ими акты о разграниченіи называются «инструментами».

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ частей русско-китайской границы халкасско-забайкальская есть древнѣйшая. Установилась она совершенно прочно, т. е. хорошо извѣстна всѣмъ пограничнымъ жителямъ обѣихъ имперій, и если бывали случаи въ родѣ того, какъ въ 1869 г. на Катанцѣ (Ара-Худайнъ-усу), то они скоро разбирались мѣстными пограничными начальствами къ обоюдному удовольствію и согласно съ трактатомъ. На этой границѣ, можно сказать, выработались и тѣ правила наблюденія и охраненія граничнаго рубежа, которыя потомъ послужили образцами для инструкцій всѣмъ другимъ прирубежнымъ властямъ и подчиненной имъ стражѣ. Здѣсь, между прочимъ, искони съѣзжались ежегодно, въ условленные дни, разъѣзды отъ сосѣднихъ карауловъ обѣихъ сторонъ для осмотра пограничныхъ знаковъ.

Общее топографическое положеніе граничной черты не трудно сохранить въ памяти. На западѣ отъ Селенги это будетъ цѣпь горъ, отдѣляющая бассейнъ Джиды отъ притоковъ Ури и Эке-гола (за небольшими исключеніями у Боготу-дабана и Желтуры); на востокѣ долины Чикоя и Катанцы, потомъ ломаная линія по горамъ сѣвернѣе Онона, такая же линія по горамъ южнѣе Онона до озера Барунъ-Торей и, наконецъ, черта между этимъ озеромъ и Аргунью, проходящая степью.

Къ пограничному пространству съ китайской стороны довольно опредѣлительно можно причислить земли Цеценъ-хана и Тушету-хана или, въ топографическомъ смыслѣ, бассейны Кэрулюна и Селенги. Съ нашей стороны достаточно будетъ отнести сюда уѣзды: Селенгинскій въ полномъ объемѣ, Верхнеудинскій по Байкалъ, Селенгу и Уду, Читинскій и Нерчинскій по Ингоду и Шилку, въ томъ вниманіи, что остальныя части Забайкальской области очень отдалены отъ границы, не заключаютъ въ предѣлахъ своихъ никакихъ военныхъ средствъ и не имѣютъ почти дорогъ, оставаясь страною дикою, гористою и лѣсистою. Въ этихъ предѣлахъ, съ нашей стороны, на долю пограничнаго пространства приходится около 6,500 квадратныхъ миль; съ китайской нѣсколько больше; въ суммѣ же до 14,000 квадратныхъ миль, что составляетъ театръ войны въ полтора раза болѣе Франціи.

Основу топографическаго изученія этого обширнаго пространства составляютъ 52 астрономическихъ опредѣленія, весьма неравныхъ достоинствъ; именно: у насъ, въ числѣ 24, очень удовлетворительныя, у китайцевъ же посредственныя.

Топографія.

Вся страна, въ предѣлахъ вышеуказанныхъ, представляетъ довольно высокое нагорье, на которомъ расположено нѣсколько горныхъ хребтовъ, преимущественно параллельныхъ границѣ, т. е. идущихъ отъ запада къ востоку или, точнѣе, отъ западо-юго-запада къ востоко-сѣверо-востоку. Самыя низкія мѣста на цѣломъ пространствѣ заняты Байкаломъ — 1,316 футовъ надъ моремъ; высочайшая изъ извѣстныхъ горныхъ вершинъ, Чоконда, достигаетъ 8,300 футовъ. Весьма вѣроятно, что если бы всѣ горные кряжи разсыпать ровнымъ слоемъ по поверхности почвы, то средняя высота страны была бы до 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря. При широтахъ 47—52° сѣв., и при положеніи среди самаго холоднаго материка, это объясняетъ большую часть свойствъ, которыя имѣетъ въ этихъ мѣстахъ природа.

На всемъ пространствѣ, за исключеніемъ небольшой части Нижне-Кэрулюнскаго края, Эравинской плоской возвышенности и дельты Селенги, нѣтъ равнинъ сколько-нибудь обширныхъ. Даже то, что называется обыкновенно степями, имѣетъ почву взволнованную. Большинство же пространства есть страна совершенно горная, гдѣ долины рѣкъ составляютъ исключеніе и тянутся узкими полосами. Этимъ обстоятельствомъ, а также суровостью климата въ горахъ, объясняется предпочтительная важность, которую имѣютъ здѣсь долины какъ смыслѣ разселенія по краю людей, такъ и въ смыслѣ стратегическомъ, при выборѣ операціонныхъ и комуникаціонныхъ линій.

Самая важная изъ этихъ долинъ, Толо-Селенгинская, идущая почти по меридіану 124° восточной долготы, раздѣляетъ всю страну на двѣ, впрочемъ, неравныя части. Это дѣленіе, хотя имѣющее мало значенія въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, заслуживаетъ быть принятымъ въ основаніе топографіи края, для облегченія ея изученія.

На западѣ отъ Толы-Селенги вся почва поката къ востоку; на востокѣ, до самаго Яблоноваго хребта — къ западу. Только за Яблоновымъ хребтомъ начинается снова общее пониженіе средне-азіятскаго материка къ сторонѣ Тихаго океана. Соотвѣтственно этому пластическому устройству почвы направляются и токи водъ, т. е. рѣки, а съ ними и долины. Ближайшее вліяніе на направленіе водныхъ потоковъ имѣютъ слѣдующія горныя цѣпи:

I. *Восточный Саянъ съ Хамаръ-Дабаномъ.* Этотъ хребетъ къ востоку отъ Мунку-Сардыка, гдѣ онъ, по-видимому, достигаетъ своей кульминаціонной точки, имѣетъ сначала направленіе на юго-востокъ, отдѣляя рѣки, текущія въ Ангару и Байкалъ, отъ притоковъ верхней Селенги. Такое направленіе, принятое имъ еще у верховій Бирюсы и Бей-кхема, онъ сохраняетъ до меридіана Култука, т. е. западной оконечности Байкала, стало быть на протяженіи около 600 верстъ. Нѣсколько западнѣе этого меридіана, у верховій Джиды и Зонъ-Мурени, этотъ хребетъ раздвояется, и одна, южная цѣпь его, удерживаетъ прежнее направленіе къ юго-востоку, а другая поворачиваетъ прямо на востокъ, потомъ даже на сѣверо-востокъ. Первая изъ этихъ вѣтвей ограничиваетъ бассейнъ рѣки Джиды съ юга, а вторая съ сѣвера, составляя въ то же время южный берегъ Байкала.

Вся страна, изрѣзанная этими хребтами и ихъ отрогами, есть настоящая альпійская область, изборожденная глубокими ущельями и долинами рѣчекъ и увѣнчанная по хребтамъ острыми гольцами, т. е. голыми каменными вершинами. Поднимаясь, среднимъ числомъ, отъ 4,000 до 7,000 футовъ надъ моремъ, эти горные массивы служатъ мѣстами осажденія влажности и потому даютъ начало многочисленнымъ и многоводнымъ, въ растополь, рѣкамъ. Заросши, большею частью, лѣсами, они имѣютъ мѣстами почву сильно-болотистую, поддерживающую питаніе рѣчекъ. Влажность воздуха въ этой нагорной странѣ, особливо на юго-западѣ отъ Култука, несмотря на разстоянія въ 3,000 верстъ отъ Сѣвернаго океана и въ 3,500 отъ Восточнаго, такъ велика, что, напримѣръ, въ долинѣ рѣчки Ургудея не проходитъ почти дня, чтобы раза два или три не налетѣли тучи и не покрыли почву дождемъ или снѣгомъ, смотря по времени года.

Восточный Саянъ, который въ разныхъ мѣстахъ носитъ названіе Гурби-ола, Боготу-дабанъ, Хамаръ-дабанъ и проч., вообще не переходитъ за 7,000 футовъ и потому не имѣетъ вѣчно снѣжныхъ вершинъ. Высшіе изъ *извѣстныхъ* здѣсь пиковъ не достигаютъ даже этого уровня; но за то кряжъ идетъ непрерывнымъ валомъ вдоль всего юго-западнаго берега Байкала, слегка лишь уменьшаясь въ высотѣ къ сторонѣ Селенги, въ которую круто упирается близъ станціи Половинной, на сѣверѣ отъ Верхнеудинска. Эта равномѣрность высоты, это отсутствіе глубокихъ вырѣзовъ въ хребтѣ и служитъ причиною, что устроить черезъ него хорошую сухопутную дорогу доселѣ не удалось, и нужно было, въ концѣ концовъ, путь

изъ Иркутска за Байкалъ проложить въ обходъ восточнаго конца кряжа, т. е. долиною Селенги, а не прямо изъ Култука на Джиду или хоть на Темникъ. Высоты извѣстнѣйшихъ вершинъ и перевaловъ, начиная съ запада, суть слѣдующія:

Ургудейскій голецъ (Эхе-Ургудей) . .	6,100	футовъ.
Хамаръ-дабанъ	6,750 *)	»
Нукенъ-дабанъ	5,460	»
У верховья Выдренки	5,470	»
» Машихи	4,575	»
» Ивановки	4,430	»

Любопытно, что сѣверная покатость хребта значительно круче, чѣмъ южная. Такъ поверхность Байкала, отстоящая на 35 верстъ отъ оси хребта, лежитъ ниже Нукенъ-дабана на 4,237 футовъ, а долина Джиды у Харацайской станицы, въ 75 верстахъ отъ хребта, имѣетъ не менѣе 2,680 футовъ, т. е. лишь на 2,780 футовъ ниже Нукенъ-дабана. Въ южныхъ предгорьяхъ есть даже мѣстности, не уступающія въ высотѣ главному кряжу, какъ, напримѣръ, Аласакскій перевалъ, лежащій южнѣе Нукенъ-дабана и имѣющій 5,470 футовъ.

Обиліе влажности въ восточномъ Саянѣ и въ его продолженіи на югѣ отъ Байкала, какъ уже упомянуто, высказывается въ многочисленности и многовидности стекающихъ съ него рѣчекъ. Это особенно нужно разумѣть про сѣверный скатъ горъ, гдѣ, напримѣръ, рѣки Утуликъ, Хара-Муринъ, Лангатуй, Снѣжная и пр. представляютъ важныя препятствія для перехода чрезъ нихъ. Да и всѣ вообще притоки Байкала отъ Култука до Посольска суть настоящія горныя рѣчки, которыя гремятъ и бушуютъ при первомъ дождѣ, срывая нерѣдко мосты, черезъ нихъ перекинутые. На южной сторонѣ хребта, подъ вліяніемъ солнечнаго тепла и сухости притекающаго изъ Монголіи воздуха, потоки гораздо маловоднѣе, чѣмъ на сѣверномъ, и, напримѣръ, Джида имѣетъ броды почти до самаго устья, а всѣ ся лѣвые притоки суть небольшія рѣчки. Однако и онѣ послѣ долговременныхъ дождей, какъ было, напримѣръ, въ 1869 г., дѣлаются весьма многоводными. Тогда даже отдѣльно лежащее Гусиное озеро наполняется водою черезъ край и даетъ стокъ въ Селенгу по долинѣ, обыкновенно сухой.

Хребетъ, который отъ истока Джиды сопровождаетъ южный бе-

---

*) Средній выводъ изъ нѣсколькихъ опредѣленій.

регъ ея, менѣе извѣстенъ, чѣмъ прибайкальскій; однако и въ немъ мы знаемъ довольно высокіе массивы, какъ, напримѣръ, Боготудабанъ, который лежитъ сполна въ нашихъ предѣлахъ, такъ что бѣгущія съ него на югъ, къ Ури, рѣчки начинаются по сю сторону границы. Затѣмъ горы довольно высоки еще у береговъ Желтуры; по направленію же къ Кяхтѣ постепенно понижаются, нигдѣ однако же не падая ниже 2,500 футовъ надъ моремъ. Вѣтвь хребта, идущая въ предѣлахъ Монголіи, между Желтурою и Селенгою, еще выше; но вообще всѣ горные кряжи по монгольской границѣ отъ верховья Джиды до устій ея не представляютъ особыхъ препятствій къ переходу черезъ нихъ. Сѣверныя ихъ покатости лѣсисты, но уже не въ такой степени какъ Саянъ, а южныя, большею частью, обнажены.

Треугольное пространство между прибайкальскими горами и границею, орошаемое Темникомъ и Джидою, вообще представляетъ плоское нагорье, высотою примѣрно до 2,000 футовъ. Но на немъ разбросаны и хребты, большею частью безлѣсные, съ вершинами, имѣющими иногда правильно-коническую форму, какъ, напримѣръ, Острая-Сопка. Страна эта вообще извѣстна частыми землетрясеніями, и, вѣроятно, одному изъ таковыхъ рѣка Селенга одолжена своимъ переходомъ въ теперешнее русло, которое идетъ восточнѣе прежняго и отдѣлено отъ него рядомъ довольно высокихъ холмовъ. Въ одномъ изъ углубленій или омутовъ, быть можетъ даже волканическихъ проваловъ, этого стараго русла лежитъ довольно обширный водоемъ Гусинаго озера, имѣющаго нѣсколько притоковъ, между которыми есть даже рукавъ рѣки Темника, но не имѣющій постояннаго стока. Впрочемъ, въ большія наводненія, какъ было, напримѣръ, въ 1869 г., вода изъ Гусинаго озера сбѣгала не только на югъ, но даже на сѣверъ, черезъ Соленую-Падь и русло Убукуна.

Въ Халкѣ вся страна на западъ отъ Селенги и Толы представляетъ мѣстность гористую, гдѣ кряжи направляются преимущественно отъ запада на востокъ и сѣверо-востокъ. Судя по малочисленности тутъ дорогъ и по трудности одной изъ нихъ, намъ извѣстной, — именно изъ Улясутая въ Ургу черезъ Хучжирту и вдоль по Орхону, по которой путешественники слѣдуютъ неохотно, предпочитая ей болѣе длинный путь на Саиръ-усу, — судя по этому, должно думать, что хребты вообще высоки и скалисты. То же должно заключить и изъ многочисленности притоковъ Селенги и Орхона, которые, будь они въ странѣ низменной, не имѣли бы

воды, подобно степнымъ потокамъ на юго-западѣ, югѣ и юго-востокѣ. Наивысшія точки, безъ сомнѣнія, лежатъ близъ истоковъ Орхона, т. е. въ кряжѣ Хангай-ола *), и потомъ при верховьяхъ Цилулу, Джака, Хасуя и Тамира, въ такъ называемомъ Малаха-ола. Однако и здѣсь извѣстны горные проходы Куму-дабанъ, Юлся-дабанъ, Укэ-дабанъ, Сохойлу-дабанъ и др. Въ хребтѣ же, раздѣляющемъ Селенгу отъ Орхона, такихъ переваловъ, повидимому, менѣе.

На правомъ берегу Орхона, между имъ и Толой, тянется уже высокая степь Гоби, среди которой извивается на сѣверъ маловодная Хоролха. Правый берегъ Орхона и Керулена и лѣвый Толы вообще можно считать крайнимъ къ югу предѣломъ той части Халкасскихъ владѣній, которая еще можетъ быть сколько нибудь удобнымъ театромъ войны. За ними же, во всей безотрадности, тянется высокая, холодная и почти голая степь, постепенно къ югу дѣлающаяся совершенно безплодною.

II. На *правомъ берегу Селенги* легко замѣтить цѣлую *систему паралельныхъ кряжей*, которые тянутся отъ юго-юго-запада къ сѣверо-сѣверо-востоку, безъ всякаго исключенія. Между ними Прибайкальскія горы Баргузинскаго уѣзда составляютъ очевидно продолженіе Хамаръ-дабана, отъ котораго не отличаются ни строеніемъ, ни высотою; горы же *Гентей* и *Яблоновый хребетъ* составляютъ одну цѣпь, образующую начало длиннаго Становогo хребта, который ограничиваетъ съ сѣверо-запада бассейнъ Амура. Другія паралельныя имъ цѣпи суть слѣдующія:

1) Между Удою и Хилокомъ кряжъ безъ общаго названія (можно бы назвать его Куйдунскимъ), начинающійся едва замѣтными холмами на Эравинской плоскости и постепенно становящійся болѣе скалистымъ и развѣтвленнымъ къ западу, гдѣ упирается въ Хилокъ у Тарбагатая и Подлопаточной. Среди развѣтвленій есть не мало широкихъ долинъ, каковы, напримѣръ, Куйдуна, Киченги, Бряни, Сухоры.

2) *Малятинскій* хребетъ, высотою, въ среднемъ числѣ, до 3,000 футовъ, лѣсистый, раздѣляющій Хилокъ отъ Чикоя. На западѣ, у Кудары, онъ однако обнажается почти совсѣмъ отъ лѣсовъ и въ этомъ видѣ доходитъ до Селенгинска, въ окрестностяхъ котораго образуетъ скалистый высокій правый берегъ Селенгинской долины.

---

*) Илайясъ видѣлъ эти горы съ юга и даетъ имъ высоту въ 8200 ф.; но вѣроятно они выше, потому что имѣютъ снѣга.

3) *Хинганъ-ола* и *Бурганъ-ола* — высокіе массивы, обтекаемые Чикоемъ съ сѣвера и извѣстные своею золотоносностью.

4) *Багагентей* и *Терелци-дабанъ* — горные кряжи, отдѣляющіе лѣвые притоки Чикоя отъ правыхъ Толы.

Всѣ эти кряжи сѣвернѣе Яблоноваго хребта.

5) Горы праваго берега Ингоды и Шилки, имѣющія среди себя высокій массивъ Чеконду (8,259 футовъ). Имъ можно присвоить названія: на западѣ отъ рѣки Онона — *Алханайскаго*, а на востокѣ *Борщовочнаго* хребтовъ. Южные ихъ скаты большею частью безлѣсны, а сѣверные, напротивъ, лѣсисты, хотя лѣса сильно разрѣжены густымъ населеніемъ береговъ Ингоды и Шилки.

6) Горы Агинской степи и хребетъ *Адунъ-Чалонъ*, между которыми Ононъ пробивается на сѣверъ, невысокія и безлѣсныя. Адунъ-Чалонъ знаменитъ топазами и берилами.

7) и 8) Хребты *Газимурскій* и *Уровскій*, горы *Дирбикайскія*, кряжъ *Кыдимъ* и другіе, наполняющіе русскую Даурію по Аргуни. Обыкновенно на южномъ склонѣ онѣ безлѣсны.

9) Пограничный хребетъ между Онономъ и Ульзою, находящійся въ связи съ Гентеемъ.

10) Горы *Ульдзай-Сайканъ-ола* и хребетъ *Баиндунскій* между Ульдзою и Керулюномъ, почти безлѣсные и вообще бѣдные растительностью.

Столь сложная орографія требуетъ особеннаго усилія памяти и вниманія, чтобы разобрать ее сколько-нибудь основательно.

Прежде всего замѣтимъ, что основная горная система страны, т. е. Яблоновый хребетъ, несмотря на свое протяженіе вдоль по цѣлому краю, нигдѣ не представляетъ особенно выдающихся вершинъ. Наибольшія, вѣроятно не превосходящія 5,000 футовъ, лежатъ у узла Гентея, т. е. близъ верховій Мензи, Онона, Керулюна и Толы; затѣмъ хребетъ тянется къ сѣверо-востоку непрерывнымъ, но ровнымъ валомъ, весьма пологимъ къ сѣверо-западу и довольно круто падающимъ къ юго-востоку, въ долины Ингоды и Читы. Среднюю высоту его можно положить въ 4,000 футовъ, какъ то и найдено измѣреніемъ перевала на большой читинской дорогѣ, между станціями Шакшинскою и Домноключевскою (4,010 футовъ). Затѣмъ къ истокамъ Нерчи горы опять нѣсколько возвышаются, такъ что нѣкоторые гольцы доходятъ до 5,000 футовъ. Средняя часть Яблоноваго хребта, близъ истоковъ Хилока, Уды, Конды и Монголоя, замѣчательна тѣмъ, что ея западный скатъ чрезвычайно отлогъ и

образуется тѣмъ плоскимъ надутіемъ, которое зовется *Эравинскою степью*. На этомъ плато лежитъ и водораздѣлъ между системами Селенги и Витима, водораздѣлъ до того незамѣтный, что нѣкогда изъ Хилока можно было проходить въ Монголой помощью ряда озеръ и соединявшихъ ихъ ручьевъ, нынѣ нѣсколько пересохшихъ. Отъ этого-то высокаго темени (3,264 фута) начинается углубленіе рѣкъ селенгинскаго и витимскаго бассейновъ въ почву, такъ что чѣмъ далѣе внизъ идешь по этимъ рѣкамъ, тѣмъ круче и выше становятся ихъ берега, хотя общій уровень страны остается тотъ же.

Затѣмъ, для болѣе яснаго представленія топографіи мѣстности, какъ Забайкалья, такъ и сосѣдней Халки на востокѣ отъ Селенги, удобнѣе всего будетъ обратиться къ описанію долинъ, которыя раздѣляютъ хребты. Горы Баргузинскаго округа ограничены съ юга широкою долиною *Уды*. Эта долина, представляющаяся сначала, у верховій, лѣсистою и болотистою равниною, ниже селенія Кульскаго начинаетъ быть видимо обрамлена горами и, наконецъ, съ приближеніемъ къ Верхнеудинску, съуживается до нѣсколькихъ верстъ. Средняя часть ея занята кочевьями бурятъ; но и русскія селенія, какія возникли, находятъ для себя довольно угодій всякаго рода. Но рѣка Уда вовсе не судоходна.

Другая долина Верхнеудинскаго округа есть *Хилокская*. Она гораздо уже Удинской и только близъ селеній Бичурскаго, Куналейскаго, Новоникольскаго расширяется до 10—12 верстъ. Впрочемъ, окружающіе ея хребты вездѣ почти спускаются къ ней постепенно. Только съ поворотомъ рѣки на сѣверъ, долина ея стѣсняется съ обѣихъ сторонъ и мѣстами переходитъ даже въ ущелье. Но ниже Подлопаточной къ ней примыкаетъ съ востока широкая долина Тугнуе-сухорская, большею частью безлѣсная и хорошо населенная. Хилокъ судоходенъ для небольшихъ лодокъ.

Долина *Чикоя* еще уже. Можно сказать, что выше деревни Шимбелика это есть просто горное ущелье, а отсюда до устья Джиды и Катанцы — узкая ровная полоса, обставленная горами; но потомъ, особенно отъ Кудары, она расширяется и представляетъ одну изъ лучшихъ мѣстностей Забайкалья по обилію травъ, хотя, большею частью, степныхъ и солончаковыхъ. Вблизи Селенги эта долина имѣетъ около десяти верстъ ширины. Чикой могъ бы быть судоходенъ; но быстрота теченія въ верхнихъ частяхъ и обиліе островов и мелей въ нижнемъ теченіи дѣлаютъ плаваніе по немъ затруднительнымъ.

Рѣки Иро, Куйтунъ, Хараголъ, и вообще всѣ притоки *Толы*,

текутъ въ очень глубокихъ долинахъ, которыя онѣ промыли въ общемъ нагорьѣ. Долины эти частію каменисты, частію покрыты крупнымъ пескомъ или травами. Лѣсовъ же здѣсь мало.

Долина *Ингоды* вездѣ, кромѣ верховья, довольно широка, почему въ ней и утвердилось довольно густое населеніе, которое однако держится все невдалекѣ отъ рѣки. Ингода до Читы несудоходна, да и ниже ея годится только для мелкихъ судовъ и плотовъ, и лишь по сліяніи съ Онономъ становится судоходной рѣкой. Отъ Читы до Городища долина ея во многихъ мѣстахъ стѣсняется крутыми береговыми выступами, особенно у селеній Турино-Поворотнаго и Розмахнинскаго.

Ононъ имѣетъ на всемъ протяженіи долину, обставленную горами или, по крайней мѣрѣ, увалами и, большею частію, не широкую. Верхняя часть этой долины, до Акши, содержитъ много лѣсовъ, болотъ, мѣстъ каменистыхъ, хотя представляетъ довольно и мѣстъ открытыхъ. Ниже страна пріобрѣтаетъ степной характеръ, который особенно замѣтенъ около Чиндацта. Эта степь, называемая *Агинскою*, тянется далеко на сѣверо-западъ. Нѣсколько ниже Чиндацта Ононъ поворачиваетъ на сѣверъ и входитъ въ узкую падь, которая и сопровождаетъ его до самаго устья. Рѣка судоходна отъ Акши и даже нѣсколько выше, но лишь для мелкихъ судовъ.

Рѣки русской Дауріи, т. е. Нерчинскаго горнаго округа, всѣ имѣютъ долины весьма неширокія, а Газимуръ, Уровъ, Урюмканъ, да и самая Аргунь ниже Цурухайту, текутъ частію по ущельямъ, частію по долинамъ едва въ одну версту шириною. Эти сырыя и прохладныя долины извѣстны какъ гнѣздо эндемической болѣзни жителей — зоба.

Около озеръ Дзунъ-Торея и Барунъ-Торея и къ юго-востоку отъ нихъ разстилается широкая степь, богатая стоячими водами, но высокая, такъ что, не смотря на положеніе озера Далайнора на высотѣ по крайней мѣрѣ 1,800 футовъ, она падаетъ къ нему уступами. Такой же характеръ имѣетъ отчасти мѣстность по правой сторонѣ Ульдзы; но здѣсь горные хребты замѣтно волнуютъ почву, и долина Керулюна уже представляетъ снова почти тѣ же свойства, что долина Онона, только съ болѣе бѣдною степною растительностью. Къ югу же отъ нея начинается настоящая Гоби, высокое степное нагорье. Самыя верховья Керулюна находятся всѣ въ горахъ до поворота рѣки на востокъ, близъ котораго извѣстенъ высокій массивъ Дарханъ-ола. Рѣка не только несудоходна, но почти всюду проходима въ бродъ, за исключеніемъ времени весен-

няго разлива. Въ озерѣ Далай воды ея окончательно испаряются, ибо этотъ водоемъ, за исключеніемъ времени полноводья, не имѣетъ уже стока.

По общему плану слѣдовало бы теперь, послѣ описанія горъ и рѣчныхъ долинъ, исчислить важнѣйшіе горные проходы и переправы; но какъ они весьма многочисленны и нигдѣ не представляютъ особыхъ трудностей (кромѣ прибайкальской страны), а въ военномъ отношеніи пока могутъ имѣть значеніе лишь по проѣзжимъ дорогамъ, то описаніе ихъ присоединено къ описанію путей сообщенія.

Естественная производительность.

Описываемое пространство, по отношенію къ климату, а съ нимъ и къ свойствамъ флоры и фауны, не можетъ быть характеризовано однимъ общимъ терминомъ, каковы, напримѣръ, степная сухость для Туркменіи или приморская влажность для Усурійскаго края. Тутъ совершается переходъ, и иногда весьма быстрый, отъ мѣстъ съ климатомъ довольно важнымъ и съ густою лѣсною растительностью къ сухимъ, бездождымъ и потому голымъ степямъ. Къ сожалѣнію, для характеристики климата есть наблюденія только въ трехъ точкахъ, именно:

	Высота.	Ср. год. темп.	Январь.	Іюль.
Култукъ	1,316	— 1° 3 Р.	— 16° 6	+ 12° 2
Верхнеудинскъ	1,970	0°	— 17° 4	+ 16° 3
Нерчинскій заводъ . . .	2,230	— 3° 2	— 23° 3	+ 14 5

Изъ нихъ въ Култукѣ выпадаетъ ежегодно едва-ли менѣе 30 дюймовъ дождя и снѣга, въ Нерчинскомъ заводѣ все еще 17° дюймовъ, т. е. почти столько же, какъ въ Петербургѣ, но въ Верхнеудинскѣ не болѣе двухъ третей этого послѣдняго количества. Вообще можно сказать, что чѣмъ мѣсто открытѣе и ближе къ Гоби, тѣмъ климатъ его представляетъ болѣе крайностей относительно температуры и меньше дождливыхъ дней и падающей изъ атмосферы воды. Уже въ Кяхтѣ, для поддержанія свѣжести древесной растительности въ садахъ, необходимо бываетъ, въ жаркіе дни, обливать не только почву, но и листья водою. Далѣе на югъ орошеніе есть необходимое условіе жизни растеній вообще, такъ что деревья встрѣчаются лишь у самаго русла рѣкъ, обыкновенно тальникъ, или же на вершинахъ горъ — сосна. На второй половинѣ

пути отъ Кяхты въ Ургу лѣса исчезаютъ даже съ сѣверныхъ покатостей горъ. Въ Нерчинскомъ краѣ то же явленіе, хотя въ меньшей степени. И тамъ есть Агинская степь, совершенно почти безлѣсная; и тамъ лѣвый берегъ Аргуни, покатый на югъ, обнаженъ; но за то въ Нерчинскомъ краѣ травы сочнѣе и всѣ сѣверные скаты горъ одѣты лѣсами. Въ Халкѣ лѣса встрѣчаются только по высокимъ хребтамъ и тоже лишь на сѣверныхъ скатахъ. Здѣсь они, большею частію, сосновые, тогда какъ въ забайкальскихъ лѣсахъ, особенно въ части сосѣдней Байкалу, преобладаютъ лиственница, ель, береза и кедръ. Наиболѣе мощную лѣсную растительность представляютъ прибайкальскія горы, страна по верховьямъ Чикоя и Яблоновый хребетъ. Здѣсь тайга сохранила еще свой первобытный характеръ сплошнаго дремучаго бора, настоящаго царства звѣриной охоты.

Травяная растительность въ Забайкальѣ повсюду довольно сочна и разнообразна, особливо въ дельтѣ Селенги, по долинамъ рѣчекъ и по вершинамъ горъ; но она скудна на южныхъ покатостяхъ послѣднихъ. Въ Верхнеудинскомъ округѣ нерѣдко можно видѣть сопки, у которыхъ на темени и при подошвѣ есть трава, а на покатостяхъ почва остается почти голою. Для посѣвовъ нельзя выбирать горныхъ склоновъ, даже самыхъ пологихъ, ибо при покатости на югъ всходы выгораютъ, а при покатости на сѣверъ подвергаются заморозкамъ. Эти климатическія условія очень стѣсняютъ пространства годной для полеводства земли, и едва-ли во всемъ Забайкальѣ ея найдется болѣе 1,200 квадратныхъ миль, на 10,900 миль протяженія. Въ Халкѣ отношеніе еще болѣе невыгодно: тамъ уже нѣтъ хлѣбопашества, а населеніе живетъ исключительно скотоводствомъ и потому, за малыми исключеніями, ведетъ кочевую жизнь.

Стоитъ замѣтить, что, благодаря сухости атмосферы въ Забайкальѣ и Халкѣ, снѣжная линія держится выше 8,300 футовъ надъ моремъ, тогда какъ на Алтаѣ она спускается до 7,000; отсюда сравнительная маловодность большинства здѣшнихъ рѣкъ, а съ нимъ сухость климата, степной характеръ флоры, и проч.

Относительно фауны описываемаго пространства, необходимо замѣтить, что она, такъ же какъ и флора, не имѣетъ одного общаго характера. Лѣса Забайкалья славятся обиліемъ дикихъ звѣрей — отъ оленей, горныхъ козъ и медвѣдей до бѣлокъ и горностаевъ. Но степи Халки и русской Дауріи не имѣютъ другихъ дикихъ млекопитающихъ, какъ сурки, тарбаганы и отчасти лисицы и рыси. Изъ дикихъ птицъ довольно замѣчательны рябчики, весьма многочисленные на высокихъ плато около Нерчинска, и различныя породы

гусей, утокъ и другихъ водяныхъ пернатыхъ, на озерахъ Далаѣ, Дзунъ и Барунъ-Тореѣ, Гуснно́мъ и пр. Байкалъ и его берега имѣютъ собственную флору и фауну, очень разнообразную и также служащую предметомъ промысла, какъ и произведенія забайкальскихъ лѣсовъ. Рыбныя ловли распространены по всему южному берегу озера, но особенно обильны при устьяхъ Селенги и рѣчекъ, текущихъ къ западу отъ нея. Въ самой Селенгѣ, и также въ другихъ забайкальскихъ рѣкахъ, кромѣ Шилки и Аргуни, рыболовство почти ничтожно, но казаки наши пользуются обиліемъ рыбы въ озерѣ Далаѣ и въ рѣкѣ Кэрулюнѣ, куда отправляются на ловлю безъ всякаго опасенія совмѣстничества монголовъ, промысломъ этимъ вовсе не занимающихся.

Что же касается до фауны культурной, т. е. до животныхъ прирученныхъ, то она богата если не разнообразіемъ и совершенствомъ породъ, то ихъ численностью на всемъ описываемомъ пространствѣ. Лошади, коровы, овцы, у монголовъ верблюды, пока еще встрѣчаются въ изобиліи. Если наша офиціальная статистика считаетъ въ предѣлахъ Забайкалья 280,000 лошадей, 359,000 рогатаго скота и 775,000 овецъ, то безъ сомнѣнія не далеко будетъ отъ истины сказать, что первыхъ есть 400,000, вторыхъ полмилліона, а третьихъ болѣе милліона. Вѣроятно даже, что и эти цифры ниже дѣйствительности. У монголовъ скотоводство еще обильнѣе, чѣмъ у насъ, ибо тамъ нѣтъ лѣсовъ, которые бы отнимали мѣста отъ пастбищъ, да и скотоводство есть единственный промыселъ народа. Такимъ образомъ, разведеніе животныхъ всегда можетъ обезпечить продовольствіе народа и войскъ, а также перевозку тяжестей; но большое затрудненіе въ степныхъ частяхъ края представитъ содержаніе, *на одномъ мѣстѣ*, даже незначительнаго числа лошадей, коровъ и пр. Сѣна въ Халкѣ, да и у насъ по бурятскимъ улусамъ, не заготовляется почти вовсе, а потому нельзя удивляться, что при всякомъ сосредоточеніи конницы на постоянную стоянку въ какой нибудь точкѣ степи, фуражъ для нея придется привозить издалека или же нужно будетъ выпускать табуны на подножный кормъ. Здѣшній скотъ, конечно, привыкъ добывать кормъ изъ-подъ снѣга; но если нужно держать отряды конницы на сухомъ фуражѣ, то лучшія мѣста для этого будутъ: въ Забайкальѣ на низовьяхъ Селенги, въ долинахъ Кудары, нижняго Чикоя, Аргуни у Цурухайту, а въ Халкѣ по нижнимъ частямъ Кэрулюна, гдѣ сѣнокошеньe возможно. Лучшія лошади и коровы встрѣчаются въ Перчинскомъ краѣ, гдѣ есть даже правильное коневодство въ Цурухайту; потомъ бо-

гаты перевозочнымъ скотомъ жители нижней Селенги, деревень по Хилоку, отчасти по Джидѣ, а также хоринскіе буряты; у монголовъ лошади многочисленны, но породы невзрачной. Для перевозки тяжестей имъ служитъ верблюдъ, а въ горахъ на западъ отъ Селенги отчасти и якъ, т. е. тибетскій быкъ.

Для теплой одежды, столь необходимой въ краѣ, служатъ овцы и мерлушки отъ нихъ, горные козлы съ длинною и короткою шерстью, всѣ мѣха высшихъ сортовъ, до медвѣдя и соболя. Забайкальскія дахи изъ горныхъ козловъ суть превосходнѣйшія шубы для простолюдиновъ и для солдатъ.

Немаловажное значеніе въ ряду естественныхъ произведеній Забайкалья имѣютъ разныя минеральныя его богатства, которыя, вѣроятно, свойственны и Халкѣ, хотя, за исключеніемъ желѣза, тамъ вовсе не разработываются. Въ Забайкальѣ по настоящее время найдены слѣдующіе металлы и минералы: *золото* почти повсемѣстно въ долинахъ рѣчекъ, особенно въ бассейнѣ Чикоя, верхняго Онона (Бальджинскій пріискъ), Шилки (Кара), Газимура (Шихтаминскій пріискъ), Витима; *серебро* въ разныхъ мѣстахъ Нерчинскаго края, преимущественно на верхнихъ притокахъ Газимура, Урова, Ононъ-Борзи, Урулюнгуя, а также близъ Шилки, у Чалбучи; *ртуть*, въ видѣ киновари, на Ильдиканѣ; *мѣдь* на Агѣ и Куйдунѣ; *свинецъ* вмѣстѣ съ серебромъ; *олово* на Ононѣ; *желѣзо* въ разныхъ мѣстахъ, но преимущественно между Удою и Хилокомъ, а также на Урулюнгуѣ; *каменный уголь* у Посольска, вблизи Байкала, у Гусинаго озера, у Куенги, на лѣвой сторонѣ Шилки, не вдалекѣ отъ Нерчинска на правомъ берегу той же рѣки, у деревни Горбуновой на Аргуни и на Ононъ-Борзѣ; *соль* — въ Борзинскомъ озерѣ. Къ этимъ полезнымъ ископаемымъ принадлежатъ еще рѣдкіе минералы, цвѣтные и драгоцѣнные, изъ мѣсторожденій которыхъ особенно знаменитъ кряжъ Адунъ-Челонъ. Всѣ вообще горные промыслы въ крайнемъ упадкѣ или даже не могутъ начать развитія; въ Нерчинскомъ горномъ горномъ округѣ лишь недавно дозволена частная промышленность, да и то исключительно золотоискательная. Въ Монголіи разработка металловъ вообще запрещена, а потому тамъ, за исключеніемъ небольшаго количества желѣза, добываемаго на ручныхъ горнахъ, никакихъ металовъ не добывается, и самыя мѣсторожденія рудъ неизвѣстны.

Минеральныя воды составляютъ также одно изъ богатствъ края и весьма многочисленны въ Забайкальѣ. Изъ сорока болѣе или менѣе описанныхъ или даже изслѣдованныхъ химически ключей здѣсь

особенно извѣстны туркинскіе, близъ Байкала, на рѣкѣ Туркѣ; затѣмъ различные источники находятся по Удѣ, Чикою, Ингодѣ, Онону, Нерчѣ, Газимуру и пр., но остаются, большею частью, безъ употребленія у мѣстныхъ жителей, кромѣ бурятъ. При многихъ хроническихъ болѣзняхъ, минеральныя воды очевидно могли бы приносить большую пользу, но почти всѣ онѣ лишены устройствъ, которыя бы допускали удобное пользованіе ими. Особенно важно было бы разыскать такіе источники, которые содержатъ іодъ и слѣдовательно могутъ быть полезны противу зоба, болѣзни довольно обыкновенной по Аргуни и по лѣвымъ ея притокамъ.

Промышленность.

Разработка всѣхъ исчисленныхъ произведеній природы вообще находится на довольно низкомъ уровнѣ, по причинѣ рѣдкости населенія, бѣдности и невѣжественности большинства его. Общее направленіе промышленной дѣятельности можно характеризовать такимъ образомъ: въ Забайкальѣ главныя занятія жителей суть земледѣліе и скотоводство; въ Халкѣ одно скотоводство. Къ этому въ Забайкальѣ присоединяются еще охота, рыбная ловля, горные промыслы, извозъ и небольшіе зачатки заводской промышленности, а въ Халкѣ извозъ.

Земледѣліе въ Забайкальской области, благодаря климатическимъ условіямъ, представляетъ одну важную особенность. Изъ опасенія морозовъ тамъ почти *вовсе не сѣютъ озимаго хлѣба*, а довольствуются яровымъ. Такимъ образомъ, рабочее время хлѣбопашца все приходится на весну, слѣдовательно, при самомъ напряженномъ трудѣ, онъ не можетъ посѣять столько, сколько земледѣлецъ съ двумя рабочими сезонами. Это же служитъ причиною: а) меньшаго приплода или урожая, такъ какъ всегда яровой хлѣбъ даетъ меньше озимаго, и б) быстраго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ при малѣйшемъ увеличеніи требованія на него; ибо расширить запашки почти нѣтъ возможности при данномъ числѣ рукъ и краткости времени посѣвовъ (23-го апрѣля — 20-го мая). Такъ какъ военное вѣдомство покупаетъ, разумѣется, только избытокъ хлѣба мѣстнаго населенія и притомъ еще, въ послѣдніе двадцать лѣтъ, при совмѣстничествѣ золотоискателей и винныхъ заводчиковъ, то не трудно понять, что одинъ этотъ фактъ заставляетъ желать, чтобы числительность земледѣльческаго класса населенія въ Забайкальѣ, по возможности, увеличилась.

Размѣры посѣвовъ и урожая хлѣба, который, большею частію, состоитъ изъ ярицы (яровой ржи, негодной на озимые посѣвы), пшеницы, ячменя, овса и картофеля, достигаютъ до 250,000 четвертей посѣва и до 600,000 четвертей сбора; быть можетъ нѣсколько болѣе того и другого, но во всякомъ случаѣ едва ли свыше 700,000 четвертей урожая. Отдѣливъ изъ послѣдняго числа 250,000 нужныя для обсѣмененія полей, получимъ едва 450,000 четвертей на продовольствіе населенія въ 350,000 душъ, что болѣе чѣмъ умѣренно и не можетъ быть вполнѣ вознаграждено продуктами скотоводства и охоты. О зимнихъ запасахъ зерноваго корма скоту, очевидно, тутъ не можетъ быть рѣчи. И въ самомъ дѣлѣ, за малымъ исключеніемъ, скотъ этотъ ходитъ на тебеневкахъ, а дома питается однимъ сѣномъ или сѣчкою изъ соломы съ небольшимъ количествомъ муки. Овесъ или ячмень даются только почтовымъ и отчасти извознымъ лошадямъ.

Наиболѣе развитое земледѣліе встрѣчается у жителей береговъ Хилока и Селенги, затѣмъ въ Нерчинскомъ округѣ, по Ингодѣ, и частію наОнонѣ и Аргуни. «Семейскіе», т. е. старовѣры, по Хилку и Сухорѣ, суть главные производители хлѣба, котораго однако, по неимѣнію хорошихъ путей сообщенія, не могутъ сбывать съ тою выгодою, какъ бы могли, будь они въ тѣхъ же условіяхъ, какъ жители другой плодородной мѣстности — дельты Селенги. Обыкновенныя базарныя цѣны на рожь-ярицу колеблются, во всемъ Забайкальѣ, между 35 и 70 копѣйками за пудъ *); но иногда поднимаются значительно выше. Еще въ 1850 годахъ эти же среднія цѣны были 12—25 копѣекъ, не болѣе. Интендантство, съ торговъ, покупаетъ среднимъ числомъ по 90 копѣекъ за пудъ, впрочемъ, уже въ видѣ муки. Весьма желательно, чтобы поощрено было земледѣліе у бурятъ, которые доселѣ занимаются имъ въ слабой степени. Это, съ одной стороны, повело бы къ скорѣйшему переходу этого кочеваго племени въ населеніе осѣдлое, а съ другой черезъ самое короткое время понизило бы цѣны на хлѣбъ увеличеніемъ общаго объема земледѣлія. Примѣръ Семирѣченской области, гдѣ казна, въ первые годы нашего тамъ водворенія, не жалѣла денегъ, чтобы брать всѣ избытки земледѣлія въ свои магазины по хорошимъ цѣнамъ, и гдѣ теперь, несмотря на степной характеръ природы, такое изобиліе въ хлѣбѣ, въ этомъ случаѣ весьма поучителенъ.

---

*) Въ Восточной Сибири всѣ покупки зерна и муки дѣлаются не мѣрою, а вѣсомъ.

Изъ культурныхъ растеній, кромѣ хлѣбовъ, заслуживали бы вниманія еще ленъ и конопля, разводимые пока въ небольшомъ количествѣ по Чикою и Селенгѣ. Но какъ въ Забайкальѣ крупныхъ, а тѣмъ болѣе владѣющихъ свободными капиталами, землевладѣльцевъ вовсе нѣтъ, благодаря тому обстоятельству, что тамъ *личное* поземельное владѣніе есть только пользованіе землею на срокъ не болѣе сорока лѣтъ, то и надѣяться на скорое распространеніе этихъ растеній трудно. А между тѣмъ, за недостаткомъ ихъ, большинство населенія должно теперь одѣваться въ ткани изъ американскаго хлопка, привозимыя изъ Москвы.

Огородничество вообще мало развито въ Забайкальѣ, вслѣдствіе чего предметы первой необходимости въ хозяйствѣ русскихъ простолюдина и солдата — капуста, лукъ, горохъ — рѣдки до такой степени, что въ Нерчинскомъ краѣ подъ именемъ щей разумѣется супъ изъ ячменной крупы. Гречневая крупа также почти неизвѣстна, и даже разведеніе ея, по предразсудку, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ считается грѣхомъ. Войска ѣдятъ обыкновенно ячменную кашу.

Другія отрасли земледѣлія, по незначительности ихъ вообще и въ частности для военнаго вѣдомства, можно пройдти молчаніемъ. Но слѣдующія отрасли сельскаго хозяйства заслуживаютъ тѣмъ большаго вниманія.

Разведеніе рогатаго скота довольно значительно повсюду, но порода мелка. Лучшій скотъ встрѣчается у «семейскихъ» на Хилокѣ, Чикоѣ и Селенгѣ, а также на Аргуни, откуда, впрочемъ, много уведено его на Амуръ. Цѣна отъ 8 до 15 рублей за голову.

Овцы довольно многочисленны, особенно у бурятъ; но если даже принять число ихъ въ 900,000, то все-таки это число будетъ не болѣе какъ достаточно для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ населенія, которое, по суровости зимы, болѣе полугода носитъ теплую одежду (буряты даже круглый годъ). Забайкальская баранина отличается превосходнымъ вкусомъ и могла бы быть приготовляема въ прокъ (въ видѣ консервовъ) для военнаго и морскаго вѣдомствъ. Овчины при лучшей выдѣлкѣ, чѣмъ теперь, хотя бы при посредствѣ ивовой, за недостаткомъ дубовой коры, могли бы давать превосходный матеріялъ для мѣховой одежды, которую, между прочимъ, давно пора ввести въ табели вещеваго довольствія всѣхъ сибирскихъ войскъ, вмѣсто разныхъ менѣе полезныхъ частей солдатскаго убранства. Цѣна взрослому барану до 2 рублей сер.

Охота за дикими звѣрями, какъ уже было упомянуто, даетъ не мало матеріяловъ для зимней одежды. Кромѣ того, она же доста-

вляетъ населенію значительный денежный заработокъ, такъ какъ высшіе сорты мѣховъ идутъ на продажу внѣ края. Къ сожалѣнію, скупка мѣховъ нѣсколькими спекуляторами, большею частью за незначительную плату, даваемую звѣролову впередъ, отнимаетъ почти всю производительность этого промысла у страны. Съ военной точки зрѣнія остается, впрочемъ, одна несомнѣнная выгода: все мужское населеніе Забайкалья очень искусно въ стрѣльбѣ и привычно къ жизни подъ открытымъ небомъ, даже въ большіе морозы.

Рыболовство доставляетъ значительные заработки жителямъ селенгинской дельты. Но какъ оно чисто прибрежное или рѣчное, т. е. не требуетъ отъ рыбаковъ плаванія по озеру, то и не образуетъ изъ нихъ матросовъ. Очень немногіе прибайкальскіе крестьяне, да и то больше изъ Иркутской губерніи, плаваютъ на небольшихъ судахъ морской постройки къ устью Верхней Ангары; однако и эти плаванія вовсе не образуютъ изъ нихъ моряковъ, точно такъ какъ пароходство по Байкалу и Селенгѣ не образовало хорошихъ машинистовъ и лоцмановъ.

Горный промыселъ, которому нѣкогда было посвящено болѣе трети забайкальскаго населенія, нынѣ значительно упалъ, и всѣ бывшіе горнозаводскіе крестьяне, а нынѣ казаки, никакого отношенія къ нему не имѣютъ. Нѣсколько лучше другихъ идетъ добываніе изъ розсыпей золота, котораго, напримѣръ, въ 1869 году получено 382 пуда, на сумму болѣе 4,000,000 рублей. Выработка же серебряныхъ рудъ почти совсѣмъ прекратилась (32 пуда), а желѣза на всю область, съ 350,000 душъ населенія, добывается, на единственномъ Петровскомъ заводѣ, лишь 40,000 или 45,000 пудовъ, да и то въ значительной степени оно идетъ не въ народъ, а на кабинетскіе заводы. Частные люди, да и казна, большею частію покупаютъ желѣзо, какъ сырое, такъ и въ издѣліяхъ, привозимое съ сѣверной стороны Байкала, иногда съ уральскихъ заводовъ.

Мануфактурной промышленности, обработывающей продукты земледѣлія и скотоводства, почти нѣтъ въ краѣ. Два или три винокуренныхъ завода поглощаютъ всѣ избытки хлѣбопашества. Для высшихъ сортовъ муки есть всего одна хорошая мельница, около Верхнеудинска. Даже чисто-мѣстный, и довольно обширный, промыселъ, выжиманіе масла изъ кедровыхъ орѣховъ, остался пока на степени ремесла: выжиманіе производится по домамъ, ручными станками, а самое лущеніе орѣховъ — что почти невѣроятно, по

достовѣрно — производится зубами, для чего цѣлыя семьи, отъ мала до велика, предаются щелканью орѣховъ (особливо въ Шимбеликѣ и въ другихъ деревняхъ по Чикою). Издѣлій изъ волокнистыхъ растеній Забайкалье, а тѣмъ болѣе Халка, не производятъ почти никакихъ, и ткани, какъ упомянуто, привозятся изъ Россіи. Кожи, сколько-нибудь деликатныхъ сортовъ, вывозятся изъ края также невыдѣланными, и обувь въ большомъ количествѣ получается готовою изъ Тюмени и даже изъ Кунгура. Попытки устроить сахароварни не повели ни къ чему.

Торговля, за неимѣніемъ капиталовъ, за рѣдкостью и небогатствомъ населенія, имѣетъ самые скромные размѣры. Она почти вся состоитъ въ продажѣ привозныхъ изъ Россіи мануфактурныхъ товаровъ и въ покупкѣ мѣховъ. Къ этому присоединяется распродажа чаю, преимущественно кирпичнаго, привозимаго изъ Китая безпошлинно. Чайная торговля въ Кяхтѣ даетъ еще заработки жителямъ деревень по Селенгѣ, занимающимся перевозкою цибиковъ отъ Кяхты до Байкала; но съ упадкомъ кяхтинскаго торга и эти заработки весьма уменьшились, и такъ будетъ идти послѣдовательно, по мѣрѣ расширенія рынка чаевъ, привозимыхъ чрезъ Суэзъ и Одессу. Важнѣйшими центрами внутренней торговли служатъ Верхнеудинскъ, Нерчинскъ, Срѣтенскъ (у начала пароходства по Шилкѣ и Амуру), селеніе Кабанское, Троицкосавскъ. Внѣшняя торговля производится по всей границѣ, но главными ея пунктами нужно считать Кяхту и Цурухайту.

Въ Халкѣ единственный промышленный центръ есть Урга, въ торговой слободѣ которой (Маймаченѣ) живутъ китайскіе купцы-саньсійцы, снабжающіе всѣмъ нужнымъ окрестныхъ монголовъ и разсылающіе своихъ прикащиковъ до самыхъ отдаленныхъ частей сѣверной Монголіи. Нѣкоторое торговое значеніе имѣютъ еще Эрденицзао, на Орхонѣ, и Урго, на Кэрулюнѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ производится обмѣнъ произведеній монгольскихъ стадъ и охоты, а также готовыхъ войлоковъ, на посуду, табакъ, трубки, хлопчатобумажныя ткани, кожи, и т. п., привозимыя частію изъ Россіи, частію изъ Срединнаго царства.

Пути сообщенія.

Они двухъ родовъ: водяные и сухопутные. Къ первымъ принадлежитъ пароходная линія черезъ Байкалъ, между Лиственичною

и Посольскомъ (114 верстъ), весьма важная для насъ и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи; затѣмъ водяные пути по Селенгѣ, Шилкѣ и Аргуни.

На Байкалѣ, въ настоящее время, два парохода, оба принадлежащіе купцу Хаминову. При недостаткѣ конкуренціи, переѣздъ на нихъ чрезъ озеро обходится очень дорого и для людей, и для товаровъ. Самые пароходы не велики, устроены безъ достаточнаго знанія кораблестроительнаго дѣла и не всегда даже гарантируютъ безотлагательную высадку проѣзжихъ въ Посольскѣ, ибо не имѣютъ пристани, а за мелководіемъ останавливаются въ разстояніи версты отъ берега, куда бурунъ не допускаетъ гребныхъ судовъ.

Пароходство на Селенгѣ есть дѣло, можно сказать, случайное, вовсе не имѣющее того правильнаго характера, какъ, напримѣръ, на Волгѣ или даже на западо-сибирскихъ рѣкахъ. Оно служитъ исключительно для сплава чаевъ изъ Селенгинска или изъ Усть-Кяхты на Байкалъ или даже только до деревни Степной, гдѣ начинаются мели въ руслѣ Селенги и откуда до Посольска чаи перевозятся сухимъ путемъ. Для мѣстныхъ нуждъ, т. е. для сообщенія между собою прибрежныхъ селеній, это пароходство значенія не имѣетъ, хотя по временамъ пароходы останавливаются у Кабанскаго и Верхнеудинска, чтобы принять кое-какіе грузы.

Пароходство по Шилкѣ гораздо важнѣе, но о немъ уже было говорено при обзорѣ Амурскаго участка границы.

Простое судоплаваніе по Шилкѣ, Оному, Аргуни, частію по Ингодѣ ограничивается почти однимъ спускомъ плотовъ или немногихъ барокъ со скотомъ. Взводнаго судоходства нѣтъ.

На другихъ рѣкахъ Забайкалья, и на всѣхъ потокахъ, орошающихъ Халку, нѣтъ никакого судоходства. На Джидѣ, Удѣ, Урулюнгуѣ и пр. оно даже невозможно по мелководію этихъ рѣкъ; верхняя Селенга, Орхонъ, Нерча еще не испытаны.

Что касается до сухопутныхъ дорогъ, то онѣ хотя и служатъ единственными средствами сообщенія въ краѣ, однако по малой экономической его развитости и по рѣдкости населенія всѣ, безъ исключенія, и натуральныя, и искуственныя, имѣютъ въ себѣ одни только мосты черезъ мелкія рѣчки. На сколько нибудь значительныхъ потокахъ даже и этихъ мостовъ, обыкновенно весьма не затѣйливыхъ, нѣтъ вовсе, а переправы совершаются на паромахъ. Грунтовыя дороги въ Забайкальѣ нѣкогда славились превосходнымъ своимъ состояніемъ, такъ какъ, пролегая, большею частью, по твердому, крупнопесчаному грунту, онѣ почти всегда были сухи

и ровны; недостаточность надзора привела къ тому, что теперь по нѣкоторымъ изъ этихъ дорогъ, напримѣръ между Селенгинскомъ и Кяхтою, ѣзда сдѣлалась очень трудною и непріятною. И это еще нужно разумѣть про дороги почтовыя; что же касается до проселочныхъ, то онѣ никогда не отличались ни шириною, ни ровностью, ни устройствомъ хорошихъ мостовъ, ни отлогостью спусковъ. Отъ того господствующій способъ сообщенія между деревнями, если онѣ лежатъ не въ одной рѣчной долинѣ, есть ѣзда въ одноколкахъ или даже верхомъ.

Изъ всѣхъ сухопутныхъ дорогъ на описываемомъ пространствѣ важнѣйшая, разумѣется, 1) дорога изъ Култука чрезъ Посольскъ въ Верхнеудинскъ, или такъ называемый *круго-байкальскій трактъ*. Долгое время огромныя массы товаровъ изъ Кяхты шли въ Иркутскъ черезъ неудобные въ высшей степени проходы Хамаръ-дабанъ или Нукенъ-дабанъ въ прибайкальскихъ горахъ. Потомъ большая часть грузовъ стала направляться къ Байкалу, когда тамъ явился пароходъ; но почта продолжала держаться сухопутной дороги, гдѣ однако семь станцій приходилось дѣлать на вьюкахъ. Наконецъ, въ 1860-хъ годахъ, устроенъ теперешній круго-байкальскій трактъ вдоль южнаго берега озера. Путь этотъ требуетъ еще многаго для приведенія его въ совершенно удовлетворительный видъ; но все же по немъ теперь возможно слѣдованіе экипажей, за исключеніемъ небольшаго пространства около озера Соръ, гдѣ наводненіе 1869 года размыло косу, по которой пролегала дорога. Поддержаніе въ исправности круго-байкальской дороги, размываемой потоками съ горъ и бурунами Байкала, всегда будетъ стоить не мало трудовъ и издержекъ. Дорога эта, *отъ Иркутска до Верхнеудинска*, имѣетъ $455^1/_2$ верстъ.

Въ Верхнеудинскѣ почтовый трактъ раздѣляется: одна вѣтвь идетъ на Кяхту, другая на Читу, обѣ въ своемъ родѣ единственныя, ибо 1) черезъ Яблоновый хребетъ положительно не существуетъ другой экипажной дороги, и 2) въ Кяхту изъ Верхнеудинска хотя и можно проѣхать другою дорогою, именно по восточной сторонѣ Селенги, но эта дорога и длиннѣе, и хуже, чѣмъ почтовая на Селенгинскъ. Здѣсь не лишнимъ будетъ еще разъ замѣтить, что теперешняя кругобайкальская дорога на Култукъ, Кабанское и Верхнеудинскъ есть единственная между Забайкальскою областью и Иркутскомъ, слѣдовательно и всею остальною Сибирью. Бывшія дороги на Хамаръ-дабанъ и Нукенъ-дабанъ совершенно заброшены, безлюдны и едва годны для проѣзда одиночныхъ всад-

никовъ, равно какъ и дорога изъ Тунки на караулъ Ключевской черезъ Угурдеевскій. И такъ:

2) *Отъ Верхнеудинска въ Кяхту и Ургу* имѣется почтовый трактъ, колесный на 207 верстъ, въ нашихъ владѣніяхъ, до Кяхты, и обыкновенный вьючный, хотя и годный для повозокъ, на 304 версты, по Монголіи, гдѣ на рѣкахъ нѣтъ мостовъ, а горныя рѣчки по временамъ бываютъ въ разливѣ. Отъ Урги идетъ нѣсколько дорогъ черезъ Калганъ въ Пекинъ.

3) *Отъ Верхнеудинска къ Кударѣ*, т. е. прямо на югъ, по правой сторонѣ Селенги и Чикоя, есть дорога частію почтовая, частію обыкновенная, колесная, и даже вьючная, на 265 верстъ. Эти два пути суть единственные сколько-нибудь удобные изъ тѣхъ, которые ведутъ отъ Верхнеудинска и слѣдовательно отъ Байкала къ монгольской границѣ. Слѣдующая дорога ведетъ *вдоль* границы или паралельно ей; примыкая, впрочемъ, въ самой западной части къ плохой вьючной дорогѣ отъ Тунки, чрезъ Ургудеевскій караулъ, въ караулъ Ключевской, гдѣ приходится переваливать черезъ двѣ вѣтви Саянскаго хребта. Эта дорога есть:

4) *Отъ караула Ключевскаго до Шимбелика*, по долинѣ Джиды и Чикоя, длиной 578 верстъ.

Отъ Шимбелика есть путь на Ингоду, къ селу Николаевскому, который въ хорошее время года можетъ служить для проѣзда легкихъ одноколокъ. За исключеніемъ большаго читинскаго тракта, это единственная дорога черезъ Яблоновый хребетъ, сколько-нибудь посѣщаемая проѣзжими, обыкновенно верховыми. Идущая же отъ караула Джидинскаго горная тропинка въ караулъ Мензенскій, и оттуда черезъ Ашингинскій въ Больджиканскій (всего 270 верстъ), едва годна для проѣзда съ вьюками. Отъ деревни Барахоевой есть дорога на деревню Маляту, въ долинѣ Хилока, откуда съ одной стороны можно черезъ Усколутъ и Заганъ проѣхать въ Верхнеудинскъ, а съ другой чрезъ деревню Орскую въ Петровскій заводъ.

5) *Отъ Селенгинской степной думы* до *Петровскаго завода* поперегъ Селенги и Хилока, частію обыкновенный проселокъ, частію почтовый трактъ, длиною всего 174 версты.

Путь этотъ, паралельный границѣ, проходитъ, въ разстояніи отъ нея на четыре или шесть переходовъ, по густо-населенной странѣ. Изъ Петровскаго завода есть экипажная дорога черезъ деревню Кожимскую на станцію Онинскую, большаго читинскаго тракта, и вьючная дорога чрезъ деревню Кули, по Хилоку, Хил-

кокону и мимо озера Шалонъ-норъ, на селеніе Николаевское у Ингоды. Перевалъ черезъ Яблоновый хребетъ тотъ же, что изъ Шембелика.

7) *Изъ Верхнеудинска въ Срѣтенскъ черезъ Читу*, почтовая дорога, ведущая на Амуръ, длиною 806 верстъ.

7) *Изъ Читы въ деревню Тангинскую*, гдѣ выходитъ вьючная дорога изъ Шимбелика, т. е. изъ-за Яблоноваго хребта—173 версты.

8) *Изъ Читы въ Усть-Илинское*, посредственный проселокъ на 234 версты.

9) *Изъ Нерчинска въ Чиндантъ*, такого же свойства дорога, длиною въ 228 верстъ.

10) *Изъ Нерчинска въ Абагайту* — 321 верста.

Три послѣднія дороги, ведущія къ границѣ съ Монголіею, вообще не отличаются большими удобствами въ отношеніи экипажной ѣзды. Продолженіемъ № 9 къ югу можетъ считаться путь:

11) *Отъ Чинданта на Кэрулюнъ*, степью, около 270 верстъ; дорога эта продолжается черезъ всю Монголію и ведетъ, черезъ Долонъ-норъ, къ воротамъ Губей-кхэу въ Великой Стѣнѣ. Она довольно богатая кормами и водою.

12) *Съ верхняго Онона на Аргунь*, приграничная дорога на 717 верстъ, вся заселенная казаками. Въ большей части случаевъ, противу нашихъ карауловъ находятся монгольскіе, соединенные плохою вьючною дорогою.

13) *Изъ Урги на озеро Косоголъ*, 781 верста. Вьючная тропинка, пройденная полковникомъ Гельмерсеномъ.

14) *Изъ Урги на Ононъ*, у караула Верхне-Ульхунскаго; вьючная дорога, по которой можно проѣхать и въ одноколкѣ, 368 верстъ.

15) *Отъ Урги по Кэрулюну* на Далай-норъ — 800 верстъ.

За Кэрулюномъ извѣстно не менѣе четырехъ дорогъ во внутреннюю Монголію и далѣе въ Китай; изъ нихъ проходящія восточнѣе богаче водою и травами, чѣмъ западныя.

Населеніе.

Оно слагается изъ русскихъ, бурятъ, монголовъ, небольшаго числа евреевъ, тунгусовъ и китайцевъ. Изъ нихъ русскіе, буряты, евреи и тунгузы живутъ въ Забайкальѣ, монголы и китайцы въ

Халкѣ. Буряты составляютъ, собственно, одинъ народъ съ монголами, но говорятъ особымъ нарѣчіемъ монгольскаго языка.

1) *Русскіе*, осѣдлые жители Забайкалья, состоятъ изъ горожанъ въ Троицкосавскѣ, Селенгинскѣ, Верхнеудинскѣ, Читѣ, Нерчинскѣ (17,000 душъ); крестьянъ въ волостяхъ Торейской, Урлукской, Куналейской, Мухоршибирской, Тарбагатайской, Ильинской, Кабанской, Кульской, Татауровской, Успенской и Усть-Илинской (120,000 душъ); горнозаводскихъ мастеровыхъ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ; ссыльныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, и казаковъ, въ составѣ одной бригады, на западной сторонѣ Яблоноваго хребта, и 9 баталіоновъ, съ одною конною бригадою, по восточную сторону хребта, числомъ 112,000. Общее число русскихъ въ четырехъ уѣздахъ Забайкальской области, Селенгинскомъ, Верхнеудинскомъ, Читинскомъ и Нерчинскомъ, превосходитъ 260,000 душъ, и они разселены довольно крупными городами, деревнями и станицами въ бассейнѣ Селенги и предпочтительно мелкими селеніями въ Нерчинскомъ краѣ.

Изъ состава русскаго населенія особеннаго вниманія заслуживаютъ такъ-называемые «семейскіе», т. е. старовѣры па Хилокѣ и Чикоѣ, по своему трудолюбію, зажиточности и развитой природѣ физической и нравственной. О занятіяхъ русскаго населенія было уже упомянуто при разсмотрѣніи промышленности края. Нельзя не замѣтить, что стѣсненія, налагаемыя на многихъ изъ нихъ офиціяльнымъ ихъ положеніемъ, казаковъ или посельщиковъ (ссыльныхъ), много вредитъ ихъ экономическому преуспѣнію. Недостатокъ капиталовъ и техническаго образованія также вредно отражается на благосостояніи русскаго населенія, такъ что, напримѣръ, въ городахъ многіе мѣщане, по незнанію ремеселъ и отсутствію мануфактуръ, должны заниматься земледѣліемъ; въ деревняхъ крестьяне не имѣютъ другихъ занятій кромѣ земледѣлія, котораго произведеній почти некуда сбывать, и охоты, которая есть промыселъ подверженный риску и годъ отъ году дающій меньше доходовъ. Значительную поддержку мѣстное русское населеніе находитъ въ распространившихся за послѣднія пятнадцать лѣтъ золотыхъ пріискахъ, какъ въ предѣлахъ самаго Забайкалья, такъ и въ Олекминскомъ округѣ Якутской области: туда сбываются произведенія земледѣлія и скотоводства по хорошимъ цѣнамъ и тамъ же выручаются немаловажные заработки отъ золотопромышленныхъ работъ.

Къ составу русскаго населенія здѣсь причислены и поляки, ведущіе тотъ же образъ жизни, какъ и русскіе посельщики, но

обыкновенно болѣе ихъ развитые умственно. Число ихъ достигаетъ 2,000 душъ, считая женъ и дѣтей.

2) *Буряты* — коренное населеніе Забайкалья и понынѣ занимающее значительную часть его территоріи, особенно въ уѣздахъ Селенгинскомъ, Верхнеудинскомъ и въ южныхъ частяхъ Читинскаго и Нерчинскаго. Число ихъ простирается до 120,000 душъ. Они ведутъ кочевую жизнь, но многіе изъ нихъ стали уже полуосѣдлыми или даже осѣдлыми, что зависитъ отъ распространенія земледѣлія и сближенія ихъ съ русскими въ городахъ и по большимъ дорогамъ. Они управляются степными думами Закаменскою, на Джидѣ, Селенгинскою, у Гусинаго озера, Хоринскою, на Удѣ, Агинскою на Агѣ. Весьма важное вліяніе у нихъ имѣютъ тайши, т. е. родоправители, и ламы, т. е. духовные, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и знахари, т. е. лекаря. Нужно замѣтить, что когда русскіе завоевали Забайкалье, то большинство бурятъ были шаманами; съ тѣхъ поръ они всѣ сдѣлались буддистами или ламаитами, что положило почти неодолимую преграду распространенію среди ихъ христіанства, такъ что теперь надежнѣйшій способъ къ сближенію ихъ съ русскими по вѣрѣ будетъ дозволеніе смѣшанныхъ браковъ; пропаганда же миссіонеровъ едва-ли будетъ имѣть какія либо послѣдствія.

Буряты народъ смышленый и, для монголовъ, довольно бодрый и трудолюбивый. Они хорошіе охотники, наѣздники и отчасти земледѣльцы. Главный ихъ промыселъ, разумѣется, скотоводство. Часть ихъ, около Селенгинска, обращена въ казаковъ и составляетъ одну бригаду, которой строевое образованіе не хуже, если не лучше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ русскихъ полкахъ и баталіонахъ Забайкальскаго казачьяго войска. Но масса, наравнѣ съ другими сибирскими инородцами, вовсе не несетъ военной повинности и, по справедливости, должна быть наконецъ лишена этой льготы, которая ничѣмъ не оправдывается. Въ политической надежности бурятъ нѣтъ причинъ сомнѣваться особенно, когда они станутъ поступать въ ряды русскихъ солдатъ. Въ видахъ тѣснѣйшаго сближенія ихъ съ русскимъ населеніемъ, быть можетъ, не излишнимъ бы было принять между ними ту же мѣру, что и въ киргизскихъ степяхъ, т. е. уменьшить значеніе родовыхъ тайшей, а вмѣстѣ и ламъ, число которыхъ слишкомъ велико.

3) *Монголы* двухъ аймаковъ или ханствъ, Тушету-хана и Цеценъ-хана, народъ кочевой, благодаря вліянію буддизма и двухвѣковому спокойствію ставшій очень мирнымъ и сохранившій отъ

времени прежняго политическаго величія только одно сильное чувство презрѣнія и ненависти къ китайцамъ. Чувство это здѣсь, въ Халкѣ, живѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, какъ по отдаленности страны отъ Китая, такъ и потому, что китайская колонизація здѣсь, можно сказать, еще не начиналась, ограничиваясь поселеніемъ безсемейныхъ сыновъ Срединнаго царства въ нѣсколькихъ торговыхъ слободахъ, а не въ центрѣ самаго кочеваго туземнаго населенія. И не смотря на кровныя связи мѣстной знати съ императорскимъ домомъ въ Пекинѣ, знать эта далеко не изъята отъ національнаго предубѣжденія противъ китайскаго господства въ странѣ. Что же касается до другаго вліятельнаго въ народѣ сословія, духовенства, то оно, можетъ быть, по крайней мѣрѣ въ высшихъ своихъ представителяхъ, болѣе другихъ склонно къ поддержанію китайской власти, окружающей хутухтъ самымъ высокимъ почетомъ; но въ массѣ ламъ, грубой, необразованной, выходящей изъ народа, нерасположеніе къ китайцамъ столь же сильно, какъ и въ самомъ народѣ.

Монголы сосѣдней Забайкалью части Халки вѣдаются проживающими въ Ургѣ амбанями, изъ которыхъ одинъ, старшій, всегда есть природный монголъ, хотя, конечно, болѣе или менѣе окитаившійся, а другой — маньчжуръ. Но ихъ власть чисто-политическая, т. е. они ограничиваются поддержаніемъ мира въ странѣ и покорности ея китайской власти, да завѣдуютъ пограничными дѣлами съ Россіею. Что до внутренняго управленія, то оно все, сполна, принадлежитъ: а) *ханамъ* — Цецену и Тушету, б) находящимися въ подчиненіи имъ правителямъ хошуновъ или «знаменъ», *дзасакамъ*, в) *ургинскому хутухтѣ*, завѣдывающему, совершенно независимо отъ гражданскихъ властей, многими частями страны, гдѣ есть обширные ламайскіе монастыри съ приписанными къ нимъ землями и находящимися на нихъ кочевниками. Эта послѣдняя часть Халки, не образующая сплошнаго владѣнія, составляетъ то, что принято называть *шабинскимъ вѣдомствомъ;* къ составу его, какъ видно изъ обзора Алтае-саянскаго участка, принадлежатъ и земли дархатовъ, лежащія внѣ описываемаго пространства.

Ханы Цеценъ и Тушету живутъ внѣ Урги, именно первый на среднемъ теченіи Керулена, а второй на Орхонѣ. Тамъ они имѣютъ осѣдлости или такъ-называемые «курени», т. е. небольшіе городки. Подобные же курени находятся и въ удѣлахъ дзасаковъ, т. е. родовыхъ начальниковъ хошуновъ, которые власть свою пе-

редаютъ по наслѣдству, подобно майоратнымъ владѣльцамъ, но не по праву первородства, а по избранію и съ утвержденія пекинскаго двора. Дзасаки суть предводители тѣхъ войскъ, которыя должны выставляться ихъ удѣлами; да и всѣ ихъ подданные, монголы, числятся въ военномъ сословіи, на подобіе нашихъ казаковъ, съ восемнадцати лѣтъ до конца жизни. Они вооружаются и снаряжаются на свой счетъ, но въ крайнихъ случаяхъ китайское правительство даетъ имъ денежное вспомоществованіе, какъ, напримѣръ, было въ 1869 году при приближеніи съ запада дунганъ. Что ополченія, формируемыя изъ монголовъ, не въ состояніи вести серьезной борьбы съ европейски-устроенными войсками, это понятно само собою; но противъ азіятскихъ скопищъ они еще могутъ быть употребляемы не безъ успѣха, что доказывается пораженіемъ, которое они нанесли въ сентябрѣ 1871 года мусульманскимъ шайкамъ, шедшимъ къ Ургѣ съ юго-запада.

Вооруженіе монгольскихъ ратниковъ состоитъ изъ луковъ и стрѣлъ; къ нимъ въ небольшомъ числѣ присоединяются ружья (обыкновенно фитильныя), сабли и пики. Въ этомъ отношеніи халкаскіе монголы отстали отъ чахаровъ, которые имѣютъ уже карабины, европейскія сабли и даже, иногда, револьверы. Строй у монголовъ исключительно развернутый, да и тотъ соблюдается, пока не дошло до дѣла съ непріятелемъ: тогда каждый бросается впередъ или назадъ, сообразно личной храбрости и быстротѣ лошади.

Число монголовъ въ двухъ ханствахъ, Цеценъ и Тушету, едва-ли превосходитъ 210,000 душъ, раздѣленныхъ на 43 хошуна, изъ которыхъ 23 подвѣдомственны Цеценъ-хану и занимаютъ мѣста по верховьямъ Толы и, на востокъ оттуда, по Кэрулену, а 20 Тушету-хану и кочуютъ въ бассейнѣ Толы, а также по Орхону и нижнимъ частямъ Эгегола и Селенги. Численность монголовъ шабинскаго вѣдомства неизвѣстна. Часть Гоби, непосредственно прилегающая къ Халкѣ, занята также кочевьями халкасцевъ; но они не совершаютъ большихъ передвиженій съ юга на сѣверъ и обратно, на подобіе нашихъ киргизовъ въ Оренбургской степи, а ограничиваются чисто мѣстными перекочевками въ предѣлахъ своихъ знаменныхъ земель.

4) *Тунгусы* частію бродячіе, частію осѣдлые, живутъ лишь въ небольшомъ числѣ на описываемомъ пространствѣ, именно въ Нерчинскомъ уѣздѣ, по Нерчѣ и другимъ лѣвымъ притокамъ Шилки, гдѣ въ эпоху завоеванія края русскими господствовалъ князекъ

Гантимуръ, котораго потомство и донынѣ живетъ близъ деревни Князебереговой, и въ Верхнеудинскомъ, на рѣкѣ Снѣжной, гдѣ есть до 900 тунгусовъ, совсѣмъ впрочемъ обурятившихся. Общее число тунгузскаго населенія описываемаго края едва-ли превосходитъ 5,000 душъ. Часть его обращена въ православіе, другая, какъ снѣжнинскіе тунгузы, въ ламаизмъ, третья остается въ шаманствѣ. Тунгусы — народъ кроткій, покорный правительству, но невѣжественный и привязанный больше всего къ бродячей охотничьей жизни. Тѣ изъ нихъ, которые перешли къ осѣдлости, какъ жители зюльзинскаго прихода на Нерчѣ, могли бы быть совершенно сравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ русскимъ населеніемъ Забайкалья; что же касается до бродячихъ, то несмотря на ихъ отличное искусство въ стрѣльбѣ, они для военной службы мало пригодны уже по одному тому, что бродятъ отдѣльными семьями, гдѣ обыкновенно отецъ есть и единственный кормилецъ семейства.

5) *Китайцы* — исключительно торговцы и чиновники, разсѣянные по торговымъ слободамъ въ Ургѣ, Маймаченѣ, Кэрулюнѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ куреняхъ. По закону они не могутъ имѣть при себѣ семействъ и обзаводиться прочной осѣдлостью въ Монголіи; но этотъ законъ обходится тѣмъ, что они имѣютъ монгольскихъ наложницъ, которыя живутъ либо въ маймаченахъ, либо гдѣ-нибудь въ сторонѣ, за нѣсколько верстъ. Въ послѣднее время начинаютъ возникать даже китайскіе постоялые дворы, а вмѣстѣ и фермы, въ мѣстахъ къ тому пригодныхъ въ степи. Ѣздящіе по ауламъ съ товарами китайскіе торгаши находятъ въ такихъ домахъ пріютъ, приспособленный къ ихъ привычкамъ и вкусамъ. Общее число китайцевъ въ двухъ восточныхъ ханствахъ Халки едва-ли превосходитъ 2,000—3,000 душъ.

6) *Евреи* — обыкновенно занимающіе въ нашихъ владѣніяхъ такую же роль, какъ упомянутые сейчасъ китайцы въ Халкѣ, находятся въ Забайкальѣ въ нѣсколько отличныхъ условіяхъ. Именно, будучи ссыльными или потомками таковыхъ, они частію разсѣяны по городамъ, гдѣ занимаются ремеслами, но не торговлею, частію же сгруппированы въ селѣ Кабанскомъ, на Селенгѣ, гдѣ занимаются какъ земледѣліемъ, такъ и торговлею. Въ большей части случаевъ они не сохранили того рѣзкаго типа, который ихъ отличаетъ въ западныхъ губерніяхъ, и говорятъ, покрайней мѣрѣ въ Кабанскомъ, по-русски. Тутъ они занимаются, между прочимъ, разведеніемъ табака. Число всѣхъ евреевъ 3,625 душъ.

Сводя эти данныя о составѣ населенія халкасскаго пограничнаго пространства, мы получаемъ, что на немъ живутъ:

Русскіе и другіе европейцы	260,000	челов.
Буряты	120,000	330,000
Монголы	210,000	
Тунгусы	5,000	
Китайцы	3,000	?
Евреи	3,600	
Итого	601,600	

Изъ которыхъ 388,000 на русской почвѣ, въ полосѣ не болѣе 430 верстъ шириною, и 213,000 на китайской, въ разстояніи не болѣе 300 верстъ отъ границы. Все почти населеніе китайскихъ владѣній кочевое, у насъ же двѣ трети осѣдлаго. Монгольское племя есть преобладающее на цѣломъ пространствѣ; но, всецѣло занимая китайскую его часть, оно имѣетъ второстепенную роль въ русскихъ владѣніяхъ.

Относительно группировки этого населенія было уже замѣчено: 1) что большинство его держится по долинамъ рѣкъ; 2) что осѣдлые жители края, русскіе, образовали довольно крупныя поселенія въ бассейнѣ Селенги и болѣе мелкія въ бассейнѣ Амура или въ Нерчинскомъ краѣ; 3) что въ монгольской части пространства единственные осѣдлые жители китайцы, а потомъ ламы, живущіе по монастырямъ, и немногія владѣтельныя лица, ханы и дзазаки, имѣющіе свои курени. Слѣдующій обзоръ дастъ болѣе обстоятельное понятіе о важнѣйшихъ изъ всѣхъ осѣдлостей въ краѣ.

А. Въ Забайкальѣ.

Посольскій монастырь, съ окружающимъ его селеніемъ, есть крайняя населенная точка у Байкала какъ со стороны самаго озера, черезъ которое тутъ начинается переправа *), такъ и по кругобайкальскому тракту, вдоль котораго отсюда на западъ существуютъ только одинокія почтовыя станціи. Селеніе небольшое, но хорошо обстроенное.

Село Кабанское — экономическій и административный центръ селенгинской дельты, съ населеніемъ болѣе 800 душъ, изъ которыхъ часть евреи.

Городъ Верхнеудинскъ—лучшій изъ забайкальскихъ по постройкѣ

*) Лѣтомъ пароходная — къ селу Лиственичному, зимою санная — къ станціи Голоустной.

и важнѣйшій по экономическому значенію для края. Здѣсь зимою бываетъ ярмарка съ оборотомъ до 600,000 рублей. По положенію своему у выхода кругобайкальской дороги изъ ущелья (въ девяти верстахъ отъ начала его), на мѣстѣ соединенія съ Селенгою Уды (правые берега обѣихъ рѣкъ) и при соединеніи дорогъ изъ Читы, хилокскихъ и чикойскихъ селеній, считая въ томъ числѣ Петровскій заводъ, и наконецъ у дороги на Кяхту, онъ одинъ изъ важныхъ стратегическихъ пунктовъ Забайкалья. Жителей 3,470 душъ.

Селенгинскъ новый на лѣвой сторонѣ Селенги и *старый* на правой; бѣдный городокъ, могущій однако возвыситься, благодаря своему положенію близъ впаденія въ Селенгу Чикоя. Жителей около 1,000 душъ.

Усть-Кяхта — слобода на Селенгѣ, въ 20 верстахъ отъ границы, откуда въ хорошую воду устанавливается пароходство на Селенгѣ.

Городъ Троицкосавскъ, съ *Кяхтою*, лежащею въ 3½ верстахъ отъ него и соединенною съ нимъ единственнымъ въ краѣ шоссе. До 1861 года былъ мѣстомъ обширнаго торга съ Китаемъ, нынѣ весьма упавшаго. Городъ и слобода расположены въ степной, песчаной долинѣ, почти безъ воды въ протекающемъ чрезъ нихъ ручьѣ. Жители, большею частью, мѣщане, которые нѣкогда занимались исключительно зашировкою чайныхъ мѣстъ (обшиваніемъ цибиковъ кожею), а теперь перебиваются тѣмъ же и частію извозомъ, ремеслами и проч. Жителей въ обѣихъ мѣстностяхъ, т. е. въ городѣ и слободѣ Кяхтѣ, около 3,700 душъ. Изъ зданій, могущихъ имѣть значеніе для военнаго вѣдомства, заслуживаютъ вниманія, по обширности своей, бывшая таможня въ Троицкосавскѣ, на сѣверномъ концѣ города, и гостиный дворъ въ Кяхтѣ, у самой почти границы, оба каменные, тогда какъ большинство прочихъ построекъ деревянныя. Кяхта непосредственно примыкаетъ къ китайскому Маймачену, отъ котораго отдѣлена лишь десятью саженями нейтральной полосы и деревяннымъ заборомъ.

Селеніе *Торейское* и станица *Харацайская* суть главныя осѣдлости въ долинѣ Джиды.

Гусино-озерскій дацанъ или ламайскій монастырь, у юго-западнаго берега Гусинаго озера, есть центръ духовнаго управленія бурятъ, ибо живущій здѣсь хамба-лама считается главою бурятскаго духовенства.

Станица *Кударинская*, на Кударѣ, притокѣ Чикоя, селенія:

Урлукское (2,200 душъ) на Урлукѣ, въ 20 верстахъ отъ Чикоя, *Савичи* и *Барахоево*, на самомъ Чикоѣ, *Куналейское*, *Бичурское* и *Еланское*, у Хилока, *Ново-Заганъ*, *Мухоръ-Шибирское*, *Хонхолойское* и *Хараускoе* по Сухорѣ и Тугную, *Петровскій заводъ* и село *Тарбагатайское* суть главные центры русскаго населенія въ предѣлахъ Селенгинскаго и Верхнеудинскаго уѣздовъ, на правой сторонѣ Селенги. Петровскій заводъ есть единственный въ Забайкальѣ для выдѣлки желѣза.

По дорогѣ изъ Верхнеудинска въ Читу заслуживаютъ нѣкотораго вниманія лишь село *Укырское* и деревня *Шакшинская:* послѣдняя передъ самымъ Яблоновымъ хребтомъ и у водораздѣла Хилока и Монголоя.

Чита — областной городъ Забайкалья, возведенный въ это достоинство изъ бывшаго Читинскаго острога. Въ городѣ этомъ нынѣ 3,650 жителей, областное и войсковое правленія и небольшой арсеналъ. Экономическаго значенія онъ, однако, не имѣетъ, да едва-ли и можетъ когда имѣть, ибо протекающая мимо его Ингода хотя и считается судоходною отсюда, но на самомъ дѣлѣ есть только сплавная рѣка. Кромѣ того, Чита имѣетъ еще одно мѣстное и довольно важное неудобство: она лежитъ въ глубокой долинѣ среди песковъ, которые вѣтеръ наноситъ какъ изъ самой долины, такъ и съ сосѣднихъ горъ. Въ этомъ она походитъ на Кяхту. Городъ построенъ на лѣвыхъ берегахъ Ингоды и Читы, изъ которыхъ послѣднюю обыкновенно переѣзжаютъ въ бродъ.

Въ Нерчинскомъ краѣ заслуживаютъ еще вниманія слѣдующіе населенные пункты:

По Шилкѣ: село *Городище*, городъ *Нерчинскъ*, станица *Бянкина*, городъ *Срѣтенскъ*, *Шилкинскій заводъ* и станица *Горбиченская*.

По Онону: станицы *Акшинская* и *Чиндантская*.

По Аргуни: станицы *Старо* и *Ново-Цурухайтуевскія*, *Олочинская*, *Аргунская* и *Усть-Стрѣлочная*.

По притокамъ Аргуни: большой *Нерчинскій заводъ*, *Александровскій заводъ*, станица *Донинская*.

О важнѣйшихъ изъ этихъ пунктовъ можно сказать слѣдующее:

Городъ *Нерчинскъ*, на рѣкѣ Нерчѣ, въ четырехъ верстахъ отъ впаденія ея въ Шилку, посреди прекрасной долины, имѣетъ 4,000 жителей. Если бы рѣка Шилка была хоть нѣсколько канализована отсюда до Срѣтенска, устройствомъ самыхъ простыхъ береговыхъ плотинъ для съуженія русла, то, конечно, городъ этотъ могъ бы быть истиннымъ экономическимъ центромъ всего Нерчинскаго края,

предпочтительно предъ Читою и Срѣтенскомъ. Онъ и теперь много лучше ихъ.

Срѣтенскъ — городокъ замѣчательный только тѣмъ, что отсюда начинается амурское пароходство. Онъ лежитъ на правомъ берегу Шилки, въ весьма узкой долинѣ и никогда не можетъ по этому самому стать значительнымъ городомъ.

Станица *Горбиченская*—послѣдній населенный пунктъ по Шилкѣ, которая отсюда вступаетъ въ весьма узкую долину, почти въ непрерывное ущелье, до самой Усть-Стрѣлки.

Станица *Усть-Стрѣлочная*, въ $1^1/_2$ верстѣ отъ впаденія Аргуни въ Амуръ, вмѣстѣ со станицею Покровскою, которая лежитъ на самомъ Амурѣ, у начала его, представляетъ много условій, чтобы сдѣлаться со временемъ немаловажнымъ торговымъ и стратегическимъ пунктомъ.

Большой *Нерчинскій заводъ* (2,000 душъ) есть средоточіе управленія Нерчинскимъ горнозаводскимъ округомъ, принадлежащимъ Кабинету Его Величества и имѣющимъ въ составѣ своемъ до 764,000 десятинъ земли, изъ которыхъ 300,000 десятинъ лѣсу.

Станица *Ново-Цурухайтуевская* — центръ промышленнаго движенія въ при-аргунскомъ краѣ. Отсюда есть дорога въ китайскіе города Мергень, Хайларъ и Цицикаръ. Здѣсь же заслуживаетъ вниманія степное коневодство г. Хилковскаго.

Станица *Чиндантская* можетъ сдѣлаться значительнымъ торговымъ пунктомъ, если установится постоянное караванное сообщеніе Нерчинскаго края съ китайскимъ городомъ Долонъ-норомъ, въ который отсюда начинается кратчайшая удобная дорога.

Б. Въ Халкѣ:

Эрдени-цзао — большой ламайскій монастырь на Орхонѣ. Положеніе его съ точностью неизвѣстно.

Резиденція Тушету-хана, на Орхонѣ же, верстахъ въ тридцати ниже устья Толы.

Урга — важнѣйшій пунктъ сѣверной Монголіи, мѣстопребываніе хутухты-гегена, который въ буддійской іерархіи занимаетъ первое мѣсто послѣ далай-ламы и баньчаня. Тутъ же живутъ китайскіе амбани, правители Халки, а также русскій консулъ. Городъ лежитъ въ долинѣ рѣчки Сильбы, впадающей здѣсь въ Толу, и разбросанъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ неправильными группами, среди которыхъ тянутся пустыри. Вся долина командуется окружающими высотами, изъ которыхъ особенно извѣстна гора Ханъ-ола. Русское консульство лежитъ отдѣльно, въ восточной

части города. Главное населеніе Урги составляютъ ламы, а потомъ китайцы, которые имѣютъ торговую слободу. Урга привлекаетъ лѣтомъ многочисленныхъ богомольцевъ изъ всѣхъ частей Монголіи.

Городки *Дзунъ-куренъ*, на верхнемъ Кэрулюнѣ, *Бревенкидъ*, на Чжергалантуѣ, *Гильтегентай*, на сѣверной окраинѣ Гоби, близъ поворота Кэрулюна на востокъ, *резиденція Цеценъ-хана* на среднемъ Кэрулюнѣ и наконецъ *Урго* или *Кэрулюнъ*, на нижнихъ частяхъ рѣки того же имени, всѣ имѣютъ одинъ общій типъ. Это ламайскіе монастыри, съ возникшими около нихъ торговыми слободами, гдѣ находятъ для себя все нужное монголы. Ниже послѣдняго изъ названныхъ городковъ, рѣка Кэрулюнъ протекаетъ узкимъ ущельемъ, прежде чѣмъ достигнуть озера Далай-нора, долина котораго также обставлена горами и увалами съ сѣверо-запада.

Перечисливъ эти пункты, мы должны теперь сказать нѣсколько словъ о промышленныхъ связяхъ между ними, такъ какъ подобныя связи могутъ имѣть особое значеніе въ виду того, что по обѣ стороны границы живетъ одно коренное населеніе — монгольское. Но тутъ можно замѣтить, что собственно монголы и буряты имѣютъ между собою гораздо болѣе религіозныхъ и даже брачныхъ связей, чѣмъ экономическихъ; вся же пограничная торговля держится главнѣйше на обмѣнѣ произведеній не мѣстныхъ, а привозимыхъ издалека, именно изъ Китая и изъ европейской Россіи. Китай особенно снабжаетъ какъ монголовъ-халкасцевъ, такъ и всѣхъ жителей Забайкалья, чаемъ, преимущественно кирпичнымъ. Чай этотъ привозится къ намъ для Забайкальскаго края безпошлинно, ибо онъ есть предметъ первой потребности не только для бурятъ, но и для русскихъ; монголы же, не имѣющіе полей и лѣсовъ, слѣдовательно хлѣба и продуктовъ охоты, имъ почти однимъ и живутъ, съ прибавленіемъ къ нему баранины и другаго мяса. Чайные кирпичи служатъ въ Монголіи единицею цѣнностей, въ родѣ нашего рубля или китайскаго лана, и курсъ на кирпичи въ Кяхтѣ есть величина почти постоянная, колеблющаяся не болѣе, чѣмъ кредитный рубль на лондонскомъ рынкѣ *). Съ русской стороны, на международный торгъ въ Кяхтѣ, Ургѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ поступаютъ хлопчатобумажныя ткани, плисъ и отчасти сукно, а также металлическая посуда и мѣха, которые, впрочемъ, большею частью не остаются въ Монголіи, а идутъ въ Китай. Съ

---

*) Обыкновенно 50 коп. сер. за штуку. Хорошій баранъ стоитъ три или четыре кирпича.

открытіемъ новой дороги въ послѣдній изъ Забайкалья, именно чрезъ Чиндантъ, можно думать, что торговыя связи Россіи съ Халкою возрастутъ еще болѣе; но и теперь онѣ довольно значительны, особенно если взять въ расчетъ торжки, которые бываютъ почти на каждомъ пограничномъ караулѣ между жителями сосѣднихъ мѣстностей.

Военный обзоръ.

Соображая изложенныя выше данныя географическія, статистическія и этнографическія, а также принявъ во вниманіе исторію пограничныхъ нашихъ отношеній къ Китаю въ Халкѣ, мы можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія объ описанномъ краѣ, какъ о театрѣ войны:

1) Вообще все пограничное пространство очень гористо; особенную же важность съ военной точки зрѣнія имѣютъ Гентей и Яблоновый хребетъ, раздѣляющіе край на два театра войны, между которыми не можетъ быть никакой прочной связи.

2) На *западѣ* отъ Яблоноваго хребта важнѣйшими, въ стратегическомъ смыслѣ, мѣстными предметами являются долина рѣки Селенги и Хамаръ-дабанскій хребетъ. Первая есть единственная полоса земли, гдѣ возможны значительныя военныя дѣйствія, какъ наступательныя съ нашей стороны, такъ даже и оборонительныя; ибо монголы хотя и могутъ вторгаться къ намъ почти вдоль всей границы, но только по долинѣ Селенги въ состояніи проникнуть глубоко внутрь страны и занять важные стратегическіе пункты, каковъ, напримѣръ, Верхнеудинскъ. Что же касается до Хамаръ-дабанскаго кряжа, то онъ образуетъ малодоступную окраину важнѣйшаго для насъ въ стратегическомъ отношеніи дефиле, кругобайкальской дороги, и съ этой точки зрѣнія есть стратегическій ключъ страны, такъ что самое обладаніе Забайкальемъ возможно лишь подъ условіемъ владѣть сполна по крайней мѣрѣ всѣми горными проходами въ этомъ хребтѣ. Замѣтимъ, что главный выходъ изъ образованнаго Хамаръ-дабаномъ дефиле, у Верхнеудинска, ничѣмъ съ нашей стороны не укрѣпленъ, хотя для конницы лежитъ всего въ четырехъ переходахъ отъ границы, такъ что найдись у китайцевъ смѣлый генералъ, онъ можетъ внезапно отрѣзать большую часть Забайкалья и весь Амуръ отъ прочихъ частей Сибири.

3) Въ смыслѣ конфигураціи и даже географическаго положенія, по горамъ, граница на западѣ отъ Яблоноваго хребта вообще пред-

ставляется довольно удовлетворительною съ точки зрѣнія ея обороны. Но въ виду качествъ непріятеля, который можетъ состоять только изъ многочисленной иррегулярной конницы, это замѣчаніе пріобрѣтаетъ чисто-отвленный, фиктивный смыслъ, ибо такой непріятель въ состояніи повсюду перейти границу почти внезапно. Впрочемъ, не трудно понять, что серьезныя оборонительныя дѣйствія могутъ имѣть мѣсто только въ пространствѣ отъ Желтуры до Чикоя, т. е. на какихъ нибудь 130 верстахъ, гдѣ всегда и должны быть сосредоточены какъ войска, такъ и предметы снаряженія и довольствія. Троицкосавскъ, лежащій въ срединѣ этого пространства и притомъ у самой границы, есть поэтому естественный пунктъ для сосредоточенія войскъ съ нашей стороны, точно такъ же, какъ Гилянъ-норъ — съ китайской. Ни въ одномъ изъ нихъ, однако, благодаря вѣковымъ дружескимъ отношеніямъ двухъ сосѣднихъ державъ, нѣтъ никакихъ укрѣпленій.

4) По довольно хорошей производительности страны на западѣ отъ Яблоноваго хребта, какъ у насъ, такъ даже и у монголовъ, въ случаѣ войны, безъ особаго труда могутъ быть содержимы съ обѣихъ сторонъ довольно значительные отряды на этомъ театрѣ войны. Разумѣется, европейскій масштабъ тутъ непримѣнимъ, особенно въ виду огромнаго превосходства нашихъ войскъ надъ монгольскими и надъ китайскими регулярными; но все же, въ крайнемъ случаѣ, мы можемъ собрать въ долинѣ Селенги, безъ особыхъ хлопотъ о продовольствіи, отрядъ въ 2,000 пѣхоты и 1,000 кавалеріи, съ двумя батареями, чего совершенно достаточно, чтобы вести войну противъ нашихъ сосѣдей съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, который можетъ выразиться не только занятіемъ Урги, но и отторженіемъ отъ Китая всей Халки. Для послѣдней цѣли искусный генералъ не упуститъ, конечно, воспользоваться національнымъ предубѣжденіемъ монголовъ противъ китайцевъ.

5) Продовольствіе войскъ въ нашихъ предѣлахъ можетъ быть обезпечено главнѣйше урожаями хлѣба въ долинѣ Хилока и отчасти Джиды, Селенги и Чикоя. Здѣсь же, особенно по Джидѣ и Чикою, можетъ быть заготовляемо и сѣно. Интендантскія цѣны на всѣ эти предметы, по сложности пяти лѣтъ, 1866—1870, были:

Муки четверть	8	р.	14 коп.
Крупъ	13	»	29 »
Овса	4	»	24 »
Сѣна пудъ.	—	»	28 »

Но эти цѣны, приблизительно, вдвое выше дѣйствительныхъ и показываютъ только барыши подрядчиковъ. За то, при движеніи за границу, въ Монголію, по справедливости можно ожидать очень большихъ расходовъ на хлѣбъ и фуражъ, какъ показалъ опытъ 1870—1871 годовъ: тогда продовольствіе казачьей сотни въ Ургѣ обходилось отъ 4,000 до 5,000 рублей въ мѣсяцъ.

6) *По ту сторону Яблоноваго хребта* свойства театра войны нѣсколько иныя, чѣмъ въ бассейнѣ Селенги, что зависитъ: а) отъ направленія значительной части рѣкъ не перпендикулярно къ границѣ, а параллельно ей; б) отъ большей лѣсистости горныхъ хребтовъ; с) отъ распредѣленія населенія болѣе равномѣрнаго, чѣмъ на западѣ отъ Яблоноваго хребта. Поэтому здѣсь нѣтъ такой опредѣленной, указанной природою, операціонной линіи, какъ долина Селенги. Для сосредоточенія же войскъ, въ случаѣ войны съ Китаемъ, могутъ служить: станица Чиндантская, откуда удобно движеніе на Кэрулюнъ, и станица Цурухайту, откуда легко достигнуть Хайлара. Впрочемъ, послѣдній путь дѣйствій лежитъ уже въ Дауріи, по отношенію къ которой Нерчинскій край вообще имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ по отношенію къ Халкѣ. Самыя дороги въ краѣ, большею частію мало удобныя для ѣзды въ экипажахъ, дѣлаютъ довольно затруднительными движенія значительныхъ отрядовъ, хотя, съ другой стороны, путь вдоль Онона до Чинданта и оттуда на Абагайту, т. е. вдоль границы, облегчаетъ сосредоточеніе войскъ, расположенныхъ вдоль ея.

Условія содержанія войскъ въ Нерчинскомъ краѣ тѣ же, что по западную сторону Яблоноваго хребта; но благодаря тому, что край этотъ долгое время снабжалъ Амуръ хлѣбомъ и скотомъ, въ немъ все дороже. Притомъ земледѣліе не можетъ особенно процвѣтать вслѣдствіе ложнаго экономическаго положенія большинства жителей, которые, будучи казаками, никогда не могутъ сравниться въ производительности съ крестьянами. Да и послѣдніе здѣсь далеко не такъ зажиточны какъ на Хилокѣ, вслѣдствіе реквизицій во время заселенія Амура.

7) Забайкальское казачье войско, въ теперешнемъ его составѣ — 6 конныхъ полковъ, 9 пѣшихъ баталіоновъ и 1 батарея — вообще кажется излишне-большимъ. И какъ по роду возможной войны, съ монголами, въ степяхъ, небѣдныхъ травою, для насъ важнѣе имѣть многочисленную конницу, а пѣхоту лишь въ небольшомъ числѣ, но отличную, т. е. регулярную, то очевидно, что возвращеніе пѣшихъ баталіоновъ въ крестьянское сословіе нисколько не ослабитъ

обороны страны и въ то же время послужитъ къ государственной пользѣ. Въ этомъ смыслѣ и сдѣланъ правительствомъ важный шагъ въ маѣ прошлаго 1872 г. уничтоженіемъ разныхъ военно-административныхъ учрежденій по войску и замѣною ихъ обще-гражданскими.

8) Въ предѣлахъ описываемаго пространства, именно въ Читѣ, мы имѣемъ окружной арсеналъ восточной Сибири, стоющій ежегодно около 15,000 руб. и состоящій изъ мастерскихъ деревянной и кузнечной. Какъ этотъ арсеналъ: а) получаетъ нужное для подѣлокъ дерево съ Амура и даже съ Усури; b) имѣетъ главнымъ назначеніемъ приготовлять крѣпостные лафеты, въ которыхъ никакой надобности въ Забайкальѣ не встрѣчается, и c) не содержитъ необходимой оружейной мастерской, то, повидимому, есть основаніе къ переводу его въ Хабаровку, согласно представленію начальства восточнаго Сибирскаго округа. Въ оставшихся зданіяхъ, быть можетъ, окажется удобнымъ основать оружейную мастерскую, въ которой войска Иркутской губерніи и областей Забайкальской и Амурской имѣютъ настольную надобность.

9) Снабженіе войскъ провіантомъ производится изъ слѣдующихъ магазиновъ: читинскаго (перваго класса), срѣтенскаго (втораго класса), верхнеудинскаго, селенгинскаго, троицкосавскаго, нерчинскаго (третьяго класа) и нерчинско-александровскаго (четвертаго класа).

Предметы обмундированія и снаряженія заготовляются обыкновенно съ торговъ и доставляются отчасти изъ Европейской Россіи (сукно, пуговицы, гербы), отчасти съ мѣстныхъ рынковъ (сапожный товаръ, холстъ, сбруя). Неразвитость мануфактурной промышленности въ краѣ дѣлаетъ ихъ очень дорогими.

Оружіе въ войскахъ все привозное изъ европейской Россіи, куда приходится посылать его и для капитальныхъ исправленій.

Для пользованія больныхъ имѣется одинъ читинскій военный полугоспиталь.

Командованіе войсками въ Забайкальѣ принадлежитъ военному губернатору области, который вмѣстѣ есть и войсковой атаманъ казаковъ.

10) Монгольскія войска въ Халкѣ, т. е. мѣстная милиція, о свойствахъ которой говорено уже при обзорѣ народонаселенія, состоятъ:

Въ аймакѣ	Цеценъ-хана	изъ 47 сотенъ . .	7,550 человѣкъ.
» аймакѣ	Тушету-хана	изъ 53 сотенъ . .	7,950 »
		100 сотенъ . .	15,000 человѣкъ.

Ни общаго управленія, ни запасовъ оружія, ни продовольствія и проч. эти монголы не имѣютъ. Службу несутъ по очереди на пограничныхъ караулахъ и въ Ургѣ, причемъ обучаются стрѣльбѣ и производству атакъ. Ни пѣхоты, ни полевой артилеріи въ Халкѣ нѣтъ, за исключеніемъ небольшихъ пѣхотныхъ отрядовъ китайскихъ войскъ, временно высланныхъ въ Ургу для защиты ея отъ мусульманскихъ шаекъ, приходящихъ съ юго-запада. Численность этихъ отрядовъ непостоянна, и хотя въ 1871 г. китайское правительство держало около 17,000 челов. на сѣверѣ отъ Великой стѣны, но изъ нихъ на долю описаннаго здѣсь края приходилось не болѣе 1,200 человѣкъ.

Когда монгольскія войска выходятъ на службу, то онѣ организуются въ сотни или *сумо;* четыре сотни составляютъ строевой полкъ, *дзяланъ*, а два дзяланя крыло или бригаду, *мейренъ*. Размѣръ наряда на службу бываетъ различенъ: иногда изъ 150 человѣкъ, составляющихъ административный эскадронъ, *ниру*, берется только 50 чел., иногда даже 100. Но въ дѣйствительности и 6% взрослаго мужскаго населенія составляютъ уже тягостный нарядъ, употребляемый лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, напр. въ 1871 г. при вторженіи дунганъ въ княжество Мергенъ-вана. Назначеніе людей на службу, т. е. выборъ лицъ, зависитъ отъ хóшуннаго начальника (хóшунъ—удѣлъ). Выходящіе на службу люди все снаряженіе имѣютъ свое; правительство на это ничего не даетъ или даетъ очень мало, въ видѣ вспоможенія.—Оружіе монголовъ содержится въ безобразно-неисправномъ видѣ, хотя предполагается, что начальники дѣлаютъ ему осмотръ. Именно, оно по закону свидѣтельствуется каждые 3 года, и послѣ этого въ замѣнъ недостающаго и поломаннаго разрѣшается пріобрѣтать новое; но если бы монголы вздумали купить больше, чѣмъ имъ дозволено пекинскимъ военнымъ министерствомъ, то они за это штрафуются; продажа оружія иностранцамъ строго запрещена; но, конечно, никто и не пожелаетъ въ наше время покупать луки, копья и фитильныя ружья.

Въ 1871 лоду подполковникъ Барабашъ видѣлъ въ Ургѣ ученье монгольскихъ войскъ, пѣшее по конному. Тысяча солдатъ была выстроена въ одну линію въ двѣ шеренги, сотня около сотни. Люди съ разнымъ вооруженіемъ въ строю были перемѣшаны. По звуку трубы этотъ длинный строю сталъ тихо подаваться впередъ, при чемъ воины, владѣвшіе исправными ружьями, выбѣгали впередъ и стрѣляли не прицѣливаясь, съ пояса; говорятъ, что они такъ дѣйствуютъ и въ бою. Холодное оружіе употребляется только при

преслѣдованіи и при бѣгствѣ. Весною и лѣтомъ дѣлаются монголамъ смотры; но на нихъ является лишь самое незначительное число людей: за остальныхъ, конечно, инспектирующіе амбани (генералы) берутъ взятки.

Источники.

Риттеръ: Землевѣдѣніе Азіи, т. II. Русскій переводъ той части этого труда, которая относится къ Забайкалью, съ современными дополненіями, дѣлается г. Кропоткинымъ.

Гагемейстеръ: Статистическое описаніе Сибири.

Шварцъ: Труды Сибирской экспедиціи.

Радде: Путешествіе въ юго-восточную Сибирь и статьи о Байкалѣ, монголодаурской границѣ и пр. въ изд. Русскаго Географическаго Общества.

Турчаниновъ: Flora baicalensi-daurica.

Іакинфъ: Записки о Монголіи и Статистическое Описаніе Китайской Имперіи.

Тимковскій: Путешествіе черезъ Монголію.

Ковалевскій: Путешествіе въ Китай.

Шишмаревъ: статьи о Халкасской Монголіи и о поѣздкѣ изъ Урги на Ононъ.

Гауптъ: Поѣздка въ Ургу.

Кашинъ: Разныя статьи о Пріаргунскомъ краѣ.

Кельбергъ: То же о Селенгинскомъ краѣ.

Ломоносовъ: То же о забайкальскихъ минер. водахъ.

Поляковъ: Путешествіе въ восточный Саянъ.

Годлевскій и *Дыбовскій:* Разныя статьи о Байкалѣ.

Бутины: Поѣзда изъ Чиндапта на Доланъ-норъ.

Липинскій: Рукопись о поѣздѣ въ Ургу.

П.... (Пѣтуховъ?): Рукопись о кяхтинскомъ градоначальствѣ.

Клапротъ: Memoires rélatifs à l'Asie.

Разныя статьи въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» *Спасскаго*, въ «Горномъ Журналѣ», въ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», и особенно въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества и Сибирскаго Отдѣла его.

Карты: Заборинскаго: Забайкальской области, 20 в. въ 1 д.; рукописная Управленія Генеральнаго Штаба Восточной Сибири; Рукописная Забайкальской же области, 10 в. въ 1 л., представляющая сводъ съемокъ, не всегда впрочемъ удачный.

Шварца: Бассейновъ Енисея, Лены и Амура — единственная, которая имѣетъ научное объясненіе въ «Трудахъ Сибирской Экспедиціи».

Клапрота: Carte de l'Asie Centrale.

Маршруты по Халкѣ: Даржидарова, Гельмерсена, Волкова, Бутиныхъ и пр.

Участокъ шестой: Алтае-Саянскій.

Предѣлы и математическое положеніе пограничнаго пространства.

Изъ всѣхъ отдѣловъ русско-китайской границы это самый недоступный въ топографическомъ отношеніи. И какъ притомъ онъ маловаженъ въ отношеніяхъ этнографическомъ, экономическомъ и военно-политическомъ, то свѣдѣнія о немъ могутъ быть короче, чѣмъ, напримѣръ, о сосѣднихъ ему на западѣ и востокѣ. Эти свѣдѣнія и сами по себѣ, впрочемъ, очень еще далеки отъ сколько-нибудь удовлетворительной полноты, особенно по отношенію къ землямъ, лежащимъ въ китайскихъ предѣлахъ.

Крайними точками граничной черты этого участка можно считать: на западѣ гору *Куйтунъ*, гдѣ Большой Алтайскій хребетъ пересѣкается Малымъ, а на востокѣ кряжъ *Кызыныкту-дабага*, которымъ восточная половина Саянскаго хребта входитъ въ Забайкальскую область. Общая длина границы между обѣими точками доходитъ до 1,765 верстъ, изъ которыхъ 625 верстъ на западѣ, отъ Куйтуна до Шабина-дабага, опредѣлены договоромъ 1864 и протоколомъ 1869 года, а 1,140 верстъ на востокѣ договоромъ 1728 года. По всему протяженію границы, на гребняхъ высотъ, по которымъ она проходитъ, поставлены знаки, обыкновенно состоящіе изъ кучи камней, каменной плиты или креста. Число ихъ не превосходитъ двадцати двухъ, и это показываетъ, что одинъ знакъ отстоитъ отъ другого, среднимъ числомъ, на 80 верстъ, что объясняется недоступностію мѣстности.

Трудно установить сколько-нибудь естественные предѣлы для пограничнаго пространства, которое заслуживаетъ описанія въ связи съ этимъ участкомъ государственныхъ рубежей. Пограничныя сношенія здѣсь такъ слабы, экономическое вліяніе одного государства такъ недалеко проникаетъ вглубь другого и вѣроятность военныхъ столкновеній такъ мала, что можно было бы ограничиться одною полосою между линіями карауловъ китайскихъ и русскихъ. Но какъ

нѣкоторыя сосѣднія мѣстности обѣихъ имперій, Россіи и Китая, могутъ входить въ кругъ политическихъ и военныхъ соображеній имѣющихъ связь съ вопросами собственно пограничными, то мы примемъ за предѣлы пограничнаго пространства: съ нашей стороны долину Бухтармы, бѣлки Коксинскіе, Чарышскіе и Ануйскіе, р. Айнуй, дорогу изъ Бійска въ Кузнецкъ, оттуда горами къ Ачинску и далѣе по большому сибирскому тракту, чрезъ Красноярскъ и Иркутскъ, къ западному концу озера Байкала и снова по гребнямъ высотъ до кряжа Кызыныкту-дабага; съ китайской же стороны — хребетъ Малый Алтай, дорогу отъ г. Кобдо чрезъ Улясутай до р. Онгінъ-гола и потомъ восточные предѣлы земель Соинъ-ноинова аймака. Такимъ образомъ, всѣ земли на 300, 500, иногда и болѣе верстъ по обѣ стороны границы будутъ подлежать нашему разсмотрѣнію, и при этомъ съ русской стороны войдутъ почти исключительно горы и рѣчныя долины, а съ китайской, сверхъ того, степная страна высоколежащихъ озеръ Убсы, Ике-арала, Киргизънора и проч. Въ административномъ смыслѣ это будутъ: у насъ юго-восточная часть Томской губерніи, южная Енисейской и юго-западная Иркутской; у китайцевъ земли Урянховъ и Дархатовъ, округи Кобдинскій и Улясутайскій и часть земель Джасакту-хана и Соинъ-ноина.

Въ географическомъ отношеніи это пространство замѣчательно тѣмъ, что только въ нашихъ предѣлахъ имѣются прочныя основы для картографіи, т. е. астрономическія точки; съемки же въ китайскихъ владѣніяхъ оперты на пункты, лежащіе либо сѣвернѣе границы, т. е. у насъ, либо далеко на востокѣ (у Толы, Орхона и югѣ (у Тянь-шаня). Это дѣлаетъ картографію страны весьма ненадежною, и только то обстоятельство, что наши русскія опредѣленія расположены по дугѣ, опоясывающей страну съ запада, сѣвера и востока, даетъ нѣкоторую опредѣлительность топографическому ея очертанію. Особенно облегчили изученіе географіи всего описываемаго края съемки Алтайскаго горнаго вѣдомства, труды Сибирской экспедиціи Русскаго Географическаго Общества (1856—1859), работы пограничной коммиссіи 1869 года, маршрутныя съемки гг. Принца и Матусовскаго и, наконецъ, астрономическія работы Мирошниченко и, частію, Илайяса.

Для картографическихъ работъ небольшаго масштаба, единственно-возможныхъ въ настоящее время относительно этого края, мы имѣемъ 58 основныхъ точекъ, что для площади въ 12 или 15,000 кв. миль очень достаточно.

Топографія.

Многочисленныя горы урянхайскаго пограничнаго пространства, занимающія болѣе двухъ третей его, принадлежатъ къ слѣдующимъ системамъ:

1) *Малый Алтай* (Эктагъ-Алтай) есть хребетъ, идущій отъ горы Куйтунъ на юго-востокъ, между бассейнами Чернаго Иртыша и рѣки Кобдо. Въ южной своей половинѣ онъ распадается на многія вѣтви, которыя наполняютъ собою весь водоемъ озера Кизылъ-баша и притока его Урунгу. Снѣжныя вершины свойственны только сѣверной половинѣ хребта, отъ Куйтуна до верховій Кирана; но и въ остальной части Мало-алтайскія горы трудно-проходимы, такъ что удобнѣйшая дорога изъ Кобдо въ бассейнъ Чернаго Иртыша идетъ въ обходъ южныхъ оконечностей кряжа, по р. Урунгу. Въ срединѣ же хребта извѣстны только два перевала: Оботу-дабанъ и Сундурукъ-дабанъ, оба весьма неудобные.

2) *Алтайская система* Томской губерніи имѣетъ очень сложное устройство, но вообще отличается тѣмъ, что водораздѣлъ главныхъ ея рѣкъ, такъ-называемый хребетъ *Сайлюгемъ*, идетъ извилистою линіею по границѣ, т. е. отъ сѣверо-востока къ юго-западу, тогда какъ главные кряжи системы: Холзунъ, Катунскіе-бѣлки, Чуйскіе-бѣлки, горы Курайскія, Айгулакскія и Телецкія направляются отъ востока къ западу или къ сѣверо-западу. Всѣ названныя горы, а также Теректинскіе бѣлки на лѣвомъ берегу Катуни, имѣютъ снѣжныя вершины, изъ которыхъ наивысшая, Бѣлуха, достигаетъ 11,000 футовъ надъ моремъ. Сообщенія здѣсь весьма затруднительны, иногда невозможны. Только на сѣверо-западѣ горы понижаются и, наконецъ, пропадаютъ въ обширной низменности Барабы. На востокѣ же, вблизи Сайлюгема, высота очень значительна (6—8,000 футовъ), но командованіе надъ окрестною мѣстностью становится менѣе замѣтнымъ, и у верховій Ясатера, Чуи и Чулышмана открываются уже высокія плато, болотистыя и каменистыя, но довольно ровныя, такъ что здѣсь вдоль хребта проложена тропинка. Отъ того мѣста, гдѣ Сайлюгемъ встрѣчается съ горами Курайскими, и гдѣ, на большихъ абсолютныхъ высотахъ, лежатъ озера Джувлукуль и Индерту-норъ, начинаются уже системы: къ сѣверу Саянская, а къ востоку Танну-ола. Хребетъ Сайлюгемъ, составляя пограничный кряжъ, имѣетъ четыре прохода: Уланъ-даба, по дорогѣ съ бывшаго пикета Укекъ къ караулу Суокъ, Дерботъ отъ Юстыда къ Кара-Улясутаю, Богосукъ и Таксылъ къ сторонѣ озера Индерту.

Рѣки Бухтарма, Аргутъ, Чуя, Башкаусъ и Чулышманъ, сбѣгая съ Сайлюгема и, мало-по-малу, врѣзываясь своими руслами въ почву, образуютъ почти неприступныя ущелья, по которымъ проложить сколько-нибудь удобныя дороги, даже тропинки, весьма трудно. Важнѣйшія изъ нихъ суть вьючные пути съ Бухтармы на Суокъ въ Кобдо и съ Чуи на озеро Дайпуръ, оба описанные ниже.

3) *Саянская система*, въ свою очередь, очень сложна, и, чтобы облегчить изученіе ея устройства, всего лучше будетъ взять за исходные пункты нѣкоторые горные узлы, отъ которыхъ отдѣльные хребты расходятся по радіусамъ. Такихъ горныхъ узловъ, связанныхъ, конечно, одною главною цѣпью, можно насчитать шесть, а именно:

a) У истоковъ Чульчи, Абакана и Кемчика, откуда горные кряжи направляются на западъ, сѣверъ, востокъ и юго-востокъ. Западная вѣтвь, обогнувъ верховья Абакана и образовавъ, при этомъ, крутой восточный берегъ Телецкаго озера, продолжается потомъ на сѣверъ, подъ именемъ *Кузнецкаго Алатау*, служащаго водораздѣломъ обскаго и енисейскаго бассейновъ. Средняя высота горъ здѣсь 4—5,000 футовъ, но хребетъ, нерѣдко золотоносный, очень лѣсистъ, и потому трудно проходимъ. Сѣверная вѣтвь, между Абаканомъ и Аною, есть довольно высокій и также лѣсистый хребетъ *Чукчутъ*. Восточная вѣтвь есть собственно *Саянъ* и огибаетъ съ юга верховья р. Аны, примыкая къ узлу Шабина-дабага. На срединѣ находится перевалъ Суръ-дабанъ. Наконецъ, юго-юго-восточная вѣтвь есть высокій кряжъ, направляющійся къ озеру Джувлукуль и напоминающій своимъ устройствомъ Сайлюгемскія горы, ибо вдоль гребня здѣсь идетъ тропинка, уходящая черезъ проходъ Кусеръ-дабанъ на рѣку Кемчикъ. Южнѣе Кусера лежитъ перевалъ Чабганскій, а сѣвернѣе Чульчинскій.

b) Узелъ Шабина-дабага лежитъ у верховій нѣкоторыхъ второстепенныхъ притоковъ Абакана, Енисея и Кемчика. Тутъ есть проходъ въ землю Уряпховъ, именно на р. Акъ, проходъ весьма трудный. Но во всякомъ случаѣ, Саянъ здѣсь ниже, чѣмъ у перваго узла. Отсюда онъ принимаетъ господствующее направленіе къ востоку, и въ 110 верстахъ отъ Шабина-дабага пересѣкаетъ рѣку Енисей, который, начиная отъ Кемъ-Кемчикъ-бома *), цѣлыя 200 верстъ течетъ по ущелью и мѣстами образуетъ пороги.

*) «Бомами» называются въ этихъ странахъ крутые обрывы горъ къ сторонѣ рѣкъ и вообще крутогорья.

c) Третій узелъ лежитъ у верховій Ижима, Ибесу и нѣсколькихъ мелкихъ притоковъ верхняго Енисея и Уса. Здѣсь есть также перевалъ, чрезъ который направляется тропинка къ мѣсту сліянія Улу-кема и Бей-кема, образующихъ Енисей. Проходъ не очень трудный. Отсюда Саянъ поворачиваетъ къ сѣверо-востоку и отдѣляетъ правые притоки Бей-кема-Ибесу, Систи-кемъ, Шиба, Сида-кемъ и другіе — отъ правыхъ же притоковъ собственно Енисея, въ Минусинскомъ округѣ. Здѣсь замѣчается нѣсколько вершинъ, на которыхъ снѣгъ лежитъ почти круглый годъ, почему страна получаетъ названіе *Бѣлогорья*. Изъ переваловъ извѣстны Хонинъ-дабанъ и Черно-озерскій.

d) У верховій Сида-кема, Казыра, Уды, Бирюсы и проч. Саянъ достигаетъ самой сѣверной своей точки и имѣетъ здѣсь, вѣроятно, до 6,500 футовъ возвышенія надъ моремъ, т. е. довольно близко подходитъ къ снѣжной линіи. Здѣсь отъ него отдѣляются, въ видѣ вѣера, нѣсколько вѣтвей, которыя наполняютъ юго-восточную часть Енисейской и юго-западную Иркутской губерніи, съ одной стороны, почти вплоть до Енисея, а съ другой, до московскаго тракта. Собственно узелъ и сосѣднія ему части хребта обозначаются названіемъ *Эргикъ-таргакъ-тайга;* сѣверные же отроги, покрытые сплошными лѣсами, образуютъ Бѣлогорскую тайгу, среди которой высятся мѣстами гольцы, остающіеся подъ снѣгомъ до мая и іюня. Главный изъ отроговъ Эргикъ-таргакъ-тайги есть сѣверо-западный, раздѣляющій притоки Тубы отъ притоковъ Кана и Маны. Здѣсь извѣстны горы Бода, Омзолъ, Шма и другія.

e) На востокъ отсюда до самаго начала Хамаръ-дабанскаго кряжа, Саянъ тянется въ направленіи востоко-юго-восточномъ и въ горѣ *Мунко-Сардыкъ* достигаетъ 11,400 футовъ надъ моремъ. Это вообще возвышеннѣйшая часть системы: здѣсь лежатъ верховья Уды, Іи, Оки, Иркута, Кибина, Бей-кема и проч. Отроги хребта распространяются далеко на сѣверъ и югъ и нерѣдко окружаютъ высокіе альпійскіе водоемы. Повидимому, саянская система состоитъ тутъ изъ трехъ параллельныхъ цѣпей, изъ которыхъ средняя есть главная, а двѣ боковыя напоминаютъ собою Черныя Горы на Кавказѣ и образуютъ ущелья вдоль текущихъ съ Саяна рѣкъ.

На югѣ, отъ города Мунко-Сардыка, лежитъ большой альпійскій водоемъ озера *Косогола*, длиною до 110 верстъ, шириною около 40. Все это озеро, лежащее на 5,670 футовъ надъ моремъ, окружено горами, примыкающими къ Саяну западнѣе и восточнѣе Мунко-Сардыка и сходящимися на югѣ въ видѣ клещей, такъ что

рѣка Эге-голъ, стокъ Косогола, пробивается черезъ нихъ узкой долинѣ. Западная косогольская цѣпь, *Хангай*, выше восточной, *Булуная*, и съ нея-то берутъ начало Шишкитъ, Уру и другіе верхніе притоки Улукема. Полоса мелкихъ альпійскихъ озеръ тянется отсюда далеко на западъ, что показываетъ, что вся страна по Улу-кему имѣетъ характеръ плоскогорья, въ которомъ рѣки вырыли свои ложа, стремясь къ общему руслу съ окружающихъ весь бассейнъ вершинъ. Таковы озера Додья-норъ, Куинъ-норъ, Терин-норъ и другія, до Сутъ-нора, Уклукъ-нора и т. д. Сосѣдняя этимъ озерамъ страна еще довольно лѣсиста, но уже на горахъ южные склоны обнажены отъ древесной растительности, что показываетъ близость степей.

Перевалы въ восточной половинѣ Саянскихъ горъ, т. е. по границѣ Иркутской губерніи, съ землями Урянховъ и Дархатовъ, извѣстны: на югѣ, отъ караула Удинскаго, Торосъ-дабанъ, ведущій въ область Сида-кема; на западѣ, отъ караула Окинскаго, два, по Сенцѣ и Тисѣ, оба въ бассейнъ Бей-кема; на югѣ, отъ Наринъ-Хоройскаго караула, Нукуту-дабанъ, ведущій къ Косоголу; отъ Хангинскаго караула также на Косоголъ и, наконецъ, отъ Туранскаго черезъ Гурби-дабанъ на Ури, при верховьяхъ которой лежитъ

е) Послѣдній, шестой узелъ саянской системы, дающій начало *Хамаръ-дабанскому* хребту. Общее число извѣстныхъ намъ перевaловъ съ сѣверной стороны Саяна на южную, отъ озера Джувлу-куль до Кызыныкту-дабага, тринадцать.

4) Система *Танну-ола*—одинъ длинный кряжъ въ 550 верстъ, идущій къ востоку отъ Джувлу-куля до самыхъ истоковъ Теса и Селенги, гдѣ онъ раздвояется. Его физическая природа мало извѣстна, и хотя на картѣ Клапрота онъ названъ снѣговымъ, да, вѣроятно, и есть таковъ, ибо даетъ начало многимъ рѣкамъ, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ его перешелъ въ 1870 году Матусовскій, т. е. у верховій Ерсуна, притока Теса, снѣжныхъ вершинъ вовсе нѣтъ; напротивъ, наблюдателю представляется широкій, лѣсистый и болотистый кряжъ. Далѣе, къ востоку, мы знаемъ горные массивы *Малаха-ола*, *Дуланъ-кара*, *Хангай-ола* и др., наполняющіе собою и своими отрогами все пространство по верховьямъ Селенги, Джабгана, Байдарика, Орхона и проч. Илайясъ видѣлъ на нихъ снѣга и опредѣляетъ высоту нѣкоторыхъ вершинъ въ 8,200 ф. Карта Клапрота представляетъ тутъ нѣсколько горныхъ проходовъ изъ бассейна Селенги въ область степныхъ рѣкъ; но, вѣроятно, всѣ они трудны,

потому что между Улясутаемъ и Ургою главное сообщеніе совершается въ обходъ горъ, по степи, черезъ Саиръ-усу. Прямая же горная дорога, по Тамиру, извѣстна, за весьма неудобную, равно какъ и болѣе сѣверный путь отъ Дзицдзилика чрезъ Агаръ и Косоголъ, непригодный для экипажей и мѣстами даже для скота.

Пространство между Саяномъ и Танну-олою выполнено водоемомъ верхняго Енисея. Топографія страны здѣсь также мало извѣстна, несмотря на карту Клапрота и поѣздки Пестерева, Крыжина, Веселкова и Матусовскаго, разъяснившія очень много частностей. Въ одномъ, впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія — въ преобладаніи степей надъ лѣсами, такъ какъ послѣдніе встрѣчаются здѣсь лишь вдоль самыхъ рѣкъ и на сѣверныхъ скатахъ горъ, да и то въ небольшомъ количествѣ, по сравненію съ сѣвернымъ склономъ Саяна. Къ югу отъ Танну начинается область степныхъ и горныхъ озеръ, между которыми Убса, Ике-аралъ и Сангю-далай наибольшія, а Киргизъ-норъ важнѣйшее. Эта область, безъ сомнѣнія, составляетъ дно бывшаго внутренняго моря, которое было болѣе глубоко на западѣ и востокѣ, чѣмъ въ серединѣ. Большая покатость къ западу выражается теченіемъ рѣкъ Теса, Кунгуя, Джабгана и нѣсколькихъ мелкихъ, а самое сильное углубленіе почвы находится около озера Киргизъ-нора, въ которое стекаютъ воды какъ Джабгана, такъ и озеръ Ике-арала (слѣдовательно, рѣки Кобдо) и Дурбанора. Этотъ, на первый разъ, странный фактъ, что большіе водоемы являются данниками малаго, даетъ хорошее понятіе о природѣ страны, ибо онъ зависитъ только отъ сухости воздуха, поглощающей воду озеръ и рѣкъ въ такой степени, что лишь малое ея количество доходитъ до окончательнаго резервуара, гдѣ и испаряется съ небольшой поверхности.

Второстепенныя, однако, нужно думать значительной высоты, горы бороздятъ монгольскую степь сѣвернѣе Джабгана въ разныхъ направленіяхъ, но, преимущественно, отъ запада на востокъ. Изъ нихъ берутъ начало многочисленныя степныя рѣчки, оканчивающіяся озерами или просто пропадающія въ пескахъ или камышахъ. Долины этихъ рѣчекъ иногда поросли ивнякомъ или иными кустарниками, иногда даже рѣдкими деревьями; но едва путешественникъ оставляетъ долины, какъ вступаетъ въ степь, большею частью съ глинистою или твердо-песчаною и даже каменистою почвою, среди которой мѣстами встрѣчаются солончаки. Степь на востокѣ замыкается крутымъ подъемомъ на ту часть хребта Танну-ола, которая къ востоку даетъ начало многочисленнымъ притокамъ Се-

ленги, а на западѣ имѣетъ у подножія своего водоемъ Сангю-далай-нора.

Рѣчныя и озерныя долины, о которыхъ, при описаніи Урянхайскаго пограничнаго пространства, стоитъ упомянуть съ нѣкоторою подробностью, суть: Бухтарминская, Чуйская, Абаканская, Енисейская, Тункинская, озера Убсы, рѣкъ Джабгана и Кобдо. О нихъ можно сказать слѣдующее:

Бухтарминская долина есть одна изъ лучшихъ мѣстностей на Алтаѣ, но только ниже урочища Котонъ-Карагая; выше же его это сплошное ущелье, котораго лѣвый, южный, берегъ, т. е. Большой Алтай, покрытъ, ниже снѣговъ, густыми лѣсами. У вершинъ рѣки, на большой абсолютной высотѣ, опять является довольно открытая мѣстность, но уже неудобная для культуры, по климату и по каменистой почвѣ.

Чуйская долина имѣетъ тѣ же свойства въ еще болѣе замѣтной степени. Въ ея низовьяхъ вовсе нѣтъ мѣстностей открытыхъ, а, напротивъ, ущелье, образованное Чуею, непосредственно сливается съ ущельемъ Катуни. За то изъ всѣхъ алтайскихъ рѣкъ Чуя имѣетъ наиболѣе широкую (каменистую и болотистую) долину у верховій своихъ.

Рѣки Башкаусъ и Чулышманъ, въ предѣлахъ Алтая, не имѣютъ долинъ, и само Телецкое озеро, образовавшееся изъ слиянія ихъ, есть чисто-альпійскій бассейнъ, обставленный крутыми горами. За то, на сосѣднемъ Абаканѣ, впрочемъ только въ нижней половинѣ его, мы имѣемъ довольно обширную степь, которая, по правой сторонѣ рѣки, называется Абаканскою, а по лѣвой Сагинскою и Качинскою. Эта степь, переходящая даже за Енисей, есть, безъ сомнѣнія, дно обсохнувшаго внутренняго моря, которое имѣло соленую воду, ибо солончаки и даже соленыя озера въ ней сохранились доселѣ.

Долина Енисея выше этой степи, отъ селенія Означеннаго вплоть до самаго устья Кемчика, есть одно непрерывное ущелье, гдѣ рѣка съ шумомъ стремится по каменистому руслу, образуя даже нѣсколько пороговъ. Такія же свойства представляетъ побочная долина Уса, гдѣ, лишь въ одномъ мѣстѣ, горы оставляютъ площадку въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Выше Кемъ-Кемчикъ-бома характеръ енисейской долины мало извѣстенъ; но, во всякомъ случаѣ, рѣка здѣсь течетъ въ берегахъ уже менѣе крутыхъ и высокихъ, хотя по высокой странѣ. Также и рѣки, текущія въ него съ Танну-ола, не имѣютъ такихъ суровыхъ ущелій, какъ рѣки южной части Минусинскаго края. Исключеніе, можетъ быть, составятъ

правые притоки Кемчика, берущіе начало въ горномъ узлѣ Танну и Саяна, хотя карта и здѣсь показываетъ нѣсколько озеръ, что свидѣтельствуетъ о преобладаніи не горныхъ хребтовъ, а возвышенныхъ плоскостей.

Тункинская долина, вдоль рѣки Иркута, замѣчательна какъ естественный путь отъ Иркутска къ озеру Косоголу и въ страну Дархатовъ. Она очень узка и, мало по малу, у верховій рѣки, обращается въ ущелье, изъ котораго подъемъ къ западу и сѣверу приводитъ къ нагорью, занятому нѣсколькими мелкими озерами, питающими самые истоки рѣки. Здѣсь же, въ близкомъ сосѣдствѣ, начинается Ока, также изъ мелкихъ озеръ, а на югѣ, за Мунко-Сардыкомъ, на высотѣ пяти тысячъ футовъ, разстилается поверхность озера Косогола, которое почти сплошь обставлено горами, такъ что небольшія долинки остаются лишь у сѣвернаго и южнаго его концовъ.

Около озера Убсы, и по низовьямъ рѣкъ, въ него впадающихъ, разстилается весьма обширная равнина, но, повидимому, у самаго озера, негодная для осѣдлой жизни, вѣроятно, по причинѣ камышей и песковъ, какъ на Зайсанѣ и Алакулѣ. По крайней мѣрѣ, китайская пикетная дорога идетъ вдали отъ озера, у подножія горъ, гдѣ построены и караулы. На рѣкѣ Тесѣ есть нѣсколько правильныхъ осѣдлостей, между которыми Самгатай и Дзпндзпликъ важнѣйшія.

Въ долинахъ Джабгана и впадающихъ въ него рѣкъ Буянту, Кунгуя и проч., мѣста для осѣдлостей весьма малочисленны и встрѣчаются только вблизи горъ. Съ удаленіемъ отъ верховій, названныя рѣки текутъ по степнымъ долинамъ, обставленныя у самаго русла кустарниками, а въ нѣкоторомъ отдаленіи увалами. Низовья ихъ степная равнина.

Долина рѣки Кобдо имѣетъ почву болѣе разнообразную и производительную; но все же и здѣсь замѣтенъ недостатокъ лѣсовъ, несмотря на близость Алтая. Въ ущельяхъ правыхъ притоковъ Кобдо, т. е. по склонамъ Малаго Алтая, къ сѣверу-востоку, вѣроятно, древесная растительность еще довольно обыкновенна, ибо и въ бассейнѣ верхняго Урунгу (Булгана) существованіе лѣсовъ подтверждено распросами послѣднихъ годовъ.

Судоходныхъ рѣкъ на всемъ описываемомъ пространствѣ нѣтъ, кромѣ Енисея; но и на томъ судоходство существуетъ лишь внизъ отъ Минусинска. Поэтому на рѣчные пути здѣсь расчитывать невозможно. Перевозы черезъ рѣки дѣлаются почти повсемѣстно въ

бродъ, а гдѣ нельзя — на легкихъ ботахъ, большею частію выдолбленныхъ изъ одного дерева. По нѣкоторымъ рѣкамъ сплавляютъ внизъ плоты, но не безъ опасности.

Климатъ и естественныя произведенія.

Благодаря высокому положенію страны и удаленію ея отъ моря, климатъ повсюду сурово-континентальный. Только западныя предгорья Алтая представляютъ нѣкоторое исключеніе; но и тутъ средняя температура постоянно ниже, чѣмъ подъ соотвѣтственными широтами, даже въ восточной части европейской Россіи, не говоря уже про западную Европу. Такъ, Барнаулъ, подъ 53° широты, имѣетъ среднюю температуру 0°,2 *R.*, а Пенза + 3°,2; Красноярскъ подъ 55° широты — 0°, а Волоколамскъ + 4°,5; Иркутскъ подъ 52° широты — 0°,5, а Самара + 4°,4 *R.* Въ Алиберовскомъ графитовомъ пріискѣ, подъ 52° широты, но конечно на высотѣ 7,200 футовъ надъ моремъ, мы имѣемъ даже — 3°,9 *R.* Въ Монголіи, для которой, правда, нѣтъ метеорологическихъ наблюденій, климатъ едва-ли не суровѣе сибирскаго, несмотря на то, что она уже непоката къ сѣверу, какъ Сибирь. Большіе холода, при малоснѣжныхъ зимахъ, являются тамъ слѣдствіемъ высокаго положенія надъ моремъ и свободнаго лученія теплоты въ пространство сквозь прозрачную степную атмосферу. За то, лѣтомъ, солнце, не задерживаемое облаками, выжигаетъ всю растительность и производитъ истомленіе животныхъ. Дожди въ степяхъ очень рѣдки; но по горамъ, особенно на Алтаѣ, они падаютъ часто, такъ что снѣжная линія лежитъ здѣсь на высотѣ 6,500—7,000 футовъ, а на Бѣлухѣ и Мунко-Сардыкѣ извѣстны даже ледники. Вообще, русская часть пограничнаго пространства орошена лучше, чѣмъ китайская.

Соотвѣтственно раздѣленію мѣстностей на влажныя и сухія и мѣстная флора имѣетъ двоякій характеръ. Въ нашихъ предѣлахъ, т. е. въ части страны хорошо увлаженной, тянутся обширные лѣса, большею частію лиственничные, березовые, еловые и кедровые, а въ Монголіи скудныя степныя травы. Переходъ отъ одной полосы къ другой составляетъ бассейнъ верхняго Енисея, гдѣ на сѣверныхъ склонахъ горъ растутъ деревья, а южные почти вовсе обнажены.

Культурная растительность довольно богата въ Минусинскомъ округѣ, благодаря обширности незаселенныхъ пространствъ и большой потребности въ земледѣльческихъ продуктахъ для сѣверной части Енисейской губерніи. Также имѣютъ обширныя обработан-

ныя поля селенія Иркутскаго уѣзда, по большому московскому тракту, и жители нѣкоторыхъ горныхъ селеній въ Алтаѣ, гдѣ земледѣліе встрѣчается даже на высотахъ отъ 3½ до 4,000 футовъ надъ моремъ. Но, вообще говоря, воздѣлываніе полезныхъ человѣку растеній въ описываемомъ пространствѣ занимаетъ очень немного мѣста по отношенію къ обширнымъ лѣсамъ и степнымъ мѣстностямъ. О Монголіи и говорить нечего; тамъ жители отнимаютъ иногда пищу для себя у мелкихъ подземныхъ звѣрковъ. Бассейнъ же верхняго Енисея составляетъ до нѣкоторой степени переходную полосу, ибо живущіе здѣсь урянхи, сверхъ разведенія скота, высѣваютъ нѣсколько ячменя, ржи и проса.

Животное царство довольно богато какъ дикими представителями, такъ и культурными. Обширные лѣса Алтая и Саяна содержатъ въ себѣ оленей, медвѣдей, лосицъ, бѣлокъ и прочихъ звѣрей, добываемыхъ охотниками; въ горахъ и степяхъ Монголіи водятся сайги, каменные бараны, куланы и проч. Изъ культурныхъ животныхъ наиболѣе многочисленны лошади и коровы у насъ, овцы и верблюды у монголовъ. Послѣдніе держатъ еще въ значительномъ числѣ яковъ, т. е. тибетскихъ быковъ, служащихъ для перевозки тяжестей. Но вообще хорошаго рогатаго скота монголы не имѣютъ.

О минеральномъ царствѣ можно сказать, что оно очень богато и разнообразно, но разработка его произведеній далеко еще не имѣетъ желаемыхъ размѣровъ, даже у насъ; въ Монголіи же она совершенно ничтожна. У насъ добываются: золото, серебро, мѣдь, свинецъ, желѣзо, графитъ и каменный уголь. Золотыя розсыпи на Алтаѣ встрѣчаются по Берди, Ини, Тайдапу, Терси, Мрасѣ, Кондомѣ, Лебеди; въ Саянѣ по Юсу, Амылу, Кезыру, Агулу, Кану, Бирюсѣ, Хромѣ. Серебро добывается по системѣ Бухтармы, Убѣ, Корбалихѣ, въ Салаирскихъ горахъ, желѣзо въ этихъ же горахъ и въ Минусинскомъ округѣ; графитъ въ Иркутской губерніи; каменный уголь по всѣмъ сѣвернымъ отклонамъ Алтая и Саяна до самаго Иркутска (не разработывается), нефть на верхнемъ Енисеѣ. Солью богаты нѣкоторыя озера Минусинскаго округа и соляные ключи по Ангарѣ и проч.

Кромѣ земледѣлія, охоты и рудныхъ промысловъ, всѣ остальные ничтожны. У монголовъ, вмѣсто земледѣлія, преимущественное занятіе жителей есть скотоводство и, до нѣкоторой степени, обработка шерсти, охота. Мануфактурными издѣліями край снабжается извнѣ, преимущественно отъ насъ и частію изъ Китая. Небольшая

международная торговля—мѣновая и караванная. Главные ея рынки суть Бійскъ, верховья Чуи и русскія деревни на Усѣ.

Пути сообщенія.

Такъ какъ судоходныхъ рѣкъ, кромѣ Енисея, нѣтъ, то мы разсмотримъ лишь важнѣйшія сухопутныя дороги и начнемъ съ тѣхъ, которыя пересѣкаютъ границу и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени могутъ сдѣлаться операціонными линіями.

1) *Изъ Усть-Каменогорска въ Кобдо*, по долинамъ Иртыша, Нарыма, Бухтармы и Кобдо, черезъ проходъ Уланъ-даба въ хребтѣ Сайлюгемъ — 764 версты, изъ которыхъ 284 версты, въ нашихъ предѣлахъ, по колесному пути, а затѣмъ, отъ Чингистая, по вьючному.

2) *Отъ Бійска до пикета Какъ или Хакъ.* Дорога эта имѣетъ болѣе шести сотъ верстъ длины и въ томъ числѣ болѣе 450 верстъ вьючнаго пути, часто весьма неудобнаго, несмотря на то, что она имѣетъ значеніе, потому что въ верховьяхъ рѣки Чуи издавна установилась торговля между русскими купцами и монголами. Дорога изъ Бійска ведетъ на алтайское село Мыюту, вверхъ по р. Семѣ, до перевала къ вершинѣ р. Кеньги и по ней до р. Урсула. Затѣмъ, по широкой долинѣ Урсула, спускаются до малаго Ульгеменя, слѣдуютъ по послѣднему вверхъ верстъ десять, переваливаютъ въ большой Ульгемень и по немъ доѣзжаютъ до Катуни, переправа черезъ которую, Коръ-чеку, находится нѣсколько выше устья большого Ульгеменя. До села Мыюты, гдѣ станъ алтайской духовной миссіи, дорога колесная; далѣе же, телѣжная ѣзда становится затруднительною, и ей предпочитается верховая. Перевалъ съ малаго Ульгеменя на большой высокъ, крутъ, каменистъ и возможенъ только для вьючныхъ лошадей. Перевозъ на Катуни, совершаемый въ небольшомъ челнокѣ, довольно опасенъ. Отъ него слѣдуютъ вверхъ по рѣчкѣ Сальджаръ, въ вершинѣ которой переваливаютъ на р. Елагушъ, а, поднявшись по ней, переходятъ высокія, мѣстами покрытыя снѣгомъ, Айгулакскія горы. Съ этого разлома горъ, откуда въ ясную погоду видна Бѣлуха, спускаются по Айгулаку къ Чуѣ и по правому берегу послѣдней достигаютъ лавокъ русскихъ купцовъ, расположенныхъ въ обширной степени, на 6,000 ф. абсолютной высоты. Слѣдованіе по лѣсистой долинѣ Айгулака весьма затруднительно, а обходная тропинка съ Сальджара на Карасу и

мимо устья этой рѣки прямо на Чу, имѣетъ ту невыгоду, что тутъ находятся восемь бомовъ. Съ верховья Чуи дорога къ пикету Хакъ и къ озеру Дайшуръ лежитъ черезъ перевалъ Дерботъ, за которымъ раздѣляется на три вѣтви, ведущія въ Кобдо (черезъ Хакъ), въ Улясутай (чрезъ Кара-мангай) и на озеро Убсу.

3) *Съ Абакана на пикетъ Ойхоръ*. Это трудно-проходимая горная тропа вдоль границы, ведущая, сначала, черезъ перевалъ Суръ-дабанъ, на Кемчикъ, потомъ, къ проходу Кусеръ и озеру Джувлу-кулю. Обогнувъ послѣднее съ востока, она направляется, черезъ перевалъ Богасукъ, на верховья Чуи, а оттуда черезъ перевалъ Топту-дабанъ на пикетъ Ойхоръ. Къ этому послѣднему, съ верховій же Чуи, ведетъ и другая тропа, черезъ перевалъ Цаганъ-бургасу.

4) *Съ рѣки Уса на Дзиндзиликъ*. Этимъ путемъ шелъ въ 1770 году Матусовскій; почти его же держался Веселковъ, слѣдовавшій, впрочемъ, въ странѣ верхняго Енисея, нѣсколько восточнѣе Матусовскаго. Начало дороги составляютъ три небольшія русскія деревни на Усѣ и на сѣверномъ Ижимѣ, почти совершенно отрѣзанныя Саяномъ отъ Минусинскаго округа, съ которымъ сообщаются лишь вдоль Енисея. За ними переваливаютъ Саянъ и идутъ на югъ, мимо ламайскаго монастыря на р. Туйлюкѣ и озера Джагытай-куль, къ перевалу черезъ Танну-олу, у верховій р. Ерсуна. Весь путь до Дзиндзилика — 270 верстъ.

5 и 6) *Къ Урянхайскому куреню на Бей-кемъ* двѣ трудныя горныя тропинки отъ карауловъ Удинскаго и Окинскаго.

7) *Изъ Тунки на Косоголъ* — 139 верстъ вдоль рѣки Иркута и потомъ черезъ горы. Съ Косогола по гористой, но большею частію безлѣсной странѣ, черезъ краулъ Агаръ, можно проѣхать до Дзиндзилика. Разстояніе отъ истока Эге изъ Косогола до Дзиндзилика около 350 вер.

8) *Отъ Усть-Каменогорска до Кузнецка*. Эта дорога связываетъ всѣ пріалтайскія мѣстности разсматриваемаго пространства, составлявшія въ XVII столѣтіи *бійскую* линію; общая длина ея 738 верстъ.

9) *Отъ Ачинска до Иркутска*. Это большой сибирскій почтовый трактъ, идущій на западъ черезъ Томскъ, до котораго изъ Ачинска 391 верста. Вдоль всей дороги, кромѣ почтовыхъ станцій и довольно людныхъ селеній, расположены этапы для ночлега арестантовъ и сопровождающихъ ихъ командъ. Отъ Ачинска къ востоку до Красноярска 166 верстъ, а до Иркутска 1,164 версты;

восемь значительныхъ рѣкъ: Енисей, Канъ, Бирюса, Уда, Ія, Ока, Бѣлая и Ангара представляютъ немаловажныя препятствія для слѣдованія по этой дорогѣ, особливо весною, когда почты и проѣзжающіе задерживаются на переправахъ по нѣскольку дней. Мостовъ нигдѣ нѣтъ; переправляются на паромахъ.

10) *Отъ Ачинска до Минусинска* 331 верста; дорога почтовая съ двумя переправами, черезъ Енисей и Тубу. Южнѣе Минусинска дороги доходятъ лишь до подножья Саянскихъ горъ. Одну изъ такихъ крайнихъ точекъ составляетъ Таштыбскій форпостъ, въ 151 верстѣ отъ Минусинска.

11) *Отъ Кобдо до Улясутая* 419 верстъ, и далѣе до Саиръусу 675 верстъ, а всего 1,094 версты — китайская почтовая дорога по степи и по предгорьямъ Малаха-олы, Хангая и проч.

12) *Съ верховья Чуи до Улясутая*, мимо озера Ачитъ-нора и по рѣкѣ Кунгую — путь бійскихъ купцовъ въ 1870, длиною 543 версты.

13) *Отъ пикета Хака до пикета Дзиндзилика* — китайская пикетная дорога, примѣрно 500 верстъ длиною.

14) *Отъ Дзиндзилика до Улясутая*, частью горами, но большею частью по волнистой степи — пикетная вьючная дорога, длиною 276 верстъ.

15) *Изъ Улясутая въ Ургу*, отъ станціи Хоболъ, на трактѣ къ Саиръ-усу, отдѣляется влѣво, къ верховьямъ Джака и Тамира, плохая вьючная тропа, которая идетъ внизъ по Тамиру и по Орхону, почти до сліянія послѣдняго съ Толою, откуда поворачиваетъ на юго-востокъ и по очень гористой мѣстности достигаетъ Урги. По ней извѣстны названія тридцати пяти ночлежныхъ пунктовъ и общая ея длина, вѣроятно, не меньше 850 верстъ. Изрѣдка по ней ѣздятъ курьеры изъ Улясутая въ Ургу.

Населеніе.

Населеніе Алтае-саянскаго пограничнаго пространства слагается: а) съ нашей стороны: изъ русскихъ, калмыковъ, бурятъ, киргизовъ и разныхъ мелкихъ финно-тюркскихъ племенъ: качинцовъ, койбаловъ, карагасовъ и проч., всего до 519,000 душъ; б) съ китайской: изъ монголовъ, урянховъ, дархатовъ, калмыковъ и китайцевъ, всего до 170,000.

1) *Русскіе*, въ числѣ 4,407 душъ, сосредоточены въ Минусин-

скомъ округѣ и потомъ вдоль дорогъ, образующихъ окраину пространства съ сѣвера. Вблизи же границы, иногда верстъ на двѣсти, ихъ вовсе нѣтъ, за исключеніемъ трехъ деревень на Усѣ и пяти карауловъ въ Иркутской губерніи. Русское населеніе все осѣдлое, почти исключительно земледѣльческое, и занимается, въ видѣ промысловъ, только извозомъ, горнымъ дѣломъ и охотою. Въ девяти городахъ пространства: въ Иркутскѣ (27,431), Красноярскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Бійскѣ, Кузнецкѣ, Ачинскѣ, Минусинскѣ, Канскѣ и Нижнеудинскѣ, не болѣе 58,000 душъ, изъ которыхъ часть также занимается земледѣліемъ, а остальные торговлею. Очень мало ремесленниковъ.

Между русскими заслуживаютъ особеннаго вниманія старовѣры, на Бухтармѣ (каменьщики) и въ Минусинскомъ округѣ, по ихъ зажиточности, и казаки на бывшей бійской линіи (сибирскіе) и въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской.

Вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ, особенно по городамъ, живетъ небольшое число ссыльныхъ поляковъ.

2) *Монголы* вѣдомствъ Соинъ-ноина (24 хошуна), Джасакту-хана (19 хошуновъ), Улясутайскаго и Кобдосскаго, въ числѣ, вѣроятно, не болѣе 120 тысячъ. Народъ кочевой, относительно быта и устройства котораго нужныя свѣдѣнія изложены въ обзорѣ Халкасскаго участка. Сеймъ князей двухъ западныхъ ханствъ собирается (почти номинально) въ Улясутаѣ, резиденціи китайскаго цзянь-цзюня. Оба хана, Джасакту и Соинъ-ноинъ, тщательно держатся китайскимъ правительствомъ въ совершенномъ политическомъ ничтожествѣ, хотя, съ другой стороны, ихъ ласкаютъ разными внѣшними отличіями, чѣмъ и достигается цѣль: держать номадовъ въ покоѣ помощью туземной аристократіи, систематически приведенной въ ничтожество политическое и нравственное. Число сотенъ, которое два западно-монгольскія ханства обязаны выставлять на службу, достигаетъ семидесяти двухъ, то есть 10,800 всадниковъ. Эти-то монголы и содержатъ, по очереди, караулы къ сторонѣ нашей границы и земли урянховъ и дархатовъ, находясь въ это время въ непосредственномъ распоряженіи китае-маньчжурскихъ властей. Монголы всѣ буддисты, и ламайское духовенство у нихъ очень многочисленно; но на описываемомъ пространствѣ нѣтъ такихъ вліятельныхъ іерарховъ, какъ ургинскій кутухта. Извѣстнѣйшій изъ ламайскихъ монастырей сѣверо-западной Монголіи есть Ламынъ-Гегенъ, невдалекѣ отъ резиденціи Соинъ-ноина.

3) *Урянхи* или сойоты—племя финно-монгольское или финно-тюркское, составляющее, вмѣстѣ съ другими народами верхняго Енисея, какъ бы остатокъ болѣе многочисленнаго народа, нѣкогда занимавшаго тѣ же мѣста, но стоявшаго на нѣсколько высшей степени цивилизаціи. Нынѣ это номады, хотя отчасти земледѣльцы. Господствующая вѣра у нихъ буддизмъ, но есть и шаманы. Аристократическій элементъ малозначителенъ. Подобно монголамъ, урянхи получили отъ китайскаго правительства военное устройство, и потому обязаны выставлять на службу семнадцать сотенъ, т. е. 2,550 человѣкъ, что показываетъ, что все число ихъ простирается до 25,000 душъ. Занимая бассейнъ верхняго Енисея и озера Косогола, они раздѣлены на двѣ группы: большую — западную, и меньшую — восточную, между которыми находятся земли дархатовъ. Изъ осѣдлостей урянховъ намъ извѣстны курени на Бей-Кемѣ, у сѣвернаго конца Косогола, невдалекѣ отъ Дзиндзилика и пр. Китайское правительство обозначило южный предѣлъ земли урянховъ особою тычинковою границею, которая тянется отъ Дзиндзилика на востокъ по хребтамъ и долинамъ.

4) *Калмыки*, соплеменники монголовъ, говорящіе впрочемъ нѣсколько особымъ нарѣчіемъ (напримѣръ, по-монгольски *цаганъ*, бѣлый, по-калмыцки *чаганъ*). Они живутъ и въ нашихъ предѣлахъ, именно на Алтаѣ, въ окрестностяхъ Бійска, и въ китайскихъ, на земляхъ Кобдосскаго вѣдомства. Общее число ихъ у насъ оказалось 19,000. Это племя кочевое и отчасти охотничье, вѣры шаманской или ламайской. Управленіе ими принадлежитъ зайсангамъ. Долгое время часть ихъ была двоеданцами, потому что переходила съ нашихъ земель на китайскія и платила подати обоимъ государствамъ. Съ 1869 года это положеніе прекратилось.

5) *Буряты*, другая вѣтвь монголовъ, съ особымъ нарѣчіемъ, встрѣчаются въ юго-западной части Иркутской губерніи, гдѣ часть ихъ уже перешла къ полной осѣдлости. Число ихъ на юго-западѣ отъ большого московскаго тракта не превосходитъ 26,000 душъ. Они ламаиты и шаманы; управляются своими тайшами и раздѣляются на тункинскихъ, китойскихъ и аларскихъ.

6) *Финно-тюркскія* племена южной части Енисейской губерніи— сагайцы, качинцы и проч., родственны съ одной стороны урянхамъ, а съ другой остякамъ и самоѣдамъ. Они у мѣстныхъ русскихъ жителей извѣстны подъ именами татаръ сагайскихъ, качинскихъ и т. д. Наиболѣе многочисленны *сагайцы*—8,000 душъ, живущіе въ юго-западномъ углу Минусинскаго округа отъ рѣки

Аскыза до верховій Абакана; потомъ слѣдуютъ: *качинцы*, 6,500 душъ на Абаканѣ и Бѣломъ Юсѣ; *кизыльцы*, 4,500, по Юсамъ и у Божьихъ озеръ; *койбалы*, 1,200 душъ, по правому берегу Абакана. Къ этимъ племенамъ примыкаютъ составляющіе переходъ отъ нихъ къ чистымъ тюркамъ, именно къ якутамъ и киргизамъ, *карагасы* въ губерніи Енисейской и Иркутской, по сѣверному склону Саяна, въ числѣ до 800 человѣкъ. Другіе мелкіе народцы этой части Сибири—*аринцы*, *ассаны* и проч., нынѣ почти выродились. Вообще же финно-тюркскихъ племенъ въ предѣлахъ разсматриваемаго пространства, по нашу сторону границы, можно насчитать 24,000 душъ. Они почти всѣ крещены, но остаются вѣрными многимъ предразсудкамъ шаманства. Ведутъ жизнь кочевую, иногда охотничью, полуосѣдлую или даже совсѣмъ осѣдлую. Управляются въ Минусинскомъ округѣ двумя инородными управами.

7) *Киргизы*, въ числѣ 10,000 душъ, кочуютъ на Алтаѣ, къ сѣверу отъ Бухтармы, по землямъ Алтайскаго горнаго округа, т. е. по такимъ, съ которыхъ они всегда могутъ быть удалены распоряженіемъ администраціи. Въ настоящее время сдѣлано предположеніе объ отводѣ имъ опредѣленнаго района кочевокъ, съ обложеніемъ податьми.

8) *Дархаты*, финно-монгольскіе подданные ургинскаго кутухты, въ числѣ 5,400 душъ, занимаютъ верховья Улу-кема, именно бассейнъ Шишкита. Вѣдаются не китайскими властями, а чиновниками шабинскаго вѣдомства. Земля ихъ, къ сѣверо-востоку простирающаяся до нашей границы, съ прочихъ сторонъ окружена монголо-китайскими караулами, на которыхъ проѣзжающимъ въ Ургу дархатамъ выдаются особые билеты.

9) *Китайцы*, *маньчжуры*, *солоны* суть выходцы изъ Срединнаго Царства, или же чиновники и военные. Они живутъ, главнымъ образомъ, въ двухъ городахъ, Улясутаѣ и Кодбо, гдѣ китайскіе торговцы образуютъ особыя слободы (маймачены), а военные и чиновники живутъ въ крѣпостцахъ. Общее число ихъ едва-ли превосходитъ 5,000 душъ.

Итакъ, населеніе описываемаго пространства слагается изъ слѣдующихъ народностей:

Русскихъ	440,000
Монголовъ-собственно	120,000
Монголо-калмыковъ	35,000
Монголо-бурятовъ	26,000
Дархатовъ	5,400

Урянховъ	25,000
Другихъ финно-тюркскихъ племенъ.	24,000
Киргизовъ	10,000
Китайцевъ, маньчжуровъ и проч. .	5,000
Итого. . .	690,400

Это показываетъ: а) что населеніе очень рѣдко, въ среднемъ не болѣе 50 человѣкъ на одну квадратную милю; б) что господствующія племена суть славянское и монгольское, хотя около трети разноплеменнаго населенія подчинено слабымъ по числу пришельцамъ-китайцамъ. Замѣтимъ, что тѣсной племенной и религіозной связи между разнородными племенами нѣтъ, а какъ трудно-доступная мѣстность раздѣляетъ ихъ и географически, то рознь между ними можетъ поддерживаться неопредѣленно-долгое время. Съ нашей стороны, поглощеніе мелкихъ племенъ уже сдѣлало значительные успѣхи.

Военный обзоръ.

Нигдѣ, на всемъ протяженіи Россіи, внѣшняя безопасность ея границъ не обезпечена такъ, какъ на алтае-саянскомъ участкѣ. Поэтому здѣсь почти нѣтъ и войскъ. Единственныя регулярныя части суть: одинъ резервный, три губернскіе (томскій, красноярскій, иркутскій) баталіона и одиннадцать мѣстныхъ командъ въ городахъ. Сверхъ того есть двадцать пять этапныхъ командъ по большому сибирскому тракту. Къ иррегулярнымъ войскамъ можно отнести одинъ полкъ сибирскихъ казаковъ, въ Бійскомъ округѣ, Томской губерніи, и двѣ сотни енисейскихъ и иркутскихъ казаковъ, несущихъ, впрочемъ, больше полицейскую, чѣмъ военную службу. Артиллеріи нѣтъ вовсе; крѣпостей тоже.

У китайцевъ военныя силы еще незначительнѣе. Не считая монголовъ и урянховъ, которые, хотя всѣ воины, но для серьезной войны не годятся, мы видимъ, что всѣ военныя средства Китая на этихъ окраинахъ состоятъ изъ 580 маньчжуровъ и китайцевъ, расположенныхъ въ двухъ городахъ, отъ которыхъ до великой стѣны, т. е. до предѣловъ собственнаго Китая, болѣе 2,000 верстъ по степи. И потому, если бы, когда-нибудь, столкновеніе между двумя сосѣдними имперіями послѣдовало, то, во-первыхъ, описанное пространство отнюдь не стало бы театромъ важныхъ военныхъ дѣйствій, и, во-вторыхъ, при всѣхъ возможныхъ тутъ военныхъ операціяхъ, выгоды очевидно будутъ на нашей сторонѣ. Можно ска-

зать, что если мы пожелаемъ, то Кобдо и даже Улясутай во всякое время могутъ быть взяты нами безъ всякихъ почти потерь, ибо укрѣпленія ихъ такъ слабы, что даже плохо-вооруженные инсургенты 1870 и 1872 годовъ успѣвали овладѣть ими, хотя они и считаются опорными пунктами китайцевъ въ сѣверо-западной Монголіи. Но прямой расчетъ заставляетъ насъ не только не изгонять китайцевъ изъ этой части Средней Азіи, а, напротивъ, всячески помогать упроченію ихъ господства надъ мѣстными номадами. Сдерживая сами племена тюркской расы, мы должны всецѣло оставить за китайцами ту же историческую тягу по отношенію къ монголамъ.

Кордонная линія вдоль границы Россіи съ Монголіею, отъ Аргуни до Тарбагатая.

Уже со времени договора 1728 года съ Китаемъ, существуютъ вдоль всей границы нашей съ Монголіею, отъ Аргуни до Шабина-дабага, особые пограничные знаки, между которыми граница идетъ по прямымъ линіямъ отъ одного къ другому, если только она не совпадаетъ съ естественными рубежами. Такихъ знаковъ между Аргунью и Кяхтой 63, а западнѣе Кяхты, до Шабина-дабага, 23. Для наблюденія за цѣлостью ихъ, а также для охраненія границы отъ контрабандистовъ, для поимки перебѣжчиковъ и проч., съ давняго времени возникла у насъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ границы, линія карауловъ, т. е. селеній, занятыхъ казаками. Съ своей стороны и китайцы почти повсемѣстно противу нашихъ карауловъ устроили свои посты, гдѣ однако постояннаго населенія нѣтъ, а живутъ монгольскіе солдаты, подъ начальствомъ своихъ или маньчжурскихъ офицеровъ, изъ которыхъ послѣдніе обыкновенно занимаютъ высшія административныя должности, дистаночныхъ или даже амбаней, которымъ подчинены участки кордона. Наши караулы и монгольскіе ежегодно, по крайней мѣрѣ разъ, дѣлаютъ офиціяльный объѣздъ границы для осмотра знаковъ, причемъ монголы удостовѣряются въ цѣлости дощечекъ или бирокъ, ими оставляемыхъ ежегодно. Обыкновенно пріѣздъ досмотрщиковъ дѣлается одновременно съ обѣихъ сторонъ, и при этомъ бываютъ взаимныя угощенія и небольшая торговля. На западѣ отъ Шабина-дабага до горы Куйтуна также поставлены, въ 1869 году, пограничные знаки, числомъ двѣнадцать; но вблизи ихъ нѣтъ карауловъ, по крайней мѣрѣ

съ нашей стороны. Вообще по малолюдности и труднодоступности мѣстъ вдоль границы на западѣ отъ истоковъ Джиды, вблизи государственнаго рубежа карауловъ почти нѣтъ, за исключеніемъ пяти у насъ, въ Иркутской губерніи, не имѣющихъ однако постояннаго населенія. Китайцы провели свою караульную линію даже на югѣ отъ хребта Танну, вѣроятно по той причинѣ, что бассейнъ верхняго Енисея занятъ урянхами, которые, по договору 1728 года, могли считаться почти независимыми *). За то у нихъ есть еще нѣсколько карауловъ въ бассейнѣ Селенги, не составляющихъ линіи, но разбросанныхъ тамъ и сямъ на предѣлахъ монгольскихъ земель съ урянхайскими и дархатскими.

Слѣдующая таблица показываетъ расположеніе пограничныхъ знаковъ и карауловъ, начиная отъ Аргуни до прохода Хабаръ-асу въ Тарбагатайскомъ хребтѣ:

Караулы русскіе.	Разстояніе отъ границъ.	Пограничные знаки.	Караулы китайскіе.
Абагатуевскій.	5	63. Абагайту.	
		62. Эрдили-тологой.	
Соктуевскій	35	61. Сокту.	Кулачинскій.
		60. Боро-тологой.	
Цаганъ-улуевскій. . . .	75	59. Цаганъ-оли.	Даошимарскій.
Ключевской.		58. Тарбаго-дагу.	Коульчинскій.
		57. Кубельджинъ.	
		56. Ангархай.	Цаганъ-норъ.
Чиндантскій.	37	55. Мунку-тологой.	
		54. Инкэ-тологой.	
Кулусутаевскій		53. Дзеренту.	
		52. Цытиу.	
		51. Могидзиге.	
Чиндантская стц.. . . .	80	50. Нипфе (Гадзыгей).	
		49. Оботу.	
Цасучеевскій	70	48. Пркнъ.	Буссйскій.
Кубухаевскій	40	47. Хара-тологой.	Умиитаевскій.
		46. Куку-тологой.	
		45. Цаганъ-норъ.	

*) Ст. 3-го трактата 1728: «А урянхи въ которую сторону платили по пяти соболей, впредь оставлены по прежнему у своихъ владѣтелей, а которые по одному соболю давали впредь не возмется съ нихъ вѣчно, съ котораго дня пограничный договоръ уставился.»

Караулы русскіе.	Разстояніе отъ границъ.	Пограничные знаки.	Караулы китайскіе.
Дурулгуевскій.		44. Туркенекъ.	Доролгескій.
		43. Туркенъ.	
		42. Куку-ишиге.	
Могойтуевскій.	20	41. Тургинъ.	Туркинскій.
		40. Шара-опа.	
		39. Хоринъ-нарасунъ.	Хоринъ-нарасунъ.
Акшинская стц.	60	38. Хои.	
Токторскій	30	37. Токторъ.	
		36. Тосокъ.	Тосотуевскій.
Нижне-Ульк унскій . . .	31	35. Мунгутъ-нуке.	
		34. Хурцы.	
		33. Бырки.	
Мангутскій	25	32. Убуръ-баинъ-Зюрюке.	Дукитскій.
Верхне-Ульк унскій. . .	6	31. Ара-баинь-зюрике.	Уланскій.
		30. Алхутъ.	
		29. Хонгоръ.	
		28. Адарга.	
Кыринскій.	16	27. Гозолтой.	Кыринскій.
		26. Гормоки.	Агуцинскій.
Алтанскій	13	25. Буюхту.	
		24. Гилбири.	
Букукунскій.	20	23. Букукунъ.	
Киркунскій	22	22. Кирхунъ.	Галгатаевскій.
		21. Билчиръ.	
Бальджиканскій.	4	20. Бальджиканъ.	Кумилинскій.
		19. Бальджи.	
		18. Хасулакъ.	
		17. Харакутюлъ.	
Ашингинскій	6	16. Ашингай.	
		15. Гунгуртей.	
		14. Ку.	Хучаргонскій.
		13. Кумурюнъ.	
Мензенскій	15	12. Убуръ-хадаинъ-усу.	Мензенскій.
		11. Улилей.	
Джиндинскій	1	10. Ара-хадаинъ-усу.	
Устъ-Урлукскій.	½	9. Уилга.	Уилгинскій.
Шарагольскій.	1	8. Ара-Худара.	Кударинскій.
		7. Хабцагай.	
		6. Чиктай.	Чиктайскій.
Кударинксая стц. . . .	3	5. Шербаги.	
		4. Дирету.	
Кирапскій.	2	3. Хурлинъ.	

Караулы русскіе.	Разстояніе отъ границъ.	Пограничные знаки.	Караулы китайскіе.
		2. Цайдамъ.	
		1. Бургутей.	
Троицкосавскъ	$3^1/_2$	1. Кяхта.	Маймаченъ.
		2. Орогойту.	
Наушинскій.	$3^1/_2$	3. Булесуту.	
Цаганъ-усунскій	3	4. Енхоръ-ола.	Цаганъ-усунскій.
Боцинскій.	7	5. Хонгоръ-обо.	Боцинскій.
Чемуртаевскій	21	6. Гундзань-ола.	
Желтуринскій.	8	7. Хутугайту.	Хара-гучжиръ.
Хулдатскій	20	8. Куку-наручу.	
Харацайская стц. . . .	21	9. Удынь-дзойнъ.	Хантогойскій.
Цѣжескій и Хамнейскій.		10. Цѣжа.	Жиргидейскій.
Цакирскій и Модонкульскій		11. Модунь-куль.	Тумурлойскій.
Ключевской и Шараазаргинскій		12. Бугуту-дабага.	Арха-бурульскій.
		13. Дошиту-дабага.	
Ургудейскій.	35	14. Кызыныкту-дабага.	Даркитуевскій.
Туранскій.		15. Гурби-дабага.	
Хангинскій		16. Ханги (оз. Коссоголъ).	Кукуевскій.
Наринъ-хоройскій . . .		17. Нукуту-дабага.	
Удинскій	20	18. Эргикъ - targaнь-тайга.	Здѣсь монгольскіе караулы: Гатуръ, Бѣлтысъ, Агари, Дзиндзиликъ и пр., до Улясугу-амана и Хабулака, лежатъ на многія сотни верстъ южнѣе границы. Они обозначены на картахъ Клапрота и Уильямса.
		19. Торосъ-дабага.	
		20. Кынземеда.	
(Рус. дер. на Усѣ). . .		21. Усъ.	
		22. Хониnъ-дабага.	
		23. Кемкемчикъ-бомъ.	
Ташибскій форп . . .	90	24. Шабина-дабага.	
		Суръ-дабага.	
		Чульчинскій.	
		Кусеръ-дабанъ.	
		Чаганъ-дабанъ.	
		Хоргинскій.	
		Таскылъ.	
		Богосукъ.	
		Дерботъ.	Хату-булакъ.
		Тонту-дабага.	Суокъ.
		Больциръ.	
		Цаганъ-бургасу.	Ойхоръ.
		Уланъ-даба.	Гариту.
		Баканасъ.	

Караулы русскіе.	Разстояніе отъ границъ.	Пограничные знаки.	Караулы китайскіе.
		Сарпахай.	
		Буркатъ.	
		Байберды.	
		Верхне - Курчумскій.	
		Terекты.	
Стц. Курчумская. .		Коломбай.	
		Саръ-тау.	
		Салкынъ-чеку.	
		Терсъ-Айрыкъ.	
		Аулье-булакъ.	
		Кейнъ-керчъ.	
		Чакельмесъ (оз. Зайсанъ).	
		Акъ-тюбе (Черн. Иртышъ).	
		Караталъ.	
		Сары-булакъ.	
		Сары-тологой.	
Зайсанскій постъ . .		Чаганъ-обо.	Сел. калмыковъ.
		Керегенъ-тасъ.	
		Баймурза.	
		Бургустай.	
		Букай-асу.	
		Хабаръ-асу.	
Бакты		›	Чугучакъ.
Итого . . .		122 знака.	

Источники.

Риттеръ: ‹Азія›, томы 1, 2 и 3 русскаго перевода.

Географическій Словарь Россійской Имперіи, изд. Рус. Географ. Общества.

Гагемейстеръ: ‹Статистическое описаніе Сибири›.

‹Статистическій Временникъ› изд. Центр. Статист. Комитета. 1871.

Tchihatchoff: ‹Voyage dans l'Altai›.

Труды Сибирской экспедиціи Рус. Геогр. Общ.: ‹Поѣздки› *Шварца и Крыжина.*

Списки населенныхъ мѣстъ губ. Енисейской и Томской.

Радде: ‹Путешествіе въ юго-восточную Сибирь›.

О. Іакинфъ: ‹Записки о Монголіи› и ‹Статистическое описаніе Китайской Имперіи›, 1842.

Williams: «The Middle Kingdom», 1861.

Пейзинъ: «Минусинскій Округъ».

Полетика: «Горная промышленность восточнаго Алтая».

Пермикинъ: «Поѣздка на Косоголъ и къ дархатамъ».

Шишмаревъ: «Политическое устройство сѣверной Монголіи» и «О дархатахъ».

Барташевичъ, Кропоткинъ, Поляковъ: ихъ поѣздки въ Тункинскій край и восточный Саянъ.

Принтцъ; «Поѣздка въ Кобдо» и «Объ алтайскихъ каменьщикахъ».

Липинскій: «Записка о Монголіи», рукопись 1869.

Матусовскій: «Описаніе дорогъ въ Кобдо и Улясутай», рукопись 1870.

Барабашъ: «О военномъ устройствѣ монголовъ».

Веселковъ: «Путь отъ Дзиндзилика въ Иркутскъ».

Изданія Русскаго Географическаго Общества и Сибирскаго его Отдѣла, гдѣ есть много статей *Чудовскаго, Верзилова, Фитингофа, князя Кострова* и др.

Elias: «Travels through Mongolia», въ «Ocean Highways». 1873.

Офиціальные протоколы о разграниченіи на Алтаѣ и вообще дѣла Азіятскаго Отдѣла Главнаго Штаба по пограничнымъ вопросамъ.

Карты:

Спеціальная западной Сибири, 10 в. въ 1 д.

Маршрутныя западной и восточной Сибири.

Шварца: бассейновъ Амура, Лены и Енисея, 40 в. въ д.

Klaproth: «Carte de l'Asie Centrale», 1836.

Венюковъ: «Карта сѣверо-западной Монголіи», 1871.

Petermann: «Karte der Westlichen Mongolei», 1872.

Гецъ: «Распросная карта Монголіи», рукопись.

Веберъ: «Карта Монголіи», 1870, рукопись.

Вообще литература, относящаяся до описаннаго пространства, довольно обширна. Здѣсь показаны только новѣйшія сочиненія, а изъ прежнихъ лицъ тѣ, въ которыхъ уже введены старинные источники, которые затѣмъ не перечислялись. Ихъ наименованія можно найдти у Риттера и въ Географическомъ Словарѣ Россійской Имперіи.

Седьмой участокъ: Чжунгарскій.

Положеніе границы и приграничныхъ земель.

Предѣлами Чжунгарскаго участка нашей границы можно считать на югѣ гору Ханъ-Тенгри, подъ 42°21′ ш., а на сѣверѣ гору Куйтунъ, подъ 48°50′ ш., изъ которыхъ первая принадлежитъ къ системѣ Тянь-шаня и есть высочайшая изъ извѣстныхъ его вершинъ, а вторая составляетъ горный узелъ Большого Алтая съ Малымъ и съ хребтомъ Сайлюгемомъ. Другими словами, Чжунгарскій участокъ границы начинается у верховій Текеса и кончается у истока Бухтармы. Кратчайшее разстояніе между этими двумя точками не превосходитъ 850 верстъ; но государственный рубежъ тянется не менѣе какъ на 1,700 верстъ, если считать дѣйствительные наши предѣлы въ 1872 году, и на 1,478 верстъ, если принять въ соображеніе чугучакскій договоръ 1864 года, никогда, впрочемъ, не осуществленный сполна въ дѣйствительности *).

Топографія этого рубежа представляетъ ту особенность, что онъ очень извилистъ, и то совпадаетъ съ рубежами естественными, каковы горы и рѣки, то пересѣкаетъ ихъ подъ прямыми углами, вслѣдствіе чего изъ Чжунгаріи образуется къ намъ нѣсколько воротъ или открытыхъ пространствъ, ограниченныхъ съ юга и сѣвера трудно-проходимою мѣстностью. Ворота же эти заслуживаютъ вниманія потому, что на нихъ издавна происходятъ частыя столкновенія кочевниковъ, подвластныхъ нынѣ двумъ сосѣднимъ имперіямъ, но все еще не утратившихъ ни давнишней племенной вражды, ни наклонности къ хищничествамъ. Идя съ сѣвера, мы находимъ, что ворота имѣютъ ширины: отъ предгорій Большого Алтая до озера Зайсана и Чернаго Иртыша 50 верстъ, отъ Зай-

---

*) Въ силу чугучакскаго договора поставлены пограничные столбы только отъ Куйтуна до Хабаръ-асу, въ Тарбагатаѣ; на югъ же отъ Хабаръ-асу дѣйствительнаго разграниченія никогда не было.

сана и Чернаго Иртыша до Тарбагатая больше 60-ти и наконецъ южнѣе Тарбагатая, до Алтау и горъ Барлукскихъ, 180 верстъ. Въ общемъ смыслѣ можно сказать, что восточнѣе воротъ кочуютъ калмыки, а западнѣе киргизы; но въ частностяхъ отъ этого правила есть многочисленныя отступленія, и притомъ нигдѣ не встрѣчается перехода калмыковъ въ наши предѣлы, а, напротивъ, весьма нерѣдко бываетъ распространеніе киргизовъ въ предѣлы китайскіе.

По общему свойству степей, наиболѣе плодородныя земли по чжунгарской окраинѣ лежатъ у подошвы горъ. Соотвѣтственно тому здѣсь тѣснится и главная масса приграничнаго населенія, которая въ лѣтнюю пору уходитъ на самыя горы. Среднія же части долинъ, напротивъ, суть настоящія пустыни, частью песчаныя, какъ по берегамъ Зайсана, Иртыша и Или, частью болотистыя, какъ ближайшія прибрежья того же Зайсана, Иртыша, озеръ Ала-куля, Сасыкъ-куля и пр. Для осѣдлаго населенія нѣтъ другихъ мѣстъ какъ у самой подошвы горъ или даже въ междугорныхъ долинахъ, если онѣ довольно пространны; ибо безъ орошенія земля ничего не родитъ, а орошеніе, даже атмосферное, т. е. дождевою водою, бываетъ довольно обильно только близъ горъ. Въ предѣлахъ, которые можно дать чжунгарскому пограничному пространству и которые сейчасъ будутъ указаны, едва-ли есть больше 300 квадратныхъ миль, годныхъ для осѣдлой культуры; вся же прочая земля, до 13,000 кв. миль, годна для однихъ кочевниковъ или негодна никуда.

Предѣлами, о которыхъ здѣсь говорится, можно принять: на западѣ озеро Балхашъ и линію отъ устья рѣки Аягуза къ Семипалатинску; на сѣверѣ Иртышъ, Нарымъ и Бухтарму; на востокѣ линію отъ истоковъ Бухтармы къ истокамъ Кунгеса; на югѣ Небесныя и Алатаускія горы, отъ истоковъ Кунгеса чрезъ Санташъ до Ханъ-тау. Такимъ образомъ въ эти предѣлы войдутъ:

Съ *нашей* стороны: часть Семипалатинской области, лежащая къ востоку отъ дороги изъ Семипалатинска въ Сергіополь, и часть Семирѣченской, обнимающая уѣзды Сергіопольскій, Копальскій и Вѣрненскій;

Съ *китайской:* округи Тарбагатайскій сполна, Кобдоскій и Куръ-кара-усуйскій отчасти,

и наконецъ сполна же бывшій Илійскій округъ, составлявшій въ 1865 — 71 г. отдѣльное владѣніе, а нынѣ находящійся въ нашихъ рукахъ. Все, что лежитъ западнѣе или восточнѣе этихъ предѣловъ, не имѣетъ уже никакого прямого отношенія

къ пограничнымъ дѣламъ и можетъ лишь отчасти интересовать насъ здѣсь съ военно-политической точки зрѣнія. Обширное пространство, такимъ образомъ очерченное, съ нашей стороны имѣетъ съемки, болѣе или менѣе обстоятельныя и опертыя на астрономическихъ точкахъ, опредѣленныхъ Ѳедоровымъ, Голубевымъ, Струве и Мирошниченко. Съ китайской же стороны есть только посредственныя карты, которыя хотя и заключаютъ въ себѣ немало подробностей, но не всегда вѣрно показываютъ расположеніе предметовъ на мѣстности. Старинныя астрономическія опредѣленія Эспиньи, Галлерштейна и Дарохи также не всегда оказываются вѣрными, по крайней мѣрѣ по долготѣ. Въ общемъ итогѣ топографію страны можно считать удовлетворительно извѣстною, какъ видно изъ слѣдующаго.

Топографія.

Четыре большія горныя системы возвышаются надъ степями, которыя составляютъ главную часть территоріи чжунгарскаго пограничнаго пространства: Алтайская, Тарбагатайская, Чжунгаро-Алатауская и Тянь-шаньская, съ Заилійскимъ-Алатау. Изъ нихъ

1) *Большой Алтайскій хребетъ* образуетъ государственный рубежъ Россіи съ Китаемъ отъ горы Куйтуна на западъ до истоковъ рѣки Курчума, откуда онъ продолжается въ томъ же направленіи къ Иртышу, а граница поворачиваетъ на югозападъ, къ Зайсану, вдоль хребта *Курчумскаго.* Сначала, до прохода Буканасъ, Большой Алтай не только покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, но и непроходимъ; потомъ снѣжныя вершины лежатъ спорадически, но проходы между ними, Сарнакай, Бурхатъ, Байберды и Верхне-Курчумскій, трудны и годятся только для одинокихъ всадниковъ. Ниже снѣговъ, Алтай, по сѣверному склону, обращенному къ Бухтармѣ, одѣтъ густыми строевыми лѣсами, сосновыми и лиственничными; что же касается до южной его стороны, то на ней лѣса встрѣчаются лишь въ мѣстахъ влажныхъ, неподверженныхъ изсушающему вліянію солнца и степной атмосферы. Склоны, ближайшіе къ долинѣ Черпаго Иртыша, суть совершенная степь.

На хребтѣ *Курчумскомъ* лѣса также держатся лишь по сѣверо-западному склону, обращенному къ Сибири, и преимущественно въ верховьяхъ рѣки Курчума. Южная половина, отъ Терсъ-айрыка, безлѣсна, за исключеніемъ небольшого числа тополевыхъ и иво-

выхъ рощъ по рѣчкамъ Калгуты, Узунъ-булаку и др. Переваловъ черезъ хребетъ есть нѣсколько, именно: Коломбай, Саръ-тау, Кызылъ-кезенъ и др., изъ которыхъ по Коломбаю обыкновенно переходятъ на альпійское озеро Марко-куль, дающее начало Колджиру, притоку Чернаго Иртыша.

Большой Алтай, подъ названіемъ хребта *Нарынскаго*, продолжаясь на западъ отъ верховья Курчума къ Иртышу, значительно понижается, такъ что черезъ него можетъ быть безъ большого труда проложена колесная дорога изъ долины Нарына въ долину Курчума, особенно по проходу Арчалы, болѣе удобному, чѣмъ другіе: Теректы, Буланды, Тосъ-юй и Чурчутъ. Южный склонъ хребта отложе сѣвернаго, но и онъ имѣетъ обрывы, особенно у самаго берега рѣки Курчума, сопровождаемаго имъ почти до устья.

На востокъ, у горы Куйтунъ, Большой Алтай пересѣкается съ Малымъ или *Эктагъ-Алтаемъ*, который идетъ къ юго-востоку, отдѣляя бассейнъ Чернаго Иртыша отъ бассейна озера Икэ-Арала. Онъ столь высокъ, что въ частяхъ, ближайшихъ къ Куйтуну, переваловъ черезъ него неизвѣстно. И только въ верховьяхъ Кирана, праваго притока Чернаго Иртыша, карты Клапрота (Asie Centrale) и Западной Сибири показываютъ горный проходъ (по Клапроту даже два: Сундурукъ-дабанъ и Хайрату-дабанъ); но повидимому этотъ проходъ неудобенъ, потому что въ 1870 году китайскіе эмигранты, возвращавшіеся изъ-подъ Чугучака въ Кобдо, предпочли путь гораздо болѣе южный, по рѣкѣ Улюнгуру, огибающей Эктагъ-Алтай съ юга. Недавно путешествовавшій въ Кобдинскомъ округѣ г. Матусовскій видѣлъ вершины Малаго Алтая покрытыми снѣгомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

2) *Тарбагатайская* система отдѣляется отъ Алтайской широкою долиною Чернаго Иртыша и Зайсана. За начало ея можно считать высоты на юго-востокѣ отъ Сергіополя, а конецъ, на сколько онъ извѣстенъ, лежитъ въ сосѣдствѣ озера Улюнгуръ или Кизылъ-башъ, чѣмъ и опредѣляется длина цѣпи, отъ запада къ востоку, въ 600 верстъ. Въ русскихъ предѣлахъ, т. е. западнѣе перевала Талды-асу, нѣтъ ни одной снѣжной вершины, хотя и есть пики въ 9,200 ф. надъ моремъ. Затѣмъ и средняя часть цѣпи, отъ Талды-асу до Чаганъ-обо, служащая рубежомъ Россіи съ Китаемъ, безснѣжна; но на крайнемъ юго-востокѣ Зайсанскаго приставства, нѣсколько сѣвернѣе основнаго кряжа, высятся горы *Мусъ-тагъ*, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и потому имѣющія по

ущельямъ небольшіе лѣса, тогда какъ остальной хребетъ весь безлѣсенъ. Мусъ-тагъ съ сосѣднимъ ему на югѣ плоскогоріемъ Чаганъ-обо (4,683 ф.) служитъ узломъ, у котораго берутъ начало многія рѣчки, достаточно многоводныя, чтобъ доходить до Зайсана (Темиръ-су, Киндерликъ), Ала-куля (Эмиль) или хоть до небольшого озера Кабукъ, лежащаго на югѣ, среди степей; но бо̀льшая часть ручьевъ, начинающихся на склонахъ Тарбагатая, не имѣетъ столько воды и пропадаетъ въ степяхъ. Это особенно можно сказать про восточную половину цѣпи, называемую *Cауромъ* и тянущуюся до озера Улюнгура, въ которое она упирается. Здѣсь лишь по сѣверную сторону кряжа извѣстны пять ручьевъ, Уластовъ, не доходящихъ впрочемъ до Чернаго Иртыша; южная же покатость и подошва Саура совершенно безводна, хотя и сохранила слѣды потока, направлявшагося нѣкогда на востокъ, къ сторонѣ Улюнгура. Около самаго этого озера, по сѣверо-западному его берегу, тянется небольшой, скалистый кряжъ *Нарынъ-кара;* но онъ повидимому представляетъ особую горную группу и отъ Саура отдѣленъ плоскою, болотистою долиною. Далѣе на востокъ высоты, сосѣднія рѣкѣ Урунгу съ юга, не довольно извѣстны; кажется, что здѣсь страна принимаетъ видъ плоскогорія, довольно возвышеннаго надъ моремъ.

Перевалы черезъ Тарбагатай вблизи границы суть слѣдующіе: 1) Каракольскій, по ущелью рѣки Караколъ, выходящей съ сѣверной стороны хребта и текущей на югъ; здѣсь проходитъ почтовая дорога изъ Сергіополя въ Урджаръ. 2) Кутукъ-даба, Наратъ-даба и Уланъ-даба, между Урджаромъ и Чугучакомъ, мало извѣстные. 3) Сай-асу, Талды-асу и Хабаръ-асу—всѣ три на сѣверѣ отъ Чугучака, въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другого; по нимъ пролегаютъ пути изъ степной призайсанской равнины въ долину Эмиля. Значительно далѣе къ востоку, послѣ замѣтнаго повышенія Тарбагатая и образованія имъ отрога Терсъ-айрыкъ, лежатъ проходы Букай-асу и Бургусутай, а потомъ Бай-мурза, Керегенъ-тасъ и Чаганъ-обо. Противъ двухъ первыхъ, на сѣверѣ, къ хребту прилегаетъ кочковатое, болотистое плато, называемое *Чиликты*, котораго положеніе надъ уровнемъ моря опредѣляется тѣмъ, что еще въ маѣ на немъ лежитъ снѣгъ (3,500 ф.?). За Чиликтами, далѣе къ сѣверу, поднимается отдѣльный кряжъ, *Монракъ*, который питаетъ нѣсколько бѣдныхъ водою ручьевъ, притоковъ Зайсана, во время весенняго таянія снѣговъ, и запираетъ съ сѣвера чиликтинскую котловину, оставляя лишь узкій проходъ, Иссыкъ, вдоль рѣчки

Терсъ-айрыкъ. По Бургусутайскому перевалу проходитъ колесная дорога съ Чернаго Иртыша на Эмиль. Противъ переваловъ Керегенъ-тасъ и Чаганъ-обо, на сѣверѣ отъ Тарбагатая, стоятъ новые массивы, Сауру и Сайканъ, высшія точки которыхъ и носятъ названіе *Мусъ-тау*, т. е. Ледяныхъ горъ, о которыхъ упомянуто выше.

Къ Тарбагатайскому хребту съ сѣвера, на меридіанѣ Урджара, примыкаетъ водораздѣлъ между рѣкой Аягузомъ и притоками Зайсана, Бугазомъ и Базаромъ, тотъ водораздѣлъ, среди котораго высится отдѣльный пикъ Яманъ-Кара-ташъ, большую часть года покрытый снѣгомъ. Далѣе къ сѣверу, водораздѣлъ переходитъ въ *Калбинскій* хребетъ, котораго песчаные отклоны на юго-востокъ пропадаютъ не доходя верстъ 35—50 до Зайсана, но котораго сѣверный скатъ круто упирается въ Иртышъ, образуя, вмѣстѣ съ отрогами Алтая, великолѣпное ущелье между Бухтармой и Усть-Каменогорскомъ. Калбинскія горы — второстепенныя и проходимы повсюду; растительность, встрѣчающаяся на полуденныхъ склонахъ ихъ, бѣдна; но за то нѣдра ихъ рудоносны, а сѣверо-восточная часть одѣта большимъ каиндинскимъ боромъ.

Хребты: Тарбагатайскій съ его сѣверными отрогами, Калбинскій, Нарынскій и Курчумскій, составляютъ какъ бы ограду обширнаго плоскаго водоема Зайсана. Особенно къ юго-западу отъ этого озера, по рѣкамъ Базару и Карабугѣ, степи обширны, такъ что если идти отъ устья Букони въ Иртышъ по западной сторонѣ Зайсана и потомъ вдоль Базара, то, на протяженіи 150 верстъ, встрѣтятся лишь двѣ — и то нерѣдко высыхающія — рѣчки: Кокбекты и Бугасъ, да нѣсколько солонцовъ. Самая низкая часть этой степной равнины занята озеромъ. Зайсанъ, имѣющимъ 86 верстъ въ длину и не болѣе 22-хъ въ ширину. Берега его совсѣмъ плоски, мѣстами песчаны, и по большей части поросли густымъ камышомъ: глубина незначительна, обыкновенно $3^1/_2$ сажени, съ длинными отмелями вдоль береговъ. Высота надъ моремъ около 1,200 футовъ.

3) Система *Чжунгарскаго Алатау* ограничиваетъ съ юга ту обширную низменность, которая лежитъ на полдень отъ Тарбагатая и среди которой находятся Ала-куль, Сасыкъ-куль и самый Балхашъ, эти остатки прежняго моря, связанные донынѣ широкою полосою песковъ и болотъ, часть которыхъ понимается весенними водами. Главный хребетъ системы тянется почти вдоль параллели 45°, и тутъ мы видимъ снѣжныя вершины на разстояніи болѣе 200 верстъ, съ самымъ ограниченнымъ числомъ переваловъ. На

западѣ хребетъ этотъ падаетъ почти внезапно у пикета Акъ-ичке, откуда уже идутъ лишь невысокіе холмы, скоро сливающіеся съ степью; на востокѣ то же явленіе представляетъ урочище Каптагай, гдѣ обрывъ еще рѣзче. Затѣмъ въ срединѣ между этими точками, отстоящими одна отъ другой болѣе чѣмъ на 300 верстъ, есть всего два сколько-нибудь доступные горные прохода, Тентекскій и Лепсинскій. Такая особенность кряжа дѣлаетъ его превосходнымъ для Средней Азіи государственнымъ рубежомъ, а обильное орошеніе подгорной на сѣверѣ равнины даетъ намъ возможность держать здѣсь, въ сосѣдствѣ границы, значительныя осѣдлыя населенія и вооруженныя силы. Однако устройство горной страны Чжунгарскего Алатау не такъ просто, чтобы можно было ограничиться признаніемъ одного главнаго хребта за государственную границу. Въ западной его половинѣ, уже отъ истоковъ рѣкъ Коксу и Саркана, начинаютъ отдѣляться слегка расходящіяся, но почти параллельныя вѣтви, большею частью значительной высоты и мало доступныя. Эти вѣтви, по расположенію на картѣ, нѣсколько напоминаютъ собою пятиконечную вилу, между концами которой берутъ начало рѣки Караталъ, Бижа, Коксу, Саталы и Кугалы, всѣ сливающіяся потомъ въ одно русло. Самая южная и длинная изъ вѣтвей есть хребетъ Кунгей-тау, Аламанъ-тау, или *Алтынъ-Имельскій*, отдѣленный отъ остальныхъ частей системы горнымъ проходомъ Уйгенъ-ташъ, высотою въ 6,400 футовъ, и доходящій почти до самой рѣки Или. Въ немъ замѣчателенъ проходъ Алтынъ-Имель, высотою отъ $3^1/_2$—4 тысячъ футовъ, удобный для ѣзды въ экипажахъ.

У верховій Коксу, кромѣ приближенія къ главной цѣпи Чжунгарскаго Алатау западныхъ ея развѣтвленій, примыкаетъ къ ней съ востока длинная горная цѣпь *Боро-хоро*, *Иренъ-хабирганъ*, или, какъ у насъ большею частію принято называть, хребетъ *Талкинскій*. Этотъ хребетъ сначала не имѣетъ снѣжныхъ вершинъ, хотя на нѣкоторыхъ изъ нихъ снѣгъ держится до іюня; но къ востоку отъ Талкинскаго перевала, и особливо близъ истоковъ рѣки Кашъ, переходитъ за снѣжную линію. Топографія его въ послѣднее время сдѣлалась извѣстною столь же хорошо, какъ и западной половины Чжунгарскаго Алатау, и мы знаемъ здѣсь еще одинъ перевалъ, Боро-босунскій, по которому проходитъ вьючная дорога изъ Кульджи прямо въ Куръ-кара-усу.

Иренъ-Хабирганъ пересѣкаетъ Чжунгарскій Алатау подъ острымъ угломъ, и внутри этого угла, на высокомъ (болѣе 7000 ф.)

плато, лежитъ озеро *Сайрамъ*, отъ береговъ котораго къ югу начинается подъемъ на Талкпнскій хребетъ по китайской почтовой дорогѣ въ Кульджу. За Сайрамомъ къ сѣверу, т. е. ближе къ Чжунгарскому Алатау, внутри того же угла, лежитъ долина рѣки Бороталы, сначала нагорная, и потому покрытая травами и даже древесной растительностію, а потомъ степная и болотистая. Долина эта переходитъ въ степь окружающую соленое озеро Эби-норъ или Каратала. Поперекъ ея проходитъ караванная и пикетная дорога изъ Кульджи въ Чугучакъ, которая, перейдя восточные отроги Чжунгарскаго Алатау и Каптагайскую тѣснину, тянется потомъ вдоль границы, чрезъ рѣчки алакульскаго бассейна и прилегающіе холмы.

Каптагайская тѣснина знаменита въ Средней Азіи дующими въ ней, по временамъ, сильными ураганами. Положеніе ея при выходѣ изъ горъ на широкую равнину Алакуля достаточно объясняетъ происхожденіе этихъ ураगановъ, которые суть не что иное, какъ потоки холоднаго воздуха, спускающагося въ жаркую низменность по одному, спертому горами, руслу. Подобное явленіе свойственно и многимъ другимъ мѣстностямъ Семирѣченскаго края, напримѣръ окрестностямъ Кастека, хотя тамъ и не бываетъ столь сильныхъ вѣтровъ, чтобы они поднимали на воздухъ крупный песокъ и даже гальку, какъ въ Каптагаѣ. Каптагайское ущелье, важное для насъ какъ ворота по ближайшей съ сѣвера дорогѣ къ Кульджѣ, зимою бываетъ покрыто глубокимъ снѣгомъ.

За нимъ, къ востоку, начинаются горы *Барлукъ* и *Орхочукъ*; ихъ до нѣкоторой степени можно считать восточнымъ продолженіемъ Чжунгарскаго Алатау, только меньшей высоты, чѣмъ этотъ хребетъ. Топографія ихъ, мало извѣстная до послѣдняго времени, значительно разъяснилась послѣ съемки, сдѣланной въ 1871 году Матусовскимъ вдоль бывшей почтовой дороги изъ Чугучака въ Урумци. Эта съемка показала, что Барлукскія горы, повидимому, состоятъ изъ ряда параллельныхъ цѣпей, сквозь которыя стекающія на сѣверъ рѣчки пробиваются нѣсколькими ущельями и между которыми есть нѣсколько продольныхъ долинъ. Высшая точка системы на урумційской дорогѣ есть *Чжаирскій* перевалъ, очень плоскій, но имѣющій до 5,945 футовъ надъ уровнемъ моря, что показываетъ, что средняя высота цѣпи едва-ли менѣе 6,000 футовъ. Отсюда на сѣверъ спускъ ведетъ черезъ Яматы (4,654 фута) къ Сары-хулсуну (2,072), гдѣ рѣчка Яматы проходитъ послѣднюю тѣснину передъ выходомъ на обширную долину Эмиля. Если при-

нять въ соображеніе, что и при южной подошвѣ Барлукскихъ горъ селеніе Олонъ-булакъ лежитъ на 2,219 футахъ, то легко замѣтить, что высота обоихъ отклоновъ Барлука почти одинакова, и только сѣверный скатъ гораздо отложе полуденнаго. Далѣе къ востоку отъ Чжаирскаго перевала топографія Барлука и Орхочука остается неизслѣдованною, хотя мы знаемъ, что тутъ они встрѣчаются съ меридіональною цѣпью *Уркашарскихъ* горъ, ограничивающихъ съ востока плоскій, степной и покатый къ Ала-кулю бассейнъ рѣки Эмиля. Уркашарскія горы на сѣверѣ примыкаютъ къ Чаганъ-обо.

4) По южную сторону Или начинаются развѣтвленія и предгорія *Тянь-шаньской* системы. Всѣ они имѣютъ одно направленіе, отъ запада къ востоку, и нерѣдко переходятъ за снѣжную линію. Подробное ихъ описаніе принадлежитъ къ обзору Тянь-шаньскаго участка; здѣсь же можно замѣтить слѣдующее: двойная снѣжная цѣпь *Заилійскаго Алатау* отдѣляетъ степную долину Или (1,300 футовъ у Илійскаго укрѣпленія) отъ нагорнаго водоема Иссыкъ-Куля (5,200 футовъ) и даетъ начало цѣлому ряду мелкихъ рѣчекъ, которыя орошаютъ сѣверное подгорье цѣпи, средоточіе русской колонизаціи въ этой части Средней Азіи. Высшая точка Алатау, близъ станицы Талгарской, достигаетъ 15,000 футовъ; извѣстнѣйшіе же проходы въ горахъ лежатъ на высотахъ:

	въ сѣверной цѣпи.		въ южной цѣпи.
Суокъ-тюбе	8,000	Турайгырскій	7,500
Каскеленскій . . .	10,800	Дюре-асу	?
Алматинскій. . . .	10,900	Курменты	10,000
Тургеньскій	9,400	Шаты	10,300
Турайгырскій . . .	6,600	Табульгаты	9,000

Обѣ параллельныя цѣпи раздѣлены долинами значительныхъ горныхъ потоковъ, Большого Кебина и Чилика, которые не вездѣ проходимы въ бродъ. И хотя черезъ долины этихъ рѣкъ лежатъ ближайшія тропинки изъ Вѣрнаго на Иссыкъ-куль, но, кромѣ одинокихъ всадниковъ и небольшихъ командъ, неудобно направлять что-либо этими путями, а нужно дѣлать обходы. На западѣ такіе обходы дѣлаются чрезъ Кастекъ и Боамское ущелье, на востокѣ черезъ проходъ *Санташъ*. Этотъ послѣдній, высотою 6,000 футовъ, находится въ той мѣстности, гдѣ южная цѣпь Заилійскаго Алатау (Кунгей), подходитъ къ отрогамъ самаго Тянь-шаня между Каркарою и Тубомъ. Къ Санташу же направляются пути съ сѣверо-востока, изъ долинъ Текеса, Кегена и прямо изъ Кульджи, попе-

рекъ хребта *Темурликъ*, почему этотъ проходъ имѣетъ большую стратегическую важность. Къ сѣверо-западу отъ него, на пути въ Вѣрный, заслуживаетъ еще вниманія плоскогоріе трехъ Мерке (5,000 футовъ), которое служитъ воротами для кочевниковъ съ верховій Кебина, Каркары и Текеса въ пріилійскія степи.

На востокѣ отъ Чарына, Заилійскій Алатау продолжается хребтами Темурликъ, Кетмень, Акъ-Бурташъ и Караталъ, которые, впрочемъ, нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи. Проходы здѣсь болѣе многочисленны, но также нелегки, какъ потому, что не разработаны, такъ и потому, что южные скаты горъ, обращенные къ Кегену и въ долину Текеса, очень обрывисты. На верхнемъ Кегенѣ или Чакилды-су особенно важенъ для насъ проходъ *Кетмень*, потому что онъ ближайшій къ Кульджѣ со стороны Иссыкъ-куля. По южную сторону Чакилды-су, отдѣляя ее отъ Текеса, идутъ горы Каратау, также не снѣжныя, но сравнительно лучше орошаемыя дождями, и потому представляющія больше удобныхъ кочевокъ, чѣмъ хребетъ Темурликъ. За долиною же Текеса стоитъ главная цѣпь Небесныхъ горъ, съ вершиною Ханъ-Тенгри, въ 21,000 футовъ.

Уже карты Клапрота, Захарова, Радлова и Каульбарса давали правильное и довольно полное понятіе о характерѣ мѣстности въ такъ-называемомъ Илійскомъ округѣ, т. е. въ бассейнѣ верхняго теченія Или. Тамъ были означены и существующіе горные пути въ этихъ мѣстахъ. Но только теперь, послѣ съемокъ 1871—72 годовъ, мы получили правильное понятіе сосѣдней, высочайшей и любопытнѣйшей, части Тянь-шаня. Такъ какъ для насъ важнѣе всего было знать число и качество проходовъ, ведущихъ изъ Кульджинскаго округа въ Алтышаръ, то, конечно, прежде всего на нихъ и обращено было вниманіе съемщиковъ, причемъ осмотрѣны были четыре перевала: Мусартскій, Коксуйскій, Дагитъ и Наратъ — три послѣдніе на путяхъ въ бассейнъ Юлдуса. Мусартскій проходъ, знаменитѣйшій и самый трудный изъ всѣхъ, былъ особенно подробно снятъ на планъ и описанъ Шепелевымъ, причемъ оказалось, что онъ въ высшей степени затруднителенъ не только для большихъ каравановъ и военныхъ отрядовъ, но даже для немногихъ всадниковъ съ вьюками, ибо мѣстами вьюки нужно переносить на рукахъ для обхода скалъ. Притомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тропинка, вьющаяся вдоль сѣвернаго Мусарта, идетъ по мосткамъ изъ наваленнаго лѣса, которыя стоитъ только столкнуть внизъ или сжечь, чтобы сдѣлать дорогу непроходимою. А на южной

сторонѣ перевала лежитъ обширное ледяное море, изъ котораго единственный выходъ къ сторонѣ Туркестана столь труденъ, что людей и скотъ въ одномъ мѣстѣ нужно спускать на веревкахъ. Такимъ образомъ, показанія китайской государственной географіи относительно Мусарта, переведенныя Іакинѳомъ, подтвердились во многомъ, и не остается больше сомнѣнія, что проходъ могъ служить только для курьеровъ и для небольшихъ конныхъ карavановъ, но не для обширныхъ и правильныхъ торговыхъ сообщеній Кульджи и Аксу. Перекочевки номадовъ съ южнаго склона Тянь-шаня на сѣверный совершались по болѣе восточнымъ переваламъ, особенно по Дагыту и по Нарату.

Произведенныя доселѣ изысканія удостовѣряютъ, что система Небесныхъ горъ и Заилійскаго Алатау, подобно всѣмъ горамъ степной полосы Азіи, имѣетъ то свойство, что *на южныхъ покатостяхъ горныхъ кряжей нигдѣ нѣтъ лѣса*, а древесная растительность попадается только на покатостяхъ, обращенныхъ къ сѣверу, да и то лишь по ущельямъ рѣчекъ, выбѣгающихъ изъ-подъ снѣга. Гдѣ же на вершинахъ горъ нѣтъ послѣдняго, тамъ нѣтъ и лѣсовъ. Въ общемъ выводѣ, послѣдніе прекращаются совершенно на высотахъ около 9,200 футовъ къ верху и 2,000 футовъ надъ моремъ къ низу, за исключеніемъ, впрочемъ, небольшаго числа фруктовыхъ деревьевъ и кустарника, которые иногда спускаются и въ подгорныя долины, держась вдоль рѣкъ.

Всѣ сѣверные отроги Тянь-шаня въ Илійскомъ округѣ рудоносны, и китайцы здѣсь добывали желѣзо, мѣдь, серебро и свинецъ. Впрочемъ, важнѣйшее минеральное богатство Кульджинскаго округа, каменный уголь, встрѣчается не здѣсь, а сѣвернѣе Или, на южныхъ покатостяхъ Ирень-Хабиргана, невдалекѣ отъ Кульджи.

Обозрѣвъ гористыя мѣстности пограничныхъ пространствъ на Чжунгарскомъ участкѣ, мы можемъ обратиться къ *равнинамъ*, которыя всѣ вообще образуютъ настоящія степи, т. е. почти лишенное растительности дно обсохнувшаго моря, то глинистое, то солонцоватое, то песчаное и, большею частью, совершенно горизонтальное. На сѣверѣ отъ Тарбагатая обращаютъ вниманіе, по своей обширности, степи прииртышская и призайсанская. Первая изъ нихъ имѣетъ грунтъ, большею частью, глинистый и суглинистый, иногда известковатый или солонцоватый, а колодцы съ прѣсной водою. Нѣсколько ручьевъ орошаютъ ее въ частяхъ ближайшихъ къ Иртышу, Тарбагатаю и хребту Калбинскому, гдѣ она становится волнистою. По срединѣ проходитъ, почти прямо по мери-

діану, большая почтовая дорога изъ Семипалатинска въ Сергіополь, вдоль которой хотя нѣтъ большихъ травъ, но нѣтъ и недостатка въ подножномъ кормѣ; у горъ Аркатскихъ даже заведено киргизами хлѣбопашество, хотя, конечно, въ маломъ размѣрѣ. О зайсанской равнинѣ сказано выше. Къ ней примыкаетъ съ востока долина Чернаго Иртыша, шириною отъ 50 до 80 верстъ, большею частью, степная, но иногда представляющая, вдоль рѣчекъ, мѣста годныя для пашень, напримѣръ, на Темиръ-су. Близъ самой рѣки Черный Иртышъ, по низовьямъ его, тянутся полосы камышей и тростниковъ, которые, ближе къ Зайсану, имѣютъ отъ 15 до 20 верстъ ширины и образуютъ превосходнѣйшія зимовки для киргизовъ. Выше, за Акъ-тюбе, прибрежье рѣки покрыто тальникомъ, также служащимъ для прикрытія кочевокъ отъ зимнихъ бурановъ, но за исключеніемъ этой узкой прибрежной полосы долина Чернаго Иртыша, весьма слабо поднимающаяся къ востоку, есть голая степь, песчаная къ сторонѣ Саура, т. е. на югъ, и песчано-глинистая къ сторонѣ Алтая, т. е. на сѣверъ. Рѣка Черный Иртышъ, начавшись въ юго-западномъ склонѣ Алтая, сначала течетъ на юго-западъ, къ сторонѣ озера Улюнгура; но не дойдя до послѣдняго версты на четыре, поворачиваетъ на сѣверо-западъ и это направленіе удерживаетъ до впаденія Кабы. Связи съ Улюнгуромъ у нея нѣтъ, такъ что р. Урунгу, впадающая въ послѣднее, не можетъ считаться началомъ Иртыша. Къ югу отъ Улюнгура, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него, лежитъ небольшое озеро Баганоръ, дающее небольшой стокъ на сѣверъ, въ первое озеро.

На югѣ отъ Тарбагатая равнина начинаетъ пріобрѣтать характеръ очень печальныхъ степей. Не говоря уже про обширные пески по нижнимъ и среднимъ частямъ Или, Каратала, Лепсы, т. е. про пустыни, сосѣднія Балхашу, можно сказать, что и равнина между Тарбагатаемъ и Чжунгарскимъ Алатау есть страна годная только для рѣдкаго кочевого населенія, и то лишь въ извѣстныя времена года; исключеніе составляютъ подгорныя полосы, верстъ пять или шесть шириною, у выхода изъ горъ рѣчекъ, гдѣ система искуственнаго орошенія дѣлаетъ почву довольно плодородною. Обширныя тростниковыя болота и кочковатые пески наполняютъ ложбину Алакуля, Уалы и Сасыкъ-куля, до самаго Балхаша. Здѣсь даже по почтовой дорогѣ, проведенной въ возможно-выгодномъ направленіи, встрѣчается около ста верстъ пути по странѣ безводной и почти лишенной растительности. И только на югъ отъ пикета Аксуйскаго, къ сторонѣ горъ, начинаютъ попа-

даться пашни, которыхъ полоса тянется и дальше къ востоку, по Саркану, Баскану, Лепсѣ. На берегахъ послѣдней, нѣсколько выше выхода ея изъ горъ, лежитъ котловина Чубаръ-Агачъ, самая плодородная мѣстность въ странѣ, занятая станицей Лепсинской. Затѣмъ у подножія горъ, но не посреди степи, а на такъ называемомъ Копальскомъ или Арасанскомъ плоскогоріи, на которое ведетъ со степи Гасфордовъ подъемъ и которое составляетъ подгорную террасу 3,200 футовъ надъ моремъ, можно также встрѣтить довольно влажную и, слѣдовательно, годную для культуры почву. Но всѣ эти плодородныя пространства въ совокупности не составляютъ и 50 кв. миль, т. е. $^{1}/_{40}$ площади между Тарбагатаемъ и Алатау. На востокѣ отъ границы, Алакульская равнина продолжается по рѣкѣ Эмилю, гдѣ имѣетъ почву то каменистую, то твердо-глинистую и быстро поднимающуюся къ востоку, т. е. къ сторонѣ Уркашарскихъ горъ. На югѣ же отъ рѣки Каратала и послѣднихъ западныхъ развѣтвленій Чжунгарскаго Алатау путешественникъ находитъ большую песчаную низменность, которая продолжается во всей своей безотрадности до самаго Балхаша и, вдоль рѣки Или, почти до самой Кульджи. Тутъ, несмотря на равнинный характеръ мѣстности между пикетомъ Сарыбулакъ и укрѣпленіемъ Илійскимъ, не было даже возможности проложить дорогу по прямой линіи, потому что страна безводна, а почва песчана, и направленіе пути пришлось отнести далеко на востокъ, къ лежащимъ въ горныхъ долинахъ пикетамъ Царицынскому, Кугалинскому и Алтынъ-Имельскому. Но и по этому послѣднему направленію не удалось совершенно избѣгнуть песковъ, такъ какъ ближайшія къ Или мѣстности представляютъ сплошную песчаную полосу, верстъ въ 25 шириною, гдѣ даже непосредственно у воды не растетъ ничего. Едва отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ берега на югъ, т. е. къ сторонѣ Заилійскаго Алатау, начинаешь встрѣчать зелень, сначала тощую, потомъ нѣсколько болѣе зеленую и густую, но только въ разстояніи пяти или шести верстъ отъ подошвы горъ показывающую возможность земледѣлія. Поэтому въ Вѣрненскомъ уѣздѣ, на 1,270 кв. миль общаго пространства, есть не болѣе 35 кв. миль годныхъ для пашень, и, не будь обставленнаго горами Кульджинскаго округа, бассейнъ судоходной рѣки Или едва-ли способенъ былъ бы, въ цѣломъ объемѣ, вмѣщать болѣе 20,000 осѣдлаго населенія. Кульджинскій округъ имѣетъ земель годныхъ для культуры, вѣроятно, съ небольшимъ 70 миль, и притомъ еще плодоносность ихъ поддерживается искуственнымъ

орошеніемъ изъ большихъ арыковъ, которыхъ сооруженіе стоило огромныхъ трудовъ. Лучшая часть кульджинскаго оазиса лежитъ отъ меридіана Кульджи на востокъ, хотя и на западѣ встрѣчаются цвѣтущія полосы земли, какъ напримѣръ по Усеку, Тишкану, Хоргосу и другимъ рѣчкамъ, берущимъ начало въ Ирень-Хабирганѣ. Здѣсь даже мы находимъ рѣдкій въ Средней Азіи примѣръ лѣса среди равнины, разведеннаго впрочемъ искуственно.

Обозрѣвъ горы и равнины, слѣдуетъ сказать о естественныхъ, т. е. водяныхъ путяхъ сообщенія въ странѣ. Такихъ путей два, и оба въ направленіи отъ востока на западъ, т. е. поперекъ границы. Первый лежитъ въ сѣверной половинѣ края и, начавшись въ китайскихъ предѣлахъ, пересѣкаетъ границу и продолжается у насъ: это рѣка Иртышъ. Хотя Черный Иртышъ еще не изслѣдованъ вполнѣ, но мы знаемъ, что онъ выше Кабы нерѣдко переходимъ въ бродъ, а ниже ея, или, вѣрнѣе, отъ Акъ-тюбе, судоходенъ для мелкосидящихъ лодокъ (2 ф.). Но выходъ изъ него въ Зайсанъ затрудненъ мелями. Собственно же Иртышъ, ниже озера Зайсана, можетъ носить большія суда, равно какъ и самое озеро. Только малая глубина у береговъ послѣдняго препятствуетъ плаванію по немъ судовъ съ острымъ килемъ, который, однако, очень нуженъ, потому что озеро бурно. Опыты пароходства на немъ сдѣланы, но правильныхъ сообщеній еще не установилось. Рѣка Иртышъ отъ Зайсана до Бухтарминска хотя мѣстами очень извилиста, однако вообще для плаванія удобна; что же касается до пространства отъ Бухтарминска до Усть-Каменогорска, гдѣ теченіе быстро и русло стѣснено горами, то здѣсь необходимо имѣть опытныхъ лоцмановъ. Притоки его слѣва, изъ степи, маловодны, а справа, изъ Алтайскихъ горъ, слишкомъ быстры, и потому не судоходны.

Другой водяной путь на описываемомъ пространствѣ представляетъ рѣка Или, способность которой къ судоходству была изслѣдована въ 1872 году г. Фишеромъ. По этому изслѣдованію оказалось, что Или въ пространствѣ между таранчинскою и маньчжурскою Кульджою годится для плаванія судовъ съ $2^1/_2$ фут. осадки лишь въ полную воду; внизъ же отъ маньчжурской Кульджи, до Илійскаго выселка (382 вер.), подобныя суда могутъ плавать во всякое время; но быстрота теченія и неудобства русла и береговъ таковы, что для прохода пространства отъ Илійскаго выселка до Борохудзира, при помощи бичевной тяги людьми, нужно 40 дней, не смотря на то, что это пространство составляетъ всего 220 верстъ. Низовья рѣки, въ свою очередь, поросли камышемъ, да и

русло тутъ раздѣлилось на нѣсколько рукавовъ, недостаточно многоводныхъ. Это обстоятельство, а также бурность Балхаша и неимѣніе удобныхъ пристаней въ сѣверо-восточной части его дѣлаютъ почти невѣроятнымъ устройство на немъ когда-либо судоходства, которое, между тѣмъ, могло бы быть полезно для избѣжанія длинной сухопутной перевозки тяжестей отъ устья рѣки Аягуза въ Вѣрный (550 верстъ) по горамъ и степямъ. Къ сторонѣ Кульджи судоходство по Или могло бы установиться, и опытъ его былъ сдѣланъ предпріимчивымъ сибирскимъ купцомъ Кузнецовымъ, который спустилъ на Или небольшой пароходъ съ баржею.

Всѣ прочія рѣки Семирѣченской области, которыя хотя и обладаютъ длиною Шексны или Луги, но не имѣютъ и половины ихъ водъ, совершенно безполезны въ смыслѣ судоплаванія, и ихъ можно употребить въ дѣло только для орошенія полей посредствомъ арыковъ. Конечно, въ такомъ случаѣ нужно ожидать скораго высыханія Балхаша, а съ нимъ и уменьшенія влажности въ степной атмосферѣ, слѣдовательно также въ горахъ, питающихъ источники рѣкъ.

Климатъ и производительность страны.

Оканчивая обзоръ физическихъ свойствъ страны, можно еще сказать нѣсколько словъ о ея климатѣ и естественныхъ произведеніяхъ. Что климатъ тутъ совершенно континентальный, т. е. отличается суровой зимой, жаркимъ лѣтомъ и постоянною сухостью воздуха — это само собою понятно изъ положенія края въ самой срединѣ Азіи. Зимою здѣсь бываютъ морозы въ — 20° Р. даже подъ широтою въ 43°, т. е. въ Вѣрномъ, который лежитъ на одной параллели съ Марселью и лѣтомъ имѣетъ жары въ +32° Р. Въ Семипалатинскѣ (50°24′ широты и 450 футовъ надъ моремъ) средняя температура января —14°, а іюля +17°,5 Р. Сухость воздуха, особенно въ песчаныхъ степяхъ, спускается до 12,11 и даже до 9%, такъ что и туркменскія степи не превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи. Только въ горахъ, и то лишь по сѣвернымъ склонамъ, влажность атмосферы напоминаетъ европейскую. Слѣдующія цифры суть результатъ немногочисленныхъ и недолговременныхъ метеорологическихъ наблюденій въ краѣ:

Широта.	Мѣсто.	Надъ мор.	Средн. темп. года.	Январь.	Іюль.	Дожд. дни.
50°21	Семипалатинскъ	450 ф.	+ 1°,8 Р.	— 14° Р.	+ 17°5 Р.	46
45 8	Копалъ	3,000 »	+ 6	— 5″	+ 17,3	—
43 16	Вѣрный	2,400 »	+ 7	—	—	—
43 56	Кульджа.	1,700 »	+ 7,3	— 7,6	+ 19,9	—

Господствующіе вѣтры не довольно изслѣдованы, но сѣверо-западные принадлежатъ къ числу самыхъ холодныхъ, а южные, въ сѣверныхъ частяхъ степи, если дуютъ зимою, то обыкновенно сопровождаются снѣжными вьюгами. Снѣгъ лежитъ въ Семипалатинскѣ болѣе пяти мѣсяцевъ, въ Вѣрномъ болѣе шести недѣль. Всѣ рѣки въ краѣ зимою замерзаютъ; Иртышъ на цѣлые пять мѣсяцевъ. За то многія изъ нихъ, вытекающія изъ снѣжныхъ горъ, имѣютъ два полноводія, особенно Бухтарма, Черный Иртышъ, Караталъ, отчасти даже Или. Снѣжная линія на горахъ, благодаря сухости и прозрачности атмосферы, въ лѣтнее время поднимается гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ, именно: въ Заилійскомъ Алатау она лежитъ на 10,000 футовъ, тогда какъ въ Пиринеяхъ, подъ тою же широтою 43°, всего на 8,400 футовъ. Благодаря большой сухости воздуха, страна очень выгодна для здоровья въ томъ смыслѣ, что здѣсь мало чахоточныхъ и больныхъ горломъ; но за то лѣтомъ часто не бываетъ дождей по нѣскольку недѣль, и тогда томительная жара повергаетъ людей въ изнеможеніе, трава въ степяхъ выгораетъ и, чтобы обезпечить себѣ пропитаніе, нужно бываетъ прибѣгать къ искуственному орошенію полей. Это, впрочемъ, трудъ благодарный, потому что не только въ Вѣрномъ, но даже въ Урджарѣ яровая пшеница даетъ самъ 15 — 20 и болѣе. А въ кульджинскомъ оазисѣ урожаи еще лучше; теплота позволяетъ разводить тамъ мѣстами хлопчатникъ и рисъ — послѣдній, разумѣется, на почвѣ исключительно влажной.

Виноградъ и абрикосы растутъ въ Вѣрномъ, но особенно въ предѣлахъ Кульджинскаго округа, разумѣется все же въ узкихъ подгорныхъ оазисахъ. Внѣ послѣднихъ, составляющихъ едва ли болѣе 300 квадратныхъ миль на 13,000 всего протяженія края, какъ уже сказано, разстилаются степи, песчаныя около Балхаша, твердо-глинистыя въ другихъ мѣстахъ, но вообще бѣдныя даже травами.

Животное царство очень разнообразно породами, хотя не богато числомъ особей, кромѣ, конечно, породъ скота, сопровождающихъ человѣка. Изъ большихъ дикихъ звѣрей можно замѣтить медвѣдей на Алтаѣ и Алатау, волковъ всюду, тигровъ въ забалхашскомъ краѣ, т. е. въ уѣздахъ Копальскомъ и Вѣрненскомъ, кабановъ почти вездѣ, по камышамъ. Но главные представители млекопитающихъ суть: лошади, коровы, верблюды и овцы изъ прирученныхъ, и горныя козы, сурки и лисицы изъ дикихъ. Между птицами стоитъ замѣтить фазановъ въ Заилійскомъ краѣ, между

пресмыкающимися змѣй, тамъ же, и наконецъ изъ насѣкомыхъ назовемъ полезное — пчелу, на Алтаѣ и въ Алатау, и вредное — фалангу, въ прiилiйскихъ степяхъ.

Минеральныя богатства страны разнообразны, хотя еще мало приносятъ пользы человѣку, потому что нѣтъ искусныхъ рукъ для ихъ разработки, да и мало топлива. Въ Семипалатинской области извѣстны: графитъ въ горѣ Айджалъ, каменный уголь въ разныхъ мѣстахъ по Тарбагатаю, мѣдь, серебро, отчасти квасцы и сѣра тамъ же; въ Семирѣченской золото, по Хатынь-су и Тентеку, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо и уголь въ разныхъ мѣстахъ прiилiйскаго края, особливо въ Кульджинскомъ и частью въ Копальскомъ округахъ.

Пути сообщенiя.

Обыкновенно степи легко проходимы во всѣхъ направленiяхъ, гдѣ нѣтъ очень высокихъ горъ, озеръ и солончаковъ. Это, конечно, вѣрно и для Чжунгарскаго пограничнаго пространства; но здѣсь къ тремъ названнымъ препятствiямъ присоединяются еще мѣстами пески и тростниковыя болота. Пески, впрочемъ, лежатъ по преимуществу въ западной части пространства, къ сторонѣ Балхаша, и внѣ этой полосы только въ трехъ мѣстахъ занимаютъ довольно широкiя площади: вдоль лѣваго берега Чернаго Иртыша, между Ала-кулемъ и Балхашемъ, и наконецъ вдоль по рѣкѣ Или, гдѣ и препятствуютъ устройству хорошихъ дорогъ. Тростниковыя болота встрѣчаются почти въ тѣхъ же мѣстностяхъ, т. е. у Чернаго Иртыша, Зайсана, Алакуля, Сасыкъ-куля и Или, и собственно служатъ препятствiемъ для сообщенiй только въ ложбинѣ между Тарбагатаемъ и Чжунгарскимъ Алатау, но и то не вездѣ. Затѣмъ, какъ при описанiи горъ исчислены уже существующiе среди нихъ проходы, то здѣсь можно прямо перейдти къ исчисленiю главнѣйшихъ *торныхъ* дорогъ въ краѣ, какъ телѣжныхъ, такъ отчасти и вьючныхъ.

1) Важнѣйшая изъ этихъ дорогъ есть почтовый трактъ *изъ Семипалатинска въ Вѣрный*, который проходитъ черезъ Сергiополь и Копалъ и имѣетъ въ длину 991 версту. Здѣсь на важнѣйшихъ рѣкахъ, Иртышѣ, Или, Лепсѣ и Аксу, устроены паромныя переправы, а на Караталѣ и Коксу даже мосты. Вообще эта дорога есть лучшая изъ всѣхъ степныхъ въ цѣлой Россiи.

2) *Изъ Семипалатинска* же идетъ важная въ военномъ отно-

шенін дорога *въ долину Бухтармы*, продолжающаяся потомъ *до Кобдо*. Общая длина 966 верстъ, изъ которыхъ 284 версты, до караула Чингистая, можно ѣхать на колесахъ, а потомъ по вьючнымъ тропамъ, иногда затруднительнымъ. Послѣднія 280 верстъ дорога пролегаетъ въ китайскихъ предѣлахъ, между карауломъ Гарату и городомъ Кобдо.

3) *Изъ Семипалатинска въ Зайсанскій постъ* прямо чрезъ Кокбекты, минуя Усть-Каменогорскъ, 511 верстъ колесной дороги, которая въ южной своей части, за Кокбектами, есть вмѣстѣ и почтовая. До Кокбектовъ же почтовый трактъ изъ Семипалатинска идетъ на Усть-Каменогорскъ, отъ котораго разстояніе до Кокбектовъ 155 верстъ и до Семипалатинска 202 версты. Изъ Зайсанскаго поста двѣ дороги ведутъ на Кобдо: одна чрезъ Акъ-тюбе, долиною праваго берега Чернаго Иртыша къ верховью рѣки Кирана, гдѣ перевалъ черезъ Эктагъ-Алтай — трудная; другая, южнѣе Чернаго Иртыша, мимо озера Эбинорь или Улюнгуръ и по р. Улюнгуръ, въ обходъ Эктагъ-Алтая съ юга, болѣе удобная.

4) *Изъ Усть-Каменогорска въ Сергіополь* прямо, 350 верстъ степного пути, весьма удобнаго для перехода казаковъ.

5) *Изъ Усть-Каменогорска въ Сергіополь* черезъ Кокбекты, такого же свойства дорога длиною 380 верстъ, т. е. короче почтоваго тракта на 100 верстъ.

6) *Изъ Сергіополя въ Чугучакъ* 262 версты и далѣе въ *Кобдо* 922 версты, а всего 1174 версты, въ обходъ Эктагъ-Алтая съ юга, по рѣкамъ Урунгу и Чаганъ-голу. До Чугучака, и даже нѣсколько далѣе, путь этотъ годится для ѣзды на колесахъ, но въ степяхъ и горахъ сосѣднихъ Черному Иртышу и рѣкѣ Урунгу онъ вьючный и притомъ нелегкій. Послѣдняя его часть, отъ пикета Чажганъ до Кобдо, совпадаетъ съ караванной дорогой изъ Урумци и Баркуля.

7) На эту же чугучакско-кобдоскую дорогу у озера Улюнгура выходитъ и дорога *въ Кобдо изъ Зайсанскаго поста*, длиною всего 828 верстъ, по степямъ и горамъ.

8) Отъ *Чугучака въ Урумци* бывшею китайскою почтовою дорогою 643 версты, причемъ на второй сотнѣ верстъ приходится пересѣкать Барлукскія горы, гдѣ, впрочемъ, Чжаирскій перевалъ годенъ и для колесной ѣзды.

9) *Изъ Чугучака въ Кульджу* по китайской пикетной дорогѣ, черезъ Кантагайскую тѣснину, 400 верстъ вьючнаго пути, выходящаго, впрочемъ, у озера Сайрама на колесную дорогу изъ Урумци въ Кульджу.

10) *Изъ Копала въ Кульджу*, почтовая дорога черезъ Алтынъ-Имель, длиною 381 верста.

11) *Изъ Кульджи въ Куръ-кара-усу, Манасъ и Урумци*, длиною 708 верстъ хорошей вьючной или даже колесной дороги, ведущей сначала на Талкинскій хребетъ, а потомъ у сѣверной подошвы Ирень-хабиргана и Небесныхъ горъ. Дорога нѣкогда хорошо населенная, а нынѣ почти пустая.

12) *Изъ Вѣрнаго въ Кульджу* кратчайшая дорога, по большей части вьючная, проходящая черезъ низовья Чарына и имѣющая въ длину 360 верстъ Если же взять нѣсколько южнѣе, черезъ бродъ Телекъ, гдѣ нѣтъ песковъ и лучше корма, то 400 верстъ.

13) *Отъ Вѣрнаго къ Мусарту*, черезъ плоскогорье Мерке, 365 верстъ вьючнаго пути.

14) Отъ укрѣпленія *Каракольскаго* на Иссыкъ-кулѣ до Кульджи, черезъ проходъ Кетмень, 275 верстъ.

15) *Изъ Кульджи въ Аксу*, поперекъ Тянь-шаня, черезъ Мусартъ, 591 верста, вьючной и весьма трудной дороги.

Съ военной точки зрѣнія, о всѣхъ вообще исчисленныхъ выше путяхъ можно замѣтить слѣдующее:

1) За исключеніемъ иртышской линіи, зимніе походы по нимъ весьма неудобны, потому что нѣтъ населенныхъ мѣстностей для ночлеговъ, а между тѣмъ, по суровости климата, бивуакировать по ночамъ, при отсутствіи топлива, почти невозможно.

2) Лучшія изъ исчисленныхъ дорогъ суть почтовыя въ предѣлахъ Россіи — за исключеніемъ опять-таки прииртышской — страдаютъ недостаткомъ сѣна и другого фуража въ теченіе всей зимы, и потому слѣдуетъ избѣгать передвиженія зимою даже одниxъ обозовъ.

3) Какъ, съ другой стороны, травы въ степи выгораютъ въ срединѣ лѣта, то удобнѣйшимъ временемъ для похода остаются весною апрѣль и май, осенью сентябрь и октябрь. Въ это время, дѣйствительно, и дѣлаются у насъ всѣ главнѣйшія передвиженія войскъ и военныхъ тяжестей.

4) Продовольствіе людей мясомъ, при походахъ, до извѣстной степени можетъ быть обезпечено вездѣ покупкою скота у номадовъ, если только они не уйдутъ вдаль отъ дороги, что случается нерѣдко. Вообще же войскамъ удобнѣе брать порціонный скотъ съ собою, а хлѣбъ, соль, овощи и другія приправы даже непремѣнно нужно возить въ обозѣ, за исключеніемъ путей изъ Семипалатинска на Бухтарму и отчасти на Вѣрный.

5) Вездѣ, кромѣ почтовыхъ дорогъ, могутъ встрѣтиться задержки отъ переправъ черезъ рѣки въ полноводье, которое, впрочемъ, не бываетъ продолжительно.

6) Средина лѣта неудобна для движенія войскъ не только потому, что выгораютъ травы и бываетъ мало воды въ ключахъ и колодцахъ, но еще и по причинѣ большого числа насѣкомыхъ: оводовъ, мухъ, комаровъ, а въ Илійской долинѣ еще и фалангъ. Впрочемъ, держась подошвы горъ, можно всегда находить достаточно травы и воды даже въ самой срединѣ лѣта.

7) Лучшіе часы для похода, лѣтомъ, отъ четырехъ до девяти утра и отъ пяти до восьми вечера. Большіе переходы лучше дѣлать сразу, т. е. безъ продолжительнаго привала.

8) Для варки пищи всегда не лишнее имѣть въ обозѣ нѣсколько топлива; ибо стоитъ пойдти дождю, чтобы обычное степное топливо, кизякъ, сдѣлалось негоднымъ.

9) Главныя вьючныя животныя суть верблюды: для нихъ нужно имѣть отъ пяти до семи фунтовъ соли на каждаго въ мѣсяцъ, и тогда самыя сильныя жары и безкормицу они переносятъ легко.

10) Водопои на всѣхъ станціяхъ исчисленныхъ выше дорогъ довольно обильны, кромѣ пикетовъ Арганатинскаго и Ащи-булакскаго, на дорогѣ изъ Сергіополя въ Копалъ.

11) При слѣдованіи войскъ по новымъ путямъ, въ сторонѣ отъ исчисленныхъ, всегда должно, не полагаясь на карты, брать проводниковъ изъ туземцевъ, особливо киргизовъ, хорошо знающихъ состояніе водопоевъ и кормовъ; но ихъ слѣдуетъ имѣть въ небольшомъ числѣ и надежныхъ: иначе легко держать при себѣ двойного шпіона.

Сказанныя выше замѣчанія приложимы ко всѣмъ вообще степнымъ походамъ, а потому ихъ нужно имѣть въ виду при обозрѣніи и прочихъ степныхъ участковъ границы, хотя они тамъ, для избѣжанія повтореній, опущены.

Населеніе.

Два главныя племени составляютъ туземное населеніе Чжунгарскаго приграничнаго пространства: киргизы и калмыки — оба кочевыя. Послѣдніе, т. е. калмыки, долгое время были народомъ господствующимъ и распространялись далеко на западъ отъ района теперешнихъ ихъ кочевокъ. Еще русскіе, при завоеваніи Сибири, застали

калмыцкія стойбища не только на Иртышѣ, но даже на Ишимѣ. Потомъ ишимскіе калмыки-торгоуты ушли въ астраханскія степи, а наконецъ, въ 1771 году, бѣжали оттуда и, преслѣдуемые сначала русскими, а потомъ киргизами, едва добрались до илійскаго оазиса, гдѣ остатки ихъ пріютились подъ властью Китая. Другое, и еще большее, ослабленіе калмыцкаго народа произведено самимъ же Китаемъ. Именно, въ 1757 году, ополченія Срединнаго царства истребили около милліона чжунгаровъ, не задолго передъ тѣмъ составлявшихъ сильное государство. Въ XIX столѣтіи, вообще можно сказать, что калмыцкій народъ, на своей родной почвѣ, оставался весь въ подданствѣ Китая; большинство же киргизовъ составляло населеніе русскихъ степей, что продолжается и донынѣ, съ немногими исключеніями, произведенными народнымъ движеніемъ 1863—71 годовъ.

На этомъ этнографическомъ фонѣ страны, въ теченіе послѣднихъ 120 лѣтъ, наслоилось довольно разнообразное пришлое населеніе, которое пустило столь глубокіе корни, что сдѣлалось господствующимъ, если не по числу, то по могуществу и богатству. Главными пришельцами были съ нашей стороны русскіе и татары, съ китайской — китайцы, дунгане, таранчи, маньчжуры, чахары, сибо и солоны. Укажемъ здѣсь географическое распредѣленіе этихъ племенъ и приведемъ, по возможности, цифры объ ихъ численности.

1) *Киргизы*. Въ трехъ уѣздахъ Семипалатинской области: Семипалатинскомъ, Усть-Каменогорскомъ и Зайсанскомъ, живетъ ихъ около 120,000 душъ. Они раздѣлены, на основаніи положенія 1867 года, въ административномъ отношеніи, на волости, числомъ двадцать; но, въ политическомъ смыслѣ, доселѣ важнѣе знать ихъ дѣленіе на роды, каковы, напримѣръ, муруновскій около Кокбектовъ, киреевскій на сѣверѣ и востокѣ отъ Зайсана, байджигитовскій вблизи Тарбагатая, и пр. Байджигиты и киреи особенно важны въ томъ смыслѣ, что многочисленные ихъ родовичи кочуютъ и въ китайскихъ предѣлахъ, по сосѣдству съ зайсанскимъ приставствомъ; слѣдовательно они надолго сохранятъ эти заграничныя связи, обыкновенно столь невыгодныя для политическаго спокойствія края.

Въ трехъ уѣздахъ Семирѣченской области: Лепсинскомъ (Сергіопольскомъ), Копальскомъ и Вѣрненскомъ, живетъ до 320,000 киргизовъ, Средней и Большой ордъ. Въ Лепсинскомъ уѣздѣ заслуживаютъ вниманія, въ политическомъ отношеніи, байджигиты и кызаи, какъ самые безпокойные пограничные подданные и отчасти сосѣди. Номинально часть ихъ состояла въ нашемъ подданствѣ

уже съ 1847 года; но фактически никто такъ часто не уклонялся отъ выраженія подданической зависимости, какъ они. Мало того: они нерѣдко занимались разбоями въ нашихъ предѣлахъ, уходя потомъ въ китайскіе, и наоборотъ. Въ 1865 году, значительная часть нашихъ байджигитовъ ушла къ дунганямъ подъ Манасъ, но потомъ многіе вернулись оттуда. Однако и теперь изъ пятнадцати подродовъ байджигитовскихъ только пять находятся въ нашихъ предѣлахъ. Большая часть кызаевъ тоже, а ихъ считается до 20,000 кибитокъ = 90,000 душъ.

У киргизовъ Большой орды изстари различались три главные рода: джалаиры, адбано-суваны и дулаты, которые сохранились и теперь, несмотря на то, что киргизы раздѣлены на волости, числомъ до тридцати. Роды эти имѣютъ и свои историческія мѣста для кочевокъ, именно: джалаиры на Караталѣ, адбаны по обѣимъ сторонамъ хребта Алтынъ-Имельскаго и частію на Чарынѣ, дулаты къ западу отъ Чарына до Балхаша и къ югу отъ Или до горъ Алатау. Политическая надежность этихъ киргизовъ хотя удовлетворительна, но все еще весьма условна, особенно потому, что въ ордѣ есть не мало вліятельныхъ лицъ, помнящихъ независимость своего народа до 1846 года. Надежнѣе прочихъ дулаты, ближайшіе сосѣди заилійскихъ селеній нашихъ; однако и они въ 1861 году, при вторженіи въ наши предѣлы коканцевъ, вели себя не совсѣмъ хорошо. Адбаны же, до самаго послѣдняго времени, охотно переходили за границу, въ Илійскій округъ, и сдѣлались особенно склонны къ тому со времени возникновенія къ Кульджѣ мусульманскаго владѣнія. Одинъ изъ адбановскихъ біевъ, Джитень, составилъ себѣ даже извѣстность грабежами въ нашихъ предѣлахъ, которые онъ производилъ изъ-за границы. Нынѣ, съ занятіемъ нами Кульджи, адбаны, отовсюду окруженные нашими войсками, вполнѣ присмирѣли. Вообще, въ Илійскомъ округѣ нами найдено было 22,000 киргизовъ, которые всѣ обложены нынѣ общими для ихъ соплеменниковъ податьми, и на первое время, по малой своей надежности, получили начальниковъ не по выборамъ, а по назначенію семирѣченскаго губернатора.

Принявъ въ соображеніе части родовъ киреевскаго, байджигитовскаго, кызаевскаго, кочующія въ китайскихъ провинціяхъ, въ числѣ, вѣроятно, около 80,000 душъ, мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что все число киргизовъ, какъ Средней, такъ и Большой орды, въ предѣлахъ разсматриваемаго края, простирается до 580,000 душъ. Всѣ они номады, но многіе занимаются землѣдѣ-

ліемъ, по рѣкамъ, текущимъ съ Алтая, Тарбагатая, Калбинскаго хребта, Чжунгарскаго и Заилійскаго Алатау. Тѣ же, которые живутъ у Иртыша и вообще близъ русскихъ селеній, нерѣдко служатъ въ работникахъ у казаковъ и купцовъ, а въ округѣ Кокбектинскомъ и на горныхъ пріискахъ, которые, напримѣръ, въ 1865 году, занимали свыше 1,500 киргизскихъ рабочихъ. Нѣкоторые изъ нашихъ киргизовъ въ послѣдніе годы завели сами осѣдлости, какъ, напримѣръ, султанъ Букашъ на Аркатѣ и нѣсколько киргизовъ въ Семирѣчьѣ, гдѣ занимаются земледѣліемъ. Но добываемаго ими хлѣба, преимущественно проса, они не пускаютъ въ продажу, а потребляютъ сами, упрочивая тѣмъ господство надъ собой русскихъ; ибо привыкшій къ хлѣбу киргизъ, особливо хлѣбопашецъ, мало по малу совершенно утрачиваетъ свои хищническія наклонности, дѣлается миролюбивымъ консерваторомъ и покоряется цивилизованнымъ пришельцамъ, безъ которыхъ рѣшительно обойтись не въ состояніи.

Военной службы киргизы не несутъ; но всякій разъ, когда снаряжается отрядъ для похода или даже для стоянки на границѣ, принято у насъ за правило придавать къ нему нѣсколько киргизскихъ всадниковъ для содержанія почты, для развѣдокъ и, въ мѣстностяхъ мало извѣстныхъ, для указанія путей. Въ боевомъ отношеніи, киргизская милиція никуда не годится, и даже большое число киргизовъ при отрядѣ составляетъ для него скорѣе обузу, чѣмъ помощь.

Подати киргизскаго народа состоятъ изъ кибиточнаго сбора по три рубля серебромъ съ юрты, и изъ дополнительнаго земскаго сбора по 50 коп. съ юрты же. Въ суммѣ это составитъ около 380,000 рублей серебромъ, и такая сумма едва-ли можетъ быть увеличена по причинѣ бѣдности номадовъ, изъ которыхъ многіе составляютъ настоящихъ пролетаріевъ, по мѣстному выраженію «байгушей» *).

Относительно числа скота, содержимаго киргизами, нѣтъ возможности привести сколько-нибудь опредѣлительныя данныя, ибо всѣ такъ называемыя оффиціяльныя цифры весьма далеки отъ истины. Можно только сказать, что киргизы Большой орды бо-

*) Эта цифра выражаетъ собою почти все, что получаетъ Государственное Казначейство въ видѣ прямыхъ налоговъ съ пространства въ 7,200 кв. м., которое, слѣдовательно, оказывается менѣе доходнымъ, чѣмъ одинъ какой-либо уѣздъ Московской губерніи, занимающій площадь во 160 разъ менѣе.

гаче другихъ скотомъ, вѣроятно потому, что до самаго 1863 года не несли никакихъ податей, а можетъ быть и потому, что у нихъ рѣже случаются падежи отъ зимнихъ булановъ и гололедицы. Во всякомъ случаѣ, всѣ военныя надобности въ лошадяхъ и верблюдахъ, какъ перевозочномъ средствѣ, и въ баранахъ и рогатомъ скотѣ на мясо, всегда могутъ быть удовлетворены безъ труда и по цѣнамъ невысокимъ.

2) *Калмыки* до 1860-хъ годовъ жили, на описываемомъ пространствѣ, двумя главными группами: на сѣверѣ по Черному Иртышу, и на югѣ въ Илійскомъ округѣ. Возмущеніе мусульманъ и захватъ ими власти въ Или повели за собою эмиграцію калмыцкихъ племенъ на сѣверъ и югъ, причемъ изъ прежнихъ ихъ кочевокъ многія достались киргизамъ. Особенно велико было переселеніе изъ Илійскаго округа на сѣверъ, въ бассейны озеръ Сайрама, Эби-нора и отчасти Алакуля (рѣка Эмиль), куда ушло 60 сумуновъ, занявшихъ земли Тарбагатайскаго и Куръ-карасуйскаго округовъ, которые остались пустынными послѣ удаленія дунганей и части киргизовъ на востокъ, къ Урумци и Манасу. Другая часть илійскихъ калмыковъ укочевала къ намъ, въ Семирѣчье, и частію водворилась тамъ навсегда, частію ожидала случая вновь переселиться въ китайскіе предѣлы. Наконецъ двадцать сумуновъ ушли-было къ своимъ соплеменникамъ на Юлдусъ, т. е. въ Тянь-шаньскія горы, но должны были вернуться, такъ какъ мѣстные торгоуты и хошоты сами нуждаются въ кочевкахъ. Въ 1871 году часть юлдусскаго кочеваго населенія также пришла на сѣверный склонъ Тянь-шаня и расположена по Кунгесу.

На Черномъ Иртышѣ, Урунгу и Кобукѣ издавна находятся главныя стойбища торгоутовъ, дурботовъ и хойтовъ, вѣдомства Кобдоскаго и Тарбагатайскаго округовъ. Торгоуты—поколѣніе наиболѣе многочисленное, могущее выставить до 12,300 взрослыхъ всадниковъ, слѣдовательно достигающее численности въ 120,000 душъ. Они вѣдаются въ настоящее время чаганъ-кегенемъ, лицомъ столько же правительственнымъ, сколько духовнымъ, отличающимся воинственностью и большимъ вѣсомъ у родовичей и китайцевъ. Дурботы — числомъ до 52,000 душъ, хошоты — 18,000, и хойты — 5,000, держащіеся близъ Чернаго Иртыша, Эктагъ-Алтая и по системѣ озера Кизылъ-баша, доводятъ эту цифру калмыцкаго населенія, оставшагося вѣрнымъ Китаю, до 200,000 душъ. Присоединивъ сюда тѣхъ, которые живутъ у насъ, а также эмигрантовъ изъ Илійскаго округа въ Тарбагатайскій, мы получимъ

что все калмыцкое население на описываемомъ пространствѣ достигаетъ до 320,000 душъ, о состояніи которыхъ можно сказать совершенно то же, что о киргизахъ, т. е. что это номады, мѣстами занимающіеся земледѣліемъ, нерѣдко хищничествомъ, и поставляющіе главное свое богатство въ стадахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, именно бывшіе обитатели Илійскаго округа во время владычества китайцевъ и таранчей, отличаются притомъ крайнею бѣдностью, почему и налоговъ платятъ менѣе. Коренное отличіе калмыковъ отъ киргизовъ состоитъ въ религіи, буддійской, а не мусульманской, и въ подчиненіи частію родовымъ владѣльцамъ, зайсанамъ, частію ламамъ и хутухтамъ, изъ которыхъ одинъ, чаганъ-кегенъ, есть личность весьма вліятельная. Съ политической точки зрѣнія весьма любопытно замѣтить, что калмыки суть исконные враги киргизовъ.

Калмыцкія земли, по удобству къ хлѣбопашеству, конечно не лучше нашихъ киргизскихъ степей; но осѣдлости у калмыковъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у киргизовъ, потому что у нихъ духовенство обыкновенно живетъ особыми селеніями или общинами, въ родѣ монастырей, какъ, напримѣръ, въ Булунъ-тохоѣ, на Кобукѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

3) *Таранчи* — третье по многочисленности племя изъ живущихъ на чжунгарскомъ пограничномъ пространствѣ — сосредоточены главнымъ образомъ въ Илійскомъ округѣ, гдѣ число ихъ достигаетъ до 39,000 душъ. Центромъ ихъ населенія служитъ Старая Кульджа, а главная масса разселена по деревнямъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ отъ этого города, числомъ девятнадцать. Таранчи суть мало-бухарцы, выселенные на Или изъ Восточнаго Туркестана около ста лѣтъ назадъ китайскимъ правительствомъ, которое всячески старалось ослабить безпокойное населеніе Алтышара, разселить его и перемѣшать съ другими народами. Таранчи во многомъ походятъ на нашихъ сартовъ Туркестанскаго края, имѣютъ тѣ же обычаи, тотъ же образъ жизни, состоящій въ занятіяхъ торговлею и земледѣліемъ, но языкъ ихъ не персидскаго, а тюркскаго корня. Въ 1867 году они побѣдили въ Илійскомъ округѣ своихъ единовѣрцевъ, дунганъ, и съ тѣхъ поръ владѣли всей территоріей этого округа, подчинивъ себѣ киргизовъ, остатки калмыковъ, дунганъ, китайцевъ, солоновъ и сибо. Они управлялись султаномъ, вышедшимъ изъ самаго народа, и состоявшими подъ нимъ беками. Дунгане, китайцы и проч. были всегда недовольны ими; но киргизы, выходившіе отъ насъ, благосклонно ими принимались

и пользовались ихъ покровительствомъ въ грабежахъ и барантахъ на нашей территоріи. Вслѣдствіе этого, отношенія Россіи къ таранчамъ сдѣлались непріязненны, и какъ илійскій султанъ Абиль-Огля не оказывалъ достаточно вниманія къ нашимъ жалобамъ и продолжалъ укрывать нашихъ бѣглецовъ, то пришлось употребить противъ него силу, что и повело къ завоеванію, лѣтомъ 1871 года, всего Илійскаго округа. Теперь таранчи спокойно управляются нашими участковыми начальниками и поставленными отъ насъ аксакалами. Народъ они осѣдлый, занимаются земледѣліемъ, торговлей и ремеслами; но, въ послѣднемъ отношеніи, должны уступить болѣе развитымъ и трудолюбивымъ дунганамъ.

4) *Дунгане* — выходцы изъ сѣверо-западныхъ провинцій собственнаго Китая, гдѣ они усвоили всѣ китайскіе обычаи, знанія и языкъ, но сохранили мусульманскую вѣру предковъ, переселенцевъ изъ Туркестана. Это народъ способный, энергическій, превосходящій по развитію таранчей. Опрокинувъ власть маньчжуровъ, они желали сохранить миръ съ нами, охраняли цѣлость нашей чугучакской факторіи и не разъ предлагали возстановить торговыя связи, на что, впрочемъ, съ нашей стороны, по силѣ дружественныхъ отношеній нашихъ къ Китаю, противъ котораго они явились инсургентами, не получали отвѣта. Въ 1867 году, послѣ ссоры ихъ съ таранчами, они были побѣждены послѣдними въ Или, и часть ихъ ушла къ соплеменникамъ въ Манасъ и Урумци, а нѣкоторые остались на сѣверо-западѣ отъ Кульджи въ своихъ кентахъ, т. е. укрѣпленныхъ селеніяхъ. Подчинясь таранчамъ, они однако не сливались съ ними и даже были во враждебныхъ къ нимъ отношеніяхъ, такъ что въ 1871 году, предъ взятіемъ нами Кульджи, были отчасти вырѣзаны таранчами, и теперь ихъ не болѣе 4,700 душъ, занимающихся торговлей, садоводствомъ, посѣвомъ проса, пшеницы и отчасти даже хлопка и риса. Они живутъ нынѣ въ четырехъ селеніяхъ, изъ которыхъ главное Суйдунъ. Чугучакскіе дунгане въ 1867 году ушли изъ Тарбагатайскаго округа въ Урумци, почему Чугучакъ опустѣлъ совершенно и обратился въ развалины, изъ которыхъ жители сосѣдняго нашего селенія, Бактовъ, доставали кирпичъ на постройки. Теперь хотя онъ возобновляется по-немногу китайцами, но едва-ли привлечетъ къ себѣ дунганъ. Общее число ихъ, остающееся на всемъ описываемомъ пространствѣ, какъ видно, не превосходитъ нѣсколькихъ тысячъ, а остальные перебиты вмѣстѣ съ китайцами въ 1866—67 годахъ, или же находятся въ истребительной войнѣ

съ Якубъ-бекомъ кашгарскимъ, который въ 1871 году овладѣлъ ихъ главнымъ городомъ Урумци.

5) Другія народности, жившія до 1865 года въ китайскихъ предѣлахъ, особенно въ Или, именно *маньчжуры*, *китайцы*, *чахары*, *сибо*, *солоны*, были сильно истреблены во время инсурекціи, какъ представители китайской власти въ Чжунгаріи. Часть солоновъ и сибо перешла къ намъ и живетъ теперь на Сарканѣ, гдѣ приняла православную вѣру и зачислена въ казаки; другая, въ числѣ 15,500 душъ, находится въ Кульджинскомъ краѣ, а третья, очень немногочисленная, возвратилась къ китайцамъ, въ Тарбагатайскій округъ. Большинство послѣдней, именно 2,140 человѣкъ, пробовали въ 1870 году отправиться въ Кобдоскій округъ; но за трудностью пути вернулись осенью того же года опять на Коктумъ, а въ 1871 году перешли въ Чугугакъ вмѣстѣ съ тѣми, которые оставались на Какъ-тумѣ, въ числѣ 1,220 человѣкъ. Къ концу 1871 г. вообще изъ названныхъ пяти народностей оставалось у насъ:

Китайцевъ	3,373
Маньчжуровъ	450
Сибо, на Или	15,448
Чахаровъ.	7,476

но сколько ихъ имѣется теперь, а такъ же сколько ихъ есть въ предѣлахъ Тарбагатайскаго и Куръ-караусуйскаго округовъ, т. е. на китайскихъ земляхъ, неизвѣстно. Вѣроятно, впрочемъ, что это число не превосходитъ 4,000—5,000 душъ. На Булунь-тохоѣ и на р. Киранѣ, въ Алтайскихъ горахъ, ими основаны два городка: Булунь-тохой и Тулта.

6) *Сибирскіе татары* и *сарты*, русскіе подданные, проживаютъ, въ числѣ около 4,700 душъ, въ Вѣрномъ, Копалѣ, Кокбектахъ и особенно въ Семипалатинскѣ, а частію по ауламъ киргизовъ, гдѣ занимаются торговлею или обученіемъ киргизскихъ мальчиковъ грамотѣ. Нѣкоторые изъ бѣглыхъ коканскихъ мусульманъ, поселившихся среди нашихъ номадовъ, называются къ краѣ *челоказаками.*

7) *Русскіе* — позднѣйшіе изъ всѣхъ пришельцевъ въ прежней Чжунгаріи и нынѣ господствующій на описываемыхъ пространствахъ народъ—разселены тремя главными группами: на сѣверѣ, по Иртышу и его правымъ протокамъ; въ срединѣ, у сѣверной подошвы Чжунгарскаго Алатау, и на югѣ, у сѣверной же подошвы Заилійскаго Алатау. Кромѣ того, отдѣльныя поселенія ихъ находятся въ Кокбектахъ, на Курчумѣ, въ Зайсанскомъ постѣ, Сергіополѣ, Урджарѣ, Бактахъ и Борохудзирѣ. Большинство русскихъ принадлежитъ къ

военному сословію, солдатъ и казаковъ, изъ которыхъ послѣдніе всѣ занимаются земледѣліемъ и нерѣдко также имѣютъ значительныя стада скота. Купцовъ же и ремесленниковъ между русскими немного, и они особенно сосредоточены въ Семипалатинскѣ, Копалѣ и Вѣрномъ. Слѣдующій перечень населенныхъ пунктовъ показываетъ состояніе русской колонизаціи въ 1872 году:

a) *На Иртышѣ*, съ административными центрами въ Семипалатинскѣ и Усть-Каменогоркѣ, 36 селеній, начиная отъ форпоста Бѣлокаменскаго до Мало-Нарынскаго и до селенія Котонъ-карагай на рѣкѣ Бухтармѣ. Въ этихъ 36 селеніяхъ, съ городами въ томъ числѣ, есть русскихъ болѣе 12,500 душъ.

b) Между *Иртышемъ и Илею*, 26 селеній, съ 12,000 жителей, частью казаковъ, частью крестьянъ. Главные изъ этихъ осѣдлостей суть Зайсанскій постъ, Кокбекты, Урджаръ, Сергіополь, станица Лепсинская и городъ Копалъ.

c) *На югѣ отъ Или*, десять селеній, съ 9,000 жителями, сосредоточенными главнымъ образомъ въ станицахъ Большой и Малой Алматинскихъ, Иссыкской, Талгарской и Каскеленской, изъ которыхъ двѣ первыя образуютъ городъ Вѣрный, имѣющій вмѣстѣ съ татарской слободой, до 10,000 душъ.

Всего, съ регулярными войсками, которыя расположены въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ 12 пунктовъ, имѣется русскихъ до 37,000 душъ; изъ нихъ, впрочемъ, не болѣе 12,000 на обширномъ пространствѣ между Иртышемъ и Илею, почему нынѣ обращено вниманіе на усиленіе русской колонизаціи въ этихъ мѣстахъ. Замѣтимъ вообще, что чжунгарская окраина у насъ населена лучше всѣхъ прочихъ степей, отчасти потому, что здѣсь много высокихъ горъ и, слѣдовательно, подгорныхъ оазисовъ, отчасти по той причинѣ, что здѣсь съ самаго начала колонизаціи мы приходили въ торговыя связи съ осѣдлымъ населеніемъ сосѣднихъ китайскихъ провинцій; ибо эти связи упрочивали положеніе нашихъ колонистовъ и привлекали новыхъ. Наконецъ заилійскія поселенія, возникшія послѣ другихъ, много обязаны своимъ процвѣтаніемъ разнымъ временнымъ покровительственнымъ мѣрамъ и счастливому положенію ихъ на торговомъ распутьѣ между Кульджею, Ташкентомъ, Кашгаромъ и Семипалатинскомъ.

Вообще изъ русскихъ поселеній заслуживаютъ вниманія:

Семипалатинскъ, на правомъ берегу Иртыша, съ 14,000 жителей, исходный путь дорогъ, ведущихъ на Алтай, въ Кобдо, въ Чугучакъ и, чрезъ Копалъ, въ Кульджу и Вѣрный. Въ 1850-хъ годахъ онъ

велъ значительную торговлю съ Чугучакомъ; но теперь его купцы, главнымъ образомъ татары, занимаются почти исключительно мелочною торговлею въ степи.

Зайсанскій постъ — передовой пунктъ нашъ въ сѣверной половинѣ Чжунгаріи, довольно быстро развившійся до степени порядочнаго селенія.

Копалъ — городъ съ 4,200 жителей — средоточіе подгорнаго оазиса Чжунгарскаго Алатау.

Ст. Лепсинская — самая большая земледѣльческая русская колонія въ пространствѣ между Иртышемъ и Или, жители которой, если бы не были преданы пьянству, могли бы быть очень зажиточны.

Вѣрный — городъ, возникшій не далѣе какъ въ 1855 году, но сдѣлавшій большіе успѣхи и въ послѣднее время и имѣющій уже отчасти каменныя постройки. Центръ нашихъ военныхъ силъ и средствъ въ Пріилійскомъ краѣ, съ порядочнымъ укрѣпленіемъ, казармами, госпиталемъ и проч. Много лавокъ, двѣ церкви, садъ; мѣстопребываніе православнаго архіерея.

Кульджа, старая или таранчинская, на правомъ берегу Или, въ центрѣ довольно густозаселеннаго оазиса, съ 4,000 собственныхъ жителей,—средоточіе теперешняго управленія Кульджинскимъ округомъ, хотя при китайцахъ для этого служила новая или маньчжурская Кульджа, большой городъ, быть можетъ съ 60,000 жителей, большею частію истребленныхъ во время возстанія или разбѣжавшихся.

У китайцевъ пока нѣтъ заслуживающихъ вниманія городовъ и мѣстечекъ, потому что *Чугучакъ* едва возникаетъ изъ развалинъ. Куръ-кара-гусу остается разрушеннымъ, *Булунь-тохой* и *Тулта* (резиденція чаганъ - кегеня) очень ничтожны, а *Шихо* и *Дахіанза*, два селенія, возникшія изъ остатковъ китайскаго населенія Илійскаго округа, суть не болѣе какъ скопленія нѣсколькихъ бѣдныхъ домовъ.

Къ исчисленнымъ народностямъ, для полноты обзора, можно еще присоединить небольшое число *урянховъ*, разсѣянныхъ въ южныхъ частяхъ алтайской горной страны. Они живутъ по рѣкамъ, текущимъ справа въ Черный Иртышъ, и очень малочисленны. Затѣмъ все населеніе описываемаго пространства представитъ намъ, въ окончательныхъ итогахъ, слѣдующее:

Киргизовъ	580,000
Калмыковъ	320,000
Монголовъ-чахаровъ и маньчжуровъ .	8,500
Таранчей въ Кульджинскомъ округѣ .	38,200
Татаръ и сартовъ въ Семипалатинской и Семирѣченской областяхъ . . .	4,700
Дунганъ	4,700
Китайцевъ	4,000
Солоновъ и сибо	16,000
Урянховъ, вѣроятно менѣе тысячи . .	?
Русскихъ	37,000
Итого	1,009,100

Если вѣрить китайскимъ извѣстіямъ, что въ 1756 году было истреблено войсками Срединнаго царства именно столько же народа, составлявшаго почти все населеніе Чжунгарскаго царства, и что затѣмъ даже вѣковая колонизація, соединенная съ обработкой земель, не привела къ большей цифрѣ, то можно сказать, что въ эпоху сколько-нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній чжунгарское пограничное пространство не заключало въ себѣ болѣе 1,100,000—1,200,000 жителей. И, судя потому, что нынѣ уже не осталось почти свободныхъ земель, годныхъ для обработки, надо допустить, что эта цифра есть *предѣльная* для страны, которая однако въ полтора раза болѣе Франціи. Таково вліяніе непроизводительности почвы, зависящее, въ свою очередь, отъ сухости климата. Лучшая по плодородію часть страны есть Кульджинскій округъ, и тамъ мы видимъ наибольшую густоту населенія, хотя густоту весьма относительную, ибо на квадратную милю приходится не свыше 127 душъ. Экономическое состояніе населенія также доказываетъ, что край принадлежитъ къ весьма бѣднымъ, какъ видно изъ слѣдующаго. Главную и почти единственную промышленность страны составляетъ *скотоводство*. Если принять за основу наши официяльныя счисленія скота въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣченской, въ которыхъ на пространствѣ семи уѣздовъ живетъ около 480,000 киргизовъ, то все 900-тысячное кочевое населеніе края имѣетъ около 900,000 головъ крупнаго скота (лошадей, коровъ, верблюдовъ) и 4,000,000 овецъ, т. е. по одной крупной и по 4½ мелкихъ скотины на душу. Переводя это въ деньги, по самымъ высшимъ среднимъ цѣнамъ, 25 руб. за крупную и 2 рубля за мелкую скотину, мы получимъ, что всѣ достатки кочевого населенія страны прости-

раются въ капиталѣ до 31,000,000 руб., по $34^1/_2$ рубля на душу.

Если даже допустить, что взамѣнъ ничтожности этого капитала процентъ съ него — въ видѣ кумыса, сыра, шерсти, овчинъ, сала, и пр. — очень великъ, напримѣръ $^1/_4$ стоимости всего имущества (25%, что невѣроятно), то все же мы получимъ годового дохода (пусть даже онъ весь считается за чистый) не болѣе $8^1/_2$ рублей на душу или 40 рублей на семью. Самый бѣдный латышъ или бѣлоруссъ является капиталистомъ передъ такимъ пролетаріемъ Средней Азіи.

Конечно, кочевники имѣютъ, кромѣ доходовъ отъ стадъ, нѣкоторыя выручки отъ другихъ занятій, напримѣръ отъ хлѣбопашества, отъ перевозки кладей, отъ нѣкоторыхъ ремеслъ: но все это есть уже доходъ придаточный и рѣдко значительный. Притомъ онъ едва въ состояніи покрывать тѣ потери, которыя номады часто терпятъ отъ падежа скота, при буранахъ и гололедкѣ зимою или при сибирской язвѣ, сапѣ и пр. лѣтомъ. Вотъ почему мы видимъ, что, несмотря на ознакомленіе, около русскихъ и китайцевъ, со многими завлекательными улучшеніями быта, кочевой среднезіятецъ не ввелъ у себя этихъ улучшеній: они выше его средствъ, выше способовъ, которые ему доставляетъ родная почва. И какъ на увеличеніе производительности этой почвы нѣтъ пока надеждъ, то бѣдность есть вѣчный удѣлъ массы всякаго кочевого населенія. И если еще осѣдлые пришельцы займутъ всѣ земли, годныя подъ пашни, то есть всю почву сколько-нибудь производительную, то номады должны будутъ сильно уменьшиться въ числѣ, потому что имъ и стадамъ ихъ придется плохо. О томъ же, какъ далекъ этотъ моментъ отъ нашего времени, можно отчасти судить потому, что на пространствѣ Семирѣченской области (6,300 квадратныхъ миль) мѣстныя власти въ 1871 году не нашли свободныхъ земель болѣе, какъ на 1,800 семей.

Послѣ скотоводства главный промыселъ населенія есть *хлѣбопашество*, которымъ, конечно, занимаются, главнымъ образомъ, осѣдлыя племена, таранчи, дунгане, китайцы и русскіе, и лишь отчасти киргизы и калмыки *). Что урожаи въ мѣстахъ обильно орошаемыхъ выходятъ хороши (самъ 15—20 и 30), это справедливо;

*) Киргизское хлѣбопашество болѣе всего развито въ уѣздахъ Зайсанскомъ, Копальскомъ и Вѣрненскомъ, а калмыцкое вблизи Алтая и Тарбагатая. Кромѣ названныхъ племенъ, къ земледѣльцамъ можно причислить солоновъ и сибо.

но что количество хлѣба для *всего* населенія далеко недостаточно, это доказывается сборами съ пашенъ у киргизовъ и самыми цѣнами на хлѣбъ. Въ Зайсанскомъ приставствѣ, гдѣ земледѣліе наиболѣе развито, изъ 10,000 семействъ киргизовъ занимаются воздѣлываніемъ почвы не болѣе 950, и они почти ничего не продаютъ на сторону, а весь урожай потребляютъ сами; остальныя 9,000 семействъ, стало быть, живутъ однимъ скотоводствомъ. Цѣны на хлѣбъ въ обѣихъ нашихъ областяхъ, за пять лѣтъ (1866—1870), были, среднимъ числомъ, 7 руб. 30 коп. за четверть въ девять пудовъ ржи, несмотря на то, что *вывоза* за предѣлы страны нѣтъ, населеніе нигдѣ не сгущено массами и что въ сосѣдней Тобольской губерніи рожь обходилась казнѣ не свыше 4 руб. 87 коп., а въ Томской 5 руб. 50 коп. И какъ, по самой щедрой оцѣнкѣ, на всемъ пространствѣ отъ Иртыша до Тань-шаня и отъ Балхаша до верховій Или и Чернаго Иртыша есть едва-ли болѣе 300 кв. миль земель годныхъ подъ пашни, то очевидно, что широкаго развитія хлѣбопашество никогда не получитъ, а цѣны на хлѣбъ все будутъ расти вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія.

Другіе промыслы въ краѣ, кромѣ хлѣбопашества и скотоводства, почти ничтожны. Небольшіе избытки русскаго хлѣба находятъ сбытъ на винокуренныхъ заводахъ въ станицѣ Лепсинской и въ городѣ Вѣрномъ. Массы же овчинъ, сала и бычачьихъ шкуръ идутъ вонъ изъ края, гдѣ обрабатывать ихъ не умѣютъ и гдѣ носятъ обувь изъ Кунгура или Ташкента, жгутъ свѣчи изъ Петропавловска или Екатеринбурга и одѣваются въ сукно, привозимое изъ Европейской Россіи.

Лѣсоводство въ краѣ невозможно, за исключеніемъ мѣстъ гористыхъ, гдѣ однако лѣса не только не разводятся, а дѣятельно уничтожаются, не смотря на запрещеніе. Въ равнинахъ лѣсъ встрѣчается только у Хоргоса и вообще въ сѣверо-западной части Кульджинскаго округа; но здѣсь онъ разведенъ искуственно, при помощи орошенія.

Второстепенныя занятія: садоводство (кромѣ Кульджинскаго округа), пчеловодство, разведеніе цѣлебныхъ и красильныхъ растеній и проч. почти ничтожны по размѣрамъ. Винодѣліе невозможно по климату, хотя виноградъ и есть на Или.

Одни приготовленіе войлоковъ и рыбныя ловли на Зайсанѣ, Ала-кулѣ и Балхашѣ имѣютъ будущность; но зайсанское рыболовство уже почти не принадлежитъ краю, ибо имъ пользуются люди, живущіе на сѣверъ отъ Иртыша; туземцы же очень немного.

Тканей, вообще всѣхъ мануфактурныхъ издѣлій страна не производитъ никакихъ, получая ихъ изъ Россіи, Туркестана, а въ прежнее время и изъ Китая.

Рудныя багатства разработываются въ двухъ мѣстностяхъ: въ бывшемъ Кокбектинскомъ округѣ (золото, свинецъ, мѣдь) и въ Кульджинскомъ (свинецъ, желѣзо, мѣдь, каменный уголь); но все это въ размѣрахъ незначительныхъ, такъ какъ въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣченской на всѣхъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ не болѣе 1,500 рабочихъ, а въ Кульджинскомъ округѣ даже гораздо менѣе, хотя тамъ добывается отъ 600 до 800,000 п. угля. Впрочемъ добываніе послѣдняго и серебро-свинцовыхъ рудъ можетъ увеличить число горнопромышленнаго народа еще на нѣсколько сотъ или даже тысячъ человѣкъ, но вообще расширеніе руднаго промысла возвыситъ цѣну на топливо, которое и безъ того дорого.

Все это приводитъ къ заключенію, что Чжунгарское пограничное пространство, по самымъ кореннымъ свойствамъ своей природы, есть страна неспособная давать значительныхъ доходовъ. Во времена китайскаго владычества въ Илійскомъ округѣ, лучшей части всей страны, пекинское правительство даже было постоянно въ убыткѣ отъ этого владѣнія, и неизвѣстно еще, будетъ ли оно, при правильномъ устройствѣ администраціи, приносить доходъ намъ.

Военный обзоръ.

Изъ предъидущихъ данныхъ, топографическихъ и экономическихъ, не трудно вывести слѣдующія положенія, важныя съ военной точки зрѣнія:

1) Все пограничное пространство чжунгарскаго участка, какъ съ нашей стороны, такъ и съ китайской, есть степь съ значительнымъ, впрочемъ, числомъ оазисовъ. Внѣ оазисовъ, лежащихъ подъ горами, военныя дѣйствія сколько-нибудь значительными массами войскъ неудобны.

2) Государственная граница на столько длинна, что единство управленія военными силами, дѣйствующими на ней, въ строгомъ смыслѣ, недостижимо, по крайней мѣрѣ до повсемѣстнаго устройства телеграфовъ. Но какъ эта граница все же отдѣляетъ насъ отъ *одного* государства, то единство высшей военной власти на ней не только желательно, но даже необходимо. Особенно важно это единство потому, что незначительность тѣхъ военныхъ силъ, которыя Россія въ состояніи держать въ названныхъ мѣстностяхъ.

нужно вознаграждать искуснымъ расположеніемъ ихъ, согласованіемъ дѣйствій и изворотливостью, которыя достижимы лишь при единствѣ власти.

3) Очертаніе (configuration) границы неблагопріятно для ея охраненія, ибо есть значительныя отступленія отъ прямой, т. е. кратчайшей линіи. Особенно неудобна, въ этомъ смыслѣ, пріобрѣтенная въ 1869 году часть территоріи на югѣ отъ Зайсана, потому что для охраны ея съ трехъ сторонъ необходимо держать значительные отряды въ этой мѣстности, а мѣстность почти ничего не производитъ и, слѣдовательно, никогда не будетъ вмѣщать въ себѣ большого осѣдлаго населенія, которое бы само защищало край и содѣйствовало удешевленію продовольствія войскъ.

4) Естественная бѣдность всей вообще страны между Алтаемъ и Тянь-шанемъ причиною, что здѣсь никогда нельзя будетъ имѣть значительнаго числа войскъ. Конечно, пока туземцы, покоренные нами и Китаемъ, остаются невѣжественными и неискусными въ военномъ дѣлѣ, это не представляетъ большой опасности; но ежели они образуются и затѣятъ общее дѣло, то положеніе этой части границы можетъ сдѣлаться затруднительнымъ.

5) Даже не предполагая поголовнаго возстанія, необходимо имѣть въ виду, что туземцы, хотя и подданные, не только не составляютъ вспомогательной силы на случай войны, но именно тогда-то потребуютъ за собой усиленнаго надзора, потому что, по хищной своей природѣ, безнаказанно могутъ собираться мелкими шайками и дѣлать нападенія на транспорты, на станціи въ степи и даже на населенные пункты, незанятые войсками. Запасовъ же для войскъ, кромѣ скота, они никакихъ доставлять не въ состояніи. Это замѣчаніе вообще примѣнимо ко всѣмъ нашимъ степнымъ владѣніямъ.

6) Главные театры возможныхъ военныхъ дѣйствій обозначены самою природою: это долины Или, Эмиля и Чернаго Иртыша. Первая изъ нихъ, впрочемъ, принадлежитъ намъ, въ настоящее время, сполна, и какъ она обставлена со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, горами, то можно только желать, чтобы ея южная, восточная и сѣверная границы стали окончательно государственнымъ рубежемъ.

7) Въ долинѣ Эмиля или, правильнѣе, въ бассейнѣ Ала-куля, важнѣйшія въ военномъ отношеніи мѣстности суть подгорія Чжунгарскаго Алатау и Тарбагатая, особенно урочища Кантагай, Бакты и Чаганъ-обо. На нихъ слѣдуетъ держать, и отчасти дѣйстви-

тельно содержатся, отряды, чтобы защищать даже въ мирное время нашу степь отъ вторженія хищныхъ кызаевъ, байджигитовъ и торгоутовъ.

8) Въ долинѣ Чернаго Иртыша Зайсанскій постъ удовлетворяетъ до извѣстной степени требованіямъ опорнаго пункта для дѣйствій въ окрестности мѣстности; но онъ слишкомъ отдаленъ отъ иртышской линіи и сосѣднихъ нашихъ станицъ и укрѣпленій, почему можетъ подвергнуться нѣкоторой опасности, тѣмъ болѣе, что лежитъ не на самомъ Черномъ Иртышѣ, гдѣ была бы возможность сообщенія водою, а въ сторонѣ.

9) Бухтарминская долина не лишена важности въ случаѣ движенія на Кобдо, ибо она представляетъ не только кратчайшую, но и удобнѣйшую дорогу туда.

10) По всѣмъ путямъ поперекъ границы отряды могутъ двигаться только съ вьюками и лишь мѣстами съ колеснымъ обозомъ. Базисами для ихъ движеній, очевидно, могутъ служить, главнымъ образомъ, пункты на большой дорогѣ изъ Семипалатинска въ Вѣрный, т. е. пункты, лежащіе, во-первыхъ, на разстояніи 150 — 250 верстъ отъ границы, во-вторыхъ, связанные между собою одною дорогою, малонаселенною и проходящею черезъ кочевья номадовъ, которыхъ преданность очень условна. И эта дорога, по которой одной мы можемъ направлять наши вспомогательныя средства въ край, идетъ не перпедикулярно къ границѣ извнутри государства, а параллельно граничной чертѣ, съ лѣваго ея фланга. Вотъ почему, если со стороны Китая послѣдуетъ нападеніе въ бассейнѣ Иртыша или Эмиля, то все пространство, къ югу лежащее, будетъ разобщено съ имперіею, ибо на связь съ Сыръ-дарьинскою областью много разсчитывать невозможно. Только теперешняя слабость Китая, временно, отнимаетъ значеніе у этого замѣчанія и облегчаетъ наши задачи при оборонѣ чжунгарскаго фронта границы.

11) Изъ предъидущаго видно, что военныя силы наши на этомъ фронтѣ должны быть на столько значительны, чтобы могли дѣйствовать самостоятельно, и притомъ нѣсколькими отрядами. По свойству возможнаго непріятеля, необходимо въ составѣ ихъ имѣть достаточно кавалеріи; но самые отряды, конечно, могутъ быть малочисленны.

12) На каждомъ изъ трехъ возможныхъ театровъ войны къ сторонѣ Чжунгаріи, т. е. у подножія Небесныхъ горъ и въ долинахъ Эмиля и Иртыша, необходимо имѣть для базиса укрѣпленіе; кромѣ того, для связи Эмильскаго бассейна съ Илійскимъ, еще одно про-

межуточное. Это и достигнуто уже устройствомъ Зайсанскаго поста Сергіополя, Копала и Вѣрнаго. На Или есть, кромѣ того, тетъ-денонъ, у переправы черезъ нее близъ устья рѣки Талгара. Въ Кульджинскомъ же округѣ многія селенія обнесены глиняными стѣнами.

Изложенныя здѣсь соображенія, естественно, уже приняты въ расчетъ при распредѣленіи нашихъ военныхъ силъ и средствъ въ областяхъ Семипалатинской и Семирѣченской, а потому подробности этого распредѣленія здѣсь опускаются.

Управленіе военными силами раздѣлено между двумя военными губернаторами, семипалатинскимъ и семирѣченскимъ, и изъ нихъ первый подчиненъ командующему войсками Западно-Сибирскаго округа въ Омскѣ, а второй Туркестанскаго, въ Ташкентѣ: раздѣленіе не во всѣхъ случаяхъ выгодное и не существовавшее до 1867 г.

Военно-учебныхъ (не считая омской военной гимназіи и прогимназіи) и военно-техническихъ учрежденій въ краѣ нѣтъ никакихъ; для исправленія артиллеріи войска должны обращаться или въ Омскъ или въ Ташкентъ, а ручное оружіе, для важныхъ поправокъ, отсылать даже въ Европейскую Россію.

Порохомъ войска снабжаются изъ Казани (2,500—3,500 верстъ), снаряды получаютъ съ Урала (1,700—2,700 верстъ).

Артиллерійскіе и инженерные запасы находятся въ Усть-Каменогорскѣ, Сергіополѣ, Копалѣ и Вѣрномъ, но всѣ они невелики. Укрѣпленія существуютъ: въ Усть-Каменогорскѣ (упразднено, но верки цѣлы), въ Сергіополѣ, Копалѣ, на Или (мостовое, на лѣвомъ берегу), въ Вѣрномъ и въ нѣсколькихъ пунктахъ Кульджинскаго округа, гдѣ многія селенія (кенты) и городъ Кульджа имѣютъ стѣны среднеазіятской постройки.

Военныя больницы, разныхъ наименованій, находятся въ Семипалатинскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Кокбектахъ, Бактахъ, Копалѣ, Вѣрномъ и Кульджѣ; важнѣйшія изъ нихъ въ Семипалатинскѣ и Вѣрномъ.

Провіантскіе магазины расположены: въ Семипалатинскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Кокбектахъ, Котонъ-Карагаѣ, на Зайсанскомъ посту, на пикетахъ Джерташскомъ и Альджанъ-адыровскомъ—Семипалатинской области; въ Сергіополѣ, на Бактахъ, на Басканѣ, въ станицѣ Лепсинской, въ Копалѣ, на пикетѣ Царицынскомъ, на Борохудзирѣ, на Или, въ Вѣрномъ, въ Кульджѣ, на Текесѣ—Семирѣченской области. По сложности послѣднихъ пяти лѣтъ ($18^{66}/_{71}$), для нихъ заготовлялось ежегодно:

Муки . .	27,000	четвертей	по	средней	цѣнѣ	7 р.	30 к.	за четверть.
Крупъ . .	3,700	»	»	»	»	8 »	52 »	» »
Овса . .	26,700	»	»	»	»	3 »	57 »	» »
Сѣна . .	87,000	»	»	»	»	— »	10 »	» пудъ.

Приварочныя деньги отпускаются въ Семипалатинской области по двѣнадцати рублей серебромъ въ годъ на человѣка, а въ Семирѣченской по девяти рублей. Офицеры довольствуются жалованьемъ по усиленному окладу, какъ и вездѣ въ степяхъ.

Вещевыхъ интендантскихъ складовъ нѣтъ въ краѣ, а войска получаютъ предметы одежды и аммуниціи изъ Омска и Ташкента, причемъ обходится казнѣ:

Аршинъ солдатскаго сукна	1 рубль	45 к.	
» бумажнаго холста на рубашку (такъ называемой маты, въ Семирѣченской области) . . .	— »	22 »	
Сапожный товаръ на пару, т. е. голенищи, переда и подошвы . .	1 »	72 »	

Перевозка тяжестей удобнѣе и дешевле всего совершается весною и осенью, и тогда на сто верстъ съ пуда можно имѣть—по тракту между Семипалатинскомъ и Вѣрнымъ—возчиковъ за десять или одиннадцать копеекъ; но лѣтомъ, а особенно зимою, цѣны возвышаются. То же бываетъ при неурожаяхъ травъ и овса въ степи во всякое время года.

Мусульманское возстаніе въ Монголіи и Чжунгаріи.

Въ заключеніе настоящаго обзора Чжунгарскаго пограничнаго пространства и для поясненія политическаго состоянія его, а равно и китайскихъ владѣній въ пограничныхъ тамъ частяхъ Монголіи, приведемъ слѣдующія свѣдѣнія о возмущеніи дунганей и вообще мусульманъ въ этихъ странахъ, которое имѣло самое рѣшительное вліяніе на современное ихъ состояніе.

Возстаніе тайпинговъ, значительно уже ослабившее Китай и опустошившее его внутреннія провинціи Ань-хой, Шань-дунь, Цзяньсу, Чже-цзянъ, Цзянъ-си, Ху-бей, Ху-нань и Куанъ-си, было еще въ самомъ разгарѣ (1857—62), когда вспыхнулъ цѣлый рядъ инсуррекцій на западныхъ окраинахъ Китайской имперіи. Характеры этихъ мятежей были, однако, различны, а потому тайпинги и пограничные инсургенты (пинфеи, дунгане) почти никогда не сливались, не дѣйствовали совокупно, и это, быть можетъ, спасло Китай-

ское государство от распаденія. Тайпинги прежде всего считали себя патріотами, чисто китайскою партіею, стремившеюся изгнать изъ Срединнаго царства пришельцевъ-маньчжуръ и возстановить національность царствующей династіи; инсургенты-магометане, напротивъ, стремились избавиться отъ владычества именно китайцевъ, къ которымъ питаютъ непримиримую религіозную ненависть. Тайпинги проповѣдывали введеніе новаго вѣроученія; инсургенты-магометане твердо стояли за старинный исламъ. Кромѣ того, и во внѣшнемъ ходѣ обоихъ междоусобій была значительная разница. Тайпинги составляли одно цѣлое, подъ властію «Небеснаго царя»; они дѣйствовали большими массами, составленными изъ людей разныхъ провинцій; они дѣлали дальніе походы, почти до самаго Пекина; ноифеи и дунгане постоянно были раздроблены, ибо не удалялись отъ своихъ мѣсторожденій, разбросанныхъ отдѣльно группами по сѣверо-западу Небесной имперіи; они никогда не имѣли одного общаго вождя, а только сражались во имя общей идеи.

Мусульмане подняли оружіе противъ Китая почти одновременно (1857—63 г.) въ четырехъ разныхъ мѣстностяхъ: въ Юнь-нани, въ Гань-су, въ Восточномъ Туркестанѣ и въ Чжунгаріи. Но только въ первой провинціи они успѣли почти съ самаго начала мятежа образовать временную монархію подъ владычествомъ султана Сулеймана, проживавшаго въ Да-ли-фу. *); въ прочихъ же мѣстностяхъ отдѣльныя мусульманскія общины, по мѣрѣ освобожденія отъ китайской власти, сопровождавшагося истребленіемъ мѣстныхъ китайцевъ и маньчжуръ, по долгу оставались жить самостоятельными мелкими групами. И только тамъ, гдѣ дунгане должны были уступить господство туркестанцамъ (таранчамъ), образовались, съ теченіемъ времени, еще два государства: Джитышаръ, подъ властію пришельца-завоевателя Якубъ-бека, и Кульджа, подъ властію выборнаго султана Абиль-огля, подобнаго Сулейману далифускому.

Не входя въ разборъ историческихъ судебъ мусульманскаго возстанія, а останавливаясь только на близкой современности, замѣтимъ, что къ началу 1870 года оно представляло слѣдующее: юньнаньская група обособилась совершенно и поддерживалась только труднодоступностью горной мѣстности, надъ которой царствовалъ Сулейманъ. Въ Гань-су шла наиболѣе настойчивая борьба противъ китайцевъ, часто терпѣвшихъ пораженія. Города Синипъ-фу,

*) Монархія эта разрушена китайцами не ранѣе 1872 года.

Да-тунъ, Гань-чжеу, Хо-чжеу и другіе составляли центры мятежниковъ, которые отсюда вторгались и въ Шень-си, гдѣ, наконецъ, были въ 1870 году разбиты Цзо-цзунъ-таномъ. Въ Урумци управлялъ выборный старшина Лотай, въ Кашгарѣ — Якубъ-бекъ, въ Кульджѣ — Абиль-огля, слабый, боявшійся русскихъ, и потому готовый подчиниться Якубъ-беку кашгарскому, который въ теченіе шести лѣтъ успѣлъ объединить почти весь Восточный Туркестанъ (за исключеніемъ Хами). Въ 1871 году безпорядки, поддерживаемые кульджинскими магометанами среди нашихъ киргизовъ, и дерзкій тонъ султана, по отношенію къ нашимъ пограничнымъ властямъ, вынудили насъ къ завоеванію Кульджи. Якубъ-бекъ въ 1872 году вступилъ съ нами въ правильныя международныя сношенія и, слѣдовательно, пересталъ (для насъ) быть инсуррекціоннымъ вождемъ. Такимъ образомъ, въ 1872 году, въ одной лишь пограничной съ Россіею части Китайской имперіи, Монголіи, безпорядки, возбужденные мусульманскою инсуррекціею, не утихали. Объ нихъ-то и излагаются здѣсь свѣдѣнія, извлеченныя изъ донесенія ургинскаго консула Шишмарева въ Азіятскій департаментъ отъ 29 февраля 1872 года, изъ записки генеральнаго штаба подполковника Барабаша и изъ новѣйшихъ извѣстій, полученныхъ черезъ Западную Сибирь и Пекинъ.

Главные исходные пункты безпорядковъ въ Монголіи суть: Сининъ-фу, Гань-чжеу, Су-чжеу, Да-тунъ, Хо-чжеу и окрестности этихъ городовъ по рѣкамъ Сэлэнъ, Датунъ, Бэй-чуань, Таолай, Хунъ-шуй, Эцзине-голъ, почти до г. Ань-си. Здѣсь являются перерывъ: Ань-си и Хами находятся въ рукахъ китайцевъ, и еще зимою 1870 — 71 годовъ тутъ проѣхало изъ сѣверной Монголіи нѣсколько богомольцевъ въ Тибетъ, хотя въ 1872 году халкасскіе послы, собиравшіеся въ Хлассу за кутухтою для Урги, предпочитали путь на Пекинъ и Сычуань.

Отъ Хами къ западу лежитъ второй раіонъ возстанія, съ центромъ въ Урумци.

Между Сининъ-фу и Ань-си почти полная анархія и безурядица. Жители городовъ еще ведутъ торговлю и занимаются хлѣбопашествомъ; но окрестности ихъ, а въ особенности по рѣкамъ Сэлэнъ, Датунъ, Бэй-чуань и Таолай, наполнены грабителями. Не малый приливъ послѣднихъ былъ послѣ разбитія мятежниковъ на западной границѣ Шень-сійской губерніи Цзо-цзунъ-таномъ. Всѣ почти китайскія поселенія тутъ истреблены, жители вырѣзаны,

а постройки обращены въ развалины. Только случайно маленькій городокъ Дань-горъ, между Датуномъ и Синпнъ-фу, уцѣлѣлъ.

Общаго центральнаго правительства у инсургентовъ нѣтъ. Дѣйствующія власти суть ахуны, какъ духовныя лица, имѣющія вліяніе на народъ; но власть ихъ шатка, и они потворствуютъ грабежамъ или даже поощряютъ ихъ. Большимъ значеніемъ пользуются ахунъ города Су-чжеу и ахунъ Эйцза въ городѣ Датунѣ. Послѣдній, какъ говорятъ, ведетъ дѣла такъ, чтобы при первомъ случаѣ можно было заявить покорность китайскому правительству. въ нѣкоторыхъ городахъ остаются китайскіе чиновники, безъ всякой власти, и солдаты, какъ хладнокровные наблюдатели происходящаго, подъ условіемъ сидѣть смирно. Случается, что китайскихъ чиновниковъ заставляютъ писать рапорты въ Пекинъ съ просьбою о деньгахъ, и послѣднія высылаются правительствомъ. Города Лянь-чжеу и Чжуанъ-ланъ управляются китайскими чиновниками, хотя кругомъ ихъ бродятъ разбойники. Лянь-чжеу даже имѣетъ обширное хлѣбопашество и снабжаетъ провіантомъ Ланъ-чжеу-фу, главный городъ губерніи Гань-су.

Въ сѣверную Монголію мусульманскіе инсургенты впервые явились въ 1869 году изъ Гань-су; они занимались тогда лишь мелкими грабежами въ южной части Халки. Въ 1870 году составилась уже масса въ 3,000 человѣкъ, часть которой проникла до резиденціи Соинъ-нояна и разорила ее вмѣстѣ съ богатымъ монастыремъ Ламынъ-гегень и множествомъ ламайскихъ кумиренъ. Затѣмъ были сдѣланы движенія: на Ургу (неудавшееся) и на Улясутай; въ октябрѣ 1870 года послѣдній былъ разграбленъ. Въ слѣдующемъ году вторженія начались съ мая мѣсяца и опирались, повидимому, на единомышленниковъ среди монголовъ, изъ которыхъ у одного найдена была записка, извѣщавшая о планѣ инсургентовъ вторгнуться въ хошунъ Мергенъ-вана. Несмотря на казни многихъ монголовъ въ Ургѣ и на высылку охранительныхъ отрядовъ въ хошунъ Мергенъ-вана, грабежъ послѣдняго состоялся, но при отступленіи мятежники были отчасти разбиты и лишились доли награбленнаго. Въ августѣ вторженіе повторилось, и на этотъ разъ шайка въ 1,000 человѣкъ направилась на Ургу (гдѣ между тѣмъ былъ уже нашъ отрядъ изъ 2 ротъ, 1 сотни и 2 орудій). Но двинутыми противъ нея монгольскими отрядами: Бокеочира, 600 чел., изъ Урги, гуна-Чимита, 300 чел., изъ Эрденицзао, и Дорджи, 700 человѣкъ, съ рѣки Туя, была окружена и спаслась только по оплошности, а можетъ быть и за измѣною,

одного изъ названныхъ начальниковъ. Въ 1872 году, послѣ занятія нами Кульджи, а Якубъ-бекомъ Урумци и послѣ высылки многихъ подкрѣпленій въ Монголію изъ Китая, положеніе дѣлъ китайцевъ улучшилось. Они усилились въ Ань-си, Хами, Баркулѣ, Улясутаѣ, Кобдо, Ургѣ, такъ что нашъ отрядъ изъ послѣдней былъ выведенъ какъ ненужный. Китайскіе отряды были выдвинуты изъ Баркуля на западъ къ Гу-чэну и изъ Кобдо на юго-западъ къ развалинамъ Куръ-кара-усу; Чугучакъ хоть отчасти возстановленъ, но дерзость инсургентовъ остается необузданною, и въ концѣ 1872 г. шайка ихъ, въ 300 чел., разграбила Кобдо, причемъ полутoратысячный китайскій гарнизонъ спрятался въ крѣпости. Едва ли не болѣе прочные успѣхи сдѣлали китайцы на Желтой рѣкѣ, гдѣ около Нинъ-ся, ими возобновлены земледѣльческія колоніи, бывшія въ разрушеніи отъ прежнихъ набѣговъ дунганъ. Но какихъ средствъ это стоило Срединному царству и надолго ли обезпечило его и подвластную ему обыкновенно мирную Монголію отъ повторенія событій 1857 — 72 годовъ, — этого сказать невозможно. По даннымъ относящимся къ началу 1872 года, китайскія военныя силы въ Монголіи, не считая Ань-си, Баркуля и Хами, простирались до 9,900 чел.; въ томъ числѣ собственно китайцевъ было 3,900 (въ Ургѣ, Улясутаѣ и Кобдо), солоновъ 2,000 (въ Хуку-хотонѣ), чахаровъ 1,000 (на р. Туѣ) и калмыковъ 1,000 (въ Улясутаѣ). Теперь дислокація и самая численность войскъ измѣнились, потому что весною 1873 г. двинута въ Гань-су и далѣе на западъ тридцатитысячная армія регулярныхъ войскъ изъ Чжи-ли, гдѣ она получила европейское вооруженіе и обученіе. Повидимому, передовыя ея части уже достигли Баркуля и Хами, такъ что китайцы начинаютъ помышлять объ изгнаніи изъ Урумци и Турфана войскъ Якубъ-бека.

Матеріалы:

Іакинфъ: Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана.
Риттеръ: Землевѣдѣніе Азіи, томы 2 и 3 русскаго перевода.
Влангали: Геогностическая поѣздка въ ю.-в. часть Киргизской степи.
Семеновъ: статьи въ Географ. Словарѣ Рос. Имперіи.
Голубевъ: Объ Алакулѣ и др. статьи въ З. Г. Общ.
Валихановъ: Очерки Джунгаріи, тамъ же.
Бабковъ: О Балхашѣ и разныя статьи объ Алтаѣ.
Радловъ: О населеніи Илійскаго округа.
Струве и *Потанинъ*: статьи о южн. Алтаѣ и Тарбагатаѣ въ З. Р. Г. Об.

Венюковъ: О населеніи Чжунгарскаго погр. простр. и Кульджинскаго округа въ И. Р. Г. О. 1872.

Абрамовъ: О Копалѣ, Вѣрномъ, Лепсинской ст. и пр.

Матусовскій: Записки объ экспедиціяхъ въ Улясутай и на Эмиль.

Шепелевъ: О Мусартскомъ проходѣ.

Сосновскій: Отчетъ объ экспедиціи къ озеру Улюнгуру (рукопись).

» Спеціальная карта Западной Сибири.

» Карта Туркестанскаго военнаго округа, изд. въ 1873.

Захарова: Карты Чжунгаріи и Тянь-шаня.

Клапрота: Asie Centrale.

Бабкова: Карта государственной границы на Алтаѣ и въ Тарбагатаѣ.

Шепелева и *Поздина*: Карта Кульджинскаго округа 1771 г.

Съемки Кульджинскаго округа въ 1872 г.

Разныя рукописи Азіатскаго Отдѣл. Главнаго Штаба.

Туркестанскій ежегодникъ 1872 г. Русскій Туркестанъ, Туркестанскія Вѣдомости.

Девятый участокъ: Тянь-Шаньскій.

Когда въ половинѣ нашего вѣка русскіе впервые появились на югѣ отъ р. Или и начали мало-по-малу утверждаться тамъ, они имѣли на востокѣ и на югѣ нынѣшней Семирѣченской области пограничными землями владѣнія одной Китайской имперіи. И хотя до самаго 1864 года не было установлено опредѣлительныхъ рубежей между двумя государствами, но тѣмъ не менѣе мы могли считать, что границы наши въ юго-восточномъ направленіи не простирались далѣе Ханъ-Тенгри, какъ то и условлено пекинскимъ трактатомъ 1860 года. Паденіе китайской власти въ 1865—67 годахъ на всемъ почти пространствѣ Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана естественно измѣнило этотъ взглядъ, а основаніе двухъ независимыхъ отъ Китая владѣній, Кашгарскаго на югѣ и Кульджинскаго на востокѣ отъ Семирѣчья, уничтожило совершенно силу договора 1860 года, тѣмъ болѣе, что исполненіе его въ этихъ мѣстахъ никогда и не начиналось. Приведенные затѣмъ, въ 1871 г., къ необходимости занятія Кульджи, мы должны нынѣ считать, что наша граница въ Тянь-шанѣ идетъ отъ предѣловъ Кокана на востокъ не до Ханъ-Тенгри только, а по меньшей мѣрѣ до истоковъ Кунгеса, т. е. на протяженіи вдвое большемъ противу прежняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и объемъ приграничнаго пространства, могущаго входить въ обще-стратегическія соображенія. Въ 1860-хъ годахъ къ этому пространству можно было относить лишь бассейнъ Иссыкъ-куля, верховья Нарына и округи Аксуйскій, Учъ-Турпанскій и Кашгарскій; въ настоящее время должно причислить сюда на сѣверѣ отъ Тянь-шаня подгорную полосу Илійскаго округа, а на югѣ округа Кучинскій, Карашарскій, Пичанскій и даже Яркендскій, т. е. весь почти Восточный Туркестанъ, точнѣе же, ту его часть, которая подчиняется Якубъ-беку. Мало того: по расширеніи въ 1871—72 годахъ власти послѣдняго на сѣверъ отъ Небесныхъ горъ до Урумци и Манаса приходится расширить и объемъ подлежащей описанію мѣстности до предѣловъ Комульскаго и Баркульскаго округовъ, гдѣ уже господствуютъ китайскія

власти. Такимъ образомъ, въ составъ тянь-шаньскаго пограничнаго пространства войдутъ: система Небесныхъ горъ, отъ верховьевъ Таласа и отъ Терекъ-дабана на востокъ до границъ Хами, и прилежащія къ ней: съ сѣвера подгорная полоса въ предѣлахъ Семирѣченской области, Кульджинскаго края и бывшаго Урумційскаго округа, а съ юга всѣ владѣнія Якубъ-бека въ бассейнѣ р. Тарима.

Еще весьма недавно вся эта страна, занимающая самый центръ азіятскаго материка, была извѣстна въ Европѣ исключительно по китайскимъ источникамъ, и географія ея опиралась на тѣ не совсѣмъ точныя данныя, которыя собраны были іезуитами временъ Цянь-Луня, т. е. 1757 — 59 годовъ. Въ классическомъ сочиненіи Гумбольдта о Средней Азіи (1843) мы находимъ лишь нѣсколько распросныхъ маршрутовъ поперекъ Тянь-шаня, которые составили нѣчто новое, дополняющее показанія китайской географіи Чжунгаріи и Туркестана, переведенной въ 1827 году Іакинфомъ Бичуринымъ. До второй половины XIX столѣтія ни одинъ европеецъ — если не считать средневѣковыхъ путешественниковъ — и не видѣлъ Тянь-шаня ни съ сѣверной, ни съ южной его стороны, отъ чего свѣдѣнія о немъ, находящіяся на картѣ Клапрота и въ сочиненіи Риттера, представляли много неточностей. Возможность первыхъ измѣненій клапротовой карты, но и то весьма условная, явилась не ранѣе 1847 года, когда топографъ Нифантьевъ, бывшій за Илей, составилъ распросную карту Иссыкъ-куля и путей мимо его въ Кашгаръ и Учъ-Турнапъ. Этою картою воспользовался Ханыковъ, издавшій ее подъ своимъ именемъ, и Кипертъ, исправившій на основаніи ея свой чертежъ Турана. Въ 1855 году возникли наши заилійскія колоніи и вслѣдъ затѣмъ, въ 1856 году, снята топографомъ Яновскимъ восточная часть Иссыкъ-куля съ ближайшими горными мѣстностями, гдѣ въ то время кочевали богинцы, только что принявшіе русское подданство. Въ 1856 — 57 годахъ путешествовалъ въ при-иссыкульской же странѣ Семеновъ, первый несибирскій путешественникъ, проникшій не только въ Алатаускія горы, но и въ Тянь-шань, и давшій основныя географическія понятія объ этой части Центральной Азіи, хотя въ цѣломъ его путешествіе съ достаточною подробностью описано не было. Семенову сопутствовали топографы Яновскій и Вараксинъ, сдѣлавшіе первыя съемки на Иссыкъ-кулѣ, чѣмъ и начались новѣйшія топографическія работы въ Небесныхъ горахъ. Затѣмъ слѣдовали труды Захарова, Валиханова и Голубева. Первый изъ нихъ далъ, въ 1858 году, весьма обстоятельную и подробную карту всего Тянь-

шаня и сосѣднихъ ему странъ, по китайскимъ источникамъ новаго времени. Второй, въ 1858 — 59 годахъ, дважды переѣхалъ поперекъ все тянь-шаньское нагорье между Иссыкъ-кулемъ и Кашгаромъ, слѣдуя мимо озера Чатыръ-куля. Его описаніе этой мѣстности явилось, впрочемъ, въ печати весьма поздно, именно въ 1869 году; сочиненіе же объ Алтышарѣ, напечатанное ранѣе, представляетъ отчасти компиляцію изъ прежде извѣстныхъ данныхъ, хотя вмѣстѣ и самостоятельный трудъ. Голубевъ положилъ математическія основанія географіи Тянь-шаня своими астрономическими опредѣленіями на Иссыкъ-кулѣ и въ при-илійскомъ краѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1860 году, пишущему эти строки удалось проникнуть почти до 42 параллели внутрь Небесныхъ горъ, именно въ долину р. Кошкара. Но перевалы въ этихъ горахъ, за исключеніемъ осмотрѣнныхъ Валихановымъ, все еще оставались необслѣдованными, пока въ 1862 — 63 годахъ это дѣло не было начато съ большимъ успѣхомъ Проценко, который не только дѣйствительно осмотрѣлъ Заукинскій, Барскаунскій, Кызартскій и другіе перевалы въ приисыкульскомъ Тянь-шанѣ, но и проникъ въ долину р. Нарына до самой Куртки, имъ разрушенной. Продолжателями топографическихъ изслѣдованій Проценко явились Краевскій, а за нимъ Полторацкій, Остенъ-Сакенъ (доставившій, кромѣ того, и ботаническія наблюденія), Рейнталь, бывшій въ 1868 году въ Кашгарѣ, и Каульбарсъ, изъѣздившій почти всю горную страну по верховьямъ Нарына. На трудахъ ихъ, а также и на личномъ осмотрѣ основалъ свои, недавно лишь обнародованныя, изслѣдованія натуралистъ Сѣверцевъ. Въ 1871 году, по занятіи нами Кульджинскаго округа, топографы Вязовскій, Поздинъ, Петровъ и другіе перешли Тянь-шань у верховьевъ Кунгеса и Юлдуса, а Шепелевъ осмотрѣлъ Мусартскій проходъ. Наконецъ, въ 1872 г., Шарнгорстъ, сопровождавшій наше посольство въ Кашгаръ, сдѣлалъ восемь астрономическихъ опредѣленій въ самой запутанной горной мѣстности между Кашгаромъ и Иссыкъ-кулемъ и тѣмъ связалъ русскія работы въ Средней Азіи съ англійскими.

Со стороны англичанъ попытки къ изученію Восточнаго Туркестана начались въ 1858 году, когда изъ Индіи проникъ до Кашгара, черезъ Хотанъ и Яркентъ, извѣстный путешественникъ Адольфъ Шлагинтвейтъ, который и былъ въ Кашгарѣ убитъ. Семь лѣтъ спустя, англичанами же былъ высланъ изъ Ладака въ Яркентъ азіятецъ Абдулъ-Хамидъ, обученный производству съемки, на подобіе цѣлаго ряда другихъ туземцевъ, которые потомъ были аген-

тами Монгомери, начальника англійскихъ съемокъ на сѣверѣ Индіи. Послѣ Абдулъ-Хамида, когда уже въ Кашгарѣ и Яркентѣ утвердилась власть Якубъ-бека (1868 — 69), въ Восточный Туркестанъ явились изъ Индіи разомъ три англійскихъ изслѣдователя: Шау, Гейуордъ и «мирза», изъ которыхъ послѣдній прошелъ не черезъ Тибетъ, а черезъ верховья Аму-дарьи. Кромѣ того, Джитышаръ былъ посѣщенъ въ 1870 году англичанами Форситомъ и Гендерсономъ и, вѣроятно, британскимъ же агентомъ, грекомъ Патогосомъ, который проникъ изъ Кабула до Хами и Улясутая и явился въ 1872 году къ намъ во вновь занятую Кульджу. Изъ всѣхъ англійскихъ изслѣдователей наиболѣе вниманія заслуживаютъ Гейуордъ, Гендерсонъ, Мирза и Шау.

На основаніи всѣхъ этихъ изысканій, къ которымъ все-таки, какъ важнѣйшій и наиболѣе охватывающій матеріялъ, должно присоединить китайскіе географическіе и историческіе труды въ переводахъ Іакинфа, Клапрота, Абель-Ремюза и другихъ, можно суммировать слѣдующимъ образомъ то, что намъ извѣстно о тяньшаньскомъ пограничномъ пространствѣ.

Топографія.

Вся подлежащая описанію страна рѣзко распадается на двѣ полосы: нагорную, или собственно Тянь-шань, и равнинную, въ степной части бассейна Тарима. За раздѣльную линію двухъ этихъ растянутыхъ отъ запада на востокъ полосъ можно принять большую караванную, а при китайцахъ даже почтовую, дорогу отъ Хами черезъ Пичанъ, Карашаръ, Кучу, Аксу и Учъ-Турпанъ до Кашгара. Дорога эта, естественно, не составляетъ прямой черты; но она, на всемъ своемъ протяженіи, около 2,000 верстъ, не отклоняется въ стороны отъ прямой линіи, соединяющей Кашгаръ съ Хами, болѣе чѣмъ на 50 верстъ. Идя отъ нея на сѣверъ, мы постоянно встрѣчаемъ, въ 40—70 верстахъ, снѣжныя вершины горныхъ кряжей, тянущихся отъ запада на востокъ и спускающихся своими отклонами почти до самой дороги: это и есть различные члены *горной системы Тянь-шаня.*

Поперечное строеніе этой колоссальной системы далеко не вездѣ одинаково, и лишь какъ самую общую черту можно замѣтить то обстоятельство, что чѣмъ дальше мы идемъ на востокъ, тѣмъ ширина горной полосы становится менѣе. Между Баркулемъ и Хами

заложеніе Тянь-шаньскаго хребта едва-ли имѣетъ болѣе 70 верстъ отъ подошвы одного ската до подошвы другого; между тѣмъ какъ на меридіанѣ Кашгара, чтобы пройдти изъ этого города въ прилийскія равнины, нужно сдѣлать по горной странѣ не менѣе 375 верстъ и при этомъ пересѣчь уже не одну, а восемь параллельныхъ и большею частію снѣжныхъ цѣпей, которыя то слѣдуютъ непосредственно одна за другою, то раздѣлены высоко-лежащими озерными и рѣчными долинами. Это различіе въ устройствѣ западной и восточной половинъ Тянь-шаня, столь рѣзко бросающееся въ глаза при сравненіи двухъ крайнихъ изъ разсматриваемыхъ здѣсь мѣстностей, сглаживается, впрочемъ, по мѣрѣ приближенія къ серединѣ системы, между Урумци, Турфаномъ и Карашаромъ. Можно сказать, что единичная цѣпь вершинъ, т. е. рядъ горъ, составляющихъ одинъ хребетъ, встрѣчается лишь на востокѣ отъ Урумци, за горою *Богдо;* да и тутъ находятся довольно высокія подчиненныя цѣпи, то на сѣверѣ, то на югѣ отъ главнаго кряжа. Западнѣе же Урумци Тянь-шань постоянно раздѣленъ на нѣсколько цѣпей, то сходящихся, то опять расходящихся, чтобы оставить мѣсто широкимъ котловинамъ, рѣчнымъ, какъ у Юлдуса, Текеса, Аксая, или озернымъ, какъ у Иссыкъ-куля и Чатыръ-куля. Первое рѣшительное раздвоеніе замѣчается на самомъ меридіанѣ Урумци, у истоковъ рѣки Бороту, которая, сливаясь съ Юлдусомъ, образуетъ Хайду. Здѣсь господствующею вѣтвью нужно признать сѣверную, которая, подъ именемъ *Катунь-даба*, идетъ къ истокамъ Кунгеса. Воды Бороту и Юлдуса отдѣляются этимъ хребтомъ отъ ряда мелкихъ рѣчекъ, бѣгущихъ къ сторонѣ озера Аяръ-нора и большею частію недостигающихъ до него. Южную рамку того же бороту-юлдусскаго бассейна составляютъ горы *Чухуй*, *Хайду-тагъ*, *Байлякъ* и *Кукэ-накъ*, изъ которыхъ послѣднія лежатъ уже на шесть градусовъ, т. е. на 470 верстъ, западнѣе меридіана Урумци. Здѣсь, близъ меридіана Кучи, этотъ южный Тянь-шань соединяется съ сѣвернымъ помощью діагональныхъ цѣпей *Нарата-даба* и *Эбту-даба*, раздѣляющихъ притоки Кунгеса и Юлдуса; здѣсь же онъ становится главнымъ представителемъ всей системы Небесныхъ горъ, между тѣмъ какъ продолжающійся на сѣверо-западъ Катунь-даба переходитъ во второстепенную, хотя все еще высокую цѣпь *Ирень-хабирганъ*, описанную уже при обзорѣ Чжунгарскаго участка.

Большой горный узелъ на сѣверѣ отъ Кучи, названный на картѣ Захарова *Эшикъ-баши*, а на нашихъ новѣйшихъ картахъ отнесенный къ горамъ Кокъ-тепе, есть начало той части Тянь-шаня, ко-

торой больше всего приличествуетъ названіе Небесныхъ горъ, по ихъ высотѣ. Здѣсь, между вершинами правыхъ притоковъ Текеса съ сѣвера и рѣчками Сары-джасъ, Музартъ и Кизылъ-су съ юга, высятся самые колоссальные пики Тянь-шаня, изъ которыхъ *Ханъ-Тенгри* вѣроятно имѣетъ больше 21,000 фут. надъ моремъ. Здѣсь же замѣтны высокія предгорья, или подчиненныя цѣпи, параллельныя главной, на сѣверѣ и на югѣ. Первая называется хребтомъ *Темурликъ* и тянется по лѣвой сторонѣ Текеса и по правой Кегена, а вторая образуетъ массивъ *Алтынъ-хусу*, на сѣверѣ отъ Сайрама и Бая, селеній, лежащихъ столь высоко надъ моремъ, что въ нихъ часто падаетъ снѣгъ и климатъ вообще холоденъ, хотя они лежатъ въ одной широтѣ съ Неаполемъ. Ханъ-Тенгри есть высшій пунктъ въ тянь-шаньской горной системѣ, за которымъ, идя къ западу, она вновь раздробляется на нѣсколько цѣпей, на подобіе лучей полуоткрытаго вѣера. Которую изъ этихъ цѣпей нужно считать главною, невозможно сказать за недостаткомъ геологическихъ наблюденій надъ ихъ строеніемъ и возрастомъ; но въ смыслѣ чисто-топографическомъ, конечно, нужно признать сѣверную, т. е. прилегающую къ полуденному берегу озера Иссыкъ-куля (горы Терскей); въ смыслѣ же общеорографическомъ — южную (Кокшалъ), направляющуюся къ Терекъ-давану и переходящую потомъ въ Южно-кокансkія горы.

Обширное треугольное пространство, лежащее между этими главными цѣпями, все наполнено весьма высокими кряжами, слѣдующими тому же главному направленію съ востока на западъ или юго-западъ, и весьма не легко объяснить въ немногихъ словахъ ихъ относительное положеніе и взаимную связь. Проще всего будетъ слѣдующее представленіе. У вершины треугольника, т. е. на востокѣ, близъ Ханъ-Тенгри находится котловина Сары-джаса, съ его притоками, которая съ запада замыкается извилистымъ высокимъ водораздѣломъ, идущимъ приблизительно по меридіану 96° в. Ф. и связывающимъ Терскей съ Кокшаломъ. Естественный выходъ изъ этой котловины имѣется только одинъ, на югѣ, при прорывѣ рѣкой Сарыджасомъ Кокшала. Переходя отъ этой котловины на западъ, мы вступаемъ въ страну верховьевъ Нарына, и здѣсь уже видимъ почти всюду *четыре* параллельныя цѣпи, не считая двухъ крайнихъ. Названія этихъ цѣпей весьма разнообразны; но, чтобы облегчить ихъ изученіе, мы назовемъ здѣсь немногія, главныя. 1) На сѣверѣ, т. е. въ сосѣдствѣ Терскея и сѣвернѣе не только Большаго Нарына, но и правыхъ притоковъ его, Малаго Нарына и Султана-сары, идутъ горы *Кара-ходжуръ*, огибающія своимъ западнымъ продолженіемъ

озеро Сонъ-куль съ сѣвера. 2) Слѣдующая затѣмъ цѣпь слагается изъ кряжей *Джитымъ-тау* и *Нура-тау*,— оба на правой сторонѣ Большаго Нарына. 3) Третій рядъ хребтовъ, уже по лѣвой сторонѣ этой рѣки, образуютъ горы *Боръ-Калдай*, *Карачай* и *Бай-биче*, и наконецъ 4) четвертый составляется изъ горъ *Кубергенты* и *Атъ-башъ-тау*, за которыми къ югу лежатъ долины рѣки Аксая и озера Чатыръ-куля, отдѣленныя отъ кашгарской плоскости Кокшаломъ и его западными продолженіями *Кашгаръ-тау* и *Суокъ-тау*, изъ которыхъ послѣднее становится потомъ водораздѣломъ Сыръ-дарьи и Тарима и переходитъ въ Южно-коканскую горную цѣпь. Высоту нѣкоторыхъ пиковъ въ горахъ Суокъ-тау Гейуордъ опредѣляетъ въ 19,000 футовъ надъ моремъ.

Но такая общая схема далеко неудовлетворительна для составленія точнаго понятія объ орографіи той части Тянь-шаня, которая лежитъ западнѣе Ханъ-Тенгри и которая въ настоящее время является особенно важною для насъ въ стратегическомъ смыслѣ, потому что здѣсь наши владѣнія ближе всего сходятся съ владѣніями бадаулета кашгарскаго. Чтобы стать на болѣе твердую почву, мы должны будемъ обратиться къ берегамъ озера Иссыкъ-куля и отъ нихъ повести подробныя изслѣдованія въ глубь того обширнаго нагорья, котораго восточный предѣлъ лежитъ у Ханъ-Тенгри, а западныя развѣтвленія переходятъ въ Сыръ-дарьинскую область, Коканъ и Каратигенъ. Но такую задачу удобнѣе всего будетъ исполнить при изученіи поперечныхъ сѣченій Тянь-шаня на всемъ его протяженіи, то есть начавъ по прежнему съ востока, куда и возвратимся въ настоящее время.

Въ части Небесныхъ горъ между Хами и Урумци, онѣ, какъ сказано, представляютъ одинъ хребетъ. Должно думать, что онъ не особенно высокъ, ибо ни одна значительная рѣка не беретъ изъ него начала, хотя карта Захарова показываетъ снѣжныя вершины до самаго меридіана Хами. Высочайшимъ пикомъ тутъ должно считать трехглавую снѣжную гору *Богдо*, которая лежитъ на сѣверо-востокѣ отъ Урумци, въ 60 — 70 верстахъ. Главные перевалы черезъ хребетъ ведутъ по дорогамъ: 1) изъ Хами въ Баркуль, у станціи Янь-цюань-кхэу; 2) изъ Хами же въ Чжунгарію минуя Баркуль, между станціями Янь-дунь и Лэба-цюань; 3) между послѣднею станціею и Таолай-булакомъ, — всѣ три перевала удобные для колесной ѣзды; 4) на пути изъ мѣстечка Китая въ Пичанъ, по вьючной дорогѣ, и наконецъ 5) по дорогѣ изъ Урумци въ Турфанъ, гдѣ, по

новѣйшимъ извѣстіямъ, есть одинъ только проходъ, представляющій очень выгодныя условія для обороны.

Переходя на западъ отъ Урумци и прослѣдивъ сначала сѣверную вѣтвь Тянь-шаня, Катунь-даба, мы должны предположить, что она принадлежитъ къ самымъ высокимъ и недоступнымъ; ибо ни одна карта, ни одно извѣстіе китайской географіи не показываютъ тутъ существованія поперечныхъ дорогъ; сравнительная же многоводность рѣчекъ, наполняющихъ на сѣверѣ два значительныя озера, Аяръноръ и Караталу, а на югѣ озеро Бостанъ-норъ, удостовѣряетъ, что на горахъ лежитъ много снѣга, чего въ здѣшнемъ сухомъ климатѣ можно ожидать только при большой высотѣ горъ, напр., въ 15—16,000 футъ надъ моремъ. Сѣверное заложеніе хребта, шириною у Манаса и Куръ-кара-усу не менѣе 80 верстъ, также свидѣтельствуетъ, что мы тутъ имѣемъ предъ собою первокласную горную цѣпь, и только одно названіе, обозначающее горный проходъ, находимъ мы на картѣ. Клапрота, составляемой по китайскимъ источникамъ, именно Кушету-дабанъ, при истокахъ Хоргоса, гдѣ должны лежать въ горахъ обширныя снѣговыя поля. Но и тутъ, повидимому, не существуетъ постояннаго сообщенія чрезъ хребетъ, ибо китайцы изъ Кульджи и Куръ-кара-усу вели свои сношенія съ Карашаромъ не черезъ этотъ проходъ, а черезъ Урумци.

Юго-восточное продолженіе Катунь-даба до узла Эшикъ-баши, т. е. Наратъ-даба, извѣстно теперь съ нѣкоторою точностью, и здѣсь мы видимъ три горныхъ прохода: Наратъ, Дагыстынъ и Кокъсу, приводящіе изъ бассейна Юлдуса въ бассейнъ Или. Они лежатъ между горами, покрытыми снѣгомъ, хотя сами иногда отъ него свободны. Приближаясь съ сѣвера къ Кокъ-суйскому перевалу, лежащему между вершинами Кокъ-су и Барунъ-Юлдуса, нужно еще бываетъ пересѣчь одинъ изъ отроговъ Наратъ-даба по трудному, скалистому проходу Бабрюку.

Что касается до южной вѣтви Тянь-шаня, между меридіанами Урумци и Эшикъ-баши, то хотя всѣ составляющіе ее кряжи покрыты снѣгомъ, однако, повидимому, они ниже Катунь-даба. Рѣка Хайду-голъ прорываетъ ихъ въ 60 верстахъ отъ города Карашара узкимъ ущельемъ, а на западѣ отсюда строеніе горъ представляетъ ту особенность, что прислоненныя къ основной оси хребта осадочныя формаціи составляютъ цѣпь, похожую на Черныя горы въ Кавказскомъ хребтѣ. Поэтому между ею и главною осью идетъ продольная горная дорога, наподобіе той, какую мы видимъ въ Закубаньѣ, между станицами Верхне-Николаевскою и Даховскою. По-

перечный путь пока извѣстенъ одинъ, отъ Кучи на сѣверо-востокъ въ котловину Юлдуса; но, конечно, есть и еще вьючныя дороги, ведущія съ Юлдуса къ Карашару. По крайней мѣрѣ, карта Клапрота показываетъ тутъ горы Уланъ-дабанъ и Хабцигай-дабанъ, которыхъ самыя названія свидѣтельствуютъ о существованіи проходовъ. Котловины Юлдуса и Бороту, безъ сомнѣнія, лежатъ высоко надъ моремъ, напр. на 6—7,000 футовъ, ибо вдоль русла этихъ рѣкъ, особенно Юлдуса, почва столь влажна, что образуетъ даже среди лѣта мѣстность болотистую. Общее протяженіе водоемовъ Юлдуса и Бороту, занятыхъ обыкновенно калмыками подъ ихъ кочевья, простирается до 650 квадратныхъ миль, то есть вдвое больше чѣмъ иссыкъ-кульская котловина, о которой будетъ идти рѣчь ниже.

Западнѣе узла Эшикъ-баши, т. е. по соединеніи обѣихъ вѣтвей Тянь-шаня, въ высочайшей его части, извѣстны трудные перевалы *Мусартъ* и *Капкакъ*. Первый изъ нихъ послѣ осмотра Полторацкимъ, Кульбарсомъ и Шепслевымъ извѣстенъ теперь съ большею подробностью. Именно, онъ начинается на сѣверѣ у выхода изъ горъ на высокую плоскость долины Текеса рѣчки Уртень-Мусартъ, и идетъ сначала вдоль этой рѣчки, по лѣвому ея берегу, и черезъ семь верстъ приходитъ къ столь узкому ущелью, что путешественникамъ нужно бываетъ вести въ поводу лошадей по узкимъ мосткамъ, искуственно образованнымъ изъ поваленныхъ деревьевъ. Въ 20 верстахъ отъ входа въ ущелье встрѣчаются остатки китайскаго караула Удюнгей и за нимъ вскорѣ долина Мусарта нѣсколько расширяется, а выше впаденія съ востока рѣчки Маралты дѣлаетъ поворотъ, переходя изъ юго-восточнаго направленія въ юго-юго-восточное, причемъ открывается и видъ на главный хребетъ Тяньшаня. Окрестныя горы и самая долина тутъ еще покрыты густымъ еловымъ лѣсомъ, который постепенно рѣдѣетъ къ устью рѣчки Арчалы-Карагачъ, вытекающей изъ ледника на юго-востокъ. Отъ подошвы этого ледника, т. е. на 40-й верстѣ отъ начала ущелья, дорога, а съ нею и русло Мусарта, поворачиваетъ на западъ и потомъ снова на югъ, гдѣ, на 50-й верстѣ отъ подошвы горъ, достигаетъ перевала, высотою вѣроятно въ 12,000 футовъ. Къ югу отъ послѣдняго скоро начинается большая лощина, наполненная снѣгомъ и льдомъ, изрытымъ глубокими трещинами и вообще представляющимъ на протяженіи восьми верстъ ширины, при неопредѣленной еще длинѣ, настоящее mer de glace. Южный предѣлъ этого ледяного моря состоитъ изъ ряда высотъ, черезъ которыя пробиваетъ себѣ путь рѣчка Южный Мусартъ, падающая тутъ по

столь крутому уступу, что приходится спускать лошадей и тяжести на веревкахъ. Точная топографія Мусартскаго прохода далѣе къ югу еще неизвѣстна; но, по свидѣтельству китайской географіи и по распросамъ Шепелева, тутъ еще встрѣчается не мало трудностей отъ множества камней, наваленныхъ по долинѣ рѣчки, вдоль которой идетъ дорога, особенно на пространствѣ между ледянымъ моремъ и станціей Тамга-ташъ. Китайцы въ свое время употребляли немало усилій къ поддержанію Мусартскаго прохода въ удобномъ состояніи, по крайней мѣрѣ, для ѣзды всадниковъ; но для этого имъ нерѣдко приходилось устроивать ступеньки во льду и расчищать осыпи и каменные завалы. Теперь пространство на сѣверѣ отъ ледниковъ остается подъ нашимъ наблюденіемъ, а къ югу — подъ наблюденіемъ кашгарскихъ чиновниковъ и солдатъ, расположенныхъ по пикетамъ до самаго города Аксу, дорога въ которой будетъ описана ниже.

Другой путь съ верховьевъ Текеса идетъ по рѣчкѣ Капкаку, то есть уже западнѣе Хань-Тенгри, тогда какъ Мусартскій ведетъ восточнѣе этой горы. По свидѣтельству Проценко, тутъ сначала идутъ двѣ дороги, изъ коихъ одна направляется съ запада, черезъ небольшія возвышенности, въ долину Капкака, а другая проходитъ туда же съ самаго Текеса черезъ довольно высокія горы, съ крутыми подъемами и спусками, которыми обходится неприступное ущелье при впаденіи Капкака въ Текесъ. Путь по самому Капкаку довольно хорошъ; лѣсъ и кормъ встрѣчаются всюду и подъемъ весьма постепененъ. Самый перевалъ находится не непосредственно въ вершинѣ рѣкъ Капкака, но противъ поворота его ущелья на юго-западъ, такъ что приходится русло оставить западнѣе, т. е. вправо, и подниматься цѣлыя пять верстъ прямо на югъ. Съ перевала горы идутъ плоскими возвышенностями на значительное разстояніе. Вправо тянется долина Коджура, сходящаяся вершиной съ Текесомъ, а прямо на югъ, въ отдаленіи, видѣнъ огромный хребетъ Коелю, который немногимъ уступаетъ въ высотѣ Ханъ-Тенгри. Спускъ къ югу и здѣсь, повидимому, труднѣе чѣмъ подъемъ съ сѣвера, какъ на Мусартѣ; однако киргизы ежегодно перегоняютъ здѣсь свои стада, да и китайцы по временамъ отправляли караваны въ Аксу.

За Капкакомъ къ западу мы вступаемъ въ ту трудную орографическую область за-иссыккульскаго Тянь-шаня, о которой уже было упомянуто выше. Здѣсь, для облегченія памяти, мы будемъ слѣдить строеніе горъ по хребтамъ, начиная съ сѣвера. Въ ближай-

шей къ Иссыкъ-кулю цѣпи Терскей находятся слѣдующіе перевалы, считая съ востока, гдѣ горы вообще выше и далеко переходятъ за снѣжную линію: Турутъ у верховьевъ Текеса и Каркары, Тюргень-Аксу, Кизылъ-су, Зауку съ Зоукучакомъ и Кошка-су, Барскаунъ съ Керегенташемъ, Тонъ, Конуръ-Уленъ, Алабашъ, Улаколъ, Кумбель и Кызартъ. Первые два еще не описаны подробно, о Заукинскомъ же, Барскаунѣ и нѣкоторыхъ другихъ находятся слѣдующія свѣдѣнія у Проценко. Рѣка Заука, при слѣдованіи вверхъ по ней отъ озера Иссыкъ-куля, сначала имѣетъ долину довольно широкую, обставленную отлогими горами, которыя хотя и дѣлаются постепенно круче и выше, но не очень стѣсняютъ русло до самаго впаденія съ запада рѣчки Дунгарамы *), по которой можно перейдти на Барскаунъ и которая течетъ уже въ полосѣ выше лѣсовъ, т. е. приблизительно на 9,500 футовъ надъ моремъ. Отъ Дунгарамы ущелье Зауки направляется на юго-востокъ и дѣлается тѣснымъ, скалистымъ, представляя частые выступы боковыхъ утесовъ, черезъ которые нужно переходить съ трудомъ. Верстахъ въ пяти отъ устья Дунгарамы находится озерцо, а нѣсколько выше его другое, оба образованныя разливами рѣки Зауки по небольшимъ междугорнымъ площадкамъ. За послѣднимъ вскорѣ достигаютъ подошвы самаго перевала, который представляется очень мало доступнымъ, такъ какъ составляетъ небольшую лишь сѣдловину между крутыми и высокими горами. Вершина перевала однако не достигаетъ снѣжной линіи, и снѣгъ виднѣется лишь по сторонамъ ея, на покатостяхъ окрестныхъ горъ, что показываетъ, что Заукинскій проходъ имѣетъ менѣе 11,000 футовъ надъ моремъ. Съ вершины его открывается видъ на хребетъ Джитымъ, который отдѣленъ отъ Терскея высокою плоскостью или сыртомъ, орошаемымъ рѣчкою южнымъ Барскауномъ, которая начинается на западѣ, течетъ сначала къ сѣверо-востоку и мало по малу поворачиваетъ на югъ, а наконецъ на западъ, образуя одинъ изъ истоковъ Нарына.

Слѣдующій за Заукинскимъ къ западу перевалъ есть Барскаунъ, принадлежащій къ числу лучшихъ въ этой части Терскея. Отъ Иссыкъ-куля путь ведетъ все время по рѣкѣ Барскауну, котораго

---

*) Въ 35 верстахъ отъ начала долины. По мнѣнію, высказанному послѣ перваго посѣщенія Зауки русскими, въ переводѣ Риттеровой Азіи, эта Дунгарама есть «недоразумѣніе»; однако она существуетъ, точно такъ же, какъ рѣчка Кутемалды, соединяющая Чу съ Иссыкъ-кулемъ, хотя въ Географическомъ словарѣ Россійской Имперіи и сказано, что «никакой прямой географической связи между Чу и Иссыкъ-кулемъ не имѣется».

долина сначала уже заукинской, но не представляетъ трудностей для движенія. Большая часть дороги идетъ по лѣсу, наполненному розами, барбарисомъ, черемухой и другими пахучими растеніями, и нерѣдко переходитъ съ одного берега рѣки на другой. За впаденіемъ Дунгарамы справа (перевалъ на Дунгараму заукинскую) и потомъ Керегенъ-таша слѣва, т. е. съ запада, характеръ Барскаунской долины значительно измѣняется. Лѣсъ здѣсь пропадаетъ, ущелья рѣчекъ становятся очень тѣсными, и дорога уходитъ зигзагами вверхъ по горѣ Керегенъ-ташъ, на вершинѣ которой и раздвояется. Восточная вѣтвь ведетъ къ собственно Барскаунскому перевалу, гдѣ по пути иногда бываютъ снѣжные завалы, а западная къ проходу Керегень-ташъ, по тропѣ, пересѣкаемой увалами, но не трудной для конной ѣзды. Съ Барскауна, какъ и съ Керегенъ-таша, спуски ведутъ на Малый Нарынъ, который течетъ по сырту, т. е. по высокой и мокрой долинѣ, обставленной съ юга горами Джитымъ.

Перевалы въ вершинахъ Тона, Аксая и Алабаша недовольно извѣстны; Улакольскій же хорошо описанъ Проценкой. Онъ гораздо удобнѣе не только Заукинскаго, но даже Керегенъ-ташскаго, ибо долина Улакола обставлена горами гораздо болѣе отлогими, а тропинка идетъ здѣсь по травѣ и не завалена деревьями, такъ какъ во всей долинѣ нѣтъ лѣса. Самый перевалъ представляетъ не сѣдло между горами, но узкій ровный гребень, котораго сѣверная сторона впрочемъ одѣта снѣгами и представляетъ довольно крутую покатость, по которой однако можно подниматься все время, не слѣзая съ лошадей. За переваломъ уже нѣтъ сырта, а крутой спускъ приводитъ въ долину Чонъ-Кара-Ходжура. Эта долина, шириною до шести верстъ, а длиною около пятидесяти, принадлежитъ къ числу продольныхъ въ Тянь-шанѣ и представляетъ вѣроятно дно бывшаго озера, изъ котораго вода ушла въ Кошкаръ черезъ постепенно размытое ущелье Джуванъ-арыка, какъ называется рѣка Кара-Ходжуръ по сліяніи ея съ Телекомъ, выходящимъ на западѣ.

Джуванъ-арыкское ущелье находится уже въ той части Небесныхъ горъ, гдѣ онѣ спускаются ниже вѣчныхъ снѣговъ. Поэтому-то здѣсь и проведена нынѣ хорошая колесная дорога, которая хотя не изъята отъ возможности земляныхъ осыпей, но, по крайней мѣрѣ, совершенно безопасна отъ снѣжныхъ заваловъ. Нѣсколько западнѣе этого ущелья горы хотя и возвышаются вновь въ область вѣчныхъ снѣговъ, но лишь за тѣмъ, чтобы снова упасть до 7,000 футовъ въ перевалѣ *Кызартъ*. Этотъ перевалъ, приводящій изъ ши-

рокой котловины Кошкара въ не менѣе обширную котловину Джумгала, есть самый низкій изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Тянь-шанѣ, и по немъ ведетъ дорога съ Иссыкъ-куля не только въ Кокапское ханство, но и на Альпійское озеро *Сонъ-куль*, лежащее непосредственно на полдень отъ перевала, за скалистыми горами, въ которыхъ находятся проходы Пищукъ, Каракія и Шильбюли.

У верховьевъ Кошкара Небесныя горы теряютъ свое названіе и переходятъ въ малоизвѣстный еще кряжъ *Сусамыръ-тау*, который западнѣе сливается съ Уртакъ-тау, описаннымъ въ обзорѣ Нагорно-туранскаго участка, а на сѣверѣ связаны узломъ Караколъ съ горами *Киргизнынъ-Алатау*, которыя у насъ принято называть *Александровскимъ* хребтомъ. Въ этомъ хребтѣ, котораго восточная половина принадлежитъ Семирѣченской области и доходитъ до самаго почти озера Иссыкъ-куля (гора Кизылъ-омполъ), мы замѣтимъ въ особенности Шамсійскій проходъ, высокій и неудобный, между Токмакомъ и долиной Кошкара, и *Буамское ущелье*, которымъ рѣка Кошкаръ прорывается на Чуйскую равнину и среди котораго, по сліяніи съ Большимъ Кебиномъ, принимаетъ названіе Чу. Въ Буамскомъ ущельѣ соприкасаются двѣ большія цѣпи, принадлежащія къ системѣ Тянь-шаня: названная сейчасъ Киргизнынъ-Алатау, дающая начало лѣвымъ притокамъ Чу, и Кунгей-Алатау, обставляющая съ сѣвера Иссыкъ-куль, обѣ нелегко переходимыя, особенно съ тяжестями. По этому же ущелью проведена хорошая колесная дорога съ мостомъ на рѣкѣ Кошкарѣ. Слѣдовательно, это есть важная въ стратегическомъ отношеніи мѣстность. Труднодоступность же ея, особенно въ угрюмо скалистой сѣверной половинѣ, придаетъ ей большое тактическое значеніе, и можно желать, чтобы оба выхода изъ ущелья, на юго-востокѣ, у Кутемалдовъ, и на сѣверо-западѣ, близъ устья Малаго Кебина, были, по возможности, заняты прочными русскими осѣдлостями, къ чему есть возможность.

Обозрѣвъ такимъ образомъ при-иссыкульскія горы, которыхъ вершины по большей части переходятъ за снѣжную линію, особенно въ восточной половинѣ Терскея, мы можемъ перейдти теперь въ бассейны Нарына, Аксая и Сары-джаса, которыхъ верховья лежатъ на югъ отъ Терскея. Здѣсь прежде всего замѣтимъ, что вся страна между Терскеемъ и Кокшаломъ есть одно сплошное нагорье, поднятое на 7 до 9,000 футовъ надъ моремъ. На этомъ столообразномъ поднятіи почвы стоятъ длинные кряжи горъ, тянущихся обыкновенно отъ востока на западъ и хотя очень высокихъ (13 до 17,000 футовъ), но не кажущихся таковыми именно потому, что

ихъ приходится видѣть съ очень возвышенныхъ мѣстностей. Таковы хребты Джитымъ, Акъ-Ширякъ, Боръ-Калдай и другіе. Только присутствіе огромныхъ ледниковъ, какъ, напримѣръ, Петровскаго, въ верховьяхъ Карасая, лѣваго притока Нарына, вѣчнаго снѣга по вершинамъ большинства горъ — Кара-Ходжуръ, Нура-тау, Карачай, Атбашъ и проч., и наконецъ общая свѣжесть воздуха и видъ растительности напоминаютъ, что мы находимся въ суровой альпійской странѣ. Горные проходы, которыми можно проникать со стороны Иссыкъ-куля и Терскея на югъ, черезъ всѣ названные хребты, суть слѣдующіе: 1) на пути отъ Тюргень-Аксу къ городу Ушъ-Турпану: Коёлю-бель, Ишигартъ, Чагиръ и Кукуртукъ, всѣ между снѣговыми горами, въ разстояніи другъ отъ друга отъ 20 до 30 верстъ; 2) на пути въ Ушъ же отъ Зауки: Джитымъ-бель, Акъ-бель, Иитыкъ и Бедель, въ тѣхъ же условіяхъ; 3) отъ Зауки и Барскауна на пути въ Кашкаръ: тотъ же Джитымъ-бель, а потомъ Чакыръ-курумъ, Кубергенты и Теректы, изъ которыхъ первый имѣетъ среди себя ледяное озеро, второй извѣстенъ крутостью подъема и спуска, третій, напротивъ, представляетъ лишь слабо волнистую мѣстность, а четвертый снова отличается высотою и труднопроходимостію отъ скалъ; 4) съ Улакола въ Кашгаръ, по дорогѣ на укрѣпленіе Нарынское: Кара-Ходжуръ, Саръ-су, Богушты и Теректы; 5) съ Джуванъ-арыка по пути въ Кашгаръ: Султанъ-сары или Тузъ-асу, Бай, Шарыкты и Туругартъ, изъ которыхъ послѣдній можетъ годиться даже для колесной ѣзды; 6) западнѣе всѣхъ исчисленныхъ: Ташъ-рованъ въ горахъ сосѣднихъ Чатыръ-кулю съ сѣвера; проходы Чаиръ-ташъ и Когартъ къ сторонѣ Коканскаго ханства и проч. Большая часть этихъ переваловъ извѣстна пока очень поверхностно, и обстоятельнаго ихъ описанія можно ожидать не ранѣе выхода въ свѣтъ трудовъ Каульбарса, спеціально изучившаго строеніе Небесныхъ горъ по верхнему Нарыну и притокамъ его.

Этими подробностями о строеніи горной части Тянь-шаньскаго пограничнаго пространства можно бы ограничиться при настоящемъ обзорѣ, имѣющемъ цѣль не собственно географическую, а стратегическую. Но какъ описанная нагорная полоса, особенно въ при-иссыкульской своей части, служитъ естественнымъ государственнымъ рубежемъ Россіи въ Средней Азіи и, слѣдовательно, должна быть по возможности нами заселена, то здѣсь необходимо еще добавить нѣсколько данныхъ о междугорныхъ долинахъ, которыя могутъ служить для устройства осѣдлостей. Первою и самою

важною изъ всѣхъ такихъ долинъ нужно считать иссыкъ-кульскую. Обширный альпійскій водоемъ Иссыкъ-куля занимаетъ болѣе 300 квадратныхъ миль, изъ которыхъ 116 приходитсяна самое озеро. Низшія точки этой котловины, т. е. уровень воды въ самомъ озерѣ, лежатъ на 5,200 футахъ надъ моремъ, и уже по одному этому климатъ страны не можетъ быть особенно жарокъ. Положеніе же ея въ самой рединѣ азіятскаго материка дѣлаетъ этотъ климатъ еще болѣе умѣреннымъ, такъ что иногда самый Иссыкъ-куль, хотя и носитъ названіе Теплаго моря, у береговъ покрывается льдомъ. А потому, не смотря на широту 43°, при-иссыккульскій край гораздо холоднѣе, напримѣръ, Ферганы и даже мѣстностей по Или. Кромѣ того, степные вѣтры, проникающіе черезъ Буамское ущелье, чрезвычайно изсушаютъ воздухъ, особенно въ западной половинѣ озернаго бассейна, а потому лѣса въ ущельяхъ горъ находятся только по рѣчкамъ восточнѣе Тона, въ Терскеѣ, а въ Кунгей-Алатау, на южномъ ихъ склонѣ, совсѣмъ не встрѣчаются. То же можно замѣтить о травахъ въ береговой долинѣ Иссыкъ-куля и по горамъ, отъ чего выходитъ, что мѣста, годныя для селеній, находятся лишь по Тубу, Джиргалану, Тюргень-Аксу, Караколу, Зоукѣ, Барскауну, Тону и, на сѣверѣ отъ озера, по Кунгей-Аксу. У западнаго же конца водоема небольшую площадку, способную къ воздѣлыванію, составляетъ лишь мѣстность по Кутемалдамъ, гдѣ есть три-четыре квадратныхъ версты, удобныхъ для пашенъ, но и то не иначе, какъ при устройствѣ искуственнаго орошенія. Такимъ образомъ, на Иссыкъ-кулѣ и въ бассейнѣ его едва ли можетъ быть водворено болѣе шестисотъ семей-земледѣльцевъ, да и то подъ условіемъ отнятія всѣхъ почти лучшихъ кочевокъ у кара-киргизовъ. Въ сосѣдней съ юго-запада долинѣ рѣки Кошкара, еще болѣе возвышенной надъ уровнемъ моря, быть можетъ, тоже найдется мѣсто для 150 или 200 дворовъ и, наконецъ, въ причуйской странѣ, т. е. на двухъ Кебинахъ и въ подгорной полосѣ Киргизныпъ-Алатау, до Мерке, вѣроятно можно водворить до 1000 домовъ. Это составитъ въ общемъ итогѣ 1750 дворовъ или 8,500 душъ, которыя и будутъ составлять главную опору русской власти въ при-иссыкульскомъ Тянь-шанѣ. Среди самихъ же Небесныхъ горъ, по системѣ Нарына, Аксая и Сары-джаса, мѣстностей, годныхъ подъ селенія, очень немного, вслѣдствіе высоты нагорья надъ уровнемъ моря. Лучшія лежатъ по Нарыну, между укрѣпленіемъ Нарынскимъ (6,800 ф. надъ мор.) и развалинами Куртки, отчасти, по Атъ-башу, Кара-капну и Аксаю. Долины же озеръ Сонъ-куля и

Чатыръ-куля непригодны для культуры по причинѣ большой высоты этихъ водоемовъ надъ уровнемъ моря.

Перейдемъ теперь къ равнинамъ, лежащимъ у подошвы горъ, какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. Бассейнъ рѣки Или уже описанъ при обзорѣ Чжунгарскаго участка; здѣсь должно замѣтить, что собственно подгорная его часть, т. е. долина Текеса, содержитъ прекрасныя луговыя мѣстности. Сѣвернѣе Ирень-хабиргана, Катуньдаба, Богдо и далѣе къ востоку мы также видимъ полосу земли, весьма годную для культуры, которая тутъ и развилась во время китайскаго господства, особенно по сосѣдству съ Урумци. Но полоса, годная для земледѣлія, здѣсь неширока, обыкновенно въ 3—6 верстъ; сѣвернѣе же ея лежатъ либо степи, либо камышевыя болота, за которыми также начинается пустыня. На югѣ отъ Тяньшаня подгорная, культурная низменность едва-ли не еще уже, чѣмъ на сѣверѣ, и притомъ встрѣчается исключительно тамъ, гдѣ вершины горъ носятъ снѣга, прерываясь въ мѣстахъ пониженія Тяньшаня, напримѣръ на востокъ отъ Пичана и отчасти между Турфаномъ и Карашаромъ. Наиболѣе пышные оазисы лежатъ у Аксу и Кашгара, гдѣ поэтому и сосредоточены двѣ важнѣйшія группы населенія Восточнаго Туркестана. Весь бассейнъ Тарима на югъ отъ подгорной полосы есть болѣе или менѣе голая, преимущественно песчаная, степь, за которою мѣста годныя для осѣдлостей встрѣчаются впервые не раньше, какъ у подножія Куень-луня, т. е. около Хотана, Яркента, а на западѣ Сары-кола и Янгисара. Высота этой степи на пространствѣ между Яркентомъ и Кашгаромъ нигдѣ не падаетъ ниже 4,000 футовъ надъ моремъ; что же касается до культурной подгорной полосы, то она переходитъ за 4,000 футовъ, и, напримѣръ, у Кашгара достигаетъ 4,800, а у Сайрама и Бая вѣроятно 6,000 футовъ. Соображая расположеніе населенныхъ пунктовъ въ Восточномъ Туркестанѣ и общія свойства среднеазіятскихъ подгорныхъ оазисовъ, можно, кажется, безъ большой ошибки сказать, что во владѣніяхъ Якубъ-бека едва ли есть болѣе 200 кв. миль культурной земли, и только сильное ея плодородіе, обусловливаемое жаркимъ лѣтомъ и искуственнымъ орошеніемъ, позволяетъ на столь тѣсномъ пространствѣ жить 500 или 600 тысячамъ человѣкъ осѣдлаго населенія.

Вся обширная равнина Восточнаго Туркестана принадлежитъ къ водоему рѣки Тарима, которая составляется, главнымъ образомъ, изъ шести потоковъ: Хотанъ-дарьи, Яркендъ-дарьи, Кашгаръ-дарьи, Аксу, Шахъ-яръ-дарьи и Хайду-гола. Ни одна изъ этихъ

составныхъ вѣтвей, да и самый Таримъ, не судоходны по мелководью, частью естественному, происходящему отъ сухости климата, частью искуственному, произведенному распредѣленіемъ водъ по арыкамъ немедленно по выходѣ рѣкъ и ихъ притоковъ изъ горъ. Изъ показаній Гейуорда, Шау и нашихъ путешественниковъ мы знаемъ, что, напримѣръ, Яркендъ-дарья, невдалекѣ отъ города Яркенда, имѣетъ около двухъ верстъ ширины (съ островами), что рѣка Тумень-су въ Кашгарѣ пересѣчена мостомъ на судахъ, слѣдовательно годилась бы для плаванія лодокъ; но быстрое распущеніе водъ по каналамъ обезсиливаетъ обѣ эти рѣки, которыя потомъ уже не получаютъ притоковъ и подвергаются всей силѣ изсушающаго вліянія средне-азіятскаго климата. Въ междугорныхъ же частяхъ теченія всѣ рѣки описываемаго края очень быстры и имѣютъ каменистыя русла. Такимъ образомъ, для устройства естественныхъ сообщеній онѣ не годятся, и только лишь теченіемъ своимъ по степи указываютъ главныя направленія для проведенія сухопутныхъ дорогъ, нуждающихся въ водѣ. Но по новѣйшимъ извѣстіямъ и въ этомъ смыслѣ роль ихъ стала очень неважною, потому что въ нижнихъ частяхъ ихъ столь мало воды, что русло Тарима наполняется ею лишь во время разливовъ, а озеро Лобъ, конецъ водоема, большую часть года представляетъ лишь заросшую камышемъ трясину.

Пути сообщенія.

Топографическій обзоръ страны показываетъ, что на всемъ ея пространствѣ нѣтъ водяныхъ путей; онъ же свидѣтельствуетъ о труднопроходимости всей горной полосы самаго Тянь-шаня, а отчасти и равнинъ въ бассейнѣ Тарима, которыя бѣдны водою и большею частію покрыты песками. Такимъ образомъ весь вопросъ о путяхъ сообщенія сводится на изученіе однѣхъ сухопутныхъ дорогъ съ подраздѣленіемъ ихъ на горныя и равнинныя. Разсмотримъ же послѣдовательно тѣ и другія.

Горныя цѣпи, составляющія Тянь-шань, на столько высоки, что большею частью покрыты вѣчными снѣгами, и потому, разумѣется, не имѣютъ продольныхъ дорогъ вблизи своихъ гребней, какъ то нерѣдко замѣчается во второстепенныхъ горахъ, напр. даже въ западной части Семирѣченскаго Алатау. Всѣ продольныя дороги тяньшаньской горной страны идутъ по долинамъ рѣкъ Нарына,

Аксая, Кунгеса, Юлдуса и проч.,—и только одна, въ округѣ Куча, пролегаетъ между главнымъ хребтомъ и подчиненною цѣпью, по котловинамъ въ горахъ. Само собою разумѣется, что весь этотъ разрядъ дорогъ представляетъ лишь тропинки, годныя для вьючной, но не для колесной ѣзды, и притомъ по этимъ тропинкамъ нельзя пройдти всего Тянь-шаня, не спускаясь на подгорныя плоскости. Такимъ образомъ, мы лишены возможности двигать отряды въ горахъ на значительныя разстоянія отъ запада къ востоку или обратно, чего, конечно, можно бы желать въ видахъ охраненія границы, тянущейся именно въ этомъ направленіи. Однако, нѣкоторыя исключенія могутъ быть указаны, именно:

1) Мы имѣемъ длинную линію отъ верховьевъ Джумгала черезъ долину Кошкара, по сѣвернымъ предгорьямъ Терскея и чрезъ проходъ Санташъ на Текесъ и Чакилды-су, изъ которыхъ послѣдняя вѣтвь черезъ перевалъ Кетмень, въ горахъ Темурликъ, приводитъ въ Кульджу. Большая часть этой дороги можетъ быть пройдена съ повозками, и главныя естественныя затрудненія для устройства здѣсь экипажнаго сообщенія состоятъ въ трехъ перевалахъ: Кызартѣ, Санташѣ (съ Кизылъ-кія) и Кетменѣ, да въ глубокихъ оврагахъ, по которымъ текутъ рѣки, впадающія въ Иссыкъ-куль съ юга. Но оба эти препятствія не потребуютъ большихъ трудовъ для ихъ устраненія. Особенно при-иссыкульскіе овраги могутъ быть обойдены по горной дорогѣ, которая изъ котловины Кошкара идетъ на Улаколъ, Алабашъ, Конуръ-Уленъ и Тонъ и выходитъ къ берегамъ озера лишь у впаденія въ него Уракыра. Для наблюденія за всѣми горами Терскей и за высочайшею частью Тянь-шаня, по обѣимъ сторонамъ Мусартскаго прохода, эта дорога очень важна. Длина ея отъ истока Джумгала до Кульджи 520 верстъ; вода всюду въ изобиліи; травы большею частью хорошія, особенно въ восточной части иссыкъ-кульскаго бассейна и на Текесѣ.

2) Другой продольный путь есть вьючная тропинка вдоль по Нарыну отъ развалинъ укрѣпленія Тогузъ-торау черезъ Куртку и укрѣпленіе Нарынское до верховьевъ Нарына (Тарагая), съ котораго проникаютъ на рѣку Гиръ-ташъ, притокъ Сыра-джаса. При укрѣпленіи Нарынскомъ тропинка эта, идущая отъ Тогузъ-торау по лѣвую сторону Нарына, переходитъ на правый его берегъ по мосту, а у впаденія рѣки Карасая снова возвращается на лѣвую сторону, бродомъ. Впрочемъ между Нарынскимъ и Карасаемъ можно идти и по лѣвому берегу рѣки, но только съ меньшимъ

удобствомъ. Отъ Карасая тропинка уходитъ на востокъ, въ котловину Сары-джаса, на притокъ его Чагыръ-су, оставляя на сѣверѣ горы, окружающія ледникъ Петрова, а на югѣ хребетъ Боръ-Колды.

3) По долинамъ Атъ-баши и Кара-Каина идетъ тропинка, которая на западѣ, черезъ проходъ Ташъ-Ровать, выводитъ въ долину Арпы. Тутъ нетрудно устроить колесное сообщеніе, и вѣроятно вдоль этой дороги будетъ слѣдовать большинство карагановъ изъ Нарынскаго въ Кашгаръ, если установятся торговыя связи между этими пунктами. Изъ долины Кара-Каина черезъ перевалъ Шарыкты можно подняться на плоскогорье Чатыръ-куля, а оттуда, повернувъ къ востоку, выйдти на Аксай.

4) Путь по Аксаю ведетъ въ городъ Ушъ-Турфанъ, и въ осмотрѣнной, западной его части очень удобенъ для движенія каравановъ, которымъ только приходится переходить много мелкихъ рѣчекъ, текущихъ въ Аксай съ юга и съ сѣвера.

Исчисленныя четыре дороги составляютъ какъ бы основу канвы, которой утокомъ служатъ поперечные пути чрезъ за-иссыкульскій Тянь-шань. Этихъ послѣднихъ путей есть нѣсколько и направленія ихъ опредѣляются положеніемъ переваловъ въ горахъ. Исчислимъ главнѣйшіе, начиная съ запада:

5) Изъ Токмака тропинка идетъ на юго-востокъ и по трудному перевалу Шамсійскому выходитъ въ долину Кошкара. Отсюда она черезъ перевалы: Кызартъ, а потомъ Ищукъ или Кара-кія поднимается на плоскогорье альпійскаго водоема Сонъ-куля, и потомъ по проходу Мулды-асу и ущелью рѣчки Куртки выходитъ на Нарынъ у развалинъ укрѣпленія Куртки. Переправясь здѣсь черезъ рѣку, когда то допускаетъ состояніе воды, путешественникъ направляется на югъ къ горамъ Байбиче по рѣчкѣ Акъ-талу, и черезъ верховья послѣдней переходитъ въ долины Арпы или Аксая, въ первомъ случаѣ черезъ перевалъ Джаманъ-даванъ, во второмъ черезъ проходъ Бай. Отъ истоковъ Арпы и Аксая можно выйдти на Чатыръ-куль и отъ него черезъ проходъ Туругартъ и по долинѣ Тоюна достигнуть Артыша и наконецъ Кашгара. Все разстояніе отъ Токмака до Кашгара по этому пути будетъ 450 верстъ.

6) Значительно удобнѣе этой дороги тянущаяся нѣсколько восточнѣе ея, именно отъ Буамскаго ущелья на укрѣпленіе Нарынское и потомъ мимо Чатыръ-куля къ Кашгару. Вся сѣверная ея половина, до укрѣпленія Нарынскаго, обращена нынѣ въ колесный

путь, который идетъ сначала по Буамскому ущелью, Кутемалдамъ, долинѣ Кошкара, на притокъ его Джуванъ-арыкъ, а потомъ черезъ перевалъ Долонъ спускается въ долину Оттука и наконецъ Нарына. За Нарынскимъ укрѣпленіемъ дорога становится вьючною, но можетъ быть безъ большихъ трудовъ обращена въ колесную, придерживаясь слѣдующаго направленія: отъ укрѣпленія прямо на югъ, потомъ на юго-западъ, чрезъ горы, къ мѣсту слiянія Атъ-баши и Кара-Капна, долиною послѣдняго до перевала Шарыкты и потомъ мимо Чатыръ-куля на Туругартъ. Общая длина пути отъ сѣвернаго конца Баумскаго ущелья до Кашгара будетъ 445 верстъ, изъ которыхъ колеснаго пути до Нарына 210 верстъ и вьючнаго отъ Нарына черезъ Туругартъ 235 верстъ.

7) Слѣдующій поперечный путь чрезъ Тянь-шань будетъ: отъ Иссыкъ-куля чрезъ проходъ Улаколъ на Кара-ходжуръ, а потомъ черезъ перевалъ Капка-ташъ на Султанъ-сары, Онарчу и наконецъ къ укрѣпленію Нарынскому. Отъ послѣдняго черезъ Саръ-су можно выйдти на Атъ-башу, а оттуда черезъ Богушты на Аксай и, оставляя Чатыръ-куль съ запада, достигнуть прямо Теректинскаго прохода въ горахъ, ограничивающихъ кашгарскій горизонтъ съ сѣвера. За Теректами дорога пойдетъ по кашгарскимъ пикетамъ Джалтанъ-тасъ, Иссыкъ и наконецъ Артышъ, отъ котораго до Кашгара одинъ переходъ и при которомъ уже есть селеніе. Отъ Кутемалдовъ до Нарынскаго укрѣпленія этимъ путемъ 140 верстъ, а отъ Нарынскаго чрезъ Богушты и Теректы до Кашгара 210.

8) Идя далѣе къ востоку и пропуская малоизслѣдованные проходы въ Терскеѣ, Алабашъ, Конуръ-уленъ, Тонъ, мы достигаемъ у Керегенъ-таша начала четвертой поперечной дороги черезъ Тянь-шань, которая проходитъ по немъ въ направленіи уже не меридіональномъ, а діагональномъ, отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Путь этотъ съ перевала Керегенъ-ташъ, уже описаннаго, ведетъ на Малый Нарынъ и чрезъ горы Джитымъ, достигаетъ Большого Нарына, а потомъ черезъ хребетъ Карагай переваливаетъ на верховья Атъ-баши, и изъ долины этой рѣки черезъ перевалъ Тусъ-асу выходитъ на рѣку Аксай, откуда уже дорога въ Кашгаръ черезъ Теректинскій проходъ извѣстна. Вся эта дорога вообще не изъ лучшихъ, и длина ея, считая отъ устья Барскауна въ Иссыкъ-куль, простирается до 320 верстъ, причемъ нужно дѣлать пять большихъ переваловъ и множество мелкихъ, черезъ отроги діагонально пересѣкаемыхъ горныхъ цѣпей. По южной половинѣ этого

пути, до перевала Тусъ-асу, возвращался въ 1868 году изъ Кашгара-Рейнталь.

9) Отъ Заукинскаго прохода идетъ на юго-западъ же дорога паралельная предъидущей и даже сливающаяся съ ней въ долинѣ Аксая. Дорога эта направляется сначала къ проходу Джитымъ-бель, куда есть также путь черезъ сыртъ отъ Барскауна. Достигнувъ затѣмъ Тарагая, т. е. верховья Нарына, она идетъ нѣкоторое время вдоль этой рѣки и потомъ уходитъ снова на югъ къ трудному перевалу Чакыръ-корумъ, за коимъ спускается на рѣку Кара-колъ, чтобы снова подняться на горы Кубергенты. Отсюда тропинка ведетъ по Мюдюрупу на Аксай и далѣе на Теректы въ Кашгаръ. Это путь Валиханова, длиною отъ Иссыкъ-куля до Кашгара 385 верстъ.

10) Съ верховьевъ Барскауна и Зоуки идетъ поперечный къ Тянь-шаню путь въ Учъ-Турпанъ черезъ проходы Джитымъ-бель, Акъ-бель, Иштыкъ и Бедель. Дорога эта описана еще у Гумбольдта и Риттера и нанесена на распросную карту Нифантьевымъ; но у всѣхъ этихъ авторовъ встрѣчаются нѣсколько иныя названія урочищъ, чѣмъ на нашихъ новѣйшихъ картахъ, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ крайнихъ горныхъ проходовъ, Заукинскаго и Бедель-давана. Это даетъ поводъ думать, что въ данномъ направленіи существуетъ нѣсколько паралельныхъ тропинокъ, хотя мѣстность вдоль средней линіи путей отличается крайнею труднопроходимостью. Общее разстояніе отъ береговъ Иссыкъ-куля до Учъ-Турпана по этому направленію достигаетъ до 240 верстъ, и въ южной части дороги, т. е. съ рѣки Иштыка на Бедель даванъ въ Учъ, можно проѣзжать на колесахъ.

11) Миновавъ высокій и обильный ледниками водораздѣлъ между бассейнами Нарына и Сары-джаса, мы вступаемъ въ область притоковъ послѣдняго, которая съ при-иссыкъ-кульской страной связана горными проходами Тюргень-Аксу и Турутъ, а отъ Мусарта отдѣлена горами Ханъ-Тенгри и Сары-джасъ-тау, повидимому непроходимыми. Идя отъ прохода Тюргень-Аксу, мы здѣсь послѣдовательно встрѣчаемъ перевалы Коелю-бель, Ишигартъ, Чагирь и Кукуртукъ, которые всѣ лежатъ въ снѣжныхъ горахъ. Трудная дорога эта рѣдко посѣщается караванами и приводитъ къ незначительному городку Учу, до котораго отъ прохода Санташъ получится этимъ путемъ не менѣе 220 верстъ.

12) За меридіаномъ Ханъ-Тенгри и горъ Сары-джасъ-тау мы встрѣчаемъ поперечную дорогу черезъ Тянь-шань по Мусарт-

скому проходу. Свойства самаго прохода уже описаны; что же касается до станцій и до разстояній по этому пути, то относительно ихъ существуютъ немаловажныя разнорѣчія, согласить которыя предстоитъ будущимъ изслѣдователямъ. Слѣдующія росписанія взяты у Риттера, Захарова и Шепелева:

По Риттеру.		По Захарову.		По Шепелеву.	
Текесъ	145 верстъ отъ Новой Кульджи.				
Шату	10	Шату-аманъ	36	Нач. Мусар. ущел.	8
Арасанъ	15				
Хань-чжеу-ло	25	Гакчахархай	42		
Пер. Мусартъ	15			Пер. Мусартъ	50
Тамга-ташъ	30	Тамга-ташъ	62	Тамга-ташъ	28
Терекъ	15	Устенъ-тогай	36	Кайлэкъ	12
Каинды	20			Турпакъ	15
Турпагадъ	15	Тубъ-арадъ	42	Куръ-Мусартъ	32
Арбатъ	40	Хою-хорокъ	42	Кизылъ-булакъ	14
Кизылъ-су	25	Арбатъ	21	Ауатъ	12
Шеланчи	20	Чжамъ	40	Джамъ	35
Г. Аксу	20	Аксу	40	Шленчи	20
				Лянгеръ	18
				Аксу	22
	415		538		411
По Клостерману	400	по Палладію	615		

Труднѣйшая часть дороги находится между станціями Шату и Арбатомъ, по маршруту Риттера. Эти 185 верстъ можно дѣлать только верхомъ, да и то мѣстами нужно слѣзать. Ширина ледяного моря на Мусартѣ равна 8 верстамъ.

13) Вьючныя дороги черезъ Тянь-шань восточнѣе Мусарта, черезъ Кокъ-су, Дагытъ и Наратъ, въ котловину Юлдуса, а потомъ къ Карашару еще не описаны въ подробности; но первая изъ нихъ есть труднѣйшая. По всѣмъ тремъ дорогамъ разстояніе отъ Кульджи до Карашара колеблется между 450 и 500 верстами.

Вся описанная сѣть горныхъ путей примыкаетъ на сѣверѣ и югѣ къ двумъ большимъ дорогамъ, лежащимъ у подошвы горъ и составляющимъ главнѣйшія въ военномъ смыслѣ дороги по тянь-шаньскому пограничному пространству, съ одной стороны у насъ, а съ другой во владѣніяхъ Якубъ-Бека кашгарскаго. У насъ такая дорога начинается.

14) отъ укрѣпленія Мерке на западѣ и ведетъ сначала по подгорью Киргизынъ-алатау, потомъ, черезъ Буамское ущелье, на Иссыкъ-куль, по сѣверному его берегу, далѣе черезъ Санташъ на Каркару, Кегенъ, Чакилды-су и черезъ хребетъ Темурликъ къ

Кульджѣ. Общее разстояніе между двумя крайними пунктами равно 746 верстамъ, а въ частности отъ Мерке до Кутемалдовъ 263, отъ Кутемалдовъ до Преображенскаго на устьѣ Туба 191 вер. и отъ Санташа до Кульджи 292 версты. Вся дорога отъ Мерке до Санташа колесная, да и за Санташемъ въ хорошее время года можно употреблять для ѣзды по крайней мѣрѣ одноколки. До нѣкоторой степени продолженіемъ этой дороги на востокѣ отъ Кульджи нужно считать бывшій почтовый, а нынѣ лишь караванный трактъ изъ этого города до Урумци. Трактъ этотъ, по даннымъ китайской государственной географіи и по нашимъ новѣйшимъ съемкамъ, имѣетъ длины: до развалинъ Куръ-кара-усу 330 верстъ, оттуда до Манаса 140 верстъ и далѣе до Урумци 160, всего же 630 верстъ. Станцій нынѣ здѣсь нѣтъ, ибо страна обращена дунганскимъ возстаніемъ въ пустыню; но можно сказать, что на каждомъ переходѣ въ 25—30 верстъ непремѣнно встрѣчается рѣчка, довольно многоводная, чтобы не только напоить самые многочисленные степные отряды, съ ихъ вьючнымъ и продовольственнымъ скотомъ, но и служить для орошенія полей, если селенія возникнутъ по прежнему.

15) Подобная же дорога идетъ вдоль южнаго подгорья Тянь-шаня, отъ Кашгара чрезъ Ушъ, Аксу и Карашаръ до Пичана и Хами. По ней общее разстояніе отъ Кашгара до Хами равно 2,294 верстамъ, въ частности же до Аксу 400 верстъ, до Кучи 750, до Карашара 1,250, до Турфана 1,710 верстъ. Отъ Турфана до Урумци едва-ли есть болѣе 150 верстъ.

16) Въ приведенномъ маршрутѣ № 15 первая его часть, отъ Кашгара до Аксу, при китайцахъ не была, впрочемъ, почтовою дорогою, а послѣдняя шла отъ Кашгара внизъ по Кашгаръ-дарьѣ чрезъ Барчукъ и потомъ поворачивала на рѣку Аксу, по слѣдующему маршруту:

Кашгаръ.	0	вер.	Чайшпринъ	20	вер.
Шаптулъ.	40	»	Іерендe	20	»
Фейзабадъ	10	»	Отусъ-каме	20	»
Янги-абадъ	20	»	Бишъ-кудукъ . . .	20	»
Бортенъ-тугуринъ. .	80	»	Янги-арыкъ. . . .	20	»
Кизылъ-дарья . . .	30	»	Айхуръ	20	»
Маралъ-баши . . .	20	»	Календеръ-ханъ . .	20	»
Барчукъ	20	»	Аксу	20	»
Кукчулъ	20	»		400	вер.

Существуютъ ли нынѣ по этой дорогѣ почтовыя станціи, неизвѣстно; но Барчукъ, повидимому, продолжаетъ быть правильнымъ населеннымъ пунктомъ; имя же другой станціи Маралъ-баши пользуется въ странѣ популярностью, вслѣдствіе побѣды, одержанной тутъ въ 1865 году Якубъ-бекомъ.

17) Отъ Кашгара идетъ на юго-востокъ большая дорога въ Яркентъ, самый обширный изъ теперешнихъ городовъ Восточнаго Туркестана. Разстоянія тутъ слѣдующія:

По Китайской геогр.		По Р. Шау.	
Кашгаръ.	0 вер.	Кашгаръ.	0 вер.
Тисгунъ	45 »	Іепчунъ	20 »
Тоблукъ	40 »	Янгисаръ	30 »
Кизылъ	25 »	Тоблокъ	28 »
Гоби	38 »	Кизылъ	15 »
Гэлагу-джасъ . . .	35 »	Акъ-Лунгаръ . . .	23 »
Яркентъ	25 »	Кокъ-Робатъ . . .	20 »
		Яркентъ	40 »
	203 вер.		176 вер.

Дорога эта совершенно удобна для ѣзды въ экипажахъ, особенно при нынѣшнемъ повелителѣ Джитышара Якубъ-бекѣ, который вообще обращаетъ большое вниманіе на устройство путей сообщенія. По пути встрѣчается много селеній и рѣчекъ.

18) Въ Яркентъ есть дорога и отъ Аксу, тянущаяся вдоль рѣкъ Аксу и Яркентъ-дарьи, а отчасти степью. По китайской географіи разстояніе между двумя городами равно 582 верстамъ.

17) Отъ Аксу есть прямая дорога въ Хотанъ, вдоль рѣкъ Аксу и Хотанъ-дарьи и поперекъ Кашгаръ-дарьи, о переправѣ черезъ которую мы однако же ничего не знаемъ, быть можетъ потому, что рѣка эта въ мѣстѣ перехода черезъ нее весьма маловодна. Обыкновенно караваны ходятъ изъ Аксу въ Хотанъ двѣнадцать дней, а одинокій всадникъ можетъ пріѣхать на четвертый день.

18) Хотанъ соединенъ колесною дорогою съ Яркентомъ, черезъ Санжу, Коштакъ, Бору и Каргалыкъ; длина всего пути 240 верстъ.

19—24) Къ этимъ путямъ, прорѣзывающимъ внутренность Восточнаго Туркестана, для насъ немаловажно присоединить указанія на дороги, которыми эта страна связывается на югѣ съ Индіею и на западѣ съ Афганистаномъ и другими средне-азіятскими землями. Вообще всѣ эти дороги, изъ которыхъ мы назо-

вемъ здѣсь только шесть, суть горныя тропинки, проходящія на большихъ абсолютныхъ высотахъ, нерѣдко черезъ снѣжные перевалы въ Болорѣ и Гималаяхъ, и потому самыми качествами своими дѣлаютъ трудными широкія сношенія владѣній Якубъ-бека съ ихъ южными и западнымм сосѣдями. Исходнымъ пунктомъ дорогъ изъ Индіи въ бассейнъ Тарима нужно считать Ладакъ, во владѣніяхъ магараджи Кашмирскаго. Отсюда, чрезъ Чанъ-Чевмо и плоскогоріе Линъ-цзи-тунь идетъ дорога въ Хотанъ, пересѣкающая разныя вѣтви западо-тибетскихъ горъ на высотахъ отъ 16 до 18,000 футовъ. Съ Линъ-цзи-туня, черезъ проходъ Кизылъ, отдѣляется еще вѣтвь на Яркентъ, по которой, въ общемъ итогѣ, между этимъ городомъ и Ладакомъ выходитъ 760 верстъ. Другая дорога между Ладакомъ же и Яркентомъ есть табистанская, ведущая черезъ проходъ Дигуръ-Ла, на Шайокъ, затѣмъ черезъ Каракорумскій проходъ на Шахдуллу и Санчжу. Здѣсь, кромѣ Каракорума, приходится еще переваливать черезъ Суджетъ (18,200 футовъ) и Санчжуйскій проходъ (16,600 футовъ), и разстояніе между крайними точками пути выходитъ 720 верстъ. Еще западнѣе лежитъ дорога замистанская, которая изъ Ладака направляется черезъ перевалы Кардонъ (17,500 футовъ), Сассеръ (18,000 футовъ), Каракорумъ (18,300 футовъ) и Янги къ городку Кугьяру, откуда чрезъ Каргалыкъ въ Яркентъ, всего на протяженіи 800 верстъ. Съ верховьевъ Аму-дарьи извѣстнѣйшая дорога есть та, которая ведетъ мимо озера Баркутъ-Ясинъ (13,200 футовъ) на Сарыколъ или Ташъ-Курганъ съ одной стороны къ Кашгару черезъ перевалъ Чачикликъ (10,800 футовъ), а съ другой къ Яркенту вдоль западнаго истока Яркентъ-дарьи. Здѣсь свободно проходятъ караваны бадакшанскіе, бухарскіе и афганскіе. Другая дорога изъ бассейна Окса приходитъ въ Кашгаръ черезъ Каракульскій проходъ, мимо озера Каракуля и по р. Яманъ-яру: свойствъ ея мы не знаемъ съ достовѣрностью, хотя ею шли китайцы въ 1759 г. Наконецъ, изъ Ферганы, т. е. съ рѣки Сыръ-дарьи, приводитъ въ Кашгаръ же дорога терекъ-даванская, по которой разстояніе между этимъ городомъ и Коканомъ выходитъ около 460 верстъ и по которой, на половинѣ пути, нужно переваливать черезъ Терекъ-дабанъ, высотою, вѣроятно, до 12,000 футовъ, а быть можетъ и больше. Перевалъ этотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бываетъ очень труденъ по причинѣ большихъ камней, и тогда караваны пересѣкаютъ южно-тянь-шаньскую цѣпь нѣсколько западнѣе, дѣлая объѣздъ почти на Алай и прибавляя тѣмъ дня три или четыре ходу.

Естественная производительность.

Разсмотрѣвъ съ нѣкоторою подробностью топографію тянь-шаньскаго пограничнаго пространства, гдѣ мѣстность вообще можетъ оказывать первостепенное вліяніе на всѣ военныя соображенія и предпріятія, мы можемъ быть кратки при обзорѣ естественныхъ произведеній края. Причина та, что вся горная полоса самаго Тянь-шаня представляетъ въ этомъ отношеніи совершенное сходство съ нагорными мѣстностями Туранскаго и Чжунгарскаго участковъ, а всѣ равнины напоминаютъ степи тѣхъ же двухъ участковъ. Затѣмъ, по отношенію къ растительному покрову можно замѣтить слѣдующее. Вообще на горахъ нѣтъ лѣсовъ, кромѣ *сѣверныхъ* отклоновъ тѣхъ кряжей, которые покрыты вѣчными снѣгами, да и изъ этого правила есть исключенія, какъ, напримѣръ, въ западной половинѣ при-иссыккульскаго Терскея, гдѣ сухіе вѣтры съ при-чуйской степи убиваютъ лѣсную растительность. Полоса лѣсовъ по горамъ обыкновенно держится между 4 и 9,800 футовъ надъ моремъ; въ равнинахъ же деревья встрѣчаются исключительно по мѣстамъ орошеннымъ, да и тутъ насажены рукой человѣка. Затѣмъ, какъ равнины, такъ и горы представляютъ безлѣсныя степи, совершенно безплодныя вдали отъ горъ, но травянистыя, если онѣ лежатъ у подножія снѣговыхъ кряжей. Такъ сонъ-кульское плато (9,800 футовъ) извѣстно своими превосходными травами; такъ отклоны и подножія Терскея въ восточной половинѣ Иссыкъ-куля богаты сочной растительностью не только травяною, но и древесною. На высокихъ сыртахъ, т. е. плоскогоріяхъ, не ниже 6,000 футовъ, по Нарыну, Аксаю, Текесу, Юлдусу влажная почва бываетъ обыкновенно покрыта превосходнѣйшими травами; но при большихъ высотахъ эти травы смѣняются мхами и почва дѣлается болотистою. Вслѣдствіе спорадическаго распредѣленія плодородныхъ оазисовъ какъ въ равнинныхъ, такъ даже и въ нагорныхъ частяхъ края, весьма важно бываетъ знать, при движеніи каравановъ или отрядовъ, гдѣ именно такіе оазы находятся. Наибольшіе изъ нихъ, впрочемъ, издавна отличены сгруппированіемъ въ нихъ массъ осѣдлаго населенія. Таковы въ нашихъ предѣлахъ подгорныя долины Александровскаго хребта, Терскея, Мусартскихъ горъ; таковы въ Восточномъ Туркестанѣ окрестности Яркента, Кашгара, Аксу и Урумци. Культурная растительность по этимъ оазисамъ имѣетъ совершенно тотъ же характеръ, что и въ Нагор-

номъ Туранѣ; но только болѣе возвышенное положеніе края надъ моремъ стѣсняетъ округи распространенія болѣе нѣжныхъ растеній. Въ ботанико-географическомъ смыслѣ любопытно замѣтить близкое сходство тянь-шаньской флоры съ гималайскою, что доказано изслѣдованіями Семенова, Остенъ-Сакена, Сѣверцова и проч.

То же можно сказать и про животное царство, въ числѣ представителей котораго встрѣчаются, напримѣръ, гималайскіе горные козлы, олени, яки и проч. Но какъ для насъ важнѣе всего культурныя животныя, то замѣтимъ, что хотя породы ихъ здѣсь тѣ же самыя, что въ Нагорномъ Туранѣ, но пропорція разныхъ видовъ иная. Мелкимъ домашнимъ скотомъ служатъ не только бараны, но и козлы; среди крупнаго, кромѣ лошадей и коровъ, встрѣчаются яки, лошаки и ослы, изъ которыхъ двѣ послѣднія породы особенно свойственны культурной полосѣ Восточнаго Туркестана, у насъ же встрѣчаются рѣдко. Верблюдъ есть главное вьючное животное какъ по равнинамъ, такъ и въ горахъ; но у горцевъ онъ частію замѣняется якомъ, частію лошадью. Овцы тянь-шаньскаго нагорья снабжаютъ жителей не только овчинами, мясомъ и саломъ, но также шерстью для ковровъ и войлоковъ, изъ которыхъ послѣдніе съ особымъ искуствомъ приготовляются кара-киргизами. Шкуры крупныхъ животныхъ служатъ для выдѣлки довольно хорошихъ кожъ жителями Яркента, Кашгара и проч.

Нагорная полоса Тянь-шаня имѣетъ много минеральныхъ богатствъ. Золото добывается въ сѣверныхъ отклонахъ Катунь-даба, на югѣ отъ Куръ-кара-усу, Манаса и на западѣ отъ Урумци, гдѣ его вымываютъ изъ песковъ по рѣчкамъ. Серебро встрѣчается въ горахъ, обставляющихъ съ сѣвера долину Текеса. Свинецъ тамъ же и еще въ горахъ сѣвернѣе Кашгара. Мѣдь на западѣ отъ городка Бай, у города Кучи, и опять на сѣверѣ отъ Текеса. Желѣзо извѣстно во многихъ мѣстахъ, но разработка его незначительна, потому что жители, напримѣръ, Урумци, не знаютъ доменнаго производства, а получаютъ крицы на ручныхъ горнахъ. Названіе озера Иссыкъ-куля, Темурту-норъ, по-монгольски желѣзное озеро, показываетъ, что этотъ металлъ издавна извѣстенъ въ прибрежныхъ горахъ; но кара-киргизы добывали его очень мало и почти только изъ песковъ по рѣчкамъ, стекающимъ съ Кунгей-Алатау. Каменный уголь также находится во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, около Карашара и проч. Нашатырь довольно часто встрѣчается среди Тянь-шаньскихъ горъ, напримѣръ, даже на рѣчкѣ Сѣверномъ Мусартѣ, но особенно въ окрестностяхъ Кучи

и Турфана, гдѣ горѣніе паровъ его заставляло въ прежнее время думать о существованіи въ Тянь-шанѣ волкановъ. Яшма, нефриты и другіе цвѣтные камни издавна добываются въ окрестностяхъ Яркента, Хотана, Кашгара. Вообще о производительности Восточнаго Туркестана легко судить, напримѣръ, по слѣдующей табличкѣ сборовъ, которыми были обложены при господствѣ китайцевъ жители Яркента:

Золота	20	ланъ.
Серебра.	35,370	»
Мѣди.	3,000	гинъ.
Разнаго хлѣба	30,504	мѣшка.
Хлопчатой бумаги	15,000	гиновъ.
Хлопчато-бумажной бязи. . .	57,569	кусковъ.
Бичевы.	1,297	концовъ.
Растительнаго масла	800	гиновъ.

Все это были произведенія туземныя, къ которымъ еще можно прибавить шелкъ и шелковыя ткани, халаты, ковры, войлоки и огромное количество фруктовъ. Впрочемъ, замѣтимъ, что окрестности Яркента составляютъ лучшую въ смыслѣ производительности часть Восточнаго Туркестана. По свидѣтельству Гейуорда и Шау, растительность здѣсь пышнѣе, плоды обильнѣе и лучше, чѣмъ даже въ Кашгарѣ, какъ то и естественно, если принять во вниманіе, что Яркентъ лежитъ на полтора градуса южнѣе Кашгара и на 700 или 800 футовъ ниже его надъ уровнемъ моря. Другіе оазисы, обращающіе на себя вниманіе по обширности и плодородію, суть: Аксуйскій, Кучинскій, Хотанскій, Карашарскій и, на сѣверѣ отъ Тянь-шаня, Урумційскій, долина Текеса и юго-восточныя прибрежья озера Иссыкъ-куля. Два послѣдніе, впрочемъ, извѣстны прохладностью климата, равно какъ и окрестности Сайрама и Бая, на южной сторонѣ Небесныхъ горъ. На Текесѣ, напримѣръ, нерѣдкость въ началѣ мая видѣть паденіе снѣга, да и въ Иссыкъ-кулѣ зима довольно продолжительна и сурова.

Населеніе.

Топографическія свойства почвы и ея производительность въ разныхъ частяхъ тянь-шаньскаго пограничнаго пространства обусловливаютъ группировку населенія и отчасти самый составъ его. Тамъ, гдѣ выходъ изъ горъ на равнины многоводныхъ рѣчекъ

даетъ возможность орошать почву, тамъ издавна сгустилось осѣдлое и промышленное населеніе; въ степяхъ же и по горамъ держатся номады, живущіе отчасти произведеніями своихъ стадъ, отчасти перевозкою товаровъ или даже грабежемъ каравановъ. Къ составу кочевого населенія, главнымъ образомъ, принадлежатъ киргизы и калмыки; осѣдлое же населеніе образуютъ мало-бухарцы и нѣкоторыя другія племена, частію монгольской и тюркской, частію даже арійской расы.

1) *Кара-киргизы* или буруты есть главное населеніе горъ, окружающихъ амфитеатромъ западную половину Джитышара. Въ Тяньшанѣ ихъ восточнымъ предѣломъ нужно считать меридіанъ Кучи; на сѣверѣ они распространяются до горъ Кунгей-Алатау и до сѣвернаго склона хребта Александровскаго; на западѣ переходятъ въ Нагорный Туранъ, къ сторонѣ Аулье-ата, Намангана, Кокана и къ верховьямъ рѣкъ аму-дарьинскаго бассейна; южные ихъ предѣлы лежатъ въ отрогахъ горъ Куень-лунь, т. е. въ окрестностяхъ Яркента и даже Хотана. Вся степь между этими предѣлами также содержитъ почти однихъ кара-киргизовъ, которые, такимъ образомъ, являются господами большей части края, конечно не въ политическомъ и экономическомъ, а только въ пространственномъ отношеніи. Какъ велико ихъ число, мы не знаемъ; но слѣдующее соображеніе можетъ дать хотя приблизительную идею о немъ. Въ нашихъ предѣлахъ, именно въ уѣздахъ Токмакскомъ и Иссыкъкульскомъ, по счисленію организаціонныхъ коммисій, должно полагать около 140,000 душъ; площадь же этихъ двухъ уѣздовъ едва-ли составляетъ одну шестую всей площади, занятой кара-киргизами въ границахъ описываемаго пространства. Итакъ, во владѣніяхъ нашихъ и Якубъ-бека кашгарскаго нужно считать приблизительно 850,000 кара-киргизовъ. Они суть исконные обитатели этихъ мѣстностей и раздѣляются по происхожденію, подобно туранскимъ узбекамъ и степнымъ киргизъ-кайсакамъ, на роды. Эти роды, числомъ 14, въ свою очередь, подраздѣляются на подроды и колѣна, а въ цѣломъ своемъ составѣ сливаются въ двѣ большія генеалогическія группы: *онъ*, правые (Bouroutтes orientaux у Клапрота), и *соль*, лѣвые (Bouroutтes occidentaux). Къ первой группѣ принадлежатъ роды: Богу, Сары-багишъ, Султы, Черикъ, Саякъ, Адыгинэ, Багышъ, Монандыръ, Джадыгыръ и Тунгатаръ; ко второй роды Кочке, Сору, Мундузъ и Кытай. Всѣ послѣдніе, а также изъ первой группы роды Монандыръ, Джадыгыръ и Тунгатаръ, кочуютъ во владѣніяхъ Якубъ-бека; Адыгинэ, Багышъ и часть дру-

гихъ родовъ держатся коканскихъ земель, а роды Султы, Сарыбагишъ, Богу и значительная часть Саяковъ и Чериковъ принадлежатъ къ подданнымъ Россіи.

Характеръ мѣстности, занятой кара-киргизами, произвелъ свое вліяніе на ихъ общественный строй въ томъ смыслѣ, что не далъ образоваться не только одному могущественному владѣнію, но даже мелкимъ княжествамъ, съ аристократическими главами, въ родѣ степныхъ киргизскихъ султановъ. Отъ того бурутскіе старшины, хотя нерѣдко наслѣдственные, суть люди черной кости, т. е. плебеи. Старшины эти называются манапами, въ русскихъ же владѣніяхъ просто волостными и аульными старшинами или біями (судьи), такъ какъ всѣ они суть лица выборныя и званія свои получаютъ на основаніи общаго степнаго положенія. Волостей этихъ у насъ 22; по наравнѣ съ ними въ Токмакскомъ уѣздѣ, по р. Чу, живутъ и управляются еще три волости киргизовъ Большой орды.

Буруты суть народъ тюркской расы, уйгурскаго колѣна, и происхожденіе свое выводятъ изъ окрестностей Андиджана, хотя еще въ XVII вѣкѣ значительная часть ихъ кочевала по верхнимъ частямъ рѣки Енисея, почти до самаго Красноярска. Они сродни узбекамъ, и напримѣръ родъ Кипчакъ, въ Коканскомъ ханствѣ, до нѣкоторой степени можетъ быть признаваемъ общимъ обоимъ народамъ. Жизнь въ горахъ, однако, во многомъ обособила кара-киргизовъ отъ узбековъ, а также отъ осѣдлыхъ мало-бухарцевъ и даже отъ степныхъ киргизъ-кайсаковъ, такъ что, несмотря на извѣстный филологическій фактъ, что всѣ тюркскія нарѣчія стоятъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ нарѣчія другихъ языковъ, бурутъ далеко не всегда понимаетъ, напримѣръ, татарина изъ Казани или даже номада изъ сибирской степи. Грамотнаго языка у полудикихъ горныхъ пастуховъ, разумѣется, нѣтъ, и если изъ нихъ кто учится читать и писать, то на языкѣ мало-бухарскихъ татаръ. Поэзія легендъ и сказокъ, изустно передаваемыхъ рапсодами, у нихъ однако своя. Ихъ промыслы очень немногочисленны и состоятъ, кромѣ разведенія стадъ и торговли скотомъ, въ приготовленіи войлоковъ, шапокъ, нагаекъ, сѣделъ и т. п. Все же нужное для одежды они получаютъ готовымъ или въ видѣ тканей у коканскихъ, кашгарскихъ и русскихъ купцовъ. Хлѣбопашествомъ занимаются изъ нихъ очень немногіе, гораздо менѣе, чѣмъ напримѣръ киргизы Большой орды, и къ хлѣбу народъ привыкъ еще очень мало, замѣняя его сполна мясомъ, кумысомъ, куртомъ и другими продуктами скотоводства. Долгое время буруты считались

воинственными, благодаря тому, что часто грабили караваны и разбивали (чебарили) аулы сосѣдей; но съ подчиненіемъ ихъ русской власти оказалось, что это столь же покорный, хотя склонный къ неповиновенію *слабой* власти, народъ, какъ и всѣ прочіе обитатели Средней Азіи. Неизвѣстно, употребляли ли ихъ наши начальства при отрядахъ, въ видѣ милиціонеровъ и почтарей, но вѣроятно они могутъ быть также легко пріучены къ этой службѣ правительству, какъ и всѣ прочіе киргизы. Подати уплачиваются ими наравнѣ съ другими кочевниками. Но тамъ, гдѣ власть слаба, они склонны къ безпорядкамъ, особенно къ барантѣ (угону чужого скота) и грабежу каравановъ. Послѣдній промыселъ у нихъ долго былъ обставленъ нѣкоторою легальностью. Именно, почти каждый манапъ считалъ себя въ правѣ требовать, чтобы проходящій мимо его кочевокъ караванъ зашелъ къ нему въ гости и потомъ широкою рукою заплатилъ за гостепріимство. Теперь въ нашихъ владѣніяхъ всѣмъ этимъ своевольствамъ положенъ предѣлъ, потому что грабежъ судится русскимъ судомъ, да и Якубъ-бекъ кашгарскій едва-ли потакаетъ грабителямъ, такъ что караваны между Кашгаромъ и Вѣрнымъ ходятъ въ совершенной безопасности. Въ 1871 году они провезли товаровъ болѣе чѣмъ на 600,000 р. сер., и кара-киргизы были, конечно, главнѣйшими возчиками этого груза, но не грабителями его. Устройство хорошихъ дорогъ въ горахъ и возникновеніе русскихъ осѣдлостей среди кара-киргизскихъ земель болѣе всего можетъ смягчить нравы полудикаго народа; а если бы къ тому еще присоединить искусную пропаганду религіозныхъ понятій, въ замѣнъ очень шатко знакомаго кара-киргизамъ ислама, то можно бы надѣяться на скорое перерожденіе многовѣковыхъ хищниковъ въ народъ совершенно мирный и невраждебный намъ.

2) *Мало-бухарцы* суть народъ, говорящій тюркскимъ языкомъ, но по справедливости причисляемый Шау къ арійской расѣ, отуречившейся со времени утвержденія ислама и власти узбековъ во всемъ Туркестанѣ. Они составляютъ населеніе городовъ и деревень Джитышара и занимаются земледѣліемъ, садоводствомъ, торговлей и разными, довольно многочисленными ремеслами, начиная отъ кузнечнаго и плотничнаго до тканья шелковыхъ матерій и шлифовки дорогихъ камней. Только въ дѣлѣ торговли они имѣютъ репутацію обманщиковъ, да и вообще принадлежатъ къ самымъ развращеннымъ представителямъ средне-азіятской цивилизаціи. Потому строгая власть, чисто деспотическаго характера, сдѣлалась

для нихъ совершенной необходимостью, и Якубъ-бекъ очень хорошо понимаетъ это, являясь неумолимымъ судьею всякаго рода мошенничества и другихъ мѣстныхъ пороковъ. Въ политическомъ отношеніи мало-бухарцы также весьма коварный народъ. «Въ самое спокойное время, говоритъ авторъ китайской географіи, если старшины и ахуны (духовенство) ихъ нѣсколько дней собираются въ одно мѣсто, то непремѣнно раждаются противозаконные замыслы, и народъ слѣпо повинуется заговорщикамъ». Отъ того такое множество революцій въ странѣ за какіе-нибудь сто лѣтъ, именно, въ 1755 — 1758 годахъ возмущеніе Бoронидy и Ходжи Джана, въ 1765 году ушское, въ 1825, 1830, 1857 и 1865 годахъ кашгарскія, изъ которыхъ послѣднее, сдѣлавшись общимъ городамъ Джитышара, повело къ окончательному его отпаденію отъ Китая.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что кашгарскія инсуррекціи происходили столько же отъ мятежнаго духа самихъ жителей этого города, ненавидѣвшихъ притѣснительную китайскую власть, сколько и отъ существованія потомковъ прежнихъ независимыхъ государей Кашгара, изъ которыхъ напримѣръ Ходжа-Апакъ пользуется репутаціею святаго. Нынѣшній повелитель Джитышара, Якубъ-бекъ, потому, между прочимъ, легко и утвердился въ Кашгарѣ, что явился сначала лишь полководецъ одного изъ ходжей, потомковъ Апака, именно Безуркъ-хана, котораго, впрочемъ, скоро успѣлъ сбыть съ рукъ.

Общіе средне-азіатскіе и мусульманскіе нравы и обычаи господствуютъ между мало-бухарцами. Но гаремная жизнь менѣе развита чѣмъ, напримѣръ, въ Персіи и Бухарѣ, почему и женщины пользуются значительною свободою, являются на улицы безъ покрывала, поютъ и пляшутъ на празднествахъ и т. п. Онѣ даже, безъ особаго риска, злоупотребляютъ этой свободою, вступая въ краткосрочные браки съ пріѣзжими мужчинами, и Каульбарсъ приводитъ цѣны по обычаю платимыя иностранцами такимъ случайнымъ супругамъ. Но какъ собственно непотребныхъ женщинъ, содержимыхъ въ публичныхъ домахъ, по мало-бухарскимъ городамъ нѣтъ, ибо этого не дозволяетъ мусульманскій законъ, то мѣстные развратники довольствуются тайными связями съ чужими женами и дочерьми или, еще чаще, прибѣгаютъ къ бачамъ. Это даетъ лучшую мѣрку всей нравственности мало-бухарцевъ.

Значительное умственное и промышленное превосходство мало-бухарскаго населенія надъ сосѣдними номадами, кара-киргизами и калмыками, дѣлаетъ ихъ не только экономическими, но и политическими господами Восточнаго Туркестана, хотя число ихъ едва ли

превосходитъ 580,000 душъ. На этой цифрѣ, по крайней мѣрѣ, останавливается Петерманъ, слѣдуя Форситу и Валиханову; и въ самомъ дѣлѣ, счисленіе по городамъ приводитъ именно къ этой цифрѣ, какъ будетъ видно ниже, при описаніи самихъ городовъ.

Мало-бухарцы, не смотря на свою нравственную испорченность, весьма фанатичны въ смыслѣ религіозномъ. Наружные обряды исламизма исполняются ими съ большою строгостью, особенно со времени утвержденія власти Якубъ-бека, который требуетъ наружнаго благочестія и вѣрности мусульманству. Онъ не затруднился истребить до 40,000 китайцевъ, мирно жившихъ въ Восточномъ Туркестанѣ и не противившихся его власти, но лишь не желавшихъ принять магометанскую вѣру. То же вѣроятно бывало и въ прежнія времена, ибо происхожденіе *дунганъ* приписывается именно насильственному обращенію въ исламизмъ китайцевъ, особенно дѣтей тѣхъ изъ нихъ, которое, по неимѣнію другихъ женщинъ, вступали въ бракъ съ мусульманками. Въ настоящее время, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, есть въ Джитышарѣ до 7,000 китайцевъ-магометанъ, обращенныхъ не далѣе, какъ со времени утвержденія бадаулета Якуба.

3) *Калмыки* суть представители третьей большой расы, изъ числа тѣхъ, которые приходятъ въ прикосновеніе въ тянь-шаньскомъ пограничномъ пространствѣ, именно расы монгольской. Они кочуютъ въ бассейнѣ рѣки Хайду-гола, главнымъ образомъ въ между-горныхъ долинахъ по Юлдусу, и число ихъ вѣроятно не превосходитъ 50,000 душъ, ибо при китайцахъ они обязаны были выставлять 9,900 всадниковъ, что соотвѣтствовало общему итогу населенія въ 90,000 душъ; но съ тѣхъ поръ значительная ихъ часть истреблена въ междоусобіяхъ или же ушла на сѣверъ отъ Тянь-шаня, въ Кульджинскій округъ. Калмыки эти принадлежатъ къ колѣнамъ Хошотовъ и Торгоутовъ и управляются своими тайшами. Они враги Якубъ-бека и съ сожалѣніемъ вспоминаютъ о времени владычества китайцевъ. Якубъ-бекъ поэтому ихъ притѣсняетъ, обременяя тяжелыми и временными сборами вьючнаго и продовольственнаго скота для своихъ войскъ.

4) Въ окрестностяхъ Яркента, какъ на юго-востокѣ отъ него, такъ особенно на западѣ, въ горныхъ долинахъ Куэнь-луня и Болора, живутъ разные мелкіе народцы, рѣзко отличающіеся типомъ и языкомъ отъ всѣхъ тюркскихъ и монгольскихъ обитателей Восточнаго Туркестана, и безъ сомнѣнія принадлежащіе къ арійской расѣ. Этихъ людей китайская географія называла *болорцами*; Шау же,

видѣвшій ихъ на югъ отъ Яркента, именуетъ *вахіанами*, не распространяя впрочемъ этого названія на всѣ сродныя сосѣднія племена. Весьма недавно существовало, повидимому, маленькое государство изъ людей этого племени въ Сыры-колѣ или Ташъ-курганѣ, на верховьяхъ лѣвыхъ притоковъ Яркентъ-дарьи; но въ 1869 году Якубъ-бекъ покорилъ это владѣніе, а жителей его, оказавшихъ значительное сопротивленіе, увелъ въ Кашгаръ и поселилъ на востокъ отъ этого города. Очень вѣроятно, что эти болорцы или вахіане родственны гальчамъ и другимъ индо-персидскимъ племенамъ верховьевъ Аму-дарьи, и между ними также встрѣчаются особи бѣлокурыя или, по крайней мѣрѣ, съ русыми волосами и голубыми глазами, что совершенно чуждо монголамъ и тюркамъ и что возбуждало удивленіе китайцевъ послѣ прихода ихъ въ Туркестанъ. Люди эти отличаются крѣпостью сложенія, а въ бытовомъ отношеніи представляютъ особенность, сближающую ихъ съ балтистанцами и другими жителями Тибета: именно, у нихъ распространена поліандрія, т. е. одна жена можетъ имѣть по нѣскольку мужей, обыкновенно братьевъ. Какъ велико число вахіанъ во владѣніяхъ Якубъ-бека, мы не знаемъ; но во всякомъ случаѣ нужно думать, что они не принадлежатъ къ особенно вѣрнымъ его подданнымъ.

5) Что касается до *китайцевъ*, еще недавно очень многочисленныхъ въ Малой Бухаріи, то выше уже было упомянуто, что они подверглись истребленію въ 1865 и послѣдующихъ годахъ. Однако часть ихъ осталась въ краѣ, принявъ мусульманскую вѣру. Якубъ-бекъ даже не затруднился положиться на ихъ преданность своимъ династическимъ интересамъ и употребляетъ ихъ на военную службу. Сколько ихъ есть теперь во всемъ Джитышарѣ, мы не знаемъ, но вѣроятно лишь нѣсколько тысячъ.

6) Въ другихъ отношеніяхъ къ властителю Джитышара находятся *дунгане*, сосредоточенные главнымъ образомъ на сѣверѣ отъ Тянь-шаня, въ Урумци, Манасѣ и проч. Если не всѣ они, то по крайней мѣрѣ значительное число ихъ, ненавидятъ власть малобухарцевъ, подъ которую подпали не далѣе 1871 года. Бывшій правитель Урумци, послѣ освобожденія этого города въ 1863 году отъ власти китайцевъ, хазретъ Лотай, постоянно выдвигается дунганями какъ соперникъ Якубъ-беку на сѣверѣ отъ Небесныхъ горъ; и какъ сами они не въ силахъ возстановить свою независимость, то не разъ уже обращались къ нашимъ властямъ въ Семипалатинскѣ съ просьбою о помощи, хотя бы цѣною подчиненія Россіи. Въ 1871—1872 г. манасскіе дунгане съ большою пре-

дупредительностью приняли русскій караванъ, пришедшій къ нимъ изъ Кульджи.

7) Шау, въ числѣ обитателей Восточнаго Туркестана, называетъ еще кашмирцевъ, балтистанцевъ, бадакшанцевъ и *дуланъ*. Что касается до первыхъ трехъ народностей, то представители ихъ во владѣніяхъ Якубъ-бека суть не болѣе какъ выходцы изъ мѣстъ хорошо извѣстныхъ въ наше время, и если живутъ постоянно въ Яркентѣ, Хотанѣ и проч., то составляютъ тамъ лишь небольшія колоніи, обыкновенно сгруппированная въ особыхъ кварталахъ и иногда, какъ напримѣръ кашмирцы въ Яркентѣ, пользующіеся весьма незавиднымъ общественнымъ положеніемъ. О дуланахъ же можно сказать, что это, доселѣ неизвѣстное этнографамъ, племя имѣетъ нѣкоторое значеніе для страны, потому что стѣсняетъ ея торговлю, занимаясь грабежомъ каравановъ. Населяя юго-восточныя окраины, оно живетъ въ ямахъ и мазанкахъ и вѣроятно очень немногочисленно.

8) Это перечисленіе народностей тянь-шаньскаго пограничнаго пространства можно заключить наименованіемъ *русскихъ*, которые живутъ въ Иссыкъ-кулѣ, у подножія Александровскаго хребта и даже на Нарынѣ, занимая всего восемь населенныхъ пунктовъ и простираясь числомъ до 3,500 душъ. Такимъ образомъ, общій итогъ населенія описываемаго пространства получится въ полтора миліона душъ, быть можетъ нѣсколько больше, что все-таки даетъ не свыше 100 душъ на квадратную милю. А какъ притомъ главная масса этого населенія тѣснится въ подгорныхъ оазисахъ, то остальная страна имѣетъ большею частію видъ безплодной пустыни, которая, слѣдовательно, очень трудно проходима не только для отрядовъ и каравановъ, но даже и для отдѣльныхъ всадниковъ, чему также помогаютъ и топографическія свойства страны, то весьма гористой, то представляющей песчаную степь.

Главная группа русскаго населенія находится въ восточной половинѣ иссыкъ-кульскаго бассейна, гдѣ лежитъ центръ уѣзднаго управленія *Караколъ*, значительное селеніе Преображенское, на устьѣ Туба, и небольшія деревни Сливкина, Курменты и Аксу. Городокъ Караколъ, впрочемъ, имѣетъ среди своихъ гражданъ больше татаръ и сартовъ, чѣмъ русскихъ, если, конечно, не считать гарнизона. На югѣ отъ Иссыкъ-куля русскіе имѣютъ всего одну осѣдлость, въ укрѣпленіи *Нарынскомъ*, которое составляетъ передовой нашъ пунктъ къ сторонѣ Кашгарскихъ владѣній и при которомъ устроенъ черезъ рѣку Нарынъ мостъ. Въ долинѣ Чу на-

ходятся русскія колоніи у *Токмака*, служащаго центромъ уѣзда, и на рѣкѣ Аксу—селеніе Бѣловодское. Какъ уже замѣчено выше, весьма возможно и желательно размѣры этой колонизаціи увеличить и, конечно, лишь тогда наше положеніе въ краѣ станетъ совершенно прочнымъ и безопаснымъ. Что касается Якубъ-бека, то онъ уже воздвигъ къ сторонѣ нашихъ владѣній три форта: Атбашъ, Артышъ (Чокмакъ) и Аксай (Кокъ-кія), поставленные очень удачно по ущельямъ горныхъ рѣчекъ; да и на другихъ проходахъ въ свою страну сторожитъ появленіе возможныхъ непріятелей, какъ, напримѣръ, у Шахдулы, по дорогѣ изъ Яркента въ Ладакъ. Впрочемъ, главною гарантіею противъ занятія и опустошенія Джитышара внѣшними врагами Якубъ-бекъ считаетъ, конечно, укрѣпленія своихъ городовъ: Кашгара, Яркента, Аксу, и проч. На описаніи этихъ городовъ и стоитъ теперь остановиться съ нѣкоторою подробностію.

Кашгаръ — наиболѣе извѣстный намъ пунктъ — лежитъ вблизи южной подошвы Небесныхъ горъ, на рѣкѣ Тумень-су и на многочисленныхъ арыкахъ, выведенныхъ изъ нея, и иногда на столько многоводныхъ, что по нимъ можно плавать въ лодкахъ. Самая рѣка Тумень-су протекаетъ вдоль сѣверной части городской стѣны, отдѣляя отъ города сады и предмѣстья. Черезъ нее устроенъ мостъ, по которому путешественникъ подходитъ къ сѣвернымъ воротамъ города. Войдя въ нихъ и слѣдуя вообще къ юго-западу по кривымъ улицамъ города, достигаешь до янгишарскихъ воротъ въ южной части стѣны и до кокандскихъ—въ западной. Эти трое воротъ и составляютъ единственные открытые доступы въ Кашгаръ, котораго общая фигура, обозначенная изгибами стѣны, есть трапеція съ длиннымъ бокомъ на юго-юго-востокѣ, съ параллельнымъ ему короткимъ на сѣверѣ и съ двумя другими, обращенными на востокъ и на сѣверо-западъ. Городъ, вѣроятно, содержитъ 45 или 50,000 жителей и во всякомъ случаѣ по обширности и многолюдству значительно уступаетъ, напримѣръ, Ташкенту. На югѣ отъ него, въ нѣсколькихъ верстахъ, лежитъ цитадель *Янгишаръ*, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ того же имени, расположеннымъ далѣе по дорогѣ въ Яркентъ. Янгишарская цитадель есть мѣстопребываніе самого Якубъ-бека; въ ней помѣщается дворецъ, казармы для войскъ и пороховой заводъ. Воду получаетъ изъ арыка, но есть и колодцы. Въ сторонѣ противоположной отъ Янгишара, т. е. на сѣверѣ отъ Кашгара, верстахъ въ шести, лежитъ пунктъ, также могущій содѣйствовать оборонѣ города, если его

укрѣпить: это могила Ходжи-Апака съ мавзолеемъ надъ ней. Весь вообще Кашгаръ окруженъ садами, среди которыхъ находится не мало домовъ, такъ что начало предмѣстьевъ нужно считать всюду за двѣ, четыре версты отъ стѣнъ самаго города.

Яркентъ есть другой важный пунктъ владѣній Якубъ-бека, болѣе обширный и многолюдный, чѣмъ самый Кашгаръ, такъ что Шау полагаетъ въ немъ до 75,000 жителей, а Гейуордъ и того болѣе, хотя, судя по длинѣ городской стѣны (шесть верстъ), едва ли можно въ немъ предполагать столь большое населеніе. Въ городѣ есть 12 караванъ-сараевъ и 160 мечетей. Стѣны его имѣютъ отъ 30 до 40 футовъ вышины, при 16 футахъ толщины по верху, гдѣ 12 футовъ оставлено подъ дорогу, а на переднихъ четырехъ устроены зубцы (то же и въ Кашгарѣ). Вода проведена изъ канала, отдѣляющагося изъ Яркентъ-дарьи влѣво и, въ свою очередь, распадающаяся на арыки, которые проходятъ въ городъ чрезъ сводообразныя отверстія въ стѣнахъ. Шесть воротъ обороняются башнями. Цитадель лежитъ отдѣльно отъ города, въ полуверстѣ западнѣе его, и представляетъ квадратъ въ 250 саженъ длиною и шириною, обнесенный стѣною въ 40 футовъ вышины. Окрестная городу равнина чрезвычайно плодородна, и промышленные горожане довольно богаты, хотя зажиточность ихъ много уменьшилась отъ прекращенія торговли съ Китаемъ.

Аксу — третій важный городъ Джитышара и съ 1870 года офиціяльная столица Якубъ-бека, который построилъ тутъ дворецъ-цитадель и держитъ постоянно многочисленный гарнизонъ, какъ резервъ для войскъ, расположенныхъ въ другихъ частяхъ края. Собственно жителей въ Аксу едва ли болѣе 50,000, потому что на каждый средне-азіятскій домъ-мазанку обыкновенно полагаютъ менѣе четырехъ съ половиною душъ населенія, а въ Аксу имѣется 12,000 домовъ. Выборъ этого города столицею показываетъ искуснаго стратега и политика въ Якубъ-бекѣ, ибо Аксу есть не только центральный пунктъ его владѣній, но и наименѣе доступный съ сѣвера и юга. Окрестности его, какъ и двухъ выше описанныхъ, Кашгара и Яркента, представляютъ пышный оазисъ, на которомъ разбросано нѣсколько селеній, жители которыхъ занимаются садоводствомъ и земледѣліемъ. Размѣры аксуйскихъ укрѣпленій намъ неизвѣстны.

Хотанъ — опять довольно важный городъ, впрочемъ не столько въ торговомъ, сколько въ административномъ и политическомъ отношеніи. Шелководство здѣсь развито не менѣе, какъ въ Яркентѣ,

а кромѣ того жители занимаются добываніемъ нефрита и яшмы. Отсюда идутъ дороги въ Тибетъ и въ Аньсійскій округъ губерніи Ганьсу, обѣ трудныя, первая по причинѣ горъ, вторая по обширности безплодныхъ степей.

Янгисаръ, Ушъ-Турпанъ и *Куча* суть три остальные города, которые, съ своими округами, принадлежатъ къ составу собственно Джитышара, т. е. седьмиградія. Они гораздо менѣе обширны, чѣмъ предыдущіе, да и самые оазисы, среди которыхъ они лежатъ, не столь пространны, какъ, напримѣръ, кашгарскій. По тѣмъ шаткимъ даннымъ, которые мы имѣемъ относительно недавняго прошлаго этихъ городовъ, и при недостаткѣ точныхъ современныхъ извѣстій объ ихъ населенности и состояніи, можно, кажется, признать, что округи ихъ представляютъ слѣдующее:

Кучинскій, изъ городовъ Кучи и Шахъ-яра, и селеній Тогулая, Арбата, Тойболоды и др., имѣетъ едва ли болѣе 2,000 осѣдлыхъ семействъ. Здѣсь подгорный оазисъ южно-тянь-шаньскій столь узокъ, что миновать Кучу, идя, напримѣръ, отъ Хами въ Кашгаръ, невозможно, почему китайцы и считали этитъ городъ ключомъ Восточнаго Туркестана, тѣмъ болѣе, что окрестныя горы доставляли имъ селитру, сѣру и мѣдь.

Ушскій округъ состоитъ изъ города Ушъ-Турпана и окрестныхъ селеній, которыя всѣ тяготѣютъ къ Аксу и едва ли имѣютъ въ суммѣ болѣе 4—5,000 осѣдлыхъ семействъ.

Янгисарскій округъ многолюднѣе; но сколько именно содержитъ онъ жителей въ настоящее время, мы не знаемъ. Валихановъ въ 1858 году считалъ ихъ 8,000 семей, причемъ изъ селеній, принадлежащихъ къ округу, называетъ особенно Лабу и Терекъ-текъ, замѣчательное производствомъ хашиша.

Такимъ образомъ, въ трехъ второстепенныхъ округахъ получается не болѣе 15,000 осѣдлыхъ семействъ, т. е. около 70,000 душъ. Это уступаетъ населенію одного Яркента и показываетъ, какъ много группировка населенія Джитышара зависитъ отъ производительности отдѣльныхъ оазисовъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы должны полагать, что въ Кашгарскомъ округѣ, съ городами Кашгаромъ, Ташмалыкомъ, Фейзабатомъ и селеніями: Аббатъ, Артышъ, Аргу, Бишкеримъ, Бурахатай, Дженичке, Койтой-алакъ, Муши-Саарапъ, Тогузакъ, Тузгунъ, Уфалъ, Ханъ-арыкъ, Янги-абатъ и проч., имѣется не менѣе 40,000 дворовъ, т. е. 180,000 душъ; — въ Яркентскомъ, гдѣ кромѣ главнаго города есть большія селенія Барчукъ, Губа, Каргалыкъ, Киліанъ, Маралъ-баши, Санчжу, Тагбуй,

Юлъ-арыкъ, Янги и проч. *), также нужно считать не менѣе, а быть можетъ и 200,000. Хотанскій округъ, имѣвшій въ 1858 году до 18,000 домовъ, хотя и лишился части этого населенія при междуусобіяхъ 1860-хъ годовъ, но, вѣроятно, и по нынѣ имѣетъ до 50,000 душъ. Аксуйскій округъ имѣетъ до 85,000, такъ что въ суммѣ для всѣхъ семи округовъ получается 580,000 душъ, что мы и приняли за итогъ мало-бухарскаго населенія.

Весьма трудно опредѣлить, какъ велико населеніе позднѣйшихъ завоеваній Якубъ-бека: Карашара, Турфана и Урумци съ ихъ округами. Во всякомъ случаѣ, оно не должно быть значительно, потому что дунганское возстаніе сильно уменьшило здѣсь число жителей, особенно сельскихъ, между которыми было много китайцевъ. Если для сравненія взять Илійскій округъ, гдѣ до революціи полагалось 300,000 душъ, а въ 1871 году нами найдено всего 114,000, то, сообразно съ указаніями китайской географіи о прежнемъ состояніи этихъ округовъ, нужно думать, что теперь въ нихъ есть не болѣе 70,000 душъ, а быть можетъ и менѣе. Урумци, бывшій нѣкогда резиденціею китайскаго цзянь-цзюня, командовавшаго сѣверотяньшаньскою линіею, продолжаетъ однако быть значительнымъ городомъ, и Якубъ-беку приходится дѣлать немаловажныя усилія, чтобы удерживать здѣсь свою власть. По свидѣтельству китайскихъ географовъ, Урумци, до возстанія 1863 года, состоялъ изъ двухъ городовъ, стараго или торговаго, расположеннаго на правомъ берегу рѣки, и новаго или маньчжурскаго, построеннаго на лѣвомъ берегу, на низменномъ мѣстѣ, за то вблизи ключей. Въ какомъ состояніи находятся эти два города теперь—намъ неизвѣстно. Манасъ, другой населенный пунктъ, уцѣлѣвшій отъ инсурекціи по сѣверную сторону Тянь-шаня и нынѣ также состоящій въ зависимости отъ Якубъ-бека, хотя не въ полной его власти, представляется лишь большимъ селеніемъ, или кентомъ, жители котораго бѣдствуютъ отъ недостатка предметовъ самой первой необходимости.

Политическое устройство и управленіе.

Такъ какъ объ устройствѣ управленія у насъ, т. е. въ русской части Тянь-шаньскаго пограничнаго пространства, сказано уже все

---

*) Къ Яркентскому округу нѣкогда причислялся еще Сарыколъ или Ташъкурганъ, разрушенный въ 1869 г. Якубъ-бекомъ, который жителей этого городка выселилъ за Кашгаръ.

нужное въ предшествовавшемъ изложеніи, то здѣсь достаточно остановиться на политическомъ состояніи и устройствѣ Восточнаго Туркестана.

Въ теченіе ровно ста лѣтъ (1757—1857) китайская власть держалась довольно прочно въ этомъ краѣ, опираясь на войска и на колонизацію, достигавшую довольно значительныхъ размѣровъ. И хотя возмущенія нерѣдко обуревали страну, но до 1857 года китайцы удерживались даже въ Кашгарѣ, т. е. въ крайнемъ западномъ подгорномъ оазисѣ. Возстаніе 1857 года выдвинуло было на первый планъ одного изъ хождей, потомковъ прежнихъ государей кашгарскихъ, именно Вали-хана-тюре; но жестокій тиранъ этотъ скоро успѣлъ возбудить къ себѣ всеобщую ненависть, и въ 1860—63 годахъ мы видимъ снова китайцевъ господствующими въ Кашгарѣ, Яркентѣ и проч. Постепенно распространившееся съ востока, изъ Ганьсу и окрестностей Урумци, дунганское возстаніе однако же скоро положило окончательный предѣлъ преобладанію сыновъ Срединнаго царства въ Малой Бухаріи. Въ Кашгарѣ снова явился ходжа, Безуркъ-ханъ, и при помощи коканскихъ войскъ, предводительствуемыхъ Якубъ-бекомъ, водрузилъ, въ январѣ 1864 года, знамя ислама на городскихъ стѣнахъ (цитадель была взята позднѣе). Съ тѣхъ поръ начинается рядъ побѣдъ Якубъ-бека, который, мало по малу, оттѣснилъ на второй планъ своего оффиціальнаго повелителя. Осенью 1864 года онъ сдѣлалъ первую экспедицію противу Яркента, гдѣ было получили преобладаніе дунгане, а зимою 1864—65 г. овладѣлъ этимъ богатымъ городомъ, а также Барчукомъ и Маралъ-баши. Въ январѣ 1867 года ему покорился Хотанъ, а лѣтомъ и осенью того же года онъ распространилъ свою власть на Аксу, Кучу и Уши-Турпанъ. Въ началѣ 1860 года взята крѣпостца Сарыколъ, и вскорѣ затѣмъ у Якубъ-бека завязались сношенія съ англичанами, при посредствѣ Шау, а потомъ Форсита. Благодаря этимъ сношеніямъ, а также посольству, которое имъ было отправлено въ Калькутту, онъ успѣлъ получить изъ Индіи свѣдущихъ инструкторовъ и техниковъ по военному дѣлу, а также оружіе. Съ тѣхъ поръ его власть въ Джитышарѣ сдѣлалась прочною, тѣмъ болѣе, что онъ свое военное могущество подкрѣплялъ мудрымъ гражданскимъ управленіемъ. Въ 1870 году властолюбіе привело его подъ стѣны Турфана, который, послѣ продолжительной осады, сдался на капитуляцію, по которой мѣстному беку обѣщана власть въ Урумци при содѣйствіи кашгарскихъ войскъ. Но при этомъ завоеватели встрѣтили немаловажное сопротивленіе со стороны дунганъ,

которые даже осадили въ цитадели мало-бухарскій гарнизонъ, такъ что и донынѣ власть Якубъ-бека на сѣверѣ отъ Тянь-шаня весьма непрочна, чтобы не сказать сомнительна. Въ замѣнъ этого, въ 1872 году, бадаулету представлялся случай утвердить свое вліяніе на западѣ отъ Болора, именно въ Бадакшанѣ, котораго законный владѣлецъ, изгнанный однимъ узурпаторомъ, обращался къ Якубъ-беку за помощью.

Въ самомъ Восточномъ Туркестанѣ владычество аталыка-газы нынѣ безусловно и даже довольно популярно. Тайна этого успѣха кроется, главнымъ образомъ, въ умѣренности податей и въ строгомъ правосудіи. Китайцы брали ежегодно съ мѣстныхъ жителей до двадцати пяти процентовъ изъ годоваго дохода. Якубъ-бекъ беретъ только пять процентовъ. Внутреннія таможни уничтожены вовсе; войскамъ своимъ онъ не позволяетъ притѣснять жителей, и напротивъ, въ мирное время, съ пользою употребляетъ ихъ на общественныя работы: устройство дорогъ, мостовъ и каналовъ. При этомъ соблюдается неслыханная въ Средней Азіи честность, то есть работающіе солдаты получаютъ сполна назначенную имъ плату, не считая жалованья за военную службу. Когда недостаетъ солдатъ, правительство нанимаетъ частныхъ работниковъ и также платитъ имъ акуратно и по условію. Въ администраціи Якубъ-бекъ постарался окружить себя людьми разумными и уважаемыми: такъ, поставленный имъ въ правители Яркента андиджанецъ Магомедъ-Юнасъ пользуется тамъ общей привязанностью. Около самаго аталыка-газы находятся два умныхъ совѣтника: Гайдербекъ-датха и Наръ-колъ; кромѣ того онъ держитъ въ свитѣ своей четырехъ ходжей: Бекъ-тюря, Кашлы-тюря, Саидъ-тюря и Пхбанъ-тюря, что служитъ къ утвержденію его авторитета въ странѣ, хотя ходжи и не имѣютъ серьезнаго вліянія на дѣла. Простота обращенія и доступность самаго бадаулета также привлекаетъ къ нему сердца. Когда Якубъ-бекъ бываетъ въ Кашгарѣ, онъ садится близъ крѣпостныхъ воротъ и тутъ чинитъ судъ и расправу, выслушиваетъ просьбы, свободно приносимыя каждымъ, и даетъ на нихъ немедленное рѣшеніе. За воровство онъ присуждаетъ къ отсѣченію руки, а многія болѣе важныя преступленія казнитъ смертію, что не должно казаться жестокимъ, ибо еще недавно мы отъ кульджинскихъ жителей слышали, что таковъ «законъ» у всѣхъ при-тяньшаньскихъ мусульманъ и что послабленіе наказаній только ведетъ у нихъ къ увеличенію числа преступленій. Беки, поставляемые Якубомъ въ подвластныхъ ему городахъ, всѣ почти принадлежатъ

къ андиджанцамъ, и только Хотанъ и Каргалыкъ управляются яркентцами. Эти люди также отличаются правосудіемъ, дѣятельностью и даже гостепріимствомъ, по отношенію къ иностранцамъ, какъ то видно было на пріемѣ англичанъ въ Яркентѣ.

Войска Якубъ-бека, — число которыхъ намъ съ точностію неизвѣстно, но конечно простирается до 10,000 или 15,000, а быть можетъ и болѣе, — организованы по-европейски, въ батальоны, батареи и конные полки, обучаемые по англійскимъ уставамъ частію афганцами, частію сипаями изъ англо-индійской арміи. Мы уже говорили, что въ числѣ ихъ есть и китайцы, обращенные въ мусульманство. Офицеры наши, видѣвшіе ученье и стрѣльбу кашгарскихъ войскъ, отзываются съ похвалой о послѣдней. Живутъ солдаты въ казармахъ и жалованье получаютъ, по мѣстнымъ условіямъ края, достаточное, именно отъ 5 до 10 коп. въ день. Офицерамъ содержаніе отпускатся хлѣбомъ, соотвѣтственно чину каждаго; напримѣръ махрамъ-баши, или прапорщикъ, получаетъ 300 чариковъ въ годъ, юзъ-баши, сотникъ—1,000 чариковъ, и проч.

Въ 1872 году, 8-го іюня, Якубъ-бекъ, дотолѣ относившійся непріязненно къ Россіи, заключилъ съ нами торговый договоръ, по которому всѣ рынки Джитышара открылись для свободной торговли русскихъ купцовъ. Пріемъ, оказанный при этомъ нашимъ посланнымъ, былъ очень внимателенъ, даже радушенъ. Якубъ-бекъ называлъ нашихъ офицеровъ «людьми, посланными ему отъ Бога, которые могли, если бы пожелали, садиться ему на колѣни, на грудь». Весьма естественно, что иного привѣта и быть не могло: посольство изъ Ташкента прежде всего доказало Якубъ-беку, что мы признаемъ его власть безспорною въ Восточномъ Туркестанѣ и не ищемъ возстановленія тамъ китайцевъ. Это внушило ему мысль и о теперешнемъ посольствѣ въ Петербургъ Ходжи Турпака. Отношенія бадаулета къ другимъ сосѣдямъ можно опредѣлить въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Бывшаго своего государя, Худояръ-хана коканскаго, онъ призираетъ, не переставая, впрочемъ, оказывать наружно почтеніе, какъ хазрету (законному повелителю). Бухарскій эмиръ, глава средне-азіятскаго ислама, также не пользуется почетомъ въ Аксу и Кашгарѣ. Съ афганцами Якубъ-бекъ доселѣ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и какъ повліяетъ на эти отношенія бадакшанскій вопросъ, мы еще ничего не знаемъ. Англо-индійское правительство заискиваетъ дружбу аталыка-газы, конечно, главнымъ образомъ для того, чтобы утвердить на рынкахъ Восточнаго Туркестана господство англійскихъ товаровъ и составить изъ этой страны

политическій оплотъ Индіи съ сѣвера. Въ 1871 году оно, не довольствуясь высылкою оружія и инструкторовъ, отправило-было особаго военнаго агента, полковника Уатсона; но офицеръ этотъ умеръ на дорогѣ изъ Ладака въ Яркентъ. Въ 1872 году посольство Якубъ-бека было благосклонно принято въ Калькуттѣ и наконецъ въ настоящемъ году отправляется изъ Индіи въ Кашгаръ большая миссія Форсита. Къ китайцамъ въ Хами Якубъ-бекъ, конечно, относится какъ врагъ и вѣроятно скоро будетъ въ открытой съ ними войнѣ.

Военный взглядъ.

Высокія горы, лежащія вдоль всей нашей границы и малодоступныя со стороны Восточнаго Туркестана, сами по себѣ составляютъ лучшую оборону ея, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что затрудняютъ вторженіе большихъ военныхъ силъ изъ Малой Бухаріи къ Иссыкъ-кулю и въ Семирѣченскій край. Какъ бы малочисленны ни были наши войска на югѣ отъ Терскея, онѣ могутъ, пользуясь мѣстностью, долго оказывать сопротивленіе непріятелю, который бы вздумалъ напасть на насъ съ юга. Такимъ образомъ собственно тактическая оборона Тяньшаньской окраины для насъ не можетъ быть предметомъ особыхъ заботъ; но вотъ какія два обстоятельства стратегической важности необходимо при этомъ принимать во вниманіе. Первое — это составъ горскаго населенія, которое все слагается изъ легкомысленныхъ киргизъ-мусульманъ, которые, въ случаѣ приближенія единовѣрнаго противника, легко могутъ стать на его сторонѣ и чрезвычайно затруднить движеніе нашихъ войскъ въ горахъ, лишая ихъ перевозочныхъ средствъ и нападая въ мѣстахъ трудно-доступныхъ. Второе обстоятельство состоитъ въ неимѣніе хорошихъ дорогъ между Иссыкъ-кулемъ и самою границею, т. е. берегами Чатыръ-куля, Аксая и проходами въ горахъ Кокшанъ. Въ настоящее время прибытіе подкрѣпленій на Нарынъ и къ югу отъ него съ нѣкоторыми удобствами можетъ совершиться только чрезъ Кутемалды и Джуванъ-арыкъ; притиву восточнаго же конца Иссыкъ-куля ни одной дороги на югъ вовсе не разработано. Между тѣмъ именно здѣсь могли бы сосредоточиваться наши резервы и всякаго рода запасы, такъ какъ восточная часть иссыкульской котловины можетъ содержать и уже содержитъ правильныя русскія осѣдлости.

Что касается до наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны

въ Джитышаръ, то можно сказать что владѣнія Чатыръ-кулемъ и долиною верхняго Аксая, мы командуемъ Кашгаромъ и всегда можемъ проникнуть туда, не смотря даже на форты, устроенные Якубъбекомъ въ горахъ. Лучшій путь, повидимому, есть тотъ, который ведетъ чрезъ Туругартъ, такъ-какъ вдоль его можно все время идти съ артиллеріею и даже съ небольшимъ числомъ легкихъ повозокъ. Но, къ сожалѣнію, неизвѣстно, какъ легки обходъ форта Чокмаза или, по крайней мѣрѣ, занятіе командующихъ имъ высотъ. Едва ли не больше, чѣмъ природа, могутъ при наступленіи нашемъ въ Джитышаръ, оказать препятствій войска Якубъ-бека, порядочно вооруженныя и отчасти уже дисциплированныя. Съ ними нужно будетъ, для достугленія успѣха, употреблять больше усилій, чѣмъ то было въ Коканѣ и Бухарѣ.

Весьма серьезный ударъ Якубъ-беку можетъ быть нанесенъ нами движеніемъ на Урумци и оттуда къ Турфану; но отдаленность такого похода, малая его вѣроятность и недостаточное знакомство съ мѣстностью и состояніемъ Урумційскаго округа дѣлаютъ всякое военное сужденіе о такомъ предпріятіи шаткимъ. Притомъ для насъ лучше будетъ, если ударъ Якубъ-беку на сѣверѣ отъ Тяньшаля понесутъ китайцы (хотя бы при нашей помощи, но непосредственной): занявъ Урумци, они спасутъ насъ отъ необходимости распространяться внутрь монгольскихъ пустынь. А такое распространеніе неизбѣжно, если къ Урумци направятся собственно русскія войска, ибо таково наше политическое положеніе въ средней Азіи, что, разъ ступивъ на какую-нибудь почву съ оружіемъ въ рукахъ, мы не можемъ уже отказаться отъ нея безъ явнаго ущерба своему нравственному вліянію даже на собственныхъ подданныхъ—азіатцевъ.

Источники.

Іакинфъ: Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана, 1827.

Humboldt: Asie Centrale, 1843.

Риттеръ: Erdkunde von Asien, томы 3 и 5, въ русскомъ переводѣ Семенова и Григорьева.

Семеновъ: Разныя статьи о Тянь-шанѣ и Алатау въ изданіяхъ Русскаго Геогр. Общ. и въ Географ. Словарѣ Рос. Имп., особенно т. IV (Сыръ-дарь).

Голубевъ: Отчетъ объ экспедиціи 1859. Записки Русскаго Географическаго Общества. 1861.

Венюковъ: Статьи о Заилійскомъ и При-чуйскомъ краѣ и объ озерѣ Иссыкъкулѣ. Записки Русскаго Географическаго Общества 1861.

Валихановъ: Очерки Джунгаріи и о современномъ состояніи Алтышара. Записки Русскаго Географическаго Общества 1861 и отрывокъ изъ путешествія въ Кашгаръ въ Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества 1868.

Проценко: Рукописи о путяхъ въ Кашгарію, о проходахъ въ Тянь-шанѣ и др. 1861—1863 г.

Abdul-Hamid: Journey to Yrkand въ J. of R. G. Soc. 1866.

Полторацкій и *Остенъ-Сакенъ*: ихъ отчеты объ экспедиціи 1867 г. къ Чатыръ-Кулю. Извѣстія Русскаго Географическаго Общества.

Рейнталь: Разсказъ о поѣздкѣ въ Кашгаръ. Военный Сборникъ 1869.

Shaw: Visits to High-Tartary, 1871.

Forsith: Mission to Yarkand, 1871.

Mirza: Travels into High-Asia, въ Монгомери Report on the oper. of the Gr. Trig. survey of India.

Hayward: Journey to the East-Turkestan въ J. of R. G. Soc. XL.

Henderson Journey from Ladak to Yarkand, 1872.

Шепелевъ: Поѣздка на Мусартскій проходъ. Изв. Рус. Геогр. Общ. 1872.

Сѣверцевъ: Путешествія по Тянь-Шаню, 1873.

Каульбарсъ: свѣдѣнія о его путешествіяхъ по Тянь-шаню и въ Кашгаръ. Изв. Рус. Геогр. Общества.

Костенко: Очерки Семирѣчья. Военный Сборникъ 1872.

Шарнгорстъ: Астроном. опред. въ Тянь-шанѣ, Из. Рус. Геогр. Общ.

Туркестанскія Вѣдомости, Туркестанскій Ежегодникъ 1872.

Карты: Клапрота, Захарова, Ильина, Сѣверцова, при путешествіи, Туркестанскаго военнаго округа, изданная въ Ташкентѣ 1872; съемки Яновскаго, Венюкова, Проценко, Краевскаго и др. до 1871.

Девятый участокъ: Нагорно-Туранскій.

Положеніе и предѣлы.

Обширныя нагорныя страны по верхнимъ и среднимъ частямъ Яксарта и Оксуса издавна представляли любопытную, стоявшую особнякомъ отъ остального азіятскаго міра, группу мелкихъ владѣній, въ которыхъ двѣ большія расы, арійская и туранская, жили перемѣшавшись между собою, но не сливаясь вполнѣ. Только дважды на памяти исторіи обитатели этихъ странъ приходили въ тѣсное соприкосновеніе съ другими народами стараго свѣта: при Александрѣ Македонскомъ, отражая не безъ успѣха завоевательные его удары, и при Тимурѣ, который самъ вышелъ отсюда на завоеваніе міра. Послѣ этихъ двухъ періодовъ блеска, память о которыхъ и доселѣ жива среди узбековъ и таджиковъ, народы эти приходили въ забвеніе, впадали въ политическое ничтожество и, по общей участи полуобразованныхъ варваровъ, проявляли свое существованіе только частыми войнами, которыя велись, впрочемъ, не въ интересахъ самихъ народовъ, а по капризу и изъ личныхъ выгодъ ихъ тирановъ-властителей. Мусульманство, проникшее сюда въ VIII столѣтіи, придало особенно жесткій, изувѣрскій характеръ этой безцѣльной борьбѣ, и только укрѣпило тотъ деспотизмъ, который развился подъ постояннымъ владычествомъ военнаго произвола и убилъ нравственно нелишенное природныхъ способностей населеніе Ферганы, Міанкала, Бадакшана и другихъ междугорныхъ оазисовъ, не безъ основанія прославленныхъ поэзіею Востока.

Занятіе нами, во второй половинѣ настоящаго вѣка, низовій Сыръ-дарьи и Заилійскаго края привело насъ въ непосредственное прикосновеніе съ сѣверной окраиною нагорнаго Турана, гдѣ тогда было довольно сильное ханство Коканъ и, въ сосѣдствѣ съ нимъ, еще болѣе могущественная Бухара. Въ пятнадцать лѣтъ со времени появленія русскихъ войскъ на Сырѣ и за Илей, участь этихъ двухъ варварскихъ государствъ естественно была рѣшена: значи-

тельная часть ихъ уже отошла къ Россіи, а надъ остатками она получила вполнѣ осязательное вліяніе.

Изъ остальныхъ владѣній нагорнаго Турана, Каратегинъ, Дарвазъ, Шугнанъ и Кулябъ пока извѣстны намъ только по именамъ или, самое большое, по распроснымъ извѣстіямъ, а Бадакшанъ по показаніямъ нѣсколькихъ англійскихъ путешественниковъ. Впрочемъ всѣ они лежатъ столь недалеко отъ русскихъ предѣловъ, что, конечно, въ теченіе какихъ-нибудь десяти лѣтъ войдутъ въ общій районъ нашего вліянія, если не политическаго и военнаго, то хоть экономическаго. Самый Афганистанъ, сѣверными своими предѣлами, находится теперь отъ нашихъ южныхъ границъ не болѣе какъ въ 400 верстахъ, такъ что переѣздъ отъ Самарканда въ Балхъ значительно короче переѣзда отъ Самарканда въ Перовскъ. Вслѣдствіе этого и принимая во вниманіе, что съ Афганистаномъ Россія пока сношеній не имѣетъ, мы можемъ взять за предѣлы нагорно-туранскаго, пограничнаго пространства: на сѣверѣ сѣверную границу Сыръ-дарьинской области по рѣкѣ Чу; на востокѣ сначала 92 меридіанъ отъ Ферро или восточныя границы Сыръ-дарьинской области и Коканскаго ханства, а потомъ вершины рѣкъ, впадающихъ въ Оксъ; на югѣ долину Аму-дарьи до Кундуза, Хулума и Балха, и на западѣ степи туркменовъ и киргизовъ бухарскихъ, хивинскихъ и нашихъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣнію нашему будутъ подлежать, примѣрно, 12,000 квадратныхъ миль, изъ которыхъ около половины русскихъ владѣній.

Въ смыслѣ научнаго изслѣдованія этой обширной страны, она распадается на двѣ, рѣзко отличныя одна отъ другой, части: сѣверную и южную. Первая, состоящая изъ русскихъ владѣній, Кокана и части Бухарскаго ханства по Зеравшану и Акъ-дарьѣ, хорошо извѣстна, ибо имѣетъ астрономическія опредѣленія, съемки и множество описаній, общихъ и спеціяльныхъ; вторая же, къ которой принадлежатъ Каратегинъ, Воханъ, Дарвазъ, Шугнанъ, Бадакшанъ, Кулябъ и остальная часть бухарскихъ владѣній, есть, до нѣкоторой степени, terra incognita и представляетъ множество спорныхъ вопросовъ даже по географіи.

Таблица астрономическихъ пунктовъ, числомъ вообще 50, показываетъ, какъ бѣдна прочными основами географія южной половины нагорнаго Туркестана или, точнѣе, бассейна правыхъ притоковъ Аму-дарьи. А какъ для этой же мѣстности не достаетъ и съемокъ сколько-нибудь надежныхъ, то карту ее приходится чертить болѣе или менѣе гадательно. И хотя труды англійскихъ путе-

шественниковъ и географовъ Борнса, Вуда, «мирзы», и особенно Юля значительно разсѣяли географическій мракъ, господствовавшій надъ этою страною при составленіи относящихся до нея главъ Риттеревой «Азіи», но и донынѣ составить вполнѣ надежный чертежъ ея такъ же почти невозможно, какъ было четверть столѣтія назадъ, когда появилась Циммерманова Inner-Asien. Въ слѣдующемъ изложеніи топографіи будетъ поэтому обращено особенное вниманіе на установленіе правильныхъ понятій о мѣстности по верховьямъ Окса, на сколько это возможно при теперешнемъ состояніи географической науки.

Топографія.

Извѣстно, что Гумбольдтъ, устанавливая орографію Азіи, призналъ существованіе, въ разсматриваемомъ пространствѣ, двухъ горныхъ системъ, тянь-шаньской и болорской. Эту послѣднюю онъ причислилъ къ меридіональнымъ, подобно Уралу, Солимановымъ горамъ, Ливану и проч., и полагалъ, что ось кряжа составляетъ съ меридіаномъ уголъ не болѣе $9^1/_2°$ къ сѣверо-западу. Сѣвернымъ концемъ *Болорскаго* хребта считалъ онъ урочище Минъ-булакъ въ Боролдайскихъ или Каратаусскихъ горахъ, такъ что хребетъ этотъ являлся пересѣкающимъ Сыръ-дарью выше Андиджана и Уша. Вблизи послѣдняго же города предполагалъ Гумбольдтъ пересѣченіе Болора Тянь-шанемъ, вслѣдствіе чего тутъ, по мнѣнію его, образовалось осебенно высокое надутіе, извѣстное въ то время подъ именемъ Солиманова Трона, къ югу отъ котораго въ нѣкоторомъ разстояніи, именно подъ $39^1/_4°$ широты, долженъ былъ начинаться Памиръ, знаменитая нагорная площадь, которую туземцы называютъ бами-дуніа, т. е. крышею міра. Показаніе Вуда, бывшаго въ 1837 году у озера Сары-куля и называвшаго Памиромъ именно эту мѣстность, было, до нѣкоторой степени, обойдено Гумбольдтомъ, какъ противорѣчившее другимъ источникамъ, и такимъ образомъ посѣяны были первыя несогласія между учеными относительно самыхъ существенныхъ чертъ географіи Верхней Азіи.

Эти несогласія особенно усилились въ 1860 годахъ, послѣ открытія въ Петербургѣ одной таинственной рукописи, едва ли не сочиненной Клапротомъ и во многомъ противорѣчившей другимъ источникамъ свѣдѣній о Болорскомъ нагорьѣ. Только новѣйшіе

труды Юля и Федченко разсѣяли до нѣкоторой степени этотъ географическій мракъ и стѣснили область «неизвѣстныхъ земель» до 3 или $3^1/_2$ тысячъ квадратныхъ миль, гдѣ и должны будущіе путешественники отыскивать Памиръ и Болоръ.

Что касается до *Тянь-шаня*, то основная черта его устройства, протяженіе отъ востока къ западу и отчасти къ юго-западу, указана Гумбольдтомъ вѣрно. Только система Небесныхъ горъ оказывается состоящею не изъ одной цѣпи, а изъ цѣлаго ряда хребтовъ, болѣе и болѣе расходящихся къ западу уже отъ горы Ханъ-Тенгри, т. е. далеко на востокѣ отъ описываемаго пространства. Въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области и Коканa мы можемъ насчитать восемь подобныхъ цѣпей, которыя всѣ имѣютъ рѣзко обозначенные рельефы и раздѣлены то узкими рѣчными долинами, то широкими низменностями. Цѣпи эти суть слѣдующія:

1) *Кара-тау*, на сѣверо-западѣ Сыръ-дарьинской области, между Сыръ-дарьею и Чу. Хребетъ этотъ тянется отъ западо-сѣверо-запада къ востоко-юго-востоку на 350 верстъ, начинаясь у мыса Кара-Муруна и оканчиваясь при верховьяхъ рѣки Терси, близъ урочища Минъ-булака. Горы нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи, но на столько высоки, что мѣстами на отклонахъ ихъ встрѣчаются рощи, саксауловыя и можжевеловыя у западнаго конца, ясеневыя и бересклетовыя у восточнаго. Высшія точки цѣпи, повидимому, находятся близъ средины ея длины, у дороги изъ Туркестана въ Чулакъ, гдѣ есть вершины въ 7,000 футовъ, и затѣмъ на востокъ отсюда до верховій Бугуни. Въ послѣдней мѣстности, т. е. за Чулакомъ, самое строеніе хребта нѣсколько измѣняется: на сѣверѣ его становится замѣтною довольно широкая гряда предгорій, Кичкине-Каратау, тогда какъ западнѣе Чулака весь сѣверный скатъ Каратау узокъ и крутъ. Восточную оконечность цѣпи образуютъ высоты *Куюкъ*, которыя подходятъ къ рѣкѣ Асѣ и огибаются съ юга притокомъ ея Терсью. Затѣмъ между Асою и Таласомъ лежитъ болѣе или менѣе ровная степь. Въ верховьяхъ Терси, Каратау отдѣлены плоскою сѣдловиною отъ лежащаго на югѣ хребта Уртакъ-тау, а нѣсколько западнѣе къ нимъ примыкаетъ небольшой хребетъ *Бороддай*, тянущійся верстъ на 100 между рѣкой того же имени и Арысомъ и достигающій до 3,500 футовъ надъ моремъ. Каратаусскія горы рудоносны; въ нихъ еще коканцы добывали мѣдь, свинецъ, желѣзо и даже золото, а русскіе добавили къ этому каменный уголь, добы-

ваемый теперь въ значительномъ количествѣ. Отлогіе скаты хребта на югъ, орошенные рѣчками во многихъ мѣстахъ, по долинамъ послѣднихъ, годны для осѣдлой культуры, а на болѣе крутыхъ и высокихъ ребрахъ его находятъ хорошія лѣтнія пастбища кочующіе киргизы. Изъ перевалов заслуживаютъ вниманія: Кошкаръатинскій, по дорогѣ изъ Туркестана въ Сузакъ, Турланскій, на пути оттуда же въ Чулакъ, и Куюкъ, по большой дорогѣ изъ Чемкента въ Аулье-ата.

2) *Киргизынъ Алатау*, на нашихъ картахъ обыкновенно называемый *Александровскимъ* хребтомъ, есть длинная, снѣговая цѣпь, тянущаяся, почти въ широтѣ 42° 30′, отъ Аулье-ата до Буамскаго ущелья, т. е. на 360 верстъ. Высшія ея точки, между меридіанами Кара-балты и Токмака, конечно не ниже 14,000 футовъ, но къ Аулье-ата она постепенно падаетъ. При этомъ сѣверная подошва кряжа вообще ниже, чѣмъ южная, слѣдовательно южный скатъ немного короче сѣвернаго. Съ обоихъ ихъ, но преимущественно съ послѣдняго, бѣгутъ многочисленныя рѣчки, данники Чу и Таласа, и на сѣверномъ встрѣчаются довольно большіе хвойные и лиственные лѣса, вездѣ, гдѣ вершины хребта одѣты снѣгами. Сѣверная, т. е. причуйская равнина, сначала, подъ горами верстъ на пять, представляетъ плодородную почву (подъ условіемъ, конечно, орошенія), потомъ степную твердо-глинистую и наконецъ песчаную; лежащая на югѣ отъ Киргизынъ-Алатау долина Таласа верстъ на сто отъ Аулье-ата къ востоку есть широкая степь, но потомъ, выше сліянія Каракола и Учъ-кокъ-сая, обращается въ двѣ горныя тѣснины, по которымъ проходятъ лишь вьючныя тропы на р. Сусамыръ. Поперечную дорогу черезъ высокую часть Александровскаго хребта, въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, мы знаемъ только одну, именно тропинку на юго-западъ отъ Мерке въ долину Каракола; но ближе къ Аулье-ата проходы становятся чаще, хотя всѣ неудобны для колесной ѣзды по крутости спусковъ.

3) *Уртакъ-тау* есть самая большая и въ то же время наименѣе извѣстная изъ всѣхъ лежащихъ сѣвернѣе Сыръ-дарьи горная цѣпь, которая отдѣляетъ воды Таласа отъ водъ Чирчика и Нарына. Она связана съ Киргизынъ-Алатау горнымъ узломъ Сусамыръ, отъ котораго и направляется къ юго-западу подъ разными названіями — Карабуринскій хребетъ, Акъ-сай и т. п., которымъ, однако же, лучше предпочесть Уртакъ-тау, принятое гг. Струве и Сѣверцовымъ. Невозможно указать, которое изъ пяти западныхъ развѣтвленій ея есть главное, такъ какъ геологическое и даже топогра-

фическое строеніе ихъ еще недовольно извѣстно, а потому собственно для облегченія памяти мы примемъ наиболѣе сѣверное, которое притомъ есть дѣйствительный водораздѣлъ Таласа, Чирчика и частью Арыса. Вся эта цѣпь снѣговая, отъ самаго Сусамыра до истоковъ Арыса, Уйгуна и Аксая, притока Терси, гдѣ гора Аксай имѣетъ болѣе 14,800 футовъ надъ моремъ. Главный изъ перевалов, ведущихъ чрезъ эту цѣпь, Карабуринскій, съ Карабуры на Чоткалъ, имѣетъ свыше 10,000 футовъ; высоты, болѣе восточныхъ намъ неизвѣстны. Къ западу, т. е. къ сторонѣ Яскичу и Машата, горы Уртакъ-тау постепенно падаютъ и, наконецъ, отъ Яскичу уступаютъ мѣсто равнинѣ, по которой быстрый дотолѣ Арысъ начинаетъ течь медленно и часто образовать глубокіе омуты.

4 и 5) Четыре юго-западныя вѣтви Уртакъ-тау, охватывающія и вмѣстѣ раздѣляющія на части бассейнъ Чирчика, не имѣютъ на нашихъ новыхъ картахъ особыхъ названій, хотя представляютъ довольно высокія горныя цѣпи. Слѣдуя прежней терминологіи, мы назовемъ здѣсь *Кызыкуртомъ* ту изъ нихъ, которая лежитъ западнѣе другихъ и даетъ начало Келесу и лѣвымъ притокамъ Арыса. Въ ней, вѣроятно, есть вершины до 7,000 футовъ высоты, ибо сбѣгающія на западъ рѣчки всѣ на столько многоводны, что даютъ воду для орошенія даже рисовыхъ полей. Скатъ къ Келесу, впрочемъ, отлогъ, и ѣдущій по долинѣ этой рѣки видитъ высокія горы только на дальнемъ восточномъ горизонтѣ, тогда какъ съ запада рѣку сопровождаетъ высокій и крутой увалъ, за которымъ степь уже постепенно спускается къ Сыръ-дарьѣ. Послѣдніе отроги Кызыкурта на юго-западъ достигаютъ окрестностей Ташкента и выше Ніазбека стѣсняютъ долину Чирчика съ сѣвера.

Наиболѣе восточная изъ четырехъ паралельныхъ цѣпей, отходящихъ отъ Уртакъ-тау на юго-западъ, есть *Чоткальская*, отдѣляющая Нарынъ и Сыръ-дарью отъ лѣваго истока Чирчика, называемаго Чоткаломъ. Топографія ея мало извѣстна, хотя мы знаемъ съ одной стороны, что южный ея скатъ не доходитъ до Сыра, а съ другой, что и на сѣверѣ, вдоль рѣки Чоткала, она оставляетъ долину, конечно, не широкую, но годную для осѣдлостей. Горы между Кызыкуртомъ и Чоткаломъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Пскема, еще менѣе извѣстны, а что до западной половины Чоткальской цѣпи, лежащей въ нашихъ владѣніяхъ, то слѣдуетъ замѣтить, что она, по мѣрѣ паденія высоты, становится болѣе широкою и, стѣснивъ сѣверными своими отрогами долину Чирчика выше Ніазбека, съ другой стороны распадается на много отдѣльныхъ второстепен-

ныхъ кряжей, извѣстныхъ подъ именемъ *Кендыръ-тау*, Курампнскихъ горъ и *Моголъ-тау*. Послѣдній массивъ подходитъ къ самому руслу Сыръ-дарьи противъ Ходжента, тогда какъ Кендыръ-тау питаютъ ключами рѣку Ангренъ и пересѣкаютъ близъ Тляу прямую дорогу изъ Ташкента въ Коканъ.

6) Переходя на югъ отъ Ферганы, т. е. отъ долины Сыръ-дарьи, занятой Кокапскимъ ханствомъ, мы встрѣчаемъ большую снѣговую цѣпь, которую прежде называли Акъ-тау-Исфера, Кашгаръ-даваномъ и проч. и которую, въ наше время, для избѣжанія сбивчивости, г. Федченко предложилъ называть просто *Южно-коканскими* горами. Хребетъ этотъ значительно выше всѣхъ перечисленныхъ и еще на меридіанѣ Ходжента имѣетъ вершины болѣе 20,000 футовъ надъ моремъ. Какъ всѣ первостепенныя горныя цѣпи, онъ имѣетъ цѣлую систему предгорій, или второстепенныхъ цѣпей, параллельныхъ ему и вѣроятно составляющихъ гребни осадочныхъ пластовъ, прислоненныхъ къ основной кристаллической оси. Изъ-за этихъ-то второстепенныхъ горъ берутъ начало многочисленные притоки тѣхъ семи или осьми главныхъ горныхъ рѣкъ, которыя направляются къ Сыръ-дарьѣ съ юга, изъ главнаго снѣгового хребта, и по большей части имѣютъ при верховьяхъ обширные ледники, обставленные пиками въ 18, 19 и 20,000 футовъ надъ моремъ. Слѣдуя Федченкѣ, Струве и Кушакевичу, главные перевалы черезъ Южно-коканскія горы, ведущіе въ бассейны Аму-дарьи и Заравшана, суть: 1) на востокѣ *Терекъ-дабанъ*, ведущій въ Кашгаръ; 2) сосѣдній ему съ запада *Шартъ-дабанъ*, который служитъ, какъ для обхода каменистаго Терекъ-дабана лѣтомъ, такъ и для проникновенія изъ Ферганы въ Верхній Алай (Башъ-Алай); 3) *Джиплыкъ* — съ Акъбуры на верховья Кизылъ-су; 4) *Кавукъ*, высотою до 13,000 футовъ, и *Исфайрамъ*, менѣе 12,000: оба ведутъ на Алай, причемъ послѣдній отличается отсутствіемъ снѣговъ и мягкостью покрытаго травой грунта; 5) *Караказукъ*, въ верховьяхъ Аксу, одного изъ притоковъ Соха, среди ледника и окружающихъ его высокихъ пиковъ, имѣетъ до 14,000 футовъ; 6) *Таракъ*, у вершины другого притока Соха же; 7) *Джиптыкъ*, при истокѣ Испары, по пути изъ селенія Варухъ въ Каратигенъ, ведетъ черезъ ледникъ Щуровскаго, слагающійся изъ семи вѣтвей, боковыя морены которыхъ замѣтны и по слитіи ихъ въ одинъ ледяной потокъ. Его положеніе на меридіанѣ Испары заставляетъ сомнѣваться въ пяти-десятиверстной длинѣ лежащаго отсюда на югъ зеравшанскаго ледника, который, вѣроятно,

много короче. 8) *Кыркъ-булакъ*, съ соотвѣтственнымъ ему въ сѣверной вѣтви, раздвоившейся тутъ цѣпи, *Кумбелемъ*. Его высота простирается до 13,300 футовъ, и тропинка выводитъ къ Янги-Саббаку, на Зеравшанѣ. Весь путь отъ Ходжента очень гористъ и труденъ. 9) *Аучинскій* и *Бисмандинскій* перевалы на пути между Ура-тюбе и Обурдиномъ—первый въ хребтѣ *Чуйхаръ-тау*, а второй въ *Мальгузарѣ*, лежащемъ сѣвернѣе рѣчки Санзара. Здѣсь горы уже значительно понижаются; но все еще южная цѣпь, Чуйхаръ или Осмутъ-тау, имѣетъ снѣговыя вершины, съ очень крутыми спусками къ сторонѣ Зеравшана.

За меридіаномъ Ура-тюбе, обѣ цѣпи спускаются за снѣжную линію, и потому самому дѣлаются проходимыми гораздо чаще, а вдоль дороги изъ Джизака въ Самаркандъ образуютъ даже двое натуральныхъ широкихъ воротъ. Оставляя на время ихъ описаніе, мы вернемся еще разъ къ собственно Южно-кокапскимъ горамъ. Выше уже было замѣчено, что онѣ имѣютъ высокія предгорья, въ родѣ Черныхъ горъ на Кавказѣ, и что эти предгорья прорываются всѣми рѣками, текущими съ главнаго хребта къ сѣверу. Разумѣется, при такихъ прорывахъ образуются узкія, каменистыя ущелья, и они-то одна изъ главнѣйшихъ трудностей при слѣдованіи изъ Ферганы на Алай, въ Каратегинъ и въ долину верхняго Зеравшана. Обыкновенно выше этихъ ущелій рѣки оказываются составляющимися изъ трехъ, четырехъ потоковъ, которые текутъ не только съ юга, но также съ востока и запада. Долинами боковыхъ рѣчекъ пользуются, чтобы слѣдовать съ одной главной рѣки на другую, безъ обхода горныхъ отроговъ по подгорной плоскости. Такъ, напримѣръ, переѣзжаютъ изъ Соха въ Шагимарданъ; по проходу Кордунъ переваливаютъ съ верховій Исфайрама на Акъ-буру, направляющуюся сначала на востокъ, а потомъ на сѣверъ, къ Учъ-кургану и Маргилану. Перевалъ Кордунъ, впрочемъ, очень высокъ (13,500 футовъ) и принадлежитъ къ числу трудныхъ; да и вся сосѣдняя ему страна, такъ-называемый Малый Алай (Кичи-Алай), одна изъ самыхъ суровыхъ альпійскихъ мѣстностей. Это какъ бы нагроможденіе горъ, болѣе или менѣе хаотическое, не единственное, впрочемъ, въ Южно-кокапскихъ горахъ. Въ Ходжентскомъ уѣздѣ орографическая запутанность еще сложнѣе и самыя горы образуютъ уже не два, а три или даже четыре ряда параллельно лежащихъ вершинъ, причемъ пространства между цѣпями являютъ какъ бы террасы, частію ровныя и тогда служащія лѣтовками (яйлау) для киргизовъ, частію изрытыя глубокими оврагами. Такъ, на югѣ отъ Ходжента,

мы послѣдовательно находимъ: огромную пирамидальную гору Саркатъ (25,000 футовъ?), съ цѣлою группою окрестныхъ вершинъ большой высоты. У подошвы ихъ, съ сѣвера, на 10—11,000 футовъ, лежатъ террасы Тюя-яйлау и Исфане-куль; затѣмъ слѣдуютъ снова кряжи Тангузлыкъ, Шулуктунъ, Шуртка, Биляслыкъ, Катта-Билисынъ и Бишъ-Иста, постепенно становясь все ниже и ниже и, наконецъ, ниспадая въ долину Костакозъ. Но и эта долина, находящаяся почти на одномъ уровнѣ съ Сыръ-дарьею, еще не составляетъ предѣла параллельныхъ подъемовъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ, потому что у самой Сыръ-дарьи встрѣчается рядъ небольшихъ холмовъ, Рухавскихъ высотъ, которыя также тянутся отъ востока къ западу. Террасовидное устройство горъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ выказывается съ особенною ясностію по рѣкѣ Босанды, которая распущена на арыки не только по окончательномъ выходѣ ея на подгорную низменность, но и гораздо раньше того, въ горахъ, гдѣ, по берегамъ ея, встрѣчаются довольно обширныя котловины. То же можно сказать и про сѣверный склонъ Южно-коканскаго хребта, далѣе на востокѣ, по Бокаргану, Испарѣ, Соху и проч.

Возвращаясь на западъ отъ Ура-тюбе, мы можемъ замѣтить, что цѣпь *Мальгузаръ* не высока: сбѣгающія съ нея рѣчки отличаются маловодіемъ и потому всѣ пропадаютъ въ степи, недалеко отъ подошвы хребта. Соотвѣтственно тому и проходы черезъ горы менѣе высоки и затруднительны, хотя, напримѣръ, дороги на югъ отъ Замина, по проходамъ Кара-мазару и Джаманъ-кія, принадлежатъ къ плохимъ вьючнымъ тропинкамъ. Только у Джизака, при прорывѣ на сѣверъ рѣки Санзара, образовалось ущелье, по которому существуетъ колесный путь. За нимъ, къ западу, Мальгузарскія горы принимаютъ уже названіе *Нуратинскихъ*, и тянутся къ западо-сѣверо-западу, постепенно понижаясь и, наконецъ, почти теряясь въ степи, такъ что среди нихъ не только ручьи, но и колодцы становятся рѣдкостью. Съ сѣвера на югъ онѣ проходимы всюду, хотя нерѣдко представляются очень каменистыми, что затрудняетъ движеніе. Сѣверные ихъ склоны короче и круче южныхъ, и потому стекающіе съ нихъ, въ пространствѣ между Джизакомъ и Темиръ-Кобукомъ, ключи столь маловодны, что далеко не доходятъ до лежащаго въ степи оз. Тузъ-Кане, продолженья Санзара. Самымъ крайнимъ проявленіемъ того поднятія, которое образовало Нуратинскія горы, можно считать разбросанныя по степи отдѣльныя массивы: *Сузъ*, *Каратау* и *Буканскія* горы. Это, вѣроятно, были

острова въ томъ первобытномъ морѣ, котораго слабый остатокъ представляетъ Аральское озеро.

Цѣпь Осмутъ-тау, прерываемая также широкою падью на пути изъ Джизака въ Самаркандъ, продолжается западнѣе этой пади отдѣльными продолговатыми кряжами: Годунъ-тау, Караче-тау и Акъ-тау, до меридіана бухарской крѣпостцы Нураты или даже нѣсколько далѣе, гдѣ поднятія исчезаютъ въ степи. Между этими кряжами и горами Нуратинскими существуетъ рядъ котловинъ, совершенно степныхъ и слабо орошенныхъ ручьями, которые сбѣгаютъ съ Нура-тау, но теряются далеко не доходя до русла Зеравшана. За то на югъ отсюда, вдоль именно этой рѣки, лежитъ садъ Средней Азіи, знаменитая плодородіемъ долина *Міанкалъ*, которая, начавшись нѣсколько выше Пянджикента, только западнѣе Кермине сливается съ широкою бухарскою степью.

7) Міанкалъ обставленъ съ юга новою, параллельною экватору, цѣпью, которая во многихъ мѣстахъ едва-ли не болѣе высока, чѣмъ Южно-кокaнскія горы. Имени ей еще не дано доселѣ, а потому можно будетъ назвать ее *Каратегинскимъ* хребтомъ. Начало этого хребта, повидимому, можно искать на югѣ отъ высокой (8,000 футовъ) долины *Алая*, на которую путешественники выходятъ съ сѣвера черезъ перевалъ Исфайрамъ и которая тянется отсюда верстъ на 60—70 къ востоку, вдоль рѣки Кизылъ-су или Сурхаба. Здѣсь именно, на Алаѣ, Федченко видѣлъ, лежащую примѣрно подъ $39^1/_4{}^0$ широты, огромную горную цѣпь, со снѣговыми вершинами до 24—25,000 футовъ надъ моремъ, по всей вѣроятности сосѣдними знаменитому Памиру. Эта цѣпь на востокѣ доходитъ до меридіана Терекъ-дабана; но западное ея продолженіе не могло быть прослѣжено путешественникомъ, и потому остается сомнѣніе, тождественна ли она съ тою, которая опредѣлительно обозначается на меридіанѣ зеравшанскаго ледника и потомъ все время идетъ вдоль Зеравшана съ юга. Эта послѣдняя, во всякомъ случаѣ, есть уже самъ по себѣ первоклассный хребетъ, увѣнчанный снѣгами болѣе чѣмъ на 150 верстъ и имѣющій общую длину до 250 верстъ, т. е. почти столько же, сколько Альпы отъ Монъ-Розы до Средиземнаго моря. Восточная половина цѣпи, до меридіана Варзиминара, осмотрѣна лишь отчасти изъ долинъ Зеравшана и Ягнау и отличается именно тѣмъ, что русло послѣдней рѣки раздѣляетъ ее на два параллельные кряжа: южный, главный, и сѣверный, подчиненный, но имѣющій до 12,000 футовъ надъ моремъ. Западнѣе Варзиминара изслѣдованія были подробнѣе, и потому мы знаемъ

здѣсь высокій (12,000 футовъ) перевалъ Мура, ведущій отъ озера Искендеръ-куля въ бассейнъ Аму-дарьи, черезъ обширный ледникъ. Затѣмъ самое озеро Искендеръ-куль есть небольшой, но чисто альпійскій водоемъ, на высотѣ 7,250 футовъ, съ горами по окрестностямъ до 20,000 футовъ (Чапъ-дара). Западнѣе его, отроги большой Каратегинской цѣпи, высотою до 11—12,000 футовъ, разсыпаются хаотически между рѣчками Артучи, Кштутъ и Магіанъ и съ ними вмѣстѣ достигаютъ самаго русла Зеравшана, гдѣ отмѣчались на прежнихъ картахъ именемъ Вассанъ-тау. Вообще вся долина Зеравшана, отъ ледника почти до самаго Пянджикента, а равно долины Фана и составляющихъ его Ягнау и Искендеръ-су, столь плотно обставлены этими горами и южными отрогами Осмутъ-тау, что небольшія долинки встрѣчаются лишь въ немногихъ мѣстахъ, напримѣръ у Пальдарака, Янги-Соббака, Сарвада. Жители этихъ горныхъ ущелій очень мало занимаются земледѣліемъ именно потому, что количество ровной земли весьма незначительно, а устройство террасъ по горнымъ отклонамъ, довольно впрочемъ распространенное, не вездѣ возможно или удобно.

8) Слѣдя Каратегинскій хребетъ западнѣе меридіана Пянджкента, мы видимъ, что онъ раздѣляется на двѣ цѣпи, которыя отстоятъ одна отъ другой на 40 и болѣе верстъ, и притомъ постепенно расходятся къ западу. Сѣверную изъ нихъ принято у насъ называть *Шахрсябскими* горами, а южную Бухаринъ и Соболевъ, по распросамъ, называютъ *Котанъ-кугъ* и *Куютанъ-тау*. Остающееся между ними пространство составляетъ бассейнъ рѣки Кошка-дарьи, проходящей чрезъ Шахрсябсъ и Карши. Обѣ цѣпи до меридіана Китаба довольно высоки, но потомъ постепенно падаютъ, сѣверная не доходя Джама и окончательно на меридіанѣ Кермине, южная къ сторонѣ Аму-дарьи у Хаджа-саля, не достигая впрочемъ до этого пункта верстъ на 15—20. Многоводность рѣки Акъ-дарьи, главнаго истока Кошка-дарьи, показываетъ, что эта рѣка, во-первыхъ, вытекаетъ изъ большихъ снѣжныхъ горъ, а во-вторыхъ беретъ начало довольно далеко на востокѣ отъ Шахрсябса, напримѣръ на меридіанѣ Искендеръ-куля или немного западнѣе его, но изъ части Каратегинскихъ горъ, называемыхъ Фанъ-тау. Выходы изъ бассейна Кошка-дарьи на сѣверъ, чрезъ Шахрсябскія горы, довольно многочисленны; мы знаемъ ихъ пять: 1) отъ Фарабата въ Пянджкентъ; 2) отъ Фарабата же въ Ургутъ — оба трудные; 3) изъ Китаба на Кара-тюбе въ Самаркандъ, двойной перевалъ; 4) между тѣми же пунктами черезъ Манысъ, также

двойной, и 5) изъ Макрыта въ Самаркандъ. О дорогѣ же изъ Карши въ Самаркандъ черезъ Джамъ можно сказать, что встрѣчающіяся по ней невысокія горы проходимы почти во всѣхъ направленіяхъ и дѣлаютъ только путь каменистымъ. На югѣ отъ Шахрсябса прежнія распросныя карты показываютъ дорогу черезъ горы Котапъ-кугъ въ Термезъ, а на юго-востокъ отъ Карши, поперекъ тѣхъ же горъ, идетъ, слѣдуя картѣ Бухарина, путь въ Дарванъ; прямо же на югъ, отъ Карши, къ Ходжа-саля, путешественникъ встрѣчаетъ ровную степь.

Съ переходомъ за Каратегинскія горы и Котанъ-кугъ, мы вступаемъ въ область географіи болѣе или менѣе проблематической. Здѣсь уже нельзя слѣдить за направленіемъ горныхъ хребтовъ, исчислять перевалы чрезъ нихъ, указывать снѣжныя вершины и т. п.; нельзя даже указать съ достовѣрностью самыя названія горныхъ цѣпей. Поэтому приходится, для составленія сколько-нибудь правильнаго понятія о рельефѣ страны, обратиться къ изученію направленія главныхъ рѣчныхъ долинъ, о которыхъ кое-какія свѣдѣнія есть. Базою для такого изученія удобнѣе всего принять рѣку Сурхабъ, которая, подъ именемъ Кизылъ-су, орошаетъ Алай и которой устье лежитъ на меридіанѣ Талихана, т. е. тремя градусами западнѣе истоковъ. По свѣдѣніямъ Федченки, съ которыми согласны и прочія, общее направленіе этой рѣки отъ сѣверо-востока на юго-западъ не подвергается существеннымъ перемѣнамъ на всемъ протяженіи рѣчной долины, т. е. на 400 верстъ. Итакъ, мы имѣемъ одну сторону въ трехъугольникѣ, котораго другой бокъ есть Каратегинскій хребетъ (съ Южно-кокандскими горами и Котанъ-тау), а третій, долина Аму-дарьи, отъ устья Сурхаба до Керки или Ходжа-саля. Въ этомъ трехъугольникѣ, горы, ограничивающія его съ сѣверо-запада и служащія истоками водъ, постепенно повышаются къ востоку, а потому есть большая вѣроятность, что начала всѣхъ орошающихъ его рѣкъ лежатъ значительно восточнѣе устій, т. е. что рѣки эти болѣе или менѣе параллельны Сурхабу. Если же это такъ, то и раздѣляющіе рѣчныя долины хребты тянутся въ томъ же направленіи, представляя такимъ образомъ крайніе къ юго-западу лучи вѣерообразнаго развѣтвленія Тянь-шаня. Этотъ выводъ, съ которымъ согласны всѣ доселѣ имѣющіяся свѣдѣнія, не лишенъ важности въ орографическомъ смыслѣ, ибо исключаетъ совершенно изъ страны, по правому берегу Сурхаба, существованіе отроговъ и подчиненныхъ цѣпей Болорской системы. Относительно же строенія и высоты кряжей опредѣлительныхъ данныхъ нѣтъ, и

все, что можно сказать по этимъ вопросамъ, состоитъ, во-первыхъ, въ догадкѣ, что нѣкоторые изъ хребтовъ должны быть довольно высоки (ибо рѣки въ 250 — 300 верстъ длиною могутъ быть наполняемы въ здѣшнемъ сухомъ климатѣ только таяніемъ снѣговъ), а во-вторыхъ въ томъ, что ни одинъ изъ хребтовъ не доходитъ до главнаго русла Аму-дарьи, за исключеніемъ развѣ лежащаго между Сурхабомъ и Абъ-Гиссаромъ, который обрамливаетъ долину Окса увалами выше и ниже Хазрети-Имама. Рѣчныя долины, о которыхъ сказано выше, суть слѣдующія: Ширраватъ-дарьи, Байсунъ-дарьи, Тапалака и Задди-дарьи или Абъ-Гиссара, съ правымъ притокомъ Караталомъ. На которую изъ этихъ рѣкъ приводитъ находящійся въ Фанъ-тау перевалъ Мура, пока неизвѣстно, но кажется на Гиссаръ.

За Сурхабомъ, до самой дороги изъ Кундуза чрезъ Бадакшанъ къ Сары-кулю, мы находимся въ странѣ загадочнаго устройства, гдѣ даже направленія, число и названія главныхъ рѣкъ недовольно извѣстны. Для облегченія памяти можно, однако, представить себѣ здѣсь слѣдующую схему. Рѣка Сурхабъ или Кизылъ-су еще въ верхнемъ Каратегинѣ принимаетъ приходящую съ востока рѣку Мукъ-су или Акъ-су. Эта рѣка, повидимому, течетъ лишь въ двухъ переходахъ южнѣе озера Кара-куля, принадлежащаго къ системѣ Тарима. Сто верстъ ниже чѣмъ Акъ-су, сливается съ Сурхабомъ другая вѣтвь верхняго Окса, стокъ озера Дзарикъ-куля, принимающаго рѣку Болоръ. Эта рѣка, самое озеро Дзарикъ и городъ Болоръ принадлежатъ, впрочемъ, къ предметамъ наиболѣе спорнымъ, хотя общая длина Болорскаго потока должна быть не менѣе 350 верстъ. Ниже его устья, опять во ста верстахъ, происходитъ сліяніе Сурхаба съ Пянджемъ, главнымъ истокомъ Аму-дарьи, берущимъ начало въ озерахъ Сары-куль и Баркатъ-Ясинъ. Здѣсь мы уже на болѣе твердой почвѣ, по крайней мѣрѣ относительно верховій этой рѣки; но все же не знаемъ ея теченія между 37-ю и 38-ю параллелями, на пространствѣ около 200 верстъ. За Пянджемъ, примѣрно въ 50 верстахъ, протекаетъ Кокша или Бадакшанская вѣтвь Окса, а потомъ, верстахъ во ста ниже, Акъ-Серай и далѣе, въ семидесяти верстахъ, Абъ-Хулумъ, послѣдній данникъ Аму-дарьи съ юга, изъ Гиндукуша. Какъ-бы, однако, ни были недостаточны всѣ изложенныя сейчасъ схематическія указанія на рѣчную сѣть верховій Аму-дарьи за Сурхабомъ, несомнѣнно, что главное направленіе потоковъ здѣсь съ юго-востока къ сѣверо-западу, слѣдова-

тельно перпендикулярно тяньшаньской системѣ и соотвѣтственно направленію Гималаи по правой сторонѣ Инда.

Принявъ этотъ взглядъ на нагорье въ верховьяхъ Окса, мы можемъ сказать, что имя *Болорскаго* хребта можетъ быть присвоено лишь тому водораздѣлу, который начинается подъ 37° широты, южнѣе Баркатъ-Ясина, и оканчивается у Алая, подъ 39½° широты, слѣдовательно имѣетъ не болѣе 310 верстъ длины. Водораздѣлъ этотъ принадлежитъ къ числу высочайшихъ на земномъ шарѣ, хотя едва-ли въ немъ есть вершины въ 28—29,000 футовъ, какъ въ Гималаѣ. Наиболѣе высокое поднятіе, повидимому, встрѣчается на сѣверѣ, тамъ, гдѣ подходятъ отроги Тянь-шаня. По крайней мѣрѣ, есть извѣстія, что горы на сѣверѣ отъ Кара-куля напоминаютъ по высотѣ Гималаю, да и въ Заалайскомъ хребтѣ Федченко видѣлъ вершины въ 24—25,000 футовъ. Здѣсь же, т. е. подъ 39° ш., начинается рядъ плоскогорій, который тянется вдоль всего болорскаго водораздѣла и носитъ названіе Памира, прославленнаго еще со временъ Марко Поло, который замѣтилъ, что туземцы считаютъ эту страну крышею міра, откуда всѣ окрестныя горы представляются лежащими у ногъ наблюдателя и гдѣ воздухъ столь рѣдокъ, что не поддерживаетъ огня. Плоскогорія эти тянутся за 37° ш. къ югу и, быть можетъ, даже составляютъ одно плато, соотвѣтственно тому, что говорилъ о Памирѣ Сюнъ-юнъ, дававшій ему до 500 верстъ протяженія. Восточной окраиной этой высокой страны, кажется, служитъ хребетъ Кизылъ-яртъ, видѣнный Шау, Гейуордомъ и Каульбарсомъ изъ Кашгара; но впрочемъ этотъ вопросъ еще требуетъ разъясненія. Соединяя прежнія свѣдѣнія съ новыми, мы можемъ составить себѣ слѣдующее понятіе о проходимости Болорскаго нагорья съ востока на западъ. На юго-западѣ отъ озера Кара-куля ведетъ къ озеру Дзарикъ-кулю перевалъ, по которому въ 1759 г. китайскія войска преслѣдовали сторонниковъ Джана-Ходжи. Затѣмъ карта Шау изображаетъ въ широтахъ 37—39° проходы Опо, Ватакханфъ, Кара-су и Бурзунтъ, которыхъ положеніе впрочемъ плохо извѣстно. Несомнѣнно же существующіе проходы суть: Сарыкульскій, при верховьяхъ Пянджа, на высотѣ 15,600 футовъ и среди горъ въ 19,500, и Баркатъ-Ясинскій, на высотѣ 13,200, оба плоскіе, такъ что на Баркатъ-Ясинѣ изъ одного и того же озера, быть можетъ, вытекаютъ ручьи къ сторонѣ Окса и къ сторонѣ Тарима. Этимъ исчерпывается все, что мы знаемъ, въ общихъ чертахъ, о строеніи собственно Болорской цѣпи, или, правильнѣе, водораздѣльной линіи.

Что касается до западныхъ ея предгорій, до подчиненныхъ ей цѣпей, которыя наполняютъ Каратегинъ, Шугнанъ, Дарвазъ, Ваханъ и Бадакшанъ, то здѣсь расположеніе горъ столько же проблематично, какъ рѣчная сѣть, и чтобы выйдти изъ этого хаоса, удобнѣе всего будетъ принять слѣдующее изложеніе географіи этихъ мѣстностей, сдѣланное Юлемъ, хотя при этомъ придется смѣшать топографію съ политической географіей. Самый сѣверный истокъ Окса и, вѣроятно, послѣ Пянджа, самый многоводный есть, какъ извѣстно, Сурхабъ или Кизылъ-су, котораго начало видѣлъ Федченко на Алаѣ. Онъ орошаетъ сначала Каратегинъ, гдѣ очень извилистъ и быстръ и гдѣ проходитъ подъ стѣнами Гарма и Сарыпуля, лежащихъ другъ около друга, на противоположныхъ берегахъ рѣки, которой глубина здѣсь достигаетъ сажени. Много мелкихъ рѣчекъ впадаетъ въ него, и долина застроена деревнями, жители которыхъ, повидимому, не нуждаются въ заграничной торговлѣ и живутъ произведеніями одной собственной земли, къ числу которыхъ принадлежатъ: золото, превосходное желѣзо, соль, лошади и разные садовые и полевые плоды. Населеніе достигаетъ, вѣроятно, 100,000 душъ. Въ началѣ нашего вѣка эта страна управлялась государемъ Дарваза, который изгналъ туземную династію; но потомъ эта династія была возстановлена, пока въ новѣйшее время революція не подвергла ее зависимости отъ Кокана.

По выходѣ изъ Каратегина Сурхабъ орошаетъ Кулябское ханство, которое болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ старинымъ владѣніямъ Хотль и Вахшъ, гдѣ уже въ X вѣкѣ были цвѣтущіе города и торговля. Мы еще ничего вѣрнаго не знаемъ объ этой землѣ; но повидимому это есть равнина, хорошо и издавна населенная. Слѣды давней цивилизаціи сохранились здѣсь въ видѣ Пулы-сангина или Каменнаго моста, извѣстнаго уже Тимуру.

Сліяніе Сурхаба съ Пянджемъ на современныхъ картахъ изображается лишь въ нѣсколькихъ верстахъ сѣвернѣе устья бадакшанской вѣтви Окса, или рѣки Кошки; но это есть не болѣе какъ предположеніе, основанное на картѣ Вуда, гдѣ въ этомъ мѣстѣ показанъ безъимянный притокъ Пянджа. Напротивъ, на основаніи маршрута изъ Шарвана въ Кулябъ, приводимаго Макартнеемъ, должно скорѣе думать, что Сурхабъ вливается въ Пянджъ по крайней мѣрѣ въ 45 верстахъ выше, т. е. сѣвернѣе Кокши. Пянджъ или Пянджа есть важнѣйшій изъ истоковъ Аму-дарьи, котораго начало видѣлъ Вудъ подъ 37°2′ с. ш., 90°22′ в. д., въ такъ-называемомъ Вахавѣ, гдѣ озеро Сары-куль лежитъ на высотѣ 15,600

фут. и обставлено горами въ 19,000 ф. Но за истокъ можетъ быть принята и другая вѣтвь, Шархадъ, вытекающая на юго-востокѣ отъ Сары-куля, изъ озера Баркатъ-Ясинъ. Это послѣднее озеро лежитъ на Маломъ Памирѣ *), тогда какъ Сары-куль занимаетъ средину Большаго. Идя вверхъ по Шархаду, отъ мѣста соединенія двухъ потоковъ, встрѣчаешь, въ 63 верстахъ отъ этого пункта, послѣднюю передъ переваломъ деревню Патуръ; вообще эта долина хорошо населена и жители ея богаты скотомъ, въ частности лошадьми мелкой породы и яками. Дома ихъ построены изъ камня. По долинѣ Шархада, иначе называемой Сары-Чапанъ, проходили неоднократно завоеватели изъ восточнаго Туркестана въ бассейнъ Аму-дарьи, напр. въ 1503 — 1515 годахъ султанъ Абу-бекръ, въ 1529 г. его сынъ, Саидъ-ханъ кашгарскій. Эта же долина, безъ сомнѣнія, служила дорогою для Хюенъ-Цана, назвавшаго ее въ своемъ дневникѣ Помило, и вѣроятно по ней слѣдовалъ Марко-Поло. Пянджъ, верстъ на 100 отъ слитія обоихъ главныхъ своихъ истоковъ, имѣетъ, въ предѣлахъ Вахана, долину едва въ нѣсколько сотъ саженъ ширины и нигдѣ болѣе полутора версты. Эта долина населена народомъ персидскаго происхожденія, но отатарившимся. Бывшій въ Петербургѣ грекъ Патогосъ, вѣроятно также англійскій агентъ, какъ и всѣ новѣйшіе изслѣдователи Аму-дарьи, говорилъ, что вполнѣ понимая образованныхъ людей Вахана и Бадакшана, употребляющихъ чисто персидскій языкъ, онъ плохо разумѣлъ простолюдиновъ. Все владѣніе Ваханъ раздѣлено на четыре округа: Иштрахъ, Хандутъ, Испянджъ и Сары-Чапанъ, коихъ повелитель (миръ) есть вассалъ Бадакшана. Изъ Вахана существуетъ нѣсколько проходовъ чрезъ Гиндукушъ въ Читралъ.

По выходѣ изъ Вахана въ предѣлы вассальнаго ему владѣнія Ишкашмъ, Пянджъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ, и скоро на правомъ его берегу начинается государство Шигнанъ, знаменитое своими рубиновыми копями, которыя нынѣ опустѣли и вовсе не разработываются. Затѣмъ рѣка вступаетъ въ страну неизвѣстную, гдѣ должны быть владѣнія: Рошанъ, вассальное Бадакшану, и потомъ Дарвазъ и Кулябъ, независимыя. Въ каждой изъ этихъ земель народъ говоритъ особымъ языкомъ; но всѣ исповѣдуютъ шіитскую

---

*) Юль вообще насчитываетъ семь Памировъ: Аличуръ, Хурдъ или Малый, Калянъ или Большой, Харгоши или Заячій, Сарисъ, Ріанъ-куль и Тагдумбашъ. Самый сѣверный изъ нихъ, Ріанъ-куль, показанъ имъ подъ 38½° ш., южнѣе Алая. Его сѣверную окраину, съ горами въ 24,000 ф., видѣлъ Федченко.

вѣру. Въ Дарвазѣ, на р. Пянджѣ есть мостъ; болѣе же объ этой землицѣ мы ничего не знаемъ.

Кокша, третій большой истокъ Окса, обыкновенно называемый туземцами Бадакшанской рѣкой, потому что она проходитъ мимо этого города, вытекаетъ изъ Гундукуша двумя рукавами: Джермъ и Вардожъ, которыхъ дѣйствительное протяженіе мало извѣстно, такъ что туземцы считаютъ именно джермскую вѣтвь главнымъ истокомъ всей Аму-дарьи и выводятъ ее изъ озера. Долины этой высокой страны называются Куренъ, Анджумалъ и Парайянъ, и ихъ жители зависятъ отъ Джерма. Куранъ (Куланъ) извѣстенъ былъ уже Хюенъ-цану. Вардожъ, восточная вѣтвь Кокши, составляется изъ мелкихъ рѣчекъ близъ Зебака, который нанесенъ на карту еще Вудомъ. Въ верховьяхъ двухъ изъ этихъ рѣчекъ находятся перевалы черезъ Гиндукушъ въ Читралъ, называемые Дорахъ и Нуксанъ. Вардожская вѣтвь Кокши орошаетъ одну изъ лучшихъ долинъ Бадакшана; джермская же, прежде, чѣмъ выйдти къ городу Фейзабату, прорывается по узкому ущелью.

Рѣка Кокша ниже Бадакшана протекаетъ по холмистому и населенному округу Яфталу и по вассальной землицѣ Пазаку или Шахръ-и-Бузурку. На лѣвомъ же ея берегу тянутся равнины, среди которыхъ нѣкогда находился большой городъ Химчанъ. Въ Кокшу послѣдовательно впадаютъ слѣва рѣчки: Дараимъ, Тешканъ, Нави и Машадъ. При устьѣ Тешкана стоитъ укрѣпленіе Зафаръ, большой сторожевой пунктъ Бадакшана. Рѣка Машадъ заимствуетъ свое имя отъ города, чрезъ который протекаетъ и который находится на дорогѣ изъ Фейзабада въ Кундузъ. Нѣсколько южнѣе этого города лежитъ крѣпостца Килаоганъ (Кила-Афганъ), пограничный постъ къ сторонѣ афганскихъ владѣній, лежащій однакоже на бадакшанской землѣ.

Таково строеніе *нагорныхъ* частей туркестанскаго пограничнаго пространства. Теперь посмотримъ на тѣ *равнины*, которыя стелются у подошвы горъ. Ихъ можно насчитать семь, составляющихъ, впрочемъ, не болѣе какъ междугорныя развѣтвленія одной, при-аральской. Самая крайняя къ сѣверу есть при-чуйская, которая начинается у подошвы горъ Каратау и Киргизынъ-Алатау и тянется до рѣки Чу. Подгорная ея часть, по притокамъ рѣки Курогаты, имѣетъ нѣсколько оазисовъ, годныхъ для земледѣлія, и то же явленіе, хотя въ меньшемъ объемѣ, представляютъ нѣкоторыя мѣста у сѣвернаго подножія Каратау. Но, отойдя отъ горъ верстъ на 5—6, мы уже встрѣчаемъ на востокѣ голую твердо-глинистую степь,

а на западѣ покрытые саксауломъ пески. Вдоль же самой Чу, также по берегамъ озера Кара-куля и по низовьямъ Таласа, тянутся широкія полосы камышей. Что касается до верхней части долины Таласа, къ юго-востоку отъ Аулье-ата, то, несмотря на близость горъ съ юга и сѣвера, эта долина, имѣющая ширину мѣстами до 8 верстъ, совершенно степная, съ твердо-глинистою или хрящеватою почвою. Вслѣдствіе этого, на всемъ протяженіи бассейновъ таласскаго и чуйскаго, въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, едва-ли можетъ быть найдено подъ земледѣльческія осѣдлости болѣе 15 квадратныхъ миль, несмотря на то, что равнины здѣсь занимаютъ свыше 1,000 миль. Съ военной точки зрѣнія это очень важно, ибо показываетъ, что трудно у подножія Каратау и Киргизынъ-Алатау учредить хорошую линію русскихъ селеній; а безъ этой линіи связь низовій Сыръ-дарьи съ Заилійскимъ краемъ будетъ всегда ненадежна и въ случаѣ какихъ-либо волненій въ Туркестанскомъ краѣ распространенію ихъ на сѣверъ, за Чу, не будетъ никакого препятствія.

Вторая большая равнина на описываемомъ пространствѣ есть покатая къ западу страна между Сыръ-дарьею и горами Каратау, Кызыкуртомъ и Кендыръ-тау, протяженіемъ около 500 квадратныхъ миль. Здѣсь находится, въ настоящее время, центръ русской власти въ Средней Азіи, Ташкентъ, и цѣлый рядъ другихъ городовъ и селеній, издавна существующихъ. Обиліе воды въ рѣчкахъ, сбѣгающихъ съ горъ, особенно же въ Арысѣ, Чирчикѣ и Ангренѣ, дало тутъ возможность скучиться значительному осѣдлому населенію. Впрочемъ не должно представлять себѣ эту страну одною сплошь воздѣланною равниною, въ родѣ Ломбардіи. Совсѣмъ напротивъ: залеиѣющія, воздѣланныя пространства тянутся полосами только вдоль рѣчекъ и проведенныхъ изъ нихъ арыковъ и въ суммѣ составляютъ едва-ли болѣе 125 квадратныхъ миль; остальная площадь есть степь, частію глинисто-каменистая, вблизи горъ, частію песчано-глинистая, по близости Сыръ-дарьи. Замѣтимъ, что густота туземнаго мусульманскаго населенія, которое для своихъ полей разбираетъ почти всю воду, годную для орошенія, дѣлаетъ весьма затруднительнымъ основаніе въ этомъ краѣ собственно русскихъ колоній, этого необходимаго условія нашего господства въ Туранѣ.

Другая при-дарьинская равнина есть знаменитая *Фергана* или мѣстность около Кокана, Маргилана, Намангама и пр., вообще долина Сыра, отъ выхода изъ горъ Нарына и Кульши до Ходжента. Высокіе хребты, обставляющіе ее съ сѣвера, съ востока и особенно

съ юга, даютъ начало значительному числу многоводныхъ рѣчекъ, которыя, по выходѣ на плоскость, всюду распущены на арыки и потому орошаютъ большую половину страны. Не должно, однако, думать, чтобы и здѣсь палящее среднеазіятское солнце не сдѣлало своего дѣла, т. е. не обратило части края въ пустыню. Напротивъ, мѣста ближайшія къ Сыръ-дарьѣ, на сѣверъ отъ Кокана, представляютъ полосу песковъ отъ 10 до 20 верстъ шириною и болѣе 80 верстъ длиною. Культурная же часть Ферганы, прославленная еще султаномъ Баберомъ, занимаетъ въ суммѣ не болѣе 110 квадратныхъ миль.

Широкая плодородная долина Фергана на западѣ отъ Ходжента переходитъ въ узкую полосу воздѣланной земли, тянущуюся по подгорью Мальгузара и Нуратау. Сѣвернѣе этой полосы, въ какихъ-нибудь 4—5 верстахъ отъ горъ, начинается уже степь, которая простирается до самыхъ низовій Сыръ-дарьи и до Аральскаго моря. Первоначально, въ пространствѣ между Ходжентомъ, Джизакомъ и Чиназомъ, она еще представляетъ твердую почву, быть можетъ даже способную для осѣдлой колонизаціи, если провести воду изъ Сыръ-дарьи; но за дорогою изъ Чиназа въ Джизакъ скоро обращается въ песчаную степь, извѣстную подъ именемъ Кизылъ-кумъ и столь же пустынную, какъ лежащіе на сѣверѣ отъ Сыръ-дарьи Каракумы. Изрѣдка встрѣчаются тутъ трава и кусты саксаула, преимущественно вблизи Сыръ и Яны-дарьи; но и этимъ скуднымъ дарамъ природы грозитъ немалое истребленіе отъ вырубки саксаула на топливо. Для осѣдлой жизни, по южной странѣ Кизылъ-кума едва-ли можно найдти больше 12 квадратныхъ миль, и только послѣ большихъ гидротехническихъ работъ можетъ удасться расширить эту площадь до 40—50 миль.

Вдоль по Зеравшану тянется, столь же знаменитая какъ Фергана, долина *Міанкалъ*, этотъ садъ Средней Азіи. Благодаря искуственному раздѣленію рѣки на два большіе рукава, Акъ-дарью и Кара-дарью, и на множество мелкихъ арыковъ, площадь Міанкала и равнины бухарской представляетъ рядъ пышно-зеленыхъ плантацій, которыя кормятъ мѣстное сосѣднее кочевое населеніе пшеницею, просомъ, джугарою, рисомъ и пр., и производитъ множество культурныхъ растеній: марену, хлопокъ, индиго и т. п. Но и здѣсь нужно не предаваться обольщенію. По весьма основательному разсчету Соболева, все пространство воздѣланной части зеравшанской долины ниже Пянджикента простирается не свыше 83 квадратныхъ миль, и это еще въ благопріятные годы, т. е,

когда рѣка многоводна; въ маловодные же годы значительная часть бухарской равнины обращается въ степь. Сухая степная атмосфера и палящее солнце до того убиваютъ въ этихъ частяхъ Средней Азіи всякую органическую жизнь, что даже на высотѣ 8,000 футовъ, въ одной широтѣ съ Самаркаданомъ, именно на Алаѣ, тянущемся между двумя снѣговыми хребтами, мы находимъ слегка лишь травянистую степь, а самые отклоны снѣговыхъ южно-кокanскихъ горъ, кромѣ ущелій, почти совершенно пустынны.

Подобную Міанкалу плодоносную полосу земли представляетъ водоемъ рѣки Кошка-дарьи или Шахрсябской рѣки. Но площадь этого оазиса гораздо меньше, именно едва-ли превосходитъ 25 квадратныхъ миль. Такимъ образомъ, въ предѣлахъ изслѣдованныхъ частей Туранскаго пограничнаго пространства, т. е. на 4,500 квадратныхъ миляхъ, мы можемъ насчитать не болѣе 378 квадратныхъ миль, годныхъ для осѣдлостей, именно:

Въ при-чуйской странѣ	15
По Арысу, Чирчику и Ангрену	125
Въ Ферганѣ	110
По Зеравшану	83
По Кошка-дарьѣ	25
По мелкимъ рѣчкамъ внутри горъ Южно-кокаnскихъ и другихъ, до	20

И если еще присоединимъ сюда ту часть при-яксартскихъ степей, которая можетъ быть орошена изъ этой рѣки безъ доведенія ея до степи не-судоходной, то вѣроятное пространство культурной почвы возрастаетъ до 450 квадратныхъ миль, т. е. до одной двѣнадцатой части протяженія края. Вся остальная площадь его годится только для кочевой жизни, или не годится ни для какой. Если же, за всѣмъ тѣмъ, мы находимъ въ этой странѣ около 1,600,000 душъ населенія, то это объясняется лишь сильнымъ плодородіемъ почвы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она орошена, и, едва ли еще не болѣе, скромностью среднеазіятцевъ въ ихъ потребностяхъ, ихъ привычкой довольствоваться немногимъ. Для сравненія стоитъ вспомнить Египетъ, который имѣетъ обработанной почвы не болѣе 510 квадратныхъ миль, а жителей 2,900,000 душъ.

Описаніе равнинъ, орошаемыхъ Аму-дарьею (въ верхнихъ ея частяхъ), а также ея протоками, не можетъ быть довольно точно потому, что мы вообще мало знаемъ географію этихъ странъ. Знаменитѣйшая изъ здѣшнихъ долинъ есть бадакшанская, лежащая, какъ теперь извѣстно, на высотѣ отъ 3,500 до 5,000 футовъ надъ

моремъ. «Туземцы и чужестранцы, по словамъ Борнса, съ восторгомъ говорятъ о Бадакшанѣ, его рощахъ, плодахъ, цвѣтахъ и соловьяхъ»; но количество квадратныхъ миль, годныхъ здѣсь подъ культуру, остается намъ неизвѣстнымъ. Долина собственно Аму-дарьи, на западѣ отъ Хазретъ-Имама и Термеза быстро переходитъ въ степь. И если непосредственно у русла рѣки мы находимъ камыши и кустарники, то, во-первыхъ, не вездѣ, а во-вторыхъ растительность эта не есть доказательство, что мѣста, ею занятыя, годны для учрежденія городовъ и селеній. Напротивъ, значительная часть прибрежій Аму-дарьи затопляется во время періодическихъ разливовъ ея, слѣдовательно не можетъ быть занята осѣдлостями. Да и кочевники лѣтомъ держатся вдали отъ нея, благодаря множеству насѣкомыхъ въ камышахъ и кустахъ, тревожащихъ скотъ, такъ что, въ строгомъ смыслѣ слова, эта долина бываетъ заселена лишь съ ноября по мартъ, когда туркмены становятся на зимовки. Но допустимъ, что всѣ годныя для культуры долины аму-дарьинскаго бассейна имѣютъ столько же протяженія, какъ сыръ-дарьинскія, т. е. 225 квадратныхъ миль (не считая, конечно, Хиву), и что онѣ не менѣе плодородны: въ результатѣ для цѣлаго нагорно-туранскаго пространства получится 603 квадратныхъ мили, т. е. одна двадцатая часть страны. Равнинъ и горныхъ отклоновъ, орошаемыхъ дождями и годныхъ для обработки, быть можетъ, найдется на половину, т. е. 300 квадратныхъ миль; но не нужно забывать, что атмосферное орошеніе есть такая рѣдкость въ Средней Азіи, что на него разсчитывать въ земледѣліи очень рисковано. Бываютъ годы, что на поля, засѣянныя весною по влажной почвѣ, въ теченіе лѣта не падаетъ и капли дождя, и когда весь всходъ погибаетъ. По свидѣтельству Федченко и другихъ путешественниковъ, даже горные хребты, съ вершинами въ 15—16,000 футовъ, т. е. покрытыми снѣгомъ, имѣютъ отклоны, большею частью, пустынные, и, напримѣръ, междугорная площадь Алай, лежащая на 8,000 футовъ надъ моремъ и между двухъ снѣжныхъ цѣпей, все же есть степь.

Производительность страны.

Эти физико-географическія указанія на общій видъ нагорнаго Турана даютъ уже нѣкоторое понятіе о томъ, что можно ожидать отъ него въ ботанико-географическомъ смыслѣ. Но нужно замѣтить, что если принять въ соображеніе одни оазисы, то край пред-

ставляетъ большое разнообразіе и богатство растительности. Чтобы характеризовать самымъ нагляднымъ образомъ здѣшнюю флору, довольно сказать, что къ составу ея принадлежатъ: шелковица, миндальное дерево, виноградъ, марена, хлопокъ и рисъ, если не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ болѣе низкихъ и теплыхъ мѣстахъ. Одно перечисленіе прочихъ культурныхъ растеній, дающихъ часто огромные урожаи, покажетъ, что изъ всѣхъ нашихъ азіятскихъ окраинъ, за исключеніемъ южно-усурійской и средне-амурской, это самая благодатная и наиболѣе обѣщающая въ будущемъ.

Главное хлѣбное растеніе здѣшнихъ полей есть пшеница, которой четыре сорта, различающихся по цвѣту, объему и вѣсу зерна. Урожаи, въ мѣстахъ орошенныхъ канавами, простираются до самъ-тридцати и болѣе; цѣны колеблются отъ 25 до 60 копѣекъ за пудъ. Послѣ сбора пшеницы, обыкновенно сѣютъ на тѣхъ же поляхъ просо, кукурузу, макъ, морковь и т. п.

Просо — второй по важности зерновой продуктъ края, дающій иногда урожаи самъ-четыреста, самъ-пятьсотъ. Его сѣютъ не только осѣдлые жители страны, но и кочевники, гдѣ позволяетъ мѣстность. Мелкое просо, или купакъ, собирается, главнымъ образомъ, для приготовленія мѣстнаго напитка — бузы.

Джугара, или бухарское сорго, даетъ также огромные урожаи и потому употребляется въ большомъ количествѣ, особенно бѣднымъ населеніемъ, такъ какъ стоитъ дешево, отъ 20 до 30 копѣекъ за пудъ. Въ сухомъ видѣ идетъ на кормъ молодымъ животнымъ; солома же употребляется на подстилку и на циновки.

Ячмень разводится для корма лошадей; рожь вообще засѣвается рѣдко.

Горохъ и чечевицу также разводятъ мало. Ленъ воздѣлывается только для сѣмянъ и для волокна.

Люцерна, или дженушка, есть важнѣйшая кормовая трава, засѣваемая на вспаханной и орошенной почвѣ, гдѣ одни и тѣ же сѣмена продолжаютъ давать урожаи три года и каждый годъ по 2—3 укоса (правильнѣе, ужи́на).

Рисъ разводится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возможно обильно орошеніе, и даетъ средніе урожаи самъ-тридцать, т. е. далеко меньше, чѣмъ въ южной Азіи. Цѣна его отъ 75 до 100 копѣекъ за пудъ.

Хлопокъ — главное культурное растеніе въ наиболѣе теплыхъ мѣстахъ Турана, напримѣръ въ Міанкалѣ, Ферганѣ и по нѣкоторымъ прибрежьямъ Аму-дарьи. Несмотря на довольно хлопотливый уходъ за нимъ, весною при посадкѣ и осенью при сборѣ плодовъ,

одна десятина земли, имъ засѣянная, можетъ давать ежегодно до 90 рублей чистаго барыша. Но, къ сожалѣнію, среднеазіятцы не умѣютъ довольно тщательно приготовлять хлопчатую бумагу на продажу, и потому здѣшній хлопокъ, отъ самой природы уступающій американскому по длинѣ и крѣпости волокна, цѣнится гораздо ниже его. Если же ввести улучшенную обработку, какъ думалъ сдѣлать купецъ Хлудовъ въ Ходжентскомъ уѣздѣ, то можно лишиться совсѣмъ барышей.

Табакъ есть довольно распространенный продуктъ полеводства во всемъ Туркестанѣ; разведеніе его сдѣлало особые успѣхи со времени водворенія въ странѣ русскихъ. Купцами Первушинымъ и Федоровымъ разведены даже нѣкоторые сорты американскаго и турецкаго табака.

Таковы главныя произведенія среднеазіятскаго полеводства. Несмотря на все ихъ разнообразіе, жители Туркестана занимаются предпочтительно не ими, а садовыми деревьями и огородными овощами. Причина тому частію вкусъ, любовь къ фруктамъ, частію же гораздо большая доходность садоводства въ сравненіи съ обработкой полей. Слѣдующія садовыя растенія составляютъ главные предметы заботъ жителей Туркестана:

Виноградъ, по Ханыкову, тринадцати сортовъ, изъ которыхъ иные годны на вино, приготовляемое особенно со времени водворенія въ странѣ русскихъ. Большая часть винограда, впрочемъ, потребляется въ видѣ ягодъ, свѣжихъ или сухихъ (кишмиша) - любимаго средне-азіятскаго лакомства. Виноградная лоза на зиму требуетъ укрытія; за то въ удачный годъ даетъ урожая болѣе 10,000 пудовъ съ десятины.

Абрикосы или урюкъ — самый обыкновенный въ Средней Азіи фруктъ, множества породъ, изъ которыхъ особенно извѣстны наманганскія.

Персики трехъ породъ.

Гранаты, особенно распространенныя въ Шахрсябсѣ.

Смоковница растетъ почти повсемѣстно среди полей.

Яблоки, множества породъ, разсаживаются вездѣ, гдѣ пришлось, и, требуя мало ухода, продаются очень дешево.

Груши, столь превосходныя въ умѣренно-влажномъ климатѣ Франціи, оказываются хуже подъ сухимъ небомъ Турана.

Айва даетъ плоды, употребляемые среднеазіятцами въ пищу вареными и запечеными.

Вишни туранскія рѣдко бываютъ сладкаго вкуса.

Миндальное дерево разводится преимущественно въ Шахрсябсѣ.

Тутовое дерево есть предметъ особаго вниманія среднеазіятскихъ садовниковъ, такъ-какъ въ одно время даетъ и вкусные плоды, и необходимые для шелководства листья.

Фисташникъ даетъ въ изобиліи орѣхи, употребляемые въ огромномъ количествѣ, почти такъ же, какъ у насъ подсолнечники. Но смола, которую даетъ это дерево, остается безъ употребленія, или, точнѣе, ея вовсе не добываютъ.

Грецкій орѣхъ водится въ дикомъ состояніи по ущельямъ и долинамъ въ горахъ; орѣхи употребляются на масло.

Джигда — одно изъ лучшихъ подѣлочныхъ деревьевъ.

Высокій тополь, напротивъ, непригоденъ для этого, но даетъ тѣнь среднеазіятскимъ садамъ, которые обыкновенно обставлены ими, подобно тому какъ въ привислянскомъ краѣ.

Огородничество производитъ въ изобиліи тѣ же овощи, что у насъ: свеклу, морковь, рѣдьку, капусту, лукъ, огурцы, тыквы и особенно превосходные арбузы и дыни, которыя достигаютъ иногда исполинскихъ размѣровъ. Макъ, разводимый частію на огородахъ, частію по полямъ, идетъ на масло, и, до нѣкоторой степени, на приготовленіе опіума. Впрочемъ опіумъ, употребляемый туземцами для куренія, большею частію привозится изъ-за Гиндукуша. Другія, дающія масло, растенія суть: кунджутъ, каперсы, ленъ, подсолнечникъ и орѣхи.

Для добыванія красокъ служатъ марена, живокость, мальва, кошениль. Но независимо отъ колеровъ, достигаемыхъ съ помощью привозимыхъ изъ Россіи сандала, а изъ Индіи индиго, среднеазіятцы для своихъ пестрыхъ матерій употребляютъ много красокъ минеральныхъ, изъ которыхъ иныя добываются въ краѣ, гдѣ, впрочемъ, не умѣютъ ихъ хорошо обработывать.

Вообще эксплуатація минеральныхъ богатствъ страны сдѣлала гораздо меньше успѣховъ, чѣмъ пользованіе растительными продуктами, что и естественно, ибо въ этомъ случаѣ требуются научныя свѣдѣнія изъ химіи, механики, металлургіи и пр., которыхъ, конечно, среднеазіятцы не имѣютъ. Слѣдующіе минералы извлекаются изъ горъ Турана какъ туземцами, такъ отчасти и русскими:

Каменный уголь — самый драгоцѣнный продуктъ въ странѣ, гдѣ топливомъ служитъ либо кизякъ (въ степи), либо дрова изъ фруктовыхъ деревьевъ (въ городахъ). Въ настоящее время, каменный уголь добывается, въ нашихъ владѣніяхъ: 1) между Чемкен-

томъ и Аулье-ата, въ вершинѣ рѣки-Бородлая (татариновская копь), гдѣ на 1872 годъ назначено было къ выработкѣ 150,000 пудовъ; 2) близъ деревни Ходжакента, въ 80 верстахъ отъ Ташкента, и 3) въ 40 верстахъ на югъ отъ Ходжента, въ урочищѣ Кокпе-сай. Татариновскій уголь, обходящійся съ доставкою къ устьямъ Арыса до 32 копѣекъ за пудъ, потребляется преимущественно пароходами аральской флотиліи; ходжакентскій, купца Первушина, сбывается въ Ташкентъ, по 25 копѣекъ за пудъ, а кокпесайскій въ Ходжентъ *).

Желѣзныя руды извѣстны во многихъ частяхъ края, напримѣръ на рѣкѣ Пскемѣ, въ 70 верстахъ отъ Ташкента (62% желѣза), по ключу Карамкуль близъ первушинской каменноугольной копи (55%), въ турланскомъ горномъ проходѣ Каратаусскихъ горъ (49%), по рѣкамъ Аузгену, Суундыку и Кокъ-кію въ тѣхъ же горахъ, у станціи Тюльке-башъ чемкентско-аульеатинской дороги и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ русскаго Туркестана. По недостатку капиталовъ на устройство заводовъ, а можетъ быть и изъ опасенія недостатка топлива, разработки всѣхъ этихъ рудъ не производится. Что же касается до туземныхъ владѣній Турана, то въ нихъ, если и есть довольно многочисленныя мѣсторожденія желѣза, выработка метала все-таки ничтожна, по невѣжеству туземцевъ въ горномъ дѣлѣ и неимѣнію большихъ заводскихъ печей, замѣняемыхъ ручными горнами. Таково, напримѣръ, желѣзное производство по Кетменъ-тюбе, на востокѣ отъ Намангана. Вслѣдствіе этого, средназіятцы всю свою желѣзную посуду и утварь получаютъ изъ Россіи, и только мелкія вещи выдѣлываются ими изъ желѣза мѣстнаго.

Мѣдь найдена въ нѣсколькихъ мѣстахъ русскаго Туркестана, напримѣръ, на рѣкѣ Чигиръ-тасѣ, въ Чемкентскомъ уѣздѣ, гдѣ есть руды съ содержаніемъ 32% метала, по рѣкѣ Карамкулю, близъ первушинской каменноугольной копи (8%); но она не выработывается. Напротивъ, свинецъ выплавляется изъ руды, находящейся по рѣкѣ Кокъ-кію, въ Каратаусскихъ горахъ, и содержащей болѣе 50% метала. Здѣсь добываютъ до 3,000 пудовъ еже-

---

*) Татариновскій уголь даетъ 62% полуспекающагося кокса и 32% летучихъ веществъ: слѣдовательно, всего сгараетъ изъ него 94%, но за то онъ содержитъ 3% сѣры, портящей котлы. Первушинскій уголь даетъ слишкомъ много (45%) летучихъ веществъ и мало (36%) твердаго угля, но за то содержитъ менѣе сѣры.

годно. Другое свинцовое мѣсторожденіе извѣстно по рѣкѣ Кокъ-су, притоку Чирчика, гдѣ процентное содержаніе менѣе выгодно, именно лишь 23%. Эта руда, кромѣ свинца, содержитъ въ себѣ и серебро, въ количествѣ $3^1/_4$ золотниковъ на пудъ минерала. Золото найдено въ русскомъ Туркестанѣ на рѣкѣ Кукреу, сѣвернѣе Каратау, и по рѣкѣ Чирчику, впрочемъ въ количествахъ подающихъ мало надежды на прибыльную его промывку. По рѣкѣ Пскему есть мышьяковыя руды, а невдалекѣ отъ Ходжента бирюза.

За границей русскихъ владѣній, минеральная производительность нагорнаго Турана очень мало изслѣдована. Купецъ Колесниковъ, съ разрѣшенія коканскаго хана производившій изслѣдованія около Намангана, нашелъ тамъ каменный уголь, мѣдную руду и горное масло. Изъ послѣдняго пробовали добывать керосинъ и асфальтъ. Въ Бухарѣ, рѣка Зеравшанъ издавна имѣетъ репутацію золотоносной, но въ настоящее время по ней золота не добывается. Въ горахъ, далѣе на юго-востокъ, нужно предполагать серебряныя руды около Вахана. Въ Бадакшанскомъ же владѣніи извѣстны копи рубиновъ, по сѣверную сторону Аму-дарьи, и копи ляписъ-лазури южнѣе ея, въ горахъ Гиндукуша.

Животное царство въ нагорномъ Туранѣ разнообразно не меньше растительнаго. Если довѣрять слишкомъ подробнымъ цифрамъ «Туркестанскаго ежегодника», то въ однихъ четырехъ уѣздахъ Сыръ-дарьинской области, Чемкентскомъ (съ Туркестанскимъ), Кураминскомъ, Ходжентскомъ и Джизакскомъ (бывшемъ) имѣется главныхъ домашнихъ животныхъ: 136,000 верблюдовъ, 276,000 лошадей, 138,000 коровъ и воловъ и 2,900,000 овецъ и козъ. Предполагая жителей остальныхъ частей Турана столь же богатыми скотомъ, нужно заключить, что въ цѣломъ краѣ число, напримѣръ овецъ и козъ, достигаетъ 10,000,000, а быть можетъ и болѣе. Впрочемъ, эта возможность весьма вѣроятна, ибо условія скотоводства здѣсь очень выгодны, и есть породы скота, составившія себѣ заслуженную репутацію, какъ, напримѣръ, каракульскія мерлушки, тщательно разводимыя. Но, не ограничиваясь названными видами животныхъ, жители держатъ еще не мало ословъ и муловъ, чрезвычайно пригодныхъ для перевозки по степи путешественниковъ и негромоздкихъ тяжестей. Мелкая домашняя живность также немалочисленна. Но важнѣйшимъ культурнымъ животнымъ здѣшняго края, составляющимъ его особенность отъ всѣхъ другихъ русскоазіатскихъ окраинъ, является шелковичный червь, южнѣе паралели Ташкента. Не только туземцы, издавна развившіе у себя

шелководство, но и русскіе, недавно пришедшіе въ край, занимаются воспитываніемъ шелковичнаго червя, какъ, напримѣръ, купцы Первушинъ, Арзамасцевъ, Михайловъ и пр. Порода здѣшняя, впрочемъ, уступаетъ тѣмъ червямъ, которые разводились въ Европѣ до распространенія болѣзни, и потому итальянскіе шелководы, сдѣлавъ опыты закупки яичекъ, отказались потомъ отъ этой торговли, которую и мѣстное начальство стѣснило въ видахъ развитія собственно русскаго шелководства.

Шелкъ и хлопокъ доставляютъ главные матеріялы для мѣстной ткацкой промышленности, такъ какъ льняныя матеріи совсѣмъ не употребляются туземцами Средней Азіи. Изъ шелковыхъ тканей наиболѣе извѣстны шаи (канаусы), падшаи и атласы; есть также и полушелковыя: адресъ, друя, бикасабъ и другіе. Русскіе добытаго ими самими или купленнаго у туземцевъ шелка не переработываютъ въ ткани на мѣстахъ, а отправляютъ въ Москву. Что же касается хлопчатой бумаги, то хотя часть ея также направляется внутрь Россіи, но значительное количество переработывается и въ самомъ краѣ, гдѣ мы имѣемъ цѣлый рядъ бумажныхъ матерій: подкладочный асторчитъ, мату, бязь, зивакъ, каляму, свемсыму, алачу, міаншкабъ, мисре, чаипъ и кисею. Впрочемъ, послѣдняя плоха, почему обыкновенно замѣняется привозною изъ Россіи или даже изъ Индіи. Что же касается до маты, бязи, алачи и пр., то сарты приготовляютъ эти ткани въ большомъ количествѣ и такого качества, что онѣ употребляются какъ туземцами, такъ и русскими, отъ солдатъ до чиновниковъ. По особому закону, всѣ потребности войскъ въ бѣльѣ удовлетворяются мѣстными бумажными тканями въ замѣнъ льняныхъ и конопныхъ.

Скотоводство доставляетъ туземцамъ, кромѣ пищи, множество сырыхъ кожъ, которыя ими переработываются въ разные виды кожевеннаго товара, начиная отъ шагреневаго сафьяна до лосины и подошвенныхъ кожъ. Туземная замша нынѣ введена въ войскахъ Туркестанскаго края на панталоны, какъ товаръ недорогой и предпочтительный во многихъ отношеніяхъ сукну. Нѣкоторыя кожи, напримѣръ каракульскія овчины, переработываются въ мѣха, равно и шкуры дикихъ звѣрей: тигра, дикой кошки, россомахи, лисицы, волка, сурка. Породы овецъ съ курдюкомъ даютъ въ изобиліи сало. Но обработка большинства животныхъ продуктовъ оставляетъ желать дальнѣйшихъ усовершенствованій, по указаніямъ европейской технологіи.

Вообще о состояніи добывающей и переработывающей промыш-

ленности въ русскомъ Туркестанѣ и въ сосѣднихъ средне-азіятскихъ земляхъ много данныхъ собрано въ двухъ изданіяхъ, появившихся на московской политехнической выставкѣ, именно въ каталогѣ туркестанскаго отдѣла этой выставки и въ сборникѣ «Русскій Туркестанъ». Туда и слѣдуетъ обращаться за специяльными свѣдѣніями. Что до промѣна добытыхъ предметовъ на другіе, т. е. до торговли края, то объ ней достаточно подробныхъ извѣстій нѣтъ, хотя «Туркестанскія Вѣдомости» весьма часто помѣщаютъ на столбцахъ своихъ торговые прейсъ-куранты и свѣдѣнія о товарахъ, прибывшихъ въ Ташкентъ. Главными торговыми центрами служатъ: въ русскихъ владѣніяхъ Ташкентъ, Самаркандъ, Ходжентъ и Чиназъ, въ кокансвихъ Коканъ и Андиджанъ, въ бухарскихъ Бухара, Карши, Шахрсябсъ и нѣсколько другихъ мѣстъ, имѣющихъ большіе базары. На югѣ наиболѣе извѣстный торговый центръ есть Бадакшанъ. Важнѣйшими торговыми путями можно считать: Сыръ-дарью отъ Перовска до Чиназа, но не далѣе вверхъ, и сухопутныя дороги: изъ того же Перовска на Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ, Бухару и Карши, изъ Андиджана въ Кашгаръ, изъ Бухарды въ Балхъ и Гератъ и проч. Рѣка Аму-дарья, несмотря на свою судоходность, мало служитъ для перевозки грузовъ, которые обыкновенно по цѣлому Турану перевозятся на верблюдахъ и частію на ослахъ. Торговля совершается частію въ большихъ караванъ-сераяхъ, гдѣ обыкновенно пристаютъ караваны той или другой націи, того или другого большого города, частію же, и въ большинствѣ случаевъ, по базарамъ. Эти базары иногда бываютъ очень значительны, хотя происходятъ въ ничтожныхъ мѣстечкахъ. На всемъ сѣверѣ Туркестана, въ настоящее время, господствуютъ исключительно русскія и мѣстныя издѣлія; начиная же съ Бухары чувствуется присутствіе товаровъ англо-индійскихъ, которые у границъ Афганистана дѣлаются господствующими. Трудно сказать, возможна-ли полная побѣда на средпеазіятскихъ рынкахъ для той или другой категоріи товаровъ, если допустить совершенно свободную конкуренцію: издержки провоза изъ Манчестера черезъ Каррачи и Кабулъ въ Бухару едва-ли уступаютъ издержкамъ на транспортировку отъ Москвы на Самару и Оренбургъ до той же Бухары. Но, конечно, русскіе купцы имѣютъ несомнѣнное преимущество предъ англійскими въ томъ смыслѣ, что они сами слѣдятъ на мѣстахъ за потребностями средне-азіятцевъ, да и вкусы послѣднихъ имъ лучше извѣстны, чѣмъ англичанамъ. Вотъ почему нужно думать, что для всѣхъ обиходныхъ произведеній,

которыхъ цѣны невысоки, они всегда останутся главными поставщиками для Средней Азіи. Но Россіи при этомъ радоваться нечему: русскіе товары промѣниваются сартамъ очевидно съ убыткомъ, ибо, напримѣръ, въ Бухарѣ цѣна имъ: пудъ сахару 8 рублей, пудъ стеариновыхъ свѣчъ 11 рублей, кусокъ ситца въ 40—50 аршинъ отъ 4 до 9 рублей. Явленіе это напоминаетъ прежнюю кяхтинскую торговлю, при которой русскія бумажныя ткани продавались въ Пекинѣ дешевле, чѣмъ въ самой Москвѣ. Для соображеній военнаго вѣдомства могутъ быть небезъинтересны слѣдующія данныя о рыночныхъ цѣнахъ нѣкоторыхъ товаровъ въ Ташкентѣ:

Мука пшеничная отъ 1 руб. до 1 руб. 50 коп. за пудъ; ячмень въ зернѣ отъ 70 коп. до 75 коп. за пудъ; просо отъ 65 до 67 коп. за пудъ; клеверъ отъ 3 руб. 54 коп. до 6 руб. 87 коп. за 100 сноповъ; мясо 2 руб. 28 коп. за пудъ; чай байховый отъ 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 30 коп. за фунтъ; кожи юфтовыя отъ 6 руб. до 10 руб. за штуку; кожи лосиновыя 11 руб. за штуку; желѣзо шинное и полосовое 3 руб. 50 коп. за пудъ; мѣдь листовая 16 руб. 50 коп. за пудъ; дрова однополѣнныя отъ 8 руб. 66 коп. до 7 руб. 20 коп. за сажень.

Пути сообщенія.

Сейчасъ было упомянуто, что за исключеніемъ небольшой пароходной линіи отъ Чиназа до Перовска (продолжающейся впрочемъ и далѣе до Казалинска) нагорно-туранское пограничное пространство не имѣетъ водяныхъ путей сообщенія. Сѣть же сухопутныхъ его дорогъ представляетъ ту любопытную особенность, что всѣ важнѣйшіе пути съ юга на сѣверъ сходятся въ одну линію на протяженіи 115 верстъ между Чимкентомъ и Ташкентомъ и 94 верстъ между Джизакомъ и Самаркандомъ. Такимъ образомъ, названные четыре пункта, всѣ лежащіе въ русскихъ владѣніяхъ, являются важными узлами дорогъ, обходъ которыхъ по горамъ или степямъ въ большей части случаевъ влечетъ значительныя неудобства даже для каравановъ, для колесныхъ же обозовъ почти невозможенъ. Кромѣ этихъ узловъ, есть еще нѣкоторые, имѣющіе своего рода значеніе какъ въ коммерческомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, напримѣръ Ходжентъ, Ушъ, и т. под. Слѣдующіе маршруты указываютъ направленія и отчасти свойства главныхъ до-

рогъ какъ въ русскомъ Туркестанѣ, такъ и въ сосѣднихъ Коканѣ, Бухарѣ и отчасти въ другихъ владѣніяхъ.

1) *Отъ Перовска до Ташкента.* Колесный почтовый путь, проходящій черезъ нѣсколько селеній и повсюду ровный, за исключеніемъ слабыхъ покатостей и спусковъ у рѣчекъ: 27 станцій — 585 верстъ, а отъ Орска 1,649.

2) *Отъ Мерке до Ташкента.* Колесная почтовая дорога, по равнинѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ переѣздовъ, между Терсью и Манкентомъ, 416 верстъ. Вѣрный, по этой дорогѣ, лежитъ отъ Ташкента въ 700 верстахъ.

3) *Изъ Троицка въ Ташкентъ.* Караванная дорога степью черезъ лѣсъ Ямыкъ-бій-карагай, укрѣпленіе Оренбургское, озеро Телекуль и городъ Туркестанъ, передъ которымъ приходится переваливать Каратаусскія горы. Всего пути 38 дней, при вѣроятномъ разстояніи 1,640 верстъ.

4) *Изъ Петропавловска въ Ташкентъ.* Если ѣхать на Акмоллы, то значительная часть этой дороги будетъ колесною, хорошо наѣзженною, ибо до Акмолловъ есть почтовый трактъ. Да и всю ее можно пройдти съ телѣгами; только по сѣверной сторонѣ Чу верстъ 300 придется идти Голодною степью, мало удобною не только для лошадей, но даже для верблюдовъ, а на югѣ отъ Чу верстъ 50 тянутся пески. Между Сузакомъ и Туркестаномъ перевалъ черезъ Каратаусскія горы. Отъ Туркестана дорога почтовая. Всего разстоянія отъ Петропавловска до Ташкента около 1,800 верстъ.

5) *Изъ Ташкента въ Самаркандъ.* Колесная почтовая дорога съ паромною переправою чрезъ Сыръ-дарью у Чиназа, за которымъ четыре переѣзда дѣлаются по голодной Мурзарабатской степи, 13 станцій, 272 версты.

6) *Изъ Ташкента въ Ходжентъ.* Дорога почтовая, по населенной странѣ; 6 станцій, 168 верстъ.

7) *Изъ Ташкента въ Коканъ*, караванная, но годная для колесной ѣзды дорога, съ переправами на паромахъ у Куйлюка чрезъ Чирчикъ и у Чиль-Махрама чрезъ Сыръ-дарью, всего 210 верстъ.

8) *Изъ Аулье-ата въ Коканъ*, трудная вьючная дорога чрезъ горы по проходамъ Карабурѣ и Чанышу, чрезъ Наманганъ, причемъ отъ деревни Иски-абадъ до Кокана караваны уже идутъ ферганской равниной и у Санга переправляются черезъ Сыръ-дарью; дальше около 20 верстъ песками. Все разстояніе около 300 верстъ.

9) *Изъ Намангана въ Ташкентъ* хорошая караванная дорога по населенной странѣ, длиною 273 версты.

10) *Изъ Оша въ Джизакъ* большой караванный путь по Фергане, удобный для ѣзды на колесахъ. Онъ ведетъ на Маргиланъ, Коканъ и Ходжентъ и имѣетъ въ длину 450 верстъ.

11) *Изъ Самарканда до Бухары* долиною по лѣвой сторонѣ Зеравшана, по населенной странѣ, 225 верстъ.

12) *Отъ Самарканда до Карши*, караванная дорога черезъ Джамъ по холмистой мѣстности, гдѣ нѣтъ ручьевъ, но есть много обильныхъ водою колодцевъ, 143 версты.

13) *Отъ Самарканда въ Шахрсябсъ* нѣсколько дорогъ, изъ которыхъ кратчайшая, черезъ селеніе Манысъ, имѣетъ до 70 верстъ длины и проходитъ черезъ два перевала въ горахъ.

14) *Отъ Бухары до Бельджуана*, черезъ Карши, Гузаръ, Байсунъ, Динау, Гиссаръ и Фейзабадъ 612 верстъ. Важнѣйшій путь по Бухарскому ханству, переходящій на востокѣ отъ Гисара въ Кулябъ.

15) *Изъ Бухары въ Балхъ*, чрезъ Карши и Ходжа-саля, караванная степная дорога, длиною около 390 верстъ.

16) *Изъ Бухары въ Маймене*, черезъ Андхуй, 531 верста караванной дороги, съ переправою чрезъ Аму-дарью у Керки.

17) *Изъ Бухары въ Мервъ*, черезъ Чарджуй, степью, 367 верстъ.

18) *Дорога по Бактріанѣ* ведетъ отъ Герата черезъ Маймене, Андхуй, Балхъ, Хулумъ, Кундузъ, Рустакъ и Бадакшанъ, по большей части равнинною. Она подробно извѣстна изъ путешествій Борнса, Вуда и «мирзы».

19) *Изъ Кокана въ Кулябъ*, по распросамъ, есть дорога черезъ Каратегинскія и Ваханскія владѣнія, на Риштанъ, Лангаръ, перевалъ Шахъ-кендъ, Чивильдаръ и Ханабадъ. Подробности о ней находятся въ запискѣ Федченко, въ «Извѣстіяхъ Русскаго Географическаго Общества» за 1872 годъ. Вообще, для изученія путей въ нагорномъ Туранѣ не безъ пользы можетъ служить карта этого путешественника, а также распросныя карточки Бухарина и Аминова.

Населеніе.

Несмотря на многочисленность политическихъ единицъ въ Туранскомъ пограничномъ пространствѣ, *основной* этнографическій составъ его населенія менѣе сложенъ, чѣмъ можно было бы ожидать. Именно, только *двѣ* главныя расы, тюркская и индо-персид-

ская, составляютъ это население. Но ихъ подраздѣленія и происшедшія отъ нихъ смѣшанныя племена столь разнообразны, что этнографъ и филологъ, желающіе сдѣлать правильную классификацію народностей, имѣютъ предъ собою почти такую же задачу, какъ изслѣдователь Индукитая или Кавказскаго перешейка.

Не вдаваясь въ подробности этнографическихъ изысканій, которыя притомъ еще далеки отъ полноты и совершенства, мы перечислимъ здѣсь главныя подраздѣленія обѣихъ расъ и постараемся, хотя до нѣкоторой степени, опредѣлить число ихъ представителей. Къ тюркскому племени принадлежатъ: казаки, т. е. киргизы Большой, Средней и Малой ордъ; кара-киргизы или, по-китайски, буруты; туркмены; курама и, наконецъ, узбеки. Индо-персидское племя, коренное въ большей части Турана, но покоренное и отчасти вытѣсненное тюрками, именно узбеками, представлено, въ настоящее время, по верховьямъ Сыръ и Аму-дарьи: во-первыхъ, мало извѣстными горными племенами, быть можетъ родственными кяффиръ-сягпушамъ, литвѣ и славянамъ; во-вторыхъ, разными таджиками, которые въ горахъ и по деревнямъ удержали свои племенныя названія, а въ городахъ обыкновенно называются сартами, хотя это слово имѣетъ и другое значеніе. Вообще говоря, масса индо-персидскаго племени живетъ въ бассейнахъ Окса и Зеравшана, тогда какъ тюркскія поколѣнія держатся по Сыру и его притокамъ. Впрочемъ, вездѣ, гдѣ есть осѣдлости и на Сырѣ, сарты составляютъ значительную долю населенія; напротивъ, степи, годныя подъ кочевки, заняты исключительно тюрками даже на югѣ отъ Аму-дарьи.

Кромѣ названныхъ племенъ, арійская раса имѣетъ еще своими представителями въ нагорномъ Туранѣ индусовъ, цыганъ, плѣнныхъ персіянъ, или иранцевъ, и тѣхъ властителей горныхъ долинъ по системѣ верхняго Окса, которые считаютъ себя отдаленными потомками Александра Великаго. Сюда же принадлежатъ и русскіе. Всѣ эти пришельцы въ краѣ немногочисленны, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ замѣтное вліяніе на судьбы его, какъ представители политическаго или коммерческаго преобладанія. Около нихъ, но гораздо ниже по общественному положенію, слѣдуетъ поставить, также немногочисленныхъ, семитовъ, въ лицѣ евреевъ, аравитянъ и афганцевъ *), встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Турана.

*) Афганцы говорятъ въ настоящее время языкомъ не семитическимъ, а арійскимъ; но семитическое ихъ происхожденіе болѣе чѣмъ вѣроятно.

Идя съ сѣвера, изъ-за Чу, мы прежде всего встрѣчаемъ *киргизовъ.* Эти номады ведутъ здѣсь совершенно ту же пастушью жизнь, что въ степяхъ сибирскихъ, оренбургскихъ и семирѣченскихъ. Часть ихъ, въ уѣздахъ Чимкентскомъ и Аульеатинскомъ, впрочемъ, занимается хлѣбопашествомъ. По происхожденію они почти всѣ принадлежатъ къ Большой Ордѣ; но въ небольшомъ числѣ встрѣчаются представители и двухъ другихъ, именно Средней въ уѣздѣ Ташкентскомъ и Малой въ Туркестанскомъ. Всѣ русскіе киргизы организованы въ волости и управляются на основаніи общаго степного положенія. Числительность ихъ въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, за исключеніемъ уѣздовъ Казалинскаго и Перовскаго, отнесенныхъ нами къ Аральскому участку, простирается до 355,000 душъ. Они держатся лѣтомъ, гдѣ можно, въ горахъ, осенью и весною въ равнинахъ, а на зиму массами уходятъ въ камыши и саксауловыя рощи по Сыръ-дарьѣ, Таласу и даже Чу. Перекочевки ихъ вообще не столь отдаленны, какъ, напримѣръ, у киргизовъ Малой орды въ Оренбургскомъ краѣ, которые изъ-подъ Троицка приходятъ на Сыръ-дарью. Скотомъ они богаты, такъ что среднимъ числомъ на каждую юрту можно считать одного верблюда, одну корову, одну лошадь и 40 барановъ; это показываетъ, что установленная съ нихъ подать, 3 р. 50 к. въ годъ съ юрты, весьма близка къ тому, что, по обще-мусульманскимъ обычаямъ, должно составлять налогъ, именно къ $^1/_{40}$ имущества. Есть, впрочемъ, киргизы очень бѣдные: это кочующіе по лѣвой сторонѣ Сыра, въ кизылъ-кумскихъ пескахъ. Киргизы Сыръ-дарьинской области слишкомъ еще недавно стали русскими подданными, чтобы можно было разсчитывать на ихъ преданность: напротивъ, когда есть возможность, они склонны производить безпорядки, и изъ среды ихъ-то вышелъ извѣстный батырь Садыкъ, отъявленный врагъ Россіи, скрывшійся въ Хиву. Киргизы Каратаускихъ горъ искони славились своими грабежами въ предѣлахъ сибирскихъ и оренбургскихъ степей, но теперь они, волею-неволею, присмирѣли, ибо русскія земли опоясываютъ ихъ степи не только съ сѣвера, но и съ юга.

Что касается до киргизовъ, кочующихъ въ предѣлахъ Бухарскаго и Коканскаго ханствъ, то о числѣ ихъ нѣтъ никакихъ данныхъ: вѣроятно оно невелико, такъ какъ въ Коканѣ ихъ замѣняютъ кара-киргизы, а въ Бухарѣ туркмены и каракалпаки. Полагая это число равнымъ 10,000 юртамъ, или 45,000 душъ, мы получимъ, что общее число киргизовъ на описываемомъ пространствѣ будетъ 400,000 душъ.

2) *Кара-киргизы*, по-русски дикокаменные киргизы, по-китайски буруты, живутъ въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, только въ Аульеатинскомъ уѣздѣ, въ числѣ 29,000 душъ; но они очень многочисленны въ Коканѣ и по всѣмъ горамъ на югъ отъ него, до верховій Аму-дарьи. Орда эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней нѣтъ родовой аристократіи, какъ у киргизъ-казаковъ, которыхъ султаны всѣ считаютъ себя потомками если не самого Чингизъ-хана, то ближайшихъ его родственниковъ и вельможъ. Отсюда и названіе кара-киргизъ, черный-киргизъ, или киргизъ черной кости. Впрочемъ, сами себя эти кочевники называютъ просто киргизами и, по преданію, выводятъ свое происхожденіе изъ горъ, сосѣднихъ Андиджану, откуда они распространились на сѣверъ, югъ и востокъ. Наиболѣе многочисленное ихъ населеніе держится по верховьямъ Таласа, Сусамыра, по Нарыну, Кульшѣ, на Алаѣ, Памирѣ и вообще по горамъ, обставляющимъ верховья рѣкъ, текущихъ съ одной стороны въ Сыръ-дарью, а съ другой въ Таримъ. Они раздѣляютъ себя на два крыла, правое, *онъ*, и лѣвое, *солъ*, которыя въ свою очередь распадаются на роды, числомъ десять, и на подроды и колѣна, весьма многочисленные. Находящіеся въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской Области принадлежатъ большею частію къ роду султы, отдѣленія *онъ* (по Клапроту Bouroutes orientaux); въ Коканѣ же мы встрѣчаемъ адыгинэ, кипчаковъ, наймановъ и пр. Многочисленность кара-киргизовъ въ Коканскомъ ханствѣ служитъ причиною, что они тамъ по временамъ играютъ значительную политическую роль, и бывали даже случаи, что первые сановники хана назначались изъ старшинъ этого народа. Общее названіе такихъ старшинъ — *манапъ*, подъ чѣмъ разумѣется не только правитель, но и судья, хотя для судебныхъ разбирательствъ есть и *біи*, какъ въ прочихъ ордахъ. До чего бытъ кара-киргизовъ отличается варварствомъ, видно изъ того, что наиболѣе уважаемыми манапами у нихъ считаются тѣ, которые при юртахъ своихъ возятъ висѣлицу *) и не жалѣютъ помѣщать на нее тѣхъ, кого находятъ виновными въ крупныхъ преступленіяхъ, къ числу которыхъ однако разбой (баранта) не относится. Хищничества кара-киргизовъ, покровительствуемыя мѣстностью ихъ родины, сдѣлали ихъ давно извѣстными за самыхъ неукротимыхъ разбойниковъ Верхней Азіи, и только раздробленность на множество мелкихъ родовъ, подродовъ и колѣнъ, вѣчно раздѣленныхъ взаимною враж-

*) Таковъ, напримѣръ, былъ сарыбагишскій манапъ Урманъ, на Иссыкъ-кулѣ.

дою, мѣшала имъ организоваться въ одно цѣлое, которое могло бы стать грозою сосѣднихъ странъ. Ибо число дикокаменныхъ киргизовъ весьма значительно и, во всякомъ случаѣ, не уступаетъ числительностью всякому другому осѣдлому или кочевому племени Турана. Впрочемъ, о нихъ разнаго рода подробности уже приведены въ обзорѣ Тянь-шаньскаго участка, гдѣ они составляютъ массу мѣстнаго населенія. Здѣсь же замѣтимъ только, что по разсматриваемому пространству они распространяются къ югу до 37 параллели, держась постоянно горныхъ долинъ и отклоновъ. Они бѣднѣе скотомъ, чѣмъ киргизы, напримѣръ, Большой орды; но за то имѣютъ въ составѣ своихъ стадъ животное, которое не встрѣчается у степныхъ номадовъ, именно тибетскаго быка, или яка, весьма полезнаго при кочевкахъ въ горахъ. Наши султы довольствуются верблюдами, лошадьми и баранами.

3) *Каракалпаки* и 4) *туркмены* малочисленны въ предѣлахъ нагорнаго Турана. Можно сказать, что они встрѣчаются тутъ почти какъ исключеніе, въ степныхъ частяхъ Бухары, въ горахъ сѣверной части Самаркандскаго округа и въ бывшемъ Джизакскомъ уѣздѣ, не распространяясь на сѣверѣ далѣе Буканскихъ горъ. Только съ приближеніемъ къ Аму-дарьѣ и въ особенности съ переходомъ на югъ отъ этой рѣки, числительность туркменовъ возрастаетъ и они даже становятся господствующимъ населеніемъ степи. Въ русскихъ владѣніяхъ число туркменовъ не превышаетъ 7,000; сколько ихъ въ Бухарѣ, неизвѣстно. Замѣтимъ при этомъ, что если провести линію отъ города Бухары на Карши въ Балхъ, то по сѣверо-восточной ея сторонѣ туркмены будутъ встрѣчаться лишь спорадически.

5) *Узбеки* съ XVI столѣтія господствовали въ нагорномъ Туранѣ, или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ его частяхъ, которыя представляютъ наиболѣе культурныхъ условій, т. е. въ оазисахъ. Господство это было, впрочемъ, не численное и даже не интеллектуальное, а только политическое и административное. Узбеки явились въ краѣ завоевателями, и потому сохранили за собой право давать ему хановъ, визирей и другихъ важныхъ должностныхъ лицъ. Ихъ языкъ сдѣлался господствующимъ въ администраціи, въ судѣ, частію даже въ домашнемъ быту, хотя вся «ученая» часть населенія, т. е. муллы и казы, признавали и признаютъ доселѣ, что истинно образованный человѣкъ долженъ говорить по-персидски. Это послѣднее замѣчаніе особенно справедливо для мѣстностей по Зеравшану и къ югу отъ этой рѣки, между тѣмъ какъ въ бассейнѣ

Сыръ-дарьи господство узбекскаго говора рѣшительнѣе. Узбеки представляются намъ стоящими на трехъ ступеняхъ бытового развитія: одни изъ нихъ кочуютъ, другіе живутъ постоянно въ городахъ и третьи составляютъ переходное звено, ведя полукочевую жизнь, именно зимою и лѣтомъ во время полевыхъ работъ оставаясь на однихъ мѣстахъ, а въ остальное время года перекочевывая по степямъ. Узбеки заслуживаютъ особеннаго вниманія съ военно-политической точки зрѣнія, потому что они считаются опорами хана Коканскаго, эмира Бухарскаго и, какъ мы сказали въ другомъ мѣстѣ, хана Хивинскаго. Изъ нихъ составлялись въ прежнее время ихъ арміи, ихъ полиція; изъ среды ихъ выбирались военачальники, беки и пр. Но уже и въ глазахъ своихъ единокровныхъ повелителей узбеки считались всегда самыми ненадежными, безпокойными подданными. Эмиры бухарскіе, напримѣръ, хотя и опирались на нихъ, однако искали опоры предпочтительно въ тѣхъ родахъ, которые не имѣли слишкомъ вліятельныхъ представителей; ибо изъ этихъ послѣднихъ обыкновенно выходили ихъ враги, стремившіеся къ независимости или къ захвату власти и возбуждавшіе междоусобія. Такъ, еще во второй половинѣ нашего вѣка было сильное возстаніе узбековъ въ окрестностяхъ Самарканда, и эмиръ Музаффаръ отдѣлался отъ бунтовщиковъ только поголовнымъ истребленіемъ вліятельныхъ среди ихъ лицъ, не разбирая правыхъ и виноватыхъ. Эту сторону узбекскихъ нравовъ и стремленій намъ необходимо постоянно имѣть въ виду какъ въ подвластныхъ намъ земляхъ, такъ и въ сосѣднихъ среднеазіятскихъ ханствахъ, которыя, въ случаѣ возрастанія въ нихъ значенія узбековъ, непремѣнно будутъ становиться враждебнѣе къ намъ. Причина та, что не только узбекамъ жаль власти и вліянія, отнятыхъ нами у нихъ, но еще они отличаются и изувѣрствомъ религіознымъ, въ противоположность кочевымъ киргизамъ и даже осѣдлымъ согражданамъ-таджикамъ. А мусульманскій фанатизмъ такое начало, которое всегда будетъ враждебно относиться къ европейской цивилизаціи, которой представителями въ Средней Азіи являемся мы.

Узбеки, какой бы родъ жизни они ни вели, всѣ считаютъ себя однимъ народомъ, но подраздѣляются на множество родовъ *). И

*) Классификація узбекскихъ родовъ, принятыя Ханыковымъ и Борнсомъ (а съ послѣднимъ и Вамбери), не сходятся между собою, именно: Ханыковъ считаетъ 97 родовъ, а Борнсъ 32. Подробности этихъ классификацій см. у Ханыкова въ «Описаніи Бухарскаго ханства», у Борнса въ 3 томѣ «Путешествія въ

нужно замѣтить, что это дѣленіе на роды прочно хранится въ ихъ памяти, причемъ замѣчаются извѣстныя родовыя симпатіи и антипатіи, которыя соединяютъ или раздѣляютъ узбековъ между собою и сосѣдними народностями. Такъ, роды ктай и кипчакъ были издавна врагами бухарскихъ эмировъ; такъ, кенегесы и мангиты, роды одного происхожденія, относятся враждебно другъ къ другу. Нѣкоторые роды считаютъ себя высшими противъ другихъ, подобно инымъ колѣнамъ израильскаго народа, и признаютъ, напримѣръ, за безчестіе отдавать дочерей замужъ въ эти низшіе роды. Словомъ, родовое начало играетъ значительную роль въ жизни узбековъ, и какъ, при подобномъ условіи, всегда образуется, изъ родоначальниковъ и болѣе богатыхъ людей, кровная аристократія, то и узбековъ есть таковая, несмотря на то, что многоженство и правила мусульманской религіи, уравнивающія всѣхъ правовѣрныхъ предъ закономъ, много смягчаютъ исключительность этой аристократіи. Промышленное превосходство таджиковъ, у которыхъ узбеки обыкновенно въ долгу, также не дастъ слишкомъ зазнаваться этой татарской знати, и то же вліяніе имѣетъ на судьбу ихъ русская власть ко всѣмъ безразличная.

Бытъ узбековъ вообще сохраняетъ слѣды степного, чисто монгольскаго **) варварства, несмотря на трехвѣковое прикосновеніе ихъ съ издавна цивилизованными арійцами. Дома узбекъ старается ничего не дѣлать, сваливаетъ всѣ работы и заботы на жену, которая, вслѣдствіе этого, становится рабынею. О дѣтяхъ онъ печется мало, и за то, съ своей стороны, взрослые сыновья иногда оказываются столь мало почтительными къ родителямъ, что бьютъ ихъ. По свидѣтельству Гребенкина, узбекъ, даже и разбогатѣвъ, не прочь оставить городъ и вести кочевую жизнь. Чисто-промышленнаго горожанина, таджика, онъ презираетъ и выражаетъ свое презрѣніе браннымъ словомъ *сартъ*, которое сдѣлалось почти си-

---

Бухаріи», у Вамбери въ «Путешествіи по Средней Азіи», а замѣчанія къ нимъ у Макшеева (Зап. Рус. Геогр. Общ. 1872), Гребенкина (Русскій Туркестанъ 1872) и пр.

**) Монголо-татарское происхожденіе узбековъ подтверждается не только ихъ физіологическимъ типомъ, но и преданіями. Напримѣръ, узбекскій родъ катганъ говоритъ про себя: наши предки одноплеменны съ калмыками; когда одна изъ ордъ въ нашемъ прежнемъ отечествѣ вздумала перекочевать, то приняла названіе катганъ, что значитъ *мы идемъ*, а другая стала называться калмыками, что значитъ *мы остаемся*. См. Бориса, III, 369.

нонимомъ таджикской національности въ узбекскихъ земляхъ, хотя собственно значитъ, скорѣе всего, «барышникъ», «плутъ». Иногда къ этому прозванію узбекъ прибавляетъ еще прилагательное «сасыкъ», тухлый, какъ послѣднюю степень презрѣнія. Антипатія двухъ главныхъ народностей Средней Азіи, очевидно, не должна быть оставляема нами безъ вниманія при упроченіи положенія нашего въ этой странѣ.

Узбеки въ Сыръ-дарьинской области и въ Зеравшанскомъ округѣ составляютъ значительную часть населенія, именно около 115,000 душъ, живущихъ преимущественно на югѣ отъ Сыръ-дарьи. Изъ нихъ болѣе половины осѣдлыхъ обитателей городовъ и кишлаковъ (деревень); остальные — кочевники отчасти или совсѣмъ. Послѣдніе незамѣтно сливаются съ туркменами, каракалпаками и киргизами. Въ Коканѣ узбеки составляютъ едва-ли не большинство осѣдлаго населенія, быть можетъ свыше 200,000 душъ; въ Бухарѣ, вѣроятно, не менѣе, хотя здѣсь преобладающая по числу національность есть таджикская. Въ обоихъ ханствахъ къ узбекамъ принадлежатъ владѣтельные дома; но нужно замѣтить, что, напримѣръ, эмиръ Музаффаръ, хотя родомъ и узбекъ мангитъ, не любитъ своихъ строптивыхъ и неотесанныхъ соплеменниковъ, предпочитая имъ болѣе вкрадчивыхъ, низкопоклонныхъ сартовъ. То же почти и въ Коканѣ, гдѣ преобладающее значеніе узбековъ иногда оспаривается у нихъ даже дикокаменными киргизами, хотя ханъ принадлежитъ къ узбекскому роду мингъ. Соображая указанія Ханыкова, что изъ 97 родовъ въ Бухарскомъ ханствѣ его времени (1840 года), т. е. со включеніемъ Зеравшанскаго округа, имѣлись представители только 28 родовъ и что на югѣ отъ Карши узбеки тоже постепенно смѣняются таджиками, а за Аму-дарью почти вовсе не переходятъ, мы можемъ сказать, что все ихъ число на разсматриваемомъ пространствѣ не превосходитъ 700,000 душъ.

6) *Курама* представляетъ любопытную помѣсь тюркскихъ племенъ, одинаково родственную узбекамъ и киргизамъ и происшедшую на памяти не только исторіи, но отчасти и современниковъ. Она занимаетъ долину Ангрена, въ Сыръ-дарьинской области, и образовалась не болѣе ста лѣтъ назадъ, главнымъ образомъ изъ кочевыхъ киргизовъ всѣхъ трехъ ордъ. Киргизы эти, находясь въ крайней бѣдности и не имѣя средствъ питаться отъ стадъ, стали селиться близъ сартовъ, въ «курахъ» или загородахъ, и заниматься, по возможности, земледѣліемъ. Изъ смѣси ихъ съ сартами и отчасти съ

узбеками образовалось населеніе, которое и называется курамою. Теперь этихъ людей считается до 40,000 душъ, не причисляемыхъ туземцами ни къ узбекамъ, ни къ таджикамъ.

7) *Таджики* — главные и притомъ наиболѣе извѣстные представители арійской расы въ нагорномъ Туранѣ, котораго населеніе они составляютъ съ весьма отдаленныхъ временъ. При теперешнемъ состояніи этнографіи, можно считать ихъ два разряда, почти двѣ разновидности (varietas): жителей равнинъ, нерѣдко называемыхъ *сартами*, и жителей горъ, которымъ у насъ приписываютъ общее нозваніе *гальчей*, хотя сами горцы придаютъ себѣ лишь разныя частныя названія, смотря по мѣстожительству или, быть можетъ, по происхожденію, подобно племенамъ адыге и абаза на Кавказѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что родственными этимъ двумъ арійскимъ разновидностямъ являются и тѣ жители горъ сосѣднихъ верховьяхъ Аму-дарьи, которые еще такъ мало извѣстны европейцамъ, даже по именамъ, и которыхъ мы встрѣчаемъ уже на Ягнау, притокѣ рѣки Зеравшана. Не касаясь пока послѣднихъ и гальчей, остановимся на таджикахъ — собственно, осѣдлыхъ обитателяхъ долинъ Сыръ-дарьи, Зеравшана, Кошка-дарьи, Ширавать-дарьи и т. д. Въ статьѣ о таджикахъ Зеравшанскаго округа Гребенкинъ не безъ основанія ставитъ вопросъ: есть-ли теперь въ этомъ краѣ чистокровные таджики? Въ самомъ дѣлѣ, эти исконные обитатели Турана приняли въ себя столько помѣсей отъ чужеземцевъ, приходившихъ въ ихъ страну въ роляхъ завоевателей, законоучителей, торговцевъ и просто эмигрантовъ, что опредѣленный физіологическій обликъ таджикскаго племени почти совершенно утратился. Среди таджиковъ нашего времени можно найти типы узбековъ, индусовъ, аравитянъ, евреевъ и даже русскихъ: такъ эта раса стала впечатлительною къ внѣшнимъ вліяніямъ. И персидскій языкъ ея, оставаясь по строенію арійскимъ, усвоилъ себѣ много узбекскихъ и другихъ словъ и формъ, и лишь въ болѣе образованной, такъ сказать литературной сферѣ остается близкимъ къ чисто-иранскому. Многіе таджики даже вовсе не говорятъ по-персидски, а употребляютъ какъ въ обществѣ, такъ и въ семейномъ быту языкъ узбекскій. Слѣдовъ родовыхъ преданій у нихъ не сохранилось никакихъ, и въ то время какъ узбекъ, говоря о себѣ, непремѣнно прибавляетъ: «я найманъ, мингъ или ктай», обозначая этимъ свое кровное происхожденіе, таджикъ для подобной же цѣли говоритъ: «я самаркандецъ, бухарецъ, ходженецъ», т. е. указываетъ только мѣсто своего жительства, но не генеалогію.

Словомъ, племенное начало въ немъ слабо: онъ больше космополитъ, чѣмъ узбекъ и киргизъ. Соотвѣтственно тому развита въ таджикахъ способность примѣняться къ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ, подчиняться чужому игу и, потому, какъ у всякаго народа съ подобными качествами и въ подобныхъ условіяхъ, у таджика слабо чувство чести, національной и личной. Онъ тщеславенъ, но не гордъ; онъ всѣ свои духовныя силы посвящаетъ одному стяжанію и не стѣсняется въ выборѣ средствъ для пріобрѣтенія богатства, лишь бы они не поставили его лицомъ къ лицу съ рѣшительнымъ и грознымъ противникомъ, предъ которымъ таджикъ трусъ. Отсюда и презрительное для него названіе со стороны иноплеменниковъ: «сартъ», т. е. торгашъ, барышникъ и плутъ.

Само собою разумѣется, что подданные такого разряда, если не такъ безпокойны, какъ узбеки, то не болѣе ихъ надежны въ политическомъ отношеніи и не заслуживаютъ большого покровительства ихъ національности. Однако среднеазіятскіе деспоты, хотя узбеки по происхожденію, издавна отдавали предпочтеніе таджикамъ въ дѣлахъ управленія, какъ людямъ болѣе ловкимъ, низкопоклоннымъ, способнымъ интересами отечества совершенно пренебрегать для личныхъ интересовъ хана или эмира. Кромѣ того, между таджиками больше законниковъ, которыхъ можно поставлять беками, муллами, казы и пр. Денежная состоятельность многихъ таджиковъ привлекаетъ также вниманіе къ нимъ азіятскихъ властителей, и, конечно, многія почетныя и выгодныя должности даются имъ просто за подкупъ, за взятку. Таджики сознаютъ денежное свое могущество, равно какъ и промышленное превосходство надъ узбеками. Они смѣются надъ послѣдними, говоря, что «неучи-узбеки не могутъ безъ насъ жить: мы имъ даемъ не только деньги, товары, законы, правителей, но даже святыхъ». И, дѣйствительно, масса мусульманскихъ святыхъ, напримѣръ погребенныхъ около Самарканда, принадлежитъ къ таджикамъ, которые, слѣдовательно, изстари умѣли отличаться ханжествомъ, фарисействомъ, столь необходимымъ въ Средней Азіи для того, чтобы прослыть человѣкомъ религіознымъ и богоугоднымъ. На самомъ же дѣлѣ, таджики довольно индиферентны къ исламу, и по временамъ даже заявляютъ удивленіе, что русскіе, покоривъ Ташкентъ и Самаркандъ, не заставили ихъ перемѣнить вѣру, прибавляя, что вѣдь мусульманство введено у нихъ силою. Если же, за всѣмъ тѣмъ, таджикъ, встрѣчаясь съ важной особой изъ магометанской іерар-

хіи, спѣшитъ поклониться ей, чтобы услышать привѣтъ, то это дѣлается изъ лицемѣрія, частію и изъ тщеславія *).

Въ нашихъ владѣніяхъ есть не менѣе 215,000 таджиковъ и сартовъ, сосредоточенныхъ преимущественно въ уѣздахъ Чимкентскомъ, Кураминскомъ, Ходжентскомъ, Самаркандскомъ и въ г. Ташкентѣ. Сколько ихъ въ Коканѣ и Бухарѣ, трудно сказать; но какъ значительное большинство жителей Бухарскаго ханства **), да и не малая доля обитателей Ферганы, суть таджики, то едва-ли мы удалимся много отъ истины, если опредѣлимъ общее ихъ число въ 900,000 душъ. Бытъ ихъ повсюду одинаковъ, то есть они земледѣльцы, торговцы, ремесленники и разнаго рода законники — муллы, казы, писцы и т. п. Кочевые и полуосѣдлые таджики составляютъ рѣдкость, хотя еще недавно въ западныхъ частяхъ Нуратинскихъ горъ замѣчены были таджики, занимавшіеся скотоводствомъ, конечно потому, что степи не даютъ возможности засѣвать хлѣбъ. Эти степные таджики замѣчательны еще и тѣмъ, что среди ихъ встрѣчаются люди съ русыми, а не черными волосами и даже съ голубыми глазами, напоминающими ихъ арійское происхожденіе и, вѣроятно, недавній выходъ изъ горъ.

Вообще физіологическіе признаки близости таджиковъ съ индоевропейцами болѣе замѣтны въ собственно горной части Турана. Ихъ наружность часто до такой степени напоминаетъ другія племена арійской расы, что, напримѣръ, Шау не могъ отличить встрѣченнаго имъ бадакшанца отъ жителей Кашемира; въ Яркендѣ ему также попадались люди съ голубыми глазами и русыми волосами, а въ Кашгарѣ онъ нашелъ цѣлое пришлое населеніе той же расы. Это были горные таджики изъ окрестностей Сарыкола, выведенные оттуда Якубъ-бекомъ въ наказаніе за бунтъ. Весьма вѣроятно, что ихъ соплеменники живутъ и далѣе на востокъ, ибо Шау упоминаетъ еще о ваханахъ въ окрестностяхъ Санчжу и Киліана, имѣющихъ также свѣтло-каріе глаза и русые волосы.

---

*) «Когда, до взятія Самарканда русскими, духовенство подняло крикъ, призывая народъ вступить въ священную борьбу съ кяфирами, то самаркандскій бекъ приказалъ своимъ сарбазамъ усмирить оружіемъ этотъ священный пылъ, и сарбазы перекололи на дворѣ медрессе Тилля-Кары болѣе 200 защитниковъ вѣры, а народъ не только не защищалъ ихъ, но смѣялся надъ ними». *Гребенкинъ.*

**) Вопреки Ханыкову, который предполагалъ, что, напротивъ, господствующее тутъ племя есть узбеки, что, конечно, произошло отъ того, что этотъ оріенталистъ принималъ за узбековъ таджиковъ, говорившихъ по-узбекски.

Что же касается собственно ваханцевъ, жителей одной изъ горныхъ долинъ въ верховьяхъ Аму-дарьи, то въ языкѣ ихъ прямо замѣтно присутствіе санскритскихъ словъ. Вѣроятно, то же придется сказать и про горцевъ на берегахъ Ягнау, которыхъ языкъ уже менѣе понятенъ для европейца, знающаго только по-персидски, чѣмъ говоръ гальчей, обитающихъ по Зарявшанской долинѣ. Эти послѣдніе, т. е. *гальчи*, суть прямые единоплеменники сартовъ Самарканда и Бухары, и отчасти даже помнятъ время своего выхода оттуда, по случаю безпорядковъ и кровопролитія въ Міанкалѣ. Въ своемъ распространеніи къ югу, по горамъ, они также переходятъ въ чисто персидское населеніе Бадакшана, при посредствѣ жителей Шугнана, Дарваза и Куляба. Впрочемъ, классификація всего этого индо-персидскаго населенія, по недостатку этнологическихъ данныхъ, такъ еще мало возможна, что о ней, какъ и о классификаціи жителей Читрала, Скардо, Ясипа и проч., имѣющихъ также несомнѣнные признаки родства съ индо-европейцами и, между прочимъ, именно съ славянами, здѣсь лучше не говорить; довольно ограничиться общимъ замѣчаніемъ, что въ странахъ по верховьямъ Аму-дарьи мы находимъ племена, изслѣдованіе типа и языка которыхъ должно со временемъ принести плодотворный результатъ для знакомства съ самою раннею эпохою исторіи арійцевъ. Съ точки зрѣнія политической и экономической замѣтимъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ людьми, обыкновенно бѣдными, но свободолюбивыми, не сливающимися подъ одну сильную центральную власть, но, подобно горцамъ Швейцаріи, Кавказа, Кяффиристана, Куйчжеу, составляющими отдѣльныя мелкія владѣнія, которыя ревниво хранятъ свою независимость. Даже Бадакшанъ, котораго жители суть кровные персы, изъ окрестностей Балха, и отличаются сравнительною изнѣженностью, настойчиво отстаиваетъ свою политическую свободу, несмотря на многолѣтнія покушенія противъ нея афганцевъ, а въ прежнее время узбековъ.

Само собою разумѣется, что численность индо-персидскаго населенія верховій Аму-дарьи намъ неизвѣстна, за исключеніемъ небольшого уголка этой страны, по верхнимъ частямъ Зеравшана, гдѣ мы имѣемъ въ русскомъ подданствѣ 35,600 человѣкъ гальчей. Но если взять въ соображеніе общую величину верхне-джигунскаго басейна и его гористость, вслѣдствіе которой люди живутъ только по узкимъ долинамъ рѣкъ и озеръ, то едва-ли много ошибемся, сказавъ, что число арійскихъ горцевъ въ описываемой странѣ, т. е. въ восточной части Бухарскаго ханства, въ Кулябѣ,

Дарвазѣ, Ваханѣ, Шугнанѣ и частію въ Бадакшанѣ, Каратегинѣ, и по Зеравшану, не простирается свыше 350,000 душъ, что вдесятеро превосходитъ число нашихъ гальчей. А какъ есть владѣнія, которыя состоятъ всего изъ нѣсколькихъ деревень, то очень вѣроятно, что эта цифра выше дѣйствительности.

8) Третью вѣтвь индо-персидской расы въ нагорномъ Туранѣ составляютъ *иранцы*, переселенные туда по большей части сплою изъ Мерви и вообще изъ Хорасана, въ весьма недавнее время. Одни изъ этихъ «ирани», наиболѣе многочисленные, находятся въ рабствѣ, преимущественно у бухарскихъ узбековъ; другіе суть бывшіе рабы, отпущенные или выкупившіеся на волю и заселяющіе, напримѣръ, нѣсколько деревень въ Самаркандскомъ округѣ; наконецъ, третьи въ рабствѣ никогда не находились, а по разореніи Мерви выведены оттуда бухарскимъ правительствомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка и поселены въ долинѣ Зеравшана, по каналу Багушашаху, гдѣ также занимаются земледѣліемъ. Въ нашихъ владѣніяхъ всѣхъ этихъ персіянъ, вѣроятно, 7,000 — 8,000 душъ; сколько же ихъ въ Бухарѣ и другихъ земляхъ, по верховьямъ Аму-дарьи, неизвѣстно. Замѣтимъ, что ни отъ самихъ ихъ, ни отъ туземцевъ они не называются таджиками, а постоянно иранцами.

9) Небольшое число кровныхъ *индусовъ* разсѣянно по всему нагорному Турану, преимущественно по большимъ городамъ, гдѣ они занимаются ростовщичествомъ и торговлею. Такъ какъ этимъ людямъ было запрещено въ средне-азіятскихъ мусульманскихъ владѣніяхъ жениться, ибо они «невѣрные», то собственно этнографическаго элемента населенія страны они не составляютъ; но все-таки, будучи по большей части факирами, т. е. людьми богатыми, они имѣютъ свое значеніе въ краѣ. Къ нимъ, если не по общественному положенію, занятіямъ и даже языку, то по вѣроятному происхожденію изъ Индустана, примыкаютъ мелкія же племена мазанъ, люли и джучи, которые суть средне-азіятскіе *цыганы*, хотя не всѣ ведутъ кочевую жизнь, а, напротивъ, по большей части занимаются земледѣліемъ и ремеслами. У насъ въ Зеравшанскомъ округѣ этихъ племенъ есть до 1,000 душъ, но въ бухарскихъ владѣніяхъ, именно близъ Гиссара, они многочисленнѣе и извѣстны тамъ подъ общимъ названіемъ «невѣрныхъ» или кяффировъ, такъ какъ они не мусульмане. Племенныя ихъ особенности поддерживаются тѣмъ, что браки между ними и магометанами невозможны по шаріату.

10) Мы перечислили всѣхъ главнѣйшихъ представителей двухъ

главныхъ племенъ нагорнаго Турана, тюркскаго и индо-персидскаго. Но на смѣшанномъ этнографическомъ фонѣ, образованномъ этими двумя расами, разбросаны еще, въ видѣ острововъ, представители нѣсколькихъ другихъ народностей, происхожденія вовсе не средне-азіятскаго. Между ними первое мѣсто по числу, а отчасти и по давности водворенія, принадлежитъ *семитамъ*, именно афганцамъ, аравитянамъ и евреямъ. Повторивъ еще разъ, что, собственно говоря, современные *афганцы* не принадлежатъ по языку къ семитическимъ народамъ, а только должны быть причисляемы къ нимъ по физіологическому типу и вѣроятному происхожденію отъ евреевъ, бывшихъ въ плѣну вавилонскомъ, мы укажемъ на ихъ весьма еще недавнее распространеніе въ бассейнѣ Аму-дарьи. Распространеніе это совершается подъ вліяніемъ англійской политики, возбуждающей, изъ собственныхъ разсчетовъ, завоевательныя стремленія эмира кабульскаго, и въ настоящее время сдѣлало значительные успѣхи на лѣвой сторонѣ Аму-дарьи въ Кундузѣ, Балхѣ, Хулумѣ и проч. Что же касается до правой стороны Окса, то здѣсь афганцы встрѣчаются, во-первыхъ, какъ торговцы, разсѣянные по городамъ бухарскихъ владѣній, во-вторыхъ, какъ политическіе выходцы изъ отечества, гдѣ они поддерживали партію противную нынѣшнему эмиру, и, въ-третьихъ, какъ завоеватели, посланные Ширъ-Али-ханомъ для основанія и расширенія «Upper Oxus State», т. е. владѣнія на верхнемъ Оксѣ *) По свѣдѣніямъ, не довольно еще опредѣлительнымъ, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ афганцы распространились въ самое послѣднее время до Ходжа-салеха, Куляба и Руштака; но прочно-ли ихъ положеніе тамъ, ничего неизвѣстно. Что касается до политическихъ выходцевъ, преимущественно до спутниковъ Абдеррахманъ-хана, то они проживаютъ, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, въ Самаркандѣ, съ видимою надеждою рано или поздно вернуться въ отечество.

11) *Аравитяне* суть потомки первыхъ мусульманскихъ завоевателей Мавераннегра и отчасти переселенцы изъ Аравіи временъ Тамерлана. Они живутъ въ долинѣ Зеравшана, частію у насъ, въ Самаркандскомъ и Каттыкурганскомъ отдѣлахъ (до 2,000 семей), частію въ Бухарскомъ ханствѣ, около Вардanзи. Между ними, какъ между узбеками, есть кочевники и есть люди, ведущіе полуосѣдлую и даже осѣдлую жизнь. Промыслы ихъ суть

---

*) Политическая комбинація англичанъ, состоящая въ желаніи образовать нейтральное государство между русскими и англійскими владѣніями въ Азіи.

тканье ковровъ, скотоводство и барышничество лошадьми. Нравственное развитіе ихъ весьма низко, такъ что у всѣхъ сосѣдей они пользуются репутаціею лгуновъ и мошенниковъ. Многіе изъ нихъ поступаютъ въ военную службу эмира бухарскаго.

12) *Евреи* — торгаши и ремесленники въ нѣкоторыхъ городахъ Туркестана, напримѣръ въ Бухарѣ, Самаркандѣ, Ташкентѣ — занимаютъ также одну изъ послѣднихъ ступеней общественной лѣстницы среднеазіятскаго населенія. Они бѣдны и малочисленны, такъ что, напримѣръ, въ нашихъ владѣніяхъ едва-ли ихъ наберется болѣе 1,000 душъ. Въ глазахъ туземцевъ края, они стоятъ столь низко, что, напримѣръ, узбеки и таджики упрекаютъ русскихъ за то, что этимъ «паршивымъ жидамъ» оказывается столько же покровительства, сколько и другимъ народностямъ края.

Соображая теперь все изложенное о населеніи нагорно-туранскаго пограничнаго пространства, мы можемъ представить слѣдующую статистико-этнографическую табличку, которой данныя, впрочемъ, будутъ лишь грубо-приблизительны, а иногда и вовсе гадательны:

	Въ русск. влад.	Въ туз. влад.
Тюркской расы:		
Киргизы	355,000	45,000?
Кара-киргизы	29,000	100,000?
Каракалпаки и Туркмены	7,000	?
Узбеки	115,000	585,000
Курама	49,000	
Индо-персидской расы:		
Таджики	215,000	685,000
Гальчи и др. горныя арійскія племена	35,600	300,000?
Иранцы	7,000	?
Индусы и цыгане	1,000	?
Семитической расы:		
Афганцы	600	?
Аравитяне	10,000	?
Евреи	1,000	?
Итого	824,600	болѣе 1,715,000

И такъ, на пространствѣ отъ рѣки Чу до Аму-дарьи и отъ горъ Болорскихъ до степей при-дарьинскихъ, равномъ приблизительно 12,000 квадратныхъ миль, мы имѣемъ не свыше 2,600,000 жителей, среднимъ числомъ по 216 на квадратную милю, т. е. меньше,

чѣмъ въ Ставропольской губерніи. И эта населенность не должна быть далека отъ предѣльной, потому что всѣ подгорные оазисы, способные къ земледѣлію, уже густо населены, а отъ степныхъ пространствъ можно сдѣлать завоеванія въ пользу культурныхъ не иначе, какъ проведя каналы изъ Сыръ и Аму-дарьи, чрезъ что, конечно, уменьшится объемъ этихъ рѣкъ, единственныхъ, которыя годны для судоходства, и затѣмъ обмелѣетъ Аральское море, единственный же резервуаръ, изъ котораго сухая атмосфера черпаетъ плодотворную влажность. Проведеніе новыхъ каналовъ изъ Сыръ-дарьи и изъ другихъ нагорно-туранскихъ рѣкъ есть однако дѣло неизбѣжное и необходимое, потому что только такимъ путемъ можно подготовить мѣста для русской колонизаціи, этого важнѣйшаго залога покорности намъ страны. *Русское* населеніе доселѣ очень малочисленно въ Сыръ-дарьинской области и слагается почти исключительно изъ военныхъ, чиновниковъ, небольшого числа купцовъ и отставныхъ солдатъ, водворившихся въ трехъ-четырехъ городахъ. Едва-ли, въ общемъ итогѣ, наберется всѣхъ до 22,000 душъ, изъ которыхъ 20,000 будутъ приходиться на войска регулярныя и иррегулярныя, перемѣняющіяся въ своемъ составѣ и живущія по казармамъ, а не своими домами. Если мы вздумаемъ водворять русскія селенія въ краѣ, то наиболѣе выгодныя для того мѣстности будутъ, конечно, въ окрестностяхъ Ходжента, стратегическаго и экономическаго ключа Ферганы и вообще сыръ-дарьинской долины. Здѣсь же есть возможность оросить довольно широкія пространства плодородной земли, возобновивъ или устроивъ вновь арыки къ сторонѣ Мурзарабатской степи (къ чему и приступлено). Другія мѣстности для русской колонизаціи суть окрестности Аулье-ата, Туркестана и особенно Зеравшанская долина въ окрестностяхъ Самарканда, гдѣ русскому городу также необходимо быть, какъ въ Ташкентѣ и Ходжентѣ. Доселѣ сколько нибудь значительная русская колонія образовалась только въ юго-восточномъ углу Ташкента, колонія, впрочемъ, состоящая главнымъ образомъ изъ чиновниковъ и не слишкомъ заботящаяся о прочномъ своемъ водвореніи въ краѣ. Само собою разумѣется, что такого прочнаго водворенія и нельзя будетъ достигнуть до тѣхъ поръ, пока земли не станутъ поступать въ полную собственность лицъ, которыя ихъ нынѣ пріобрѣтаютъ. Даже общинное владѣніе, столь полезное въ Европейской Россіи, здѣсь не состоятельно; принадлежность же всѣхъ земель непосредственно государству есть уронъ для него самаго.

Главные населенные пункты.

Обозрѣвъ этнографическій составъ населенія нагорно-туранскаго пограничнаго пространства, перейдемъ къ краткому описанію главнѣйшихъ городовъ и мѣстечекъ края. Прежде всего замѣтимъ, что всѣ среднеазіятскіе города построены на одинъ ладъ: вдоль кривыхъ и узкихъ улицъ тянутся длинные ряды низкихъ глинянныхъ зданій съ плоскими крышами, въ сосѣдствѣ которыхъ, на внутреннихъ дворахъ, насажены деревья, которыя издали придаютъ городу видъ сада. Изрѣдка надъ этою массою глины возвышаются куполы мечетей или минареты. Около города обыкновенно глиняная же стѣна, съ зубцами или безъ зубцовъ, иногда на столько высокая, что дѣлаетъ изъ города родъ ящика, наполненнаго постройками. Многіе города имѣютъ еще цитадели, обыкновенно укрѣпленныя лучше прочихъ частей и расположенныя на командующихъ высотахъ. За стѣнами города начинаются сады, среди которыхъ разбросаны отдѣльные дома и усадьбы, иногда сливающіеся въ предмѣстья въ видѣ слободъ. Города, даже весьма значительные, расположены, почти всѣ, не на большихъ рѣкахъ, а при выходахъ изъ горъ мелкихъ потоковъ, которые тутъ же распущены на канавы, орошающія городъ и окрестныя ему поля и сады. Деревни состоятъ изъ глиняныхъ мазанокъ, безъ порядка раскиданныхъ по такимъ же, орошеннымъ канавами, мѣстностямъ. Онѣ не имѣютъ оградъ.

Описаніе городовъ удобнѣе всего расположить по государствамъ. Поэтому, начиная съ *русскихъ владѣній* и идя съ сѣвера, мы можемъ прежде всего назвать два ничтожныя мѣстечка *Сузакъ* и *Чолакъ-курганъ*, лежащія по сѣверную сторону горъ Каратау. Они заслуживаютъ вниманія лишь какъ послѣднія осѣдлости по пути изъ Туркестанскаго края въ Троицкъ и Петропавловскъ. Важнѣе ихъ городъ *Аульe-ата*, на Таласѣ, центръ торговли съ дикокаменными киргизами и стратегическій этапъ между областями Сыръ-дарьинской и Семирѣченской, лежащій у выхода изъ горъ на плоскость. Въ немъ 3,300 жителей. Затѣмъ слѣдуетъ городокъ *Туркестанъ* съ 5,200 жителей, съ цитаделью и съ знаменитою въ Средней Азіи святынею — мечетью султана Азрета. Къ юго-востоку отъ него, *Чемкентъ*, съ 5,150 жителей и также съ укрѣпленіями азіятской постройки. Въ уѣздахъ этихъ двухъ городовъ есть нѣсколько значительныхъ мусульманскихъ селеній, напримѣръ *Карабулакъ*,

Сайрамъ, *Манкентъ*, *Карнакъ*. Подвигаясь далѣе къ югу, мы находимъ, на краю густо населеннаго Кураминскаго уѣзда, городъ *Ташкентъ*, современную столицу русскаго Туркестана, вмѣщающую до 75,000 жителей. Ташкентъ одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ обширныхъ городовъ Средней Азіи. Окружающая его стѣна имѣетъ 11 верстъ длины и девять воротъ. Общая фигура города есть овалъ, съ большою осью отъ запада къ востоку и съ впадиною на юго-востокѣ. Въ этой-то впадинѣ помѣстился русскій городъ, или такъ называемый европейскій кварталъ Ташкента, правильно распланированный и порядочно застроенный въ духѣ нашихъ провинціяльныхъ городовъ, но съ тѣмъ отъ нихъ отличіемъ, что прямыя улицы его имѣютъ по сторонамъ канавы съ текучей водой и ряды тѣнистыхъ деревьевъ. Къ юго-западу отъ этого европейскаго квартала и, слѣдовательно, къ югу отъ азіятскаго города, лежитъ русская цитадель, обнесенная неконченными бастіонными фронтами и заключающая въ себѣ военные запасы. Ташкентъ орошенъ канавами изъ Чирчика, который протекаетъ въ нѣсколькихъ верстахъ южнѣе города. Открытіе каменнаго угля у Ходжакента, въ 60 верстахъ отъ города, который доселѣ отоплялся исключительно дровами изъ старыхъ фруктовыхъ деревьевъ, обѣщаетъ много содѣйствовать удобствамъ жизни въ немъ и, слѣдовательно, его преуспѣянію. Торговое же его значеніе и теперь очень значительно, чему немало содѣйствуетъ основаніе большого караванъ-серая, служащаго складомъ русскихъ товаровъ. Замѣчательно, что послѣ устройства европейскаго квартала многіе азіятскіе жители города (сарты) стали строить въ немъ дома на европейскій манеръ, чтобы отдавать ихъ въ наймы русскимъ чиновникамъ и купцамъ. Это свидѣтельствуетъ объ увѣренности ихъ въ прочности нашего водворенія въ городѣ и вообще въ странѣ, ибо сами они предпочитаютъ дома азіятскаго устройства. Въ 1873 году Ташкентъ наконецъ вошелъ въ общую сѣть городовъ имперіи, связанныхъ телеграфами.

Чиназъ — укрѣпленіе при впаденіи Чирчика въ Сыръ-дарью, гдѣ находится станція аральской флотиліи, подвозящей сюда тяжести съ низовій Сыра. Значительное русское селеніе, болѣе ста домовъ, уже возникло въ этой мѣстности.

Ніазбекъ — у выхода Чирчика изъ горъ, *Той-тюбе*, *Пскентъ*, *Колджагала*, *Сайлыкъ*, *Ачи*, *Каунчи* — суть важнѣйшія селенія Кураминскаго уѣзда.

Ходжентъ опять древній городъ, быть можетъ современный

Александру Македонскому, построенъ на лѣвомъ берегу Сыра, у самой рѣки, которая его обтекаетъ съ сѣвера и запада. Въ немъ 18,000 жителей, почти исключительно таджиковъ, занятыхъ торговлею и ремеслами. Цитадель города лежитъ среди его, близъ сѣверной окраины.

Ура-тюбе съ 9,000 жителей, также, главнымъ образомъ, сартовъ.

Джизакъ — городокъ съ 3,800 жителей, у выхода изъ ущелья дороги, ведущей изъ Самарканда въ Ташкентъ. Близъ него укрѣпленіе *Ключевое*, выстроенное потому, что войска въ городѣ болѣли лихорадками.

Костакозъ, *Испираръ*, *Уали-кондазъ*, *Нау* — важнѣйшія селенія Ходжентскаго уѣзда.

Самаркандъ, нѣкогда знаменитая столица Тамерлана, котораго гробница находится здѣсь, нынѣ же главный городъ Зеравшанскаго округа и передовой къ юго-западу стратегическій пунктъ нашихъ владѣній. Лежитъ на южной сторонѣ Зеравшана, въ шести верстахъ отъ него, у холмовъ, составляющихъ предгорія Шахрисябскихъ горъ. Жителей въ немъ до 30,000, главнымъ образомъ сартовъ. Лежащая въ западной части его цитадель нынѣ служитъ для размѣщенія русскихъ войскъ и отличается обширностью, такъ что для удобства обороны начата перестройка ея, при чемъ на западѣ отъ нея возникаетъ русскій городъ. Подробныя описанія Самарканда сдѣланы Ханыковымъ, Вамбери, Хорошхинымъ и другими.

Катты-курганъ и *Пянджикентъ* — центры западнаго и восточнаго отдѣловъ Зеравшанскаго округа, причемъ Пянджикентъ лежитъ у выхода изъ горъ рѣки Зеравшана. Въ Зеравшанскомъ округѣ можно еще указать на нѣсколько значительныхъ мѣстечекъ, какъ напримѣръ: *Ургутъ*, въ горахъ на юго-востокѣ отъ Самарканда, *Джамъ* — на юго-западѣ и потомъ на *Варзиминаръ*, *Обурдинъ*, *Пальдаракъ*, *Киштутъ*, *Магіанъ* — селенія въ горной странѣ по верховьямъ рѣки Зеравшана, обитаемыя гальчами.

Въ *Коканскихъ* владѣніяхъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе населенные пункты: Коканъ, Наманганъ, Андиджанъ, Маргиланъ, Ошъ, Узгентъ, Учъ-курганъ, Канибадамъ, Испара, Ристанъ, Ассаке, Шерихапъ. Всѣ они, за исключеніемъ Намангана, представляютъ именно ту особенность, о которой сказано выше, при общемъ взглядѣ на среднеазіятскіе города, т. е. лежатъ не у большой рѣки Сыра, а на канавахъ, выведенныхъ изъ горныхъ рѣчекъ; почему, въ случаѣ

войны, могутъ быть оставлены безъ воды простымъ отводомъ арыковъ. Такъ, *Коканъ*, столица ханства, имѣющая болѣе 60,000 жителей, расположенъ среди Ферганской долины, на рѣчкѣ Сохѣ, которая уже предварительно разобрана въ половину на орошеніе. Городъ этотъ не имѣетъ никакихъ укрѣпленій. Съ запада и востока къ нему примыкаютъ обширныя предмѣстья, вмѣстѣ съ которыми онъ имѣетъ болѣе двадцати верстъ въ окружности. Ханскій дворецъ находится по срединѣ города, гдѣ считается болѣе ста мечетей. Промышленная его значительность доказывается существованіемъ шести большихъ караванъ-сераевъ, разныхъ мастерскихъ, писчебумажной фабрики и единственнаго въ ханствѣ порохового завода. *Наманганъ*, почти столь же обширный какъ Коканъ, лежитъ на сѣверной сторонѣ Сыръ-дарьи и славится большими садами и отличными фруктами. *Андиджанъ* — прежняя столица Ферганы, родина Бабера, донынѣ весьма значительный городъ, въ которомъ правителемъ состоитъ старшій сынъ хана, наслѣдникъ его престола. Городъ не укрѣпленъ; жители его сарты, числомъ отъ 20 до 25,000 душъ. *Маргиланъ* также не обнесенъ стѣнами, но имѣетъ цитадель Ярмазаръ, верстахъ въ двухъ отъ города. Онъ населенъ не только сартами (таджиками), но отчасти и гальчами. Величиной уступаетъ Андиджану. *Ошъ* — крайній изъ городовъ ханства по дорогѣ въ Кашгаръ, мѣсто уплаты пошлинъ караванами, отправляющимися туда и приходящими оттуда. *Узгентъ* — городъ на крайнемъ востокѣ ханства, съ нѣсколькими развалинами. Мѣстечки *Канибадамъ*, *Испара*, *Ристанъ*, *Ассаке*, *Шериханъ*, *Учъ-курганъ* замѣчательны населенностью и плодородіемъ окрестностей, особенно Испара. Коканскія же укрѣпленія, въ родѣ Кетменъ-тюбе, на востокѣ отъ Намангана, не стоютъ даже упоминанія, такъ какъ служатъ не для обороны ханства, а лишь для жительства зякетчей, собирающихъ подати съ кара-киргизовъ.

Въ *Бухарскомъ* ханствѣ главные города суть: Бухара, Карши, Шахрсябсъ. Кромѣ того, заслуживаютъ вниманія мѣстечки у паромныхъ перевозовъ черезъ Аму-дарью, Чарджуй, Керки, Ходжа-саля, Термезъ и второстепенные города: Варданзи, Кермине, Хатырчи, Каракуль, Чиракчи, Якобакъ, Гузаръ, Дихнау, Ширраватъ и Гиссаръ, самый восточный изъ всѣхъ. *Бухара*, главный городъ ханства, въ противуположность Кокану, укрѣплена стѣною въ $11^1/_2$ верстъ, въ 3—4 сажени высоты, съ башнями. Поперечникъ города имѣетъ около трехъ верстъ и стѣна прорѣзана одиннадцатью воротами. Жителей, вѣроятно, 80,000 душъ, т. е. больше, чѣмъ въ Таш-

кентѣ, уже потому, что въ Бухарѣ не мало домовъ двухъэтажныхъ. 38 караванъ-сераевъ свидѣтельствуютъ объ обширной торговлѣ города, а 103 медрессе и 360 мечетей о развитіи въ немъ мусульманской учености и набожности, доставившей «блаженной Бухарѣ» репутацію перваго послѣ Константинополя центра ислама. Кладбища среди города и уличная грязь здѣсь тѣ же, что во всѣхъ городахъ Средней Азіи. Вода проведена въ городъ изъ Зеравшана канавою Шехрирудъ, которая распадается на арыки, проводящіе воду въ бассейны или пруды, гдѣ она хранится отъ одного наполненія до другого, и потому обращается въ вонючую, наполненную насѣкомыми жидкость. Дворецъ эмира находится на цитадели, окружностью около полуторы версты, со стѣною въ 5—6 саженъ вышины. Подробныя свѣдѣнія о Бухарѣ можно найти у Борнса, Ханыкова, Вамбери, Костенкова и другихъ путешественниковъ.

Карши — второй городъ ханства по обширности и лучшій по постройкѣ и образу жизни его обитателей, которые во многомъ образованнѣе прочихъ бухарцевъ. Городъ этотъ лежитъ въ трехъ съ половиною верстахъ южнѣе рѣки Кошки-дарьи, у подножія холмовъ, и состоитъ собственно изъ города, обнесеннаго стѣною, и изъ предмѣстій, непосредственно примыкающихъ къ стѣнѣ. Въ южной части собственно города находится цитадель, более обширная, чѣмъ въ Бухарѣ, и вмѣщающая въ себѣ дворецъ эмира.

Шахрсябсъ не городъ, а цѣлая группа городовъ и селеній, на пространствѣ около двадцати верстъ длиною, отъ сѣвера къ югу, и восьми шириною, обнесенная стѣной и заключающая среди этой ограды поля и сады. Два главные города этой мѣстности суть *Шааръ* и *Китабъ,* изъ которыхъ послѣдній лежитъ на Гилянъ-дарьѣ, а первый южнѣе Акъ-дарьи. Шахрсябсъ центръ густонаселеннаго оазиса, въ которомъ, вѣроятно, живетъ до 50,000 душъ, преимущественно узбековъ, или и таджиковъ, но говорящихъ по-узбекски. Это преобладаніе узбековъ здѣсь, какъ и въ Карши, составляетъ любопытную аномалію въ этнографіи Средней Азіи, гдѣ вообще сѣверъ принадлежитъ тюркскимъ племенамъ, а югъ индо-персидскимъ.

Изъ другихъ выше названныхъ городовъ Бухарскаго ханства упомянемъ о *Вардапзи*, *Кермине* и *Гиссарѣ*, какъ о крѣпостяхъ эмира, изъ которыхъ на послѣднюю имъ обращено съ недавняго времени особенное вниманіе. Прочіе городки неважны, и если на нихъ стоитъ обращать вниманіе, то лишь какъ на этапы для каравановъ.

Города мелкихъ владѣній по верховьямъ Аму-дарьи, за исключеніемъ бадакшанскихъ, не были посѣщены ни однимъ достовѣрнымъ европейскимъ путешественникомъ, а потому не только особенности ихъ, но самое положеніе и даже названія недовольно извѣстны. Въ ближайшемъ къ намъ, т. е. въ наиболѣе сѣверномъ изъ этихъ владѣній, *Каратегинъ*, главный городъ есть *Гармъ*, расположенный на Сурхабѣ. Напротивъ него, за рѣкой, находится крѣпостца Сарыпуль. Далѣе къ югу мы знаемъ *Бельджуанъ* и *Кулябъ*, два города *Кулябскаго* ханства; но положеніе ихъ съ точностью неизвѣстно. *Дарвазъ* и *Шугнанъ* принадлежатъ къ мѣстностямъ совершенно проблематическимъ; и о *Калеи-хумъ*, будто бы составляющемъ столицу *Дарваза*, можно выразить большія сомнѣнія. Только положеніе *Фейзабада*, столицы Бадакшанскаго *мира*, извѣстно теперь астрономически; но городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Онъ даже не укрѣпленъ, такъ что владѣлецъ его живетъ въ особой четыреугольной глиняной крѣпостцѣ у сѣвернаго конца города. Впрочемъ съ юга имъ командуетъ цитадель Захарчи, которая нѣкогда считалась твердынею. Зданіе, называемое Хирканъ-и-шерифъ, содержитъ мощи какого-то святаго. Населеніе города состоитъ изъ персіанъ, вышедшихъ отчасти изъ Балха; но есть немало индусовъ и евреевъ, занимающихся торговлею. Для производства послѣдней существуютъ два караванъ-сарая и базаръ со 150 лавками. Въ числѣ предметовъ торга встрѣчаются и невольники-кяффиры. Кромѣ Фейзабада въ Бадакшанскомъ ханствѣ можно еще замѣтить крѣпостцу Рустакъ, лежащую у афганской границы и слѣд. у крайнихъ предѣловъ того пространства, которое подлежитъ нашему описанію и для изученія котораго остается еще сдѣлать очень немало.

Управленіе и военныя средства.

Управленіе различными политическими частями нагорнаго Турана еще недавно было чисто-деспотическимъ на всемъ протяженіи края отъ Чу до Аму-дарьи. Вслѣдствіе этого, судьбы населенія больше всего зависѣли отъ личныхъ качествъ его владыкъ, и страшныя казни, пытки, внезапныя разоренія, обезчещеніе были удѣломъ тѣхъ подданныхъ, которыхъ ханъ, эмиръ или просто бекъ отличались жестокостію. А жестокость въ правахъ средне-азіятскихъ властителей уже потому, что они организмъ свой истощаютъ и возбуждаютъ гаремнымъ развратомъ и всякаго рода излишествами, и

что около нихъ ближайшими совѣтниками и помощниками стоятъ обыкновенно разные проходимцы, интригами и подкупомъ достигающіе званій кушъ-беги, мехтеровъ, парваначи, бековъ и проч. Русское завоеваніе сѣверной части края тѣмъ и оказало великую услугу этой странѣ, что внесло въ нее зачатки европейскаго управленія, основаннаго на системѣ правительственныхъ началъ, а не на личныхъ качествахъ властителей. Оно же впервые уничтожило различіе въ положеніи туземныхъ народностей, уравнявъ передъ закономъ узбека, таджика, аравитянина и еврея. Оно ввело правильную систему податей, уничтожило множество поборовъ, которые вводились жадностью правителей и разоряли народъ; наконецъ оно же положило начало экономическому преуспѣянію края, сдѣлавъ свободною торговлю и оказывая покровительство тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя могутъ доставить странѣ капиталы. Конечно, это управленіе — *военно*-народное и самымъ названіемъ показываетъ, что тутъ еще далеко до вполнѣ европейской системы администраціи; конечно, въ пріемахъ этого управленія найдутся стѣсненія и неудобства, чувствительныя для народовъ съ европейскимъ развитіемъ, но туземцы, безъ сомнѣнія, замѣчаютъ въ условіяхъ своей теперешней жизни рѣзкій поворотъ къ лучшему. И если, какъ можно надѣяться, послѣ шести, семилѣтняго опыта, дано будетъ нѣсколько больше гарантій не только извѣстному общественному самоуправленію (состоящему въ выборѣ старшинъ, біевъ, серкеровъ, аксакаловъ, казы и въ самосудѣ по большинству дѣлъ), но и личной независимости новыхъ гражданъ русской земли отъ мелочной полицейской опеки, то однимъ этимъ на столько будетъ упрочено положеніе Россіи въ Туранѣ, что не потребуется особыхъ военныхъ усилій для поддержанія нашей тамъ власти и даже ея расширенія. Народъ, видя строгую справедливость, легальность русскихъ начальствъ рядомъ съ пристрастіемъ, алчностью и беззаконіями туземныхъ правителей, будетъ смотрѣть на русскихъ какъ на своихъ избавителей отъ тяжкаго ига, и тѣмъ больше станетъ желать распространенія русской власти. Самая сила русской администраціи, быстрота ея дѣйствій, непреложность ея распоряженій, невсегда примиримыя съ европейскою свободой, еще долго будутъ возбуждать лишь сочувствіе среднеазіятскихъ массъ, издавна привыкшихъ уважать *одну* силу.

Современное управленіе *русскимъ* Туркестаномъ имѣетъ во главѣ генералъ-губернатора, который есть вмѣстѣ командующій войсками округа и живетъ въ Ташкентѣ. Въ частности, Сыръ-дарьинская

область управляется военнымъ губернаторомъ, который также живетъ въ Ташкентѣ и начальствуетъ войсками этой области. Зеравшанскій округъ имѣетъ свою администрацію, независимую отъ военнаго губернатора и подчиненную прямо генералъ-губернатору. Прямыми исполнителями распоряженій высшей администраціи являются уѣздные начальники изъ военныхъ штабъ-офицеровъ, съ помощниками изъ младшихъ офицерскихъ чиновъ, по три или по четыре на уѣздъ. Для судебныхъ разбирательствъ между русскими существуютъ уѣздные судьи, къ которымъ дозволено обращаться и туземцамъ, если они не желаютъ судиться своими казы и біями.

Въ *Коканѣ* ханъ есть абсолютный глава страны, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ внутренняго управленія ею, такъ какъ внѣшняя его политика зависитъ отъ тѣхъ соображеній, которыя ему сообщаются изъ Ташкента проживающимъ тамъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ. Да и сфера ея очень не широка: сношенія съ бывшимъ подданнымъ, а нынѣ полновластнымъ государемъ Якубъ-бекомъ кашгарскимъ, который смотритъ на Худояръ-хана нѣсколько свысока, сношенія съ бывшимъ противникомъ, эмиромъ бухарскимъ, и связи съ владѣльцами Каратегина, Дарваза и пр., которые сами нерѣдко требуютъ отъ кокапскаго хана вмѣшательства въ ихъ дѣла. Внутри ханство раздѣлено на разной величины округи, которыхъ правители, подъ именемъ бековъ, аксакаловъ, хакимовъ, датхи, пользуются очень широкою властью, и, если исправно платятъ въ ханскую казну налоги съ своихъ провинцій, то остаются на своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока нажитыя богатства не дадутъ имъ средствъ стать ближе къ хану или купить еще болѣе доходное мѣсто. Подати съ округовъ разсчитаны въ чарикахъ, т. е. мѣрахъ хлѣба, и въ тиляхъ, т. е. въ монетѣ, и по свѣдѣніямъ, относящимся впрочемъ къ 1840 годамъ, простирались:

	Чариковъ.	Тиллей.
Съ г. Кокана и его округа	800,000	110,000
» Намангана	800,000	54,000
» Уша	12,000	—
» Андиджана	—	25,000
» Шерихана, Талмазара и Кувы	300,000	4,000
» Маргилана съ Ярмазаромъ	200,000	22,000
» Частей Ходжентскаго округа, остающихся нынѣ во владѣніи кокандцевъ, вѣроятно	100,000	1,000
Итого . . .	2,212,000	216,000

Такъ какъ чарикъ вѣситъ четыре пуда, то исчисленное зерно — пшеница, ячмень и джугара — представляетъ вѣсъ около 8,000,000 пудовъ; денежный же доходъ въ тилляхъ простирается до 800,000 рублей, что, при населеніи ханства не свыше 700,000 душъ, очень тягостный для народа выводъ, тѣмъ болѣе, что ханскіе чиновники не упускаютъ случая грабить подвѣдомственное имъ населеніе, независимо отъ сбора податей въ пользу хана. Налоги ими установленные, напримѣръ, въ Ташкентѣ, до завоеванія его нашими войсками, были столь разнообразны, что значительная часть ихъ была нами уничтожена къ большой радости народа.

Сколько въ настоящее время кокаискій ханъ имѣетъ войскъ, намъ неизвѣстно; но у коканцевъ попадаются даже скорострѣльныя ружья, конечно лишь въ маломъ числѣ.

Бухарское управленіе въ существѣ не разнится отъ коканскаго и хивинскаго; только глава государства называется эмиромъ, а не ханомъ. Нынѣшній эмиръ, Музафаръ, сынъ весьма умнаго, но жестокаго Насръ-Улла-Эддина, вообще непопуляренъ въ своей странѣ, и одно время противъ него возставалъ даже собственный его сынъ; неповиновеніе же бековъ, доходило до того, что въ 1869 году мы должны были противу двухъ изъ нихъ, правившихъ въ Шахрсябсѣ, посылать наши войска, которыя и покорили бунтовавшіе города власти эмира. Финансовое состояніе Бухары можно назвать довольно плачевнымъ, несмотря на чрезвычайно высокія подати, простирающіяся, напримѣръ, до 1/3 урожая полей. Въ 1868 — 1870 годахъ эмиръ съ трудомъ выплатилъ намъ 500,000 рублей контрибуціи. Впрочемъ, говорятъ, что онъ копитъ въ крѣпости Гиссарѣ деньги для личныхъ своихъ потребностей, вѣроятно на случай потери престола и необходимости бѣгства. Военныя силы Бухары, по свѣдѣніямъ Костенки, достигали въ 1870 году до 13,000 человѣкъ, при 200 орудіяхъ. Позднѣйшіе слухи передавали, что на все это число людей эмиръ получилъ изъ-за Гиндукуша нарѣзныя ружья; но это едва ли такъ. Солдаты бухарскіе въ послѣдніе годы стали обучаться по русскимъ военнымъ уставамъ, съ русскими командными словами; они одѣты въ однообразные мундиры (куртки) краснаго цвѣта со стоячимъ воротникомъ, въ кожаные шаровары, сапоги и мерлушачьи шапки. Артиллеристы, большею частью изъ иранцевъ, имѣютъ синіе кафтаны съ краснымъ воротникомъ. Вся эта армія, поглощающая на свое содержаніе значительную часть доходовъ страны, разумѣется, также мало значитъ въ боевомъ

смыслѣ, какъ и та, которая при Ирджарѣ была разбита нѣсколькими ротами нашихъ солдатъ.

Объ управленіи и о средствахъ мелкихъ владѣній по верховьямъ Аму-дарьи намъ мало извѣстно. Въ Кулябѣ, Дарвазѣ, Шугнанѣ и Ваханѣ владѣтели приписываютъ себѣ македонское происхожденіе и называются *ша*, а не *ханъ*; въ Каратегинѣ до послѣдняго времени тоже былъ ша, но теперь это государство управляется вассальнымъ Бухарѣ бекомъ узбекскаго происхожденія.

Владѣтель *бадакшанскій* титулуетъ себя уже не ша, а ханомъ, вѣроятно въ сознаніи, что послѣдній титулъ важнѣе, хотя въ сосѣднихъ Афганистанѣ и Туркменіи всякій старѣйшина или крупный чиновникъ называется ханомъ. До нѣкоторой степени онъ есть сюзеренъ почти всѣхъ мелкихъ землицъ на верховьяхъ Аму-дарьи, какъ видно изъ слѣдующаго росписанія его владѣній:

1) *Собственно Бадакшанъ*: А. Фейзабадъ изъ округовъ Фейзабадъ, Яфталъ, Аргу и Шива; Б. Джермъ, изъ округовъ Джермъ, Хашъ, Зардео, Саргаланъ, Вардожъ, Куранъ, Анджуманъ, Парайянъ: всѣ эти земли лежатъ по р. Кокшѣ и на югъ отъ нея къ Гиндукушу.

2) *Вассальныя владѣнія*, которыхъ наслѣдственные правители обязаны военною службою бадакшанскому *миру*: Дараимъ, Шахръ-и-Бузуркъ, Гумбазъ, Фарохаръ; Кишмъ изъ округовъ Кишмъ, Машадъ, Варсахъ, Тешканъ и Карлохъ; Рошанъ, Шигнанъ, Ишкашмъ; Ваханъ изъ округовъ Истрахъ, Кандушъ, Испянджъ и Сары-Чапанъ; Зебакъ съ округомъ Санглячъ; Минганъ, Рахъ, Даунъ, Азіаба, — три послѣдніе въ неизвѣстной мѣстности между Рошаномъ и Фейзабатомъ. Владѣнія Ваханъ, Ишкашмъ и Рошанъ отчасти переходятъ на правый берегъ Пянджа, т. е. главной вѣтви Аму-дарьи.

Фейзабадъ есть главная провинція, находящаяся подъ непосредственнымъ управленіемъ ша или хана. Число жителей ханства неизвѣстно, но вѣроятно около полумилліона. Нынѣшній правитель Бадакшана есть Махмудъ-ша, прежній же, Жегандаръ-ханъ, выгнанъ войсками эмира кабульскаго и первоначально думалъ обратиться за помощью къ намъ, а потомъ боролся съ афганцами при пособіи валія читральскаго, но безуспѣшно. Ставленникъ афганцевъ, Махмудъ-ша, повидимому не любимъ жителями, которые еще зимою 1873 года хотѣли его изгнать. Онъ платитъ эмиру кабульскому 15,000 рупій въ годъ, какъ знакъ своей подчиненности, но

впрочемъ въ веденіи дѣлъ независимъ, такъ какъ афганскихъ войскъ въ Бадакшанѣ нѣтъ.

Военный обзоръ.

Стратегическая оцѣнка положенія нагорно-туранской окраины Россіи представляетъ особыя трудности по причинѣ большаго разнообразія тѣхъ обстоятельствъ, которыя нужно при этомъ взвѣшивать. Главнѣйшія изъ этихъ обстоятельствъ суть слѣдующія: 1) отдаленность края отъ Россіи собственно, между которою и имъ тянутся широкія, нелегко проходимыя степи, гдѣ есть всего двѣ дороги, пригодныя для движенія войскъ, но и то не во всякое время года; 2) недостатокъ въ краѣ мѣстныхъ средствъ для пополненія и снабженія арміи въ случаѣ большихъ и общихъ военныхъ дѣйствій; 3) составъ населенія страны, въ которомъ русскій элементъ совершенно ничтоженъ и вся масса народа состоитъ изъ иноплеменниковъ, да еще и мусульманъ, которые притомъ покорены не болѣе какъ 7 лѣтъ назадъ и далеко не утвердились въ сознаніи безповоротной покорности «невѣрнымъ»; 4) сосѣдство самостоятельныхъ мусульманскихъ государствъ, которыхъ населеніе единоплеменно съ населеніемъ русскаго Туркестана и которыя не могутъ забыть, что теперешнія русскія земли еще недавно были ихъ владѣніями; 5) открытость всѣхъ нашихъ границъ для нападенія какъ этихъ мусульманскихъ государствъ, могущихъ, до извѣстной степени получать поддержку съ юга, изъ-за Гиндукуша, такъ и степныхъ варваровъ, изъ которыхъ иные имѣютъ на своей сторонѣ превосходство труднодоступной тѣсности. Всѣ эти обстоятельства очевидно невыгодны для насъ и должны быть уравновѣшиваемы однимъ превосходствомъ состава, вооруженія и тактическаго образованія войскъ. О превосходствѣ европейскаго образованія и гражданскаго устройства, которое бы покоряло намъ умы туземцевъ, можно говорить пока лишь условно, потому что гражданскіе элементы русскаго государства сюда еще очень мало проникли, и здѣсь нѣтъ ни училищъ, которыя прививали бы туземцамъ русское образованіе, ни такихъ судовъ, которые бы своею независимостью, единственной гарантіей правосудія, могли сразу показать средне-азіатцамъ всю высоту нравственнаго уровня ихъ повелителей.

Отдаленность или даже отдѣльность края, во многомъ превосходящая самую отдѣльность Сахалина, не нуждается въ особыхъ разъясненіяхъ. Между Ташкентомъ и Орскомъ на Уралѣ разстояніе

около 1,800 верстъ, между Ташкентомъ и Семипалатинскомъ на Иртышѣ около 1,700 в. и даже до Вѣрнаго, вблизи котораго находится небольшая передовая часть русскаго населенія въ средней Азіи, свыше 700 верстъ. При этомъ на пути къ первому городу мы имѣемъ всего восемь русскихъ этаповъ, на пути ко второму не больше двѣнадцати; вся же мѣстность, прилегающая къ дорогамъ, занята номадами-мусульманами.

Недостатокъ въ краѣ мѣстныхъ военныхъ средствъ также очевиденъ. Россія, чтобы пополнять войска Сыръ-дарьинской области, должна ежегодно отправлять туда до 2,800 сыновъ своихъ и большею частію безвозвратно. Не находя въ краѣ средствъ къ прочному водворенію семействами, эти люди, по окончаніи службы въ войскахъ, по большей части гибнутъ непроизводительно для русскаго дѣла въ средней Азіи. Матеріальная часть военныхъ силъ также требуетъ многихъ подвозовъ изъ Россіи, напр. пороху, оружія, снарядовъ, инструментовъ, сукна и т. п.

Составъ населенія страны, завоеванной едва въ 1865—68 годахъ, вызываетъ большую раздробленность войскъ по краю, что невыгодно отражается на единствѣ ихъ хозяйства и тактическаго образованія и можетъ еще вести дурныя послѣдствія въ случаѣ возстанія. Для предупрежденія этой послѣдней случайности всѣ почти мелкіе отряды войскъ живутъ въ укрѣпленіяхъ, частію доставшихся отъ бухарцевъ и коканцевъ (Туркестанъ, Чемкентъ, Ходжентъ, Катты-Курганъ), частію построенныхъ нами самими (Ташкентская цитадель, Чиназъ, Ключевое). Число этихъ укрѣпленій слишкомъ значительно для корпуса въ 20,000 человѣкъ, а между тѣмъ въ случаѣ возстанія мы почти не можемъ очистить ни одного изъ нихъ, чтобы гарнизономъ его усилить дѣйствующія войска. Особенно Самаркандская цитадель, по обширности своей, требовала сильнаго гарнизона, хотя изъ нея-то именно скорѣе всего могутъ быть высылаемы въ поле значительные отряды: поэтому она и перестраивается.

Сосѣдство независимыхъ мусульманскихъ государствъ невыгодно для насъ вдвойнѣ. Во-первыхъ, онѣ могутъ вліяніемъ своихъ вызывать или поддерживать безпорядки внутри нашихъ владѣній, во-вторыхъ, по причинѣ неудачнаго очертанія нашихъ границъ, онѣ могли бы, если бы имѣли хоть сколько нибудь порядочное военное устройство, стать для насъ небезопасными врагами въ открытой войнѣ. Еще Коканъ, самъ по себѣ, одинъ не можетъ вызвать большихъ затрудненій, потому что ханство это окружено съ трехъ

сторонъ нашими владѣніями и можетъ быть пройдено изъ конца въ конецъ въ какія нибудь двѣ-три недѣли; но явись это владѣніе союзнымъ Бухарѣ, Бадакшану и Хивѣ, вопросъ о его значеніи измѣнится. Оно занимаетъ очень выгодное для союзниковъ положеніе на флангѣ и частію даже въ тылу тѣхъ войскъ, которыя съ нашей стороны могутъ быть направлены на Аму-дарью. Конечно, въ случаѣ внѣшней борьбы оно будетъ первою жертвою для нашихъ войскъ, жертвою тѣмъ болѣе легкою, что города его не укрѣплены; но самое занятіе послѣднихъ нашими гарнизонами потребуетъ отвлеченія военныхъ силъ отъ другихъ театровъ. По счастію, на этихъ другихъ театрахъ мы имѣемъ нѣкоторыя существенныя выгоды. Бухарѣ напр. мы можемъ нанести серьезный ударъ даже не вторгаясь въ ея предѣлы, а только заперѣвъ часть воды, идущей изъ Зрафшана въ это ханство. Затѣмъ отъ непосредственныхъ ударовъ большихъ хивинскихъ скопищъ мы гарантированы степями, которыя лежатъ между Сыръ и Аму-дарьей. Но, повторимъ, въ случаѣ коалиціи всѣхъ ханствъ и особенно при поддержкѣ ихъ со стороны Афганистана, наше положеніе можетъ быть не изъ легкихъ. При современномъ состояніи нашихъ собственныхъ владѣній въ Туркестанѣ, гдѣ русскій элементъ слабъ, и при теперешнемъ числѣ войскъ, въ немъ находящихся, мы едва-ли можемъ вывести въ поле противъ всѣхъ трехъ противниковъ болѣе 6,000 человѣкъ.

Впрочемъ, вопросъ о планѣ войны, характерѣ и вѣроятныхъ результатахъ ея много упрощается для насъ тѣмъ, что главный, если не единственный ударъ намъ должно будетъ нанести одной Бухарѣ, съ овладѣніемъ которою другіе противники будутъ раздѣлены и слѣдовательно безсильны. У насъ нерѣдко слышатся заявленія, что нужно прежде покончить съ Хивою, какъ съ непосредственнымъ очагомъ безпокойствъ въ средней Азіи, а Бухару оставить въ покоѣ. Это едва-ли не ошибочно. Хива пала бы сама собою, если бы русскіе стали твердою ногою у Чарджуя, или вообще на среднемъ теченіи Окса, и на оборотъ, съ нею очень трудно имѣть дѣло, пока это теченіе не въ нашихъ рукахъ. Равнымъ образомъ и вліяніе Афганистана значительно ослабѣло бы, если не прекратилось совсѣмъ, послѣ занятія нами Ходжасаля, Керки и другихъ бухарскихъ переправъ чрезъ Аму-дарью. Словомъ, если составлять планъ завоеванія всего Турана, то на первой его страницѣ должно стоять покореніе Бухары. Покореніе это удобнѣе всего совершить прямымъ движеніемъ изъ Самарканда на столицу ханства; если же эмиръ сосредоточитъ войска у Шахрсябса, то

ударомъ на эти войска, при чемъ послѣ побѣды мы получимъ возможность занять Бухару и другія мѣста по Зарафшану, Кошка-дарьѣ и Аму-дарьѣ безъ серьезныхъ препятствій. Если бы и послѣ этого коалиція продолжалась, то изъ Шахрсябса и Карши оставалось бы двинуться чрезъ Гиссаръ на верховья Окса и такимъ образомъ получить командованіе надъ всѣмъ бассейномъ его.

Такимъ образомъ мы видимъ, что рѣшеніе военно-политической проблемы о Туранѣ, не смотря на кажующуюся сложность ея, довольно просто, хотя, разумѣется, это не значитъ, что въ указанномъ смыслѣ, завоеванія обоихъ бассейновъ, сыръ-дарьинскаго и аму-дарьинскаго оно безусловно выгодно для Россіи. Выгода есть лишь относительная, именно, что съ утвержденіемъ русской власти во всей странѣ, отъ Болора до Каспійскаго моря, мы уже не будемъ тутъ имѣть внѣшнихъ враговъ, которымъ трудно прійдти съ востока ли, съ юга ли. О томъ же, будутъ ли окупаться, а тѣмъ болѣе приносить доходъ, всѣ эти завоеванія, здѣсь было бы неудобно разсуждать уже потому, что это значило бы вдаваться въ область экономическихъ гипотезъ. Гораздо важнѣе принять въ настоящемъ случаѣ къ разсмотрѣнію то обстоятельство, что до послѣдняго времени на приближеніе наше къ Аму-дарьѣ и особенно къ Гиндукушу смотрѣла весьма ревниво большая европейская держава, Англія. Опасаясь, что сосѣдство Россіи съ Индіей можетъ повести за собою освобожденіе послѣдней отъ британскаго владычества, Англія уже въ 1842 г. пыталась сама перейдти за Индъ. чтобы предупредить насъ на Гиндукумѣ, а потомъ въ 1857 г. заключила договоръ съ эмиромъ кабульскимъ, по которому обязалась платить ему ежегодно 120,000 ф. ст., лишь бы онъ содержалъ по меньшей мѣрѣ 18,000 войска, годнаго сопротивляться русскимъ. Потомъ, плохо довѣряя надежности подобнаго огражденія себя отъ грозящаго будто бы ей нашествія съ нашей стороны, она въ 1869—70 г. стала преслѣдовать другую теорію, именно: образовать, съ согласія Россіи, и даже, если можно, по формальному съ ней уговору, нейтральную полосу между обѣими имперіями, куда бы ни та, ни другая держава не могли ступать ногою. Въ составъ такой нейтральной полосы лондонскій кабинетъ желалъ бы ввести не только Кабулистанъ, принадлежащій къ бассейну Инда, но и Бактріану, т. е. всѣ верховья Аму-дарьи, отъ Бадакшана до Балха и Маймснэ. Но разумѣется, что представлять такую пограничную сдѣлку прочною значитъ либо не знать дѣла, либо умышленно его искажать и притомъ въ смыслѣ едва ли выгодномъ для обѣихъ

сторонъ. Какъ англичане не желаютъ, чтобы мы могли, благодаря непосредственному появленію у Инда, волновать Индустанъ, такъ и мы, съ неменьшимъ основаніемъ въ правѣ хотѣть, чтобы англійское политическое вліяніе было совершенно ничтожно среди обитателей Туркестана. А нейтральная полоса способна привести именно къ одному изъ этихъ явленій. Вотъ почему теорія Upper Oxus State'а, да еще вассальнаго Англіи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть допускаема съ нашей стороны, тѣмъ болѣе, что англичане, недовольствуясь вассальною зависимостью Афганистана, начинаютъ подчинять непосредственной своей власти Кяффиристанъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ очевидно, что рано или поздно двѣ державы прійдутъ въ соприкосновеніе по единственному натуральному рубежу, Гиндукушу; и если это прикосновеніе произойдетъ мирно, то оно обѣщаетъ великія и благодѣтельныя послѣдствія для всего Стараго Свѣта. Если же одна изъ сторонъ неумѣренностью своихъ требованій, неискренностью поведенія или какими нибудь другими дѣйствіями возбудитъ справедливое недовольство другой, то результатомъ выйдетъ война, которой истребительныя послѣдствія трудно предвидѣть. Замѣтимъ только, чото уже нынѣ для доставленія себѣ возможно большихъ шансовъ къ успѣху въ этой войнѣ, англичане расширяютъ свою власть за Индомъ и открыто говорятъ о томъ, что «Индію противъ Россіи будутъ защищать не остъ-индскія войска, а туркменская конница, руководимая искусными офицерами.»

Независимо отъ англійскихъ предположеній и плановъ, формулированныхъ съ особою ясностью въ 1870 г. Форситомъ, и въ 1872 г. лордомъ Грэнвилемъ, существуетъ у насъ самихъ относительно военно-политическаго положенія нашего въ Туранѣ взглядъ, во многомъ напоминающій англійскій, но только еще менѣе выгодный для насъ, чѣмъ теорія Upper Oxus State'а, такъ что даже англичане не осмѣлились намъ его предложить. Взглядъ этотъ требуетъ, чтобы мы остановились на теперешнихъ нашихъ границахъ къ сторонѣ Бухары и Кокана, т. е. оставили государственные наши рубежи на воздухѣ, не примкнувъ ихъ ни къ какому естественному урочищу. Что же касается до средне-азіатскихъ ханствъ, то онѣ, по этой теоріи, должны остаться вассалами Россіи, съ независимымъ управленіемъ. Другими словами, теорія предлагаетъ создать изъ Россіи Турцію съ Египтомъ, Румыніею и Сербіею.

По совершенной непригодности для русскаго государства и слѣдовательно малой вѣроятности осуществленія на дѣлѣ такого

ученія, мы не будемъ останавливаться здѣсь на оцѣнкѣ его, а замѣтимъ только, что, слѣдуя ему, мы никогда бы не освободились отъ необходимости держать въ Туркестанѣ много войскъ противъ внѣшнихъ враговъ, какими естественно были бъ вассалы, и никогда не достигли бы обрусѣнія уже занятой нами части страны.

Указавъ такимъ образомъ на главныя военно-политическія или стратегическія особенности нагорно-туранскаго пограничнаго пространства, мы можемъ заключить этотъ обзоръ перечисленіемъ тѣхъ военныхъ силъ и средствъ, которыя Россія имѣетъ въ этой странѣ, ограничиваясь относительно военныхъ средствъ сосѣднихъ ханствъ тѣми указаніями, которыя уже сдѣланы при обзорѣ ихъ управленія. Въ началѣ 1873 года войска Сыръ-дарьинской области, какъ уже было упомянуто, составляли корпусъ численностью около 20,000 чел., расположеніе котораго извѣстно изъ квартирнаго росписанія. Укрѣпленій, которыя служатъ точками опоры для дѣйствія этихъ силъ, считается двѣнадцать: Туркестанъ, Чемкентъ, Аулье-ата, Ташкентъ, Чиназъ, Теляу, Келеучи, Ходжентъ, Уратюбе, Ключевое, Самаркандъ и Катты-курганъ.

Артиллерійскіе склады для дѣйствующихъ войскъ имѣются въ Чиназѣ, Ташкентѣ и Самаркандѣ; для мѣстныхъ надобностей въ каждомъ укрѣпленіи.

Больницы разнаго наименованія существуютъ: въ Ташкентѣ, Ходжентѣ, Джизакѣ, Ключевомъ, Туркестанѣ и Аулье-ата. Болѣзненность въ войскахъ, вслѣдствіе тяжелой службы, неудобствъ помѣщенія и отчасти климатическихъ особенностей, именно рѣзкихъ переходовъ отъ жары къ прохладѣ въ лѣтніе дни и ночи, довольно значительна и въ 1870 году представляла слѣдующія цифры:

Заболѣло . .	119 офицеровъ и	19,743 ниж. чин.
Умерло . . .	9 »	564 »

Самая большая смертность была отъ тифа, перемежающейся лихорадки и возвратной горячки, именно 80% общей смертности.

Провіантскіе магазины имѣются въ Ташкентѣ, Чиназѣ, Самаркандѣ, Ключевомъ, Ходжентѣ, Туркестанѣ, Ура-тюбе, у Каменнаго моста, въ Катты-Курганъ, Теляу и Аулье-ата.

Главный интендантскій складъ въ Ташкентѣ, гдѣ производятся и торги на заготовленіе всякаго рода запасовъ.

Аральская рѣчная флотилія состоитъ изъ 12 судовъ, въ числѣ которыхъ 5 пароходовъ и 7 баржъ. Она потребляетъ въ годъ приблизительно 350,000 пуд. саксаулу и 40,000 пудовъ угля, заготовляемаго обыкновенно на устьяхъ Арыса.

Источники:

До начала XIX столѣтія о нагорномъ Туранѣ имѣлись самыя смутныя понятія, такъ какъ извѣстія Беневени (1725), Миллера (1740), Томпсона (1741), Ефремова (1774) и Габайдулы-Амирова (1774) были очень кратки, а труды іезуитовъ временъ Цянь-луня касались западнаго Туркестана только отчасти. Не къ чему было даже приурочить путешествія Марко-Поло. Первыми обстоятельными путешественниками явились *Поспѣловъ* и *Бурнашевъ* (1800 года), которыхъ рукопись о Ташкентѣ однако оставалась необнародованною до 1850-хъ годовъ (Записки Русскаго Географическаго Общества). Затѣмъ слѣдовали: поѣздка въ Коканъ *Назарова* (1813) и миссія въ Бухару *Мейендорфа*, *Эверсмана* и *Пандера* (1820), а со стороны южной Азіи: «Путешествіе въ Кабулъ» *Эльфинстона* и *Макартнея* (1809), доставившее первыя распросныя свѣдѣнія о верховьяхъ Аму-дарьи, и путешествіе *Муркрофта* (1824) въ Бухару. Но если бы изслѣдованія въ нагорномъ Туранѣ остановились на этомъ, то мы знали бы о немъ мало, особенно же о южной его половинѣ. Вотъ почему въ литературѣ нашего предмета предпочтительнаго вниманія заслуживаютъ труды, совершонные послѣ 1830 года, а именно:

Потанинъ: Записки о Коканскомъ ханствѣ, 1830.

Burnes: Travels into Bokhara, 1834.—Отъ современнаго Борнсу русскаго путешественника, *Виткевича*, сохранилось очень немного, и то въ рукописяхъ.

Wood: Journey to the source of the river Oxus, особенно изданіе 1872 года, снабженное превосходнымъ предисловіемъ *Юля*.

Ханыковъ: Описаніе Бухарскаго ханства; 1843.

Humboldt: Asie Centrale, 1843.

Обозрѣніе Коканскаго ханства въ нынѣшнемъ (1841 г.) его состояніи, появившееся въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества не ранѣе 1849 г.

Небольсинъ: Очерки торговли Россіи съ Среднею Азіею, 1855 (Зап. Рус. Геогр. Общ.).

Венюковъ: Очерки причуйской страны, 1859, карта Коканскаго ханства, 1861, и о Памирѣ и верховьяхъ Аму-дарьи 1861 (Зап. Рус. Геогр. Общ.).

Мейеръ: Очеркъ западной части Каратаусскихъ горъ, 1862.

Вамбери: Путешествіе по Средней Азіи, 1863.

Пашино: Туркестанскій край въ 1866 году.

Галкинъ: Этнографическіе матеріялы по Оренбургскому краю, 1838.

Съ 1867 года начинается рядъ географическихъ и статистическихъ работъ о Русскомъ Туркестанѣ: Аминова, Гребенкина, Краузе, Кушакевича, Маева, Макшеева, Мышенкова, Раевскаго, Соболева, Сѣверцева, Татаринова, Федченко, Хорошхина и другихъ, о которыхъ свѣдѣнія находятся либо въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества, либо въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», откуда онѣ перешли въ «Туркестанскій Ежегодникъ» 1872 и въ сборникъ «Русскій Туркестанъ» 1872. Отдѣльныя сочиненія изданы:

Костенко «Средняя Азія и распространеніе въ ней русской гражданственности», 1871 года, который также написалъ «Путешествіе въ Бухару» 1871.

Сѣверцевымъ: «Путешествія по Центральной Азіи», 1873 г. съ картою.

Лучшія карты суть: Кинетра Тиган, 1865; *Ильина* Туркестанское Генералъ-губернаторство. 1872; *Струве* Коканское ханство, 1871; *Федченки:* «Коканское ханство» и сосѣднія съ юга земли, 1872. Карта Туркестанскаго военнаго округа,

изд. въ Ташкентѣ въ 1873 г.; *Сѣверцева* рельефная карта всей верхней Азіи въ Изв. Р. Г. Общ. 1873. Со стороны англичанъ заслуживаютъ вниманія: *Walker's*, Turkistan, литографированная карта, *Монгомери* при отчетѣ о путешествіи «*мирзы*» въ General Report on the operations of the Gr. Tr. Surv of India, и наконецъ *Юля* при книгѣ Вуда.

Участокъ десятый: Уральскій или Хивинскій *).

Обширное пространство по сторонамъ Аральскаго Моря, отъ береговъ Мертваго Култука до подножія Каратаускихъ горъ и отъ параллели станицы Калмыковской, укрѣпленій Уильскаго и Тургайскаго на югъ до полуденныхъ предѣловъ Хивы, представляетъ мѣстность, которая въ естественно-историческомъ, въ стратегическомъ и въ другихъ отношеніяхъ образуетъ одно цѣлое, характеризуемое многими такими особенностями, какія не встрѣчаются на другихъ азіятскихъ окраинахъ Россіи. Единство это, впрочемъ, обусловливается не нахожденіемъ по самой серединѣ пространства Аральскаго моря, а существованіемъ въ южной его части осѣдлаго Хивинскаго оазиса, который и экономически, и политически долго господствовалъ надъ всѣми при-аральскими равнинами, да и всегда сохранитъ на нихъ вліяніе, чѣмъ будетъ вынуждать насъ или на занятіе самой Хивы или на содержаніе значительныхъ военныхъ силъ у низовьевъ Сыръ-дарьи и противу промежутка между Araломъ и Каспіемъ. По крайней непроизводительности почвы въ этихъ мѣстахъ, по невозможности основанія среди большей части ихъ русскихъ осѣдлостей и по открытости степей къ югу, эта часть нашихъ государственныхъ окраинъ въ Азіи есть одна изъ наиболѣе трудноохраняемыхъ и потому самому заслуживаетъ особаго вниманія съ военной точки зрѣнія.

Въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны выше, подлежащее описанію пространство состоитъ: 1) изъ зауральскихъ частей уѣздовъ Гурьевскаго и Калмыковскаго и всего Эмбенскаго, Уральской области, изъ южной половины Иргизскаго уѣзда, области Тургайской и изъ уѣздовъ Казалинскаго, Перовскаго и задарьинскихъ частей: Туркестанскаго, Чемкентскаго и Ходжентскаго, области Сыръ-дарь-

*) Свѣдѣнія изложены по даннымъ 1 мая 1873 г., т. е. времени, предшествовавшаго взятію Хивы, и лишь въ немногихъ случаяхъ пополнены новѣйшими, полученными во время печатанія книги.

инской; 2) изъ восточной части Мангышлакскаго пространства; 3) изъ Хивинскаго ханства съ зависимыми отъ него землями туркменовъ, киргизовъ и каракалпаковъ и 4) изъ Аральскаго моря. По отношенію къ каждой изъ этихъ четырехъ мѣстностей, военныя и другія соображенія столь различны, что необходимо каждую изъ нихъ разсмотрѣть отдѣльно и притомъ въ такой подробности, какая обусловливается ея политическою и экономическою важностію для Россіи. Какъ общую характеристическую черту всего пространства, слѣдуетъ замѣтить отсутствіе сколько-нибудь значительныхъ высотъ и совершенно степной характеръ природы.

I. *Степи на сѣверъ отъ Усть-Урта и Аральскаго Моря и по Сыръ-дарьѣ.*

Страна отъ низовій Урала и сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря до Сары-су лежитъ частію ниже уровня океана и лишь постепенно поднимается въ направленіи къ востоку и сѣверу. Гора Айрюкъ, принадлежащая къ системѣ Мугаджаръ и достигающая 1,000 футовъ надъ моремъ, есть господствующій надъ ней пунктъ. Идя отъ нея послѣдовательно въ разныхъ направленіяхъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее:

На западѣ степь сначала холмиста, особенно по верховьямъ Эмбы, Уила и Сагиза, но потомъ мало-по-малу обращается въ совершенную равнину, съ почвою частію песчаною, частію твердо-глинистою, частію солончаковою. Значительная часть этой степи безплодна; особенною же безотрадностью отличается пространство отъ лѣваго берега Эмбы до подножія Устъ-Урта. Съ приближеніемъ къ Каспійскому морю, степь дѣлается или песчаною, или солонцоватою и наконецъ почти нозамѣтно сливается съ самымъ моремъ помощью множества камышевыхъ болотъ и ериковъ (заливовъ), въ которыхъ вода стоитъ при западныхъ вѣтрахъ, но уходитъ при восточныхъ и сѣверныхъ.

Слѣдующіе мѣстные предметы обращаютъ на себя вниманіе въ этой части степи: рѣки Уралъ, Уилъ, Сагизъ, Эмба, Чеганъ; озера Индерское, Кабакъ-куль и Камышъ-куль; соляныя грязи Чушка-куль, Ащ -булакъ, Чумышъ-куль, Исенджалъ, Манайли-соръ, Тентякъ-соръ и Яманъ-соръ; пески Кумъ-джарганъ, Кокъ-кумъ, Акъ кумъ-Сагилъ, Тайсуганъ и Бейрюкъ, Кара-кумъ, Люсонъ, Сары-кумъ. Положеніе всѣхъ ихъ обозначено на общеизвѣстной пяти-

десяти-верстной картѣ Оренбургскаго края; что же касается до свойствъ мѣстныхъ предметовъ, то здѣсь, на основаніи трудовъ Берга, Алексѣева, Мейера и др., можно сказать слѣдующее. Изъ рѣкъ только Уралъ доходитъ до моря, но и то въ послѣдніе годы устья его стали мелѣть и заростать камышемъ; долина же выше Гурьева и Сарайчиковой содержитъ въ себѣ не мало кустарниковъ и деревьевъ, которыя берегутся казаками, какъ средство для предохраненія рѣки отъ совершеннаго пересыханія; мѣстами есть и луговыя пространства. Сагизъ и Уилъ теряются въ пескахъ и въ соляныхъ грязяхъ; Эмба также не доходитъ до моря, по крайней мѣрѣ большую часть года, а въ жары она даже обращается въ рядъ отдѣльныхъ плесовъ съ водою горькосоленою вездѣ, кромѣ верховій. Рѣка Чеганъ и притокъ ея Мани даже совсѣмъ безводны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и имѣютъ воду собственно въ руслахъ лишь весною, послѣ таянія снѣговъ. Всѣ прочія мелкія рѣчки степи, обыкновенно носящія названія Кара-су, Сары-су и т. п. представляютъ тѣ же условія. Изъ озеръ Индерское извѣстно обиліемъ самосадочной соли, а Кабакъ-куль и Камышъ-куль представляютъ рѣдкое въ здѣшней степи явленіе прѣсноводныхъ озеръ. Небольшое озеро Масше, на Нижней Эмбѣ, гдѣ въ 1871 году построено укрѣпленіе, также предполагалось прѣснымъ, но на дѣлѣ вода въ немъ дурна.

Соляныя грязи вообще суть самыя непривѣтливыя части степи, большею частью непроходимыя и иногда представляющія опасность для людей и животныхъ, которые, по неосторожности ступивъ на подсохшую поверхность ихъ, проваливаются почти безъ надежды выбраться. Этимъ свойствомъ особенно отличаются грязи у подошвы Усть-Урта. Кромѣ того, всѣ вообще солончаки, т. е. даже и сухіе, отдѣляютъ, при первомъ вѣтрѣ въ жаркую погоду, множество ѣдкой пыли, а при дождяхъ обращаются въ вязкую грязь. Пески далеко превосходятъ удобствами не только ихъ, но и твердо-глинистыя степныя пространства, и среди ихъ нерѣдкость встрѣтить не только травы, правда, рѣдкія, но кустарники, и, самое главное, прѣсную воду въ неглубокихъ колодцахъ. Каракумскіе пески у сѣверо-восточнаго берега Каспійскаго моря, а затѣмъ пески Уймаутъ, на пути отъ Эмбы къ Усть-Урту, особенно извѣстны обиліемъ прѣсной воды и растительности, обиліемъ, конечно, относительнымъ.

Въ срединѣ, т. е. прямо на сѣверъ отъ Аральскаго моря, главные мѣстные предметы суть южные отроги Мугоджарскихъ горъ и пески Барсуки, Большіе и Малые. Первые тянутся полосою до

двухсотъ верстъ длины и мѣстами до пятидесяти ширины на сѣверъ отъ залива Чернышева и полуострова Куланды, вторые на сто двадцать верстъ къ сѣверу отъ залива Перовскаго. Пространство между ними представляетъ частію голую солонцоватую степь, частію топкіе солонцы и, наконецъ, соляныя грязи и озера. Часть этого пространства, прилегающая къ заливу Тще-басъ, вѣроятно еще въ прошломъ столѣтіи была подъ водою, какъ можно думать по сравненію картъ Аральскаго моря нынѣшней и геодезиста Гладышева, а также и по самому виду обсохшей почвы. Пески Барсуки, вѣроятно береговыя дюны прежняго моря, замѣчательны тѣмъ, что служатъ зимовками для нѣкоторыхъ родовъ киргизовъ, тогда какъ вся сосѣдняя солонцоватая степь, по причинѣ совершенной безплодности, и лѣто и зиму большею частью остается пустою, представляя весьма большое препятствіе къ устройству правильнаго сообщенія Сыръ-дарьинской области съ Оренбургскимъ краемъ. Даже рѣки Иргизъ и Тургай мало помогаютъ оживленію этой печальной пустыни, ибо въ первой изъ нихъ вода обыкновенно соленая и берега обѣихъ изрѣдка лишь поросли тальникомъ или камышемъ. Большое озеро Челкаръ, въ которое впадаютъ остатки водъ обѣихъ рѣкъ, послѣ ихъ сліянія, почти сплошь представляетъ только соляную грязь, а водой наполняется лишь во время весеннихъ разливовъ. Съ запада, по направленію къ Иргизу, вытекаютъ нѣсколько ручьевъ изъ Мугоджарскихъ горъ, но всѣ они теряются въ степи, не доходя до главной рѣки и представляя въ обыкновенное время сухія русла.

На востокъ, по обѣимъ сторонамъ Сыръ-дарьи, большая часть степной почвы состоитъ изъ песковъ. Это извѣстные Каракумы на сѣверѣ и Кызилъ-кумы на югѣ отъ Сыра. Впрочемъ, Каракумскіе пески, начинающіеся южнѣе Челкара, не вездѣ достигаютъ до сыръ-дарьинскаго русла, а мѣстами оставляютъ обширныя пространства для голой глинисто-солонцоватой почвы, какъ, напримѣръ, на сѣверъ отъ Кармакчи.

Въ западной половинѣ каракумской песчаной равнины встрѣчаются также обширные солонцы и соляныя озера, какъ-то Мизбиль, Чумышъ-куль, Ханъ-султанъ, Камышлы-башъ, Якши-курайли, а въ южной и восточной замѣчательны соляныя озера Кивокъ-тузъ и Арысъ. Вдоль самой рѣки Сыръ-дарьи заслуживаютъ особеннаго вниманія большіе болотистые и поросшіе камышемъ либо тростникомъ разливы Караузяка, одного изъ рукавовъ Сыра, который отдѣляется отъ главнаго русла въ 17-ти верстахъ ниже Перовска вправо и

снова вливается въ рѣку у форта № 2. Выше же Перовска, на правомъ берегу Сыра, встрѣчаются твердые и бугристые пески, перемѣшанные съ солончаками и тянущіеся до рѣкъ Сыры-су и Чу, до озера Саумалъ-куля и до горъ Каратау.

На лѣвомъ берегу Яксарта пески еще болѣе развиты, чѣмъ на правомъ, и тутъ ихъ расположеніе на земной поверхности, по словамъ Мейера, подчинено нѣкоторой системѣ, а именно: проходящія среди ихъ ложбины направляются либо съ сѣвера на югъ, либо съ востока на западъ. Первыя постоянно наполнены солонцами, и если содержатъ въ себѣ колодцы, то непремѣнно съ соленой водой; вторыя суть какъ бы остатки прѣсноводныхъ руслъ и воду въ копаняхъ имѣютъ прѣсную. Въ эту часть степи, благодаря низменности ея положенія, врываются рукава Яксарта: Джаны и Куванъ-дарья. Первая отдѣляется отъ общаго русла Сыра въ 11 верстахъ ниже Перовска и течетъ сначала по болотистой, потомъ по твердо-солонцоватой и наконецъ по песчаной степи, на юго-западъ, чрезъ укрѣпленіе Ирки-бай, къ озеру Кучка-тенгизу, въ которомъ теряется. Въ тѣхъ случаяхъ, когда русло ея не наполнено сплошь водою, оно представляетъ потокъ до 350 верстъ длиною, иногда требующій для переправы камышевыхъ плотовъ. Вторая, т. е. Куванъ-дарья, отходитъ отъ главнаго русла Сыра, или Джаманъ-дарьи, верстахъ въ 20-ти ниже Джаны-дарьи и направляется почти прямо къ западу, черезъ болота и пески, въ которыхъ теряется, не доходя далеко до Аральскаго моря. Русло Кувана наполнено прѣсноводными плесами, или омутами, и колодцами, а по верхнимъ частямъ этого степного потока есть даже пашни, орошаемыя его водою посредствомъ арыковъ. Джаманъ-дарья, т. е. главное русло Сыра, на пространствѣ между Перовскомъ и Кармакчи маловодна и чрезвычайно извилиста, такъ что судоходство по ней весьма затруднительно, особенно въ малую воду, когда нужно плавать на пароходахъ не болѣе какъ съ двумя футами осадки, но достаточно сильныхъ, чтобы преодолѣвать теченіе по четыре или по пяти узловъ въ часъ, и поворотливыхъ, чтобы не натыкаться на берегъ. По соединеніи Джаманъ-дарьи съ Караузякомъ, Сыръ снова становится хорошею судоходною рѣкою, но только до устья, гдѣ опять встрѣчаются мели, тянущіяся въ море. Изъ трехъ рукавовъ, на которые рѣка раздѣляется тутъ, только средній имѣетъ въ большую воду отъ трехъ до четырехъ футовъ глубины; два же другіе во всякое время переходимы въ бродъ. Этому мелководью думали помочь запрудою Яны и Куванъ-дарьи, а также выпрямленіемъ русла Джаманъ-дарьи, что

увеличило бы скорость теченія въ низовьяхъ Сыра и повело бы къ смытію отмелей; но до сихъ поръ всѣ такія попытки не имѣли успѣха. Выше Перовска, Яксартъ судоходенъ по крайней мѣрѣ до Чиназа; но также очень извилистъ и, благодаря мягкости почвы, по которой течетъ, нерѣдко мѣняетъ русло, что затрудняетъ плаваніе, особенно послѣ большихъ разливовъ. Переправы чрезъ Сырдарью у Казалинска, Перовска, Чиназа и проч. дѣлаются на паромахъ; гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ туземцы прибѣгаютъ къ камышевымъ плотамъ или къ перегону скота въ бродъ. Зимою, т. е. отъ конца ноября по мартъ, переѣздъ черезъ рѣку совершается по льду.

Въ пескахъ на югъ отъ низовій Сыра, въ прежнее время, текла рѣка Кизылъ-дарья; нынѣ даже и слѣды этой рѣки еще не отысканы, хотя, можетъ быть, низовья Джаны-дарьи отчасти совпадаютъ съ этимъ русломъ. Степь по правую сторону Кизылъ-дарьи, къ сторонѣ Чиназа и Ходжента, уже не столь песчана, какъ по лѣвую, т. е. по западную ея сторону, и представляетъ, напротивъ, гладкую глинистую равнину; но удобна ли она для орошенія канавами изъ сосѣднихъ частей Сыра — это вопросъ, нерѣшенный нивелировкой. Можно, кажется, думать, что далеко внутрь этой равнины орошеніе простираться не можетъ, такъ какъ, вѣроятно, она имѣетъ покатость къ востоку; ибо иначе Сыръ-дарьѣ отъ Ходжента незачѣмъ было бы поворачивать къ сѣверу. За южную окраину кизылкумской низменности слѣдуетъ принять горы Нуратынъ-тау, отдѣляющія ее отъ долины Зерафшана; но эти горы составляютъ только часть окраины. На большинствѣ же протяженія Кизылъ-кумы открыты на югъ и сливаются съ песчаными равнинами, окружающими Бухарскій оазисъ и простирающимися не только до Оксуса, но и далеко на югъ отъ этой рѣки, внутрь Туркменіи. Сѣвернѣе Бухарскаго оазиса, среди кизылкумской степи высятся гряды холмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Капканъ-тау и Буканскихъ горъ, весьма мало еще изслѣдованныхъ. Отъ нихъ, къ юго-западу, песчаная равнина Батпакъ-кумъ разстилагается до предѣловъ Хивы, такъ что все песчано-степное пространство по обѣимъ сторонамъ Сыра, входящее нынѣ по большей части въ предѣлы Сыръ-дарьинской области, образуетъ площадь въ 800 верстъ длины и 400 ширины, или въ 6,400 квадратныхъ географическихъ миль.

II. *Усть-Уртъ.*

Обратимся теперь на западъ отъ Аральскаго моря. Здѣсь передъ нами обширная плоская возвышенность Усть-Урта, которая

разстилается до самаго Каспійскаго моря и круто падаетъ не только къ водамъ обоихъ морей, но и къ сторонѣ сосѣдней имъ суши. Усть-Уртъ имѣетъ поверхность по большей части ровную; главныя углубленія въ его почвѣ суть овраги, которыми изрыты его окраины, образующія на всемъ своемъ протяженіи такъ называемый *чинкъ*, т. е. обрывъ отъ 400 до 650 футовъ высотою. Овраги вообще проникаютъ недалеко внутрь Усть-Урта и отличаются такою же крутизной береговъ, какъ самый чинкъ. Послѣдній начинаетъ быть замѣтенъ на сѣверѣ, подъ $47^1/_4{}^0$ широты, въ 30 верстахъ южнѣе конца Мугоджарскихъ горъ, къ которымъ не примыкаетъ. Это начало чинка есть высота Акъ-дюртъ-куль. Отсюда обрывъ тянется на юго-западъ со многими извилинами, которыя образуютъ то выдающіяся части, мысы, то вдающіеся овраги или лощины. Изъ мысовъ наиболѣе замѣчательны Мынъ-су-алмазъ, Тье-муинъ-чапа и Баракъ, кромѣ того Тамды, съ горою Джиль-тау, которые образуютъ отдѣльный массивъ впереди Усть-Урта къ сѣверу. Между оврагами или лощинами, по ихъ ширинѣ и обширности, заслуживаютъ вниманія: Мапачи, который переходитъ къ устью въ солонецъ, но вообще крутобрегъ; лощина между Мынъ-су-алмазомъ и Тье-муинъ-чапа, длиною 40 верстъ, Учъ-сай — три лощины, направляющія отъ запада къ востоку, причемъ въ концѣ ихъ, подъ уступомъ чинка, лежитъ соляное озеро Тасъ-астау, близъ вершины котораго есть каменная пирамида, Уй-уба; Тще-айрыкъ — плоскій оврагъ, съ дорогою изъ Оренбурга въ Хиву; 50 верстъ восточнѣе его опять такой же оврагъ; еще 20 верстъ восточнѣе оврагъ Шерше. Значительная часть чинка, обращеннаго къ эмбенскимъ степямъ, орошается у подошвы почти безводною рѣкою Чаганъ; кромѣ того во впадинахъ или въ лощинахъ находятся мокрые солонцы, которые и питаются водою, очевидно, изъ того же обрыва Усть-урта.

На западѣ, къ сторонѣ Каспійскаго моря или, правильнѣе, залива Кайдака *), чинкъ очень крутъ, и то же можно сказать про приаральскую его часть. На послѣдней обыкновенно спускъ съ Усть-Урта невозможенъ, такъ что караванъ, идущій вверху, по гребню чинка, не можетъ сноситься съ другимъ, который слѣдуетъ у него на виду, но у подошвы обрыва, т. е. вдоль самаго берега моря. Овраги здѣсь коротки и крутобреги, и наиболѣе извѣстные спуски по нимъ лежатъ сѣвернѣе мыса Акъ-Тумсукъ. У

*) Самая западная часть Усть-урта, именно Мангышлакъ, описывается въ главѣ о Туркменскомъ участкѣ.

юго-западной оконечности бывшаго Айбугирскаго озера. Юго-восточная частьчинка, за Айбугиромъ, повидимому составлявшая нѣкогда правый берегъ Аму-дарьи и болѣе или менѣе извѣстная до Бешъдешика и Сары-камыша, южнѣе этого озера недовольно еще изслѣдована. И хотя мы знаемъ, что тутъ есть высокій мысъ или полуостровъ Капланкыръ, подъемъ по оврагу Кабахлы, вдоль дороги изъ Красноводска къ Сары-камышу, и большой оврагъ Диренъ-Димпе, идущій отъ сѣвера къ югу въ однѣхъ широтахъ съ Карабугазомъ, но вообще топографія Усть-Урта требуетъ въ этихъ мѣстностяхъ новыхъ изслѣдованій.

Почва всей плоской возвышенности, занимающей перешеекъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями, большею частью солонцовато-глинистая или же глинисто-известковая и тогда очень твердая. На ней, однако, мѣстами встрѣчаются болѣе или менѣе обширные жидкіе солонцы, которые весною имѣютъ видъ озеръ, а лѣтомъ подсыхаютъ и имѣютъ обманчивый видъ твердой почвы. Изъ этихъ солонцовъ наиболѣе извѣстны Барса-Кильмасъ, въ широтѣ 44°. Мѣстами также на глинистой поверхности Усть-Урта встрѣчаются пространства песчаныя, и это суть лучшія для кочевокъ, ибо производятъ хоть какую нибудь траву, кромѣ обычной на Усть-уртѣ полыни, а также саксаулъ и другіе кустарники. Изъ этихъ песковъ особеннаго вниманія заслуживаютъ Самъ и Асмантай, подъ 45½° широты, имѣющіе среди себя по самосадочному озеру. Пески Самъ простираются на 85 верстъ въ длину и до 27 верстъ въ ширину; Асмантай на 100 верстъ въ длину и на 35 въ ширину, но бѣднѣе первыхъ водою. Вообще, вода на Усть-уртѣ очень рѣдка и добывается только изъ колодцевъ, иногда очень глубокихъ, напримѣръ 12 или 15 саженъ, и притомъ она никогда не бываетъ совершенно прѣсною, а нерѣдко бываетъ и вовсе горько-соленою. Лучшіе колодцы находятся въ западной половинѣ края, по близости Каспійскаго моря, гдѣ и дожди случаются чаще. Тутъ мы встрѣчаемъ, напримѣръ, слѣдующіе колодцы:

Ишке-курганъ	на	5,000	лошадей	и	3,000	верблюдовъ.
Уали	»	1,000	»	»	300	»
Джунъ-баянъ	»	1,000	»	»	600	»
Кіибай.	»	300	»	»	100	»
Тулепъ	»	200	»	»	50	»
Косъ-зулакъ.	»	600	»	»	200	»
Бишъ-аузъ	»	1,000	»	»	400	»
Арастанъ-буга	»	500	»	»	300	»

Чѣмъ ближе къ востоку, тѣмъ колодцы становятся бѣднѣе водою. Лучшіе, по качеству воды, тамъ, гдѣ есть пески, чѣмъ и опредѣляется значеніе послѣднихъ для каравановъ и для кочевниковъ.

III. *Хивинскій оазисъ.*

Низовья Аму-дарьи, Оксуса грековъ, Джигуна арабовъ, на протяженіи около трехсотъ верстъ отъ впаденія рѣки въ Аральское море съ давнихъ временъ обращены человѣкомъ въ плодородный оазисъ. Мы не знаемъ навѣрное, былъ ли онъ прежде обширнѣе или сократился въ объемѣ отъ возрастающей сухости средне-азіятскаго климата, подобно тому, какъ сократилось самое Аральское море и исчезли совсѣмъ оазисы по низовьямъ Яксарта *); но и доселѣ онъ не только питаетъ довольно многочисленное мѣстное населеніе, но и служитъ экономическимъ и политическимъ центромъ для всѣхъ номадовъ, разсѣянныхъ по сосѣднимъ степямъ. Въ средніе вѣка, эта страна была извѣстна подъ именемъ Ховаразма, въ наше же время образуетъ Хивинское ханство.

Рѣка Аму-дарья, по выходѣ изъ горныхъ долинъ на плоскость, въ бухарскихъ владѣніяхъ, имѣетъ совершенно тотъ же характеръ степной рѣки, какъ сосѣдній на сѣверѣ Сыръ, какъ Или въ Семирѣченской области и Таримъ въ Малой Бухаріи. Быть можетъ, она немного полноводнѣе Сыра. Но берега ея представляютъ ту же степь, то песчаную, то глинистую, а непосредственно прилегающая къ руслу долина поросла то камышемъ, то рѣдкимъ кустарникомъ, или же имѣетъ пустынные берега. Осѣдлое населеніе держится вдали отъ этой жаркой и обильной мучительными насѣкомыми долины, такъ что на всемъ восьмисотъ-верстномъ пространствѣ отъ предѣловъ Кундуза до Питняка, встрѣчаются лишь немногіе кишлаки и крѣпостцы — Устыкъ, Чарджуй, Керки, Келефъ — построенные при переправахъ черезъ рѣку, по большимъ караваннымъ путямъ. Степь, орошаемая этою частью Джигуна, представляетъ значительную покатость къ сѣверо-западу, отъ чего рѣка быстра и имѣетъ мутную воду, какъ результатъ размыванія береговъ. Быстрота еще усиливается во время лѣтнихъ разливовъ, соотвѣтствующихъ таянію горныхъ снѣговъ на верховьяхъ рѣки.

*) Разумѣемъ окрестности Джанкента, Ограра, Тунката, Шурана и проч., свидѣтельствующія, что на нижнемъ Сырѣ были прежде многолюдные города.

У Чарджуя, по измѣренію Борнса, Аму-дарья имѣетъ 267 саженъ ширины и до 4-хъ саженъ глубины въ малую воду. Судя по опытамъ, сдѣланнымъ на низовьяхъ, она должна быть судоходна въ этой средней части для значительныхъ пароходовъ, тѣмъ больше, что русло ея далеко не столь извилисто и разбито на рукава, какъ Сыръ-дарьи, хотя, быть можетъ, имѣетъ выше Питняка небольшіе пороги. Впрочемъ, на дѣлѣ Оксусъ носитъ здѣсь лишь незначительныя плоскодонныя лодки.

Близъ Питняка, Аму-дарья начинаетъ развѣтвляться, впрочемъ сначала не на естественные рукава, а на искуственные каналы. По самому свойству береговъ, изъ которыхъ правый выше лѣваго и еще обставленъ невдалекѣ горами *Шейхъ-Джели*, каналы направлены почти всѣ налѣво, т. е. на западъ, съ отклоненіями то къ сѣверу, то къ юго-западу. На правой же сторонѣ, до самаго города Ходжейли, т. е. до раздѣленія Аму-дарьи на естественные рукава, есть всего одинъ значительный каналъ, *Инахскій*, на высотѣ городовъ Хазаръ-аспа и Новаго-Ургенча. Данилевскій, составившій самое подробное описаніе Хивинскаго ханства, впрочемъ относящееся еще къ 1843 году, описываетъ слѣдующіе десять большихъ лѣвыхъ каналовъ Окса:

Питнякъ, вытекающій изъ Аму въ трехъ верстахъ отъ города Питняка и пропадающій въ озерцѣ Аякъ-кулѣ, въ двадцати шести верстахъ отъ истока. Онъ имѣетъ ширину до двухъ съ половиною саженъ и питаетъ многочисленные побочные каналы, которые служатъ для непосредственнаго орошенія полей и часто измѣняются въ своемъ направленіи и числѣ.

Полванъ-ата — главный каналъ Хивинскаго оазиса по многоводію — начинается въ двѣнадцати верстахъ ниже Питняка и оканчивается за Хивою, въ озерцѣ Курантази, послѣ 85 верстъ теченія. Ширина его въ началѣ до 25 саженъ, глубина 3 сажени; но, постепенно развѣтвляясь на мелкіе арыки, онъ мелѣетъ и становится уже. Не менѣе двадцати одного средней величины канала выходитъ изъ него влѣво и четыре вправо. Города Хазаръ-аспъ, Ишанъ, Багатъ и самая Хива получаютъ изъ него свою воду.

Казаватъ — опять большой каналъ, до девяноста верстъ длиною, при десяти саженяхъ первоначальной ширины, проходитъ чрезъ земли городовъ Ханки, Кошъ-Купыра и Казавата и даетъ влѣво пять большихъ вѣтвей, въ свою очередь раздѣляющихся на множество мелкихъ арыковъ.

Шахъ-Абатъ, длиною 135 верстъ, шириною до 14-ти саженъ;

онъ проходитъ черезъ земли городовъ Новаго-Ургенча, Шахъ-Абата, Амбара, Ташауса и Ильялы и развѣтвляется на девять рукавовъ, изъ которыхъ пять направлены къ сѣверу. Шахъ-Абатъ очень многоводенъ, быстръ и сохраняетъ до глубокой осени отъ пяти до шести футовъ глубины.

Ярмышъ—параллельный предъидущему и вытекающей въ пятнадцати верстахъ сѣвернѣе его; отличается крутизной береговъ, вслѣдствіе насыпей. Ширина его до восьми саженъ, но питаемые имъ арыки незначительны.

Клычъ-Ніазбай вытекаетъ восемью верстами ниже предъидущаго и питаетъ своими водами города Гурленъ и Клычъ-Ніазбай, имѣя въ длину 96 верстъ и въ ширину почти повсемѣстно десять саженъ. Изъ него выходятъ одинъ значительный арыкъ налѣво и четыре направо.

Карагузъ беретъ начало въ пространствѣ между Гурленомъ и Китаемъ и течетъ около восьмидесяти верстъ по землямъ Китая и Булдумзаса, имѣя среднюю ширину до шести саженъ.

Арна начинается вблизи Мангыта и, оросивъ землю этого города и Порсу, оканчивается ниже послѣдняго озеромъ Порсу. Длина его около шестидесяти верстъ, а если считать съ отдѣляющимся отъ него влѣво арыкомъ Яны-яломъ — 85 верстъ, причемъ наибольшая ширина восемь саженъ.

Сували—каналъ, отдѣляющійся отъ Аму-дарьи уже послѣ раздѣленія ея на естественные рукава у Ходжейли, именно въ десяти верстахъ ниже начала рукава Лаудана, который питалъ Айбугирское озеро.

Ханскій каналъ принадлежитъ также къ системѣ водъ дельты Аму-дарьи, ибо отдѣляется отъ нея лишь въ пяти верстахъ выше Кунграда. Онъ имѣетъ всего двадцать верстъ длины и быстро расходится по мелкимъ арыкамъ. Особенность его — низменное положеніе береговъ, которыхъ уровень почти одинаковъ съ уровнемъ воды въ каналѣ.

Таковы главнѣйшіе изъ искуственныхъ рукавовъ Аму-дарьи, которые, хотя не доходятъ до моря, но, по многоводности своей и экономическому значенію для страны, заслуживаютъ особеннаго вниманія при военно-статистическомъ обозрѣніи края. Съ точки зрѣнія тактики, они представляютъ довольно важныя препятствія для движенія войскъ, ибо почти не имѣютъ мостовъ, а въ бродъ часто непроходимы совсѣмъ. Въ стратегическомъ же смыслѣ они еще важнѣе, ибо стоитъ только овладѣть ихъ истоками и запереть

воду, чтобы вынудить немедленную покорность всѣхъ городовъ и селеній, пользующихся изъ нихъ водою. Впрочемъ, площадь, орошаемая каналами и ихъ развѣтвленіями, вообще говоря, незначительна, ибо орошаемыя мѣста обыкновенно прилегаютъ къ самому каналу, и потому составляютъ лишь узкую полосу вдоль его; промежуточныя же пространства между такими полосами суть степи, годныя только для кочевокъ, но не для устройства осѣдлостей. Невозможно опредѣлить суммы всѣхъ производительныхъ площадей; но если взять въ разсчетъ, что *вся* поверхность Хивинскаго оазиса или дельты Аму-дарьи, ниже Питняка, не превосходитъ 260 квадратныхъ миль, то на производительную поверхность приблизительно останется 115 или 120 квадратныхъ миль, такъ какъ болѣе половины края занято именно степями или, какъ увидимъ сейчасъ, болотами, неудобными къ обработкѣ.

Переходя къ обзору естественныхъ развѣтвленій Аму-дарьи, мы должны замѣтить, что обширная натуральная дельта ея начинается болѣе чѣмъ въ полутораста верстахъ отъ устья и по общему очертанію представляетъ трапецію между Айбугиромъ, Аральскимъ моремъ до залива Туще-басъ и истокомъ рукава Лаудана, у подножія горъ Бишъ-тюбе. Площадь этой трапеціи равна приблизительно 190 квадратнымъ милямъ и представляетъ такую низменность, что большая часть ея есть обширное болото, поросшее камышемъ, тростникомъ, осокою и проч. Среди болотистой низменности извиваются многочисленные рукава Аму-дарьи, нерѣдко измѣняющіе ложа свои, а еще чаще количество водъ. Рукава эти не всѣ изслѣдованы европейцами, и потому не могутъ быть описаны съ достаточной точностью; но вотъ сущность свѣдѣній о тѣхъ, которые нанесены уже на наши карты:

Лауданъ отдѣляется отъ главнаго русла Аму у крѣпостцы Бента, на половинѣ пути между Кипчакомъ и Ходжейли, тремя протоками, которые потомъ сливаются въ одинъ. Его длина, до ложа Айбугирскаго озера, достигаетъ ста верстъ, и еще не очень давно это былъ значительнѣйшій изъ всѣхъ побочныхъ рукавовъ Окса, но теперь онъ много уменьшился въ объемѣ, потому что воды Аму-дарьи, естественно или искуственно, получили направленіе главнымъ образомъ въ восточные рукава. Въ 1848—58 годахъ Бутаковъ находилъ при устьѣ Лаудана въ Айбугирскій заливъ не болѣе полутора футовъ глубины, при очень слабомъ теченіи, и полагалъ, что рукавъ этотъ наполняется только отъ переливовъ воды чрезъ плотины. Теперь, въ нижней части, онъ совсѣмъ обезводнѣлъ,

какъ и самое Айбугирское озеро. Въ шестидесяти верстахъ отъ Бента отдѣляется отъ Лаудана влѣво рукавъ *Сакраукъ*, вѣроятно главное русло Окса въ то время, когда онъ впадалъ въ Каспійское море. Этотъ Сакраукъ запруженъ хивинцами въ двухъ мѣстахъ: у Куня-Ургенча и въ сорока верстахъ ниже его; но, несмотря на то, во время полноводья Аму-дарья нерѣдко наполняетъ его до Сарыкамышскаго озера, вмѣстѣ съ самимъ этимъ озеромъ, имѣющимъ поверхность болѣе ста квадратныхъ верстъ.

Кукъ-узякъ вытекаетъ изъ главнаго русла Окса противу Ходжейли и направляется на сѣверо-востокъ къ озеру Тампьене-аяче (въ сосѣдствѣ съ Дау-карою) и оттуда къ заливу Аральскаго моря, Тущебасу. Это одинъ изъ многоводнѣйшихъ рукавовъ Аму-дарьи, пройденный Бутаковымъ на 34 версты отъ устья съ довольно значительнымъ пароходомъ, но далѣе вверхъ представляющій мелководныя стремнины среди камней. Ширина осмотрѣнной части, извѣстной подъ названіемъ *Янги-су*, отъ 40 до 70 саженъ. Прибрежья его служатъ стойбищами для каракалпаковъ, которые тутъ имѣютъ хорошія пашни, искуственно орошенныя. Быть можетъ, часть воды вливается въ него съ запада изъ другого рукава Аму-дарьи, называемаго Ульхунъ-дарьей; но, съ другой стороны, весьма вѣроятно, что онъ самъ посылаетъ дань той же Ульхунъ-дарьѣ, которая, на половинѣ своего протяженія между Кунградомъ и моремъ, принимаетъ справа значительные притоки.

Возможно также, что эти притоки идутъ изъ слѣдующаго затѣмъ рукава Аму-дарьи, изъ *Карабайлы*, который отдѣляется отъ главнаго русла ниже Кукъ-узяка, верстахъ въ сорока, и также направляется частью своихъ водъ къ Дау-карѣ, а частью къ озеру Агерianъ-кулю. Первоначальная ширина этого рукава въ 1840-хъ годахъ была всего пятнадцать саженъ; но, по сдѣланному уже замѣчанію относительно увеличенія многоводности восточныхъ развѣтвленій Окса, могла съ того времени возрасти. По Бутакову, Карабайлы просто исчезаетъ въ разливахъ или лиманахъ, питающихъ впрочемъ Ульхунъ-дарью.

Чуманай — рукавъ, отдѣляющійся въ двухъ верстахъ ниже Карабайлы къ сторонѣ Айбугира, гдѣ пропадаетъ среди заросшихъ камышемъ болотъ. Туда же идутъ два слѣдующіе рукава, *Кіатъ-Ярганъ* и *Кукъ-Дарья*, отличающіеся отъ предъидущаго крутыми глинистыми берегами.

Талдыкъ, притокъ залива того же имени, въ который онъ 15 лѣтъ назадъ впадалъ восемью устьями, изъ которыхъ два были способны въ

полную воду впускать морскія суда, какъ доказалъ опытъ 1858 года. Рукавъ этотъ есть западная вѣтвь того большого раздвоенія, которое дѣлаетъ Оксъ у Кунграда, и имѣетъ пятьдесятъ саженъ ширины. Берега его не высоки, но круты, ибо почва состоитъ изъ глины и ила, легко дающихъ, при подмываніи, яры. Впрочемъ, верстахъ въ пятнадцати отъ моря, вся окрестная страна становится совершенною низменностью, едва возвышающеюся надъ уровнемъ водъ и потопляемою въ большіе разливы. Талдыкъ, по Бутакову, въ 1848—1849 годахъ имѣлъ при впаденіи въ море тоже столь быстрое теченіе, что сбивалъ съ ногъ людей, а въ 1858 году воды его засорились, дно было вязко и глубина на барѣ не превосходила полутора футовъ.

Ульхунъ-дарья есть восточная вѣтвь кунградскаго раздвоенія и, какъ показываетъ самое названіе (ульхунъ, значитъ «большая»), составляетъ, во мнѣніи туземцевъ, настоящее продолженіе Окса. Ширина ея измѣняется отъ 50 до 100 саженъ, а въ большую воду бываетъ отъ 120 до 150 саженъ. По ней въ 1858 году Бутаковъ поднимался до Кунграда на пароходѣ «Перовскій» и вездѣ, кромѣ ближайшихъ окрестностей Кунграда, гдѣ было всего четыре фута, находилъ глубины отъ 8 до 18 футовъ. Впрочемъ, это было въ полную воду. На половинѣ пути отъ Кунграда къ морю, Ульхунъ-дарья отдѣляетъ еще вправо рукавъ, *Казакъ-дарью*, который, нужно думать, отчасти соединяется съ Кукъ-узякомъ, отчасти вливается непосредственно въ море чрезъ устье, называемое *Джалпакомъ*.

Итакъ, принимая Ульхунъ-дарью за главное русло Окса, мы имѣемъ пять рукавовъ, отдѣляющихся отъ послѣдняго влѣво и три вправо, которые, развѣтвляясь въ свою очередь, даютъ въ суммѣ не менѣе пятнадцати устій открытыхъ и глухихъ къ сторонѣ Аральскаго моря, Сары-камыша, Айбугира и Даукары. Вся мѣстность этой естественной дельты, повторимъ, отличается низменностью, и если среди ея находятся небольшіе бугры, въ родѣ Кубатау, Мазлымъ-суфи и Тюбя-тау, то эти бывшіе островки прежняго Аральскаго моря теперь сильно обмыты водою и обращаютъ на себя вниманіе только потому, что лежатъ въ совершенной равнинѣ.

IV. *Аральское море.*

Приведенные факты исчерпываютъ большую часть тѣхъ топографическихъ подробностей, которыя заслуживаютъ вниманія при военномъ обзорѣ Аральскаго пограничнаго пространства. Остается

перейти къ самому Аральскому морю. Море это, какъ уже было замѣчено, хотя и лежитъ среди всѣхъ описанныхъ частей суши, однако не служитъ связующимъ ихъ звеномъ. Причинъ тому нѣсколько, но главнѣйшая состоитъ въ совершенной пустынности его береговъ, такъ что на нихъ нѣтъ, и повидимому не можетъ быть, постояннаго человѣческаго жилья. Затѣмъ слѣдуютъ: недостатокъ гаваней, трудность входа морскихъ судовъ въ устья Сыра и Аму-дарьи, дороговизна устройства и содержанія этихъ судовъ въ далекомъ и пустынномъ бассейнѣ и, наконецъ, опасности плаванія отъ вѣтровъ и прибрежныхъ отмелей. Слѣдующія подробности послужатъ къ уясненію и развитію всѣхъ сказанныхъ положеній.

Уровень Аральскаго моря, по опредѣленію Загоскина, Анжу и Дюгамеля, на 36, а по Струве на 48 футовъ выше уровня океана, и на цѣлые 120 (132 фута) выше Каспійскаго моря. Поверхность его равна 1,207 квадратныхъ миль при наибольшей длинѣ отъ Сары-чаганака до Ургу-муруна, въ 400 верстъ и ширинѣ въ 240 верстъ. Эти размѣры дѣлаютъ его однимъ изъ обширнѣйшихъ озеръ въ свѣтѣ, но не отнимаютъ озернаго характера, высказывающагося въ свойствахъ воды, отсутствіи приливовъ, непостоянствѣ вѣтровъ и бурливости. Наибольшая глубина моря достигаетъ 35 саженъ, и это у западнаго скалистаго берега; въ срединѣ же площади она равна лишь 15 саженямъ, а у восточнаго и южнаго береговъ постепенно переходитъ къ футамъ и дюймамъ, такъ что тутъ на многія версты можно уходить по морю въ бродъ и даже совсѣмъ остаться на сушѣ, если подуетъ довольно сильный вѣтеръ съ востока или съ юга. Судя по разсказамъ старыхъ киргизовъ, по показаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, по обнаженію изъ воды мелей, обращающихся въ острова, по прибрежнымъ утесамъ, подмытымъ волнами на высотѣ, до которой теперешнія волны не достигаютъ, и по береговымъ насыпямъ галекъ и песка, должно думать, что Аральское Море постепенно мелѣетъ, т. е. высыхаетъ отъ перевѣса испаренія надъ притокомъ воды изъ рѣкъ и изъ атмосферы. Однако, несмотря на замкнутость и сильное испареніе, оно доселѣ сохранило воду значительно менѣе соленую, чѣмъ въ океанѣ, такъ что животныя, напримѣръ верблюды и лошади, ее пьютъ. Островъ Кугъ-аралъ отдѣляетъ въ немъ сѣверную часть, иногда называемую малымъ моремъ и состоящую изъ заливовъ *Сары-чаганака*, *Перовскаго* и *Паскевича*. Здѣсь, именно въ заливѣ Перовскомъ, находится лучшая гавань сѣвернаго берега, *Чубаръ-тораузъ*, гдѣ на морскомъ берегу есть нѣсколько прѣсной воды, хотя окрестность

пустынна и большею частью песчана. Въ большомъ морѣ, т. е. на югѣ отъ Кугъ-арала, можно замѣтить заливы *Тще-басъ*, *Кумъ-суатъ*, *Сандалъ*, *Бикъ-тау*, *Туще-басъ*, *Иске-куръ-уюкъ* и наконецъ *Талдыкъ*. Но изъ нихъ только Туще-басъ годенъ для устройства гавани, имѣя достаточную глубину, закрытость и, главное, въ изобиліи прѣсную воду изъ впадающей въ него Джанъ-дарьи; остальныя же мелки. Впрочемъ, кромѣ Туще-баса и названнаго выше Чубаръ-торауза, есть на Аралѣ пристань, довольно удобная для судовъ: это именно у юго-восточной стороны полуострова *Куландовъ*, въ сѣверной части моря; но она едва-ли когда будетъ имѣть значеніе. То же можно сказать и про двѣ бухты, лежащія на островѣ *Николаѣ*, одномъ изъ такъ называемыхъ *Царскихъ*, котораго пустынная природа не позволяетъ надѣяться, чтобы здѣсь когда-либо возникла людская осѣдлость. Относительно прочихъ островов той же группы, а равно про Барса-Кильмасъ и про множество мелкихъ острововъ вдоль юго-восточнаго берега, между Сыръ и Аму-дарьей *), можно лишь замѣтить, что они не только не обезпечиваютъ пристанища для судовъ и не облегчаютъ ихъ плаванія по Аралу, но, напротивъ, затрудняютъ плаваніе, представляя у береговъ отмели; и если два изъ нихъ, Косъ-аралъ и Ермолова, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, то не въ морскомъ, а въ промышленномъ смыслѣ, какъ пункты для устройства рыбнаго лова на сосѣднихъ водахъ, т. е. вблизи устій Сыръ и Аму-дарьи. Распространенію господствующихъ въ Аральскомъ морѣ, и иногда начинающихъ дуть внезапно и съ большою силою, сѣверныхъ вѣтровъ они не могутъ препятствовать уже по самой низменности своей.

Еще недавно Аралъ соединялся на югѣ съ обширнымъ озеромъ или заливомъ, *Айбугиромъ*, который ограничивалъ дельту Аму-дарьи съ запада, и изображенъ на всѣхъ нашихъ картахъ по даннымъ 1858 г.; но въ послѣднее время оказалось, что озеро это совсѣмъ пересохло и даже мѣстами обращено въ воздѣланныя поля. Если гдѣ и осталась въ немъ вода, то посреди ея камышъ образуетъ такъ называемыя *крѣпи*, т. е. мѣста, гдѣ нѣтъ прохода ни сухопутно, ни въ лодкахъ, безъ особенныхъ усилій. Окрестности Айбугира уже описаны выше, и здѣсь остается лишь упомянуть, что въ средней его части, прилегающій съ запада

---

*) Существовавшій еще недавно противъ устья Аму-дарьи островъ Токмакъ-ата нынѣ слился съ сушею и обратился въ полуостровъ.

чинкъ нѣсколько отходитъ отъ берега и въ то же время становится отлогимъ и низкимъ. Но это лишь въ одной мѣстности между спусками Кара-Умбетъ и Каска-Джуль; далѣе къ югу, у Акъ-чеганака, онъ снова высокъ и крутъ.

Естественная производительность.

Такова поверхность Аральскаго пограничнаго пространства. Если мы теперь перейдемъ къ обзору его производительности, то прежде всего должны будемъ сказать, что она, вслѣдствіе крайней сухости климата, почти совершенно ничтожна. Исключеніе составляетъ Хивинскій оазисъ и могутъ составить нѣкоторые изъ прибрежій Яксарта. Все же остальное пространство съ давняго времени есть почти голая степь и такою, вѣроятно, останется навсегда, ибо на увеличеніе влажности воздуха въ Средней Азіи нѣтъ надежды. Его производительность въ общемъ итогѣ, т. е. на всей поверхности 12,000 квадратныхъ миль, можно приравнять производительности 110—120 кв. миль въ южной части Европейской Россіи и, быть можетъ, не болѣе 25—30 квадратныхъ миль въ Индіи. Впрочемъ, и тутъ есть своего рода послѣдовательность. Наиболѣе безотрадныя почти ничего не производящія степи суть Эмбенская, по лѣвому берегу р. Эмбы, Усть-Уртъ и потомъ равнины по обѣимъ сторонамъ Сыръ-дарьи, отъ Иргиза до Окса, тамъ, гдѣ почва ихъ солонцовая. Единственную и притомъ крайне рѣдкую растительность въ этихъ мѣстахъ составляютъ колючка, полынь, лебеда, дровяникъ, верблюжья трава и нѣсколько видовъ солянки. Пески на сѣверѣ и востокѣ отъ Аральскаго моря имѣютъ уже менѣе печальную, хотя бѣдную видами флору, ибо на нихъ попадается саксаулъ, особенно вдоль Сыръ-дарьи, гдѣ впрочемъ сильно истребленъ на топливо, кара-джузгунъ, острецъ и колючая трава. Тамъ, гдѣ песчаная, иловатая или глинистая, но не солонцовая степь подходитъ къ русламъ рѣкъ или ихъ рукавовъ, тамъ обыкновенно появляются камыши, которые, какъ уже упомянуто, въ изобиліи растутъ по низовьямъ Аму-дарьи, по Карaузяку на Сырѣ, по низовьямъ Урала и Эмбы. Камыши же покрываютъ взморья по сѣверному берегу Каспійскаго и по юго-восточному Аральскаго морей, а также почти сплошь Айбугиръ и нѣкоторыя другія озера. Они играютъ важную роль въ экономіи степей, ибо среди нихъ обыкновенно бываютъ зимнія стоянки киргизовъ; лѣтомъ они служатъ пристанищемъ кабановъ и

тигровъ, а, главное, безчисленнаго множества насѣкомыхъ, которыя дѣлаютъ пребываніе тутъ человѣка и стадъ невозможнымъ. На нижнемъ Уралѣ, съ удаленіемъ отъ дельты его къ сѣверу, камыши смѣняются въ долинѣ рѣки кустарникомъ и частью большими деревьями, главнѣйше ивнякомъ, осокорью, тополемъ, рѣже черемхой, боярышникомъ, шиповникомъ и т. п. Въ общемъ итогѣ, относительно степей можно замѣтить, а) что въ нихъ вовсе нѣтъ строевого лѣса; б) что единственное хорошее древесное топливо есть саксаулъ, встрѣчающійся далеко не вездѣ, такъ что, напримѣръ на низовья Эмбы, въ укрѣпленіе Масше нужно привозить топливо изъ Оренбурга и на одну перевозку затрачивать по 1,500 рублей ежегодно; в) что растительнымъ топливомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ служитъ еще камышъ, который однако даетъ мало жару и долженъ быть притомъ употребляемъ съ расчетомъ, ибо служитъ кочевникамъ для корма скота и для защиты отъ степныхъ бурановъ; г) что обычное въ степяхъ топливо, сухой скотскій пометъ, во многихъ мѣстностяхъ описанныхъ степей вовсе не находится, такъ какъ онѣ для пастбищъ скота негодны; д) что травянымъ кормомъ всѣ эти степи чрезвычайно бѣдны, не исключая даже мѣстъ, ближайшихъ къ рѣкамъ и озерамъ, и наконецъ е) что рѣдкія пашни находятся исключительно вблизи Сыръ и Аму-дарьи и притомъ въ мѣстностяхъ орошенныхъ искусственно, ибо естественное увлаженіе почвы, дождями, почти не имѣетъ мѣста.

Дельта Аму-дарьи, или Хивинскій оазисъ, представляетъ счастливое исключеніе изъ всего Аральскаго пограничнаго пространства. Можно сказать, что это есть среднеазіятскій Египетъ, подобно ему обязанный плодородіемъ разливамъ большой рѣки и труду человѣка. Растительность его совершенно культурная. Ее составляютъ древесныя породы: абрикосовыя, персиковыя, гранатовыя, фисташковыя и тутовыя деревья, сливы, яблони, айва, виноградъ, джида, вязъ и тополь; травянистыя: пшеница, рисъ, просо, джугара, ячмень, горохъ, чечевица, ленъ, конопля, хлопчатникъ, марена, кунджутъ, табакъ, лукъ, морковь, тыква, арбузы и дыни. Вся эта растительность поддерживается съ большимъ трудолюбіемъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даетъ превосходные плоды или обильную жатву. Такъ, арбузы и дыни хивинскіе славятся во всей Средней Азіи. Урожаи полевыхъ растеній бываютъ: джугары и проса самъ 300, риса самъ 35, чечевицы самъ 20—30, пшеницы самъ 12—14, гороху нѣсколько менѣе. Хлопчатникъ даетъ съ танапа ($^2/_5$ десятины) отъ 25 до 30 пудовъ чистой хлопчатой бумаги, впрочемъ хуже бухарской; табакъ—

25 пудовъ, виноградная лоза до 70 пудовъ изюму или кишмишу, любимаго среднеазіятскаго лакомства. Впрочемъ, урожаи находятся въ тѣсной зависимости отъ разливовъ Аму-дарьи, которые иногда бываютъ недостаточны для орошенія всѣхъ полей, а иногда, напротивъ, затопляютъ слишкомъ низкія мѣста и дѣлаютъ ихъ негодными для посѣвовъ. Все искуство хивинскаго земледѣльца и садовода въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть регулировать притокъ водъ и направлять его во-время на поля. Разливы же случаются три раза въ году. Первый обыкновенно въ февралѣ — незначительный, второй въ іюнѣ и іюлѣ—самый большой, соотвѣтствующій таянію снѣговъ на верховьяхъ Аму-дарьи, и третій въ концѣ августа или въ началѣ сентября отъ дождей въ Памирскомъ нагорьѣ. Второй разливъ есть самый важный для Хивы: съ нимъ соображаются въ большей части полевыхъ работъ; третій имѣетъ значеніе для посѣвовъ пшеницы. Уборка всѣхъ урожаевъ обыкновенно оканчивается въ половинѣ осени, ибо въ ноябрѣ уже начинаются морозы, которые къ концу мѣсяца сковываютъ Аму-дарью до февраля слѣдующаго года. Зима въ Хивѣ малоснѣжная, почва остается почти обнаженною, и потому растенія, которыхъ корни боятся морозовъ, не выдерживаютъ здѣшняго климата, какъ и тѣ, которыя, съ другой стороны, нуждаются во влажномъ, умѣренномъ лѣтѣ.

Фауна при-альпійскихъ равнинъ совершенно та же, что прикаспійскихъ и при-балхашскихъ, т. е. гораздо бѣднѣе и видами, и особями, чѣмъ сосѣднія нагорныя части Средней Азіи. Изъ четвероногихъ животныхъ мы встрѣчаемъ здѣсь въ дикомъ видѣ только тигровъ, степныхъ кошекъ, лисицъ, шакаловъ, волковъ, дикихъ козъ, куланов, дикихъ ословъ и зайцевъ, а прирученными лошадей, коровъ, овецъ, ословъ и верблюдовъ — всѣхъ въ количествѣ несравненно меньшемъ, чѣмъ въ гористой части Турана. Лошади здѣшнія раздѣляются на три породы: обыкновенную киргизскую, малорослую и притомъ малосильную отъ безкормицы, туркменскую и смѣшанную. Туркменскіе кони, или аргамаки, составляютъ роскошь мѣстныхъ богачей, а помѣсь отъ нихъ и отъ киргизскихъ кобылъ суть лучшіе походные кони по своей крѣпости. Овцы не только въ степяхъ, но и въ Хивинскомъ оазисѣ малочисленны, и притомъ не представляютъ породъ замѣчательныхъ ни по красотѣ шерсти, какъ въ сосѣднихъ бухарскихъ владѣніяхъ, ни по обилію сала, какъ въ степяхъ болѣе сѣверныхъ, сибирскихъ и оренбургскихъ. Рогатый скотъ также мелокъ и плохъ, да и держится не въ большомъ числѣ, главнымъ образомъ для полевыхъ

работъ каракалпаками и другими туземцами, а русскими на Сыръ-дарьѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, для молока и для мяса. Причиною бѣдности скотоводства служитъ крайняя скудость травъ. Самые верблюды, столь невзыскательные на пищу, въ при-аральскихъ степяхъ сравнительно малочисленны, кромѣ, впрочемъ, прибрежья Сыра. Порода ихъ здѣсь одногорбая и довольно сильная, такъ что грузъ отъ 16 до 18 пудовъ на каждаго есть нормальный.

Ни птицы, ни гады въ при-аральскихъ степяхъ не заслуживаютъ особеннаго вниманія, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ пользы или вреда человѣку. Изъ домашнихъ птицъ у туземцевъ Хивы есть почти одни куры, у русскихъ, кромѣ того, гуси и утки; изъ дикихъ предметовъ охоты служатъ утки же, фазаны, рябки, драхвы и т. п., для поимки которыхъ богатые среднеазіятцы иногда держутъ беркутовъ. Ящерицы и змѣи очень многочисленны въ степяхъ, особенно глинистыхъ, но всѣ онѣ мелкихъ породъ и, за исключеніемъ двухъ трехъ видовъ (Boa tatarica, Vipera berus), не опасны для человѣка. Также и черепахи, встрѣчаемыя въ Хивинскомъ ханствѣ, не служатъ предметомъ ни промысла, ни преслѣдованія. Напротивъ, рыбы Аральскаго моря и двухъ рѣкъ, въ него впадающихъ, имѣютъ немаловажное значеніе для мѣстнаго населенія, особенно для русскихъ и для каракалпаковъ по низовьямъ Аму-дарьи, да и для самыхъ хивинцевъ. Рыбы эти суть: шипы, стерляди, сазаны, язи, въ Эмбѣ даже по временамъ осетры, заходящіе сюда въ полноводье изъ Каспійскаго моря. Не говоря объ уральскомъ рыболовствѣ, котораго производители не принадлежатъ къ составу населенія описываемаго пространства, замѣтимъ, что и на аральскихъ водахъ рыбная ловля довольно обширна и могла бы быть еще значительнѣе, если бы за дѣло это взялись люди зажиточные, при помощи хорошихъ рыболовныхъ артелей. Что касается до мелкой рыбы, щукъ, лещей, облы, язей, окуней, головлей, то онѣ водятся почти во всѣхъ водахъ степи, несмотря на то, что эти воды часто, какъ напримѣръ въ рѣкѣ Иргизѣ, солоноватыя. Но заготовленіе рыбы въ прокъ мало развито въ цѣломъ краѣ и вывозъ ея вдаль отъ мѣстъ улова весьма незначителенъ. Раки, очень многочисленные въ низовьяхъ Аму-дарьи, также остаются исключительно для мѣстнаго потребленія.

Сухія части степей, особенно глинистыхъ, обильны фалангами, скорпіонами и тарантулами; долины рѣкъ и озеръ, поросшія камышами, содержатъ въ себѣ огромное число насѣкомыхъ, преимуще

ственно комаровъ и слѣпней. Саранча и кобылка нерѣдко появляются въ большомъ количествѣ и быстро уничтожаютъ посѣвы и зелень. Шелковичный червь, разводимый въ южныхъ частяхъ Хивинскаго ханства, дѣятельностью своею далеко не вознаграждаетъ вреда, причиняемаго другими насѣкомыми.

Минеральныя богатства всего при-аральскаго пограничнаго пространства совершенно ничтожны. Каменнаго угля, столь необходимаго для замѣны недостающаго дровяного топлива, доселѣ ненайдено, и для пароходовъ аральской флотиліи приходилось доставлять донской антрацитъ, по цѣнѣ до 2 руб. с. пудъ, пока наконецъ не отыскали угля въ гористыхъ частяхъ Сыръ-дарьинской области, на правомъ берегу Сыра. Рудъ никакихъ неизвѣстно ни въ степи, ни въ Хивинскомъ оазисѣ, хотя горы Шейкъ-джели, быть можетъ, содержатъ ихъ. Доселѣ въ горахъ этихъ найденъ только мраморовидный известнякъ, но онъ мало употребляется въ дѣло, хотя могъ бы давать по крайней мѣрѣ известку, въ которой встрѣчается недостатокъ по городамъ и селеніямъ на Яксартѣ и Оксѣ.

Такая бѣдность во всемъ, что нужно для жизни, есть отличительная черта при-аральскихъ равнинъ. Она-то, главнымъ образомъ, имѣлась въ виду при опредѣленіи границъ страны, подлежащей описанію; ибо степи, на сѣверъ отъ разсмотрѣнныхъ, какъ ни пустынны, все же гораздо богаче ихъ и могутъ быть принимаемы за нѣчто отъ нихъ постороннее. Ихъ взаимное отношеніе ближе всего опредѣлить словами: «театръ дѣйствій» и «базисъ», причемъ отличительнымъ свойствомъ перваго будетъ необходимость заготовить все нужное для войскъ на второмъ и потомъ возить при себѣ въ обозѣ. При такихъ качествахъ при-аральскаго театра войны, понятно, получаютъ особенную важность тѣ пути, по которымъ, волею-неволею, приходится двигать войска, а потому мы и остановимся на вопросѣ объ этихъ путяхъ.

Способъ сообщеній.

Сообщенія различныхъ частей края между собою и съ сосѣдними частями Средней Азіи поддерживаются: обычною у кочевниковъ верховою ѣздою по всѣмъ направленіямъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при распространеніи любопытныхъ новостей, киргизы дѣлаютъ по 120 и болѣе верстъ въ день; вьючными транспортами или караванами изъ верблюдовъ и частію

изъ ословъ во всѣхъ степяхъ, со скоростью отъ 25 до 40 верстъ въ день, и также по всевозможнымъ направленіямъ, среди которыхъ, однако, обозначились нѣкоторые болѣе торные пути, особенно при спускахъ съ Усть-Урта на низменность; упряжной ѣздой, на колесахъ, по почтовому тракту изъ Оренбурга въ Ташкентъ и частію по хивинскимъ владѣніямъ, и наконецъ судоплаваніемъ по Сыръ и Аму-дарьѣ и по Аральскому морю, причемъ въ русскихъ владѣніяхъ для этого служатъ пароходы и баржи, а въ хивинскихъ плоскодонныя лодки.

Сухопутныя караванныя и телѣжныя дороги заслуживаютъ вниманія прежде другихъ, такъ какъ по нимъ совершается торговое движеніе между Хивою и Европейскою Россіей и по нимъ же, конечно, въ случаѣ необходимости, могутъ быть направлены войска. Но какъ степи, въ строгомъ смыслѣ, проходимы повсюду, кромѣ мѣстъ покрытыхъ соляными грязями и подъемовъ на чинкъ, то подъ именемъ дорогъ въ настоящемъ описаніи будутъ разумѣться одни направленія отъ урочища къ урочищу, а не опредѣленныя полосы земли или дорожное полотно. Въ степи движенія большихъ транспортовъ и дѣлаются не иначе, какъ въ нѣсколько рядовъ, идущихъ по одному направленію, и это-то направленіе есть караванная *дорога*. Буквальный же смыслъ послѣдняго слова примѣнимъ лишь къ путямъ, проходящимъ по дефиле, но ихъ на аральскомъ пограничномъ пространствѣ встрѣчается очень немного. *Направленія*, заслуживающія особеннаго вниманія въ военномъ отношеніи, суть слѣдующія:

1) *Отъ станицы Сарайчиковой*, т. е. съ нижняго Урала, *въ Хиву*, болѣе 1,000 верстъ. Это самый древній изъ всѣхъ извѣстныхъ русскимъ путей въ Хиву, путь, по которому шли не только Бековичъ-Черкасскій въ 1717 году, но еще атаманъ Нечай въ XVII вѣкѣ. Онъ направляется отъ Сарайчикова на низовья Сагиза (около 100 верстъ), оттуда на нижнюю Эмбу и на чинкъ у мыса Мынъ-су-алмазъ, потомъ діагонально по Усть-Урту къ урочищу Кушъ-булакъ, сѣвернѣе Барса-кильмаса, гдѣ раздвоается. Одна вѣтвь ведетъ восточнѣе Барса-кильмаса къ мысу Ургу-муруну на берегу Аральскаго моря и оттуда въ Кунградъ; другое направленіе западнѣе Барса-кильмаса къ бывшему заливу Акъ-Чеганакъ и оттуда черезъ Куня-Ургенчъ въ Хиву. Послѣднее направленіе прослѣжено въ 1841 году Никифоровымъ, при возвращеніи его изъ Хивы; сѣверная же половина сарайчиковской дороги была, кромѣ того, осмотрѣна въ 1826 году полковникомъ Бергомъ, ко-

торый тутъ потерялъ болѣе 1,000 лошадей, и притомъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о пути не могъ дать, потому что прошелъ его въ зимнее время, когда степь представляла однообразную снѣжную равнину. Нынѣ мы знаемъ, что эта дорога весьма неудобна по безводью на Усть-Уртѣ, безплодью его и при-эмбенской степи, а наконецъ по обилію грязей на низовьяхъ Сагиза. Караваны по ней давно не ходятъ, да и вообще движенія мало. На ней-то, или даже въ сторонѣ отъ нея, возникло въ 1871 году Нижне-Эмбенское укрѣпленіе, всего въ 190 верстахъ отъ Сарайчиковой и не менѣе какъ въ 650 верстахъ отъ хивинскихъ предѣловъ. Отъ Оренбурга, чрезъ укрѣпленіе Уильское, Нижнюю Эмбу и подъемъ Мынъ-су-алмазъ до Хивы не менѣе 1,450 верстъ, изъ которыхъ только на первыхъ 250 верстахъ есть сносные кормы, вода и топливо.

2) *Изъ Оренбурга въ Хиву* черезъ верхнюю Эмбу. Дорога эта идетъ сначала вверхъ по Уралу и Бердянкѣ, потомъ переходитъ въ долину Илека, по которой и тянется до укрѣпленія Акъ-Тюбинскаго, въ 220 верстахъ отъ Оренбурга. Здѣсь она обильна водой и кормами, что продолжается еще верстъ на 80, до перевала изъ бассейна Илека на рѣку Темиръ, притокъ Эмбы. Но со вступленіемъ въ при-эмбенскую степь обстоятельства измѣняются, особенно же послѣ перехода черезъ Эмбу, на 452 верстѣ отъ Оренбурга, у бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія, построеннаго въ 1839 году для облегченія хивинскаго похода. Отсюда подробные маршруты безпрестанно показываютъ: «корму очень мало», «воды въ колодцахъ немного», «корму нѣтъ вовсе» и т. д. Подъемъ на Усть-Уртъ и самое приближеніе къ Аральскому морю не улучшаютъ свойствъ пути, дѣлающагося очень труднымъ для значительныхъ карavановъ, которые поэтому иногда слѣдуютъ гораздо западнѣе, именно черезъ пески Самъ, для чего и поворачиваютъ отъ рѣки Темира на юго-западъ и вступаютъ на Усть-Уртъ по оврагу Тще-айрыкъ. Дорога же прямо на югъ отъ бывшаго Эмбенскаго укрѣпленія идетъ или вдоль оврага Асю-Тасты, или еще восточнѣе, по широкому подъему Джитау. Отъ урочища Актыкенды, въ 832 верстахъ отъ Оренбурга, дорога вступаетъ на гребень чинка, сосѣдняго Аральскому морю; здѣсь обыкновенно водопои лежатъ на обрывѣ чинка и скотъ для пойла сгоняется внизъ. Такъ путешественники достигаютъ до Айбугира (1,064 версты) и отсюда слѣдуютъ либо черезъ Кунградъ, либо чрезъ Куня-Ургенчъ, т. е. поперекъ или въ обходъ Айбугирскаго озера. По

послѣднему направленію, болѣе короткому, отъ Хивы до Оренбурга 1,395 верстъ.

3) *Отъ Орска до Казалинска*, черезъ Карабутакъ и Иргизъ, по почтовой дорогѣ, 739 верстъ. Дорога эта бѣднѣе кормами, чѣмъ лежащія болѣе къ западу, но представляетъ кратчайшее разстояніе между русскими осѣдлостями на Уралѣ и Сыръ-дарьѣ. Притомъ она проходитъ чрезъ два укрѣпленія, которыя до извѣстной степени могутъ служить этапами для войскъ, если не для транспортовъ; послѣдніе не найдутъ тутъ запасовъ корма скоту. Къ сожалѣнію, въ предѣлахъ Тургайской области, почтовый трактъ этотъ доселѣ не имѣетъ порядочныхъ станцій, съ навѣсами, гдѣ бы можно было укрываться отъ мятелей и отогрѣваться зимою. Въ южной же части, т. е. въ предѣлахъ Туркестанскаго края, станціи устроены порядочно, и отъ того путешествіе здѣсь не такъ утомительно, несмотря на то, что дорога все время идетъ по пескамъ Каракумъ.

4) Дороги *отъ Казалинска въ Хиву*, по восточную сторону Аральскаго моря, служатъ какъ бы продолженіемъ предыдущей и проходятъ большею частью песками. Ихъ нѣсколько; лучше другихъ извѣстны пути Муравина въ 1741 году, Никифорова въ 1841 и Мейера въ 1861 году. Всѣ они представляютъ то важное преимущество передъ дорогами по западной сторонѣ Арала, что по нимъ отъ нашихъ осѣдлостей до Хивы разстоянія на нѣсколько сотъ верстъ меньше, и кромѣ того кормъ, вода и топливо есть почти повсюду, хотя и въ столь малыхъ количествахъ, что движеніе большихъ отрядовъ, даже эшелонами, весьма неудобно. Ближайшія къ морю дороги суть Копъ-джолъ и Кизекъ-джолъ, извѣстныя впрочемъ лишь по картѣ Мейера; затѣмъ слѣдуетъ путь Муравина, чрезъ Джанкентъ, Китай и Гурленъ до Хивы—723 версты, и наконецъ путь Никифорова, ведущій къ Хивѣ черезъ Кипчакъ и имѣющій длины до 770 верстъ. Трудность прохода въ Хивинскій оазисъ по всѣмъ этимъ путямъ заставила въ послѣдніе годы обратить вниманіе на дорогу вдоль Яны-дарьи. Эта дорога

5) *отъ Перовска чрезъ Иркибай* изслѣдована при неоднократныхъ движеніяхъ нашихъ отрядовъ въ 1868 — 1870 годахъ, но оказалась не лучше всѣхъ предыдущихъ. Конечно, она обезпечиваетъ для ѣдущихъ по ней воду изъ Джаны-дарьи; но какъ неудобно слѣдить за всѣми изгибами послѣдней и берега ея нерѣдко совершенно безплодны, то даже въ части отъ Перовска до озера Кучка-тенгисъ путь этотъ мало пригоденъ для большихъ отря-

довъ и каравановъ. Далѣе же отъ Кучка-тенгиса къ Дау-карѣ путь совершается степной и притомъ мало изслѣдованный. Приблизительно отъ Перовска до Хивы, через Иркибай и Дау-Кару, 750 верстъ.

6). Всѣ дороги *въ Хивинскій оазисъ отъ среднихъ частей Сыръ-дарьи*, между Перовскомъ и Ходжентомъ, изображенныя напр. на рукописной распросной картѣ г. Терентьева, представляются крайне неудобными для движенія каравановъ и войскъ, по скудости воды и кормовъ. Сами киргизы кочуютъ здѣсь только малыми и рѣдкими аулами. Вслѣдствіе этого, въ 1871 году была сдѣлана попытка пройдти чрезъ Кизылъ-кумы отъ Джизака на западъ и сѣверо-западъ. Этотъ путь также оказался безплоднымъ; но какъ онъ кратчайшій для войскъ Туркестанскаго края, то и пройденъ большимъ отрядомъ 1873 г., впрочемъ съ потерею ²/₃ верблюдовъ. Наиболѣе же удобная дорога въ Хиву ведетъ черезъ Бухару и Каракуль къ Чарджую и Ходжа-испе на Аму-дарьѣ, и потомъ по этой рѣкѣ; но очевидно, что этотъ путь недоступный для насъ, пока признается политическая независимость Бухарскаго ханства. Притомъ и здѣсь нужно имѣть въ виду, что изъ 800-верстнаго разстоянія отъ Самарканда до Хивы около 500 приходится на степи, да еще занятыя туркменами, т. е. самыми безпокойными въ Средней Азіи хищниками.

Таковы сухопутныя сообщенія южныхъ окраинъ нашихъ средне-азіятскихъ владѣній съ Хивою. Разсмотрѣніе ихъ несомнѣнно доказываетъ, что ничтожное само по себѣ Хивинское ханство могло почти безнаказанно вредить намъ высылкою и поддержкою хищниковъ въ наши предѣлы, захватомъ въ плѣнъ людей, грабежомъ каравановъ и проч., что оно и дѣлало съ давняго времени. Эта труднодоступность Хивы, какъ уже было замѣчено, составляла ея дѣйствительную силу. Чтобы не бороться съ ней понапрасну, при самомъ утвержденіи нашемъ на Сыръ-дарьѣ въ 1847 — 1853 годахъ, было предложено воспользоваться Аральскимъ моремъ для устройства водяныхъ сообщеній, которыя гораздо удобнѣе сухопутныхъ и могутъ, при нуждѣ, въ самый короткій срокъ дать возможность сдѣлать высадку нашихъ войскъ въ дельтѣ Аму-дарьи. Это, до извѣстной степени, и возможно; но слѣдующіе факты показываютъ, что водяной путь также имѣетъ свои недостатки.

Сѣверный берегъ Аральскаго моря, какъ уже сказано, совершенно пустыненъ; слѣдовательно, онъ никакъ не можетъ служить базою для нашихъ дѣйствій. За исключеніемъ Чубаръ-торауза онъ

не имѣетъ даже ни одной гавани, гдѣ бы можно было собрать войска, запасы и перевозочную флотилію. Поэтому нужно принять за базу для дѣйствій съ моря рѣку Сыръ-дарью, точнѣе городъ Казалинскъ, лежащій на низовьяхъ ея, въ 740 верстахъ отъ береговъ Урала и въ 920 верстахъ отъ Ташкента, двухъ мѣстностей, гдѣ собственно могутъ дѣлаться нужныя заготовки. Предполагая даже, что возможныя тутъ затрудненія отъ перевозки тяжестей, топлива для пароходовъ и пр. преодолѣны, остается еще побороть важныя препятствія, поставляемыя природою: бары или мели въ устьяхъ Сыръ и Аму-дарьи. Для такого дѣла требуется много мелкихъ, частію плоскодонныхъ, судовъ, которыхъ заготовленіе нелегко *) и которыя, однако, негодны въ открытомъ морѣ. Затѣмъ, когда высадка на южный берегъ Аральскаго моря сдѣлана, является новая надобность въ сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ, лошадяхъ и верблюдахъ, безъ которыхъ нельзя идти внутрь страны. Стоитъ только мѣстнымъ жителямъ отогнать скотъ отъ морскихъ береговъ, и для экспедиціи возникнетъ не мало заботъ. Предполагать же высадку прямо внутри страны, напримѣръ у Кунграда, куда достигали наши суда въ 1859 г., не всегда можно уже потому, что такая высадка удобна лишь въ полноводье, съ прекращеніемъ котораго водяное сообщеніе отряда съ базою можетъ прекратиться совсѣмъ. И однако морской путь и дорога черезъ Бухару и Ходжаиспе суть лучшія направленія для военныхъ предпріятій противъ Хивы. Послѣдняя, т. е. бухарская дорога представляетъ еще ту выгоду, что одно занятіе среднихъ частей Аму совершенно уединяетъ Хиву и лишаетъ ее подвоза нужныхъ военныхъ средствъ съ верховій этой рѣки.

Населеніе.

При предположеніи военныхъ дѣйствій съ Хивою и при оцѣнкѣ ведущихъ въ нее путей, главнымъ образомъ съ стратегической точки зрѣнія, естественно возникаетъ вопросъ: почему эта точка зрѣнія есть важнѣйшая и даже какъ бы единственная, заслуживающая, вниманія? Отчего, напримѣръ, невозможно *мирное* вліяніе на

*) За недостаткомъ лѣса на Сыръ-дарьѣ, всѣ деревянныя вещи доставляются туда издалека, нерѣдко на вьюкахъ; всѣ желѣзныя исключительно на вьюкахъ же изъ Оренбурга, съ платою за пудъ клади отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 70 к.

Хиву, посредствомъ установленія большихъ торговыхъ сношеній съ нею, что успокоило бы наши при-аральскія окраины столь же хорошо, какъ и самое завоеваніе ханства, избавивъ, въ то же время, отъ трудностей и издержекъ войны и военнаго занятія края? Отвѣтомъ на послѣдній изъ этихъ вопросовъ можетъ служить тотъ фактъ, что Хива есть страна варварская, съ которою всякое миролюбивое сближеніе доселѣ не удавалось, и что притомъ она экономически неразвита, даже бѣдна, такъ что большихъ торговыхъ связей съ нею установить нельзя. Что же касается до перваго вопроса, т. е. до политической неизбѣжности нашихъ столкновеній съ Хивою, то рѣшеніе его *) съ совершенною ясностью вытекаетъ изъ слѣдующаго разбора состава, быта и политическихъ отношеній мѣстнаго населенія на всемъ при-аральскомъ пограничномъ пространствѣ.

1) Господствующее, по числу и по обширности занятыхъ земель, племя есть *киргизы*. Они кочуютъ на западѣ, сѣверѣ и востокѣ отъ Аральскаго моря и иногда подходятъ къ южнымъ его частямъ. Но далеко не всѣ киргизы держатся постоянно въ предѣлахъ описываемаго пространства, а, напротивъ, уходятъ изъ него каждое лѣто, преимущественно на сѣверъ, въ предѣлы оренбургскихъ степей, отчасти же на востокъ, въ Каратаускія горы. На Сыръ-дарьѣ и ея рукавахъ въ это время остаются лишь очень немногіе бѣдняки, *егинчи*, для обработки полей; пески же Кизылъ-кумъ и Кара-кумъ, при-эмбенская степь и Усть-Уртъ почти совершенно пустѣютъ, такъ какъ отъ солнца трава выгораетъ на нихъ еще въ маѣ, колодцы становятся очень бѣдны водою, а вблизи озеръ и рѣкъ пребываніе дѣлается мучительнымъ отъ множества насѣкомыхъ.

Киргизы при-аральскаго пространства вообще бѣднѣе прочихъ своихъ одноплеменниковъ, и потому больше ихъ склонны къ хищничеству. Сосѣдство Хивы, которая имѣетъ естественный расчетъ поддерживать въ нихъ эту склонность, дѣлаетъ ихъ еще болѣе безпокойными, а слабость русской колонизаціи въ краѣ не позволяетъ надѣяться на скорое окончательное успокоеніе кочевниковъ.

Въ политическомъ отношеніи, масса киргизскаго населенія распадается на три части: подданныхъ Россіи, Бухары и Хивы. Огромное большинство, конечно, принадлежитъ къ первой категоріи; но еще не малое число остается и за средне-азіятскими ханствами. Точнаго указанія, какіе именно пригр аничные роды и подроды подчинены какому государству, сдѣлать нельзя, какъ нельзя обозначить и

*) Нынѣ, т. е. въ іюнѣ 1873 г., уже состоявшееся въ самой категорической формѣ.

границъ самихъ государствъ; а потому остается перечислить, по крайней мѣрѣ, тѣ роды и волости, которые офиціяльно признаются нашими подданными и вносятъ кибиточную подать въ нашу казну. Киргизы эти принадлежатъ къ Мангышлакскому приставству, уѣздамъ Гурьевскому, Эмбенскому, Иргизскому, Казалинскому, Перовскому, Туркестанскому, Чемкентскому и Ходжентскому.

Киргизы *Мангышлакскаго приставства,* по преимуществу адаевцы, состоятъ въ вѣдѣніи проживающаго въ фортѣ Александровскомъ пристава изъ русскихъ офицеровъ и наиба изъ мусульманскихъ уроженцевъ Кавказа, съ тремя помощниками. Такимъ образомъ, эта часть степного населенія у насъ одна изъята изъ-подъ дѣйствія общаго степного положенія, въ силу котораго киргизы раздѣляются на волости и сами избираютъ своихъ старшинъ, аульныхъ и волостныхъ, подвѣдомственныхъ прямо русскимъ чиновникамъ. Составъ участковъ, управляемыхъ помощниками наиба, слѣдующій:

Первый участокъ: отдѣленія Баинбстово, Джимилеево, Джавліево и Туркменъ-Адаево; подъ-отдѣленія Бяли, Теней и Джаманъ-Адай.

Второй: отдѣленіе Тобушево, подъ-отдѣленія Аль-Мамбетъ, Бегей и Чегемъ, родъ Бершовъ.

Третій — верхне-адаевцы отдѣленій Кыркъ-Малтукова, Ахпанова, Беликчіева, Купанъ-Урусова и Туркменъ-Адаева (Байбулъ).

Число киргизовъ, подвѣдомственныхъ мангышлакскому начальству, простирается до 7,203 кибитокъ*), т. е. до 36,000 душъ; но еще въ 1869 году оно превышало 9,000 кибитокъ или 45,000 душъ. Разница произошла отъ перехода нѣкоторыхъ волостей въ хивинскіе предѣлы вслѣдъ за возстаніемъ, которое было слѣдствіемъ недовольно осторожнаго введенія у адаевцевъ степного положенія. До самаго послѣдняго времени мангышлакскіе киргизы, особенно кочующіе на Усть-Уртѣ, сохранили много связей съ Хивою, и потому по временамъ принимали участіе въ мелкихъ хищничествахъ къ сторонѣ орско-казалинскаго тракта, вызывая тѣмъ съ нашей стороны высылку отрядовъ къ сѣверной окраинѣ Усть-Урта и въ пески Барсуки. Съ 1869 года, впрочемъ, они, наравнѣ съ другими степными, платятъ по 3 р. 50 к. съ юрты, и притомъ безъ недоимокъ. До половины лѣта 1872 года не было слышно и о ихъ шалостяхъ.

---

*) Въ 1871—72 годахъ было даже меньше, потому что часть адаевцевъ уходила въ хивинскіе предѣлы.

но потомъ, подстрекаемые Хивою, они позволяли себѣ нѣкоторые безпорядки.

Киргизы *оренбургскаго вѣдомства*, т. е. уѣздовъ Гурьевскаго, Эмбенскаго и Иргизскаго, принадлежатъ всѣ къ такъ называемой Малой Ордѣ, именно къ родамъ Адаевскому, Дюрткаринскому, Кинтинскому, Табынскому, Тазларскому, Таминскому, Телякову, Унжаевскому, Черкесскому, Чимлинскому, Чумкейскому и Чумичли Табынскому. Всѣ они, числомъ до 200,000, организованы въ волости и управляются на основаніи степного положенія 1869 года. Но пребываніе ихъ въ описываемомъ пространствѣ очень непостоянно, и можно даже сказать, что для большинства ихъ оно служитъ лишь переходнымъ во время осеннихъ и весеннихъ перекочевокъ. Киргизы, напримѣръ Иргизскаго уѣзда, больше привязаны къ берегамъ Тобола и Сыръ-дарьи, чѣмъ къ территоріи этого уѣзда. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что у оренбургскихъ киргизовъ есть два главныхъ направленія для перекочевокъ: въ Уральской области каждую весну отъ береговъ Каспійскаго моря внутрь страны, т. е. на сѣверо-востокъ, а въ Тургайской отъ Сыръ-дарьи на Тоболъ, т. е. прямо на сѣверъ. Осенью движеніе идетъ въ обратномъ направленіи, и зимою камыши по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей, по Сыру и по нѣкоторымъ озерамъ бываютъ наполнены юртами. Оренбургскіе киргизы, особенно на описываемомъ пространствѣ, вообще менѣе освоились съ русской гражданственностью, чѣмъ, напримѣръ, сибирскіе и даже туркестантскіе (семирѣченскіе), а потому поддержаніе между ними порядка требуетъ еще нѣкотораго участія военной силы, въ видѣ наблюдательныхъ отрядовъ. Впрочемъ, въ последнее время это должно разумѣть почти исключительно про номадовъ Уральской области. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы оренбургскія начальства издавна не держались ложной системы, вмѣсто водворенія въ степи русскихъ колоній держать тамъ подвижные военные отряды, которые относились къ киргизамъ слишкомъ по-казачьи, то всякая забота объ «умиротвореніи» кочевниковъ была бы теперь совершенно излишнею.

Киргизы *сыръ-дарьинскіе* еще очень недавно находятся въ русскомъ подданствѣ, но уже во многомъ успѣли освоиться съ порядками, заведенными нами. Этому, конечно, много способствовала ихъ давнишняя близость къ осѣдлостямъ по Сыръ-дарьѣ и еще болѣе собственная привычка къ земледѣлію, безъ котораго они не могутъ жить. Конечно, воздѣлываніе полей, ихъ орошеніе, уборка хлѣба и прочее лежитъ на одномъ бѣднѣйшемъ классѣ народа,

егиничахъ; но таково экономическое и даже физіологическое значеніе земледѣлія, что сыръ-дарьинскіе киргизы теперь гораздо способнѣе къ дальнѣйшему развитію, чѣмъ сосѣдніе оренбургскіе. Пашни по Сыру, Кувань-дарьѣ и Яны-дарьѣ расширяются съ каждымъ годомъ, и если отказаться отъ судоходства по Яксарту, то, безъ сомнѣнія, дельта его скоро обратится въ такой же большой плодородный оазисъ, какъ дельта Аму-дарьи. Киргизы здѣсь знакомы даже съ водоподъемными машинами, которыя бываютъ особенно нужны въ тѣхъ случаяхъ, когда почва полей лежитъ выше уровня самыхъ большихъ рѣчныхъ водъ, потребныхъ для орошенія. Въ двухъ только уѣздахъ, Перовскомъ и Казалинскомъ, ими засѣяно было въ 1870 году болѣе 7,500 четвертей разнаго хлѣба, что дало до 75,000 четвертей урожая, а быть можетъ и больше. Въ связи съ успѣхами земледѣлія находится и развитіе скотоводства, которое особенно обширно въ уѣздахъ Перовскомъ и Казалинскомъ, гдѣ, вѣроятно, найдется до 100,000 верблюдовъ, до 200,000 лошадей и до 2,000,000 овецъ *). Киргизы, кочующіе въ предѣлахъ этихъ двухъ уѣздовъ, а равно и за-дарьинскихъ частей, Туркестанскаго и Чемкентскаго, всѣ почти организованы въ волости, числомъ 25; но эта организація еще не приведена въ окончательный видъ, такъ какъ въ отдаленныхъ частяхъ Кизылъ-кумовъ еще есть аулы, не внесенные въ списки. Общую цифру придарьинскихъ киргизовъ можно опредѣлить въ 260,000 душъ, не считая населенія праваго берега Сыра въ Туркестанскомъ и Чемкентскомъ уѣздахъ. Но значительная часть этого населенія укочевываетъ лѣтомъ на сѣверъ, въ оренбургскія степи. Большое число скота и въ частности верблюдовъ даетъ этимъ киргизамъ возможность заниматься перевозкой и чужихъ тяжестей, т. е. товаровъ, въ Троицкъ и Оренбургъ, а потому они имѣютъ немаловажные заработки, изъ которыхъ и уплачиваютъ казенныя подати.

Сводя теперь изложенныя свѣдѣнія о русскихъ киргизахъ приаральской окраины, мы видимъ, что число ихъ простирается до 496,000 душъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ 16,000 квадратныхъ миль, что даетъ едва по 31 человѣку на квадратную милю, и то не во всякое время года. Такая рѣдкость, такая раз-

*) Данныя о скотоводствѣ вообще разнорѣчивы и не только въ различныхъ изданіяхъ, напр. въ Статистическомъ Временникѣ и въ Туркестанскомъ Ежегодникѣ, но даже на страницахъ одного и того же изданія, какъ напримѣръ Туркестанскаго Ежегодника.

бросанность населенія, при пустынности страны, дѣлаетъ очень труднымъ наблюденіе за киргизами и вызываетъ, вопреки экономическимъ расчетамъ, содержаніе войскъ тамъ, гдѣ собственно отъ внѣшняго непріятеля край вполнѣ безопасенъ.

О киргизахъ бухарскихъ и хивинскихъ сколько-нибудь опредѣлительныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется, хотя, конечно, мы знаемъ, что они ведутъ тотъ же образъ жизни, что и наши. По словамъ Килевейна, въ 1858 году, въ подданствѣ Хивы считалось до 10,000 душъ, кочевавшихъ главнымъ образомъ у озера Дау-кары. Но есть еще киргизы, подданные Хивы, и на западѣ отъ Аральскаго моря.

2) Къ киргизамъ, по происхожденію и образу жизни, примыкаютъ *каракалпаки*, которые кочуютъ по сѣверной части Хивинскаго ханства, вблизи Аральскаго моря, озера Дау-кары и городовъ Кунграда, Ходжейли и Кипчака. Число ихъ, по Данилевскому, простиралось въ 1843 г. до 8,000 кибитокъ, т. е. 40,000 душъ, по Вамбери въ 1863 до 10,000 кибитокъ = 50,000 душъ, а по Килевейну въ 1859 г. только до 15,000 душъ. Весьма вѣроятно, что послѣдняя цифра ближе всѣхъ къ истинѣ, потому что часть каракалпаковъ ушла изъ Хивы въ Бухару. Люди заняты столько же хлѣбопашествомъ, сколько скотоводствомъ и рыболовствомъ; платятъ зякетъ Хивѣ и обязаны ей же военною службою; раздѣляются на нѣсколько отдѣленій, управляемыхъ каждое особымъ начальникомъ, подъ вѣдѣніемъ хивинскаго кушъ-беги. Составляя остатокъ болѣе многочисленнаго народа, который въ XVII вѣкѣ игралъ немаловажную роль въ туранскихъ степяхъ, они въ настоящее время являются самыми загнанными изъ всѣхъ среднеазіятскихъ номадовъ, и потому не любятъ хивинцевъ, своихъ притѣснителей. Неоднократно они бунтовались; одинъ изъ такихъ бунтовъ былъ въ 1860 году.

3) Болѣе значительную, и даже по временамъ очень важную, роль въ Хивѣ играютъ *туркмены*. Эти номады держатся по степямъ, прилегающимъ къ Хивинскому оазису съ юга, а отчасти и среди самаго оазиса, въ степныхъ полосахъ между каналами. По свидѣтельству Вамбери, позднѣйшему изъ всѣхъ извѣстныхъ, хивинскіе туркмены принадлежатъ къ двумъ главнымъ родамъ: Іомудовъ и Чоудоровъ. Первые живутъ на пространствѣ отъ Куня-Ургенча до Казавата, вторые западнѣе перваго города, по Сокраку и на Усть-Уртѣ. Данилевскій въ свое время упоминалъ еще о родахъ Ерсари, Кара-дашлы и Гоклень, какъ имѣвшихъ своихъ представителей въ предѣлахъ Хивинскаго оазиса; по Вамбери го-

воритъ, что Гокленовъ очень мало, а о двухъ другихъ родахъ не упоминаетъ совсѣмъ, вѣроятно потому, что они кочуютъ болѣе въ предѣлахъ Бухарскаго ханства. Впрочемъ, всѣхъ вообще туркменовъ можно считать до извѣстной степени связанными съ Хивою, потому что они сбываютъ туда произведенія своего скотоводства и предметы, награбленные въ Персіи, и запасаются тамъ хлѣбомъ. Изъ нихъ же ханъ, главнѣйше, составляетъ свои ополченія.

Взявъ въ расчетъ только тѣхъ туркменовъ, которые живутъ около самаго Хивинскаго оазиса и которыхъ число, разумѣется, достигаетъ лишь немногихъ тысячъ, мы получимъ, что все кочевое населеніе описываемаго пространства достигаетъ, maximum, 550,000 душъ.

4) Переходя отъ кочевого населенія къ осѣдлому и начиная опять съ сѣвера, мы должны прежде всего сказать о *русскихъ*, которые живутъ на Масше, Эмбенскомъ постѣ, въ Иргизѣ, Казалинскѣ, Усть-Караузякѣ, Перовскѣ и Джулекѣ; на ряду съ ними можно еще поставить Тургай, Карабутакъ, Акъ-Тюбинское и Уильское укрѣпленія въ глубинѣ оренбургской степи, близъ описываемой окраины, хотя сѣвернѣе ея. Всѣ названные здѣсь одиннадцать пунктовъ суть степныя укрѣпленія, служащія опорою нашей власти въ степи и потому населенныя преимущественно военными; но два изъ нихъ, именно Казалинскъ и Перовскъ, имѣютъ, кромѣ того, нѣкоторое промышленное значеніе. Общее число русскихъ во всѣхъ одиннадцати пунктахъ не превосходитъ 12,000 душъ; изъ нихъ около половины сосредоточены въ Перовскѣ и Казалинскѣ. Ихъ занятіе — служба, отчасти торговля и гораздо менѣе земледѣліе, которое они предоставляютъ туземцамъ, киргизамъ и сартамъ. Причиной послѣдняго явленія служитъ, съ одной стороны, малая склонность къ промыслу, занимающему собой подчиненныя расы, а съ другой недостаточная опытность въ воздѣлываніи полей при помощи орошенія, и наконецъ, едва-ли не главное, отсутствіе права поземельной собственности, такъ какъ, напримѣръ, въ Перовскѣ ни одинъ еще русскій доселѣ не могъ *de jure* сдѣлаться *владѣльцемъ* хотя бы клочка земли: онъ только *пользуется* ею подъ огороды, сады и строенія. Оба главные русскіе населенные пункта лежатъ на Сыръ-дарьѣ, у праваго ея берега, и притомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки, ибо, по низменности мѣстъ постройки, пришлось отдѣлить ихъ отъ рѣчного русла плотинами. Различіе Перовска отъ Казалинска состоитъ въ томъ, что первый есть центръ земледѣльческаго округа, а второй — торговая станція. Въ

первомъ преобладающее русское населеніе составляютъ служащіе и отставные чины военно-сухопутнаго вѣдомства; во второмъ значительная часть жителей суть моряки, такъ какъ здѣсь находится портъ аральской флотиліи, и казаки, выселенные съ оренбургской линіи. Черезъ Перовскъ караваны направляются изъ-за Сыръ-дарьи въ Троицкъ, черезъ Казалинскъ въ Оренбургъ. Нѣкоторая часть товаровъ при этомъ остается въ обоихъ городахъ и служитъ для удовлетворенія потребностей мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, холсты, азіятскія бумажныя и шелковыя издѣлія и фрукты покупаются у бухарскихъ купцовъ, а металлическія издѣлія, сукна, кожи, сахаръ, чай, свѣчи и множество разныхъ произведеній нашихъ мануфактуръ — у русскихъ. Независимо отъ бухарскихъ каравановъ, чрезъ оба города проходятъ еще и ташкентскіе, которые съ каждымъ годомъ берутъ перевѣсъ надъ первыми, доставляя изъ Кокана, Ташкента, Ходжента и Самарканда въ Оренбургъ хлопокъ, шелкъ и другія среднеазіятскія произведенія, а обратно въ Ташкентъ везутъ множество русскихъ товаровъ и разныя военныя тяжести. Такъ какъ таможенной линіи съ нашей стороны на всей этой окраинѣ нѣтъ, то нельзя привести даже приблизительныхъ цифръ для выраженія производящейся здѣсь торговли; но она немаловажна и имѣетъ самое благодѣтельное вліяніе на судьбу придарьинскаго края, не только снабжая его всѣмъ нужнымъ, но еще разливая нѣкоторый достатокъ среди мѣстнаго населенія, занимающагося перевозкой. Собственныхъ капиталистовъ, конечно, ни Казалинскъ, ни Перовскъ, а тѣмъ болѣе другія степныя укрѣпленія, не имѣютъ; однако нѣсколько прикащиковъ большихъ купеческихъ фирмъ живутъ въ двухъ первыхъ городкахъ и занимаются оборотами по скупкѣ скота, кожъ, хлѣба и по продажѣ русскихъ товаровъ. Впрочемъ, главные, по числу, купцы здѣсь ташкентскіе сарты, поселившіеся со времени занятія Сыръ-дарьинской области русскими, какъ бы для доказательства, на сколько русская власть возбуждаетъ уваженія и довѣрія въ Средней Азіи. Городъ Тургай, или бывшее Оренбургское укрѣпленіе, представляетъ также небольшое движеніе, но, къ сожалѣнію, лежитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ караванной дороги изъ Перовска въ Троицкъ, почему и возникшее тутъ селеніе казаковъ не отличается цвѣтущимъ состояніемъ. О поселеніяхъ Акъ-Тюбинскомъ и Уильскомъ мы не имѣемъ свѣдѣній; что же касается до Иргиза, Карабутака, Эмбенскаго поста и Нижне-Эмбенскаго укрѣпленія, то все это осѣдлости весьма незначительныя, не имѣющія никакой будущности. Нижне Эмбен-

ское укрѣпленіе, напримѣръ, не имѣетъ даже воды, за которою надобно ѣздить четыре версты, и гарнизонъ болѣетъ цынгою. За то оно, а еще болѣе Карабутакъ, занимаетъ командующія высоты, штурма которыхъ, впрочемъ, ожидать весьма трудно.

Вообще нужно замѣтить, что вопросъ о русской колонизаціи, столь удовлетворительно разрѣшенный въ сибирскихъ степяхъ, поставленъ неудачно въ оренбургскихъ, и потому здѣсь базою для нашихъ дѣйствій за рѣкою Ураломъ доселѣ служитъ оренбургско-уральская казачья линія, а не передовыя поселенія, которыя сами страдаютъ недостаткомъ всего нужнаго. Между тѣмъ, многія мѣстности по Тургаю, Орп и Хобдѣ могли бы послужить къ основанію цвѣтущихъ деревень или станицъ, которыя приблизили бы коренную Россію къ вновь занятымъ ею частямъ Средней Азіи на цѣлыя двѣсти верстъ, и притомъ гораздо лучше всевозможныхъ укрѣпленій содѣйствовали бы окончательному умиротворенію киргизовъ, сосредоточивая ихъ вещественные и нравственные интересы въ лежащихъ среди ихъ русскихъ осѣдлостяхъ. Что же касается до колонизаціи собственно при-аральскаго пограничнаго пространства, то, за исключеніемъ береговъ Сыръ-дарьи, она невозможна. И если бы, въ крайнемъ случаѣ, потребовалось основать русскую осѣдлость, напримѣръ, у Аральскаго моря, то для этого нельзя указать другого пункта, какъ Чубаръ-Тораузъ, гдѣ, впрочемъ, жители должны будутъ довольствоваться всѣмъ привознымъ и даже воду получать скорѣе изъ перегоночныхъ кубовъ, какъ англичане на островѣ Перимѣ, чѣмъ изъ мѣстныхъ ключей, весьма необильныхъ. На Усть-Уртѣ если когда нибудь можетъ возникнуть русскій населенный пунктъ, то лишь въ пескахъ Самъ; но его положеніе будетъ еще хуже, чѣмъ осѣдлости на Чубаръ-Тораузѣ.

5) Въ предѣлахъ Хивинскаго ханства господствующее осѣдлое населеніе составляютъ *узбеки*, народъ тюркской расы, одноплеменный съ обитателями не только сосѣднихъ Бухары и Кокана, но даже отдаленныхъ Кашгара, Яркенда и Хами *). По свидѣтельству Вамбери, племя это раздѣляется на тридцать два колѣна, и хотя всѣ колѣна перемѣшаны между собою на всемъ пространствѣ занятой узбеками территоріи, тѣмъ не менѣе названія ихъ имѣютъ

*) По Вамбери. У Данилевскаго господствующимъ племенемъ названы сарты, т. е. таджики, что невѣрно. Ошибка, вѣроятно, произошла отъ того, что русскій путешественникъ, незнавшій мѣстныхъ языковъ, каждаго торговца, со словъ киргизовъ, называлъ сартомъ.

весьма опредѣленное значеніе, такъ что нерѣдко коканскій узбекъ признаетъ себя принадлежащимъ къ тому колѣну, котораго главная масса живетъ въ Хивѣ, и обратно. Собственно хивинскіе узбеки гордятся чистотою своей національности, противопоставляя себя кашгарцамъ и даже бухарцамъ. Впрочемъ, съ перваго взгляда въ хивинскомъ узбекѣ видна примѣсь иранскихъ элементовъ. Такъ, онъ имѣетъ густую бороду, которая формой своей вовсе не похожа на бороды прочихъ туранцевъ, хотя общій очеркъ лица не оставляетъ сомнѣнія въ туранскомъ происхожденіи націи. Вамбери говоритъ, что даже по характеру хивинскій узбекъ лучше своихъ соплеменниковъ. Онъ честенъ и откровененъ; у него дикая, простая натура окружающихъ его номадовъ, безъ утонченнаго лукавства восточной цивилизаціи. Хивинскіе узбеки не столь сильные фанатики ислама, какъ бухарскіе... Но этому похвальному свидѣтельству венгерскаго путешественника можно противопоставить множество несогласныхъ съ нимъ фактовъ и свидѣтельствъ русскихъ и даже англичанъ, посѣщавшихъ Хиву. Подозрительность, лживость и звѣрская жестокость хивинцевъ не подлежатъ никакому сомнѣнію. Алчность ихъ едва-ли уступаетъ алчности сосѣднихъ туркменовъ, такъ что, напримѣръ, Данилевскій былъ доводимъ ихъ притязаніями до сильнаго нервнаго раздраженія. Да и самъ Вамбери описываетъ сцены, доказывающія крайнюю жестокость сердца хивинскихъ узбековъ. Притомъ, одна торговля людьми, захватъ въ плѣнъ чужеземцевъ и жестокое обращеніе съ ними уже свидѣтельствуютъ о варварскомъ состояніи народа. Вотъ почему всѣ сосѣди не любятъ Хивы, и не только Россія и Персія, но въ свое время Бухара и даже каракалпаки и туркмены имѣли не разъ вооруженныя столкновенія съ хивинцами.

Вслѣдствіе коренного противорѣчія двухъ главныхъ авторитетовъ о Хивѣ, Данилевскаго и Вамбери, нѣтъ никакой возможности опредѣлить, хотя приблизительно, численность узбековъ Хивинскаго ханства. Но уже самъ Данилевскій, называвшій ихъ второстепеннымъ классомъ неселенія, полагалъ, что ихъ есть до 18,000 семействъ, т. е. 90,000 душъ, причемъ указывалъ, что они главнѣйше сосредоточены въ Хивѣ, Гурленѣ, Хазаръ-аспѣ, Мангытѣ и Кипчакѣ съ окрестностями. Если къ нимъ причислить еще аралъ-узбековъ на низовьяхъ Аму-дарьи и у Аральскаго моря, гдѣ они занимаются скотоводствомъ и рыболовствомъ, то все число узбекской національности будетъ, конечно, не менѣе 100,000 душъ. Но и эта цифра окажется меньше истинной, если взять въ соображе-

ніе, что большинство хивинскихъ таджиковъ или *сартовъ* не безъ основанія причисляется Вамбери также къ узбекамъ, такъ какъ они говорятъ тюркскимъ языкомъ и ведутъ одинаковую съ коренными узбеками жизнь. Принявъ и ихъ въ составъ обще-хивинской народности и держась цифры Данилевскаго (20,000 семей), мы получимъ, что все число узбековъ или, правильнѣе, *хивинцевъ* будетъ 200,000 душъ, а Килевейнъ говоритъ даже о 400,000, неизвѣстно, впрочемъ, на какомъ основаніи.

Какъ узбеки собственно, такъ и сарты суть земледѣльцы, ремесленники и торговцы; но въ послѣднемъ отношеніи таджики-сарты берутъ верхъ надъ коренными узбеками. За то послѣдніе, какъ завоеватели края, хранятъ за собою одно важное преимущество: давать странѣ хановъ и визирей, которые могутъ быть только изъ родовыхъ узбековъ. О военныхъ качествахъ всего хивинскаго народа можно сказать вообще, безъ различія тюркскаго или персидскаго происхожденія, что люди эти храбры до запальчивости при первомъ натискѣ и удачѣ, но быстро теряютъ отвагу при первомъ твердомъ отпорѣ и становятся обыкновенными средне-азіятскими трусами, не подчиняемыми дисциплинѣ во время отступленія, которое тотчасъ обращается въ бѣгство. Выносливость ихъ въ походахъ также не довольно извѣстна, ибо немалое уже время они не ходятъ сами въ набѣги и на другія военныя предпріятія, предпочитая посылать для этихъ цѣлей въ сосѣднія государства киргизовъ и туркменовъ. Низость душевная, воспитанная многовѣковымъ деспотизмомъ и высказавшаяся, напримѣръ, въ измѣнническомъ умерщвленіи отряда Бековича-Черкасскаго и во множествѣ другихъ подобныхъ примѣровъ, не оставляетъ сомнѣнія, что хивинцы воины, будь они даже хорошо вооружены, всегда будутъ самою презрѣнною сволочью.

6) Послѣднюю народность, осѣдло-живущую на описываемомъ пространствѣ, составляютъ *персіяне*. Это суть плѣнные, захваченные туркменами и проданные въ Хиву, или потомки плѣнныхъ. Масса ихъ находится въ состояніи рабства *) и живетъ при земляхъ своихъ владѣльцевъ, занимаясь обработываніемъ почвы и домашними послугами; нѣкоторые же успѣли выкупиться, живутъ на отведенныхъ имъ земляхъ и платятъ хану налоги, безъ

*) По взятіи русскими Хивы ханъ издалъ указъ, отмѣняющій рабство на вѣчныя времена; но конечно эта вѣчность соотвѣтствуетъ лишь времени пребыванія нашихъ войскъ въ ханствѣ, развѣ если всѣ рабы будутъ немедленно выведены изъ него, что отчасти и дѣлается.

права возвращаться на родину. Про рабовъ Данилевскій говоритъ, что ихъ положеніе самое тягостное, а Вамбери, напротивъ, что «въ матеріальномъ отношеніи имъ въ Хивѣ недурно», ничего, впрочемъ, не упоминая о нравственномъ. Довольно сказать, что за малѣйшую попытку бѣжать имъ подрѣзываютъ сухожилія на ногахъ или обрѣзываютъ уши и т. п. Рабовъ въ Хивѣ называютъ *догма*, а потомковъ ихъ *ханезадами*. Клеймо рабства изглаживается только въ третьемъ поколѣніи, и тогда персіяне начинаютъ ничѣмъ почти не отличаться отъ природныхъ хивинцевъ, называемыхъ сартами. Число всѣхъ персіянъ въ Хивинскомъ ханствѣ Данилевскій въ свое время полагалъ 15,000 семействъ (?), т. е. около 50,000 душъ (большинство, конечно, холостыхъ), а Вамбери до 40,000; изъ нихъ треть, по Данилевскому, жила уже на свободѣ. На сколько послѣдніе привязаны къ новому своему отечеству, нельзя съ достовѣрностію сказать; но что рабы ненавидятъ хивинцевъ, это разумѣется само собою.

Оставляя безъ вниманія другія, случайныя и весьма малочисленныя, народности, въ родѣ евреевъ, аравитянъ и ямшидовъ, о которыхъ упоминаютъ путешественники въ Хиву, мы можемъ сказать, что все осѣдлое населеніе описываемаго пространства простирается до 252,000 душъ, а съ номадами общій итогъ числа жителей будетъ 750,000 душъ, изъ которыхъ въ подданствѣ Россіи до 508,000, подъ властію Хивы 242,000, почти исключительно мусульманъ-суннитовъ, которые по этому самому могутъ тяготѣть къ Хивѣ, не говоря уже о родственныхъ и экономическихъ связяхъ съ нею.

Впрочемъ и Хива не представляетъ однороднаго и прочнаго политическаго цѣлаго: каракалпаки, туркмены и персіяне образуютъ въ ней элементы враждебные господствующему большинству узбековъ и таджиковъ, а потому для искуснаго политика пригодные къ обращенію въ оружіе противъ самой Хивы. Къ сторонѣ Россіи это условіе являютъ каракалпаки.

Географическое распредѣленіе населенія, подвластнаго Россіи, указано выше, причемъ описаны и важнѣйшія изъ перечисленныхъ осѣдлостей. Въ описаніи земли оренбургскихъ киргизовъ Мейера, на большой картѣ кочевокъ тѣхъ же киргизовъ, составленной въ 1871 году въ Оренбургѣ, и въ «Туркестанскомъ Ежегодникѣ» 1872 года можно найти самыя мелкія подробности относительно этого русскаго или, собственно, киргизскаго населенія. Но какъ номады не заслуживаютъ того, чтобы при военномъ обзорѣ страны перечислять всѣ ихъ кочевья, то здѣсь мы ограничимся лишь даль-

нѣйшими подробностями о мѣстахъ жительства *осѣдлаго* населенія, на этотъ разъ уже хивинскаго, а не русскаго. Это хивинское населеніе сосредоточено въ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ и въ очень мелкихъ деревняхъ. Число первыхъ, отличающихся тѣмъ, что обнесены стѣнами, различные путешественники опредѣляютъ не одинаково: Вамбери, напримѣръ, 32, а Данилевскій 25, не считая, впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ городовъ по правую сторону Аму-дарьи. Самыя названія городовъ не всегда сходятся у обоихъ названныхъ сейчасъ писателей, такъ что у Данилевскаго, несмотря на меньшій итогъ, есть мѣстности (Порсу, Булдумсазъ, Багатъ), которыхъ нѣтъ у Вамбери, списокъ же послѣдняго заключаетъ въ себѣ не менѣе одиннадцати именъ, не находимыхъ у Данилевскаго даже въ числѣ деревень. И если съ этими двумя списками сопоставить весьма обстоятельную вѣдомость Ханыкова, то замѣшательство будетъ еще большимъ. Держась Вамбери, какъ авторитета наиболѣе близкаго къ современности и обнимающаго все Хивинское ханство, т. е. и правый берегъ Аму-дарьи, мы получаемъ слѣдующую вѣдомость хивинскихъ городовъ:

По *лѣвую* сторону Аму-дарьи:

Амбаръ, на каналѣ Шахъ-абатъ, въ 47 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Хивы; населенъ сартами и персіянами.

Акъ-Дербентъ-Джамли, въ семи ташахъ (35 верстахъ) отъ Хивы, неизвѣстно въ какомъ направленіи.

Бентъ, крѣпостца на лѣвомъ берегу Аму, въ 25 верстахъ отъ Кипчака, при началѣ Сокраука и Лаудака.

Гурленъ, въ 43-хъ верстахъ на сѣверъ отъ Хивы, на канавѣ Гурленъ, рукавѣ Клычъ-Ніазбая; стѣнами не обнесенъ. Жители — узбеки и сарты; городскому начальству подвѣдомственны еще восемь деревень.

Джагатай, въ 35 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Хивы, на рукавѣ канала Шахъ-абатъ, ничтожный городокъ съ населеніемъ изъ узбековъ.

Ильялы, въ 84 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Хивы, на каналѣ Шахъ-абатъ, съ ханскимъ домомъ и садомъ, но безъ укрѣпленій.

Казаватъ, въ 23 верстахъ съ сѣверо-сѣверо-запада отъ Хивы, на каналѣ того же имени; жители — сарты и туркмены.

Кипчакъ, въ 96 верстахъ на сѣверо-сѣверо-западъ отъ Хивы, у самой Аму-дарьи; жители — узбеки; городской стѣны нѣтъ.

Китай, въ 66 верстахъ отъ Хивы, ханскій дворъ и небольшое число узбекскихъ домовъ, необнесенныхъ стѣною.

Кіать-Кунградъ, между Гурленомъ и Новымъ Ургенчемъ, окруженъ стѣнами, длиною около версты, но почти развалившимися.

Кикчагъ, неизвѣстно гдѣ.

Клычъ-Ніазбай, довольно значительное мѣстечко, населенное сартами и узбеками, находится въ 72 верстахъ отъ Хивы, на каналѣ своего имени.

Кангли, неизвѣстно гдѣ.

Кошъ Купыръ, въ 18 верстахъ отъ Хивы, на каналѣ Казаватъ, обнесенъ стѣнами по 150 саженъ въ боку.

Кунградъ, на самой Аму-дарьѣ, при раздѣленіи рѣки на два рукава, на лѣвомъ ея берегу; обнесенъ стѣною около четырехъ верстъ длиною, мѣстами даже двойною. Жители, до 4,000, — узбеки. Городу подвѣдомственны четыре деревни.

Мангытъ, въ 81 верстѣ отъ Хивы, населенъ узбеками и частью сартами. (Въ маѣ 1873 сожженъ русскими).

Новый-Ургенчъ, въ 31 верстѣ отъ Хивы, одинъ изъ значительныхъ городовъ ханства, съ глиняною стѣною въ 225 саженъ по длинѣ и 200 саженъ по ширинѣ; населеніе, до 2,000 душъ, состоитъ главнѣйше изъ сартовъ. Подвѣдомственны восемь деревень.

Нохошъ, между Ханки и Хазаръ-аспомъ.

Питнякъ, на крайнемъ юго-востокѣ ханства или по крайней мѣрѣ осѣдлой части его, на каналѣ того же имени, въ трехъ верстахъ отъ Аму-дарьи; маленькое мѣстечко.

Порсу, ханскій домъ и садъ; мѣсто убіенія Бековича.

Ташаусъ, въ 61 верстѣ отъ Хивы, на каналѣ Шахъ-абатѣ; имѣетъ укрѣпленіе изъ глиняныхъ стѣнъ по 300 саженъ въ боку, съ тремя воротами. Но жителей въ городѣ мало, а расселены они болѣе по окрестностямъ.

Хазаръ-аспъ, укрѣпленный городъ на одномъ изъ рукавовъ канала Полванъ-ата, со значительнымъ числомъ лавокъ; населенъ узбеками и сартами.

Ханки, укрѣпленіе по 100 саженъ въ боку, съ нѣсколькими десятками лавокъ.

Ходжейли, городъ не укрѣпленный, населенный аралъ-узбеками; въ немъ до 150 лавокъ.

Шахъ-абатъ, въ 33 верстахъ отъ Хивы, у канала того же имени; обнесенъ четырехугольною стѣною по 200 саженъ въ боку: имѣетъ ханскій домъ съ садомъ, но мало домовъ частныхъ.

Хива, главный городъ ханства, расположенный между канавъ Ингрикъ и Чарджели, вытекающихъ изъ Полванъ-ата. По свидѣтельству Данилевскаго и по плану Зеленина, она имѣетъ двѣ стѣны: около внутренняго города, длиною до 1,040 саженъ, и около наружнаго, длиною 3,100 саженъ, что удостовѣряетъ, что городъ довольно великъ. Планъ показываетъ еще, что общая фигура внѣшней ограды напоминаетъ грушу, обращенную черешкомъ на западъ, а внутренній городъ, или кремль имѣетъ видъ прямоугольника, у котораго восточная и западная стороны длиною по 300 саженъ, а сѣверная и южная по 200. Во внутреннемъ городѣ живетъ самъ ханъ, котораго дворцы находятся у западныхъ воротъ. Вамбери перечисляетъ пять кварталовъ въ этомъ кремлѣ и десять въ наружномъ городѣ. Воротъ во внутреннемъ городѣ трое, на западѣ, на сѣверѣ и востокѣ, а во внѣшней оградѣ, которая имѣетъ высоту 10 футовъ, девять, изъ которыхъ самыя сѣверныя суть ургенчскія, восточныя — хазараспскія и т. д. Внутренній городъ застроенъ сплошь; во внѣшнемъ есть много садовъ и даже полей, особенно на западѣ и на юго-востокѣ, гдѣ есть и прудъ. Близъ восточныхъ воротъ во внѣшнемъ городѣ лежитъ базарная площадь и при ней мѣсто казней. Вблизи города, за стѣною, разбросаны, среди изрѣзанныхъ арыками полей, многочисленные сады съ загородными домами жителей. Изъ этихъ дачъ можно замѣтить ханскіе сады: Чарджели на западѣ, Гильденганъ и Ингрикъ на востокѣ, и садъ Юсуфъ-бека на сѣверѣ отъ города. Такъ какъ наружная стѣна имѣетъ шесть верстъ длины, то очевидно, что Хива значительный городъ, въ которомъ можно предположить, согласно съ Вамбери, отъ 3 до 4,000 домовъ, хотя Данилевскій и говоритъ, что все число жителей обоихъ половъ не превышаетъ 4,000 душъ. Въ Хивѣ есть большой базаръ, съ караванъ-сераемъ для торговли товарами, и малый — для продажи людей, безъ чего ханство доселѣ не могло существовать, ибо всѣ поля обрабатывались купленными рабами. 17 мечетей, 22 медрессе и 260 лавокъ даютъ понятіе о составѣ городскаго населенія и его занятіяхъ. Многія медрессе, т. е. училища, обезпечены хорошими доходами, такъ что главные преподаватели въ нихъ, ахуны, получаютъ до 5,000 батмановъ пшеницы и 150 тиллей денегъ въ годъ на жалованье. Ученики, по обычаю мусульманскихъ школъ, также не остаются безъ довольствія хлѣбомъ и деньгами.

Ургенчь-Старый или Куня-Ургенчь, небольшой городокъ на

Ханскомъ каналѣ, близъ стараго русла Аму-дарьи и развалинъ прежняго города того же имени; лежитъ нѣсколько особнякомъ отъ прочихъ городовъ ханства, но большого значенія не имѣетъ: въ немъ есть не болѣе 35 домовъ и 75 лавокъ для торговли съ окрестными номадами.

Джанъ-кала есть небольшая крѣпостца, вновь возведенная хивинцами у бывшаго пролива между Аральскимъ моремъ и Айбугиромъ и весною 1873 оставленная.

На *правомъ* берегу Аму-дарьи Вамбери перечисляетъ города: *Чимбай*, *Іенги-Япъ*, *Нуксъ* и *Рахметъ-Бердибекъ* — все, повидимому, незначительныя мѣстечки, какъ крѣпостца *Курганча*, которой не встрѣчаемъ ни у венгерскаго путешественника, ни на русскихъ картахъ, хотя о нахожденіи ея среди каракалпакскихъ кочевокъ свидѣтельствуетъ Бутаковъ. Важнѣе другихъ осѣдлостей на правой сторонѣ Окса есть Шураханъ, съ 3,000 жит. Общее число деревень ханства у Данилевскаго простирается до 60; но вѣроятно это не всѣ, потому что въ рукописи Ханыкова и въ книгѣ Вамбери можно найдти еще нѣсколько десятковъ именъ, которыя принадлежатъ селеніямъ, существующимъ если не въ полномъ числѣ, то по крайней мѣрѣ отчасти *).

Управленіе.

Познакомясь съ составомъ и распредѣленіемъ населенія приаральской окраины, перейдемъ къ главнѣйшимъ подробностямъ политическаго его устройства. Двѣ трети этого населенія, и въ томъ числѣ почти всѣ киргизы, принадлежатъ Россіи и управляются чиновниками трехъ вѣдомствъ: кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго. Выше уже было замѣчено, что административныя системы этихъ вѣдомствъ не одинаковы, и потому не безъ основанія можно ожидать нѣкотораго различія въ самыхъ отношеніяхъ къ намъ подвластныхъ туземцевъ. Такъ оно и есть. Между тѣмъ какъ сыръ-дарьинскіе киргизы, хотя покоренные нами послѣ другихъ, ведутъ спокойную пастушескую жизнь и частію занимаются земледѣліемъ и торговлею, ихъ соплеменники на Усть-Уртѣ и частію въ Оренбургской степи нерѣдко обнаруживаютъ

*) Всѣ эти свѣдѣнія о городахъ и селеніяхъ въ Хивинскомъ ханствѣ вѣроятно окажутся не вполнѣ точными послѣ повѣрки ихъ на мѣстахъ настоящею хивинскою экспедиціей.

наклонность къ степному хищничеству, т. е. къ барантѣ и грабежамъ, и даже недавно находились въ открытомъ возстаніи, простиравшемся до дерзкаго нападенія на наши селенія и форты. Эти бунтовавшіе киргизскіе роды состоятъ нынѣ въ вѣдѣніи частію мангышлакскихъ начальствъ, т. е. мусульманскихъ наибовъ съ Кавказа, частію же управленій уѣздовъ Гурьевскаго, Эмбенскаго и Иргизскаго, гдѣ ближайшіе начальники народа суть выборные изъ него самого біи и старшины, подвѣдомственные прямо русскимъ властямъ. Которая изъ двухъ системъ приведетъ вѣрнѣе къ цѣли, то-есть къ окончательному умиротворенію при-аральскихъ номадовъ, трудно сказать, по кратковременности опыта; но вѣроятно, что кавказское устройство окажется лучшимъ *для перваго раза*, т. е. въ смыслѣ скорѣйшаго подавленія видимой непріязни номадовъ, а оренбургское приведетъ къ результатамъ хотя *медленнымъ*, но болѣе *прочнымъ*, особенно если будетъ отмѣненъ традиціонный пріемъ оренбургской администраціи высылать въ степь подвижные отряды и въ замѣнъ того, по сибирскому примѣру, будетъ основано нѣсколько гражданскихъ осѣдлостей, гдѣ номады могли бы находить все нужное для ихъ неприхотливой жизни и сбывать остатки собственныхъ произведеній. Успѣхъ этой системы дознанъ не только полувѣковымъ опытомъ въ Западной Сибири, но — и весьма быстрымъ развитіемъ киргизо-русской гражданственности въ Семирѣчьѣ и на низовьяхъ Сыра. Кавказскій же порядокъ кажется еще потому менѣе удовлетворителенъ, что оттѣсняетъ отъ администраціи почтеннѣйшихъ киргизовъ и тѣмъ самымъ вселяетъ въ нихъ нерасположеніе къ русскимъ, съ которыми, однако, они, безъ сомнѣнія, быстро поладятъ, какъ только достойнѣйшіе изъ нихъ будутъ отличены наградами и долею власти въ администраціи и судѣ. Наконецъ, по поводу обособленія мангышлакскихъ киргизовъ, можно еще замѣтить, что собственно бытъ киргизскаго народа повсюду одинъ и тотъ же, а потому и отношенія наши къ этимъ людямъ должны быть единообразны *).

Что касается до Хивы, то все значеніе ея на томъ и держалось, что она управлялася *единою* властью, и притомъ деспотическою, которая не знала себѣ границъ внутри подвѣдомственныхъ земель и умѣла пользоваться недостататкомъ единства въ дѣйствіяхъ у сосѣдей. Власть эта принадлежитъ *хану* изъ узбековъ, около кото-

*) Въ отношеніи податей, впрочемъ, всѣ киргизы и безъ того равны, вносятъ ежегодно по 3 руб. 50 коп. съ юрты.

раго помощниками по дѣламъ управленія стоятъ обыкновенные средне-азіятскіе сановники—*кушъ-беги*, *диванъ-беги*, *мехтеры* и проч. Въ Хивѣ къ нимъ еще присоединяются: а) *инахи*, въ числѣ четырехъ, правители важнѣйшихъ городовъ, обыкновенно изъ родственниковъ хана; б) *нагибъ*, глава духовенства, изъ потомковъ Магомеда, равный по достоинству шейхъ-уль-исламу въ Константинополѣ; в) *бій*, ближайшій спутникъ хана на войнѣ; г) *казы-килянъ*, верховный судья ханства. Второстепенныя должности суть: минбаши, юзбаши, онбаши по военной и полицейской частямъ, и улемы, муфти и ахуны по духовной и судебной. Эта іерархія властей дѣйствуетъ съ извѣстною правильностію, по закону (шаріату) и обычаямъ, которыхъ изученіе составляетъ предметъ занятій въ медрессе. Для содержанія всего служебнаго персонала и войска ханъ обираетъ съ народа подати: поземельную и торговую, а духовенству предоставлены вакуфы, т. е. имѣнія, пожертвованныя благочестивыми людьми спеціяльно на содержаніе муллъ. Поземельная подать вносится всѣми, кромѣ военныхъ и духовныхъ, въ размѣрѣ 30 коп. сер. съ танапа, а торговая или зякетъ есть обычная у мусульманъ сороковая часть привозимыхъ на продажу товаровъ, т. е. два съ половиною процента ихъ стоимости. У номадовъ подати преобразуются въ имущественный налогъ по одной теньгѣ (20 коп.) съ головы крупнаго скота и по полутеньгѣ съ каждой овцы. Но сборъ этихъ налоговъ всегда сопровождается злоупотребленіями, и въ дополненіе къ нимъ поддапные хивинскаго хана, не только бѣдные, но и богатые, люди съ вліяніемъ, сильно приплачиваются всякій разъ, когда имѣютъ нужду до правительства и агентовъ его. Самъ ханъ, до котораго доступъ нуждающимся не возбраненъ *), бываетъ не прочь отъ подарковъ, чѣмъ и пользуются люди богатые для полученія доходныхъ мѣстъ и для другихъ нечистыхъ дѣлъ. При существованіи гаремовъ, немало подобныхъ же дѣлъ совершается чрезъ посредство женъ и евнуховъ. (Разумѣется, что теперь, съ учрежденіемъ при ханѣ совѣта, въ которомъ участвуютъ русскіе офицеры, многое измѣнится).

---

*) Ханъ и всѣ правители городовъ, по установленному обычаю, принимаютъ ежедневно всѣхъ просителей въ теченіе четырехъ часовъ, причемъ рѣшаютъ дѣла уже не справляясь съ законами, а по личному взгляду, не стѣсняясь тѣмъ, что было постановлено казы и муфтіями. Вамбери разсказываетъ, что покойный Сеидъ-Магомедъ-ханъ любилъ особенно разбирать споры женатыхъ людей и нерѣдко держался за бока отъ хохота, смотря, какъ мужъ и жена таскали другъ-друга по двору во время его судоговоренія.

Независимо отъ указанныхъ сейчасъ налоговъ, хивинскій ханъ имѣетъ еще доходы съ принадлежащихъ ему земель, съ вырубки на дрова растущихъ на нихъ деревьевъ, съ добычи отъ баранты и грабежей, производимыхъ туркменами, каракалпаками и киргизами и, наконецъ, отъ конфискуемыхъ имуществъ. Сколько собирается чрезъ это денегъ въ ханской казнѣ, трудно сказать, и если Муравьевъ считалъ, что до четырехъ милліоновъ рублей ассигнаціями, то такая цифра кажется совершенно гадательною. Напротивъ нужно думать, что эти доходы не превышаютъ полмилліона руб. сер., потому что контрибуцію въ 2 мил. пришлось разсрочить на семь лѣтъ.

*Военный обзоръ *).*

Всѣ изложенныя здѣсь данныя о Хивѣ и о русскихъ степяхъ, сосѣднихъ Аральскому морю, позволяютъ сдѣлать слѣдующіе выводы и соображенія, относящіеся непосредственно къ стратегической оцѣнкѣ при-аральскаго пограничнаго пространства.

1) На обширномъ пространствѣ этомъ соприкасаются два государства: огромная, усвоившая значительную часть европейскихъ формъ жизни Россія и маленькое средне-азіятское ханство Хива; но линіи прикосновенія между ними указать на картѣ нельзя, да ея нѣтъ и въ дѣйствительности. Соображая, однако, политическое и нравственное состояніе номадовъ, обитающихъ по окраинамъ обоихъ государствъ, можно сказать, что граница вліянія ничтожной Хивы входитъ довольно далеко въ предѣлы земель, по той или по другой причинѣ не безосновательно считаемыхъ русскими. Явленіе это объясняется прежде всего естественными условіями территоріи. Собственно Россія отдѣлена отъ Хивы пространствомъ отъ 600 до 1,300 верстъ, въ высшей степени неудобнымъ къ распространенію на немъ русскихъ осѣдлостей и къ движенію по немъ русскихъ войскъ. Рѣдкіе же обитатели этихъ пустынь, по религіи и преданіямъ, до нѣкоторой степени тяготѣютъ къ Хивѣ, и тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ далѣе къ югу отъ крайняго сплошного ряда русскихъ селеній — линіи оренбургско-уральской. Недавнія реформы въ управленіи подвластными Россіи номадами-мусульманами, улучшивъ положеніе народныхъ массъ въ степи, создали, однакоже,

---

*) Помѣщается здѣсь въ томъ видѣ, какъ былъ написанъ еще въ 1872 г., за годъ до Хивинской экспедиціи и даже прежде начала приготовленія къ ней.

въ степяхъ классъ людей, которые недовольны новыми порядками и которые, если не заявляютъ открыто приверженности къ сосѣдней единовѣрной и единоплеменной Хивѣ, то, во всякомъ случаѣ, таятъ внутреннія къ ней симпатіи и не прочь, по временамъ, оказывать ей содѣйствіе, что особенно можно сказать про адаевцевъ.

2) Если бы, вслѣдствіе долговременной исторической непріязни Хивы къ Россіи и исторической же неотклонимости поступательнаго движенія послѣдней по Средней Азіи, пришлось принять противъ Хивы рѣшительныя мѣры, то на этомъ пути Россія встрѣтитъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ то было доселѣ на всемъ протяженіи отъ береговъ Урала и Иртыша до Небесныхъ горъ и Міанкальской долины. Главная причина тому впрочемъ, заключается не въ военномъ и политическомъ могуществѣ Хивы, а въ ея труднодоступности. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая пути дѣйствія изъ Россіи въ Хиву, мы находимъ:

Со стороны Каспійскаго моря можно было бы идти тремя дорогами: отъ Красноводска, отъ форта Александровска и отъ бывшаго укрѣпленія Александровскаго у Мертваго Култука. Но послѣдняя мѣстность въ настоящее время пустынна, и потому не можетъ служить базою для войскъ, тѣмъ больше, что и доступъ къ ней съ моря труденъ. Фортъ Александровскій, лежащій на краю Мангышлака, въ 900 верстахъ отъ Хивы, былъ бы неменѣе неудобнымъ исходнымъ пунктомъ для военной экспедиціи. По дорогѣ изъ Красноводска возможность похода дознана опытомъ, по крайней мѣрѣ до Сары-камыша; но этотъ путь также представляетъ огромныя трудности отъ недостатка воды и травъ, а, главное, отъ полнѣйшей зависимости, въ которую наступающій отрядъ станетъ отъ туркменовъ, непріязненныя отношенія къ которымъ могутъ крайне обезпокоить движеніе и даже разстроить его совсѣмъ, лишивъ войска перевозочныхъ средствъ *). Судя по свойствамъ осмотрѣнныхъ въ 1871 году мѣстностей, позволительно еще сомнѣваться, можно ли отъ Красноводска двинуть на Хиву болѣе

---

*) Само собою разумѣется, что здѣсь предполагается предварительный наемъ верблюдовъ *за деньги* отъ тѣхъ же туркменовъ, которые чрезъ то самое станутъ какъ бы сторонниками экспедиціи; но на пріязнь этихъ варваровъ нельзя полагаться даже и въ такомъ случаѣ. Нарядъ же верблюдовъ *силою* слѣдуетъ считать просто преступленіемъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ смыслѣ, и за него можно поплатиться тяжелою неудачею.

двухъ баталіоновъ съ батареею; отъ кавалеріи же, повидимому, предстоитъ отказаться почти совсѣмъ, хотя именно она-то и необходима въ степяхъ.

Пути съ Урала черезъ эмбенскія степи и Усть-Уртъ, т. е. западнѣе Аральскаго моря, представляютъ почти столько же неудобствъ, какъ и отъ Каспійскаго моря. Допустимъ даже, что здѣсь мы легче можемъ найдти транспортныхъ верблюдовъ отъ подвластныхъ намъ киргизовъ, что здѣсь могутъ быть нами собраны предварительно большіе военные и продовольственные запасы на верхней Эмбѣ; но всетаки путь отъ Эмбы до предѣловъ Хивинскаго оазиса составитъ 900 верстъ почти голой степи, гдѣ войскамъ будетъ предстоять не меньше лишеній, какъ на сарыкамышской дорогѣ, и гдѣ притомъ они могутъ быть обезпокоиваемы если не туркменами, то киргизами, преданными Хивѣ и самими хивинцами.

Путь по Аральскому морю, несмотря на многія важныя преимущества, особенно на возможность скораго перехода четырехсотъ верстъ безъ всякой внѣшней опасности, кромѣ случайныхъ бурь, имѣетъ также немаловажные недостатки. Во-первыхъ, у насъ здѣсь нѣтъ удобныхъ пунктовъ для посадки войскъ на суда; во-вторыхъ, сѣверный берегъ моря самъ по себѣ не есть база, а таковою можетъ служить лишь Сыръ-дарья, съ полутора футами воды на барѣ; въ третьихъ, высадка на южномъ берегу Арала также можетъ быть неудачна, если не отъ сопротивленія жителей то отъ препятствій, полагаемыхъ природою, ибо вся сѣверная часть дельты Аму-дарьи низменна, болотиста, а при разливахъ даже обращается въ рядъ озеръ и непроходимыхъ топей. Мнѣніе Берга, развитое имъ во французской запискѣ 1827 года, что стоитъ только занять Кунградъ, чтобы пріобрѣсти несомнѣнную увѣренность въ покореніи Хивы, потому и кажется трудно исполнимымъ, что мы теперь, благодаря Бутакову и другимъ, ближе узнали свойства дельты Аму *). Конечно, въ случаѣ войны съ Хивою намъ

*) Впрочемъ еще до Бутакова наши свѣдѣнія о свойствахъ этой дельты были весьма точны. «Въ десяти верстахъ ниже Ходжейли, на лѣвомъ берегу Дарьи,» говоритъ Данилевскій, «растетъ, кромѣ кустарника, густой камышъ, который ниже Кунграда становится сплошнымъ до самаго моря и покрываетъ значительную часть дельты Аму-дарьи, будучи проходимъ лишь тамъ, гдѣ каракалпаки и киргизы проложили узенькія тропы». Ханыковъ въ 1839 году говорилъ то же самое, именно, что «весь путь отъ моря до Порсу и даже до Бульдумсаза идетъ

не миновать употребленія этого пути, хотя бы для перваго раза какъ вспомогательнаго; но нужно принять въ расчетъ серьезныя опасности, которыя могутъ встрѣтиться отъ болотной почвы какъ для похода внутрь страны, такъ и для расположенія лагеря. О сухопутныхъ перевозочныхъ средствахъ и говорить нечего: стоитъ только каракалпакамъ уйдти отъ берега Аральскаго моря, чтобы поставить войска въ большое затрудненіе по транспортировкѣ тяжестей. Поэтому аральскій путь представляетъ почти столько же зависимости отъ нашихъ отношеній къ номадамъ, сколько и пути отъ Красноводска и съ Эмбы. А сверхъ того успѣхъ движенія по немъ обусловливается временами года, ибо зимой плаваніе по морю опасно, а лѣтомъ, за исключеніемъ времени полноводья, нельзя съ пароходами подниматься до Кунграда и нужно будетъ высадку дѣлать въ шестидесяти верстахъ сѣвернѣе его, у моря.

Дорога съ низовій Сыра на Кипчакъ или Ходжейли есть кратчайшая между осѣдлостями хивинскими и русскими; но она крайне неудобна для сколько-нибудь значительныхъ военныхъ отрядовъ, по маловодью, множеству солонцовъ, сыпучихъ песковъ и скудости травъ. Сверхъ того, она приводитъ лишь на правый берегъ Аму-дарьи, а не въ центръ Хивинскаго оазиса; переправа же черезъ Оксъ въ хивинскихъ предѣлахъ можетъ представить немаловажныя затрудненія.

Иркибайская дорога имѣетъ почти тѣ же качества.

Минбулакская, отъ Джизака, и длинна, и безплодна.

Чарджуйская, быть можетъ, лучше всѣхъ другихъ; но она немыслима безъ предварительнаго покоренія Бухары.

Итакъ, труднодоступность Хивы для *наступательнаго* движенія со стороны Россіи не подлежитъ сомнѣнію.

3) Однако соображая предшествовавшія военныя экспедиціи, отъ временъ Бековича до новѣйшихъ рекогносцировокъ къ Сары-

---

между топями, озерами, прорanами, камышами и кустарниками ежегодно заливаемыми водою Аму-дарьи; почему проѣздъ по немъ для арбъ возможенъ только подъ условіемъ или очень сухого лѣта, или суровой и постоянной зимы; но послѣдняя въ Хивѣ весьма легка и перемѣнчива, почему, двигаясь симъ путемъ, легко подвергнуться опасности затопить орудія и обозъ, подмочить порохъ, испортить некованныхъ лошадей и верблюдовъ, а наконецъ за переправами, вытаскиваніемъ и проч. потерять болѣе времени, чѣмъ слѣдуя по дорогѣ длиннѣйшей, но лучше устроенной. Мѣстность, закрытая кустарниками, лишаетъ притомъ возможности удачно дѣйствовать артиллеріею и подвергаетъ опасности внезапныхъ атакъ въ дифилеяхъ».

камышу, Иркибаю и Дау-карѣ и до плаванія къ Кунграду, можно безъ большой ошибки предположить, что слѣдующія движенія исполнимы съ значительною вѣроятностью повсемѣстнаго и окончательнаго успѣха.

Отъ *Красноводска* или отъ Балханскихъ горъ съ отрядомъ въ два батальона пѣхоты, восемь орудій артиллеріи и сотни казаковъ, который долженъ будетъ уменьшиться въ составѣ своемъ на половину, чтобы основать вдоль операціонной линіи рядъ укрѣпленныхъ этаповъ. Для такого движенія нужно не менѣе 60 дней времени и до 2,500 верблюдовъ для перевозки тяжестей продовольственныхъ, госпитальныхъ, артиллерійскихъ и разныхъ другихъ. Этотъ же отрядъ можно направить къ Хивѣ отъ залива Кендерлинскаго.

Съ *Эмбы*, по западному берегу Арала, на Кунградъ, или по западной сторонѣ Айбугира на Куня-Ургенчь — полтора батальона съ четырьми орудіями и сотнею казаковъ, изъ которыхъ одну пѣхотную роту и два орудія слѣдуетъ оставить близъ Ургу-муруна для охраны пути и для устройства этапа, который бы могъ принимать и хранить запасы, подвозимые съ Эмбы и по Аральскому морю. Отряду нужно имѣть до 2,200 верблюдовъ и до Ургу-муруна слѣдовать по-эшелонно.

Изъ *Казалинска* по Сыру и Аральскому морю — полтора батальона пѣхоты, четыре орудія и сотня казаковъ, которые, при наличномъ составѣ аральской флотиліи, если только она будетъ вполнѣ исправна, могутъ значительную часть своихъ тяжестей отправить водою до залива Туще-басъ, а въ тылу устроить этапъ на Иркибаѣ.

Для производства подобнаго трехсторонняго наступленія на Хиву, которое во многихъ отношеніяхъ удобнѣе и выгоднѣе всякаго движенія по *одной* дорогѣ *), лучшее время года есть осень, отъ конца августа по конецъ ноября, или же весна, съ половины марта до половины мая. Движенія съ Эмбы и отъ Красноводска могутъ быть начаты почти одновременно, несмотря на разницу разстояній, такъ какъ красноводскій отрядъ пойдетъ этапами, которые нужно еще устроить. Отъ устья же Сыръ-дарьи флотилія съ запасами отправится тогда, когда эмбенскій отрядъ станетъ въ урочищѣ Акъ-суатъ.

При этомъ условіи, войска всѣхъ трехъ отрядовъ придутъ на

---

*) Собственно говоря, плановъ похода на Хиву можно составить множество, и каждый будетъ имѣть свои важныя достоинства и свои недостатки. Мы взяли для примѣра наиболѣе сложный, чтобы оцѣнить удобства движенія по наибольшему числу путей.

границы Хивинскаго оазиса почти одновременно. Устрашенная Хива, если не изъявитъ покорности въ самый моментъ прибытія отрядовъ, неизбѣжно будетъ покорена, и для такого завоеванія, конечно, потребуется немного времени. Полагая, что эмбенскій и красноводскій отряды соединятся у Куня-Ургенча и затѣмъ, открывъ сообщеніе съ туркестанскимъ, двинутся по ханству, довольно двухъ недѣль для похода на самую Хиву, участь которой едва-ли можетъ быть рѣшена съ большимъ усиліемъ, чѣмъ участь Ташкента, города съ 60,000 жителей, взятаго отрядомъ въ 900 съ небольшимъ штыковъ. По взятіи же главнаго города ханства, покореніе остальныхъ есть дѣло второстепенной важности, и если потребуетъ нѣкотораго усилія дѣйствующихъ войскъ, то это можетъ быть безъ труда исполнено черезъ вызовъ съ этаповъ заднихъ частей красноводскаго отряда и подвозъ новыхъ силъ съ низовій Сыра. Да едва-ли это и понадобится, такъ какъ туркестанскій отрядъ, въ свою очередь, двинувшись вдоль самой Аму-дарьи и овладѣвъ шлюзами каналовъ, можетъ нанести окончательный ударъ хивинцамъ. Затѣмъ всѣ сложные и требующіе много времени стратегическіе пріемы, въ родѣ рекомендованнаго авторомъ одного проекта въ 1827 году, предварительнаго занятія и укрѣпленія Ташауза, какъ «стратегическаго опорнаго пункта, находящагося въ центрѣ Хивинскаго ханства», кажутся нѣкотораго рода натяжкою или просто данью военной схоластикѣ.

4) Противъ всего этого плана однако можетъ быть сдѣлано возраженіе и, по видимому, очень серьезно: «движеніе русскихъ отрядовъ расчитано въ немъ такъ, какъ будто они дѣлаютъ одностороній маневръ, т. е. не имѣютъ противъ себя непріятеля, такъ что весь планъ носитъ характеръ фикціи». Но на самомъ дѣлѣ тутъ фикціи нѣтъ, и для доказательства стоитъ вспомнить, съ одной стороны, Перовскъ въ 1853 году, Узунъ-агачь въ 1860, Ташкентъ въ 1865, Ирджаръ въ 1866 и Шахрисябсъ въ 1870, а съ другой слѣдующія свѣдѣнія о свойствахъ хивинскихъ войскъ, приводимыя Данилевскимъ и Ханыковымъ:

«Войска хивинскаго хана состоятъ: 1) изъ неимущихъ *узбековъ* и *сартовъ*, записывающихся въ военные для избѣжанія податей и повинностей. Войско это все конное, служитъ въ походѣ на своемъ содержаніи, получая только единовременно, предъ выступленіемъ въ походъ, по пяти тиллей на человѣка. Вооружено саблями и стрѣлами; только отличившіеся смѣлостію или искусствомъ въ стрѣльбѣ получаютъ отъ хана ружье, съ чѣмъ вмѣстѣ поступаютъ

въ число его тѣлохранителей (до 1,000 человѣкъ, а у инаховъ по 200 человѣкъ). Ружья у нихъ длинныя и тяжелыя, съ фитилями; лошади, большею частью, плохія, ибо за падшую казна даетъ не болѣе пяти тиллей (20 рублей серебромъ). 2) Изъ *туркменовъ*, *каракалпаковъ* и *киргизовъ*, обязанныхъ являться на войну даромъ, но, разумѣется, не составляющихъ вовсе военной силы. О сборѣ этихъ войскъ обыкновенно дѣлается объявленіе за мѣсяцъ до похода, такъ что серьезное подготовленіе ихъ къ боевымъ дѣйствіямъ (обученіе) невозможно. А какъ, кромѣ того, каждый воинъ въ походѣ продовольствуетъ самъ себя, общихъ же запасовъ, казенныхъ, совсѣмъ не бываетъ, то понятно, что продолжительныя военныя предпріятія съ такимъ сбродомъ положительно невозможны.

«Артиллерія хана — въ жалкомъ состояніи. Изъ 16 мѣдныхъ орудій, находящихся противъ ханскаго двора въ Хивѣ, одно, большого калибра, до половины вошло въ землю; семь другихъ, длинныхъ, но меньшаго калибра, также валяются на землѣ; въ остальныхъ, поставленныхъ на колеса, много свищей. Ядра хотя чугунныя, а не кованныя изъ желѣза какъ прежде, но неправильной формы. Порохъ хивинцы дѣлаютъ сами, добывая сѣру близъ мѣстечка Зей, а селитру у Куня-Урченча, но порохъ этотъ — плохой, да и того едва-ли наберется во всей Хивѣ нѣсколько десятковъ пудовъ. Выстрѣлы изъ пушекъ едва-ли могутъ простираться далѣе какъ на 150 саженъ.»

Допустимъ, что эти свѣдѣнія во многомъ уже устарѣли, и что теперь заведены въ Хивѣ сарбазы (регулярныя войска, числомъ до 1,000 человѣкъ), что ею получено изъ Индіи нѣсколько тысячъ порядочныхъ ружей, можетъ быть нѣсколько хорошаго пороха и другихъ военныхъ запасовъ, что, наконецъ, у хана есть до 60 орудій съ лафетами: откуда хивинскому войску было взять дисциплину, тактическое образованіе, хорошихъ генераловъ, боевую опытность и прочную организацію военнаго хозяйства, которая бы обезпечивала возможность продолжительной борьбы? Всего этого нѣтъ, а между тѣмъ хану придется, при первомъ же извѣстіи о движеніи нашихъ войскъ отъ Эмбы и Красноводска, собрать свое воинство, которое однимъ своимъ пребываніемъ въ странѣ истощитъ ее, и если даже будетъ имѣть смѣлость пойти впередъ для задержанія движенія нашихъ отрядовъ, то, возвратясь усталымъ и, вѣроятно, разбитымъ, только увеличитъ общую безурядицу, общій страхъ. О мѣрѣ же этого страха можно судить по испугу хивинцевъ при

извѣстіи о походѣ въ 1871 году трехъ съ половиной ротъ отъ Ташъ-арватъ-калы къ Сары-камышу.

О народной войнѣ въ предѣлахъ самаго Хивинскаго оазиса нѣтъ нужды и говорить: народы, подавленные вѣковымъ деспотизмомъ, вовсе къ ней неспособны, и можно даже сказать, что утвержденіе русской власти въ Хивѣ едва-ли встрѣтитъ больше препятствій, чѣмъ было въ Ташкентѣ, Самаркандѣ, Кульджѣ. Такимъ образомъ, экспедиція противъ Хивы въ сущности сводится на обыкновенный степной походъ, котораго главная трудность есть движеніе по безплоднымъ пространствамъ, а вовсе не встрѣча съ вооруженнымъ противникомъ.

5) Но прежде чѣмъ могутъ быть предприняты наступательныя дѣйствія противъ Хивы, мы должны заботиться объ охранѣ собственныхъ предѣловъ отъ вторженія съ ея стороны, и, слѣдовательно, разсмотрѣть здѣсь силы и средства, назначаемыя для такой *обороны*. На всемъ протяженіи береговъ Каспія и Арала, Россія, конечно, безопасна отъ покушеній Хивы, не имѣющей флота. На Сыръ-дарьѣ, теченіе этой рѣки и линія укрѣпленій вдоль ея также достаточно гарантируютъ наши предѣлы отъ вторженіи хивинцевъ и подвластныхъ ими кочевыхъ народовъ. Но промежутокъ отъ Каспійскаго моря до Аральскаго, въ 300 верстъ шириною, служитъ воротами для хищнаго сброда, вторженія котораго въ послѣднее время получили было особую цѣль: волновать подвластныхъ намъ киргизовъ южной части оренбургской степи и нападать на транспорты и проѣзжихъ вдоль орско-казалинскаго тракта. Къ замкнутію этихъ-то воротъ и направлены всѣ усилія оренбургскихъ военныхъ начальствъ, которыми построено въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ въ зауральской степи не менѣе четырехъ укрѣпленій въ дополненіе къ тремъ, прежде существовавшимъ. Укрѣпленія эти, однако, мало достигаютъ цѣли, потому что поставлены не въ самыхъ воротахъ, напримѣръ, у песковъ Самъ, а гораздо сѣвернѣе, такъ что оставляютъ промежутки въ нѣсколько сотъ верстъ, весьма удобные для вторженія хищниковъ. Притомъ, впереди ихъ остаются еще значительныя пространства степей, занятыя нашими киргизами, но ничѣмъ неприкрытыя со стороны Хивы. Вотъ почему, не отрицая у Эмбенскаго поста его административнаго значенія и качествъ удовлетворительнаго этапнаго пункта на случай будущаго движенія въ Хиву, мы должны сказать, что онъ играетъ второстепенную роль при оборонѣ нашей зауральской степи. О Нижне-Эмбенскомъ укрѣпленіи нельзя утверждать и этого, такъ что уп-

разднепіе его, вмѣстѣ съ Карабутакомъ, Акъ-Тюбинскимъ и Уильскимъ укрѣпленіями, было бы очень желательно. Тогда часть употребляемыхъ нынѣ на ихъ занятіе военныхъ силъ и средствъ можно будетъ передвинуть на югъ и тѣмъ достигнуть болѣе дѣйствительнаго охраненія нашихъ предѣловъ съ меньшими тратами. Мысль эта, до нѣкоторой степени, признана въ послѣдніе годы и въ Оренбургѣ; но сдѣланныя оттуда разысканія пока не обнаружили въ заэмбенскихъ степяхъ и на Усть-Уртѣ ни одной мѣстности, годной для устройства прочнаго опорнаго пунта. Поэтому съ оренбургско-уральской линіи ежегодно, весною, высылаются довольно значительные подвижные отряды къ сторонѣ Барсуковъ, Аральскаго моря и сѣвернаго чинка, ходящіе по степямъ до осени. Отряды эти въ 1871 — 1872 годахъ успѣли гарантировать спокойствіе на орско-казалинской дорогѣ.

6) Обычное расположеніе военныхъ силъ и средствъ Россіи на приаральскомъ пограничномъ пространствѣ видно изъ квартирнаго ихъ росписанія и, конечно, не есть что-либо постоянное.

7) *Продовольствіе*, кромѣ мяса, всѣ оренбургскія степныя укрѣпленія получаютъ изъ-за Урала, помощью вьючной транспортировки, почему оно обходится очень дорого, напримѣръ для Эмбенскаго поста 9 рублей за четверть муки. Сыръ-дарьинская линія нынѣ кормится собственнымъ хлѣбомъ, изъ окрестностей Перовска; недостающее же количество, особенно морская провизія для флотиліи, привозится частью изъ Оренбурга, частью изъ Сыръ-дарьинской области. Скотъ для мяса, конечно, всюду есть свой. Обмундировка войскъ оренбургскихъ сполна идетъ изъ Европейской Россіи, а на Сыръ-дарьѣ часть одежды солдатъ, именно бѣлье и кожаные штаны, дѣлаются изъ мѣстныхъ туркестанскихъ матеріяловъ. Вооруженіе все доставляется изъ Европейской Россіи и состоитъ у стрѣлковыхъ батальоновъ изъ винтовокъ Бердана, а у прочей регулярной пѣхоты изъ игольчатыхъ ружей, впрочемъ еще несполна. Казаки же имѣютъ оружіе очень разнообразное, такъ что далеко не всегда даже въ одной сотнѣ у всѣхъ людей одинаковыя ружья. Полевая артиллерія имѣетъ орудія заряжающіяся съ казны, но въ укрѣпленіяхъ орудія старыхъ системъ, гладкостѣнныя. Укрѣпленія эти имѣютъ профили, по большой части, полевыя или нѣсколько большія ихъ по размѣрамъ, но безъ каменныхъ одеждъ. Впрочемъ, и въ этихъ оградахъ онѣ нуждаются мало, ибо степное укрѣпленіе не есть пунктъ предназначенный для выдержанія осады, а только штабъ-квартира, лагерь подвижного отряда или вообще

русской военной команды, которой назначеніе, прежде всего, быть военнымъ дозоромъ, разъѣздомъ, а не стражемъ одного даннаго мѣста, гдѣ бы она должна была отсиживаться за крѣпостными стѣнами. Простыя канавы и валики за крѣпостными стѣнами, которыхъ нельзя было бы перескочить на лошади, совершенно достаточны для охраны такого лагеря или, лучше, имѣющихся въ немъ складовъ, а затѣмъ на случай огнестрѣльной обороны довольно приспособить самыя зданія, занимаемыя людьми и складами, не насыпая большихъ и сложныхъ верковъ, требующихъ много времени и средствъ на сооруженія и поддержку. Расположеніе укрѣпленій на командующихъ высотахъ, какъ напримѣръ это сдѣлано въ Карабутакѣ и въ Нижне-Эмбенскомъ укрѣпленіи, также не требуется, ибо существенной пользы это не приноситъ, а между тѣмъ обыкновенно удаляетъ гарнизонъ отъ воды.

8) *Перевозочныя средства* въ при-аральскомъ пограничномъ пространствѣ состоятъ, главнымъ образомъ, въ киргизскихъ вьючныхъ верблюдахъ, изъ которыхъ каждый можетъ поднимать отъ двѣнадцати до шестнадцати пудовъ, смотря по времени года. Въ Каракумскихъ пескахъ верблюдовъ приходится иногда впрягать въ экипажи, такъ какъ лошади оказываются безсильными. Наемная плата за одного хорошаго верблюда въ мѣсяцъ можетъ составить отъ 10 до 20 рублей серебромъ, а иногда и больше, смотря по спросу, предложенію и свойствамъ предстоящаго пути. Изрѣдка перевозка тяжестей производится на телѣгахъ, запряженныхъ лошадьми или волами, а вдоль Сыръ-дарьи постоянно на пароходахъ аральской флотиліи, которые перевозятъ ежегодно до 120,000 пудовъ, и потому требуютъ до 375,000 пудовъ сухого саксаула и значительное количество каменнаго угля.

Въ Хивѣ, несмотря на многочисленность осѣдлаго населенія, перевозочныя средства почти тѣ же, что у киргизовъ, такъ что арбы встрѣчаются рѣдко. За то здѣсь не мало вьючныхъ ословъ и муловъ, которые соединяютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, выгоды лошадей и верблюдовъ. Стоитъ замѣтить, что въ случаѣ степныхъ походовъ можно и даже полезно имѣть всегда нѣкоторый запасъ верблюдовъ безъ вьюковъ, съ пустыми корзинами по бокамъ, дабы съ одной стороны перекладывать на нихъ тяжести съ устающихъ животныхъ, а съ другой везти посмѣнно людей, что дастъ возможность дѣлать съ пѣхотою переходы отъ тридцати до сорока верстъ въ сутки, дѣлая дневки лишь изрѣдка, на мѣстахъ особенно удобныхъ къ тому.

9) *Врачебныя средства* для нашихъ войскъ заключаются въ лазаретахъ по нѣкоторымъ изъ укрѣпленій и въ медикахъ, находящихся при войскахъ. Средства вообще недостаточны, особенно въ случаѣ повальныхъ болѣзней, какъ доказала холера въ 1872 году. При войскахъ Туркестанскаго военнаго округа, по отчету за 1870 годъ, недоставало болѣе половины врачей, положенныхъ по штату. Впрочемъ, задача медицины много облегчается въ при-аральскихъ степяхъ хорошимъ климатомъ, такъ что болѣзненность войскъ здѣсь меньше, чѣмъ, напримѣръ, въ Казанскомъ округѣ, несмотря на частые походы и ночлеги подъ открытомъ небомъ. Она станетъ еще меньше, если помѣщенія нижнихъ чиновъ улучшатся, такъ-какъ доселѣ имъ нерѣдко приходится жить въ землянкахъ. Введеніе въ общее употребленіе двойныхъ войлочныхъ юртъ, которыя бы замѣнили сырыя глиняныя постройки, особенно желательно съ гигіенической точки зрѣнія, тѣмъ больше, что, въ случаѣ зараженія одного мѣста, ихъ можно переносить въ другое; поддержка ихъ въ исправности не трудна, благодаря сосѣдству киргизовъ, приготовляющихъ войлоки, а пригодность къ перевозкѣ на вьюкахъ можетъ обезпечить для солдатъ крытыя помѣщенія и въ походахъ. Войска давно уже оцѣнили выгоды этого кочевого жилища и столько же любятъ его, какъ чай, который былъ употребляемъ ими задолго до введенія его въ офиціяльныя табели ихъ довольствія въ 1872 году.

Источники.

Изученіе при-аральскаго пограничнаго пространства почти сполна принадлежитъ нашему вѣку, и хотя еще въ прошломъ столѣтіи туда проникали цѣлые отряды войскъ, какъ Бековича-Черкасскаго, и обстоятельные изслѣдователи, какъ Гладышевъ, Муравинъ, Бланкенгагель, но собственно литературу предмета, имѣющую современный интересъ, можно начать съ «Путешествія въ Хиву» *Муравьева*, совершоннаго въ 1819 — 1820 годахъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ:

Бергъ: Отчеты и разныя записки объ экспедиціи на Усть-Уртъ въ 1826 году, которые въ подлинникѣ хранятся въ архивѣ Главнаго Штаба.

Ковырзинъ: Свѣдѣнія о Хивинскомъ ханствѣ, 1826; очень обстоятельная рукопись, составленная со словъ автора, астраханскаго мѣщанина.

Левшинъ: Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, 1832 г.

Я. Ханыковъ: Описаніе Хивинскаго ханства, составленное въ 1839 году, передъ экспедиціею генерала Перовскаго, въ высшей степени богатая содержаніемъ рукопись, заключающая въ себѣ все, бывшее извѣстнымъ о Хивѣ тридцать лѣтъ пазадъ. Рукопись эта принадлежитъ Главному Штабу и не имѣетъ на себѣ имени

автора; но изъ Записокъ Русскаго Географическаго Общества, кн. V, стр. 345, видно, что это былъ Я. Ханыковъ.

Официяльная переписка по хивинской экспедиціи 1839 — 1840 г. — дѣло Главнаго Штаба.

Abbot: Journey from Herat to Khiva ant Mangyshalk 1841.

Данилевскій: Описаніе Хивинскаго ханства, 1843. Подлинная рукопись принадлежитъ Главному Штабу и перепечатана въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества кн. V, впрочемъ съ опущеніемъ нѣсколькихъ главъ.

Иванинъ: Записки о Мангышлакѣ, объ Аму-дарьѣ и Хивинскомъ оазисѣ и о походѣ въ Хиву 1839 — 1840 годовъ.

Алексѣевъ: Описаніе при-эмбенскихъ степей и сѣверной половины Усть-Урта, богатая содержаніемъ рукопись, принадлежащая Главному Штабу.

Эверсманъ: Естественная исторія Оренбургскаго края.

Бларамбергъ: Военно-статистическое описаніе земли киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства.

Basiner: Naturwissenschaftliche Reise nach Chiva, 1848.

Макшеевъ: Описаніе Аральскаго моря въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества 1851. Его же описаніе низовій Сыръ-дарьи (Морской Сборникъ 1856 г.). и Статистическіе матеріялы о Туркестанскомъ краѣ (Записки Русскаго Географическаго Общества 1871 г.).

Ханыковъ: Пояснительная записка къ картѣ Аральскаго моря (Записки Русскаго Географическаго Общества 1851 г.).

П. Небольсинъ: О торговлѣ Россіи съ Среднею Азіею. Записки Русскаго Географическаго Общества кн. X.

Ханыковъ и Толстой: Списокъ астрономическихъ точекъ въ Средней Азіи. Тамъ же.

Борщовъ: Матеріялы для ботанической географіи Арало-Каспійскаго края.

Гренъ: Письма изъ Перовска въ «Военномъ Сборникѣ» 1859 г. и статьи объ укрѣпленіяхъ въ Оренбургскомъ краѣ, объ аральской флотиліи и пр. въ «Инженерномъ Журналѣ».

Зальсовъ: Письма изъ Хивы въ 1858 и статьи о посольствахъ въ Хиву Никифорова и Данилевскаго, все въ «Военномъ Сборникѣ».

Голосовъ: Походъ въ Хиву 1717 и походъ въ Хиву 1839 — 1840 годовъ (см. Иванина).

Величко (?): Описаніе пути въ Хиву отъ Сарайчиковой крѣпости въ 1803 г., изданное Григорьевымъ въ 1861 г. Записки Русскаго Географическаго Общества.

Килевейнъ: О Хивинскомъ ханствѣ при Сеидъ-Мухамедъ-ханѣ. Тамъ же.

Мейеръ: Статьи въ «Морскомъ Сборникѣ»: Объ устьяхъ Эмбы (1861) и о дельтѣ Сыръ-дарьи (1862), въ «Военномъ Сборникѣ» 1862 о Каратаускихъ горахъ, и рукопись о задарьинской степи до Дау-кары, принадлежащая Главному Штабу.

Зыковъ: О хивинскихъ дѣлахъ 1838 — 1840 годовъ (Русское Слово) и объ утвержденіи русскаго владычества на Аральскомъ морѣ и Сыръ-дарьѣ (Морской Сборникъ 1862 г.).

Назаровъ: Воспоминанія о степномъ походѣ въ Хиву и Бухару — «Военный Сборникъ» 1864.

Вамбери: Путешествіе въ Среднюю Азію 1863.

Ивашинцевъ: Очерки низовій Сыръ-дарьи — «Морской Сборникъ» 1864.

Бутаковъ: Дельта и устья Аму-дарьи — «Отечественныя Записки» 1866 и «Туркестанскія Вѣдомости» 1872. Его же рукописи: объ Аральскомъ морѣ и о плаваніи къ Кунграду въ 1858 г. въ архивѣ Главнаго Штаба; его же карта Аральскаго моря съ запискою въ Journal of London Geogr. Society.

Мейеръ: Описаніе области Оренбургскихъ Киргизовъ 1865.

Галкинъ: Этнографическіе матеріялы по Оренбургскому краю 1868.

Пашино: Туркестанскій край въ 1866 году.

Романовскій: Замѣтки по среднеазіятскому вопросу 1868.

Костенко: Средняя Азія и распостраненіе въ ней русской гражданственности, 1871 г.

Туркестанскій Ежегодникъ 1872.

Рукописный журналъ рекогносцировки въ 1871 г. Буканскихъ горъ *Головачева* и *Шарнгорста.*

Разныя рукописи и офиціяльныя бумаги Главнаго Штаба.

Карты:

Специяльная Оренбургскаго края, 10 в. въ 1 дюймѣ.

Географическая Оренбургскаго края, 50 в. въ 1 д., 1848 г., съ Хивою и значительною частью Туркменіи, но безъ критическаго выбора мѣстностей при новѣйшихъ исправленіяхъ.

Карта Средней Азіи Военно-Топографическаго Депо, изданіе 1863 года, постепенно исправляемое, впрочемъ неудовлетворительно.

Карта Аральскаго моря и Хивинскаго ханства, *Ханыкова,* составленная съ полнымъ знаніемъ дѣла, хотя нѣсколько устарѣвшая.

Карта Аральскаго моря, изданная морскимъ вѣдомствомъ, съ промѣрами, на основаніи работъ Бутакова и др. Съемка Аму-дарьи Можайскаго.

Географическія опредѣленія въ краѣ были дѣлаемы Леммомъ, Бутаковымъ, Струве и Шарнгорстомъ.

1 мая 1873.

Одиннадцатый участокъ: Туркменскій.

Положеніе и предѣлы пограничнаго пространства.

Несмотря на то, что еще во времена Петра Великаго нѣкоторые туркменскіе роды признали себя русскими подданными, мы и доселѣ не имѣемъ другой границы въ ихъ землѣ, какъ восточный берегъ Каспійскаго моря. Немного болѣе можно сказать и про киргизовъ, кочующихъ на Усть-Уртѣ, гдѣ рубежъ между подданными Россіи и Хивы ускользаетъ отъ всякаго опредѣленія. Если даже, для облегченія обзора, принять за сѣверный предѣлъ Туркменскаго участка изображаемую на картахъ границу Мангышлакскаго приставства, то и тутъ выйдетъ несообразность съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, такъ какъ восточная, при-аральская часть названнаго приставства въ дѣйствительности есть земля независимая отъ насъ, хотя по ней кочуютъ иногда не одни хивинскіе подданные, а и наши киргизы изъ родовъ адаевскаго и чумичли-табынскаго. Не менѣе любопытенъ вопросъ о южномъ предѣлѣ нашего государства по восточному берегу Каспія. Если, какъ оно есть на дѣлѣ, считать, что туркменскія земли простираются до рѣки Кара-су, впадающей въ Астрабадскій заливъ, если притомъ вспомнить, что туркмены-іомуды, жители этихъ мѣстъ, никогда не признавали себя подданными Персіи, а, напротивъ, не разъ искали покровительства Россіи, то, по справедливости, слѣдуетъ признать южнымъ предѣломъ нашихъ дѣятельности, вліянія и даже власти въ туркменской землѣ начало Астрабадскаго залива, гдѣ у насъ есть признанная персидскимъ правительствомъ морская станція. Однако еще въ 1870 году мы склонны были думать, что персидскія владѣнія простираются до Атрека, а въ Тегеранѣ, повидимому, такъ думаютъ и до сего времени, хотя, по справедливому выраженію туркменовъ, «ни одинъ персіянинъ не появляется у береговъ этой рѣки иначе, какъ на веревкѣ». Въ нашемъ обзорѣ, гдѣ дѣло идетъ не о политическихъ фикціяхъ, а о фактахъ стратегическаго значенія, естественно

пренебречь условною линіею по Атреку и разсматривать, какъ цѣльную окраину, всѣ закаспійскія степи отъ самаго Кара-су. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ сказать, что *русско-туркменская граница* начинается у Ашуръ-аде и идетъ вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря до Тюпъ-Карагана, сѣвернѣе котораго кочевья туркменъ не встрѣчаются. И какъ полуострова Мангышлакъ и Бузачи, а равно прибрежья залива Кайдакъ, входятъ въ составъ Мангышлакскаго приставства, котораго административный центръ именно у Тюпъ-Карагана, то за сѣверный предѣлъ туркменскаго *пограничнаго пространства* остается признать границу этого пространства, вслѣдствіе чего нашему обозрѣнію подлежатъ всѣ закаспійскія земли кавказскаго вѣдомства.

При такомъ взглядѣ на положеніе туркменской окраины мы можемъ сказать, что длина пограничной черты здѣсь равняется 1,920 верстамъ, не считая береговой линіи глубоко-вдавшихся въ материкъ заливовъ Гассанъ-Кули, Кара-бугаза, Кендерли, Александръ-яая и Кара-кичу. Опредѣлить же величину площади, подлежащей обзору, нельзя, такъ какъ восточные предѣлы ея не могутъ быть установлены, да и географія ея такъ мало извѣстно, что есть цѣлыя сотни верстъ, на которыхъ не ступала нога европейца. Для опредѣленія положенія страны на картѣ имѣется однако 65 астрономическихъ точекъ, которыя перечислены въ приложеніи къ настоящему обзору. Къ этимъ 65 пунктамъ можно было бы прибавить еще нѣсколько на сѣверѣ Персіи, на югѣ оренбургской степи и въ Бухаріи, если бы понадобилось начертить карту всѣхъ вообще туркменскихъ степей; но очевидно, что эти точки лежатъ внѣ того пространства, которое насъ можетъ интересовать, и притомъ онѣ расположены все-таки по окраинамъ туркменской земли. Географія же средины ея остается при самомъ ограниченномъ числѣ надежныхъ основаній, и отъ того нѣтъ двухъ картъ ея, которыя одни и тѣ же предметы показывали бы на тѣхъ же мѣстахъ. Съемки внутри страны также начались не очень давно, и если Мангышлакъ изслѣдованъ еще въ 1840-хъ годахъ, то мѣстности на югъ отъ параллели Кара-бугаза стали наноситься на планъ не ранѣе 1871 года и для окончательнаго ихъ осмотра потребуется еще много времени.

Топографія.

Важнѣйшая топографическая особенность туркменскаго пограничнаго пространства состоитъ въ томъ, что оно почти не имѣетъ

горъ, рѣкъ и прѣсноводныхъ озеръ, и что почва его, большею частью песчаная или глинисто-солонцеватая, совершенно лишена растительности, за исключеніемъ рѣдкихъ кустарниковъ саксаула и жигдовника, да кое-какихъ степныхъ или солонцовыхъ травъ. Это пустыня въ самомъ печальномъ смыслѣ слова.

Единственныя возвышенности въ этой горизонтальной равнинѣ, которой небольшая часть лежитъ даже ниже уровня океана *), суть: 1) *чинкъ* или обрывъ Усть-Урта, обширной, высокой равнины, занимающей сѣверную часть страны, между Араломъ и Каспіемъ, и вызвышающейся нерѣдко надъ сосѣдними низменностями до 500 и болѣе футовъ; 2) горы *Балханскія*, состоящія изъ двухъ массивовъ, раздѣленныхъ русломъ бывшей Аму-дарьи, и 3) горы *Кюрренъ-дагъ* и *Кепетъ-дагъ*, ограничивающія съ сѣвера бассейнъ рѣки Атрека. Положеніе «чинка» на востокѣ, сѣверѣ и западѣ хорошо извѣстно по съемкамъ; на югѣ же его изгибы представляются недовольно еще изслѣдованными, такъ что приходится руководствоваться отчасти отрывочными наблюденіями, а отчасти даже распросами.

Согласно послѣднимъ, собраннымъ еще въ 1859 г. Дандевилемъ, отъ западной оконечности бывшаго Айбугирскаго озера чинкъ направляется къ юго-востоку, на протяженіи 38 верстъ, и подходитъ къ бывшему руслу Аму-дарьи. Образовавъ здѣсь острый уголъ, на оконечности котораго находится гора Чась-тюбе, онъ поворачиваетъ вдоль русла прямо на западъ и тянется на 12 верстъ до развалинъ бывшей хивинской крѣпостцы Дау-Кисень. Потомъ, поворотивъ на сѣверо-востокъ и отойдя отъ русла верстъ на 40, загибается снова на югъ и подходитъ къ руслу мысомъ Иръ-муруномъ, образовавъ такимъ образомъ полуциркъ или впадину до 20 верстъ шириною. На краяхъ этой впадины, т. е. на берегу бывшаго залива, замѣчательны мысъ Ханъ-Терсеги и могила Ибрагимъ-ата, почитаемая у туземцевъ какъ святыня. Отъ мыса Ира-мурунъ чинкъ тянется на 35 верстъ къ юго-западу, вдоль бывшаго протока Аму-дарьи, называемаго Сарыкамышскимъ, до м. Ахъ-бурупа. Между этимъ мысомъ и мысомъ Кара-ярсыкъ, лежащимъ въ 36 верстахъ на сѣверо-западъ отъ перваго, чинкъ образуетъ правильную полукруглую лощину, имѣющую до 20 верстъ ширины, а отъ Кара-

*) Каспійское море ниже океана на 86 футовъ, а многія прибрежныя мѣстности высятся надъ нимъ едва на 3—4 фута.

ярсыка идетъ опять вдоль русла Аму-дарьи на югъ цѣлыя 200 верстъ, до колодцевъ Куртышъ. На этомъ послѣднемъ пространствѣ онъ образуетъ два замѣчательные выступа: м. Акъ-джійнышъ и другой у колодцевъ Чарышлы, лежащихъ въ руслѣ Аму-дарьи. Здѣсь же находится спускъ съ него къ Сары-камышу. За Чарышлами до кол. Куртышъ чинкъ носитъ названіе Кафланъ-кыра и идетъ вплоть у стараго русла Окса, но потомъ повидимому нѣсколько отступаетъ отъ него внутрь Усть-Урта, т. е. къ сѣверо-западу. По крайней мѣрѣ у колодца Игдовъ, въ 50—60 верстахъ отъ Куртыша, чинка не замѣтно, хотя правый берегъ русла и крутъ. Новый его подступъ къ руслу, здѣсь уже хорошо обслѣдованному замѣчается верстахъ въ 40 ниже, т. е. западнѣе Игдовъ, и тутъ онъ, подъ названіемъ, Богурусланъ-кыра, сопровождаетъ узбой (т. е. русло) на 45 верстъ, особенно приближаясь къ нему близъ озера Джамала и колодца Арватъ. За колодцемъ Бургунъ обрывъ Устъ-Урта вновь отклоняется къ сѣверо-западу, и узбой пролегаетъ среди невысокой песчаной степи, пока мало-по-малу, верстъ черезъ 70, не коснется юго-восточной оконечности Балханьскихъ горъ у кол. Буурудяжи.

Этотъ, не вполнѣ еще изслѣдованный чинкъ составляетъ довольно важный въ степи предметъ какъ въ топографическомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ служитъ рѣзкою раздѣльною чертою между сравнительно высокимъ Усть-Уртомъ и низменными степями лѣваго берега прежней Аму-дарьи. Крутизна обрыва такова, что спуски по немъ встрѣчаются лишь мѣстами и вообще очень круты, а потому можно стоять на Усть-Уртѣ очень близко отъ Аму, видѣть ея русло и не быть въ состояніи достигнуть его. Во-вторыхъ, чинкъ обозначаетъ собою, предѣлъ распространенія къ югу глинисто-известковой почвы Усть-Урта, которая у подошвы его смѣняется песками и солонцами; сообразно этому измѣняется и характеръ скудной степной растительности. Вода на низменности, особенно въ старомъ руслѣ Аму, также находится въ иныхъ условіяхъ и представляетъ иныя качества, чѣмъ на Усть-Уртѣ: она лучше и держится не въ столь глубокихъ колодцахъ, какъ на этой пустынной возвышенности. Въ руслѣ Аму даже обыкновенно находятъ вполнѣ прѣсную воду на нѣсколькихъ футахъ подъ поверхностью почвы. Наконецъ, южный чинкъ образуетъ до нѣкоторой степени этнографическую границу киргизовъ съ юга, которую они никогда не переходятъ, хотя, съ своей стороны, туркмены распространяются далеко на сѣверъ отъ этой раздѣльной линіи.

Распространяющійся на сѣверѣ отъ древняго русла Оксуса и его крутого праваго берега Усть-Уртъ представляетъ часто сплошную равнину на многія сотни верстъ. Главные мѣстныя предметы, которые можно встрѣтить тутъ на твердо-глинистой, хрящеватой или известковатой почвѣ, суть солонцоватыя грязи и, обыкновенно въ сосѣдствѣ ихъ, пески, кочковатые и бугристые. Но на меридіанѣ Карабугаза, къ сѣверу отъ этого залива и въ направленіи къ заливу Кайдакъ, лежитъ глубокая и широкая впадина, которой поверхность обнажилась отъ водъ, очевидно, позднѣе, чѣмъ самый Усть-Уртъ. Эта впадина или лощина имѣетъ отъ 30 до 60 верстъ ширины и наполнена песками (Сынгыръ-кумъ, Карынъ-ярыкъ), солонцами и грязями. Чинкъ обрамляетъ ее съ востока и запада, чѣмъ и обнаруживается для путешественника перерывъ Усть-Урта, раздѣленіе его на западную и восточную половины; изъ нихъ первая, меньшая, образуетъ ту страну, которую мы называемъ *Мангышлакомъ*, по имени полуострова, составляющаго западную ея оконечность. Мѣстность Мангышлака уже разнообразнѣе, чѣмъ восточная половина Усть-Урта. Именно, въ широтахъ 44° 5′—44° 25′ здѣсь проходятъ двѣ параллельныя цѣпи небольшихъ высотъ Акъ-тау и Кара-тау, служащія границею между полуостровами Мангышлакомъ и Бузачи, изъ которыхъ первый возвышенъ, а послѣдній, напротивъ, низменъ. По свидѣтельству Иванина, на Кара-тау есть вершины (Карачеку) до 2,450 ф. надъ моремъ, а въ промежуткѣ ихъ и Акъ-тау лежатъ высокія долины Бека, Акъ-тюбе, Башъ-кочукъ, Керасаръ и др., отъ 2 до 8 верстъ шириною и весьма богатыя травами даже въ жаркое время года. Здѣсь же найденъ каменный уголь, впрочемъ годный скорѣе на приготовленіе газа, чѣмъ на топливо, такъ какъ содержитъ въ себѣ 8% сѣрнаго колчедана, 48% жидкихъ веществъ и не болѣе 43% чистаго углерода.

Другое широкое углубленіе въ почвѣ Усть-Урта есть промежутокъ между нимъ и сѣвернымъ скатомъ Балханскихъ горъ, такъ называемые пески Чиль-Маметъ-Кумъ, которые подходятъ къ руслу Аму-дарьи между колодцами Акча и Декча, а на сѣверо-западъ распространяются до окрестностей Гезли-ата, т. е. въ общемъ итогѣ слишкомъ на 100 верстъ въ длину и на 35 въ ширину. Но эта песчаная низменность не доходитъ на сѣверѣ до залива Кара-бугаза, а отдѣляется отъ него рядомъ высотъ, принадлежащихъ къ составу Усть-Урта. Идя отъ Гезли-ата къ Сары-камышу, поперегъ всего Усть-Урта, встрѣчаемъ также не мало мѣстныхъ, небольшихъ углубленій, какъ бы озеръ или старыхъ рѣчныхъ руслъ, которыя

показываютъ, что нѣкогда и въ этой пустынѣ были вмѣстилища водъ стоячихъ и даже текучихъ.

Съ переходомъ отъ Усть-Урта на югъ, за сухое русло Аму-дарьи, мы вступаемъ въ страну мало извѣстную, даже съ распросовъ, за исключеніемъ пространства, осмотрѣннаго въ 1870—72 годахъ. Наиболѣе важные мѣстные предметы здѣсь, начиная съ востока, суть: болота по низовьямъ рѣкъ *Мурхаба* и *Теджента*, вытекающихъ изъ Гурзевана и Хорасана и теряющихся въ степи; высоты *Кепетъ-дагъ* или *Кюрянъ-дагъ*, которыхъ сѣверный скатъ обрывистъ, а южный пологъ и питаетъ нѣкоторые притоки рѣки Атрека; наконецъ, высоты, сосѣднія заливу Балханскому и носящія названія *Кичи-Балханъ*, *Улу-Балханъ* и *Курря*. Свѣдѣнія наши о низовьяхъ Мурхаба и Теджента очень поверхностны, ибо немногіе путешественники, бывшіе по близости ихъ, Борнсъ, Абботъ, Вамбери, говорятъ о нихъ очень мало. Высоты Кепетъ-дага также извѣстны лишь западнѣе Беурмы, гдѣ онѣ не превосходятъ 2,035 футовъ надъ океаномъ. Гора Парау, которая, по прежнимъ распросамъ, должна быть высочайшею въ этой цѣпи, еще не была видѣна нашими путешественниками, а потому, вмѣстѣ съ остальными горными кряжами, тянущимися къ Серахсу, наносится на карты лишь приблизительно.

Что касается до высотъ, опоясывающихъ Балханскій заливъ, то онѣ начинаются у Каспійскаго моря, известковою горою *Кайтапа*, которая извѣстна своею пещерою. Отсюда на востокъ лежатъ высоты *Бектемиръ* и *Уфракъ*, прилегающія вплоть къ берегу залива. И тѣ и другія совершенно пустынны, лишены растительности и даже содержатъ немного колодцевъ, изъ которыхъ лучшіе по качеству воды суть Балкуи, на сѣверо-западѣ отъ Красноводска. Продолженіе этихъ высотъ къ востоку, такъ называемый *Кюрренынъ-кары*, тянется вдоль всего сѣвернаго берега Балханскаго залива, у восточнаго конца котораго высятся холмы Иртыхъ-Бурулъ, и далѣе къ востоку Огланлы, и, наконецъ, въ 150 верстахъ отъ Красноводска, Улу Балханъ, съ вершиною *Диремъ-дагъ*. Высота Диремъ-дага простирается до 5,360 футовъ надъ океаномъ, и гора открывается взору иногда за сто и болѣе верстъ. Весь массивъ Улу-Балхана, растянутый отъ запада на востокъ, состоитъ изъ крутыхъ скалистыхъ высотъ, между которыми быстро сбѣгающія дождевыя воды прорыли не мало ущелій. Юго-восточный отклонъ сначала весьма крутой, потомъ постепенно спускается къ узбою, т. е. руслу Аму-дарьи, въ которое и падаетъ небольшими обрывами. Малый

Балханъ (Кичи-Балханъ, 2,567 футовъ) лежитъ прямо на югъ отъ восточной половины Большого, и составляетъ какъ бы отрывокъ начинающагося на востокъ отъ него Кюрянъ-дага, такъ что если бы наводнить туркменскія степи, то онъ являлся бы небольшимъ островомъ противу западной оконечности материка Всѣ вообще Балханскія горы совершенно пустынны, и лишь по нѣкоторымъ ихъ ущельямъ и покатостямъ растутъ можжевеловыя деревца да кусты черешни, смоквы и барбариса; травъ же на нихъ мало, и онѣ горьки на вкусъ. Ядро горъ слагается изъ раковистаго известняка и песчаника, изъ которыхъ въ очень немногихъ мѣстахъ показываются ключи. При одномъ изъ нихъ, на сѣверо-западѣ отъ Диремъ-дага, находилась въ прежнее время крѣпостца Ташъ-арватъ, а другой, Буре-су, среди Большого Балхана, въ ущельѣ, извѣстенъ за вкусъ и чистоту его, впрочемъ необильной, воды.

Чтобы окончить излагаемую здѣсь орографію Туркменіи, намъ остается сказать нѣсколько словъ о горахъ, обставляющихъ на крайнемъ юго-западѣ страны бассейны двухъ рѣкъ, Атрека и Гюргени, съ имъ небольшими притоками. Обѣ названныя рѣки начинаются въ Хорасанскихъ горахъ и направляются сначала на сѣверозападъ, а потомъ склоняются къ юго-западу. У Атрека есть нѣсколько притоковъ слѣва и справа; но всѣ они маловодны, по той, конечно, причинѣ, что выходятъ изъ невысокихъ горъ и текутъ въ странѣ, гдѣ атмосфера очень суха. Именно, въ горахъ Кепетъ-дагъ, ограничивающихъ атрекскій бассейнъ съ сѣвера, не найдено пока вершинъ, переходящихъ за 2,300 ф., а перевалъ Уйла-Кошлюкъ, на ю.-з. отъ Кизылъ-арвата, достигаетъ только 1,997 ф. Гюргень напротивъ, питается изъ кряжей болѣе возвышенныхъ и увлажаемыхъ дождями, которые западный вѣтеръ приноситъ съ сосѣдняго Каспія, а потому гораздо многоводнѣе Атрека, хотя и короче его. Наивысшая точка въ Астрабадской провинціи, пограничной съ туркменской землей, есть *Гезъ-дагъ*, 7,300 футовъ; но онъ уже лежитъ внутри Персіи, наравнѣ со всѣми Хорасанскими горами, вдоль которыхъ идетъ лучшая дорога отъ береговъ Каспійскаго моря въ Афганистанъ и которыя даютъ начало Теджену и другимъ сѣверо-персидскимъ рѣкамъ, иссякающимъ при выходѣ на песчаную туркменскую низменность. Эта послѣдняя низменность вообще составляетъ, до самой Хивы, совершенную пустыню, извѣстную подъ именемъ *Каракумъ* (Черные Пески) и обитаемую лишь у подножія Кепетъ-дага и по немногимъ оазисамъ.

Этотъ очеркъ строенія почвы внутри туркменской земли приво-

дитъ насъ теперь къ обозрѣнію той ея окраины, которая лежитъ къ сторонѣ Россіи и доселѣ одна находится въ прямой зависимости отъ насъ. Разумѣемъ восточный берегъ Каспійскаго моря. Ежели начать описаніе его съ сѣвера, отъ залива *Кайдакъ*, то мы должны прежде всего сказать, что вдоль восточнаго берега этого залива идетъ почти по прямой линіи чинкъ, т. е. обрывъ Усть-Урта, очень крутой, но нигдѣ не прилегающій прямо къ берегу, такъ что остается полоса песковъ отъ двухъ до трехъ верстъ. Затѣмъ, западный берегъ того же залива Кайдакъ и весь полуостровъ *Бузачи* представляютъ низменность, наполненную песками, солонцами и камышевыми болотами. Только отъ заливовъ *Кошакъ* и *Сарташъ* берегъ Каспійскаго моря становится выше, благодаря приближенію чинка и горъ Акъ-тау и Кара-тау. Крайняя западная оконечность Усть-Урта, упираясь въ море, образуетъ высокій мысъ *Тюпъ-Караганъ*, и отсюда берегъ Каспія поворачиваетъ на югъ. До самаго мыса *Мѣлового* онъ состоитъ изъ известковыхъ скалъ, почти вплоть подходящихъ къ водѣ. Далѣе къ *Кендерлинскому* заливу и *Карабугазу* обрывъ становится не такъ высокъ, отступаетъ мѣстами отъ берега, но все еще замѣтенъ до самой горы *Куйматъ* на западной сторонѣ карабугазской косы, гдѣ онъ окончательно замѣняется песчаною степью. Эта степь переходитъ и на югъ отъ Карабугазскаго пролива, на полуостровъ Балханскій, и здѣсь разстилается до самой подошвы горъ *Кюрря*, будучи наполнена остатками соляныхъ озеръ. Чинкъ же обходитъ заливъ Курабугазъ съ сѣвера и востока, нигдѣ, однако, не имѣя той высоты, какъ на Мангышлакѣ, за исключеніемъ восточнаго берега залива, между горою *Куланъ-Гурланъ* и мысомъ *Салакъ-сенгиръ*. Весь сѣверный берегъ Балханскаго залива, кромѣ песчаной косы Красноводской, скалистъ и высокъ; южный же, принадлежащій полуострову *Дарджъ*, опять низменъ, хотя и не въ такой степени, какъ слѣдующій далѣе къ югу до Гассанъ-Кули и Кара-су. На этомъ послѣднемъ особенно любопытна такъ называемая *Хивинская коса* — полоса песку версты въ двѣ шириною, отдѣленная отъ моря длиннымъ солончакомъ, за которымъ уже начинается матерая земля, также весьма низменная и большею частью песчаная. Море у этого берега очень мелко, тогда какъ въ западной половинѣ Балханскаго залива и на сѣверъ отъ него до Тюпъ-Карагана оно на столько глубоко, что большія суда могутъ подходить къ берегу на сто и менѣе саженъ.

Противъ Хивинской косы, мореплаватели, держась изъ осторожности верстахъ въ 10—12 отъ берега, обыкновенно не видятъ его,

и только два бугра, *Зеленый* и *Бѣлый*, служатъ для нихъ признаками сосѣдства земли. За Гассанъ-Кули берегъ опять песчанъ и низменъ, но уже не имѣетъ солонцоватой полосы, а въ замѣнъ того поросъ камышомъ, особенно при устьяхъ Гюргени, т. е. южнѣе такъ называемаго *Серебрянаго* бугра *). Устье *Кара-су*, настоящей границы Туркменіи съ Персіей, болотисто, какъ и большая часть русла ея, а лежащій нѣсколько сѣвернѣе этого устья, при входѣ въ Астрабадскій заливъ, островъ *Ашуръ*, на которомъ учреждена наша морская станція, песчанъ и низменъ.

Общая длина береговой границы, отъ устья Кара-су на югѣ до предѣловъ Мангышлакскаго приставства на сѣверѣ, составляетъ 1,920 верстъ, не считая заливовъ *Гассанъ-Кули*, *Карабугаза* и *Ащи*, **) которые соединяются съ моремъ столь узкими проливами, что образуютъ почти внутреннія озера. Это, стало быть, почти столь же длинная береговая линія, какъ на Балтійскомъ морѣ отъ Полангена до Торнео, и разница состоитъ только въ томъ, что здѣсь мы стоимъ на морѣ противъ суши, тогда какъ у балтійскихъ береговъ на сушѣ противу моря. Такое обстоятельство заставляетъ насъ съ особенною внимательностью изучать вообще водяной путь по Каспійскому морю, и преимущественно тѣ заливы и бухты у его восточнаго берега, которые представляютъ удобства для стоянки судовъ и высадки войскъ, и даже для устройства прибрежныхъ осѣдлостей, хотя въ послѣднемъ отношеніи весь берегъ Туркменіи весьма неудобенъ по совершенной своей безплодности. Съ точки зрѣнія мореплаванія, прежде всего нужно замѣтить, что вся сѣверная часть моря, по сѣверной сторонѣ Мангышлака и Бузачи, а также въ заливѣ Кайдакъ, крайне неудобна для большихъ кораблей, которые должны бываютъ останавливаться за 40, 50 и даже 70 верстъ отъ берега, чтобы начать высадку или выгрузку сначала на кусовыхъ лодкахъ, потомъ на небольшихъ челнокахъ, а наконецъ и просто пѣшкомъ черезъ бурунъ. Благодаря этому способу выгрузки, неизбѣжному по мелководью, въ 1830-хъ годахъ, при доставкѣ снабженія въ укрѣпленіе Александровское, у залива Кайдака, платилось отъ 20 до 25 рублей ассигнаціями за перевозку сажени дровъ въ это укрѣпленіе изъ Астрахани. Отъ Тюпъ-Кара-

---

*) Бугоръ этотъ образовался отъ наноса песку вокругъ развалинъ старинной каменной стѣны, которая тянулась на востокъ почти до самаго Буджнурда, т. е. на протяженіи около 300 верстъ. Западнѣе Серебрянаго бугра, ея продолженіе видно на 28 верстъ подъ водою, въ морѣ.

**) Заливъ Ащи въ послѣднее время высохъ.

гана къ югу, напротивъ, море вездѣ достаточно глубоко до самаго залива Балханскаго. Здѣсь находятся хорошія якорныя стоянки: въ бухтѣ *Александровской*, на сѣверо-западной сторонѣ Мангышлака; у мысовъ *Сагынды* и *Мѣлового* (при вѣтрахъ N. и O.); въ заливѣ *Александръ-бай* или *Бектурли-ишанъ*; въ *Кендерлинскомъ* заливѣ *); въ сѣверо-западной части самаго залива *Балханскаго*, гдѣ бухта *Соймонова* имѣетъ глубины 14 футовъ, бухта *Муравьева* 16 футовъ, и даже у самой оконечности *Красноводской* косы есть небольшая якорная стоянка для мелкихъ судовъ **), и наконецъ, въ заливѣ *Михайловскомъ*. Кромѣ того, суда могутъ по близости восточнаго берега Каспійскаго моря укрываться отъ вѣтровъ въ бухтѣ *Караkуль*, на южной сторонѣ озера Челекени. Но къ югу отсюда, до самаго *Астрабадскаго* залива, нѣтъ ни одного рейда, гдѣ корабли могли бы оставаться на якорѣ, и опасность плаванія увеличивается крайнимъ мелководіемъ берега, туманами, одѣвающими его зимою и осенью, или же западными вѣтрами, которые нерѣдко дуютъ съ большою силою. Заливъ *Гассанъ-кули*, который на географической картѣ представляется прекрасною естественною гаванью, на самомъ дѣлѣ есть большая лужа, заросшая на половину камышами и имѣющая глубины всего три фута. Южнѣе его, у *Серебрянаго Бугра*, палубныя суда должны бываютъ останавливаться отъ берега въ семи верстахъ и самыя шлюпки не подходятъ непосредственно къ берегу, а люди высаживаются пѣшкомъ чрезъ буруны. Только въ *Астрабадскомъ* заливѣ корабли имѣютъ надежную стоянку, на глубинѣ отъ 15 до 17-ти футовъ.

Объ обширномъ заливѣ *Карабугазскомъ*, который не упомянутъ выше на ряду съ другими развѣтвленіями Каспійскаго моря, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія. Общая окружность его простирается до 500 верстъ; берега на сѣверѣ и востокѣ круты, на югѣ и западѣ песчаны и низменны. Съ моремъ онъ соединяется проливомъ около пяти верстъ длиною, 125 саженъ шириною и 4-хъ саженъ глубиною; самъ по себѣ вообще мелководенъ. Находясь среди степей, отличающихся сухостью воздуха, онъ отдѣляетъ такую массу испареній, что на пополненіе утраты вода изъ Каспія съ силою стре-

---

*) Наибольшая глубина среди залива 35 футовъ, у входа 28 футовъ.

**) Напротивъ, восточная часть залива Балханскаго очень мелка и, по иловатому грунту, неудобна даже для гребныхъ судовъ. Уровень воды притомъ измѣняется въ этой части залива сообразно съ вѣтромъ и бываетъ наибольшимъ при западномъ вѣтрѣ.

мится черезъ проливъ и образуетъ тамъ теченіе около двухъ узловъ въ часъ. Этотъ приливъ соленой воды и испареніе прѣсной, невознаграждаемое дождями, производятъ то, что вода Карабугаза необычайно солона, такъ что ни одна рыба не можетъ въ немъ жить. Коса, отдѣляющая заливъ отъ моря, песчана и столь низка, что черезъ нее можно, въ случаѣ нужды, перетаскивать лодки для плаванія въ заливѣ. Но такое плаваніе непріятно и даже опасно, ибо прибой волнъ у береговъ довольно высокъ. Изрѣдка въ Карабугазъ заходятъ лодки промышленниковъ за тюленями или рыбаковъ, спасающихся въ проливъ отъ сильныхъ западныхъ вѣтровъ на морѣ. Вслѣдствіе довольно сильнаго теченія въ проливѣ, всегда направленнаго въ одну сторону, туркмены говорятъ, что Карабугазъ сосетъ воду изъ Каспійскаго моря, что и справедливо: не будь его, море это высыхало бы менѣе быстро.

Сверхъ заливовъ и бухтъ, на Каспійскомъ морѣ заслуживаютъ еще вниманія нѣкоторые острова, особенно же архипелагъ, лежащій южнѣе залива Балханскаго. Всѣ составляющіе его острова песчаны и низки, и только на самомъ большомъ, *Челекени*, середина имѣетъ нѣсколько высотъ, между которыми гора *Чохракъ* есть наибольшая. Челекень совершенно безплоденъ, какъ и всѣ окрестныя мѣстности, почти не имѣетъ воды, а какая и есть въ ключахъ, то соленая; но онъ замѣчателенъ по богатству нефти, которой источники или колодцы, въ числѣ до 3,000, разсѣяны по многимъ частямъ острова. Другое его богатство есть соль, добываемая изъ озеръ, особенно изъ лежащаго на востокѣ, *Агашлы-баши*. Островъ Огурчинскій или *Айдакъ*, лежащій къ югу отъ Челекени, не производитъ нефти; но въ замѣнъ того имѣетъ нѣсколько растительности, жигдовника и тростника, и прѣсную воду въ колодцахъ не болѣе 1½ аршина глубиною. Есть на немъ и солонцоватыя озера, въ которыхъ послѣ жаровъ соль садится красивыми разноцвѣтными кристаллами. Длинный и узкій островъ этотъ совершенно низокъ, и почва его образована изъ песку и ракушки.

Отъ обзора моря и лежащихъ среди его частей суши перейдемъ къ описанію тѣхъ водъ, которыя, въ свою очередь, скопились на поверхности материка. На всемъ протяженіи туркменскаго пограничнаго пространства нѣтъ ни одного значительнаго озера, особенно прѣсноводнаго. Наибольшія суть: *Батыръ-куль*, *Каунды* (пересыхающее), *Тузъ-куль*, *Кошкаръ-ата* на Мангышлакѣ, всѣ соленыя; *Кукуриата* на Балханскомъ полуостровѣ и *Кызанъ* на Бузачи — тоже. На Усть-Уртѣ вовсе нѣтъ озеръ, а сохранились только мѣстами солонцо-

ватыя грязи, изъ которыхъ самыя обширныя суть *Барса-кальмасъ*, подъ 44° широты и въ 75 верстахъ отъ Аральскаго моря. Еще менѣе обильна Туркменія водами текучими. Кромѣ названныхъ уже не разъ рѣчекъ Кара-су, Гюргени и Атрека, съ ихъ немногими притоками, на всемъ пространствѣ отъ Оренбургской степи до Персіи и отъ Каспійскаго моря до Хивинскаго оазиса, нѣтъ ни одной. Рѣчка *Карасу*, пограничная съ Астрабадской провинціей, имѣетъ едва 60 верстъ длины и состоитъ изъ ряда болотистыхъ омутовъ, которые заросли камышами. Низовья Гюргени имѣютъ тотъ же характеръ. Рѣка здѣсь раздѣляется на рукава, изъ которыхъ главный есть лѣвый, образующій невдалекѣ отъ устья лиманъ *Караваль*, изъ котораго два рукава, *Ходжа-Пефесъ* и *Кичикъ-Гюргенъ*, текутъ непосредственно въ море, раздѣляясь впрочемъ снова каждый на двѣ небольшія вѣтви. Общее число устій Гюргени семь; но только въ нѣкоторыя изъ нихъ могутъ входить съ моря небольшія туркменскія лодки. Верховья же этой рѣки, верстахъ во 150 отъ моря, орошаютъ лучшую часть Туркменіи, гдѣ тѣснятся многочисленные аулы іомудовъ и ихъ сосѣдей гокленовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга рѣчкою Караджа-су. Здѣсь по горамъ встрѣчается довольно роскошная растительность, даже деревья. Вершины горъ одѣты лѣсами, на покатостяхъ растутъ гранатники, грецкій орѣхъ, виноградъ, смоквы и шелковица. Словомъ, вся влажность, уносимая отъ южной половины Каспія западными вѣтрами, осаждается здѣсь и оплодотворяетъ почву до такой степени, что мѣстность по верховьямъ Гюргени представляетъ рѣзкое исключеніе въ массѣ туркменскихъ земель: это какъ бы туркменскій рай.

Рѣка *Атрекъ* мелководнѣе Гюргени, несмотря на то, что длиннѣе ея и имѣетъ въ верховьяхъ нѣсколько притоковъ. Начало ея въ Хорасанѣ, на юго-востокъ отъ Ширвана, мимо котораго она протекаетъ. Выйдя изъ Персіи въ Туркменію, она сопровождается еще нѣкоторое время горами, справа *Занс-дагомъ*, слѣва *Курдъ-личемъ*. Она принимаетъ здѣсь справа, между прочимъ, рѣку Сумбаръ съ притокомъ Чандыръ, которыя обѣ служатъ для орошенія туркменскихъ полей помощью выведенныхъ изъ нихъ арыковъ. Средняя и нижняя часть Атрека проходитъ холмистою степью, гдѣ рѣка мало по малу становится маловоднѣе, хотя и не отдѣляетъ арыковъ, по причинѣ крутыхъ береговъ. Въ шести верстахъ ниже бугра *Козу-куранъ*, Атрекъ раздѣляется на нѣсколько главныхъ рукавовъ, которые, версты четыре ниже, впадаютъ многочисленными мелкими рукавами въ заливъ Гассанъ-Кули. Устья Атрека очень

мелки, берега около нихъ низки и илисты, вода мутна, но теченіе быстро. Въ полную воду Атрекъ разливается на значительное пространство и тогда оставляетъ на долинѣ много илу, который даетъ превосходные урожаи. Въ сухое время онъ мелокъ и вода въ немъ солоноватая.

Къ сѣверу отъ Атрека нѣкогда предполагалась впадающею въ Каспійское море рѣка *Теджентъ;* но теперь достовѣрно извѣстно, что она теряется въ пескахъ и въ камышахъ по крайней мѣрѣ въ 480 верстахъ къ востоку отъ морскихъ береговъ и, вѣроятно, если когда впадала въ Каспій, то, при посредствѣ Аму-дарьи, наравнѣ съ Мервью (Мурхабомъ). Затѣмъ вниманіе наше останавливается на пересохшемъ руслѣ самой *Аму-дарьи.* Всѣ преданія средне-азіятцевъ подтверждаютъ свидѣтельства древнихъ писателей, что Аму-дарья, подъ именемъ Окса, впадала въ Каспійское море. У хивинцевъ, туркменовъ и киргизовъ, кромѣ того, есть довольно опредѣлительное показаніе, что отводъ ея въ Аральское море сдѣланъ первоначально въ XIII вѣкѣ, а потомъ запруда поддерживалась постоянно, хотя и не всегда успѣшно, такъ какъ напоръ воды прорывалъ плотины. Объ одномъ изъ подобныхъ прорывовъ, случившихся въ 1850 году, имѣются нѣкоторыя распросныя свѣдѣнія, свидѣтельствующія, что вода дошла въ то время до Сары-камыша, находящагося въ 110 верстахъ отъ Куня-Ургенча, и залила площадь въ 375 квадратныхъ верстъ. И это, не смотря на то, что рѣчная вода Окса изливается пятнадцатью устьями въ Аральское море и наполняетъ, посредствомъ одиннадцати большихъ и множества мелкихъ каналовъ, всѣ поля Хивинскаго ханства, а значительную часть дельты обращаетъ въ болото. Споры о времени прекращенія притока Аму въ Каспійское море здѣсь, разумѣется, не могутъ подлежать разсмотрѣнію; затѣмъ относительно теперешняго положенія ея русла мы находимъ у Муравьева, Бларамберга, Данделиля, Вамбери, Маркозова и особенно Стебницкаго слѣдующія точныя данныя.

Прежнее русло Аму-дарьи, направленное къ Каспійскому морю, начинается у крѣпостцы Бентъ, лежащей, между городами Кипчакомъ и Ходжейли, на плотинѣ, которая ограждаетъ лѣвый берегъ настоящей рѣки, пропуская однако часть водъ ея на западъ, въ рукавъ *Лауданъ.* Въ сорока верстахъ отъ Бента изъ Лаудана, направляющагося къ Айбугиру, отдѣляется къ юго-западу рукавъ *Сакраукъ,* на которомъ, въ двадцати верстахъ отъ вершины, находится городъ Куня-Ургенчъ съ плотиною, построенною хивин-

цами для удержанія воды въ нынѣшнемъ руслѣ Аму. Отъ Куня-Ургенча начинается уже сухое русло, *узбой*, который идетъ къ юго-западу и въ сорока верстахъ, у подошвы чинка, близъ развалинъ укрѣпленія Дау-кисень достигаетъ новой плотины, окончательно удерживающей воду, въ случаѣ прорыва ея черезъ Куня-ургенчскую. Здѣсь же, у Дау-кисеня, русло раздѣляется на два рукава, сѣверный и южный. Первый идетъ подъ самымъ чинкомъ, отъ котораго отмылъ даже высокую и длинную гору *Будянъ-дагъ;* второй направляется степью къ урочищу *Чарышлы*, у котораго оба рукава вновь соединяются, пройдя врозь около ста восьмидесяти верстъ каждый. На этомъ протяженіи, сѣверный, т. е. правый рукавъ, который повидимому былъ главнымъ, проходитъ мимо урочища Бешъ-дешика, гдѣ въ руслѣ есть колодцы, а въ сосѣднемъ чинкѣ пещеры, и затѣмъ, южнѣе *Сары-камыша*, образуетъ озеро *Бетендаль-куль*, которое въ 1871 году оказалось на столько полнымъ водою, что длина его простиралась до двадцати шести верстъ, а наибольшая ширина до восьми. Подобный же прорывъ, по словамъ туркменовъ, записаннымъ Дандевилемъ, имѣлъ мѣсто и въ 1849—50 годахъ, когда Сары-камышское озеро достигало даже большихъ размѣровъ. Что касается лѣваго рукава, то и онъ, повидимому, проходитъ столь горизонтальными равнинами, что образуетъ озеровидное скопленіе воды, но уже не столь обширное и рѣже возобновляемое. По крайней мѣрѣ, въ 1863 году, Вамбери видѣлъ тутъ, почти на одной высотѣ съ Сары-камышемъ, озеро *Шаръ-гель*, въ окружности до восемнадцати верстъ; но вода въ немъ была не прѣсная, а соленая, что свидѣтельствуетъ о разобщеніи его съ Аму-дарьею. Оба рукава, правый, Муравьевскій, и лѣвый, рукавъ Вамбери, сливаются, какъ упомянуто выше, въ одно русло у колодцевъ Чарышлы *), и отсюда древній Оксусъ направлялся прямо на югъ, вдоль чинка, служившаго ему правымъ берегомъ. За мысомъ Куртышъ чинкъ отходитъ отъ русла и послѣднее начинаетъ поворачивать на западъ, такъ что у колодцевъ Игды лежитъ уже въ одной параллели съ Красноводскомъ и въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи уклоняется отъ этой параллели не болѣе, какъ на 35 в., для обхода съ юга Балханъ. Здѣсь, отъ Игдовъ до Орта-

---

*) По словамъ Стебницкаго, основаннымъ на разсказахъ Туркменъ, можно предполагать въ степи на востокѣ отъ Усть-Урта еще третій сухой рукавъ Окса, отходящій отъ самаго Чарджуя; но ничего точнаго о немъ неизвѣстно. Туркмены говорятъ, что онъ подходитъ къ узбою у кол. Куртышъ.

куя, встрѣчающіеся въ немъ довольно многочисленные колодцы содержатъ воду по большей части солоноватую, а за Ортакую къ западу прѣсную. Но впрочемъ и восточнѣе Ортакую есть водоемы, даже цѣлыя озера, какъ напр. Джамала, въ которыхъ вода годна для питья. Весною, разумѣется, ея бываетъ гораздо больше, чѣмъ лѣтомъ и осенью, но и въ жаркое время мѣстами достаетъ даже для поливки бакчей.

Около Топіатана и Тандерли обиліе содержащейся въ узбоѣ воды доселѣ столь значительно, что дно его, а отчасти и берега, представляютъ рядъ оазисовъ, на которыхъ водится множество зайцевъ, кабановъ, дикихъ гусей и утокъ, и гдѣ сосѣдніе туркмены откармливаютъ свой скотъ. Только западнѣе Тандерли узбой становится песчанымъ и безплоднымъ, а затѣмъ, пройдя по сѣдловинѣ между Кичи и Улу-Балханомъ, теряется въ обширномъ солонцѣ, называемомъ озеромъ *Баба-ходжаръ* или *Сининъ-дергасы*. Ниже послѣдняго, русло Аму, впрочемъ, снова видно въ двухъ рукавахъ: сѣверномъ, *Акъ-тамъ*, который впадаетъ въ Балханскій заливъ, и южномъ, *Аджаръ*, который направляется къ заливу Хивинскому. Аджаръ нынѣ сухъ, и даже большею частію занесенъ безъ слѣда, но въ Акъ-тамѣ есть вода и на столько глубокая, что черезъ рѣку устроена, у Мулла-Кари, переправа на лодкахъ. Однако вода здѣсь не прѣсная, а густо-соленая, ибо приходитъ изъ Каспійскаго моря. Дно вязко, какъ и въ Балханскомъ заливѣ; глубина до двухъ саженъ; ширина же прежняго русла, видимая по берегамъ, достигаетъ до полутораста саженъ. Все теченіе отведенной нынѣ Аму-дарьи, отъ Куня-Ургенча до залива Балханскаго, простирается, по распросамъ, до 580 верстъ, а быть можетъ и больше, при вѣроятной разности уровня двухъ крайнихъ точекъ въ 216 футовъ *), которая, превосходя разность уровней Самары и Астрахани, позволяетъ думать, что и нынѣ Аму-дарья могла бы впадать въ Каспій, если бы была обращена къ нему и не имѣла опасности изсякнуть въ пескахъ, не доходя до моря. Хорошо изслѣдованная часть узбоя отъ Игдовъ до залива Балханскаго имѣетъ въ длину болѣе 280 верстъ и покатость къ западу, доказанную нивеллировкой.

На Усть-Уртѣ текучихъ водъ нѣтъ, да и слѣдовъ ихъ не оты-

---

*) Принимая Аральское море въ 127 футовъ *надъ* уровнемъ океана, а Каспійское въ 89 *подъ* нимъ.

скапо. Единственные водоемы тамъ, кромѣ соляныхъ озеръ и грязей, суть колодцы, обыкновенно съ горькой водой, глубиною отъ 15 до 30 саженъ.

Естественная производительность страны.

Вся естественная производительность туркменскаго пограничнаго пространства обусловливается въ высшей степени сухимъ, континентальнымъ его климатомъ, который едва-ли гдѣ на земномъ шарѣ выказывается съ большею рѣзкостію, чѣмъ здѣсь. Дожди — явленіе исключительное; напримѣръ, въ фортѣ Александровскомъ, у самаго берега Каспійскаго моря, выпадаетъ ихъ едва на два вершка въ годъ, а внутри страны и того менѣе. Лѣтніе жары достигаютъ до 36 и 37° Р., а зимою бываютъ столь сильные морозы, что значительная часть Каспійскаго моря у береговъ покрывается льдомъ. Въ 1869 году уже въ ноябрѣ большая часть залива Балханскаго, подъ 40° широты, замерзла, и холода доходили до — 10° Р. Средняя температура форта Александровскаго, подъ 44° 27′ широты, не превосходитъ + 8°,7 Р., тогда какъ въ Севастополѣ, подъ 44° 36′, она + 9°,3 Р., а въ Бордо, подъ 44° 50′ + 11°,1 Р.

Соотвѣтственно такимъ климатическимъ условіямъ, растительное и животное царства, на всемъ протяженіи туркменскаго пограничнаго пространства, болѣе бѣдны, чѣмъ гдѣ-либо вдоль нашихъ азіятскихъ окраинъ. Вмѣстѣ съ безводностью степи это дѣлаетъ ее очень трудно проходимою для людей. Исключеніе составляютъ, но и то лишь до извѣстной степени, верховья рѣкъ Атрека и Гюргени, гдѣ есть лѣса *) и съ ними другая органическая жизнь. Небольшія группы древесной растительности встрѣчаются еще въ горахъ на Мангышлакѣ, въ Балханахъ, мѣстами на Усть-Уртѣ (саксаулъ) и въ бывшемъ руслѣ Аму-дарьи. Все остальное пространство пустыни не имѣетъ не только деревьевъ, но, по большой части, и травы; особенною же безжизненностью отличаются южная половина Усть-Урта, полуостровъ Балханскій и песчаная степь на югъ отъ Хивы, къ сторонѣ Хорасана. Единственные дикіе обитатели ихъ суть лисицы, въ небольшомъ числѣ, зайцы, дикія лошади, тарантулы и фаланги. Человѣкъ здѣсь почти не можетъ существо-

---

*) Эти лѣса слагаются главнѣйше изъ фруктовыхъ деревьевъ: абрикосовъ, сливъ, смоквъ, шелковицы, а также изъ тополя, джигды, винограда и пр.

вать, и когда ему случается проходить этими пустынями, онъ спѣшитъ, сберегая воду въ мѣхахъ какъ величайшую драгоцѣнность, и стремясь поскорѣе достигнуть хивинскаго оазиса или окраинъ страны. Впрочемъ, и самые берега морей Каспійскаго и Аральскаго совершенно пустынны, за исключеніемъ мѣстъ по низовьямъ Гюргени, Атрека и Оксуса.

Каспійское море притягиваетъ однако къ своимъ берегамъ нѣкоторыхъ изъ обитателей пустыни находящимися въ немъ рыбными ловлями. Особенно посѣщаются Кендерлинскій заливъ и воды юго-восточнаго угла Каспія, отъ Красноводскаго залива до Астрабадскаго. Здѣсь туркмены промышляютъ осетровъ, севрюгу и разную другую рыбу, частію острогами, частію крючьями. Но значительнѣйшая часть результата этого рыболовства переходитъ отъ нихъ, за весьма дешевую плату, къ астраханскимъ рыбнымъ торговцамъ, которые кромѣ того хозяйничаютъ въ сѣверо-восточномъ углу Каспія, на такъ называемыхъ эмбенскихъ водахъ. Собственно для себя туркмены заготовляютъ очень немного рыбы, по трудности сохранять ее въ жаркое время года; если же что остается отъ продажи русскимъ купцамъ, то они отвозятъ на собственныхъ лодкахъ въ Персію. Киргизы на Мангышлакѣ рыболовствомъ не занимаются.

Небольшой промыселъ тюленей совершается на всемъ протяженіи восточнаго берега Каспія, не исключая и Карабугазскаго залива, не имѣющаго рыбы. Но нынѣ тюлени видимо уменьшились въ числѣ.

Воздѣлыванье почвы встрѣчается только по берегамъ Гюргени и Атрека, да въ очень немногихъ мѣстахъ по берегу Каспійскаго моря, гдѣ присутствіе прѣсной воды въ колодцахъ позволяетъ туркменамъ разработывать бахчи съ дынями и арбузами. Гюргеньскія пашни производятъ просо, ячмень, пшеницу, кунжутъ, горохъ и даже рисъ и хлопокъ. Въ бассейнѣ Атрека извѣстны урожаями берега рѣкъ Сумбара и Чандыра, распущенныхъ на арыки. Съ Атрека и Гюргени получаютъ часть хлѣба и другіе, собственно-степные, туркмены; но, вообще говоря, послѣдніе запасаются хлѣбомъ въ Хивѣ, отчасти въ Персіи и у нашихъ купцовъ. На сѣверной сторонѣ горъ Кюрянъ-дагъ, гдѣ бы можно было предполагать земледѣліе, оно, повидимому, ничтожно, ибо короткій крутой скатъ горъ не задерживаетъ падающихъ водъ, и онѣ быстро стекаютъ въ подгорную степь, гдѣ пропадаютъ въ пескахъ или испаряются. Тѣмъ не менѣе, эта сѣверная сторона Кюрянъ-дага представляетъ не мало хорошихъ кочевокъ и даже небольшое число мѣстъ для осѣдлости

тамъ, гдѣ прѣсная вода добывается изъ колодцевъ или изъ ручьевъ, какъ у Кизылъ-Арвата.

Взамѣнъ скудости органической природы, туркменское пограничное пространство довольно богато произведеніями минеральнаго царства. Изъ нихъ наибольшую пользу человѣку могутъ приносить, и отчасти приносятъ, соль, нефть, сѣра и каменный уголь. Соль находится во всѣхъ озерахъ степи, гдѣ иногда осаждается кристаллическими массами, какъ, напримѣръ, на Красноводской косѣ, на островахъ Челекени и Огурчинскомъ, въ урочищѣ Горямъ, близъ Хивинскаго залива, въ озерѣ Кизылъ-тафата на Карабугазской косѣ, въ Батыръ-кулѣ и Куандахъ на Мангышлакѣ, и проч. Часть ея ежегодно вырабатывается туркменами и продается въ Персію или идетъ на засолъ рыбы для нашихъ рыбопромышленниковъ. Нефть есть въ большомъ количествѣ на Челекени, гдѣ ее добываютъ изъ множества колодцевъ, въ количествѣ около 115,000 пудовъ ежегодно, причемъ часть ея получается прямо довольно чистою, а большая часть требуетъ перегонки, для которой теперь устроенъ небольшой заводъ въ Красноводскѣ. Она идетъ на освѣщеніе и на топливо, и въ послѣднее время стала употребляться на пароходахъ, имѣющихъ особое приспособленіе въ механизмѣ для топки, въ видѣ пульверизатора. Для войскъ, которыя находятся на восточномъ берегу Каспійскаго моря, это важный продуктъ, ибо помощью его не только могутъ они варить пищу, освѣщать и отоплять зданія, но и опрѣснять воду въ перегоночныхъ кубахъ, когда родниковой воды окажется недостаточно. Каменный уголь могъ бы тоже служить для послѣдней цѣли и вообще для отопленія, впрочемъ не пароходныхъ машинъ; но добыча его, по дурному качеству и трудности перевозки, едва-ли можетъ быть выгоднымъ дѣломъ, особливо пока есть нефть. Сѣра находится вблизи залива Карабугазъ, у колодцевъ Кугуртъ, откуда туркмены берутъ ее на выдѣлку пороха, для котораго селитру покупаютъ отъ персіянъ.

Названные здѣсь предметы составляютъ почти все, что можетъ быть причислено къ естественнымъ богатствамъ страны, и притомъ къ такимъ, которыя подлежатъ вывозу изъ нея въ обмѣнъ на первыя потребности продовольствія и одежды, въ которыхъ так нуждаются жители. Но туркмены, кромѣ земледѣлія и рыболовства для собственныхъ надобностей, занимаются еще и скотоводствомъ, хотя число скота у нихъ далеко меньше, чѣмъ у другихъ средне-азіятскихъ номадовъ. Главныя породы содержимаго скота суть верблюды, овцы и лошади. Изъ нихъ первые — необходимѣйшія живот-

ныя въ туркменскихъ степяхъ, гдѣ нерѣдко на 150—200 верстъ нѣтъ воды и корма, и, слѣдовательно, нѣтъ возможности употреблять какихъ-либо другихъ животныхъ для переѣзда. Вотъ почему туркмены высоко цѣнятъ своихъ верблюдовъ и на сторону не продаютъ. Лошади двухъ породъ, *ябу* и *аргамакъ*, также стоятъ въ большихъ цѣнахъ, особенно послѣдней, которая такъ нужна для хищническихъ набѣговъ. Обыкновенно аргамака нельзя купить дешевле, какъ за 250—300 рублей; да и за простую лошадь, ябу, платится отъ 80 до 100 рублей. Борнсъ въ подробности описалъ способъ ухода туркменовъ за лошадьми и не безъ основанія ставитъ послѣднихъ рядомъ съ арабскими, если не по статямъ, то по крѣпости и по рѣзвости бѣга. Овцы въ Туркменіи гораздо малочисленнѣе, чѣмъ въ киргизской степи. Вообще же туркменское скотоводство. такъ незначительно, что человѣкъ, у котораго есть 20—30 верблюдовъ и 50 лошадей, считается большимъ богачомъ, тогда какъ у киргизовъ такія состоянія принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ. Особенно бѣдны туркмены кочующіе на Усть-Уртѣ; атрекскіе же и сосѣдніе имъ на столько имѣютъ скота, что даже для нашихъ военныхъ цѣлей, въ 1871—71 годахъ, доставили по нѣскольку сотъ головъ.

Пути сообщенія.

Они двухъ родовъ: морскіе и сухопутные, и притомъ исключительно кочевые. Ни рѣчныхъ путей, ни экипажныхъ дорогъ нѣтъ на всемъ туркменскомъ пограничномъ пространствѣ.

Для насъ, въ настоящее время, особенно важны пути моремъ изъ Гурьева, Астрахани, изъ Петровска и Баку, къ различнымъ пунктамъ на восточномъ берегу Каспія. О нихъ можно замѣтить слѣдующее.

Плаваніе отъ Гурьева до рейда, гдѣ могутъ, противу устій Урала, останавливаться морскія суда, весьма неудобно по мелководью и рѣки, и взморья, на половину заросшихъ камышами. Постепенное обмеленіе самаго Урала грозитъ совсѣмъ закрыть этотъ путь, который притомъ никогда не былъ важенъ. На водахъ сѣверо-восточной части Каспійскаго моря хотя и появляется ежегодно немалое число судовъ, но это рыбачьи лодки и шкоуты, которые для далекаго плаванія въ открытомъ морѣ мало пригодны.

Изъ Астрахани, какъ купеческіе, такъ даже и военные кораб-

ли, плавают по всему Каспійскому морю. Но необходимо имѣть въ виду, что устья Волги очень мелководны, такъ что на барѣ у Бирючьей косы иногда бываетъ не болѣе 1½ фута воды. Морскія суда, очевидно, должны или перегружаться, или ждать южнаго вѣтра, который наноситъ достаточно воды въ протоки, которыми Волга изливается въ море. Въ настоящее время, правильное сообщеніе Астрахани съ берегами Туркменіи обезпечено пароходствомъ обществъ: «Кавказъ и Меркурій» и «Лебедь», и, при большой водѣ у Бирючьей косы, доставка водою людей и тяжестей, напримѣръ въ фортъ Александровскій, требуетъ не болѣе сутокъ, въ заливъ Балханскій отъ двухъ съ половиною до трехъ, въ Ашуръ-аде отъ трехъ до трехъ съ половиною сутокъ. Но ежели стоятъ сильные западные вѣтры или туманы, то плаваніе у восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, особенно входъ въ порты, замедляется.

Изъ Петровска и Баку переходъ черезъ Каспій въ фортъ Александровскій или въ Красноводскъ очень удобенъ, и даже на парусныхъ судахъ, при попутномъ вѣтрѣ, требуетъ немного болѣе сутокъ, ибо разстоянія въ обоихъ случаяхъ не превышаютъ 190 морскихъ миль. Такъ какъ Баку послѣ Астрахани есть важнѣйшій портъ на Каспійскомъ морѣ и притомъ мореплаваніе возможно въ немъ круглый годъ, то можно сказать, что, мало по малу, онъ сдѣлается центромъ сношеній съ Туркменіею, на сколько, конечно, эти сношенія могутъ быть нужны для правительства, ибо частное мореплаваніе у восточнаго берега Каспія никогда не будетъ значительно по бѣдности прилежащаго материка и его населенія, и потому, что мѣстные рыбные промыслы уже захвачены торговцами изъ Астрахани.

Въ системѣ мореплаванія у туркменскихъ береговъ имѣетъ еще значеніе наша морская станція у Ашуръ-аде, т. е. въ Астрабадскомъ заливѣ. Отъ нея пароходъ безъ труда можетъ придти въ 1½ часа къ Серебряному бугру, въ 3½ часа къ Гассанъ-Кули, въ 16 часовъ къ Челекени и въ 20 часовъ въ Балханскій заливъ (185 морскихъ миль).

Объ удобствахъ выгрузки во всѣхъ портахъ восточнаго берега Каспійскаго моря уже сказано отчасти при описаніи самыхъ бухтъ. Здѣсь можно повторить, что три главные пункта, нынѣ интересующіе насъ въ этихъ мѣстахъ, фортъ Александровскій, зал. Кендерлинскій и Красноводскъ, всѣ имѣютъ очень хорошія якорныя стоянки и пристани, правда, не искуственныя, но удобныя. Тоже

и Михайловскій заливъ, къ которому, однако, путь между островами требуетъ осмотрительности. Но у Чикишляра стоянка открытая.

Средства перевозки людей и грузовъ изъ Россіи къ берегамъ Туркменіи состоятъ: 1) изъ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій», съ которымъ правительство имѣетъ условіе о содержаніи на водахъ Каспія не менѣе пятнадцати пароходовъ, вполнѣ благонадежныхъ, съ соотвѣтственнымъ числомъ баржъ; 2) изъ пароходовъ и парусныхъ судовъ, принадлежащихъ компаніи «Лебедь», а также астраханскимъ и бакинскимъ купцамъ; 3) изъ туркменскихъ лодокъ, или киржимовъ и куласовъ (челноковъ), особенно пригодныхъ для плаванія у мелководнаго юго-восточнаго берега моря. Кромѣ того, собственно для крейсерской службы есть военныя суда, содержащія, между прочимъ, станцію въ Астрабадскомъ заливѣ. Общество «Кавказъ и Меркурій» обязано въ теченіе пятнадцати лѣтъ, начиная съ 1869 года, содержать почтовыя сообщенія по берегамъ Каспійскаго моря и перевозить войска и казенные грузы по опредѣленной таксѣ. Въ военное время правительство имѣетъ право распоряжаться всѣми его судами.

Относительно степныхъ дорогъ отъ восточнаго берега Каспійскаго моря внутрь Туркменіи можно замѣтить, что главнѣйшія или, по крайней мѣрѣ, извѣстнѣйшія изъ нихъ, направлены къ Хивѣ, какъ къ дѣйствительному средоточію арало-каспійской степи, откуда жители ея получаютъ продовольствіе и куда сбываютъ немногіе свои избытки, состоящіе въ скотѣ, въ кое-какихъ другихъ продуктахъ, а до послѣдняго времени и въ плѣнныхъ персіянахъ-рабахъ. Въ слѣдующемъ спискѣ заключаются общія свѣдѣнія о важнѣйшихъ изъ этихъ путей, собранныя частію путешественниками на мѣстахъ, частію изъ распросовъ у туземцевъ восточнаго берега Каспійскаго моря.

1) *Изъ бывшаго укрѣпленія Ново-Александровскаго въ Хиву, 615 верстъ.* Путь этотъ ведетъ изъ залива Кайдакъ поперекъ Усть-Урта къ заливу Айбугирскому. Онъ пройденъ былъ въ 1834 году армяниномъ Турнаевымъ, отправленнымъ изъ Ново-Александровскаго укрѣпленія для открытія торговыхъ связей съ Хивою. Турнаевъ, ѣхавшій верхомъ, налегкѣ, сдѣлалъ его въ семь дней; но для каравановъ, конечно, нужно не менѣе трехъ недѣль.

2) *Мангышлакская караванная дорога въ Хиву* черезъ урочища Баки-кудукъ, Табынъ-су и Айбугиръ, 853 версты, которыя можно сдѣлать съ караваномъ не менѣе какъ въ мѣсяцъ. На пути неразъ приходится брать воду съ ночлеговъ (Таджа, Табынъ-су) на

нѣсколько дней съ собою, а кормъ хорошъ только на первыхъ переходахъ по Мангышлаку.

3) *Отъ Кендерлинскаго залива къ Куня-Ургенчу*, мимо горы Карашекъ, по маловодному пути 630 верстъ. Можно оттуда же слѣдовать южнѣе, черезъ урочище Тишикъ-тамъ и родникъ Илтеидже, на мангышлакской дорогѣ, до Куня-Ургенча, причемъ получится разстоянія 620 верстъ.

4) *Отъ Красноводска въ Хиву, Сары-камышская дорога*, длиною по муравьевскому маршруту до 780 верстъ, а по маркозовскому около 730. Путь Муравьева ведетъ на колодезь Туаръ и представляетъ особую трудность между этимъ колодеземъ и Бешъ-дешикашъ, на пространствѣ 280 верстъ, гдѣ страна совершенно пустынна. Путь Маркозова проходитъ чрезъ Гезли-ата и вообще лучше предъидущаго. У Бешъ-дешика онъ выходитъ на муравьевскую дорогу.

5) *Отъ Гассанъ-Кули въ Хиву*, *Дегелійская дорога*, ведетъ на Гезли-ата и потомъ далѣе, какъ въ предъидущемъ маршрутѣ, или же на колодезь Дегели и развалины Шахъ-Сенемъ. При этомъ два раза приходится переходить старое русло Аму-дарьи и дѣлать, въ суммѣ, до 840 верстъ.

6) Между тѣми же пунктами *Ортокуйская дорога*, отдѣляющаяся отъ предъидущей на четвертомъ переходѣ и составляющая по отношенію къ ней почти хорду, отчего она короче верстъ на 80.

7) *Отъ Серебрянаго бугра въ Хиву* черезъ низовья Атрека, и потомъ частію по дегелійской дорогѣ, частію особымъ путемъ мимо озера Шаръ-гель: *путь Вамбери*.

8) Между тѣми же двумя пунктами, на Чинъ-Могаметъ и Ортокуй, *Текеская дорога*, наиболѣе короткая, по, вѣроятно, все-таки длиною до 800 верстъ.

9) Отъ Балханскаго залива *вверхъ по руслу Аму-дарьи до Куня-Ургенча* — путь, осмотрѣнный лишь отчасти, ниже колодца Игдовъ, но заслуживающій вниманія уже потому, что вдоль его, конечно, находится больше, чѣмъ гдѣ-нибудь по сосѣднимъ мѣстностямъ, воды, топлива и корму. По распросамъ Дандевиля въ 1859 году, все разстояніе отъ восточнаго конца Балханскаго залива до Куня-Ургенча простирается до 578 верстъ, которыя можно сдѣлать въ двадцать восемь дней, имѣя на ночлегахъ постоянно годную для питья воду.

10) *Отъ Красноводска до Кизылъ-арвата* чрезъ Мулла-кари, 379 верстъ, пройденныхъ въ 1870 году, и притомъ отъ Мулла-

кари съ отрядомъ, не имѣвшимъ убыли людей. Путь этотъ однако труденъ отъ безкормицы, песковъ и недостатка топлива. Онъ пересѣкаетъ русло Аму-дарьи у колодца Айдина и потомъ ведетъ по сѣверной сторонѣ горъ Кюрянъ-дагъ. За Кизылъ-арватомъ онъ продолжается къ востоку, все вдоль подошвы горъ Кепетъ-дагскихъ, по странѣ туркменовъ Теке. Въ 125 верстахъ за Кизылъ-арватомъ находится важнѣйшее изъ текинскихъ укрѣпленій Карызъ; еще далѣе, въ 110 верстахъ, Асхабатъ, а за этимъ послѣднимъ, примѣрно въ 300 верстахъ, лежитъ Серахсъ, отъ котораго около 200 верстъ до Герата. Все разстояніе по этому пути между Гератомъ и Красноводскомъ составитъ около 950 верстъ.

11) *Отъ Астрабада до Герата*, черезъ Буджнурдъ (299) и Мешхедъ (544), двадцать шесть переходовъ по населенной странѣ, въ суммѣ 871 верста. Собственно говоря, этотъ большой торговый путь лежитъ внѣ Туркменіи, въ предѣлахъ персидскихъ; но онъ важнѣйшій изъ всѣхъ въ стратегическомъ смыслѣ, даже по отношенію къ туркменскимъ землямъ, которыя обрамливаетъ съ юга.

Всѣ другія дороги по Туркменіи, обозначаемыя на картахъ, вообще мало извѣстны и могутъ имѣть лишь второстепенное военное значеніе, а потому перечисленіе ихъ здѣсь опускается. Объ исчисленныхъ же стоитъ еще разъ замѣтить, что всѣ онѣ, кромѣ послѣдней, совершенно степныя, и войска вдоль ихъ не должны расчитывать ни на что, кромѣ скудныхъ травъ, маловодныхъ колодцевъ и степного топлива, да и то далеко не всегда. Движенія большихъ отрядовъ, вслѣдствіе этого, возможны лишь далеко отстоящими одна отъ другой паралельными колоннами, или же поэшелонно, на разстояніи трехъ-четырехъ переходовъ одинъ эшелонъ за другимъ. Въ 1871 году была съ успѣхомъ испытана именно эта послѣдняя система, причемъ передній эшелонъ всякій разъ, пройдя 100—150 верстъ, останавливался на нѣсколько дней, окапываясь валиками, очищалъ колодцы, собиралъ топливо и проч., словомъ, устраивалъ этапъ, гдѣ и оставалась часть подходившихъ войскъ. При обратномъ движеніи отряда, онъ находилъ тутъ запасы воды, топлива и продовольствія. Въ 1873 г. отъ этой системы сдѣлано было отступленіе, и отрядъ долженъ былъ вернуться съ половины дороги въ Хиву.

Населеніе.

Туземное населеніе туркменскаго пограничнаго пространства состоитъ изъ туркменовъ и частію изъ киргизовъ Малой орды.

Послѣдніе кочуютъ на сѣверѣ страны, именно за 44-ю параллелью, которую они переходятъ весьма рѣдко. Въ туркменскихъ кочевкахъ, занимающихъ все остальное пространство, отъ Мангышлака до предѣловъ Герата и отъ Астрабадскаго залива до Аму-дарьи, можно еще встрѣтить всегда значительное число невольниковъ-персіянъ. Наконецъ, у берега Каспійскаго моря въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ водворились русскіе.

Слѣдуя географическому положенію края относительно нашихъ европейскихъ и азіятскихъ владѣній, мы скажемъ прежде всего *о киргизахъ*. Они принадлежатъ къ двумъ большимъ родамъ: Чумичли-Табынскому, семиродскаго поколѣнія, и Адаевскому, байюлинскаго поколѣнія. Первый кочуетъ ближе къ Аральскому морю, отъ верховій Эмбы и Барсуковъ до предѣловъ Хивинскаго ханства; послѣдній зиму проводитъ по нижней Эмбѣ, Сагизу и на Мангышлакѣ, а лѣтомъ распространяется по всей западной половинѣ Усть-Урта. Адаевцы весьма сильны числомъ: ихъ считается до 20,000 кибитокъ, и они, пользуясь трудно-доступностью ихъ степи, долгое время оставались de facto независимыми отъ насъ. А когда въ 1869 году правительство начало вводить у нихъ новое степное положеніе, то они, больше чѣмъ кто-либо, противились ему и даже дѣйствовали противъ насъ открытою силою и вообще горячо стояли за свои прежніе порядки и безначаліе. Теперь они подчинены новому управленію, т. е. раздѣленію на волости и аулы, съ поставленными отъ правительства или выборными старшинами вмѣсто наслѣдственныхъ.

Власть наша надъ адаевцами поддерживается главнѣйше сосѣдствомъ къ ихъ кочевкамъ укрѣпленій Эмбенскаго, Масие и форта Александровскаго. Тамъ же, гдѣ они удалены отъ этихъ пунктовъ, тамъ эти номады вполнѣ независимы, и уже послѣ организаціи новаго управленія на Мангышлакѣ, въ 1870 году, ушли, въ немаломъ числѣ, къ сторонѣ Хивы. Чумичли-табынцы также держатся въ страхѣ главнымъ образомъ отъ сосѣдства Эмбенскаго укрѣпленія къ лѣтнимъ ихъ кочевкамъ, безъ которыхъ они обойдтись не могутъ, по безплодію и безводію лѣтомъ восточной половины Усть-Урта. Но, откочевывая часто къ предѣламъ Хивы, они, больше чѣмъ кто-либо изъ киргизовъ, подчиняются вліянію хивинскаго хана и позволяютъ себѣ хищничества въ нашихъ предѣлахъ. Общее число киргизовъ въ предѣлахъ Мангышлакскаго приставства, въ настоящее время, не превосходитъ 6,300 кибитокъ или 30,000 душъ; но номады, сосѣдніе Аральскому морю,

тутъ вовсе не приняты въ счетъ. Главное управленіе ими сосредоточено въ Александровскѣ, гдѣ, сверхъ русскихъ чиновниковъ, есть наибъ, изъ кавказскихъ мусульманъ, и при немъ четыре помощника. Подати, наложенныя нашимъ правительствомъ, въ количествѣ 3 рублей 50 коп. съ юрты, уплачиваются исправно.

Туркмены — главный народъ закаспійскаго края, о которомъ писали почти всѣ путешественники по Средней Азіи и о которомъ, однако, доселѣ трудно привести сколько-нибудь надежныя статистическія данныя. Слѣдующая таблица представляется сводъ показаній главнѣйшихъ авторитетовъ по этнографіи туркменскихъ земель, и изъ нея не трудно увидѣть, какъ эти авторитеты мало согласны между собою не только въ числѣ туркменскихъ кибитокъ, но даже въ названіяхъ самыхъ родовъ.

Названіе родовъ.	По Муравьеву.	По Борису.	По Кіату и Бларембергу.	По Скрябину и Рябинину.	По Вамбери.	Среднія величины.
Іомуды . . . кибитокъ	40,000	20,000	40,000	100,000	40,000	48,000
Гоклены.	40,000	9,000	40,000	40,000	12,000	28,000
Теке	50,000	40,000	50,000	100,000	60,000	60,000
Сарыки	2,000	20,000	2,000	20,000	10,000	10,000
Салоры	4,000	2,000	4,000	15,000	8,000	6,000
Сакары (у Вамбери Кара Туркмены.	2,000	2,000	2,000	3,000	1,500	2,100
Эрсари	100,000	40,000	100,000	40,000	50,000	66,000
Альели (у Муравьева и Бларамберга вмѣстѣ съ Уи, Аймакъ и Кара-дашли) . .	80,000	—	80,000	70,000	3,000	58,250
Чоудоры (вмѣстѣ съ Бурунчукъ у Муравьева, Борнса, Бларамберга и Скрябина; у Вамбери же еще и Абдалъ, Игдыръ Ессенли, Бузачи и Шейхъ)	8,000	8,000	8,000	25,000	12,000	12,200
Емжели	3,000	—	3,000	—	—	3,000
Абдалъ } У Бларамберга и Скрябина исчисляются отдѣльно отъ чоудоровъ . . .	—	—	5,000	3,000	—	4,000
Игдыръ	—	—	4,000	3,000	—	3,000
Бузачи	—	—	6,000	1,500	—	3,750

Названіе родовъ.	По Муравьеву.	По Борнсу.	По Кіату и Бларембергу.	По Скрябину и Рябинину.	По Вамбери.	Средния величины.
Арбатчи?	—	—	—	2,000	—	2,000
Дервишъ 40, Махтемъ 20, Шихъ 100, Арсари 50, Икмуходжа 60, Ауджали 400, а всего у Карабугаза и Балханскаго залива	—	—	—	670	—	670
Итого . . .	329,000	141,000	344,000	422,170	196,500	308,570
А по Галкину						350,000

Такъ какъ у Галкина показана только общая цифра и вовсе нѣтъ данныхъ по родамъ, то очевидно, что эта цифра гипотическая, даже въ томъ случаѣ, если она возникла въ умѣ не самого Галкина, а туркменовъ, которые едва-ли знаютъ, хоть приблизительно, какъ многочисленъ весь ихъ народъ. Поэтому не безосновательно было бы цифру Галкина отбросить и затѣмъ считать, что туркменовъ около 300,000 кибитокъ. Но, соображая обширность и плодородіе степей киргизскихъ и туркменскихъ, позволительно сомнѣваться и въ этой цифрѣ, ибо киргизовъ, несмотря на большіе размѣры ихъ степи и сравнительное ея плодородіе, во всѣхъ ордахъ не болѣе 1,300,000 душъ. Вслѣдствіе этого, цифра Вамбери: 196,500 кибитокъ = 982,500 душъ, кажется самою вѣроятною для выраженія общей числительности туркменскаго народа *). Цифра же эта основана имъ, знающимъ туземный языкъ, на распросахъ самыхъ туркменовъ, съ которыми онъ приходилъ въ болѣе близкое и продолжительное сообщеніе, чѣмъ кто-либо изъ путешественниковъ. И хотя Вамбери замѣчаетъ, что всѣ показанія туркменовъ уменьшались имъ на 1/3 часть, но тутъ же прибавляетъ, что это было нужно, ибо туркмены имѣютъ привычку преувеличивать свои показанія о числѣ кибитокъ изъ національной гордости. Чтобы облегчить память и не оставить безъ вниманія цифръ, приводимыхъ Бларамбергомъ и Скрябинымъ относительно тѣхъ родовъ, которыхъ Вамбери и не называетъ, при-

*) Стебницкій полагаетъ и того меньше, ибо считаетъ, что іомудовъ всего есть 15,000 кибитокъ, а текинцевъ 30,000 кибитокъ.

мемъ за окончательный средній итогъ числительности туркменовъ 200,000 кибитокъ, т. е. 1,000,000 душъ, и посмотримъ затѣмъ, какъ распредѣлены ихъ роды въ географическомъ смыслѣ, начиная съ сѣверо-запада.

а) Сѣвернѣе Карабугаза, на Мангышлакѣ и вдоль берега моря, кочуютъ немногочисленные отрывки родовъ *игдыръ*, *чоудоръ, абдалла* и *ходжа,* всего до 260 кибитокъ. Столь рѣдкое населеніе свидѣтельствуетъ о крайней пустынности страны въ настоящее время; но изъ многочисленности колодцевъ, большею частію еще обложенныхъ камнями, нужно заключить, что въ не очень давнемъ прошедшемъ эти мѣста представляли хорошія кочевки.

б) Восточнѣе названныхъ родовъ, по Усть-Урту, до Айбугира, и частію въ хивинскомъ оазисѣ, у городовъ Ильялы, Ташаусъ, Порсу, Казаватъ и даже Ходжейли и Кипчакъ, т. е. у самой Аму-дарьи, кочуютъ *чоудоры*, совмѣстно съ остальными абдальцами и игдырцами, а также съ бузачи и бурунчуками. Въ Хивѣ эти номады занимаютъ степи между каналами, вдоль которыхъ тянутся узбекскія пашни.

в) Въ Хивинскомъ же оазисѣ есть часть *іомудовъ*, именно кучакъ-татары и байрамъ-шали, которые держатся вблизи города Куня-Ургенча и по Лаудану, а также небольшое число *гокленовъ*, *эрсари* и *кара-дашли*, которые кочуютъ ближе къ самой Аму-дарьѣ, у городовъ Ходжейли и Кипчака. Наконецъ, *арбачи* близъ Хивы.

г) На Балханскомъ полуостровѣ число туркменовъ очень невелико: обыкновенно 60 или 70 кибитокъ. За то въ Балханскихъ горахъ прежде держалось ихъ много, такъ что, со включеніемъ полуострова Дарджи, острова Челекени и низовій бывшей Аму-дарьи, въ окрестностяхъ Балханскаго залива еще въ 1859 году можно было насчитать около 3,000 кибитокъ, принадлежавшихъ къ родамъ и подродамъ *ессили*, *огурджали*, *шейхъ* и *махтумъ*, *эрсари*, *дервишъ* и *икму-ходжа*.

д) Къ югу отъ залива Балханскаго, вдоль берега моря до самой рѣки Кара-су на границѣ Персіи, а вглубь страны по Атреку и Гюргени верстъ на сто и болѣе, живутъ *іомуды,* у которыхъ многіе аулы имѣютъ уже постоянныя мѣста, напримѣръ у Зеленаго бугра 50 кибитокъ, въ Чикишлярѣ, 15 верстъ сѣвернѣе Гассанъ-кули, 200 кибитокъ, на Атрекѣ, верстъ 20 отъ устья, 300 кибитокъ, у залива Гассанъ-Кули 300 кибитокъ, у Серебрянаго бугра 500 кибитокъ, у Кара-Сенгира, противъ Ашуръ-аде, 300 кибитокъ. У многихъ іомудовъ есть пашни, другіе изъ нихъ рыболовы; но всѣ

вообще никогда не прочь пограбить въ персидскихъ предѣлахъ или на сосѣднемъ морѣ. Изъ іомудовъ, раздѣляющихся на четыре колѣна, двадцать девять подродовъ и еще на множество другихъ вѣтвей *), наиболѣе извѣстные и многочисленные суть *джафарбаи*, *атабаи*, *огурджали* и *акъ-туркмены*. Среди ихъ есть нѣсколько мелкихъ родовъ, которые коренными туркменами считаются за пришельцевъ или пріемышей, какъ, напримѣръ, саккалы, кюсели, буркатъ кюрдъ, кудаджа и др.

е) Вдоль сѣвернаго склона горъ Кюрянъ-дага и Кепетъ-дага, до самыхъ предѣловъ Мерви, живутъ *теке*, самые злые хищники во всей закаспійской степи. Они, въ генеалогическомъ смыслѣ, раздѣляются на три главныя отдѣленія: *утомишъ*, *бакши и тахтамышъ*, которые въ свою очередь дробятся на множество подродовъ **). Такъ какъ главная масса текинцевъ держится вблизи горъ и частію въ самыхъ горахъ, по ущельямъ, то у нихъ здѣсь есть правильныя осѣдлости, которыхъ въ 1870 году, по распроснымъ свѣдѣніямъ, было 59. Изъ нихъ одно, какъ и прочія, укрѣпленное, Кизылъ-Арватъ, нынѣ оставлено хозяевами и разрушено нами въ 1870 году. Въ числѣ остальныхъ наиболѣе важны Карызъ и Асхабатъ, резиденціи двухъ мелкихъ туркменскихъ хановъ. Теке суть гроза степи; они предпріимчивы и довольно храбры, а доступъ къ нимъ очень труденъ, такъ что наказаніе ихъ за хищничество не всегда возможно какъ со стороны Хивы, т. е. съ сѣвера, такъ и изъ Персіи, съ юга. Хивинцы, впрочемъ, пытались однажды разгромить ихъ, но понесли огромныя потери отъ трудности похода черезъ степь. Персіяне, конечно, и не пробовали пуститься въ подобное предпріятіе, хотя текинцы ежегодно производятъ у нихъ грабежи и похищаютъ людей для продажи въ неволю. Только въ послѣднее время сдѣланъ шагъ къ обузданію теке, и на этотъ разъ съ запада, нашими войсками, которыя дали урокъ хищникамъ, нанеся имъ большой уронъ при отбитіи отъ укрѣпленія Михайловскаго и потомъ раззоривъ ихъ собственное укрѣпленіе Кизылъ-Арватъ, въ 200 верстахъ отъ берега моря.

---

*) Перечисленныхъ у Галкина.

**) По Галкину па 100. Но какъ у Вамбери, несмотря на малое число (19) исчисленныхъ подродовъ, приведены названія, которыхъ нѣтъ у Галкина, то родословная послѣдняго кажется сомнительною, тѣмъ болѣе, что въ ней представлены, какъ отдѣльныя группы: Юсупъ, Кара-Юсупъ и Акъ-Юсупъ; Кунгуръ, Акъ-Кунгуръ, Кара-Кунгуръ, Кюкча, Акъ-Кюкча, Кара-Кюкча и Еръ-Кюкча; родъ Багшы названъ два раза.

ж) *Гоклены* — самое мирное и цивилизованное поколѣніе туркменовъ; живетъ по верхнимъ частямъ Гюргени и Атрека, гдѣ занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ и садоводствомъ. Оно считается въ подданствѣ у Персіи и состоитъ изъ десяти отдѣленій и почти 60 подродовъ. Отдѣленія суть *): Чакыръ, Бегдлы, Кара-Балканъ, Кырыкъ, Баяндыръ, Геркесъ, Янганъ, Сенгринъ и Ай-Дервишъ.

з) *Салоры* — самые южные изъ туркменовъ, живущіе по Мурхабу, невдалекѣ отъ Герата. Вамбери считаетъ ихъ самымъ древнимъ изъ всѣхъ туркменскихъ племенъ, отличившимся храбростію уже во времена арабскихъ завоеваній. Еще недавно они имѣли хорошую осѣдлость въ городѣ Мерви; но теперь вражда съ теке ослабила ихъ. Родъ этотъ распадается на три отдѣленія: Ялаваджъ, Караманъ, Ала-Аелеги и 11 подродовъ.

и) *Сарыки* — тоже славятся храбростью и тоже уменьшились въ числѣ отъ вражды съ сосѣдями. Они кочуютъ по низовьямъ Мурхаба и занимаются грабежомъ каравановъ между Хивой и Гератомъ. Вамбери насчитываетъ ихъ пять отдѣленій: Хорасанлы, Бираджъ, Сохты, Алаша, Герзеги и 21 полуродъ.

і) Еще восточнѣе, къ сторонѣ Андкуя, живутъ *кара-туркмены*, или сакары, самый малочисленный изъ главныхъ туркменскихъ родовъ и весьма хищный.

к) Сѣвернѣе ихъ и сарыковъ, вдоль берега Аму-дарьи, отъ Чарджуя до Балха, кочуютъ *эрсари*, одинъ изъ многочисленныхъ и сравнительно мирныхъ родовъ. Вамбери говоритъ, что они раздѣляются на 20 подродовъ, а Галкинъ считаетъ четыре отдѣленія и 16 полуродовъ. Они подданные бухарскаго эмира.

Таковы важнѣйшія подробности о составѣ и распредѣленіи туркменскаго народа. Изъ нихъ уже видно отчасти и соціяльно-политическое устройство, бытъ и нравы туркменовъ; но для ближайшаго ознакомленія съ ними необходимо еще присовокупить слѣдующее.

Политическій строй и народное единство. За исключеніемъ гокленовъ и эрсари, числящихся въ болѣе или менѣе фиктивномъ подданствѣ Персіи и Бухары, небольшого числа мангышлакскихъ

*) По Вамбери; по Боде только 9, а по Галкину даже 7. Но послѣдній приводитъ двѣ классификаціи по 7 колѣнъ, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ новыя имена, а потому кажется сомнительною.

туркменовъ, платящихъ подати намъ, и немногихъ обитателей хивинскаго оазиса, подвластныхъ повелителю Ховарсзма, всѣ остальные туркмены вполнѣ независимы и, въ придачу, не имѣютъ никакого собственнаго правительства, такъ что страну ихъ, по справедливости, можно назвать царствомъ своеволія. Только богатство, способности и особенно ловкость въ набѣгахъ и грабежахъ доставляютъ у нихъ вліяніе нѣкоторымъ личностямъ, обыкновенно называемымъ аксакалами, а иногда даже величающихъ себя ханами. Впрочемъ, эти старшины или правители отдѣльныхъ родовъ, подродовъ и ауловъ терпятся и уважаются народомъ лишь до тѣхъ поръ, пока воздерживаются отъ чрезмѣрныхъ требованій и непріятныхъ распоряженій, а затѣмъ, по собственнымъ словамъ туркменовъ, они — «народъ безъ головы, которая и ненужна, ибо всякій самъ себѣ господинъ». Вліяніе аксакаловъ такъ ничтожно, что самыя торжественныя обѣщанія, данныя ими отъ имени народа людямъ постороннимъ, ничего не значатъ, если каждый изъ подвѣдомственныхъ имъ не видитъ личной выгоды въ исполненіи даннаго обѣщанія.

Связующею цѣпью между отдѣльными туркменскими аулами и родами служатъ преданіе объ общемъ происхожденіи, общіе языкъ, религія и обычаи. Каждый туркменъ съ дѣтства знаетъ къ какому роду, отдѣленію и подроду принадлежитъ онъ и чѣмъ его сородичи прославились въ цѣломъ народѣ. Каждый признаетъ, во взаимныхъ отношеніяхъ, господство одного обычая — *деба*. Всѣ вѣрятъ въ одинъ коранъ, по сунитскому толку, и уважаютъ людей посвятившихъ себя религіи, т. е. муллъ, ходжей и дервишей.

Отношенія къ иностранцамъ. Иностранецъ вообще — законная жертва въ глазахъ туркменовъ, и если онъ кажется имъ довольно богатымъ и беззащитнымъ, то участь его—быть ограбленнымъ. Иностранецъ-христіанинъ есть, кромѣ того, невѣрный, гяуръ, котораго притѣснять разрѣшаетъ коранъ, пришедшійся въ этомъ случаѣ какъ разъ по нравственному уровню своихъ почитателей. Шіитъ — законный, въ глазахъ туркмена, призъ для обращенія въ рабство, хотя и сами суниты не изъяты отъ опасности подвергнуться тому же несчастію. По всѣмъ этимъ причинамъ нигдѣ личная безопасность чужеземцевъ такъ мало не гарантирована, какъ въ Туркменіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда туркмены не могутъ ограбить чужеземца, они стараются взять съ него какъ можно болѣе денегъ при торговлѣ, или выпросить побольше подарковъ, или, наконецъ, обокрасть его. Уваженіемъ пользуются лишь тѣ иностранцы, которые

сильны, хорошо вооружены и оконены, т. е. способны внушать къ себѣ страхъ. Соотвѣтственно этому, туркмены съ нѣкоторымъ почтеніемъ относятся только къ русскимъ *); хивинцевъ же они не любятъ, а персіянъ презираютъ, не упуская притомъ ни одного удобнаго случая ограбить или обокрасть тѣхъ и другихъ. Съ киргизами у нихъ тоже отношенія непріязненныя. Что касается до политической покорности нѣкоторыхъ туркменскимъ родовъ сосѣдямъ, то она, вообще говоря, очень слаба. Наши мангышлакскіе туркмены платятъ небольшой кибиточный сборъ (1 руб. 50 коп. съ юрты), довольно послушны передъ начальствомъ, если приказанія его не прямо противны ихъ интересамъ; но въ смыслѣ подданныхъ весьма ненадежны. Гоклены не лучшіе подданные Ирана, и если бы не персидское укрѣпленіе, построеное среди ихъ земель, и не вражда съ сосѣдями, теке и іомудами, заставляющая ихъ держаться Персіи, то они были бы столько же грозою ея, какъ и послѣдніе два рода. Эрсари, повидимому, нѣсколько сильнѣе прочихъ подчинены вліянію своего офиціяльнаго владыки, бухарскаго эмира; но это вліяніе распространяется лишь на ближайшія къ Аму-дарьѣ мѣстности. Что до хивинскихъ туркменовъ, то они хотя подданные этого ханства, но слишкомъ опасные для страны, какъ показали неоднократныя ихъ возмущенія, причемъ самая верховная власть надъ Ховарезмомъ не разъ переходила въ руки кочевыхъ варваровъ. За то и хивинцы относятся къ нимъ очень строго, и подвластные хану тукмены, а также и всѣ приходящіе туркменскіе торговцы, обложены высокими сборами въ пользу ханской казны. Нерѣдко впрочемъ Хива заискиваетъ у туркменовъ, направляя ихъ на своихъ непріятелей, и во всякомъ случаѣ туркмены въ Хивинскомъ ханствѣ люди почти свои, съ которыми имѣются домашніе счеты, такъ какъ они покупаютъ избытки хивинскаго земледѣлія и рукодѣльной промышленности. Съ появленіемъ русскихъ въ закаспійскихъ степяхъ, хивинскій ханъ особенно заботился привязать къ себѣ и возстановить противу насъ іомудовъ, теке и другихъ туркменовъ, впрочемъ безъ большого успѣха.

Экономическое состояніе страны. Говоря о естественныхъ произведеніяхъ Туркменіи, мы упоминали о экономическомъ ея состояніи, которое по справедливости можно назвать крайнею бѣдностью.

---

*) Подробности объ отношеніяхъ туркменовъ къ Россіи, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ, см. ниже.

Въ самомъ дѣлѣ, все имущество туркмена обыкновенно слагается: 1) изъ войлочной юрты или кибитки, съ нѣсколькими кошмами для постилки; 2) изъ дешевой одежды и посуды (котловъ, чайниковъ и чашекъ), легко укладываемыхъ и перевозимыхъ на вьюкѣ; 3) изъ верблюда или двухъ верблюдовъ для перевозки всего этого; 4) изъ лошади или двухъ лошадей для ѣзды самому хозяину семьи, и 5) изъ нѣсколькихъ барановъ съ грубою шерстью, безъ курдюка. У земледѣльцевъ къ этому присоединяется нѣсколько плохихъ земледѣльческихъ орудій, но въ такомъ случаѣ обыкновенно уже нѣтъ верблюдовъ. Вся же стоимость имущества кочевой туркменской семьи, среднимъ числомъ, не превосходитъ какихъ-нибудь 200—220 рублей, и только прибрежные рыболовы имѣютъ иногда лодки большей стоимости. Но въ замѣнъ того у нихъ почти вовсе нѣтъ скота. Болѣе зажиточны земледѣльцы тамъ, гдѣ есть хорошее орошеніе, напримѣръ, на Гюргени, гдѣ бываютъ урожаи самъ 50—60; но и здѣсь трудъ пахаря рѣдко окупается, не смотря на слѣдующія цѣны:

пудъ риса	1 руб.	— коп.
» пшеницы.	—	70 »
» ячменя	—	25 »

Что до торговли съ иностранцами, то, за исключеніемъ нефти, соли и рыбы, добываемыхъ у береговъ Каспійскаго моря, да аргамаковъ и кое-какого другого скота, разводимыхъ внутри степи, туркмены ничего не имѣютъ на продажу *). Поэтому, такъ называемые «виды на торговлю съ ними» суть болѣе или менѣе мечта людей незнакомыхъ съ дѣломъ и увлекающихся скорѣе политическими, чѣмъ экономическими соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ, размѣры вывозной туркменской торговли на Каспійскомъ морѣ ограничиваются:

Нефтью, въ количествѣ.	125,000 пуд.	на	40,000 руб.
Солью » »	170,000 »	»	85,000 »
Рыбою » »	450,000 »	»	500,000 »

Привозятся же къ нимъ главнымъ образомъ мануфактурные товары, весьма дорого цѣнимые торговцами, которые очень малочисленны и потому не знаютъ конкуренціи. Отъ насъ идутъ болѣе всего металлическія издѣлія (посуда, ножи) и ткани; изъ Персіи

*) Ничтожное количество шелку и хлопчатой бумаги можетъ быть оставлено безъ вниманія.

ковры, рисъ, дерево на лодки и самыя лодки *); изъ Хивы одежда и хлѣбъ. Торговыя выгоды туркменовъ отъ промысловъ на Каспійскомъ морѣ годъ отъ-году падаютъ, ибо рыболовство все болѣе и болѣе сосредоточивается въ рукахъ нашихъ промышленниковъ, которые теперь стремятся захватить въ свои руки и нефтяной промыселъ.

Умственное и нравственное развитіе. Туркмены не лишены способностей; но эти способности направлены у нихъ на самыя недостойныя дѣла: на грабежъ, воровство и мстительность, и, несмотря на то, что туркмены довольно усердные почитатели муллъ и корана, это не смягчаетъ ихъ нравственности. Въ умственномъ отношеніи народъ совершенно невѣжественъ; лишь нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ и развитыхъ старшинъ — какъ, напримѣръ, бывшій на Челекени Кіатъ-ага — понимаютъ пользу обученія юношества; но примѣру этому рѣдко кто слѣдуетъ. Отъ того туркмены остаются погруженными въ различныя суевѣрія, которыя иначе не могутъ быть разсѣяны, какъ свѣтомъ науки.

Въ нравственномъ отношеніи, при военно-политическомъ взглядѣ на туркменовъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ существующій у нихъ обычай родовой мести, который служитъ источникомъ постоянныхъ междоусобій. Но туркмены имѣютъ въ этомъ случаѣ нѣсколько иныя правила, чѣмъ, напримѣръ, кавказскіе горцы. У нихъ убійца нерѣдко наказывается лишь тѣмъ, что бываетъ изгнанъ изъ рода; но тогда ему уже нѣтъ пристанища нигдѣ и остается одинокое бродяжничество по степи, какъ человѣку, «на которомъ есть кровь». Само собою разумѣется, что смерть, причиненная чужестранцу во время набѣга (аламана), не считается убійствомъ и даже, напротивъ, даетъ право на уваженіе сородичей.

Вооруженіе и тактика туркменовъ. Каждый туркменъ имѣетъ пику и саблю; многіе, сверхъ того, обладаютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, конечно плохого качества; всѣ они дѣйствуютъ въ бою на конѣ. Такъ какъ случаи столкновенія съ непріятелемъ представляются почти лишь во время набѣговъ и грабежей, то первое достоинство туркменскаго всадника есть неутомимость его лошади и выносливость его самого. Въ этомъ отношеніи туркмены и не оставляютъ ничего желать, ибо нерѣдко переносятся на сотни

*) Число лодокъ у прикаспійскихъ туркменовъ достигаетъ до 500; изъ нихъ иныя могутъ поднимать по 1,000 пудовъ груза.

верстъ по степи совершенно голодной. Затѣмъ, какъ всѣ азiятцы, они чрезвычайно пылки и отважны при первомъ натискѣ на непрiятеля; но когда видятъ, что дѣло плохо, то спѣшатъ уходить, не считая позоромъ бѣгства отъ неравнаго противника. Никакой особой тактики у нихъ нѣтъ, за исключенiемъ правила осторожности, состоящаго въ высылкѣ передовыхъ всадниковъ для развѣдокъ. Когда непрiятель отысканъ и окажется по силамъ, туркменская толпа бросается на него безъ всякаго порядка и строя, стараясь добраться до обоза, гдѣ бы можно было пограбить. Сраженiе съ туркменами не можетъ тянуться долго: въ случаѣ успѣха, они немедленно разбитыхъ непрiятелей берутъ въ плѣнъ, а имущество ихъ грабятъ; въ случаѣ же неудачи спѣшатъ ускакать и разсѣяться. Хорошая стойкая пѣхота, съ нарѣзнымъ оружiемъ и съ небольшимъ числомъ пушекъ или ракетъ, которыя производятъ на номадовъ огромное моральное дѣйствiе, есть лучшiй противу нихъ родъ войска. Кавалерiя же рѣдко можетъ имѣть серьезный успѣхъ, развѣ если нападетъ врасплохъ на аулы. При отрядахъ пѣхоты ея достаточно имѣть лишь такое число, какое необходимо нужно для разъѣздовъ и прикрытiя верблюдовъ; излишнiе кавалеристы только отягощали бы отрядъ или караванъ перевозкою продовольствiя для лошадей, ибо въ большей части туркменскихъ степей его вовсе нѣтъ.

Крѣпостцы туркменовъ-теке суть обыкновенные азiятскiе квадраты съ туръ-бастiонами и приворотными башнями изъ глины и частiю изъ камня. Въ строгомъ смыслѣ, онѣ могли бы выдерживать довольно долгую осаду и особенно противиться штурму, ибо имѣютъ хорошiя профили; но какъ туркмены рѣдко владѣютъ достаточными запасами продовольствiя, пороху и снарядовъ, и очень боятся артиллерiйскаго огня, то, разумѣется, нѣсколькихъ часовъ достаточно, чтобы взять самую крѣпкую ихъ твердыню безъ всякой почти потери. Крѣпостца Кизылъ-Арватъ, имѣвшая въ окружности около 1,000 шаговъ, была оставлена текинцами даже прежде подхода къ ней нашего отряда въ 1870 году: такъ туркмены были увѣрены въ ея несостоятельности передъ нашимъ оружiемъ.

Всѣ другiя стороны туркменскаго быта, не имѣя прямого отношенiя къ оцѣнкѣ ихъ политическаго и военнаго значенiя, здѣсь могутъ быть опущены, тѣмъ болѣе, что, по самому свойству степной жизни, онѣ почти тѣ же, что у киргизовъ и у другихъ номадовъ Средней Азiи.

Персiяне находятся въ значительномъ числѣ во всѣхъ туркменскихъ аулахъ въ качествѣ плѣнниковъ, иногда ожидающихъ вы-

купа или продажи, иногда обращенныхъ въ безповоротное рабство. Ежегодно изъ Хорасана и окрестностей Астрабада уводится въ плѣнъ хищниками, особливо іомудами, теке и салорами нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысячъ персіянъ, которыхъ еще захватываютъ у береговъ Каспійскаго моря. Участь ихъ самая печальная. Тѣ, которыхъ нельзя сбыть въ Хиву, гдѣ иногда цѣнность персидскаго раба (кизылъ-баша) падала до 25 рублей серебромъ, остаются въ кочевкахъ для разныхъ тяжелыхъ работъ. И если ихъ назначаютъ быть пастухами, то подрѣзываютъ имъ сухожилія у пятокъ, для предупрежденія побѣга. Плѣнные персіяне встрѣчаются и на рыбныхъ ловляхъ у Гассанъ-кули, въ Хивинскомъ заливѣ и проч., а также на разработкахъ нефти и соли на островѣ Челекени, и не всегда желаютъ возвратиться домой съ этихъ промысловъ, вѣроятно по причинѣ тягостныхъ условій жизни въ самой Персіи.

Русскіе въ настоящее время находятся въ трехъ пунктахъ западнаго прибрежья Туркменіи, именно: въ фортѣ Александровскомъ, въ Красноводскѣ и на Ашуръ-аде. Слѣдующій обзоръ показываетъ порядокъ ихъ водворенія на восточномъ берегу Каспія и отношеній къ туркменскому населенію.

Россія вступила въ сношенія съ туркменами при Петрѣ Великомъ. Еще въ 1713 году они предлагали свое содѣйствіе къ овладѣнію землями по Аму-дарьѣ, гдѣ, какъ извѣстно, Петръ надѣялся найдти золото. Вскорѣ потомъ калмыцкій ханъ Аюкъ, покорившій передъ тѣмъ туркменовъ силою, принялъ даже подданство Россіи, и это много содѣйствовало успѣху первыхъ предпріятій князя Бековича-Черкасскаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ онъ построилъ двѣ крѣпости: у Александръ-бая и на Красноводской косѣ. Туркмены содѣйствовали учрежденію этихъ первыхъ русскихъ поселеній на ихъ землѣ, доставляли Бековичу перевозочныя средства и проч.; но послѣ несчастнаго похода подъ Хиву (1717) обѣ крѣпостцы были нами оставлены.

Въ 1745 году туркмены снова искали русскаго подданства. Депутаты отъ шести поколѣній ихъ, кочевавшихъ на Мангышлакѣ, пріѣзжали въ Петербургъ съ этою цѣлью, причемъ просили объ основаніи среди ихъ русскаго укрѣпленія. Но просьба осталась безъ послѣдствій, ибо въ то же время туркмены разграбили одно изъ нашихъ судовъ, возившихъ къ нимъ съѣстные припасы.

Въ 1767 году, по поводу возобновленія мысли о подданствѣ туркменовъ и о занятіи какого-нибудь пункта на восточномъ бе-

регу Каспія, были разсужденія въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которая пришла къ слѣдующимъ достопамятнымъ заключеніямъ: «для Россіи нѣтъ никакой выгоды принимать туркменовъ подъ свое покровительство, тѣмъ менѣе считать ихъ своими подданными; ибо народъ сей, отъ природы дикій и хищный, подъ видомъ подданства, ищетъ только пособія въ жизненныхъ потребностяхъ. Нѣтъ никакого способа завести съ ними благоустроенную торговлю, ибо они вмѣняютъ себѣ въ забаву грабить и убивать купцовъ или обращать ихъ въ тяжкую неволю. Единственнымъ средствомъ къ покоренію этого буйнаго народа было бы построеніе крѣпости гдѣ нибудь на берегу Каспійскаго моря. Но дѣланныя съ 1744 года безуспѣшно неоднократныя розысканія удобнаго къ тому мѣста, величайшія затрудненія, которыя противопоставляли имъ туркмены, и наконецъ свѣдѣнія, сообщенныя въ послѣднее время инженеромъ Ладыженскимъ, показываютъ, что недостатокъ въ водѣ по всему восточному берегу Каспійскаго моря служитъ неодолимымъ препятствіемъ къ заведенію и существованію тамъ русскаго укрѣпленія».

Въ 1798 году мангышлакскіе туркмены вновь просили о построеніи у нихъ укрѣпленнаго склада товаровъ, именно на Тюпъ-Караганѣ; но хотя просьба ихъ была поддержана астраханскимъ губернаторомъ Аршеневскимъ, однако дѣло осталось безъ послѣдствій.

Въ 1802 году они повторили свое ходатайство и сами объявили себя подданными Россіи. Поэтому, наконецъ, дана была 16-го мая 1803 года высочайшая грамата поколѣнію Абдала о принятіи его подъ покровительство русской державы. А вслѣдъ за тѣмъ главнокомандующему въ Грузіи, князю Циціанову, предложено разсмотрѣть: какимъ образомъ просимое мангышлакцами укрѣпленіе можетъ быть сооружено, какого рода оно должно быть и какой гарнизонъ нужно будетъ держать въ немъ? По разсмотрѣніи обстоятельствъ, приказано было представить проектъ и смѣту, вслѣдствіе чего былъ командированъ на восточный берегъ Каспія инженеръ-поручикъ Лашкаревъ, а потомъ предполагалъ съѣздить туда и самъ князь Цицiановъ. Но какъ онъ этого не успѣлъ сдѣлать, то дѣло было поручено генералъ-маіору Фелькерзаму, который нашелъ, что укрѣпленія слѣдуетъ воздвигнуть на устьяхъ Эмбы и на Тюпъ-Караганѣ, для чего потребовалось бы 250,000 рублей ассигнаціями. Въ 1808 году новому главнокомандующему въ Грузіи, графу Гудовичу, дано было повелѣніе исполнить это, но время

основанія фортовъ предоставлено ему выбрать по усмотрѣнію, соображаясь съ обстоятельствами.

Въ 1811 году пріѣзжала въ Астрахань депутація отъ чаудоровъ, которые, въ числѣ 2,300 семействъ, просили о принятіи ихъ въ подданство Россіи съ дозволеніемъ поселиться въ астраханскихъ степяхъ. Такую же просьбу принесли вслѣдъ за тѣмъ и еще 3,600 семействъ туркменовъ разныхъ родовъ; но какъ они боялись перекочевывать черезъ теперешнія земли адаевскихъ киргизовъ и нужно было бы перевозить ихъ, со стадами, на корабляхъ, то ходатайство осталось безъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что сами просившіе вскорѣ одумались и стали желать лишь покровительства Россіи, но безъ переселенія на другую сторону моря. Едва нѣсколько сотъ семействъ чаудорскихъ и игдырскихъ перебрались въ кавказо-астраханскія степи.

Въ 1813 году, во время войны нашей съ Персіею, нѣкто Султанъ-ханъ присылалъ къ главнокомандующему въ Грузіи, генералу Ртищеву, депутатовъ, Гуссейнъ-хана и извѣстнаго впослѣдствіи Кіатъ-бека, съ увѣдомленіемъ, что и туркмены ополчились на персіянъ и для начала опустошили всѣ окрестности Астрабада. Но послы эти застали главнокомандующаго въ гюлистанскомъ лагерѣ въ то самое время, когда онъ заключалъ мирный договоръ съ Абулъ-Гуссейнъ-ханомъ, полномочнымъ персидскаго двора. Абулъ-Гуссейнъ, зная, сколько туркмены, поддержанные Россіею, могутъ быть опасны для его отечества, настаивалъ, чтобы правительство наше не входило съ ними ни въ какія сношенія. Генералъ Ртищевъ на это согласился и, одаривъ прилично туркменскихъ пословъ, отправилъ ихъ обратно. Народъ туркменскій, по свидѣтельству Муравьева, былъ очень огорченъ этою неудачею.

Таковы были отношенія Россіи къ Туркменіи въ теченіе перваго столѣтія отъ начала ихъ. Можно сказать, что, въ продолженіе этихъ ста лѣтъ, туркмены исключительно сами, и нерѣдко какъ милости, добивались водворенія среди ихъ русскихъ, которые, съ одной стороны, могли бы доставлять имъ все, чего не производитъ ихъ скудное отечество для продовольствія и одежды, а съ другой поддерживать среди ихъ порядокъ силою своего нравственнаго авторитета. Теперь настаетъ періодъ, когда, напротивъ, русскіе ищутъ утвердиться на восточномъ берегу Каспія, и болѣе или менѣе встрѣчаютъ противудѣйствіе туркменовъ. Первый шагъ въ этомъ смыслѣ, впрочемъ очень удачный, сдѣланъ былъ генераломъ Ермоловымъ, который въ 1819 году отправилъ на восточный берегъ

Каспійскаго моря маіора Пономарева и капитана Муравьева, предписавъ первому завязать дружескія сношенія съ прибрежными туркменами, а второму, кромѣ того, проникнуть въ Хиву, чтобы ознакомиться съ этой страной и съ самой Туркменіей. Пріемъ, сдѣланный туркменами этимъ представителямъ Россіи, былъ очень дружественный: Муравьевъ спокойно переѣхалъ два раза туркменскую степь между Хивой и Балханскимъ заливомъ, и на возвратномъ пути экспедиція привезла съ собою въ Тифлисъ уполномоченнаго отъ туркменовъ, Кіатъ-бека, который снова принесъ просьбу о принятіи его довѣрителей въ русское подданство. Соотвѣтственно такому благопріятному началу, правительство наше рѣшилось основать прочную осѣдлость на восточномъ берегу Каспія, и посланному туда въ 1821 году, вторично, Муравьеву вмѣнено было въ обязанность выбрать удобный для укрѣпленія пунктъ, а въ числѣ разныхъ расходовъ на экспедицію назначено 10,000 рублей на подарки туркменамъ-іомудамъ, «съ цѣлью удержать ихъ въ благорасположеніи къ Россіи».

Муравьевъ на этотъ разъ не только осмотрѣлъ Балханскій заливъ, гдѣ выбралъ мѣсто для укрѣпленія на Красноводской косѣ, но и проникъ въ Балханскія горы, которыя рекомендовалъ какъ мѣстность наиболѣе пригодную къ устройству обширнаго населеннаго пункта, гдѣ, по мнѣнію его, со временемъ могли возникнуть обширныя сношенія со всѣми сосѣдними туркменами. Но окрестностей Карабугаза и Кендерлинскаго залива онъ, за позднимъ временемъ года, осмотрѣть не успѣлъ.

Смѣнившій Ермолова генералъ Паскевичъ, въ свою очередь, желалъ сближенія съ туркменами; но на этотъ разъ рѣчь шла уже не объ основаніи среди ихъ русскаго укрѣпленія, котораго постройка и содержаніе, повидимому, найдены были убыточными, а только объ открытіи и утвержденіи торговыхъ связей. Съ этою цѣлью, въ 1830 году ѣздилъ къ туркменамъ есаулъ Лалаевъ, которому сначала поручено было, при содѣйствіи Кіатъ-бека, разузнать хорошенько положеніе туркменовъ, а потомъ, когда онъ донесъ, что у послѣднихъ все благополучно, междоусобій нѣтъ, пригласить нѣсколькихъ туркменскихъ старшинъ въ Тифлисъ, для переговоровъ о торговлѣ. Какія отъ всего этого были послѣдствія — неизвѣстно, ибо и графъ Паскевичъ скоро былъ отозванъ съ Кавказа.

Въ 1832 году оренбургскій военный губернаторъ, графъ Сухтеленъ, снарядилъ экспедицію для осмотра сѣверо-восточнаго при-

брежья Каспійскаго моря, гдѣ рыбные промыслы наши требовали защиты и гдѣ предполагалось возможнымъ завязать торговыя связи съ Хивою черезъ Усть-Уртъ. Послѣдствіемъ этой экспедиціи было основаніе въ 1833 году укрѣпленія Ново-Александровскаго у самаго выхода изъ залива Мертвый-Култукъ въ Каспійское море. Это былъ первый осѣдлый пунктъ нашъ на восточномъ берегу Каспія, хотя еще не въ Туркменіи; но опытъ не совсѣмъ удачный, потому что мѣстность для укрѣпленія была выбрана дурно. Во-первыхъ, она была весьма нездорова, такъ что смертность въ войскахъ гарнизона скоро приняла угрожающіе размѣры; во-вторыхъ, сосѣднею страною былъ безплодный Усть-Уртъ, который не только самъ по себѣ ничего не производитъ, но и препятствуетъ сообщеніямъ съ странами плодородными, изъ какихъ, впрочемъ, во всей арало-каспійской мѣстности лишь одна Хива заслуживаетъ такого названія. Въ-третьихъ, портъ укрѣпленія былъ такъ мелководенъ, что большія морскія суда должны были останавливаться за нѣсколько десятковъ верстъ и перегружать все привезенное сначала на косныя лодки, а потомъ даже на мелкіе челноки, чтобы подвести къ берегу. Вслѣдствіе этого, въ 1835 году, снаряжена была новая экспедиція для точнѣйшаго изслѣдованія всего восточнаго берега Каспійскаго моря, отъ самаго Астрабадскаго залива до Тюпъ-Карагана. Въ экспедиціи этой, подъ начальствомъ Карелина, принялъ участіе капитанъ Бларамбергъ, который и составилъ подробное описаніе всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностей туркменскаго берега: острововъ, заливовъ, горъ и проч. Въ то же время Карелинымъ положены основанія для торговли съ туркменами и собраны свѣдѣнія о производительности ихъ страны. Вслѣдствіе происковъ одного астраханскаго персіянина, Миръ-Багирова, рыбныя ловли у юго-восточнаго берега Каспійскаго моря были имъ совершенно монополизированы, къ большому ущербу и туркменовъ, и русскихъ промышленниковъ. Карелинъ выдвинулъ одного изъ послѣднихъ, Герасимова, и поставилъ туркменовъ вообще въ болѣе близкія связи съ русскими, несмотря на противодѣйствіе, въ этомъ отношеніи, астраханскаго губернскаго начальства, покровительствовавшаго Миръ-Багирову. Въ смыслѣ отысканія пункта, удобнаго для осѣдлости, экспедиціею было дознано, что сколько-нибудь удобными можно признать, за исключеніемъ принадлежащаго Персіи залива Астрабадскаго, лишь Серебряный бугоръ, островъ Огурчинскій, заливъ Баяханскій и Тюпъ-Караганъ.

Въ 1837 году снова явилась въ укрѣпленіе Ново-Александров-

ское депутація отъ туркменовъ съ тремя просьбами о защитѣ и покровительствѣ, причемъ просители заявляли, что они уже съ 1710 года считаютъ себя русскими подданными, но постоянно находятся въ зависимости отъ Хивы и терпятъ отъ нея притѣсненія. Въ 1840 году того же покровительства Россіи пожелали іомуды, несмотря на то, что весьма вліятельный у нихъ Кіатъ-ага былъ незадолго передъ тѣмъ возведенъ въ ханы персидскимъ шахомъ. Наконецъ, въ 1856 году туркмены изъ окрестностей Александръ-бая ходатайствовали объ основаніи у нихъ укрѣпленнаго пункта, который сами вызывались построить: перенесеніе въ 1846 году форта Ново-Александровскаго на Тюпъ-Караганъ, вслѣдствіе чего водворилось относительно спокойствіе на Мангышлыкѣ, очевидно служило имъ къ тому поводомъ.

Въ 1858 году правительство подвергло вопросъ о заселеніи восточнаго берега Каспійскаго моря всестороннему обсужденію, и какъ имѣвшіяся свѣдѣнія о странѣ, особливо о Балханскихъ горахъ и о прибрежномъ населеніи, все еще казались недостаточными, то рѣшено было отправить большую развѣдочную экспедицію, которая и состоялась въ 1859 году подъ начальствомъ полковника Дандевиля. Экспедиція эта, сѣвернѣе Балханскаго залива, имѣла полный успѣхъ, т. е. къ имѣвшимся прежде съемкамъ на Усть-Уртѣ и Мангышлакѣ присоединила съемку Карабугаза и его окрестностей; но въ главномъ пунктѣ, у залива Балханскаго, она встрѣтила неудачу отъ коварства туркменовъ, которые отогнали у нея вьючный скотъ, вслѣдствіе чего не было возможности осмотрѣть Балханскія горы и низовья пересохшей Аму-дарьи. Тѣмъ не менѣе, собранныя ею свѣдѣнія послужили къ убѣжденію правительства, что единственный пунктъ въ южной половинѣ Каспійскаго моря, гдѣ можно основать осѣдлость въ землѣ туркменовъ, есть Красноводскій заливъ *), откуда не трудно будетъ сноситься и съ туркменами, и съ Россіею черезъ Баку. Развитіе нашего рыболовства у туркменскихъ береговъ и вниманіе, которое въ послѣдніе годы пріобрѣлъ нефтяной промыселъ на Челекени, наконецъ вызвали рѣшимость на основаніе Красноводскаго укрѣпленія, а коварное поведеніе Хивы заставило даже поторопиться его построй-

*) Карелинъ, въ 1835 году, полагалъ, и съ обще-политической точки зрѣнія не безъ основанія, что лучшимъ мѣстомъ для укрѣпленія нужно считать Серебряный бугоръ, т. е. устье Гюргени. Туркмены въ 1859 г. сами предлагали его въ собственность русскихъ, подъ факторію и укрѣпленія.

кою и отправить экспедицію вмѣсто весны 1870 года осенью 1869 года. Такъ возникъ второй, а исторически пятый русскій осѣдлый пунктъ на восточномъ берегу Каспія. И какъ всѣ прежнія свѣдѣнія о Балханскихъ горахъ заставляли считать, что утвержденіе здѣсь принесетъ еще болѣе пользы, чѣмъ въ самомъ Красноводскѣ, то весною 1870 года были, въ видѣ опыта, заняты Ташъ-Арватъ съ двумя промежуточными пунктами: постомъ Михайловскимъ и Мулла-кари. Осенью того же года мы уже на столько утвердились у залива Балханскаго, что былъ сдѣланъ походъ на востокъ, за 200 слишкомъ верстъ, въ землю текинцевъ, къ Кизылъ-Арвату, а въ слѣдующемъ году совершены двѣ рекогносцировки по направленію къ Сары-Камышу. Затѣмъ Балханскія горы, какъ безплодныя и удаленныя отъ берега моря, были оставлены, а главнымъ мѣстопребываніемъ закаспійскаго военнаго отряда временно сдѣланъ Чикишляръ, на устьѣ Атрека. Исполнивъ свое назначеніе, т. е. послуживъ исходною точкою для нѣсколькихъ рекогносцировокъ въ южной Туркменіи, онъ однакоже былъ оставленъ нами при началѣ хивинской экспедиціи 1873 года.

Такимъ образомъ, въ настоящее время, русскіе стоятъ прочною ногою въ этихъ мѣстностяхъ Туркменіи: на Мангышлакѣ, въ Красноводскѣ и на островѣ Ашуръ-аде, въ Астрабадскомъ заливѣ. Послѣдняя мѣстность хотя и лежитъ въ Персіи, но имѣетъ прямое отношеніе къ Туркменіи, ибо цѣль находящейся тутъ морской станціи состоитъ въ прикрытіи отъ разбоевъ туркменовъ всего юго-восточнаго берега Каспійскаго моря. Значеніе морской станціи на Ашуръ-аде таково, что безъ билета отъ начальника оной ни одна туркменская лодка не смѣетъ появиться на рыбные промыслы, а тѣмъ менѣе прійдти въ Астрабадскій заливъ для торговли съ персіянами. Если морской разбой не вполнѣ еще прекращенъ у береговъ Туркменіи, то главная причина тому камыши, покрывающіе взморье у низовій Кара-су, Гюргени и въ Гассанъ-кули, гдѣ мелкія хищническія лодки могутъ скрываться совершенно отъ взоровъ отыскивающихъ ихъ парусныхъ и гребныхъ судовъ.

Что касается до вліянія, которое оказываютъ русскія осѣдлости въ Туркменіи на ея населеніе, то о немъ можно сказать слѣдующее. *Фортъ Александровскій* съ лежащею близъ его станицею Николаевскою (въ которой есть 240 душъ) представляетъ рыболовную станцію и рынокъ для торговли съ киргизами Мангышлакскаго приставства. Въ 1872 году обороты его по отпуску превосходили 350,000 рублей, изъ которыхъ три четверти составлялъ вывозъ

рыбъ, кожъ, каменнаго угля и пр. въ Астрахань; по привозу итогъ цѣнностей достигалъ до той же цифры 350,000 руб., и это были преимущественно мука, красный товаръ, посуда, и т. д. до сѣна, соломы и дровъ. Фортъ служитъ мѣстопребываніемъ мангышлакскаго отряда, который отъ времени до времени высылаетъ команды въ сосѣднюю степь; но исходнымъ пунктомъ для движенія противъ Хивы, по отдаленности отъ ней, онъ служить ей не можетъ, и въ 1873 г. ему въ этомъ смыслѣ былъ предпочтенъ Кендерлинскій заливъ, гдѣ есть хорошая якорная стоянка и откуда до Хивы разстояніе меньше на цѣлыя 200 верстъ.

Красноводскъ существуетъ такъ недавно, что о его значеніи для водвореніи русской гражданственности и политическаго вліянія въ Туркменіи ничего нельзя сказать положительнаго. Слѣдующія цифры изъ отчета агента министерства финансовъ за шесть мѣсяцевъ 1870—71 года могутъ дать, впрочемъ, нѣкоторое понятіе о современномъ торговомъ его значеніи:

Привезено для внутренняго употребленія, т. е. не для вывозки къ Туркменію, а для продажи на мѣстѣ

Сахару, чаю, свѣчей, мыла и т. п. . . .	15,000	р.
Аршинныхъ товаровъ	3,850	›
Винограднаго кавказскаго вина.	2,000	›
Вина русскаго.	300	›
Хлѣбами.	6,100	›
Итого изъ Россіи. . .	27,750	р.
Изъ Персіи фруктовъ	300	›
Изъ Туркменіи: рыбы, дичи, арбузовъ. . .	570	›
Всего. . . .	28,620	р.
Вывезено: въ Персію соли	1,535	›
Въ Россію: лисьихъ шкуръ, овчинъ, перьевъ.	1,000	›
Всего. . .	2,535	р.
Провезено:		
Изъ Хивы въ Россію, шелковыхъ продуктовъ	8,000	р.
Изъ Астрахани въ Хиву, мануфактурн. товар.	1,000	›
Кромѣ того, на сосѣдній островъ *Челекенъ*, за то же время, съ октября 1870 года по мартъ 1871 года, привезено разныхъ товаровъ: аршинныхъ, хлѣбныхъ и другихъ.	5,500	›
А съ Челекени привезено въ Красновод. нефти	225	›
Весь торговый оборотъ мѣстности . .	46,000	р.

Производствомъ внутренней торговли занимались тринадцать торговцевъ и при нихъ шестнадцать приказчиковъ. Къ веснѣ 1871 года они всѣ почти имѣли постоянныя помѣщенія изъ сырцоваго кирпича или изъ досокъ. Но, кромѣ торговли рыбой и мѣхами, вся остальная имѣла цѣлью снабженіе войскъ. Одинъ красноводскій торговецъ, впрочемъ, ѣздилъ для закупки птичьихъ перьевъ и шкуръ на Гюргень, а другой основалъ въ самомъ Красноводскѣ заводъ для выдѣлки керосина изъ челекенской нефти, добываемой и привозимой туркменами. Красноводскъ въ настоящее время состоитъ изъ укрѣпленія и форштата, въ которомъ, между прочимъ, находится мечеть.

Объ *Ашуръ-аде* можно сказать, что онъ имѣетъ для Туркменіи значеніе только наблюдательнаго поста. Торговое же его значеніе держится, главнымъ образомъ, на сношеніяхъ съ Персіею. Впрочемъ и для русскаго рыболовства у туркменскихъ береговъ это есть немаловажная станція.

Военный обзоръ.

Предъидущее изложеніе данныхъ топографическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и политическихъ даетъ основаніе принять слѣдующіе выводы, важные въ стратегическомъ смыслѣ:

1) На всемъ протяженіи туркменскаго участка государственной нашей границы, мы имѣемъ сзади себя принадлежащее намъ море, а впереди, большею частью, безплодную и населенную варварскими номадами степь. Такимъ образомъ, если первые *наступательные* шаги наши здѣсь облегчены перевозкою всего нужнаго по морю, то каждый послѣдующій будетъ все труднѣе и труднѣе, по мѣрѣ углубленія въ степь, которая, въ строгомъ смыслѣ, на памяти исторіи никогда и никѣмъ не была покорена, по крайней мѣрѣ на продолжительное время и прочно. Напротивъ, *оборона* береговой линіи, по восточной сторонѣ Каспія, можетъ быть очень легка и не потребуетъ особаго отягощенія государства расходами ни людей, ни денегъ.

2) Съ признаніемъ персидскимъ владѣніемъ земель на Гюргени и по лѣвому берегу Атрека, не остается во всей Туркменіи оазиса, который бы могъ служить цѣлью дѣйствій, т. е. такою мѣстностью, гдѣ бы можно было прочно утвердиться, завести поселенія и содержать мѣстными средствами военную силу, достаточную для удержа-

нія въ полной покорности туркменовъ. Исключеніемъ, и то лишь въ весьма слабой степени, могутъ служить подгорья Кепетъ-дага, но только въ такомъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, горы Каратау въ зачуйской степи, т. е. вдоль нихъ возможны, безъ особыхъ лишеній для войскъ, кратковременные походы, особливо весною и осенью.

3) Несмотря на значительную длину теперешней границы, т. е. восточнаго берега Каспійскаго моря, управленіе всѣми военными силами на ней, пока онѣ не удалились отъ моря, очень легко, и притомъ, по характеру страны, не требуетъ одной сильной центральной власти на мѣстѣ, ибо общее направленіе мелкимъ отрядамъ и снабженіе ихъ всѣмъ нужнымъ удобно можетъ дѣлаться властями, живущими по западную сторону моря, въ распоряженіи которыхъ состоятъ всѣ запасы, личные и имущественные. Но впрочемъ, для избѣжанія проволочекъ въ передачѣ распоряженій, и особенно въ видахъ соблюденія единства въ характерѣ распоряженій предъ лицомъ туркменовъ, было бы небезполезно имѣть одного общаго начальника закаспійской линіи, съ центромъ управленія въ Кендерли или Красноводскѣ и съ подчиненіемъ ему какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ силъ, охраняющихъ берегъ.

4) Отряды, находящіеся въ настоящее время на восточномъ берегу Каспійскаго моря, принадлежатъ къ разнымъ частямъ войскъ кавказскаго округа. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе замѣнить мѣстными командами, отдѣльными отъ кавказскихъ полковъ. Это будетъ раціонально и въ административномъ, и въ боевомъ отношеніи, ибо характеръ войны, возможный въ Туркменіи, совсѣмъ не тотъ, что на Кавказѣ, и требуетъ спеціальнаго опыта и подготовки людей, такъ что по справедливости можно сказать, что для этой войны пригоднѣе оренбургскіе и туркменскіе линейные батальоны, несмотря на то, что они не имѣютъ такой славной боевой опытности, какъ кавказская армія.

5) Естественная бѣдность закаспійскаго края не оставляетъ сомнѣнія, что мы никогда не въ состояніи будемъ держать въ немъ большого числа войскъ; да это и не нужно. При теперешнемъ состояніи туркменовъ, дурно вооруженныхъ, раздѣленныхъ на враждебные другъ другу роды и неспособныхъ къ повиновенію, при невозможности соединенія ихъ въ большія массы, не только политическія, но, по недостатку продовольствія, и въ собственно боевыя, намъ никогда не придется имѣть дѣла съ очень большими скопищами. А если бы и пришлось, то тѣмъ лучше для насъ, ибо побѣда была бы рѣшительнѣе. Отрядъ въ 2,000 человѣкъ, съ артиллеріею,

безъ сомнѣнія, могъ бы исходить всю Туркменію безнаказанно, если бы легко было доставать воду, топливо и кормъ скоту на мѣстахъ, не возить съ собою продовольствія на весь походъ и не имѣть заботы о верблюдахъ, которыхъ собирать и охранять составляетъ немало труда. Что самыя обдуманныя предпріятія въ туркменской степи могутъ быть парализованы недостаткомъ верблюдовъ, это показалъ опытъ 1871 года, когда только исключительныя обстоятельства дали возможность выйдти изъ затрудненія.

6) Въ смыслѣ театра войны къ сторонѣ Хивы, туркменское пограничное пространство вообще можетъ быть названо большимъ, весьма трудно одолимымъ препятствіемъ для насъ и очень сильнымъ закрытіемъ для хивинцевъ. Конечно, небольшой отрядъ можетъ быть проведенъ черезъ степь до самой Хивы, какъ показалъ опытъ настоящаго года; но такой отрядъ все же не можетъ составить самостоятельной экспедиціи противъ Хивинскаго ханства, а только вспомогательную для войскъ Туркестанскаго и Оренбургскаго края. Притомъ тотъ же опытъ 1873 г. свидѣтельствуетъ, что походъ черезъ степи съ значительною массою войскъ возможенъ лишь чрезъ Усть-Уртъ, отъ залива Кендерлинскаго, но не чрезъ песчаные степи отъ Чикишляра. На послѣдней дорогѣ, сверхъ трудности добыть и охранять верблюдовъ, величайшія неудобства представляетъ и самая почва, по которой переходы въ высшей степени затруднительны; а необходимость оставлять часть войскъ въ тылу, на этапахъ, можетъ ослабить отрядъ до степени, при которой нападеніе даже на туркменъ, сдѣлается неблагоразумнымъ.

7) Перевозочныя средства въ Туркменіи состоятъ изъ верблюдовъ, лошадей и отчасти ословъ; они вообще малочисленнѣе, чѣмъ въ киргизскихъ степяхъ, и сборъ ихъ возможенъ только подъ условіемъ хорошихъ отношеній съ туркменами. Вотъ почему небольшой верблюжій транспортъ при войскахъ есть положительная необходимость. Иначе можно быть вынужденнымъ для сбора верблюдовъ прибѣгать иногда къ мѣрамъ грубо-насильственнымъ, т. е. такимъ, которыя способны дискредитировать русское имя во всей Туркменіи.

8) По особенностямъ климата, крайне жаркаго лѣтомъ и холоднаго зимою, войска должны имѣть особыя, лѣтнюю и зимнюю, походныя одежды. Въ походѣ полезно имѣть нортоновскіе колодцы, и, въ составѣ продовольствія, непремѣнно чай, не исключая, впрочемъ, особенно зимою и осенью, водку, во избѣжаніе вредныхъ послѣдствіи отъ холодныхъ ночей. Сушеное мясо и капуста, консервы

въ жестянкахъ и вообще всѣ непортящіеся припасы—первое условіе во время походовъ по Туркменіи. Къ нимъ нужно еще присоединить овесъ, ячмень и прессованное сѣно для лошадей.

9) По дороговизнѣ сооруженія какихъ бы ни было зданій во всѣхъ занятыхъ нами пунктахъ, весьма возможно замѣнить значительную часть ихъ войлочными кибитками мѣстнаго туркменскаго производства, или привозимыми изъ астраханскихъ степей.

Значительная часть этихъ заключеній и выводовъ уже примѣнена къ дѣлу при занятіи разныхъ мѣстностей на восточномъ берегу Каспійскаго моря; но нѣкоторыя, повидимому, не вошли еще въ общее убѣжденіе. Слѣдующія краткія свѣдѣнія о закаспійскихъ отрядахъ покажутъ, что именно сдѣлано въ видахъ прочнаго утвержденія нашего по ту сторону Каспія.

Мангышлакскій отрядъ, изъ пѣхоты и казаковъ, расположенъ въ фортѣ Александровскомъ, гдѣ имѣетъ для жительства и складовъ постройки изъ дерева и камня и откуда часть его направлена черезъ Кендерли на Хиву.

Красноводскій отрядъ, изъ пѣхоты, артиллеріи, казаковъ и саперовъ, съ мастеровою и госпитальною командами, находится въ Красноводскѣ, гдѣ имѣетъ правильныя помѣщенія въ укрѣпленіи.

Морская станція на островѣ Ашуръ-аде состоитъ изъ ряда построекъ, какъ для жительства служащихъ и торговцевъ, такъ и для склада разныхъ предметовъ. Есть даже церковь. Суда, несущія службу на станціи, обыкновенно стоятъ на рейдѣ къ юго-востоку отъ острова, внутри Астрабадскаго залива; мѣсто для выгрузки, гдѣ держатся гребныя суда, находится въ юго-восточной же части острова. Составъ крейсерской флотиліи и командъ перемѣнный.

Всѣ эти военныя силы получаютъ всякаго рода снабженія изъ Россіи, именно изъ Астрахани, Петровска и Баку, при посредствѣ пароходовъ общества «Кавказъ и Меркурій», съ которымъ у правительства есть контрактъ о рейсахъ, о перевозной платѣ, о числѣ судовъ и т. д. Исключеніе дѣлается для нѣкоторыхъ предметовъ продовольствія на Ашуръ-аде, которые добываютъ покупкою на мѣстахъ въ Персіи. Во всѣхъ же пунктахъ по восточному берегу Каспійскаго моря, сѣвернѣе Ашуръ-аде, мѣстнаго только и есть, что мясо, преимущественно баранина, да арбузы, а затѣмъ все остальное, не исключая сѣна и дровъ, привозится изъ Астрахани или съ Кавказа. Вслѣдствіе этого, содержаніе отрядовъ обходится очень дорого.

Источники.

Муравьевъ: Путешествіе въ Хиву и Туркменію 1819 г.

Борнсъ: Путешествіе въ Бухару, 1834 г.

Бларамбергъ: Журналъ экспедиціи 1835 г. на восточный берегъ Каспійскаго моря (Записки Русскаго Географическаго Общества).

Карелинъ: Рукописи, относящіяся въ той же экспедиціи.

Фелькнеръ: Геогностическій очеркъ восточнаго берега Каспійскаго моря 1836.

Abbot: Narrative of a Journey from Herat to Khiva 1843.

Иванинъ: Поѣздка на полуостровъ Мангышлакъ (Отеч. Записки 1849).

Боде: О туркменскихъ поколѣніяхъ ямудахъ и гоклепахъ (Зап. Рус. Геогр. Общ.).

Дандевиль: Рукописные документы объ экспедиціи 1859 г.

Галкинъ: Этнографическіе матеріялы по Оренбургскому краю и въ частности статья о туркменахъ.

Вамбери: Путешествіе въ Хиву и Бухару 1863 г.

Ивашинцевъ, *Ульскій* и *Пущинъ*: труды ихъ по изслѣдованію Каспійскаго моря, изданные частью отдѣльно, частію въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества и въ Морскомъ Сборникѣ.

Ленцъ: О прежнемъ теченіи Аму-дарьи — Зап. Рус. Геогр. Общ.

Стебницкій: Замѣтки о Туркменіи 1871 г. и разныя статьи въ Изв. К. От. Рус. Геогр. Общ.

Скобелевъ: Описаніе пути отъ Красноводска къ Хивѣ въ Изв. Рус. Геогр. Общ. 1872. Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества за 1872, № 3, гдѣ описаны пути, пройденные *Маркозовымъ*.

Линевичъ: Свѣдѣнія о Мангышлакѣ.

Рукописи Алексѣева, графа Кутайсова, Столѣтова и др., а также офиціальныя бумаги по закаспійскимъ дѣламъ, изъ Азіятскаго Отдѣла Главнаго Штаба.

Карты: Оренбургскаго края, 50 в. въ 1 дюймѣ, изданія 1872 г., и *съемки* Иванина, Рябинина, Алексѣева, Бларамберга, Ивашинцова, Стебницкаго, Скобелева, Маркозова и пр.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ОБЗОРУ

РУССКО-АЗІАТСКИХЪ ГРАНИЦЪ.

I. Списки астрономическихъ точекъ.

На островѣ Сахалинѣ.

Наблюденія и вычисленія, произведенныя *Крузенштерномъ* и *Горнеромъ:*

1.	Мысъ Елисавета	54°24′	с. ш.	160°23′	в. Ф.
2.	„ Марія	54 18	„	159 54	„
3.	„ Левенштернъ	54 3	„	160 49	„
4.	„ Клокачевъ	53 40	„	160 44	„
5.	„ Головачевъ	53 30	„	159 31	„
6.	„ Вюрстъ	52 52	„	160 54	„
7.	„ Отмелей	52 33	„	160 51	„
8.	„ Песчаный	51 53	„	160 50	„
9.	„ Делиль-де-ля-Кройеръ	51 0	„	161 20	„
10.	„ Ратмановъ	50 48	„	161 30	„
11.	„ Рымникъ	50 12	„	161 40	„
12.	„ Беллинсгаузенъ	49 35	„	162 2	„
13.	Устье р. Поронaя	49 15	„	160 40	„
14.	Мысъ Соймоновъ	48 52,5	„	160 39	„
15.	„ Терпѣнія	48 52	„	162 23	„
16.	Сѣв.-вост. край Тюленьей банки . .	48 36	„	162 10	„
17.	Юго-запад. „ „ „ . .	48 28	„	161 48	„
18.	Мысъ Дальримпль	48 21	„	160 28	„

19. Мысъ Муловскій.	47° 58′ с. ш.	160° 22′ в. Ф.
20. „ Сенявинъ.	47 16,5 „	160 37 „
21. „ Тонинъ	46 50 „	161 11 „
22. Японская факторія въ зал. Анивѣ. .	46 41 „	160 32 „
23. Мысъ Левенорнъ	46 23 „	161 18 „
24. Островъ Монеронъ.	46 8 „	158 51 „
25. Мысъ Анива.	46 2 „	161 8 „
26. „ Крильонъ.	45 54 „	159 36 „
27. Камень Опасность	45 47 „	159 47 „
Опредѣленія *Рашкова* и *Старицкаго:*		
28. Постъ Дуи	50 50 „	159 46 „
29. „ Сертунай.	49 30 „	159 49 „
30. Мысъ Токори-хокка	48 40 „	159 33 „
31. Постъ Кусунай	47 59 „	159 53 „
32. Гавань Буссе въ зал. Анивѣ . . .	46 29 „	160 59 „
33. Островъ Монеронъ, внѣ Сахалина . .	46 15 „	158 56 „
34. Мысъ Крильонъ.	45 54 „	159 46 „

Въ Приморскомъ участкѣ.

1. Николаевскъ.	53° 8′ с. ш.	158° 25′ в. Ф.
2. Мысъ Лазарева	52 13 „	159 10 „
3. Зал. де-Кастри	51 28 „	158 29 „
4. Императорская гавань.	49 1 „	157 57 „
5. Зал. Сюффренъ	47	?
6. Зал. Тернай	45	?
7. Ист. Сунгачи изъ Ханкая	45 3 „	150 34 „
8. Дер. Ситуху	44 59 „	151 11 „
9. Устье Добиху.	44 53 „	151 11 „
10. Плантаціи на Джумтайзѣ.	44 42 „	151 19 „
11. Второе устье Нынту	44 39 „	151 42 „
12. Зал. Владиміра	43 55 „	153 10 „
13. „ Ольги	43 44 „	152 46 „
14. Остр. Рѣчной, устье Суйфуна . . .	43 17 „	149 23 „
15. Остр. Скребцова.	43 13 „	149 35 „
16. Мысъ Песчаный.	43 11 „	149 26 „
17. Устье р. Хонгонъ	43 7 „	151 58 „
18. Владивостокъ.	43 6 „	149 36 „
19. Мысъ Токаревскаго.	43 5 „	149 32 „
20. Бухта Новикъ	43 4 „	149 30 „

21. Остр. Скрыплева	43°	2′ с. ш.	149°	39′	в. Ф.
22. „ Казакевича	42	59 „	149	27	„
23. „ Попова, южн. окон.	42	55 „	149	26	„
24. Проливъ Стрѣлокъ	42	55 „	150	3	„
25. Мысъ Матвѣева (бухта Преображенія).	42	54 „	151	31	„
26. Бол. остр. Верховскаго	42	52 „	149	25	„
27. Мысъ Брюса.	42	52 „	149	10	„
28. Бухта Успенія	42	50 „	151	7	„
29. Остр. Желтухина	42	49 „	149	14	„
30. Находка, сѣв.-зап. бер.	42	48 „	150	32	„
31. Остр. Аскольдъ, сѣв. окон.	42	47 „	150	1	„
32. Бухта Врангеля.	42	44 „	150	42	„
33. Остр. Гильдебрантъ	42	41 „	148	57	„
34. Мысъ Поворотной	42	40 „	150	43	„
35. Зал. Посьета.	42	40 „	148	25	„
36. Мысъ Гамова	42	34 „	148	50	„
37. Устье Тумень-улы	42	17 „	148	16	„

На Амурѣ и Усури.

1. Устье р. Купури въ Зею	54°	44′ с. ш.	148°	18′	в. Ф.
2. На Иликанѣ, бас. Брянты	54	44 „	143	59	„
3. Устье Усмана въ Танды	54	43 „	141	39	„
4. Близь устья р. Токъ	54	41 „	146	25	„
5. На р. Мынмыхаканъ	54	38 „	145	51	„
6. Устье р. Мынмыхи.	54	38 „	145	35	„
7. На р. Унаха.	54	33 „	144	47	„
8. Сліяніе Утугея и Брянты.	54	32 „	145	7	„
9. Юрта Типета на р. Джи	54	31 „	147	40	„
10. На притокѣ р. Арги	54	30 „	148	40	„
11. Змѣиная гора на Амурѣ	54	5 „	143	13	„
12. На притокѣ Амазара	53	43 „	139	52	„
13. Амуръ 5 вер. выше устья Ольдоя . .	53	30 „	141	3	„
14. Устье Стрѣлочный караулъ	53	19 „	139	30	„
15. Д. Маго, на Амурѣ	53	13 „	157	53	„
16. Скала Малая Надежда.	53	11 „	142	58	„
17. Николаевскъ	53	8 „	158	25	„
18. Деревня Тыръ	52	55 „	157	29	„
19. Инканская часовня.	52	51 „	149	36	„
20. Село Ново-Михайловское	52	36 „	157	55	„

21. На Амурѣ близъ Онона	52°	14′	с. ш.	143°	59′	в. Ф.
22. Въ верхов. Силинджи	52	2	„	148	24	„
23. Близъ Когги, на Амурѣ	51	54	„	144	13	„
24. Деревня Кади	51	53	„	158	7	„
25. Г. Маріинскъ	51	42	„	157	52	„
26. Сліяніе двухъ вѣтвей Буреи	51	39	„	151	57	„
27. Ст. Кумарская	51	35	„	144	40	„
28. Дер. Эрри, на Амурѣ	51	23	„	156	35	„
29. Дер. Тотьхо, на Амурѣ	51	5	„	156	7	„
30. Буреинская часовня	50	50	„	150	31	„
31. Благовѣщенскъ	50	15	„	145	16	„
32. Мысъ Маи, на Амурѣ.	49	52	„	154	25	„
33. Ст. Скобельцына, устье Буреи . . .	49	25	„	147	17	„
34. Дер. Долэ, на Амурѣ	49	25	„	154	12	„
35. На Амурѣ, ю.-з. отъ Буреи	49	22	„	147	43	„
36. Ст. Касаткина	48	58	„	147	48	„
37. Гора Уксуми.	48	52	„	153	37	„
38. Хабаровка.	48	28	„	152	47	„
39. Противу ст. Казакевича	48	16	„	152	22	„
40. Ст. Луговая	48	16	„	151	42	„
41. Селгако	48	9	„	151	16	„
42. Гора Окторъ.	48	7	„	150	54	„
43. Устье Тоонъ-Биры	48	2	„	152	19	„
44. Д. Дырке.	48	10	„	150	33	„
45. Ст. Михайло-Семеновская.	47	56	„	150	36	„
46. Устье Хоро въ Усури.	47	49	„	152	25	„
47. „ Сунгари	47	42	„	150	12	„
48. Ст. Добрая	47	42	„	149	24	„
49. Ст. Будогоская	47	37	„	152	25	„
50. Ст. Шапшинская	47	6	„	151	57	„
51. Устье Бикини	46	50	„	151	47	„
52. „ Цифаку	46	20	„	151	47	„
53. „ Нимани	45	58	„	151	23	„
54. „ Сунгачи	45	34	„	151	6	„
55. 2-й караулъ на Сунгачѣ	45	28	„	150	53	„
56. Утесъ между Гармой и Курмой. . .	45	15	„	151	12	„
57. 3-й караулъ на Сунгачѣ	45	12	„	150	50	„
58. Истокъ Сунгачи изъ Ханкая. . . .	45	3	„	150	34	„
59. Дер. Ситуху	44	59	„	151	11	„
60. Устье Добиху.	44	53	„	151	11	„

Въ Маньчжуріи.

Опредѣленія іезуитовъ въ XVIII вѣкѣ:

1. Улусу-модонъ на Амурѣ	51°	22′	с. ш.	144°	28′	в. Ф.
2. Сахалянъ-ула-хотонь	50	1	„	145	4	„
3. Мергень	49	12	„	142	38	„
4. Камника-кямунь	48	41	„	142	32	„
5. Эду-гашань	48	10	„	149	42	„
6. Хайчжу-гашань	47	59	„	152	50	„
7. Чефи-гашань	47	49	„	150	16	„
8. Цицикаръ	48	24	„	141	32	„
9. Аомпли-гашань	47	23	„	149	32	„
10. Мохоро-гашань	47	19	„	148	45	„
11. Индаму-гашань	46	53	„	148	18	„
12. Чолъ-хотонь	46	40	„	140	41	„
13. Нимань-гашань	45	55	„	151	49	„
14. Нушу-гашань	45	48	„	143	57	„
15. Бедунэ-хотонь	45	46	„	142	37	„
16. Чжульгей, усурійскій	44	47	„	152	5	„
17. Дабуку-кинка юж. бер.	44	33	„	150	39	„
18. Нингута	44	24	„	147	21	„
19. Чжулгей-сулфунскій.	44	1	„	150	1	„
20. Борото-гашань	43	48	„	139	55	„
21. Гиринь-ула-хотонь	43	47	„	144	29	„
22. Истокъ-Хучи-биры	43	31	„	147	20	„
23. Чжулгей-хотонь	43	20	„	149	13	„
24. Хонгто-хотонь	42	54	„	147	41	„
25. Хара-пай-шань	42	18	„	138	8	„
26. Тегу-гашань	41	56	„	142	53	„
27. Мукденъ	41	50	„	142	17	„
28. Инденъ (Синъ-цинъ)	41	44	„	142	40	„
29. Банзе-хотонь.	41	29	„	143	12	„
30. Синъ-тянь-цзе	41	16	„	139	18	„
31. Ню-чуань	41	0	„	140	18	„
32. Фынъ-хуанъ-ченъ	40	30	„	141	50	„
33. Кулушань-гашань	40	5	„	141	33	„
34. Кинъ-чжеу	39	0	„	139	33	„
Новѣйшія опредѣленія:						
35. Устье Урова въ Аргунь	52	12	„	138	24	„
36. Аргунское.	51	34	„	137	42	„

37. Сань-синъ	46° 19′	с. ш.	147° 16′	в. Ф.
38. Точка на Сунгари	45 42	„	144 1	„
39. Сунгари близъ Нонни	45 21	„	142 27	„
40. Сунгари 35 в. сѣв. Гирина	44 7	„	144 21	„

Въ Забайкалѣ и Халкѣ.

1. Село Укырское	52° 32′	с. ш.	129° 2′	в. Ф
2. Сѣверное устье Селенги	52 24	„	124 13	„
3. Деревня Шигаева	52 11	„	124 7	„
4. Станція Шакшинская	52 8	„	130 20	„
5. Городъ Чита	52 1	„	131 10	„
6. Посольскій монастырь	52 1	„	123 49	„
7. Городъ Нерчинскъ	51 58	„	134 15	„
8. „ Верхнеудинскъ	51 49	„	125 15	„
9. Станица Тункинская	51 45	„	120 13	„
10. Деревня Култукъ	51 43	„	121 25	„
11. Нилова Пустынь	51 41	„	119 21	„
12. Село Шелопугино	51 39	„	135 13	„
13. Устье Переемной въ Байкалъ	51 35	„	122 50	„
14. Станція Хара-муринъ	51 29	„	122 2	„
15. Петровскій заводъ	51 16	„	126 31	„
16. Городъ Ново-Селенгинскъ	51 5	„	124 18	„
17. Александровскій рудникъ	50 55	„	135 36	„
18. Стн. Чиндантская	50 35	„	133 5	„
19. Село Торейское	50 32	„	122 30	„
20. „ Усть-Илійское	50 24	„	131 23	„
21. Городъ Троицкосавскъ	50 22	„	124 6	„
22. Село Джиндинское	49 56	„	125 40	„
23. Караулъ Абагайту	49 34	„	135 31	„
24. Буронъ-ханъ-алинь	49 36	„	122 43	„
25. Караулъ Кыринскій	49 34	„	129 38	„
26. Сліяніе Эке Селенгою	49 27	„	121 43	„
27. Устье Керулюна	48 50	„	134 51	„
28. Южн. точка Кулунь-омо	48 47	„	134 54	„
29. На Керуленѣ № 1	48 33	„	134 11	„
30. Байсири Буриту	48 24	„	120 34	„
31. Боро Бира	48 23	„	124 6	„
32. На Керуленѣ № 3	48 25	„	133 6	„
33. Уланъ-булакъ	48 23	„	135 14	„

34. Устье Тепе-биры въ Керуленъ . . .	48°12′	с. ш.	126°43′	в. Ф.
35. На Керуленѣ № 2	48 8	„	133 20	„
36. Кирса алинь	48 8	„	125 51	„
37. Аппанъ алинь	48 7	„	121 20	„
38. Пара-хотонь	48 5	„	131 16	„
39. На Керуленѣ № 4	48 4	„	132 6	„
40. Урга	47 55	„	124 21	„
41. Керуме-омо	47 52	„	130 4	„
42. Ханъ-алинь	47 49	„	124 0	„
43. Налайха	47 47	„	124 58	„
44. Экуре-халха	47 37	„	128 50	„
45. Далальхо-Кара-Балгасунъ	47 32	„	120 44	„
46. Южн. точка на Калкѣ-бирѣ	47 29	„	137 6	„
47. Шанпату	47 20	„	124 45	„
48. Дано-алинь	47 7	„	127 30	„
49. Эрдени-чжао	46 58?	„	121 0?	„
50. Гильтегентай	46 54	„	126 55	„
51. Баинъ-хара	46 31	„	125 35	„

Въ участкѣ Алтае-Саянскомъ.

Прежде извѣстныя точки:

1. Ачинскъ	56°16′	с. ш.	108°10′	в. Ф.
2. Канскъ	56 12	„	113 19	„
3. Красноярскъ	56 1	„	108 10	„
4. Точка на Манѣ	55 15	„	111 42	„
5. Нижнеудинскъ	54 55	„	116 41	„
6. Точка на Шеншѣ	54 25	„	112 14	„
7. Точка на верх. Кана	54 18	„	113 8	„
8. „ „ „ Бирюсы	54 4	„	114 59	„
9. Саратова гора, шп. на верш. . . .	53 47	„	106 45	„
10. Кузнецкъ	53 46	„	104 53	„
11. Удинскій караулъ	53 45	„	114 42	„
12. Минусинскъ	53 42	„	109 24	„
13. Точка при Сорукѣ	53 28	„	114 25	„
14. Царево-Николаевскій пр.	53 13	„	106 40	„
15. Означенное	53 4	„	109 9	„
16. Таштыпскій форпостъ	52 47	„	107 38	„
17. Окинскій караулъ	52 42	„	117 14	„
18. Точка на Іисукѣ	52 37	„	113 53	„

19.	Мин. вод. на Тарпѣ	52°35′	с. ш.	116°18′	в. Ф.
20.	Точка на Шибитѣ	52 21	„	115 55	„
21.	Рудникъ Алибера	52 21	„	118 22	„
22.	Курень Урянховъ на Бей-кхемѣ . .	52 20	„	113 46	„
23.	На Усѣ ниже Улугбаша	52 19	„	110 37	„
24.	Иркутскъ	52 16	„	121 56	„
25.	Юрты на Тархоѣ	52 15	„	118 19	„
26.	Норинхоройскій кар.	52 6	„	117 56	„
27.	Устье Кемчика въ Енисей	51 44	„	109 43	„
28.	Култукъ	51 43	„	121 25	„
29.	Нилова пустынь.	51 41	„	119 21	„
30.	Буронъ-ханъ-алинь	49 36	„	123 43	„
31.	Байзири-буриту	48 24	„	120 34	„
32.	Апканъ-алинь	48 7	„	121 20	„
33.	Эрдени-чжао	46 57	„	121 0	„
34.	Кеку-омо	46 24	„	118 29	„
35.	Дер. Уланъ-хучжиръ	46 15	„	104 52	„
36.	Дер. Кэтъ-хобокъ	46 25	„	104 46	„
37.	Дер. Наринь-хобокъ	46 25	„	104 13	„
38.	Ст. у горы Хабтакъ	45 —	„	109 41	„

Опредѣленія *Мирошниченко* въ 1869 г.

39.	Шабинъ-дабага, пограничный столбъ .	52 12	„	108 6	„
40.	Р. Черланы	52 8	„	108 4	„
41.	Вершина р. Узунъ-су	51 42	„	107 36	„
42.	Р. Ильдугомъ	51 29	„	107 14	„
43.	Р. Алаша, около устья Чульчи . . .	51 15	„	107 12	„
44.	Чулышманъ при устьѣ Чульчи . . .	51 6	„	105 43	„
45.	Кемчикъ противъ г. Бошту	50 55	„	107 15	„
46.	Башкаусъ при устьѣ Угагана . . .	50 37	„	105 40	„
47.	Восточный конецъ озера Джувлу-куля .	50 28	„	107 26	„
48.	Западный конецъ озера Кендыкты-куля.	50 23	„	107 22	„
49.	Р. Беконь-Брень у Чегетея	50 3	„	107 32	„
50.	Кошъ-Агачь на р. Чу	49 59	„	106 19	„
51.	Бывшій пикетъ Юстыдъ	49 56	„	107 0	„
52.	Китайскій пикетъ на Какъ-норѣ . .	49 36	„	106 56	„
53.	Китайскій караулъ Суокъ.	49 25	„	106 40	„
54.	Пер. Уланъ-даба, столбъ	49 17	„	105 26	„
55.	Сл. Укока съ Аланою	49 17	„	105 7	„
56.	Бухтарма при у. Черновой	49 12	„	103 24	„

57. Бывшій пикетъ Чингистай	49°11′ с. ш.	103°34′ в. Ф.
58. Улясутай, по Илайясу.	47 46 „	114 22 „

Въ участкѣ Чжунгарскомъ.

1. Семипалатинскъ	50°24′ с. ш.	97°56′ в. Ф.
2. Усть-Каменогорскъ	49 57 „	100 19 „
3. Усть-Бухтарма	49 36 „	101 14 „
4. Хуторъ Букаша на Аркатѣ	49 0 „	97 57 „
5. Кокбекты	48 45 „	100 4 „
6. Саръ-тау, подошва горы	48 42 „	102 66 „
7. Марка-куль, ист. Колджира	48 41 „	103 8 „
8. Джалпакъ-каинъ, на Такырѣ. . . .	48 26 „	102 33 „
9. Устье Бала-Колджира въ Кол. . . .	48 25 „	102 47 „
10. Еремина-Рыбалка на Ирт.	48 20 „	101 12 „
11. Ист. Иртыша изъ Зайсана	48 14 „	101 3 „
12. Мог. Акмулла, у Зайсана.	48 12 „	101 12 „
13. Клы, зап. оконечность Зайсана . . .	48 12 „	100 46* „
14. Графит. рудн. Балтатаракъ	48 6 „	98 42 „
15. На Зайсанѣ, между мысами Волчьимъ и Ултаракскимъ	48 4 „	101 5 „
16. Джалаламъ-тюбе.	48 0 „	101 42 „
17. М. Голый, на Зайсанѣ	47 59 „	101 22 „
18. Акъ-тюбе на Чер. Ирт.	47 57 „	102 41 „
19. Сергіополь	47 56 „	98 1 „
20. Устье Черного Иртыша	47 52 „	101 52 „
21. Чиликты, у разд. двухъ рук. Иртыша.	47 50 „	102 15 „
22. Средне-Аягузскій пикетъ	47 50 „	97 38 „
23. Урочище Ойчиликъ.	47 32 „	100 35 „
24. Баты, кар. на Ирт. (бывш.)	48 57 „	101 32 „
25. Каракольскій пикетъ	47 27 „	98 46 „
26. Вершина горы Сары-тологой	47 22 „	100 33 „
27. Сліяніе Терсъ-айр. съ Канды . . .	47 17 „	101 40 „
28. Сары-чеку, сопка на Хабарѣ. . . .	47 13 „	100 38 „
29. Сліяніе Канды-су и Чилика	47 11 „	101 55 „
30. Камень на Сентасѣ.	47 9 „	100 56 „
31. М. Кійтинъ-кора	47 6 „	101 35 „
32. Ст. Урджарская	47 5 „	99 15 „
33. Бургусутайскій проходъ	47 0 „	101 52 „
34. Джусъ-агачскій пикетъ.	46 56 „	97 13 „

35. Ключъ Моканчи	46°47′	с. ш.	99°38′	в. Ф.
36. Чугучакъ	46 45	„	100 35	„
37. Устье Лепсы въ Балхашъ.	46 20	„	96 3	„
38. Ст. Лепсинская	45 31	„	98 27	„
39. Капалъ.	45 8	„	96 40	„
40. Царицынъ пикетъ	44 38	„	96 22	„
41. Кар. Борохудзиръ	44 23	„	97 35	„
42. Прох. Алтынь-Имель	44 19	„	96 16	„
43. Кульджа	43 56	„	98 43	„
44. Укр. Илійское	43 52	„	94 59	„
45. Вѣрный	43 16	„	94 32	„
46. Сумбе	43 2	„	98 11	„
47. Сл. Уртынъ-Мусар. съ Текесомъ . .	42 54	„	98 16	„
48. Сл. Каркары съ Кегеномъ	43 1	„	96 53	„
49. Устье Туба въ Иссыкъ-куль	42 43	„	96 10	„

Опредѣленіе *Мирошниченко* въ 1869—70 г.

50. Выселокъ Малонарынскій	49 15	„	102 23	„
51. Сентасъ	49 19	„	100 2	„
52. Джусъ-агачь	48 27	„	100 21	„
53. Клы, на бер. р. Кокбекты	48 12	„	100 44	„
54. Бюрюкталъ	48 34	„	99 15	„
55. Мѣдный пріискъ Пермыкина. . . .	47 36	„	99 8	„
56. Тюе-Мойнакъ.	47 38	„	99 44	„
57. Уй-Чиликъ	47 32	„	100 36	„
58. Р. Уласуты	47 35	„	101 7	„
59. Чагаракъ-асу.	47 18	„	99 38	„

Въ Тяньшаньскомъ участкѣ.

Опредѣленія іезуитовъ въ XVIII вѣкѣ:

1. Ушъ-Турфанъ	41° 6′	с. ш.	95°40′	в. Ф.
2. Чжаэргэ	40 52	„	96 29	„
3. Г. Аксу	41 9	„	96 52	„
4. Дер. Учжума.	40 ?	„	97 22	„
5. Илгаци	41 44	„	98 35	„
6. Дер. Яилгань	40 45	„	98 36	„
7. Г. Бай	41 41	„	98 55	„
8. Ст. Хара-усу.	41 45	„	99 7	„

9. Г. Сайрамъ	41°41′	с. ш.	99°27′	в. Ф.
10. Ст. Кизылъ	41 45	„	99 42	„
11. Устье р. Кизылъ въ Укентъ-дарью .	41 35	„	99 59	„
12. Ст. Эшикъ-баши	42 9	„	100 8	„
13. Кукэ-Пуюнъ	41 20	„	100 26	„
14. Г. Кучэ	41 37	„	100 35	„
15. Г. Шахъ-яръ.	41 5	„	100 46	„
16. Дер. Тойболоды	41 10	„	101 16	„
17. Ст. Тохонай	41 20	„	101 22	„
19. Дер. Югуръ	41 44	„	102 1	„
20. Ст. Курунлэ	41 46	„	104 11	„
21. Г. Карашаръ.	42 7	„	104 50	„
22. Дер. Чухой	42 17	„	105 30	„
23. Мѣстечко Чжахо-хото	43 6	„	107 15	„
24. Г. Турфанъ	43 4	„	107 12	„
25. Дер. Илаликъ	42 46	„	107 42	„
26. Дер. Лукчакъ	42 40	„	107 57	„
27. Г. Пичжанъ	42 52	„	108 22	„
28. Ст. Тохо	43 19	„	109 44	„
29. Дер. Хунъ	42 50	„	109 6	„
30. Сл. Кара-тюбе	42 52	„	110 51	„
31. Г. Мученъ	43 53	„	111 27	„
32. Г. Хами	42 53	„	111 37	„
33. Проходъ Нань-шань-кхэу	43 15	„	111 37	„
34. Г. Баркуль.	43 39	„	111 5	„
35. Г. Гучэнъ	44 4	„	108 14	„
36. Г. Урумци	43 27	„	106 11	„
37. Г. Манасъ	44 20	„	104 19	„
Опредѣленія новаго времени:				
38. Соединеніе Каркары съ Кегеномъ . .	43 2	„	96 47	„
39. Точка на р. Текесѣ	42 54	„	98 10	„
40. Устье р. Туба	42 44	„	96 2	„
41. Сел. Кунгей Аксу	42 42	„	95 23	„
42. Устье р. Чалпанъ-ата	42 38	„	94 48	„
43. Устье р. Кутемалды	43 26	„	93 52	„
44. Г. Токмакъ	42 51	„	93 0	„
45. Г. Караколъ	42 30	„	95 4	„
46. Устье р. Барскоунъ	42 11	„	95 15	„
47. Сліяніе Якъ-Таша и Акъ-Сая . . .	41 34	„	95 24	„

48. Нарынское укрѣпленіе	41°26′	с. ш. 93°41′	в. Ф.
49. Устье Акъ-таша въ Чатыръ-куль	40 43	„ 93 3	„
50. Кашгаръ, средина	39 28	„ 93 40	„
51. Янгишааръ	39 24	„ 93 43	„

Въ участкѣ Нагорно-Туранскомъ.

1. Джулекъ	44°17′	с. ш.	84° 4′	в. Ф.
2. Акъ-чеганакъ	43 57	„	84 53	„
3. Динь-курганъ	43 52	„	84 52	„
4. Туркестанъ	43 17	„	85 58	„
5. Учъ-каюкъ	43 14	„	85 30	„
6. Кам.-уг. копи на Бугони	43 3	„	87 33	„
7. Аулье-ата	42 54	„	89 4	„
8. Мерке	42 52	„	90 50	„
9. Акъ-су	42 50	„	91 47	„
10. Чимкентъ	42 18	„	87 17	„
11. Сазанъ-тугай	42 16	„	85 54	„
12. Баилдыръ-тугай	42 1	„	85 50	„
13. Ташкентъ	41 19	„	86 57	„
14. Наманганъ	40 59	„	89 22	„
15. Чиназъ	40 56	„	86 27	„
16. Келеучи	40 54	„	87 10	„
17. Андиджанъ	40 48	„	90 3	„
18. Темиръ-кабукъ	40 43	„	84 5	„
19. Шараханъ	40 42	„	89 45	„
20. Ассакэ	40 38	„	89 56	„
21. Фаришъ	40 33	„	84 34	„
22. Коканъ	40 31	„	88 39	„
23. Маргеланъ	40 28	„	89 43	„
24. Рештанъ	40 21	„	88 58	„
25. Ходжентъ	40 17	„	87 21	„
26. Нау	40 9	„	87 18	„
27. Джизакъ	40 9	„	85 29	„
28. Яны-курганъ	40 7	„	85 11	„
29. Кайрагачъ	40 3	„	87 25	„
30. Заминъ	39 58	„	86 3	„
31. Ура-тюбе	39 55	„	86 39	„
32. Бухара	39 47	„	82 8	„

33. Самаркандъ	39° 39′	с. ш.	84° 39′	в. ф.
34. Верховья Заряфшана	39 37	„	88 12	„
35. Пальдоракъ	39 26	„	87 36	„
36. Мирабадъ близъ Каракуля	39 22	„	— —	„
37. Искендеръ-куль	39 3	„	— —	„
38. Чарджуй	39 0	„	— —	„
39. Карши	38 52	„	— —	„
40. Ходжа-саля	37 28	„	— —	„
41. Юж. стор. озера Сары-куля	37 27	„	91 20	„
42. Оз. Баркутъ-Ясинъ	37 14	„	91 58	„
43. Пянджа	37 5	„	90 19	„
44. Иссаръ	37 2	„	— —	„
45. Бадакшанъ	37 2	„	88 16	„
46. Рустакъ	36 59	„	87 31	„
47. Кундузъ	36 45	„	86 44	„
48. Ишкасимъ	36 45	„	89 18	„
49. Хулумъ	36 34	„	82 27	„
50. Балхъ	36 48?	„	— —	„
Итого изъ 50 пунктовъ. Сѣвернѣе Заряфшана	— —	„	— 35	„
Южнѣе	— —	„	— 15	„

Въ участкѣ Аральскомъ.

1. Г. Тургай	49° 38′	с. ш.	81° 15′	в. ф.
2. Рѣка Карабутакъ	49 39	„	77 38	„
3. „ Иргизъ	49 21	„	77 56	„
4. „ Иргизъ	48 41	„	78 47	„
5. Г. Иргизъ	48 37	„	78 58	„
6. Бывш. Эмбенское укр.	48 19	„	75 5	„
7. Гурьевъ	47 7	„	69 38	„
8. Чушкакульское укр.	47 2	„	75 30	„
9. Кол. Терекли 1	47 44	„	79 8	„
10. „ Терекли 2	47 41	„	79 12	„
11. „ Куль-кудукъ	46 58	„	72 20	„
12. „ Алты-кудукъ	46 50	„	79 31	„
13. Заливъ Чубаръ-Тараузъ	46 44	„	78 11	„
14. Кол. Сапакъ	46 29	„	79 39	„

15.	Бывш. Раимское укр.	46°	4′	с. ш.	79°	27′	в. Ф.
16.	Устье Сыръ-дарьи у пирамиды . . .	46	3	„	78	49	„
17.	Бывш. Косъ-Аральское укр.	46	1	„	78	47	„
18.	Мысъ Узунъ-каиръ	45	46	„	76	57	„
19.	На р. Сыръ-дарьѣ	45	45	„	80	0	„
20.	О. Ахъ-тыкенъ	45	49	„	71	?	„
21.	Уроч. Эки-кизилъ	45	46	„	71	37	„
22.	„ Майлибашъ	45	48	„	80	17	„
23.	Г. Казалинскъ (ф. № 1)	45	45	„	79	44	„
24.	Кармакчи (ф. № 2).	45	28	„	80	44	„
25.	Бывш. укр. Чимъ-Курганъ	45	3	„	82	24	„
26.	Змѣиная коса на Бузачи	45	13	„	—	—	„
27.	О. Николай	44	59	„	76	50	„
28.	М. Кунганъ-Сандакъ	44	53	„	79	26	„
29.	Укр. Карракъ, на Куванъ-дарьѣ . .	44	52	„	—	—	„
30.	Г. Перовскъ	44	51	„	83	9	„
31.	Кумышъ-курганъ (ф. № 3)	44	51	„	82	37	„
32.	Ур. Кумъ-суатъ	44	40	„	83	30	„
33.	М. Тюбъ-караганъ	44	33	„	67	57	„
34.	Мог. Акъ-Тумсукъ	44	36	„	75	58	„
35.	О. Беллинсгаузена	44	35	„	76	36	„
36.	Зал. Сарыташъ	44	30	„	68	53	„
37.	Иркибай	43	59	„	80	28	„
38.	Акъ-Чеганакъ.	43	57	„	84	31	„
39.	Динъ-курганъ	43	52	„	84	50	„
40.	Тенке-куму	43	43	„	77	7	„
41.	О. Ермолова	43	43	„	77	58	„
42.	М. Акъ-суатъ.	43	42	„	76	2	„
43.	М. Урга	43	36	„	76	27	„
44.	Ушъ-каюкъ	43	14	„	85	27	„
45.	Кунградъ	43	5	„	76	35	„
46.	Устье р. Арыса	42	46	„	85	55	„
47.	Кол. Боккале.	42	40	„	81	2	„
48.	Ур. Сазанъ-тугай	42	26	„	85	52	„
49.	Ур. Мынъ-булакъ	42	14	„	80	31	„
50.	Ур. Баялдыръ-тугай.	42	2	„	85	48	„
51.	Тамды (теп. ключъ на ю.-з.). . . .	41	45	„	82	17	„
52.	Хива	41	23	„	77	42	„
53.	Кол. Аристанъ	41	16	„	82	32	„
54.	Кол. Аякъ	41	12	„	82	53	„

55. Кол. Темиръ-кобукъ.	40°43′ с. ш.	84° 5′ в. Ф.
56. Дер. Фаришъ (1/2 в. сѣвернѣе ея) . .	40 34 „	84 34 „

Въ участкѣ Туркменскомъ.

1. Тюпъ-караганъ	44°33′ с. ш.	67°54′ в. Ф.
2. Бухта Сарташъ	44 27 „	68 51 „
3. Мѣловой уголъ	43 38 „	69 50 „
4. Мысъ Ургу	43 36 „	76 26 „
5. Александръ-бай	43 10 „	69 0 „
6. Кунградъ	43 5 „	76 35 „
7. Кендерлинскій заливъ	42 44 „	70 13 „
8. О. Кара-аде, юж. окон.	41 31 „	70 11 „
9. Карабугазскій проливъ	41 2 „	70 35 „
10. М. Кара-сенгиръ	40 44 „	70 30 „
11. Красноводскъ.	40 0 „	70 39 „
12. Челекень, сѣв. ок.	39 41 „	70 58 „
13. Челекень, д. Кадыръ-хана.	39 23 „	70 51 „
14. Огурчинскій, сѣв. ок.	39 6 „	70 43 „
15. Сѣв. ок. Хивинской косы.	38 49 „	71 35 „
16. Бѣлый-бугоръ.	37 56 „	71 34 „
17. Буджнуртъ	37 29 „	75 3 „
18. Ширванъ	37 24 „	75 37 „
19. Мулла-кари	39 38 „	71 49 „
20. Кизылъ-арватъ	38 59 „	73 48 „
21. Фируза, сел.	37 22 „	74 57 „
22. Таваръ	37 18 „	74 35 „
23. Кабушанъ	37 8 „	76 6 „
24. Хорошо, сел.	37 7 „	74 31 „
25. Джаджермъ	36 57 „	74 5 „
26. Бекнезеръ.	36 54 „	76 26 „
27. Ашуръ-аде.	36 54 „	71 34 „
28. Астрабадъ.	36 51 „	72 7 „
29. Велладжудь . , ...	26 48 „	71 47 „
30. Сейданъ	36 45 „	76 39 „
31. Чибоканды	36 45 „	71 37 „
32. Межесъ	36 36 „	73 6 „
33. Таджентъ	36 34 „	72 23 „

34. Джунабадъ	36°33′	с. ш.	76°57′	в. Ф.
35. Бостамъ	36 29	„	72 42	„
36. Мейандештъ	36 26	„	73 44	„
37. Педештъ, каравансарай	36 26	„	72 44	„
38. Шахрудъ	36 25	„	72 40	„
39. Мейамей, карвансарай	36 25	„	73 20	„
40. Кишмети	36 23	„	77 15	„
41. Аббасъ-абадъ	36 22	„	73 4	„
42. Мешхедъ	36 17	„	77 18	„
43. Меръ, каравансарай	36 17	„	73 49	„
44. Деймолла	36 16	„	72 26	„
45. Себзеваръ	36 12	„	75 20	„
46. Риведъ, каравансарай	36 12	„	75 1	„
47. Сенги, каравансарай	36 12	„	73 4	„
48. Хуссейнъ-абадъ	36 11	„	75 36	„
49. Дамганъ	36 10	„	72 1	„
50. Кадамга	36 6	„	76 44	„
51. Даулетъ-абадъ	36 5	„	71 51	„
52. Шерифъ-абадъ	36 0	„	77 11	„
53. Гератъ	34 21	„	79 47	„

Опредѣленія *Стебницкаго* въ 1872 г. (по картѣ).

54. Кол. Игды	36 25	„	73 20	„
55. Оз. Джамала	39 55	„	73 46	„
56. Кол. Топіатанъ	39 48	„	73 18	„
57. „ Кошъ-агирлы	39 48	„	72 17	„
58. „ Дзоурюкъ	39 41	„	72 55	„
59. „ Динаръ	39 18	„	74 1	„
60. Родн. Уйла-чешме	38 38	„	72 27	„
61. Сліяніе Атрека съ Сумбаромъ . . .	37 53	„	73 0	„
62. Перепр. Баятъ-хаджи-олумъ	47 30	„	72 30	„
63. Постъ Чакишляръ	37 27	„	71 33	„

II. Дороги изъ Россіи въ Китай.

I. Отъ восточныхъ предѣловъ Маньчжуріи въ Гиринъ.

а. Отъ зал. Посьета чрезъ Хунь-чунь и Нингуту.

	Вер.	
Бухта *Экспедиціи* .	0	У устья р. Чурхи, т. е. въ 10 вер. моремъ отъ поста Новгородскаго.
1. Г. Хунь-чунь . . .	30	По дол. Чурхи и черезъ перевалъ на границѣ (20 в.) въ долину же.
2. Р. Митхенъ . . .	25	По уваламъ лѣваго берега Тумень-улы.
3. Р. Кахари	35	То же. Въ долинѣ есть китайскія хижины.
4. Р. Кахари	25	По долинѣ Кахари. То же.
5. Р. Фурха	25	То же.
6. Хата	30	По горной странѣ.
7. Р. Малхури	30	Перевалъ черезъ лѣсистый хребетъ.
8. Р. Хурха	40	По горамъ вдоль Малхури.
9. Г. Нингута	20	Переправа черезъ р. Хурху.
Итого	260	
10. Дер. Кулу-ламуху .	20	По уваламъ лѣваго берега Хурхи.
11. Дер. Шаранъ . . .	21	То же. Почтовая станція (первая отъ Нингуты).
12. Д. Бирха	31	По уваламъ сѣвернѣе оз. Биртыня; пер. чрезъ р. Эйху.
13. Д. Талань	31	Сосновымъ боромъ по уваламъ сѣвернѣе р. Фульдзехэ.
14. Д. Омохо-соро . .	41	То же по горамъ.
15. Д. Икесу	21	То же.
16. Д. Туйтунь	41	Перевалъ чрезъ хребетъ Фосханъ.
17. Д. Лафа.	31	По горамъ.
18. Д. Эгему	40	По же.
19. Д. Нишиха	38	По уваламъ вдоль рѣчки Ихань-биры.
20. Г. Гиринъ	8	По долинѣ Сунгари, чрезъ которую переправа у города.
Итого	302	
А всего	562	Переходовъ 20.

Дорога вообще гористая и лѣсистая, слабо населенная и трудная для экипажей. Многія рѣчки отъ дождей, весьма частыхъ, дѣлаются очень полноводными. Зимою снѣгъ.

b. Отъ устьевъ Сунгари, до Гирина.

	Вер.	
Ст. Михайло-Семеновская	—	Верстахъ въ 15 ниже сліянія Сунгари съ Амуромъ.
Гор. Сань-Синъ (Илань-хала)	310	По рѣкѣ Сунгари, на судахъ.
1. Мяо-цунь	10	Переправа чрезъ Хурху.
2. Ордо-мусунь . . .	35	Подробности этой дороги недовольно извѣстны: китайскіе дорожники ихъ не даютъ. По картѣ видно, что тутъ д. б. переправы чрезъ рр. Маянъ, Чабаръ, Фикту (Ажехэ?), Альчуку и Лалинь. Р. Альчуку находится въ 10 в. отъ стц. Сакури. Общій же характеръ мѣстности: слабоволнистая почва, заросшая лѣсомъ въ восточной половинѣ и болѣе открытая и обработанная въ западной. Населеніе восточной половины слабо. Растительность вездѣ, по свидѣтельству Де-ла-Брюньера и Вилліамсона, очень богата. Не мало болотъ.
3. Чунгурку	36	
4. Фурхунь.	36	
5. Фосыхэнь	38	
6. Сэлэ-фотеку	20	
7. Фикту	52	
8. Сакури	41	
9. Лалинь-догонь. . .	15	
10. Мэнгу-карунь . . .	15	
11. Тенгелъ-чеку . . .	15	На Сунгари.
12—15. Г. Гиринъ . .	114	См. маршрутъ № II, станціи 33—36.
Итого отъ Сань-Сина	427	
А отъ Михайло-Семеновской	737	Водою же по Сунгари 1050 в.

c. Другіе пути по восточной Маньчжуріи.

Кромѣ этихъ экипажныхъ, хотя конечно плохихъ, дорогъ, извѣстны еще въ восточной Маньчжуріи слѣдующіе пути, которые, по сибирскому выраженію, можно назвать таёжными (лѣсными):

1. *Изъ долины Суйфуна въ Нингуту* По этой дорогѣ отъ Владивостока до Нингуты 15 дней ходу, вѣроятно около 300 вер. Въ рус-

стихъ предѣлахъ (160 в.) дорога эта идетъ вдоль лѣваго берега Суйфуна, а въ маньчжурскихъ чрезъ верховья Мурени и по р. Куйтулину. По ней разбросаны дома бѣглыхъ китайцевъ.

2. *Съ береговъ Усури по Мурени въ Нингуту* — вьючная дорога, годная по нуждѣ и для легкихъ повозокъ. По дорогѣ лѣса и частью горы, почти безъ населенія. 20 дней ходу (болѣе 400 в.).

3. *Съ береговъ Усури вдоль Думани, Киркини и Вокени въ Сань-синъ* — плохая вьючная тропинка, извивающаяся посреди лѣсистыхъ горъ. Болѣе 360 верстъ.

Съ береговъ Усури по Нору и Вокени — такая же тропинка, около 400 верстъ.

Между городами *Сань-синомъ* и *Нингутою*, по словамъ Унлліамсона, нѣтъ дороги, а сообщеніе производится лѣтомъ на лодкахъ, а зимою по льду, вдоль р. Хурхи. О сдѣланномъ въ 1872 г. осмотрѣ этой мѣстности Барабашомъ свѣдѣнія еще не обнародованы.

II. **Отъ Благовѣщенска чрезъ Цицикаръ до Гирина.**

	Вер.	
Обл. гор. *Благовѣщенскъ*	0	На лѣвомъ берегу Амура, у впаденіи Зеи, выше устья ея.
1. Г. Айгунъ	31	Переправясь черезъ р. Амуръ, по дорогѣ, идущей вдоль праваго его берега чрезъ рядъ деревень.
2. Ганза (Хомпя) . .	15	Равнина; за рѣчкою Ганзою ночлегъ у деревни.
3. Эльджана	20	Волнистая, давольно населенная мѣстность.
4. Санджана	17	Сначала долина, потомъ волнистая мѣстность.
5. Кумирня Тугуза .	20	Долина рѣчки Кумуръ и подъемъ на перевалъ.
6. Сынджакъ	21	Спускъ съ лѣсистаго хребта, потомъ падью вдоль рѣчки.
7. Мерхэ.	21	Долина, отлогіе хребты и опять долина.
8. Сидигу	15	Долина, плоская возвышенпость и лощина у деревни.
9. Симаду	24	Небольшой перевалъ и открытая, слабоволнистая мѣстность.

10. Г. Мергэнь	29	Волнистая мѣстность, довольно населенная и обработанная.
Итого	213	
11. Илака	36	Волнистая мѣстность.
12. Кемника	21	Долина р. Лолохи.
13. Больдо	31	Слабо волнистая мѣстность. Переправа чрезъ р. Немэръ. За рѣкою Нонни, на западѣ, мѣстечко Бутха.
14. Лоха	31	Долина р. Нонни.
15. Нимненъ	41	То же.
16. Тхахаръ	38	То же.
17. Г. Цицикаръ . . .	31	То же; страна населена и обработана. Рѣка Нонни между Мергенемъ и Цицикаромъ судоходна.
Итого	229	
18. Темдеха	28	Долина Нонни.
19. Оньтохонъ	38	То же; дер. въ сторонѣ отъ рѣки.
20. Дуанай	38	То же.
21. Талха	38	То же.
22. Куре (Гулу)	34	То же.
23. Уланъ-норъ	28	То же. Въ окрестностяхъ Монголы.
24. Мосинъ	22	То же.
25. Чукау	15	То же. Близъ деревни сліяніе Нонни съ Сунгари.
26. Г. Бедунэ	25	Переправа чрезъ Сунгари; потомъ долина ея.
27. Шери	30	Селенія въ долинѣ р. Сунгари.
28. Хоцзы	30	
29. Сунъ-ча-бу	17	
30. Талай-чжао	26	
31. Монгу	26	
32. Тенгелъ-чеку . . .	26	
33. Файенъ	26	Дорога по уваламъ.
34. Шуранъ	26	Долина Сунгари.
35. Г. Бутха	27	Переправа чрезъ р. Шуранъ; потомъ долина Сунгари.

	Вер.	
36. Гор. Гиринъ . . .	35	Долина Сунгари; переправа чрезъ рѣку подъ городомъ, который имѣетъ до 60,000 жителей.
Итого	535	
А всего отъ Благовѣщенска	977	Переходовъ 36.

Принявъ же во вниманіе разстояніе Гирина до Мукдена и Пекина, получимъ, что отъ Благовѣщенска

До Мукдена 1,381 в. До Пекина 2,130 в.

Дорога между Благовѣщенскомъ и Гириномъ удобна для колесной ѣзды на сколько лишь могутъ быть удобны дороги въ Китаѣ. На ней содержатся почтовыя станціи и живетъ населеніе большею частію богатое хлѣбомъ. Болѣе чѣмъ на 750 в., параллельно съ этою дорогою, идетъ водяной путь, доступный для пароходовъ. Въ 1870 году вся эта дорога снята топографомъ Нахвальныхъ, маршрутъ котораго, весьма сходный съ изложеннымъ выше, обнародованъ въ Зап. Русск. Географ. Общ. 1871 г.

III. Отъ Гирина до Пекина.

Губ. гор. *Гиринъ* .	0	На лѣвомъ берегу Сунгари, въ долинѣ, ограниченной съ запада увалами.
1. Сеудэ	36	Подъемъ въ гору: дорога по волнистой мѣстности.
2. Илмынь	36	Дорога гористая.
3. Сайянъ	28	Переходъ черезъ р. Илмынь. Дорога такая же.
4. Ибадань	31	Переходъ черезъ р. Сайянъ. Дорога гористая.
5. Алтынъ-эмель . . .	30	Переходъ черезъ рр. Ибадань и Итунъ, изъ которыхъ на послѣдней, къ сѣверу отъ дороги, лежитъ г. Куанъ-ченъ-цзе, съ 35,000 жителей и важный по торговлѣ.
6. Херсу	33	По гористой мѣстности и по долинѣ Херсу.
7. Эге-хотонь . . .	40	Переходъ черезъ р. Херсу; потомъ долиною съ увалами.

	Вер.	
8. Менгу-хэ.	28	Долиною рѣчки Эге.
9. Г. Кхай-юань-сянь	28	Проходъ чрезъ тальниковую границу воротами У-юань-бу.
10. Каоли (близъ г. Те-лина)	43	Волнистая мѣстность.
11. Илу	35	Переправы черезъ рр. Фань-хэ и Илу.
12. Стол. гор. Мукденъ	36	Дорога по равнинѣ. Городъ лежитъ на правомъ, сѣверномъ берегу р. Хунуху.
Итого . .	404	
13. Цзю-бянь	32	Дорога по равнинѣ.
14. Цюй-лю-хэ. . . .	21	Переправа черозъ большую рѣку Ляо-хэ на паромахъ.
15. Бо-ци-бу	36	Равнина.
16. Эрлъ-дао-цинъ . .	25	То же.
17. Сяо-хай-сянь. . .	25	Слабо волнистая мѣстность.
18. Г. Куанъ-нинъ-чжеу	37	Частію равнина, слабо волнистая мѣстность.
19. Синь-тянь	40	Дорога гористая; но въ концѣ равниною.
20. Ду-лоу-бо-тянь. .	13	Переправа черезъ рѣчку. Мѣстность гористая.
21. Г. Цзинъ-чжеу-фу	26	Переправа черезъ р. Далинъ-хэ.
22. Сунъ-шань. . . .	25	Переправа чрезъ р. Сяо-линъ-хэ; горы.
23. Да-чапъ-тянь . .	20	Дорога гористая.
24. Г. Нинъ-юань-чжеу.	25	То же; хребетъ Лянь-шань и Гань-цао линь.
25. Ша-хэ-со	20	То же; недалеко море. На рѣкѣ Нинъ-юань-хэ мостъ.
26. Чжунъ-хя-шо . .	20	Дорога гористая.
27. Цзянъ-вей	36	То же; переправа черезъ двѣ небольшія горныя рѣчки.
28. Г. Нинъ-хай сянь.	27	Переправа черезъ двѣ рѣчки и проходъ черезъ ворота Великой стѣны Шань-хай-гуань.
Итого . .	423	

	Вер.	
29. Г. Фу-нинъ-сянь.	55	Дорога по волнистой мѣстности, частію по крут. горамъ.
30. Лу-лу-сянь. . . .	25	Дорога гористая; переправа чрезъ р. Янъ-хэ.
31. Г. Юнъ-пинъ-чжеу	18	Дорога гористая; городъ лежитъ въ долинѣ Ланъ-хэ (Шанду-гола) и довольно обширенъ.
32. Су-хэ	27	Переправа черезъ Ланъ-хэ у города; дорога гористая.
33. Фынъ-юань-сянь.	35	По волнистой мѣстности.
34. Ю-сянь	40	Переправа черезъ р. Ша-лю-хэ Равнина.
35 Г. Цзи-чжеу. . .	34	Переправа чрезъ Иинъ-мо-хэ. Равнина.
36. Санъ-хэ-сянь. . .	36	Переправа чрезъ р. Сань-хэ. Равнина.
37. Г. Тунъ-чжеу . .	36	Переправа чрезъ Бай-хэ (Пей-хо). Городъ есть хлѣбная пристань Пекина. Большая каменная стѣна въ развалинахъ.
38. Пекинъ	20	Двѣ дороги: сѣверная, мощеная плитами, дурно поддерживаемая и потому разрушительная для экипажей; у Пали-чао пересѣкаетъ каналъ; — южная — грунтовая, съ многочисленными развѣтвленіями. Первая приводитъ въ манчжурскій городъ, вторая въ китайскій.
Итого . .	326	

А всего отъ Гирина 1153 Переходовъ 38.

Дорога эта есть почтовая; но станціи не всегда совпадаютъ съ ночлегами по маршруту. Въ ляодунскихъ горахъ (№№ 22 — 33) спуски и подъемы очень круты и часто размываются дождями. Переправы чрезъ горныя рѣчки также затруднительны. По этой дорогѣ разстоянія отъ Пекина суть:

Отъ Цурухайту 2227 в., отъ Благовѣщенска 2130, отъ уст. Сунгари 1890, отъ зал. Посьета 1715. Подробности изложены въ маршрутахъ №№ VII, II и I.

IV. Кратчайшая дорога изъ Благовѣщенска въ Пекинъ.

1 — 17. Губ. гор. Цицикаръ	443	См. маршрутъ по Маньчжуріи № II.
18. Дер. Барчирхай .	19	Переправа черезъ р. Нонни на паромахъ и лодкахъ.

	Вер.	
19. Дер. Гамятай . .	24	Долина Нонни, хорошо населенная.
20. Дер. Хатайхай .	24	Равнина. Двѣ переправы чрезъ рукава Яла на лодкахъ.
21. Мѣст. Чолъ-хото.	46	Мѣстность слегка волнистая; перепр. чрезъ Чолъ на лодкахъ.
22. Кара-керсутай . .	40	Степь съ хорошими травами.
23. Дачеманъ-худукъ	35	Степь.
24. Хачжату.	30	То же.
25. Махай.	25	Ровная степь; двѣ переправы въ бродъ чрезъ р. Торо.
26. Номучинъ	47	Степь; травы хуже.
27. Хашату	20	Степь.
28. Дер. Бороэргинъ.	30	Степь; переходъ чрезъ р. Холо.
29. Чжангуту	22	Степь.
30. Куйсу-булакъ . .	33	То же; у ночлега озерцо.
31. Далай-хакъ . . .	22	Степь.
32. Шинеголъ	30	То же.
33. Саинъ-хакъ . . .	36	Степь, холмы.
34. Койсу-ходуръ . .	24	Степь.
35. Кукучолъ	26	Переправа чрезъ Хара-Мурень; равнина.
36. Чжургатай. . . .	33	Долина р Лохи, чрезъ которую переправа.
37. Шара-норъ . . .	31	Увалы, у подошвы которыхъ ночлегъ.
38. Хонхоту.	30	Долина.
39. Курень-буха. . .	20	Долина р. Хонхоту.
40. Халмей-уланъ . .	22	Волнистая мѣстность.
41. Харинь-усу . . .	30	Увалы праваго берега Лохи.
42. Гоготуй	30	Долина р. Лохи.
43. Гор. Чагань-соборхань	28	То же.
44. Хара-хото	35	То же.
45. Сорабо.	38	Перевалъ чрезъ горы.
46. Сусайбо	15	Долина рѣчки Бао-хэ.
47. Дер. Дань-бань .	20	Долина рѣчки Бао-хэ.
48. Мѣст. Куанъ-чэнъ	16	То же.
49. Ворота Си-фынъ-кхэу	31	Горы.
50—56. Пекинъ. . .	211	См. маршрутъ по Монголіи № VII.
Всего . .	1576	Переходовъ 56. Изъ нихъ 28 (=784 в.) по Монголіи.

Дорога эта служитъ для почтоваго сообщенія въ восточной части Монголіи, нынѣ уже бо̀льшею частію занятой осѣдлымъ населеніемъ, а также для отправки курьеровъ между Цицикаромъ и Пекиномъ. Она въ большей части своей есть вьючная и проходитъ по степи, довольно богатой травою. Около стц. Бороэргина отъ нея отдѣляется вѣтвь на юго-западъ, чрезъ Хешуй, Боро-хото, Чжао-хото и верховья Шара-мурени въ Долонъ-норъ, до котораго отъ Бороэргина болѣе 450 верстъ.

Въ прежнее время дорога изъ Цицикара на Си-фынъ-кхэу служила для путешествія русскихъ каравановъ и посольствъ въ Пекинъ. Она о̀чень удобна для легкихъ отрядовъ, о̀собенно конныхъ.

V. Кратчайшія дороги изъ Бэдунэ въ Пекинъ и Мукденъ.

	Вер.	
Гор. Бэдунэ	0	Отъ Цицикара 276 в., отъ устья Сунгари по рѣкѣ 700 в.
1. Хили-манга	42	Степь.
2. Бекхири-байшань .	30	То же.
3. Чагасту-байшань .	20	То же.
4. Батарангуй	35	То же.
5. Ару-боксо (гора) .	35	То же.
6. Нархань-шанга . .	40	То же.
7. Дер. Бороту . . .	27	Горы.
8. Хошо-манга. . . .	35	Гористая степь.
9. Шара-манга. . . .	50	Переправа чрезъ Лхо-хэ; волнистая страна.
10. Тапиръ-дала . . .	20	Степь.
11. Икэ-байшань . . .	45	Волнистая степь.
12. Байшань	25	Вдоль р. Ниркуй.
13. Куку-гере.	28	То же.
14. Хара-байшань. . .	19	То же.
15. Чаганъ-голъ. . . .	25	То же.
16. Байнукъ	20	Горы.
17. Ночугалъ-хото . .	20	То же.
18. Дер. Калка	27	То же.
19. Харелинъ-голъ. .	24	То же.
20. Абита-дабаганъ .	26	То же.
21. Камчу-соборхань .	15	То же.
22. Кужинъ-бое. . . .	35	То же; перевалъ на верховья Хинъ-ло-хэ.

		Вер.	
23.	Оло-хошу	23	По той же рѣкѣ.
24.	Сусай-бо	26	Въ горахъ.
25.	Дань-бань.	20	Долиною рѣчки Бао-хэ.
27.	Куанъ-чэнъ	16	То же.
28.	Ворота Си-фынъ-кхэу.	31	Горами.
29—35.	*Пекинъ*	211	См. маршрутъ № VIII.
	Всего . . .	970	Переходовъ 35; изъ нихъ 28 по Монголіи.

Отъ города *Бэдунэ* по долинамъ *Сунгари* и *Итунь-биры* идетъ дорога до станціи *Алтынъ-эмель*, лежащей на большой почтовой дорогѣ изъ Гирина въ Мукденъ. Путь этотъ, хорошо населенный, пройденъ миссіонеромъ Вилліамсономъ и имѣетъ въ длину до 250 верстъ. А какъ отъ станціи Алтынъ-эмель до Мукдена (маршрутъ № III) разстояніе равно 243 вер., то общій итогъ верстъ между Бэдунэ и Мукденомъ выйдетъ 493 вер., короче, чѣмъ чрезъ Гиринь, на 170 вер.

VI. Побочная дорога изъ Цицикара въ Хулань-чэнъ.

	Г. Цицикаръ . . .	0	
1—7.	Стц. Мосинь .	226	См. маршрутъ по Маньчжуріи № II.
8.	Борхи-хатай . . .	45	Равниною и слабо-волнистою мѣстностью по лѣвому берегу Сунгари, вдоль страны довольно густо населенной.
9.	Чабчили	40	
10.	Одултай.	30	
11.	Булактай	20	
12.	Чжохо-хошотай . .	30	
13.	Г. Хулань-чэнъ. .	40	Переправа черезъ рѣку Хулань.
	Итого . . .	431	Переходовъ 13.

Дорога эта — почтовая.

Дороги съ Аргуни въ бассейнъ рѣки Нонни.

VI) Изъ Цурухайту въ Мергэнь.

	Ст. Старо-Цурухайтуевская . .	0	На лѣвомъ берегу Аргуни, 9 вер. выше впаденія въ нее р. Гани.
1.	Нетуга	40	Послѣ переправы чрезъ р. Аргунь идутъ параллельно р. Гани, по волнистой стѣпнстности, вдоль остатковъ вала.

	Вер.	
2. Лугъ у р. Гани .	32	Долиною р. Гани и окаймляющимися ея съ юга увалами. Мѣстами движеніе трудно отъ множества сурковыхъ норъ.
3. Р. Эскэнъ	38	Частію по долинамъ, изрытымъ сурками, частію по лѣсистымъ и травянистымъ уваламъ.
4. Р. Чонга.	33	Долиною рр. Эскэна и Чонги, между горами.
5. Р. Кулдуръ . . .	36	Переходъ черезъ отроги Хингана, больш. част. плоскіе, болотистые и покрытые березнякомъ.
6. Вершина Номини	26	Отлогій подъемъ по болотистой долинѣ Дзергелуна на хр. Хинганскій, поросшій лѣсомъ. Крутой спускъ къ Номину.
7. Р. Номинъ . . .	21	По долинѣ лѣсистой и травянистой, покатой на востокъ.
8. Р. Номинь. . . .	39	Тою же долиною, бол. част. луговою. 4 брода черезъ рѣку.
9. Р. Номинь. . . .	40	Перевалъ чрезъ подходящія къ рѣкѣ горы, потомъ опять долиною, заросшею лѣсомъ. Рѣка становится сплавною.
10. Разд. дорогъ въ Мергэнь и Цицик.	38	Долиною лѣваго берега Номини.
11. Р. Гуюй-ли . . .	37	Перевалъ чрезъ лѣсистыя горы въ долину Гуюй-ли.
12. Р. Гуюй-ли выше устья въ Гань .	41	По долинѣ Гуюй-ли и чрезъ окружающіе увалы. Переправы въ бродъ чрезъ рѣчку затруднительны при полноводіи.
13. Тунгузская дер. .	17	По уваламъ вдоль Гани. Первый населенный пунктъ.
14. Лидзу, китайская деревня. . . .	24	Переправа на лодкахъ чрезъ Гань подъ деревнею.
15. Г. Мергэнь . . .	15	Долина. Подъ городомъ переправа на лодкахъ чрезъ Нонни, которая имѣетъ до 70 саж. шир. разливъ на 2—3 вер.
Итого . .	477	Переходовъ 15.

Дорога трудная, лѣсистая и болотистая въ горахъ. Экипажи могутъ быть провозимы съ трудомъ; но для вьюковъ очень удобна; изобиліе кормовъ. Только лѣтомъ много насѣкомыхъ, а весною можетъ мѣшать разливъ рѣкъ. Разстояніе отъ Цурухайту до Благовѣщенска черезъ Мергэнь 661 верста.

VII) Изъ Цурухайту въ Цицикаръ.

	Вер.	
Ст. Старо-Цурухайтуевская . .	0	На лѣвомъ берегу Аргуни.
1. Ключъ Шигельдчи	20	Переправа черезъ Аргунь и степью. На почлегѣ воды довольно.
2. Ключъ Шиндунай.	20	Три перевала черезъ горы.
3. Ключъ Яргутай .	12	Перевалъ черезъ значительный хребетъ.
4) Р. Мыргэлъ . . .	25	Въ сухое время почти безъ воды, а въ дождливое непроходима.
5. Г. Кулунь-бойръ (Хайларъ) . . .	29	Безлѣсная степь и перевалы чрезъ отлогія высоты. Въ 4 вер. отъ города переправа чрезъ р. Хайларъ.
Итого .	106	
6. Хакъ.	20	Равнина.
7. Джарманай	20	Дорога гористая, частію по лѣсистой, частію по травянистой и болотистой почвѣ. На станціяхъ содержатся лошади и есть жилыя постройки.
8. Хара-хошу	31	
9. Эке-эрлъ.	20	
10. Мендукей	20	
11. Хархэй.	20	
12. Иректэ	25	Перевалъ чрезъ лѣсистый хребетъ Хинганъ.
13. Бухату	20	Спускъ съ Хингана и потомъ по хорошо орошенной, большею частью лѣсистой мѣстности, сосѣдней рѣкѣ Ялу. Много долинъ и переваловъ. Нѣтъ большихъ поселеній и обработанной почвы.
14. Илапь-обо	20	
15. Бари.	20	
16. Шаваръ	26	
17. Ая	26	
18. Саракти	26	
19. Хара-хатой . . .	31	
20. Кукуръ.	26	

21. Ханжи	20	По населенной и обработанной равнинѣ, отчасти волнистой.
22. Шитэ	31	
23. Цицикаръ	31	Переправа чрезъ рѣку Нонни, вполнѣ судоходную.
Итого .	433	
А всего отъ Цурухайту.	539	Переходовъ 23.

Это есть китайская почтовая дорога въ Хайларъ, нѣкогда пройденная Ланге, но вѣроятно съ того времени (1736 г.) много измѣнившаяся въ частностяхъ, такъ что трудно пріурочить его показанія къ китайскому списку теперешнихъ станцій, здѣсь помѣщенному.

VIII. Съ береговъ Аргуни въ Пекинъ.

	Вер.	
Абагайтуевскій кар.	0	Отъ Старо-Цурухайтуевской станицы 120 верстъ.
1. Р. Хайларъ . . .	20	Переправясь черезъ р. Аргунь, вдоль уваловъ Шиви-Гунтей.
2. Озеро Далай-норъ.	25	Переправясь черезъ р. Хайларъ, по холмистой степи съ хорошими травами.
3. Р. Урсунъ	30	Долиною этой рѣки, которой правый берегъ выше лѣваго, чисто-болотистаго.
4. Р. Урсунъ	30	То же.
5. Уланъ-булакъ . .	30	Переправа на лѣв. бер. Урсуна во избѣжаніе перехода въ послѣдствіи устьевъ Калки въ оз. Буиръ-норъ.
6. Р. Урсунъ . . .	15	Вдоль р. Урсуна.
7. Буиръ-и-Уланъ-эрги	25	
8. Оз. Буиръ-норъ .	29	По плоскому берегу озера.
9. Оз. Чапту-норъ .	40	Равнина; на ночлегѣ вода дурная.
10. Оз. Хойту-тосихо-норъ	33	Совершенная равнина.
11. Ибтартай-норъ. .	23	Гладкая равнина, сначала сухая, а потомъ болотистая.
12. Ангирту-норъ . .	38	По холмамъ, покрытымъ травою, а потомъ болотистою равниною.
13. Борольчжиту-норъ.	33	Песчаною, мѣстами волнистою степью.

		Вер.	
14.	Хабирганъ	26	По безплодной равнинѣ и по холмамъ.
15	Хара-усу.	37	По безплодной холмистой степи.
16.	Горхонь-голъ . .	40	Переходъ черезъ рѣчки Хара-усу и Инчаганъ; равнина.
17.	Пачай-кубуръ . .	31	По равнинѣ, частью болотистой, и по песчанымъ холмамъ; переходъ чрезъ ручьи Горхонь-голъ и Тенъ-бира.
18.	Гонкеръ	46	По высокой степи, мимо горько-соленыхъ озеръ Керемту, Кудунъ и др., а потомъ долиною р. Балугура.
19.	Кулду	30	Долиною Балугура, мѣстами по сосѣднимъ холмамъ; на западѣ отъ рѣки пески.
21.	Кутуриху-булакъ.	31	По отрогамъ Хингана, одѣтымъ хорошей травою.
22.	Хара-хото (сел.).	38	По холмистой степи, потомъ по долинѣ Хара-Мурени.
23.	Дер. Куркэ . . .	31	По долинѣ Хара-Мурени, обильной травою.
24.	У подножія горъ.	39	Пер. черезъ Сира-Мурень, потомъ горами и песками.
25.	Хотосинь-худукъ.	15	Равниною, хорошо населенною; на ночлегѣ колодцы.
26.	Р. Перке	24	Холмистою, безлѣсною, но травянистою степью.
27.	Р. Сирха	33	По дорогѣ нѣсколько глубокихъ овраговъ.
28.	КлючъБулангеръ.	32	Переправа черезъ р. Сибе.
29.	Городъ Куанъчэнъ	25	Дорога по гористой, но обработанной и населенной странѣ.
30.	Ворота Си-фынъкэху	31	Дорога гористая и извилистая. Великая стѣна — конецъ Монголіи.
	Итого . .	880	
31.	Санъ-дунъ-инъ .	31	Переправа чрезъ Ланъ-хэ по плохому мосту; потомъ горами.
32.	Г. Цунъ-хуа-чжеу	26	Спускъ съ горъ, потомъ по долинѣ, хорошо населенной.
33	Гор. Ши-менъ. .	31	По долинѣ, между горами.
34.	Гор. Цзи-чжеу. .	31	(По долинѣ, между горами.)

	Вер.	
35. Гор. Сань-хэ . .	36	Слегка волнистою равниною.
36. Гор. Тунъ-чжеу .	36	Равнина населенная и обработанная.
37. Пекинъ.	20	Есть нѣсколько дорогъ; для пѣшихъ лучше слѣдовать мощеною въ восточныя ворота, экипажамъ — южнѣе по густо-населенной равнинѣ къ ю.-в. воротамъ.
Итого . .	211	
А всего .	1091	Въ 37 переходовъ.

Между всѣми дорогами отъ русскихъ границъ въ Китай чрезъ Монголію эта есть самая короткая, самая изобильная кормами и самая удобная для движенія. Кромѣ того эта же дорога есть самая важная въ стратегическомъ отношеніи, ибо приводитъ сначала въ многолюднѣйшія части Монголіи, а потомъ въ страну близкую къ Желтому морю, откуда могутъ быть доставляемы съ кораблей всякаго рода запасы. Для движенія экипажей въ южной, гористой своей половинѣ она представляетъ столько же удобствъ, какъ и всякая китайская дорога.

IX. Изъ Нерчинскаго края мимо оз. Далъ-нора въ Пекинъ.

Отъ границы близъ маяка Кубельджинъ до Пекина 36 переходовъ, 1159 верстъ. Дорога вьючная, но можно провозить и телѣги, преимущественно двуколесныя.

Ручей Халсучи-булакъ	0	Верстахъ въ 35 отъ кар. Чиндантскаго и Ключевскаго.
1. Олонъ-норъ . . .	36	Волнистая степь; много озеръ. Дорога прямо на югъ.
2. Ободу-норъ . . .	28	То же.
3. Хуту-байду . . .	47	То же, на юго-юго-западъ.
4. Чироки	40	Слегка холмистая степь; мѣстами озерца; травы хорошія.
5. Рѣка Керулэнъ .	45	Степь большею частію ровная; травы хорошія. Ночлегъ на сѣверномъ берегу Керулэна.
Итого	196	
6. Конду	25	Переправа черезъ Керулэнъ въ бродъ, потомъ холмистою степью.
7. Эрдени-тологой .	32	Холмистая степь съ хорошею травою.

	Вер.	
8. Хубто	53	Очень неровная степь, травы хорошія.
9. Холостай-булакъ.	17	То же.
10. Чорчи-кебуръ . .	40	Равнина, отчасти песчаная, отчасти холмистая.
11. Чоно.	26	Равнина; травы становятся хуже.
12. Угещинъ.	22	Сначала по равнинѣ, а потомъ по холмамъ.
13. Хуласутай	15	Частію по дол. Угещина, частію по холмамъ. Начало Внутренней Монголіи, бѣдной травами.
14. Сурхуту-булакъ .	44	По степи, мѣстами всхолмленной.
15. Тези-булакъ. . .	35	Безплодная степь.
16. Унегетъ	40	Безплод. ст., потомъ небольш. холмы и долина Чикиръ-усу.
17. Шари-буриту . .	32	Ровная, слегка песчаная степь; поворотъ на ю.-ю.-в.
18. Арге-Чикиръ. . .	36	Равнина.
19. Хабчели-булонъ .	35	То же.
20. Верховья Чикира	34	Вдоль по рѣчкѣ, которую неоднократно переходятъ. Дорога снова идетъ прямо на югъ.
21. Обулонъ	31	По холмамъ, мимо многихъ ключей.
22. Таганъ-норъ. . .	27	Совершенно плоская равнина. На западѣ отъ Таганъ-нора видны развалины храма,
Итого	526	а еще западнѣе лежитъ озеро Даль-норъ.
23. Въ степи	31	Частію по холмистой степи, а частію по пескамъ. На ночлегѣ нужно рыть колодцы. Вода не глубоко.
24. Озерцо Хорай-куре	19	Бугристо-песчаною степью. Дорога трудная.
25. Оз. Усту-куре . .	38	То же.
26. Рѣчка Тургень-Искяръ.	36	Слегка холмистая равнина.
27. Рѣчка Куркиръ .	31	Плоская возвыш. на зап. отъ горы Пе-ча или Хамаръ-дабагана.
28. Деревня Санъ-да-инъ	31	Долиною Куркира.
29. Деревня Ю-чжао-инъ	31	То же.
30. Деревня Це-цянъ-инъ	26	Долиною Шанду-гола.

		Вер.	
31.	Деревня Нань-я .	35	Нѣсколько переправъ черезъ Шанду-голъ (Лянъ-хо) въ бродъ, что въ дождливую пору затруднительно.
32.	Укр. Гу-бэй-кхэу	38	Дорога гористая и извилистая. У Гу-бэй-кхэу Великая стѣна и слѣд. конецъ Монголіи, которая впрочемъ на 4-хъ послѣднихъ переходахъ болѣе населена китайцами. Съ 26 перехода попадаются деревья.
	Итого	316	
33.	Ляо-хуа-тхень 15, Ша-хя 15.	30	По глубокой долинѣ р. Хакира и окружающимъ уваламъ.
34.	Шинь-хуань 15, Мы-юнъ-сянь 15 . .	30	По той же долинѣ.
35.	Няу-лянь-сянь . .	31	Пер. черезъ рѣку Бай-хэ (Пей-хо); начало равнины.
36.	Пекинъ	41	По густо-заселенной равнинѣ.
	Итого	131	
	А всего	1159	

Дорога эта была дважды пройдена въ 1689 г. большимъ караваномъ, сопровождавшимъ китайское посольство въ Нерчинскъ. См. Жербильона, второе путешествіе по Татаріи, у Du Halde, tome IV, p. 163 et suiv.

X. Изъ Чинданта чрезъ Долонъ-норъ въ Пекинъ.

Путь этотъ, собственно не изъ Чинданта, а изъ Хулусутаевскаго караула, пройденъ съ телѣгами купцами Бутиными въ 1870 году. По немъ же они слѣдовали изъ Калгана чрезъ Долонъ-норъ обратно.

1.	Караулъ Хулусутаевскій.	40	Отъ Чинданта на югъ степью.
2.	Усунъ-кили . . .	48	Между озеръ Дзунъ и Барунъ-Торей, потомъ къ р. Ульдзѣ.
3.	Голотей-норъ . .	32	Увалами близъ Ульдзы.
4.	Р. Ульдза	7	Близъ монгольскаго Бусеевскаго караула.
5.	Горбуней-булакъ.	48	Дорога увалами, твердая.
6.	Сумыйнъ-булакъ .	$30^1/_2$	То же; на станціи развалины храма.

	Вер.	
7. Кундулунъ-булакъ. (Баянъ-дунъ). . .	52	Дорога крѣпкая, хрящеватая; перев. чрезъ Баянъ-дунскія горы.
8. Оз. Шара-бурду.	49	Дорога ровная и твердая.
9. Кэрулюнъ, рез. Це-беэса.	14	Спускъ въ долину. На станціи монастырь, лавки и пр.
Итого . .	320½	
10. Цаганъ-тологой .	25	Увалами.
11. Хашларъ-торого .	19	Со 2-й версты равнина.
12. Цаганъ-уйенъ-худукъ	25	Увалами.
13. Боро-торомъ . . .	23	Большими увалами котловины озера.
14. Тосунъ-худукъ. .	22	Увалами.
15. Батуханъ (Дзунъ-булакъ)	27½	Ручей у гряды горъ Батуханъ.
16. Амоней-усу-худукъ	37	Чрезъ равнину Шара-шаратей. Корма бѣдна.
17. Хожу-булакъ. . .	27½	Пологими увалами.
18. Ацапу-Уланъ-хошунъ	23	Дорога ровная; ночлегъ у р. Шоноинъ-голъ.
19. Нукутей-голъ . .	22	Перевалъ черезъ горы.
20. Баинъ-хайласанъ.	18	Увалами къ сух. руслу, съ колодцемъ и ильмовн. вокругъ.
21. Зашай-худукъ . .	28	Дорога сначала камениста, потомъ обш. равниною.
22. Ара-хубу	20	Через горы въ котловину.
23. Р. Дзульга . . .	16	Дорога увалами; рѣчка течетъ съ З. на В.
24. Баинъ-далай. . .	28½	Дорога высокими увалами въ котловину.
25. Сайханъ-усу. . .	24	Пологими увалами, мимо кочевокъ.
26. Уютъ-голъ	34	Черезъ пологія горы.
27. Табунъ-худукъ. .	26	Черезъ пологія горы Бабипе-шилэ.
28. Ара-голъ.	25	Небольшими увалами и потомъ обширною равниною.
29. Бандида-дацанъ .	38	Два брода чрезъ р. Шилінъ-голъ.
30. Такалъ-гэтэ . . .	10	Опять въ бродъ на Шилінъ-голѣ; но дорога черезъ гору.
31. Бальгихэ-худукъ.	30	Увалами и мимо скалистыхъ сопокъ.
32. Амалонъ(кит. землянка)	30	Перевалъ черезъ Куйтунъ-шилинскій хребетъ.

	Вер.	
33. Сыруханъ-голъ. .	12	Рѣчка по сѣверной окраинѣ Большихъ песковъ.
34. Ихэ-тала. . . .	32	Песчаные бугры.
35. Цаганъ-норъ. . .	14	То же.
36. Шурганта-норъ .	21	Сначала то же, а потомъ твердыми полями.
37. Тарятей-худукъ .	21	Дорога отчасти песчана.
38. Кырымту-норъ. .	21	Обширная котловина.
39. Санту-норъ . . .	10	Котловина съ озерами.
40. Шандуголъ . . .	32	Близъ развалинъ города Чжао-Найманъ-сумэ.
41. Г. Долонъ-норъ .	20	Переходъ черезъ р. Шанду-голъ (8 саж. $1^1/_2$ арш.) и потомъ увалами.
Итого . .	$765^1/_2$	
42. Гумынзъ.	35	Горы.
43. Унцгумылъ . . .	32	Переправа чрезъ Льанъ-хэ и потомъ горами.
44. Піанза-гумылъ . .	28	По дорогѣ встрѣчается березовый лѣсъ. Горы высокія.
45. Гожи-тунь (мѣстечко.)	27	Долиною р. Шелапхи. Дорога на Жехэ.
46. Дава-гумылъ . . .	20	Перевалъ и спускъ.
47. Шара-хото (гор.)	30	По долинѣ рч. Фунинъ-цапъ.
48. Боро-Норъ (мѣст.)	24	
49. Синь-жа	20	
50. Шопіанъ-ланъ . .	22	
51. Губей-кхэу. . . .	35	Великая стѣна.
Итого . .	273	
52—57. Пекинъ. . .	132	По населенной странѣ.
А всего .	1491	Разстояніе вѣроятно болѣе истиннаго.

Отъ Долонъ-нора до Калгана есть дорога, годная для колесной ѣзды, длиною около 240 в.; на ней — постоялые дворы.

XI. Съ верховьевъ Онона въ Пекинъ.

Кар. Аицигинскій . .	0	
1. Китайск. кар. на Ононѣ	32	Долиною Онона.

		Вер.	
2.	Р. Баинъ-голъ. .	29	Горами.
3.	Руч. Садагинъ-голъ	27	Хреб. Дутулуръ и долина.
4.	Р. Хурху	26	Долиной р. Жергалантуя и горами.
5.	Р. Таркилчи. . .	36	Горами.
6.	Р. Кэрулюнъ . .	40	Волнистою и ровною степью.
7.	Оз. Дарханъ-цайдамъ.	45	Долиною и холмами.
	Итого	215 (*)	
8.	Кутулъ-булакъ. .	35	Гористая степь съ травою.
9.	Тойримъ (Туринъ)	38	Степь, мѣстами солонцоватая.
10.	Чаганъ-булакъ. .	46	Степь, мѣстами солонцоватая.
11.	Шибартай. . . .	51	Волн. степь съ тверд. почв. и хорошими пастбищами.
12.	Онуинъ-чолокъ. .	32	Равнина съ небол. холмами. Горы Онуинъ-чолокъ на востокѣ.
13.	Онгонъ-елезу . .	30	Степь, мѣстами хрещеватая, мѣстами травянистая.
14.	Кара-Мангуни-хабирганъ	35	Равнина, мѣстами травянистая.
15.	Хулусутай - Чаганъ-норъ	25	Равнина.
16.	Судету	36	Мѣстами сыпучіе пески: на ночлегѣ хорошая вода.
17.	Кодо (хото) - Кучинъ.	36	На 11 вер, конецъ Халки. Песчаные бугры. Три колодца.
18.	Сензе-шери . . .	25	Почти ровная степь; на ночлегѣ хорошая вода и есть трава.
19.	Таргиръ	21	Ровная степь; крупный песокъ.

(*) Къ Дарханъ-цайдаму подходитъ слѣдующая дорога изъ Кяхты.

	Кяхта	0	
1—12.	Урга	279½	См. маршр. № XII.
13—17.	М коту.	175½	Тамъ же.
18.	Баинъ-эргету	22	На р. Кэрулюнѣ.
19.	Тоно-ола.	32	У р. Кэрулюна.
20.	Р. Кэрулюнъ	35	Долиною.
21.	Оз. Дарханъ-цайдамъ . .	32	
	Итого отъ Кяхты. . .	576	

	Вер.	
20. Кетерху (Гедергонъ)	15	Волнистая мѣстность.
21. Хорхо	15	Волнистая, безплодная степь.
22. Хабирганъ. . . .	26	Слегка волнистая степь съ довольно твердою почвою.
23. Сира-суриту . . .	19	Болѣе плоская степь съ небол. колич. сыпучихъ песковъ.
24. Хулустай.	28	Сыпучіе пески на очень неровной мѣстности.
25. Куръ-Чаганъ-норъ	17	Сыпучіе пески пески на неровной мѣстности. Ночлегъ у озера.
26. Куэнъ-норъ . . .	25	Сначала долиною рѣчки съ обрывистыми берегами, а потомъ по мѣстности очень неровной.
27. Култукъ	23	Сначала по ровной степи, потомъ по песчанымъ горамъ.
28. Хужимукъ (озерцо)	21	Равнина, мѣстами съ тверд. почв., мѣстами съ сыпуч. песк.
29. Оз. Ангирту-норъ	19	Песчаные холмы На ночлегѣ хорошая вода.
30. Холбо	15	Кочковатые пески.
31. Куйсу (кейзу)-булакъ.	20	То же (Отъ Кяхты 45-й переходъ) (*).
32. Конъ норъ. . . .	41	Оч. волнистая страна.
33. Г. Боро-хотонъ .	10	Степь, въ дожди болотистая. Городокъ лежитъ на р. Шандуголѣ.
34. Погай-хошо . . .	27	Ровная степь; деревня на р. Шанду-голѣ.
35. Челонъ-балгасу .	31	По волнистой мѣстности, богатой травою.
36. Ворота Ду-шикхэу	15	По открытой холмистой мѣстности.
Итого . .	786	

(*) Отсюда идетъ дорога къ Долонъ-нору чрезъ слѣдующія станціи.

46. Дер. Эрёлъ.	30	
47. Норту-булакъ	35	Горами и долиной.
48. *Г. Долонъ-норъ*	30	Ровною степью.
Итого: отъ Ашииг. кар. .	993	Переходовъ 34.
› Кяхты . . .	1219	Переходовъ 48.

		Вер.	
37.	Г. Юнъ-чжеу-сянь	20	Сначала по горамъ, потомъ долиною р. Бай-хэ (Пей-хо).
38.	Г. Че-чэнь-сянь .	25	Тою же долиною, которая въ одномъ мѣстѣ сперта горами.
39.	Тя-у-бу	20	То же.
40.	Когинъ	18	По широкой долинѣ.
41.	Туму.	28	Мѣстность гористая, но населенная и хорошо обработанная.
42.	Хуай-лай-сянь. .	18	
43.	Ю-линъ	15	
44.	Нань-кхэу	31	
45.	Ша-хэ	21	Хорошо воздѣланная равнина съ густымъ населеніемъ.
46	Пекинъ	24	
	Итого . .	220	
	А всего отъ Ашингинск. кар. . . .	1221	Переходовъ 46.
	Кяхты	1582	Переходовъ 60.

Дорога важная въ томъ отношеніи, что по ней могутъ двинуты *совокупно* отряды войскъ съ Селенги и Онона, раздѣленныхъ въ Забайкальѣ Яблоновымъ хребтомъ. Она гораздо удобнѣе для движенія войскъ, чѣмъ всѣ, лежащія къ западу. По ней императоръ Кханъ-си ходилъ съ значительною арміею. Лучшее время для движеній — апрѣль, май, августъ и сентябрь.

XII. Отъ Кяхты чрезъ Ургу и Калганъ въ Пекинъ караванный трактъ.

	Кяхта	0 вер.	
1.	Оз. Гилань-норъ.	9	Равнина.
2.	Ибицихъ.	24	Равнина, большею частью лѣсистая.
3.	Р. Иро	22 1/2	Переправа чрезъ рѣку Иро и каменистое ущелье.
4.	Куйтунъ	28	Подъемъ изъ долины Иро въ горы; горами.
5	Урмухтуй	27	Перевалъ; падью.
6.	Баинголъ.	22	Падью.
7.	Хараголъ	34	Большею частью по горамъ.
8.	Хоримту.	20	Переправа чрезъ Хараголъ у станціи; потомъ падью.

	Вер.	
9. Хунцалъ	30	Падями и хребтами.
10. Бургалтай	19	Перевалъ чрезъ гору Чанагу; падями.
11. Аршанты.	22	Падью.
12. Городъ Урга. . .	23	Подъемъ на хребетъ Гунтуй и спускъ съ него въ долину р. Толы.
Итого . .	279½	
13. Налайха	33	Пер. чрезъ Толу, потомъ долиною ся и наконецъ падью.
14. Гакца-худукъ . .	41	Гористая и каменистая степь.
15. Чжаргалантуй . .	40	То же.
16. Гильтегентей . .	33	Степь; дорога отчасти идетъ падью.
17. Мукоту	25½	Холмистая степь; на востокѣ въ 17—18 вер. р. Кэрулюнъ.
18. Бомботу	18½	Ровная степь.
19. Боро-хучжиръ . .	32½	Холмистая степь; ночлегъ у подошвы г. Дарханъ.
20. Шибету	27	Волнистая и частію каменистая степь
21. Шара-шароту . .	19	То же.
22. Бусеинъ-челу . .	22	Слабо-волнистая степь.
23. Кутулъ.	35	Холмистая и частію каменистая степь.
24. Саинъ-Кутулъ . .	33	Ровная степь; изрѣдка холмы.
25. Мубулунъ	38	То же.
26. Цаганъ-тугурикъ.	38	Ровная степь; на ночлегѣ ключи.
27. Удэ	45½	Холмистая степь; станція въ оврагѣ у колодца.
28. Гызыргенинъ - гашунь	25	Довольно ровная степь. частью пески.
29. Хайластуй	22	Холмистая степь.
30. Чулукъ-Тугурикъ.	19	То же.
31. Кутулъ-усу. . . .	18	То же; ночлегъ въ горахъ у колодца.
32. Иренъ-холосъ . .	23	То же: у ночлега колодцы и соленое озеро Иренъ.
33. Цаганъ-худукъ. .	24	Ровная степь, частью пески; у ночлега колодезь.
34. Борольчжи. . . .	24	То же; колодезь.
35. Минганъ.	36	Ровная степь; колодезь у подножья холмовъ.
36. Цзамыйнъ-худукъ	27	Холмистая степь; колодезь.
37. Кобуръ	32	То же; у ночлега озерцо.
38. Сучжи	29	То же; колодезь.

	Вер.	
39. Хашята	28½	Гористая степь; у ночлега озерца.
40. Шабартуй	28½	Дорога большею частью идетъ по ущелью въ гористой степи.
41. Цзамыйнъ-усу . .	47½	Гористая степь.
42. Гурбунъ-тулга . .	41	Степь и холмы; поперегъ дороги земляной валъ; у станціи озерца при подошвѣ холмовъ.
43. Цаганъ-балгасу .	25	Степь; хорошія пастбища.
44. Нордянь (дер). .	35	То же; у ручья Бургасутая подходитъ съ запада почтовая дорога изъ Урги и Улясутая.
45. Калганъ (гор.). .	22	Ущелье; спускъ съ холоднаго нагорья въ долину. Великая стѣна.
Итого . .	987½	
46. Гор. Сюань-хуа-фу	36	Равнина; въ одномъ мѣстѣ небольшая гора.
47. Гор. Цзи-минъ-и.	33	Частію по ущелью р. Янъ-хэ, частію по равнинѣ.
48. Гор. Ша-чэнъ . .	27	По равнинѣ; на дорогѣ городъ Синъ-бао-ань.
49. Гор. Хуай-лай сянь	30	Плоскіе отклоны горъ.
50. Укрѣпленіе Чадао	23	Переправа чрезъ р. Хулай; внутренняя Великая стѣна.
51. Нань-коу.	23	По ущелью, при выходѣ изъ котораго ночлегъ.
52. Цинъ-хэ	35	Равнина, густо заселенная.
53. Г. Пекинъ. . . .	10	То же.
Итого . .	217	
А всего. . .	1484	Въ 52 перехода.

Дорога снята топографомъ Шимковичемъ.

XIII. Развѣтвленія караваннаго пути отъ Урги до Калгана.

а) Гунчжуйская дорога.

Урга.	0	Отъ Кяхты 279 верстъ, 12 переходовъ.
1. Сучжи	35	Сначала долиною Толы, а потомъ горами.
2. Хашату	30	Очень гористая дорога, особенно сначала.

	Вер.	
3. Хапцалъ	26	Гористый переходъ; но на ночлегѣ хорошій колодезь.
4. Уланъ-норъ . . .	40	Отсюда травы и вода становятся хуже.
5. Олонъ-обо	30	Хорошій колодезь.
6. Цзамыйнь-уланъ-худукъ	25	
7. Хакпакту	23	Воды мало.
8. Хододо.	25	Вода хорошая.
9. Могой	23	Дорога каменистая.
10. Бухайнъ-усу . . .	20	Горы; травы нѣтъ.
11. Уйзынъ	24	То же, но на ночлегѣ хорошій колодезь.
12. Уланъ-тологой . .	22	Воды мало.
13. Куку-дересу . . .	35	
14. Уланъ-худукъ . .	35	Равнина, частью болотистая, частью песчаная; травы мало.
15. Сенчжи	30	На ночлегѣ хорошій колодезь.
16. Удэ	33	Переѣздъ трудный.

17—32. Отъ Удэ до Цзамыйнъ-усу станціи тѣ же, что подъ №№ 28—41 маршрута № XII; но отъ 38 Сучжи можно идти такъ:

Угундуинъ хошоту	30	Отсюда травы улучшаются.
Хадаинъ-усу . . .	30	
Уланъ-хошу . . .	12	
Цзамыйнъ-усу . .	29	
33—37, до Калгана.	123	По маршруту № XII.
Итого отъ Урги до Калгана около . . .	950	Переходовъ 37, т. е. болѣе, чѣмъ по маршруту № XII на 6 переходовъ. Дорога нѣсколько короче, но труднѣе.

б) Аргалинская дорога.

0—9. Урга — Шарашироту.	269	По маршруту № XII.
10. Олонъ-байсинъ. .	23	Каменистая гряда горъ.
11. Сучжинъ-усу. . .	32	Степь, покрытая разноцвѣтными камнями крем. породы.
12. Хулугуръ	18	
13. Абурганъ-сумэ .	33	Красивое капище. Въ окрести. много верблюдовъ.

	Вер.	
14. Дурбань-дерету .	20	Песчаная почва. Вблизи пастб. богдыхан. верблюдовъ.
15. Эрги	32	Чрезъ ущелье Удэ, потомъ по долинѣ.
16. Убуръ-удэ	35	Плохія травы; солонц. вода.
17. Гашунь	26	Вблизи ночлега монгольскій обо.

Эти двѣ, послѣднія, станціи находятся нѣсколько въ сторонѣ отъ станцій того же имени на дорогѣ № XII.

18. Харатуинъ-Сучжи	20	Хорошій колодезь.
19. Цзунъ-Сучжи . .	30	
20. Батхай.	25	Переѣздъ по каменистымъ падямъ. Богдыханскіе верблюды.
21. Олонъ-худукъ . .	40	
22. Саинъ-усу	23	Вода нехорошая. Соленое озеро.
23. Хучжирту	23	На переходѣ пески съ вредною для лошадей травою — сули.
24. Кулъ-худукъ . . .	23	Дорога трудная; пески.
25. Шара-будургуна .	22	
26. Дурма	25	По песчанымъ горамъ. Самый трудный переходъ.
27. Цакилдакъ. . . .	20	Дорога гористая и песчаная.
28. Еле-суту	22	То же, трава но лучше. Вода прѣсная. Въ окрестности пасутся овцы.
29. Хара-тологой . .	30	
30. Куйтунъ	35	
31. Цзамыйнъ-усу . .	20	Хорошія пастбища.
32—36. Калганъ . .	123	По маршруту № XII.
Итого отъ Урги . . .	987	Переходовъ 36.

Всѣ три дороги по прямому направленію отъ Урги до Калгана, т. е. Аргалинская, Гунчжуйская и Дарханская (№ XII), хотя и посѣщаются многочисленными караванами, мало пригодны для движенія войскъ, по скудости кормовъ и воды. Наши казаки съ легкою почтою въ Пекинъ ѣздятъ по одной изъ нихъ.

XVI. Почтовая дорога изъ Кяхты въ Пекинъ.

1—12. Изъ Кяхты въ Ургу.	279½	См. маршрутъ № XII.
13. Соно-сходанту.	19	По долинѣ р. Толы, которую переходятъ въ 11 в. отъ города.

	Вер.	
14. Букукъ	27	Подъемъ изъ долины Толы въ холмистую степь съ хорошими травами.
15. Дологонъ . . .	20	Волнистая степь.
16. Чжаргаланту .	28	То же.
17. Ондурдаба . .	28	То же.
18. Тала-балыкъ .	33	То же; трава менѣе густа.
19. Нарунъ	30	То же.
20. Модонъ	33	То же.
21. Тайрумъ . . .	33	Степь; трава рѣдкая.
22. Боро-дага . . .	23	То же.
23. Баинъ-билкихъ	28	У станціи рѣдкая растительность.
24. Баинъ-хошигу .	24	У станціи озерцо, трава очень рѣдкая.
25. Салгой	28	Степь почти безплодная.
26. Сучжи	31	То же.
27. Саиръ-усу . .	30	То же. На станціи Саиръ-усу есть домъ и кумирня; здѣсь подходитъ съ запада дорога изъ Улясутая. Положеніе станціи опредѣлено астрономически г-мъ Фричче.
Итого .	415	
28. Кутулъ	30	Холмистая степь.
29. Баро-обо . . .	36	То же.
30. Дзоборъ	25	Степь.
31. Салату	22	Холмистая степь.
32. Горбань-пайша	28	То же; растительность очень слаба.
33. Нарунъ . . .	42	То же.
34. Хоньче	28	То же.
35. Гаше	36	То же.
36. Тугурикъ . . .	28	Чистый песокъ.
37. Толи-булакъ . .	25	Холмистая степь; на станціи кумирня.
38. Суджи	20	То же; на станціи нѣсколько деревьевъ.
39. Билунъ	25	Степь; немного растительности.
40. Кормахаръ . .	33	Степь.
41. Цесы-хонгоръ .	20	То же.
42. Уланъ-худукъ .	29	Слегка волнистая степь.
43. Шара-мурень .	27	Песчаная степь; пересохшая рѣчка. Астрономическій пунктъ.
44. Цаганъ-худукъ	25	Такая же степь.
45. Олонъ-худукъ .	21	То же.
46. Болтай	22	То же.
47. Шара-хада . .	18	То же.

	Вер.	
48. Бомботу	22	То же.
49. Улаха	24	То же.
50. Чжинтай . . .	36	Холмы.
51. Чечертай . . .	36	Конецъ песчаной Гоби.
52. Мингалъ . . .	26	Травянистая степь.
53. Чжагустай . .	18	То же.
54. Куй-сутай. . .	22	То же.
55. Оро-худукъ . .	24	То же; ночл. у озерца вблизи Ангули-нора.
56. Халютай . . .	24	То же; ночлегъ у ручья Халюстай, текущ. въ Ангули-норъ.
57. Бургасутай . .	28	Богат. пастбища; ночлегъ при ручьѣ Бург..., у подошвы холмовъ.
58. Чаганъ-тологой	25	Высокая, гористая страна; дорога по равнинѣ.
59. Гор. Калганъ.	30	Спускъ съ возвышенности по оврагу, лежащему восточнѣе Нордянскаго.
Итого.	858	
60—67. Пекинъ .	217	См. маршрутъ № XII.
А всего 67 переходовъ	1760	

Дорога вьючная, но допускающая возможность ѣзды на колесахъ. На станціяхъ содержатся лошади и верблюды. Но кормы скудны на 35 переѣздахъ, отъ 20-го до 55-го, а мѣстами есть чистый песокъ. Такъ какъ, кромѣ того, дорога эта на 276 верстъ длиннѣе № XII, то по ней ѣздитъ только китайская почта, которая въ Саиръ-усу раздѣляется или соединяется, смотря потому, слѣдуетъ ли съ юга или съ сѣвера. — Настоящій маршрутъ, нѣсколько отличается и по названіямъ, и по разстояніямъ отъ напечатаннаго въ Военно-Статистическомъ Сборникѣ, но китайскій Дорожникъ съ нимъ согласенъ.

XV. Отъ Юстыда чрезъ Дзиндзиликъ въ Иркутскъ.

Значительная часть этой дороги пролегаетъ по китайскимъ карауламъ, которые могутъ считаться пограничными къ сторонѣ губерній: Томской, Енисейской и Иркутской, хотя лежатъ далеко на югъ отъ границы, за хребтомъ Танну-ола. Восточная половина маршрута, отъ Дзиндзилика до Косогола, пройдена въ 1872 г. минусинскимъ купцомъ Веселковымъ съ гуртомъ скота.

Юстыдъ, бывшій китайскій караулъ на верховьяхъ Чуя, въ русскихъ владѣніяхъ.

		Вер.	
1.	Оз. Дайшуръ . . .	30	Перевалъ черезъ пограничный хребетъ Сайлюгемъ.
2.	Караулы: Улясуту-аманъ.	Примѣрно 500 верстъ.	
3.	Урунъ-норъ		
4.	Бодогони-холай . .		
5.	Боргичайты		
6.	Хандагайты		
7.	Цицирганъ		
8.	Р. Холай		
9.	Кар. Эргеты . . .		
10.	К. Алакъ-обо . . .		
11.	Сел. Самгатай . .		
12.	К. Эрсунъ		
13.	К. Дзиндзиликъ .		
14.	Ручей, текущій въ Дзиндзиликъ . . .	20	Вверхъ по р. Дзиндзилику, мимо кумирни; воды и корму много; жители Урянхи.
15.	Харгана.	20	За переваломъ чрезъ хреб. Харгана; воды мало. Дорога вдоль тычинковой границы Монголіи съ Урянхами.
16.	Р. Тускулъ	25?	Перевалы черезъ два хребта, сѣвернѣе тычинковой границы.
17.	Р. Ширикъ. . . .	16	Опять два перевала и переходъ черезъ рѣчку Судютъ.
18.	Руч. близъ р. Ширика	25	Два хребта; дорога хорошая, воды и травы много.
19.	Р. Косъ (теч. на З.)	15	Высокій, лѣсистый, неудобный перевалъ.
20.	Р. Косъ.	25	Вверхъ по Косу; трава хороша, но холодно.
21.	Р. Тарисъ.	23	Перевалъ чрезъ большой голый хребетъ. Холодно. Рѣчка теч. на С.-В.
22.	Гора Такылъ . . .	20	Сначала на С.-В. по Тарису, потомъ на Ю.-В., равниною.
23.	Р. Соукъ	24	Перевалъ и потомъ по р. Соуку; травы хороши, но на горахъ много камней.
24.	Караулъ Агаръ . .	7	Черезъ небольшой перевалъ и потомъ по р. Агаръ.
25.	Рѣка Мурю. . . .	35?	Дов. значительная рѣка, течетъ на Ю.-З.

	Вер.	
26. Рѣка Мурю. . . .	15	Степь съ хорошей травой; по логамъ — деревья.
27. Степь.	30	Много монгольск. кочевокъ, хорошiе кормы.
28. Ночлегъ въ степи.	20	Безлѣсная волнистая мѣстность.
29. Ночлегъ въ степи.	25	То же; травы хорошiя.
30. Р. Эге въ 6 вер. отъ Косогола	30	
Итого отъ Дзинд.	345	Пройдены купцомъ Веселковымъ.

Восточнымъ берегомъ Косогола до кумирни Урянховъ у сѣвернаго берега озера пять дней ходу (120 в.), а оттуда въ Иркутскъ черезъ:

36. Тунку.	139	Вьючной дороги.
39. Култукъ.	75	На колесахъ.
41. Иркутскъ	67	На колесахъ.
Итого	281	
А всего	1156	

XVI. Отъ Юстыда въ Улясутай.

Это такъ называемый путь бiйскихъ купцовъ, пройденный ими въ 1870 году; длина пути 555 вер., станцiи были слѣдующiя:

1. Хату-булакъ . . .	30 вер.	9. Зеринъ-норъ . . .	42 вер.
2. Кара-мангай . . .	28	10. Шабиръ-голъ . . .	18
3. Ачитъ-норъ	40	11. На р. Кунгуѣ . .	38
4. Усунъ-голъ	15	12. То же	34
5. Р. Шибери	32	13. То же	38
6. Хотюль-булакъ . .	28	14. То же	38
7. Китайскiй хуторъ.	38	15. Узунъ-джулъ . . .	40
8. Шинеусъ	38	16. Улясутай	48

XVII. Отъ кар. Суокъ чрезъ Кобдо въ Улясутай и Калганъ.

Китайскiй кар. Суокъ въ 514 верстахъ отъ Усть-Каменогорска; въ томъ числѣ 284 вер. колеснаго пути.

1. Стц. Боро-Бургасу	25	Отлогими возвышенностями.
2. Стц. Белю. . . .	35	Подъемъ въ гору и потомъ по волнистой мѣстности.

	Вер.	
3. Стц. Эльдеге . .	35	Сначала по горамъ, потомъ спускъ въ долину р. Кобдо.
4. Стц. Кото	20	Переправа черезъ р. Кобдо, потомъ долиною р. Кото.
5. Ухашеротъ. . . .	20	По гористой мѣстности, черезъ перевалъ Игисъ-даба.
6. Хонгерлю	20	Мимо оз. Алтынь-чечей и по холмамъ.
7. Хонго	25	По горамъ и по долинѣ Хонгомерюка.
8. Шара-балыкъ . . .	35	По горамъ, поперегъ рр. Эджигеле, Тархынъ и Чаганъ-Бургасу.
9. Гор. Кобдо . . .	35	Сначала горами, а потомъ степью. Г. Кобдо стоитъ на р. Буянту и имѣетъ на с. крѣпость, а на югѣ торговую слободу.
Итого . .	250	
10. Кара-усу.	32	Черезъ горы и степью до оз. Ике-Аралъ-норъ, у южной его оконечности.
11. Захы-булакъ. . .	56	Каменистою степью.
12. Джиргаланты. . .	34	
13. Карганынъ. . . .	17	
14. Дурга-норъ . . .	33	У юго-восточнаго конца оз. Дурга.
15. Бага-норъ	30	
16. Аргаланты. . . .	39	На рѣкѣ Дзапханѣ (Джабганѣ).
17. Бочу	26	Степью вдоль р. Джабгана, не всегда переходимаго въ бродъ.
18. Дзурь	20	
19. Бага-дзысъ . .	24	
20. Ихи-дзысъ. . . .	21	
21. Худукъ-улэкъ . .	20	По правому берегу Джабгана, черезъ р. Яру-голъ и по другимъ правымъ притокамъ Джабгана.
22. Борхо	28	
23. Алдыръ	21	
24. Гор Улясутай. .	18	Городъ имѣетъ крѣпость и торговую слободу; лежитъ въ долинѣ между горами.
Итого . .	419	
25. Шуранъ.	29	Степью съ порядочною травою.
26. Даганъ-дэлэ . . .	24	У рѣчки Буниту-голъ.
27. Буниту-голъ . . .	21	У рѣчки того же имени.
28. Ара-Джиргаланту	15	Степью.
29. Убуръ - Джиргаланту	19	
30. Уланъ-бумба . . .	19	У рѣчки Хоболъ.
31. Хоболъ	25	То же.

	Вер.	
32. Дзакъ-голъ. . . .	22	У рѣчки Дзакъ-голъ. } Ровною степью со скудными травами.
33. Байдарикъ-голъ .	18	У рѣчки Байдарикъ — г. } Ровною степью со скудными травами.
34. Утаинъ-голъ . . .	30	Черезъ хребетъ и по пескамъ.
35. Ологай.	13	Черезъ хребетъ и по пескамъ.
36. Хара-тологой . .	26	} У колодцевъ въ песчаной степи.
37. Туй	18	} У колодцевъ въ песчаной степи.
38. Шаргальдшутъ. .	23	} У колодцевъ въ песчаной степи.
39. Хоболъ-хорти . .	22	} У колодцевъ въ песчаной степи.
40. Горида.	28	Пески и каменистый кряжъ; на с. горы.
41. Харанидунъ . . .	18	Пески.
42. Хадату.	20	Пески. Граница между Ургою и Улясутаемъ.
43. Унытэту	23	Пески.
44. Онгінъ-голъ. . .	25	Пески, ночлегъ у рѣчки.
45. Дзерэнъ	33	На Онгінъ-голѣ.
46. Тугурикъ	25	Пески; станція близъ озера.
47. Цапчиръ.	19	У того же озера. Дорога изъ Урги въ Тибетъ.
48. Харанмъ-джиримъ	29	Волнистая песчаная степь.
49. Дзиргаланту . . .	19	По ущелью.
50. Лосъ.	30	Каменистые холмы и степь.
51. Шобутай.	23	Степь, съ небольшою травою.
52. Барунъ-Сучжи . .	17	Степь
53. Саиръ-усу	40	Степь. Здѣсь подходитъ съ сѣвера почтовая дорога изъ Урги.
Итого . .	673	
А всего	1342	До Калгана же (см. № XIV) 2200 и до Пекина 2417 в.

Самая длинная изъ всѣхъ степныхъ дорогъ между границами Россіи и Пекиномъ, скудная водою и травами и хотя почтовая, но исключительно вьючная.

XVIII. Дороги поперегъ Чжунгаріи.

а. Отъ Зайсанскаго поста въ Кобдо.

Зайсанскій постъ, въ 511 верстахъ отъ Семипалатинска, по почтовой дорогѣ.

1. Теректы.	18	} По сѣверному подножію Мусъ-тага и Саура. На первыхъ трехъ переходахъ травы и воды довольно.
2. Сары-булакъ. . . .	20	} По сѣверному подножію Мусъ-тага и Саура. На первыхъ трехъ переходахъ травы и воды довольно.
3. Уласты	25	} По сѣверному подножію Мусъ-тага и Саура. На первыхъ трехъ переходахъ травы и воды довольно.

	Вер.	
4. Уласты, другая рѣчка	25	По сѣверному подножію Мусъ-тага и Саура. На первыхъ трехъ переходахъ травы и воды довольно.
5. Туманды	40	
6. Кокъ-буке	35	
7. Мукуртуй	25	
8. Озеро Улюнгуръ	30	
9. Г. Булунь-тохой	25	
Итого	243	
10. Тенгерге, на Урунгу	45	
11. Р. Урунгу	70	
12. Р. Чингылъ	75	По горамъ, населеннымъ уряихами.
13. Р. Чаганъ	60	Горы; населеніе — калмыки таргоуты.
14. Р. Булунгъ	50	Лѣсистыя горы; населеніе калмыки-хошоты.
15. Пикетъ Чажганъ	60	Горы; дорога выходитъ на путь урумційско-хобдоскій.
16. „ Нарынъ	40	Дорога идетъ вверхъ по Урунгу, потомъ уходитъ въ горы и, переваливъ черезъ нихъ, спускается къ Кобдо.
17. „ Дабсынту	60	
18. „ Батхокъ	45	
19. „ Суджинъ	30	
20. Городъ Кобдо	25	
Итого	550	
А всего	793	Вьючнаго пути.

Б. Отъ Чугучака и Зайсанскаго поста до Кунгуна.

Первая изъ этихъ дорогъ во время китайскаго владычества была почтовою и при осмотрѣ въ 1871 г. оказалась годною для экипажей. Вторая затруднительна для экипажной ѣзды лишь на первыхъ трехъ переходахъ.

Г. Чугучакъ, 4 вер. отъ Бактовъ — *Зайсанскій постъ*

1. Сетэръ-модо	15 вер.	1. Кенъ-сай	31 в.
2. Шара-хулусу	60	2. Чаганъ-обо	31
3. Пикетъ-Толы	20	3. Данпъ-су	30
4. „ Яматы	18	4. Устье Дезбика	27
5. „ Кульдененъ	20	5. Ст. Кара и Сари Эмиля	26
6. „ Уту	15	6. Акъ-су	22
7. „ Букчуръ	18		

		Вер.
8.	Сел. Олонъ-булакъ	20
9.	„ Шара-усу . .	30
10.	Стц. Куръ	36
11.	Селеніе Куйтунъ .	32
	Итого . . .	314

		Вер.
7.	Курумъ-су	13
8.	Шара-хулусу . . .	22
9 — 17	Куйтунъ . . .	209
	Итого . . .	414

Въ Куйтунѣ проходитъ дорога изъ Урумци въ Кульджу.

XIX. Изъ Кульджи въ Хами по сѣверной Тяньшаньской линіи.

Гор. *Кульджа*, Старая, т. е. таранчинская.

1.	Баяндай	11	Равниною.
2.	Суйдунъ	32	Также.
3.	Кр. Чинъ-ча-ходзи.	17	Также; всѣ три пункта населены.
4.	Итай.	21	
5.	Лянъ-та	15	Южнѣе перевала чрезъ горы Ирень-хабирганъ.
6.	Бамо.	25	Перевалъ, спускъ къ оз. Сайраму.
7.	Хустай.	28	Равнина.
8.	Такумту	30	То же; мѣстами пески (пп. 8–16).
9.	Дахіанза сел. . .	14	
10.	Стц. Цзинъ-хо. .	47	
11.	Кумъ-тамъ. . . .	39	
12.	Стц. Тотохой . .	15	
13.	Стц Курту-кунга	10	
14.	Стц. Домбода . .	19	
15.	Стц. Булхацзи (Пуртажи)	25	
16.	Разв. Куръ-карасу.	22	
	Итого	370	
17.	Стц. Куйтунъ . .	22	То же. Въ Куйтунѣ приходитъ съ сѣв. дорога изъ Чугучака (314 в.).
18.	Стц Анцзи-хая .	20	Степью; травы хорошія.
19.	Стц. Хоргосъ . .	25	Ровною степью.
20.	Стц. Уланъ-усу .	22	То же.

	Вер.	
21. Сел. Манасъ или Канги	40	То же; переправа черезъ р. Манасъ.
22. Стц. Япъ-балгасунъ	21	Степью.
23. Стц. Тугурикъ. .	26	То же.
24. Сел. Хутукбай. .	38	То же.
25. Стц. Локлонъ . .	33	То же; травы хорошія.
26. Сел. Гу́нъ-нинъ .	40	По слабоволнистой мѣстности, черезъ селенія.
27. Гор. Урумци. . .	22	По хорошо-орошенной, слабо-волнистой мѣстности. Г. Урумци былъ главнымъ на сѣверной Тянь-шаньской линіи.
Итого. . .	309	

Отсюда можно ѣхать въ Хами двумя путями: черезъ Турфанъ (короче) и черезъ Баркуль (удобнѣе). Беремъ послѣднюю дорогу.

28. Стц. Хэй-гоу . .	26	Равниною, хорошо орошенною.
29. Сел. Фу-канъ . .	24	Слабо волнистою мѣстностью.
30. Стц. Ди-цюань. .	20	У подошвы горъ.
31. Стц. Цинъ-шуй .	27	То же.
32. Стц. Сань-тай . .	33	То же; мѣстность, хорошо орошенная ручьями съ Богдо-олы.
33. Сел. Цзимса. . .	34	У подошвы горъ степью.
34. Гор. Гу-чэнъ . .	29	То же; городокъ имѣетъ на сѣверѣ цитадель.
35. Мѣстечко Китай.	39	По странѣ хорошо населенной и орошенной.
36. Стц Муруй . . .	25	Степью, у подошвы горъ.
37. Стц. Акъ-ташъ .	22	То же.
38. Стц. Уланъ-усу .	22	То же.
39. Стц. Сэби	30	То же.
40. Сел Гашунь. . .	29	То же.
41. Стц. Урту	35	То же.
42. Чжуба-цюань . .	29	Вдоль рѣчки.
Отсюда можно ѣхать въ Баркуль или прямо черезъ Гу-гуай (60 в.) или почтовою дорогою. т. е. чрезъ:		
43. Стц. Сэ-удзы . .	30	По предгорьямъ Тянь-шаня.
Откуда есть дорога, чрезъ стц. Лэ-ба-цюань, въ горр. Хами и Ипчанъ.		
44. Гор. Баркуль . .	35	По предгорьямъ Тянь-шаня.
Итого . . .	499	

		Вер.	
45.	Стц. Койсу . . .	36	У подошвы горъ.
46.	Стц. Сунъ - шутань	41	То же.
47.	Стц. Нань-шань-кхэу	36	Переѣздъ черезъ горы.
48.	Стц. Хэй-чжань-фань	27	Спускъ вдоль по рѣчкѣ.
49.	Гор. Хами или Комуль	30	По равнинѣ.
	Итого . .	170	
	А всего	1348	При китайцахъ эта дорога была вся почтовою.

Отъ Хами черезъ степь до города Ань-си на р. Булунгирѣ по самой трудной, песчаной степи 470 верстъ. Въ Ань-си дорога поворачиваетъ къ заставѣ Цзя-юй-гуань и потомъ черезъ гор. Су-чжеу идетъ далѣе, къ Пекину, до котораго отъ Хами 3,541 вер., отъ Кульджи 4,889.

XX. Отъ Кашгара въ Хами и далѣе въ Пекинъ.

	Городъ Кашгаръ.	0	
1.	Сел. Шаптулъ . .	40	По населенной и воздѣланной равнинѣ.
2.	Сел. Янгабадъ. .	30	Вдоль Кизылъ-дарьи, по степи, часто песковатой.
3.	Бастонъ-тогоракъ	80	
4.	Кизылъ-дарья . .	30	
5.	Маралъ-баши . .	20	На р. Таримѣ.
6.	Сел. Барчукъ . .	20	То же. Сюда выходитъ дор. изъ Яркента, до котораго 325 верстъ.
7.	Кукъ-чулъ	20	Степью вдоль Тарима.
8.	Укр. Чай-ширинъ	20	
9.	Еренде	20	
10.	Отусъ-каме (Уртулъ-кэмани). . .	20	Степью, мѣстами волнистою.
11.	Бишъ-кудукъ (котукъ)	20	
12.	Сел. Янгарикъ. .	20	

	Вер.	
13. Укр. Айхуръ (Айкулъ)	20	Степью вблизи рѣки Кумарика, чрезъ которую нужно переправляться (Кумъарыкъ = каналъ отведенный въ пески).
14. Календеръ-ханъ .	20	
15. Гор. Аксу	20	Равнина: переправа черезъ р. Аксу. Городъ имѣетъ до 30,000 жителей. Дороги: изъ Уша 120 в., изъ Кульджи 480 в.
Итого . .	400	
16. Сел. Чжамъ . . .	41	Степью, въ виду горъ.
17. Кара-Юлгунъ. . .	42	То же.
18. Чарчикъ.	57	По горамъ.
19. Устынъ-кичикъ .	38	Долиною между горъ; въ сосѣдствѣ мѣдные заводы.
20. Гор. Бай	30	Переправа черезъ р. Музартъ; равнина хорошо орошенная
21. Гор. Сайрамъ . .	42	Плоскогорьемъ и равниною.
22. Кизылъ	21	Равнина вдоль горъ слѣва.
23 Гор. Куча	83	Черезъ отроги Байшаня и по р. Шардаланъ. Городъ прилежитъ къ горамъ, укрѣпленъ, имѣетъ до 6,000 жителей.
Итого . .	354	
24. Тогунай	31	Хорошо орошенная низменность.
25. Арбатъ.	82	То же и потомъ слегка холмистая степь.
26. Сел. Бюгуръ. . .	52	По слегка холмистой степи.
27. Янги-шаръ. . .	52	Вдоль предгорій.
28. Чатыръ	31	То же по окраинѣ предгорій.
29. Чэрчу	82	То же и степью.
30. Кара-булакъ. . .	52	То же; дорога приближается къ р. Хайдуголъ.
31. Куруплэ	35	Увалами праваго берега Хайду-гола
32. Калга-аманъ . .	31	Вдоль праваго берега Хайду-гола. Недалеко камен.-уг. копи.
33. Карашаръ	17	По холмистой странѣ. Недоѣзжая города переправа чрезъ Хайду-голъ. Въ городѣ живутъ вмѣстѣ туркестанцы и калмыки.
Итого . .	495	
34. Сел. Тоболгу. . .	17	Равнина, мѣстами воздѣланная, мѣстами болотистая.
35. Сел. Чухуй . . .	27	Такая же равнина.
36. Сел Ушакталъ .	25	То же.
37. Ѣчэрчи	50	Степью и увалами; селеніе въ лощинѣ.
38. Кара-кизылъ. . .	44	Волнистою степью.
39. Кумышъ-акма . .	30	По горамъ.

	Вер.	
40. Ахаръ-булакъ . .	93	По горамъ Кумышъ-акма.
41. Субаши	31	Въ горахъ. Отсюда есть кратч., по неудобн. дор. на Ушакталъ.
42. Сел. Токсонъ . .	47	Черезъ горы.
43. Сел. Бугунь . . .	31	По слабо-волнистой мѣстности и черезъ р. р. Елань-булакъ.
44. Гор. Турфанъ . .	36	Волнистою степью. Городъ малъ и бѣденъ.
Итого . .	461	Съ сз. приходитъ бол. дорога изъ Урумци, 160 в., по горамъ. въ 7 переѣздовъ.
45. Кара-хочжа . . .	36	Холмами и степью.
46. Сел. Лукчакъ . .	25	У подножія холмовъ черезъ сел. Янги.
47. Сел. Чухуй . . .	35	Черезъ горы Гинь-линь.
48. Гор. Пичжанъ. .	27	Вдоль рѣчки.
50. Суруту.	20	Степью; справа холмы.
51. Чжикъ-ташъ. . .	20	То же.
52. Наху.	93	Степью и по холмамъ къ озеру Наху.
53. Тохо.	62	Вдоль предгорій къ оз Тохо.
54. Хутунь-во	36	По отлогостямъ горъ.
55. Таолай-булакъ. .	36	По горамъ.
56. Лэ-ба-цюань . . .	31	Стц. на сѣв. сторонѣ горъ. Отсюда дор. въ Баркуль и Хами.
57 — 62. Гор. Хами или Комуль	159	Дорога по южной стор. Тянь-шаня
Итого . .	580	

А всего отъ Кашгара до Хами . 2290, а до Пекина 5831 вер.

III. Важнѣйшія дороги въ Туркестанѣ.

Въ противоположность тому, что сдѣлано выше относительно дорогъ къ сторонѣ Китая, гдѣ перечислены только дороги заграничныя, т. е. проходящія по китайскимъ владѣніямъ, здѣсь приводится нѣсколько маршрутовъ внутреннихъ, т. е. пролегающихъ въ нашихъ владѣніяхъ, а затѣмъ уже слѣдуютъ пути въ предѣлахъ независимаго Туркестана. Сдѣлано это потому, что для западной и восточной Сибири существу-

ютъ маршрутныя карты и росписанія станцій по важнѣйшимъ направленіямъ въ почтовомъ дорожникѣ; Туркестанскій же край маршрутной карты еще не имѣетъ.

I. Дорога изъ Семипалатинска въ Вѣрный.

Это есть самый удобный путь изъ Сибири въ Среднюю Азію; проходя параллельно чжунгарской границѣ, онъ притомъ имѣетъ двойную важность въ стратегическомъ отношеніи, такъ-какъ имъ связываются всѣ пути, идущіе изъ Семипалатинской и Семирѣченской области внутрь Чжунгаріи.

	Вер.	
Семипалатинскъ.	695	Отъ Омска.
1. Улугузскій пикетъ	25	Степь съ твердою почвою.
2. Аркалыкскій . .	22	
3. Ащи-кульскій. .	27	
4. Джарташскій . .	21 1/2	
5. Кызылъ-мульскій	26	
6. Аркатскій. . . .	26 1/2	Въ сторонѣ Аркатскія горы.
7. Альджанъ - адыровскій	24	
8. Узунъ-булакскій	24 1/2	
9. Инрекейскій . .	26 1/4	
10. Алтынъ - калатскій.	22 3/4	Мѣстность волнистая.
11. Сергіополь . . .	26 1/2	На пр. бер. Аягуза; укрѣпленіе и станица.
Итого .	271 1/4	
12. Аягузскій. . . .	31 1/2	Мѣстность волнистая.
13. Талды-кудукскій	29	Черезъ Аягузъ и по равнинѣ.
14. Кизылъ-кійскій .	23 3/4	Степь.
15. Мало-Аягузскій.	26	
16. Джусъ-агачьскій	26 1/4	
17. Аргапатинскій .	31	Пески сыпучіе и кочковатые.
18. Ащи-булакскій .	29 1/2	Слабо-волн. и безводная мѣстность.
19. Лепсинскій . . .	34	Степь съ песчанымъ грунтомъ.
20. Басканскій . . .	28 1/2	Степь съ суглинистымъ грунтомъ.
21. Аксуйскій. . . .	28 1/2	Равнина съ небольшою зеленью.

		Вер.	
22.	Абакумовскій. .	$25^1/_2$	Равнина съ дов. сочною травою.
23.	Сел. Арасанское	21	Гасфордовъ подъемъ на горы. Мин. вод.
24.	Копалъ	29	Мѣстность волнистая. потомъ ровная.
	Итого. .	$363^1/_2$	
25.	Акъ-ичкинскій .	27	Подгорная равнина съ оврагами.
26.	Сары-булакскій .	26	Перевалъ въ долину Каратала.
27.	Кара-булакскій .	30	Равнина; переѣздъ черезъ Караталъ.
28.	Джангысъ-агачскій.	22	Равнина и потомъ волн. мѣстность
29.	Царицынскій . .	$20^1/_2$	Крутой спускъ къ Коксу, послѣ перев.
30.	Куалинскій. . .	$25^1/_4$	Черезъ Коксу и черезъ горы
31.	Алтынъ-имельскій.	$22^1/_4$	Долина, изрѣзанная оврагами.
32.	Куянкузскій. . .	$27^1/_2$	То же.
33.	Карачекинскій .	$27^3/_4$	Мѣстность волнистая.
34.	Чингильдинскій.	$33^1/_2$	Равнина съ немногими оврагами
35.	Укр. Илійское .	$23^3/_4$	Сыпучіе пески, переправа чр. Или на пар.
36.	Кутентайскій . .	$23^1/_2$	Равнина съ песчан. грунтомъ.
37.	Карасуйскій. . .	$22^1/_2$	То же
38.	Г. Вѣрный . . .	$24^1/_2$	Степь съ небольшою травою.
	Итого. .	356	А всего отъ Семипалатинска $991^1/_4$ вер., 38 переѣздовъ.

II. Степныя дороги въ Сибирской степи.

a) *Изъ Каркараловъ въ Аулье-ата*, черезъ Бертышскую пристань на Балхашѣ, потомъ западнымъ берегомъ этого озера, оттуда на р. Чу ниже развалинъ Сары-кургана и затѣмъ песчаною степью на подгорную дорогу изъ Вѣрнаго въ Аулье-ата. Плохая, маловодная, частію безтравная дорога, длиною около 800 верстъ.

b) *Изъ Каркараловъ въ Чулакъ-курганъ*, черезъ Кара-менды, Кайлюбай-булатъ, Тесъ-булатъ, бродъ Казанганъ на р. Чу и далѣе песчаною степью западнѣе озера Каракуля, всего около 1000 в. Путь этотъ сѣвернѣе урочища Кайлюбай-булата удобенъ, но далѣе до Тесъ-булата вода встрѣчается только въ 3 колодцахъ и притомъ дурнаго свойства, а отъ Теса до р. Чу, 70 верстъ совсѣмъ безводны. За р. Чу въ колодцахъ и разливахъ озера Каракуля вода соленая.

c) *Изъ Актау* черезъ ур. Джарташъ на *Чулакъ-курганъ* — тѣ же свойства, что предыдущаго пути. Отъ Чулакъ-кургана черезъ Каратаускія горы есть дорога въ Чимкентъ, до котораго отъ Актау будетъ около 750 верстъ.

d) *Изъ Акмолловъ въ Туркестанъ* чрезъ ур. Канбаты на р. Сары-су — караванная дорога, которая отъ ур. Канбаты уходитъ въ пески Джиты-конуръ и въ Голодную степь по правому берегу Чу. Рѣку эту пересѣкаетъ у брода Той-тюбе, а потомъ идетъ на Сузакъ песчаною степью, въ которой много саксаулу. За Сузакомъ переходитъ чрезъ Каратаускія горы въ верховьяхъ ручья Кашкаръ-ата. Южная и сѣверная часть этой дороги довольно удобны, но переходы по пескамъ Джиты-конуръ и по Голодной степи весьма затруднительны. Разстояніе отъ Акмолловъ до Туркестана около 900 верстъ.

e) *Изъ Акмолловъ въ Туркестанъ* же черезъ Канбаты, вдоль по р. Сары-су на Карауткульскій бродъ на р. Чу, потомъ, огибая Каратаускій хребетъ на родники Даудъ-ходжа, а отсюда къ урочищу Тюмень-арыкъ и далѣе къ Туркестану, всего около 1000 верстъ. По долинѣ Сары-су есть хорошія пастбища; вода въ рѣкѣ хотя немного солоновата, но годна къ употребленію. На пути между Айна-кулемъ и Карауткульскимъ бродомъ, за негодностью воды въ рукавѣ Бахты-Курымъ, нужно рыть колодцы. У родниковъ Даудъ-ходжа подножнаго корма мало, но онъ есть по близости, въ горахъ. Топливо — джикда, саксаулъ и т. п. — встрѣчается на большей части пути.

На послѣднюю дорогу, у урочища Конъ-домбакъ, на р. Сары-су, выходитъ дорога съ сѣвера, отъ Улу-тау, Атбасара, Кокчетава и Петропавловска, сѣверная половина которой есть почтовая. Все разстояніе отъ Петропавловска до Туркестана можно считать въ 1500 верстъ.

III. Караванная дорога изъ Троицка въ Ташкентъ

	Вер.	
1. Г. Троицкъ . . .	0	
2. Михайловская ст.	1	День ходу.
3. Оз Курпуиданъ .	1	
4. Оз Яманъ-Алакуль	1	Между р. Тоболомъ и ст. Николаевскою.
5. Ур. Домбаръ. . .	1	На р. Тоболѣ.
6. Боръ Яманъ-карагай	1	Послѣдній къ югу лѣсъ.

		Вер.	
7.	Р. Джелебей . . .	1	
8.	Оз. Шагыръ-куль	1	
9.	Оз Уркачъ . . .	1	Извѣстная добыча соли.
10.	Оз. Чуйты. . . .	1	
11.	Верх. р. Кабырги.	1	
12.	Пески Кашелакъ.	2	
13.	Г. Тургай	1	
	Итого . .	13	Около 450 верстъ.
14.	Р. Джиланчикъ .	2	
15.	Оз. Буще-куль. .	1	
16.	Рр. Каргале и Кайдулъ	1	
17.	Р. Молдыръ . . .	1	
18.	Калмакъ - Кергланъ	1	Вѣроятно, мѣсто избіенія калмыковъ въ 1772.
19.	Ур. Эспе	$1^1/_2$	
20.	Оз. Арсъ-тузъ. .	$1^1/_2$	Пески.
21.	Оз. Телекуль . .	$1^1/_2$	То же.
22.	Кол. Даудъ-ходжа	1	
23.	Мынъ-булакъ . .	1	
24.	Яны-курганъ. . .	1	
25.	Туркестанъ . . .	$3^1/_2$	Вдоль почтовой дороги или по сторонамъ ея.
26.	Чемкентъ	5	
27.	Ташкентъ	3	
	Итого . .	25	

А всего 38 дней, примѣрно 1640 верстъ.

I. Отъ г. Иргиза до Казалинска.

Почтовая дорога, на которой въ предѣлахъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства есть хорошія станціи. Г. Иргизъ находится, по почтовой же дорогѣ, отъ Орска въ 393 верстахъ.

1.	Джалангачъ . . .	20	
2.	Кытый-куль . . .	18	
3.	Джаловны	36	Каракумскіе пески.
4.	Терекли.	30	
5.	Джулюсъ	17	

		Вер.	
6.	Кара-кудукъ	18	Каракумскіе пески.
7.	Дунгурлюкъ-соръ	30	
8.	Куль-кудукъ	26	
9.	Алты-кудукъ	21	
10.	Акъ-джулпасъ	18	
11.	Сапакъ	28	
12.	Камышлы-башъ	28	
13.	Бокъ-баули	34	
14.	Г. Казалинскъ	32	

Итого. . . 346 в., а отъ Орска 739.

V. Отъ Кульджи до Казалинска.

Дорога эта, начиная отъ г. Вѣрнаго, есть почтовая, и идетъ вдоль ряда русскихъ колоній, которыя можно считать базою нашихъ дѣйствій въ Туркестанѣ, какъ въ предѣлахъ Чжунгарскаго, Тянь-шаньскаго и Нагорно-туранскаго участковъ границы, такъ и къ сторонѣ Хивы. Отъ нея въ разныхъ мѣстахъ отдѣляются, какъ бы вѣтви, пути на югъ, внутрь Туркестана, точно такъ, какъ къ ней примыкаютъ всѣ исчисленныя выше дороги съ сѣвера, изъ киргизскихъ степей и европейской Россіи.

Г. Кульджа (Старая или Таранчинская).

1.	Янгишаръ	15	Переправа черезъ р. Или.
2.	Ханахай	37	Подгорныя селенія.
3.	Кальджатъ	23	
4.	Кетмень	30	
5	Дардамба	19	
6.	Чунчжи	25	
7.	Бродъ Телекъ	23	На р. Чарынѣ.
8.	Кара тумъ	13	
9.	Сары-чаганъ	30	
10.	Сары-булакъ	30	
11.	Бр. Тогузъ-торау	20	На р. Чиликѣ.
12.	Лаваръ	19	
13.	Улькунъ-Энко	21	
14.	Выс. Михайловск.	22	

	Вер.	
15. Ст. Софьинская	20	Дорога колесная.
16. Ст. Надеждинская	22	
17. Г. Вѣрный. . . .	23	
Итого. .	393	Которыя всѣ можно проѣхать на колесахъ.
18. Выс. Любовный.	$28^1/_2$	
19. Узунъ-агачъ . .	27	
20. Кастекъ	27	
21. Тарганская. . .	33	
22. Отарская. . . .	$30^1/_2$	
23. Курдайская. . .	$32^1/_2$	
24. Сагатинская . .	30	
25. Константиновская	23	
26. Пишпекъ. . . .	$22^3/_4$	Переправа черезъ Чу.
27. Сукулукъ. . . .	$23^1/_2$	Подгорною полосою, гдѣ много рѣчекъ, болотистыхъ руслъ (кара-су) и овраговъ.
28. Аксу	$13^3/_4$	
29. Карабалты . . .	19	
30. Чалдыварь . . .	29	
31. Мерке	$22^1/_2$	
32. Тарты	$34^1/_2$	
33. Кумарыкъ . . .	$22^3/_4$	
34. Акиръ-тюбе . .	29	
35. Учъ-булакъ. . .	30	
36. Аулье-ата. . . .	24	
Итого. .	$502^1/_2$	Почтовою дорогою.
37. Куюкъ	30	Переправа черезъ Таласъ.
38. Терсъ	20	
39. Чакпакъ	28	Перевалъ.
40. Тюлькуба. . . .	28	Поперегъ многихъ рѣчекъ и овраговъ.
41. Машатъ	30	
42. Манкентъ . . .	12	
43. Чемкентъ. . . .	25	
Итого. .	173	
44. Бурджаръ. . . .	14	
45. Арысь	20	Переправа черезъ Арысь.
46. Богунь	30	
47. Акъ-моллы . . .	30	

		Вер.	
48.	Ногай-кура . .	17	
49.	Иканъ	19	
50.	Туркестанъ. . .	22	
	Итого. .	152	
51.	Косъ-Мизгилъ .	20	
52.	Сауранъ	28	
53.	Арасатъ	35	Вдоль по Сыръ-Дарьѣ, степью.
54.	Яны-курганъ . .	35$^1/_2$	
55.	Тюмень-арыкъ .	19	
56.	Джатакталъ. . .	25	
57.	Мишеули	25	
58.	Джулекъ	25	
59.	Тартугай	30	
60.	Динарты-кумъ .	25	
61.	Джарты-кумъ. .	25	
62.	Берказанъ . . .	18	
63.	Берубай	16	
64.	Перовскъ. . . .	20	
	Итого. .	346$^1/_2$	
65.	Дмитріевская . .	23$^3/_4$	
66.	Петровская. . .	26$^1/_4$	Сѣвернѣе камышей и разливъ Сыръ-дарьи, степью.
67.	Семеновская . .	20$^1/_2$	
68.	Александровская	23$^3/_4$	
69.	Владимірская. .	24$^1/_4$	
70.	Федоровская . .	19	
71.	Викторовская. .	20	
72.	Кармакчи (№ 2)	22	
73.	Хоръ-хутъ . . .	18	Вдоль по Сыръ-дарьѣ.
74.	Кара-тугай . . .	20	
75.	Ильчибай. . . .	26	
76.	Акъ-джаръ . . .	24	
77.	Акъ-суатъ . . .	22	
78.	Майлибашъ. . .	32	
79.	Басъ-кара . . .	22	
80.	Казалинскъ. . .	18	
	Итого. .	391$^1/_2$	
	А всего . . .	1928$^1/_2$	

VI. Отъ Кульджи до Пишпека чрезъ Иссыкъ-куль.

	Вер.	
1—4. Сел. Кетмень	107	См. маршрутъ № V.
5. Чалкады-су	42	Черезъ перевалъ Кетмень.
6. Карагайлы	19	Долиною.
7. Чйбиты-булакъ	24	
8. Р. Кегень	20	
9. Большая Каркара	26	
10. Малая Каркара	17	
11. Р. Тупъ	25	Черезъ перевалъ Санташъ.
12. Преображенское	30	По р. Тупу.
13. Уйталъ	40	По сѣверному берегу Иссыкъ-куля.
14. Кунгей-Аксу	32	
15. Чулпанъ-ата	33	
16. Чирпиксная	27	
17. Турайгырская	22	
18. Кутемалдинская	17	
19. Кокъ-мойнакъ	27	Буамское ущелье.
20. Джель-арыкъ	27	
21. Карабулакъ	30	Подгорною долиною Чу.
22. Токмакъ	34	
23. Иссыгаты	28	
24. Пишпекъ	23	
Итого	650	Начиная съ 12 стц., по почтовой дорогѣ.

VII. Изъ Аулье-ата въ Коканъ.

Трудная вьючная дорога чрезъ горы.

1. Учъ-курганъ	25	8. Г. Намангавъ	20
2. Прох. Кара-бура	40	9. Тюря-курганъ	12
3. Р. Чирчикъ	35	10. Сангъ	33
4. Куры-Чанышъ	30	11. Султанъ баядъ	21
5. Прох. Чанышъ	25	12 Коканъ	20
6. Акъ-ташъ	25		
7. Иски-абадъ	13,	Итого	299

Отъ деревни Иски-абадъ до Кокана караваны уже идутъ Ферганской равниной и у Санга переправляются черезъ Сыръ-дарью, послѣ чего приходится около 20 в. идти песками.

VIII. Изъ Чимкента въ Самаркандъ.

Чимкентъ, на дорогѣ изъ Туркестана въ Аулье-ата, маршр. № V.

		Вер.	
1.	Акъ-ташъ. . .	$14^3/_4$	
2.	Беглеръ-бекъ .	15	
3.	Шараихан . . .	$21^1/_4$	
4.	Джери.	14	
5.	Анъ-джаръ . .	$16^1/_4$	
6.	Купланъ-бекъ .	15	
7.	Ташкентъ . . .	$18^1/_2$	
	Итого. .	$114^3/_4$	
8.	Ніазбашъ. . . .	$19^3/_4$	
9.	См. Ташкентская	22	
10.	Чиназъ	22	
11.	Малекская . . .	17	Переправа чрезъ Сыръ-Дарью.
12.	Мурза рабатъ. .	$33^3/_4$	Ровною, почти безплодною степью.
13.	Агачлыкъ. . . .	$29^3/_4$	
14.	Учъ-тюбе . . .	20	
15.	Джизакъ	14	
	Итого. .	$179^1/_4$	
16.	Яны-курганъ . .	$23^1/_4$	Ущельемъ.
17.	Сарайлыкъ . . .	$15^3/_4$	
18.	Каменный мостъ	$15^3/_4$	
19.	Джимбай	$19^3/_4$	
20.	Самаркандъ . .	$19^3/_4$	
	Итого .	$94^1/_4$	

А всего . . . $388^1/_4$ вер. по почтовой дорогѣ.

IX. Изъ Ташкента въ Наманганъ.

1.	Кельаучи.	52	6.	Орумъ-сарамъ	24
2.	Теляу	30	7.	Шаганъ	24
3.	Камъ-рабатъ	25	8.	Чусъ.	32
4.	Шайданъ.	22	9.	Тюре-курганъ	20
5.	Акъ-джаръ.	32	10.	Наманганъ.	12

Итого 273 версты хорошей караванной дороги, годной для ѣзды на колесахъ.

X. Изъ Ташкента въ Кокан.

		Вер.			Вер.
1.	Куйлюкъ	12	6.	Чильмахрамъ	32
2.	Той-тюбе	22	7.	Байбуты	32
3.	Кельаучи	18	8.	Коканъ	8
4.	Теляу	30		Итого	210
5.	Мулла-миръ	56			

Переправы на паромахъ: у Куйлюка чрезъ Чирчикъ и у Чильмахрама чрезъ Сыръ-дарью.

XI. Изъ Ташкента въ Ходжентъ.

Дорога почтовая, по населенной странѣ.

1.	Карасу	$34^1/_2$	5.	Мурзарабатъ	30
2.	Пскентъ	18	6.	Ходжентъ	24
3.	Уральская	26		Итого	170
4.	Джамбулакъ	36			

XII. Изъ Оша въ Джизакъ.

Большой караванный путь по Ферганѣ, удобный для ѣзды на колесахъ

	Отъ.		8.	Каракчикумъ	24
1.	Ассаке	60	9.	Ходжентъ	32
2.	Кокандъ	22		Итого	112
3	Маргиланъ	23	10.	Нау	25
4.	Риштанъ	27	11.	Ура-тюбе	40
5.	Коканъ	36	12.	Саватъ	32
	Итого	168	13.	Зааминъ	25
			14.	Джизакъ	55
6.	Бишъ-арыкъ	32		Итого	177
7.	Канибадамъ	24		А всего	457

Отъ Ходжента до Джизака дорога весьма удобная для экипажей.

XIII. Отъ Самарканда до Бухары.

Долиною по лѣвой сторонѣ Зерафшана.

	Вер.		Вер.
Самаркандъ.		6. Мяликъ	18
1. Даулъ	22	7. Бустанъ.	28
2. Чимбай	21½	8. Куюкъ-мазаръ.	25
3. Г. Катты-курганъ	22½	9. Бухара	29
4. Кала-и-давусъ.	30		
5. Г. Кермине	35	Итого .	225

XIV. Отъ Самарканда до Карши.

Караванная дорога по холмистой мѣстности, гдѣ нѣтъ ручьевъ, но много обильныхъ водою колодцевъ.

1. Въ Міанкальской долинѣ.	30	5. Кунгуръ-тау	15
2. Джамъ	40	6. Карши.	17
3. Шуръ-кудукъ	29		
4. Кара-тегинъ	12	Итого .	133

XV. Отъ Бухары до Бельджуана.

1. Коганъ	8	15. Дарванъ.	16
2. Мамо-джургаты	16	16. Байсунъ.	24
3. Караулъ-тепе	16	17. Калюкъ	36
4. Какыръ	24	18. Миршадъ	16
5. Ходжа-Муборакъ	20	19. Дихнау	24
6. Бузургъ-Сербаба.	24	20 Дашнаватъ	23
7. Пидна	12	21. Ригаръ	20
8. Карши.	16	22. Гиссаръ	24
Итого .	134	23. Демамбе.	26
9. Янкентъ.	20	24. Фейзабадъ	15
10. Гузаръ.	24	25. Коракъ	32
11. Биби-карагачъ	24	26. Дюртъ-куль	24
12. Чамкая	35	27. Конгуртъ	24
13. Габзанъ	12	28. Бельджуанъ	40
14. Арбатъ	10	Всего .	603

XVI. Изъ Бухары въ Балхъ.

	Вер.
1. Карши	134
2. Кара-тепе	24
3. Киркинджикъ	24
4. Кызъ-кудукъ	32
5. Шуръ-кудукъ	32
6. Иракбитанъ	15
7. Ходжа-сала	17
8. Сирдаба	20
9. Фарахабадъ	22
10. Чучакъ	} 80
11. Балхъ	
Итого	400

XVII. Изъ Бухары въ Маймене.

1. Хошъ-робатъ	
2. Шаха	
3. Каратинде	
4. Кирки (Аму-дарья)	180
5. Акча	
6. Андхуй	145
7. Хоръ-абатъ	
8. Кагдыфъ-кала	
9. Маймене	130
Итого	455

XVIII. Изъ Бухары въ Мервъ.

1. Шаръ-исламъ	24
2. Каракуль	32
3. Арданъ	36
4. Денгизъ	28
5. Чарджуй (Аму-дарья)	32
6. Куттаминаръ	30
7. Ширкъ-рабатъ	30
8. Балгуи	25
9. Низаšеръ	60
10. Калча	30
11. Мервь	40
Итого	367

XIX. Дорога по Бактріянѣ.

1. Андхуй отъ Маймене	130
2. Акча	
3. Чучакъ	
4. Тахтапуль	150
5. Мезаръ	
6. Кохрабашъ	
7. Хулумъ	70
8. Абданъ	
9. Кундузъ	48
10. Халабадъ	19
11. Талиханъ	28
12. Гирдабъ	$22\frac{1}{2}$
13. Рустакъ	16
14. Алкасимъ	13
15. Атамъ-ялъ	$22\frac{1}{2}$
16. Чхардурра	17
17. Фейзабадъ (Бадакшанъ)	12
Итого	548

Дорога эта извѣстна по даннымъ Борнса, Вуда и „Мирзы“.

XX. Изъ Кокана въ Кашгаръ.

Ошъ во 168 вер. отъ Кокана по маршруту № XII; отъ него извѣстны по распросамъ три слѣдующіе маршрута въ ташахъ или фарсангахъ, ведущіе очевидно по одной дорогѣ, кромѣ одного мѣста.

	Вер.
Мады	$1\frac{1}{2}$
Кабланъ-колъ	$3\frac{1}{2}$
Гульша	2
Кызылъ-курганъ	4
Софу-курганъ	3
Джердай	3
Терекъ-даванъ	2
Акъ-суюкъ	3
Кокъ-су	3
Егизекъ	4
Тогой-баша	3
Джигинъ	4
Мынъ-Туръ	2
Романъ-кулъ	$2\frac{1}{2}$
Ястыкечу	$2\frac{1}{2}$
Окъ-салахъ	5
Шохъ-булакъ	3
Канжигалы	3
Минъ-жолъ	3
Кашгаръ	5
Итого	63

	Вер.
Лянгеръ	3
Кабланъ-колъ	4
Гульша	4
Кызылъ курганъ	4
Софу-кораулъ	3
Сурфа	3
Терекъ-даванъ	$2\frac{1}{2}$
Саратъ	3
Арсъ-суюкъ	3
Тогой-тобе	3
Джигинъ	4
Нагари-чалуа	4
Корганъ	3
Сыры-кечекъ	3
Коргашинъ-канъ	3
Конджи-галы	5
Мынъ-жолъ	5
Кашгаръ	5
Итого	$64\frac{1}{2}$

	Вер.
Мады	2
Кабланъ-колъ	4
Гульша	3
Кызылъ-курганъ	3
Софу-караулъ	3
Шартъ (гора)	3
Алей	3
Аналма	3
Тогой-боры	4
Терекъ-даванъ	3
Албъ-суюкъ	2
Егизекъ	3
Коруанъ-колъ	3
Джигинъ	4
Корганъ	$3\frac{1}{2}$
Ястыкечу	2
Окъ-сарахъ	5
Шоръ-булакъ	3
Канжи-галы	3
Мынъ-гжолъ	$2\frac{1}{2}$
Караулъ-Кыта	$3\frac{1}{2}$
Кашгаръ	5
Итого	$70\frac{1}{2}$

На всей дорогѣ нѣтъ осѣдлостей, и караваны останавливаются подъ открытымъ небомъ, гдѣ удобнѣе, т. е. при ручьяхъ и ключахъ. За Софу-карауломъ гористая мѣстность вынуждаетъ иногда на объѣзды.

XXI. Изъ Кокана въ Кулябъ.

Распросныя свѣдѣнія. Дорога гористая, вьючная.

1. Коканъ.
2. Сары-курганъ.
3. Риштанъ.

} Въ коканскихъ владѣніяхъ.

4. Фейзабадъ.
5. Ярмазаръ.
6. Аваль.

} Въ коканскихъ владѣніяхъ.

7. Учъ-курганъ.	Въ коканскихъ владѣніяхъ.	
8. Лангаръ.		
9. Кокъ-су.		
10. Карамукъ.		
11. Ширгатанъ.		
12. Пильданъ.	Каратегинъ.	
13. Соккау.		
14. Лангаръ-ша.		
15. Пере-шахъ-кендъ.		
16. Чивальдаръ.		
17. Талбаръ.	Дарвазъ?	
18. Зиббакъ.		
19. Акъ-су.		
20. Хвалинъ.	Кулябъ.	
21. Ханабадъ.		
22. Кулябъ.		

XXII. Изъ Джизака въ Хиву.

	Вер.	
1. Клы	12	Дорога колесная; слѣва горы.
2. Д. Нуска	33	
3. Д. Учъ-ма	35	Дорога хорошая; 4 мелкія рѣчки.
4. Д. Фаришъ	16	Дорога камениста.
5. Д. Селибашъ	18	Очень каменистыми предгорьями.
6. Д. Темиръ-кабукъ	24	Очень неудобная для повозокъ дорога.
7. Кол. Балта-салдыръ	26	Травы мало, но топливо есть.
8. Кол. Бишъ-байги	32	Трудно, по пескамъ; воды и топлива на ночлегѣ много.
9. Бай-манъ-тапты	26	Равнина, нѣск. песковъ; много хорошей воды но кормъ за 3 версты.
10. Кол. Масчи	19½	Дорога ровная, нѣсколько песчанная; вода порядочная, корму и топлива много.
11. Кол. Аякъ	15	Дорога волнистая, но твердая, вода прѣсная; кормъ и топливо есть.
12. Кол. Аристанъ бель кудукъ	25	Безплодная, волнистая и песчаная мѣстность; вода хорошая.
13. Кол. Манатъ джамъ	23	Перевалъ черезъ хребетъ Арсланъ.
14. Кол. Киндерли	14½	
15. Кол. Каракъ-ата	8	Много воды.
16. Кол. Чуркъ-кудукъ	30½	
17. Султанъ-биби	40	
18. Учъ-кудукъ	17½	
19. Джангильды	26	
20. Хала-ата	15½	

	Вер.	
21. Кол. Адамъ Кри-лганъ	28	Пески Анъ-Кумъ.
22. Учъ-чучакъ	48	На Аму-дарьѣ.
23. Ишке-яръ	20	Вдоль Аму-дарьи.
24. Манекли	20	
25. Шураханъ	76	У переправы.
26. Г. Ханки	30	
27. Г. Хива	50	
Итого	708	

Войска могутъ сдѣлать въ 70 дней. Дорогой этой шелъ Туркестанскій отрядъ въ 1873 году.

XXIV. Отъ Перовска на Иркибай.

Плохая песчаная дорога безъ кормовъ, вдоль по Яны-дарьѣ. Длина до 350 верстъ.

1. Арыкъ Кокъ-узякъ.
2. Буке.
3. Мульке.
4. Иргулъ.
5. Кокъ-Чунгулъ.
6. Чаюкъ.
7. Кумъ-Чунгулъ.
8. Тасъ-Нура.
9. Сары-Чеганакъ.
10. Кокъ-Чунгулъ.
11. Акыръ.
12. Кара-уткуль.
13. Иркибай.

XXV. Отъ Казалинска до Бухары.

1. Оз. Алимбай . . 15
2. Кол. Утабасъ . . 18
3. Кол Ирбай . . . 30
4. Кол. Джапбага . 18
5. Ур. Сары-булакъ 18
6. Кол. Манасъ . . 25
7. Ур. Дчаманъ-чаганокъ 14
8. Кол. Кжара-муй 23
9. Кол. Уширъ-казганъ 46
10. Ур. Иркибай 26
11. Г. Зангаръ-тюбе . . . 10
12. Кизылъ-какъ 45
13. У под. Буканъ.
14. Юзъ-кудукъ.
15. Коп. Кокпанташъ.
16. › Танжарыкъ.
17. › Тюменбай.
18. › Киндерли.
19. › Джусалы-сай.
20. › Кизылъ-какъ.

21. Назаръ бай.
22. Касаталъ.
23. Базаръ Сары-булъ.
24. Городъ Бухара.

Путь пройденный въ 1858 г. Игнатьевымъ, вообще бѣдный водой, кормами и топливомъ, длиною примѣрно 700 верстъ.

XXVI. Отъ Казалинска въ Хиву.

а) Путь, предполагавшійся въ 1872 году для похода въ Хиву.

1—12.	До колодца Кизылъ-какъ 318 в. по предыдущему маршруту.		
13.	Кол. Боккале . . .	43	Есть съемка.
14.	» Басъ-кара . .	$38^1/_2$	
15.	» Минъ-булакъ	$19^1/_2$	
16.	» Бисенты-булакъ	20	Съ распросовъ.
17.	» Буза-бай . . .	20	
18.	» Косай	30	
19.	» Сары-булакъ.	30	
20.	» Шураханъ . .	80	У переправы черезъ Аму-Дарью.
21.	» Хива	80	
	Итого . .	679	

b) Путь Никифорова.

		Вер.
1.	Кол. на лѣвой сторонѣ Сыръ-дарьи	14
2.	Канава	38
3.	Оз. Кара-куль.	20
4.	Укр. Бишъ-кала. . . .	9
5.	Прот. Джиль-куванъ . .	16
6.	Р. Куванъ-дарья	16
7.	„ „	33
8.	„ „	40
9.	„ „	37
10.	Джаманъ-чаганакъ . . .	38
11.	Коп. Сай-кудукъ	21
12.	Коп. Аиръ-тау	6
13.	Колод. Кара-батырь. . .	25
14.	Копи Бель-кудукъ . .	36
15.	Укр. Худояръ	$32^1/_2$
16.	Колод. Зангаръ. . . .	18
17.	Колод. Алты-кудукъ .	29
18.	Въ степи	$32^1/_2$
19.	Кол. Кокъ-тюбя . . .	44
20.	Оз. Камышлы-башъ. .	39
21.	„ „ . .	19
22.	Оз. Дау-кара	19
23.	Дол. Аму-дарьи. . . .	68
24.	Городъ Кипчакъ . . .	5
25.	„ Хива	100
	Итого. .	758

c) Путь Муравина.

	Вер.	
1. Джанкентъ, отъ Газалинска	32	
2. Озерко южнѣе Сыръдарьи	23	
3. Руч. Адамъ-ата системы Куванъ-дарьи	26	Озерцо песч. бугры.
4. Куванъ-дарья	27	Безлѣсье; мѣстами камыши и даже пашни.
5. Оз. Зынгылъ-куль	21 1/2	
6. Оз. Ачи-куль	37	
7. Зал. Акъ-джаръ	21	У моря.
8. Другое оз. Ачи-куль	100	Съ вонючей водой. Дорога по бугристые пески:
9. Черчи-тау (въ сторонѣ).	36	
10. Акъ-тау	13	
11. Гран. Аральскаго влад.	20	(Въ 1741 г.).
12. Оз. Сарты-куль	18	
13. Оз. Маглатъ	25 1/2	
14. У рѣки Узень-дарьи	20	Дорога между озерковъ.
15. Первая деревня на Узеньдарьѣ	20	По лѣвую сторону рѣки.
16. Укр. городокъ Шахтемиръ	24 1/2	Арыки и камыши.
17. Укрѣпленіе Нуркусъ	28	По населенной равнинѣ.
18. Укр. на Улу-дарьѣ	25	Тоже.
19. На р. Кулябіи притокѣ Улу-дарьи	22 1/2	Граница Хивинск. влад.
20. На Улу-дарьѣ	21 1/2	Камышъ и песч. бугры.
21. Устье Н. Рускулла	25 1/2	Низменность, по напр. бер. рѣки гора Чолпакъ.
22. Ну р. Улу-дарьѣ	23	
23. Городъ Визирь	23	При озерѣ.
24. Г. Кяхта (Китай)	19	Черезъ Аму-дарью и г. Гурленъ.
25. Между Шахабатомъ и Хивой	28	Песчаные бугры.
26. Г. Хива	25	
Итого	691	

XXVI От Оренбурга до Хивы.

Бывшее Эмбенское укрѣпленіе въ 452 в. отъ Оренбурга и въ 30 верстахъ отъ теперешняго Эмбенскаго поста. Отсюда:

1. Р. Аты-Джаксы	22	Кормъ плохой.
2. Р. Джаинды	31	Корму мало.
3. У горы Намазъ-тау	23	Корму очень мало.
4. Пройдя гору Карачетау.	36	
5. Р. Чеганъ, противъ горы Ходжи-Бергена	28	Чеганъ течетъ плесами; кормъ порядочный.
6. Р. Чеганъ.	26	
7. Родн. Асю-Тасты	26	Послѣ подъема на Усть-Уртъ, удобнаго для телѣгъ.
8. Копани Соръ-кудукъ	40	Воды довольно; корму мало.
9. Уроч. Тюбя-кудукъ	39	Воды въ колодцѣ достаточно; кормы порядочные.
10. Пески Исенъ-чагылъ	15	
11. Ур. Каска-Джуль	36	Копани подъ чинкомъ; спускъ удобный.
12. Родн. Акты-кенды	58	Спускъ къ роднику неудобенъ; корму почти нѣтъ.
13. Родн. Акъ-булакъ	35	Два удобные спуска къ водѣ, но корму нѣтъ.
14. Разв. укр. Давлетъ-Гирей	42	Спускъ къ водѣ крутъ, но за то на берегу Аральскаго моря есть кормъ.
15. Родн. Каска	50	Спускъ удобенъ; корму очень мало.
16. Ур. Аджибай-Аксуатъ	40	Спускъ удобенъ; вода въ самомъ морѣ почти прѣсная, но корму нѣтъ.
17. Ур. Кара-Гумбетъ	34	Спускъ удобенъ, вода въ озерѣ Айбугиръ прѣсная; но корму мало.
18—21. Четыре перехода по западной сторонѣ озера Айбугира до залива Акъ-Чеганака	111	Вода прѣсная; но корму нѣтъ.
22. Подъ спускомъ Айбугиръ	28	По странѣ съ осѣдлымъ населеніемъ.
23. Быв. укр. Кызъ-кала	38	
24. Г. Куня-Ургенчъ	28	

	Вер.	
25. Ханскій домъ Чербакъ .	38	По странѣ съ осѣдлымъ населеніемъ.
26. Г. Ильялы.	30	
27. Г. Ташаусъ	28	
28. Г. Амбаръ	19	
29. Г. Шахъ-абадъ	14	
30. Г. Хива.	22	

Итого 843 в. въ 30 переходовъ.

А отъ Оренбурга 1395 в., около 52 переходовъ.

XXVII. Отъ укр. Ново-Александровскаго въ Хиву.

Дорога Турпаева, сомнительной достовѣрности. Укрѣпленіе Ново-Александровское болѣе не существуетъ.

1. Колодезь Чонгола. . . .	25	Глубина колодца 17 махов. саж.; вода прѣсная.
2. Кол. Эчкю-Кырганъ. . . (Ишке-кырганъ).	20	Четыре колодца такой же глубины; вода прѣсная въ изобиліи.
3. Кол. Бешъ-Чингровъ . .	35	Глубина 20 махов. саж.; есть каменныя колоды для водопоя.
4. Кол. Артагали	50	Глубина 23 саж.; воды меньше и она солоновата.
5. Кол. Акъ-Куругъ	35	Глубина 12 саж., вода прѣсная.
6. Кол. Джангысъ-Чинграу.	35	Глубина 12 саж., вода прѣсная.
7. Кол. Кошъ-Ата	65	Глубина 12 саж., вода прѣсная.
8. Кол. Табынъ-су.	85	Глубина 15 саж., вода прѣсная; отсюда ей запасаются.
9. Айбугиръ	85	Саксауловый лѣсъ почти отъ самаго Табынъ-су. Караваны проходятъ это пространство въ 3—4 дня.
10. Куня-Ургенчъ.	60	Спускъ съ высокаго и крутаго чинка и потомъ низменностью, гдѣ много кочевокъ.
11. Ташгаузъ	65	Степь и мѣста воздѣланныя вдоль арыковъ.
12. Хива	55	Черезъ мѣста населенныя.
Итого. .	615	Дорога вообще трудная, особенно отъ кол. Акъ-куругъ до К. Ургенча.

XXVIII. Мангышлакская караванная дорога въ Хиву.

Фортъ Александровскій, у Каспійскаго моря.

1. Колод. Канга	38	Почва по дорогѣ каменистая; справа и слѣва горы, въ которыхъ есть лѣсъ и пастбища.
2. Кол. Баки-кудукъ. . . .	140 *)	Почва твердая и холмистая, кормы хорошіе, вода въ придорожныхъ колодцахъ на глубинѣ до 3 саж., вдоль дороги встрѣчается кустарникъ.
3. Кол. Буръ-кудукъ. . . .	45 **)	Песчаная равнина; колодцы глубиною 5 саж., травы хороши. Отсюда начинаетъ встрѣчаться саксаулъ.
4. Кол. Сенгекъ (Бишь-оглу).	45	Дорога ровная и песчаная. Хорошая вода на глубинѣ 2—3 саж. Травы хороши; саксаулу много.
5. Кол. Сай-кудукъ	60	Два дни пути, съ водою изъ Сенгека. Почва известковая, травы недурны, саксаулу довольно.
6. Кол. Каракынъ	50	Дорога каменистая и гористая; воды по пути нѣтъ; топливо кизякъ; на ночлегѣ вода соленая.
7. Кол. Ильте-идже	110	Подъемъ на гору Кара-дагъ, высокую и крутую, потомъ совершенная равнина, гдѣ колодцы, съ хорошею впрочемъ водою, лежатъ по сторонамъ отъ дороги, въ 5 — 10 верстахъ, и на глубинѣ 20 и болѣе саженъ. Почва твердая; травы не дурны; саксаулъ есть.

*) По съемкѣ Иванина на этомъ пространствѣ значутся: колодезь Киттынъ, мог. Бактыгильды, мог. Кенышбай съ сосѣдн. кол. Бурдюгенъ, кол. Кагеинъ и кол. Карманъ-ата, о качествахъ которыхъ однако свѣдѣній нѣтъ.

**) Въ промежуткѣ кол. Соугатъ-аще, на 9-й верстѣ отъ Баки или Бексудука.

	Вер.	
8. Кол. Табынъ-су	100	Вода на весь путь изъ Ильтеидже; на дорогѣ же ея вовсе нѣтъ. Почва твердая и мѣстами каменистая. Травы и саксаулъ встрѣчаются, но кочевокъ въ этихъ мѣстностяхъ не бываетъ никогда.
9. Айбугиръ	85	См. выше маршрутъ XXVII.
10. Хива	180	
Итого. .	853	

XXIX. Отъ залива Кендерлинскаго къ Куня-Ургенчу.

a) *Сѣверная* дорога, мимо горы *Карашекъ*, близъ которой выходитъ на Мангышлакскую дорогу. Путь маловодный. До Куня-Ургенча 630 верстъ.

b) *Южная*, мимо родника *Думбай*, горы *Сулу-дюрдюль*, колодца *Чулакъ-ташъ* къ роднику Киндерли (169 в.), откуда

1. Кол. Тишикъ-тамъ . . .	34	Съ дурною водой.
2. — Черкезле	21	
3. — Думбай	17	
4. — Родн. Илте-идже .	32	
	104 в.	

Отсюда по Мангышлакской дорогѣ черезъ Табынъ-су, по маршруту № XXVIII, 245 верстъ до Куня-Ургенча и 365 верстъ до Хивы.

XXX. Изъ Красноводска въ Куня Ургенчъ *).

1. Кол. Янгуджа . .	$33^3/_4$	Глубиною $16^1/_2$ фут.; вода горько-соленая.
2. » Касынъ . . .	$16^3/_4$	Глуб. 175 ф., вода хорошая.
3. » Сюйчи	$25^1/_4$	Глуб. 133 ф.; вода солоноватая.
4. » Кошоба . . .	$40^3/_4$	Прѣсный родникъ.

*) Это одна изъ многихъ дорогъ изъ Красноводска въ Хивинское ханство, кратчайшая изъ всѣхъ. Не приводимъ другихъ по малой пригодности ихъ.

	Вер.	
5. Кол. Гезли-ата . .	23	Глуб. 14 ф., вода солоноватая.
6. » Бульмудзиръ.	47	Яма съ дождевою водою.
7. » Огламышъ . .	24 1/4	64 фута глуб., вода горьковатая.
8. Родн. Доунгра . .	28	Соленый родникъ; въ 6 1/2 вер. прѣс. кол. Чагылъ.
9. Кол. Кумъ-Себшенъ	58	Глуб. 63 ф., прѣсный.
10. » Казахлы . . .	34 1/2	Глуб. 12 ф., горьковатая вода.
11. » Узунъ-кую . .	53	Глуб. 103 ф., вода прѣсная. въ бол. количествѣ.
12. » Аджи-куюсы	73	Глуб. 1 ф., вода соленая.
13. » Сары-камышъ	24 1/4	Глуб. 12 ф., прѣсный.
14. » Декча	18	Глуб. 1 ф., вода прѣсная.
15. Гор. Куня Ургенчь . . .	105	Степью, гдѣ есть колодцы, а подъ конецъ начинаютъ попадаться кустарники.
Итого	708 1/2	Весьма трудной дороги, имѣющей впрочемъ по большей части твердую почву (№ 1—13).

XXXI. Отъ Красноводска до Игдовъ.

Путь идетъ 100 в. вдоль Балханскаго залива и потомъ вдоль стараго русла Аму-дарьи, около котораго много песковъ.

1. Кол. Куртъ-куясы . . .	42	12. Кол. Эсханъ	13 1/2
2. » Белекъ	40	13. » Топіатанъ . . .	14 1/4
3. Ур. Мулла-Кари . . .	45	14. » Декча	11
4. Кол. Кутолъ.	15	11. » Бургунъ	15 1/2
5. » Тагиръ	15 1/2	16. Оз. Джамала	14 1/2
6. » Кара-Ишанъ . . .	10 1/2	17. Кол. Халомбежи. . .	16
7. » Тандерли.	20	18. » Яныджа	33
8. » Алты-кую	14	19. » Игды	14
9. » Бууруджи	19		
10. » Дзоурюкъ	13 1/2	Итого	353 1/2

XXXII. Отъ Красноводска до Беурмы.

1—5. Мулла-кари	127	По предъидущему маршруту.
6. Кол. Кутулъ	17	

		Вер.	
7.	Кол. Корп-Гишемъ . . .	28	
8.	— Айдинъ	26	На лѣвой сторонѣ бывшаго русла Аму-дарьи, которое тутъ занесено песками.
9.	Безводный ночлегъ . . .	28	
10.	Безводный ночлегъ . . .	23	
11.	Кол. Кезанджикъ	15	Подгорная степь.
12.	Ключъ Урунъ-су	16	
13.	Кол. Уйсокъ.	28	
14.	Безвод. канава Аджидже.	16	
15.	Укр. Кизылъ-Арватъ . .	16	
16.	— Кодшъ	33	
17.	— Кизылъ-чешме . . .	12	
18.	— Беурма	15	
	Итого. .	400 в.	

XXXIII. Отъ Астрабата до Герата.

1.	Г. Астрабатъ	45
2.	Шваркила	28
3.	Фендериксъ	17
4.	Писсерукъ.	40
5.	Шахъ-абадъ	63
6.	Симулганъ	60
7.	Гейдеръ-абадъ.	20
8.	Городъ Буджнурдъ . . .	26
	Итого. .	299
9.	Городъ Ширванъ	46
10.	Дунпъ.	27
11.	Городъ Кабушанъ. . . .	30
	Итого. .	103
12.	Бекназиръ.	37
13.	Сейданъ.	23
14.	Развалины Туса	57
15.	Гор. Мешхедъ.	25
	Итого .	142
16.	Кехризъ-деме	33
17.	Калянтаръ-абадъ	38
18.	Абдалъ-абадъ	26
19.	Турбети-Шейхъ-Джеми .	37
20.	Аббасъ-абадъ	33
21.	Кехризъ.	20
22.	Кусанъ	40
23.	Шевешъ.	19
24.	Гурьянъ.	28
25.	Шикиванъ.	21
26.	Городъ Гератъ	32
	Итого .	327
	А всего. . .	871

IV. Замѣтка объ этнографической картѣ Азіатской Россіи.

Въ особой запискѣ „О комплектованіи войскъ въ Азіатской Россіи“ приводятся данныя о численности русско-азіатскихъ инородцевъ и частію о мѣстахъ жительства ихъ. Этнографическая же карта имѣетъ цѣлію наглядно представить именно эти мѣста жительства и потомъ показываетъ: 1) какъ разселились по степямъ и по Сибири русскіе колонисты, мало-по-малу обратившіе одну часть послѣдней страны въ совершенно русскую, гдѣ инородцевъ нѣтъ совсѣмъ или очень мало, а въ остальныхъ занявшіе важнѣйшіе естественные пути и экономическіе центры, 2) какія именно инородческія племена находятся въ тѣснѣйшемъ сближеніи съ русскими по мѣсту своего жительства и слѣд. наиболѣе обрусѣли или, по крайней мѣрѣ, ознакомились съ русскою жизнію.

Данныя для составленія карты черпались изъ слѣдующихъ источниковъ:

1. *Миллеръ:* Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ. 1775 — 77.

2. *Георги:* Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ. 1799.

3. Разныя статьи изъ „Сибирскаго Вѣстника“ *Спасскаго*, 1820-хъ годовъ.

5. *Castren*: Этнологическія изслѣдованія объ Алтайскихъ народахъ, и статьи о Самоѣдахъ и Остякахъ въ Этнографическомъ Сборникѣ, изд. Рус. Геогр. Общ.

5. *Гагемейстеръ:* Статистическое описаніе Сибири.

6. *Завалишинъ:* Описаніе Западной Сибири.

7. Памятныя книжки губерній Тобольской, Иркутской и др., разныхъ годовъ.

8. Списки населенныхъ мѣстъ губерній Тобольской, Томской и Енисейской. Это важнѣйшее для этнографіи изданіе доселѣ касается только названныхъ трехъ губерній Азіатской Россіи.

9. Поэтому для Иркутской губерніи пришлось употребить въ дѣло статью г. *Чудовскаго* объ этнографіи этой губерніи, въ Зап. Сиб. Отд. Р. Г. О.

10. Распространеніе инородцевъ Забайкалья и Амурскаго края показано на основаніи моихъ личныхъ изысканій, произведенныхъ въ 1857 — 58 г., и трудовъ Ровинскаго, Пржевальскаго и коммиссіи генералъ-адъютанта Сколкова.

11. При начертаніи районовъ сѣверныхъ бродячихъ инородцевъ, по недостатку точныхъ данныхъ о границахъ ихъ разселенія, я предпочелъ обчертить ихъ прямыми линіями весьма грубой приблизительности, придерживаясь данныхъ, находящихся въ Геогр. Словарѣ Рос. Имперіи.

12. Туркестанскій Ежегодникъ 1872 послужилъ основаніемъ для карты Туркестанскаго генералъ-губернаторства, а сочиненія Мейера, Красовскаго и др. для киргизскихъ степей. Степныя укрѣпленія безъ поселковъ за этнографическіе острова не приняты.

13. Наконецъ для контролированія всѣхъ этихъ данныхъ служилъ „Статистическій Временникъ", изд. Центр. Ст. Ком. въ 1872 г.

Масштабъ карты и время, находившееся въ моемъ распоряженіи, не позволили внести многихъ мелкихъ этографическихъ острововъ, которые бы сдѣлали чертежъ очень пестрымъ. Но для общихъ военно-административныхъ цѣлей едва ли въ знаніи этихъ острововъ и представляется особая надобность. Замѣчу еще, что на картѣ Остяки Томской губерніи приравнены Остякамъ тобольскимъ, хотя, слѣдуя Кастрену, ихъ должно бы считать Самоѣдами.

V. О комплектованіи войскъ въ Азіатской Россіи.

Исторически извѣстно, что вскорѣ послѣ покоренія Сибири нѣкоторые изъ тамошнихъ иногородцевъ, напр. западо-сибирскіе татары и часть бурятъ, просили о зачисленіи ихъ въ казаки, т. е. въ единственныя тогда за Ураломъ русскія войска. Небольшой части западо-сибирскихъ татаръ это было разрѣшено; но относительно бурятъ, упорно сопротивлявшихся нашему оружію и потомъ долго бывшихъ довольно безпокойными подданными, правительство поступило иначе, и только весьма небольшая ихъ часть, въ окрестностяхъ Селенгинска, получила оружіе и строевое образованіе, но и то не ранѣе половины XIX столѣтія. Такимъ образомъ въ результатѣ вышло, что всѣ почти инородцы Азіатской Россіи, очень немалочисленные, остались внѣ обязанности нести военную службу и льготою этою пользуются до настоящаго времени.

Такое увольненіе покоренныхъ племенъ отъ самой тяжелой государственной повинности, въ то время какъ, съ увеличеніемъ арміи, та же повинность все болѣе и болѣе тяжелымъ бременемъ ложилась на саму господствующую народность, привело къ результатамъ крайне неутѣшительнымъ. Несмотря на огромныя массы русскихъ, волею или неволею перешедшихъ, въ теченіе трехъ столѣтій, за Уралъ, для водворенія въ сѣверной (*) и средней Азіи, страна эта, для охраненія своего, постоянно требовала и требуетъ доселѣ воиновъ изъ Европейской Россіи. Съ завоеваніемъ же Туркестана потребность почти удвоилась и удовлетвореніе ея приводитъ къ тому, что напр. для пополненія войскъ одной Сыръ-дарьинской области Европейская Россія должна высылать туда ежегодно болѣе 6,000,000 рублей (**) въ видѣ живой рабочей силы молодыхъ людей, не считая расхода на содержаніе ихъ подъ ружьемъ и на самую пересылку.

(*) Въ одно тридцатилѣтіе, съ 1825 по 1855 годъ, было *сослано* въ Сибирь 235,000 человѣкъ, въ то же время были и добровольные переселенцы.

(**) Производительность взрослаго простолюдина въ Россіи можно цѣнить примѣрно въ 120 р. въ годъ. Капитализируя эту сумму изъ $5^{1}/_{2}$%, получимъ, что солдатъ своею личностью представляетъ производительную силу въ 2,200 р., а 2,800 новобранцевъ, ежегодно назначаемыхъ для Сыръ-дарьинской области, составляютъ капиталъ въ 6,160,000 рублей. При 150 рубляхъ годоваго заработка эта сумма возрастетъ до 7,700,000 р.

Вотъ почему ничто такъ не желательно, при предстоящемъ введеніи общей военной повинности, какъ сдѣлать ее дѣйствительно общею для всѣхъ обитателей Азіатской Россіи, которые бы такимъ образомъ стали сами защитниками своей страны и не отрывали болѣе рабочихъ рукъ отъ европейской части имперіи, которая сама въ нихъ нуждается. Конечно, при этомъ не могутъ быть не приняты во вниманіе многія особенности туземнаго населенія русской Азіи, которыя надолго, если не навсегда, сдѣлаютъ для нѣкоторыхъ изъ инородцевъ отбываніе натуральной военной службы невозможнымъ; но, за всѣмъ тѣмъ, есть основаніе думать, что нынѣ же возможно уничтожить льготы значительной части инородцевъ и подчинить ихъ общимъ законамъ имперіи о рекрутствѣ.

Кромѣ этого источника для пополненія людьми войскъ зауральскихъ губерній и областей есть еще одинъ: привлеченіе къ рекрутской повинности тѣхъ частей собственно русскаго населенія Сибири, которыя были доселѣ свободны отъ нея или несли военную службу въ слишкомъ первобытной, несовременной формѣ. Мы разберемъ ниже оба эти источника къ пополненію сибирскихъ и туркестанскихъ войскъ людьми, а теперь посмотримъ, какъ и кѣмъ эти войска пополняются въ настоящее время, чтобы видѣть, какъ именно велика потребность въ рекрутахъ на нашихъ азіатскихъ окраинахъ.

Новобранцы сибирскихъ губерній и областей — Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, Забайкальской — всѣ безъ исключенія идутъ на пополненіе войскъ, расположенныхъ въ этихъ провинціяхъ. При этомъ крайняя малочисленность наборовъ въ Восточной Сибири заставляетъ призывать въ эту страну на службу и весь почти контингентъ Томской губерніи. Такъ въ 1872 къ 840 рекрутамъ восточно-сибирскимъ пришлось добавить 1,380 томскихъ, чтобы укомплектовать 22-тысячный корпусъ, подчиненный командующему войсками въ Иркутскѣ. Затѣмъ изъ всего числа, 4,120 чел., сибирскихъ новобранцевъ 1,900 пошли въ войска Западной Сибири. Туркестанскій же военный округъ пополнилъ свои регулярныя части сполна на счетъ Европейской Россіи, которою дано 4,416 чел. изъ губерній Оренбургской, Уфимской, Самарской, Саратовской, Нижегородской, даже изъ Польши.

Такимъ образомъ на каждые 100 человѣкъ, поступившихъ въ 1872 г. на дѣйствительную военную службу по азіатскимъ окраинамъ, намъ пришлось дать 52 человѣка изъ европейской части имперіи и только 48 изъ состава мѣстнаго населенія. Между тѣмъ, если взять общіе итоги съ одной стороны Европейской Россіи съ Привислинскимъ краемъ и Финляндіей, а съ другой Западной и Восточной Сибири, Киргизскихъ

степей и Туркестана, то слѣдовало бы ожидать, при равномѣрности раскладки и по наличному составу военныхъ силъ въ обѣихъ половинахъ имперіи, что Сибирь должна уступать часть своихъ сыновъ европейской половинѣ имперіи, какъ то и было въ началѣ настоящаго вѣка.

Замѣтимъ еще, что нѣкоторые азіатскіе военные округа не имѣютъ своихъ резервныхъ частей для образованія рекрутъ и потому получаютъ весь нужный имъ контингентъ молодыми солдатами, т. е. людьми, до нѣкоторой степени уже пріученными къ военной службѣ и испытавшими на ней свое здоровье по сю сторону Урала. Этихъ людей въ 1872 г. отправлено 1,560 чел. черезъ Западную Сибирь въ Семирѣчье и 2,880 ч. черезъ Оренбургъ въ Сыръ-дарьинскую область. Разумѣется. что для полученія 4,460 здоровыхъ молодыхъ солдатъ въ 1872 году нужно было принять на 3 — 4% болѣе рекрутъ въ 1871 году.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ числа контингентовъ, потребныхъ ежегодно для пополненія азіатскихъ войскъ, возрастутъ противъ показанныхъ здѣсь, съ уменьшеніемъ сроковъ службы, и тогда дань Европейской Россіи Туркестану и Сибири возрастетъ еще болѣе (*) и одна стоимость непроизводительной потери, которую несетъ государство при переводѣ рекрутъ въ Ташкентъ. Вѣрный, Иркутскъ и на Амуръ увеличится на многія сотни тысячъ рублей ежегодно. Чтобы оцѣнить хотя приблизительно величину этого непроизводительнаго расхода, замѣтимъ, что одна перевозка солдатъ, назначенныхъ въ Семирѣчье, на пароходахъ отъ Тюмени до Семипалатинска обходилась въ 1872 г. по 8 р. 50 к. съ человѣка; эта же часть пути не составляла и половины всей дороги солдатъ и притомъ была дешевѣйшею. Такимъ образомъ имѣется еще одинъ аргументъ въ пользу возможно большаго привлеченія къ военной службѣ въ Азіатской Россіи урожепцевъ ея самой.

Разсмотримъ же теперь оба источника, которые могутъ удовлетворять этой потребности и на которые указано выше, т. е инородцевъ и русскихъ, освобожденныхъ отъ рекрутской повинности по закону. Къ послѣднимъ принадлежатъ русскіе жители Камчатки, Якутской области, Киренскаго округа Иркутской губерніи, Туруханскаго и Богучанскаго отдѣленій Енисейскаго уѣзда, Тогурскаго отдѣла Томской губерніи и Березовскаго уѣзда Тобольской. *Инородцы* же свободны отъ военной повинности на всемъ пространствѣ Сибири, и притомъ безъ различія,

(*) Напр. въ пропорціи 10 къ 6, если считать срокъ дѣйствительной службы солдатъ въ настоящее время 10 лѣтъ, а съ 1874 г. 6 лѣтъ, при чемъ на одинъ Туркестанъ потребуется ежегодно до 7,000 новобранцевъ.

будь они бродячіе, кочевые или осѣдлые. Между тѣмъ ихъ есть въ Сибири (не считая степей) болѣе 350,000 д. муж. п., то есть 21% всего населенія этой страны, какъ видно изъ слѣдующей таблички:

Въ Амурской области	24,097
„ Енисейской губерніи	71,133
„ Забайкальской области	71,133
„ Иркутской губерніи	61,878
„ Приморской области	11,311
„ Тобольской губерніи	37,823
„ Томской губерніи	35,683
„ Якутской области	110,180
Итого . . .	353,395 (за 1867 г.)

Изъ этой цифры ни въ какомъ случаѣ не больше 85,000 приходится на самоѣдовъ, остяковъ, тунгузовъ, чукчей и другихъ *бродячихъ* инородцевъ крайняго сѣвера, которые рѣдко живутъ на однихъ мѣстахъ по нѣскольку дней и скитаются по лѣсамъ и тундрамъ небольшими партіями или даже отдѣльными семьями. Что касается до *кочевниковъ*, то, въ смыслѣ средне-азіатскихъ номадовъ-киргизовъ, таковыхъ почти нѣтъ въ Сибири и не было бы, вѣроятно, совсѣмъ, если бы у нихъ отнять преимущество самоуправленія, которое даетъ имъ законъ и котораго не имѣютъ инородцы осѣдлые. Въ самомъ дѣлѣ, буряты и минусинскіе татары, главнѣйшіе кочевники сибирскихъ губерній, переносятъ свои жилища въ крайне тѣсныхъ предѣлахъ. Всѣ онѣ имѣютъ лѣтники изъ деревянныхъ построекъ, при пашняхъ, и опредѣленныя мѣста для постановки своихъ юртъ зимою. Ихъ туземныя волостныя правленія, или такъ называемыя „степныя думы“ и „инородныя управы“ (Агинская, Хоринская, Закаменская, Селенгинская и пр.) вовсе не перемѣняютъ своихъ мѣстъ, а живутъ зимою и лѣтомъ въ постоянныхъ осѣдлостяхъ, чего бы, разумѣется, не было, если бы само населеніе переходило на дальнія разстоянія. Такимъ образомъ всю почти массу такъ-называемаго *кочеваго* населенія Сибири по справедливости можно приравнять скорѣе къ осѣдлымъ жителямъ этой страны, чѣмъ къ собственно-номадамъ, а тѣмъ болѣе къ инородцамъ бродячимъ.

Исходя изъ этого положенія и получая такимъ образомъ цифру *небродячаго* населенія въ сибирскихъ губерніяхъ за 1867 г. 268.000, а въ настоящее время 284.000 д. м. п., мы можемъ замѣтить слѣдующее о способности этого разноплеменнаго населенія къ военной службѣ.

За исключеніемъ бурятъ и отчасти сибирскихъ татаръ, всякія ополченія, составленныя изъ *однихъ инородцевъ*, будутъ постоянно ниже вся-

кой посредственности въ тактическомъ смыслѣ. Къ нимъ, по справедливости, примѣнимъ выводъ, сдѣланный въ Швеціи при образованіи полка изъ лапландцевъ. Но совершенно другое дѣло, если эти люди станутъ въ ряды *русскихъ* солдатъ, гдѣ и присмотръ за ними легче, и самый бытъ ихъ, привычки, пища, одежда быстро должны перемѣниться. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что всѣ небродячіе инородцы Сибири могутъ быть подведены подъ общіе законы о военной повинности и поступать не въ милицію, а въ войска регулярныя. Въ частности же о ихъ пригодности къ службѣ можно замѣтить слѣдующее:

1) *Буряты* суть, безъ сомнѣнія, самый крѣпкій, бодрый и смышленый народъ восточной Сибири. Они неутомимы въ работахъ, напр. плотничной, печной и т. п.; они хорошіе наѣздники и стрѣлки; многіе изъ нихъ трудолюбивые земледѣльцы. Значительная часть ихъ ведетъ осѣдлую жизнь, остальные — полукочевники, въ смыслѣ указанномъ выше. Часть бурятъ говоритъ по-русски, иногда даже хорошо, часть грамотна (по-монгольски). Ставъ казаками, многіе селенгинскіе буряты обратили на себя вниманіе быстрымъ усвоеніемъ военныхъ порядковъ и фронтовыхъ обязанностей, сметливостью и ловкостью. Можно сказать, что если они не были зачислены въ казаки при самомъ покореніи, въ XVII вѣкѣ, какъ то случилось съ нѣкоторыми изъ сибирскихъ татаръ, то это именно потому, что они слишкомъ настойчиво и смѣло отстаивали свою независимость. Рекомендація эта кажется достаточна, чтобы не выдѣлять ихъ нисколько изъ общаго числа русскихъ подданныхъ, обязанныхъ защищать отечество въ рядахъ арміи, а не инородческихъ ополченій. А нужно замѣтить, что при общемъ числѣ ихъ, 130.351 муж. пола, контингентъ ихъ рекрутъ можетъ быть значителенъ.

2) Сибирскіе *татары*—Минусинскаго, Ачинскаго и др. уѣздовъ Енисейской губерніи, Томскаго, Кузнецкаго и Барнаульскаго Томской, Тарскаго, Тобольскаго и Тюменскаго Тобольской, числомъ до 85.000 д. м. п., имѣютъ еще болѣе условій для приравненія къ русскому населенію Сибири, потому что нерѣдко живутъ селами по большимъ дорогамъ.

3) *Якуты* приленскіе, выше Якутска по Ленѣ, суть осѣдлые и полуосѣдлые звѣроловы, крѣпкіе и выносливые физически и смышленые до плутовства въ нравственномъ смыслѣ. Они до нѣкоторой степени подчиняютъ себѣ не только сосѣднихъ тунгузовъ но даже русскихъ, что уже само собою доказываетъ пригодность ихъ къ военной службѣ наравнѣ съ послѣдними. Предполагая, что по административнымъ удобствамъ могутъ быть привлечены къ рекрутству только приленскіе и олекминскіе якуты, мы получимъ цифру 60.000 д. м. пола, довольно значительную въ общемъ итогѣ сибирскаго населенія.

4) *Тунгузы* принадлежатъ по большей части къ числу бродячихъ и притомъ не цѣлыми улусами, а отдѣльными семьями, причемъ отецъ семьи есть обыкновенно и единственный кормилецъ ея. Это обстоятельство, повидимому, полагаетъ неодолимую преграду къ привлеченію ихъ въ военную службу; но такой доводъ нельзя считать общимъ. По рѣкамъ Нерчѣ и Ингодѣ встрѣчаются и осѣдлые Тунгузы, которые соединяютъ въ себѣ два въ высокой степени полезныя для солдатъ качества: выносливость при перемѣнахъ погоды и искусство мѣткой стрѣльбы. Эти осѣдлые тунгузы, по большей части христіане (хотя бы лишь номинально), могутъ безъ малѣйшаго препятствія быть сравнены по отношенію къ военной повинности съ русскими жителями сосѣднихъ селеній.

5) Изъ Амурскихъ тунгузскихъ племенъ *Гольды* и *Мангуны*, живущіе осѣдло вдоль рѣкъ Амура и Усури, имѣютъ всѣ условія для привлеченія ихъ въ отбыванію военной повинности, особенно во флотѣ. Число ихъ простирается не менѣе 1,000 д. м. пола, а вѣроятно и больше. Тѣ же условія представляютъ и живущіе по Амгуни *Самагры*, но малочисленность ихъ и разбросанность по рѣкѣ, которая вовсе не населена русскими и даже рѣдко посѣщается ими, препятствуютъ уравненію ихъ съ гольдами и мангунами впредь до возникновенія на Амгуни русскихъ осѣдлостей.

6) *Гиляки*, жители низовьевъ Амура, суть великолѣпные природные матросы, народъ смѣлый не только на водѣ, но и на сушѣ, что они доказали еще въ XVII вѣкѣ, когда побѣждали самихъ русскихъ. Они сметливы, склонны къ торговлѣ и ремесламъ, хорошіе стрѣлки и несравнимы въ умѣньѣ обращаться съ бурной стихіей. Число ихъ не велико, до 1.500 д. муж. пола, и они изъ всѣхъ инородцевъ Амура наиболѣе сблизились съ русскими.

7) Осѣдлые обитатели южно-усурійскаго края, *Корейцы* и *Манзы*, не имѣютъ никакихъ основаній быть исключаемы изъ подъ дѣйствія общаго закона о рекрутствѣ. Напротивъ, относительно манзъ, должно замѣтить, что обложеніе ихъ этою повинностью было бы весьма благодѣтельно для Южно-Усурійскаго края, потому что вѣроятно положило бы предѣлъ приливу этого вреднаго населенія изъ Маньчжуріи. Число корейцевъ и манзъ въ настоящее время простирается до 3.000 д. муж. пола.

8) Въ западной Сибири могла бы быть привлечена къ отбыванію рекрутской повинности часть Алтайскихъ *калмыковъ*, принявшая осѣдлый образъ жизни. Но по малочисленности этихъ людей и въ видахъ скорѣйшаго осѣдленія другихъ калмыковъ, ихъ лучше оставить до времени свободными отъ службы въ рядахъ арміи.

Такимъ образомъ все число сибирскихъ инородцевъ, могущихъ быть нынѣ же подведенными подъ рекрутскіе уставы, будетъ 280,000 муж. пола, изъ которыхъ по общимъ законамъ населенія въ каждую данную минуту вѣроятно есть 5,600 молодыхъ людей 21-лѣтняго возраста, годныхъ на усиленіе того очень немногочисленнаго контингента, который выставляетъ собственно-русское населеніе Сибири.

Но независимо отъ этой массы инородцевъ въ сибирскихъ губерніяхъ найдется немало и *русскихъ*, которые доселѣ также составляли мало основательныя изъятія изъ общихъ правилъ о военной повинности. Людей этихъ можно раздѣлить на четыре категоріи:

1) Пользующіеся *территоріальною* льготою отъ рекрутства, т. е. живущіе въ такихъ мѣстностяхъ, которые по отдаленности своей, рѣдкости населенія и другимъ причинамъ, были освобождены отъ рекрутскихъ наборовъ. Къ этому разряду людей принадлежитъ населеніе всей Якутской области, Камчатки, сѣверныхъ частей Енисейской губерніи и Киренскаго округа Иркутской. Коммиссія о военной повинности уже исключила изъ числа ихъ все населеніе береговъ Лены и Олекмы, а также жителей Киренскаго уѣзда, въ общемъ итогѣ 26.022 д. муж. пола, могущихъ доставить контингентъ молодежи 21-лѣтняго возраста въ 500 человѣкъ.

2) *Ссыльно-поселенцы* (но не каторжные, хотя бы выпущенные на волю) въ возрастѣ отъ 21 до 30 лѣтъ. Хотя, по справедливости, эти люди, разъ оторванные отъ родины и переведенные въ мало-гостепріимный край, гдѣ имъ нужно устроиться, должны бы пользоваться если не прежнею 20-ти-лѣтнею, то покрайней мѣрѣ 10-ти-лѣтнею льготою отъ рекрутства, тѣмъ болѣе, что и въ рядахъ войскъ они, по своей нравственности, вѣроятно будутъ доставлять больше хлопотъ, чѣмъ пользы; но, принимая во вниманіе, что наименѣе закоренѣлымъ изъ нихъ, т. е. младшимъ по возрасту, будетъ такимъ образомъ открыта дорога къ возвращенію въ число полноправныхъ гражданъ, можно думать, что подчиненіе ихъ рекрутской повинности будетъ не совсѣмъ безвыгодно для государства. Число всѣхъ ссыльныхъ мужескаго пола въ губерніяхъ Тобольской, Енисейской, Иркутской и въ области Забайкальской, по Статистическому Временнику, равно 100,344 души; но сколько среди ихъ находится молодежи отъ 21 до 30 лѣтъ, это остается неизвѣстнымъ.

3) *Крестьянское населеніе Амурскаго края*, изъятое отъ рекрутства временно, на 10 лѣтъ со времени водворенія, уже нынѣ простирается до 5,500 д. муж. пола. Ко времени окончанія льготныхъ сроковъ оно вѣроятно возрастетъ до 6,000 душъ, не считая возможной прибыли отъ

новыхъ селеній. Это даетъ вѣроятный контингентъ молодежи въ 120 человѣкъ.

4. Такое малое число амурскихъ рекрутъ изъ русскихъ, незначительное даже по присоединеніи къ нему рекрутъ амурскихъ осѣдлыхъ инородцевъ (110 чел.), при огромности разстояній въ Амурскомъ краѣ и при желаніи поскорѣе его заселить, не отрывая рабочаго населенія отъ его занятій, можетъ дать поводъ полагать, что введеніе рекрутства на Амурѣ рановременно. Но это только кажется. Рабочія силы края умалятся весьма немного отъ того, что $1^1/_4$ — $1^1/_2$% ихъ будутъ ежегодно поступать на службу правительству, конечно, въ томъ же краѣ и притомъ главнымъ образомъ для работъ. Величина же рекрутскаго контингента (230 чел.) можетъ быть сильно измѣнена привлеченіемъ къ общей рекрутской повинности теперешнихъ *амурскихъ казаковъ*, изъ которыхъ, какъ извѣстно, большая половина суть простые крестьяне, никогда не владѣвшіе оружіемъ и не имѣвшіе никакихъ военныхъ упражненій. Число ихъ, если считать однихъ пѣшихъ казаковъ въ батальонахъ Амурскомъ и Усурійскомъ, оставляя въ сторонѣ конную бригаду и Усурійскую сотню, будетъ 5,300 д. муж. пола, что соотвѣтствуетъ контингенту въ 265 человѣкъ, а съ прежде указанными 230-ю, 495-ти рекрутамъ, т. е. тремъ пятымъ теперешняго числа новобранцевъ, поступающихъ на службу со всей восточной Сибири (835 чел. въ 1872 г.).

Легкая возможность перечисленія амурскихъ пѣшихъ казаковъ въ крестьяне приводитъ къ мысли о пользѣ такого же дѣйствія по отношенію *къ казакамъ пѣшихъ батальоновъ Забайкальскаго войска*, нынѣ также управляемыхъ почти исключительно гражданскими властями и также никогда не несшихъ дѣйствительно-военной, т. е. боевой службы, хотя получившихъ нѣкоторое знакомство съ оружіемъ и военнымъ строемъ. Люди эти не далѣе 1851 года были горнозаводскими крестьянами, и слѣдовательно среди ихъ почти нѣтъ годной на службу молодежи, которая бы родилась въ казачьемъ званіи. Кромѣ того они живутъ въ перемежку съ крестьянами и нисколько не утратили обыкновеннаго вида нашего гражданскаго сельскаго населенія. А между тѣмъ ихъ есть до 50,000 душъ мужскаго пола, что можетъ дать контингентъ молодежи 21-лѣтняго возраста въ 1,000 человѣкъ.

Конные Забайкальскіе и Амурскіе казаки потому не причисляются къ этой же категоріи, что замѣна ихъ регулярною кавалеріею въ Сибири была бы неудобна и даже нежелательна. Притомъ всѣ они живутъ вдоль границы (за исключеніемъ бурятской бригады) и, какъ показалъ долголѣтній опытъ, съ успѣхомъ охраняютъ ея безопасность, будучи

лично въ этомъ заинтересованы. Поэтому распространять рекрутскую повинность на нихъ нѣтъ никакой нужды.

Сводя теперь итоги русскаго населенія въ Сибири, которое можетъ быть призвано къ отбыванію военной службы на общихъ основаніяхъ, мы видимъ, что общее число его будетъ около 187,000 д. муж. пола, и вѣроятный контингентъ молодежи 21-лѣтняго возраста не менѣе 1,750 человѣкъ (въ предположеніи, что людей 21 — 30-ти-лѣтняго возраста нѣтъ между ссыльными). Съ инородцами это составитъ около 7,300 чел., то есть почти въ $1^3/_4$ раза больше, чѣмъ въ наше время требуетъ непроизводительная часть Азіатской Россіи—Туркестанскій край. Задача о непривлеченія рекрутъ Европейской Россіи за Уралъ рѣшается такимъ образомъ совершенно удовлетворительно, и кромѣ того получается въ результатѣ важный шагъ къ *окончательному обрусенію* инородческаго населенія Сибири.

Что касается до самаго Туркестанскаго края, то его населеніе, по отзыву высшей мѣстной власти. вовсе не можетъ быть призываемо въ ряды русской арміи, конечно по причинѣ политической его ненадежности Впрочемъ есть въ предѣлахъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства и такой разрядъ обывателей, который могъ бы быть привлеченъ къ отбыванію военной повинности въ регулярныхъ войскахъ: это именно крестьяне изъ русскихъ, водворившіеся во многихъ мѣстахъ Семирѣченской области. Всѣ почти мѣстности этой провинціи, годныя подъ осѣдлости. уже заняты нынѣ русскими, и привлекать далѣе переселенцевъ льготою отъ рекрутства нѣтъ никакой нужды, а потому „обязанность каждаго русскаго подданнаго защищать отечество“ должна вступить въ свои права. Это доставитъ контингентъ молодыхъ людей около 85 чел. ежегодно, такъ какъ мужское гражданское населеніе области достигаетъ 4,300 душъ. Подобныя мѣры въ примѣненіи къ русскимъ жителямъ степныхъ областей западо-сибирскихъ и оренбургскихъ могли бы также доставить нѣсколько десятковъ рекрутъ въ годъ, тѣмъ болѣе, что на ряду съ русскими тутъ станутъ отбывать рекрутскую повинность и осѣдлые инородцы, жители городовъ Семипалатинска, Петропавловска, Акмолловъ и др.

Относительно *казаковъ* Семирѣченскихъ, Сибирскихъ и Оренбургскихъ существуетъ два мнѣнія. Одни, именно защитники казачества, указываютъ на необходимость имѣть вблизи степей многочисленный запасъ конницы, которая бы притомъ была знакома съ мѣстными условіями края, съ его обычаями и языкомъ. Другіе, защитники регулярныхъ войскъ, между которыми можно напр. назвать генерала Колпаковскаго, зная хорошо дурныя стороны казачьихъ распорядковъ въ

степи, находятъ, что было бы гораздо лучше для Россіи держать среди номадовъ впятеро меньше противу теперешняго конницы регулярной, а не казачьей, причемъ казаки не отрывались бы уже отъ мирныхъ сельскихъ занятій и уплаты податей. Послѣднее мнѣніе совершенно справедливо въ собственно военномъ и экономическомъ смыслѣ; но въ виду пользы, приносимой казаками при обрусеніи степей, можно однакоже до времени отдать имъ предпочтеніе передъ регулярною кавалеріею. Когда же казачья колонизація, какъ и крестьянская, достигнетъ въ степи своего предѣла, тогда лучше будетъ призвать казаковъ на службу въ ряды регулярныхъ войскъ, исключая развѣ однихъ пригpаничныхъ.

Что касается до главныхъ обитателей степи, *киргизовъ*, то къ нимъ примѣнима одна система военной службы, милиціонная, да и та подъ очень ограниченными условіями. До сихъ поръ политическая благонадежность этого кочеваго населенія такъ невелика, что дать ему въ руки оружіе да еще обучить употреблять его по-европейски было бы нераціонально. Это если и будетъ возможно, то не раньше, какъ по окончательномъ и прочномъ водвореніи нашемъ въ Туркестанѣ, т. е. послѣ паденія независимыхъ среднеазіятскихъ ханствъ. Но съ другой стороны пріучать киргизъ нести военную службу на ряду съ нашими войсками очень полезно, ибо это всего болѣе сближаетъ ихъ съ русскими, отъ которыхъ они такъ обособлены языкомъ, вѣрою и образомъ жизни. Давая небольшія награды киргизамъ, наиболѣе отличившимся въ степныхъ экспедиціяхъ, какъ это было до сего времени, мы создаемъ среди этихъ номадовъ разрядъ людей искренно преданныхъ Россіи, или по крайней мѣрѣ готовыхъ служить ей съ большимъ усердіемъ. Киргизъ-простолюдинъ льстится имѣть какой-нибудь похвальный листъ, напечатанный сурикомъ; киргизъ-батырь или султанъ очень доволенъ, если получитъ эполеты или суконный халатъ съ галунами. Въ 1859 году киргизы образовали, въ Оренбургской степи, для почетной стражи генералу Катенину, полусотню джигитовъ, однообразно одѣтыхъ и вооруженныхъ: эта полусотня усердно несла караульную службу у ставки генералъ-губернатора. Для посылки мелкими партіями для развѣдыванія о непріятелѣ или для возки почтъ при степныхъ отрядахъ они даже предпочтительнѣе казаковъ. Ихъ же можно употреблять для полицейской службы при степныхъ административныхъ центрахъ; но въ этомъ случаѣ необходимо подчинять ихъ русскимъ начальникамъ (не казакамъ).

VI. Распредѣленіе войскъ Азіятской Россіи и ихъ служба на различныхъ окраинахъ.

Само собою разумѣется, что на столь обширномъ и разнообразномъ пространствѣ, какъ Азіатская Россія, нѣтъ и не можетъ быть одного общаго принципа для дислокаціи войскъ. Въ то время, какъ однѣ ихъ части назначены для боевой охраны границъ отъ внѣшнихъ непріятелей, другія напротивъ занимаются исключительно внутреннею службою, т. е. содержаніемъ карауловъ и препровожденіемъ арестантовъ. Есть и такія части, которыя составляютъ почти исключительно рабочую силу во вновь колонизируемыхъ странахъ, тогда какъ другія занимаются главнѣйше строевымъ образованіемъ молодыхъ солдатъ. Общаго въ дислокаціи всѣхъ этихъ четырехъ категорій русско-азіатскихъ войскъ только то, что онѣ всюду распредѣлены очень небольшими группами, рѣдко болѣе двухъ батальоновъ вмѣстѣ и весьма часто командами въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, штатными и даже нештатными. Наиболѣе принаровленную къ собственно военнымъ потребностямъ дислокацію имѣютъ войска Туркестанскаго военнаго округа и отчасти Оренбургскаго, какъ составляющаго резервъ для Туркестана. Что же касается до западной и восточной Сибири, то въ нихъ войска расположены почти исключительно по соображеніямъ военно-административнымъ или хозяйственнымъ, такъ что ихъ дислокацію по справедливости нужно назвать мирною, хотя никакъ нельзя сказать, чтобы и въ этихъ частяхъ русскаго государства не было, мѣстами, надобности въ подготовленіи войскъ къ быстрому сосредоточенію и къ слѣдующимъ за нимъ военнымъ дѣйствіямъ

Само собою разумѣется, что въ связи съ характеромъ дислокаціи — мирнымъ или военнымъ — находятся и успѣхи тактическаго образованія войскъ, которое всегда выше тамъ, гдѣ части болѣе въ сборѣ и не отвлекаются работами или чисто караульною службою. Въ этомъ смыслѣ Азіатская Россія представляетъ намъ рѣзкія крайности, отъ превосходныхъ боевыхъ линейныхъ и стрѣлковыхъ батальоновъ въ Туркестанѣ и западной Сибири до отвыкшихъ почти отъ употребленія оружія или даже непривыкшихъ къ нему казаковъ и частію даже солдатъ на Амурѣ. Послѣдняя крайность заслуживаетъ особеннаго вниманія, а потому по поводу ея сдѣлано нѣсколько, болѣе подробныхъ, замѣчаній при обзорѣ одного изъ пріамурскихъ участковъ границы.

Дабы окинуть одновременнымъ взглядомъ всю дислокацію русско-азіатскихъ войскъ, свѣдѣнія о которой, конечно, не однѣ и тѣ же за разные годы и мѣсяцы, здѣсь взято за норму расположеніе войскъ 1-го мая 1873 года, при чемъ части, находившіяся въ это время въ хивинскомъ походѣ, предположены расположенными на своихъ постоянныхъ квартирахъ, такъ-какъ оффиціально неизвѣстно, останутся ли онѣ въ Хивѣ или будутъ возвращены на старыя стоянки. При этомъ условіи подробности дислокаціи показываютъ слѣдующее распредѣленіе ихъ по участкамъ границы:

На островѣ Сахалинѣ.

Одинъ линейный батальонъ (№ 4), одна постовая команда (Дуйская) и одинъ дивизіонъ горной артиллеріи (3-й горной батареи), а именно:

1-я рота на Кусунаѣ.

2-я „ „ Кусунаѣ, Мануэ и Найбучи.

3 и 4-я рота на постахъ Корсакова и Маукэ.

Стрѣлковая — на постѣ Муравьевскомъ, гдѣ и батальонный штабъ.

Дуйская постовая команда на постахъ Дуи, Тарайка и Тихменева.

Дивизіонъ артиллеріи — на п. Корсакова и Муравьева.

Въ Приморскомъ краѣ (*).

Линейныхъ батальоновъ четыре (№№ 1, 3, 5 и 6), постовыхъ командъ три, крѣпостная команда одна, дивизіонъ горной батареи (№ 3) и крѣпостная артиллерія. Расположеніе этихъ войскъ слѣдующее:

1-й батальонъ весь въ Ново-Кіевскомъ, у Новгородской гавани.

3-й „ на п. Камень-Рыболовъ, гдѣ находятся 3 и 4-я роты; 1-я и 2-я роты въ с. Никольскомъ, а стрѣлковая на постѣ Раздольномъ.

(*) О состояніи разныхъ частей войскъ и военно-хозяйственныхъ учрежденій въ Приморской области въ теченіе 1872 года были получены весьма неутѣшительныя свѣдѣнія изъ трехъ источниковъ: отъ командированнаго въ 1871 г. въ Восточную Сибирь для осмотра войскъ Св. Е. И. В. генералъ-маіора Тимофеева, отъ бывшаго начальника штаба восточно-сибирскаго военнаго округа, генералъ-маіора Черкесова, и наконецъ отъ самого командующаго войсками округа, изложившаго свои замѣчанія во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1871 годъ. Изъ этихъ источниковъ видно, что, вслѣдствіе, главнымъ образомъ, отдаленности края, разбросанности войскъ мелкими командами, употребленія ихъ на службу вовсе не военную и наконецъ подчиненія ихъ мѣстному военному губернатору-адмиралу,

5-й батальонъ весь въ г. Софійскѣ, но содержитъ еще отрядъ въ сел. Маріино-Успѣнскомъ.
6-й " весь на мысѣ Чныррахѣ.
Новгородская постовая команда — въ Владивостокѣ.
Александровская " " въ заливѣ Де-Кастри.
Ольгинская " " въ зал. Ольги.
Крѣпостная команда, въ Николаевскѣ.
Дивизіонъ № 3 горной батареи — въ Ново-Кіевскомъ.
Николаевская крѣпостная артиллерія на мысѣ Чныррахѣ.

естественно ставящему интересы ихъ ниже флотскихъ,—состояніе ихъ оставляетъ желать очень многаго, какъ видно напр. изъ слѣдующихъ фактовъ:

1. Въ *пополненіи* войскъ людьми замѣчены столь важныя неправильности, что въ 1871 году *перетребовано* 511 человѣкъ молодыхъ солдатъ. Произошло это отъ того, что многія части не знали, гдѣ находятся люди, высланные въ нихъ прежде, такъ какъ весьма нерѣдки случаи, что изъ командъ, слѣдующихъ на пополненіе однихъ частей, мѣстные начальники по пути берутъ людей для пополненія другихъ частей, не извѣщая даже начальниковъ послѣднихъ.

2. Въ *снаряженіи* войскъ найдены важныя упущенія: такъ въ одномъ изъ батальоновъ недоставало нѣсколькихъ десятковъ ружей, въ другихъ солдаты по годамъ не получали различныхъ предметовъ обмундировки. Нижними чинами при смотрахъ заявлено множество претензій на неудовлетвореніе ихъ положеннымъ отъ казны довольствіемъ, нерѣдко за нѣсколько лѣтъ. Не смотря на позднее время года постройка обмундированія по сроку 1872 г. *ни въ одной* части не была окончена. Въ нѣкоторыхъ частяхъ не оказалось положеннаго по штатамъ обоза; нѣкоторыя считаютъ за интендантствомъ значительное количество недопущенныхъ вещей. Въ 1872 г. было недопущено войскамъ Приморской области 18 т. рублей дровяныхъ и свѣчныхъ денегъ. На смотру линейнаго № 1 батальона обмундированною представлена была только стрѣлковая рота слабаго состава; двѣ же сводныя роты, которыя можно было съ трудомъ собрать изъ людей всѣхъ четырехъ линейныхъ ротъ, не могли быть выведены въ мундирахъ, за неимѣніемъ таковыхъ на всѣхъ людей, а потому выведены были въ строй въ шинеляхъ.

3. О *службѣ* войскъ г.-м. Черкесовъ говоритъ: «Строевыя части дали офицеровъ въ качествѣ производителей дорожныхъ работъ, для завѣдыванія вновь водворившимися переселенцами, мѣстнымъ туземнымъ населеніемъ и присланными въ область ссыльно-каторжными; нижніе чины, откомандированные отъ своихъ частей, были назначаемы надзирателями тюремъ, вахтерами для храненія и сопровожденія запасовъ хлѣба, соли и разнаго имущества гражданскаго вѣдомства, акцизными надсмотрщиками, полицейскими, сигналистами и сторожами на телеграфныя станціи, почтальонами и даже ямщиками на почтовыя станціи. Въ теченіе круглаго года нижніе чины наряжались, безсмѣнно, на всевозможныя работы для надобностей всѣхъ вѣдомствъ, не исключая и духовнаго, и не получали никакихъ заработныхъ денегъ». Такъ въ 1869 г. за постройку двухъ-этажнаго провіантскаго магазина на Камнѣ-Рыболовѣ не дано ничего.

4. Невыгода подчиненія военно-сухопутныхъ силъ морскому начальству области въ особенности отражается въ нарядахъ войскъ на такія работы, которыя нужны

На Амурѣ и Усури.

Одинъ линейный батальонъ (№ 2), одна постовая команда, одна полевая батарея (№ 2), два конныхъ казачьихъ полка Амурскаго войска, два пѣшихъ казачьихъ батальона, Амурскій и Усурійскій, и Усурійская конная казачья сотня. Расположеніе войскъ слѣдующее:

2-го линейнаго батальона штабъ и роты 1-я и 3-я — въ Благовѣщенскѣ, а роты 2-я, 4-я и стрѣлковая въ командировкѣ, въ Забайкальской области.

Хабаровская постовая команда — въ Хабаровкѣ.

2-я пѣшая батарея, восточно-сибирской бригады, въ Благовѣщенскѣ.

1-й Амурскій конный казачій полкъ въ Благовѣщенскѣ.

1-я сотня въ Благовѣщенскѣ.

2-я „ „ Албазинѣ.

3-я „ „ ст. Черняевой.

4-я „ „ ст. Екатериненской.

2-й Амурскій конный казачій полкъ въ Благовѣщенскѣ.

1-я сотня въ ст. Верхне-Благовѣщенской.

2-я „ „ Константиновской.

3-я „ „ Поярковой.

4-я „ „ Иннокентьевской.

Амурскій пѣшій казачій батальонъ въ ст. Михайло-Семеновской.

Усурійскій „ „ „ „ Казакевичевой.

Усурійская конная казачья сотня на п. Камень-Рыболовъ.

Въ Забайкальѣ.

3 роты линейнаго № 2 батальона, 9 батальоновъ пѣшихъ Забайкальскихъ казаковъ, 7 конныхъ казачьихъ полковъ, 5 мѣстныхъ и 3

только морской администраціи, напр. на постройку казармъ для матросовъ, домовъ для морскихъ офицеровъ, на перегрузку судовъ, приходящихъ въ порты съ казенными грузами изъ Кронштадта и пр. Да и вообще подчиненіе войскъ начальствамъ чужаго вѣдомства вредно отзывалось на ихъ бытѣ. Такъ управленіе губернатора Приморской области брало на себя поставку войскамъ скота на мясо и своевременно не доставляло его, не подвергаясь конечно за это никакой отвѣтственности. Оно даже не всегда сводило расчеты съ войсками по сдѣланнымъ для нихъ закупкамъ. Также и для усурійскихъ казаковъ зависимость ихъ отъ губернатора области, какъ отъ непосредственнаго военнаго начальника, обошлась дорого: они имѣли за казною до 200,000 рублей за почтовую гоньбу и другія послуги, исполненныя ими на пользу государства по приказанію начальства.

этапныхъ команды, 1 батарея пѣшая и 2 конныя казачьи, подвижной полупаркъ, артиллерійскій арсеналъ и 2 мѣстныхъ парка. Расположены:

3 роты линейнаго № 2 батальона въ Троицкосавскѣ.

1-й конный отдѣлъ Забайкал. казачьяго войска въ ст. Кударинской.

2-й „ „ „ „ „ „ Чиндантской.

3-й пѣшій „ „ „ „ въ сел. Олочи.

(Учебный дивизіонъ въ Читѣ и Кударѣ, батальонъ въ Олочахъ).

Мѣстныя команды: въ Читѣ, Верхнеудинскѣ, Троикосавскѣ, Нерчинскѣ и Александровскомъ заводѣ.

Этапныя команды: въ Посольскѣ, въ Кабанскомъ и Ильинскомъ.

1 батарея восточно-сибирской артиллерійской бригады въ Верхнеудинскѣ.

1 батарея конно-артиллерійской бригады Забайкальскаго войска въ Селенгинскѣ.

2 батарея конно-артиллерійской бригады Забайкальскаго войска въ Читѣ.

Подвижной полупаркъ въ Читѣ.

Артиллерійскій арсеналъ въ Читѣ.

Мѣстные парки въ Верхнеудинскѣ и Читѣ.

Въ губб. Иркутской, Енисейской и Томской.

3 губернскіе батальона, 1 резервный (№ 72), 17 мѣстныхъ, 34 этапныя команды, 2 казачьи сотни, именно:

Губернскіе батальоны въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Томскѣ.

Резервный № 72 въ Иркутскѣ.

Мѣстныя команды въ Верхоленскѣ, Усть-Кутѣ, Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ, Александровскомъ винокуренномъ заводѣ, Балаганскѣ, Киренскѣ, Нижнеудинскѣ, Канскѣ, Минусинскѣ, Енисейскѣ, Ачинскѣ, Троицкомъ солеваренномъ заводѣ, Кузнецкѣ, Маріинскѣ, Каинскѣ, Барнаулѣ и Бійскѣ.

Этапныя команды по станціямъ московскаго тракта.

Казачьи сотни въ Иркутскѣ и Красноярскѣ; лѣтомъ онѣ распредѣляются отчасти по золотымъ пріискамъ.

На Чжунгарской окраинѣ.

5 линейныхъ батальоновъ, 1 губернскій батальонъ, 4 мѣстныхъ команды, 4 конные казачьи полка и казаки, наряжаемые отъ другихъ

частей Сибирскаго войска, 3 батареи, крѣпостная артиллерійская рота, Распредѣленіе слѣдующее:

3-й Западо-сибирскій	линейный батальонъ и три его роты въ Семипалатинскѣ.
	двѣ роты въ Усть-Каменогорскѣ.
4 -й „ „	и три роты его въ Зайсанскомъ постѣ.
	одна рота на Котонъ-Карагаѣ.
	одна рота въ Кокбектахъ.
10-й Туркестанскій	штабъ и одна рота въ Вѣрномъ.
	по одной ротѣ на Каскеленѣ и Или.
	двѣ роты въ Кульджѣ.
11-й „	штабъ и одна рота въ Вѣрномъ.
	двѣ роты на Иссыкѣ и Талгарѣ.
	одна рота въ Суйдунѣ.
	одна рота въ Кульджѣ.
12-й „	штабъ и одна рота въ Копалѣ.
	по одной ротѣ въ Лепсинской и въ Чинъ-чахо-цзи и двѣ роты на Бактахъ.

Губернскій батальонъ — въ Вѣрномъ.

Мѣстныя команды: въ Семипалатинскѣ, Усть-Каменогорскѣ, Сергіополѣ и Копалѣ.

Сибирская пѣшая батарея:		3	взвода	въ Зайсанскомъ посту.
		1	„	„ Семипалатинскѣ.
2-й Туркестанской бригады,	1 батарея	3	взвода	въ Вѣрномъ (штабъ).
		1	„	„ Кульджѣ
	2 „	2	„	„ Кульджѣ.
		2	„	„ Лепсинской (шт.).

Крѣпостная артиллерійская рота въ Вѣрномъ.

Казаковъ на службѣ 8 сотенъ, Сибирскихъ и Семирѣченскихъ.

На Тяньшаньской окраинѣ.

Одинъ линейный батальонъ, одна уѣздная команда, одна батарея, три сотни казаковъ, именно:

1 Туркестанскій линейный батальонъ:	штабъ и двѣ роты казаковъ въ Караколѣ.
	по одной ротѣ въ укр. Нарынскомъ, Преображенскомъ и укр. Уртень-Мусартѣ.

Уѣздная команда въ Токмакѣ.

Сотни въ Токмакѣ, Караколѣ и Уртень-Мусартѣ.

Батарея, 3-й турк артил. бригады, въ Караколѣ.

На окраинѣ Нагорно-туранской.

Со включеніемъ войскъ, расположенныхъ въ укрѣпленіяхъ на низовьяхъ Сыръ-дарьи, т. е. въ Перовскѣ, Кармакчахъ и Казалинскѣ, или, вообще говоря, въ предѣлахъ Сыръ-дарьинской области, предъ началомъ хивинской экспедиціи, имѣлось слѣдующее число войскъ:

Дѣйствующихъ: 12 батальоновъ пѣхоты, именно 8 линейныхъ, 3 стрѣлковыхъ, 1 пѣшій казачій оренбургскій; 1 рота саперъ; $33^{1}/_{2}$ сотни конныхъ казаковъ уральскихъ, оренбургскихъ, сибирскихъ и семирѣченскихъ; 36 полевыхъ и 6 горныхъ орудій; 10 ракетныхъ станковъ.

Мѣстныхъ: 1 губернскій батальонъ, 5 уѣздныхъ командъ, 2 мѣстныя ком. и 3 крѣпостныя артиллерійскія роты.

Главными центрами расположенія этихъ войскъ были:

Ташкентъ: 3 стрѣлковые и 1 линейный батальонъ, 1 батальонъ губернскій, двѣ батареи полевой артиллеріи, рота крѣпостной артиллеріи и 7 сотенъ казаковъ.

Самаркандъ; 3 линейные батальона, 1 полевая батарея, 3 сотни казаковъ.

Ходжентъ: 1 линейный батальонъ, 1 уѣздная команда, 1 полевая батарея, 1 сотня казаковъ.

Казалинскъ: $1^{3}/_{5}$ батальона линейныхъ, уѣздная команда, горный дивизіонъ, 3 сотни казаковъ.

Катты-курганъ: 1 линейный батальонъ, 1 сотня.

Перовскъ: 2 роты пѣхоты, уѣздная команда, рота крѣпостной артиллеріи, 1 сотня казаковъ.

Чиназъ: мѣстная команда, 1 крѣпостная рота, раскомандированная отсюда мелкими командами по другимъ укрѣпленіямъ, и 2 сотни казаковъ.

Прочія войска находились мелкими частями и командами по укрѣпленіямъ.

На Аральской и Каспійской окраинахъ.

Хивинская экспедиція вызвала уже въ концѣ января движеніе части оренбургскихъ войскъ за Уралъ, откуда они едва ли вернутся; поэтому показываемъ ихъ здѣсь расположенными въ пріуральскомъ пограничномъ пространствѣ; точно также и войска кавказскія, бывшія въ со-

ставѣ красноводскаго отряда вносятся въ это росписаніе, хотя часть ихъ впослѣдствіи вернулась на Кавказъ вслѣдствіе возвращенія отряда изъ хивинскаго похода. Такимъ образомъ раннею весною 1873 въ приуральскихъ и прикаспійскихъ отрядахъ находилось:

Со стороны *Оренбурга*: 2 линейные батальона, 2 уѣздныя и 2 мѣстныя команды, 3 сотни казаковъ оренбургскихъ и 6 сотенъ уральскихъ.

Со стороны *Кавказа:* a) въ Красноводскомъ отрядѣ 2 батальона, 4 роты, мастеровая команда, 8 полевыхъ и 4 горныхъ орудія; b) въ Мангышлакскомъ отрядѣ 3 роты и 2 сотни. Въ послѣдствіи часть красноводскаго отряда обращена на усиленіе мангышлакскаго, двинутаго на Хиву, а часть вернулась на Кавказъ, такъ что въ іюлѣ 1873 войска оставались только въ двухъ точкахъ каспійской окраины: фортѣ Александровскомъ и Красноводскѣ.

VII. Казачьи войска на азіатскихъ окраинахъ.

Мы имѣемъ въ настоящее время цѣлый рядъ казачьихъ войскъ на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, частію у самыхъ границъ, частію внутри государства, на сѣверной сторонѣ киргизскихъ степей. Къ началу 1871 года это военно-земледѣльческое населеніе составляло 634,800 душъ; теперь, въ 1872 году, вѣроятно около 650,000, т. е. около 11% всего числа жителей тѣхъ губерній и областей, которыя входятъ въ составъ Сибири, Туркестанскаго края и Оренбургскаго генералъ-губернаторства, за исключеніемъ изъ послѣдняго гражданскаго населенія обѣихъ губерній: Уфимской и Оренбургской. Изъ этого уже видно, что охрана азіатскихъ границъ, не считая содержанія вблизи ихъ регулярныхъ войскъ стоитъ намъ населенія цѣлой губерніи, *) которое не только ничего не платитъ въ казну, но еще за службу свою получаетъ большое поземельное и денежное вознагражденіе отъ государства. Принявъ притомъ во вниманіе, что казачье населеніе почти не заключаетъ инородческихъ элементовъ, а состоитъ главнымъ образомъ изъ русскихъ, которые такимъ образомъ осуждены на постоянную экономическую и общественную неразвитость, можно сказать, что охрана азіатскихъ гра-

---

(*) Въ Азіатской Россіи, считая тутъ и Кавказъ, приходится среднимъ числомъ на губернію или область менѣе полумилліона душъ; да и въ Европейской Россіи есть 5 губерній съ населеніемъ менѣе 650,000 душъ.

ницъ стоитъ Россіи столь большихъ пожертвованій, что сокращеніе ихъ естественно должно быть постоянно въ виду людей государственныхъ.

Такъ какъ казаки, по весьма естественной причинѣ, никогда не въ состояніи будутъ сравниться въ тактическомъ образованіи съ войсками регулярными, а между тѣмъ именно тактическое устройство военныхъ силъ служитъ залогомъ успѣха въ войнѣ съ азіатцами, которые долго еще будутъ превосходить насъ числомъ, то въ теченіе XIX столѣтія уже не разъ возникалъ, между близкостоящими къ дѣлу людьми, вопросъ именно о томъ, что не лучше ли упразднить казачьи войска, обративъ ихъ въ гражданское состояніе, а въ замѣнъ усилить составъ регулярной арміи? Лица весьма опытныя и даже прямо принадлежавшія къ составу казачьихъ войскъ, какъ напр. нынѣшній Семирѣченскій атаманъ, Г. Л. Колпаковскій, прямо высказывались за эту мысль. Тѣмъ не менѣе число казаковъ въ Азіатской Россіи постоянно росло, и въ XIX столѣтіи быстрѣе, чѣмъ когда-либо. Какъ это случилось, можно видѣть изъ слѣдующаго общаго обзора исторіи казачества на нашихъ азіатскихъ окраинахъ.

Первые завоеватели Сибири, пришедшіе съ Ермакомъ, были казаки, впрочемъ не въ смыслѣ нынѣшнихъ хлѣбопашцевъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ для несенія военной службы по правительственному наряду, а въ смыслѣ вольницы, для которой не было и не могло быть выдѣлено никакой территоріи и которая служила подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ, какъ и гдѣ хотѣла. Послѣ смерти Ермака вольница эта просто разбѣжалась и, вѣроятно, была бы вовсе истреблена туземцами Сибири, если бы правительство не направило за Уралъ новыхъ ратей, казачьихъ и стрѣлецкихъ. Около этихъ ратей собрались и бѣглецы, а потомъ онѣ стали усиливаться разными охочими людьми и, въ концѣ XVI столѣтія, положили начало Сибирскимъ городовымъ казакамъ и стрѣльцамъ—Тобольскимъ, Тарскимъ и пр. Въ теченіи XVII вѣка число этихъ людей, особенно казаковъ, быстро расло отъ прихода въ Сибирь новыхъ людей изъ собственной Россіи, изъ Запорожья и даже изъ Литвы. Къ нимъ присоединены были, по собственному ходатайству, нѣкоторые изъ инородцевъ, именно изъ тарскихъ и тюменьскихъ татаръ. Положеніе стрѣльцовъ и казаковъ было существенно различно, ибо первые были люди обязанные наслѣдственною военною службою и получавшіе постоянное содержаніе отъ казны; казаки же были люди свободные, которымъ не возбранялся переходъ въ гражданское состояніе (въ тяглые люди) и которые жалованье отъ казны получали лишь за дѣйствительную полевую либо гарнизонную службу. Стрѣльцы были прямые подчиненные воеводъ; казаки сами выбирали своихъ атамановъ, хотя подчиня-

лись въ общемъ порядкѣ государственнаго управленія и службы воеводамъ. Они обязывались собственными средствами охранять безопасность вновь завоеваннаго края, гдѣ явились первыми русскими землевладѣльцами, а во время службы получали жалованья въ годъ 5 рублей, четверть муки, четверть толокна и четверть крупъ. Разбросанные по городамъ и острогамъ, они раздѣлялись на пѣшихъ и конныхъ, но несли всякаго рода службу, т. е. нерѣдко были посылаемы на лодкахъ, на оленяхъ, даже на лыжахъ для открытія новыхъ земель и обложенія ясакомъ инородцевъ. Они суть настоящіе завоеватели Сибири, и понятно, что число ихъ въ этой странѣ должно было возрастать вмѣстѣ съ увеличеніемъ нашихъ владѣній въ ней.

Семнадцатый вѣкъ былъ вообще временемъ цвѣтущаго состоянія казачества на Руси, когда оно отстаивало предѣлы родной земли на самыхъ отдаленныхъ одна отъ другой окраинахъ ея. Тогда боролись съ поляками казаки малороссійскіе, съ крымскими татарами и ногайцами запорожская сѣчь и донцы, съ киргизами и даже съ хивинцами казаки уральскіе, съ тѣми же киргизами и бурятами — сибирскіе. На долю всѣхъ ихъ выпало хоть отчасти расширить русскую землю; но сибирскіе въ этомъ смыслѣ сдѣлали болѣе всѣхъ, хотя не составляли прочно организованнаго цѣлаго, не имѣли даже одного общаго имени, и были казаками *городовыми*. Чтобы успѣшно исполнять свое трудное призваніе, они естественно должны были пополняться людьми пришлыми, и въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что въ теченіи первыхъ ста лѣтъ со времени перехода за Уралъ къ нимъ присоединились: 1) всѣ тѣ ратные люди, которые высланы были изъ Россіи на казачью службу, 2) сосланные и поверстанные въ казаки безъ собственнаго желанія, 3) лица податнаго званія, добровольно записавшіеся въ казаки, 4) дѣти и внуки служилыхъ людей, непоступившіе въ другой родъ службы, 5) выписные изъ извѣстнаго числа душъ въ пограничныхъ селеніяхъ. Петръ I, уничтожившій стрѣльцовъ, къ казакамъ же причислилъ всѣхъ сибирскихъ боярскихъ дѣтей и большую часть сибирскихъ дворянъ, которые, какъ извѣстно, считались всегда ниже дворянъ „московскаго списка“, ибо возводились въ свое званіе воеводами. Посолъ Екатерины I въ Китай, графъ Владиславлевичъ, причислилъ къ пограничнымъ сибирскимъ казакамъ приведенный имъ въ 1727 году въ Забайкалье полкъ конницы, и потому вообще въ первой половинѣ XVIII столѣтія сибирскіе казаки были уже довольно многочисленны. Одновременно съ ними увеличивались въ числѣ и разселялись по нижней половинѣ рѣки Урала казаки яицкіе, которые въ первый разъ о своемъ существованіи заявили службою царю московскому въ 1591 году и которымъ дозволено было „па-

бираться вольными людьми". Но эти послѣдніе не имѣли ничего общаго съ сибирскими казаками и, занявъ хорошо обособленную территорію, организовались въ отдѣльное войско, съ своими атаманами и есаулами, подобно донцамъ. Въ 1742 году впервые сформировалось, изъ ландмилицкихъ полковъ и другихъ мѣстныхъ командъ пріуральскаго края, Оренбургское казачье войско, а въ началѣ XIX вѣка устроилось въ особую военно-административную группу войско Сибирское, поселенное по линіямъ Горькой, Иртышской и Бійской. Съ 1820 годовъ это послѣднее войско, обязанное своимъ самостоятельнымъ существованіемъ выводу изъ Сибири регулярныхъ полковъ, въ разныхъ видахъ существовавшихъ тамъ еще со временемъ Алексѣя Михайловича, заселило и часть киргизской степи Сибирскаго вѣдомства. Оренбургское же сдѣлало это нѣсколько позднѣе, именно въ 1840 годахъ, по предварительномъ, насильственномъ увеличеніи своего состава на счетъ крестьянскаго населенія Троицкаго и Челябинскаго уѣздовъ. Такимъ образомъ къ концу 1840 годовъ мы имѣли въ Азіатской Россіи или у окраинъ ея слѣдующія казачьи войска:

Уральское на рѣкѣ Уралѣ, отъ устья Илека до Каспійскаго моря.

Оренбургское на верхнемъ теченіи Урала, на Уѣ и на верховьяхъ Тобола.

Сибирское линейное на Горькой линіи, на Иртышѣ, у подножій Алтая и въ степи до Копала.

Городовые полки тобольскій, томскій, енисейскій, иркутскій и якутскій, несшіе полицейскую и этапную службу внутри страны и лишь отчасти наблюдавшіе за границею къ сторонѣ верховьевъ р. Енисея.

Пограничныхъ казаковъ въ Забайкальѣ, разселенныхъ подобно Уральскимъ и Сибирскимъ, вдоль границы, на Джидѣ, Чикоѣ, Ононѣ, Аргуни.

Казаки эти были почти всѣ конные, какъ то и естественно по самому происхожденію и роду службы казачества. Но недостатокъ регулярной пѣхоты въ Азіатской Россіи, гдѣ содержаніе и особенно комплектованіе ея были очень дороги, побудилъ, въ половинѣ нашего вѣка, правительство приступить къ формированію казаковъ пѣшихъ. Такимъ образомъ получили начало пѣшіе казачьи батальоны оренбургскіе.

Въ 1851 году, въ виду предстоявшаго занятія Амура, освобождены были отъ обязательныхъ горнозаводскихъ работъ 70,000 крестьянъ Нерчинскаго округа и причислены пѣшими же казаками во вновь сформированное *Забайкальское* войско. Къ этому войску присоединены пограничные конные казаки, и комплектъ его опредѣленъ въ 12 пѣшихъ батальоновъ, 6 конныхъ полковъ и 2 батареи артиллеріи. — Городовые полки иркутскій и енисейскій около того же времени получили болѣе

военное назначеніе и устройство и составили особую бригаду, существовавшую до 1871 г.

Въ 1859 году образовано изъ переселенцевъ на Амуръ — казаковъ, крестьянъ и солдатъ—*Амурское* казачье войско, изъ 2-хъ конныхъ полковъ и 2-хъ пѣшихъ батальоновъ, въ силу установившагося уже мнѣнія, что всѣ наши азіатскіе рубежи непремѣнно должны быть заняты казаками, а не гражданскимъ населеніемъ. Сибирское войско съ 1850 года также получило немаловажныя приращенія основаніемъ, частію изъ казаковъ, частію изъ крестьянъ, нѣсколькихъ большихъ станицъ въ Семирѣченскомъ краѣ. Съ устройствомъ въ 1867 году Туркестанскаго генералъ-губернаторства эти наиболѣе южные изъ Сибирскихъ казаковъ переформированы въ особое войско *Семирѣченское*.

Въ 1871 году иркутскій и енисейскій казачьи полки, вообще не несшіе и не могшіе нести дѣйствительной военной службы, вновь обращены къ службѣ полицейской, этапной и отчасти пограничной, съ переформированіемъ въ двѣ сотни. Въ слѣдующемъ 1872 г. значительно уменьшено въ боевомъ своемъ составѣ войско Забайкальское сокращеніемъ числа пѣшихъ его батальоновъ съ 12 на 9, но впрочемъ безъ вывода какой-либо части населенія изъ казачьяго сословія. Такимъ образомъ, за всѣми исчисленными главными и нѣкоторыми другими второстепенными измѣненіями въ организаціи казачьихъ войскъ на азіатскихъ окраинахъ, у насъ теперь состоитъ:

46 полковъ и 8 сотенъ, всего 268 сотенъ конныхъ,
21 батальонъ и 4 команды пѣшихъ,
5 батарей конныхъ.

что даетъ въ суммѣ около 40,000 конницы, 22,000 пѣхоты и 1,000 чел. артиллеріи, всего 63,000 чел., изъ которыхъ впрочемъ на дѣйствительной службѣ состоитъ лишь 26,000 или около того. Подробности распредѣленія этой боевой силы между отдѣльными войсками видны изъ слѣдующаго:

Уральское войско, при общемъ итогѣ населенія 113,000 душъ, *обязано выставлять* 12 шестисотенныхъ конныхъ полковъ и 1 эскадронъ для внѣшней и 1 пѣшую команду для внутренней службы. По штатамъ мирнаго времени это составляетъ 25 штабъ-офицеровъ, 220 оберъ-офицеровъ, 688 урядниковъ, 232 музыканта, 9,696 строевыхъ и 32 нестроевыхъ казаковъ съ 10,623 строевыми, 1,061 вьючными и 24 подъемными лошадьми. Въ военное время къ этому, по штатамъ же, прибавляется 1 оберъ-офицеръ, 2 урядника и 40 казаковъ, съ такимъ же числомъ лошадей. *Въ дѣйствительности* обыкновенный нарядъ на службу изъ этого войска составляютъ 1 эск.,

26—27 сотенъ и 1 пѣш. ком., что значительно болѣе трети штатнаго состава. И какъ притомъ служба уральскихъ казаковъ отправляется по большей части въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ войсковой территоріи, и для смѣны служащихъ частей (ежегодно половины ихъ числа) нужно высылать новыя части заблаговременно, то въ отсутствіи изъ дому нерѣдко бываетъ около $^2/_5$ всего взрослаго мужскаго населенія.

Оренбургское войско, съ населеніемъ въ 265,000 душъ, *обязано выставлять* 15 конныхъ шестисотенныхъ полковъ, 9 четырехротныхъ батальоновъ, 3 конныя батареи и 1 учебную сотню. По мирному времени это составляетъ 31 шт.-оф., 248 об.-оф., 1,638 уряд., 459 муз., 20,784 стр. и 546 нестр. казака, съ 13,509 стр., 387 артил., 1,309 вьючн. и 330 подъемными лошадьми. Въ военное время прибавляется 20 шт.-оф., 217 об.-оф. и 551 нестр. казаковъ. *Въ дѣйствительности*, обыкновенный нарядъ на службу слагается изъ 35—36 сотенъ, $1^1/_2$—2 батальоновъ, 1 учебной команды и 2 батарей *). Это опять составляетъ болѣе трети войска, и какъ большая половина наряда дѣлается для Туркестанскаго края, при чемъ казаки отправляются за 1,200—2,000 вер., то смѣна частей требуетъ почти постояннаго нахожденія въ походахъ еще 11—12 сотенъ и комплекта людей батареи, что составитъ уже болѣе половины всѣхъ конныхъ казаковъ, т. е. нарядъ чрезвычайно отяготительный для войска. Пѣшіе батальоны больше пользуются льготою; но, по свидѣтельству командующаго войсками Оренбургскаго округа, ихъ и вывесть на службу невозможно, потому что штатное положеніе войска превышаетъ наличность людей. Генералъ Крыжановскій поэтому уже ходатайствовалъ объ измѣненіи штатовъ, при чемъ должно бы уменьшиться число пѣшихъ батальоновъ (съ 9 на 4), но нѣсколько увеличиться число конныхъ полковъ (на 1).

Сибирское войско, съ населеніемъ 95,000 душъ, *обязано выставлять* 9 шестисотенныхъ полковъ, 3 пѣшія команды и 1 учебную сотню. По мирному и военному времени въ штатѣ его состоятъ 16 шт.-оф., 147 об.-оф., 405 урд., 106 муз., 6,488 стр. и 22 нестр. казака съ 6,488 стр. и 488 нестр. лошадьми. *На службѣ же* постоянно находится 18—19 сотенъ и всѣ пѣшія команды (березовская, сургутская и нарынская), что составляетъ $^1/_3$ войска или немного болѣе. Но какъ и здѣсь 10 сотенъ высылаются въ Туркестанскій край, то смѣна половины ихъ еже-

(*) Точнѣе сказать всѣхъ трехъ батарей, ибо и льготная продолжаетъ имѣть часть людей въ сборѣ, для обученія ихъ строевой артиллерійской службѣ. Къ батареямъ приписанъ двойной комплектъ людей именно для облегченія казачьей службы въ нихъ.

годно отрываетъ отъ дому на полгода 5 сотенъ, что показываетъ, что совокупность наряда равна $^2/_5$ войска.

Амурское войско, 20,000 душъ, *обязано выставлять* 2 четырехсотенныхъ конныхъ полка, 2 пятиротныхъ пѣшихъ батальона, 1 конную сотню, въ числѣ 7 шт.-оф., 53 об.-оф., 405 урядн., ,101 муз., 4877 стр. и 152 нестр. казаковъ, съ 1,299 строевыми и 127 нестр. лошадьми, а въ военное время и еще два резервные батальона, что совершенно невозможно по малочисленности населенія. *Въ дѣйствительности* войско даетъ на службу, большею частію внутреннюю, не болѣе $3^1/_2$ сотенъ и $3^1/_2$ ротъ; но и это, нужно замѣтить, составляетъ еще очень тягостный нарядъ для казаковъ, раззоренныхъ съ самаго начала наводненіями, неурожаями, неумѣренными назначеніями на сплавы, на почтовую гоньбу и т. п. Въ этомъ войскѣ есть одинъ пѣшій батальонъ, усурійскій, который вовсе еще не имѣетъ тактическаго образованія, по бѣдности казаковъ, препятствующей дѣлать имъ сборы.

Сводя всѣ изложенныя здѣсь данныя въ одну табличку и принимая въ расчетъ лишь тѣ казачьи войска, которыя имѣютъ цѣлью не одну внутреннюю службу, — какъ казаки иркутскіе, енисейскіе, сургутскіе, нарынскіе, березовскіе, учебныя части всѣхъ войскъ, — а дѣйствительную защиту государственной территоріи отъ внѣшнихъ враговъ, мы получимъ, что на азіатскихъ окраинахъ у насъ есть казаковъ:

Средне-азіатская группа:

Войска:		Въ нихъ по штат. воен. врем.		
Уральское		$12^1/_6$ кон. пол.		10,906 чел.
Оренбургское	9 пѣш. бат. .	15	3 батар.	23,944 „
Сибирское		9	„	7,184 „
Семирѣченское		2	„	1,768 „
Итого	9 пѣш. бат.	$38^1/_6$	3 батар.	43.852 чел.

Восточно-сибирская группа:

Забайкальское	9 пѣш. бат.	6	2 батар.	11,000 чел.
Амурское. . .	2 (+2)	$2^1/_4$	— „	5,595 „
Итого .	11 пѣш. бат.	$8^1/_4$	2 батар.	16,595 чел.
А *всего* . .	20 пѣш. бат.	$46^1/_2$	5 батар.	60,447 чел.

Послѣднія цифры очень значительны; но должно сказать, что собственно ими не выражается хорошій боевой эффективъ, во 1-хъ потому, что невозможно всѣхъ казаковъ сразу потребовать на службу, во 2-хъ потому,

что штаты нѣкоторыхъ войскъ, именно Оренбургскаго и Амурскаго, превосходятъ наличность взрослыхъ людей, и въ 3-хъ потому, что казаки, по тактическому своему образованію, хотя и пригодны къ азіатской войнѣ, но лишь какъ вспомогательная сила для регулярныхъ войскъ, а не для большихъ, самостоятельныхъ дѣйствій. По соображенію свойствъ тѣхъ мѣстностей, которыя могутъ стать театромъ военныхъ событій для каждой изъ двухъ группъ казачьихъ войскъ, средне-азіатской и восточно-сибирской, нельзя не признать основательности, съ которою эти войска расположены вдоль границы. Въ средней Азіи, населенной номадами, — которые надолго, если не навсегда, останутся въ полуобразованномъ состояніи и будутъ требовать за собою почти лишь одного полицейскаго, а не собственно военнаго надзора, — казаки могутъ еще долго приносить пользу и имѣть органическое значеніе, ибо въ охранѣ государства лично заинтересованы прежде всѣхъ: поэтому многочисленность ихъ здѣсь совершенно естественна. Напротивъ, у юговосточныхъ окраинъ Сибири, гдѣ Азіатская Россія сопредѣльна съ культурными странами, какъ Маньчжурія, Корея, Японія, казачество почти не имѣетъ значенія и могло бы быть, съ пользою для государства, упразднено. по крайней мѣрѣ вдоль всей границы съ Маньчжуріею, т. е. на берегахъ Аргуни, Амура и Усури. Затѣмъ и въ степной группѣ можно бы желать уменьшенія комплекта Сибирскаго и Оренбургскаго войскъ въ той части ихъ, которая живетъ на территоріи далекой отъ государственныхъ рубежей и совершенно прикрытой передовыми линіями, а именно отъ Семипалатинска до Орска. Такая мѣра возвратила бы въ гражданское состояніе до 130,000 душъ, т. е. дала бы возможность, не мѣшая промышленному и духовному развитію населенія, содержать на его счетъ два полка регулярной конницы, которые внушали бы средне-азіатцамъ болѣе страха, чѣмъ втрое большее число теперешнихъ казаковъ, стоили бы дешевле, чѣмъ казачьи отряды, нынѣ ежегодно высылаемые въ степь, и, въ случаѣ нужды, могли бы послужить запасомъ для европейской войны, для которой казаки, особливо въ большомъ числѣ, въ наше время, рѣшительно не годятся. Нарядъ въ Туркестанскій край могъ бы покрываться изъ войскъ Уральскаго, Семирѣченскаго и оставшихся нетронутыми частей Оренбургскаго и Сибирскаго войскъ. Можно думать, что если при предстоящемъ административномъ передѣлѣ Азіатской Россіи степи Оренбургская и Сибирская сольются подъ одно управленіе, то мѣстныя власти не замедлятъ представить правительству о выгодахъ такого перечисленія части казаковъ въ гражданское вѣдомство.

Таковы главныя свѣдѣнія и соображенія относительно состава и службы казачьихъ войскъ на русско-азіатскихъ окраинахъ. Переходя къ

обзору ихъ вооруженія, снаряженія и продовольствія, должно прежде всего замѣтить, что введеніе въ потребленіе усовершенствованнаго и особенно скорострѣльнаго оружія обнаружило сильную и трудно-поправимую отсталость казачества въ дѣлѣ *вооруженія.* Прежде, когда употреблялись повсюду на войнѣ гладкоствольныя кремневыя ружья, казаку, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, не стоило большихъ трудовъ и издержекъ пріобрѣсти ружье, цѣною отъ 8 до 10 р. Такое ружье нерѣдко доставалось ему по наслѣдству отъ отца, какъ принадлежность охотничьяго быта. Уже при введеніи, вмѣсто кремневой, ударной системы начала обнаруживаться трудность вооружить всѣхъ казаковъ однообразно, и тогда большая часть войсковыхъ хозяйственныхъ управленій должна была взять это дѣло въ свои руки, чтобы устроить его въ должномъ видѣ при помощи войсковыхъ капиталовъ. Но недостаточность послѣднихъ не позволяла сдѣлать это скоро, и потому уже наступилъ въ ходѣ развитія военнаго искусства періодъ нарѣзнаго оружія, а казаки далеко еще не всѣ имѣли простыя ружья съ пистонами. Затѣмъ отсталость казачества, съ каждымъ новымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ усовершенствованія ручнаго оружія, становилась все рѣзче и рѣзче. Уральское войско въ 1860-хъ годахъ успѣло пріобрѣсти 3,000 хорошихъ винтовокъ; Забайкальское также начало перемѣнять гладкоствольное оружіе на нарѣзное; но всѣ прочія войска не имѣли достаточно средствъ для такой перемѣны и потому остались бы при гладкоствольныхъ ружьяхъ, если бы на помощь имъ не явилось правительство. Перевооружая регулярныя войска Европейской Россіи, оно рѣшило бывшее въ этихъ войскахъ нарѣзное оружіе обратить въ войска казачьи и мало-по-малу достигло до того, что къ концу 1872 года въ этихъ войскахъ было:

Въ Уральскомъ 3,054 драгунскія винтовки Таннера и 4,000 нарѣзныхъ семилинейныхъ ружей; но было и 5,000 старыхъ гладкоствольныхъ, частію даже кремневыхъ.

Въ Оренбургскомъ 3,000 таннеровскихъ винтовокъ, 2,978 шестилинейныхъ нарѣзныхъ ружей, 4,892 пѣхотныхъ и 8,000 драгунскихъ 7-линейныхъ нарѣзныхъ же и 8,960 гладкоствольныхъ ружей, всего 27,830 экземпляровъ оружія.

Въ Сибирскомъ 500 таннеровскихъ винтовокъ, 6,832 драгунскихъ 7-линейныхъ и 4,316 гладкоствольныхъ ружей.

Въ Семирѣченскомъ 2,000 драгунскихъ, нарѣзныхъ, семилинейныхъ и, сверхъ того, неизвѣстное число гладкоствольныхъ.

Въ Забайкальскомъ 5,088 старыхъ и 3,712 новыхъ драгунскихъ нарѣзныхъ ружей, 1,000 пѣхотныхъ шестилинейныхъ винтовокъ и 12,024 гладкоствольныхъ ружья; всего 24,824 штуки.

Въ Амурскомъ 1,132 пѣх. семилин., 1,132 пѣх. шестилин. нарѣзныхъ ружей, 1,132 пистон. и 2,004 кремн. гладкоствольныхъ. Можно, кажется, по одной этой причинѣ желать, чтобы численность дурно вооруженныхъ казаковъ была уменьшена; ибо тогда легче будетъ оставшихся строевыхъ чиновъ вооружить одинаково со всѣми европейскими войсками и слѣд. прійдти къ содержанію на счетъ государства самой малой, но въ то же время весьма грозной для азіатцевъ вооруженной силы.

О холодномъ оружіи казаковъ, т. е. о пикахъ и шашкахъ, можно сказать немного, потому что свойства этого оружія остаются тѣ же, что были много вѣковъ назадъ, а значеніе упадаетъ съ каждымъ усовершенствованіемъ въ устройствѣ огнестрѣльнаго. Если на что должно обратить вниманіе, такъ это во 1-хъ на дурное качество большей части этого оружія у нашихъ казаковъ въ Азіи, и во 2-хъ на малое его употребленіе въ дѣло, такъ что даже пики, традиціонное оружіе казаковъ, нерѣдко истребляются ими самими на топливо въ степяхъ и притомъ обыкновенно въ первые дни похода. Слѣдуетъ еще замѣтить вообще о ручномъ оружіи, какъ холодномъ, такъ и огнестрѣльномъ, что съ покупкою усовершенствованныхъ его образцовъ на войсковые капиталы, казачьи начальства стали *держать его въ складахъ*, вмѣсто того, чтобы раздавать на руки казакамъ. Отъ того у послѣднихъ мало-по-малу образуется отвычка отъ обращенія съ оружіемъ, а слѣдоват. утрачивается ловкость и молодечество, которыя и вообще у казаковъ Азіатской Россіи развиты гораздо менѣе, чѣмъ напр. у кубанцевъ. Это еще разъ представляетъ доказательство трудносовмѣстимости боевыхъ и хозяйственныхъ условій въ казачьихъ войскахъ и служитъ доводомъ къ скорѣйшему уменьшенію ихъ состава, если не къ совершенному упраздненію.

Все *снаряженіе* у казаковъ, за исключеніемъ патроновъ, отпускаемыхъ отъ казны, свое, такъ что одежду, аммуницію, конскую сбрую и самую лошадь казакъ долженъ пріобрѣтать на собственный счетъ, и слѣд. качества ихъ пропорціональны личнымъ денежнымъ средствамъ отдѣльныхъ лицъ. Это естественно ведетъ къ значительному разнообразію въ достоинствахъ снаряженія какъ по полкамъ и сотнямъ, такъ и въ каждой сотнѣ между отдѣльными казаками. Кромѣ того бѣднѣйшихъ обстоятельства заставляютъ иногда отступать напр. отъ форменной одежды, замѣняя ее, гдѣ только можно, болѣе дешевою гражданскою (бешметомъ или даже халатомъ съ киргизскими чембарами у степныхъ казаковъ). Разумѣется, что такое отступленіе отъ строго-служебныхъ порядковъ ведетъ за собою и много другихъ, однородныхъ съ нимъ, напр. плохое качество аммуниціи, дурные сѣдла и т. п. У казаковъ несущихъ службу въ степяхъ, лошади иногда даже совсѣмъ не куются и

потому легко заражаются сапомъ, вслѣдствіе чего иногда треть и даже половина конныхъ казаковъ, послѣ долгаго похода, обращается въ пѣшихъ. Особенно неблагопріятное вліяніе на снаряженіе казаковъ имѣетъ недостатокъ въ Азіатской Россіи фабрикъ суконныхъ и нѣкоторыхъ другихъ. Содержать въ исправности одежду казаку сибирскому, семирѣченскому, забайкальскому и амурскому стоитъ большихъ хлопотъ и издержекъ, и потому было время (до 1860-хъ годовъ), когда напр. Сибирское войско содержало свою суконную фабрику въ Омскѣ. Сбрую казаки обыкновенно приготовляютъ собственными средствами, изъ мѣстныхъ матеріаловъ; но Азіатская Россія и въ этомъ отношеніи далеко отстала отъ Европейской, такъ что, не смотря на обиліе сырыхъ кожъ, порядочную сбрую и даже сапоги для себя лично, многіе казаки покупаютъ привозные изъ Кунгура, Сарапула и Тюмени.

Лошади имѣютъ столь важное значеніе во всемъ снаряженіи казаковъ, что условія снабженія ими казачьихъ войскъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Повсюду нынѣ лошади составляютъ частную собственность казаковъ, хотя еще недавно, именно до 1860 года, въ Сибирскомъ войскѣ онѣ были войсковыми. Конечно, за своею собственностью казакъ лучше ухаживаетъ, чѣмъ за чужою; но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы это сопровождалось созданіемъ хорошихъ породъ казачьихъ лошадей. Напротивъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ полковъ Оренбургскаго войска, ближайшихъ къ казеннымъ случнымъ конюшнямъ, да 4-го полка Забайкальскаго, въ которомъ есть частные выдержанные табуны г. Хилковскаго, всѣ казачьи лошади мелки, невзрачны и даже не всегда крѣпко сложены. Главнымъ, если не единственнымъ, достоинствомъ ихъ можно считать лишь способность къ тебеневкамъ, т. е. къ отыскиванью корма изъ-подъ снѣга зимой, къ чему казаки и пріучаютъ жеребятъ уже со второго года ихъ возраста. Содержаніе лошадей зимою на готовомъ сѣнѣ и овсѣ вообще составляетъ исключеніе у казаковъ, живущихъ по степямъ, и доступно лишь людямъ богатымъ. Но впрочемъ на нѣкоторое время, особенно при образованіи гололедицъ въ степи, скотъ прилинейныхъ казаковъ каждую зиму бываетъ собираемъ въ загоны, гдѣ есть сѣно, хотя нѣтъ овса и недостаетъ крытыхъ помѣщеній. Вліяніе зимнихъ холодовъ и особенно булановъ создало изъ среднеазіатскихъ лошадей породу вообще грубошерстную, отчасти лохматую; а раннее (съ 3 лѣтъ) употребленіе лошадей въ ѣзду препятствуетъ имъ достигать хорошаго роста, такъ что конь въ 2 арш. 2 верш. считается очень крупнымъ; обыкновенный же ростъ есть 2 арш. и даже менѣе. Въ наилучшихъ условіяхъ относительно корма и вообще содержанія находятся лошади амур-

скихъ казаковъ; но къ сожалѣнію онѣ такъ малочисленны, что отъ непрерывныхъ работъ и разъѣздовъ не могутъ скоро улучшиться.

Слѣдующая табличка показываетъ число лошадей въ различныхъ казачьихъ войскахъ, по оффиціальнымъ даннымъ за 1870 годъ:

Въ Уральскомъ. . . .	103,452	шт.,	по 91	лош.	на 100	д. насел.
„ Оренбургскомъ. . .	190,263	„	„ 73	„	„ 100	„ „
„ Сибирскомъ . . .	57,973	„	„ 57	„	„ 100	„ „
„ Семирѣченскомъ . .	2,312	„	„ 54	„	„ 100	„ „
„ Забайкальскомъ . .	142,818	„	„ 109	„	„ 100	„ „
„ Амурскомъ. . . .	10,633	„	„ 55	„	„ 100	„ „

Всѣ эти цифры, вѣроятно, меньше дѣйствительныхъ и даже въ очень различной степени, такъ что дѣлать сравнительные выводы трудно. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что наиболѣе богатые лошадьми суть казаки забайкальскіе и уральскіе. Цифры, показанныя въ табличкѣ для Сибирскаго и Семирѣченскаго войскъ, особенно далеки отъ истинныхъ, ибо войска эти не бѣднѣе лошадьми, чѣмъ Оренбургское. Вообще, въ дѣйствительности можно считать у казаковъ нашихъ азіатскихъ окраинъ среднимъ числомъ по 1 лошади на душу населенія, т. е. по 5 лошадей на семью. Это показываетъ, что съ наличнымъ числомъ лошадей казаки не только могутъ отправлять конную службу, но и не быть стѣснены въ полевыхъ работахъ. Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что бываютъ случаи, когда казаки (въ степяхъ) отправляются на службу, напр. въ погоню за хищниками, о-дву-конь, и это не отражается вредно на ихъ благосостояніи.

Казачьи войска, образуя въ общемъ строѣ государства не одну боевую силу, но и особое сословіе, которое должно собственными средствами существовать во всякое время, мирное и военное, требуютъ, съ чисто военной точки зрѣнія, вниманія не только къ ихъ боевому снаряженію, но также къ состоянію *домашняго ихъ хозяйства.* Ибо пренебрегать послѣднимъ, какъ это случилось напр. на Усури, значитъ доводить казаковъ въ самое короткое время до раззоренія и до полной негодности нести военную службу. Вотъ почему сверхъ скотоводства нужно здѣсь упомянуть еще о хлѣбопашествѣ и о нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ промышленности, важныхъ для казачьяго быта. Оффиціальные отчеты атамановъ представляютъ для этого достаточно данныхъ. Такъ статистика хлѣбопашества за три года, 1868 — 70 (тѣ самые, къ которымъ относятся данныя объ интендантскихъ расходахъ въ подлежащей части этого „Обзора“) представляетъ слѣдующее:

Урожай.		1868 года.	Самъ.	1869 года.	Самъ.	1870 года.	Самъ.	Среднiй. Четвер.	Самъ.
Въ Уральскомъ . . .	оз.	9,330 ч.	$8\frac{1}{2}$	5,470 ч.	6	5,956 ч.	$9\frac{3}{4}$	317,000	$8\frac{1}{4}$
	яр.	393,420 „	10	184,580 „	$4\frac{3}{4}$	353,589 „	$10\frac{1}{2}$		
› Оренбургскомъ .	оз.	25,735 „	$3\frac{3}{4}$	30,808 „	$2\frac{1}{2}$	68,920 „	$3\frac{1}{2}$	1,400,000	$3\frac{3}{4}$
	яр.	1,802,950 „	$4\frac{3}{4}$	1,195,619 „	3	1,914,312 „	$3\frac{1}{2}$		
› Сибирскомъ . . .	оз.	37,613 „	$5\frac{1}{2}$	41,259 „	$4\frac{3}{4}$	27,059 „	$3\frac{1}{4}$	224,000	4
	яр.	172,193 „	5	205,867 „	$5\frac{1}{2}$	180,261 „	$3\frac{1}{4}$		
» Семирѣченскомъ	оз.	23,460 „	$9\frac{1}{4}$	23,460 „	$9\frac{3}{4}$	4,001 „	$6\frac{1}{4}$	158,000	9
	яр.	142,244 „	$8\frac{1}{2}$	142,244 „	$8\frac{1}{2}$	140,962 „	$8\frac{3}{4}$		
› Забайкальскомъ .	оз.	3,390 „	5	1,922 „	3	3,269 „	$5\frac{1}{4}$	310,000	$3\frac{1}{2}$
	яр.	340,353 „	4	256,144 „	$2\frac{3}{4}$	326,549 „	$3\frac{3}{4}$		
› Амурскомъ . . .	оз.	144 „	6	242 „	$2\frac{1}{2}$	762 „	$1\frac{3}{4}$	50,500	4
	яр.	55,847 „	$4\frac{3}{4}$	41,137 „	$3\frac{1}{2}$	53,585 „	$4\frac{1}{2}$		

Отсюда видно, что наилучшiе урожаи свойственны землямъ Семирѣченскаго и Уральскаго войскъ, какъ то и естественно по ихъ болѣе южному положенiю. Раздѣляя же среднее годовое количество производимыхъ почвою хлѣбовъ (за отчисленiемъ нужнаго на сѣмена) на число душъ въ каждомъ войскѣ, найдемъ, что войска располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Семирѣченское . 8 ч. на 1 д.
2. Оренбургское . 5 „ „ 1 „
3. Уральское . . $2\frac{1}{2}$ „ „ 1 „
4. Сибирское . . 2 ч. на 1 д.
5. Забайкальское. $1\frac{4}{5}$ „ „ 1 „
6. Амурское . . $1\frac{4}{5}$ „ „ 1 „

Такимъ образомъ въ Семирѣченскомъ войскѣ урожаи представляютъ рѣзкое исключенiе изъ всѣхъ прочихъ и далеко превосходятъ дѣйствительную потребность самихъ казаковъ. Эти избытки хлѣба въ Семирѣчьѣ сбываются частiю на винокуренные заводы въ Вѣрномъ и Лепсинской станицѣ, частiю въ казенные магазины для войскъ, частiю новымъ поселенцамъ, весьма охотно идущимъ въ тотъ край, и, наконецъ, частiю киргизамъ. Оренбургское войско, слѣдующее за Семирѣченскимъ по изобилiю урожаевъ, сбываетъ избытки свои на горные и винокуренные заводы; Уральское небольшую часть пшеницы на Волгу. Всѣ же прочiе казаки нашихъ окраинъ имѣютъ хлѣба, можно сказать, въ обрѣзъ для своихъ насущныхъ надобностей и ничего не могутъ отпускать на продажу. Въ Амурскомъ войскѣ есть даже части (усурiйскiй батальонъ), которыя живутъ хлѣбомъ привознымъ, именно идущимъ изъ окрестностей Благовѣщенска, гдѣ онъ въ изобилiи добывается крестьянами и казаками конныхъ полковъ.

Кромѣ хлѣбопашества, въ казачьихъ войскахъ существуютъ и нѣкоторые другiе *промыслы*, служащiе къ обезпеченiю быта казаковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно сказать, что эти-то промыслы и составляютъ главный источникъ богатства или, по крайней мѣрѣ, безбѣднаго существованiя казаковъ. Само собою разумѣется, что такiе промыслы всѣ

принадлежатъ къ разряду земледѣльческихъ, добывающихъ сырыя произведенія природы, но не къ фабричнымъ или торговымъ, такъ-какъ родъ жизни казаковъ не позволяетъ имъ заниматься ни заводскою, ни коммерческою дѣятельностью, за весьма немногими исключеніями. Къ такимъ промысламъ принадлежатъ: въ Уральскомъ, Сибирскомъ и Амурскомъ войскахъ рыболовство, съ годовою выручкою за одну рыбу, проданную на сторону, въ 1,800,000 рублей; въ Уральскомъ, Оренбургскомъ и Сибирскомъ салотопленіе и добываніе сырыхъ кожъ, всего на сумму 1,200,000 рублей; въ Уральскомъ и Семирѣченскомъ войскахъ добыча соли, а въ Оренбургскомъ перевозка ея изъ Илецкой Защиты и съ оз. Уркача; въ Сибирскомъ и Семирѣченскомъ — пчеловодство; въ Забайкальскомъ и Амурскомъ звѣриная охота. Нѣкоторыя изъ войсковыхъ земель заключаютъ въ себѣ выгодныя оброчныя статьи, отдаваемыя на откупъ или въ аренду; отъ нихъ-то образовались въ войскахъ *капиталы*, которыхъ къ началу 1871 г. состояло:

Въ Оренбургскомъ войскѣ	. . .	2,113,490	р.,	по	8	на	1 душу.
„ Уральскомъ „	. . .	778,763	„	„	7	„	1 „
„ Сибирскомъ „	. . .	744,799	„	„	$7^1/_2$	„	1 „
„ Семирѣченскомъ „	. . .	59,960	„	„	$3^1/_6$	„	1 „
„ Забайкальскомъ „	. . .	222,962	„	„	$1^3/_4$	„	1 „
„ Амурскомъ „	. . .	16,484	„	„	$^4/_5$	„	1 „

Незначительность капиталовъ въ двухъ послѣднихъ войскахъ служитъ причиною, что войсковое ихъ хозяйство еще долгое время будетъ въ состояніи неудовлетворительномъ и что, по всей вѣроятности, часть необходимыхъ войсковыхъ расходовъ, напр. для введенія хорошаго оружія, придется принять на счетъ казны, если только коренная реформа, т. е. упраздненіе или хоть сокращеніе самыхъ войскъ, не сдѣлаетъ этого ненужнымъ.

Степень *матеріальнаго благосостоянія самихъ казаковъ*, т. е. не войскъ, а отдѣльныхъ лицъ въ ихъ домашнемъ быту, оцѣнить очень не легко, по неимѣнію обстоятельныхъ о томъ изслѣдованій. Но сколько можно судить по наглядному ознакомленію съ казачьимъ бытомъ, какое мнѣ удалось пріобрѣсти при личныхъ осмотрахъ и изъ бесѣдъ съ людьми знающими дѣло, войска въ этомъ смыслѣ идутъ одно за другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Семирѣченское.
2. Уральское.
3. Сибирское на Иртышѣ и въ Алтаѣ.
4. Забайкальское конное по границѣ.

5. Оренбургское на Старой линіи.
6. Сибирское на Горькой линіи и въ степи.
7. Оренбургское впереди Старой линіи.
8. Забайкальское пѣшее.
9. Амурское.

Амурское войско, какъ нужно надѣяться, занимаетъ послѣднее мѣсто лишь временно, и, напротивъ, лѣтъ черезъ десять вѣроятно займетъ мѣсто около Семирѣченскаго и Уральскаго, такъ какъ территоріальныя условія у него очень хорошія. Менѣе же всѣхъ можно надѣяться на увеличеніе благосостоянія казаковъ по Горькой линіи и въ степи, а также въ Нерчинскомъ краѣ; и это исключительно потому, что казачій бытъ, обязательно-земледѣльческій, рѣшительно не соотвѣтствуетъ территоріальнымъ условіямъ двухъ названныхъ мѣстностей.

Оффиціальные отчеты атамановъ показываютъ размѣры поземельныхъ надѣловъ, которыми пользуются казаки различныхъ войскъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ надѣлы эти чрезмѣрно велики, такъ что значительная часть войсковыхъ земель остается пустою или служитъ для кочевокъ номадамъ. Таковы напр. территоріи войскъ Уральскаго и Сибирскаго, гдѣ на душу приходится свыше 70 десятинъ. Но эти цифры, по справедливости, не служатъ мѣрою или залогомъ даже будущаго экономическаго благосостоянія войскъ, а тѣмъ менѣе настоящаго, когда земли на всѣхъ азіатскихъ окраинахъ находятся въ избыткѣ. Гораздо важнѣе для оцѣнки казачьяго быта и въ настоящемъ, и въ будущемъ данныя о состояніи *умственнаго развитія* казаковъ, которое есть залогъ не только накопленія и разумнаго, производительнаго потребленія казаками капиталовъ, но и самыхъ боевыхъ качествъ войскъ. Въ этомъ отношеніи, должно признаться, что казачьи войска представляютъ довольно печальное зрѣлище. Въ наиболѣе развитомъ изъ нихъ умственно, Забайкальскомъ, гдѣ предки казаковъ были горнозаводскіе мастеровые, политическіе ссыльные и т. п., на 100 душъ населенія приходится не свыше $5^1/_2$ учащихся, въ Сибирскомъ войскѣ эта послѣдняя цифра понижается до $1^1/_2$%, и притомъ, нужно замѣтить, что число лицъ съ высшимъ образованіемъ въ казачьемъ сословіи почти равно нулю. Учебныхъ заведеній въ войскахъ очень мало, въ Уральскомъ напр. всего 41 на 113,000 населенія, такъ что на каждое училище приходится по 2,700 жителей. Отъ того нельзя удивляться, что между казаками не только много безграмотныхъ урядниковъ, но есть и офицеры, знающіе только читать, писать и четыре правила ариѳметики. Для образованія офицеровъ въ степныхъ войскахъ, Уральскомъ, Оренбургскомъ, Сибирскомъ, существуютъ, правда, двѣ военныя гимназіи въ Оренбургѣ и Омскѣ и

классическая въ Уральскѣ; но онѣ даютъ лишь незначительный для этихъ войскъ процентъ образованныхъ офицеровъ. Отъ того болѣе развитое начальствующее сословіе встрѣчается только въ тѣхъ войскахъ, гдѣ, какъ въ Забайкальскомъ и Амурскомъ, почти всѣ офицеры изъ Европейской Россіи, временно служащіе въ войскахъ, но не потомственные казаки. Нѣтъ сомнѣнія, что потомственность казачьяго сословія, а еще болѣе его замкнутость, какъ въ Уральскомъ войскѣ, и всегда будетъ служить препоною къ научному образованію мѣстной молодежи.

Въ атаманскихъ отчетахъ приводятся довольно подробныя данныя о числѣ раскольниковъ и вообще о вѣроисповѣданіи казаковъ. Такъ-какъ эта сторона казачьяго быта никакого замѣтнаго вліянія на военную службу людей не имѣетъ; то о ней нѣтъ нужды здѣсь и говорить. Развѣ можно прибавить, что сильное развитіе старовѣрства у уральцевъ много способствуетъ сохраненію особности этого войска, не только бытовой, но до нѣкоторой степени даже и политической. Про это войско можно сказать почти то же, что въ 1861 году замѣтилъ фельдмаршалъ кн. Барятинскій про черноморское: въ немъ сознаніе особности доходитъ до степени національности.

VIII. Свѣдѣнія по артиллерійской части.

Состояніе полевой артиллеріи.

Въ предѣлахъ азіатскихъ военныхъ округовъ мы имѣемъ слѣдующія полевыя батареи:

	Оренб.	Турк.	Запад. Сиб.	Вост. Сиб.	Итого.	Орудій.
Пѣшую съ 9-ф. нарѣз. ор. . .	—	1(1/4)	—	—	1	8+2 горн.
Пѣшія „ 4 „ „ „ . .	—	4(1/2)	1	2	7(1/2)	56+4 „
Горныя „ 4 „ „ „ . .	—	1	—	1	2	16 горн.
Казач. кон. съ 4-ф. „ „ . .	3	—	—	2	5	40 „
Итого. . . .	3	6	1	5	15	126 ор.

Эти 15 батарей и 126 орудій разсѣяны на огромномъ протяженіи 10,000 верстъ, отъ Урала и Зерафшана до береговъ Тихаго океана, и притомъ нерѣдко не цѣлыми батареями, а отдѣльными взводами, какъ

напр. горныя батареи въ Семирѣченскомъ краѣ, на Сахалинѣ и въ Южно-Усурійскомъ краѣ. Три полевыя батареи Сыръ-Дарьинской области (1 Турк. бр.) имѣютъ въ составѣ своемъ каждая, сверхъ обыкновенныхъ полевыхъ, по два горныхъ орудія, и въ походахъ первыя нерѣдко замѣняются вторыми. Такимъ образомъ при исключительной сложности матеріальной части нѣкоторыхъ батарей и при раскинутости расположенія всѣхъ вообще трудно достигать вполнѣ успѣшнаго хода хозяйственныхъ дѣлъ въ батареяхъ, а также совершенно однообразнаго строеваго образованія ихъ. Казачьи конныя батареи въ Оренбургскомъ и Восточно-Сибирскомъ округахъ, кромѣ того, по закону имѣютъ право быть часто на льготѣ, т. е. внѣ службы, что также должно отражаться на ихъ строевомъ образованіи. Впрочемъ, дабы эти батареи могли быть во всякое время двинуты въ походъ, не нарушая правъ льготныхъ казаковъ, онѣ имѣютъ двойной комплектъ людей, смѣняющихся по очереди.

По отзывамъ всѣхъ лицъ, производившихъ инспекціи войскъ, строевое образованіе полевой артиллеріи въ Азіатской Россіи всюду удовлетворительно; но естественно, что тамъ, гдѣ батареи содержатся постоянно въ сборѣ, или даже расположены группами (какъ въ Верхнеудинскѣ), тамъ обученіе фронту и стрѣльбѣ успѣшнѣе, чѣмъ въ батареяхъ, несущихъ службу по отрядамъ, въ разбивку.

Крѣпостная артиллерія. парки, арсеналы.

Распредѣленіе ихъ по военнымъ округамъ выражается слѣдующею таблицею:

	Оренб.	Ту к.	З. Сб.	В. Сб.	Итого.
Крѣпостныхъ ротъ и командъ . . .	1 к.	1 р.	1 к.	1 р.	5 р.+2 к.
Подвижной полупаркъ	—	—	—	1	1
Мѣстные парки	—	—	1	3	4
Лабораторія	—	1	1	—	—
Окружныхъ арсеналовъ	1	1	—	1	3
Складовъ ручн. оружія	1	2?	1	0	4?
Склад. оруд. и снаряд.	?	?	?	1	1?

Таблица эта однако не вполнѣ выражаетъ дѣйствительное размѣщеніе разныхъ мѣстныхъ артиллерійскихъ учрежденій въ Азіатской Россіи, а потому необходимо войдти въ нѣкоторыя о нихъ подробности.

1. *Крѣпостныя артиллерійскія роты.* Въ Туркестанскомъ округѣ ихъ находится четыре: въ Перовскѣ, Чиназѣ, Ташкентѣ и Вѣрномъ; но онѣ имѣютъ много людей въ командировкахъ по укрѣпленіямъ въ Казалинскѣ, Туркестанѣ, Чимкентѣ, Ходжентѣ, Уратюбе, Самаркандѣ, Токмакѣ, Нарынскомъ укр. и въ Караколѣ. Николаевская крѣпостная рота въ Вост. Сибири находится на мысѣ Чныррахѣ.

2. *Подвижной полупаркъ и окружной арсеналъ* Восточной Сибири находятся въ Читѣ; но послѣдній предполагается перевести въ Хабаровку, которая доселѣ снабжала его подѣлочнымъ лѣсомъ. Если это состоится, то едва-ли не удобнѣе будетъ и полупаркъ передвинуть либо въ Благовѣщенскъ, либо въ Верхнеудинскъ, гдѣ есть полевая артиллерія, могущая имѣть нужду въ паркѣ. Окружной арсеналъ Восточной Сибири слѣдовало бы дополнить оружейною мастерскою, ибо теперь оружіе войскъ этого края чинится либо въ самыхъ частяхъ войскъ (мелочи), либо въ Европейской Россіи (заводскія поправки). Мѣстные парки Западной и Восточной Сибири служатъ почти исключительно для склада пороху на продажу жителямъ для охоты; поэтому ихъ лучше бы исключить изъ военнаго вѣдомства.

3. Въ таблицѣ показано невѣрно *число складовъ* оружія и снарядовъ: это потому, что квартирное росписаніе, изъ котораго заимствованы данныя, признаетъ только организованныя части, а не отдѣльныя нештатныя команды и учрежденія. Такимъ образомъ въ Туркестанскомъ военномъ округѣ есть не два склада, а 20, изъ которыхъ въ Ташкентѣ, Чимкентѣ, Аулье-ата, Чиназѣ, Уратюбе, Самаркандѣ, Перовскѣ Казалинскѣ, Кармакчахъ, Вѣрномъ, Копалѣ, Нарынѣ, Караколѣ и Сергіополѣ есть не только порохъ и ружья, но также и артиллерійскія орудія, а въ Туркестанѣ, Ходжентѣ, Катты-Курганѣ, Токмакѣ, Джулекѣ — только порохъ и ружья, какъ видно изъ слѣдующаго:

	Орудія.	Ручн. оруж.	Снаряд.	Патроновъ.	Пороху.
Ташкентъ	47	2.808 шт.	20.000	1.320.000	3.800 п.
Чимкентъ	9	820	3.000	3.700	440 „
Туркестанъ	8	103	2.000	6.300	316 „
Аулье-ата.	8	37	5.700	—	660 „
Уратюбе	6	—	132	—	31 „
Самаркандъ	22	112	2.350	640.000	365 „
Перовскъ	22	1.401	3.515	63.000	274 „
Казалинскъ	23	1.122	3.627	115.500	477 „
Кармакчи	7	37	1.166	3.700	23 „

	Орудія.	Ручн. оружія.	Снарядовъ.	Патроновъ.	Пороху.
Чиназъ	22	1.024	5.500	122.000	2.700 п.
Джулекъ.	8	37	352	7.300	11 „
Ходжентъ	9	—	1.200	74.000	71 „
Катты-курганъ	5	—	360	—	9 „
Вѣрный	13	1.850	29.000	346.000	1 242 „
Копалъ	6	40	4.068	—	1.500 „
Нарынъ	9	—	—	49.490	22 „
Караколъ	6	—	270	900	11 „
Борохудзиръ	2	—	—	57.000	— „
Бахты	2	—	—	—	— „
Сергіополь	2	—	1.650	—	347 „

Откуда видно, что Туркестанскій округъ имѣетъ значительные артиллерійскіе запасы, но распредѣленіе ихъ не всегда удовлетворительно, потому что на многихъ передовыхъ пунктахъ (Катты-Курганѣ, Нарынѣ и пр.) запасовъ сихъ мало, а напротивъ во внутреннихъ складахъ много. Впрочемъ, вѣроятно, приведенныя цифры значительно измѣнились съ декабря 1871 г., къ которому относятся (для другихъ округовъ данныхъ нѣтъ).

4. Азіятская Россія не имѣетъ ни одного *мѣстнаго арсенала* (съ литейной для пушекъ и снарядовъ), ни одного *оружейнаго и пороховаго завода*. Между тѣмъ въ нихъ ощущается большая нужда, по крайней мѣрѣ для двухъ Сибирскихъ и Туркестанскаго округовъ. Кажется, что устройство одного такого учрежденія напр. въ Барнаулѣ, который имѣетъ значительную массу рабочихъ, годныхъ для дѣла, и лежитъ внѣ всякой опасности отъ внѣшняго непріятеля, на половинѣ дороги между Восточною Сибирью и Туркестаномъ, могло бы много облегчить снабженіе войскъ и артиллеріи Азіатской Россіи разными предметами вооруженія и снаряженія. Устройство арсенала и оружейнаго завода на Алтаѣ было бы полезно и потому, что 1) ручное оружіе въ значительномъ количествѣ закупалось бы мѣстными жителями-звѣроловами, 2) литье артиллерійскихъ орудій и снарядовъ дало бы толчокъ разработкѣ мѣстныхъ алтайскихъ рудъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ и свинцовыхъ. На Алтаѣ же удобнѣе всего завести и пороховой заводъ, ибо тамъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, можно найдти хорошіе уголь и сѣру и развить у мѣстныхъ жителей добываніе селитры изъ огромнаго количества нынѣ пропадающаго даромъ навоза. (Хозяйство у алтайскихъ земледѣльцевъ залежное, безъ удобренія, а скота много).

Доставка артиллерійскихъ грузовъ.

Ближайшія къ Азіатской Россіи техническія артиллерійскія учрежденія суть: Петербургскій арсеналъ, Ижевскій оружейный, Воткинскій механическій и Казанскій пороховой заводы, отъ которыхъ до главныхъ пунктовъ военныхъ округовъ считается:

	Петерб.	Ижев. зав.	Вотк. зав.	Казань.
	В е р с т ъ.			
Отъ Оренбурга	2.089	930	935	689
„ Ташкента	4.081	2.866	2.871	2.625
„ Омска	3.359	1.625	1.554	1.940
„ Иркутска.	5.778	4.062	3.991	4.411
„ Николаевска	9.952	8.224	8.153	8.573

Такимъ образомъ всѣ безъ исключенія предметы артиллерійскаго довольствія, обыкновенно весьма тяжеловѣсные, приходится доставлять за многія тысячи верстъ и притомъ большею частію сухопутно, такъ какъ водяныя сообщенія мало развиты въ Азіятской Россіи. Въ 1854 году этимъ способомъ были отправлены даже бомбовыя орудія на устье Амура, въ 1870 году дубъ на артиллерійскія подѣлки изъ Петербурга въ Ташкентъ, и т. п. Спѣшность доставки при этомъ способѣ немыслима, и потому нерѣдки случаи, что ружное оружіе, боевыя ракеты и т. п. предметы, при внезапной настоятельной въ нихъ надобности, отправляются по почтѣ, какъ было въ 1859 г. съ ракетами, назначенными въ Вѣрный.

Окружныя артиллерійскія управленія обыкновенно имѣютъ для перевозки тяжестей годовыхъ подрядчиковъ и, замѣчательно, что цѣны за эту перевозку на 15—20% дороже, чѣмъ на перевозъ провіанта и коммиссаріатскихъ вещей, что объясняется, конечно, необходимостью особенно бережнаго обращенія съ многими предметами вооруженія или же ихъ тяжестью и громоздкостью, требующими устройства особыхъ повозокъ. Точныхъ данныхъ объ этой стоимости однакоже въ Петербургѣ нѣтъ, а потому нельзя сдѣлать сравненія, во что напр. обходится перевозка пуда на каждые 100 верстъ въ степяхъ и на Амурѣ, въ Туркестанѣ и въ Западной Сибири. Приблизительно лишь можно считать, что въ степяхъ платится 12 к. съ пуда, а въ Сибири 8 — 10 к. Восточная Сибирь часть своего вооруженія получаетъ иногда моремъ, причемъ конечно казна выигрываетъ значительную экономію, ибо напр. доставка

пуда снарядовъ изъ Кронштадта въ Владивостокъ по океану обходится всего 1 р. 65 к., а сухопутная не можетъ стоить менѣе 12—14 рублей, т. е. всемеро дороже.

Вооруженіе войскъ.

Въ виду дороговизны и вообще трудности доставки предметовъ вооруженія на всѣ наши азіатскія окраины, особую важность получаетъ состояніе наличныхъ мѣстныхъ запасовъ оружія въ Туркестанѣ и въ Восточной Сибири. Слѣдующія общія данныя, по округамъ и цѣлой границѣ, относятся къ 1872 году:

	Оренб.	Турк.	Зап. Сб.	Вост. Сб.	Итого.
Винтовокъ игольчатыхъ . . .	7.183	14.490	9.676	9.932	41.281
„ Бердана.	144	2 232	—	—	2.376
„ Крынка	—	237	—	—	237
Ружей ударныхъ гладкоств. .	543	—	1.596	500	2 639
Револьверовъ.	36	78	249	41	404
Пистолетовъ ударныхъ. . . .	215	855	281	515	1.866
Палашей абордажныхъ. . . .	—	234	—	—	234
Сабель офицерскихъ.	50	106	78	103	337
„ драгунскихъ	48	69	177	65	359
Шашекъ	—	1.310	271	822	2.403
Тесаковъ	756	2.427	1.002	973	5.158

Отсюда видно, что почти всѣ наши азіатскія войска имѣютъ нарѣзное и даже скорострѣльное оружіе. Но нельзя не замѣтить, что оно трехъ системъ, и притомъ винтовки Бердана и Крынка, требующія металлическихъ патроновъ, находятся въ Туркестанѣ, куда доставка сихъ патроновъ нелегка. Кромѣ того можно замѣтить, что число револьверовъ, весьма полезныхъ въ той войнѣ мелкими отрядами и командами, которую всего чаще приходится намъ вести въ Азіи, очевидно не соотвѣтствуетъ потребности, тогда какъ мало нужные тесаки имѣются въ изобиліи.

О состояніи оружія въ казачьихъ войскахъ свѣдѣнія помѣщены въ главѣ объ этихъ войскахъ.

IX. Объ укрѣпленіяхъ, расположенныхъ по окраинамъ Азіатской Россіи.

Первыми русскими укрѣпленіями на азіатской почвѣ были: нѣкоторые *города*, напр. Тобольскъ, *остроги* — Енисейскій, Иркутскій, Братскій, Якутскій и пр. — большею частію обратившіеся потомъ въ города, и наконецъ, съ XVIII столѣтія, *крѣпости*, изъ которыхъ иныя, какъ Оренбургъ и Омскъ, имѣли долговременныя профили, каменныя ворота и даже (въ Оренбургѣ) каменную одежду эскарповъ. Большинство крѣпостей впрочемъ отличалось простотою устройства верковъ и напоминало теперешнія степныя укрѣпленія. Со временъ Миниха эти крѣпости и форпосты составляли „линіи“ вдоль самой государственной границы, отъ устья Урала до береговъ Аргуни. Съ теченіемъ времени надобность въ этихъ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ миновалась, и теперь, кромѣ Омска, *во всей Сибири нѣтъ ни одного укрѣпленнаго пункта, а всѣ они сосредоточены въ степяхъ и въ Туркестанскомъ краѣ*. Исключеніе составили бы батареи на мысѣ Чныррахѣ, въ устьяхъ Амура; но эти батареи далеко еще не окончены и будутъ ли когда окончены, это еще вопросъ.

Само собою разумѣется, что ни выборъ мѣстъ для степныхъ укрѣпленій, ни способъ ихъ постройки не похожи на европейскіе. Средне-азіатская крѣпостца, прежде всего, есть опорный пунктъ для легкаго отряда, который бы могъ выходить оттуда во всякое время для развѣдокъ и поисковъ, оставляя свои запасы подъ защитою ограды и небольшаго гарнизона. На осаду отъ непріятеля она не расчитывается, и отъ ограды въ ней требуется лишь того, чтобы ее не могъ перескочить всадникъ. Мѣстность для сооруженія такой крѣпостцы выбирается обыкновенно тамъ, гдѣ указываетъ сама природа, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ есть въ достаточномъ количествѣ вода и трава. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. по сосѣдству съ большими населенными пунктами Туркестана, эти укрѣпленія получаютъ характеръ цитаделей, командующихъ городомъ, и потому на выборъ мѣстъ для нихъ имѣютъ исключительное вліяніе соображенія чисто тактическія. Наконецъ въ иныхъ случаяхъ, какъ у береговъ морей, озеръ и судоходныхъ рѣкъ, мѣсто расположенія крѣпостцы обусловливается свойствами береговъ, глубиною водъ, существованіемъ переправъ, закрытостью бухтъ и т. п. Общаго принципа, на основаніи котораго были бы устроены степныя укрѣпленія,

системы этихъ укрѣпленій нѣтъ, никогда не было и не можетъ быть. За исключеніемъ сыръ-дарьинскихъ, укрѣпленія эти нигдѣ не составляютъ даже опоры одно для другаго, подобно тому какъ напр. кавказскія; онѣ не связаны промежуточными постами и рѣшительно не подготовлены къ выдержанію европейской осады, а устроены лишь такъ, чтобы воспрепятствовать среднеазіатцамъ овладѣть русскою осѣдлостью помощью приступа.

По географическому расположенію своему, среднеазіатскія укрѣпленія могутъ быть соединены въ нѣсколько группъ: 1) *прикаспійскія* береговыя укрѣпленія, опорные пункты наши къ сторонѣ Туркменіи; 2) *внутреннія* степныя укрѣпленія оренбургскія и западно-сибирскія, которыхъ цѣль прикрывать наши административные центры и возникающія колоніи въ степи; 3) *пограничныя* укрѣпленія, для наблюденія за границею; 4) *цитадели* въ туркестанскихъ городахъ, служащія мѣстопребываніемъ гарнизоновъ, которые обезпечиваютъ покорность самихъ городовъ и всей страны. Наконецъ заслуживаютъ упоминанія туземныя ограды самихъ средне-азіатскихъ городовъ, могущія служить скорѣе противъ насъ, чѣмъ за насъ.

А. Прикаспійскія укрѣпленія.

Двѣ первыя крѣпостцы на восточномъ берегу Каспійскаго моря построены были княземъ Бековичемъ-Черкасскимъ предъ хивинскою экспедиціею 1710 года. Одна находилась на Мангышлакѣ, близъ мыса Сагындыка; другая на Красноводской косѣ; обѣ были оставлены послѣ несчастнаго исхода хивинской экспедиціи. Затѣмъ новый русскій укрѣпленный пунктъ въ закаспійскомъ краѣ возникъ не ранѣе 1836 года, когда была занята мѣстность у выхода изъ залива Кайдакъ въ заливъ Мертвый-Култукъ. Это укрѣпленіе, называвшееся Александровскимъ, существовало впрочемъ недолго (до 1846), потому что въ гарнизонѣ его всегда бывало много больныхъ, и все нужное для жизни войскъ приходилось доставлять съ большимъ трудомъ, благодаря мелководію Мертваго Култука, гдѣ морскія суда останавливались въ 70 верстахъ отъ укрѣпленія и должны были грузы свои перевозить въ фортъ на косныхъ лодкахъ и даже на челнокахъ и въ бродъ.

Въ настоящее время (май 1873) на восточномъ берегу Каспійскаго моря мы имѣемъ два укрѣпленія: фортъ Александровскій и Красноводскъ.

1. *Фортъ Александровскій* (Тюпъ-Караганъ) расположенъ на высокой горѣ, въ 3 верстахъ южнѣе бухты Тюпъ-Караганской, которая служитъ ей гаванью. Воду получаетъ изъ колодцевъ, лежащихъ внизу горы и въ далекомъ разстояніи отъ самаго укрѣпленія, хотя подъ выстрѣлами его. Топлива и сѣна въ окрестностяхъ нѣтъ, и потому онѣ доставляются изъ Астрахани, также какъ и все продовольствіе для людей. Открытымъ для нападеній номадовъ можетъ считаться только восточный фасъ укрѣпленія, но и тотъ въ 1870 г. оказался неприступнымъ для нихъ. Фортъ Александровскій имѣетъ всѣ необходимыя для гарнизона жилыя и хозяйственныя постройки, частію деревянныя, частію каменныя, возведенныя изъ мѣстнаго степнаго известняка, мягкаго въ сыромъ видѣ и твердѣющаго по обдѣлкѣ и высыханіи. Въ фортѣ есть церковь, которая въ случаѣ крайности можетъ служить редюитомъ.

2. *Красноводскъ* расположенъ на сѣверномъ берегу Муравьевской бухты, въ Красноводскомъ заливѣ, и уже не на такой высокой скалѣ, какъ Александровскій фортъ, а, напротивъ, въ долинѣ, обставленной командующими высотами. Онъ имѣетъ видъ неправильнаго четыреугольника, восточнѣе котораго, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпостцы, расположенъ форштадтъ, который здѣсь находится подъ защитою укрѣпленія, тогда какъ на Тюпъ-Караганѣ станица Николаевская удалена отъ форта на $3^1/_2$ версты и можетъ быть раззорена прежде, чѣмъ въ фортѣ объ этомъ узнаютъ. Одна, изъ командующихъ Красноводскомъ, съ сѣвера, высотъ занята отдѣльнымъ укрѣпленнымъ постомъ, вслѣдствіе чего болѣе обезпечено для горнизона полученіе воды изъ колодца Балкуй, лежащаго на сѣверо-западѣ отъ Красноводска, въ небольшой пади. Впрочемъ, не полагаясь на одинъ маловодный и отдаленный колодезь, при укрѣпленіи завели уже опрѣснительный аппаратъ. Красноводская гавань замерзаетъ также какъ и бухта Тюпъ-Караганъ, но на значительно болѣе короткій срокъ, именно не свыше двухъ мѣсяцевъ. За исключеніемъ вѣтровъ съ юга Красноводская гавань совершенно обезпечена отъ непогодъ. Пустынность окрестностей Красноводска вынуждаетъ здѣсь все нужное подвозить съ Кавказа и изъ Европейской Россіи.

Б Внутреннія степныя укрѣпленія.

Укрѣпленія эти возникали и возникаютъ доселѣ по мѣрѣ дѣйствительной, а иногда только кажущейся потребности, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ упраздняются, просуществовавъ едва нѣсколько лѣтъ. Къ

такимъ упраздненнымъ принадлежатъ въ Оренбургской степи: Тасъ-кичу, Чушкакульское, Эмбенское и цѣлый рядъ другихъ, составлявшихъ такъ-называемую Новую линію, въ составъ которой входило и 18 верстъ непрерывнаго вала, построеннаго генераломъ Перовскимъ; въ Сибирской степи: Улу-тау, Актау, Кушъ-мурунъ, Джерганнъ-агачъ. Въ настоящее время все еще существуетъ внутри степей не менѣе 13 пунктовъ, имѣющихъ званіе и видъ укрѣпленій. Они суть:

3) *Нижне-Эмбенское* или *Масше*, расположено въ 140 саженяхъ сѣвернѣе р. Эмбы и во 100 саженяхъ на югъ отъ озера Масше, на небольшой высотѣ, слабо падающей въ обѣ стороны. Грунтъ земли песчано-глинистый, сѣнокосовъ въ окрестностяхъ достаточно, для топлива служитъ полынь и камышъ съ береговъ озера. Воду для скота можно брать изъ Эмбы, покрайней-мѣрѣ съ сентября по май; но для людей во всякое время года приходится привозить ее изъ колодцевъ находящихся въ $2^1/_2$ верстахъ. Самое укрѣпленіе состоитъ изъ ряда построекъ, частію сырцовыхъ, частію деревянныхъ (лазаретъ), расположенныхъ по сторонамъ трапеціи, коей южный бокъ равенъ 160 саженямъ, а сѣверный, параллельный первому — 90 саженямъ. На обоихъ южныхъ углахъ трапеціи устроены земляные люнеты. Внутренность укрѣпленія также занята тремя рядами построекъ, между которыми промежутки не похожи ни на улицы, ни на площади, такъ что укрѣпленіе напоминаетъ, ближе всего, вагенбургъ.

Нижне-Эмбенское укрѣпленіе лежитъ не болѣе какъ въ 50 верстахъ отъ Каспійскаго моря, къ сторонѣ котораго, равно какъ и на пути къ ст. Сарайчиковой, тянутся топкіе солонцы. Напротивъ, до Эмбенскаго поста отсюда 340 верстъ, и мѣстность совершенно открытая. Такимъ образомъ цѣль его — съузить усть-уртскія ворота для хивинскихъ хищниковъ нисколько не достигается. Между тѣмъ уединенность мѣстоположенія и нездоровый климатъ уже произвели значительную болѣзненность въ гарнизонѣ, именно, развили ту же самую цингу, которая вынудила въ 1846 г. упразднить укрѣпленіе Александровское у Мертваго Култука

4. *Эмбенскій постъ* на лѣвомъ берегу верхней Эмбы, въ мѣстности, гдѣ всякаго рода угодьевъ немного и гдѣ доселѣ существуетъ столь мало построекъ, что эмбенское уѣздное управленіе не можетъ быть переведено сюда и потому пребываетъ въ Илецкой-Защитѣ.

5. Укр. *Уильское*, на правомъ берегу Уила, въ 190 вер. отъ ст. Калмыковской и въ 230 в. отъ Илецкой-Защиты. Подробности о немъ неизвѣстны.

6. Укр. *Акъ-Тюбинское*, на лѣвомъ берегу Илека, въ 180 верстахъ

отъ Защиты. Устройство его также неизвѣстно, но близъ его имѣется русское селеніе, которое уже достаточно развилось въ хозяйственномъ отношеніи. Это, слѣдовательно, хорошій опорный пунктъ для степныхъ отрядовъ.

7. *Карабутакъ*, на лѣвомъ берегу рѣчки Карабутака, которая течетъ тутъ въ высокихъ, скалистыхъ берегахъ, а въ 18 верстахъ ниже впадаетъ въ Иргизъ, до котораго впрочемъ, большую часть года, по маловодью, не доходитъ. Укрѣпленіе построено на высокой скалѣ, почему отъ него до воды далеко. Зданія возведены изъ мѣстнаго камня, изъ сырцоваго кирпича и частію изъ привознаго съ линіи лѣса. Сдѣланная попытка водворить около форта нѣсколько поселенцевъ не привела къ успѣшнымъ результатамъ, потому что мѣстность тутъ пустынна и почва неплодородна. Фортъ служитъ теперь лишь этапомъ между Иргизомъ (182 в.) и Орскомъ (210 в.).

8. *Иргизъ* (прежде укр. Уральское) построенъ на правомъ, высокомъ берегу р. Иргиза, на очень возвышенномъ мѣстѣ, посреди почти совершенно безплодной пустыни. Къ неудобствамъ мѣста причисляется еще постоянно солоноватая вода въ рѣкѣ, такъ что для питья воду добываютъ изъ колодцевъ въ укрѣпленіи, гдѣ ея немного. Топлива по близости нѣтъ вовсе, такъ что его привозятъ изъ-за нѣсколькихъ верстъ,, а безъ того топятъ кизякомъ и отчасти полынью. Подножный кормъ для скота по окрестностямъ скуденъ, а сѣнокосы находятся не ближе, какъ въ 20 верстахъ. Постройки въ укрѣпленіи землебитныя и сырцовыя; и глина для нихъ не хороша, потому что, содержа соль, постоянно расплывается. Около форта находится небольшое селеніе очень бѣдныхъ казаковъ.

9. *Тургай* (прежде укр. Оренбургское) представляетъ гораздо больше удобствъ. Укрѣпленіе возведено частію изъ сырцоваго кирпича и дерну, а частію изъ дерева. Внутри имѣется деревянная церковь и самыя жилыя постройки, благодаря близости Наурзумскаго бора, большею частію деревянныя и содержатся въ довольно исправномъ видѣ. Такъ какъ въ окрестностяхъ укрѣпленія разведены пашни и собирается хлѣбъ, то имѣется и мельница, для передѣлки зерна въ муку. Но топлива и воды въ укрѣпленіи мало, потому что за каменнымъ углемъ ѣздитъ далеко, мѣстность же самаго укрѣпленія не производитъ ничего, кромѣ кизяка и полыни, а воду берутъ изъ колодцевъ, такъ какъ рѣка Тургай протекаетъ въ 600 саженяхъ отъ укрѣпленія ниже уровня его на 120 футовъ. Около Тургая находится селеніе Оренбургскихъ казаковъ и нѣсколькихъ отставныхъ солдатъ, которые живутъ тутъ безбѣдно.

10. *Акмоллинскъ*—городокъ съ 3,100 жителей, расположенный на пра-

вомъ берегу Ишима и состоящій изъ казачьей станицы и укрѣпленія, лежащаго нѣсколько ниже ея по теченію рѣки. Это укрѣпленіе не имѣетъ ограды съ юга, гдѣ прилегаетъ къ крутому берегу Ишима, съ прочихъ же сторонъ обнесено валомъ со рвомъ, длиною до 650 саженъ. Въ центрѣ укрѣпленія находится площадь съ церковью, откуда по радіусамъ расходятся улицы. Казенныя жилыя и хозяйственныя постройки, частію деревянныя, а частію сырцовыя, суть: казармы, полугоспиталь, офицерскій флигель, гауптвахта, кухни, конюшни, амбары, кузница, плотничная, два провіантскіе магазина, сараи — все военнаго вѣдомства, да дома для батальоннаго командира, отрядной канцеляріи, проѣзжихъ чиновниковъ, окружнаго приказа, аптеки и проч. — вѣдомства гражданскаго. Всего въ укрѣпленіи есть 37 казенныхъ зданій и, сверхъ того, немало частныхъ. Расположеніе Акмолловъ въ центрѣ киргизской степи Сибирскаго вѣдомства придаетъ этому укрѣпленію немаловажное стратегическое значеніе, тѣмъ болѣе, что укрѣпленіе по своимъ размѣрамъ и средствамъ обороны и продовольствія совершенно самостоятельно.

11. *Баянъ-Аулъ*—собственно не есть укрѣпленіе, а казачья станица, но на одномъ изъ холмовъ въ чертѣ ея находится прямоугольная площадка, по сторонамъ которой расположены почти всѣ казенныя зданія, и которая, будучи обнесена рогатками, носитъ у жителей названіе крѣпости. Здѣсь находятся слѣдующія зданія, всѣ деревянныя: казармы солдатскія и казачьи, гауптвахта, домъ отряднаго начальника, винный подвалъ, провіантскій магазинъ и пр. Въ Баянъ-Аулѣ есть даже *каменная* церковь.

12. *Сергіополь* (прежде Аягузъ) состоитъ изъ укрѣпленія и казачьей станицы, расположенной западнѣе его, на томъ же плоскомъ правомъ берегу рѣчки Аягуза. Укрѣпленіе имѣетъ фигуру пятиугольника, обнесеннаго бастіонными фронтами полевой профили. Внутри его обыкновенныя казенныя постройки, казармы, окружной приказъ, лазаретъ, магазинъ и пр. Есть хорошая каменная, съ деревяннымъ куполомъ церковь. Сергіополь имѣетъ нѣкоторое значеніе какъ этапъ, въ 270 в. южнѣе Семипалатинска, и какъ мѣсто раздѣленія почтовыхъ дорогъ въ Урджаръ (Чугучакъ) и въ Семирѣченскую область. Вода здѣсь въ изобиліи, подножный кормъ и сѣнокосы также есть; но топлива мало и продовольствіе отчасти привозное.

13. *Копалъ* есть городъ съ небольшимъ укрѣпленіемъ, занимающимъ среди его небольшую командующую площадку. Съ трехъ сторонъ это укрѣпленіе окружено эспланадою, отдѣляющею его отъ города на ружейный выстрѣлъ, съ четвертой оно обращено въ поле. Планъ укрѣпленія — квадратъ, съ туръ-бастіонами, при чемъ фасъ, обращенный къ среди-

нѣ города, имѣетъ начертаніе бастіоннаго фронта, съ воротами въ куртинѣ. Профили нѣсколько сильнѣе сергіопольскихъ. Внутри укрѣпленія есть только казармы и магазины, да нѣсколько другихъ построекъ; въ случаѣ необходимости для жителей города укрыться въ укрѣпленіе, оно мало.

14. *Илійское* укрѣпленіе, на южномъ берегу р. Или, у паромной черезъ нее переправы, близъ устья рѣчки Талгара, есть простой тетъ-де-понъ, съ открытою горжею.

15. *Вѣрное* значительное, по степному, укрѣпленіе, могущее вмѣщать до 2.000 чел. гарнизона. Лежитъ на крутомъ лѣвомъ берегу рѣчки Алматинки, скужащемъ однимъ изъ фасовъ, тогда какъ другіе обнесены валами въ 12 ф. толщины и 8 ф. вышины, длиною всего 473 сажени. Внутри укрѣпленія есть казармы на двѣ роты, госпиталь, гауптвахта, артиллерійскіе склады, а внѣ его, на эспланадѣ, расположены еще казармы на 600 человѣкъ и провіантскіе магазины, всѣ построенные изъ дерева. Положеніе Вѣрнаго, между двухъ станицъ, Большой и Малой Алматинскихъ, и вообще въ центрѣ заилійскихъ нашихъ колоній, среди богатыхъ подгорныхъ оазисовъ, придаетъ ему немаловажное стратегическое значеніе, какъ опорнаго пункта власти надъ Большею ордою киргизовъ и какъ базиса для внѣшнихъ военныхъ операцій съ сторонѣ Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана.

В. Пограничныя укрѣпленія.

Ихъ цѣль — прикрывать внутренность нашихъ степныхъ владѣній отъ нападеній извнѣ и служить опорными пунктами для отрядовъ и разъѣздовъ, высылаемыхъ для наблюденія за границею. Устройство ничѣмъ не отличается отъ внутреннихъ степныхъ укрѣпленій.

16. *Казалинскъ* лежитъ на правомъ берегу Сыръ-дарьи, въ 35 верстахъ отъ впаденія въ Аральское море, на почвѣ столь низкой и важной, что воздвигаемыя въ немъ постройки весьма скоро сырѣютъ и разрушаются. При полноводьи рѣки рвы укрѣпленія наполняются водою и подпочва всего Казалинска обращается въ полужидкую грязь. Кромѣ этаго неудобства здѣсь ощущается недостатокъ въ топливѣ. Собственно укрѣпленіе имѣетъ въ окружности 738 саженъ и верки полевой профили. Офицерскіе дома и солдатскія казармы могутъ вмѣщать 1,048 человѣкъ; въ лазаретѣ есть мѣсто для 60-ти больныхъ. Въ укрѣпленіи есть и другія зданія, жилыя и военно-хозяйственныя; кромѣ того внѣ верковъ расположенъ форштадтъ съ гражданскимъ населеніемъ изъ отставныхъ, изъ сартовъ и пр. — Назначеніе Казалинска — прикрывать низовья Сыръ-

дарьи и въ частности переправу черезъ эту рѣку на караванной дорогѣ изъ Бухары въ Оренбургъ; кромѣ того онъ же служитъ опорнымъ пунктомъ для отрядовъ, высылаемыхъ къ сторонѣ Иркибая и Дау-кары. Наконецъ въ немъ же находятся всѣ хозяйственныя учрежденія Аральской флотиліи.

17. *Кармакчи*, или фортъ № 2, на правомъ же берегу Сыра, въ 182 верстахъ отъ предыдущаго укрѣпленія, при сліяніи двухъ рукавовъ рѣки — Джамъ-дарьи и Караузяка. Имѣетъ значеніе этапа, оборонительную линію всего въ 234 сажени, и можетъ вмѣщать въ существующихъ зданіяхъ 224 человѣка воинскихъ чиновъ да 14 въ лазаретѣ.

18. *Перовскъ* (нѣкогда Акмечеть), на правомъ берегу Сыръ-дарьи, которая постоянно размываетъ тутъ почву, такъ что равелинъ одного фаса укрѣпленія подвергается опасности быть уничтоженнымъ. Длина оборонительной линіи укрѣпленія 740 саж., да равелина 134 сажени; внутренняя покатость бруствера одѣта турами. Въ четырехъ казармахъ внутри укрѣпленія: въ двухъ посреди равелина можетъ помѣщаться 835 чел. нижн. чиновъ, а въ офицерскихъ флигеляхъ до 30 офицеровъ, въ лазаретѣ же сто человѣкъ. Въ укрѣпленіи и въ сосѣднемъ форштадтѣ есть, кромѣ того, не мало частныхъ построекъ, почти такого же вида, какъ въ Казалинскѣ, т. е. глиняныхъ, угрожаемыхъ разрушеніемъ, ибо и здѣсь мѣстоположеніе низменно. Перовскъ есть исходный пунктъ для отрядовъ, отправляемыхъ по Яны-дарьѣ; кромѣ того укрѣпленіе прикрываетъ находящееся въ немъ уѣздное управленіе и переправу черезъ Сыръ на дорогѣ изъ Бухары въ Троицкъ.

19. *Джулекъ* — этапъ, въ 134 вер. отъ Перовска, по дорогѣ въ Ташкентъ, имѣющій 379 саж. оборонительной линіи, казармы на 308 нижн. чин., лазаретъ и небольшія офицерскія постройки.

20. *Благовѣщенское*, на Яны-дарьѣ, у Иркибая, — и

21. *Св. Георгія*, въ ур. Хала-ата, вновь возведенныя укрѣпленія на южныхъ предѣлахъ Кизылъ-кумовъ, близъ границъ съ Хивою и Бухарою. Подробности о нихъ неизвѣстны и онѣ вѣроятно скоро будутъ оставлены.

22. *Токмакъ* — этапъ на дорогѣ изъ Вѣрнаго на Иссыкъ-куль и въ Ташкентъ, расположенъ на низкой мѣстности въ 130 саж. отъ Чу, на лѣвомъ ея берегу. Длина оборонительной линіи всего 240 саж.; помѣщенія есть на роту пѣхоты и на сотню казаковъ.

23. *Нарынское* укр., на лѣвомъ берегу р. Нарына, самый передовой пунктъ нашъ къ сторонѣ Кашгара, весьма впрочемъ незначительный въ военномъ отношеніи, ибо оборонительная линія его равна всего 260 саж. При такомъ маломъ объемѣ укрѣпленія, долженствовавшаго однако

вмѣщать до 700 чел. гарнизона, не было возможности устроить его иначе какъ введя въ самую оборонительную линію жилыя и хозяйственныя постройки и устроивъ брустверъ ($9^1/_2$ ф. выс.) лишь тамъ, гдѣ остались промежутки. Казармы въ укрѣпленіи имѣются на двѣ роты и сотню казаковъ. Вся мѣстность подъ укрѣпленіемъ и въ окрестностяхъ поката съ юга на сѣверъ.

24. Укрѣпленія *Каракольское* и *Мусартское*, какъ укрѣпленія, можно сказать вовсе не существуютъ, ибо онѣ не имѣютъ сомкнутыхъ оборонительныхъ линій, а только отдѣльныя постройки, именно казармы: въ Караколѣ на 2 роты, а на Мусартѣ на 1 р., 1 сот. каз., 1 взводъ артиллеріи.

25. *Борохудзиръ* представляетъ почти тѣ же условія, но здѣсь устраивается стѣна изъ глины высотою въ $7^1/_2$ ф. и длиною 270 саженъ, а внутри ея находятся: казармы на роту пѣхоты, сотню казаковъ, взводъ артиллеріи, офицерскій флигель, лазаретъ и складъ. Около укрѣпленія возникло значительное селеніе.

26. *Бахты* также не есть, въ строгомъ смыслѣ, укрѣпленіе, а только пограничный постъ съ селеніемъ, расположенный на правомъ берегу рѣчки Коктума. Проэктированная оборонительная линія, изъ глинобитной стѣны въ 10 ф. выш., должна имѣть 360 саж. длины. Пока здѣсь есть лишь временныя постройки для отряднаго начальника, для взвода артиллеріи, гаубтвахта и склады. Здѣшній отрядъ охраняетъ всю границу отъ Тарбагатая до Джунгарскаго Алатау, т. е. пространство до 200 вер. шириною и совершенно открытое. Въ 4-хъ верстахъ отсюда лежитъ Чугучакъ.

27. *Зайсанскій постъ* есть довольно важный стратегическій пунктъ, не имѣющій впрочемъ сплошной ограды, а составленный изъ рядовъ казармъ и другихъ построекъ, принадлежащихъ войскамъ. Невдалекѣ станица. Другія подробности неизвѣстны, кромѣ того, что въ окрестностяхъ поста есть хорошія пашни, луга и лѣсъ (въ ущельяхъ горъ).

Г. Туркестанскія цитадели.

Это суть укрѣпленія, унаслѣдованныя нами отъ туземцевъ, у которыхъ онѣ служили резиденціями бековъ и мѣстами для храненія складовъ хлѣба и другихъ запасовъ. Обыкновенно ограду въ нихъ составляетъ глиняная стѣна съ небольшимъ рвомъ впереди, иногда съ башнями для фланговой обороны или для защиты воротъ. Расположеніе стѣнъ большею частію соотвѣтствуетъ мѣстности, т. е. онѣ придерживаются гребня вы-

сотъ, командующихъ окрестностями. Высота стѣнъ довольно разнообразна, измѣняясь отъ $7^1/_2$ до 20 фут. Въ нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ русскими войсками присыпаны къ стѣнамъ банкеты и барбеты.

28. *Туркестанъ.* Цитадель его лежитъ на возвышенности, командующей городомъ, но такъ, что дома непосредственно примыкаютъ къ стѣнѣ снаружи. Длина линіи огня 661 саж. Въ укрѣпленіи есть казарма на 1 роту, а внѣ его полугоспиталь. Мѣстная команда и казаки помѣщаются въ вѣтхихъ сакляхъ.

29. *Аулье-ата* лежитъ на возвышенности, командующей мѣстностью и городомъ; съ двухъ сторонъ, на разстояніи 130 саж., начинаются сакли города. Длина оборонительной линіи цитадели 318 саженъ. Войска помѣщаются въ вѣтхихъ временныхъ постройкахъ.

30. *Чимкентъ* съ цитаделью. Наружная ограда длиною въ 509 саж. состоитъ изъ землянаго вала 14 ф. выс. и 12 ф. толщ., несуществующаго тамъ, гдѣ его замѣняетъ обрывъ почвы. Ограда цитадели, длиною 302 саж., есть глиняная стѣна высотою 18 ф. Цитадель командуетъ укрѣпленіемъ. Войска и лазаретъ помѣщаются въ постоянныхъ казармахъ.

31. *Ташкентская цитадель,* у ю.-в. стѣны азіатскаго Ташкента, часть которой составляетъ и часть ограды самой цитадели. Длина оборонительной линіи 737 саженъ; фигура ея бастіонный шанецъ, временной профили. Расположена на мѣстности командующей, на краю глубокаго оврага Бо-су, по которому протекаетъ арыкъ того же имени. До русскаго Ташкента отъ верковъ цитадели 130 саженъ. Въ ней находятся постоянныя казенныя зданія для двухъ батальоновъ, крѣпостной артиллерійской роты, управленія воинскаго начальника, два пороховые погреба, каждый на 2.000 пуд., артиллерійскіе и инженерные склады и два навѣса для провіанта.

32. *Чиназъ.* Это укрѣпленіе расположено при сліяніи рѣкъ Чирчика и Сыръ-дарьи, на ровномъ мѣстѣ, и окружено эспланадою въ 100 — 180 саж. Глиняная стѣна ограды, высотою въ 12 ф., имѣетъ длины 605 саженъ. Внутри укрѣпленія помѣщаются въ постоянныхъ зданіяхъ: мѣстная команда, рота крѣпостной артиллеріи и 4 сотни казаковъ. лазаретъ и крѣпостное управленіе, а внѣ, въ землянкахъ по берегу Сыръ-дарьи, очередные казаки, которыхъ тутъ всегда много. такъ какъ Чиназъ есть передовой пунктъ Ташкенда къ сторонѣ задарьинскихъ степей и здѣсь находится переправа черезъ Сыръ по дорогѣ въ Джиизахъ.

33. *Теляу*, на возвышенности, значительно командующей окрестностями. Съ запада въ 450 саженъ. протекаетъ р. Ангренъ, съ сѣвера въ 560 саж. расположенъ городокъ Теляу Оборонительная линія, 210

саж. длиною, состоитъ частію изъ землянаго вала, частію изъ оборонительныхъ казармъ, въ которыхъ помѣщается до 200 чел. солдатъ и казаковъ.

34. *Ходжентская цитадель,* въ сѣверной части города, на берегу Сыръ-дарьи, имѣетъ въ окружности 370 саж. и профиль ограды обыкновенный среднеазіатскій, высотою отъ 22 до 28 ф., со рвомъ 10 ф. глуб. Въ цитадели есть постоянныя казармы для мѣстной команды и временныя для линейнаго батальона. Эспланада очень узка, отъ 10 до 40 саж.

35. *Пау* и *Зааминъ* имѣютъ только остатки глиняныхъ стѣнъ.

36. *Уратюбе.* Цитадель этого города лежитъ на отдѣльной горѣ, въ 150 саж. отъ которой находится другая подобная же гора. Глинобитная стѣна укрѣпленія имѣетъ высоту отъ 7 до 15 ф., а длины 240 саж. Для войскъ внутри укрѣпленія временныя постройки. Вода изъ пруда, находящагося внѣ цитадели и наполняемаго изъ арыка; слѣд. укрѣпленіе м. б. оставлено безъ воды.

37. *Ключевое* Укрѣпленіе это построено русскими, у начала Джелаиутинскаго ущелья, въ 200 саж. отъ командующихъ высотъ съ с. и ю.-з. Профиль бруствера полевая, изъ битой глины. Внутри есть казарма на роту, лазаретъ и склады артиллерійскій и провіантскій. Вредный климатъ.

38. *Каменный мостъ.* Укрѣпленіе расположено на полуостровѣ, образованномъ изгибомъ ручья съ крутыми берегами. Юго-западный тенальный фронтъ полевой, а съ прочихъ сторонъ ограду составляетъ глинобитная стѣна высотою 6 футовъ, толщиною 4 ф. Помѣщенія есть на 1 р. пѣхоты и на 20 казаковъ. Укрѣпленіе имѣетъ значеніе этапа.

39. *Самаркандская цитадель,* въ западной части города, въ который вдается въ видѣ клина, — имѣетъ столь длинную (1,275 саж.) оборонительную линію, что ее предложено сократить, при чемъ и часть пространства цитадели (западная) отойдетъ подъ русскій городъ. На востокѣ и югѣ отъ цитадели проходитъ оврагъ, отдѣляющій ее отъ сартовскаго города; но вообще послѣдній прилегаетъ слишкомъ близко къ цитадели, которой внутренность притомъ открывается совершенно съ высоты нѣкоторыхъ каменныхъ мечетей. Оборона цитадели устроена съ расчетомъ на гарнизонъ изъ 3 баталіоновъ и 20 крѣпостныхъ орудій. Помѣщеній для войскъ имѣется на 3 батальона, 5 сотенъ и $1^1/_2$ батареи; кромѣ того въ цитадели находятся инженерныя мастерскія, артиллерійскіе погреба, склады, провіантскіе навѣсы и пр.

40. *Катты-курганъ.* Укрѣпленіе здѣсь лежитъ на обрывистомъ холмѣ, въ 28 ф. надъ уровнемъ окружающей мѣстности, и имѣетъ въ

окружности 426 саженъ. Наружныя городскія постройки мѣстами доходятъ до самаго обрыва, возвышающаяся на гребнѣ котораго стѣна имѣетъ всего 6 ф. выш. и 4 ф. толщ. Помѣщеній для войскъ внутри укрѣпленія мало, именно всего на $^1/_2$ роты пѣхоты и 20 чел. крѣпостной артиллеріи; но за то есть госпиталь, а также гауптвахта и канцелярія. Прочія войска катты-курганскаго гарнизона живутъ внѣ крѣпости, въ городѣ, который имѣетъ значеніе передоваго пункта къ сторонѣ Бухары.

Это краткое описаніе всѣхъ сорока укрѣпленій, находящихся въ степяхъ и въ Туркестанскомъ краѣ, показываетъ, что большею частью онѣ весьма незначительны, чтобъ не сказать ничтожны въ боевомъ отношеніи. Стратегическое ихъ значеніе также нерѣдко болѣе чѣмъ сомнительно. А между тѣмъ для охраненія своего онѣ требуютъ, въ суммѣ, не менѣе 15,000 войскъ, т. е. такую боевую силу, которая могла бы быть гораздо съ большею пользою употреблена въ полѣ, для защиты самыхъ окраинъ государства и для пріобрѣтенія подавляющаго вліянія на среднеазіатскихъ сосѣдей. Если даже принять во вниманіе, что стоящія въ укрѣпленіяхъ войска въ значительной степени нужны тамъ для обезпеченія успѣха дѣйствій русской администраціи среди инородческаго населенія, то и тутъ нельзя не замѣтить, что уѣздовъ въ степныхъ областяхъ есть всего 28, а укрѣпленій 40, и при томъ многіе уѣзды въ сибирской и частію въ Оренбургской степи вовсе не нуждаются въ укрѣпленіяхъ.

Отсюда уже видно, что слѣдовало бы, для избѣжанія расходовъ на людей и на деньги, значительную часть укрѣпленій упразднить или даже совсѣмъ уничтожить.

X. Свѣдѣнія по интендантской части.

Свѣдѣнія этого рода должны обнимать собою: 1) данныя о существующихъ интендантскихъ складахъ и магазинахъ, изъ которыхъ войска получаютъ интендантское довольствіе; 2) данныя о способахъ пополненія этихъ складовъ и магазиновъ продуктами мѣстными и привозными, и 3) цифры дѣйствительныхъ интендантскихъ расходовъ съ аналитическою ихъ оцѣнкою. Такъ-какъ отвѣтъ на первый и частію на второй вопросы уже данъ въ описаніи отдѣльныхъ окраинъ, то здѣсь

собственно излагаются замѣчанія о стоимости разныхъ предметовъ интендантскаго довольствія и отчасти о способахъ ихъ пріобрѣтенія казною. И какъ источниками свѣдѣній служили интендантскіе отчеты по военнымъ округамъ, а не по участкамъ границъ, то и самое изложеніе не соотвѣтствуетъ этому дѣленію на участки. Для вразумительности изложенія принята метода сравненій по округамъ, между собою и съ цѣлой Имперіей.

Къ интендантскимъ расходамъ на нашихъ азіатскихъ окраинахъ, т. е. въ военныхъ округахъ Оренбургскомъ, Туркестанскомъ, Западно и Восточно Сибирскихъ, принадлежатъ: продовольствіе нижнихъ чиновъ войскъ пищею, снабженіе ихъ всѣмъ нужнымъ для одежды и аммуниціи, выдача жалованья и всякаго другаго денежнаго довольствія офицерамъ и солдатамъ, содержаніе военныхъ больницъ, мѣстныхъ и походныхъ, покупка и содержаніе строевыхъ лошадей, расходы на военный обозъ и перевозку тяжестей, содержаніе интендантскихъ управленій и зданій, наконецъ въ Туркестанскомъ округѣ еще содержаніе Аральской флотиліи и гражданскаго управленія, организованнаго тамъ въ военно-народное. Цифра этого послѣдняго однако во всѣхъ слѣдующихъ ниже расчетахъ исключена, чтобы можно было обсуждать только параллельные, собственно военные расходы.

Какъ при сравнительныхъ изслѣдованіяхъ по интендантскому бюджету важно знать не только общія суммы расходовъ на той или другой окраинѣ, но и среднюю стоимость для государства каждаго изъ военнослужащихъ въ той или другой мѣстности; то здѣсь прежде всего приводятся двѣ слѣдующія таблицы:

Численность военныхъ чиновъ, находившихся на интендантскомъ довольствіи:

Въ округахъ.	Въ 1868 г.	Въ 1869 г.	Въ 1870 г.	Сред. числ.
Оренбургскомъ	11.101	9.508	11.930	10.846
Туркестанскомъ	24.513	25.620	32.833	27.655
Западно-Сибирскомъ . . .	14.268	14.268	14.088	14.208
Восточно-Сибирскомъ . . .	22.130	19.497	20.064	20.564
Всего ежегодно	72.012	68.893	78.015	
Среднимъ числомъ въ годъ.		73 273		72.273

Общія суммы дѣйствительныхъ интендантскихъ *расходовъ:*

Въ округахъ.	1868 г. Руб.	К.	1869 г. Руб.	К.	1870 г. Руб.	К.
Оренбургскомъ	1.021.582	40	1.363.686	61	1 670.248	46
Туркестанскомъ . . .	2.758.922	31	3.151.691	69		

	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Западно-Сибирскомъ .	939.922	64	1.058.205	31	1.112.862	7
Восточно-Сибирскомъ	1.803.637	91	1.750.218	36	1.749.888	61
Итого	6.524.065	26	7.343.801	97	4.532.999	14
Въ годъ на 1 чел	90 р. 59 к.		106 р. 59 к.		98 р. 37 к.	

А за трехлѣтіе, среднимъ числомъ ежегодно на 1 человѣка 98 р. 85 к.

Ежели принять за то же трехлѣтіе *) интендантскіе расходы по всей имперіи въ годъ по 93 р. 29 к. на человѣка, то изъ сравненія обоихъ чиселъ окажется, что на азіатскихъ окраинахъ каждый военно-служащій стоитъ интендантству дороже нормальнаго на 5 р. 56 к., что легко объясняется отдаленностью и дороговизною доставки многихъ предметовъ довольствія, какъ напр. провіанта въ Приморскую область и въ степныя укрѣпленія, коммисаріатскихъ вещей въ Туркестанскій край и Восточную Сибирь, и т. п., а также размѣромъ денежнаго жалованья офицерамъ, которые въ большинствѣ получаютъ усиленные оклады по чинамъ и кромѣ того разное дополнительное содержаніе. Сверхъ того изъ приведенныхъ цифръ видно, что въ 1869 году среднее содержаніе военно-служащихъ въ Азіи стоило значительно дороже самой азіатской нормы: это потому, что въ 1869 году потребовались значительные расходы по содержанію отрядовъ въ степяхъ, гдѣ было возстаніе, и по усиленію военныхъ средствъ Туркестанскаго края.

Сравнивая интендантскіе расходы за все трехлѣтіе по округамъ, получаемъ, что эти расходы, на 1 чел., ежегодно простирались:

Въ Оренбургскомъ округѣ до	124	р. 53	к.
„ Туркестанскомъ	117	„ 90	„
„ Восточно-Сибирскомъ.	85	„ 98	„
„ Западно-Сибирскомъ	73	„ —	„

Итакъ самый дорогой округъ есть Оренбургскій, не смотря на то, что онъ ближайшій къ производительному центру имперіи и имѣетъ въ составѣ своемъ или по сосѣдству богатыя губерніи Оренбургскую, Уфимскую и Самарскую. О причинахъ такой дороговизны будетъ сказано ниже. Значительные интендантскіе расходы по слѣдующему затѣмъ Туркестанскому округу объясняются какъ отдаленностью его отъ

*) Это трехлѣтіе взято здѣсь потому, что во-1-хъ для него одного имѣлись данныя, возможно современныя, и во-2-хъ потому, что основныя цифры для сравненій по цѣлой имперіи взяты также за 1870 г., въ томъ видѣ, какъ онѣ приняты въ таблицѣ военныхъ расходовъ, составленной Военно-Ученымъ Комитетомъ Главнаго Штаба.

средоточія имперіи, такъ и частыми передвиженіями, даже военными походами войскъ въ предѣлахъ округа и на границахъ съ Бухарою, Хивою и бывшими китайскими провинціями. Цифры по Восточному Сибирскому округу любопытны въ томъ отношеніи, что онѣ несомнѣнно доказываютъ преувеличенность тѣхъ жалобъ, которыя даже доселѣ слышатся противу непомѣрной будто бы стоимости для Россіи амурскихъ владѣній, гдѣ именно сосредоточена большая часть восточно-сибирскихъ войскъ.

Переходя за симъ къ частностямъ вопроса объ интендантскихъ расходахъ въ Азіи и останавливаясь прежде всего *на продовольствіи людей*, мы находимъ, что стоимость его, т. е. расходы казны на провіантъ и приварокъ, простирались ежегодно среднимъ числомъ:

Въ округахъ.	На всѣхъ людей.	На 1 человѣка.		Противу всей Имперіи (37 р. 57 к.).			
	Руб.	Р.	К.		Р.	К.	
Оренбургскомъ. . . .	479.715	11	23	на	6	66	дороже.
Туркестанскомъ. . . .	1.016.274	37	80	„	—	23	дороже.
Западно-Сибирскомъ.	420.820	29	62	„	7	95	дешевле.
Восточно-Сибирскомъ	812.556	39	51	„	1	94	дороже.

Итакъ опять изъ всѣхъ округовъ самымъ дорогимъ оказывается не Восточно-Сибирскій, куда мука доставляется кругомъ свѣта, а Оренбургскій. Объясненіе такой дороговизны въ краѣ, принадлежащемъ къ числу самыхъ богатыхъ хлѣбомъ въ Россіи, отчасти, конечно, находится въ большой стоимости сухопутной вьючной перевозки запасовъ въ степную часть округа, гдѣ, какъ извѣстно, нѣтъ русскихъ земледѣльческихъ колоній; затѣмъ слѣдуетъ временное возвышеніе цѣнъ по случаю возстанія адаевцевъ въ 1868 — 70 годахъ. Но едвали не самую главную часть излишнихъ расходовъ приходится отнести на невыгодныя условія, при которыхъ обыкновенно производятся торги въ Оренбургѣ. Въ отчетѣ мѣстнаго интендантства за 1868, т. е. совершенно мирный, годъ находятся напр. слѣдующія свѣдѣнія по этому предмету. Для перевозки въ степь провіанта къ 15-му августа — 1-го сентября назначены были торги 25-го іюля и на этихъ торгахъ сначала *розничные*, мелкіе подрядчики предлагали цѣны отъ 1 р. 4 к. до 1 рубля; но окружной совѣтъ нашелъ эти цѣны невыгодными, а розничныхъ подрядчикахъ, вѣроятно, мало надежными и предложилъ взять поставку *оптомъ*. Тогда масса конкурентовъ, необладавшихъ нужными для такой операціи значительными залогами, удалилась съ торговъ, и остались только два конкурента: купецъ Мякиньковъ и казакъ Ершовъ. Но они уже предъ-

явили цѣны 1 р. 22 к. первый и 1 р. 24 к. второй, такъ что совѣтъ, проторговавъ около 20 к. на пудъ, долженъ былъ утвердить перевозку за Мякиньковымъ и еще согласиться выплатить ему половину денегъ тотчасъ по нагрузкѣ хлѣба, т. е. до начала дѣйствительнаго передвиженія его въ степь, такъ какъ безъ этого Мякиньковъ не брался. Другой примѣръ своеобразности оренбургскихъ торговъ представилъ 1870 годъ, когда дѣло шло о перевозкѣ разныхъ предметовъ для вновь предполагавшагося укрѣпленія на Масшэ: тамъ совѣтъ долженъ былъ *приглашать* своего же годоваго подрядчика взять на себя эту перевозку, которая вѣроятно не предвидѣлась при составленіи смѣтныхъ условій на 1871 годъ. Разумѣется, и плату пришлось дать по усмотрѣнію подрядчика.

Самыя цѣны, не на поставку уже, а на хлѣбъ, росли необыкновенно быстро въ Оренбургѣ, какъ видно изъ слѣдующаго:

Четверть	Въ 1868 г.		Въ 1869 г.		Въ 1868 г.					
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.			Р.	К.
Муки стопла . . .	5	77	5	58	9	14	увеличеніе	на	3	37
Крупъ.	6	34	6	19	10	39	„	„	4	70
Овса.	3	57	4	50	6	76	„	„	3	19

Между тѣмъ въ другой степной мѣстности, гдѣ притомъ земледѣліе невозможно безъ орошенія, именно въ Семирѣчьѣ, цѣны были:

Четверть	Въ 1868 г.		Въ 1869 г.		Въ 1870 г.					
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.			Р.	К.
Муки	3	57	5	80	2	83	уменьшеніе	на	—	74
Крупъ	2	88	4	98	5	22	возрастаніе	„	2	34
Овса.	2	94	3	12	3	29	„	„	—	35

И это въ то время, когда войскъ въ Семирѣченской области было немногимъ лишь менѣе, чѣмъ во всемъ Оренбургскомъ краѣ, при чемъ еще дунганское возстаніе заставляло держать отряды по Китайской границѣ.

За неимѣніемъ свѣдѣній о числѣ *лошадей*, бывшихъ на довольствіи, нѣтъ возможности сдѣлать оцѣнку ихъ содержанія; но оно постоянно поглощало весьма значительныя суммы, особенно въ степныхъ округахъ. Такъ въ 1869 году лошади обошлись въ Оренбургскомъ краѣ въ 246,455 руб., а въ Туркестанскомъ даже 771,870 руб., не считая еще раціоновъ на лошадей офицерскихъ. Сибирь, Восточная и Западная, въ этомъ отношеніи гораздо дешевле, чѣмъ степи.

Что до *коммиссаріатскаго* довольствія, то оно обходится:

Въ округахъ:	Сред. чис. въ годъ.	На 1 человѣка.	Противу всей имперіи (40 р. 7 коп.).
Оренбургскомъ . . .	490,000	45 р. 18 к.	на 5 р. 11 к. дороже.
Туркестанскомъ. . .	973,000	38 „ 81 „	„ 1 „ 26 „ дешевле.
Западно-Сибирскомъ.	553,600	38 „ 99 „	„ 1 „ 8 „ дешевле.
Восточно-Сибирскомъ	784,300	38 „ 14 „	„ 1 „ 93 „ дешевле.
Итого .	2.800,900	38 р. 21 к.	на 1 р. 86 к. дешевле.

Для поясненія цифръ 3-й графы, которыя могутъ показаться неожиданно странными, необходимо замѣтить, что перевозка предметовъ изъ центральныхъ складовъ въ войска здѣсь не введена въ счетъ. Но тѣмъ невѣроятнѣе кажется, послѣ этого, стоимость коммиссаріатскаго довольствія войскъ въ Оренбургскомъ округѣ по сравненію съ другими округами, гораздо болѣе отдаленными. Причину этого изъ отчетовъ мѣстнаго интендантства усмотрѣть трудно; но кажется, что она та же, что и по провіантской части, т. е. зависимое положеніе интендантства отъ подрядчиковъ, являющихся въ слишкомъ маломъ числѣ на торги. Въ виду этого было бы, кажется, небезполезно перевести послѣдніе изъ небогатаго капиталами и производительностью Оренбурга въ Саратовъ или въ Казань.

Въ составѣ приведенныхъ сейчасъ цифръ важнѣйшія мѣста занимаютъ жалованье и разное другое денежное довольствіе офицеровъ и нижнихъ чиновъ войскъ и управленій, плата за разъѣзды, эстафеты и депеши, особенно значительная въ Восточной Сибири и въ Оренбургскомъ краѣ; содержаніе госпиталей. Затѣмъ снабженіе войскъ одеждою и аммуницією повсюду составляло второстепенную статью интендантскихъ расходовъ, конечно главнымъ образомъ потому, что формы обмундированія очень просты во всѣхъ нашихъ азіатскихъ пѣхотныхъ частяхъ, а регулярной кавалеріи съ ея дорогою экипировкой тамъ нѣтъ вовсе. Впрочемъ не слѣдуетъ въ этомъ случаѣ упускать изъ виду, что отчеты интендантствъ отчасти потому и представляютъ скромныя цифры расходовъ по обмундированію и снаряженію личнаго состава войскъ, что всѣ казаки являются на службу въ собственной одеждѣ и съ собственной сбруей. Если бы присоединить къ интендантскимъ издержкамъ на пѣхоту и артиллерію и этотъ расходъ, падающій теперь или на личныя, или на войсковыя средства казаковъ, то конечно одежда и аммуниція нашихъ азіатскихъ войскъ оказались бы дороже, чѣмъ въ Европейской Россіи, и расходы на нихъ превысили бы содержаніе госпиталей или разъѣзды чиновниковъ и офицеровъ.

Весьма замѣтную статью расходовъ въ Азіи составляетъ *перевозка* военныхъ тяжестей изъ центральныхъ складовъ и магазиновъ къ мѣстамъ расположенія войскъ. Судить объ относительной ея стоимости трудно, даже невозможно, потому что неизвѣстно ни количество перевезенныхъ грузовъ, ни разстоянія, на которыя они перевозились. Но самыя суммы, издержанныя интендантствомъ, мѣстами очень значительны, какъ видно изъ слѣдующаго:

Въ округахъ:	Сред. чис. въ годъ.	На 1 человѣка.
Оренбургскомъ	193.041 рубл.	17 р. 80 к.
Туркестанскомъ	74.815 "	2 " 98 "
Западно-Сибирскомъ	71.915 "	5 " 6 "
Восточно-Сибирскомъ . . .	30.717,86 "	1 " 49 "

Откуда видно, что и въ этомъ отношеніи Оренбургскій округъ безъ сравненія дороже всѣхъ прочихъ. Но впрочемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ округахъ Туркестанскомъ и Восточно-Сибирскомъ значительная часть перевозокъ дѣлалась на судахъ рѣчныхъ флотилій Аральской (Сыръ-Дарьинской) и Сибирской (Амурской), которыхъ содержаніе въ свою очередь стоитъ казнѣ не малыхъ суммъ. По крайней мѣрѣ по Аральской флотиліи одни интендантскіе расходы достигаютъ въ годъ обыкновенно до 17,000 руб.; вся же годовая стоимость ея простирается до 106,000 рублей, вслѣдствіе чего общая сумма перевозочныхъ расходовъ въ Туркестанскомъ краѣ возрастаетъ ежегодно до 180,000 руб., по 7 руб. 18 коп. на человѣка. Это однако все еще дешевле, чѣмъ въ Оренбургскомъ краѣ, слишкомъ въ два раза. О стоимости Амурской рѣчной флотиліи свѣдѣній нѣтъ, и потому ничего нельзя сказать о томъ, на сколько цифры 30,717 руб. и 1 р. 49 коп., относящіяся къ Восточной Сибири, должны быть измѣнены. Но весьма вѣроятно, что перевозочные расходы по этой окраинѣ Россіи развѣ немногимъ лишь меньше, чѣмъ въ Оренбургскомъ генералъ-губернаторствѣ. При томъ еще значительная часть интендантскихъ грузовъ доставляется туда изъ Европейской Россіи моремъ, и плата за эту перевозку производится въ Петербургѣ, а не въ Восточной Сибири. Благодаря же этому обстоятельству мука въ Приморской области, за трехлѣтіе 1868—70 г., обходилась болѣе чѣмъ по 14 руб. за четверть, и шестилѣтніе контракты съ купцами Паллизеномъ и Чечулинымъ должны были поддержать эту цѣну до 1872 года. А изъ этихъ 14 рублей конечно около $^1/_3$ падало на перевозку, и какъ количество грузовъ, направлявшихся кругосвѣтнымъ путемъ, обыкновенно достигало до 150,000 и болѣе пудовъ, то понятно, что дѣйствительные расходы по перевозкѣ

интендантскихъ тяжестей для Восточно-Сибирскаго округа были далеко больше, чѣмъ по 1 р. 49 коп. на каждаго военно-служащаго тамъ. Только теперь, когда земледѣліе въ Южно-усурійскомъ краѣ и на Амурѣ пустило уже глубокіе корни, можно наконецъ расчитывать на уменьшеніе издержекъ казны по снабженію тамошнихъ войскъ продовольствіемъ и другими запасами.

Таковы главнѣйшія данныя для предварительнаго ознакомленія съ общими вопросами объ интендантскихъ издержкахъ на азіатскихъ окраинахъ. Теперь посмотримъ на нѣкоторыя частности, которыя несомнѣнно оказываютъ или могутъ оказывать вліяніе на размѣры этихъ издержекъ. Сюда относятся: колебаніе цѣнъ на предметы интендантскаго довольствія, особенно на хлѣбъ и фуражъ, расквартированіе войскъ и ихъ передвиженія, степень конкуренціи, возможной на торгахъ, состояніе средствъ сообщенія и нѣсколько другихъ обстоятельствъ, немаловажныхъ при обсужденіи дѣла и довольно измѣнчивыхъ, смотря потому, къ какой мѣстности онѣ относятся.

1. Выше уже были приведены примѣры *колебанія* нѣкоторыхъ *цѣнъ*, съ короткій періодъ трехъ лѣтъ и въ двухъ мѣстностяхъ. Здѣсь, для составленія болѣе полнаго понятія объ этихъ колебаніяхъ, а также о нормальныхъ въ наше время цѣнахъ, возьмемъ цифры уже не за 3, а за 5 лѣтъ, именно съ 1866 по 1870 годъ, по округамъ и губерніямъ:

Округа и губерніи.	Мука.		Крупа.		Овесъ.		Сѣно.	
		Четв.		Четв.		Четв.		Пудъ.
Оренбургская губернія. . . .	541/270	417 к.	739/317	546 к.	497/193	324 к.	13/6	10 к.
Уфимская	594/268	422 »	830/403	574 »	278/165	237 »	15/8	13 »
Степныя области.	914/259	735 »	1089/285	877 »	676/209	521 »	—	—
Оренбургскій край. . .		458 »		620 »		433 »	—	11 »
Сыръ-Дарьинская область. . .	887/540	657 »	1089/871	903 »	682/316	463 »	34/13	23 »
Семирѣченская	1067/288	720 »	1259/498	827 »	423/301	357 »	11/8	10 »
Туркестанскій край . .		673 »		887 »		428 »	—	21 »
Тобольская губернія	723/341	487 »	1178/513	723 »	288/230	264 »	9/8	9 »
Томская.	846/257	505 »	1203/503	781 »	335/166	228 »	10/7	9 »
Степныя области.	1020/479	741 »	1452/731	878 »	402/301	358 »	12/6	10 »

Округа и губерніи:	Мука.	Крупа.	Овесъ.	Сѣно.
	Четв.	Четв.	Четв.	Пудъ.
Западная Сибирь . . .	558 к.	791 к.	309 к.	— 9 к.
Енисейская губернія	804/285 445 »	1684/455 869 »	412/138 241 »	21/14 17 »
Забайкальская область. . . .	1080/532 814 »	1622/954 1329»	710/353 424 »	51/25 28 »
Амурская	906/731 828 »	1040/913 992 »	390/270 388 »	18/7 4 »
Приморская	1461/1355 1398 »	1884/960 1299»	700/672 692 »	19/7 11 »
Якутская	1175/652 863 »	2245/1124 1453»	— —	— —
Восточная Сибирь . .	995 »	1256»	— 416 »	— 18 »

Такимъ образомъ по отношенію къ дороговизнѣ первыхъ потребностей округи распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Восточно-Сибирскій.	134
Туркестанскій	100
Западно-Сибирскій	83
Оренбургскій	65

Цифры означаютъ, приблизительно, какъ бы должны относиться между собою итоги издержекъ на провіантъ и фуражъ для команды одного и того же состава, расположенной въ томъ или другомъ округѣ. Но дѣйствительность, какъ уже приведено выше, показываетъ намъ не то: именно, Оренбургскій округъ, самый дешовый въ теоріи, представляется самымъ дорогимъ на практикѣ.

Изъ губерній и областей самая дорогая есть Приморская, а самая дешовая Уфимская, которыхъ отношеніе приблизительно выражается цифрами 27:10. Что же касается измѣнчивости цѣнъ, то наибольшимъ непостоянствомъ отличаются степныя области, Оренбургскія, Сибирскія и Семирѣчинская, гдѣ отношеніе наименьшихъ цѣнъ къ наибольшимъ выражается слѣдующими цифрами:

	На муку.	На крупу.	На овесъ.	На сѣно.
Оренбургскія степи . . .	1:4,2	1:3,8	1:3,4	—
Семирѣчье	1:3,7	1:2,5	1:4,1	1:1,4
Сибирскія степи	1:2,1	1:2	1:1,3	1:2

Напротивъ, наиболѣе постоянныя цѣны свойственны областямъ Сыръ-Дарьинской, Забайкальской и Амурской, что и показываетъ, что въ нихъ земледѣліе покоится на гораздо болѣе прочныхъ естественныхъ основахъ, чѣмъ въ прочихъ частяхъ Азіатской Россіи. Другими словами,

эти области суть лучшее достояніе русской державы по ту сторону Урала. Приморская область, безъ сомнѣнія, дала бы еще болѣе выгодные результаты, если бы можно было ввести ее въ сравненіе. Но цѣны на привозный хлѣбъ очевидно этого не допускаютъ. Довольно впрочемъ сказать, что съ каждымъ годомъ потребность на этотъ привозный хлѣбъ въ ней уменьшается, и мѣстныя цѣны на земледѣльческіе продукты падаютъ.

2) Относительно *расквартированія войскъ* нужно замѣтить, что во всѣхъ нашихъ азіатскихъ округахъ чрезвычайно многочисленны мелкія команды, разбросанныя иногда на значительныя разстоянія одна отъ другой. Это сильно увеличиваетъ расходы и по закупкѣ, и по храненію хлѣба и фуража, обыкновенно пріобрѣтаемыхъ оптовыми подрядами, для облегченія отчетности. Но нигдѣ эта разбросанность командъ не оказываетъ такого вреднаго вліянія на финансы, какъ въ степяхъ Оренбургскаго края, гдѣ цѣлый рядъ укрѣпленій устроенъ въ мѣстахъ непроизводительныхъ и удаленныхъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ мѣстъ заготовленія на сотни верстъ. Поэтому уничтоженіе хотя части этихъ укрѣпленій, наприм. трехъ изъ семи, очень желательно, тѣмъ болѣе, что самыя укрѣпленія не приносятъ никакой пользы. То же, и даже еще въ большей степени, представляетъ Сахалинъ, гдѣ число мелкихъ постовъ чрезвычайно велико, и посты эти нерѣдко состоятъ всего изъ нѣсколькихъ человѣкъ, для которыхъ однако же надобно привозить провіантъ особо и непремѣнно моремъ или зимою на собакахъ, такъ какъ лѣтнихъ дорогъ на островѣ вовсе нѣтъ.

3) О вліяніи *слабой конкуренціи* на пониженіе цѣнъ на торгахъ было уже отчасти упомянуто выше. Здѣсь можно замѣтить, что эта незначительность благодѣтельнаго совмѣстничества особенно невыгодно отзывается на перевозкахъ всякаго рода военныхъ тяжестей въ степяхъ, преимущественно же во время военныхъ движеній отрядовъ, когда подрядный способъ даже вовсе почти не употребляется, и мѣстныя начальства, какъ въ Оренбургѣ, такъ въ Туркестанѣ и Западной Сибири, прибѣгаютъ къ нарядамъ перевозочныхъ средствъ отъ жителей, т. е. отъ киргизъ, которымъ потомъ уплачивается произвольное и не всегда достаточное вознагражденіе. Такія реквизиціи, при обманчивой ихъ дешевизнѣ, нерѣдко обходятся дороже всякаго найма, потому что возбуждаютъ неудовольствія киргизовъ, иногда влекущія за собою либо откочевку ихъ изъ нашихъ степей либо открытый бунтъ, за которыми слѣдуютъ новыя огромныя издержки казны. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы кочевники издавна были пріучены къ личнымъ мелкимъ подрядамъ по перевозкамъ и даже снабженію войскъ (наприм. сѣномъ,

мясомъ и проч.), то они составили бы теперь полезнѣйшихъ конкурентовъ для тѣхъ немногихъ купцовъ, русскихъ или татаръ, которые обыкновенно эксплуатируютъ казну на подрядахъ по перевозкѣ. Выборъ мѣста для торговъ также много значитъ въ дѣлѣ удешевленія цѣнъ, и наприм. производство торговъ въ Оренбургѣ вмѣсто Самары, Казани или Саратова, въ Омскѣ вмѣсто Тюмени или даже Семипалатинска, несомнѣнно оказываетъ вредное вліяніе на возвышеніе цѣнъ.

4) Впрочемъ, самая могущественная конкуренція не поведетъ за собою облегченія для казны, если не будетъ хорошихъ *путей сообщенія* и вообще перевозочныхъ средствъ. Въ этомъ случаѣ округи Туркестанскій, Западно и Восточно-Сибирскій имѣютъ важныя выгоды отъ пароходства по Сыръ-Дарьѣ, Иртышу и Амуру; но нельзя не пожалѣть, что на первой рѣкѣ пароходство доселѣ казенное, а не частное. Амуръ въ этомъ случаѣ счастливѣе, ибо наконецъ владѣетъ достаточною флотиліею пароходовъ частныхъ, обязанныхъ однакоже являться на службу казны по первому ея требованію. Иртышъ же вовсе не зналъ казеннаго судоходства, и на немъ единственные пароходы суть частные, которые, по закону свободной конкуренціи, уже оказываютъ не малыя услуги казнѣ, сбавляя цѣны по перевозкѣ. Къ сожалѣнію, рѣка Иртышъ не имѣетъ еще ни карты съ промѣрами, ни лоцмановъ.

О сухопутныхъ дорогахъ можно сказать, что онѣ во всей Азіатской Россіи грунтовыя и потому подвергаются порчѣ не только во время распутицы весною и осенью, но и при каждомъ большемъ дождѣ. Особенно это можно сказать про черноземныя дороги въ Тобольской и Томской губерніи. Въ Восточной Сибири и въ степяхъ состояніе дорогъ менѣе зависитъ отъ случайныхъ дождей, но и тамъ онѣ бываютъ трудно проѣздны въ распутицу.

5) Вредное вліяніе всѣхъ исчисленныхъ здѣсь случайностей во многомъ могло бы быть облегчено устройствомъ хорошихъ *запасовъ* разнаго рода интендантскихъ вещей, откуда эти вещи могли бы поступать въ войска всякій разъ, когда пріобрѣтеніе имъ подобныхъ съ торговъ потребовало бы несоразмѣрныхъ жертвъ отъ казны, или было бы невозможно по недостатку времени, отсутствію конкурентовъ и проч. Но во-1-хъ, при огромности разстояній въ Азіатской Россіи и отсутствію желѣзныхъ дорогъ, такіе запасные пункты тогда только приносили бы пользу, когда были бы многочисленны, а это повело бы къ огромнымъ издержкамъ на администрацію и на самое пріобрѣтеніе запасовъ. Во-2-хъ, запасы при храненіи могли бы портиться отъ долговременнаго лежанія, особенно запасы тяжелые и громоздкіе, которые неудобно перевозить на значительныя разстоянія для немедленнаго израсходованія. Поэтому

запасные склады имѣются только въ небольшихъ размѣрахъ и находятся: для провіанта при каждомъ магазинѣ, въ размѣрахъ, опредѣляемыхъ ежегодно военно-окружными совѣтами, по мѣрѣ надобности, а для коммиссаріатскихъ вещей въ центральныхъ складахъ округовъ. Такъ въ Туркестанскомъ округѣ, гдѣ система запасовъ особенно полезна, обыкновенно имѣется въ хлѣбныхъ магазинахъ отъ 7 до 10,000 четвертей муки и крупъ, а въ интендантскомъ складѣ годовыхъ и срочныхъ вещей на 250 или 300,000 рублей, такъ что войска обезпечены при движеніяхъ по всѣмъ направленіямъ и при всякихъ политическихъ случайностяхъ въ краѣ, хотя, разумѣется, казна за это теряетъ проценты съ капитала около полумилліона рублей. Въ Оренбургскомъ округѣ эта цифра значительно менѣе, именно около 60,000 р. въ Западной Сибири обыкновенно почти не держутъ запасовъ, кромѣ провіантскаго на Зайсанскомъ посту, а въ Восточной стоимость казенныхъ запасовъ опять простирается на нѣсколько сотъ тысячъ рублей.

XI. Краткія свѣдѣнія по медицинской статистикѣ.

Данныя за четыре года, 1868—71, показываютъ, что числительность больныхъ въ войскахъ Азіатской Россіи выражалась слѣдующими цифрами:

На 1,000 человѣкъ списочнаго состоянія, въ округахъ:	Заболѣвало.				Умирало.			
	1868.	1869.	1870.	1871.	1868.	1869.	1870.	1871.
Оренбургскомъ. . .	905	752	741	921	12,6	12,4	18,1	18,7
Западо-Сибирскомъ .	965	845	834	1,208	22	15	10,8	15,1
Восточно-Сибирскомъ	1,605	512	615	747	18,6	14,1	13,8	12,5
Туркестанскомъ . . .	1,181	814	1,387	1,589	48	12,2	20,8	24,2

Отсюда видно, что самою неблагопріятною окраиною, въ санитарномъ отношеніи, представляется Туркестанская, съ ея жаркимъ лѣтомъ, крайне сухимъ воздухомъ, рѣзкими переходами отъ дневнаго зноя къ ночному холоду, съ неудобными помѣщеніями для войскъ, частыми ихъ

походами и сосѣдствомъ неопрятныхъ среднеазіатцевъ, между которыми нѣкоторыя болѣзни существуютъ постоянно. Взявъ цифры, выражающія заболѣваемость, мы видимъ, что совершенно здоровый человѣкъ, ѣдущій въ Туркестанъ, имѣетъ вѣроятность болѣе единицы (1,3) заболѣть тамъ въ теченіи года, тогда какъ для ѣдущаго въ Восточную Сибирь эта вѣроятность есть 0,6 и въ Оренбургскій край 0,8. — Смертность на Туркестанской окраинѣ также очень велика (0,021) и превосходитъ на 40% смертность въ Оренбургскомъ краѣ и на 38% въ Западной Сибири. Другими словами: если батальонъ изъ 1.000 человѣкъ одинаково здоровыхъ молодыхъ солдатъ поступаетъ въ составъ туркестанскихъ войскъ, то изъ него къ концу перваго года непремѣнно умретъ 21 человѣкъ, тогда какъ въ оренбургскихъ небольше 15. Относительно заболѣваемости только Кавказскій округъ съ его періодическими лѣтними лихорадками превосходитъ Туркестанъ; смертностью же послѣдній уступаетъ только Казанскому военному округу.

Господствующими болѣзнями на различныхъ азіатскихъ окраинахъ были:

На 1,000 человѣкъ списочнаго состоянія.	Въ 1869 году.				Въ 1870 году.				Въ 1871 году.			
	о.	т.	з. с.	в. с.	о.	т.	з. с.	в. с.	о.	т.	з. с.	в. с.
Перемежающіяся лихорадки . .	159	203	134	47	131	144	30	230	108	225	144	60
Сифилисъ.	34	26	76	36	28	52	32	21	35	26	68	74
Горячки послабляющія	17	66	92	44	11	67	40	74	18	51	65	51
Горячки тифозныя.	28	15	30	21	38	24	27	49	28	25	25	27
Катарръ пищеварительныхъ органовъ	35	53	15	10	26	17	12	72	36	87	21	16
Катарръ дыхательныхъ органовъ	35	22	30	12	40	27	8	23	38	26	41	7
Ревматизмъ и ломота.	27	26	39	24	16	34	14	28	34	29	35	38
Воспаленіе груди	17	14	21	25	16	19	18	12	15	21	21	38
Воспаленіе зѣва и горла. . . .	12	13	10	18	12	12	14	12	15	17	17	12
Воспаленіе глазъ	15	16	17	9	15	15	8	16	22	16	22	11
Легочная чахотка	7	14	11	5	3	5	3	3	6	3	6	3

Послѣдняя, т. е. легочная чахотка, незначительная по числу заболѣвающихъ, однакоже представляетъ печальные результаты въ смыслѣ смертности, потому что отъ нея умираетъ половина всего числа заболѣвшихъ. Также и тифозныя горячки въ значительномъ числѣ случаевъ

(16%) оказывались смертоносными, и врачи единогласно приписывают это тѣснотѣ и неудобствамъ размѣщенія войскъ, которыя напр. въ Туркестанскомъ округѣ нерѣдко размѣщены въ землянкахъ и плохихъ мазанкахъ. Мѣстными болѣзнями въ различныхъ округахъ можно считать: кровавый понось и катарръ пищеварительныхъ органовъ въ Туркестанскомъ и пораженіе дыхательныхъ органовъ простудою въ трехъ прочихъ округахъ, отличающихся суровой зимой. Отъ времени до времени появлялась въ войскахъ холера, которой дѣйствіе сильно, но спорадично, какъ напр. было замѣчено въ 1871 г., когда въ Оренбургскомъ округѣ было ею 15 больныхъ на 1,000, между тѣмъ какъ въ сосѣднемъ Туркестанскомъ не заболѣлъ ни одинъ человѣкъ.

Врачебныя средства противъ болѣзней въ войскахъ Азіатской Россіи вообще менѣе развиты, чѣмъ по сю сторону Урала, и этотъ фактъ обнаруживается какъ въ пропорціонально меньшемъ числѣ медицинскихъ чиновъ, особенно въ Туркестанѣ, такъ и въ несоотвѣтственно маломъ числѣ больницъ, отъ которыхъ многія команды удалены на десятки и сотни верстъ. Отчеты по военно-медицинскому вѣдомству изъ года въ годъ повторяютъ, что врачей въ Туркестанѣ и обѣихъ частяхъ Сибири недостаточно, и именно въ Туркестанѣ ихъ менѣе половины штатнаго числа, хотя именно тамъ нѣтъ и вольнопрактикующихъ медиковъ. Это показываетъ, что условія привлеченія этихъ спеціалистовъ въ отдаленныя окраины недостаточно выгодны. Что касается до больницъ, то есть цѣлыя области, напр. Забайкальская, Амурская и Приморская, гдѣ ихъ почти нѣтъ, и даже тамъ, гдѣ, какъ въ Туркестанѣ, онѣ устроены, число ихъ, соотвѣтственно числу войскъ и мѣстъ квартирнаго ихъ расположенія, очень незначительно, какъ видно изъ слѣдующей таблички за 1871 года:

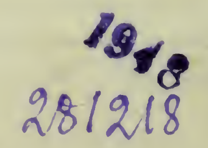
	Воен. больницъ.	Въ нихъ кров.	1 кров. на
Въ Оренбургскомъ окр. было . . .	13	839	11 чел.
„ Туркестанскомъ „ . . .	15	1.597	18 „
„ Западо-Сибирскомъ „ . . .	15	698	20 „
„ Восточно-Сибирской „ . . .	2	298	74 „

Отсюда видно, что въ трехъ послѣднихъ округахъ, которые въ совокупности содержутъ $^6/_7$ всѣхъ русско-азіатскихъ войскъ, число больничныхъ кроватей меньше, чѣмъ вообще по войскамъ цѣлой имперіи, *) а въ Восточной Сибири достигаетъ даже невѣроятно

*) Вообще въ русскихъ войскахъ приходится 1 больничная кровать на 15 человѣкъ списочнаго состоянія частей.

низкой цифры: 1 кровать на 70 чел., какъ будто есть возможность достигнуть того, чтобы въ войскахъ на 70 здоровыхъ приходился только одинъ больной. И нужно притомъ замѣтить, что именно въ Восточной Сибири, а въ частности на Амурѣ и въ Приморской области, люди наиболѣе подвержены вѣроятности заболѣванія отъ множества тяжелыхъ работъ. Больницъ же гражданскаго вѣдомства тамъ вовсе нѣтъ, и если взять собственно приложенную область, то въ ней на помощь больнымъ военнаго вѣдомства является лишь морской госпиталь.

Весьма важную, если не въ медицинскомъ, то въ гигіеническомъ отношеніи мѣру составляетъ введеніе въ табели натуральнаго довольствія русско-азіатскихъ войскъ чая, котораго употребленіе, конечно, много уменьшитъ число заболѣвающихъ; но пока численныхъ данныхъ для выраженія этого вліянія нѣтъ.



АНЪ
Анадырская.
Ос. Св. Матвѣя
(Iессо)
М. Іримо
М. Сергія
Матсмай
(Хакодади)
Кр. Матсмайскій
ОС. НИПОНЪ
СѢВ.
АМЕРИКА
М. Принц. Валлійскаго
Прол. Берингово
М. Чукотской Носъ
Ос. Св. Лаврентія
183 Отъ Парижа
130 Отъ Пулкова
Кукинское
Николаевское
Ононъ
Сумеинъ-об
Фуоринъ
Чаганъ булакъ
Удбръ-Удэ
Иренъ
Шара мурень
Куку-хото
160
165
110
115
155
205
40
193
188
135
108
110
Картографическое Заведеніе А. Ильина, по Екатерин. просп. д. №

КАРТА ГОСУДАРСТВЕННО

РОССІИ СЪ КИТ

И

ПУТЕЙ ОТЪ НЕЯ ВНУ

КИТАЙСКОЙ ИМ

Пояснительный чертежъ къ обзору этой границы,

КАРА КИРГИ

Иссык

Сонъ куль

Нарынское

Нарынъ

Султашъ-сары

Кара-кашъ

Арпа

Ташъ-рабатъ

Боуунты

Чатыръ-куль

Теректъ-дабанъ

Аксай

Тургартъ

Перскты

Кокъ-кія

Алай

Казылъ-су

Учъ-Турпа

Чокмакъ

Кара-куль

Кызылъ-су

Яманъ-ярь

Кашгаръ

Дзарикъ-куль

Кашгаръ-дарья

ВОС

38

Яркендъ

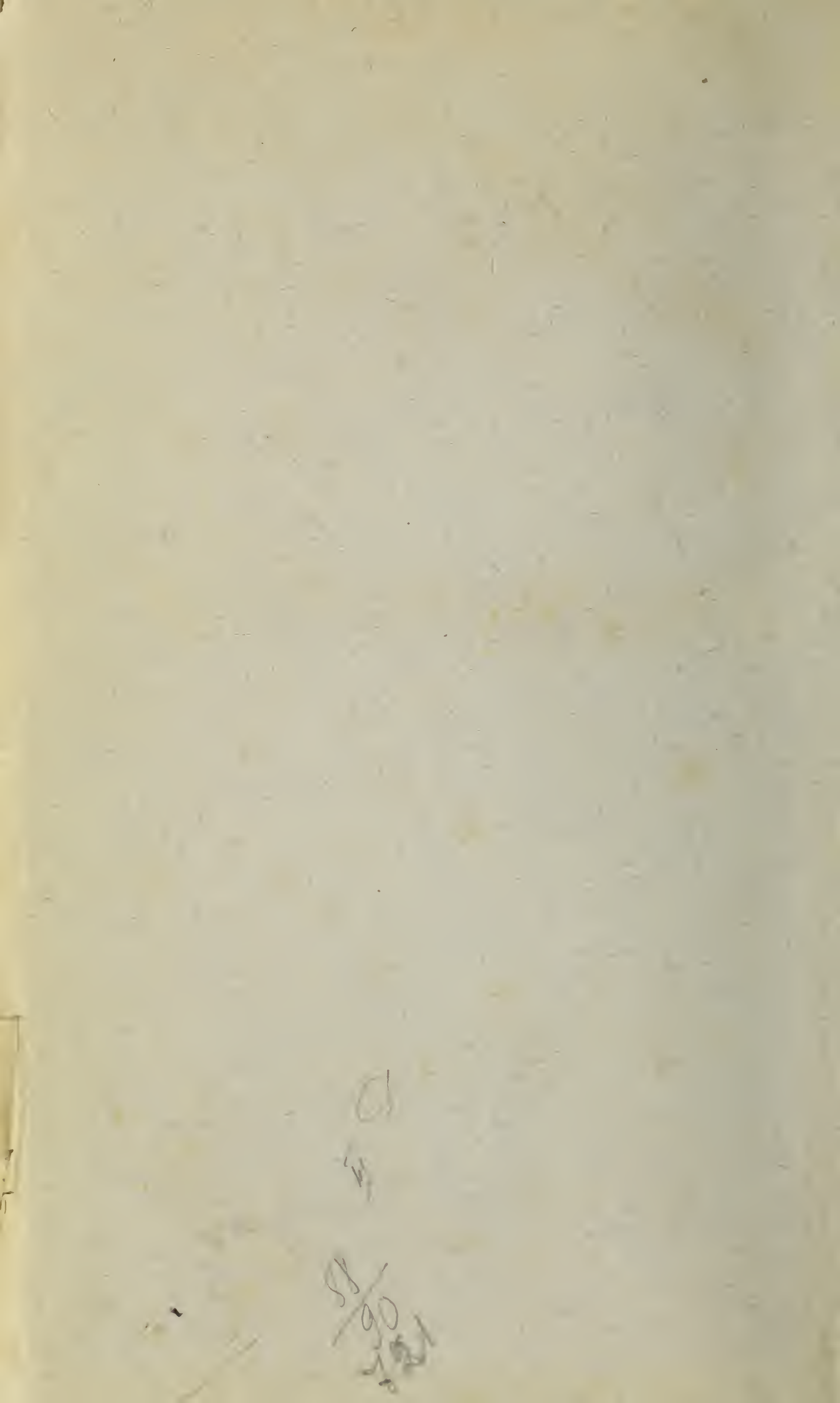
36

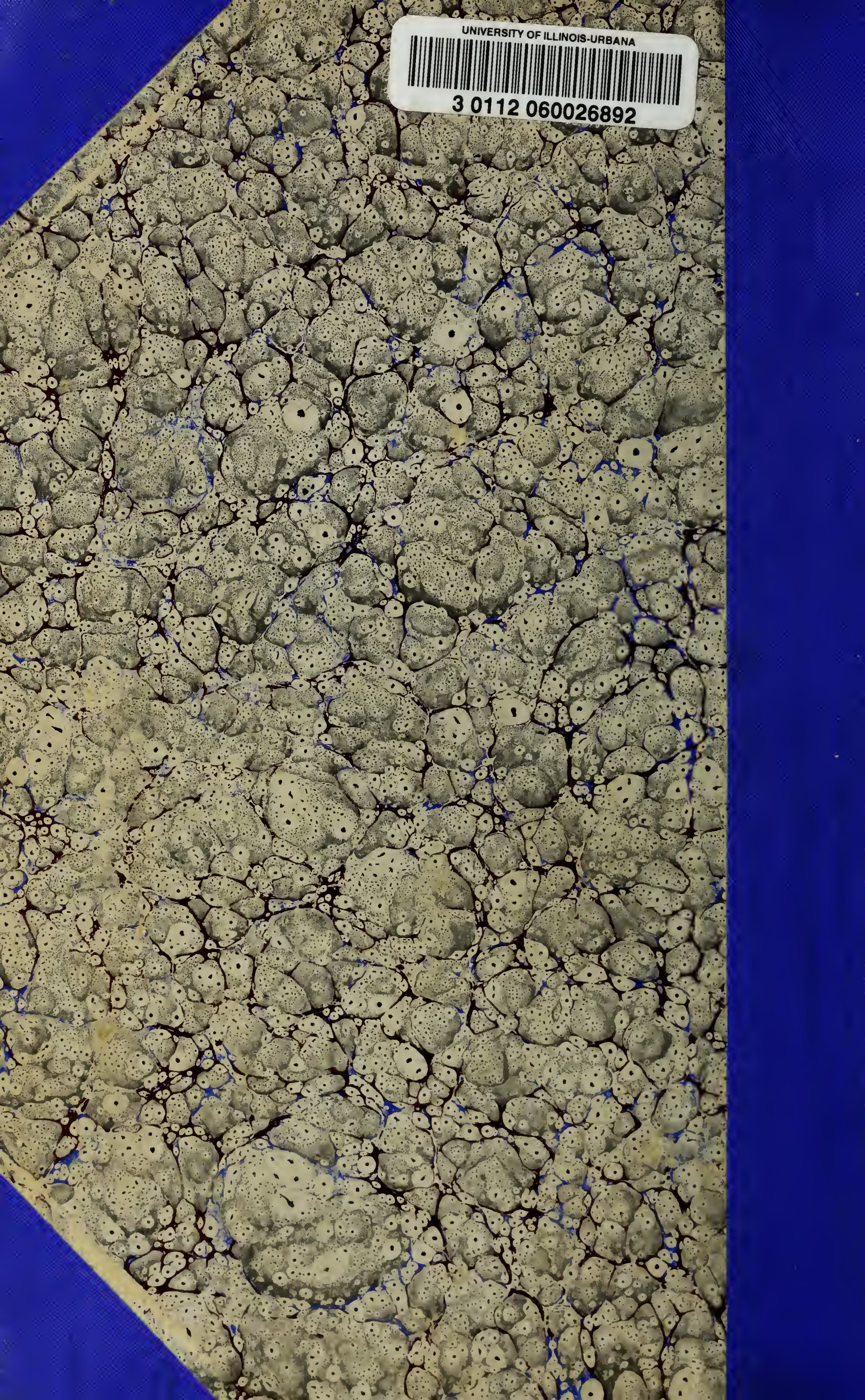
Хот

94

96

Лит. Пахонской Вознесен. пр. д. № 12.




UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 060026892